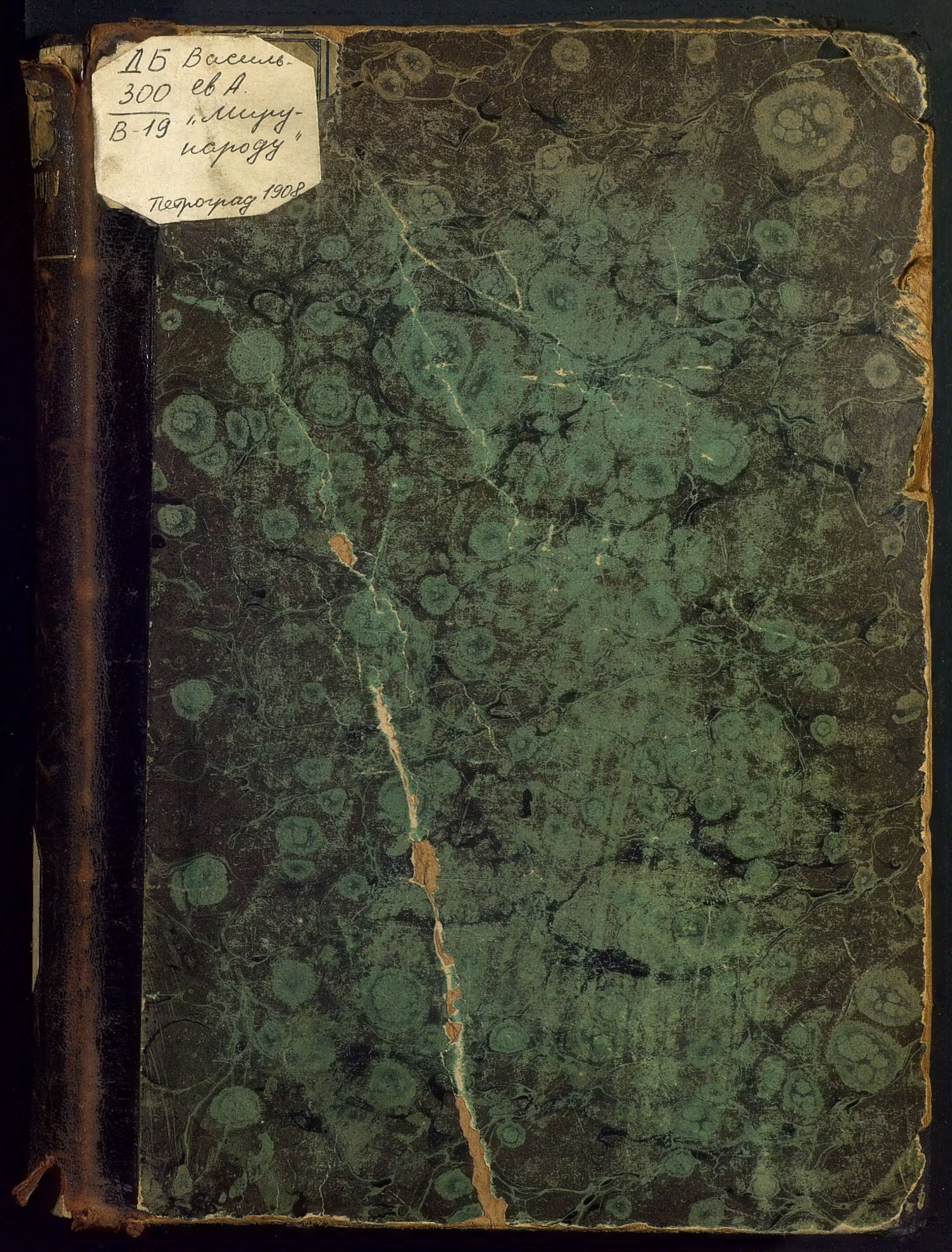
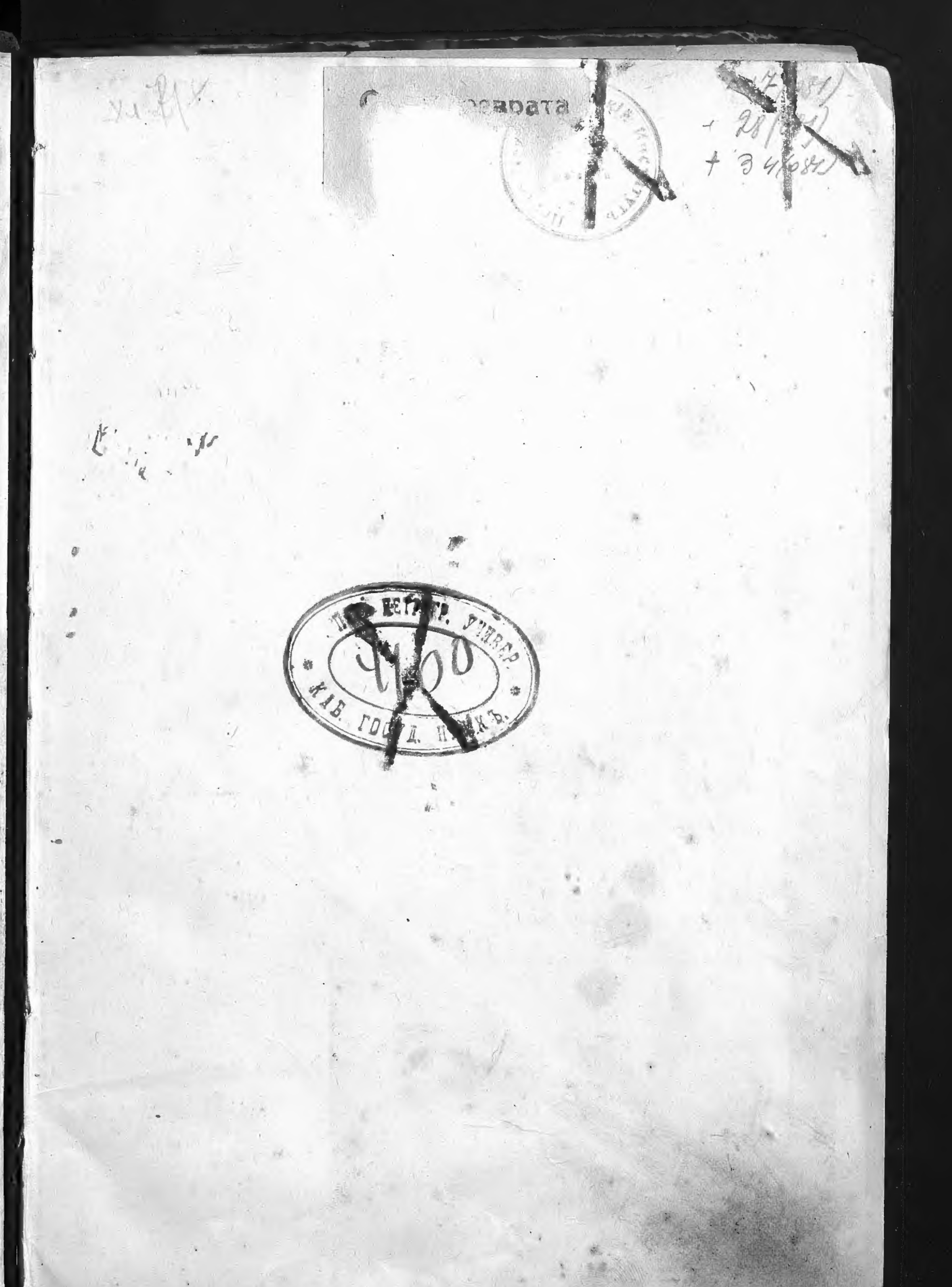


ДБ
300
В-19
Васильев А.
„Миру-народу"
Петроград 1908



Аѳ. Васильевъ.

МІРУ-НАРОДУ

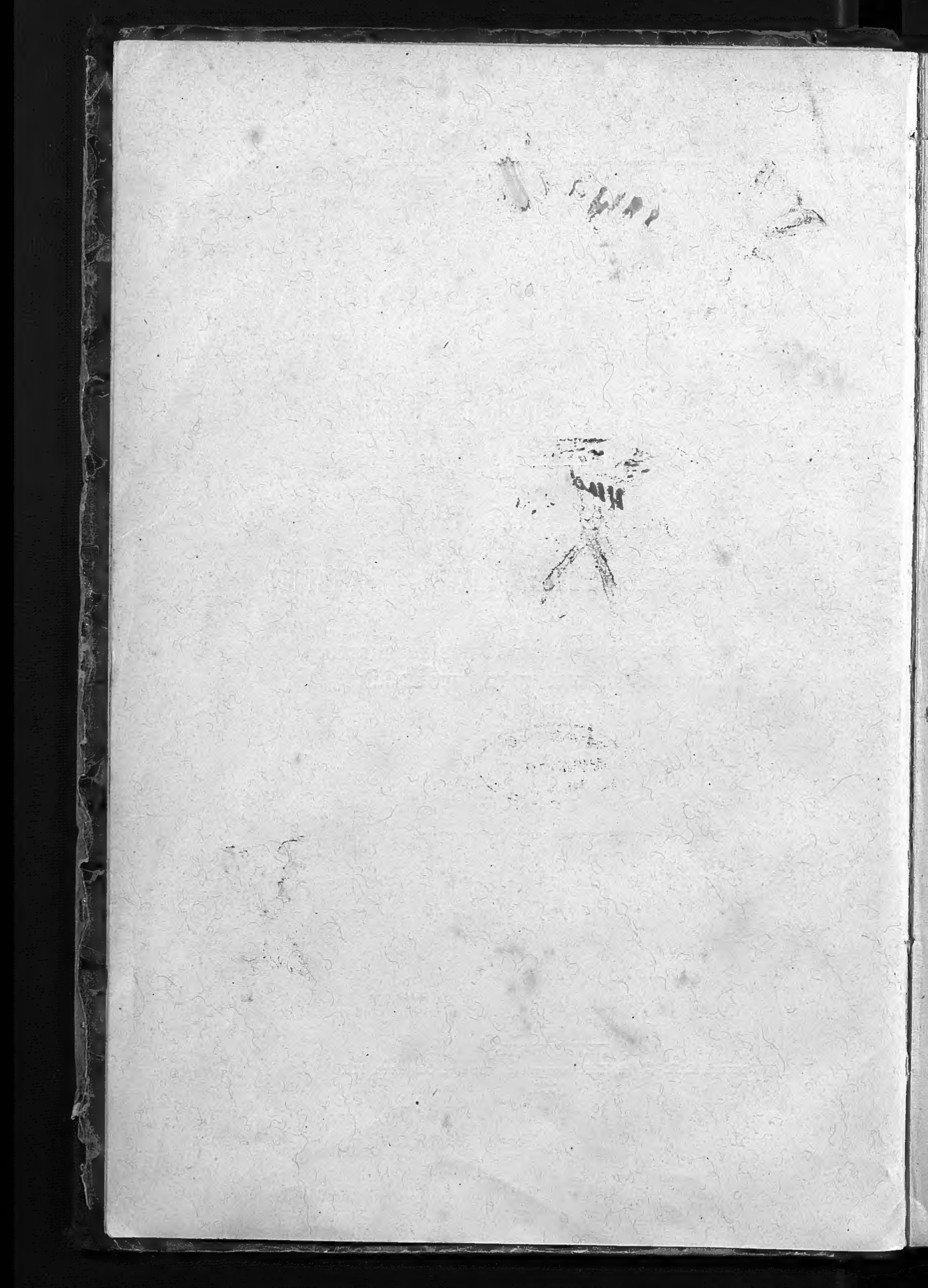
МОЙ ОТЧЕТЪ ЗА ПРОЖИТОЕ ВРЕМЯ.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВЪ, РѢЧЕЙ, СТИХОВЪ И ЗАМѢТОКЪ

по вопросамъ христіанской нравственности, права, государственнаго управленія и хозяйства.

ПЕТРОГРАДЪ.
Печатня М. П. С. (И. Н. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117.
1908.



Ао. Васильевъ.

МІРУ-НАРОДУ

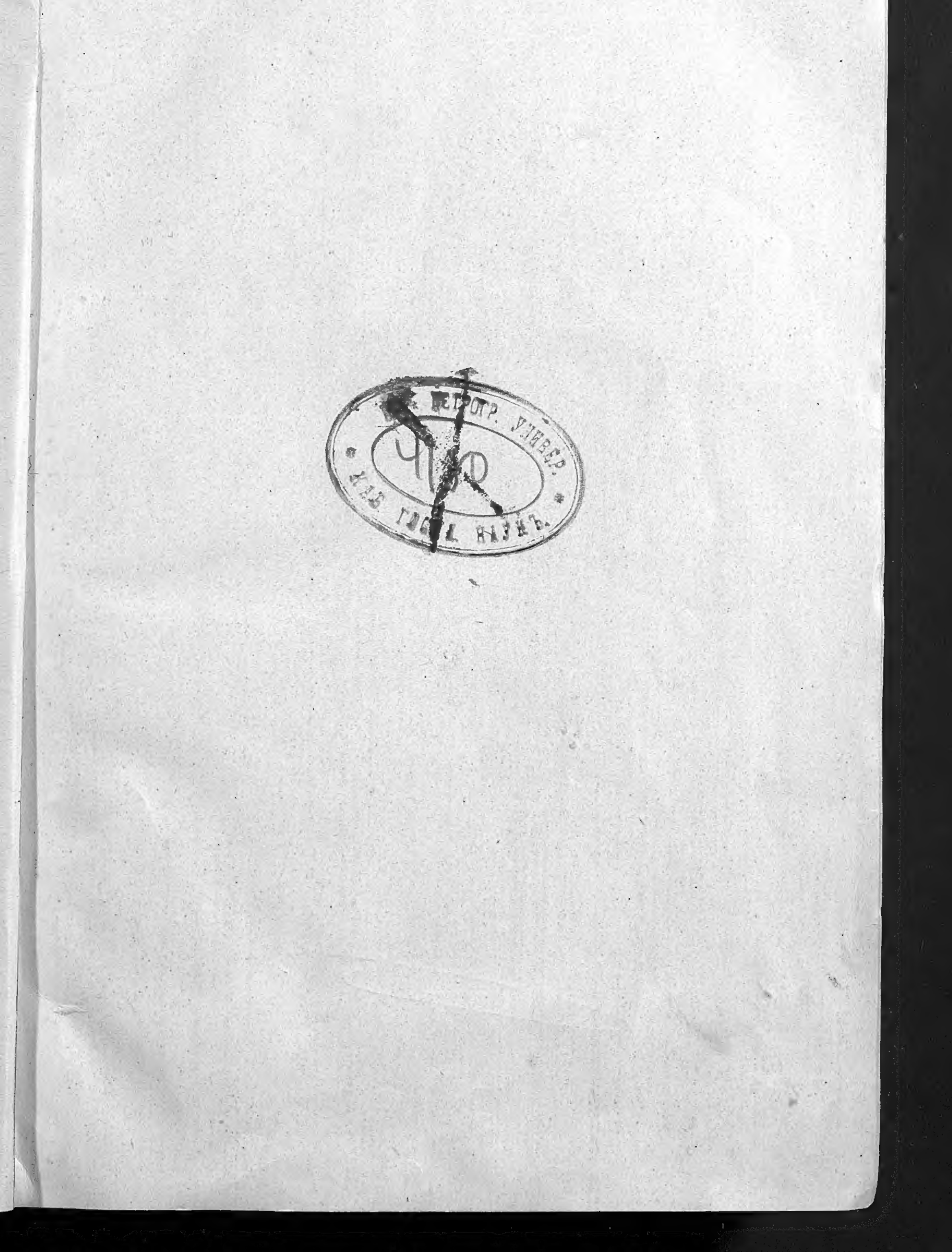
МОЙ ОТЧЕТЪ ЗА ПРОЖИТОЕ ВРЕМЯ.

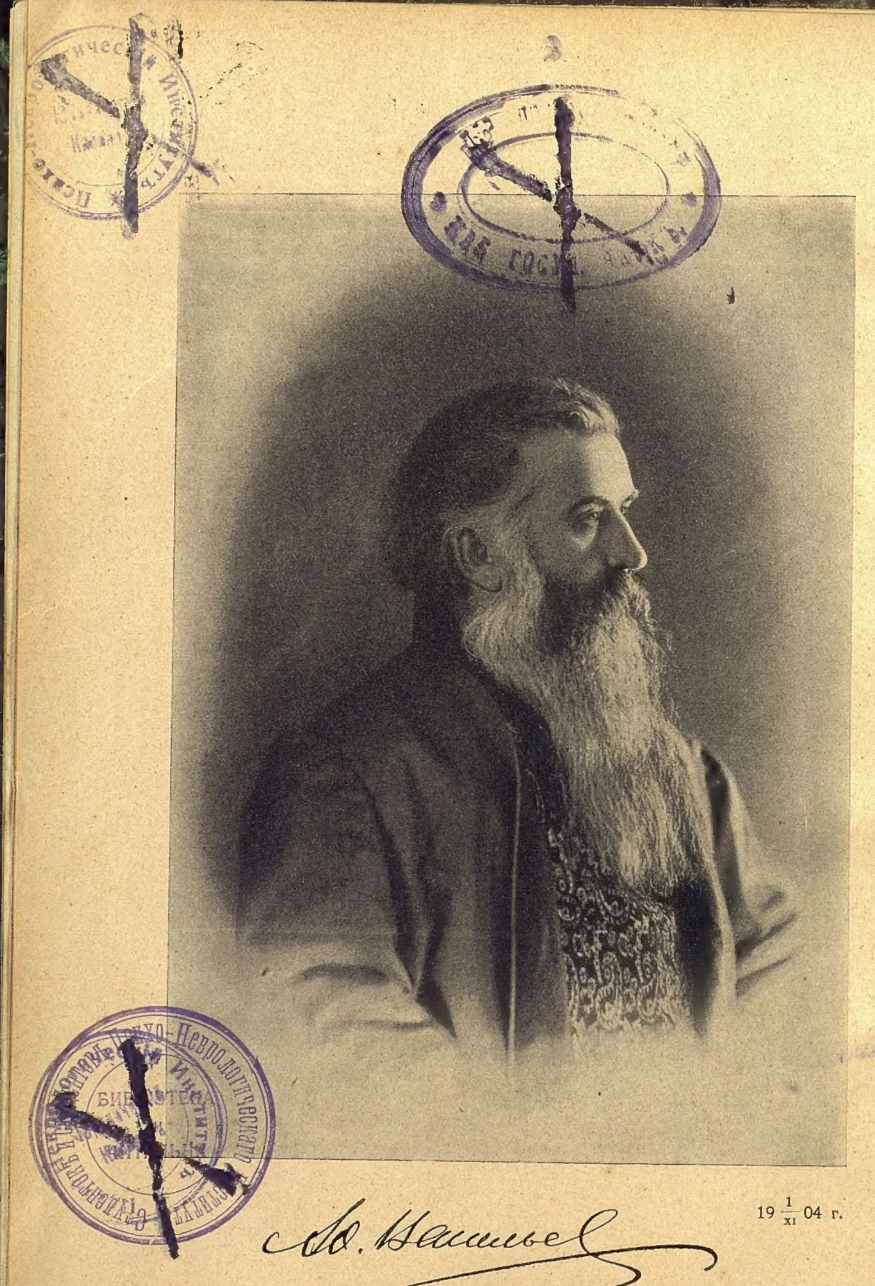
СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВЪ, РѢЧЕЙ, СТИХОВЪ И ЗАМѢТОКЪ

по вопросамъ христіанской нравственности, права, государственнаго управленія и хозяйства.

ПЕТРОГРАДЪ.
Печатня М. П. С. (И. Н. Кушнерева съ тов щи), Фонтанка, 117.
1908.


ПЕТРОГР. УНИВЕР.



19 $\frac{1}{XI}$ 04 г.

Издавая сборникъ въ разное время написаннаго и сказаннаго мной, я смотрю на эту книгу, какъ на отчетъ въ своей еще не завершившейся, но уже склоняющейся къ закату жизни. Даю этотъ отчетъ своему потомству, котораго у меня уже двадцать пять человѣкъ, и всему МІРУ-НАРОДУ, — въ силу того, что Богъ судилъ мнѣ нести правительственныя и общественныя должности, пользоваться довѣріемъ и властью, а это обязываетъ къ отчету.

Отчетъ не полонъ, въ подборѣ и размѣщеніи статей нѣтъ строгой послѣдовательности и порядка; но въ немъ съ достаточною полнотой отразился мой внутренній міръ и даны отвѣты на вопросы, какіе ставила мнѣ жизнь.

Не мнѣ судить о достоинствѣ и пользѣ своихъ работъ. Но въ служебной, общественной и писательской своей дѣятельности я всегда руководился однимъ стремленіемъ—къ истинѣ, однимъ чувствомъ—любви къ своему Отечеству и доброжелательства ко всѣмъ людямъ, и однимъ желаніемъ—послужить имъ.

Да будетъ эта книга также данью моей благодарной хвалы—моей несравненной и незабвенной МАТЕРИ; женѣ-другу, которая съ раннихъ лѣтъ дѣлитъ мою трудовую жизнь, и всѣмъ, отъ кого я и присные мои встрѣчали помощь и привѣтъ или поучились свѣтлою мыслью, благимъ указаніемъ, добрымъ примѣромъ!

БОГУ—хвала за всѣхъ и за все!

26 Сент. 1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Изъ опечатокъ необходимо исправить:

На стран. 597 въ заголовкѣ вмѣсто 1896 слѣдуетъ читать 1899 г.; и на стран. 598 въ 6-й строкѣ снизу вмѣсто напечатанныхъ 1874, 1875 и 1876 года надо читать: 1894, 1895 и 1896.

«БОГЪ есть ЛЮБОВЬ».

«Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы *Отца* и *Сына* и *Святаго Духа, Троицу единосущную* и нераздѣльную!»

Данная намъ Откровенiемъ и постигаемая любовнымъ единомыслiемъ вѣрующихъ основная истина нашей вѣры—та, что *Богъ есть Любовь,* и этимъ съ необходимостью опредѣляется жизнь и, такъ сказать, внутреннее строенiе Самого Божества; ибо Любовь—начало живое, дѣятельное и личное, требующее для своего удовлетворенiя взаимности и отвѣта. Неслiянно и нераздѣльно объединяются въ *Любви Любящiй и Любимый.* Отсюда Личность и Трiединство Божества.

Исполненный дѣятельнаго, творческаго *духа Любви,* Божественный Волящiй Разумъ и Сила—*Отецъ* рождаетъ изъ Себя Божественную Премудрость или *Творящее Слово—Сына,* изливая на Него изъ Божественнаго Своего Существа премудрую творческую и промыслительную Силу-*Любовь*—Божественнаго *Своего Духа.*

Итакъ, три суть Божественныя Лица или Vпостаси:

Божественный *Разумъ,* Божественная *Воля* и Божественная *Сила-Любовь;* но Сiи Три тожественны и суть Едино-Божество: всесильный, любовно волящiй Разумъ—Отецъ, всесильная разумно-любящая творческая Воля—Сынъ и всесильная, разумно-волящая Сила-Любовь—Духъ Святый. Каждая изъ этихъ трехъ Божественныхъ Vпостасей, или Лицъ, сохраняя Свою самостоятельность, едина по существу и тожественна по Своему дѣйствiю на сотворенный и промышляемый Богомъ мiръ съ остальными Двумя.

Такое соотношенiе Лицъ въ Божествѣ, неслитное и нераздѣльное, внутренняя ихъ *самостоятельность* и вмѣстѣ полное ихъ *согласiе,* или единство, можетъ быть названо *Соборностью Божества.*

Трiедино и созданное Богомъ, по образу и подобiю Своему, существо человѣка: въ немъ тѣ же три отраженныя Божествомъ Vпостаси: *разумъ, воля* и *чувство.* Но для того, чтобы эти три душевныя силы въ человѣкѣ не разобщились и

тѣмъ не нарушилась его цѣлость, — необходимо, чтобы онѣ направлялись къ единству, связывались *Божественнымъ Духомъ Любви, Который приводитъ ихъ въ состояніе соборности.*

Этотъ духъ Любви и есть обѣщанный Сыномъ Божіимъ *Утѣшитель,* Котораго Онъ посылаетъ намъ отъ Отца и Который даетъ согласованность и миръ внутреннему міру человѣка.

Тотъ же Духъ Любви, принятый людьми за руководящее начало въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, приводитъ ихъ къ признанію въ каждомъ другомъ человѣкѣ его Богоподобной личности, т. е. его ничѣмъ извнѣ не ограниченной самостоятельности и свободы, и вмѣстѣ приводитъ ихъ всѣхъ къ *согласію,* устанавливая между всѣми ими *единомысліе* и *единодушіе.*

Такой общественный строй, въ которомъ сохраняется неприкосновенной *свобода человѣческой личности,* добровольно склоняющейся подъ одно только иго, *иго любви,* есть отображеніе Божества, и этотъ строй можетъ быть названъ строемъ *соборнымъ.*

Итакъ: соборенъ въ существѣ Своемъ Тріединый Богъ, соборенъ былъ въ существѣ своемъ, до поврежденія грѣхомъ своей природы, созданный по образу и подобію Божію человѣкъ; и возстановленіе въ душѣ его, нарушенной грѣхомъ соборности и мира было цѣлью сошествія на землю во плоти Сына Божія и ниспосланія Имъ Своимъ послѣдователямъ Отчаго Духа—Утѣшителя.

И вражда противъ Христіанства сказывается именно въ усиліяхъ подмѣнить въ жизни человѣческой,—отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ,—эти единственно спасительныя исконныя начала,—христіанской свободы и братскаго единомыслія и единодушія, обнимаемыхъ понятіемъ соборности,—подмѣнить ихъ началомъ произвола,—личнаго или коллективнаго, но одинаково попирающаго и насилующаго человѣческую совѣсть, человѣческую душу, драгоцѣннѣе которой ничего нѣтъ въ мірѣ.

Начало христіанской свободы и единомыслія, по закону любви, т. е. начало соборности, положено апостолами и святоотеческими опредѣленіями закономъ устройства и дѣятельности высшаго изъ человѣческихъ союзовъ—Христіанской Церкви.

По тому же, единственно живому и благотворному, началу соборности строилась въ до-Петровскія времена и Русская Земля: вся ея народная, общественная и государственная жизнь.

Объ исконныхъ творческихъ началахъ и о бытовыхъ особенностяхъ Русскаго народа.

Рѣчь при открытіи Русскаго Собранія 22 апрѣля 1901 года.

Однимъ изъ учредителей Русскаго Собранія, не участвовавшимъ въ выработкѣ для него устава, былъ заданъ мнѣ вопросъ: «Что такое *исконныя творческія начала*, о которыхъ говорится въ первой статьѣ устава?»

Если у учредителя Собранія возникъ такой вопросъ, то позволительно думать, что тѣмъ болѣе для многихъ членовъ Собранія и ужъ, конечно, для многаго множества русскихъ людей, стоящихъ пока внѣ его и только присматривающихся къ нему со стороны, далеко не ясна основная цѣль нашего содружества и частныя его задачи.

Поэтому попытка моя разъяснить недоумѣніе и дать посильный отвѣтъ на предложенный вопросъ, думаю, будетъ не лишней.

Остановлюсь прежде всего на тѣхъ, входящихъ въ опредѣленіе основной цѣли Русскаго Собранія, словахъ первой статьи устава: «исконныя творческія начала», къ которымъ собственно и относится упомянутый недоумѣнный вопросъ.

«*Искони* было Слово и Слово было отъ Бога и Слово было Богъ. Оно было искони у Бога. Все Имъ произошло... въ Немъ была жизнь и жизнь была свѣтъ людямъ».

Таково начало Новаго Завѣта по благовѣствованію Іоаннову.

«*Искони* сотворилъ Богъ небо и землю... И *сказалъ* Богъ: да будетъ свѣтъ и былъ свѣтъ...

«И *сказалъ* Богъ: *сотворимъ* человѣка по образу *Нашему* и по подобію... И создалъ Богъ человѣка, взявъ персть земную, и вдунулъ въ *лице* его дыханіе жизни».

Таково начало Ветхаго Завѣта, начало всяческаго бытія, всего сотвореннаго, по благовѣствованію Моѵсееву.

И такъ: בְּרֵאשִׁית, ἐν ἀρχῇ, *искони* — это первое слово у Моѵсея и Іоанна; у того и другаго оно одинаково гласитъ

объ исконномъ, или объ изначальномъ, или, что—то-же, о безначальномъ Началѣ всѣхъ началъ,—о божественномъ Словѣ, Которымъ Богъ проглаголалъ міръ, Которое искони было у Бога, или содержалось въ Богѣ, и было Богъ, и Которое одно искони содержитъ въ себѣ и источаетъ жизнь и свѣтъ людямъ и всѣ другія творческія начала.

Таково единое исконное все Собою животворящее и освѣщающее Начало.

И если мы, по безотчетному влеченію нашихъ сердецъ, освятили этими благодатными словами нашъ уставъ, породнивъ его тѣмъ самымъ съ благовѣствованіемъ Ветхаго и Новаго Завѣта, если мы этими священными прилагательными: «исконный» и «творческій», опредѣлили тѣ начала, которыя мы поставили себѣ цѣлью выяснять и проводить въ жизнь,—то тѣмъ самымъ мы наложили на себя и дали міру великій обѣтъ: быть служителями и вѣстниками *СЛОВА*.

Да исполнитъ же Оно наше Русское Собраніе жизнью и свѣтомъ и да ведетъ насъ неуклонно къ осуществленію завѣтной нашей цѣли!

На этомъ единомъ исконномъ основаніи только и можемъ мы утверждаться и прочно строить. Оно должно быть альфою и омегою, основаніемъ и вѣнцомъ, исходнымъ началомъ и и конечною цѣлью всего нашего домостроительства, всей нашей работы во славу Ему и во благо родному народу!

Но уставъ нашъ говоритъ во *множественномъ* числѣ объ «исконныхъ творческихъ началахъ Русскаго народа». Что же это за начала, принадлежащія нашему Русскому народу?

Это—то дыханіе Божества, тѣ благодатные дары Духа, которые заложены Творцомъ въ природу нашего племени и нашего народа, и которые потомъ укрѣплены въ немъ Крещеніемъ и взращены благодатнымъ воспитаніемъ въ оградѣ и подъ сѣнію Церкви, подъ руководствомъ Священнаго Писанія и святоотеческихъ преданій, полученныхъ нами отъ первыхъ просвѣтителей нашихъ эллиновъ при посредствѣ ранѣе насъ озаренныхъ свѣтомъ вѣры Христовой сородичей нашихъ, македонскихъ славянъ, болгаръ и сербовъ.

Что народъ нашъ глубоко воспринялъ въ свою душу эти исконныя Божественныя творческія начала и настолько сроднился съ ними, что они стали какъ бы его отличительными началами, опредѣляющими его народную сущность,—объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ онъ самъ тѣми святыми именами, которыя онъ усвоилъ своей родной землѣ и самому

себѣ въ цѣломъ и каждому русскому человѣку въ отдѣльности: «Святая православная Русь», «православный міръ», «православный народъ», «православные», «христіане», или, что—то-же,—«крестьяне».

Но если эти имена дороги нашему Русскому народу, то онъ долженъ ихъ и оправдать своею жизнью, и таково было изстари и есть теперь задушевнѣйшее желаніе и завѣтная цѣль всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые разумно и достойно носятъ и цѣнятъ свои христіанскія личныя имена и общенародное имя: православныхъ и русскихъ.

Но какія именно исконныя творческія начала были въ теченіи вѣковъ и должны быть и впредь опредѣляющими въ частной, общественной и государственной жизни Русскаго народа?

Первый человѣкъ, а въ немъ и нашъ народъ былъ сотворенъ по образу и по подобію Божію. Образъ же Божій, учили мы когда-то по Филаретовскимъ «Начаткамъ», «не въ тѣлѣ, а въ душѣ, чистомъ сердцѣ и святой волѣ», т. е. въ тѣхъ Божественныхъ началахъ, тѣхъ свойствахъ Самого-же Божества, которыя вдунуты Имъ въ сотворенное Имъ изъ персти земной *лицо* человѣка. Но какой же именно образъ Божества, какія именно Божественныя начала преданы намъ бытописателемъ Моѵсеемъ въ боговдохновенномъ повѣствованіи его о твореніи человѣка?

Моѵсей прежде всего говоритъ намъ о Словѣ Божіемъ. «И *сказалъ* Богъ»... Но слово—выраженіе премудрости, разума, мысли,—не произносится въ пустомъ пространствѣ: если есть Говорящій, то есть и Внимающій: и Слово можетъ быть только отъ Разума къ Разуму, отъ Лица къ Лицу.

Итакъ: первое открытое намъ чрезъ Моѵсея свойство или начало Божества, это—Его ѵпостасность, или *личность*...

Далѣе: «И сказалъ Богъ: *Сотворимъ* человѣка, по образу *Нашему* и по подобію». Въ этихъ словахъ раскрыто намъ другое свойство Божества—Его *соборность*. Тріѵпостасный Богъ держитъ въ Себѣ Самомъ предвѣчный совѣтъ о человѣкѣ; но совѣтъ, опять-таки возможенъ только между равными, между относящимися другъ къ другу, какъ *лица*, имѣющія разумъ и свободную волю.

Итакъ: *личность* и *соборность* суть исконныя Божественныя начала, и въ согласіи этихъ двухъ началъ—ѵпостасность Божества.

Тѣ же два начала даютъ содержаніе и христіанской нравственности. *Начало личной христіанской* непреклонной и ничѣмъ необоримой *свободы духа*, свободы каждой души чело-

вѣческой, драгоцѣннѣе которой ничего нѣтъ въ мірѣ, и *начало соборности*, начало совѣщательное, начало свободнаго подчиненія себя игу Христову, свободнаго уваженія ко всякой такой же свободной человѣческой личности, свободнаго самоограниченія и самопожертвованія въ пользу другихъ; это—начало мірское, хоровое, общественное и государственное, ибо: безъ свободнаго согласованія свободныхъ лицъ, безъ свободнаго ихъ самопожертвованія не можетъ быть крѣпкаго общества и государства,—общества и государства не рабовъ, а людей свободныхъ, христіанъ и гражданъ.

И оба эти начала объединяются высшимъ *началомъ* христіанской *любви* къ Богу, Творцу всяческихъ, и къ Правдѣ Его, и ко всякому творенію рукъ Его, и прежде всего—къ ближнимъ,—людямъ, призваннымъ въ свободу славы чадъ Божіихъ.

Утверждаются эти начала, кромѣ того вѣчнаго Праобраза, по которому созданъ человѣкъ,—образа личнаго ѵпостаснаго Бога,—на завѣтахъ Того же воплотившагося Слова, на словахъ Христовыхъ:

«Сыны свободны». «Познайте истину и истина освободитъ васъ». «Что пользы человѣку, если онъ весь міръ пріобрѣтетъ, но погубитъ душу свою». «Ищите прежде Царствія Божія и правды Его, остальное приложится». «Лучше повиноваться Богу, нежели людямъ».

«Возлюби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ»... «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя»... «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ»...

На пространствѣ всей девятивѣковой сознательной жизни Русскаго народа мы видимъ во всѣхъ положительныхъ самобытныхъ ея явленіяхъ присутствіе тѣхъ же сопутствующихъ одно другому и стройно сочетавающихся, образующихъ и творческихъ,—*личнаго* и *соборнаго* началъ. Нужно ли приводить этому доказательства?—Хоровая русская пѣсня, это пѣсня *соборная*, въ которой отдѣльные самостоятельные голоса и напѣвы стройно сливаются въ общемъ созвучіи. Образцовая русская семья—та, гдѣ царятъ *совѣтъ* и *любовь*, пожеланіемъ которыхъ привѣтствуютъ новобрачныхъ. Образцовый русскій способъ рѣшенія общественныхъ дѣлъ, это—рѣшеніе ихъ *міромъ*, при которомъ разноголосица свободныхъ мнѣній сводится къ единодушному рѣшенію взаимною любовью и же-

ланіемъ общей пользы. Образцовый способъ землевладѣнія и хозяйства — *общинный*, гдѣ отдѣльные общинники свободно поступаются частью своихъ правъ въ пользу наростающихъ поколѣній. Образцовое по мысли и сердцу Русскаго народа, государственное устройство—такое, во главѣ котораго стоитъ *свободный* въ своихъ рѣшеніяхъ Государь, внимающій и уважающій *соборный* голосъ свободнаго въ выраженіи своихъ мнѣній Народа. Образцовое отношеніе русской власти къ подвластнымъ иноплеменникамъ и инородцамъ—таково, что отъ нихъ требуется вѣрность общему отечеству-государству, а затѣмъ оставляется вольная-воля—сливаться съ господствующею народностью или *жить своимъ обычаемъ* и своими языками славить Бога. Наконецъ, сама наша Православная Церковь—*Церковь соборная*, и неповрежденность ея свободы и соборности въ глазахъ Русскаго народа есть непремѣнное условіе ея святости.

Мы знаемъ, однако, и рѣзкія уклоненія въ нашей русской жизни отъ этихъ образцовъ и этихъ началъ. Мы знаемъ, что благодатныя заповѣди Христовы, какъ и десятословіе Моусеева закона, нарушались и нарушаются нами, русскими людьми, повсемѣстно, повседневно и ежечасно.

Слѣдовательно, указывая на нихъ, какъ на начала русской жизни, какъ на исконную нашу русскую особенность, не то мы хотимъ сказать, что мы, русскіе люди, каждый изъ насъ въ частности и весь народъ нашъ въ цѣломъ,—добрые и вѣрные исполнители заповѣдей Христовыхъ, но лишь то: что такова наша народная мысль, такова наша завѣтная цѣль, къ которой мы должны неуклонно стремиться. Останемся ли мы ей вѣрны, сохранимъ ли мы въ себѣ и укрѣпимъ ли въ своей общественной и государственной жизни преданныя намъ искони благодатныя творческія начала, внесемъ ли мы ихъ, какъ опредѣляющія, и во всемірную международную и междуплеменную жизнь,—вѣдомо единому Богу; но, чтобы не стать неключимыми рабами, зарывшими полученные отъ Бога обильные дары въ землю, мы должны руководствоваться этими началами! И наше Русское Собраніе, чтобы оправдать свое существованіе, свое имя и свой уставъ, должно само идти и вести другихъ впередъ подъ знаменемъ не какихъ-либо иныхъ, а именно этихъ: христіанскихъ, исконныхъ, творческихъ и во вѣки непреложныхъ и нерушимыхъ началъ!

* * *

Слѣдомъ за «исконными творческими началами» въ той же статьѣ первой нашего устава, опредѣляющей основную

цѣль нашего общества, говорится о *«бытовыхъ особенностяхъ* Русскаго народа».

Но если творческія начала просты и ясны и сводятся, въ концѣ-концовъ, къ одному исконному Началу, имя Котораго— Единый Тріvпостасный Богъ, то проявленія творчества этихъ началъ, въ облеченіи ихъ въ вещественныя стихіи міровой жизни и въ облеченіи въ земную персть въ жизни человѣческой,—безчисленны и многообразны. И если вся остальная, бездушная, и одухотворенная, но безсловесная тварь—подзаконна и есть безвольное орудіе Божества въ продолжающемся творчествѣ, то человѣку дано творить сознательно и свободно.

Бытовыя особенности народа, которыя собственно и даютъ ему своеобразный обликъ и выдѣляютъ его, какъ народную личность, какъ народъ, изъ всего остального человѣчества,— бытовыя особенности эти суть плодъ свободнаго творчества народа, созидающаго свою жизнь на свой особый складъ, на свою стать и свой образецъ. И пока народъ духовно свободенъ, онъ постоянно творитъ, и творчество его своеобразно во всемъ. Начиная съ вещественныхъ и наружныхъ проявленій жизни, каковы: способы добыванія и приготовленія пищи, покрой одеждъ, внутреннее устройство и наружный видъ жилищъ,—своеобразіе народа проявляется: въ языкѣ и въ произведеніяхъ слова, въ художествахъ и рукомеслахъ, въ навыкахъ и обрядахъ, въ обычаяхъ и писанныхъ законахъ, въ хозяйственныхъ соотношеніяхъ народа въ себѣ самомъ и съ другими народами, въ учрежденіяхъ государственныхъ и въ образѣ верховной власти, наконецъ, въ церковныхъ обрядахъ и устройствѣ, и даже въ самомъ исповѣданіи вѣры, такъ какъ въ принятіи того или другаго исповѣданія и тѣхъ или иныхъ каноновъ и догматическихъ опредѣленій сказывается народный духъ, народный нравъ.

Всѣ эти народныя особенности, не исключая и тѣхъ, которыя относятся до внѣшнихъ сторонъ жизни (какъ, напримѣръ, народный строй одеждъ), составляя плодъ многовѣковой работы и дары предковъ,—уже по одному этому должны быть бережно хранимы и передаваемы пріумноженными въ наслѣдіе дальнѣйшему потомству. Только при такомъ храненіи и преемственной передачѣ бытовыхъ особенностей сохраняется, развивается, растетъ и крѣпнетъ народная личность, подъ воздѣйствіемъ благодатныхъ исконныхъ творческихъ началъ. Съ измѣною же этимъ началамъ начинается утрата и бытовыхъ особенностей, замираетъ самостоятельное творчество народа, и онъ, переставая жить своимъ умомъ,

своимъ свычаемъ и обычаемъ, становится чужимъ подголоскомъ и безплодною смоковницею и, въ силу этого, теряетъ не только право на самостоятельное мѣсто въ общемъ хорѣ народовъ, но и право на дальнѣйшее существованіе. И, дѣйствительно, такіе обезличившіеся народы вымираютъ или претворяются постепенно въ плоть и кровь другаго болѣе сильнаго духомъ народа...

Таково вообще значеніе бытовыхъ особенностей народа. И если бы какой-либо народъ носилъ въ себѣ одни только благодатныя начала, заложенныя въ человѣкѣ его Творцомъ, то и всѣ плоды творчества такого народа, всѣ его бытовыя особенности были бы прекрасны и должны бы быть свято лелѣемы и хранимы. Но въ людяхъ есть и злое начало, и оно, овладѣвая ихъ волей и извращая творческую ихъ дѣятельность, искажаетъ и дѣлаетъ злыми и бытовыя особенности народа; и это бываетъ именно въ междучеловѣческихъ и междуплеменныхъ отношеніяхъ, въ области нравственности и права. Поэтому, задавшись цѣлью укрѣплять въ общественномъ сознаніи и проводить въ жизнь, охранять и возстановлять бытовыя особенности Русскаго народа, будемъ осторожны: постараемся прежде всего вѣрно опредѣлить и поставить себѣ эту цѣль, чтобы не оказаться, по евангельскому слову, «слѣпыми вождями слѣпыхъ» и не услышать осуждающихъ словъ: «Не знаете какого вы духа!»

И прежде всего: какъ бы мы ни любили свой народъ, какъ бы мы ни дорожили своеобразіемъ его народной личности,—да не творимъ мы себѣ изъ него и бытовыхъ его особенностей кумира! Будемъ помнить, что всѣ эти бытовыя особенности—плодъ жизни народной, дѣло рукъ человѣческихъ. Остережемся же смѣшивать Божіе съ человѣческимъ: бытовыя особенности, какъ бы тѣ или другія изъ нихъ ни казались намъ цѣнны и важны,—съ исконными и творческими началами!

Начала исконны и вѣчны потому, что идутъ отъ Бога; бытовыя же особенности — созданіе людей, перемѣнчивы и тлѣнны; и цѣнны онѣ, какъ все человѣческое, не сами по себѣ, а по тому, что ихъ одушевляетъ, какому началу онѣ служатъ и какой слѣдъ оставляютъ по себѣ въ народной и міровой жизни.

Какъ красота тѣла человѣческаго можетъ быть поругана и искажена вселившимся въ него и поработившимъ его себѣ злымъ духовнымъ началомъ, такъ и прекрасныя нѣкогда, по одушевлявшей ихъ мысли, особенности народнаго быта, тѣ образы, въ которые сложилась частносемейная, общественная

и государственная жизнь народа,—превосходны, когда одухотворены и руководятся высшимъ творческимъ началомъ, но могутъ, измѣняя этому началу, искажаться и ветшать.

Поэтому, изслѣдуя бытовыя особенности, условія и явленія современной и былой жизни Русскаго народа, мы должны направлять эти изслѣдованія къ выясненію: насколько эти особенности, условія и явленія согласуются или расходятся съ признанными нами за руководящія исконными творческими началами, съ вѣковѣчными и непреложными завѣтами *СЛОВА*. И насколько изслѣдуемыя явленія и бытовыя условія и особенности способны вмѣстить въ себѣ эти завѣты, быть согласованными съ ними и служить имъ, настолько лишь и могутъ быть онѣ признаваемы нами заслуживающими сохраненія, возстановленія и проведенія въ общественное сознаніе и жизнь. Все же, что не выдерживаетъ такой оцѣнки, хотя бы оно и составляло нашу русскую особенность, должно быть изобличаемо въ его неправотѣ и отметаемо, какъ недолжное, какъ не соотвѣтствующее достоинству русскаго имени, достоинству христіанской страны и христолюбиваго народа.

Дѣйствуя такъ, мы будемъ вѣрными слугами и добрыми вождями своему народу: уврачуемъ насильственно привитыя къ нему язвы и вновь соберемъ ему размотанное наслѣдіе предковъ.

И въ этой творческой работѣ возстановленія не мы явимся начинателями: у насъ есть уже славные предшественники, много и не безплодно потрудившіеся для выясненія исконныхъ русскихъ творческихъ началъ. Таковы были: величайшій изъ русскихъ людей минувшаго вѣка А. С. Хомяковъ и сопутствовавшіе и послѣдовавшіе ему братья И. и П. Кирѣевскіе, отецъ и сыновья Аксаковы, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. А. Милютинъ, Н. Я. Данилевскій, О. Ѳ. Миллеръ, А. Д. Градовскій, Н. И. Гиляровъ-Платоновъ, Т. И. Филипповъ и даже В. С. Соловьевъ, насколько онъ оставался вѣренъ себѣ и своему народу.

Всѣ они также въ основу всего, всякаго личнаго и общественнаго дѣланія, полагали вѣру Христову и церковное преданіе.

Амин. Да будетъ!

Напечатано: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 15 мая 1901 г. № 131, въ «Славянскомъ Вѣкѣ» отъ 1 іюня того же года № 23, и отдѣльною книжкою въ 1902 году. Кромѣ того, въ неполномъ видѣ: въ «Лѣтописи Русскаго Собранія» въ 1901 г. и въ «Извѣстіяхъ Русскаго Собранія» въ 1903 г. кн. 1.

Правда и милость да царствуютъ въ судахъ.

Предлагаемая читателямъ «Русской Бесѣды» статейка написана нами пять лѣтъ тому назадъ и предназначалась для «Благовѣста», но не могла быть въ немъ напечатана «по несоотвѣтствію ея программѣ этого изданія» и потому еще, что случай, побудившій тогда насъ взяться за перо, и безъ того былъ предметомъ горячихъ толковъ, волновавшихъ общественное чувство. Теперь онъ всѣми давно забытъ, и, какъ мы узнали потомъ отъ людей, хорошо освѣдомленныхъ, подробности дѣла были вовсе не таковы, какими онѣ изображены у насъ. Поэтому мы просимъ теперь нашихъ читателей считать это изображеніе не воспроизведеніемъ дѣйствительности, а вымысломъ, которымъ мы пользуемся для того только, чтобы ярче освѣтить ту главную мысль нашей статьи, что въ христіанскомъ государствѣ судъ долженъ быть правый, милостивый и во всякомъ случаѣ «безкровный». Эта мысль, конечно, не нова; но мы думаемъ, что ее не лишнее повторять на всѣ лады до тѣхъ поръ, пока она не завоюетъ себѣ всеобщаго и полнаго признанія.

Ноябрь 1895 г.

По Петербургу, а также и по другимъ весямъ и городамъ, передается изъ устъ въ уста волнующій умы и тревожащій сердца разсказъ объ одной ужасной и, увы!—непоправимой судебной ошибкѣ. Стоустая молва, какъ всегда, до безконечности разнообразитъ и, быть можетъ, преувеличиваетъ тѣневыя стороны дѣла, но потому-то именно и не слѣдуетъ замалчивать его въ печати. Пусть тѣ, на кого падаетъ въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, разъяснятъ, какъ оно дѣйствительно было: чѣмъ обусловливалась роковая ошибка приговора и торопливость его выполненія.

Суть дѣла, по разсказамъ, такова: Въ одну изъ нашихъ многочисленныхъ окраинъ, находящихся на особомъ положеніи, былъ переведенъ изъ столицы фельдфебель. Фельдфебель этотъ, будто бы, своимъ грубымъ до жестокости обращеніемъ съ нижними чинами сдѣлался имъ ненавистенъ. И вотъ, въ одинъ несчастный день трое нижнихъ чиновъ, ѣздив-

шіе куда-то по службѣ, являются къ начальству съ заявленіемъ, что они наткнулись за городомъ на трупъ своего фельдфебеля; а по нѣкоторымъ пересказамъ они же и привезли въ полкъ тѣло убитаго. За отсутствіемъ уликъ противъ кого-либо иного, въ убійствѣ заподозрѣваются заявившіе о немъ. Наряжается надъ ними полевой судъ. У суда прямыхъ доказательствъ виновности подсудимыхъ нѣтъ; но преступленіе выходитъ по своей обстановкѣ и значенію изъ ряду вонъ: вѣдь убитый былъ ненавистенъ нижнимъ чинамъ, такъ, по всей вѣроятности, это убійство есть не что иное, какъ самосудъ, расправа подчиненныхъ надъ непонравившимся имъ строгимъ начальникомъ; необходимо поэтому безпощадное и быстрое возмездіе, иначе—погибнетъ дисциплина! Итакъ, Молоху возмездія и дисциплины требуется неотложная, кровавая жертва, и если прямыхъ уликъ противъ обреченныхъ въ жертву нѣтъ, то слѣдуетъ удовольствоваться и косвенными. Нижніе чины были недовольны убитымъ, кто же какъ не изъ нихъ кто-нибудь его и убилъ? Подсудимые тоже нижніе чины, они донесли о преступленіи, которое, вѣроятно, сами же и совершили, а донесеніе ихъ—не что иное, какъ попытка замести за собою слѣдъ. При такихъ обстоятельствахъ можно ли «правосудію» останавливаться передъ недостаточностію доказательствъ?—Pereat justitia—fiat disciplina! И смертный приговоръ произнесенъ.

Двое изъ осужденныхъ были простые и бѣдные люди; о нихъ некому было постараться и похлопотать. Родные ихъ невѣсть гдѣ, и, Богъ вѣсть, знаютъ ли даже о той бѣдѣ, какая надъ ними стряслась. Но отецъ третьяго осужденнаго, юноши-вольноопредѣляющагося,—извѣстный русскій купецъ-богачъ. Онъ во-время узнаетъ о грозящей его сыну участи; спѣшитъ къ представителю власти, отъ котораго зависитъ утвержденіе приговора, клянется ему въ невиновности своего сына и заклинаетъ его не спѣшить утвержденіемъ ужаснаго приговора и приказать дослѣдовать не вполнѣ ясное дѣло. Но приговоръ утвержденъ.

Тогда отецъ духовный присоединяется къ мольбамъ родного отца, свидѣтельствуя передъ тѣмъ же представителемъ власти о своемъ глубокомъ и полномъ убѣжденіи въ невинности осужденнаго. Но никакія мольбы, никакія, авторитетныя, казалось бы, завѣренія и свидѣтельства іерейской совѣсти не дѣйствуютъ: уступить имъ, отсрочить казнь—представляется власть имущему слабостію, отъ которой можетъ пострадать дисциплина. Итакъ: fiat disciplina, fiat justitia—pereat mundus! Казнь свершена.

А вслѣдъ за этимъ является съ повинною дѣйствительный убійца, совершившій преступленіе изъ ревности или корысти, такъ что дисциплина, которой принесено три человѣческія жертвы, оказалась ровно не причемъ.

Не поругана ли въ этомъ дѣлѣ не только справедливость, но и сама дисциплина? ибо безъ первой не можетъ быть второй!

Мы разсказали сейчасъ то, что съ разными дополненіями ходитъ по городу и по народу. Если въ этомъ разсказѣ есть вымыселъ и ложь, то необходимо авторитетнымъ сообщеніемъ опровергнуть ложь и разъяснить истину. За нами въ этомъ случаѣ будетъ та заслуга, что мы вызвали разъясненіе.

Но если бы даже все, разсказанное нами, оказалось сплошнымъ вымысломъ, то и въ такомъ случаѣ надъ этимъ разсказомъ стоитъ сильно пораздумать. Чрезвычайно важно уже то, что содержаніе разсказа вѣроятно и правдоподобно. Роковая ошибка, о которой идетъ молва,—осужденіе человѣка на основаніи косвенныхъ только уликъ, при неполномъ, слѣдовательно, убѣжденіи въ его виновности, въ настоящее время, при торжествующемъ у насъ теперь направленіи мысли, при господствѣ исключительныхъ судовъ и при преслѣдованіи судами, независимо отъ справедливости, еще иныхъ, постороннихъ правосудію цѣлей,—вполнѣ возможны; мало того—такія ошибки неизбѣжны, а при легкомъ примѣненіи исключительными судами смертной казни, эти ошибки и непоправимы. Вымысломъ, однако же, въ приведенномъ разсказѣ, могутъ быть только подробности; существенное же въ немъ—осужденіе и казнь невинныхъ, къ несчастію,—правда.

Напрасно пролитая кровь вопіетъ къ Богу и людямъ! Но чѣмъ можетъ быть удовлетворено божественное правосудіе и людская совѣсть? Отнюдь не возмездіемъ опрометчивымъ судьямъ: да отпустится имъ, ибо они не знали сами, что они дѣлали, и ихъ, конечно, достаточно казнитъ теперь ихъ собственная совѣсть! Удовлетвореніе, однакоже, требуется и Богомъ и людьми; но этимъ удовлетвореніемъ можетъ быть только возвращеніе и власти, и общественнаго сознанія къ той, не такъ еще давно, всего четверть вѣка тому назадъ, всѣми, было, признанной, для всѣхъ казавшейся тогда несомнѣнною и ясной, но затѣмъ, какъ будто, утраченной нами или затуманившейся въ нашемъ сознаніи истины,—что правда и милость однѣ только должны царствовать въ судахъ и никакимъ инымъ постороннимъ вліяніямъ не должно быть туда доступа!

Единственною и вѣковѣчною цѣлью правосудія должна и можетъ быть только справедливость, т. е. раскрытіе истины, обнаруженіе дѣйствительнаго виновника преступленія, точное установленіе его вины и затѣмъ приложеніе къ несомнѣнному уже виновнику законной кары. Подмѣнять же эту единственно достойную суда цѣль какою либо другою, какъ бы ни казалась эта другая цѣль сама по себѣ высока, будетъ ли этою цѣлью утвержденіе дисциплины, укрѣпленіе политическихъ и общественныхъ вершинъ или основъ, или даже самой вѣры,—все равно: подмѣнять любою изъ этихъ цѣлей единственную цѣль суда—справедливость, это значитъ замѣнять судъ безсудіемъ, плоды котораго будутъ прямо противоположны благой, но ложно поставленной цѣли.

Вторымъ удовлетвореніемъ оскорбленной истинѣ и возмущенному людскому чувству было бы признаніе излишними и неудобными въ мирныя времена исключительныхъ судовъ и такого исключительнаго изъ исключительныхъ наказаній, какъ смертная казнь. Исключительные суды въ меньшей степени сравнительно съ общими судами обладаютъ способностію правосудія, т. е. раскрытія истины и безошибочности опредѣленія вины и примѣненія къ ней закона. Смертная же казнь дѣлаетъ ошибку суда совершенно непоправимой и вредъ, приносимый этою ошибкой, ничѣмъ не вознаградимымъ; а что суды, и не исключительные только, а и всякій человѣческій судъ, способны легко ошибаться, это доказано уже тысячи разъ, и случай, давшій поводъ къ настоящему разсужденію, доказываетъ это еще одинъ и, конечно, не послѣдній разъ!

Но даже и при полной несомнѣнности и какой угодно тягости вины, праву общественной власти вязать и карать должны быть нѣкоторыя границы! Душа даже и преступника, даже и закоренѣлаго, на нашъ взглядъ, злодѣя должна быть для насъ священна. И для Скублинской возможно покаяніе, и никто изъ людей не вправѣ закрывать къ нему другому человѣку двери! Отнять у другаго жизнь можно только въ безысходной крайности—въ состояніи необходимой обороны: такова война, такова защита себя или другаго отъ непосредственно грозящей и неотвратимой иначе опасности. Во всѣхъ иныхъ случаяхъ лишеніе жизни человѣка, будь онъ изъ преступниковъ преступникъ, является не законнымъ возмездіемъ за преступленіе, а въ свою очередь новымъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что оно совершается цѣлымъ обществомъ надъ отдѣльнымъ человѣкомъ, т. е. неизмѣримо сильнымъ надъ неизмѣримо слабымъ,

уже обезвреженнымъ и связаннымъ. Прекрасно выражено это въ одномъ мало извѣстномъ обществу стихотвореніи А. С. Хомякова, который и въ этомъ вопросѣ также поучителенъ и правъ, какъ и во всемъ, чего ни касалась его глубокая и свѣтлая мысль:

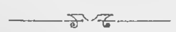
«Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной своей удалою,
И врагъ побѣжденный упалъ, подъ конемъ
Безсильный лежитъ предъ тобою:
Сойдешь ли съ коня, поднимешь ли мечъ,
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
—Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По селамъ, по градамъ пожары простеръ,—
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
Убьешь-ли?—О стыдъ и позоръ!

А если васъ много? Убьете-ли вы
Того, кто окованъ цѣпями?
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
—Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ:
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ;
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ:
Убьете-ль?—О стыдъ и позоръ!»

Снимемъ же съ себя этотъ стыдъ и позоръ: вернемся къ сознанію необходимости суда праваго, милостиваго и безкровнаго!—чтобы снова стали неложными слова того же нашего великаго учителя А. С. Хомякова, обращенныя имъ нѣкогда къ Россіи:

«Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ—
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ:
Хранить племенъ святое братство,
Любви зиждительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду и безкровный судъ!»

14 окт. 1890 г.



Напечатано въ январской книжкѣ «Русской Бесѣды» за 1896 г.

*
* *

Поклонникъ вѣчной красоты,
Носитель свѣтлыхъ вдохновеній,
Онъ — недругъ пошлой суеты,
Онъ — врагъ порочныхъ заблужденій,
Онъ ненавидитъ ложь и гнетъ,
Вѣкъ ходитъ въ правдѣ и свободѣ,
Къ свободѣ цѣлый міръ зоветъ,
Но сердцемъ онъ — въ своемъ народѣ.

*
* *

Но, фарисеями водимъ,
Его народъ не принимаетъ;
Немного идетъ вслѣдъ за нимъ
И слово истины внимаетъ;
Но въ этомъ словѣ свой конецъ
Ложь и насилье чуютъ въ страхѣ,
И ждетъ глашатаевъ вѣнецъ —
Смерть въ заточеньи иль на плахѣ.

*
* *

Но совершатся времена,
Увѣдятъ истину народы
И препрославятъ имена
Великихъ свѣточей свободы!

Напечатано въ «Благовѣстѣ» 1890 г. вып. 1.

Объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей.

«Милости хощу, а не жертвы».
Матѳ. 9, 13.

«Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ».
Галат. 6, 2.

Нѣкоторыми органами нашей ежедневной печати, возвѣщено, что Министерство Юстиціи выработало и внесло уже въ Государственный Совѣтъ предначертаніе новаго закона объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей. Главнѣйшая особенность предначертаннаго закона та, что имъ устанавливается запрещаемое дѣйствующимъ нынѣ закономъ такъ называемое «привѣнчиваніе» дѣтей, т. е. узаконеніе рожденныхъ внѣ брака дѣтей посредствомъ послѣдующаго брака ихъ родителей. Порядокъ производства дѣлъ объ узаконеніяхъ предположенъ такой:

Вступающія въ бракъ лица при самомъ бракосочетаніи удостовѣряютъ надписью на метрическомъ свидѣтельствѣ добрачное прижитіе ими узаконяемаго ребенка. Надпись эта свидѣтельствуется причтомъ, совершающимъ бракосочетаніе, и присутствуюшими при этомъ свидѣтелями и вносится въ брачную запись. Если же удостовѣряемая надпись сдѣлана послѣ совершенія брака, то она должна быть засвидѣтельствована нотаріальнымъ порядкомъ. Затѣмъ метрическое свидѣтельство съ надписью на немъ представляется въ надлежащее судебное мѣсто (Окружный судъ или равное ему по значенію судебное учрежденіе), для постановленія опредѣленія о неимѣніи препятствій къ узаконенію.

Судъ, по вызовѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, удостовѣрясь: 1) въ возможности, по обыкновенному естественному порядку, происхожденія ребенка отъ признающихъ себя его родителями; 2) въ существованіи законнаго брака между послѣдними, и 3) въ отсутствіи законныхъ препятствій къ узаконенію ребенка, — по выслушаніи заключенія прокурора, постановляетъ опредѣленіе о неимѣніи препятствій къ выдачѣ

просителямъ новаго метрическаго свидѣтельства о рожденіи ребенка или объ отказѣ въ выдачѣ такого свидѣтельства. На опредѣленія окружнаго суда допускаются жалобы какъ со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, такъ и прокурора съ соблюденіемъ порядка и сроковъ, указанныхъ въ ст. 784—791 уст. гражд. суд. Новое свидѣтельство съ показаніемъ въ немъ «законныхъ» родителей ребенка выдается духовною консисторіею по представленіи копіи вступившаго въ законную силу опредѣленія судебнаго мѣста и подлиннаго первоначальнаго метрическаго свидѣтельства о рожденіи ребенка.

По соблюденіи вышеуказаннаго порядка дѣти считаются законными со дня вступленія ихъ родителей въ бракъ и пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей.

Проектъ предусматриваетъ случаи, когда бракъ родителей узаконеннаго ребенка по какой-либо причинѣ будетъ признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ или же будетъ расторгнутъ. Тогда права узаконенныхъ дѣтей приравниваются къ правамъ дѣтей, прижитыхъ въ подобномъ бракѣ, т. е. на нихъ распространяется сила 4 подраздѣленія 132 ст. 1 ч. X т. Кромѣ того, дѣти отъ брака, признаннаго впослѣдствіи незаконнымъ, пользуются правомъ на содержаніе отъ родителей до достиженія совершеннолѣтія.

Не допускается узаконеніе только дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія замужнихъ и женатыхъ лицъ.

Вторая часть предлагаемаго Министерствомъ Юстиціи закона устанавливаетъ правила усыновленія дѣтей. Какъ общее правило, ставится то положеніе, что усыновлять чужихъ дѣтей дозволяется лицамъ всѣхъ состояній безъ различія пола, правоспособнымъ и неимѣющимъ собственныхъ законныхъ дѣтей. При этомъ требуется соблюденіе слѣдующихъ условій; Во-1-хъ, мѣщане и сельскіе обыватели не имѣютъ права усыновлять лицъ другихъ состояній. Усыновленные мѣщанами и сельскими обывателями получаютъ права состоянія усыновителей. Во-2-хъ, усыновленные россійскими подданными мужскаго пола прочихъ состояній подкидыши, круглые сироты, питомцы воспитательныхъ домовъ и лица, которыя въ теченіи не менѣе 6 предшествовавшихъ усыновленію лѣтъ получали отъ усыновителя, соотвѣтственно его состоянію, средства къ жизни или пользовались, въ качествѣ воспитанниковъ, совмѣстнымъ съ нимъ жительствомъ,—пользуются правами состоянія законныхъ дѣтей усыновителя, кромѣ потомственнаго дворянства, если сами не принадлежатъ къ высшему сословію. Въ-3-хъ, усыновленные потомственными дворянами получаютъ права состоянія дворянъ личныхъ. Кромѣ указанныхъ слу-

чаевъ, усыновленный сохраняетъ права состоянія, принадлежавшія ему до усыновленія. Для усыновленія требуется согласіе родителей усыновляемаго, опекуновъ и попечителей, а также его самого, если онъ достигъ 14 лѣтъ. Имя семейное усыновителя сообщается усыновленному, если ни тотъ, ни другой не принадлежитъ къ потомственнымъ дворянамъ. Усыновленный вступаетъ по отношенію къ усыновителю во всѣ личныя и имущественныя права и обязанности, для законныхъ дѣтей установленныя, и наравнѣ съ ними пріобрѣтаетъ право наслѣдованія, но лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ.

Таково содержаніе проекта съ матеріальной стороны. Что касается порядка усыновленія, то по отношенію къ мѣщанамъ и сельскимъ обывателямъ сохраняются въ силѣ статьи 155—157 ч. I т. X гражд. закон. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ усыновленіе совершается судебнымъ порядкомъ, подобнымъ тому, который устанавливается для узаконенія дѣтей.

Законопроектъ, сущность котораго мы привели со словъ другихъ органовъ печати, напомнилъ намъ жаркія пренія, въ которыхъ и намъ довелось участвовать, происходившія въ 1883 году въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ по поводу доклада г. Дылевскаго (нынѣ юрисконсультъ при Св. Синодѣ) «Объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ внѣ брака». Замѣчанія, сдѣланныя нами тогда по содержанію доклада г. Дылевскаго, напечатаны въ протоколахъ Юридическаго Общества за 1883 годъ; но такъ какъ тѣ же замѣчанія почти цѣликомъ могутъ быть отнесены и къ новѣйшему законопроекту Министерства Юстиціи, то мы считаемъ умѣстнымъ повторить ихъ теперь, конечно, соотвѣтственно измѣнивъ и дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми соображеніями, какъ юридическаго, такъ и нравственнаго свойства;—ибо вопросъ объ узаконеніи и усыновленіи имѣетъ глубокое значеніе не только съ частноюридической, но и съ общехристіанской и общегражданской точки зрѣнія и заслуживаетъ пристальнаго вниманія всѣхъ и каждаго.

* * *

Въ законопроектѣ Министерства Юстиціи строго разграничены понятія узаконенія и усыновленія. Подъ узаконеніемъ разумѣется введеніе въ семейство на правахъ законныхъ своихъ собственныхъ незаконныхъ дѣтей; подъ усыновленіемъ—введеніе въ семейство дѣтей чужихъ. Между тѣмъ эти понятія узаконенія и усыновленія смѣшиваются у насъ и въ дѣйствую-

2

щемъ законодательствѣ, и въ литературѣ, и въ жизни. Смѣшеніе этихъ понятій въ жизни не говоритъ ли въ пользу того предположенія, что существованіе двухъ соотвѣтствующихъ имъ отдѣльныхъ установленій не требуется вовсе сущностью дѣла? Въ дѣйствующемъ нашемъ законѣ и не проведено рѣзкаго различія между узаконеніемъ той или другой категоріи дѣтей, и это скорѣе достоинство нежели недостатокъ закона. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если и будетъ въ законѣ проведено это различіе между узаконеніемъ (только своихъ незаконныхъ) и усыновленіемъ (только чужихъ) дѣтей, въ дѣйствительной жизни зачастую будетъ дѣлаться какъ разъ наоборотъ, т. е. будутъ случаи узаконенія чужого, по крайней мѣрѣ, для одного изъ супруговъ (мужа), ребенка подъ видомъ своего, и наоборотъ—усыновленія своего (незаконнаго) подъ именемъ чужаго, и это въ тѣхъ именно случаяхъ, для которыхъ узаконеніе будетъ закономъ запрещено. Къ чему же создавать такой законъ, который всегда легко обойти, и притомъ въ самомъ этомъ законѣ создавать побужденія для его обхода?

Въ дѣйствующемъ законѣ мы встрѣчаемъ термины: узаконеніе, усыновленіе, приписку и различные соотвѣтствующіе имъ способы сопричтенія къ семействамъ дѣтей, не потому собственно—свои они или чужіе, а смотря потому, къ какому сословію или состоянію принадлежитъ семейство усыновителя. Это различіе способовъ усыновленія и даже вытекающихъ изъ него правъ въ зависимости отъ сословія или состоянія усыновленныхъ и усыновителей предполагается сохранить и въ новомъ законѣ, и это едва ли можно отнести къ числу его достоинствъ. Въ прежнее время, когда общество наше дѣлилось рѣзкими сословными перегородками и каждое сословіе жило своею особою жизнью,—тогда для каждаго рода людей по такому предмету, какъ усыновленіе, быть можетъ, и требовались отдѣльные порядки и правила. Но теперь многія перегородки рушились, жизнь мало-по-малу прежнее неравенство сословій и состояній сглаживаетъ и задача законодательства, конечно, уже не въ сизифовой работѣ искуственнаго поддержанія его вымирающихъ остатковъ! И такъ, чѣмъ вносить въ новый законъ прежнюю дробность, не цѣлесообразнѣе ли было бы озаботиться приведеніемъ всѣхъ разнохарактерныхъ и дробныхъ опредѣленій существующаго закона къ одному общему знаменателю? Но, чтобы удачно выполнить эту задачу, необходимо ясно опредѣлить ту цѣль, ради которой это должно быть сдѣлано.

Въ упомянутомъ докладѣ г. Дылевскаго было объяснено, что въ основаніе составленныхъ имъ правилъ объ узаконеніи

дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, легъ взглядъ нашего законодательства, высказанный въ началѣ текущаго столѣтія, соотвѣтствующій, будто бы, и взгляду Церкви, а именно, что узаконеніе должно служить средствомъ, способствующимъ заключенію законныхъ супружествъ между лицами, сожительствующими внѣ брака и давшими жизнь дитяти. Эта цѣль—уменьшеніе внѣбрачныхъ сожитій, очевидно, имѣлась въ виду и при составленіи новаго законопроекта въ Министерствѣ Юстиціи. Но, исходя изъ этого основанія, съ одинаковымъ правомъ можно и разрѣшать, и запрещать такъ называемое «привѣнчиванье» дѣтей,—въ первомъ случаѣ—руководясь желаніемъ обращать незаконныя связи въ супружество, во второмъ—желаніемъ удержать отъ самого вступленія въ незаконныя связи. Эта возможность—исходя изъ одного и того же основанія, приходить къ совершенно противоположнымъ рѣшеніямъ одного и того же вопроса—не служитъ ли доказательствомъ того, что это основаніе ложно, т. е. съ сущностью даннаго вопроса ничего общаго не имѣетъ, и что поэтому для правильнаго его рѣшенія необходимо поискать другаго основанія и направляться къ иной цѣли?

Затѣмъ, самая мысль, будто привѣнчиваніе дѣтей устанавливалось въ разныя времена государствомъ по требованію Церкви именно въ видахъ обращенія незаконныхъ сожитій въ законныя супружества—едва ли правильна. Взглядъ Церкви на этотъ предметъ нѣсколько иной: 26 каноническое правило св. Василія Великаго говоритъ: «Блудъ не есть бракъ, и даже не начало брака. Посему совокупившихся посредствомъ блуда лучше есть разлучати, аще возможно. Аще же всемѣрно держатся сожитія, то да примутъ епитимію блуда; но да оставятся въ сожитіи брачномъ, да не горшее что будетъ». Итакъ Церковь вовсе не расположена покровительствовать такимъ супружествамъ, противорѣчащимъ въ сущности ея понятіямъ о таинствѣ брака, требующимъ нравственной чистоты отъ брачущихся, и только терпитъ ихъ, какъ терпитъ, снисходя къ человѣческой слабости, многое другое, напримѣръ, третій бракъ, и даже прямо прелюбодѣяніе: «мужъ, оставленный женою, достоинъ снисхожденія, и сожительствующая съ нимъ не осуждается». (Вас. В. 9). И такъ, всѣ эти явленія только терпятся Церковью «да не горшее что будетъ», т. е. во избѣжаніе большаго зла—распутства, но отнюдь не поощряются ею.

Но, запрещая рѣшительно бракъ между прелюбодѣйствовавшими, хотя бы они и стали оба свободны, и предпочитая разлученіе сожительствующихъ въ блудѣ обращенію его въ бракъ, Церковь съ отдаленнѣйшихъ временъ взяла подъ свое

покровительство обычай усыновленія, благословляя его даже особымъ молитвословіемъ. Усыновленные, по церковному и русскому обычному праву, становятся полноправными членами семьи усыновителя, во всемъ равными его остальнымъ дѣтямъ, прижитымъ въ законномъ бракѣ.

Этотъ благословляемый Церковью народный обычай усыновленія, что касается сущности устанавливаемыхъ имъ отношеній, не оставляетъ желать ничего лучшаго, и всѣ усилія наши должны быть направлены къ тому, чтобы этотъ обычай сталъ общимъ въ Россіи закономъ, опредѣляющимъ основанія и порядокъ сопричтенія къ семействамъ дѣтей, причемъ всякаго различенія дѣтей, въ бракѣ и внѣ брака рожденныхъ, въ законѣ объ усыновленіи, мнѣ кажется, можно и слѣдуетъ избѣжать.

Только такое рѣшеніе занимающаго насъ вопроса отвѣтитъ вполнѣ требованіямъ жизни и дастъ полное успокоеніе общественному сознанію и совѣсти.

Но такое рѣшеніе возможно только одновременно съ измѣненіемъ вообще юридическаго положенія у насъ рожденныхъ внѣ брака или такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей.

Въ упомянутомъ выше докладѣ г. Дылевскаго между прочимъ высказано, что «положеніе у насъ незаконнорожденныхъ было уже много разъ обсуждаемо и въ печати и въ юридическихъ собраніяхъ, причемъ всегда и во всѣхъ случаяхъ изслѣдователи и ораторы сходились въ одномъ общемъ выводѣ: что положеніе этихъ лицъ передъ закономъ крайне безотрадно; что наши законы жестоки и несправедливы къ незаконнорожденнымъ и что реформа этихъ законоположеній настоятельно необходима». Но если положеніе незаконнорожденныхъ, дѣйствительно таково, а съ этимъ, кажется, всѣ согласны,— то предположеніе узаконять дѣтей привѣнчиваніемъ, въ видахъ побужденія ихъ родителей обращать незаконное сожитіе въ бракъ, не представляется ли уклоненіемъ отъ прямой постановки вопроса, съуженіемъ его и въ нѣкоторомъ родѣ «оцѣживаніемъ комара»? Въ самомъ дѣлѣ, если «привѣнчиваніе» и будетъ установлено, громадное большинство незаконнорожденныхъ дѣтей, родители которыхъ или не могутъ или не хотятъ вступить въ бракъ, развѣ не останется по прежнему внѣ закона?

Если уже во всеобщее сознаніе вошло, что законъ несправедливъ и жестокъ—и къ кому?—къ дѣтямъ!—то развѣ не настало время озаботиться кореннымъ его измѣненіемъ именно ради дѣтей? Если даже въ отношеніи родителей этотъ законъ—жестокость и, притомъ, безцѣльная жестокость, кото-

рая съ точки зрѣнія христіанской нравственности не должна существовать; если вопросъ поставленъ на эту нравственную почву; если при этомъ не упускается изъ виду, что общество и само государство, не только нравственно обязаны покровительствовать наиболѣе слабымъ своимъ членамъ, но что и прямая выгода ихъ въ томъ, чтобы было возможно менѣе безроднаго и безправнаго сиротства,—то рѣшеніе вопроса о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ сводится къ уничтоженію въ законѣ самого понятія о незаконнорожденности: сожитіе родителей можетъ признаваться незаконнымъ, и лично для нихъ, если уже государство принимаетъ на себя трудъ наблюдать за нравственнымъ, даже домашнимъ поведеніемъ гражданъ, можетъ быть установлена какая угодно отвѣтственность, но рожденіе каждаго человѣческаго существа должно быть признано законнымъ, и каждый человѣкъ, съ минуты появленія его на свѣтъ, долженъ быть полноправенъ въ государствѣ и въ той общественной средѣ, въ которой ему суждено сначала жить и рости, а потомъ дѣйствовать.

Въ этихъ видахъ ст. 132 нашего гражд. улож. (X т. 1 ч.), перечисляющая случаи незаконныхъ рожденій, должна быть просто на просто исключена изъ Свода законовъ. Статья же 136, по которой «незаконнорожденныя дѣти, хотя бы они были воспитаны тѣми, которые именуются ихъ родителями, не имѣютъ права на имя фамиліи отца и законное послѣ него или послѣ матери своей въ имуществѣ наслѣдство», такъже, какъ статья 140, запрещающая давать незаконнымъ дѣтямъ казачекъ фамилію отца ихъ или матери,—эти статьи должны быть измѣнены въ смыслѣ, прямо имъ по духу противоположномъ, чтобы сказывалась въ нихъ не жестокая забота лишить дѣтей всякаго положенія въ обществѣ, отнять всякія личныя и имущественныя права, а напротивъ, сказывалась забота сдѣлать для нихъ, что возможно. Статью 136 слѣдовало бы изложить, примѣрно, такъ:

«Рожденному внѣ брака дитяти дается прозвище (семейное имя) или по семейному имени его матери, если послѣдняя на это согласна или по имени его воспріемника или воспріемницы, или другого лица, взявшаго на себя заботу о дитяти. Рожденное внѣ брака дитя наслѣдуетъ своей матери въ имуществѣ по закону въ равной долѣ съ другими ея дѣтьми, хотя бы послѣднія были прижиты ею въ законномъ супружествѣ».

Если отецъ ребенка его признаетъ, то послѣдній пользуется и послѣ него наслѣдствомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и послѣ матери. Но родительскимъ по отношенію къ

ребенку правомъ, отецъ можетъ пользоваться, а равно и передать ему права своего состоянія и свое семейное прозвище (фамилію), не иначе, какъ съ согласія матери, съ соблюденіемъ порядка, указываемаго при предлагаемомъ ниже усыновленіи дѣтей. Правамъ матери, въ этомъ отношеніи должно быть отдано предпочтеніе передъ правами отца потому, что въ большинствѣ случаевъ судьба рожденныхъ внѣ брака гораздо тѣснѣе связана съ судьбою матери, нежели съ судьбою отца.

Въ пользу такого измѣненія закона можно привести слѣдующія основанія:

Прежде всего, дѣйствующій законъ явно несправедливъ въ томъ отношеніи, что за грѣхъ родителей онъ безчеститъ неповинныхъ въ этомъ грѣхѣ дѣтей и насильственно отторгаетъ ихъ отъ ихъ родителей. Въ христіанскомъ законодательствѣ такого жестокаго закона не должно существовать! Но несправедливость существующаго закона этимъ не ограничивается. Если даже признать законность отвѣтственности дѣтей за вину ихъ родителей, то справедливость и логика требуютъ соотвѣтствія между отвѣтственностью и виной, и равной отвѣтственности при равенствѣ вины. Между тѣмъ, по дѣйствующему закону ребенокъ, рожденный тотчасъ же послѣ вѣнца, признается законнымъ, а рожденный днемъ или нѣсколькими только часами раньше не законенъ и даже не можетъ быть узаконенъ его родителями, хотя бы они и сочетались бракомъ. Предлагаемый Министерствомъ Юстиціи законъ стремится устранить это неравенство; но только это, а сколько другихъ, еще болѣе несправедливыхъ, останется, если и будетъ принятъ этотъ законъ. Отецъ рожденнаго до брака ребенка, въ большинствѣ случаевъ, по метрическимъ записямъ не извѣстенъ, и вотъ: чужой человѣкъ, женясь на матери ребенка, признаетъ его за своего и тѣмъ узаконитъ его себѣ и дастъ ему свое имя; родной отецъ другого ребенка, лишившагося матери, женясь на другой, не будетъ имѣть возможности его узаконить, дать ему свое имя и участіе въ наслѣдствѣ послѣ себя,— если только изъ метрики ребенка будетъ видно, кто его мать. Происшедшіе отъ прелюбодѣянія матери во многихъ, если не въ большинствѣ случаевъ, признаются и будутъ признаваемы и при новомъ законѣ законными дѣтьми, и будутъ носить имя того и наслѣдовать даже и въ родовыхъ имуществахъ тому, кто имъ вовсе не отецъ; тогда какъ дѣти лицъ свободныхъ, связанныхъ, быть можетъ, узами настоящей супружеской, хотя и не освященной вѣнцомъ любви, лишаются и будутъ лишены не только имущественныхъ правъ на какое бы то ни было наслѣдство, но, что гораздо для нихъ и

для родителей ихъ тяжелѣе, — возможности получить отъ несомнѣнной ихъ матери одинаковое съ нею фамильное имя.

Въ нашемъ изолгавшемся до мозга костей, исполненномъ фарисейскаго лицемѣрія и ханжества обществѣ есть и, вѣроятно, долго еще будетъ множество такихъ отцовъ, у которыхъ хватаетъ наглости хвастаться своими побѣдами надъ женщинами и дѣвушками, и не хватаетъ честности—признать плоды этихъ побѣдъ своими, хотя бы на этотъ счетъ и не было у нихъ никакихъ сомнѣній. Не мало есть и долго еще будетъ такихъ матерей, которыя, боясь фарисейскаго осужденія со стороны лицъ, быть можетъ, способствовавшихъ ихъ паденію,—скорѣе выбросятъ ребенка на улицу или отдадутъ одной изъ множества объявившихся у насъ въ послѣднее время Скублинскихъ,—нежели признаютъ его своимъ и оставятъ его при себѣ. Для этихъ отцовъ и матерей — долженъ быть оставленъ выходъ: право остаться неизвѣстными, сдать ребенка въ воспитательный домъ или чужимъ людямъ, не сообщая ему своего имени; иначе, если закрыть для малодушныхъ этотъ выходъ, дѣятельность Скублинскихъ, фабрикація ими «ангеловъ» еще расширится. Но вѣдь, есть же, благодареніе Господу, въ нашемъ обществѣ и такіе незаконные матери и отцы, которые для скрытія своей вины не пойдутъ на дѣтоубійство! Есть дѣвушки—матери, въ которыхъ материнское чувство и сознаніе величія и святости лежащаго на нихъ долга по отношенію къ ребенку, которому онѣ дали жизнь, настолько сильны, что превозмогаютъ въ нихъ и сознаніе трудности своего матеріальнаго положенія, и чувство естественнаго стыда и боязнь фарисейскаго гоненія и укоризны. И благо такимъ матерямъ! Если, по слову Апостола, и цѣломудренная жена спасется «чадородія ради», то единственное искупленіе нарушившей заповѣдь цѣломудрія—въ ея дѣтяхъ, въ ихъ признаніи и воспитаніи въ страхѣ Господнемъ на пользу имъ и обществу. Мать, оставившая при себѣ своего незаконнаго ребенка и съ нуждою и горемъ заботливо хранящая и воспитывающая его,—уже оправдана нетолько передъ Богомъ, но и передъ людьми, ибо ни одинъ разумный и совѣстливый человѣкъ не только не скажетъ о ней слова осужденія, но и не откажетъ ей въ уваженіи. А выростившая полезнаго члена обществу, вѣрнаго и способнаго слугу государству не только будетъ оправдана, но и почтена и возвышена надъ многими законными матерьми, не сумѣвшими по небреженію уберечь въ своихъ дѣтяхъ искру Божію. Итакъ: въ правѣ ли христіанское правительство создавать въ самомъ законѣ для

несчастныхъ и безъ того матерей лишнія затрудненія въ выполненіи ими ихъ самаго святаго долга, если при томъ онѣ сами сознаютъ этотъ долгъ и не хотятъ уклоняться отъ его выполненія? Какое право имѣетъ государство и какая для него цѣль — насильно отрывать ребенка отъ матери и разстраивать естественную семью, не дозволяя дѣтямъ носить фамильное имя своей матери и ставя тѣмъ самымъ мать въ ложное положеніе передъ дѣтьми и дѣтей передъ посторонними людьми? Благодаря этому жестокому и безцѣльному въ своей жестокости закону, какое множество людей въ самомъ нѣжномъ и впечатлительномъ ихъ возрастѣ терпятъ ничѣмъ незаслуженныя обиды, и сколько накопляется въ сердцахъ ихъ и остается на всю жизнь излишней горечи и озлобленія! Нужно ли все это государству, и есть ли отъ этого какая-нибудь для него или для общества польза? А если нѣтъ, то не пора ли сознанное зло устранить! А устранить его можно только предлагаемымъ исключеніемъ изъ закона понятія и опредѣленій незаконнорожденности и дозволеніемъ родителямъ рождаемыхъ внѣ брака дѣтей давать имъ свое имя, съ предоставленіемъ въ этомъ случаѣ правамъ и желанію матери предпочтенія передъ правами и требованіями отца.

* * *

Съ уничтоженіемъ въ законѣ понятія незаконнорожденности, узаконеніе становится ненужнымъ и вопросъ о немъ самъ собою падаетъ. Но и въ томъ случаѣ, если бы предлагаемыя правила осуществились, все таки нашъ общественный строй продолжалъ бы выкидывать изъ себя множество сиротъ, родители которыхъ или неизвѣстны или по своему безпомощному положенію не въ состояніи о нихъ заботиться.

И о такихъ дѣтяхъ, безъименныхъ подкидышахъ, законъ долженъ позаботиться, долженъ дать имъ имя (наприм., по крестному отцу) и ввести ихъ полноправными въ извѣстную общественную среду, наприм., въ сословіе городскихъ или сельскихъ обывателей, смотря по мѣсту появленія младенца. Затѣмъ правительство и общество должны озаботиться вскармливаніемъ и воспитаніемъ своего новаго члена. Заботливость эта выражается, между прочимъ, въ устройствѣ воспитательныхъ домовъ, въ раздачѣ дѣтей по деревнямъ за извѣстную плату. Но самый усовершенствованный воспитательный домъ не замѣнитъ родной семьи, не замѣнитъ ее въ большинствѣ случаевъ и то семейство, гдѣ пріемышъ взятъ изъ нужды, за ничтожную плату, на выкормъ. Въ этихъ то случаяхъ, въ воспитаніи оставленныхъ родителями дѣтей великую службу можетъ оказать человѣчеству благая наклонность русскихъ

семействъ, которыхъ Богъ не благословилъ собственными дѣтьми, брать на воспитаніе чужихъ дѣтей. Для пользы всего общества въ высшей степени важно всемѣрно поощрять и развивать эту наклонность. Церковь особенно могла бы помочь тутъ, возможно чаще располагая къ этому обычаю добросердыхъ и набожныхъ людей своимъ пастырскимъ словомъ.

При возможномъ, по складу нашего народнаго характера, развитіи у насъ этого святаго обычая, сколько человѣческихъ жизней было бы спасено, сколько воспитано полезныхъ обществу гражданъ изъ числа тѣхъ, кто теперь самимъ своимъ безправнымъ положеніемъ возстановляется противъ общества и толкается на путь преступленія и порока! Но осуществленію и развитію этой наклонности русскихъ людей брать на воспитаніе чужихъ дѣтей однимъ изъ немаловажныхъ препятствій служитъ трудность ихъ усыновленія по нашему закону. Въ большинствѣ случаевъ берущіе чужаго ребенка на воспитаніе хотятъ, чтобы онъ совершенно замѣнилъ имъ родного сына или дочь, и обыкновенно выражаютъ желаніе, чтобы ребенку даже и впослѣдствіи не было извѣстно, что онъ пріемышъ, а не родной. Намъ кажется, что законодательство должно съ уваженіемъ отнестись и къ самой наклонности и къ тѣмъ желаніямъ, которыми она обычно сопровождается, и въ этихъ видахъ упростить и облегчить, насколько только возможно, порядокъ законнаго усыновленія. Такъ какъ Церковь издавна покровительствовала обычаю усыновленія и такъ какъ она и теперь могла бы всего успѣшнѣе содѣйствовать укорененію и распространенію этого обычая,—затѣмъ, такъ какъ рожденіе и крещеніе, и бракъ, и смерть свидѣтельствуются обыкновенно приходскимъ духовенствомъ записью въ приходскія метрическія книги и выдачею изъ нихъ выписей, то тѣмъ же порядкомъ, безъ вмѣшательства нотаріусовъ и судебной власти, казалось бы, возможно было производить и усыновленіе. Что касается матеріальныхъ условій усыновленія, то въ этомъ отношеніи слѣдовало бы допустить: 1) что право усыновлять принадлежитъ каждому полноправному члену общества, способному, по своему положенію и возрасту, вступить въ бракъ, но состояніе супружества для этого не необходимо. 2) Если у усыновляемаго есть отецъ или мать (родившіе его въ бракѣ или внѣ брака—безразлично), или родственники, на попеченіи которыхъ онъ находится, то на усыновленіе требуется ихъ согласіе. 3) Въ отношеніи права усыновлять мужчины и женщины пользуются одинаковыми правами, и если усыновленіе производится лицами, состоящими въ бракѣ, то требуется согласіе обоихъ супруговъ. Тутъ можетъ имѣть мѣсто и такъ

называемое молчаливое согласіе. Но если бы по усыновленіи уже было доказано, что одинъ изъ супруговъ возражалъ противъ принятія усыновляемаго въ свое семейство до усыновленія или что о томъ ему не было извѣстно,—то усыновленіе не уничтожается *), но усыновленный не наслѣдуетъ въ имуществѣ того лица, вопреки волѣ котораго онъ вошелъ въ семью. 4) Усыновленный занимаетъ въ усыновившемъ его семействѣ, среди прочихъ дѣтей, если они есть, то положеніе и мѣсто, какое ему принадлежитъ по его полу и возрасту.

Но могутъ сказать: введеніе въ семейство постороннихъ или внѣ брака рожденныхъ лицъ можетъ нарушить выгоды дѣтей, рожденныхъ отъ законнаго брака усыновителей, а также родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ, въ особенности—лицъ женскаго пола, при неравенствѣ сестеръ въ отношеніи наслѣдства съ братьями; поэтому, ради этихъ заинтересованныхъ лицъ не слѣдуетъ ли ограничить право усыновленія, и не въ этихъ ли именно видахъ по новому законопроекту право усыновлять предоставляется только лицамъ бездѣтнымъ? Но такой постановки дѣла, такого съуженія круга лицъ, которымъ дается право усыновленія, рѣшительно нельзя признать цѣлесообразными.

Кому не приходилось слышать сѣтованій родителей, имѣющихъ одного только ребенка, на то, что отсутствіе въ семьѣ другихъ дѣтей вредитъ правильному развитію ихъ сына или дочери? Какъ часто родители, у которыхъ есть только дочери, горюютъ о томъ, что у нихъ нѣтъ сыновей, и наоборотъ! Семья, въ которой только одинъ и даже два и три ребенка, еще не совершенна, не полна. Совершенною въ смыслѣ естественной полноты можетъ считаться лишь та семья, гдѣ у родителей есть сыновья и дочери, и у дѣтей — у каждаго есть братъ и сестра; а для такой полноты необходимо, по крайней мѣрѣ, четверо дѣтей. Итакъ: усыновленіе чужаго ребенка иногда можетъ требоваться правильно понятою пользою своихъ собственныхъ дѣтей,— желаніемъ дать имъ недостающихъ брата или сестру, отсутствіе которыхъ создаетъ такой пробѣлъ въ воспитаніи и въ жизни, который порою тяжело чувствуется человѣкомъ и уже ничѣмъ не можетъ быть возмѣщенъ. Наконецъ, если даже и совершенно полная въ естественномъ смыслѣ семья, въ виду какого-нибудь, случайнаго иногда, обстоятельства, пожелаетъ по чувству христіанской любви принять въ себя, путемъ усыновленія,

*) Конечно, если только усыновленіе совершено не для прикрытія к. л. преступныхъ или безнравственныхъ отношеній. Былъ, говорятъ, случай усыновленія однимъ женатымъ адвокатомъ своей пріятельницы.

еще новаго члена, то какое основанiе мѣшать этому? Государство, какъ и Церковь, должны напротивъ радоваться проявленiю всякаго добраго желанiя въ своихъ нѣдрахъ, должны поощрять и облегчать всячески осуществленiе такого желанiя, а не создавать совершенно искусственныхъ этому преградъ! Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно объяснить запрещенiе усыновлять тѣмъ лицамъ, у которыхъ есть собственныя дѣти? Заботливостью объ имущественной выгодѣ этихъ дѣтей о томъ, чтобы не уменьшалась установленная закономъ доля ихъ въ наслѣдствѣ? Но не чрезмѣрна ли такая заботливость объ имущественной выгодѣ однихъ въ ущербъ имущественной же пользѣ другихъ и общей нравственной пользѣ? Выгода выгодѣ рознь и выгоды низшаго порядка, имущественныя, должны отступать на второе мѣсто предъ выгодами высшей категорiи, выгодами нравственными. Имущественный интересъ — ожидаемое наслѣдство—побуждаетъ иногда законныхъ наслѣдниковъ желать, чтобы наслѣдодатель поскорѣе скончался, и еще при жизни и по смерти его грызться между собою и съ наслѣдниками по завѣщанiю изъ-за наслѣдства. Но государство, думаемъ мы, отнюдь не заинтересовано въ борьбѣ этихъ интересовъ и не должно покровительствовать интересамъ однихъ лицъ въ ущербъ другимъ и вопреки ясно выраженной волѣ собственника. Если наслѣдодатель можетъ путемъ завѣщанiя или инымъ образомъ исправить неравенство долей своихъ наслѣдниковъ по закону, если, съ другой стороны, ему принадлежитъ право совершенно обойти своихъ законныхъ наслѣдниковъ въ завѣщанiи въ пользу третьихъ лицъ, то на какомъ основанiи лишать его права ввести въ число своихъ наслѣдниковъ, путемъ усыновленiя, такое лицо, которое, быть можетъ, ему особенно дорого; и въ чемъ тутъ видѣть несправедливость, и для общества какая въ этомъ опасность? Безнравственно, напротивъ, а слѣдовательно и вредно для общества и для государства пользованiе предоставляемымъ существующимъ закономъ правомъ — въ имущественныхъ корыстныхъ интересахъ доказывать незаконность рожденiя лица или требовать уничтоженiя состоявшагося его узаконенiя! Кромѣ неуваженiя къ лицу, узаконившему, изъ-за имущества котораго обыкновенно и загорается сыръ-боръ, всѣ эти розыски о томъ, отъ кого и какъ былъ зачатъ человѣкъ, въ высшей степени оскорбительны для человѣческаго достоинства и грязно неприличны. Съ исключенiемъ изъ нашего закона понятiя «незаконнорожденности» и всякiе розыски о внѣбрачномъ зачатiи или рожденiи ребенка должны быть закономъ также прямо запрещены.

Споръ же противъ правильности усыновленія и требованіе возвращенія усыновленному прежняго имени и общественнаго положенія можетъ быть допускаемъ только для пользы самого усыновленнаго, отъ лица его самого, или его дѣйствительныхъ родителей, если въ усыновленіи была допущена какая-нибудь ошибка. Послѣдніе въ этомъ случаѣ могутъ доказывать, что лицо, относительно котораго идетъ споръ, рождено ими. Характеръ этого спора въ нравственномъ отношеніи совершенно иной.

Такъ какъ усыновленіе должно опредѣляться, главнымъ образомъ, законами нравственнаго порядка, то оно должно быть дѣйствіемъ свободной воли усыновляющаго и усыновляемаго, если усыновляемый уже въ сознательномъ возрастѣ. Что пользы сыну въ такомъ отцѣ, который, только уступая внѣшнему принужденію, призналъ его своимъ, и могутъ ли быть сыновнія отношенія со стороны того, кто насильно приведенъ въ семью?

Поэтому вопросъ о правѣ отыскиванія отца долженъ быть рѣшаемъ съ великою осторожностью, и мы скорѣе склонны къ отрицательному его рѣшенію. Впрочемъ, искъ о содержаніи матери и ребенка, пожалуй, еще можетъ быть предъявляемъ, но усыновленіе, устанавливающее не только обязанность заботиться объ усыновленномъ, но и родительскую надъ нимъ власть, можетъ быть только дѣйствіемъ свободной воли. Таковы тѣ общія основанія, на почвѣ которыхъ, по нашему мнѣнію, только и можетъ быть правильно рѣшенъ занимающій насъ вопросъ о рожденныхъ внѣ брака и вообще о сиротствующихъ дѣтяхъ.

* * *

Въ заключеніе остановлюсь еще разъ на томъ, на что ранѣе было уже мною указано и чему я придаю особенную важность. Въ дѣлѣ призрѣнія и воспитанія сирыхъ и оставленныхъ дѣтей великую службу родинѣ, а черезъ нее и всему человѣчеству, можетъ и должна, по нашему мнѣнію, оказать наша Русская Церковь. Къ этому ее обязываетъ, кромѣ общаго для нея съ другими церквами закона Христова, Его святой заповѣди о любви къ ближнимъ, Его святаго примѣра нѣжной ласки къ дѣтямъ; кромѣ этого, говорю я, — къ заботѣ о незаконныхъ и оставленныхъ дѣтяхъ нашу Церковь должно побуждать еще одно, особенно ея касающееся, обстоятельство. Виновникъ нашего спасенія, приведшій народъ нашъ ко Христу, основатель нашей Церкви и нашего великаго царства, — величайшая гордость и слава Русской Земли, ея красное вѣковѣчное солнышко, — Святой и Равноапостольный Владиміръ-

Князь — былъ, по лѣтописному сказанію, сыномъ рабыни, т. е., по тогдашнимъ понятіямъ,—тоже незаконнымъ сыномъ своихъ родителей, и Онъ понесъ за это свою долю униженія. Вспомнимъ только отвѣтъ Рогнѣды Владиміровымъ посламъ-сватамъ: «не хочу разуть сына рабыни!» Но незаконность, по человѣческимъ понятіямъ, его рожденія не помѣшала ему сдѣлаться избраннымъ сосудомъ и великимъ Угодникомъ Божіимъ, Его орудіемъ въ дѣлѣ спасенія, просвѣтителемъ и хранителемъ Земли Русской, и родоначальникомъ ея Государей! Память о Немъ, почтеніе къ Нему не обязываетъ ли нашу Русскую Церковь и наше Русское Государство быть особенно снисходительными и милостивыми ко внѣ брака рождающимся дѣтямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Онъ— Святой и Равноапостольный и Великій Князь! Память о Немъ, по преданію—нѣжномъ отцѣ и кормильцѣ всѣхъ нищихъ, сирыхъ и убогихъ, — не должна ли особенно располагать нашу Церковь къ попечительной заботливости о всѣхъ вообще сиротствующихъ и оставленныхъ дѣтяхъ? А чѣмъ другимъ можно имъ всего дѣйствительнѣе помочь, какъ не пріисканіемъ для нихъ, взамѣнъ оставившихъ ихъ или утраченныхъ ими отцовъ и матерей,—другихъ, новыхъ родителей?

Въ сентябрской книжкѣ одного изъ духовныхъ нашихъ журналовъ напечатано священническое поученіе къ замужнимъ женамъ, не имѣющимъ дѣтей. Какая благодарная тема! Но проповѣдникъ не воспользовался ею въ полной мѣрѣ, какъ могъ бы воспользоваться, если бы при составленіи своего поученія поставилъ себѣ не риторическую только задачу, но и жизненную цѣль. Женамъ, не имѣющимъ дѣтей, проповѣдникъ совѣтуетъ усугубить свои молитвы, о разрѣшеніи ихъ неплодія и присоединять къ этимъ молитвамъ обѣты посвященія испрашиваемыхъ дѣтей Господу или, по крайней мѣрѣ, обѣщанія воспитать дѣтей въ послушаніи вѣрѣ и благочестіи. Господь, конечно, можетъ и изъ камня воздвигнуть чадъ Аврааму, но слѣдуетъ ли искушать Его, безъ особенно настоятельной нужды, молитвами о чудесахъ,—о разрѣшеніи неплодія въ такомъ возрастѣ, когда, по естественному порядку вещей, прошло уже время плодоношенія? Ветхозавѣтныя Сарра, Анна и Елизавета, которымъ подражать приглашаетъ проповѣдникъ нашихъ женщинъ, неотступно и въ старости выпрашивали у Господа себѣ дѣтей; но вѣдь къ этому побуждали ихъ особыя причины: неплодіе лишало ихъ надежды имѣть въ своемъ потомствѣ Искупителя и приносило имъ особенное безчестье въ людяхъ. Для насъ, христіанъ, уже нѣтъ повода придавать такое важное значеніе именно плот-

скому порожденію. Родство по духу, которое каждый можетъ себѣ создать, имѣетъ для насъ не меньшее значеніе, нежели родство плотское. Для чего же, говоря словами Апостола, получивъ познаніе отъ Бога, «возвращаться опять къ немошнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ» и снова порабощать себя имъ? (Галат. 4,9). Итакъ: не согласнѣе ли было бы съ духомъ христіанства, да и не полезнѣе ли во всѣхъ отношеніяхъ—располагать неплодныхъ не столько къ молитвамъ о разрѣшеніи ихъ неплодія и къ обѣтамъ, выполнить которые онѣ быть можетъ не будутъ въ состояніи,—сколько—къ дѣламъ христіанскаго милосердія, къ усвоенію себѣ чадъ изъ числа тѣхъ несчастныхъ, у которыхъ порокъ или несчастіе отняли ихъ естественныхъ родителей? Сколько людей, томящихся своимъ одиночествомъ, сколько супруговъ, ропщущихъ на свое безчадіе, не знающихъ часто цѣли своей жизни и не видящихъ смысла въ своемъ безполезномъ существованіи: сколько такихъ истинно несчатныхъ людей — сдѣлались бы полезными и счастливыми; сколько счастья и радости принесли бы они другимъ и не тѣмъ только, кто непосредственно ими облагодѣтельствованъ и призрѣнъ, но и всѣмъ окружающимъ былъ бы радостенъ и спасителенъ ихъ святой примѣръ! Ошибочно думаютъ и говорятъ, что чужой ребенокъ не можетъ замѣнить своего: стоитъ только къ чужому приложить такія же заботы, какъ къ своему, и тогда никакой разницы между своимъ и усвоеннымъ не будетъ: установится та же, если еще не большая взаимная святая любовь, какая существуетъ между родителями и дѣтьми въ естественныхъ благочестивыхъ христіанскихъ семьяхъ!

«Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ!»

Аминь.

Статья Объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей напечатана въ октябрѣ 1890 г. приложеніемъ къ «Благовѣсту» и отдѣльнымъ выпускомъ и была разослана членамъ Государственнаго Совѣта предъ засѣданіемъ, въ которомъ обсуждался законопроектъ Министерства Юстиціи объ узаконеніи дѣтей послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей.

Законъ — Высочайше утвержденное 12 марта 1891 г. о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ — вышелъ шире министерскаго законопроекта и, сверхъ того, тѣмъ же Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было предоставлено Министру Юстиціи разработать и внести въ Государственный Совѣтъ, не ожидая окончанія работъ по составленію новаго Гражданскаго Уложенія, отдѣльный законопроектъ о правахъ личныхъ и имущественныхъ всѣхъ вообще внѣ брака рожденныхъ дѣтей. Исполненіемъ этого порученія явился законъ 3 іюня 1902 г., осуществившій нѣкоторую часть высказанныхъ въ моей статьѣ пожеланій.

О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I.

Отповѣдь на статью г. Z. «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи», напечатанную въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1891 годъ.

Вопросъ о значеніи произведенной Петромъ I перемѣны въ высшемъ церковномъ управленіи чрезвычайно важенъ и выясненіе его необходимо особенно потому, что онъ сильно затемненъ неумѣренными сторонниками и хвалебщиками совершенныхъ Петромъ I надъ русской жизнью издѣвательствъ и насилій. Со временъ Петра и донынѣ въ бюрократическихъ и литературныхъ кругахъ преобладаетъ такое настроеніе, по которому считается безусловно обязательнымъ, просвѣщеннымъ и похвальнымъ превозносить до небесъ и даже выше ихъ—до Сѣдящаго на небесахъ,—Петра I и всѣ его дѣла и поступки, не исключая самыхъ возмутительныхъ, кощунственныхъ и грязныхъ, и, наоборотъ, безпристрастное и разсудительное отношеніе къ личности и дѣламъ этого, во многихъ отношеніяхъ злополучнаго государя, — защита безъ нужды поруганной и разоренной имъ русской старины, въ которой не все же, однако, заслуживало разоренія и поруганія, въ упомянутыхъ кругахъ считается дѣломъ ретрограднаго обскурантизма, и въ то же время — дѣломъ неблагонамѣреннымъ и чуть ли не возмутительнымъ и преступнымъ. Основаніе такому складу и строю мысли было крѣпко вколочено въ русскія головы еще самимъ Петромъ. Вопреки многимъ прекраснымъ словамъ его указовъ, требовавшимъ правдиваго и честнаго исполненія служебнаго долга, Петръ на дѣлѣ еще настойчивѣе того требовалъ отъ всѣхъ, его окружавшихъ и ему подвластныхъ, безусловной, рабской покорливости и лести. Наушничествомъ, потворствомъ и грубымъ ласкательствомъ, возвысились и держались при немъ не только свѣтскіе его любимцы и временщики какъ Менщиковъ, Толстой и Екатерина, но и наиболѣе вліятельныя духовныя особы: какъ охуждаемый г-мъ Z. Ѳеодосій Яновскій, такъ и превозноси-

мый имъ Θеофанъ Прокоповичъ. Эта петровская закваска до сихъ поръ всю нашу жизнь квасить; и до сихъ поръ: учителя и профессоры, составители историческихъ учебниковъ и многотомныхъ ученыхъ исторій, считаютъ почему-то своею обязанностью оправдывать и прославлять въ Петрѣ не только то, что дѣйствительно заслуживаетъ признательности и похвалы: его труженичество, его старанія усилить вещественное и военное могущество Россіи, его заботы о развитіи промысловъ и техническихъ знаній, пожалуй, его внѣшнюю политику и военныя удачи; но—и особенно тѣ его дѣла, въ которыхъ онъ былъ великимъ грѣшникомъ передъ Богомъ и Россіей, и которыя можно только замаливать, а не славить. Оправдываются и прославляются и ненасытная его жестокость, и прихотливыя его насилія, и неразборчивость средствъ; нелѣпая стрижка кафтановъ и бородъ и напяливаніе на русскихъ людей шутовскихъ камзоловъ и париковъ, его кощунственныя, развратныя и пьяныя потѣхи, пренебреженіе къ сыну и вѣроломное его убійство, и, наконецъ, беззаконное посягательство на церковный строй и духовную жизнь Русскаго народа. Сопротивленіе же русскихъ людей всему этому кровавому и растлѣвающему насилію и соблазну выставляется до сихъ поръ только какъ признакъ одичалой грубости нравовъ и закоренѣлаго русскаго невѣжества. Стихи 18-го вѣка о Петрѣ съ кощунственнымъ возгласомъ: «Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!» доселѣ предлагаются бѣдному русскому юношеству не какъ примѣръ неумѣреннаго и опрометчиваго ласкательства, а какъ образецъ подобавшей преобразователю поэтической хвалы!

Какое смѣшеніе понятій о добрѣ и злѣ, какіе растлѣнные нравы воспитываются подобною ложью! Не ей ли обязана Россія многими поколѣніями людей, презирающихъ свой народъ, его историческія и церковныя преданія,—безразличныхъ къ добру и злу, ставящихъ выше всего личный произволъ, глядя по обстоятельствамъ—свой или чужой, руководящихся въ жизни правиломъ, что «практически полезныя», хотя бы и сомнительныя въ нравственномъ отношеніи, цѣли оправдываютъ всякія для достиженія ихъ средства.

Нельзя не видѣть и того, что всѣ эти старанія оправдать и возвеличить петровскія насилія далеко не всегда искренни; въ иныхъ случаяхъ они представляются какъ бы вынужденными. Вотъ, напримѣръ, ученый трудъ, посвященный Духовному регламенту и дополнительнымъ къ нему узаконеніямъ Петра I. Сочиненіе это въ общемъ написано старательно и дѣльно и даетъ достаточно данныхъ и полную возможность

для справедливой оцѣнки вліянія этихъ узаконеній на нашу церковную жизнь. Пагубность этого вліянія не укрылась отъ сочинителя, и, не смотря на это, онъ въ каждой главѣ своего труда обязательно проникается «чувствомъ глубочайшаго уваженія», благоговѣніемъ къ тѣмъ самымъ мѣропріятіямъ, которыя самъ же признаетъ пагубными. Эта разладица автора съ самимъ собой, противорѣчіе вставочныхъ его сужденій и хвалебныхъ отзывовъ всему дѣловому содержанію книги свидѣтельствуютъ или о крайней его непослѣдовательности, или о вынужденности его хвалебныхъ вставокъ.

Статья г-на Z. въ «Р. В.» также полна противорѣчій и любопытна не новизною собранныхъ въ ней данныхъ, а черезчуръ уже безстыжею откровенностью взглядовъ на взаимныя отношенія государства и церкви, и ретивымъ стараніемъ представить въ исторіи этихъ отношеній черное бѣлымъ и свалить всю отвѣтственность съ больной головы на здоровую.

Статья г–на Z. начинается утвержденіемъ, что «перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ I, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей. Петръ I только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній: геніальный государь направилъ только ходъ вещей въ данномъ направленіи».

Нельзя сказать, чтобы основное положеніе статьи было высказано ясно и толково. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ этого положенія говорится, что перемѣна при Петрѣ высшаго церковнаго управленія была выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей, слѣдующія за тѣмъ слова даютъ поводъ заключить, что въ сущности никакой перемѣны въ высшемъ церковномъ управленіи при Петрѣ и не произошло, такъ какъ Петръ только узаконилъ то, что существовало въ нашемъ отечествѣ и до него, въ заключеніе же оказывается, что Петръ «только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи». Попробуемъ разобраться въ этомъ противорѣчіи!

Г-нъ Z. утверждаетъ, что перемѣна высшаго церковнаго управленія совершена Петромъ по требованію исторіи и «по разуму русскаго народа», т. е., по мнѣнію автора, произведенная Петромъ перемѣна соотвѣтствовала исторически сложив-

шимся взглядамъ и желанію Русскаго народа. Справедливо ли это мнѣніе г-на Z., и на чемъ онъ его основываетъ?

За выписаннымъ нами основнымъ положеніемъ идетъ у него слѣдующее разсужденіе: «русской исторической наукой отмѣчено, что всероссійскіе патріархи, поднявшись честію на ступень выше всероссійскихъ митрополитовъ, спустились по силѣ и обширности власти на ступень ниже своихъ предшественниковъ. Для того, чтобы всероссійскому патріарху сравняться съ патріархомъ константинопольскимъ не по чести только, потребовалось бы учредить и подъ нашимъ патріархомъ іерархическое устройство по греческому образцу. Этого то на Руси и оказалось невозможнымъ достигнуть. Въ Греціи епархіи до того небольшія, что для епископа не нужны учрежденія, подобныя нашимъ консисторіямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ, тамъ епископъ можетъ дѣлать все въ епархіи самолично, при помощи своего хартофилакса, архидіакона и вообще своихъ ближайшихъ довѣренныхъ клириковъ: со всѣми священниками въ приходахъ своего округа и со всею своею паствою онъ можетъ имѣть непосредственныя сношенія. Самая близость къ своей паствѣ у насъ при обширности епархіи невозможна, и потому отъ начала Руси наше церковно-епархіальное устройство приняло другой видъ».

Остановимся пока на этомъ разсужденіи и отмѣтимъ его несостоятельность. Казалось бы, если близость епископа къ своей паствѣ вообще полезна и желательна, а при обширности епархій не возможна, то, чтобы осуществить желаемое, слѣдуетъ сдѣлать епархіи менѣе обширными. Поэтому, чтобы доказать свое положеніе о невозможности у насъ церковно-епархіальнаго устройства по образцу Константинопольской Церкви, не достаточно было сослаться на обширность русскихъ епархій, слѣдовало указать причины этого явленія и доказать, что раздѣленіе Русской Церкви на епархіи менѣе обширныя потому-то было не возможно. Простая же ссылка на обширность русскихъ епархій ничего не доказываетъ и ничего не объясняетъ.

«Надъ епископомъ въ Греціи», продолжаетъ г-нъ Z., стоитъ митрополитъ, епископъ главнаго города области, властвующій (не вездѣ) надъ епископами городовъ, находящихся въ зависимости отъ главнаго. Еще выше—власть патріарха, вѣдающаго своихъ митрополитовъ, а, по сложившимся историческимъ обстоятельствамъ, изъ четырехъ патріарховъ греческой церкви три поставлены въ такое отношеніе къ четвертому, что вселенскій патріархъ можетъ быть приравниваемъ къ папѣ римскому».

Въ этомъ разсужденіи г-нъ Z. прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неточность выраженій. Говорится постоянно «о Греціи», о «греческой церкви», между тѣмъ, въ дѣйствительности, у него идетъ рѣчь о Турціи и о четырехъ восточныхъ патріархіяхъ, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльную помѣстную Церковь, и всѣ онѣ вмѣстѣ одной «греческой» Церкви не составляютъ. Собственно же Греческая Церковь, во главѣ которой стоитъ нынѣ аѳинскій сѵнодъ, въ разсужденіе автора вовсе и не входитъ. Затѣмъ, отношенія константинопольскаго патріарха къ остальнымъ тремъ отнюдь не даютъ основанія и права приравнивать его къ папѣ римскому, ибо константинопольскому патріарху въ отношеніи трехъ другихъ восточныхъ патріарховъ, какъ и въ отношеніи предстоятелей другихъ православныхъ автокефальныхъ Церквей, принадлежитъ только первенство чести, а не главенство власти. Поэтому, дальнѣйшія разсужденія г-на Z. о «плѣнительности для воображенія идеи папства» и о томъ, что эта идея «предполагаетъ организацію монархическую, стройную, крѣпкую и сильную»—представляются не идущими къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что тутъ же заявляется, что «не папство, конечно, хотѣли завести у насъ, когда старались водворить на Руси порядки византійскаго высшаго церковнаго управленія». Столь же мало идетъ къ дѣлу и дальнѣйшее заявленіе автора о томъ, что, заводя упомянутые порядки, у насъ хотѣли имѣть для Церкви «новаго Константина и Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ». Если хотѣли имѣть новаго Константина, то, конечно, хотѣли имѣть его въ московскомъ царѣ, а не въ патріархѣ, и потому это желаніе нашихъ прадѣдовъ къ разсужденію автора объ объемѣ и силѣ патріаршей власти въ Россіи сравнительно съ властію всероссійскихъ митрополитовъ и константинопольскихъ патріарховъ никакого отношенія не имѣетъ.

Далѣе г-нъ Z. останавливается на трехъ попыткахъ «водворить въ Россіи византійскую законченность церковнаго управленія», именно—на постановленіяхъ: собора 1589 года—учредить подъ патріархомъ четыре митрополіи, шесть архіепископій и восемь епископій, собора 1667 г.—о томъ, чтобы каждый митрополитъ имѣлъ подъ собою епископовъ по святымъ правиламъ, «ради конечнаго исполненія церковнаго», и—на предложеніи царя Ѳеодора Алексѣевича собору 1681 года о томъ, «чтобы каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а патріарху, отцемъ отцу,—имѣть многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю».

Объясненіе неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ г-нъ Z. находитъ въ челобитной митрополитовъ и архіепископовъ,

участвовавшихъ въ соборѣ 1681 г., царю Өеодору Алексѣевичу; въ которой они просили не дѣлать архіепископовъ и епископовъ подвластными митрополитамъ, «чтобы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межь себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны». Въ этой челобитной русскихъ іерарховъ г-нъ Z. видитъ «дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ церкви по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно воспріяты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ царями».

Цари Өеодоръ Іоанновичъ, Алексѣй Михаиловичъ и Өеодоръ Алексѣевичъ были «люди чувства и воображенія»; «такіе люди плѣняются внѣшностью предмета, а не его содержаніемъ». «Не въ этихъ вѣнценосцахъ сосредоточивался», по словамъ г-на Z., «современный имъ разумъ русской земли, и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ»; «управляли этимъ теченіемъ думцы, т. е. люди мыслящіе, иногда стоящіе къ кормилу управленія не близко. Въ данномъ случаѣ, церковный вопросъ, поднятый еще Іоанномъ III и получившій при Іоаннѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, сталъ достояніемъ людей мыслящихъ допетровскаго времени настолько, что, при попыткѣ царя Өеодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи, противномъ разуму народа, митрополиты и архіереи, участвовавшіе въ соборѣ 1681 года, своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей, и, такимъ образомъ, еще до воцаренія Петра сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и, вслѣдствіе этого, обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно, спокойно (?), что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ «разгласію, распрямъ и высости» среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло».

Прежде всего необходимо замѣтить, что заявленія о не-

успѣшности соборныхъ попытокъ ввести у насъ на Руси іерархическія степени въ епископскомъ чинѣ—не совсѣмъ вѣрны. Въ 1686 году, слѣдовательно, вскорѣ послѣ собора 1681 г. и приводимой авторомъ челобитной, подъ властію Московскаго патріарха было уже двѣнадцать митрополитовъ и въ числѣ ихъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Малыя Россіи, до того времени бывшій почти автокефальнымъ, ибо зависимость его отъ константинопольскаго патріарха выражалась въ полученіи благословенія уже по посвященіи. Этотъ іерархическій порядокъ, представлявшій собою только «конечное исполненіе церковное», не только не противорѣчилъ исторіи и разуму Русскаго народа, но, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ его благочестивымъ взглядамъ и желаніямъ. И ужъ, конечно, государи Ѳеодоръ Іоанновичъ, Михаилъ и Алексѣй и Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ своихъ отношеніяхъ къ Церкви съ гораздо большимъ правомъ могутъ быть почитаемы выразителями разума Русскаго народа, нежели «думцы» свѣтскіе—вродѣ Стрѣшнева, выучившаго свою собаку благословлять, и духовные—вродѣ Ѳеофана Прокоповича, укорявшаго въ своихъ проповѣдяхъ лицъ, имѣвшихъ мужество осуждать кощунственныя петровскія забавы. По словамъ г-на Z., опредѣленное направленіе церковному вопросу, разрѣшившееся петровскою реформою, дано было еще Иваномъ IV; авторъ умалчиваетъ о томъ, какія собственно дѣла Іоанна Грознаго сближаютъ его въ отношеніи Церкви съ Петромъ; но, конечно, г. Z. разумѣетъ не обращенія Іоанна IV къ соборамъ съ цѣлью устраненія разныхъ церковныхъ неустройствъ, ибо въ этихъ случаяхъ Іоаннъ дѣлалъ то же, что и другіе благочестивые московскіе государи до царя Ѳеодора Алексѣевича включительно. И такъ, говоря о томъ, что при Іоаннѣ IV церковный вопросъ принялъ уже совершенно опредѣленное и желательное, съ точки зрѣнія автора, теченіе, не разумѣетъ ли онъ расправу Іоанна съ митрополитомъ Филиппомъ? Но было бы уже слишкомъ большою наглостью утверждать, что это святоубійство было совершено «по разуму русскаго народа»!

Впрочемъ, изъ приведенной выше выдержки видно, что, по мнѣнію автора, требованія исторіи и разумъ Русскаго народа въ вопросѣ о строѣ нашей Церкви съ особенною ясностью выразились въ упомянутой челобитной архіереевъ и митрополитовъ собора 1681 года. Этимъ челобитьемъ митрополиты и архіереи «разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей, и еще до воцаренія Петра сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и вслѣдствіе того обязательную форму», причемъ съ

изданіемъ регламента «въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло измѣненія, но власть и честь епископа была еще возвышена, и уничтожены всѣ поводы къ разгласію, распрямъ и высости».

Можно ли такъ беззастѣнчиво обращаться съ исторіей, съ общеизвѣстными и несомнѣнными ея свидѣтельствами, и можно ли быть произвольнѣе въ умозаключеніяхъ и выводахъ?

Духовный регламентъ представляется г. Z., какъ актъ, узаконившій и закрѣпившій то, чего желали и о чемъ просили русскіе митрополиты и архіепископы собора 1681 г.! Духовный регламентъ, по его словамъ, возвысилъ власть епископа и уничтожилъ всѣ поводы къ разгласію и распрямъ въ архіерейскомъ чинѣ! Но митрополиты и архіепископы собора 1681 г. заботились о сохраненіи самостоятельности епископовъ, о согласіи въ архіерейскомъ чинѣ и о мирѣ церковномъ. Эти ли цѣли имѣлись въ виду и достигались Духовнымъ регламентомъ? Авторъ именно это и утверждаетъ, но, чтобы показать, насколько ложны эти его утвержденія, обратимся къ Духовному регламенту, сдѣлаемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, относящихся собственно до архіерейскаго чина, а потомъ посмотримъ, какой миръ и согласіе водворились въ архіерейскомъ чинѣ и въ самомъ духовномъ коллегіумѣ вслѣдъ за его учрежденіемъ.

Во второй части Духовнаго регламента, въ главѣ о дѣлахъ епископовъ, статья 14 говоритъ: «Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ; и дѣло убо великое, но честь никаковая, почитай, въ писаніи знатная опредѣлена... Убо точію внѣшнее дѣло пастырское есть проповѣдати, настояти, запрещати благовременно и безвременно и обряды таинъ святыхъ строити. Дѣло же внутреннее, еже обращати сердца къ покаянію и обновленію житія, есть единаго Бога, благодатію своею, чрезъ слово и тайнодѣйствіе пастырей, аки чрезъ орудіе, невидимо дѣйствующаго». Въ главѣ о посѣщеніи епископами городовъ своей епархіи въ ст. 1 предлагается имъ ѣздить по епархіи предпочтительно лѣтомъ, а не зимою, такъ какъ лѣтомъ кормы дешевле; при этомъ выражено, что епископъ можетъ, не въѣзжая въ городъ,—«не далече отъ города на полѣ въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства или гражданъ». Въ статьѣ 4-й той же главы предлагается епископу «тайно у меньшихъ церковниковъ и аще кто иный удобный покажется спрашивать, какъ живутъ пресвитеры и діаконы...»; въ ст. 8 сказано: «иныя дѣла и поступки, какъ священства, такъ и приходскихъ людей, могутъ быть утаиваемыя передъ епископомъ... и о таковыхъ

тайно и искусно провѣдывать». Въ ст. 10 предписывается о правленіи и поведеніи близкихъ къ городамъ монастырей «выспрашивать въ градѣхъ и селѣхъ отъ священства и мірянъ». Ст. 13 опредѣляетъ: «Да вѣсть всякъ епископъ, каковый онъ ни есть степенемъ, простой ли епископъ или архіепископъ или митрополитъ, что онъ духовному коллегіумъ, яко верховной власти, подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его довольствоваться долженъ». Ст. 14 предоставляетъ «всякому архимандриту, игумену, строителю, приходскому священнику, такожъ діаконамъ и прочимъ причетникамъ, свободно и вольно просить у духовнаго коллегіумъ суда на своего епископа, аще кто въ чемъ отъ него знатно изобличенъ будетъ. Такожъ, аще кто судомъ епископа своего не довольствуется, вольно ему чинить провокацію, сіесть переносить дѣло на судъ духовнаго коллегіумъ...» Наконецъ, ст. 15 опредѣляетъ: «долженъ будетъ всякъ епископъ дважды въ годъ (или какъ укажетъ о семъ коллегіумъ) присылать до коллегіумъ репорты, сіесть извѣщенія, о состояніи и поведеніи епархіи своей; все ли добрѣ или нѣкое неисправленіе есть, котораго онъ переставить не можетъ и для чего не можетъ. А хотябъ все добрѣ было, то обаче долженъ епископъ извѣстить въ коллегіумъ, что, славу Богу, все добрѣ. Но есть ли бы извѣстилъ, что все добрѣ, и отъинуду бы показалось, что нѣчто въ епархіи его дѣется суевѣрное, или и явно богопротивное, епископъ бы вѣдая тое утаилъ и до коллегіумъ не донеслъ, то самаго его позоветъ на судъ къ себѣ коллегіумъ и по довольномъ уличеніи подвержетъ его наказанію, яковое уставлено будетъ».

Итакъ, обязанности епископовъ сведены въ регламентѣ къ разнаго рода в н ѣ ш н и м ъ дѣйствіямъ, способы выполненія которыхъ самымъ подробнымъ и точнымъ образомъ указаны въ томъ же регламентѣ. Даже поученія къ духовенству и народу, которыя вмѣнялось епископамъ въ обязанность говорить при объѣздѣ епархій, должны были быть сочинены въ духовномъ коллегіумѣ, «понеже не всякъ епископъ можетъ чистое слово сложить», вѣрнѣе же для того, чтобы епископы не говорили при этомъ чего-нибудь лишняго, конечно,—съ точки зрѣнія составителей регламента.

Главнѣйшими обязанностями епископовъ по регламенту являются соглядатайство, тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе и доношенія духовному коллегіуму, которому епископы отданы въ полную власть тѣломъ и душой.

Апостольскія и святоотеческія правила и опредѣленія святыхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ оградили самостоя-

тельность епископовъ. Въ нихъ постановлено, что епископа судитъ только соборъ (Апост. 74 Констант.); по невозможности же собраться собору, епископа судятъ двѣнадцать епископовъ (Карѳ. 12); если епископы области не возстановятъ порядка, то обвинители должны обратиться къ большему собору, впрочемъ, не иначе, какъ письменно, поставивъ себя подъ страхомъ одинаковаго съ обвиняемымъ наказанія, если окажутся клевещущими (Втор. 6); ежели судящіе разрознятся въ мнѣніяхъ, то епископъ митрополіи долженъ призвать на совѣщаніе нѣсколько епископовъ изъ ближайшей области (Ант. 14), и патріархъ не можетъ отрѣшить подвластнаго себѣ епископа безъ собора, но долженъ предложить его дѣло разсмотрѣнію собора въ своемъ присутствіи (Кирилл. 1).

Таковы каноническія опредѣленія о судѣ надъ епископомъ. Духовнымъ же регламентомъ постановлено, что не только простые епископы, но даже и президентъ самого духовнаго коллегіума, слѣдовательно, старѣйшій изъ архіепископовъ или митрополитовъ Русской Церкви, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ, подлежитъ суду того же коллегіума. Несомнѣнно: такой порядокъ суда надъ епископами доставлялъ не малое, по выраженію Духовнаго регламента, «угодіе», но только, конечно, не Церкви и ея пастырямъ!

Можно ли, въ виду всего этого, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждать, что Регламентъ духовный возвысилъ достоинство и честь архіереевъ? И можно ли это законоположеніе, отнимавшее у епархіальнаго архіерейства всякую свободу и ставившее его въ полную, безгласную и рабскую зависимость отъ духовнаго коллегіума, приводить въ какую бы то ни было внутреннюю связь съ челобитною архіепископовъ и митрополитовъ 1681 г., цѣлью которой было оградить самостоятельность и согласіе архіерейскаго чина и миръ церковный?

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ встрѣчаются въ статьѣ г. Z все болѣе странныя сопоставленія. Приведя замѣчаніе митрополита Евгенія, сдѣланное имъ въ «Исторіи княжества Псковскаго», о томъ, что Петръ I, намѣреваясь учредить по новому регламенту Святѣйшій Сѵнодъ и всѣ россійскія епархіи, отложилъ пока степени ихъ, а хиротонисаніе митрополитовъ остановилъ вовсе, авторъ уже отъ себя продолжаетъ: «если, по мысли Петра Великаго, русская церковь, не переставая быть православною, можетъ оставаться безъ единоличнаго управленія, безъ патріарха и даже безъ митрополитовъ, то какой же образецъ, этотъ преобразователь имѣлъ передъ собою, когда предпринялъ создать новое положеніе не только для высшаго въ Россіи церковнаго управленія, но и для каждой россій-

ской епархіи? Высказывая въ 1-й части Духовнаго регламента о «винахъ» духовнаго коллегіума, какъ основной принципъ, что въ церкви правительство не монаршеское есть, авторъ (регламента) указываетъ на синедріонъ у евреевъ, ареопагъ въ Аѳинахъ и иныя въ томъ же городѣ правительствующія собранія, нарицаемыя дикастеріа». «Хотя», продолжаетъ г-нъ Z., «авторъ Духовнаго регламента и не договариваетъ,—что можетъ быть не требовалось порядкомъ и цѣлью изложенія,—до конца своей мысли, однако, его идеалъ церковнаго устройства виденъ. Это идеалъ первенствующей церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ».

Неожиданное открытіе! Духовный регламентъ, оказывается, возсоздалъ намъ идеалъ первенствующей церкви Христовой, не искаженной еще союзомъ и покровительствомъ государства!

Осуществись только вполнѣ мысль Петра, и мы имѣли бы теперь у себя церковь истинно-православную и апостольскую, не зараженную монархическимъ правительственнымъ началомъ, т. е.—не только безъ патріарха и митрополитовъ, но—если продолжить логически недовершенный планъ Петра и недосказанную мысль автора, то, конечно,—и безъ епископовъ.

Высказавъ, что всероссійскіе патріархи не равнялись и не могли, въ силу особаго склада русской жизни, равняться по силѣ и обширности власти съ константинопольскими патріархами; установивъ затѣмъ положеніе, что всероссійскіе патріархи значительно уступали въ силѣ и обширности власти предшествовавшимъ имъ всероссійскимъ митрополитамъ, и, наконецъ, что и власть самихъ русскихъ патріарховъ не росла, а умалялась, что попытки усилить ее надлежащимъ устройствомъ іерархическихъ степеней, по мѣстнымъ условіямъ, тоже не имѣли и не могли имѣть успѣха,—авторъ, въ противорѣчіе всему этому, признаетъ, однако же, что укрѣплявшемуся въ лицѣ Петра русскому самодержавію необходимо было нанести рѣшительный ударъ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ, будто бы, опасностію самому государству. «Такимъ необходимымъ», по логикѣ автора, «ударомъ было уничтоженіе патріаршества съ указаніемъ въ Духовномъ регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ полной невѣжества».

Авторъ вполнѣ, конечно, убѣжденъ въ справедливости приведеннаго имъ изъ Духовнаго регламента объясненія опасности, грозившей государству отъ единоличной духовной власти. «Петру Великому»—заключаетъ г-нъ Z. вторую главу своей статьи,—«не оставалось другого исхода, какъ только, не

касаясь основного церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ, обязавъ каждаго члена учрежденнаго собора вѣрноподданической присягою».

Но, если, по вѣрному, въ этомъ случаѣ, признанію г-на Z., власть константинопольскаго патріарха несравненно обширнѣе и сильнѣе власти бывшихъ всероссійскихъ патріарховъ,—и она оказывается нисколько не стѣснительною даже для самовластія турецкихъ султановъ,—если за тѣмъ со властію всероссійскихъ митрополитовъ, которая также была шире и сильнѣе власти всероссійскихъ патріарховъ, жили въ мирѣ и добромъ согласіи князья удѣльные и великіе, власть которыхъ уступала, конечно, власти позднѣйшихъ московскихъ самодержцевъ, то какимъ же образомъ изъ этихъ посылокъ можетъ вытекать заключеніе объ опасности для московскаго самодержавія патріаршаго управленія и о необходимости его уничтожить? Далѣе, въ чемъ заключалась эта опасность для государства, которою оправдывается въ глазахъ автора измѣненіе нашего церковнаго строя?—Онъ этой опасности со стороны патріаршаго управленія не указываетъ, да и не можетъ указать. Кромѣ выписки изъ Духовнаго регламента, къ которой мы еще возвратимся, онъ ссылается только на отлученіе устюжскимъ архіепископомъ Александромъ отъ Церкви воеводы Кикина за служебныя его дѣйствія во исполненіе указовъ Петра, да на извѣстныя слова царевича Алексѣя Петровича, сказанныя имъ въ нетрезвомъ и разстроенномъ состояніи *). Но въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не о патріархѣ, а объ архіереяхъ и потому, если придать имъ такое важное значеніе, какого они не имѣли, то по нимъ можно было бы заключить о необходимости уничтожить не патріаршество только, а и весь архіерейскій чинъ!

Переходя къ разсмотрѣнію доводовъ въ пользу произведенной Петромъ перемѣны церковнаго управленія, заимствованныхъ г-номъ Z. изъ Духовнаго регламента, мы предварительно замѣтимъ, что утвержденіе, будто-бы авторъ Духовнаго регламента имѣлъ передъ собой идеалъ первоначальной Церкви Христовой, является совершенно произвольнымъ. Если-бъ это было дѣйствительно такъ, то составителю регламента естествен-

---

*) «Когда мнѣ будетъ время безъ батюшки, тогда шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они (петровскіе временщики) меня нехотя владѣтелемъ учинятъ».

нѣе и цѣлесообразнѣе было бы сослаться въ оправданіе своего духовнаго коллегіума на примѣръ первенствующей христіанской Церкви, нежели на іудейскій синедріонъ и языческій ареопагъ и дикастеріи. Впрочемъ, вѣдь и Лютеръ и другіе протестантскіе реформаторы, разоряя церковь, полагали, что они преобразовываютъ ее по примѣру первенствующей Церкви Христовой. По ихъ слѣдамъ и наши ересіархи и сектаторы, включая сюда и графа Льва Толстого, совершенно отрицающаго Церковь, и автора разсматриваемой статьи о высшемъ церковномъ управленіи, господина Z., не сочувствующаго въ ней только патріаршему и митрополичьему чину, — въ оправданіе своихъ нападеній на Церковь и ея іерархію, ссылаются, конечно, недомысленно или облыжно, на первоначальное ея положеніе и устройство до четвертаго вѣка, когда-де она не была еще въ союзѣ съ государствомъ.

Можно, конечно, держаться всякихъ мнѣній, но, чтобы остаться добросовѣстнымъ, нужно называть вещи ихъ собственными именами. Напримѣръ, свои собственные вымыслы не слѣдуетъ выдавать за Христово или апостольское благовѣствованіе, или воззрѣніе на церковную власть, не имѣющее ничего общаго со взглядомъ Церкви апостольской, не слѣдуетъ называть древне-церковнымъ и придавать значеніе вещамъ совершенно обратное тому, какое онѣ въ дѣйствительности имѣли и имѣютъ. Между тѣмъ, это-то послѣднее именно и сдѣлали составители Духовнаго регламента въ объясненіи «винъ» своего духовнаго коллегіума, и это же самое продѣлалъ, по ихъ примѣру, г-нъ Z.

По православному понятію, основанному не на заимствованныхъ у Византіи порядкахъ, а на священныхъ соборныхъ и святоотеческихъ опредѣленіяхъ, Церковь Константинопольская, какъ и другія помѣстныя Церкви Православнаго Востока, имѣющія патріарховъ съ подчиненною имъ лѣствицею архіерейскихъ степеней—митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, — въ существѣ своего церковнаго строя ничѣмъ не отличается отъ первенствующей христіанской Церкви, получившей этотъ строй отъ самого Христа и Его ближайшихъ учениковъ—апостоловъ. Вселенскіе патріархи въ отношеніи степени присущей имъ благодатной власти учительства и тайнодѣйствій совершенно равны со всѣми другими епископами зависимыхъ отъ нихъ епархій. Но, какъ въ обширныхъ епархіяхъ явилась потребность въ назначеніи священниковъ благочинныхъ, чѣмъ, однако, священническому чину не причиняется никакой порухи, такъ и въ обширныхъ помѣстныхъ Церквахъ, для соблюденія необходимаго единства въ управленіи и распорядкѣ церковныхъ

дѣлъ, явилась необходимость учредить и въ самомъ архіерейскомъ чинѣ разныя іерархическія степени, начиная отъ простого епископа и кончая патріархомъ или папой (это имя носили и нѣкоторые изъ восточныхъ архіепископовъ). Но съ учрежденіемъ митрополичьяго и патріаршаго достоинствъ характеръ церковнаго управленія въ существѣ своемъ остался прежній, ибо, какъ въ первенствующей Церкви апостольской, такъ и въ Церквахъ патріаршихъ IV и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ,—высшею законоуставною и судящею властью были и суть соборы областные, помѣстные и вселенскіе. Въ Церквахъ патріаршихъ православныхъ, какъ во времена святыхъ патріарховъ Аѳанасія александрійскаго и Іоанна Златоустаго, такъ и донынѣ, церковное управленіе, несмотря на присутствіе въ нихъ патріарховъ, продолжаетъ быть не монаршескимъ, а соборнымъ, ибо, во-первыхъ, патріархи избираются и получаютъ свое освященіе отъ соборовъ и судятся соборами; во-вторыхъ, при патріархахъ обычно есть постоянные сvноды, и, въ-третьихъ, важнѣйшія дѣла отдаются ими на рѣшеніе и на судъ соборовъ, въ которыхъ и понынѣ не рѣдко участвуютъ представители не одной какой-либо, а нѣсколькихъ помѣстныхъ Церквей. И наша Русская Церковь, какъ во времена всероссійскихъ митрополитовъ, такъ затѣмъ и при всероссійскихъ патріархахъ, была не монаршескою церковью, а соборною, доказательствами чему служатъ и упоминаемые г. Z. соборы 1589, 1667 и 1681 годовъ, и даже самъ патріархъ Никонъ, ибо какого бы ни былъ онъ высокаго о своемъ санѣ мнѣнія, и какіе бы ни приписывались ему честолюбивые «замахи», однако же, онъ не считалъ себя ни духовнымъ монархомъ, ни папою, ибо ничего важнаго безъ соборнаго совѣщанія не дѣлалъ и не отрицалъ своей подсудности власти правильно составленнаго собора.

А что такой соборный и іерархическій строй Русской Церкви, бывшій только «конечнымъ исполненіемъ церковнымъ», равно какъ то уваженіе, какимъ пользовались въ народѣ первосвятители Русской Церкви, не представляли никакой опасности для государства,—это доказывается всею нашею политическою и церковною исторіей и всего болѣе исторіей и развязкою столкновеній московскихъ государей съ предстоятелями Русской Церкви: ни св. Филиппъ, ни Никонъ, ни Адріанъ, ни Стефанъ Яворскій не призывали народъ къ бунту; они обращались только къ самимъ государямъ съ словами увѣщанія, къ чему обязывалъ ихъ пастырскій долгъ, и дѣлали это явно только тогда, когда молчаніе ихъ было бы для вѣрующихъ соблазномъ. И не только пренебреженіе къ святитель-

скимъ совѣтамъ, но даже пристрастный надъ ними судъ и самое святоубійство вызывали со стороны народа только нравственное осужденіе, а не матеріальное возмездіе. Но Петръ не довольствовался положеніемъ неограниченнаго и никому не подвластнаго властителя въ Государствѣ, онъ не признавалъ никакого суда надъ собою и въ Церкви; считалъ себя крайнимъ судіею не только надъ тѣлами, но и надъ душами своихъ подданныхъ (см. ниже указъ о преданіи церковной анаѳемѣ Глѣбова) и хотѣлъ, чтобы не только въ государствѣ, но и въ Церкви его произволъ былъ закономъ.

Ставя весь епископскій чинъ въ безусловное и полное подчиненіе духовному коллегіуму и ставя себя самого крайнимъ судіею этого коллегіума, Петръ тѣмъ самымъ именно и дѣлалъ церковное наше управленіе монаршескимъ и упразднялъ въ немъ соборное начало. Ибо, хотя на словахъ въ Духовномъ регламентѣ и сопровождавшемъ его манифестѣ отдается предпочтеніе соборному правительству передъ единоличнымъ, и духовное коллегіумъ отожествляется съ соборнымъ духовнымъ правительствомъ, однако же, на самомъ дѣлѣ, коллегіальное управленіе, какъ разумѣли его Петръ и его ближайшій въ этомъ дѣлѣ вдохновитель и пособникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ правленіемъ соборнымъ ничего общаго не имѣетъ. Въ каноническихъ соборахъ участвуютъ всѣ епископы подвластныхъ юрисдикціи собора областей, участвуютъ въ силу самого своего сана не по праву только, но и по обязанности; каждый участникъ собора призывается свободно высказать свое мнѣніе и произнести свой судъ. Начала, одухотворяющія соборы, суть любовь и единодушіе. Петровское же духовное коллегіумъ образовано было изъ небольшого числа людей разнаго чина и званія: епископовъ (3), архимандритовъ, игуменовъ и бѣлаго священства, которые всѣ назначались свѣтскою властью, причемъ разночинный составъ этого учрежденія, какъ безо всякаго стѣсненія пояснено въ ст. 5 части I Духовнаго регламента, имѣлъ цѣлью затруднить членамъ коллегіи входить между собою въ «коварныя умышленія» и стачки. Поэтому, если Церковь Русская остается еще не монаршескою, а соборною, то это—не благодаря петровской реформѣ и Духовному регламенту, а вопреки имъ.

Теперь умѣстно будетъ сказать о первоначальномъ составѣ духовнаго коллегіума и о томъ, каковы были соборность и согласіе въ этомъ учрежденіи, замѣнившемъ собою разомъ и единоличную патріаршую власть, и такъ называемый освященный соборъ и большіе московскіе соборы, временъ патріаршаго управленія.

Духовное коллегіумъ, или сvнодъ, состоялъ по его учрежденіи изъ трехъ епископовъ (президента и двухъ вицепрезидентовъ), трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ, одного священника (грека) и одного іеромонаха. Президентомъ сvнода былъ назначенъ Стефанъ Яворскій—человѣкъ, противъ своей воли поставленный Петромъ въ архіепископы рязанскіе и мѣстоблюстители предназначеннаго къ упраздненію патріаршаго престола; человѣкъ, не признававшій правильности совершенныхъ Петромъ въ церковной жизни перемѣнъ, не желавшій подписать Духовнаго регламента и подписавшій его несомнѣнно вопреки своему убѣжденію и волѣ. Первымъ вицепрезидентомъ духовнаго коллегіума былъ Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій, человѣкъ малаго образованія и таланта, но съ огромнымъ честолюбіемъ, не сочувствовавшій въ душѣ петровскимъ новшествамъ, но поддѣлывавшійся подъ господствующее направленіе и грубо льстившій Петру. Такъ, когда въ 1719 г. Мусинъ-Пушкинъ донесъ о томъ, что въ новгородскихъ церквахъ по ночамъ какимъ-то чудомъ гудятъ колокола и царь поручилъ Ѳеодосію обстоятельно разузнать въ чемъ дѣло, то Ѳеодосій въ донесеніи Петру такъ истолковалъ этотъ звонъ: «чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ имущій умъ разсудить; явь яко отъ противника: рыдаетъ, яко прелесть его изгонится отъ народовъ россійскихъ, первое изъ кликушъ чрезъ Петра Великаго; второе черезъ новопридание въ хиротонію архіерейскую отъ того-жъ (т. е. отъ Петра же) пункты, дабы иконъ не боготворили и тымъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; третіе изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тщаніе имѣетъ той же Петръ *)!.. Не менѣе любопытно другое письмо Ѳеодосія къ Петру съ объясненіемъ причинъ, почему у него, Ѳеодосія, такъ много враговъ между духовными и свѣтскими людьми: «всенижайше доношу вашему величеству мизерный: умножишася паче власъ главы моея ненавидящіе мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, суть сія: изъ духовныхъ: 1) за приказанія духовныхъ дѣлъ мимо архіереевъ въ резидующемъ семъ мѣстѣ... изъ всего посполитства... 10) за свѣчи, по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобы черезъ потребу не жгли; 11) за Пречистыя Тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лѣкарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли-бъ непричастныхъ до познанія добра и зла» **).

---

*) Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ др. вр. Т. XVI, изд. 1874 г., стр. 333.

**) Тамъ же, стр. 334.

Изъ этихъ двухъ писемъ легко видѣть, что былъ за человѣкъ Θеодосій Яновскій и каково было отношеніе Θеодосія къ такимъ освященнымъ Православною Церковью и дорогимъ для русскихъ людей обычаямъ, какъ возжиганіе свѣчей и причащеніе младенцевъ. Вторымъ вице-президентомъ коллегіума былъ Θеофанъ Прокоповичъ. Это былъ человѣкъ болѣе образованный и тонкій, нежели Θеодосій, но во многихъ отношеніяхъ онъ былъ ему подъ стать. Достаточное понятіе о немъ даетъ сочиненный имъ Духовный регламентъ и особенно то мѣсто, въ прибавленіяхъ къ регламенту—«О правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго», гдѣ (ст. 10) священникамъ вмѣняется въ обязанность доносить тайной канцеляріи и преображенскому приказу объ узнанныхъ на духу злоумышленіяхъ и о совершенныхъ уже суевѣрныхъ дѣлахъ, при чемъ въ успокоеніе іерейской совѣсти разъясняется, что «симъ объявленіемъ духовникъ не объявляетъ совершенной исповѣди, но еще исполняетъ ученіе Господне, тако рѣченное: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ... аще же не послушаетъ, повѣждь церкви!...» *).

*) Выше было упомянуто о томъ, что Θеофанъ выступилъ съ проповѣдью въ защиту безпутныхъ и кощунственныхъ потѣхъ Петра I. Чтобы оцѣнить по достоинству это заступничество со стороны человѣка, готовившагося къ посвященію въ епископскій санъ, напомнимъ нѣкоторыя изъ петровскихъ забавъ.

Въ 1713 г. Петръ женилъ шутовскаго патріарха Никиту Зотова—бывшаго своего учителя, 70-ти лѣтняго старца, имѣвшаго взрослыхъ дѣтей. Сынъ Зотова, Кононъ Никитичъ, умолялъ письменно Петра не дѣлать надругательства надъ его отцомъ. Мольба эта, конечно, не была услышана. Вѣнчалъ патріарха съ патріаршею девяностолѣтній священникъ Архангельскаго собора. На свадьбу было собрано множество стариковъ и старухъ. Петръ самъ распоряжался устройствомъ свадебнаго торжества, длившагося весь январь 1715 года. Шутовская процессія шла въ сопровожденіи грома музыкальныхъ инструментовъ, мѣдныхъ тарелокъ, свистковъ, трещетокъ, съ колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ церквей; чернь, которую царь приказалъ поить виномъ, кричала: да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею.

Въ 1717 году на мѣсто умершаго Зотова всешутѣйшій соборъ, въ которомъ были всѣ церковные чины и самъ Петръ изображалъ протодіакона, выбиралъ новаго патріарха. Въ написанномъ самимъ Петромъ чинѣ избранія шутовскаго патріарха осмѣивался весь чинъ патріаршаго избранія: вмѣсто иконъ несомъ былъ монахами великой обители Бахусъ; чинъ поставленія избраннаго лица въ патріархи, также начертанный самимъ Петромъ, былъ пародіей поставленія архіереевъ. Поставляющій возглашая: «Пьянство Бахусово да будетъ съ тобой», намекалъ на священныя слова: «благодать Св. Духа да будетъ съ тобою». Подобно тому, какъ архіереи произносятъ исповѣданіе вѣры, князь-папа исповѣдывалъ поклоненіе

Стефанъ Яворскій считалъ Өеофана Прокоповича уклонившимся отъ православія въ кальвинскую ересь и недостой-

---

пьянству: «виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ, чрево свое наполняю, такъ что иногда и ядемъ, мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моей десницы и предстоящей очесехъ моихъ мглѣ не вижу, и тако всегда творю и учити мнѣ врученныя обѣщаюсь до скончанія моей жизни, съ помощью отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, движемся и есмы, еже желаю тебѣ, отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь».

Слѣдовало рукоположеніе: во имя разныхъ принадлежностей пьянства. Потомъ слѣдовало облаченіе новопоставленнаго съ произношеніемъ славянскихъ выраженій, напоминающихъ облаченіе первосвященниковъ: «Облачается въ ризу невѣдѣнія своего»; флягу возлагая произноситъ: «сердце, исполнено вина да будетъ въ тебѣ»; наручники возлагая: «да будутъ дрожащи руцѣ твои»; отдавая жезлъ: «дубина Дидана вручается тебѣ, да разгоняеши люди своя». Первый жрецъ помазывалъ крѣпкимъ виномъ голову новопоставленнаго и дѣлалъ образъ круга около его глазъ, произнося: «тако да будетъ кружиться умъ твой». Наконецъ возлагали подобіе первосвященнической шапки, съ возгласомъ: «вѣнецъ мглы Бахусовой, возлагаю на главу твою, да не познаеши десницы твоей, въ пьянствѣ твоемъ». Всѣ хоромъ пѣли: «аксіосъ». Новопоставленный садился на бочку, замѣнявшую первосвященническое сѣдалище; испивалъ Великаго Орла и давалъ пить изъ него всѣмъ другимъ. Пѣніемъ многолѣтія оканчивался чинъ поставленія. Избранный въ шутовскіе вселенскіе патріархи Бутурлинъ до того времени состоялъ въ званіи петербургскаго шутовскаго владыки. Избраніе его произведено 28 декабря 1817, а поставленіе 10 января 1718 г. (Костомар. Ист. Р. въ жизнеопис. вып. 6, стр. 671—674).

Могли ли подобныя забавы, сопровождающіяся оскорбленіемъ святыни и нѣкоторыми другими подробностями, о которыхъ и говорить-то стыдно, не возмущать набожныхъ и благочестивыхъ русскихъ людей и не вызывать строгаго осужденія особенно со стороны духовенства? Если и можно высшимъ его представителямъ, какъ, напримѣръ, Стефану Яворскому, сдѣлать упрекъ, то развѣ въ томъ, что осужденіе ими петровскихъ забавъ было недостаточно настойчивымъ и явнымъ. Между тѣмъ, готовившійся въ епископы Өеофанъ Прокоповичъ 6 апрѣля того же 1718 года, въ январѣ котораго происходило описанное выше поставленіе новаго шутовскаго патріарха,— произнесъ слово «О власти и чести царской», въ которомъ, между прочимъ, проповѣдывалъ: «Еще точію о нашихъ нѣкіихъ мудрецахъ нѣчто воспомянемъ: суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и небогопротивно. Напримѣръ: лучше любятъ день ненастный, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостью скорбными, нежели добрыми, самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкамъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, не благополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. И сіи наипаче славы безчести не трепещутъ, и... все, еже велико и славно есть, презираютъ и въ грѣхъ ставятъ: и тако о державѣ верховной ниже помыслити хотятъ, быти ю праведну и отъ Бога узаконенну». (Соч. Самар. V, 427).

нымъ епископскаго сана, о чемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами, заявилъ письменно, когда готовилось посвященіе Ѳеофана въ епископы. Конечно, Петръ поставилъ на своемъ; Яворскій принужденъ былъ даже просить прощенія у Ѳеофана и примириться съ нимъ, но примиреніе было, конечно, вынужденное и наружное.

Таковъ былъ епископскій соборъ въ замѣнившемъ патріарха коллегіумѣ!

Объ остальныхъ членахъ и ассессорахъ духовнаго коллегіума мы не станемъ здѣсь распространяться. Они, конечно, творили волю пославшаго ихъ въ коллегіумъ и держались въ немъ болѣе сильной стороны. Представителями же этой воли и силы въ коллегіумѣ былъ не президентъ, а его два товарища. Стефанъ Яворскій былъ самъ по себѣ хорошій и прямой человѣкъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ церковнаго воспитанія и духа. Но туго приходилось ему между такими двумя товарищами, какъ Ѳеодосій и Ѳеофанъ, готовыми во всякое время свалить его, чтобы самимъ занять президентское въ коллегіумѣ кресло.

Каково было положеніе Яворскаго въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, а затѣмъ въ качествѣ президента духовнаго коллегіума, объ этомъ можно судить по двумъ слѣдующимъ примѣрамъ.

По нѣкоторымъ дѣламъ обязательны были совмѣстныя засѣданія сената и сѵнода. Но еще до учрежденія сѵнода по дѣлу о докторѣ Тверитиновѣ, обвинявшемся, между прочимъ, въ поруганіи св. иконъ, Яворскій, по указу Петра, долженъ былъ засѣдать въ сенатѣ. Взглядъ его на дѣло Тверитинова расходился съ отношеніемъ къ этому дѣлу сенаторовъ, руководившихся, очевидно, снисходительнымъ взглядомъ высшей власти; и, вотъ, 14 мая 1715 года сенаторы выгоняютъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола изъ судебной избы, и онъ съ плачемъ оттуда уходитъ. Его жалоба на это и мнѣніе по дѣлу Тверитинова оставлены безъ всякаго вниманія *).

Другой, не менѣе достойный вниманія, случай приведемъ изъ дѣятельности только-что учрежденнаго сѵнода.

Въ первомъ своемъ засѣданіи, 14 февраля 1721 года, сѵнодъ представилъ царю докладные пункты. Въ первомъ изъ нихъ спрашивалось: «въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ было па-

---

*) Кедровъ. «Дух. Регл. въ связи съ преобразоват. дѣятельностью. П. В.—М. 1886 г.» стр. 25.

тріаршеское имя возносимо, вмѣсто онаго, правительствующаго духовнаго собранія именованіе возносить ли по нижеположенной формѣ? — О святѣйшемъ правительствующемъ собраніи. честномъ пресвитерствѣ и протчее». По этому пункту Петръ на докладѣ написалъ собственноручно слѣдующую резолюцію: «о святѣйшемъ синодѣ іли о святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ». Смыслъ доклада и царской резолюціи совершенно ясенъ: докладывалось и рѣшено о томъ, чтобы въ церковныхъ службахъ вмѣсто имени упраздненнаго русскаго патріарха поминать замѣнившій его сvнодъ. Такъ понималъ это дѣло и Стефанъ Яворскій; но другіе члены коллегіума дали распространительное толкованіе приведенной царской резолюціи и повелѣли (21 мая) «всенароднаго ради извѣстія напечатать объявленіе о причинахъ, по которымъ оставлено возношеніе патріаршаго имени въ церковныхъ богослуженіяхъ». Въ этомъ, очевидно, Ѳеофановой работы, сvнодскомъ объявленіи содержится пространное, полное натяжекъ и софистическихъ доводовъ разсужденіе о томъ, что по силѣ-де состоявшагося 17-го февраля именнаго указа, на церковныхъ службахъ не слѣдуетъ поминать не только имени упраздненнаго русскаго, но и другихъ православныхъ патріарховъ. Стефанъ Яворскій заявилъ по этому дѣлу особое мнѣніе. Приведемъ это мнѣніе и состоявшееся по поводу его сvнодское опредѣленіе,—чтобы показать, какой духъ возобладалъ въ духовномъ коллегіумѣ и каковы были взаимныя отношенія его членовъ.

«Преосвященнѣйшіе іерархи и прочіе отцы святіи и братія»—писалъ въ своемъ особомъ мнѣніи президентъ духовнаго собранія Стефанъ Яворскій,—«понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ члены коллегіи, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ есть: мнѣ видится, что въ ектеніяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ можно обоя вмѣстити, напр., такъ: о святѣйшихъ патріарсѣхъ православныхъ и о святѣйшемъ правительствующемъ сvнодѣ. Какой въ томъ грѣхъ? какой убытокъ славы и чести святѣйшему россійскому сvноду? Какое безсмысліе и непристойность? Паче же Богу пріятно и народу велми угодно было бы. Въ главѣ 6-й регламента написано: ежели дѣла сумнительныя и какого изъясненія требуютъ,—чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельствъ напередъ докладывать и справляться откуду надлежитъ. Понеже убо сія тако глаголютъ, то сіе дѣло требуетъ послѣдняго рѣшенія и опредѣленія отъ самыя превысочайшія всѣмъ коллегіямъ и всему государству главы. А что помѣта монаршеская написана на первый пунктъ доношенія, отъ сего то только дается знати, какъ нарицатися

имать коллегіумъ духовный въ молитвахъ, а объ отставкѣ патріарховъ отъ возношенія ничего не говорится». Подписалъ «Стефанъ недостойный митрополитъ, старецъ немощный». По поводу этого, дѣйствительно смиреннаго и правдиваго мнѣнія своего президента, коллегіумъ 12 іюня разразился опредѣленіемъ «о воспрещеніи митрополиту рязанскому и муромскому Стефану сообщать кому-либо содержаніе мнѣнія его о возношеніи при церковныхъ служеніяхъ имени патріаршаго и о сочиненныхъ имъ же по сему предмету вопросо-отвѣтахъ». Въ этомъ опредѣленіи говорится: «По указу Великаго Государя и т. д. Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, слушавъ... о возношеніи имени патріаршаго... мнѣнія президента сѵнодскаго преосвященнаго Стефана, митрополита рязанскаго и муромскаго, и сочиненныхъ о чиноначаліи патріарховъ восточныхъ и о прочемъ вопросо-отвѣтовъ,... приговорили согласно: тѣ вопросо-отвѣты, яко не важные и не крѣпкіе, паче же не полезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе и государственныя тишины вредительные и покой полезный къ безпокойству возбуждающіе и народу, силы писанія невѣдущему, возмутительные и многому смущенію виновные, одержать до надлежащаго Царскому Величеству объявленія въ Сѵнодѣ подъ опаснымъ храненіемъ, дабы не точію въ публику, но и въ показаніе никому не произошли; а къ нему, преосвященному митрополиту, послать изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Его Царскаго Величества указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ, вопросо-отвѣтовъ отнюдь никому не сообщалъ и во объявленіе не употреблялъ... опасаяся не безтруднаго... предъ Его Царскимъ Величествомъ отвѣта... А что во ономъ же мнѣніи протолкована резолюція Его Царскаго Величества... и то явная ложь... чего ради оные вопросо-отвѣты, яко вещь вредную отъ публикаціи и удержать... А вышеозначенныя печатныя вѣдѣнія, яко во обнародованіи быть долженствуемыя, неудержимо распубликовать и по епархіямъ съ указами изъ Сѵнода разослать немедленно»... *)

Не трудно видѣть, гдѣ были правда и гдѣ ложь въ этомъ дѣлѣ.

Изъ высочайшей отмѣтки о поминовеніи святѣйшаго сѵнода вмѣсто упраздненнаго русскаго патріарха произвольно выведено заключеніе о невозношеніи на службахъ именъ другихъ восточныхъ патріарховъ; несогласное же съ такимъ рас-

*) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. испов. Росс. Имп. т. I, изд. 2, ст. 106 и 118. Стр. 143—147 и 165—167.

пространительнымъ толкованіемъ царской резолюціи мнѣніе президента, сводившееся къ требованію представить спорный вопросъ на разрѣшеніе государю, что вполнѣ согласовалось съ Духовнымъ и Генеральнымъ регламентами, объявлено и не полезнымъ, и вреднымъ, и явно лживымъ и именному царскому указу противнымъ и миръ церковный къ смятенію возбуждающимъ. И все это прописано въ постановленіи сѵнода и отнесено имъ къ первенствующему своему члену!

Такова была соборность въ замѣнившемъ патріарха якобы соборномъ духовномъ управленіи, и такимъ способомъ устранялось въ немъ разногласіе!

Въ статьѣ г-на Z. шесть главъ. По разсмотрѣннымъ нами двумъ, можно судить и объ остальныхъ. Мы не станемъ разбирать ихъ съ такою же подробностію, какъ двѣ первыя, тѣмъ болѣе, что въ нихъ говорится не столько о высшемъ церковномъ управленіи, сколько о разныхъ другихъ предметахъ: приходахъ, порядкѣ учета церковныхъ денегъ и т. п. Отмѣтимъ только нѣкоторыя несообразности въ этихъ главахъ, особенно бьющія въ глаза.

«Говорятъ», начинаетъ г-нъ Z. главу III,—«что Петръ Великій ввелъ въ Россіи цезарепапизмъ, когда уничтожилъ патріаршество и самъ сдѣлался главою русской церкви. Это не вѣрно уже потому, что Петръ Великій самъ себя ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ не называетъ главою церкви».

Далѣе въ той же III и въ слѣдующихъ главахъ, авторъ развиваетъ мысль, что «положеніе русскаго царя въ русской церкви съ Петра Великаго окончательно опредѣлилось, не какъ главы церкви въ реформатскомъ или папскомъ смыслѣ, а какъ верховнаго ктитора всероссійской церкви». Противъ этой теоріи ктиторства царя въ Церкви, принадлежащей, впрочемъ, не самому г-ну Z., а взятой имъ у С. М. Соловьева, пожалуй, можно бы и не спорить, если бы г-нъ Z. не утверждалъ, что въ этомъ именно значеніи положеніе царя въ Церкви о п р е д ѣ л и л о с ь и м е н н о с ъ П е т р а I. Нѣтъ, Петръ присвоивалъ себѣ положеніе въ церкви несравненно большее, нежели то, какое можно соединять съ понятіемъ ктиторства. Голиковъ *) говоритъ, что еще въ концѣ 1714 года Петръ, созвавъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, торжественно объявилъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ начальникомъ россійской церкви и предоставляетъ учредить духовное собраніе, подъ именемъ

---

*) Дополн. къ дѣят. Петра Великаго, т. 10, стр. 234.

Св. Сѵнода *). Въ установленной имъ присягѣ для членовъ духовной коллегіи говорится: «Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сія коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго». Ставить себя крайнимъ судіею духовнаго коллегіума, которое въ свой чередъ поставлено не только вмѣсто патріарха, но и вмѣсто собора,—крайнимъ судіею всего духовнаго чина и всѣхъ церковныхъ дѣлъ,—не значило ли это ставить себя главою Церкви? И Петръ, дѣйствительно, считалъ себя полновластнымъ хозяиномъ и крайнимъ судіею не только въ государствѣ, но и въ Церкви. Доказательствъ этому не мало можно найти, не говоря уже о другихъ источникахъ,—въ Полномъ собраніи законовъ и въ «Полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, издаваемомъ по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода». Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ: «Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, во время божественнаго пѣнія, сего августа 15 дня, указалъ по именному своему великаго государя указу: Стефана Глѣбова, въ безприкладномъ преступленіи и безстрашіи и въ письменномъ противъ Его Царскаго Величества народномъ возмущеніи явившагося, который по жестокости своей и непокаянному сердцу, когда по Его Царскаго Величества правамъ достойная ему, Глѣбову, казнь чинена, свойственнаго по христіянской должности покаянія не принесъ и причастія Святыхъ Тайнъ не точію не пожелалъ, но и отвергся и клятвѣ церковной, яко злолютый преступникъ и таковыя Святѣйшія Тайны презиратель и отметникъ, самъ себя подвергъ,—имѣть отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода во анаѳемѣ вѣчно и съ прочими, проклятію и анаѳемѣ подпадшими, во всѣхъ россійскихъ церквахъ, гдѣ въ недѣлю православія воспоминаніе таковымъ бываетъ, повсегодно его, Глѣбова, анаѳематствовать. И о томъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода послать во всѣ епархіи ко архіереомъ при указѣхъ форму немедленно и сей имянной Его Царскаго Величества указъ въ Сѵнодѣ записать въ учрежденную на то книгу». Затѣмъ слѣдуетъ и сама форма, по которой надлежало анаѳематствовать Глѣбова **).

У Костомарова приведено извѣстіе о томъ, что Глѣбовъ, находясь на колу, причастился отъ случившагося тутъ іеромо-

*) Самаринъ т. V, стр. 281.

**) Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. прав. испов. т. I, изд. II, ст. 179, стр. 232.

наха *), и, слѣдовательно, обвиненіе въ отверженіи имъ Св. Тайнъ и отлученіе его отъ церкви Петромъ не справедливы. Быть можетъ, онъ отвергъ присланнаго къ нему Петромъ духовника изъ опасенія, чтобы исповѣдь его не послужила предлогомъ къ новымъ розыскамъ и казнямъ. Но не въ томъ теперь дѣло: отвергалъ или нѣтъ Глѣбовъ Св. Тайны; а въ томъ, что Петръ считалъ себя въ правѣ предать его церковной анаѳемѣ собственнымъ именнымъ указомъ, объявленнымъ только сvноду для исполненія. Уже этотъ одинъ случай достаточно опровергаетъ утвержденіе, будто бы Петръ довольствовался въ церкви положеніемъ ктитора.

Въ главѣ IV на стр. 32 и 33 г-нъ Z. останавливается на проектѣ грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича задуманной въ Москвѣ академіи. Этою грамотою предполагалось отдать академіи нѣсколько богатыхъ монастырей съ крестьянскими дворами и усадьбами и нѣсколько пустошей и дать блюстителю и учителямъ свой особый судъ (проступки блюстителя судятся учителями въ присутствіи царя и патріарха; проступки учителя — судомъ блюстителя съ остальными учителями. Проступки учащихся, кромѣ убійственныхъ и за другія великія дѣла, судятся, гдѣ что доведется, съ вѣдомости блюстителя), и право испытывать въ вѣрѣ и наблюдать за поведеніемъ пріѣзжихъ изъ другихъ странъ ученыхъ. Богохульниковъ и вѣроотступниковъ академическій судъ могъ приговаривать къ сожженію.

Авторъ видитъ въ предполагавшейся академіи и нѣчто подобное инквизиціи и особаго рода удѣлъ, а въ блюстителѣ особаго рода удѣльнаго князя, и говоритъ: «Безъ преувеличенія можно сказать, что, восторжествуй тогда византійское направленіе, для нашего отечества наступило бы время самаго тяжелаго какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго гнета, тогда какъ умоначертаніе Петра Великаго, выше изображенное, будучи имъ узаконено, принесло русской церкви освобожденіе въ той области ея жизни, къ которой оно относилось, т. е. къ православному народу, въ его группировкѣ по церковноприходскимъ общинамъ».

Но университеты и академіи повсюду и на западѣ, до Ѳеодора Алексѣевича и послѣ него, надѣлялись и пользовались правомъ самостоятельнаго управленія и особаго суда, и проектъ грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича не представлялъ

*) Ист. Р. въ жизнеоп., вып. 5.

собою въ этомъ отношенiи чего-нибудь исключительнаго, и странно видѣть въ этомъ проектѣ намѣренiе создать особый удѣлъ и особаго удѣльнаго князя. Такъ какъ проектъ не осуществился, то праздно и гадать о томъ, что могло выйти изъ задуманной тогда академiи въ томъ случаѣ, еслибы «восторжествовало византiйское влiянiе». Во всякомъ случаѣ, всякому извѣстно, что инквизицiя процвѣтала не на византiйскомъ востокѣ, а на романо-германскомъ западѣ. Кровавыя истязанiя и огненныя казни за религiозныя преступленiя внесены въ законъ и обычай Московскаго государства не византiйскимъ, а западнымъ влiянiемъ. Они были повсемѣстны на Западѣ, и протестантскiя страны въ суевѣрномъ изувѣрствѣ и кровавомъ инквизиторствѣ нисколько не уступали католическимъ. Какъ бы то ни было: не Θеодоръ Алексѣевичъ, вѣрный византiйскимъ и старо-русскимъ преданiямъ, а подчинившiйся западному протестантскому влiянiю Петръ—создалъ у насъ инквизиторовъ и инквизицiю, и нѣтъ возможности отрицать, что все гражданское и церковное управленiе при немъ и долгое время послѣ него проникнуто было инквизиторскимъ духомъ. И говоря по правдѣ — не было въ нашемъ отечествѣ другаго времени, когда бы гнетъ и матерiальный и нравственный такъ тяжело давилъ всѣхъ русскихъ людей—отъ перваго ихъ святителя и до простого мужика—какъ именно при Петрѣ да развѣ еще при Биронѣ!

Проектомъ упомянутой грамоты царя Θеодора Алексѣевича огненная казнь богохульникамъ назначалась потому, что таково было опредѣленiе дѣйствовавшаго въ то время закона—Уложенiя царя Алексѣя Михайловича *). Личность же самого Θеодора Алексѣевича и кратковременное царствованiе этого государя носятъ на себѣ печать смиренномудрiя и благости: имъ уничтожено мѣстничество, изданъ законъ, прекращавшiй варварскiя казни — отсѣченiе рукъ и ногъ, и замѣнившiй ихъ ссылкою; позорное наказанiе кнутомъ замѣнялось при немъ въ иныхъ случаяхъ пенею; запрещено въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, употреблять раболѣпное выраженiе: чтобы царь умилосердился, «какъ Богъ»; запрещено простымъ людямъ при встрѣчѣ съ боярами вставать съ лошадей и кланяться въ землю **). А что мы видимъ затѣмъ? Воинскiе Артикулы жестокостью и разнообразiемъ казней далеко оставляютъ за собою Уложенiе царя Алексѣя. Петръ самъ брался за дѣло па-

*) См. Полн. собр. закон. Т. I, Ул. царя Ал. Михайл., гл. I, ст. I.
**) Костомаровъ. «Русск. Ист. въ жизнеоп.», вып. 5, стр. 465—466.

лача и изобрѣтательность его въ истязаніи живыхъ и поруганіи мертвыхъ не знала предѣловъ...

Царь Ѳедоръ запрещалъ другимъ приравнивать его къ Богу, а Петръ самъ въ духовномъ регламентѣ (ч. I ст. 6) приравниваетъ себя къ «Христу Господню» *).

Преслѣдуя суевѣрія, Петръ самъ былъ причастенъ суевѣрію; кощунствуя и занимаясь чернокнижіемъ, онъ вѣрилъ заговору ружья и положилъ за него въ Воинскихъ Артикулахъ смертную казнь. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Каковъ былъ самъ Петръ, таковы были и воспитанные имъ «птенцы». Ругаясь надъ святынею, они вѣрили разнымъ волшебствамъ и гаданіямъ. Объ одномъ изъ этихъ птенцовъ сохранилось такое свидѣтельство: «Губернаторъ Кіевскій князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ святымъ печерскимъ не вѣруетъ, а вѣруетъ еретичествующей бабѣ, которая ему волшебствуетъ, и какъ ему уволшебствуетъ, то онъ и поѣдетъ въ Петербургъ явиться къ Царскому Величеству: ту бабу князь поитъ и кормитъ, и держитъ та баба у себя многое число кошекъ вмѣсто сатаны».

Не была упразднена Петромъ и огненная казнь за преступленія противъ вѣры. Напротивъ того, область этихъ преступленій и примѣненіе этой казни значительно расширились. Сжигали и за такія преступленія, за которыя закономъ эта казнь и не была положена. Такъ, въ 1720 году дьячекъ церкви св. Троицы въ Ямской Новинской слободѣ въ Новѣгородѣ разгласилъ ложное чудо: зажегъ ночью свѣчи въ церкви, накурилъ ладономъ и, притворившись самъ нѣмымъ, въ розданныхъ народу письмахъ приписалъ все это св. иконамъ. Но, сознавъ вскорѣ содѣянный грѣхъ, Ефимовъ покаялся сначала своему духовнику на исповѣди, а затѣмъ архіепископу новгородскому Ѳеодосію Яновскому. По донесенію послѣдняго, Сγнодъ, разслѣдовавъ дѣло, нашелъ, что какъ въ Библіи, такъ и въ Духовномъ регламентѣ и въ Архіерейской присягѣ запрещается и осуждается измышленіе ложныхъ чудесъ и обманъ мощами, но «что за такую обману и ложь чинить», того тамъ не показано, и «въ Кормчей книгѣ приличныхъ къ сему правилъ и Уложенья такихъ статей не обрѣтается, и примѣрныхъ дѣлъ нѣтъ». Поэтому Сγнодъ приговорилъ отослать бывшаго дьячка Василія Ефимова за его продерзость и безстрашіе къ градскому наказанію въ Юстицъ-Коллегію съ такимъ указомъ, чтобы оное наказаніе отъ Юстицъ-Коллегіи учинено ему было, по Его Царскаго Ве-

---

*) «Тіи бо» (коварные человѣцы) «на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и, подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господня» Дух. Регл., ч. I, ст. 7.

личества правамъ, въ Новѣгородѣ при оной церкви, въ которой онъ вышеозначенную ложь учинилъ. По этому указу состоялся приговоръ Юстицъ-Коллегіи, по которому бывшій дьячекъ Василій Ефимовъ сожженъ въ Новѣгородѣ въ декабрѣ 1721 года. Основанъ этотъ приговоръ Юстицъ-Коллегіи на гл. 1, ст. 1 и на гл. 22, ст. 13 Уложенія 1649 г., изъ которыхъ первая статья говоритъ о хулѣ на Бога, Богородицу или Святыхъ Его, а вторая о политической смутѣ, и, слѣдовательно къ преступленію Василія Ефимова примѣнены не правильно *).

Въ главѣ V-й изложено «умоначертаніе» Петра I относительно приходовъ, состоявшее прежде всего въ лишеніи архіереевъ права распоряжаться церковными средствами безъ Государева вѣдома и въ предоставленіи правежа этихъ денегъ на старостахъ своимъ, т. е. правительственнымъ, органамъ власти. Затѣмъ церковное хозяйство, по умоначертанію Петра, должно было вестись прихожанами, чрезъ выборныхъ старостъ, безъ участія причта; доходы церковные, за удовлетвореніемъ потребностей богослуженія и храма, должны были идти на устройство и поддержаніе домовъ для причтовъ, на богадѣльни и образованіе духовенства; священникамъ предполагалось дать достаточное довольство, обложивъ для этого прихожанъ особою податью, контроль за церковноприходскимъ хозяйствомъ возложить на епископа.

Въ главѣ VI-й, послѣдней, перечисляются различныя степени «воплощенія» умоначертанія Петра I въ жизни русскаго народа. Такихъ степеней по настоящее время г-нъ Z. насчитываетъ шесть. Первая — это появленіе при Петрѣ въ сельскихъ церквахъ около Петербурга церковныхъ старостъ, которыхъ, впрочемъ, священники нанимали изъ церковной казны и держали, какъ своихъ приказчиковъ. Вторая — повелѣніе Императрицы Анны въ 1733 году о томъ, чтобы въ Псковской губерніи церковные старосты выбирались не изъ псковичъ-купцовъ и мѣщанъ, унаслѣдовавшихъ прежнія права надъ уѣздными церквами отъ псковичъ-вѣчевиковъ, а изъ мѣстныхъ прихожанъ каждой церкви. Третья — обращеніе въ 1764 г. около милліона крестьянъ, сидѣвшихъ на вотчинныхъ земляхъ архіереевъ, монастырей, соборовъ и церквей,—въ государственные и отмѣна производившихся съ приходскаго духовенства въ пользу архіереевъ, соборовъ и церквей сборовъ, и въ за-

*) Полн. собр. узак. и распоряж. по вѣд. правосл. исповѣд. Т. I, изд. 2-е, стр. 301—307.

мѣнѣ этихъ сборовъ жалованьемъ. Четвертая — высочайше утвержденная 17 апрѣля 1808 г. инструкція церковнымъ старостамъ, освободившая остальные приходы, которыхъ было въ Россіи на половину, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Пятая— назначеніе при Николаѣ I изъ казны содержанія приходскому духовенству, и, наконецъ, шестая—вѣнецъ всему—утвержденная 12 іюня 1890 г. инструкція церковнымъ старостамъ, по которой уже не требуется согласія причта на выборъ церковнаго старосты, кромѣ старосты выбираются прихожанами два счетчика для ежегоднаго учета церковной казны; при чемъ оказано «особое довѣріе Святѣйшему Сѵноду» предоставленіемъ ему права измѣнять утвержденныя высочайшею властью статьи инструкціи по указаніямъ опыта и по вниманію къ благу Церкви и государства.

Изъ этого «умоначертанія» Петра I относительно церковноприходской жизни, судя по изложенію и самого г-на Z., съ успѣхомъ выполнено имъ только одно, — отнято у архіереевъ право распоряжаться церковнымъ имуществомъ. Насколько эта мѣра способствовала осуществленію «умоначертанія» въ остальныхъ его частяхъ, какъ, напр., заботамъ объ образованіи духовенства, — объ этомъ, равно какъ и объ искренности этихъ образовательныхъ заботъ, — нѣкоторое понятіе можетъ дать слѣдующій отрывокъ изъ письма святителя Димитрія Ростовскаго къ Іову Новгородскому: «Я, грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начинали было грамматику разумѣть не дурно; но, попущеніемъ Божіимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sapienti sat» *).

Чтобы показать къ чему привели заботы Петра о священствѣ, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ соч. Н. И. Кедрова «Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго». Авторъ этого сочиненія принадлежитъ къ завзятымъ поклонникамъ Петра I; онъ старается оправдать и поставить ему въ заслугу всѣ его мѣропріятія, и, однако же, вотъ что высказано у него наряду съ похвалами Петровой и Ѳеофановой мудрости:

---

*) Соловьевъ Ист. Р. съ др. вр. т. XVI, стр. 31 и 32.

«Въ древней Руси, какъ извѣстно, духовенство не составляло запретнаго сословія: въ ней служеніе въ церкви и для церкви широко было открыто людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ вступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено стѣснительными постановленіями: кто хотѣлъ и имѣлъ возможность быть духовнымъ лицомъ, тотъ легко могъ поступить въ духовное званіе, если не имѣлъ за собою пороковъ, препятствующихъ принятію на себя священнаго сана. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство древней Россіи. Тогда оно пользовалось свободнымъ правомъ оставаться или неоставаться въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ было и въ XVII в., когда въ духовное званіе вступали люди даже и несвободныхъ состояній» (стр. 131).

«Петръ I, разбивъ все народонаселеніе на отдѣльныя рѣзко обособленныя одно отъ другого и закрѣпощенныя государству сословія, закрѣпостилъ и обособилъ и духовенство. А то чиновное, чисто служебное по отношенію къ государству положеніе, въ которое было поставлено духовенство «еще рѣзче содѣйствовало отчужденности духовенства отъ всего остального общества». «Когда Петръ, повелѣлъ указомъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди, духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отнынѣ не безопасно». «Въ эту систему доносовъ, которой слѣдовала наша администрація во всю первую половину XVII столѣтія впутано было въ очень многихъ случаяхъ и духовенство. Ему предписано было преслѣдовать раскольниковъ по своимъ приходамъ, доносить о распространеніи суевѣрій, объ исполненіи прихожанами христіанскихъ обязанностей, посѣщенія церквей, поста, исповѣди и причащенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ священникъ являлся полицейскимъ органомъ правительства, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ полицейскими сыщиками и дозорщиками изъ Преображенскаго приказа; его доносъ влекъ за собою судъ и расправу; духовный характеръ его церковной дѣятельности исчезалъ за приказнымъ его значеніемъ. Печальнымъ послѣдствіемъ такого положенія духовенства было постепенное отчужденіе его отъ народа, который въ большинствѣ враждебно относился

къ реформамъ правительства. Духовенство потеряло довѣріе къ себѣ въ народныхъ массахъ, или становилось вмѣстѣ съ народомъ въ ряды противниковъ правительства, защищая старые порядки и обычаи; среди постоянныхъ колебаній между двумя крайними направленіями оно не могло пристать и къ прогрессивной сторонѣ, на которой стояло правительство и часть общества, сочувствовавшая реформамъ. Консерватизмъ духовенства, не всегда одобрявшаго крайнія мѣры и увлеченія реформами, а иногда открыто становившагося въ рядъ приверженцевъ стараго порядка, естественно не могъ внушить къ нему полнаго довѣрія со стороны правительства, за нимъ былъ постоянный и строгій надзоръ; къ новой роли его пріучали, или лучше сказать принуждали страшными угрозами, тѣлесными наказаніями, ссылками и т. п. Прогрессивная (?) часть общества, быстро слѣдовавшая по новому пути преобразованій, видѣла, съ своей стороны въ духовенствѣ людей отсталыхъ, упорно преданныхъ старинѣ, неспособныхъ къ усвоенію новыхъ идей, и нерѣдко выражала къ нему открытое презрѣніе.

«Такимъ образомъ духовенство, замкнутое въ своей исключительной средѣ, при наслѣдственности своего званія, не освѣжаясь притокомъ свѣжихъ силъ отвнѣ, постепенно должно было ронять не только свое нравственное вліяніе на общество, но и само должно постепенно оскудѣвать умственными и нравственными силами, охладѣвать, такъ сказать, къ движенію общественной жизни и ея интересамъ. Его собственные интересы становились все уже и матеріальнѣе и мало привлекали къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Общество охладѣло въ отношеніи къ духовенству, мало интересовалось его бытомъ и потребностями и стало смотрѣть на священника со всѣмъ кругомъ его обязанностей и отношеній, какъ на всякаго другого человѣка, съ которымъ въ жизни иногда неизбѣжно приходится имѣть дѣло и которому слѣдуетъ платить «за трудъ и время». Ничто такъ быстро и такъ вредно не могло отразиться на положеніи духовенства, какъ эта именно общественная холодность къ его служенію и обязанностямъ, потому что едва ли есть еще сословіе, болѣе чувствительное къ нравственнымъ отношеніямъ, въ какихъ находится къ нему общество,—какъ духовенство; и это потому, что обязанности духовенства, главнымъ образомъ, нравственныя, и при исполненіи ихъ оно особенно нуждается въ нравственномъ сочувствіи общества, въ сердечномъ и искреннемъ отношеніи къ его служенію. Холодность среды окружающей духовенство, должна отразиться на немъ самомъ, на пониманіи имъ своихъ обязанностей. И если механически холодное, но правильное и акку-

ратное исполненіе должнаго не повредило бы, пожалуй, въ другой средѣ общественной дѣятельности, то въ священникѣ оно уже есть несомнѣнный признакъ упадка, равнодушія и апатіи» (172—174).

Въ III главѣ на стр. 15 и 16 г-нъ Z. говоритъ: «Понятіе о церкви, «какъ обществѣ вѣрующихъ», въ древней русской церкви не имѣло мѣста, и когда Хомяковъ въ своемъ катихизисѣ говоритъ, что «церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей въ множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати», то этимъ онъ, протестуя, такъ сказать, противъ современнаго понятія о церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ, какимъ выраженіемъ исключаются, напримѣръ, ангелы и всѣ первородные, на небесѣхъ написанные, изъ состава церкви,—выразилъ древне-русское православное понятіе о церкви Христовой»...

«Общепринятымъ въ древней Руси понятіемъ о церкви», продолжаетъ г-нъ Z., «было понятіе о ней св. Іоанна Златоуста», въ которомъ «на первый планъ выдвинуты были признаки: вѣра, житіе, законы церковные и по которому церковь не что же ино есть, но развѣ нашими душами созданный домъ. То же понятіе о церкви имѣлъ и патріархъ Никонъ: «церковь», писалъ онъ, «не мѣсто только занимаемое церковнымъ зданіемъ, не стѣны церковныя, но законы церковные; церковь есть не стѣны съ кровлей, но вѣра и житіе. Основаніемъ церкви Христовой были апостолы, которые распространили церковь по вселенной. Стѣна же велія церковная, высокая и хранительная есть Христосъ. Онъ же есть и глава церкви»... «Если къ этому еще присоединить, тѣ мѣста древнихъ актовъ, гдѣ церковь опредѣляется какъ земное небо, а священнослужители называются небесными человѣками и земными ангелами», т. е. мѣста, говорящія не о земной, а о небесной, такъ сказать, природѣ церкви Христовой, то легко будетъ понять, что древне-русское православное понятіе о церкви, связанное съ именемъ св. Іоанна Златоуста и вліяніемъ его твореній на древне-русское общество, совершенно согласное, съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ церкви покойнаго Хомякова, не сходственно съ понятіемъ о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, «объединенныхъ извѣстными, на землѣ только существующими условіями (ученія, священнодѣйствія и управленія), — съ понятіемъ, начавшимъ водворяться у насъ въ XVII вѣкѣ, образовавшимся же подъ вліяніемъ не восточныхъ отцовъ церкви, а западной науки и реформаціи и хотя въ

существѣ тоже вѣрномъ, но, говоря языкомъ логики, въ объемѣ и содержаніи нѣсколько рознящемся отъ древне-русскаго».

Итакъ, по словамъ г-на Z., существующее понятіе о Церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ», если не противорѣчитъ, то во всякомъ случаѣ въ объемѣ и содержаніи различается какъ отъ опредѣленія Церкви, сдѣланнаго Хомяковымъ, по которому она не есть множество лицъ, въ ихъ отдѣльности, а единство живущей въ нихъ Божіей благодати, такъ и отъ усвоеннаго древнею Русью понятія о Церкви св. Іоанна Златоуста, по которому Церковь не есть мѣсто или домъ, но законы церковные, вѣра и житіе. Это послѣднее, какъ и Хомяковское понятіе о Церкви, по словамъ автора, шире теперешняго понятія о Церкви, какъ «объ обществѣ вѣрующихъ», исключающаго, будто бы, изъ состава Церкви ангеловъ и всѣхъ первородныхъ, на небеси написанныхъ.

Но правильно ли это? Есть ли между современнымъ понятіемъ о Церкви и понятіемъ о ней Хомякова, Златоуста, патріарха Никона и древней Руси не только какое нибудь разногласіе, но хотя бы только разница въ объемѣ и содержаніи? Намъ кажется, что никакой такой разницы нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, раскроемъ хотя бы Филаретовскій катихизисъ, въ которомъ выражено современное понятіе о Церкви. Согласно этому катихизису: «церковь есть общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и Таинствами»; «вѣровать въ церковь» — значитъ благоговѣйно чтить истинную церковь Христову и повиноваться ея ученію и заповѣдямъ по увѣренности, что въ ней пребываетъ, спасительно дѣйствуетъ, учитъ и управляетъ благодать, изливаемая отъ единой, вѣчной Главы ея, Господа Іисуса Христа». Далѣе поясняется: «хотя церковь видима, но не видима усвоенная ей и освященнымъ въ ней благодать Божія, которая собственно и есть предметъ вѣрованія въ церковь». Далѣе: «церковь, будучи видима, поколику она есть на землѣ и къ ней принадлежатъ всѣ христіане, живущіе на землѣ, въ то же время есть невидима, поколику она есть и на небеси и къ ней принадлежатъ всѣ, скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости». Понятіе о Церкви, сущей на землѣ и купно небесной утверждается катихизисомъ на словахъ апостола Павла: «приступисте къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тмамъ Ангеловъ торжеству и церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ и къ ходатаю Завѣта Новаго Іисусу».

Итакъ прежде всего: откуда взялъ авторъ, что современ-

нымъ понятіемъ о Церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ», связанныхъ ученіемъ, священнодѣйствіями и управленіемъ, исключаются изъ состава Церкви ангелы и первородные, на небесахъ написанные? Или святые ангелы Божіи и первородные, на небесахъ написанные, не причастны живущей въ Церкви Божіей благодати, которая, по словамъ современнаго катихизиса, и есть предметъ вѣрованія въ Церковь? Или не причастны они священнодѣйствіямъ и таинствамъ потому только, что видимо, въ совершеніи ихъ нами (т. е. земною Церковью) не участвуютъ? Но Церковь, какъ въ глубокую старину, такъ и нынѣ, поетъ во время совершенія Святыхъ Таинъ: «Иже херувимы, тайно образующе...» и «нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ; се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершена дориносится...» Или святые первородные и ангелы стоятъ внѣ священноначалія, глава котораго—Христосъ, Сынъ Божій?— Если же Церковь земная и небесная находятся между собою въ постоянномъ общеніи вѣры, молитвы, тайнодѣйствія и священноначалія, то какимъ это образомъ понятіе о Церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, соединенныхъ единствомъ священноначалія и таинствъ, можетъ изъ состава Церкви исключать первородныхъ, на небеси написанныхъ?

Далѣе, Хомяковъ говоритъ о Церкви, что она «не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, а единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній». Но и мы, говоря о Церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ», даемъ о ней то же понятіе, что и Хомяковъ, ибо: «множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности», и по современному православному понятію, не составляютъ общества; вѣра же, дѣлающая множество отдѣльныхъ лицъ однимъ обществомъ, и по Филаретовскому катихизису, какъ и по Хомякову, имѣетъ своимъ предметомъ усвоенную Церкви Христомъ божественную благодать. Стало быть, подъ Церковью, какъ обществомъ вѣрующихъ, и нынѣ понимается не иное что, какъ единство живущей въ нихъ, т. е. въ этомъ обществѣ вѣрующихъ, Божіей благодати. Или, быть можетъ, Хомяковъ не считаетъ необходимыми для Церкви признаками: ученія, священнодѣйствій и управленія? Но прямымъ на это отвѣтомъ служитъ § 7 его катихизиса, въ которомъ сказано:

«Святая Церковь исповѣдуетъ вѣру свою всею жизнію своею: *ученіемъ*, которое внушается Духомъ Святымъ, *таинствами*, въ которыхъ дѣйствуетъ Духъ Святый, и *обрядами*, которыми Онъ же *управляетъ*».

Изъ выписанныхъ нами мѣстъ изъ филаретовскаго катихизиса, намъ кажется, ясно, что и по современному понятію о

церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, подъ Церковью разумѣется не мѣсто, не стѣны церковныя, и, наконецъ, не видимое общество людей, именующихъ себя христіанами, но—живущіе въ этомъ обществѣ: божественная благодать, вѣра, законы и житіе, и, слѣдовательно, природа церкви и нынѣ разумѣется не земною, а небесной, и церковь земная понимается не иначе, какъ «купно», т. е. какъ часть церкви небесной. Итакъ: современное понятіе о церкви не расходится ни съ понятіями о ней Хомякова, ни съ древне-русскимъ о ней понятіемъ, ни съ словами Іоанна Златоуста, и патріарха Никона, которые, говоря, что церковь есть *нашими душами созданный домъ, законы церковные, вѣра и житіе*,—то именно и утверждали, что церковь земная есть не мѣсто, и не стѣны съ кровлею, а *общество вѣрующихъ* и *живущихъ* по *законамъ церковнымъ*.

Этимъ мы и ограничиваемъ пока свои возраженія г-ну Z, оставляя за собою право высказаться когда нибудь подробнѣе о вліяніи петровскихъ мѣропріятій на положеніе нашего чернаго и бѣлаго духовенства и на церковно-приходскую жизнь.

14 сентября 1891 г.

Напечатано въ «Благовѣстѣ» вып. 31 янв. 1892 г. и еще ранѣе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ ноябрьской книжкѣ 1891 г. съ такимъ заявленіемъ отъ редакціи этого журнала: «Редакція «Русскаго Вѣстника», помѣщая на страницахъ своего журнала статью г-на Z. (апрѣльская книжка сего года), сдѣлала выноску, въ которой заявляетъ, что статья эта «содержитъ любопытныя данныя по разсматриваемому въ ней предмету, такъ что и самыя возраженія, какія могутъ быть на нее сдѣланы, только могутъ яснѣе освѣтить вопросъ такого государственнаго и народнаго значенія». Это заявленіе несомнѣнно имѣетъ смыслъ приглашенія разрабатывать вопросъ, поставленный г-мъ Z., — статья котораго затронутаго въ ней важнаго вопроса собственно не разъясняетъ». Дѣло въ томъ, что редакція «Русскаго Вѣстника» напечатала статью г-на Z., уступая желанію вліятельныхъ въ Синодальномъ вѣдомствѣ особъ (впрочемъ, не духовныхъ, а свѣтскихъ), хотя сама съ содержаніемъ этой статьи не была согласна. Моя отповѣдь г-ну Z. предназначалась мною съ самаго начала для «Благовѣста» и еще въ сентябрѣ была уже одобрена для этого изданія духовнымъ его цензоромъ; но, узнавъ изъ бесѣды со мною, кто авторъ разбираемой мною статьи, г-нъ цензоръ поспѣшилъ зачеркнуть сдѣланную уже имъ разрѣшительную надпись и затѣмъ только черезъ три мѣсяца разрѣшилъ ее для «Благовѣста» уже какъ перепечатку изъ «Русскаго Вѣстника».

У свѣжей могилы.

У свѣжей могилы блаженнопочившаго митрополита Палладія я повелительно ощутилъ въ своей душѣ потребность и нравственный долгъ огласить нѣсколько словъ, сказанныя мнѣ почившимъ владыкой, три года тому назадъ.

Въ 1891 году въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» появилась статья подъ заголовкомъ: «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи», подписанная литерою Z. Статья эта несправедливымъ отношеніемъ къ представителямъ до-петровской Русской Церкви и вообще превратнымъ изображеніемъ хода церковнаго дѣла въ Россіи возмутила меня, и я написалъ отповѣдь г-ну Z. Въ этой отповѣди, напечатанной въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» и затѣмъ въ «Благовѣстѣ», подъ заглавіемъ «О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I», выписками изъ «Духовнаго регламента» и первыхъ дѣлъ только-что учрежденнаго Святѣйшаго Сѵнода наглядно представленъ ужасъ того положенія, въ которое поставлено петровскимъ преобразованіемъ наше архіерейство.

Въ январѣ 1896 года, по порученію прихожанъ одного со мною прихода, я явился къ митрополиту Палладію съ нѣкоторой просьбою.

Представляясь высокопреосвященному Палладію впервые, я поднесъ ему томъ «Благовѣста» и обратилъ при этомъ вниманіе его высокопреосвященства на помѣщенную въ этомъ томѣ упомянутую мою отповѣдь г-ну Z. Услышавъ заголовокъ моей статьи, владыка вдругъ оживился и взволнованно заговорилъ: «Спасибо, спасибо! Надо еще и еще объ этомъ писать... Что *они* все лгутъ? Что они лгутъ, будто бы Церковь имѣетъ теперь бо̀льшую силу и значеніе, нежели прежде! Гдѣ теперь церковь? Гдѣ она? Нѣтъ ея! Мы не можемъ у нихъ допроситься, чтобы намъ, хоть наканунѣ засѣданія, доставлялся списокъ дѣлъ, которыя намъ докладываются: хотятъ, чтобы мы рѣшали экспромтомъ... А, вѣдь, по иному дѣлу требуется справка!».

Это горькое сѣтованіе архипастыря, — первенствующаго члена Святѣйшаго Сѵнода, вырвавшееся въ присутствіи человѣка, съ которымъ онъ говорилъ въ первый разъ, — глубоко меня поразило, и я былъ бы неправъ не только передъ памятью владыки, но и передъ самою Церковью, если бы и теперь, по блаженномъ его упокоеніи, продолжалъ таить въ себѣ вылившіяся предо мною изъ раскрывшагося его сердца слова, въ которыхъ такъ ярко изобразилось бѣдственное положеніе у насъ, въ Россіи, якобы господствующей въ ней Православной Церкви.

8 декабря 1898 г.

Напечатано въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ 8 декабря 1898 г.— въ день похоронъ высокопреосвященнаго митрополита Палладія и затѣмъ перепечатано многими другими изданіями.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

Къ столѣтію со дня его рожденія.

1804 $\frac{1}{\text{мая}}$ 1904.

Въ ряду лицъ, доблестно потрудившихся для просвѣтлѣнія замутившейся русской общественной совѣсти и мысли и для возстановленія въ русской жизни заглушенныхъ и подавленныхъ всякаго рода туземными терніями и наносными плевелами ея исконныхъ творческихъ началъ, — первое, если не по времени, то по значенію, мѣсто принадлежитъ Хомякову.

Хомяковъ, это — самый сильный умомъ и духомъ, самый просвѣщенный и, что важнѣе всего, самый цѣльный русскій человѣкъ, какого только дала намъ новая послѣпетровская Россія. Т. е., конечно, не то я хочу сказать, что Хомяковъ есть плодъ произведенныхъ въ русской жизни Петромъ перемѣнъ, но—то, что могучему, идущему изъ допетровской старины и народныхъ глубинъ, духу Хомякова удалось сквозь созданныя этими перемѣнами мертвящія условія пробиться и процвѣсти.

Хомяковъ далъ твердое обоснованіе истинно народному русскому, основанному на Христіанствѣ, міропониманію, которое, сдѣлавшись общимъ достояніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, могло бы обновить весь Міръ, облагодѣтельствовать все Человѣчество.

И вотъ, если только не погибнетъ, по грѣхамъ и неправдамъ отцовъ нашихъ и нашимъ, не дозрѣвъ и осыпавшись на корню, благодатный на Руси сѣвъ Божій, то за обильную жатву, за тѣ святые плоды, какіе соберетъ съ народной нашей пажити грядущее человѣчество, оно будетъ благодарно славить Хомякова, ибо онъ, подобно древнему Моисею, извлекъ изъ тайныхъ глубинъ народнаго духа на изсушенную поверхность нашей мысленной нивы ключъ воды живой и оживилъ имъ погибавшіе сѣмена и всходы.

Но вотъ прошло уже сто лѣтъ со дня рожденія Хомякова и уже сорокъ четыре года, какъ онъ умеръ, а между тѣмъ оставленное имъ русскому обществу богатѣйшее духовное наслѣдство почти вовсе не использовано и не оцѣнено по достоинству.

Мало того, очень многіе, вѣрнѣе же будетъ сказать, большинство считающихъ себя образованными русскихъ людей судятъ о Хомяковѣ и о славянофильствѣ совершенно ошибочно, будучи часто вовсе не знакомо съ трудами самихъ основоположниковъ славянофильства и основываясь исключительно на несправедливыхъ и пристрастныхъ отзывахъ о немъ его противниковъ.

Начиная съ современныхъ Хомякову западниковъ — Бѣлинскаго и Грановскаго, и кончая западниками нашихъ дней, какъ Милюковъ,—всѣ они въ своихъ сужденіяхъ о славянофилахъ обнаруживаютъ предубѣжденность и нежеланіе ихъ понять и даютъ совершенно неправильное истолкованіе славянофильству. Но особенно удивительно и прискорбно то, что къ сонму лжесвидѣтелей о славянофильствѣ примкнулъ и Владиміръ Соловьевъ, сложившійся духовно, несомнѣнно, подъ славянофильскимъ же вліяніемъ, напоенный его духомъ, и именно отъ Хомякова воспринявшій все то, что въ немъ самомъ (т. е. въ Соловьевѣ-то) было существеннаго и цѣннаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ приведены наиболѣе ходячія обвиненія противъ славянофильства и данъ будетъ отвѣтъ на нихъ словами самого Хомякова. Теперь же вмѣсто того, чтобы оспаривать противниковъ, будетъ несравненно полезнѣе возможно ближе познакомиться съ самимъ Хомяковымъ, съ его ученіемъ.

Для этой цѣли, конечно, лучше всего—читать труды самого Хомякова. Третье, самое полное, изданіе ихъ, въ восьми томахъ, напечатано въ 1900 г., подъ наблюденіемъ и съ примѣчаніями сына его Димитрія Алексѣевича. Затѣмъ есть небольшой трудъ Валерія Лясковскаго о Хомяковѣ, вышедшій въ 1897 г., и, наконецъ, въ 1902 году вышли двѣ книги I-го тома сочиненія кіевскаго ученаго В. З. Завитневича «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ», — объемомъ болѣе 1400 страницъ. За ними должны выйти третья книга I-го тома и затѣмъ II-й томъ. Изслѣдованіе Завитневича, — это первый, единственный пока, еще далеко неоконченный, опытъ полнаго и упорядоченнаго разсмотрѣнія и оцѣнки трудовъ Хомякова.

Въ первомъ томѣ этого труда дается общій обзоръ жизни и дѣятельности Хомякова, насколько Хомяковъ успѣлъ обнаружить себя въ своемъ творчествѣ и въ жизни; во второмъ

томѣ В. З. Завитневичъ обѣщаетъ изобразить Хомякова такимъ, какимъ онъ былъ самъ для себя въ глубинѣ своего внутренняго самосознанія, т. е.—изобразить философско-богословское міровоззрѣніе Хомякова, восполненнымъ и съ надлежащею оцѣнкой.

Пожелаемъ г. Завитневичу скорѣйшаго и возможно полнаго осуществленія предпринятой имъ необходимѣйшей для проясненія русскаго общественнаго самосознанія работы. Но у многихъ ли русскихъ людей найдется достаточно охоты, досуга и средствъ для того, чтобы раздобыть и прочитать обширное изслѣдованіе В. З. Завитневича о Хомяковѣ или сочиненія самого Хомякова? А между тѣмъ, каждому грамотному русскому человѣку необходимо не только узнать, но и полюбить этого воистину великаго нашего русскаго человѣка и учителя—Алексѣя Степановича Хомякова.

Сознаніе этой необходимости побудило насъ выступить съ чтеніями о Хомяковѣ, напечатанными частями во «Всемірномъ Вѣстникѣ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ—въ томъ видѣ, какъ печатается теперь.

* * *

Хомяковъ родился и воспитанъ въ православной, русской, богатой, хорошо образованной помѣщичьей семьѣ, жившей обыкновенно зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ одной изъ своихъ деревень въ Тульской, Смоленской и Рязанской губерніяхъ. Такимъ образомъ дѣтство и юность Хомякова прошли въ коренной Россіи. «Воспитанный въ религіозной семьѣ и въ особенности набожною матерью»,—говоритъ Хомяковъ о себѣ,—«я былъ пріученъ всѣмъ сердцемъ участвовать въ этой чудной молитвѣ церковной (о соединеніи Церквей). Когда я былъ еще очень молодъ, почти ребенкомъ, мое воображеніе часто воспламенялось надеждою увидѣть весь міръ христіанскій соединеннымъ подъ однимъ знаменемъ истины».

А вотъ какъ изобразилъ онъ намъ свою мать, Марью Алексѣевну, урожденную Кирѣевскую:

«Она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоотверженной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій

духовныхъ, которыя, конечно, не совсѣмъ принадлежали тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его: вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ».

Подъ такимъ воздѣйствіемъ сложился нравственно и духовно Хомяковъ.

Домъ Хомяковыхъ былъ полонъ слѣдами русской старины. Близость къ народу, которую Хомяковъ съ дѣтства привыкъ въ себѣ чувствовать, укрѣплялась въ немъ самою крѣпкою изъ связей, связью вѣры и церковнаго общенія (Ляск.)

Кстати сказать, село Богучарово, гдѣ всего чаще проводилъ лѣто Хомяковъ, вѣдь это, по былинамъ,—родина Ильи Муромца, любимѣйшаго и славнѣйшаго изъ нашихъ чудныхъ народныхъ богатырей, на котораго былъ такъ похожъ по духовному своему складу Хомяковъ.

Шестилѣтній Хомяковъ во время наполеоновскаго нашествія жилъ въ Рязанской губерніи, въ селѣ Кругломъ, въ сосѣдствѣ съ дочерью Кутузова.

«Проводя большую часть своей дѣтской жизни среди московскихъ святынь, мальчикъ не могъ не проникнуться настоящимъ старорусскимъ духомъ, и когда онъ изъ своего рязанскаго убѣжища узналъ, что Москва, которую онъ такъ любилъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ, принесена въ жертву за спасеніе Россіи, могъ ли ребенокъ Хомяковъ, если не умомъ, то живымъ пониманіемъ сердца не уразумѣть того, что творилось вокругъ него?» (В. Ляск.).

Такъ воспитывалось въ Хомяковѣ живое чувство любви къ родной странѣ, къ родному народу.

Въ 1815 г. одиннадцатилѣтній Хомяковъ на переѣздѣ изъ смоленскаго имѣнія Липицъ въ Петербургъ встрѣчаетъ на постоялыхъ дворахъ лубочныя изображенія сербскаго народнаго освободителя — Георгія Чернаго и говоритъ своему старшему брату Ѳеодору, что онъ станетъ бунтовать славянъ. Такимъ образомъ чувство любви къ родинѣ освѣщается и расширяется въ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ сознаніемъ общеславянскаго племенного родства и святости народной борьбы за свободу. Тутъ опять воспитывается его духъ жаждою новаго подвига, жаждою принять участіе въ освободительной борьбѣ. И это не было въ немъ мимолетнымъ порывомъ. На 17 году своего возраста Хомяковъ пытался бѣжать къ возставшимъ грекамъ, и къ этому—1821 году относится первое, по времени, стихотвореніе, изъ помѣщенныхъ въ послѣднемъ собраніи его сочиненій. Это—*Посланіе къ Веневитиновымъ*.

Вотъ выдержка изъ этого перваго стихотворенія Хомякова:

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ свобода народная ограждена законами,—
«Лишь Греція одна стонала подъ ярмомъ.
Столѣтья протекли. Объяты тяжкимъ сномъ,
Въ ней слава, мужество, геройскій духъ молчали,
И, мнилося, они навѣки чужды стали
Своей странѣ родной, странѣ великихъ дѣлъ,
Странѣ, гдѣ нѣкогда свободы гимнъ гремѣлъ,
Въ долинахъ, на холмахъ, въ ущельяхъ горъ высокихъ.
Пришлецъ съ Алтайскихъ горъ, сынъ дебрей и степей,
Обременилъ ее безславіемъ цѣпей.
Тиранства алчнаго ненасытимый геній
Разрушилъ чудеса минувшихъ поколѣній.
И злато, и труды голодной нищеты,
И сила юности, и прелесть красоты—
Все было добычей владыкъ иноплеменныхъ.
Но небо тронулось мольбами угнетенныхъ,
И Греція, свой сонъ сотрясши вѣковой,
Возникла, какъ гигантъ, могущею главой.
О, други! Какъ мой духъ пылаетъ бранной славой:
Я сердцемъ и душой среди войны кровавой!
Свирѣпыхъ варваровъ непримиримый врагъ,
Я мыслью съ Греками, сражаюсь въ ихъ рядахъ...
О, еслибъ гласъ Царя призвалъ насъ въ грозный бой!
О, еслибъ онъ велѣлъ, чтобъ Русскій мечъ стальной,
Спасатель слабыхъ царствъ, надежда, страхъ вселенной,
Отмстилъ за горести Эллады угнетенной!..»

Впослѣдствіи исполнилось желаніе юноши Хомякова. Въ 1828 и 29 г.г. онъ участвовалъ въ русской войнѣ съ Турками, проявилъ въ этой войнѣ блестящую храбрость и, конечно, на мѣстѣ познакомился съ южнымъ порабощеннымъ славянствомъ. Еще ранѣе, въ 1826 году онъ объѣхалъ земли западныхъ славянъ.

Къ 15—17-лѣтнему возрасту Хомякова относится неоконченная поэма «Вадимъ». 15-лѣтній Хомяковъ перевелъ Тацитову «Германію» и оду Горація «Parens deorum cultor et infrequens», прославляющую божественное всемогущество. Названные первые труды и опыты творчества показываютъ, на какіе предметы направлена была мысль молодого Хомякова.

Въ 1821 г. Хомяковъ выдержалъ въ Московскомъ Университетѣ испытаніе на степень кандидата математическихъ наукъ.

Въ это время около него собрался кружокъ молодыхъ друзей: Веневитиновыхъ, В. С. Кирѣевскаго, Кошелева, Муханова. Кружокъ прилежно занимался нѣмецкой философiей, послѣдователями которой и сторонниками западнаго просвѣщенiя были всѣ эти его друзья. «Но Хомяковъ не уступалъ имъ своего строгоправославнаго и русскаго образа мыслей». Нѣсколько позднѣе Хомяковъ познакомился и сдружился съ Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ,—человѣкомъ его склада мыслей. Хомяковъ очень его любилъ и называлъ «Великимъ печальникомъ за Русскую землю» (В. Ляск.).

Еще позднѣе, въ началѣ 40-хъ годовъ Хомяковъ сблизился и сталъ руководителемъ Константина Сергѣевича Аксакова и Юрiя Ѳедоровича Самарина. Вотъ какъ изображаетъ ихъ взаимныя отношенiя и характеры Иванъ Серг. Аксаковъ въ предисловiи къ печатавшимся въ 1879 г. въ «Русскомъ Архивѣ» письмамъ А. С. Хомякова къ Самарину, вошедшимъ теперь въ VIII т. соч. Хомякова.

«Въ 1839 г. Аксаковъ и Самаринъ (оба кандидаты Московскаго Университета), до того времени почти незнакомые другъ съ другомъ, согласились готовиться вмѣстѣ къ испытанiю на магистра. Дружно и горячо принялись они за работу: вмѣстѣ читали Гегеля (преимущественно «Логику»), вмѣстѣ же прочли всѣ памятники русской словесности, древней и позднѣйшей, до половины XVIII вѣка, изучили лѣтописи, старинные грамоты и акты. Оба горячо любили Россiю, для обоихъ православiе было семейнымъ преданiемъ и достоянiемъ, и оба же были жаркими почитателями германскаго философскаго мышленiя и литературы. Но когда предъ молодымъ, пытливымъ умомъ, изощреннымъ искреннею любовью, раскрылся цѣлый новый, своеобразный, невѣдомый имъ дотолѣ мiръ русскаго народнаго духа и жизни со своими еще не изслѣдованными тайниками, они съ увлеченiемъ, съ восторженною радостью привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Они, казалось (да и дѣйствительно), обрѣли, наконецъ, почву для безпочвенной, блуждавшей дотолѣ русской мысли; они нашли, или думали, что нашли полное оправданiе своимъ «непосредственнымъ» сочувствiямъ. Но полнымъ для приверженцевъ Гегелева дiалектическаго процесса могло быть только философское оправданiе; а потому Гегель же и послужилъ на то, чтобъ объяснить, санкцiонировать обрѣтенную ими новую истину, доказать ея всемiрно-историческое значенiе. Быстро, на первыхъ же порахъ, была сдѣлана попытка построить на началахъ же Гегеля цѣлое мiросозерцанiе, цѣлую систему своего рода «феноменологiи» русскаго народнаго духа, съ его исто-

ріей, бытовыми явленіями и даже православіемъ. Эта попытка, собственно относительно русской исторіи, выразилась отчасти и въ магистерской диссертаціи К. С. Аксакова о Ломоносовѣ, дописанной имъ въ 1844 году. Самаринъ же выбралъ себѣ предметомъ диссертаціи Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, какъ проповѣдниковъ.

«Блистательно сдавъ экзаменъ въ февралѣ 1840 года, оба магистранта, оба друга, ставши почти неразлучными, явились въ московскомъ обществѣ смѣлыми и рьяными провозвѣстниками новаго ученія. Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что въ этомъ товариществѣ мысли и пропаганды, творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій, логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ. Добываемое анализомъ, изученіемъ, всецѣло овладѣвало всѣмъ его существомъ, являлось въ немъ уже синтезомъ; его убѣжденія не оставались при немъ, но проникали всѣ изгибы его нравственнаго бытія, переходили немедленно въ жизнь, въ дѣло, или, при ограниченности поприща для «дѣла», въ неустанную повсюдную проповѣдь: все это съ такою полнотою искренности, съ такою внутреннею силою, для которой никакія уступки, никакія сдѣлки съ дѣйствительностью, ни даже соображенія съ условіями современности, не были возможны. Шумно огласились московскія литературныя гостиныя необычайными для нихъ пылкими его рѣчами, и хотя онъ скоро прослылъ за «чудака», «фанатика», человѣка «съ крайностями» и идеалиста (послѣднее, конечно, не безъ основанія), однако же дѣйствіе его рѣчей было тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ нимъ появлялся всюду, какъ человѣкъ съ нимъ вполнѣ единомышленный, Ю. Ѳ. Самаринъ, спокойный, воздержный, во всеоружіи свѣтскихъ приличій и самообладанія, чей блестящій и саркастическій умъ хорошо былъ извѣстенъ московскому обществу.

«Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину недоставало творчества и почина, то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логику не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но, въ противоположность своему другу, былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно

аналитической провѣркѣ. К. С. былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода: подобнаго ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не было другого и едва ли скоро будетъ.

«Тѣмъ не менѣе, сблизясь съ К. С. Аксаковымъ, когда ему, т. е. Самарину, было только 20 лѣтъ, онъ былъ увлеченъ своимъ старшимъ другомъ, болѣе его надѣленнымъ творческимъ талантомъ, художественностью и силою чувства, и года два находился, какъ говорится, подъ вліяніемъ послѣдняго. Затѣмъ, ставъ зрѣлѣе, натура Самарина, съ прирожденною ей трезвостью ума, предъявила свои права; между ними (какъ видно изъ ихъ переписки, и къ крайнему огорченію К. С—ча), возникли не несогласія, но споры, свидѣтельствовавшіе, что Самаринъ не удовлетворялся для себя умственнымъ процессомъ своего друга и выходилъ на самостоятельный путь внутренняго развитія.

«Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 г., встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но и удивительнымъ гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга; напротивъ, въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполнѣ примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую, почіющую на бездѣйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобъ этотъ анализъ былъ доводимъ до конца. Когда и какъ совершился въ немъ этотъ духовный и умственный процессъ, рѣшительно неизвѣстно: въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда его другъ Кирѣевскій еще издавалъ «Европейца», міросозерцаніе Хомякова было въ главныхъ своихъ основаніяхъ, положительно то же, что и въ 1860 г., въ годъ его смерти. Всегда общительный, неутоми-

мый посѣтитель всѣхъ интеллигентныхъ сборищъ, онъ, однако, не былъ проповѣдникомъ и, строго говоря, до встрѣчи съ Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ, въ своемъ образѣ мыслей оставался почти одинокимъ. Онъ никогда никому не навязывалъ «вѣры», и никогда не выставлялъ ее въ себѣ напоказъ, какъ ни била она въ немъ жизненнымъ ключемъ, а занимался въ обществѣ діалектическими спорами: то съ отрицающими вѣру раціоналистами, то съ мнимовѣрующими и съ изувѣрствующими, обличая первыхъ путемъ логики и анализа въ несостоятельности раціонализма, а вторыхъ въ несостоятельности ихъ основаній вѣры, въ ихъ внутреннемъ противорѣчіи. Отъ этого у многихъ онъ прослылъ человѣкомъ не только безъ вѣры, но и безъ всякихъ убѣжденій.

«Встрѣча съ Самаринымъ и съ К. С. Аксаковымъ была и для Хомякова полна плодотворныхъ послѣдствій. Молодые люди отважно вступили въ бой съ этимъ атлетомъ діалектики, какъ называлъ его Герценъ. Года два слишкомъ продолжались споры, все тѣснѣе и крѣпче, но постепенно сближая противниковъ. Впрочемъ, споръ шелъ не о значеніи народности вообще и русской по преимуществу, не о духовной сущности и отличіяхъ Русскаго народа отъ Западной Европы и пр., и пр., а по преимуществу объ отношеніи философіи къ религіи и о православіи, оправдываемомъ или выводимомъ молодыми людьми изъ началъ Гегеля. Философскія оправданія, на которыхъ они было успокоились, оказались несостоятельными. Хомяковъ раскрылъ имъ свое ученіе о Церкви, расширилъ ихъ собственную точку зрѣнія, исправилъ и поставилъ построенную ими теорію на новыя основы. «Я съ вами болѣе согласенъ, чѣмъ вы сами», часто говаривалъ Хомяковъ К. С. Аксакову. Въ послѣднемъ, впрочемъ, это освобожденіе отъ оковъ Гегеля произошло безъ особенной борьбы: Гегель какъ бы потонулъ въ его любви къ Русскому народу. Самъ онъ подъ однимъ своимъ стихотвореніемъ «Къ идеѣ», посвященнымъ Ю. Ѳ. Самарину и писаннымъ въ 1842 году съ эпиграфомъ «Es existirt Nichts, als Idee», лѣтъ черезъ 10 сдѣлалъ такое примѣчаніе: «Въ это время увлекала меня Германская философія, нисколько не заслоняя земскаго дѣла, которому въ служеніе хотѣлъ я принести философію и которому принесъ ее потомъ въ жертву. Жертва была законна. Выраженіе будетъ вѣрнѣе, если я скажу, что живой голосъ народный освободилъ меня отъ отвлеченности фисософской. Благодареніе ему».

«Иначе, разумѣется, долженъ былъ произойти этотъ переворотъ въ Самаринѣ. «Голосъ народный» не могъ заглушить

въ немъ совѣсть мыслителя. Долгія ночи проводилъ онъ уже не въ спорахъ, а въ бесѣдахъ вдвоемъ съ Хомяковымъ, домогаясь отвѣта мучительнымъ вопросамъ, вызваннымъ новою работою мысли и тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, о которомъ и свидѣтельствуетъ первое его письмо. Это же письмо свидѣтельствуетъ о близости, которая установилась между 40-лѣтнимъ Хомяковымъ и его молодыми друзьями. Нѣкоторые изъ старыхъ его пріятелей полушутливо, полусерьезно упрекали его въ измѣнѣ, даже въ томъ, что онъ «льститъ молодому поколѣнію»... Этотъ союзъ духовный, душевный, умственный и нравственный, скоро огласился во всемъ тогда интеллигентномъ и литературномъ мірѣ какъ особый «толкъ» или сектантство, пріобрѣлъ немало молодыхъ приверженцевъ, привлекъ и много старыхъ друзей, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ и несогласіи въ нѣкоторыхъ частностяхъ, къ единству общаго направленія, къ общей работѣ русскаго народнаго самосознанія, однимъ словомъ, положилъ основаніе «славянофильству». Это прозвище, данное въ насмѣшку петербургскою литературою, которымъ обзывали во время оно приверженцевъ Шишкова и князя Шихматова, мало-по-малу утвердилось и, по общему признанію, уже заняло мѣсто въ исторіи русскаго общества, какъ почетное наименованіе».

Щедро одаренный всѣми духовными силами отъ природы, между прочимъ и необыкновенной памятью, и составивъ себѣ въ ней огромный запасъ свѣдѣній по всѣмъ областямъ человѣческихъ знаній, Хомяковъ въ совершенствѣ владѣлъ сократическимъ методомъ, т. е. умѣньемъ вести споръ и приводить своихъ противниковъ къ сознанію ошибочности защищаемыхъ ими положеній.

«Боецъ безъ устали и отдыха», Хомяковъ, по словамъ Герцена «билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя».

Такимъ былъ по душевному складу А. С. Хомяковъ.

Самаринъ говоритъ о Хомяковѣ:

«Живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей вразумленія, и что въ этомъ случаѣ для умственнаго постиженія требуется подвигъ воли, что нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпадать съ истиною повѣданною; что нѣтъ такого чувства или стремленія въ нрав-

ственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться, вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ Церкви; словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что даже иначе, какъ честно, добросовѣстно и свободно, и нельзя вѣрить».

Скончавшись 20 сентября 1860 года, Хомяковъ оставилъ по себѣ семь-восемь десятковъ небольшихъ стихотвореній, небольшія журнальныя статьи, которыхъ въ послѣднемъ изданіи его трудовъ набралось три тома, въ томъ числѣ одинъ съ богословскими статьями, томъ писемъ, и еще такъ называемую «Семирамиду», т. е. записки о всемірной исторіи— трудъ неупорядоченный, незаконченный, которому Хомяковъ не успѣлъ дать даже и заголовка.

Наслѣдство по внѣшности и объему небольшое. Но вѣдь Сократъ и Христосъ вовсе ничего писаннаго ими самими по себѣ не оставили, и, однако, Сократъ справедливо почитается величайшимъ изъ учителей языческой древности, а ученіемъ Христа напоена вселенная.

Значеніе жизненнаго подвига и вліяніе на послѣдующее человѣчество такихъ людей, какъ Хомяковъ, опредѣляются не по количеству оставленной ими послѣ себя печатной бумаги.

Каждое изъ небольшихъ твореній Хомякова свѣтитъ уму и сердцу имѣющихъ очи, чтобы видѣть, небесною глубиной и немерцающимъ свѣтомъ яркихъ мысленныхъ звѣздъ.

Теперь, прежде, чѣмъ перейти къ послѣдовательному и связному изложенію міросозерцанія Хомякова и взглядовъ его на разныя стороны жизни и вопросы человѣческаго духа, ознакомимся по нѣкоторымъ изъ его стихотвореній съ общимъ его настроеніемъ, съ предметами, къ которымъ преимущественно устремлялась его мысль, и съ тѣмъ основнымъ источникомъ, изъ котораго черпалъ Хомяковъ свое вдохновеніе.

Звѣзды.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

* * *

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь: звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись—другія всходятъ;
Вновь вглядись, и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

1853.

Сказанное въ этомъ стихотвореніи о *Писаніи* можетъ быть отнесено отчасти и къ писаніямъ самого Хомякова, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ чистыхъ водъ, отразилось *Небо*.

Вотъ другое его стихотвореніе тоже, такъ сказать, исповѣднаго или молитвеннаго содержанія:

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
«Израиль, Мой народъ, внимай!
Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!
Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины;
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно *сердце* чище злата
И *воля крѣпкая* въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ *братъ, любящій брата,*
Нужна мнѣ правда на судѣ!..»

1858.

Многіе изъ крупныхъ писателей отожествляли свое назначеніе, назначеніе писателя съ пророческимъ. Всѣмъ извѣстны пушкинское и лермонтовское стихотворенія Пророкъ; но многіе ли знаютъ соотвѣтствующее имъ, хотя и не носящее такого названія, стихотвореніе Хомякова, если и уступающее тѣмъ двумъ въ образности, то отнюдь не въ силѣ и искренности чувства:

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!
Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!
Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!
Молилъ Тебя въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!
Молилъ тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слышанья рѣчи святой!

1854.

Къ этому же виду стихотвореній, въ которыхъ Хомяковъ говоритъ о своемъ собственномъ призваніи, относится

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!
Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!

«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же рабъ лѣнивый Бога.
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогою цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

1858.

Закончимъ этотъ рядъ молитвенныхъ стихотвореній Хомякова стихотвореніемъ *Воскресеніе Лазаря*, которое настолько хорошо, настолько церковно, что могло бы, по нашему мнѣнію, войти въ кругъ церковныхъ пѣснопѣній, какъ тропарь этому празднику.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.
Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: «встань!» душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;
И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ
Тебѣ—сіянью Отчей славы,
Тебѣ—распятому за насъ!

1853.

А вотъ другой рядъ стихотвореній, въ которыхъ Хомяковъ обращается уже не къ самому себѣ, но къ *Россіи*, говоритъ не о своемъ только призваніи, но о призваніи, а вмѣстѣ и объ уклоненіяхъ отъ этого призванія, о грѣхахъ родной страны, родного народа. Эти стихотворенія, расширяя наше знакомство съ внутреннимъ міромъ Хомякова, показывая намъ къ чему рвалась и о чемъ постоянно болѣла его душа,—пусть будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ и обороною славянофильства отъ взводимыхъ на него его недругами и хулителями обвиненій и поклеповъ.

Говорятъ, будто бы Хомяковъ и его послѣдователи, отдавая преимущество православному Востоку и въ частности нашей православной Россіи предъ Западомъ, закрываютъ глаза на неприглядную нашу русскую дѣйствительность, невѣрно, въ розовомъ свѣтѣ, представляютъ себѣ и другимъ современное и прошлое Россіи. Не понимаютъ тѣ, кто упрекаетъ въ этомъ славянофиловъ, что славянофилы дорого цѣнятъ лишь тѣ исконныя творческія начала, которыя нѣкогда признавались въ Россіи ея правительствомъ и народомъ, по которымъ нѣкогда строилась русская жизнь, которыя и теперь еще хранитъ, но уже почти безсознательно и безотчетно въ глубинѣ сердца своего нашъ народъ, и которыя Россія, въ ея образованной верховодящей части, должна будетъ, наконецъ, опознать и вывести на Божій свѣтъ и явить всему міру—не только въ творчествѣ мысли, но и въ жизни: въ своемъ законодательствѣ, въ учрежденіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, — что и будетъ! Будетъ — если только не отымется отъ насъ «мысли ясной благодать» и мы не измѣнимъ окончательно своему народу и не промѣняемъ благодатнаго его призванія на какую-нибудь чечевичную похлебку!

А что касается русской дѣйствительности, то о современной ему Россіи Хомяковъ говоритъ:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О недостойная избранья,
Ты избрана. Скорѣй омой
Себя слезами покаянья;
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Сказалъ ли кто нибудь другой болѣе сильное обличительное слово о современной ему Россіи?

А вотъ другое стихотвореніе Хомякова, въ которомъ онъ судитъ всю русскую жизнь въ ея прошломъ отъ Гостомысла и вплоть до нашихъ дней:

Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцевъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ».
Нѣтъ, этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ вашихъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны.
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечемъ Литвы,
За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя святоубійцы,
За разоренный Новградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полныя томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье міра,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,—

Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды родного края,—
Предъ Богомъ благости и силъ
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

1846.

Это ли похвальба? Это ли прикрашиваніе всего своего, только потому, что оно свое, въ его настоящемъ и прошломъ?

Далѣе славянофиловъ и Хомякова противники ихъ винятъ въ «шовинизмѣ», какъ обыкли теперь говорить, или, говоря проще, по-русски — въ воинственномъ задорѣ, въ похвальбѣ грубою вещественною, ну — военною что ли — силою и пространствомъ своей страны. Выслушаемъ опять Хомякова. Вотъ другое обращеніе его *къ Россіи:*

«Гордись!» тебѣ льстецы сказали:
«Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
«Земля несокрушимой стали,
«Полміра взявшая мечомъ!
«Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
«И прихотей твоихъ раба
«Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
«Тебѣ покорная судьба.
«Красны степей твоихъ уборы,
«И горы въ небо уперлись,
«И какъ моря твои озеры...»
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;

Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ.
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!
И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!..
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

Внимай ему—и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

1839.

Не только отъ гордости вещественною силою, но и отъ гордости духа предостерегаетъ свой народъ Хомяковъ, отъ поползновенія, отъ котораго не свободны многіе, если не въ самомъ народѣ, то въ верхнихъ его слояхъ,—считать себя народомъ избраннымъ и величаться своимъ избранничествомъ, будучи въ сущности мало его достойными:

«Мы—родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину:
«Намъ Божьи громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину».
«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь».
«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождили манной небеса;
«Для насъ законъ, у насъ пророки;
«Въ насъ Божьей силы чудеса!»

* * *

Не терпитъ Богъ людской гордыни;
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столбъ святыни,
«Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!»
Не съ тѣми Онъ, кто звуки Слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живого,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.
Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.
Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

1851.

Призваніе какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлаго народа не есть что-либо окончательно и безповоротно предопредѣленное. Даны благодатные дары духа, даны вещественныя силы и возможность для осуществленія человѣкомъ или народомъ ихъ высокаго на землѣ назначенія; но люди и народы не влекутся къ выполненію своего назначенія силою. Имъ оставлена свобода, и они могутъ злоупотребить ею, могутъ проспать свое назначеніе, расточить и размотать, какъ блудный сынъ, свое духовное богатство, и вотъ великій историческій народъ можетъ оскудѣть духомъ, великая міровая держава можетъ обратиться, по выраженію Хомякова, въ «историческій свищъ», или въ гробъ повапленный. Для выполненія народомъ призванія своего требуется покаянное обновленіе духа, смиренная чистота сердца и воля, крѣпкая въ трудѣ, направляемая любовью. Только такой, просвѣтленной духомъ *Раскаявшейся России* дастся выполнить ея высокое призваніе:

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.
О, Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!
1854.

Но, предостерегая Россію отъ слѣпой гордости, Хомяковъ въ то же время молился о ней: «не дай ей рабскаго смиренья!»

И упрекъ въ излишней покорливости, въ угодливости власти, какъ и кому бы то ни было, также мало идетъ къ славянофиламъ, какъ и обвиненіе ихъ въ самовосхваленіи, народной исключительности и гордости.

Сознаніе грѣховности русской жизни, призывъ къ покаянію совмѣщались въ Хомяковѣ съ крѣпкою вѣрою въ будущее ея обновленіе, въ грядущее торжество правды и свободы.

Въ самую тяжелую при жизни Хомякова пору—въ 1849 году, когда, говоря словами другого писателя, у насъ «въ испугѣ замолчало все то, что сердцемъ и умомъ искало вѣчнаго начала въ наукѣ, въ жизни и во всемъ»,— Хомяковымъ написано знаменитое его стихотвореніе:

Навуходоносоръ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!
Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.
Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества.
Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ,
И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ.
Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!
Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ...
Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?...
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,
Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ:
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ.
Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Какою бодростью, какою непреклонною вѣрою въ грядущую свободу слова, свободу труда дышетъ это стихотвореніе въ начальныхъ и заключительныхъ его строкахъ:

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Но въ чемъ же именно, по Хомякову, состоитъ призваніе нашей великой страны, нашего родного народа?

Мысль о призваніи Россіи и вѣра въ его осуществимость выражены Хомяковымъ въ одномъ изъ задушевнѣйшихъ его стихотвореній, написанномъ въ 1835 году,—

Ключъ.

Сокрытъ въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь.
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла.
И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтній зной.
И льешь ты сребрянныя слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ,
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни, невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его Святымъ.

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ,—
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите: мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины.
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Итакъ, призваніе Россіи, по приведенному стихотворенію, это—вмѣстить въ себѣ *Небо*, утолить духовную жажду народовъ, обогатить ихъ мысль, согрѣть и осіять весь міръ лучами *любви, святыни, тишины.*

По Хомякову, вся жизнь людей и народовъ опредѣляется ихъ *вѣрою*, которая не есть дѣло одной только познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но—всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровенія. «Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится, и чувствуется вмѣстѣ; словомъ, она не одно познаніе, но познаніе и жизнь».

Богословское міровоззрѣніе Хомякова, которое было и его вѣрою, въ глубочайшей своей сущности сводится:

1) къ апостольскому положенію: «*Богъ есть Любовь*»,

и 2) къ литургическому возгласу: «*Возлюбимъ* другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы *Отца* и *Сына* и *Святаго Духа, Троицу единосущную* и *нераздѣльную*!».

Живая и животворящая Истина, по Хомякову, не дается простой любознательности, одной только логической дѣятельности ума, но открывается въ мѣру запроса ищущей вразумленія совѣсти, одушевляемой любовью.

Данная же намъ Откровеніемъ и постигаемая любовнымъ единомысліемъ вѣрующихъ, основная истина нашей вѣры—та, что *Богъ есть Любовь*, и этимъ съ необходимостью опредѣляется жизнь и, такъ сказать, внутреннее строеніе Самого Божества; ибо Любовь—начало живое, дѣятельное и личное, требующее для своего удовлетворенія взаимности и отвѣта. Несліянно и нераздѣльно объединяются въ *Любви Любящій и Любимый.* Отсюда Личность и Тріединство Божества.

Исполненный дѣятельнаго, творческаго *Духа Любви*, Божественный Волящій Разумъ и Сила—*Отецъ* рождаетъ изъ Себя

Божественную Премудрость или *Творящее Слово—Сына*, изливая на Него изъ Божественнаго Своего Существа премудрую творческую и промыслительную Силу-*Любовь*—Божественнаго *Своего Духа*.

Итакъ, три суть Божественныя Лица или Ѵпостаси:

Божественный *Разумъ*, Божественная *Воля* и Божественная *Сила-Любовь*: но Сіи Три тожественны и суть Едино Божество: всесильный, любовно-волящій Разумъ—Отецъ, всесильная разумно-любящая творческая Воля—Сынъ и всесильная, разумно-волящая Сила-Любовь—Духъ Святый. Каждая изъ этихъ трехъ Божественныхъ Ѵпостасей, или Лицъ, сохраняя Свою самостоятельность, едина по существу и тожественна по Своему дѣйствію на сотворенный и промышляемый Богомъ міръ съ остальными Двумя.

Такое соотношеніе Лицъ въ Божествѣ, неслитное и нераздѣльное, внутренняя ихъ *самостоятельность* и, вмѣстѣ полное ихъ *согласіе*, или единство, можетъ быть названо *соборностью Божества*.

Тріедино и созданное Богомъ, по образу и подобію Своему, существо человѣка: въ немъ тѣ же три отраженныя Божествомъ ѵпостаси: *разумъ, воля* и *чувство*. Но для того, чтобы эти три душевныя силы въ человѣкѣ не разошлись и тѣмъ не нарушилась его цѣлость,—необходимо, чтобы онѣ направлялись къ единству, связывались *Божественнымъ Духомъ Любви, Который приводитъ ихъ въ состояніе соборности*.

Этотъ Духъ Любви и есть обѣщанный Сыномъ Божіимъ *Утѣшитель*, Котораго Онъ посылаетъ намъ отъ Отца и Который даетъ согласованность и миръ внутреннему міру человѣка.

Тотъ же Духъ Любви, принятый людьми за руководящее начало въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, приводитъ ихъ къ признанію въ каждомъ другомъ человѣкѣ Его Богоподной личности, т. е. его ничѣмъ извнѣ не ограниченной самостоятельности и свободы, и вмѣстѣ приводитъ ихъ всѣхъ къ *согласію*, устанавливая между всѣми ими *единомысліе* и *единодушіе*.

Такой общественный строй, въ которомъ сохраняется неприкосновенной *свобода человѣческой личности*, добровольно склоняющейся подъ одно только иго, *иго любви*, есть отображеніе Божества, и этотъ строй можетъ быть названъ строемъ *соборнымъ*.

Итакъ: соборенъ въ существѣ Своемъ Тріединый Богъ, соборенъ былъ въ существѣ своемъ, до поврежденія грѣхомъ своей природы, созданный по образу и подобію Божію человѣкъ; и возстановленіе въ душѣ его нарушенной грѣхомъ соборности и мира было цѣлью сошествія на землю во плоти Сына Божія и ниспосланія Имъ Своимъ послѣдователямъ Отчаго Духа—Утѣшителя.

И вражда противъ христіанства сказывается именно въ усиліяхъ подмѣнить въ жизни человѣческой,—отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ,—эти единственно спасительныя исконныя начала—христіанской свободы и братскаго единомыслія и единодушія, обнимаемыхъ понятіемъ соборности,—подмѣнить ихъ началомъ произвола,—личнаго или коллективнаго, но одинаково попирающаго и насилующаго человѣческую совѣсть, человѣческую душу, драгоцѣннѣе которой ничего нѣтъ въ мірѣ.

Начало христіанской свободы и единомыслія, по закону любви, т. е. начало соборности, положено апостолами и святоотеческими опредѣленіями закономъ устройства и дѣятельности высшаго изъ человѣческихъ союзовъ—христіанской церкви.

Церковь понимается Хомяковымъ, какъ духовный организмъ, *Тѣло Христово*. Сущность этого организма, какъ и всякаго другого, составляетъ его единство. «*Церковь*, говоритъ Хомяковъ, не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но *въ духовной связи, ихъ объединяющей*». *Единство* въ Церкви достигается путемъ *свободнаго единенія ея членовъ по закону любви*. Непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ Церкви служитъ вѣра во Іисуса Христа, какъ Спасителя міра, который есть единственная глава Церкви. Животворящую силу Церкви, какъ духовнаго организма, составляетъ *Духъ Божій*, живущій въ любовномъ единствѣ ея членовъ. Дѣйствіе Духа Божія проявляется прежде всего въ спасающей благодати, которую Церковь сообщаетъ своимъ членамъ въ таинствахъ. Внѣшнимъ проявленіемъ жизненнаго общенія членовъ Церкви служитъ молитва, которая есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни; она глаголъ ея любви, *вѣчное дыханіе Духа Божія*. «Церковь есть откровеніе Св. Духа, даруемое взаимной любви христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Іисуса».

Божественное *назначеніе Церкви* состоитъ не только въ томъ, чтобы *спасать души и совершенствовать* личныя бытія: оно состоитъ еще *и* въ томъ, чтобы «*блюсти истину откровенныхъ тайнъ* въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ чрезъ всѣ поколѣнія, *какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ*» (1406 *).

*) Цифры въ скобкахъ обозназначаютъ ссылку: римская съ арабскимъ числомъ — на книгу и страницу Сочиненій А. С. Хомякова, изданія 1900 г., а одно число изъ арабскихъ цифръ—на страницу сочиненія о Хомяковѣ В. З. Завитневича, который въ обѣихъ книгахъ ведетъ общій счетъ страницъ.

Переданныя Церкви на храненіе откровенныя истины она знаетъ живымъ непосредственнымъ знаніемъ, такъ какъ ея знаніе не есть знаніе просто человѣческое, а знаніе Духа Божія, живущаго въ Церкви и говорящаго устами ея соборовъ, ея Богоизбранныхъ мужей. Своихъ истинъ Церковь не изслѣдуетъ и не доказываетъ: она только по мѣрѣ надобности свидѣтельствуетъ ихъ, предоставляя изслѣдованіе своимъ отдѣльнымъ членамъ. *Свобода изслѣдованія* есть непремѣнная принадлежность Церкви; но, предоставляя членамъ свободу изслѣдованія, Церковь удерживаетъ за собою право послѣдняго слова, и всякій ея членъ, вѣруя въ непогрѣшимость только одной Церкви, охотно отдаетъ на ея судъ плоды своего умственнаго труда, съ любовью подчиняясь ея приговору. Истины, преподанныя Церкви чрезъ Боговдохновенныхъ мужей, содержатся въ Св. Писаніи и неизмѣнно хранятся *въ Священномъ Преданіи*, которое есть сама жизнь Церкви. Единственнымъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ подлинности книгъ Св. Писанія служитъ установленный Церковью канонъ.

Канонъ устанавливаетъ Библію, какъ Св. Писаніе, а канонъ неотдѣлимъ отъ Церкви, ибо онъ опирается единственно на довѣріе къ Церкви. «Библія не есть книга написанная, ибо то, что написано, есть только внѣшняя оболочка Библіи; *Библія есть книга мыслимая, книга, какъ разумѣваемое начало. Книга эта есть мысль общины (Церкви), ея внутренняя вѣра*». «*Библія есть писанная Церковь*, а *Церковь живая Библія*». Церковь знаетъ истину Слова Божія силою живущаго въ ней Св. Духа, Который говорилъ и устами Пророковъ, Евангелистовъ и Апостоловъ. Церковь свято чтитъ имена этихъ святыхъ мужей; но она чтитъ ихъ за то, что они «найдены были достойными приложить имена свои къ писаніямъ, *которыя Духъ Божій, выразившійся единодушнымъ голосомъ Церкви*, призналъ за Свои». Ясно, что *суть* не въ томъ или другомъ имени, которому приписываютъ то или другое писаніе, а *въ отношеніи Церкви къ содержанію этого писанія*. Если бы было доказано, что данное евангеліе или апостольское посланіе не принадлежитъ тому лицу, которому приписывалось, то подобное обстоятельство, смущая совѣсть раціоналистовъ, не имѣло бы значенія въ глазахъ членовъ Церкви: Церковь сказала бы: «это евангеліе, это посланіе отъ Меня», и оно продолжало бы съ прежнимъ авторитетомъ читаться. «Намъ, православнымъ христіанамъ, говоритъ Хомяковъ, дано видѣть въ писаніи не мертвую букву, не внѣшній для насъ предметъ и не церковно-государственный документъ, а свидѣтельство и слово всей Церкви, иначе— наше собственное слово — на столько, на сколько мы отъ

Церкви. Писаніе отъ насъ и потому не можетъ быть у насъ отнято» (1379—80).

Въ опредѣленіяхъ Вселенскихъ Соборовъ Церковь видитъ свой собственный голосъ или, что то же,—голосъ Духа Божія, живущаго въ Церкви. Словомъ, *познаніе* Божественной *истины дано взаимной любви христіанъ* и не имѣетъ другого блюстителя, кромѣ этой любви (1306).

Существеннѣйшій признакъ единой истинной Церкви это—ея соборность.

Одинакова была важность церковныхъ Соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значеніе ихъ было различно. На Востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ, кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ, были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. *Сознаніе всей общины,* принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою, уже существующею, но до тѣхъ поръ не опредѣленною съ логическою ясностью, *доставляло Собору* всю его *силу и неоспоримость* для будущихъ вѣковъ. На Западѣ же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. *На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ приговоромъ»* (481).

«На востокѣ безпрестанно являлись новыя ученія, вступали въ борьбу съ древнимъ преданіемъ и вызывали его къ яснѣйшему выраженію своего еще невысказаннаго смысла. Споры рѣшались на величественныхъ соборахъ...; но величественнѣе самихъ соборовъ, часто возмущаемыхъ безчинствомъ низкихъ страстей (напр., собраніе во Ефесѣ, извѣстное подъ именемъ Ефесскаго разбоя) была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно высказывающаяся въ посланіяхъ, проповѣдяхъ, письмахъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Сами соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованія, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ соборныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но *отъ согласія* отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на Соборѣ. Итакъ, само право представительства, какъ и само право приговора, не имѣло никакой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими постановленіями формальными. *Соборъ*

не власть, а голосъ, и въ этомъ-то отсутствіи власти формальной исторія должна признать неприкосновенность его власти разумной» (476).

«Не насиліемъ,—говоритъ Хомяковъ,—посѣяно христіанство въ мірѣ; не насиліемъ, а побѣждая всякое насиліе возросло оно. Поэтому не насиліемъ должно быть охраняемо оно, и горе тѣмъ, которые хотятъ силу Христову защитить безсиліемъ человѣческаго орудія. Вѣра есть дѣло духовной свободы и не терпитъ принужденія, вѣра же истинная побѣждаетъ міръ, а не проситъ меча мірского для торжества своего. Поэтому уважайте свободу совѣсти и вѣры, дабы никто не могъ оскорбить истину и говорить, что она боится лжи и не смѣетъ состязаться съ ложью оружіемъ мысли и слова. Ревнуйте къ чести Божіей не робостью и сомнѣніемъ въ ея могуществѣ, но смѣлостью и спокойною увѣренностью въ ея побѣдѣ» (I,385).

Вѣра въ побѣдную силу *слова* прекрасно выражена Хомяковымъ въ стихотвореніи

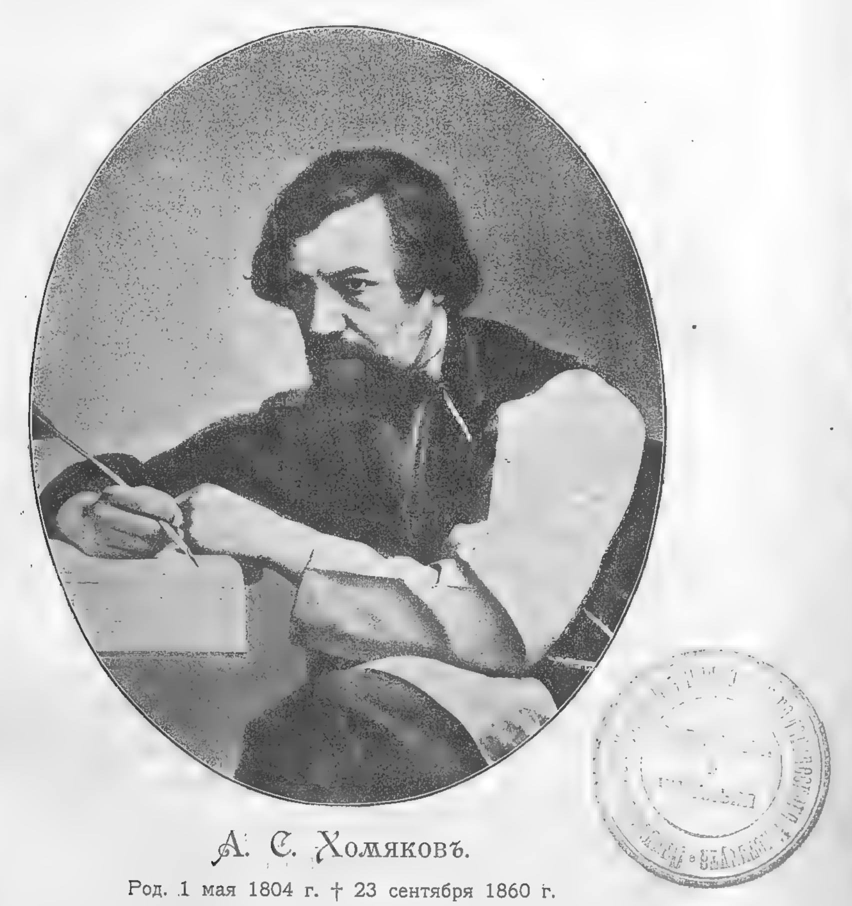
Давидъ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча.
Но, словомъ Божьимъ вдохновенный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.
И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на силу Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Сауловъ ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ,
Ея оружье—Божье Слово,
А Божье Слово—Божій громъ.

«Но,—продолжаетъ Хомяковъ,—ошибаются тѣ, кто думаетъ, что вѣра ограничивается простымъ исповѣданіемъ или обрядами, или даже прямыми отношеніями человѣка къ Богу. Нѣтъ, вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она есть высшее общественное начало, ибо само общество есть не что иное, какъ видимое проявле-

ніе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними» (I,385).

Говоря о вѣрѣ, скажемъ объ отношеніи Хомякова къ церковному обряду. Самъ онъ свято соблюдалъ церковные



А. С. Хомяковъ.

Род. 1 мая 1804 г. † 23 сентября 1860 г.

установленія и обряды, но онъ всего менѣе могъ быть названъ обрядовѣромъ. Вотъ что говоритъ онъ объ обрядахъ:

«Православный также горячо любитъ свой обрядъ, какъ самый страстный старообрядецъ, но эта любовь свѣтла и свободна. Православный также стремится къ созерцанію духовному, какъ молоканъ, но онъ не отрицаетъ обряда, и ему не

нужно его отрицать, такъ какъ онъ никогда не былъ его рабомъ, Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всѣхъ, онъ слышитъ, онъ чувствуетъ его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ». (1397).

«Здоровое общество гражданское,—говоритъ Хомяковъ,—основано на понятіи его членовъ о *братствѣ, правдѣ, судѣ* и *милосердіи*, и эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ вѣрахъ. Даже у христіанъ, кромѣ истинной православной Церкви, нѣтъ ни вполнѣ яснаго понятія, ни вполнѣ искренняго чувства братства. Это понятіе, это чувство воспитывается и крѣпнетъ только въ православіи. Не даромъ община и святость мірского приговора и безпрекословная покорность каждаго предъ единогласнымъ рѣшеніемъ братьевъ—сохранились только въ земляхъ православныхъ (I,385—6).

«Участь общества гражданскаго зависитъ,—говоритъ Хомяковъ,—отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему всѣ общества нехристіанскія, какъ бы ни были они грозны и могучи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ, и почему въ самомъ христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полнѣе сохраняютъ его святой законъ (II,234—41).

«Каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и внутренняя его жизнь есть не что иное, какъ развитіе какого-нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государства, возвышая и укрѣпляя присущею въ немъ истиною или убивая присущею въ немъ ложью» (I,38).

Истинная задача исторіи—уразумѣніе тѣхъ живыхъ началъ, которыя управляютъ жизнью народовъ.

Въ языческомъ Римѣ, государственность котораго унаслѣдовала затѣмъ и христіанская Византія, религія занимала чисто служебное положеніе. Это былъ обрядъ государственный, полезный, но вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ внутреннихъ данныхъ для самобытнаго существованія или правъ на безусловное вѣрованіе.

«Вѣрованіе въ боговъ, есть мнѣніе полезное, ибо утверждаетъ клятвы, укрѣпляетъ договоры, пугаетъ преступниковъ,

хранитъ неприкосновенность гражданскаго общества». Таково сужденіе одного изъ выдающихся Римлянъ.

Такое же въ сущности отношеніе усвоено было вскорѣ и христіанскою, по имени, имперіей къ Церкви. Поэтому-то Христіанство и не принесло въ Римѣ и Византіи всѣхъ своихъ плодовъ.

«Его послѣдователи умножались быстро, но едва ли еще не быстрѣе развратились. Теплая вѣра замѣнилась холодною привычкою или равнодушнымъ подражаніемъ чужому примѣру: и прежніе христіанскіе мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ».

«Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ, безъ согласія Церкви, мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала, какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ; такимъ образомъ освящалось извнѣ то, что въ себѣ внутренней святости не имѣло; *глубокія требованія Христіанства отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властью, и идея государства истинно-христіанскаго исчезла изъ сознанія*, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ» (475—9).

Потому именно Римская имперія и не спаслась отъ гибели, что сама она, какъ государство, не приняла Христіанства: законы и общественная жизнь остались равнодушными къ перемѣнѣ исповѣданія. *Слово Евангельское* просвѣтило совѣсть человѣка, но *не коснулось совѣсти гражданина.*

Мысль Эллина, свободная и плодотворная въ другихъ областяхъ, въ области права (гражданскаго) рабски слѣдовала по путямъ, ей указаннымъ ея учителями—законовѣдами Рима. «Христіанство почти не проникало въ каменный капитолій юристовъ; тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества.

«Все уголовное право съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безнравственными судами и разрядами преступленій, было наслѣдствомъ того же Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія отъ него Восточной Имперіи. То же должно сказать о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ.

«Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противохристіанскихъ началъ. Оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества: ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ граждан-

скомъ понятіи Рима, не могли еще вполнѣ уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно трудной задачи *общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ»*...

«Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ *зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую*». «Изъ сказаннаго ясно, что «хотя Христіанство жило въ Греціи, но Греція (какъ государственный организмъ) не жила Христіанствомъ... *Церковь лишившись всякаго дѣйствія* и сохраняя только мертвую чистоту догмата, *утратила сознаніе своихъ живыхъ силъ* и *память о своей высокой цѣли.* Она продолжала скорбѣть съ человѣкомъ, утѣшать его, отстранять его отъ проходящаго міра, но *она уже не помнила, что ей поручено созидать зданіе всего человѣчества*". Такой порядокъ вещей для старой Римской Имперіи имѣлъ роковыя послѣдствія, но онъ остался злымъ наслѣдствомъ и для смѣнившихъ Римъ народовъ и государствъ новой Европы.

«Итакъ *Византіи* не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества, но ей *было дано великое дѣло уяснить вполнѣ христіанское ученіе*, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама Имперія падала все ниже и ниже..., но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранилась до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала. «Вотъ эта-то *чистота* и цѣльность просвѣтительнато *начала*», (*а не формъ* самой жизни) и переданы были Византіей по наслѣдству Славянскому міру и на челѣ его стоящей нашей Руси». (563—9).

Чистота нравовъ мирнаго, младенчески простодушнаго земледѣльца славянина, семейно-*общинный* бытъ, основанный на хоровомъ началѣ, составляли прекрасную почву для насажденія началъ Христіанства.

Духъ Христіанства нашелъ себѣ въ нашей земской общинѣ готовый сосудъ, но онъ остался чуждъ дружинѣ, съ ея личною разрозненностью.—Разрозненность племенъ, разъединенность между княжескою дружиною и земщиною, построенными на разныхъ началахъ, недостатокъ опредѣленнаго сознанія,—вотъ причины недостаточнаго проявленія въ русской

жизни свѣтлыхъ началъ православія и уклоненій отъ этихъ началъ въ жизни.

Высшіе представители просвѣщенія въ древней Россіи, не имѣя никакого другого примѣра, кромѣ Византіи, не могли дать настоящаго и сильнаго направленія смутному броженію разнородныхъ стихій... Кромѣ Византіи, въ сосѣдствѣ съ Русью были еще Западъ и кочевой Востокъ. Но тамъ она могла найти и, дѣйствительно, находила только уроки въ дикости и свирѣпости, которые къ несчастью не оставались безъ вліянія на чужеземный составъ или приливъ дружины. Вслѣдствіе этихъ причинъ право измѣнялось постоянно и постепенно грубѣло въ своихъ гражданскихъ и особенно уголовныхъ положеніяхъ. Явленія западной инквизиціи вкрадывались иногда въ общество, исповѣдующее кротость чистой вѣры, и законъ, нѣкогда дорожившій жизнью человѣка, какъ святымъ даромъ Бога-Спасителя, принималъ все болѣе и болѣе въ свои постановленія страшныя пытки и кровавыя казни, которыми наполнены наши юридическія памятники XVII в.

И вотъ, «когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены въ жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраняемые вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга, — язва безнравственности общественной распространилась безмѣрно и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ...

Но самымъ уродливымъ проявленіемъ этой печальной стороны нашей древней жизни должно признать «волчью голову Іоанна, иногда понимавшаго красоту, но никогда святость добра... въ мастерствѣ софизма, не уступавшаго никакому византійцу, а въ кровожадности никакому татарину... людоѣда со своими подданными и низкаго труса предъ иноземцами», словомъ «изверга цѣльнаго и, такъ сказать, художественнаго» (III, 280—2).

«Но все это, говоритъ Завитневичъ, было въ дѣйствительной жизни, а не въ томъ идеалѣ, къ которому эта жизнь должна была стремиться, не въ томъ законѣ, которому она должна была подчиняться и по которому она должна была строиться. Полнота и *цѣльность* унаслѣдованнаго Русью отъ Византіи Христіанскаго закона, оставались неприкосновенными, въ этомъ законѣ не было раздвоенія, а «*другихъ началъ никогда не признавала Русская Земля*».

Такова причина, почему мы не можемъ удовлетворяться иноземнымъ, почему почти всѣ вопросы жизни и мысли требуютъ у насъ новаго, своего рѣшенія, почему мы не можемъ дома прилагать европейской мѣрки къ своимъ понятіямъ, даже въ вопросахъ второстепенныхъ.

«Задача, издревле намъ опредѣленная, не легка: историческая судьба налагаетъ трудъ по мѣрѣ почести. Путь нашъ долженъ былъ быть тяжелымъ. Легко размноженіе инфузорій и зоофитовъ: болѣзненно рожденіе человѣка. Но отрекаться отъ своей задачи мы не можемъ... Никакая низшая задача не получитъ всенароднаго сознанія и не привлечетъ всенароднаго сочувствія, а безъ того успѣхъ невозможенъ... *Россіи надобно быть или самымъ нравственнымъ, т. е. самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, или ничѣмъ; но ей легче вовсе не быть, чѣмъ быть ничѣмъ*» (III, 335—7).

Идеалъ, конечно, никогда цѣликомъ не воплощается въ жизни, и чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ труднѣе его осуществленіе. «Но—горе, говоритъ Завитневичъ, тому народу, который, забывъ святость закона, несовершенства жизни возводитъ въ законъ!»

Какое же духовное начало призванъ осуществить своей жизнью русскій народъ?

На пространствѣ всей девятивѣковой сознательной жизни Русскаго народа мы видимъ во всѣхъ положительныхъ самобытныхъ ея явленіяхъ присутствіе тѣхъ же, сопутствующихъ одно другому и стройно сочетавающихся, образующихъ и творческихъ,—личнаго и соборнаго началъ. Хоровая русская пѣсня,—это пѣсня соборная, въ которой отдѣльные самостоятельные голоса и напѣвы стройно сливаются въ общемъ созвучіи. Образцовая русская семья—та, гдѣ царятъ совѣтъ и любовь, пожеланіемъ которыхъ привѣтствуютъ новобрачныхъ. Образцовый русскій способъ рѣшенія общественныхъ дѣлъ, это—рѣшеніе ихъ міромъ, при которомъ разноголосица свободныхъ мнѣній сводится къ единодушному рѣшенію взаимною любовью и желаніемъ общей пользы. Образцовый способъ землевладѣнія и хозяйства—общинный, гдѣ отдѣльные общинники свободно поступаются частью своихъ правъ въ пользу наростающихъ поколѣній. Образцовое по мысли и сердцу Русскаго Народа государственное устройство—такое, во главѣ котораго стоитъ свободный въ своихъ рѣшеніяхъ Государь, внимающій и уважающій соборный голосъ свободнаго въ выраженіи своихъ мнѣній Народа. Образцовое отношеніе русской власти къ подвластнымъ иноплеменникамъ и инородцамъ та-

ково, что отъ нихъ требуется вѣрность общему Отечеству— государству, а затѣмъ оставляется вольная воля сливаться съ господствующею народностью или жить своимъ обычаемъ и своимъ языками славить Бога. Наконецъ, сама наша православная Церковь — Церковь соборная, и неповрежденность ея свободы и соборности въ глазахъ Русскаго Народа есть необходимое условіе ея святости *).

«Наша земля, говоритъ Хомяковъ,—вѣритъ высшимъ началамъ; она вѣритъ человѣку и его совѣсти... Для Россіи возможна одна только задача: быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высшихъ нравственныхъ началахъ... Все, что благородно и возвышенно, все, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему, все, что основывается на самоотверженіи и самопожертвованіи,—все это заключается въ одномъ словѣ: Христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ... Эта цѣль ею сознана и высказана сначала: она высказывалась всегда, даже въ самыя дикія времена ея историческихъ смутъ. Если когда-нибудь позже и переставали ее выражать, внутренній духъ народа никогда не переставалъ ее сознавать. Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе особаго душевнаго склада нашего племени, но, безъ сомнѣнія, оттого, что намъ, по милости Божіей, дано было Христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности»...

Но духъ Христіанства есть духъ любви; онъ живетъ тамъ, гдѣ есть общеніе душъ, проникнутыхъ взаимною любовью (III, 335).

Въ основу построенія русскаго общества, съ принятіемъ Христіанства, положено было то же начало, какое лежитъ и въ основаніи устройства православной Церкви (свобода въ единствѣ по закону любви), т. е. *начало соборности*.

Отсюда могущественное воздѣйствіе Церкви на историческій ходъ нашей общественной и государственной жизни. «Слова лѣтописца: «Мы одинъ народъ, потому, что крещены въ одного Христа»,—были выраженіемъ всегдашняго и преобладающаго русскаго чувства»,—говоритъ Хомяковъ.

Церковь создала единство Русской Земли. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями.

---

*) См. «Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ Русскаго Народа».

На примѣрѣ Рима и Византіи видѣли мы, какое гибельное и для вѣры, и для самого государства и всего гражданскаго общества значеніе придаютъ Хомяковъ и другіе славянофилы неправильнымъ отношеніямъ государства къ вѣрѣ,—тому подчиненному, служебному положенію, въ которое государство ставило Церковь и самое вѣру. Но въ такія же отношенія къ мірской власти поставилъ или хотѣлъ поставить Русскую Церковь Петръ I, и неестественность того положенія, въ какомъ находится съ того времени наша Церковь, служитъ едва ли не главнѣйшею причиною все большихъ и большихъ отпаденій отъ Церкви и столь широко распространившагося въ образованномъ русскомъ обществѣ невѣрія.

Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Юр. Ѳ. Самаринъ въ предисловіи къ книгѣ Богословскихъ сочиненій Хомякова (С. X, т. II):

«Когда пускается въ оборотъ мысль подъ явнымъ клеймомъ невѣрія, она возбуждаетъ въ совѣсти, если не противодѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую къ себѣ недовѣрчивость, какъ выраженіе нескрываемой вражды. Но когда оффиціальный консерватизмъ, подъ предлогомъ охраненія вѣры, мнетъ и душитъ ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ для него—тогда очень естественно, что въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что иного отъ вѣры и ожидать нельзя, и что, дѣйствительно, таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ. Когда существующій порядокъ вещей весь цѣликомъ ставится подъ непосредственную охрану вѣры, когда ей, такъ сказать навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера, и чего можетъ не быть завтра; тогда естественно всѣ самыя разумныя потребности, неудовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ, сама вѣра въ народную будущность, все это пріучается смотрѣть на вѣру, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно надо будетъ перешагнуть, и, мало-по-малу, склоняется къ невѣрію. Вѣра по существу своему не сговорчива и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ. Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертвованіе и обуздываетъ личныя страсти—это такъ; но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить, пристращать расправою на томъ свѣтѣ. Вѣра не палка, и въ рукахъ того, кто

держитъ, ее какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы... Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы, есть не что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ, по ея общепонятности».

Неправильность отношеній между государствомъ и Церковью въ Россіи является также однимъ изъ препятствій къ устраненію нашего русскаго церковнаго раскола, и едва ли не важнѣйшей съ нашей стороны преградою, на которую наталкиваются и которую не въ силахъ и не желаютъ переступить, и тѣ пламенныя и искреннія души изъ западныхъ инославныхъ христіанъ, которые признаютъ догматическую и историческую правоту нашей Церкви и искренно влекутся къ ней чувствомъ. Таковъ былъ именно магистръ Богословія и діаконъ англиканской, такъ называемой, «Высокой церкви»—Пальмеръ, ведшій долгую переписку съ Хомяковымъ о возсоединеніи своей церкви съ Православною, искренно этого желавшій и окончившій—переходомъ въ католичество. Въ сочиненіи изданномъ Пальмеромъ въ Афинахъ («Dissertations on subjects to the Orthodox or Estern Catholic Communion») мы находимъ такое объясненіе столь печальнаго съ нашей русской точки зрѣнія исхода благочестивыхъ стараній Пальмера найти себѣ успокоеніе въ лонѣ истинной Церкви. «Въ Русской Имперіи, говоритъ Пальмеръ, отношеніе духовной и гражданской власти въ настоящее время таково, что оно непримиримо съ правильнымъ отправленіемъ апостольскаго служенія... Я не могу отрицать или скрывать недолжное преобладаніе государства, нынѣ въ Россіи существующее, и, если бы я отнесся къ нему легко, какъ будто считая, что такая узурпація не имѣетъ существеннаго значенія для каѳолической вѣры и вліянія на дисциплину христіанскую, а что ее можно законно принять и подчиниться ей, я черезъ это только выставилъ бы себя въ глазахъ всего Запада за дурака и сумасшедшаго, ничѣмъ не оказывая услуги Восточной Церкви чрезъ мое къ ней присоединеніе и не имѣя ни малѣйшей надежды дать другимъ примѣръ, достойный подражанія. Такимъ образомъ, эта гора недолжнаго преобладанія государства стоитъ поперекъ моей дороги, я долженъ либо найти средство сдвинуть гору, что не особенно вѣроятно, или я долженъ свернуть самъ и избрать другой путь»...

«Я надѣюсь (что бы Провидѣніе ни готовило мнѣ, или какимъ бы путемъ ни вело), что я никогда не оставлю моихъ теперешнихъ чувствъ влеченія и уваженія ко всему доброму, какое я видѣлъ и позналъ въ Русской Церкви и народѣ. Характеръ Грековъ (хотя у нихъ есть нѣкоторыя удивительныя

природныя дарованія) вовсе не привлекателенъ въ религіозномъ отношеніи, но въ Русскомъ есть очень много такого, что должно бы, кажется, привлечь къ нему всякую христіанскую душу. Несправедливыя и горькія предубѣжденія столь многихъ на Западѣ противъ того, что есть самаго чуднаго въ Русской Церкви и государствѣ, служатъ сильнымъ добавочнымъ поводомъ для всякаго, кто имѣлъ случай узнать оное, чтобы еще теплѣе сочувствовать тому, что такъ несправедливо обезцѣнивается и подвергается клеветѣ. Я душевно скорблю, что не все таково, какъ бы я желалъ; что Русская Церковь и духовенство не въ томъ положеніи справедливой свободы, какое они занимали до низложенія Никона, что государство и второстепенные органы и цензура печати не въ состояніи, кажется, или не хотятъ различать между разнузданностью и упорствомъ, происходящими изъ дурныхъ побужденій, и такою свободою обсужденія, которая здорова и ведетъ къ истиннымъ выгодамъ какъ вѣры, такъ и престола».

«Меня могутъ спросить, продолжаетъ Пальмеръ, почему не постараться смотрѣть на настоящія отношенія императорской и апостольской властей въ Россіи русскими очами—скорѣе, чѣмъ стараться смотрѣть римскими на Исхожденіе, папское главенство и еще на четыре или пять вопросовъ? По той причинѣ, отвѣчаю я, что слабые или затруднительные пункты въ Русской Церкви касаются опредѣленія самой Каѳолической Церкви»... (1193—5).

«Каноны Вселенской Церкви требуютъ личнаго примаса (онъ, дѣйствительно, можетъ быть вспомоществуемъ Сѵнодомъ) въ каждой странѣ и у каждаго народа: и четыре патріарха Восточные имѣли также мало права и власти узаконять Сѵнодъ, или «коллегіумъ» Петра, какъ самъ Петръ его учреждать. Затѣмъ епископы имѣютъ естественное право на такую же свободу дѣйствія въ собственныхъ духовныхъ сферахъ, какую каждый хозяинъ или свободный гражданинъ имѣетъ въ своей мірской сферѣ, и если свѣтская власть завѣдуетъ ихъ имуществомъ, назначаетъ, оплачиваетъ и смѣщаетъ ихъ слугъ и препятствуетъ имъ дѣлать что бы то ни было, иначе, какъ черезъ такихъ посредниковъ, и епископы этому подчиняются, то это уже нѣсколько болѣе, чѣмъ только случайная или временная фактическая угодливость. Допущеніе такого механизма въ постояннномъ строѣ Церкви есть косвенное допущеніе принципа, ниспровергающаго Апостольскую миссію и власть» (1220).

По поводу только что приведенныхъ словъ изъ письма Пальмера Завитневичъ въ выноскѣ отъ себя замѣчаетъ: «Можно

спорить о томъ, какая форма церковнаго управленія практически пригоднѣе: единоличная или коллективныя. Но отъ ссылки на каноны Вселенской Церкви, требующіе, будто бы, непремѣнно «личнаго примаса», вѣетъ папизмомъ. Въ основѣ управленія Церковью лежитъ начало *соборное*, и поэтому доказывать, что коллегіальная форма правленія противорѣчитъ, якобы, духу Церкви, это значитъ—утверждать нелѣпицу».

При всемъ уваженіи къ труду В. З. Завитневича, въ виду важности затронутаго имъ въ только что приведенномъ его замѣчаніи вопроса, должно сказать, что это его замѣчаніе противорѣчитъ всему содержанію и смыслу его труда. Такова сила укоренившихся предвзятыхъ мнѣній! Какъ это г. Завитневичъ не видитъ, что между коллективизмомъ и соборностью, или общинностью, и между коллегіальнымъ способомъ рѣшенія церковныхъ и иныхъ дѣлъ и соборнымъ, или мірскимъ, не только нѣтъ ничего общаго, но что они по духу прямо противоположны? Опредѣленія соборныя суть выраженіе и засвидѣтельствованіе истины, открывающейся единодушному къ ней стремленію, руководимому любовью. Коллегія даетъ только формальныя рѣшенія, основанныя на случайномъ большинствѣ голосовъ, попирая мнѣніе лицъ, оставшихся въ меньшинствѣ, и насилуя ихъ совѣсть.

Патріаршія Церкви на Востокѣ суть въ то же время Церкви соборныя, какъ была и наша древняя Русская Церковь, — пока соборность ея не была подмѣнена коллегіальностью.

Въ письмахъ къ Пальмеру Хомяковъ старался ослабить обвиненія, высказанныя тѣмъ противъ нашей Церкви; но, по справедливому замѣчанію г. Завитневича, логически трудно, а въ нравственномъ отношеніи невозможно было отстаивать ту дѣйствительность, защищать которую пришлось Хомякову. И въ письмахъ къ своимъ (В. В. Елагину) Хомяковъ называетъ приведенныя выше слова Пальмера «страшными». А въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Пальмеру онъ восклицаетъ: «Дай Богъ, чтобы наши грѣхи и наше жестокосердіе не обратились въ пагубу и вамъ, и чтобы не пало на насъ двойное осужденіе: за собственную нашу неправду и за внушенное вамъ предубѣжденіе противъ самаго Закона Божія!» (1307).

Общинный духъ,—по ученію Хомякова и другихъ славянофиловъ,—составляетъ положительное начало нашей исторической жизни, которое, освященное христіанствомъ въ духѣ восточнаго православія, покоящагося на началѣ соборности,

росло и развивалось, мѣняя въ своемъ историческомъ движенiи лишь внѣшнiй видъ, а не содержанiе.

«Семейство и родъ,—говоритъ Самаринъ,—представляютъ видъ общежитiя, основаннаго на единствѣ кровномъ, городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и, позднѣе, епархiальномъ, наконецъ, единая обнимающая всю Россiю государственная община—послѣднiй видъ, выраженiе земскаго и церковнаго единства». Всѣ они суть только ступени постепеннаго расширенiя одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласiи и любви,—потребности, сознанной каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящiй свое оправданiе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволенiи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его...

«На каждой ступени его развитiя онъ выражается въ двухъ явленiяхъ, идущихъ рядомъ и необходимыхъ одно для другого: «Вѣче родовое (напр., княжескiе сеймы) и родоначальникъ, вѣче городовое и князь, вѣче земское, или дума и царь». «Первое служитъ выраженiемъ общаго связующаго начала, второе—личности» (325—6).

«Окруженная врагами,—говоритъ Хомяковъ о Смутномъ времени на Руси, — разорванная внутри призракомъ угасшей династiи, безъ царя и безъ правительства, старая Русь потому только и могла совершить свое великое дѣло, что она не отрекалась отъ вѣча, сходки, мiра, общины, выборовъ, самопредставительства и прочихъ живыхъ своихъ силъ и живыхъ выраженiй своей силы. Кто сдѣлалъ Минина выборнымъ всей Земли Русской? Пожарскаго военачальникомъ? Кто посылалъ грамоты городовыя и т. д. Кто, какъ не вѣче, или сходка, или мiръ. Кто могъ это все строить? Обычай и исконная привычка къ жизни гражданской въ городахъ и селахъ» (III, 274).

«Повинуйтесь власти и укрѣпляйте ее,—говоритъ Хомяковъ,—дабы не впасть въ безначалiе и безсилiе, но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнѣнiя, какъ словеснаго, такъ и письменнаго. Она созидаетъ силу духа, царство правды и жизнь разума въ народѣ. Безъ нея глохнутъ и умираютъ всѣ добрыя начала, какъ видно изъ опыта многихъ народовъ и отчасти изъ нашего собственнаго. Она нужна гражданамъ и, можетъ быть, еще болѣе нужна самой власти, которая безъ нея впадаетъ въ неисцѣлимую слѣпоту и готовитъ гибель самой себѣ (I, 405—6).

Скажемъ теперь объ отношенiи Хомякова и его единомышленниковъ къ самодержавной царской власти.

Будучи искренними сторонниками этой власти въ умозрѣніи и вѣрными ея слугами въ жизни, славянофилы, однако же, не смѣшивали вещей небесныхъ съ земными, и дѣла рукъ человѣческихъ съ Божественными началами. Поэтому и царскую власть, почитая наиболѣе отвѣчающей и міросозерцанію, и бытовымъ условіямъ жизни Русскаго народа, славянофилы не давали ей того высшаго освященія, какого требовали себѣ ассирійскіе владыки или римскіе императоры.

Старанія утвердить эту власть на Божественномъ основаніи, какъ непреложный догматъ церковный, свидѣтельствуютъ или о ревности не по разуму, или о грубомъ ласкательствѣ

Вотъ, что говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ статьѣ «Объ отношеніяхъ Церкви къ свободѣ», вошедшей въ VI т. его сочиненій, изд. 1887 г.

«Исторія всѣхъ христіанскихъ народовъ, событія, совершающіяся на нашихъ глазахъ, аналогическіе выводы изъ вѣкового опыта доказываютъ намъ, что политическія формы измѣняются и должны измѣняться, что въ жизни каждаго народа наступаетъ пора, когда участіе его въ собственной политической судьбѣ (всегда предполагаемое или подразумѣваемое) дѣлается явнымъ и гласнымъ, облекается въ опредѣленную форму, требуетъ себѣ признанія, какъ права, и что дальнѣйшій ходъ развитія ведетъ къ постепенному расширенію этого участія. Таковъ фактъ несомнѣнный, неотразимый и въ то же время разумный фактъ, служащій выраженіемъ правильнаго прогресса. Безразсудно было бы это отрицать и одинаково безразсудно было бы забѣгать впередъ, требовать немедленнаго осуществленія на практикѣ необходимаго въ будущемъ и, очевидно, невозможнаго въ настоящемъ,—требовать на томъ только основаніи, что требованіе логически вѣрно и выражается въ формѣ правильнаго логическаго силлогизма.—Да, говорятъ вамъ, а поперекъ политическому прогрессу стоитъ Церковь. — Почему же? А потому, что Церковь опредѣляетъ государственную власть не какъ делегацію, а какъ прирожденное, свыше данное право, слѣдовательно, по ея понятіямъ, форма власти предустановлена и неизмѣнна по существу и всякое ограниченіе ея какимъ-либо инымъ правомъ получило бы характеръ посягательства на Божественную заповѣдь.—Но гдѣ же доказательства?—А тексты, въ которыхъ говорится о царяхъ, именно о царяхъ; а проповѣди, привѣтствія, комплименты, произносимые съ амвона или на церковной паперти съ крестомъ въ рукѣ и въ полномъ облаченіи:—кажется, довольно?—Довольно, чтобы доказать напыщенность церковной риторики, часто безцере-

монно обращающейся съ текстами, и, къ сожалѣнію, принявшей окраску ученія de jure divino, котораго никогда не допускала Церковь. Вы указываете на тексты; сперва вникните въ нихъ и поймите ихъ. Церковь говорила о царяхъ; да вспомните, когда и съ кѣмъ она говорила. Могла ли она говорить о парламентахъ, сеймахъ, президентахъ и камерахъ, когда ни понятій этихъ не существовало, ни словъ для ихъ выраженія? Спаситель говоритъ, что кто хватается за ножъ, тотъ отъ ножа погибнетъ; значитъ ли это, что слово Его относилось именно къ холодному оружію и не примѣняется къ огнестрѣльному? Церковь говорила о царяхъ потому, что царская власть была въ то время единственною формою государственной власти; но Церковь благославляла идею государства вообще, какъ народнаго общежитія подъ одною властью, и никогда не приковывала ее къ той или другой формѣ ея историческаго проявленія, за исключеніемъ другихъ, прошедшихъ или будущихъ. Къ этой формѣ, къ вопросу о томъ, какъ устроить, кому ввѣрить власть, Церковь равнодушна и также мало стѣсняетъ свободу политическаго развитія, какъ и развитія торговли или языка». (С. VI, 556—8).

«Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ законахъ и пріемахъ правительства, словомъ, въ томъ, что обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для частной критики и законнаго осужденія. Пока люди, подъ этимъ порядкомъ живущіе, дѣйствительно живутъ, развиваются и идутъ впередъ, лучшіе, передовые люди никогда не находятъ въ немъ полнаго удовлетворенія всѣхъ, разумѣется, разумныхъ своихъ потребностей; въ этомъ неудовлетвореніи и въ исканіи лучшаго—начало политическаго правильнаго прогресса. Вѣра, какъ выраженіе безусловнаго, вѣчнаго, не можетъ и не должна имѣть къ этой области никакихъ прямыхъ отношеній» (Пред. къ т. II, соч. X).

Не иного взгляда на этотъ предметъ былъ и А. С. Хомяковъ.

По поводу появившейся въ 1850 г. въ Revue des deux Mondes статьѣ Ѳ. И. Тютчева „Римскій вопросъ" Хомяковъ въ письмѣ къ А. Н. Попову, называя эту статью превосходной, замѣчаетъ: „За одно попеняйте ему: за нападеніе на souveraineté du peuple. Въ немъ, дѣйствительно,—souveraineté supreme. Иначе что же 1612 годъ? И что дѣлать мадегасамъ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Раваны? Я имѣю право это говорить и потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и проч. Самое повиновеніе народа есть un acte de souverainité.

Прошлое Россіи, и особенно примѣры великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха и впослѣдствіи царя Михаила Өеодоровича Романова — свидѣтельствуютъ, что источникомъ власти русскихъ государей была народная воля, выразившаяся въ призваніи и избраніи, и что самодержавіе Государя прекрасно можетъ уживаться съ церковною и гражданскою свободою Народа и съ самымъ широкимъ и полнымъ его самоуправленіемъ, и, слѣдовательно, смѣлыя утвержденія нѣкоторыхъ сановниковъ и публицистовъ, будто бы земское самоуправленіе несовмѣстимо съ самодержавіемъ, суть ничто иное, какъ неразумные или злобные навѣты и на самоуправленіе и на самодержавіе!

То же начало свободной общественности, соборности, которая не только совмѣщается съ свободою человѣческой личности, но на ней именно и зиждется (вопреки противоположнымъ и несовмѣстимымъ одно съ другимъ коллективизму и индивидуализму), по Хомякову, должно проходить и чрезъ всѣ государственныя, народныя и общественныя учрежденія.

«Важно не учрежденіе, какое бы оно ни было, — говоритъ Хомяковъ, — а важно начало, которое имъ вносится въ жизнь или имъ развивается въ жизни... важно то, какъ частное учрежденіе воздѣйствуетъ на всю цѣльность общественности».

«Первымъ правиломъ всякаго гражданскаго общества должно быть признаніе человѣческой правды, какъ той цѣли, къ которой оно обязано стремиться

«Это признаніе, по необходимости, сопровождается вѣрою въ святость, обязательность и силу правды для всѣхъ членовъ общества».

Въ этомъ видитъ Хомяковъ основаніе для суда совѣсти, т. е. суда присяжныхъ и суда третейскаго, не только въ уголовномъ производствѣ, но и для дѣлъ гражданскихъ.

«Дайте въ судѣ болѣе мѣста совѣсти, чѣмъ формѣ, и тогда судъ вашъ будетъ уважаться всѣми народами».

Свобода суда присяжныхъ и третейскаго отъ стѣсненія буквою важнѣе всего. Въ этомъ судѣ «начало правды общей, человѣческой становится непремѣнно на первое мѣсто, а правда временная и условная уже становится въ отношенія служебныя къ ней», законъ гражданскій есть показатель средней нравственной высоты общества; «но начала и возможность большей высоты всегда лежатъ въ самомъ обществѣ и легко достижимы для суда третейскаго, между тѣмъ какъ они недоступны (судамъ) формальнымъ» (III, 330—5).

То же начало общественности, та же не формальная, а человѣческая правда должна управлять и хозяйственными отношеніями народа. Еще въ 1839 г. Хомяковъ и его единомышленники высказали, что Славянское племя и по преимуществу Русское отличается отъ всѣхъ другихъ особенностью своего общиннаго быта. Ту же мысль старались они постоянно проводить. Многимъ,—говоритъ Хомяковъ въ 1857 г.,—не нравилось это. «Сперва стали увѣрять, что теорія объ общинномъ бытѣ славянъ занята нами у нѣмцевъ. Потомъ явилась теорійка о томъ, будто бы у насъ община есть искусственное созданіе законодательства. Когда же изъ области умозрѣнія новое историческое начало (т. е. вопросъ объ общинѣ) перешло въ область государственнаго хозяйства, изъ вопроса о прошедшемъ въ вопросъ о современномъ и будущемъ, то на это начало опять стали нападать... особенно съ точки зрѣнія финансовой».

«Нѣкоторые изъ этихъ противниковъ общиннаго владѣнія,—говоритъ Хомяковъ,—понимая его нравственную силу, вздумали противопоставлять ему собственность дробную и частную». Но при ней была бы огромная потеря земли на межи и дороги. «Сверхъ того уже одинъ водопой (необходимый для каждаго хозяина) дѣлаетъ такой раздѣлъ невозможнымъ; слѣдовательно, споръ остается только между общиною и арендаторствомъ, въ довольно крупныхъ размѣрахъ.

«Итакъ противополагается:

«Сохраненіе исконнаго обычая, основаннаго на коренныхъ началахъ жизни и чувства, право всѣхъ на собственность поземельную и право каждаго на владѣніе, нравственная связь между людьми и нравственное, облагораживающее душу воспитаніе людей въ смыслѣ общественномъ, посредствомъ постояннаго упражненія въ судѣ и администраціи мірской, при полной гласности и правахъ совѣсти,—чему же?—нарушенію всѣхъ обычаевъ и чувствъ народныхъ, сосредоточенію собственности въ сравнительно немногихъ рукахъ и пролетаріату, или, по крайней мѣрѣ, наемничеству всѣхъ остальныхъ, безсвязности народа и отсутствію всякаго общественно-нравственнаго воспитанія. Для кого рѣшеніе можетъ быть сомнительнымъ, съ тѣмъ мы не споримъ,—говоритъ Хомяковъ,—но съ нашей стороны мы не можемъ согласиться, чтобы въ то время, какъ Россія призвана стоять во главѣ образованныхъ и христіанскихъ обществъ, она стала прихвостнемъ низшихъ организацій. Да, разумѣется, этому не бывать. Богъ не безъ милости» (III, 288—90).

Еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Москвѣ, въ дружескихъ бесѣдахъ, душою которыхъ былъ А. С. Хомяковъ, въ числѣ другихъ политическихъ вопросовъ въ особенности обсуждался вопросъ о прекращеніи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей. Всѣ были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землею, и что птичья свобода (т. е. безъ земли) была бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, страшнымъ шагомъ назадъ. Хомяковъ и Кошелевъ крѣпко отстаивали полное освобожденіе посредствомъ одновременнаго обязательнаго выкупа. Впослѣдствіи Хомяковъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ крестьянскаго дѣла въ Губернскихъ Комитетахъ и Редакціонныхъ Комиссіяхъ. Онъ вообще не одобрялъ дѣйствій тѣхъ и другихъ, находя, что первые руководились узкими сословными соображеніями, а вторые не обращали должнаго вниманія на требованія народнаго духа и быта. Особенно не одобрялъ Хомяковъ предположеній, касавшихся установленія переходнаго девятилѣтняго положенія для крестьянъ, устройства волостного суда и управленія, и тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, подкапывали русскую общину и разлагали крестьянскій міръ (рѣшеніе большинствомъ голосовъ и т. п.). Это свое неодобреніе переходнаго состоянія и убѣжденіе въ необходимости рѣшить дѣло одновременнымъ обязательнымъ выкупомъ Хомяковъ ясно и рѣзко высказалъ въ письмѣ къ Я. И. Ростовцеву. «Какъ деревенскій житель съизмала, говоритъ Хомяковъ, въ этомъ письмѣ, я знаю всю гадость крѣпостного состоянія и всѣ его дурныя послѣдствія какъ въ нравственномъ, такъ и въ вещественномъ отношеніи, и нетерпѣливо желаю его прекращенія... Для блага Россіи и для удовлетворенія требованіямъ христіанскаго человѣколюбія одинъ только возможенъ путь въ этомъ дѣлѣ, путь обязательнаго выкупа и самыхъ прямыхъ и откровенныхъ отношеній къ народу» (VIII, 126—128 и I, 455 и сл.).

«Болѣе всего держитесь,—говоритъ Хомяковъ,—всякаго учрежденія и всякаго суда общиннаго. Въ немъ болѣе правды, чѣмъ во всякомъ другомъ, да черезъ него и люди привыкаютъ искать добраго мнѣнія у братій своихъ. Гдѣ сходъ сельскій или городской рѣшаетъ дѣла, тамъ уже съ раннихъ лѣтъ воспитывается въ человѣкѣ здравое понятіе о законности и справедливости, развивается разумное сужденіе и уничтожается гибельное и весьма обыкновенное у многихъ народовъ равнодушіе къ общему дѣлу. Сходъ мірской есть для народа училище, которое выше всякаго книжнаго воспитанія и никакою книжною мудростію не замѣняется. Мірскими сходами были

полны духъ и разумъ русскихъ крестьянъ, не смотря на рабство, въ которое заковалъ ихъ неправедный законъ».

«Селянинъ,—по Хомякову,—долженъ быть не только вольнымъ наемщикомъ, выводящимъ плодъ изъ земли другихъ: онъ долженъ быть владѣльцемъ въ общественной собственности. Онъ долженъ быть не только вольнымъ труженикомъ въ вещественной работѣ братій своихъ; онъ долженъ еще быть и истиннымъ служителемъ въ духовномъ трудѣ общества по своей мѣрѣ—въ судѣ и управѣ своей общины. Такимъ образомъ святая сила слабыхъ ляжетъ нравственною основою непоколебимой силы всего гражданскаго союза и дастъ ему первое мѣсто между всѣми общественными организмами» (III, 336).

«Разрушьте,—говоритъ Хомяковъ,—эту живую органическую связь, и живое цѣлое (т. е. общество и само государство) обратилось въ прахъ и люди-пылинки стали чужды другъ другу и все ихъ стремленіе къ дѣйствію на другихъ людей остается безъ плода, покуда, по законамъ неисповѣдимаго Промысла, не осядутъ снова разрозненныя стихіи, не окрѣпнутъ, не смочатся дождями и росами небесными и не дадутъ начала новой органической жизни».

Полагая въ основу всѣхъ отношеній между людьми соборное, хоровое начало: свободы человѣческаго духа и христіанской любви, христіанскаго братства,—Хомяковъ и другіе неложные славянофилы не могли, конечно, сочувственно относиться ко всякаго рода общественнымъ и сословнымъ различіямъ и перегородкамъ.

«Есть между вами богатые и бѣдные, точно такъ же, какъ сильные и слабые, здоровые и немощные, умные и глупые; но чтобы вы сказали о законѣ, по которому велѣно бы было такому-то быть богатымъ, а такому-то бѣднымъ, или такому-то быть сильнымъ, а такому-то быть слабымъ, или такому-то умнымъ, а такому-то глупымъ? Разуменъ ли былъ бы такой законъ и согласенъ ли съ Христіанствомъ?

«Счастливы вы,—говорилъ Хомяковъ въ посланіи къ Сербамъ,—передъ всѣми народами въ томъ, что всякій сербъ смотритъ на серба, какъ на брата, равнаго ему, и нѣтъ между вами высшаго или низшаго, кромѣ службы обществу, которая опредѣляетъ людямъ разные чины по разнымъ заслугамъ или потребностямъ государства. Сохраняйте это равенство, дорожите такимъ великимъ сокровищемъ. Не допускайте никакихъ законовъ, никакихъ обычаевъ, которые могли бы разрывать

братство. Во всѣхъ другихъ земляхъ ввелось такое злое начало, что иной считается благороднымъ, иной низкимъ по крови... Изъ великой неправды возникло великое общественное зло: гордость мнимо-высшихъ, злоба и зависть мнимо-низшихъ и, слѣдовательно, раздоры и слабость общественная. Пусть это зло остается при тѣхъ, у которыхъ оно уже существуетъ и произошло изъ исторіи. Не прививайте себѣ болѣзни, отъ которой васъ Богъ избавилъ. Не забывайте примѣра Польши, вамъ единокровной. Тамъ немногія тысячи считали себя народомъ, а народъ считался стадомъ, едва достойнымъ имени человѣческаго, и вотъ, не смотря на свои ратные подвиги, на все свое мужество, на свою славу, государство Польское пало. Не забывате этого урока. Пусть судія судитъ, и правитель управляетъ, и князь княжитъ, какъ нужно обществу; но внѣ своей должности да будетъ всякій сербъ нынѣ и всегда равенъ своимъ братьямъ.

«Поистинѣ, та земля велика, въ которой нѣтъ ни нищеты у бѣдныхъ, ни роскоши у богатыхъ, и въ которой все просто и безъ блеска, кромѣ храма Божія. Такая страна, дѣйствительно сильна: она угодна Богу и честна у людей.

«Всячески пекитесь,—говоритъ Хомяковъ,—объ образованіи и распространеніи знанія во всемъ народѣ. Старайтесь, чтобы оно могло быть доступно всѣмъ. Распространеніе всякаго знанія въ народѣ требуется не только пользою общественною, но и самою справедливостью, ибо существованіе богатыхъ и безъ того уже много имѣетъ преимущества передъ жизнію бѣдныхъ; справедливо ли, чтобы богатые одни удерживали у себя и это великое сокровище—знаніе. Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приноситъ обществу и частнымъ людямъ въ жизни общественной, но гораздо болѣе ради того, что ею расширяется и укрѣпляется разумъ, великій Божій даръ» (I, 386 и слѣд.).

Та же христіанская любовь требуетъ снисходительнаго, любовнаго, братскаго отношенія даже къ людямъ порочнымъ и преступнымъ.

«Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія: безъ этого не убережетесь отъ постепенной порчи нравовъ... Въ судѣ же законномъ и уголовномъ будьте милосерды; помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть большая или меньшая вина общества.

«Всякое частное преступленіе и его наказаніе есть уже общее горе.

«Не казните преступника смертію, онъ уже не можетъ защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитнаго. Христіанину же грѣшно лишать человѣка возможности покаяться».

Мысль о постыдности для общества примѣненія смертной казни прекрасно выражена Хомяковымъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ, подъ конемъ
Безсильный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ,
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани.
Убьешь ли? О, стыдъ и позоръ!

А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто окованъ цѣпями,
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ, какъココракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ,
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О, стыдъ и позоръ!

«Издавна у насъ, на Землѣ Русской, смертная казнь была отмѣнена и теперь она намъ всѣмъ противна... Такое милосердіе есть слава православнаго Племени Славянскаго. Отъ татаръ да ученыхъ нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ»...

«Унизительно ремесло палача, посвящающаго жизнь свою совершенію казней надъ братьями; вездѣ онъ въ презрѣніи, какъ лицо безнравственное и унижающее человѣческую природу; но достойны ли уваженія тѣ общества, которыя сами создаютъ ремесло, унижающее человѣка, и потомъ презираютъ его за то, чему сами виноваты? Это или лицемѣріе, или фарисейская неправда. Устройте уголовные законы такъ, чтобы у васъ не было палача. Именемъ этого ремесла безчестятся законъ и общество, которымъ этотъ законъ управляетъ» (I, 402—4).

Призваніе Россіи Хомяковъ видитъ въ томъ, что ей дано въ удѣлъ:

Хранить племенъ святое братство,
Любви зиждительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и *безкровный* судъ.

Какъ еще низко, однако, стоитъ современное намъ русское общество по своему настроенію и взглядамъ въ сравненіи съ настроеніемъ и взглядами Хомякова! И не толпа, а люди, философствующіе и богословствующіе, не стыдятся выступать съ проповѣдью человѣконенавистничества и человѣкоубійства! Убійства своихъ, кровныхъ! Требуютъ усиленія кары и безъ того язычески жестокаго закона; требуютъ отвѣта на личную обиду непремѣнно пулей или сабельнымъ ударомъ даже и тогда, когда обидчикъ безоруженъ и можетъ быть взятъ голыми руками. И это, якобы, для огражденія чести мундира, какъ будто бы люди, надѣвшіе мундиръ, присягнули служить уже не Христу, а Веліару!

Но, скажутъ намъ близорукіе или нехотящіе видѣть противники нашего направленія,—какъ могъ Хомяковъ говорить о святомъ братствѣ людей и племенъ, будучи въ то же время горячимъ поборникомъ начала народности, отстаивая племенныя особенности Русскаго Народа и Славянскаго Племени? Вѣдь начало племенное противорѣчитъ, будто бы, началу общечеловѣческому и ведетъ не къ братству племенъ и народовъ, а къ международной враждѣ и племенной розни.

Странное недомысліе! Странное, особенно для нашихъ дней. Ибо еще полвѣка тому назадъ тотъ же Хомяковъ, а послѣ него Н. Я. Данилевскій превосходно разобрали и порѣшили этотъ вопросъ объ отношеніи общечеловѣческаго къ народному, неопровержимо доказавъ, что эти два понятія отнюдь не стоятъ въ противорѣчіи между собою, а напротивъ одно другимъ требуются.

«Общечеловѣческое такъ относится къ народному, какъ отвлеченное къ дѣйствительно существующему, живому. Общечеловѣческое начало для своего проявленія въ исторіи нуждается въ формахъ національныхъ».

«Служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому»...

«Чѣмъ болѣе человѣкъ становится слугою человѣческой истины, тѣмъ дороже ему его народъ. Тотъ, кто себя всего

посвятилъ высочайшему изъ всѣхъ служеній, кто болѣе всѣхъ отвергъ отъ себя тѣсноту своего народа, сказалъ: «я хотѣлъ бы самъ лишиться Христа, только бы братья мои по крови къ Нему пришли». Никто не произносилъ никогда слова любви пламеннѣе этого слова!»

«Человѣкъ, воспитанный въ народности, растетъ и крѣпнетъ, разумно богатится всѣмъ богатствомъ человѣческаго мышленія, законно расширяетъ ея прежніе предѣлы, а иногда доходитъ до законнаго отрѣшенія отъ ея ненужныхъ случайностей».

«Гомеръ, Данте и Шекспиръ — чистѣйшіе представители своей народности.

«Чѣмъ человѣкъ полнѣе принадлежитъ своему народу, тѣмъ болѣе доступенъ онъ и дорогъ всему человѣчеству,— также какъ, чѣмъ крѣпче и опредѣленнѣе личность человѣка, тѣмъ болѣе обыкновенно внушаетъ онъ къ себѣ сочувствія.

Народность есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа.

«Общеевропейское, общечеловѣческое!... Но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно».

«Безъ народности человѣкъ умственно бѣднѣе всѣхъ людей и, сверхъ того, онъ мертвѣе всѣхъ людей».

«Знаніе дается только жизни, не отдѣляющей себя отъ народнаго быта со всѣми его прихотливыми особенностями»,— жизни, а не ученой наблюдательности, ибо всякій живой народъ есть еще невысказанное слово».

«Ни одинъ изъ живыхъ народовъ не высказался вполнѣ. Его печатное слово, его пройденная исторія выражаютъ только часть его существа. Невысказанное, невыраженное таится въ глубинѣ его существа и доступно только ему самому и лицамъ, вполнѣ живущимъ его жизнію».

«Умъ человѣческій, даже самый обширный, крайне ограниченъ и не можетъ надѣяться на безусловное постиженіе общечеловѣческой истины».

«Всякая истина многостороння, и ни одному народу не дается ее осмотрѣть со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ истинамъ. Иная сторона или отношеніе иному народу не доступны по его умственнымъ способностямъ или не привлекаютъ его вниманія по его душевнымъ склонностямъ».

Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а народамъ: каждому своя заслуга передъ всѣми, и частный чело-

вѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой долѣ своего народа.

«Прекрасное—одно, но выраженіе его различно по условіямъ мѣста и времени. Точно то же должно сказать и о наукѣ въ отношеніи къ истинѣ.

Наука «растетъ только на жизненномъ корнѣ живого человѣческаго общенія. Черезъ живую личность народа единственно дѣлается намъ доступнымъ человѣчество: ибо помимо ея человѣчество есть только идея отвлеченная или числительное скопленіе личностей» (III, 219—30).

Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія.

«Принадлежать народу, по Хомякову, значитъ съ полною и разумною волею сознавать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся (хотя, разумѣется, не сполна) въ его историческомъ развитіи».

Именно—духовный законъ, т. е. вѣковѣчныя исконныя начала, выразившіяся въ народной жизни, а не историческую форму, въ которой они нашли себѣ, быть можетъ, очень несовершенное выраженіе, ибо форма есть только внѣшнее проявленіе закона, хотя и ею пренебрегать нельзя. Нужно только помнить, что законъ вѣченъ, а форма можетъ совершенствоваться и измѣняться.

И въ исторіи, въ родной старинѣ мы должны отыскивать и брать изъ нея прежде всего ея живыя начала, а не отжившія формы.

«Сдѣлай одолженье, писалъ Хомяковъ одному пріятелю, отстрани всякую мысль о томъ, будто возвращеніе къ старинѣ сдѣлалось нашею мечтою. Одно дѣло: совѣтовать, чтобы корней не отрубать отъ дерева и чтобы залѣчить неосторожно сдѣланные надрубы, и другое дѣло: совѣтовать оставить только корни и, такъ сказать, снова вколотить дерево въ землю. Исторія свѣтитъ назадъ, а не впередъ, говоришь ты; но путь пройденный долженъ опредѣлить и будущее направленіе. Если сбились съ дороги, первая задача—воротиться на дорогу».

Итакъ, воротиться на дорогу, это значитъ возвратиться не къ старымъ омертвѣвшимъ формамъ, а къ тому духу, который создалъ эти формы и который у насъ вытравленъ во времена нашей погони за иноземщиной.

Но и формами пренебрегать не слѣдуетъ.

Вѣдь образованнымъ (культурнымъ) собственно только и можно назвать такой народъ, который высокимъ началамъ человѣческаго духа сумѣлъ дать возможно полное выраженіе въ созданныхъ имъ самимъ образахъ или формахъ.

Истинное «просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній; оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленіе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна безъ него. Нѣкогда было оно у насъ, не смотря на нашу бѣдность въ наукообразномъ развитіи, и отъ него остались великіе, но слишкомъ мало замѣченные слѣды».

«Разумное просвѣщеніе духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе и такъ называемая цивилизація, или образованность; оно есть сама жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаетъ въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ, однако же, нельзя назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвѣщеніе есть общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ и этою силою будетъ крѣпокъ онъ въ будущемъ». (I, 26—27).

Данныя въ удѣлъ тому или другому народу просвѣтительныя начала — вѣчны, и горе народу, который имъ измѣняетъ!

Что касается обычаевъ и формъ, въ которые эти начала отливаются, то они временны и перемѣнчивы.

«Только внутреннее убѣжденіе и чувство могутъ охранять обычай, который истекаетъ изъ внутренней жизни. Мы знаемъ, что обычаи не могутъ оставаться навсегда неизмѣнными и что требованія жизни мало-по-малу измѣняютъ или приноравливаютъ ихъ согласно измѣненіямъ самой жизни. Внутреннее чувство народа само служитъ мѣриломъ для законности и необходимости этихъ постепенныхъ измѣненій».

«Повидимому весь обычай состоитъ изъ мелочей, но онъ не мелочь. Чтобы могло быть, напримѣръ, важнаго въ одеждѣ? Не все ли равно, какъ человѣкъ одѣтъ, и какъ сшиты лоскуты,

которыми онъ прикрывается? Вѣдь это вещь вовсе мертвая и неспособная дѣйствовать на жизнь?

Не вѣрьте этимъ толкамъ, говоритъ Хомяковъ: «таково благородство души человѣческой, что и мертвое получаетъ отъ нея живое значеніе и, въ свою очередь, дѣйствуетъ на жизнь. Измѣненіе одежды народной и предпочтеніе одежды западной происходятъ изъ злого источника, отъ презрѣнія къ своему и раболѣпства передъ чужимъ.

«Вдумайтесь безпристрастно въ причину этого подражанія и вы убѣдитесь, что оно происходитъ отъ душевнаго холопства передъ мнимо высшими; а гдѣ замѣшалось холопство, тамъ душа теряетъ чистоту и благородство. Одежда народная есть свободный обычай народа, измѣненіе ея ради удобства можетъ отчасти показать нѣкоторую свободу и даже разумность человѣка (ибо и самый обычай такъ созидался); но подражаніе западному наряду есть ничто иное, какъ признанное холопство передъ вкусомъ мнимо высшаго общества. Пусть тѣ, которымъ нравится такое признаніе, пользуются уваженіемъ, которое они заслуживаютъ, а именно тѣмъ самымъ, которое человѣкъ оказываетъ обезьянѣ».

Особенно слѣдуетъ беречь свой родной языкъ: «Вѣдь человѣкъ думаетъ словомъ», а «слово не въ лексиконѣ одномъ» (который тоже у насъ оскудѣлъ) и не въ грамматикѣ (которая, впрочемъ, у насъ построена, Богъ вѣсть, какъ и для какого языка), оно—въ самомъ отношеніи мысли и чувства къ звукамъ, служащимъ выраженіемъ для нихъ».

Слѣдуетъ избѣгать наводненія родной рѣчи иноземными словами. Въ наплывѣ иноземныхъ звуковъ «заключается прямой и страшный вредъ, котораго послѣдствія трудно исчислить. Начало его—умственная лѣнь и пренебреженіе къ своему собственному языку; послѣдствія же его—*оскудѣніе* самого *языка, т. е. самой мысли народной, которая съ языкомъ нераздѣльна*, гибельная примѣсь жизни чужой и часто разрушеніе самыхъ священныхъ началъ народнаго быта». Обогащайте умъ знаніемъ языковъ, но у себя не допускайте чужеязычія. Пусть... добровольный чужеязычникъ пользуется только тѣмъ уваженіемъ, которое подобаетъ попугаю» (I, 395—6).

Уваженіе къ народному обычаю и обряду необходимо вытекаетъ изъ обязательнаго для всѣхъ и каждаго уваженія къ человѣческой и народной личности. Въ замѣчаніяхъ на статью историка С. М. Соловьева. «Шлецеръ и антиисторическое направленіе» Хомяковъ говоритъ:

«Соловьевъ не видитъ, что обрядъ и обычай есть собственность человѣка и народа точно такъ же, какъ привычки

самого г. Соловьева, какъ его платье, или право на выборъ кушаній для его стола; онъ не видитъ, что это право нравственной собственности въ народѣ столько же священно для непросвѣщеннаго человѣка, какъ и для просвѣщеннаго, и не можетъ быть нарушено безъ волненія или, по крайней мѣрѣ, безъ справедливаго негодованія» (III, 272).

Изъ признанія за каждымъ человѣкомъ и народомъ не только права, но и обязанности—хранить неприкосновенность своей человѣческой и народной личности, своихъ просвѣтительныхъ началъ, своего языка, обычая и нрава, — вытекаетъ признаніе за каждымъ человѣкомъ и каждымъ племенемъ и народомъ ихъ гражданской, и племенной, и народной свободы и, слѣдовательно, признаніе права защищать эту свободу и отвоевывать ее, если она кѣмъ бы то ни было нарушена и отнята.

Порабощеніе человѣка человѣкомъ, или народа народомъ пагубно для обѣихъ сторонъ.

«Народъ порабощенный впитываетъ въ себя много злыхъ началъ: душа падаетъ подъ тяжестью оковъ, связывающихъ тѣло, и не можетъ уже развивать мысли истинно человѣческой. Но господство еще худшій наставникъ, чѣмъ рабство, и глубокій развратъ побѣдителей мститъ за несчастіе побѣжденныхъ» (V, 130).

Слѣдовательно, долгъ братской любви и благоволенія къ другимъ людямъ и народамъ долженъ сказываться не въ безразличіи къ добру и злу, не въ одинаковомъ отношеніи къ поработителямъ и порабощеннымъ, а въ дѣятельной помощи угнетенныхъ противъ угнетателей.

Обязанность сильнаго помочь угнетенному слабому вернуть нарушенную другимъ сильнымъ свободу — усугубляется для Россіи по отношенію къ Славянамъ племеннымъ и духовнымъ родствомъ съ нами нашихъ славянскихъ братій, угнетенныхъ иноплеменниками и иновѣрцами, и особенною наглостью и звѣрствомъ угнетателей.

Еще въ 1832 г. въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи *Орелъ* Хомяковъ напоминаетъ Русскому Народу о его обязанностяхъ по отношенію къ подавленнымъ братьямъ:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ.

Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись;
Ихъ много тамъ, гдѣ брегъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья,—
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, Орелъ полночи!
Пошли имъ громкій свой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй.
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ Орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

Конечно, А. С. Хомякову было дорого величіе и счастіе его родины — Россіи, но ему была дорога и ея честь, и при этомъ случайныя политическія границы не заслоняли отъ его взоровъ того края Земли Русской, который отрѣзанъ этими границами: гдѣ народъ русскій, тамъ и земля—русская, и мысль о свободѣ и славѣ *цѣлой* Русской Земли постоянно соединялась у него съ мыслью о свободѣ всѣхъ славянскихъ народовъ.

Злополучной Зарубежной Руси посвящено Хомяковымъ стихотвореніе

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?
—«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей».
—«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей».
—«Край мой—теплый брегъ Евксина».
—«Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».
—«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная».
—«Мнѣ отчизна старый Псковъ».
—«Я отъ Ладоги холодной»,
—«Я отъ синихъ волнъ Невы»,
—«Я отъ Камы многоводной»,
—«Я отъ матушки-Москвы».
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца Вѣчнаго Востокъ.
И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ,
Полкъ молящихся дѣтей,—
Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?
Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры!

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ:
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.
Пробудися, Кіевъ, снова,
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.
И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,
Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

Въ только что прочитанномъ стихотвореніи упоминается о польскихъ пирахъ и кострахъ, загубившихъ и обездолившихъ надолго нашу Западную Русь. Но Хомяковъ не считалъ полезнымъ дѣломъ растравлять эту славянскую рану; и призваніе Россіи по отношенію къ Западному, не устоявшему въ вѣрности православнымъ преданіямъ, Славянству Хомяковъ видѣлъ не въ отмщеніи ему, а въ освобожденіи его политическомъ и духовномъ. И западнымъ нашимъ братьямъ въ будущей свободной семьѣ славянскихъ народовъ Хомяковъ отводитъ равночестное съ остальными братьями мѣсто.

Въ написанномъ въ 1831 г. стихотвореніи *Ода*—на польскій мятежъ—Хомяковъ говоритъ:

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!

Да будутъ прокляты преданья
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!
И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ—сѣвернымъ Орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!..

Политическое освобожденіе и объединеніе угнетеннаго и разрозненнаго Славянства, съ сохраненіемъ самостоятельности отдѣльныхъ его частей, должно быть достигнуто соединенными усиліями самихъ угнетенныхъ народностей, при нравственномъ, вещественномъ и военномъ заступничествѣ и руководствѣ Россіи.

Тутъ не должно быть мѣста старымъ счетамъ и превозносенію однихъ братьевъ надъ другими, сильныхъ надъ слабыми.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ: мы—родные братья,
Дѣти матери одной;
Братьямъ братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!
Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!
Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ за одно.
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мысли благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

Хомяковъ предвидитъ, что рѣшеніе такъ называемаго Восточнаго вопроса, т. е. освобожденіе западныхъ и южныхъ нашихъ братьевъ, потребуетъ отъ насъ тяжелыхъ усилій и не совершится безъ кровавой міровой борьбы, которую онъ называетъ *Божьимъ Судомъ*:

Гласъ Божій: «Сбирайтесь на праведный судъ!
«Сбирайтесь къ Востоку народы».
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.
Спѣшатъ и, кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ.
И ропщутъ, и пѣнятся волны.
Чреваты громами, крылаты огнемъ,
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.
Гласъ Божій: «Сбирайтесь изъ дальнихъ сторонъ.
«Великое время приспѣло
«Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
«Мой судъ совершится, Мой часъ положенъ,—
«Въ сраженья бросайтеся смѣло!
«За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
«За гордость Царьграда слѣпую—
«Отману Я далъ сокрушительный млатъ,
«Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
«И силу коварную, злую.
«Грозою для міра былъ страшный боецъ,
Былъ карой восточному краю.
«Но слышу я стоны смиренныхъ сердецъ,—
«Ломаю престолъ и срываю вѣнецъ,

«И бичъ вѣковой сокрушаю».
Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ.
Волнуются берегъ и море.
Безумной борьбою весь міръ потрясенъ.
И стонъ надъ землею, и на морѣ стонъ,
И плачъ, и кровавое горе.
Твой судъ совершится въ огнѣ и крови.
Свершатъ его слѣпо народы...
О, Боже, прости ихъ и всѣхъ призови,
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Высшею ступенью духовнаго объединенія Славянскаго Міра должно быть церковное его единство. Но возсоединеніе славянъ съ нами въ одной истинной Церкви должно совершиться въ духѣ истины и любви по свободному ихъ влеченію къ намъ, въ силу внутренней правоты нашего исповѣданія, нашей братской любви къ нимъ и нашихъ вольныхъ жертвъ за ихъ освобожденіе.

Еще въ 1847 г. въ чешской Прагѣ Хомяковъ видѣлъ,— о, дай то, Богъ, чтобы это былъ пророческій, вѣщій—*Сонъ:*

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываясь сномъ.
Мнѣ снилось,—лечу я: орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ;
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.
И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.
И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петшинѣ храмъ;
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.
И въ старой одеждѣ святого Кирилла
Епископъ на Петшинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.
И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

Державное положеніе Славянства, съ Россіей на челѣ, въ будущихъ судьбахъ всего Человѣчества принесетъ Человѣчеству обновленіе въ вѣрѣ, свободу духа, святыню и миръ:

О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.
Внимай ему,—и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!..

Иди. Тебя зовутъ народы,
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!

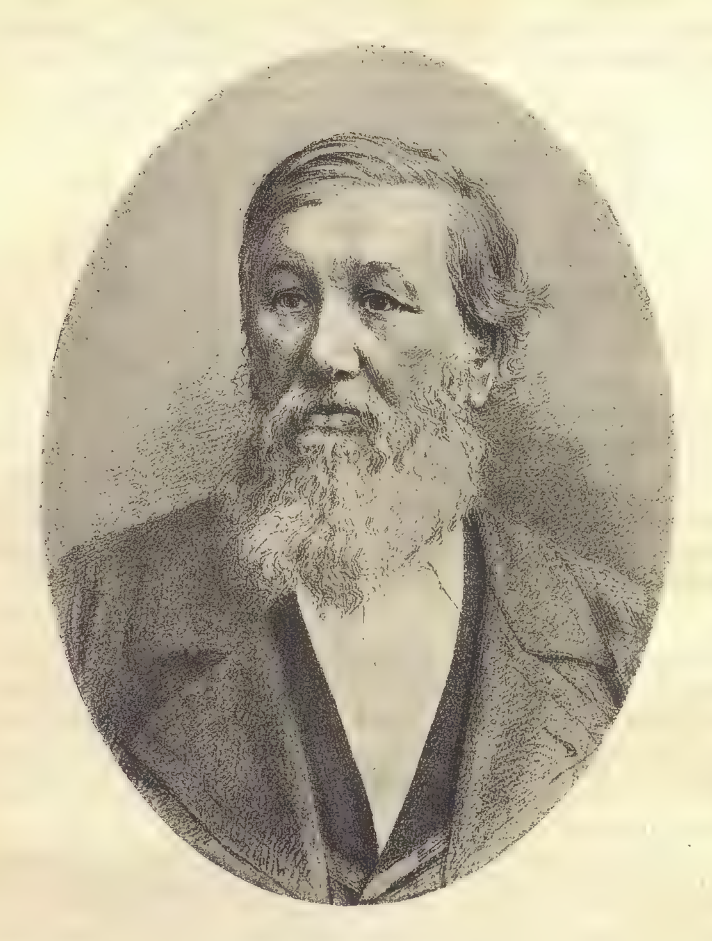
Скажемъ въ заключеніе:

Изложенное міровоззрѣніе А. С. Хомякова и его послѣдователей есть въ сущности—*русское народное міровоззрѣніе*,—міровоззрѣніе народа, кроткое и любвеобильное отъ природы сердце котораго осіялъ свѣтъ Христовъ.

Христосъ есть единая мѣра вещей, всѣхъ дѣлъ и отношеній человѣческихъ. И нѣтъ другаго имени подъ солнцемъ, о которомъ подобаетъ народамъ спастись, кромѣ Имени Іисусова, и спастись—не только въ смыслѣ достиженія въ будущей жизни царства славы, но и здѣсь, на землѣ установить истинно человѣчныя, братскія, соборныя отношенія между людьми и между народами, осуществить благодатное Царство Божіе въ условіяхъ земнаго существованія,—можно только о Имени Іисусовомъ.

А что эта задача осуществима, и осуществленіе ея составляетъ призваніе и долгъ крестившагося во Христа человѣчества—порукою въ томъ служитъ данная намъ Христомъ заповѣдь молиться: «Да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, якоже на небеси и *на земли*». Невозможное для человѣковъ возможно для Бога. И мы, вмѣстѣ съ Хомяковымъ, вѣримъ, что осуществить благодатное Царство Божіе на землѣ это долгъ и призваніе Россіи. Но будемъ помнить, что только по вѣрѣ нашей дастся намъ, и что вѣра, какъ объяснилъ намъ А. С. Хомяковъ, есть не одно только исповѣданіе, но и согласныя съ этимъ исповѣданіемъ жизнь и дѣланіе!

Амвнь. Да будетъ!



Николай Яковлевичъ
Данилевскій.
1822—1885 г.
„Россія и Европа“ (Заря 1869 г.).

Задачи и стремленія славянофильства.

«Не знаете какого вы духа».

Лук. IX, 55.

«И бездушныя вещи, издающія звукъ, свирѣль или гусли, если не производятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ разпознать то, что играютъ на свирѣли или гусляхъ?»

«И если труба будетъ издавать неопредѣленный звукъ, кто станетъ готовиться къ сраженію?»

«Такъ если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ».

Коринѳ. XIV, 7—9.

«Въ защиту народа.

Хочу вытѣснить инородцевъ, предводителей и ратниковъ, а поднимаю всѣхъ Днѣпрянъ, Поляковъ, Литовцевъ, Сербовъ и кто только есть Славянскаго рода воинственный мужъ, и кто только хочетъ за одно ратовать со мною».

Юрій Крижаничъ.

«Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!»

А. С. Хомяковъ.

«. . . Мы — родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой...
Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь.
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!
Пронесется мракъ ненастный
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!»

А. С. Хомяковъ.

«Россія не всегда бываетъ на высотѣ своихъ народныхъ задачъ вообще и своего славянскаго призванія, въ частности — потому, что она и внутри, какъ и извнѣ, одолѣвается чужими вліяніями. Мы не хозяева въ своемъ родномъ дому. Чужеродецъ у насъ все, и его рука вездѣ. Мы—орудіе его политики, жертвы его игры, рабы его силы. Онъ своими безчисленными и пагубными вліяніями до того насъ опуталъ и подчинилъ, что если мы избавимся отъ него, а это, я надѣюсь, наконецъ, будетъ, то — не иначе, какъ вооруженною рукою!.. Этого чужеродца, этого пришлеца, этого лукаваго и опаснаго врага всѣмъ русскимъ и всѣмъ славянамъ — вы знаете, это — нѣмецъ! И борьба между нѣмцами и славянами неизбѣжна и близка. Она будетъ продолжительна, кровава и страшна, но я вѣрую, что она завершится побѣдою Славянства.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Въ ряду существующихъ въ нашемъ Отечествѣ обществъ съ нравственно-полезными цѣлями — благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и ученыхъ — Славянскимъ благотворительнымъ обществамъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, — по высотѣ, широтѣ, разносторонности и исторической важности ихъ задачъ — одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но, чтобы быть на высотѣ своихъ задачъ, чтобы достойно служить своему высокому призванію, Славянскія общества и

отдѣльные ихъ члены должны въ своей дѣятельности исходить изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ, незыблемыхъ для нихъ **нравственныхъ началъ** и постоянно имѣть въ виду нѣкоторыя ясно сознанныя, твердо установленныя **жизненныя цѣли**.

Въ противномъ случаѣ, безъ руководящихъ началъ и цѣлей, мы, вмѣсто того, чтобы сознательно и дружно двигать общее дѣло по прямому историческому пути, сами собьемся въ стороны и потянемъ розно, и тѣхъ, кто ждетъ отъ насъ ободренія и руководства, будемъ только обезнадеживать и сбивать съ толку. Такимъ образомъ, вмѣсто чаемой нами и отъ насъ пользы славянскому дѣлу, дѣлу славянскаго братства и свободы, причинится ему сугубый вредъ.

Со времени возникновенія въ Россіи старѣйшаго изъ Славянскихъ обществъ—блаженной памяти закрытаго въ 1878 г. Московскаго Славянскаго комитета, отдѣлами котораго были первоначально Петербургское и Кіевское Славянскія общества, прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ; между тѣмъ, несмотря на изрядное количество печатныхъ изданій Славянскихъ обществъ, на множество устроенныхъ ими многолюдныхъ собраній съ торжественными въ нихъ заявленіями и рѣчами, несмотря, наконецъ, на широкую и громкую дѣятельность этихъ обществъ въ знаменитое трехлѣтіе 1875—1878 гг.,—и теперь еще есть многое множество русскихъ образованныхъ людей, для которыхъ смыслъ существованія Славянскихъ обществъ въ Россіи остается темною загадкой, и которые къ нимъ совершенно безучастны. Вслѣдствіе этого наши Славянскія общества скудны людьми и средствами и обладаютъ лишь малою долей того вліянія, какое должно было бы имъ принадлежать по сознанію не только друзей славянскаго дѣла, но и его недруговъ. И въ другихъ славянскихъ земляхъ есть писатели и политическіе дѣятели, понимающіе и толкующіе тѣ задачи, которымъ призваны служить Славянскія общества, вкривь и вкось и относящіеся къ этимъ обществамъ и вообще къ русскому славянофильству недовѣрчиво и недоброхотно.

Такое неестественное положеніе дѣла, такое несоотвѣтствіе средствъ Славянскихъ обществъ съ ихъ исполинскою и святою задачей происходятъ не отъ того, конечно, чтобы эта задача была Русскимъ и другимъ Славянамъ не по плечу или вообще была чужда русскому и инославянскому сознанію и чувству. Напротивъ того, основныя начала и положенія Славянофильства вошли уже въ плоть и кровь огромнаго большинства русскихъ людей и присущи если не сознанію, то чувству всѣхъ славянъ, не отрекшихся отъ своего славянскаго рода и имени. Но при этомъ труды вдохновенныхъ основоположни-

ковъ русскаго славянофильства: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, Ю. Ѳ. Самарина и другихъ присныхъ имъ по духу ихъ современниковъ, такъ же какъ благословенный трудъ достойнаго продолжателя ихъ дѣла Н. Я. Данилевскаго, все еще слишкомъ мало распространены и извѣстны въ русскомъ обществѣ по сравненію съ сочиненіями многочисленныхъ литературныхъ противниковъ славянофильства, дающихъ о немъ совершенно извращенное понятіе. И вотъ люди, которымъ отъ юности ихъ внушено нерасположеніе къ славянофильству, не легко отказываются отъ своего предубѣжденія въ отношеніи его, даже и тогда, когда сами питаются унаслѣдованными отъ него же дарами *). Чураясь славянофильскаго имени, эти люди сторонятся и отъ Славянскихъ обществъ, въ которыхъ они видятъ воплощеніе нелюбезнаго имъ направленія. Но съ другой стороны есть люди, которые искренно преданы славянскому дѣлу и съ уваженіемъ относятся къ прежнему славянофильству, но порицаютъ Славянскія общества и сторонятся отъ нихъ за уклоненіе ихъ отъ духа и смысла этого направленія. И этотъ упрекъ не лишенъ извѣстнаго основанія: нѣкоторыя изъ заявленій, сдѣланныхъ въ собраніяхъ здѣшняго Славянскаго общества, такъ же, какъ содержаніе нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ его изданіяхъ, даютъ поводъ утверждать, что славянофильство уклонилось съ первоначальнаго своего пути, что оно выродилось, измалодушествовалось, что оскудѣла въ немъ та живая вѣра, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отнята у него и та «мысли ясной благодать», которыми такъ сильно и славно оно было прежде.

Итакъ, причина слабой жизнедѣятельности нашихъ Славянскихъ обществъ—не только во внѣшнихъ неблагопріятствующихъ имъ условіяхъ, но отчасти и въ нихъ самихъ. Все это обязываетъ насъ, славянофиловъ и членовъ Славянскаго общества, если только мы не мертвые его члены, и не всуе носимъ это званіе, — размѣняться между собою взглядами, столковаться относительно тѣхъ общихъ началъ, которыхъ слѣдуетъ всѣмъ намъ держаться, чтобы быть дѣйствительно обществомъ, т. е. живымъ, цѣлостнымъ и дѣятельнымъ организмомъ, а не случайнымъ и мертвеннымъ скопищемъ. Мы должны установить для себя и выяснить другимъ основаніе нашей дѣятельности, конечную ея цѣль и тѣ главныя задачи, которыя предстоитъ рѣшить для того, чтобы рано или поздно придти, наконецъ, къ этой цѣли.

---

*) Примѣромъ можетъ служить Влад. Серг. Соловьевъ.

Излагая задачи и стремленія славянофильства, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть усвоены не только всѣми членами Славянскихъ обществъ, но и вообще всѣми русскими людьми, мы должны будемъ постоянно останавливаться на статьѣ «Славянское обозрѣніе» А. Кирѣева, напечатанной въ 1883 году въ первой книжкѣ «Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества» *). Это необходимо потому, что упомянутое «Обозрѣніе» представляетъ собою единственное пока исповѣданіе славянофильства, т. е. сжатое изложеніе его началъ, сдѣланное отъ лица Славянскихъ обществъ. Составитель «Обозрѣнія» «предугадывалъ», что «исповѣдь» его встрѣтитъ не мало возраженій не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей, и заявилъ свою готовность къ отвѣту. Но на этотъ вызовъ отвѣта ни въ «Извѣстіяхъ Славянскаго общества», ни въ другихъ органахъ русской печати, съ русскимъ и славянскимъ направленіемъ, доселѣ не дано, вслѣдствіе чего исповѣданныя г. Кирѣевымъ мнѣнія о русскомъ славянофильствѣ или панславизмѣ могутъ быть вмѣняемы и дѣйствительно вмѣняются не только Славянскому обществу, въ «Извѣстіяхъ» котораго это исповѣданіе появилось, но и русскому славянофильству вообще. А между тѣмъ, славянофильство и Славянскія общества могутъ признать это исповѣданіе своимъ не иначе, какъ съ существенными поправками и оговорками, ибо много ошибочнаго и превратнаго о славянофильствѣ разсѣвалось и разсѣвается его недоброжелателями, но исповѣдники славянофильства и его друзья никогда еще не выставляли его въ такомъ приниженномъ и непривлекательномъ видѣ, въ какомъ оно явилось въ статьѣ г. Кирѣева. Итакъ, возраженія на эту статью необходимы, и во избѣжаніе соблазна, они должны исходить именно изъ среды самого Славянскаго общества.

«Исповѣдь панславизма»—такъ самъ г. Кирѣевъ называетъ свою статью — говоритъ о трехъ предметахъ: о церковномъ идеалѣ Русскаго народа, о государственномъ его идеалѣ и собственно о панславизмѣ, т. е. о славянскомъ вопросѣ и отношеніяхъ нашихъ къ западнымъ сосѣдямъ, преимущественно нѣмцамъ. Разсмотримъ и мы послѣдовательно тѣ же предметы.

---

*) Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. № 1. Октябрь 1883 г.

I.

Идеалы, «которымъ служило и будетъ служить Славянское общество», говорится въ самомъ началѣ «исповѣди», — «это тѣ же самые, передъ которыми преклоняется и Русскій народъ: Православіе, понимаемое какъ сумма этическихъ взглядовъ народа, самодержавіе, какъ выраженіе его взглядовъ политическихъ, и то и другое неразрывно и органически связанное съ русскою народностію, которая имъ служитъ сферою дѣйствія и которой они служатъ высочайшимъ выраженіемъ. Имъ искони вѣрила Россія, ими она жила и «стояла», ими же она будетъ стоять и впредь!»

Въ первыхъ же выписанныхъ нами словахъ обнаруживается неправильное пониманіе того предмета, которому самъ сочинитель отводитъ первое по важности мѣсто: «Православіе, понимаемое какъ сумма этическихъ взглядовъ народа... неразрывно и органически связанное съ русскою народностію, которая ему служитъ сферою дѣйствія и которой оно служитъ высочайшимъ выраженіемъ»... Такъ говорится въ «исповѣди» о Православіи!

Между тѣмъ, Православіе понималось и понимается доселѣ его исповѣдниками, какъ богооткровенная истина, а не сумма этическихъ взглядовъ какого бы то ни было народа; оно не связано неразрывно съ какою-либо народностію: народы могутъ пріобщаться ему, но воплощаютъ его въ себѣ только отчасти; Православіе не есть выраженіе (хотя-бы-то и высочайшее) какой-либо народности: оно выше и шире, святѣе и чище всякой народности; оно, какъ самъ его Основатель-Христосъ, — божественно и всечеловѣчно. Только передъ такимъ идеаломъ Православія, богооткровеннаго и вѣчнаго, «преклоняется» Русскій народъ; своими же собственными «этическими» взглядами русскіе люди хотя и водятся въ жизни, но считаютъ ихъ небезошибочными и преходящими и не кланяются имъ!

Далѣе въ «исповѣди» говорится о Православіи въ отличіе его отъ католичества и протестанства, что, по понятіямъ православнаго русскаго человѣка, «авторитетъ церковный коренится въ постановленіяхъ Вселенскихъ Соборовъ, утверждающихъ существующую вѣру Православнаго Міра».

Напрасно вмѣняется въ этихъ словахъ православному русскому человѣку ошибочное понятіе объ источникѣ церковнаго авторитета! Постановленія Вселенскихъ Соборовъ авторитетны въ Церкви, это безспорно; но неправильна мысль, будто въ этихъ постановленіяхъ *коренится* церковный авторитетъ. Вселенскіе Соборы въ своихъ дѣяніяхъ и приговорахъ основыва-

лись сами на авторитетѣ Откровеннаго слова Божія и Апостольскаго преданія, слѣдовательно: не въ постановленіяхъ Соборовъ, а въ Писаніи и Преданіи коренится церковный авторитетъ! Вселенскіе Соборы суть только органы Церкви, въ постановленіяхъ которыхъ раскрывается сообразно нуждамъ времени церковная истина и проявляется церковный авторитетъ; полнотою же Авторитета и Истины обладаетъ лишь Вселенская Церковь, т. е.,—весь Церковный Народъ, сущій и грядущій, съ Іерархіею и Христомъ во главѣ!

«Посредствомъ Вселенскихъ Соборовъ», идетъ далѣе въ «исповѣди», народъ хотя и косвенно участвуетъ въ установленіи догмата и въ самомъ управленіи Церковью. Этимъ путемъ достигается двоякая цѣль: авторитетъ Церкви остается неприкосновеннымъ, безусловнымъ, но міфянинъ участвуетъ въ самой ея жизни, чувствуетъ себя дѣйствительнымъ, живымъ членомъ Церкви!»

Итакъ, по словамъ «исповѣди», въ Православной Церкви народъ, міряне, участвуетъ въ установленіи догмата и въ самомъ управленіи Церковью, участвуетъ черезъ посредство Вселенскихъ Соборовъ!...

Непосредственно за приведенными словами въ «исповѣди» говорится:

«Такая и исключительно такая Церковь *) служитъ опорою и для самого Государства; такая Церковь никогда не можетъ стать во враждебныя къ нему отношенія, развѣ само Государство подыметъ на нее святотатственную руку и вынудитъ Церковь къ самозащитѣ». Слѣдомъ же за этимъ утверждается, что «у насъ отношенія между Церковью и Государствомъ не должны и не могутъ быть враждебны, для этого нѣтъ логическаго повода», что такой поводъ нужно сочинить, о чемъ хлопочутъ нѣкоторые представители либеральнаго лагеря, что русскій человѣкъ болѣе, «первѣе» сынъ Православной Церкви, нежели гражданинъ «Россійскаго Государства», онъ, православный, а потомъ уже русскій, и что, наконецъ, «отдѣлить Церковь отъ Русскаго народа, представить его себѣ «обезвѣреннымъ», почерпающимъ свои этическіе, политическіе и общественные идеалы изъ какого-нибудь курса «Гражданской морали», просто невозможно".

Изъ всего этого выходитъ такъ, будто бы Православная Церковь вообще и въ настоящее время у насъ, въ Россіи, *управляется* Вселенскими Соборами, что въ этомъ управленіи участвуетъ нашъ народъ, и что положеніе Православія въ нашемъ Отечествѣ и церковное состояніе нашего Народа обстоятъ вполнѣ благополучно.

Общеизвѣстно, однако же, что все это не такъ, и, слѣдо-

---

*) Т. е. надо думать такая Церковь, въ управленіи которою черезъ Соборы участвуетъ народъ. *Аѳ. В.*

вательно, изложенныя въ «исповѣди» мнѣнія о церковномъ строѣ и о положеніи у насъ въ Россіи церковнаго дѣла— не вѣрны.

Вселенскіе Соборы Церковью не управляли и не управляютъ; они собирались рѣдко, по требованію исключительныхъ обстоятельствъ, и со времени послѣдняго изъ нихъ протекло уже болѣе 1000 лѣтъ; слѣдовательно, и народъ чрезъ ихъ посредство въ управленіи Церковью, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, ни прямо, ни косвенно не участвуетъ. На Вселенскіе Соборы собирались отцы, т. е. предстоятели Церкви—епископы, со всего Православнаго Міра—для разрѣшенія несогласій, возникавшихъ въ Церкви, и для точнѣйшаго опредѣленія и утвержденія догмата, и, надо надѣяться, вновь соберутся для разрѣшенія многихъ накопившихся несогласій и назрѣвшихъ вопросовъ. Какъ выразители сознанія Вселенской Церкви, Вселенскіе Соборы властны разрѣшать и вопросы управленія и благочинія церковнаго; но они—явленіе исключительное, законоуставное, а не постоянное правительственное. Общаго и постояннаго правительства для всей Вселенской Церкви нѣтъ; въ частныхъ же церквахъ, составляющихъ Вселенскую Церковь, — церквахъ помѣстныхъ, высшая мѣродательная правительственная власть, по канонамъ, дѣйствительно, принадлежитъ Соборамъ—мѣстнымъ или областнымъ. Собраніе епископовъ церковной области на мѣстный соборъ обязательно, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ. Вотъ что опредѣляетъ по этому предмету 6-е правило Седьмаго Вселенскаго Собора: «Поелику есть правило, которое глаголетъ: дважды въ году въ каждой области подобаетъ быти каноническимъ изслѣдованіямъ, посредствомъ собранія епископовъ; а преподобные отцы Шестаго собора, во вниманіе къ затрудненіямъ собирающихся и къ недостаткамъ потребнаго для путешествія, опредѣлили, безъ всякаго уклоненія и извиненія, единожды въ лѣто быти собору, и погрѣшительное исправляти: то и мы сіе правило возобновляемъ, и аще обрящется нѣкій начальникъ, возбраняющій сіе, да будетъ онъ отлученъ. Аще же кто изъ митрополитовъ пренебрежетъ исполнити сіе, не по нуждѣ и насилію, и не по какой-либо уважительной причинѣ: таковый да подлежитъ епитеміи по правиламъ».

Соборнымъ управленіемъ и нѣкоторою свободою дѣйствій пользуются Православныя Церкви въ другихъ странахъ, въ странахъ съ иновѣрческими и инославными правительствами. Наша же Русская Церковь уже давно лишена соборности управленія и свободы ученія и дѣйствій; со временъ Петровской ломки оскудѣло въ ней соборное начало и приведенное

вселенское правило о соборахъ не блюдется; наша iерархiя принижена и нѣмотствуетъ или, что еще хуже, — говоритъ лицепрiятно. Ея влiянiю на народную жизнь поставлены слишкомъ тѣсные предѣлы. И горькою иронiею отзываются въ сердцѣ искренняго русскаго человѣка приведенныя выше увѣренiя, будто у насъ отношенiя между Церковью и государствомъ не могутъ быть враждебны, такъ какъ для этого нѣтъ логическаго повода. Со временъ Петра, который самъ издѣвался надъ церковной iерархiей и кощунствовалъ надъ таинствами, устраивая «всешутѣйшiе и всепьянѣйшiе соборы» и шествiя и дурацкiя свадьбы, — мало ли наша «господствующая», якобы, Церковь понесла униженiй и обидъ! Церковь наша давно вызывается къ самозащитѣ, а вражда къ ней быть можетъ логическаго повода и не имѣетъ, но вѣдь вражда всего рѣже руководится логикою! Нарушенiе каноновъ, выражающееся въ пренебреженiи къ соборному началу, и обусловленные этимъ приниженность, безмолвiе и неустройство Русской Православной Церкви — суть между прочимъ причина того горькаго и грознаго явленiя, что народъ нашъ уходитъ изъ Православiя во всевозможные толки и секты или и совсѣмъ обезвѣривается; такъ что въ настоящее время у насъ слова «православный» и «русскiй» уже далеко не тожественны одно другому. Стѣсненное положенiе нашего церковнаго правительства препятствуетъ живому общенiю его съ iерархiями другихъ Православныхъ Церквей, и не это ли обстоятельство лишало не разъ нашу Церковь силы — устранить и умиротворить мятежи и расколы у себя дома и въ братскихъ ей Церквахъ?

Церковь наша должна вернуться къ прежнему, каноническому, допетровскому строю! Возстановленiе патрiаршества, обращенiе къ соборному началу, возобновленiе дѣятельнаго и живаго общенiя съ другими Православными Церквами оживятъ и одухотворятъ и нашу церковную жизнь, исцѣлятъ многiя наши общественныя язвы и, быть можетъ, возстановятъ духовную цѣлость Русскаго народа и всего Православнаго Востока!

II.

О политическомъ идеалѣ Русскаго народа—самодержавіи въ «исповѣди» панславизма говорится столь же сбивчиво и неопредѣленно, какъ и о Церкви. Между тѣмъ, важность обсуждаемаго предмета требуетъ точнаго и яснаго выраженія мысли; иначе вмѣсто уясненія идеаловъ и задачъ легко произвести еще большую путаницу понятій и отношеній, которыя у насъ и безъ того перепутаны донельзя.

«По нашему глубокому убѣжденію, говоритъ сочинитель «исповѣди»: Самодержавіе, неразрывно связанное съ Православіемъ, твердо вѣрящее въ себя, не боящееся лежащей на немъ тяжелой отвѣтственности, угадывающее стремленія и нравственныя потребности своего народа и ведущее его къ тѣмъ идеаламъ, которымъ онъ вѣритъ, конечно, наилучшая изъ всѣхъ формъ правительства (по крайней мѣрѣ для Россіи)».

Но вѣдь то же самое одинаково можно было бы сказать и о всякой другой политической власти, съ тѣмъ, впрочемъ, измѣненіемъ, что власти нужно знать потребности и стремленія народа, а не угадывать только ихъ!

Заявивъ далѣе отъ своего лица и отъ лица народа, что всякое умаленіе самодержавной власти было бы великимъ бѣдствіемъ, сочинитель выражаетъ желаніе, чтобы самодержавная власть, «подобно миѳическому герою Антею», искала усиленія и дѣйствительно усиливалась бы отъ непосредственнаго соприкосновенія съ Русскою землею и народомъ.

Въ чемъ именно должны заключаться эти «соприкосновенія», остается темнымъ, такъ какъ вслѣдъ за этимъ пожеланіемъ, обращеніе власти къ народу за совѣтомъ допускается съ различными оговорками: «въ исключительныхъ обстоятельствахъ», «если бы власть сочла умѣстнымъ посовѣтоваться съ своимъ народомъ»; при этомъ выражаются опасенія, чтобы при такихъ обращеніяхъ не произошло умаленія власти, «абдикаціи» ея отъ какихъ-либо правъ и обязанностей въ пользу чью бы то ни было.

«Такое самовольное отреченіе», говоритъ г. Кирѣевъ, «было бы преступленіемъ гораздо болѣе тяжкимъ, нежели принятіе ею даже самыхъ деспотическихъ мѣръ. Русскій народъ не ищетъ и не желаетъ никакого иного государственнаго устройства, никакого новаго правоваго порядка, кромѣ нынѣ существующаго, и желаетъ лишь одного, чтобы Царю его были дѣйствительно извѣстны его нужды и желанія, чтобы онъ имѣлъ возможность доводить о нихъ до свѣдѣнія своего Государя-Отца».

Что народъ нашъ не хочетъ «умаленія» власти Государя и желаетъ, чтобы его нужды были извѣстны Государю,—это конечно, не подлежитъ спору. Но несправедливо мнѣніе о Русскомъ народѣ, будто бы онъ «не желаетъ никакого новаго праваго порядка, кромѣ нынѣ существующаго». Открещиваясь съ чужаго голоса отъ правоваго порядка, г. Кирѣевъ, какъ видно, считаетъ этотъ порядокъ исключительною принадлежностью только нѣкоторыхъ, немилыхъ ему, а именно, конституціонныхъ правительственныхъ формъ. Между тѣмъ, по прямому смыслу словъ, «правовой порядокъ» есть не что иное, какъ царство закона, къ установленію котораго обязано стремиться каждое государство, безъ различія политическихъ формъ. Государство по самой своей идеѣ есть явленіе правоваго порядка,—правовое, а потому воевать въ какомъ бы то ни было государствѣ съ правовымъ порядкомъ могутъ только злонамѣренность или неразуміе, ибо это значитъ—воевать именно съ государствомъ, возставать на самую его сущность!

Изъ того, что Русскій народъ возлагаетъ свои надежды на самодержавнаго Государя, вовсе не слѣдуетъ, чтобы этотъ народъ не тяготился своимъ безправіемъ и всяческимъ надъ нимъ самоуправствомъ; чтобы онъ не замѣчалъ и не сознавалъ господствующаго надъ нимъ безпорядка вещей, которымъ терзается и растлѣвается его родная земля, и—чтобы онъ не желалъ для себя и для нея выхода изъ этого положенія—въ устраненіи произвола и установленіи твердаго, правоваго порядка, при которомъ голосъ народа доходилъ бы безпрепятственно до слуха Царя, и обратно—велѣнія царскія не утрачивали своей силы на пути къ народу. Народъ не желаетъ, чтобы царская власть передала часть своихъ правъ и обязанностей въ руки какихъ-либо партій; но онъ не желаетъ этого именно потому, что онъ видитъ и чтитъ въ своемъ Царѣ не суроваго и неразборчиваго въ средствахъ деспота, какими зачастую бываютъ вожаки и главы политическихъ партій, а заботливаго о своихъ дѣтяхъ, справедливаго и милостиваго къ нимъ отца. И никто не осуждалъ такъ деспотизма во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, какъ истинное славянофильство, которое въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ всегда стремилось быть и было вѣрнымъ выразителемъ народнаго духа. Взглядъ славянофиловъ на царя-деспота достаточно ярко выраженъ отцомъ славянофильства А. С. Хомяковымъ въ образѣ библейскаго царя Навуходоносора, и славянофильству всегда будетъ чужда мысль,—какими бы ни была она обставлена ограниченіями и оговорками,—что деспотизмъ можетъ, когда бы то ни было и

при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, быть полезенъ государству или Государю.

Русскій народъ, олицетворяя въ образѣ православнаго самодержавнаго Царя всю свою народную мощь, придаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленный нравственный обликъ, надѣляетъ его, кромѣ вещественной силы, и опредѣленными нравственными качествами, безъ которыхъ онъ своего Царя и не мыслитъ. Славянофильство, оставаясь въ этомъ отношеніи вѣрнымъ народу, идеалъ царскаго самодержавія представляетъ себѣ такъ:

Родной народу по крови и духу, православный русскій Государь, неограниченный въ своей дѣятельности какими-либо формальными условіями, но въ согласіи съ свободнымъ и сознательно участвующимъ въ дѣлѣ государственнаго строенія народомъ свободно располагающій всѣми государственными силами; правящій по внушеніямъ своей личной совѣсти сообразно духу Православія, свѣтлымъ преданіямъ исторіи и желаніямъ народа; почтительный къ Церкви, высоко несущій народное имя, грозно стерегущій народное достояніе и честь; съ чужими осторожный, своимъ соотечественникамъ всегда доступный, уважающій ихъ достоинство и мысль, чуткій къ ихъ нуждамъ и желаніямъ, о рѣшительныхъ для государства и народа дѣлахъ совѣтующійся съ Церковью и Народомъ: таковъ идеалъ самодержавнаго Государя въ сердцахъ Русскаго народа и въ умахъ истинныхъ представителей славянофильства.

Такое самодержавіе Государя не только можетъ и должно уживаться съ церковною и гражданскою свободою народа и съ самымъ широкимъ и полнымъ его самоуправленіемъ; но безъ такой свободы и самоуправленія, по мнѣнію славянофильства, истинное самодержавіе и невозможно.

Безъ свободы слова и печати, безъ дѣйствительной свободы самоуправленія народа и Церкви, безъ свободы совѣщанія о мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждахъ и дѣлахъ по всему государству и въ его сердцѣ около престола, безъ совѣта и благословенія пастырскаго - церковнаго, не можетъ быть дѣйствительнаго знанія государственныхъ и народныхъ пользъ и нуждъ ни для страны, ни для Государя, ни полезнаго ихъ взаимодѣйствія и успѣшной дѣятельности: безъ этихъ условій народная мысль и воля въ рѣдкихъ и рѣдкихъ случаяхъ дойдутъ неискаженными до Государя, и Государь, лишенный возможности знать дѣйствительныя нужды и желанія Земли, можетъ ихъ развѣ только угадывать и, дѣйствуя на угадъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, можетъ ошибаться, а если рѣ-

шеніе его будетъ и безошибочно, то онъ лишенъ возможности провести свою волю неискаженною въ народъ. Безъ этихъ условій, самодержавный по имени, Государь перестаетъ быть дѣйствительнымъ самодержцемъ, и авторитетомъ его имени порою святотатственно прикрываются и узаконяются безоглядное хищничество и вопіющій произволъ.

Честолюбцы и хищники, надѣвая на себя личину особеннаго оффиціальнаго благочестія и казеннаго патріотизма, посредствомъ наушничества и продажной печати стараются внушить и утвердить ту ложную мысль, что, будто бы, для народнаго благочестія и полноты царской власти необходимы административный и сословный произволъ, нѣмота и безправіе народа. Но эти мнимые «охранители» Церкви и престола подкапываются подъ нихъ хуже анархистовъ. Ибо ничто не подрываетъ такъ въ народѣ уваженія къ Церкви и религіознаго чувства, какъ кощунственно-набожныя рѣчи разныхъ содомитовъ и ханжей и притязанія ихъ покровительствовать Церкви, и ничто не въ состояніи такъ уронить обаяніе власти, какъ постоянное противоположеніе ея людьми, объявляющими себя особенно ревностными ея защитниками и слугами, всему тому, что дорого каждому, неутратившему своего достоинства человѣку: личной безопасности, гражданскому равенству, самоуправленію и независимому отъ административнаго усмотрѣнія суду.

Истинное славянофильство никогда не было глашатаемъ и проводникомъ ни идей такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма», ни новѣйшей теоріи абсолютизма, свободнаго даже и отъ просвѣщенія. Славянофильство никогда не было сторонникомъ и защитникомъ переносившихся къ намъ изчужи понятій и порядковъ противоположившаго себя народу полицейскаго и солдатскаго государства. По убѣжденію славянофильства, для правильнаго, благополучнаго и прочнаго существованія государства и народа необходимо ладное и стройное сочетаніе свободной въ своихъ рѣшеніяхъ государевой власти съ земскимъ самоуправленіемъ, народною и личною свободой. Этотъ свой государственный идеалъ славянофильство не измыслило, а взяло его изъ дѣйствительной жизни — изъ нашей отечественной исторіи. Владиміръ Мономахъ-князь и Михаилъ Романовъ-царь одинаково уважали земское, соборное начало, и ихъ власть и достоинство, также какъ польза народная отъ того не страдали. Заимствованные же изъ-чужи понятія и порядки стали тою искусственною преградою, тѣмъ «средостѣніемъ» между властью и народомъ, которыя справедливо считаются главнѣй-

шею причиною всѣхъ нашихъ государственныхъ и народныхъ бѣдъ и злоключеній.

Великій народъ, на которомъ Творецъ явилъ всю Свою благость и щедроту, надѣливъ его красотою и силою тѣла и духа; народъ трудолюбивый, воспріимчивый и способный ко всякому искусству и труду, народъ съ свѣтлымъ разумомъ и здравымъ общественнымъ и государственнымъ смысломъ, народъ самоотверженный, охотно отдающій общему дѣлу свое послѣднее достояніе и кровь; народъ жаждущій истины и подвига; народъ христіанскій во всемъ великомъ значеніи этого слова; наконецъ, народъ владѣющій обширнѣйшею въ мірѣ страной, съ золотыми нѣдрами, текущею молокомъ и медомъ: такой ли народъ не достоинъ свободы и счастья и не располагаетъ всѣми условіями и средствами, чтобы быть свободнымъ и счастливымъ? Но счастье не далось еще Русскому народу! Питая и одѣвая тукомъ родной земли и своимъ до кроваваго пота трудомъ безчисленное множество чужихъ, онъ самъ голоденъ и нагъ, — до того, что начинаетъ мельчать и вырождаться. Освобождая своимъ достояніемъ и кровью иноплеменниковъ и покровительствуя созиданію политическаго могущества своихъ враговъ, онъ самъ политически униженъ, разорванъ на части, видитъ угнетеніе и истребленіе своихъ кровныхъ братьевъ и расхищеніе иноплеменниками своей родной земли и всѣхъ ея богатствъ; онъ терпитъ поруганіе, обирается и оскорбляется въ своемъ собственномъ дому, оскорбляется въ своемъ человѣческомъ и народномъ достоинствѣ и въ своемъ религіозномъ чувствѣ.

Выходъ изъ такого положенія для Русскаго народа и возрожденіе Русскаго государства необходимы и возможны, но зло должно быть всецѣло устранено, ибо не вливаютъ новаго вина въ старые мѣха и ветхаго платья не обновляютъ небѣлеными заплатами.

Переживаемыя нами обстоятельства одинаково несносны для правительства, какъ и для общества. Но тщетно стараются избыть бѣду неразборчивою жестокостью, усиленіемъ полицій всѣхъ видовъ и названій, развитіемъ въ государствѣ соглядатайства и доноса, стѣсненіемъ общественности и самодѣятельности, запретомъ искренняго устнаго и печатнаго слова: что породило болѣзнь, тѣмъ самымъ нельзя ее вылѣчить! Нельзя вѣчно держать Россію въ осадномъ положеніи и весь народъ подъ полицейскимъ надзоромъ! Подобное отношеніе власти къ подвластнымъ ни къ чему хорошему не приведетъ и, чѣмъ дольше оно продлится, тѣмъ хуже для нея кончится. Толпы

поздравительныхъ безголосыхъ депутацій и вороха адресовъ, прошедшихъ министерскую цензуру, такъ же, какъ уличныя иллюминаціи и клики въ сущности очень мало значатъ и говорятъ; было бы большою ошибкою принимать ихъ за дѣйствительное и полное выраженіе преобладающаго настроенія не только всего народа, но даже и тѣхъ, отъ кого они непосредственно исходятъ. Отъ подобнаго рода «соприкосновеній съ землей» напрасно было бы ожидать какихъ-либо существенно-полезныхъ послѣдствій.

Извѣрились русскіе люди и во всякія чиновничьи комиссіи, и не этимъ комиссіямъ, хотя бы то и съ помощью такъ называемыхъ «свѣдущихъ людей», обновить русскую жизнь и настроить на ладъ разстроенную государственную машину.

Всѣ просвѣщенные русскіе люди, къ какимъ бы направленіямъ они себя ни причисляли, думающіе о благѣ своего Отечества, а не о корысти на его счетъ, сходятся въ одной мысли и въ одномъ желаніи, и предметъ этой общей мысли и завѣтнаго желанія — это возстановленіе въ русской жизни и послѣдовательное проведеніе въ ней съ самаго низу, отъ общины-міра и отъ всесословной земской ячейки — прихода, и до верху, — великаго земскаго соборнаго начала! По непреложному свидѣтельству отечественной исторіи, основаніемъ и источникомъ царскаго самодержавія Дома Романовыхъ была народная воля и соборное избраніе; соборы же земскихъ выборныхъ людей были дѣятельными и могущественными помощниками первыхъ государей этого Дома—Михаила, Алексѣя и Өеодора въ дѣлѣ государственнаго строенія, въ дѣлѣ возстановленія и скрѣпленія расшатанной и разоренной иноземными и домашними «ворами» государственности. Итакъ: земское соборное начало не только не противоположно государственности и царскому самодержавію, но оно именно было у насъ ихъ источникомъ и надежнѣйшею опорой, и это даетъ основаніе твердо вѣрить, что земскіе соборы снова будутъ на Руси. Забота о благѣ Отечества и самой предержащей власти должна внушать желаніе, чтобы первый изъ нихъ былъ созванъ во благовремени.

III.

Остается сказать о славянофильствѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. изложить сущность той стороны ученія славянофиловъ, той проповѣди ихъ любви къ Славянамъ, отъ которой они получили свое названіе.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію собственнаго нашего взгляда на славянофильство, мы, по объясненнымъ уже нами побужденіямъ, остановимся еще разъ на статьѣ г. Кирѣева, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго общества».

Г. Кирѣевъ заботливость нашихъ Славянскихъ обществъ и вообще русскихъ людей о другихъ славянахъ объясняетъ, какъ родственное сочувствіе наше къ племенамъ, народность которыхъ близка къ нашей. Сочувствіе это, по его мнѣнію, не идетъ далѣе участливаго отношенія къ ихъ бѣдственному положенію въ тѣхъ государствахъ, гдѣ господствуютъ надъ ними иноплеменники, и—желанія видѣть ихъ хотя бы подъ тою же иноплеменною властію, но уравненными въ гражданскихъ правахъ съ господствующимъ племенемъ. При этомъ сочинителемъ потрачено не мало стараній на то, чтобы оправдать славянофильство или панславизмъ отъ разнаго рода обвиненій: въ нигилизмѣ, въ анархическихъ стремленіяхъ, въ намѣреніи повергнуть весь свѣтъ въ ужасы нескончаемой войны, въ возбужденіи недоброжелательства могущественныхъ сосѣдей и въ возбужденіи среди русскихъ гражданъ чувства взаимнаго недовѣрія и даже вражды.

Одни изъ этихъ обвиненій явно нелѣпы, другія сознательно недобросовѣстны, поэтому старанія очистить отъ нихъ славянофильство и Славянское общество, особливо въ глазахъ тѣхъ, отъ кого эти обвиненія исходятъ,—по нашему мнѣнію,—работа совершенно лишняя и по самой своей задачѣ не заслуживающая вниманія. Но въ стараніяхъ своихъ доказать неповинность русскихъ панславистовъ въ разрушительныхъ стремленіяхъ и завоевательныхъ замыслахъ сочинитель хватаетъ черезъ край, вдается въ лишенныя всякаго чувства мѣры и сознанія собственнаго достоинства извиненія и сопоставленія и становится въ рѣзкое противорѣчіе не только съ духомъ и стремленіями славянофильства, но и съ самимъ собою.

Такъ, въ оправданіе русскаго сочувствія и помощи балканскимъ славянамъ—во время послѣдней ихъ борьбы съ турками, г. Кирѣевъ приводитъ примѣры подобныхъ же сочувствій у другихъ народовъ и не гнушается при этомъ, въ извиненіе

наше, сослаться на сочувствіе венгровъ туркамъ и на побратимства пештскихъ студентовъ съ софтами. Желаніе разсѣять чьи-то назойливыя подозрѣнія,—что между славянофилами могутъ быть и либералы—понудило его написать слѣдующія непристойныя на нашъ взглядъ строки:

«Насъ упрекаютъ за то, что не всѣ добровольцы, попавшіе въ сербскую армію, шли защищать выставленные нами идеалы, не всѣ могли считаться представителями нашихъ убѣжденій, что между ними было нѣсколько человѣкъ сильно либеральнаго пошиба, совершенно неподходящихъ подъ нашъ цвѣтъ. Что же дѣлать! въ числѣ добровольцевъ можетъ быть и были нехорошіе люди; жаль, конечно, если не совсѣмъ чистыя руки прикоснулись къ святому дѣлу; но не замолкнутъ ли эти обвиненія при воспоминаніи о томъ, какъ эти самые люди, вмѣстѣ съ другими добровольцами, не торгуясь съ судьбою, отдавали за правое дѣло и кровь свою и самую жизнь!»

Желаніе согласить несогласимое,— примирить съ панславизмомъ австрійское и германское посольства и внутреннихъ нашихъ нѣмцевъ привело сочинителя къ слѣдующимъ противорѣчіямъ: Съ одной стороны онъ довольно рѣшительно заявляетъ,

что «у насъ да и вообще у славянъ на первомъ планѣ стоитъ не вопросъ о политической свободѣ гражданина, о разныхъ его правахъ, а забота о независимости государства отъ власти иноземца», что намъ, славянамъ, во сто разъ легче переносить дурного, но своего собственнаго, родного намъ по вѣрѣ и крови правителя, нежели чужестраннаго, хотя бы этотъ чуждый намъ правитель и подкупалъ насъ и матеріальными благами, и всякими наиновѣйшими вольностями», «что задачи государственныя не исчерпываются соображеніями финансоваго свойства» и «что покупать матеріальное благосостояніе цѣною отреченія отъ независимости нравственно невозможно, что такой торгъ считается у насъ подлостью, что такого торга не осмѣлится никто предложить бѣдному нѣмцу или англичанину, а славянину предлагаютъ да еще негодуютъ на него, когда онъ отказывается отъ этого торга».

Съ другой стороны, въ перемежку съ только-что приведенными нелишенными нѣкотораго значенія строками, идутъ такого рода успокоительныя для нашихъ недруговъ и для славянофила по меньшей мѣрѣ излишнія завѣренія:

Что принципъ національной свободы примѣнять безусловно нельзя; что хотя важность этого принципа признается даже его врагами, и современемъ значеніе его будетъ рости, но въ данную минуту мы, конечно, не считаемъ возможнымъ его немедленное примѣненіе въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ начинаетъ терять свои національныя особенности и преимущественно тамъ, гдѣ онъ до нѣкоторой степени доволенъ условіями, въ которыя его поставила исторія. «Если-бы», говоритъ г. Кирѣевъ, «наши политическія теоріи требовали завоеванія Россіею всѣхъ славянскихъ земель (а въ такомъ именно видѣ онѣ и представляются публицистами запада), ежели бы конечная цѣль такъ называемаго панславизма была такая же организація Славянства, какая дана Прус-

сіею Германству, тогда въ немъ, конечно бы, можно было видѣть врага общественнаго спокойствія, но вѣдь надежды славянъ несравненно скромнѣе и миролюбивѣе». «Въ чемъ», спрашиваетъ г. Кирѣевъ, въ дѣйствительности состоятъ наши желанія, чаянія относительно славянъ, принадлежащихъ иноземнымъ владѣтелямъ? Лишь въ томъ, чтобы славяне пользовались одинаковыми правами **съ господствующимъ** племенемъ, чтобы ихъ не денаціонализировали, чтобы славянской народности была предоставлена полная возможность самостоятельнаго развитія, чтобы въ особенности славянамъ было дано право имѣть свои школы, безпрепятственно исповѣдывать имъ свою вѣру, устраиваться у себя дома, какъ имъ кажется лучшимъ, однимъ словомъ, чтобы къ нимъ было примѣняемо прекрасное правило «leben und leben lassen». «Если бы это случилось, Россія не имѣла бы никакого ни повода, ни желанія активно заботиться о своихъ славянскихъ братьяхъ, а эти бы не имѣли повода обращаться къ ней съ мольбой о помощи».

Отношенія Панславизма къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, Пруссіи и Австріи, по мнѣнію г. Кирѣева, таковы:

«Въ Германіи девять десятыхъ славянскаго народонаселенія принадлежатъ къ польскому племени; оно, правда, не любитъ нѣмцевъ, но, къ несчастію, оно не долюбливаетъ и насъ... Съ нашей стороны было бы неблагоразумно затѣвать ссору съ нашимъ старѣйшимъ и вѣрнымъ союзникомъ, единственнымъ, который не участвовалъ въ коалиціи противъ насъ во время Восточной войны 1854—56 гг. и въ предпринятой противъ насъ дипломатической кампаніи 1863 г., изъ-за того, чтобы отстаивать права племени, которое до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, относилось къ намъ враждебно всюду, гдѣ оно могло это дѣлать безнаказанно».

«Австро-Венгрія находится въ совершенно иномъ положеніи: большая половина ея народонаселенія (до 19 м.) Славяне, но это нисколько не даетъ ей повода опасаться Панславизма, Панславизмъ нисколько не безусловный врагъ Австріи, un ennemi quand même! Если къ этому государству Славяне вообще относятся враждебно, то, конечно, лишь потому, что въ его организаціи есть какой-нибудь недостатокъ, мѣшающій Славянамъ жить въ немъ также привольно, хорошо, какъ, напр., Венграмъ! «Недостатокъ этотъ, по мнѣнію г. Кирѣева, не неустранимъ, ибо заключается лишь въ ложномъ взглядѣ Австро-Венгерскаго правительства, не умѣющаго или не желающаго удовлетворить справедливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скромныхъ требованій своихъ многочисленныхъ славянскихъ подданныхъ. Ежели бы такой, правда, трудный, но неневозможный переворотъ во мнѣніи Австро-Венгерскаго Правительства дѣйствительно случился, то, конечно, отношенія между Панславизмомъ и Австріею немедленно бы превратились изъ враждебныхъ въ дружественныя».

Чтобы очистить себя и славянофильство отъ подозрѣній въ возбужденіи въ народѣ непріязненныхъ чувствъ къ нашимъ внутреннимъ нѣмцамъ, г. Кирѣевъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о нѣмецкихъ заслугахъ передъ Россіей:

«Мы знаемъ, восклицаетъ онъ, исторію» (знаніе знанію—рознь, замѣтимъ мы отъ себя: можно многое узнать и ничему не научиться!) «и умѣемъ цѣнить заслуги Остермановъ, Миниховъ, Барклаевъ, Витгенштейновъ, Дибичей, Толей, Нессельроде и сотни другихъ менѣе знаменитыхъ,

но не менѣе добросовѣстно исполнявшихъ свой долгъ относительно общаго нашего отечества. Развѣ можемъ мы забыть заслуги славнаго защитника Севастополя и покорителя Плевны»? «А наука наша? развѣ мы не обязаны тѣми результатами, которыхъ мы достигли, въ значительной степени Германіи, Германцамъ? «Развѣ не они были нашими первыми учителями, развѣ имена Палласовъ, Шлецеровъ, Мюллеровъ, Эйлеровъ могутъ быть нами забыты? развѣ и до сихъ поръ не въ Германіи оканчиваютъ свое научное образованіе многіе изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ? Нѣтъ, не на насъ можетъ пасть такое обвиненіе».

Наконецъ, г. Кирѣевъ старается умѣрить надежды славянъ на Россію:

«Несбыточныхъ надеждъ, говоритъ онъ, мы не возбуждаемъ! Конечно, нѣкоторыя пылкія головы среди славянъ, недовольныя своей судьбой, можетъ быть не вполнѣ ясно понимаютъ, какими трудностями, какимъ злымъ недоброжелательствомъ обставлено, не говоримъ ихъ освобожденіе, но даже и улучшеніе ихъ настоящаго положенія: дѣйствительно, можетъ быть, кое-кто изъ Славянъ и преувеличиваетъ способность Россіи выручить ихъ изъ бѣды, однако, послѣдняя война доказала, что Россія не обманываетъ тѣхъ, которые на нее уповаютъ! Богъ дастъ не обмануся они и впредь.»

Въ приведенныхъ обширныхъ выдержкахъ содержаніе статьи г. Кирѣева передано, быть можетъ, даже съ излишнею подробностію; но намъ казалось это необходимымъ сдѣлать, чтобы отклонить отъ себя упрекъ въ невѣрной передачѣ его мнѣній. Мнѣнія же эти, какъ нами уже объяснено, заслуживаютъ вниманія и требуютъ опроверженія потому, что напечатаны въ „Извѣстіяхъ Славянскаго общества“, безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ со стороны бывшей редакцій «Извѣстій» и Совѣта общества, и, слѣдовательно, могутъ быть приняты и принимаются за мнѣнія самого общества или даже за мнѣнія современнаго славянофильства вообще. Авторская подпись не снимаетъ, по нашему мнѣнію, съ представителей общества отвѣтственности за содержаніе напечатанной въ Извѣстіяхъ статьи, предметъ которой не какіе-нибудь частные, а основные, принципіальные для общества вопросы. Но да незаподозрятъ въ насъ намѣренія повредить обществу. Напротивъ того, именно желаніе Славянскому обществу самаго широкаго вліянія и успѣха обязываетъ насъ остеречь руководителей его на будущее время отъ ошибокъ и недостаточно осмотрительныхъ заявленій, которыхъ не мало было сдѣлано въ прошломъ.

Воистину: что можетъ быть скромнѣе, дипломатичнѣе, казеннѣе приведенныхъ нами мнѣній и рѣчей г. Кирѣева о славянскомъ и о нашемъ собственномъ, внутреннемъ, русскомъ вопросѣ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ ли быть что-нибудь противнѣе духу и стремленіямъ Славянофильства, народному и, наконецъ просто неизвращенному человѣческому сознанію и чувству? Это не мужественный призывъ къ свободѣ свобод-

наго въ душѣ человѣка, а робкій лепетъ свыкшагося съ своимъ положеніемъ раба!

Эта малодушная рѣчь, раздающаяся изъ среды Славянскаго общества, не способна укрѣпить въ угнетенныхъ нашихъ братьяхъ колеблющіеся вѣру и духъ, а можетъ развѣ отнять у нихъ всякую надежду избавленія, враговъ же малодушіе не умилостивитъ, а сдѣлаетъ только настойчивѣе и наглѣе. Никогда никакое дѣло въ исторіи не выигрывалось трусостью! и это необходимо помнить всякому, кто записывается въ ряды общественныхъ дѣятелей по преимуществу. Общественнымъ дѣятелемъ надо помнить, что Христосъ, отправляя учениковъ своихъ на общественное служеніе, не дипломатничать училъ ихъ, а открыто и безбоязненно исповѣдывать истину: «Что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ, и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ. И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить». (Матѳ. X. 27, 28).

Во всякомъ общественномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ чистомъ и правомъ, какъ славянское дѣло, всего достойнѣе и цѣлесообразнѣе слѣдовать этому наставленію Христа.

По мнѣнію истиннаго Славянофильства, отношенія наши къ другимъ славянамъ опредѣляются или, по крайней мѣрѣ, должны опредѣляться не сочувствіемъ только или несочувствіемъ къ ихъ судьбѣ и къ разнаго рода случайнымъ и преходящимъ явленіямъ ихъ жизни, а нашею братскою къ нимъ любовью. Эта любовь русскаго человѣка къ другимъ славянамъ, какъ всякое великое и святое дѣло, какъ всякая истина, есть дѣло въ высшей степени естественное и простое, доступное пониманію младенца. Но понятное искреннему младенцу рѣдко бываетъ понятно книжнику и фарисею, ибо для воспріятія и разумѣнія истины нужны здоровый неискалѣченный схоластикою умъ и дѣтски чистое, нелукавое сердце. Вотъ почему славянофильство, въ смыслѣ братской любви и участія къ славянамъ, легко воспринимается нашимъ народомъ и трудно прививается къ нѣкоторой, весьма значительной части нашего образованнаго общества, воспитанной на чужихъ идеалахъ.

Братская любовь обязываетъ насъ къ дѣятельному участію и помощи Славянамъ, и къ неволѣ ихъ и страданію мы, русскіе люди, безучастно относиться не можемъ и мириться съ этою неволею ни на минуту не должны, ибо любовь никакихъ ограниченій не допускаетъ и ни въ какія сдѣлки и

уступки за счетъ того, кого мы любимъ, не входитъ. Въ томъ или другомъ славянскомъ народѣ въ извѣстное время могутъ совершаться противныя нашему сознанію и чувству явленія: вслѣдствіе ихъ и нашихъ ошибокъ и хитрыхъ происковъ враговъ въ той или другой славянской странѣ, можетъ возобладать враждебное къ намъ настроеніе; но и въ такомъ случаѣ, не поступаясь въ отношеніи заблудшаго братскаго народа собственнымъ нашимъ народнымъ достоинствомъ и правами, при всемъ томъ мы не должны быть равнодушными къ его участи; не должны повертываться къ нему спиной и бросать его на произволъ судьбы, въ добычу иноплеменникамъ, а, напротивъ, должны употребить всяческія старанія, чтобы исправить его историческіе пути, спасти его племенную независимость и примирить его съ собой. Туда именно, гдѣ народъ славянскій начинаетъ терять свои національныя особенности, мириться съ условіями, въ которыя поставила его судьба, словомъ, гдѣ онъ начинаетъ терять свое народное самосознаніе и претворяться въ другой языкъ и племя другое: туда прежде всего слѣдуетъ намъ спѣшить съ усиленною вещественною и нравственною помощью, и только тотъ край можетъ уже окончательно считаться потеряннымъ для Славянства, въ которомъ, какъ въ уничтоженныхъ Богомъ ветхозавѣтныхъ городахъ, не осталось уже и 5 сохранившихъ свою народность праведниковъ, гдѣ совершенно замерла славянская рѣчь и заглохло славянское преданіе. Тамъ же, гдѣ еще таится хотя малая искра потухающей славянской жизни,—нашъ прямой долгъ не дать ей погаснуть и, быть можетъ, отъ нея потухшая жизнь разгорится сильнѣе прежняго.

Стремленіе славянофильства поддержать и воскресить славянскую народность даже тамъ, гдѣ она падаетъ и вымираетъ, не нуждается въ какихъ бы то ни было оправданіяхъ, такъ какъ оно истекаетъ изъ самой природы вещей, ибо, по слову Апостола: «никто свою плоть не ненавидитъ, но питаетъ и грѣетъ ее», питаетъ и грѣетъ ее не тогда только, когда она пользуется здоровьемъ и красотой, но прилагаетъ особенную заботу о ея немощныхъ и поврежденныхъ членахъ!

По убѣжденію славянофильства, все Славянское племя есть разнообразный въ своихъ частяхъ, но тѣмъ не менѣе единый, цѣлостный народный организмъ, одно живое народное тѣло; чаянія и стремленія каждаго неложнаго славянофила направлены къ тому, чтобы это великое народное тѣло во всѣхъ своихъ членахъ было одинаково здорово и свободно; другими словами—идеалъ славяно-

фильства, это—полная и всесторонняя свобода и искреннее братство всѣхъ славянскихъ народовъ: свобода политическая, экономическая и нравственная, и братство такое, при которомъ каждый славянинъ, на всемъ широкомъ пространствѣ Славянской земли сознавалъ бы, что онъ дома, въ своей родной семьѣ, былъ свободенъ и полноправенъ.

Безбоязненно и непостыдно исповѣдывать этотъ идеалъ, постоянно имѣть его въ виду, какъ основную причину и конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій и дѣйствій, безостановочно искать и указывать другимъ средства и пути, ведущіе къ его осуществленію, неустанно бороться со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ или идетъ наперекоръ этимъ стремленіямъ и цѣлямъ: такова постоянная и неизмѣнная задача славянофильства и въ то же время—наша народная и государственная задача. Уяснять эту задачу и проводить ее во всеобщее сознаніе, звать всѣхъ и каждаго въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ на служеніе славянскому дѣлу, дѣлу всесторонняго славянскаго освобожденія,—такова обязанность Славянскихъ обществъ!

Всякій разъ, когда славянофильство, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей или Славянскихъ обществъ, съ достаточною откровенностію словомъ или дѣломъ заявляло, что оно преслѣдуетъ эту — освободительную цѣль, оно, къ изумленію многихъ, оказывалось вдругъ такою общественною силою, съ которою, кромѣ Церкви, едва ли какая-либо другая сила могла бы стать наравнѣ. А такъ какъ славянофильство и Церковь въ полномъ между собою ладу, и стремленія перваго благословляются второй, то дѣйственная сила славянофильства громадна и необорима, лишь бы оно само, въ лицѣ своихъ вождей не малодушествовало и само не опускало своего знамени.

Тайна этой силы заключается въ томъ, что славянофильство есть въ сущности не что иное, какъ выраженіе русскаго народнаго міровоззрѣнія, очищеннаго и возведеннаго до его идеаловъ, это — самосознаніе Русскаго народа. Славянофильство можетъ быть названо русскою народною партіею, но и такое опредѣленіе для него тѣсно. Славянофильство это—сама русская Россія: за нимъ стоитъ и сознательно или безсознательно готово идти все, что есть русскаго въ Россіи, и все, что есть чисто славянскаго въ остальномъ Славянствѣ. Таково наше мнѣніе о славянофильствѣ, но такъ-же смотрятъ на него и его иноплеменные враги. Оттого и трепещутъ и мечутся они при самомъ незначительномъ даже его проявленіи. И, дѣйствительно, всякій разъ, когда славянофильство, оставаясь вѣрнымъ себѣ, гово-

ритъ достойнымъ себя языкомъ—опредѣлительно и твердо, его слово становится властнымъ, потрясаетъ сердца и вызываетъ могучій откликъ въ народѣ. Въ доказательство только-что сказаннаго, достаточно припомнить, какъ всколыхали всю Россію воззванія Славянскихъ комитетовъ о помощи балканскимъ славянамъ въ 1875—1877 гг., отъѣздъ М. Г. Черняева и отправка добровольцевъ въ Сербію,—какъ высоко стали вдругъ тогда Славянскіе комитеты, какъ гремѣли рѣчи И. С. Аксакова, и, наконецъ,—какъ гораздо уже позднѣе, въ годину упадка духа и нравственнаго застоя, взволновали все Славянство, а за нимъ и весь Міръ нѣсколько словъ, брошенныя въ Петербургѣ и Парижѣ незабвеннымъ М. Д. Скобелевымъ.

Подъ развернутую и высоко поднятую въ 1876 г. славянофильскую хоругвь пришли и стали многіе изъ другой враждовавшей дотолѣ съ славянофильствомъ партіи, такъ называемыхъ западниковъ и либераловъ, и это, по нашему мнѣнію, въ высшей степени отрадное явленіе; говоря о жизненности и правотѣ славянофильства, оно наводитъ на мысль, что прискорбная въ нашемъ образованномъ обществѣ рознь, дѣленіе его по цвѣтамъ и кличкамъ обусловливается не сущностью дѣла, на которомъ и тѣ и другіе могли бы сойтись, а лишь крупнымъ недоразумѣніемъ, причина котораго лежитъ главнымъ образомъ въ обоюдныхъ недомолвкахъ, мѣшающихъ честнымъ русскимъ людямъ, стремящимся въ сущности къ одной и той-же цѣли, столковаться между собою о подробностяхъ, и—въ обусловливаемой тѣми же недомолвками неопредѣленности самихъ цвѣтовъ и кличекъ, отъ которыхъ, однако, многіе по старой памяти, не хотятъ отказаться.

Такъ, либерализмъ и славянофильство, въ истинномъ значеніи этихъ словъ, если и не тождественны, то во всякомъ случаѣ не должны быть враждебны одинъ другому: они оба стремятся къ свободѣ духа и жизни, и подлинное славянофильство не окрашено только, но насквозь пронизано самымъ яркимъ и полнымъ либерализмомъ. Поэтому въ глазахъ славянофила постыденъ только фальшивый либерализмъ, не отвѣчающій въ сущности своему названію, такъ же, какъ постыдно и малодушное фальшивое славянофильство. Такъ: либералы, кричавшіе противъ помощи славянамъ, боровшимся за свое освобожденіе, тѣмъ самымъ уже измѣняли либерализму; но точно также измѣняли славянофильству славянофилы, старавшіеся оправдать позорное для нашей дипломатіи дѣло—уступку Герцеговины и Босніи исконному врагу Славянства; или въ угоду фальшивой теоріи—рукоплескавшіе поруганію нами же даннаго основнаго закона въ Бол-

гаріи и тираніи прусскаго поручика въ этой славянской странѣ, содѣйствовавшіе авторитетомъ русскаго славянофильства разрушенію тамъ только что созданнаго русскою кровью и трудомъ оплота національной свободы, травившіе со столбцовъ своихъ изданій лучшихъ въ этой странѣ людей, отстаивавшихъ законъ и свободу своего народа и вѣрно служившихъ своему отечеству и Россіи. Поэтому лучше судить людей по дѣламъ ихъ, нежели по ихъ кличкамъ, и если люди, называвшіе себя либералами, шли въ Сербію оборонять и отвоевывать славянскую свободу и умирали тамъ за нее, то славянофильству нѣтъ причины стыдиться такихъ союзниковъ-либераловъ, а слѣдуетъ радушно зачислить ихъ въ свои ряды, и память ихъ должна быть для него одинаково свята, какъ и память другихъ защитниковъ славянскаго дѣла: ибо у всѣхъ русскихъ добровольцевъ, бросившихся въ Сербію подъ знамена Черняева, была одна общая и единственная цѣль—помочь своимъ родичамъ въ борьбѣ съ иноплеменнымъ врагомъ, отстоять или воротить ихъ былую свободу, и никакого иного идеала и цѣлей ни у добровольцевъ, ни у тѣхъ, кто отправлялъ ихъ въ Сербію, не было и быть не могло.

Жалкая наклонность нѣкоторыхъ, примыкающихъ къ славянофильству лицъ, политиканствовать, вмѣсто того, чтобы говорить одну голую и прямую правду; отожествленіе ими нѣкоторыхъ неприглядныхъ сторонъ нашей дѣйствительности съ высокимъ славянофильскимъ и народнымъ идеаломъ и обусловливаемыя такимъ смѣшеніемъ усилія ихъ оборонить и поддержать многое такое, что по своей внутренней неправотѣ и несостоятельности не заслуживаетъ защиты, и по отсутствію подъ нимъ исторической и нравственной почвы, должно быть въ концѣ концовъ устранено,—вредятъ славянскому дѣлу и роняютъ славянофильство въ глазахъ его недруговъ и друзей.

Въ этомъ именно лежитъ причина того страннаго, повидимому, явленія, что Славянское общество въ Петербургѣ, единственное почти у насъ общество, если не политическое, то все таки имѣющее нѣкоторое отношеніе къ политикѣ, упало въ своемъ значеніи и обезлюдѣло послѣ того, какъ въ русскихъ людяхъ отчасти его же усиліями пробуждено желаніе жить общественною и политическою жизнью.

* * *

Осуществленіе славянофильскаго идеала,—свободы и братства славянскихъ народовъ—требуетъ: 1) прежде всего укрѣпленія русскаго народнаго самосознанія и освобожденія русскихъ общественныхъ силъ отъ тяжело лежащаго на нихъ иноплеменническаго гнета; затѣмъ—2) политическаго освобожденія отъ иноплеменной власти и объединенія угнетенныхъ и разрозненныхъ славянскихъ народностей и, наконецъ, 3) духовнаго объединенія Славянскаго міра, т. е. уничтоженія въ немъ вѣроисповѣдной и нравственной розни.

Для достиженія первой цѣли, т. е. для своего собственнаго освобожденія, русскимъ людямъ прежде всего необходимо придти къ убѣжденію, что услуги чужеродцевъ, въ особенности же нѣмцевъ и нѣмецкая дрессировка и выучка непомѣрно дорого обходились и обходятся Россіи и ведутъ ее къ полному и всестороннему политическому, экономическому и нравственному банкротству. Не будь этихъ навязанныхъ Россіи дядекъ и опекуновъ, русская жизнь была бы здоровѣе и цѣльнѣе, и нашему Отечеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальному Славянству жилось бы счастливѣе и дышалось вольнѣе. Русское богатство и сила расходовались бы бережнѣе и на достойныя Россіи дѣла.

Пусть всѣ эти Остерманы, Минихи и Нессельроды и добросовѣстно, по своему, несли и несутъ свою службу, но у всѣхъ у нихъ своя особая «наемническая» совѣсть, а служили и служатъ они кому угодно, только не Русской землѣ и не Русскому народу, который никогда ихъ службы не хотѣлъ и никогда имъ не вѣрилъ. Добросовѣстное живодерство *) и солдатчина Миниховъ-командировъ, старавшихся изъ прекраснаго и разумнаго Божьяго созданія—русскаго человѣка—сдѣлать уродливую, бездушную и безсловесную нѣмецкую обезьяну—машину, и «честная» дипломатическая игра Остермановъ и Нессельродовъ - политиковъ, въ которой Россія и Славянство всегда оставались въ проигрышѣ,—стоили черезъ - чуръ много напрасной русской народной крови, и поту и слезъ, чтобы можно было безъ негодованія вспоминать о нѣмецкихъ заслугахъ передъ Россіей. Исторія нашего Государства за послѣдніе два вѣка самыми кровавыми, грязными и сальными своими страницами обязана нѣмецкимъ выходцамъ, нагло распоряжавшимся судьбами нашего Отечества.

А что Россія могла и можетъ свободно обходиться безъ наемническихъ услугъ, достаточнымъ ручательствомъ тому слу-

*) «Минихъ, живодеръ, нашихъ кишекъ не берегъ», говоритъ о Минихѣ современная ему солдатская пѣсня.

житъ то обстоятельство, что, не смотря на господствовавшій въ ней въ послѣдніе два вѣка нѣмецкій произволъ, тѣснившій и губившій русскіе таланты и силы, земля Русская ими все таки не оскудѣвала, и постоянно являла міру: Румянцевыхъ и Суворовыхъ, Кутузовыхъ и Ермоловыхъ, Нахимовыхъ, Корниловыхъ и Скобелевыхъ *), и въ другой сферѣ—Ломоносовыхъ и Новиковыхъ, Хомяковыхъ и Пушкиныхъ, Аксаковыхъ, Самариныхъ и Милютиныхъ,—людей, одаренныхъ такимъ избыткомъ таланта и нравственной силы, что пренебреженіе ими и предпочтеніе имъ Миниховъ и Нессельродовъ, недостойныхъ развязать имъ ремень у сапога, въ глазахъ русскихъ людей могло быть объясняемо только недовѣріемъ и нерасположеніемъ властныхъ нашихъ сферъ къ русской народной стихіи.

Не чувство племенной ненависти и не мстительность въ данномъ случаѣ говорятъ въ насъ, а сознаніе громаднаго вреда и безчисленныхъ насилій и обидъ, причиненныхъ намъ, русскимъ, и остальнымъ славянамъ иноплеменниками, и желаніе вполнѣ, мы думаемъ, естественное и законное, избавиться отъ этихъ насилій и обидъ. Враги славянофильства неправильно противополагаютъ его гуманизму и космополитизму, ибо каждый истинно гуманный человѣкъ, каждый неложный космополитъ необходимо должны признавать за человѣкомъ другаго племени или цѣлымъ народомъ ихъ человѣческое и народное достоинство и ихъ національныя права, т. е. право на сохраненіе ихъ народныхъ особенностей, на независимую жизнь, на свободное и самостоятельное развитіе и дѣятельность. Только при условіи взаимнаго уваженія этихъ правъ мыслимо братство людей и народовъ. Только этого и хочетъ славянофильство: уважая національныя права другихъ, оно требуетъ отъ нихъ такого же уваженія къ себѣ. И если ни одинъ изъ западноевропейскихъ народовъ, если вообще ни одинъ уважающій себя какой бы то ни было народъ не мирится ни съ открытымъ рабствомъ, ни съ такою призрачною свободою, при которой его достояніемъ и имъ самимъ свободно распоряжались бы иноплеменники, то, по мнѣнію славянофильства, не можемъ и не должны ни съ тѣмъ, ни съ другимъ видомъ насилія мириться и мы, русскіе, и остальные славяне, но должны всѣми силами и средствами бороться съ инородческимъ у насъ господствомъ и захватами.

Вредъ этого господства и этихъ захватовъ въ Россіи достаточно выяснился. Въ захватахъ иностранцами природныхъ

*) Теперь слѣдуетъ добавить: Черняевыхъ и Макаровыхъ...

нашихъ богатствъ, въ захватахъ самой земли, совершающихся безпрепятственно и повсемѣстно, и особенно въ заселеніи западныхъ нашихъ областей нѣмцами русскіе люди видятъ великую несправедливость въ отношеніи туземнаго народа и особенно въ отношеніи его будущихъ поколѣній, великую опасность для нашего Отечества и условіе великихъ смутъ и великой крови въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ. Необходимо, слѣдовательно, этимъ захватамъ немедленно и рѣшительно положить конецъ и возвратить своему народу похищенное у него достояніе—его землю, упитанную потомъ и кровью его предковъ *).

Русскимъ людямъ наскучило также господствующее положеніе инородцевъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и сферахъ и они думаютъ, что настало время для того, чтобы русское государственное и общественное управленіе и хозяйство всецѣло вѣдались русскими людьми.

Славянофильство всегда высказывалось въ этомъ направленіи, поэтому на первыхъ страницахъ «Извѣстій Славянскаго общества» пристойнѣе было помянуть добрымъ словомъ Юрія Крижанича и Ив. Посошкова, Артемія Волынскаго и Николая Новикова и, наконецъ, безвременно и загадочно павшаго М. Д. Скобелева и другихъ борцовъ съ нѣмецкимъ насиліемъ и хищничествомъ и страдальцевъ за Русскую землю и славянское дѣло, нежели перечислять имена разныхъ нѣмцевъ, заслуги которыхъ Русскому правительству очень двусмысленны, а вредъ Русскому народу несомнѣненъ.

Что касается нѣмецкой науки, то славянофильство никогда не чуждалось ея, какъ не чуждается и всякой другой науки, а, напротивъ, признавало и признаетъ необходимость пользоваться жизненнымъ опытомъ и наукою другихъ народовъ, тѣмъ не менѣе въ глазахъ славянофиловъ нѣмецкая академія наукъ въ столицѣ русскаго государства,—такое же зазорное, оскорбительное и по меньшей мѣрѣ безполезное для Россіи явленіе, какъ и нѣмецкіе въ ней главнокомандующіе и министры.

Вторая цѣль—политическое освобожденіе и объединеніе угнетеннаго и разрозненнаго Славянства—должна быть достигнута соединенными усиліями самихъ угнетенныхъ народностей,

*) Законъ 1887 г., ограничивающій права иностранцевъ на владѣніе недвижимыми имуществами въ западномъ краѣ, горячо привѣтствовался русскими людьми. Но законъ этотъ не долженъ оставаться мертвою буквою и необходимы дальнѣйшія рѣшительныя мѣры въ этомъ направленіи.

при нравственномъ, матеріальномъ и военномъ заступничествѣ и руководствѣ Россіи. Вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ Славянскаго народа славянофильство непреложно вѣритъ, что Россія въ силахъ выполнить и выполнитъ возложенную на нее судьбой освободительную задачу. Но славянофильство вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что внѣшняя политика русскаго правительства прошлаго и текущаго столѣтій, не стояла на высотѣ этой задачи, была часто орудіемъ чужихъ враждебныхъ этой задачѣ цѣлей, не оправдывала русскія и славянскія надежды и порою тѣхъ, кто на нее довѣрчиво полагался или прибѣгалъ подъ ея защиту, выдавала головою врагамъ. Свѣжимъ и однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ неустойчивости нашей политики и малодушія нашихъ дипломатовъ служитъ Берлинскій договоръ, по которому: освобожденная русскимъ оружіемъ Болгарія, по требованію не участвовавшихъ въ войнѣ державъ, разорвана на части, Герцоговина и Боснія и православная Церковь въ этихъ земляхъ отданы, безъ борьбы, заклятому врагу Православія, Россіи и Славянства, и Сербія и Черногорія, взамѣнъ незначительныхъ земельныхъ прирѣзокъ и на словахъ независимости, поставлены на дѣлѣ въ положеніе подручныхъ Австріи княжествъ. Другимъ вѣскимъ свидѣтельствомъ неуваженія нашей дипломатіи къ самой себѣ и къ Россіи служитъ предательство ею англичанамъ несчастнаго Афганскаго Эмира Ширъ-Али.

Подобная политика не способна внушать и не вправѣ расчитывать на довѣріе и уваженіе къ себѣ, и вотъ причина, почему у Россіи между другими свободными государствами не было доселѣ *) ни одного надежнаго и вѣрнаго союзника. Объяснять это явленіе однимъ только соперничествомъ и завистью къ ея силѣ было бы не совсѣмъ правильно, потому что сила хотя и возбуждаетъ зависть, но, если она руководится разумомъ, то и притягиваетъ къ себѣ.

Пробужденіе въ русскихъ людяхъ народнаго самосознанія приведетъ къ обновленію нашей внутренней жизни и измѣнитъ въ корнѣ и характеръ нашей внѣшней политики: сдѣлаетъ ее болѣе сознательною и устойчивою. Тогда требованіе безусловной политической свободы для всѣхъ находящихся подъ чужимъ господствомъ славянъ и полнаго невмѣшательства иноплеменниковъ во внутреннюю ихъ жизнь и взаимныя отношенія другъ къ другу—будетъ поставлено повелительно и твердо. Освобожденному Славянству Австрія, какъ

---

*) Писано въ 1883 г.

и Турція, должны будутъ совершенно уступить свое мѣсто. Съ Германскимъ же племенемъ свободное Славянство могло бы жить въ мирѣ, но для этого Германское племя должно отказаться отъ всякой мысли владѣть славянами или славянскими землями, возвратить Славянству должное, т. е. ту землю, гдѣ еще живы славяне, словомъ признать право Славянъ на національную свободу и единство, какъ Славяне признали это право за нимъ; въ противномъ случаѣ, тысячелѣтняя съ нимъ славянская тяжба рѣшится кровавымъ Божьимъ судомъ.

Какой будетъ политическій строй освобожденнаго Славянства, насколько онъ будетъ напоминать устртойство, данное Пруссіей Германству, это пока трудно предвидѣть, но, по мнѣнію славянофильства, будущее государственное устройство Славянскаго міра должно отвѣчать двумъ цѣлямъ: внутренней самостоятельности отдѣльныхъ его частей и единству ихъ дѣйствія въ отношеніи внѣшняго, неславянскаго міра. Пока каждый изъ славянскихъ народовъ и народцевъ будетъ вести свою отдѣльную политику, пока каждый изъ нихъ отъ своего только собственно лица будетъ говорить и договариваться съ иноплеменными державами,—до тѣхъ поръ перевѣса силы и успѣха не будетъ на сторонѣ Славянъ, а слѣдовательно не будетъ для нихъ истинной свободы. Разрозненная политика славянскихъ народовъ всегда будетъ удобною почвою для вражьихъ происковъ, и непріятели Славянства всегда будутъ находить средства и способы ссорить отдѣльныя славянскія государства или ихъ правительства между собою и переманивать то то, то другое изъ нихъ на свою сторону и въ свой станъ. Но въ политически объединенномъ Славянствѣ чужія козни не найдутъ себѣ мѣста, а слово, сказанное отъ лица всего Славянскаго міра, будетъ «властнымъ надъ землею закономъ». Поэтому для общей пользы славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ради всеобщаго спокойствія и мира—необходимо, чтобы у всего освобожденнаго Славянства было только одно общее внѣшнее представительство и отъ лица всего Славянскаго міра велась одна общая международная политика. А такъ какъ вопросы международные рѣшаются въ концѣ концовъ силою, то голосъ Русскаго народа, какъ голосъ сильнѣйшаго, во Всеславянскомъ правительствѣ, естественно будетъ преобладать. Но въ этомъ преобладаніи не можетъ быть опасности для братскихъ народовъ, ибо: осмысленныя желанія и здраво понятая польза Русскаго народа всегда и во всемъ сойдутся съ такими же

желаніями и пользою остальныхъ славянскихъ народовъ и самоуправляющаяся свободная отъ иноплеменныхъ вліяній Россія никогда не будетъ угрозою внутреннему развитію остального Славянства, а будетъ лишь грозою для внѣшнихъ его враговъ. Отношенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи могутъ, намъ кажется, до нѣкоторой степени послужить образцомъ, по которому могъ бы быть въ будущемъ устроенъ Всеславянскій Союзъ. Въ державной думѣ сильнѣйшаго изъ славянскихъ государей должны будутъ находиться постоянные представители отъ всѣхъ славянскихъ странъ для обсужденія вопросовъ внѣшней политики и дѣлъ, касающихся взаимныхъ отношеній членовъ Всеславянскаго союзнаго государства другъ къ другу; въ случаяхъ же особенной важности могутъ быть общіе съѣзды славянскихъ правителей и государей и чрезвычайныя собранія выборныхъ отъ всѣхъ славянскихъ странъ.

Третья, высшая цѣль славянофильскихъ чаяній и стремленій—духовное единство славянскихъ народовъ, по мнѣнію славянофильства, не можетъ быть достигнута какими-либо искусственными мѣрами, вродѣ, напр., навязыванія всѣмъ одной вѣры, одного языка и т. п., но можетъ и непремѣнно будетъ осуществляться постепенно, по мѣрѣ и какъ естественный плодъ осуществленія двухъ первыхъ цѣлей и духовнаго возмужанія отдѣльныхъ частей Славянства.

Свободный въ развитіи и употребленіи своихъ силъ Русскій народъ явитъ міру въ области научной мысли и изящнаго творчества, такое богатство содержанія и силу таланта, что потребность въ знакомствѣ съ русскимъ искусствомъ, русскою мыслью и русскимъ языкомъ, безъ всякихъ съ нашей стороны притязаній, само собою, безконечно возрастетъ среди славянъ. Общность политическихъ задачъ и развитіе жизни и творчества другихъ славянскихъ народовъ, по мѣрѣ ихъ освобожденія и роста, будутъ вызывать и въ нашемъ обществѣ потребность ознакомленія съ ихъ языками, письменностью, искусствомъ и бытомъ. Сдѣлавшись общимъ для всѣхъ славянъ языкомъ въ политикѣ и наукѣ, во взаимныхъ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ, русскій языкъ подвергнется постепенно переработкѣ, вберетъ въ себя другіе славянскіе языки и преобразится такимъ образомъ современемъ въ общеславянскій не только по употребленію, но и по самому своему составу. Однако же, развитіе каждымъ изъ славянскихъ народовъ сво-

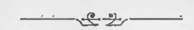
ихъ собственныхъ бытовыхъ отличій, такъ же, какъ развитіе мѣстныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій и письменнаго и художественнаго творчества, если только это развитіе будетъ совершаться самобытно, а не будетъ простымъ подражаніемъ чужой, неславянской стихіи и рабскимъ заимствованіемъ чужихъ формъ, — что было бы уже не развитіемъ, а искаженіемъ своей народности,—не только не можетъ вредить нравственному и жизненному общенію и единству Славянъ, но, напротивъ: только при такой самостоятельности, взаимодѣйствіи и восполненіи славянскихъ народныхъ силъ однѣхъ другими—расцвѣтетъ современемъ роскошнымъ цвѣтомъ и дастъ обильный плодъ всеславянская культура и выработается общій литературный славянскій языкъ, соотвѣтствующіе полнотою содержанія и красотою и пышностью образовъ, богатствудуха и избытку творческихъ силъ, которые таитъ въ себѣ Славянское племя. Естественно ожидать, что въ основаніе будущей Всеславянской образованности и Всеславянскаго языка лягутъ русская жизнь и русскій языкъ, какъ жизнь и языкъ народа, сильнѣйшаго въ Славянствѣ числомъ и духомъ, и что, слѣдовательно, Всеславянскіе языкъ и образованность будутъ запечатлѣны преимущественно русскимъ народнымъ духомъ; но если этому ожиданію суждено сбыться, то это совершится само собой,—внутреннею силою вещей, а не внѣшнимъ насиліемъ.

Церковное единство Славянскаго міра—высшая ступень духовнаго его объединенія—есть трудно осуществимый, но при всемъ томъ самый завѣтный и святой изъ идеаловъ славянофильства, ибо: для каждаго искренняго брата не безразлично—во что вѣритъ, куда идетъ, что считаетъ истиною его братъ. Церковное объединеніе Славянства для русскаго человѣка мыслимо не иначе, какъ въ лонѣ святой Православной Церкви, такъ какъ только ее одну онъ считаетъ истинною Церковью. Поэтому: церковное объединеніе Славянъ могло бы совершиться или въ случаѣ возсоединенія христіанскихъ Церквей Западной и Восточной, на что пока не является надежды, или—отдѣльнымъ присоединеніемъ къ Православію иновѣрныхъ славянскихъ народовъ, что представляется болѣе вѣроятнымъ и чему отдѣльныя лица изъ западныхъ славянъ не разъ уже подавали добрый примѣръ. Но возсоединеніе Славянъ съ нами въ одной Церкви должно совершиться въ духѣ истины и любви, по внутреннему ихъ влеченію, при полной свободѣ совѣсти, безъ всякаго ей насилія и уловокъ, ибо призрачнаго православія не нужно, а истинное можетъ распространяться только путемъ убѣжденія словомъ и примѣромъ жизни христіанской. Поэтому, кромѣ церковнаго учительства—проповѣди, единственное средство съ

истинное можетъ распространяться только путемъ убѣжденія словомъ и примѣромъ жизни христіанской. Поэтому, кромѣ церковнаго учительства—проповѣди, единственное средство съ нашей стороны воздѣйствовать на иновѣрныхъ братій нашихъ для полнаго примиренія ихъ съ собою—это являть имъ съ нашей стороны примѣръ такой жизни, которая отвѣчала бы высотѣ христіанской Истины, сохранившейся во всей чистотѣ въ ученіи Православной Церкви, и явить на нихъ самихъ нашу братскую любовь въ той искренности и силѣ, въ какой это требуется православнымъ Христіанствомъ.

Православный Русскій Народъ, какъ и остальное Православное Славянство принесли уже въ прошломъ безчисленныя жертвы въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ за дѣло своего и братскаго освобожденія; но предстоящая рѣшительная борьба за всеславянскую свободу потребуетъ отъ Славянства, быть можетъ, не менѣе жертвъ, и Православное Славянство дастъ не скупясь эти жертвы и дастъ, быть можетъ, большую ихъ часть именно, ради того, чтобы спасти отъ конечной гибели и воскресить къ самостоятельной жизни уцѣлѣвшіе еще остатки Западнаго неправославнаго Славянства. Дѣла христіанскаго милосердія и великія жертвы братской любви обратятъ къ намъ сердца и совѣсть нашихъ иновѣрныхъ братій, а разъ сердце ихъ будетъ къ намъ обращено,—простая историческая справка убѣдитъ ихъ умъ въ правотѣ нашего исповѣданія, и тогда все Славянство единымъ сердцемъ и едиными устами прославитъ Всесвятую Троицу. Аминь.

21 октября 1883 г.



Напечатано: въ «Благовѣстѣ» 1890 г. вып. 1—5 и, въ сербско-хорватскомъ переводѣ Victor'a,—въ газ. «Славянская мысль» (Slavenska Misao), издающейся въ Трстѣ (Тріестѣ) 1904 г. №№ 25—29. Кромѣ того, глава II напечатана въ изданномъ С. Ѳ. Шараповымъ сборникѣ: «Теорія государства у славянофиловъ СПб. 1898 г.»

Порабощеннымъ Славянамъ.

Мужайтесь, братья, въ дни невзгоды
И ждите съ вѣрою живой,
Что солнце правды и свободы
Взойдетъ надъ нашей головой!

* * *

Пока гнететъ, какъ смрадъ ненастья,
Славянства грудь пришельцевъ власть, —
Нѣтъ выше славянину счастья,
Какъ — въ спорѣ съ ними — грозно пасть

* * *

Холопы нѣмцевъ, слуги злата,
Въ земляхъ славянскихъ правятъ пиръ;
Но царству лести и разврата
Идетъ на смѣну новый міръ!

* * *

Нахальной власти иноземцевъ
Въ Славянствѣ близится конецъ:
Орду неистовую нѣмцевъ
Сломить поможетъ намъ Творецъ.

* * *

Онъ зритъ, Благой, нашъ плѣнъ и муки.
Да расточитъ Онъ царство тьмы!
Да укрѣпитъ нашъ духъ и руки,
Да вражью цѣпь расторгнемъ мы!

* * *

Нашъ красный Галичъ и Карпаты
Да внидутъ вновь подъ отчій кровъ!
Да міръ Славянскій, въ цѣломъ взятый,
Живетъ безъ розни и оковъ!

* * *

Мужайтесь, братья, въ дни невзгоды!
За насъ Господь Земли родной.
Какъ воскъ, растопитъ огнь свободы
Ярмо неволи вѣковой!

Напечатано въ сборникѣ «Послѣднія 10 лѣтъ перваго двадцатипятилѣтія существованія СПб. Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшихся въ 1883—1893 гг.». Общ. Собр. 12 мая 1891 г., а также въ «Свѣтѣ» и въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ».

Зарубежное Славянство.

ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ.

ПРИВѢТЪ

В. М. Площанскому, М. Клемертовичу и ихъ почтеннымъ сотрудникамъ и вкладчикамъ Галицко-Русскаго „СЛОВА“ въ г. Львовѣ, въ день его 25-лѣтія.

Отдѣленные политическимъ рубежемъ, но нераздѣльные съ вами мыслію и чувствомъ, шлемъ мы вамъ въ древній русскій городъ Князей Галицкихъ изъ молодой столицы великаго Русскаго Царства братское лобзаніе и привѣтъ; и поздравляемъ васъ отъ души съ двадцатипятилѣтіемъ подвижническаго служенія вашего нелукавымъ *СЛОВОМЪ* Русскому Народу.

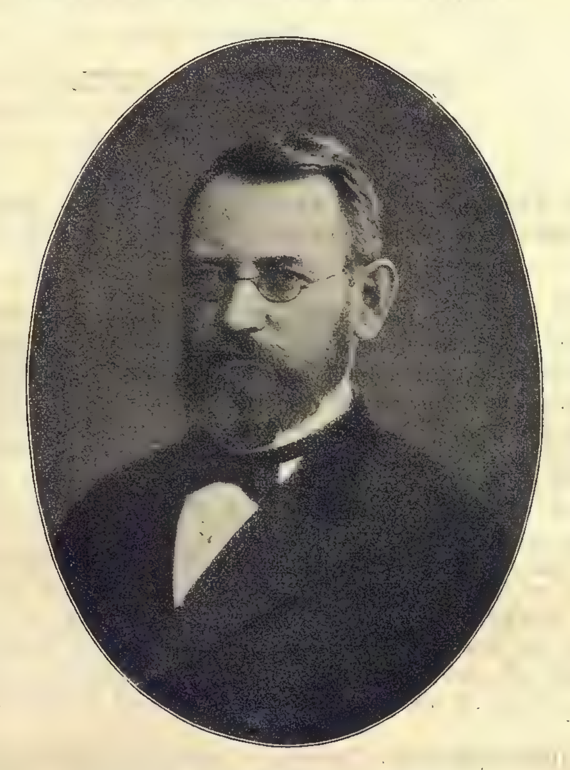
Тернистъ и труденъ былъ пройденный вами путь и не цвѣтами усыпана и впереди ваша дорога; но такимъ именно путемъ подобаетъ войти въ царство славы.

Страданіе было постояннымъ удѣломъ Русскаго Народа и счастье вѣрныхъ его дѣтей въ томъ, чтобы быть участниками этого страданія и понести возможно бо̀льшую его долю. Да будутъ же по прежнему завѣтною для всѣхъ подвижниковъ *СЛОВА* цѣлью—не личныя почести и корысть, а торжество правды Божьей въ Землѣ Русской и слава родного Народа!

Здравствуйте же, братья, на многія лѣта и обороняйте дѣло Русское правдивымъ вашимъ *СЛОВОМЪ* до конца!—

Да, на чредѣ той бодро послуживши,
Всякъ съ миромъ отойдетъ, зане—свершилъ, что могъ.
И препрославитъ Русь тернистый путь свершившій
И на крестѣ за насъ распятый—*СЛОВО-БОГЪ*.

КЕ҃ Января, лѣта отъ
Рождества Бога-Слова
҂АѾПЕ҃.



Венедиктъ Михайловичъ
Площанскій.
† 8 февраля 1902 г.

Михаилъ Алексѣевичъ Качковскій и общество его имени на Галицкой Руси.

---

8 августа въ Кронштадтѣ членами Петроградскаго Славянскаго общества и Андреевскаго братства отслужена была панихида на могилѣ Мих. Ал. Качковскаго по немъ и по Ив. Гр. Наумовичѣ.

Михаилъ Алексѣевичъ Качковскій, сынъ сельскаго священника, родился въ 1802 г. въ селѣ Дубнѣ, Рѣшовскаго округа въ Галиціи. Памятный въ исторіи возрожденія галицкихъ русскихъ, какъ и другихъ австро-угорскихъ славянъ, 1848 г. засталъ М. А. Качковскаго совѣтникомъ уголовнаго суда въ Висничѣ, на Мазурахъ, откуда онъ былъ переведенъ въ Самборъ совѣтникомъ областного суда, гдѣ и оставался до выхода въ отставку въ 1872 г., незадолго до своей смерти.

Такъ немногосложна, такъ мало замѣчательна съ внѣшней стороны жизнь Качковскаго. А между тѣмъ, память этого австрійскаго чиновника-судьи благоговѣйно чтится на его родинѣ, Галицкой Руси, и также благоговѣйно должны чтить ее и всѣ мы, русскіе люди, на всемъ широкомъ пространствѣ великой Русской Земли. А это потому, что, несмотря на австрійскую службу, М. А. Качковскій не только остался вѣрнымъ и добрымъ сыномъ Русской Земли, но сдѣлался душою и оплотомъ русскаго дѣла въ Галичинѣ. Всею мыслію и всѣмъ сердцемъ отдался онъ этому дѣлу и на служеніе ему полагалъ всѣ свои силы. Сознавая, что для этого дѣла прежде всего необходимы денежныя средства, Качковскій изъ своего чиновничьяго жалованья скопилъ, путемъ тяжелыхъ лишеній, довольно большое состояніе. Оставшись навсегда холостякомъ, М. А. Качковскій ограничивалъ себя во всемъ, въ самыхъ необходимыхъ удобствахъ, даже въ пищѣ, до такой степени, что, по свидѣтельству близко знавшихъ его людей, многимъ онъ казался чудакомъ-скрягою. Но эта кажущаяся скупость была въ сущности великою благостью, ибо: не безсмысленная и постыдная любовь къ золоту, не желаніе обезпечить

себѣ беззаботную и безпечальную старость, не желаніе надѣлить богатствомъ свою родню, заставляли Качковскаго копить себѣ состояніе, а—желаніе послужить имъ своей бѣдной родинѣ. Скупой для самого себя, Качковскій былъ щедръ для другихъ, для всѣхъ, въ комъ подмѣчалъ онъ хотя искру русскаго чувства, хотя малѣйшій талантъ и готовность служить родному народу. Встрѣтивъ на полѣ мальчика, пастушка, Качковскій разспрашивалъ его о его деревенскихъ дѣлахъ, заставлялъ его пропѣть русскую пѣсню, давалъ ему полезное въ народномъ и нравственномъ отношеніи наставленіе и одарялъ его гостинцами и деньгами, которыя всегда у него были припасены на подобный случай. Особенною его заботою и покровительствомъ пользовалась учащаяся мололежь, въ которой онъ всячески старался поселить и поддержать любовь къ родному слову, къ занятіямъ литературнымъ трудомъ. Въ комъ только замѣчалась хоть малѣйшая къ тому способность, кому удавалось хотя что-нибудь напечатать или написать порусски, прозою или стихами, тотъ не оставался безъ одобренія со стороны Качковскаго, безъ нравственной отъ него поддержки и матеріальной помощи. Прекрасно обрисовываетъ этого рода дѣятельность М. А. Качковскаго разсказъ Богдана Дѣдицкаго о томъ, какъ онъ сдѣлался редакторомъ «Слова», напечатанный въ юбилейномъ выпускѣ этого изданія 25 января 1885 г.

Богданъ Андреевичъ Дѣдицкій.

Въ 1859 г. выпущена во Львовѣ и Перемышлѣ нѣкимъ Венглинскимъ книга малорусскихъ стиховъ, напечатанная латинскою азбукою. По этому поводу Дѣдицкій, оканчивавшій въ то время учительскую семинарію по классической и славянской филологіи, напечаталъ въ Вѣнѣ небольшую книжку «О неудобности латинской азбуки въ письменности русской»; и вотъ Качковскій, не знавшій дотолѣ Дѣдицкаго, посылаетъ ему въ подарокъ сто гульденовъ, знакомится съ нимъ, уговариваетъ его отдаться всецѣло литературному труду и, чтобы дать ему къ этому возможность и независимое положеніе, предлагаетъ ему отъ себя пожизненное жалованье. Б. Дѣдицкій принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ, благодаря Кач-

ковскому, явился въ Галиціи первый русскій писатель по промыслу.

Но особенно важною заслугою Качковскаго русскому дѣлу было основаніе имъ въ 1861 г. во Львовѣ газеты «Слово». За исключеніемъ маленькой политической газетки «Новины», издававшейся въ 1849 г. Иваномъ Гушалевичемъ, и «Зори Галицкой», выходившей съ 15 мая 1848 г. во Львовѣ, подъ редакціей Антона Павенцкаго, и преобразованной, съ переходомъ ея въ половинѣ 1850 г. въ собственность Ставропигійскаго Института, въ газету научно-литературную, въ Галиціи до 1861 г. русскаго независимаго органа печати не было. Выходившій же на русскомъ языкѣ въ 1849 г. во Львовѣ, а съ 1850 г. въ Вѣнѣ «Вѣстникъ», печатавшійся церковно-славянскимъ шрифтомъ, былъ основанъ и издавался на средства австрійскаго правительства, которое само избирало для него сотрудниковъ и редакторовъ.

Михаилъ Васильевичъ Молчанъ, б. каноникъ Пряшевской епархіи видный угрорусскій дѣятель, скончался въ Петроградѣ въ 1878 г.

Въ ноябрѣ 1860 г. русскіе галичане торжествовали вступленіе на митрополичій (уніатскій) престолъ величайшаго изъ своихъ патріотовъ Григорія Яхимовича. Прибывъ по случаю этого празднества во Львовъ, М. А. Качковскій рѣшилъ тамъ, по соглашенію съ своими друзьями, основать независимую политическую газету, далъ для нея требуемый австрійскими законами залогъ и избралъ редакторомъ ея Б. А. Дѣдицкаго. Разрѣшеніе на изданіе «Слова» получено было въ началѣ 1861 г., а первый его выпускъ вышелъ 25 января, въ день тезоименитства Галицкаго владыки. Григорій Яхимовичъ, котораго Галицкорусскій народъ и до сихъ поръ поминаетъ, какъ своего отца и ангела-хранителя, былъ могущественною опорою для «Слова» въ первые годы его существованія. Къ сожалѣнію, уже въ 1863 г. этого покровителя внезапно не стало *), а между тѣмъ послѣ государственной сдѣлки между

*) Существуетъ подозрѣніе, что Высокопреосвященный Григорій Яхимовичъ былъ отравленъ.

Австріей и Венгріей, вѣнское правительство, поманившее было въ 1848 и 1860 гг. подвластное ему русское населеніе нѣкоторыми уступками, нашло болѣе отвѣчающимъ своимъ цѣлямъ обратиться къ системѣ гоненія и подавленія тѣхъ народностей, которыя спасли его на свою голову изъ революціоннаго водоворота 1848—49 гг.

Самымъ излюбленнымъ и, нельзя не признать,—самымъ дѣйствительнымъ средствомъ борьбы нѣмецкихъ правительствъ и въ частности австрійскаго съ славянами искони было и остается доселѣ—натравлять одну братскую народность на другую и поселять внутреннюю смуту и разладъ въ каждой изъ нихъ. Это средство особенно настойчиво и успѣшно примѣнялось и примѣняется въ австроугорской Руси. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ настали особенно тяжелыя для нея времена. На митрополичьей и епископской каѳедрахъ по обѣ стороны Карпатъ очутились люди слабодушные и угодливые, которые старались убить воскресавшее въ народѣ сознаніе общерусскаго народнаго достоинства и силы; какъ средство для этого, употреблялось искаженіе русскаго церковнаго обряда и русской письменности. Окружными митрополичьими и епископскими посланіями запрещалось русскому духовенству и учащемуся юношеству выписывать и читать газеты и книги, печатаемыя на общемъ русскомъ литературномъ языкѣ. Прекрасное изданіе братства Св. Василія въ Ужгородѣ (Унгварѣ), по ту сторону Карпатъ, газета «Свѣтъ», по направленію и языку достойный товарищъ львовскаго «Слова», не выдержало воздвигнутаго на него Мукачевскимъ епископомъ Стефаномъ Панковичемъ гоненія и прекратилось въ самомъ началѣ 1871 г., просуществовавъ всего около трехъ лѣтъ. Между тѣмъ, благодаря денежной поддержкѣ Качковскаго, а по его кончинѣ, самопожертвованію и особенной благородной стойкости второго его редактора-издателя—Венедикта Михайловича Площанскаго *), замѣнившаго Дѣдицкаго еще при жизни Кач-

Священникъ угроруссъ **Евгеній Фенцикъ**, издававшій „Угрорусскій Листокъ“. † въ 1904 г.

*) Послѣ членъ археологической коммиссіи и цензоръ въ г. Вильнѣ. † 8 февр. 1902 г.

ковскаго въ 1871 г., «Слово» цѣлыя 27 лѣтъ, бодро ратовало за русскія народныя права и нужды: за кирилловскую азбуку, за чистоту русскаго литературнаго языка и церковнаго обряда, за политическія права, хозяйственное и нравственное благосостояніе прикарпатскаго русскаго населенія. Пользуясь сотрудничествомъ такихъ замѣчательныхъ народолюбцевъ, литературныхъ и ученыхъ дѣятелей, какъ Яковъ Ѳеодоровичъ Головацкій, отецъ Маркелъ Попель *), Антоній Петрушкевичъ Владиміръ Хилякъ (псевдонимъ: Іеронимъ Анонимъ), Б. Дѣдицкій, Венедиктъ Н. Ружицкій и другіе старшіе дѣятели, «Слово» въ то же время воспитывало молодыя литературныя силы. Изъ числа его сотрулниковъ вышли О. А. Мончаловскій, издающій политико-юмористическій листокъ «Страхопудъ», и литературное къ нему приложеніе «Бесѣду», и О. А. Марковъ, издававшій газеты «Проломъ» и «Новый Проломъ» и «Червонную Русь» (нынѣ Галичанинъ), замѣнившую «Слово», прекращенное В. М. Площанскимъ въ августѣ 1887 г.

Григорій Ивановичъ Купчанко.
† 28 апрѣля 1902 г.

Такимъ образомъ, русскую политическую печать въ Галиціи можно считать уже дѣломъ установившимся. Таковы плоды усилій М. А. Качковскаго поддержать и развить русскую письменность и особенно русскую политическую печать въ Червонной Руси. Съ такою же любовью и усердіемъ относился онъ и къ русской народной церкви въ Галичинѣ, къ унаслѣдованному ею отъ предковъ православному обряду. Прослуживъ всю жизнь своей родинѣ, Качковскій хотѣлъ быть ей полезнымъ и по смерти: все свое состояніе, около 60,000 гульденовъ, завѣщалъ онъ на народныя цѣли.

Замѣчательны обстоятельства кончины М. А. Качковскаго. По выходѣ въ 1872 году въ отставку онъ путешествовалъ въ Италію **), а затѣмъ поѣхалъ въ Россію. Здѣсь на пароходѣ

*) Послѣ епископъ Витебскій, а затѣмъ Волынскій и членъ Св. Сунода. † 1904 г.

**) Замѣтки М. А. Качковскаго объ этомъ его путешествіи напечатаны въ «Словѣ».

во время переѣзда изъ Петербурга въ Кронштадтъ онъ разболѣлся и въ Кронштадтѣ скончался 8 августа, въ военномъ госпиталѣ, никѣмъ изъ близкихъ передъ кончиною неутѣшенный, никому неизвѣстный. Похоронили его на католическомъ кладбищѣ по католическому обряду. Долгое время могила его оставалась безъ креста, заброшенной и никому неизвѣстной. Только въ 1884 г. пріѣхавшій въ Петербургъ В. М. Площанскій, вмѣстѣ съ составителемъ настоящаго очерка, послѣ долгихъ поисковъ на кронштадтскомъ кладбищѣ, опредѣлили, по показаніямъ кладбищенскихъ сторожей, могилу М. А. Качковскаго, и затѣмъ на этой могилѣ, на собранныя по подпискѣ деньги *), поставленъ памятникъ, освященный 1-го сентября 1885 г. русскимъ священникомъ въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ Славянскаго общества и другихъ участвовавшихъ въ сооруженіи его лицъ. Памятникъ изъ бѣлаго мрамора не дорогой, но изящный. Подъ восьмиконечнымъ мраморнымъ же крестомъ на памятникѣ высѣченъ выпукло въ овалѣ Спасовъ ликъ. На главной перекладинѣ креста славянская надпись: Во имѧ Ѻ҃ца и Сн҃а и Ст҃аго Дх҃а. Аминь. Подъ изображеніемъ Спаса по славянски: «Упокой Гд҃и душу раба Твоего Михаила.» Далѣе слѣдуютъ надписи по русски: «М. Качковскій, галичанинъ-русскій изъ Самбора, скончался 8-го августа 1872 г.» и—«Миръ праху и вѣчная память имени твоему, добрый сынъ Земли Русской!»

Лѣтъ черезъ пять послѣ этого о. Іоаннъ Наумовичъ посѣтилъ вмѣстѣ съ б. кронштадтскимъ головою, нынѣ членомъ Андреевскаго братства, Владиміромъ Дмитріевичемъ Никитинымъ **), могилу Качковскаго. Почтеннѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, узнавъ отъ о. Іоанна Наумовича о заслугахъ Качковскаго на пользу русскаго дѣла и о его судьбѣ, проникся пламенною любовью къ его памяти и съ тѣхъ поръ ежегодно 8 августа созываетъ всѣхъ его почитателей на панихиду на его могилѣ. Его же заботами и трудами подъ поставленный

---

*) Осенью 1884 г. открыта была съ разрѣшенія Совѣта Славянскаго Общества, между членами общества подписка на исправленіе могилы Качковскаго. Собрано и израсходовано на изготовленіе и постановку памятника 109 р. 66 к. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ на памятникъ М. А. Качковскому слѣдуетъ считать трудъ изготовлявшаго его мастера-каменщика, тверского крестьянина Филиппа Иванова, который, узнавъ о Качковскомъ, взялся сдѣлать памятникъ за сто рублей—стоимость собственно матеріала и подручныхъ работниковъ. Хозяинъ мастерской съ обыкновеннаго заказчика взялъ бы втрое.

**) Впослѣдствіи впалъ въ крайнюю бѣдность и скончался въ Кронштадтскомъ госпиталѣ въ 1902 г.

въ 1885 г. памятникъ подведено прочное основаніе и онъ обнесенъ красивою чугунною рѣшеткой.

Прошло цѣлыхъ тринадцать лѣтъ со времени кончины М. А. Качковскаго, пока, наконецъ, мы, петербуржцы, узнали о его заброшенной могилѣ на пустынномъ католическомъ кладбищѣ за Кронштадтомъ, отыскали и отмѣтили ее скромнымъ памятникомъ. Между тѣмъ, земляки М. А. Качковскаго, свидѣтели его самоотверженной и благотворной дѣятельности на пользу родного народа, не остались неблагодарными къ его памяти и уже черезъ годъ по его кончинѣ соорудили ему, на его любезной родинѣ, памятникъ несравненно роскошнѣе и величественнѣе нашего. Этимъ прекраснымъ живымъ памятникомъ, въ которомъ какъ бы воплотился и продолжаетъ жить и дѣйствовать любвеобильный свѣтлый духъ М. А. Качковскаго, явилось, основанное въ 1874 г. въ Галичинѣ, просвѣтительное общество его имени. Общество это поставило себѣ цѣлью содѣйствовать подъему городского и сельскаго населенія Австро-Угорской Руси въ религіозномъ, нравственномъ, хозяйственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, путемъ распространенія въ немъ полезныхъ знаній и внушенія любви къ родному обряду, трудолюбія, трезвости, бережливости и прочихъ добродѣтелей. Средствомъ для осуществленія этой высокой и святой цѣли служитъ изданіе книжекъ для народа наставительнаго содержанія, устройство по городамъ и селамъ безплатныхъ народныхъ читаленъ, учрежденіе обществъ трезвости, пріютовъ и бурсъ для бѣднѣйшихъ русскихъ учениковъ, общественныхъ хлѣбныхъ складовъ, ссудныхъ и сберегательныхъ кассъ, хозяйственныхъ выставокъ и народныхъ чтеній.

Пламенный другъ зарубежныхъ русскихъ и славянъ **Софія Александровна Леонтьева-Левицкая** 1819—1904.

Общество имени М. А. Качковскаго распространено по всей Австро-Угорской Руси; отдѣленія его, или такъ называемыя филіи, управляются каждое особымъ выдѣломъ (совѣтомъ), состоящимъ изъ предсѣдателя, восьми членовъ и четырехъ заступниковъ (замѣстителей). Разъ въ годъ члены каждой филіи собираются въ общее собраніе въ той срединной мѣстности—городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ имѣетъ постоянное пребываніе ея выдѣлъ. Выдѣлъ даетъ собранію отчетъ въ своей дѣятельности и, затѣмъ, собраніе избираетъ новый выдѣлъ на годовой срокъ. Отдѣленія, или филіи, стараются объ увеличе-

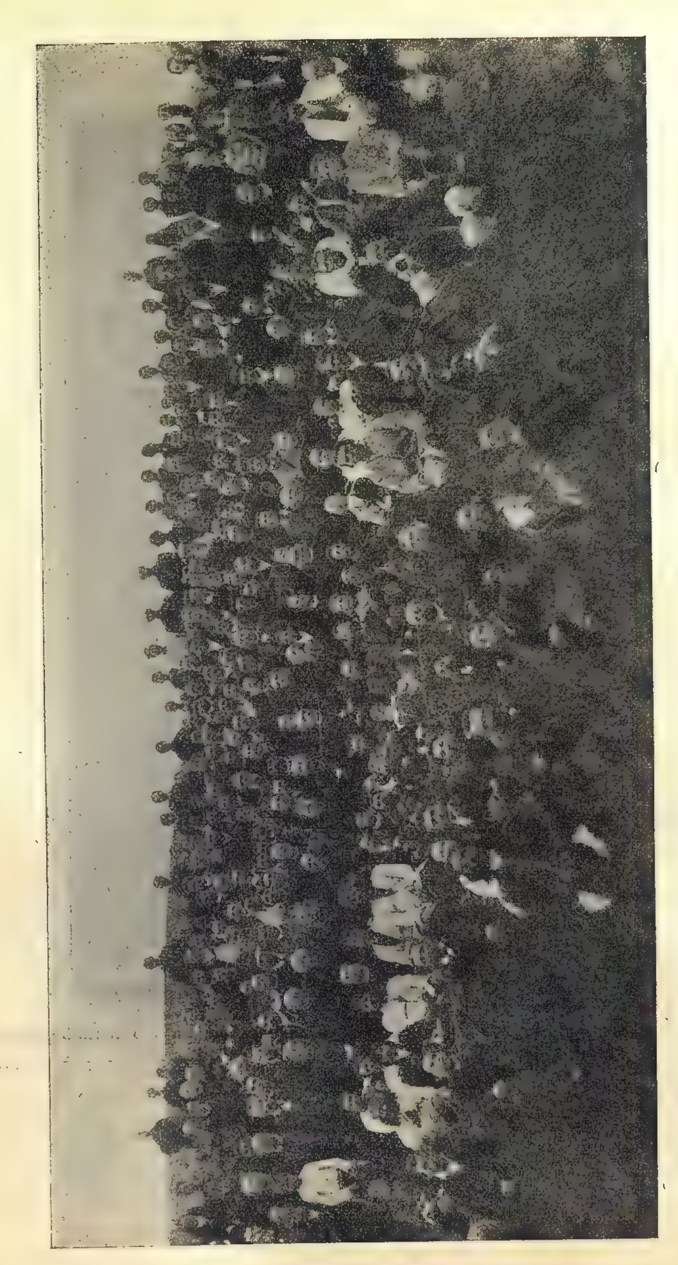
нiи средствъ общества: привлекаютъ въ него новыхъ членовъ, собираютъ членскiе взносы (1 гульд. въ годъ) и особыя пожертвованiя для разныхъ своихъ начинанiй, какъ-то: на устройство новыхъ читаленъ, бурсъ и т. п. Изъ членскихъ же взносовъ только 10 проц. поступаетъ въ пользу отдѣленiй, остальное же передается въ распоряженiе главнаго выдѣла, на обязанности котораго лежитъ главное руководство дѣлами всего общества. Центральный выдѣлъ въ первое время по образованiи общества находился въ Коломыѣ *); но вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ во Львовъ. Центральный выдѣлъ, состоящiй теперь изъ предсѣдателя и 12 членовъ (собственно 8 членовъ и 4 заступниковъ), ежемѣсячно издаетъ по 1 книжечкѣ того или другого наставительнаго содержанiя: историческаго, хозяйственнаго, вѣроучительнаго и т. п. Каждый членъ общества получаетъ эти изданiя безплатно, постороннимъ же учрежденiямъ и лицамъ книжки общества частiю продаются, частiю также разсылаются даромъ. Обычная продажная цѣна книжекъ, въ 1½—2 печ. листа 10 крейцеровъ, но есть дешевле, въ 5—8 крейцеровъ, и дороже—въ 15—20; календари же общества, объемомъ въ 5—6 печатн. листовъ, украшенные картинками, продаются обыкновенно по 36 крейцеровъ. Центральный выдѣлъ созываетъ ежегодно генеральное собранiе всего общества. Собранiя эти происходятъ не въ одномъ и томъ же, но каждый годъ въ другомъ мѣстѣ: поочередно въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть отдѣленiя общества. Генеральное собранiе выслушиваетъ отчетъ о дѣятельности общества, избираетъ на годъ членовъ центральнаго выдѣла и разсматриваетъ и рѣшаетъ предложенiя центральнаго и филiальныхъ выдѣловъ и отдѣльныхъ членовъ общества.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣнiй о дѣятельности общества имени Мих. Качковскаго читатели могутъ видѣть, что братья наши галичане живы и трудятся, насколько имъ позволяютъ скромныя ихъ средства и крутыя обстоятельства, надъ своимъ народнымъ возрожденiемъ. Благодаренiе Богу, у нихъ есть еще опытные высокообразованные и закаленные въ борьбѣ руководители и, что особенно важно, есть одушевленные ратоборцы и вожди изъ среды самого народа,—простого бѣднаго мѣщанства и крестьянства.

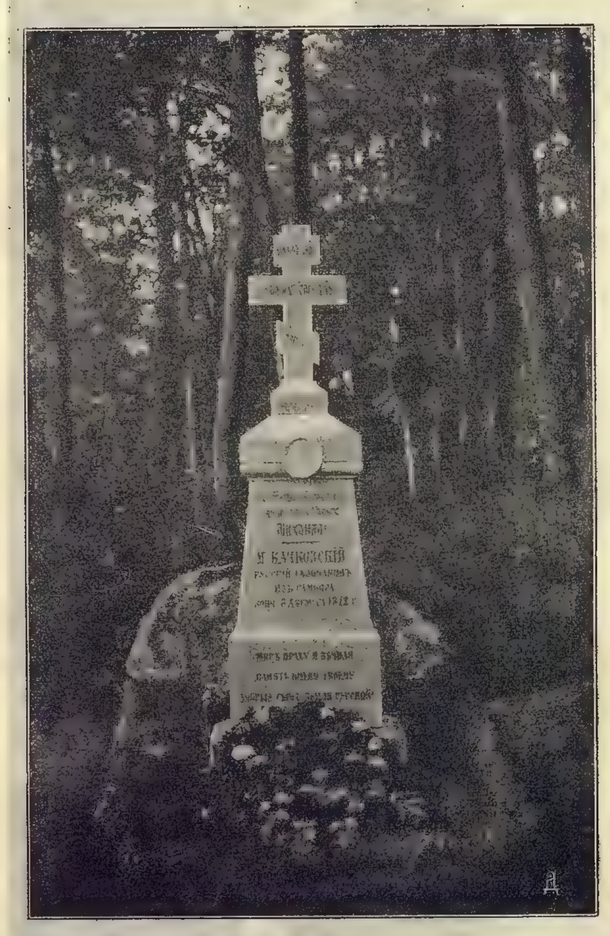
Пожелаемъ же имъ, нашимъ братьямъ — Прикарпатской Руси — внутренняго мира и бодрости, и скажемъ отъ сердца: помогай имъ Богъ!

---

*) Коломыя — повѣтовый, или уѣздный городъ Покутья — области, занимающей юго-восточную часть Галичины, рядомъ съ Буковиною; въ немъ около 18,000 жителей, въ томъ числѣ около 2,600 русскихъ.



Русь на юго-западныхъ рубежахъ. Собраніе общества имени Михаила Качковскаго въ Сянокѣ въ 1885 г.



Памятникъ **Михаилу Алексѣевичу Качковскому** на его могилѣ на Кронштадтскомъ католическомъ кладбищѣ, въ первоначальномъ его видѣ.

Замѣтка къ письму изъ Галичины.

Помѣщая вслѣдъ за симъ письмо одного изъ почтеннѣйшихъ галицко-русскихъ дѣятелей, мы должны оговориться, что не раздѣляемъ выраженнаго въ письмѣ мнѣнія — будто бы Австрія потому собственно враждуетъ съ нами и вооружается на насъ, что ею теперь управляютъ поляки.

Прикрываясь конституціонною мантіей, его апостолическое императорско-королевское величество—Габсбургъ, по прежнему, самовластно хозяйничаетъ въ Австро-Венгріи. Не онъ—игрушка въ рукахъ поляковъ, которые, яко бы, заставляютъ его служить своимъ ягеллоновскимъ и т. п. фантастическимъ задачамъ, а, наоборотъ, поляки (такъ же, какъ и мадьяры, трансильванскіе румыны, хорваты) — жалкое орудіе въ габсбургскихъ рукахъ. Ибо «ополяченіе» русскихъ въ Галиціи, въ смыслѣ уничтоженія русской народности и замѣны ея польскою, невозможно; возможнымъ же является лишь появленіе нѣсколькихъ отступниковъ, не русскихъ и не поляковъ, т.-е. людей наиболѣе любезныхъ австрійскому правительству. Какъ не намъ, русскимъ, принадлежалъ починъ злополучнаго раздѣла Польши, такъ не въ Россіи—главная помѣха возстановленію ея народной цѣлости. Въ будущей славянской федераціи весь польскій народъ (такъ же, какъ всякій славянскій народъ и вкрапленные въ славянское тѣло румыны и мадьяры) долженъ занять свое самостоятельное равночестное съ остальными членами этого союза мѣсто. Славянское союзное государство, свободное отъ габсбургскаго и всякаго иноплеменнаго господства, вотъ—общая, единственно вѣрная и единственно спасительная для всего славянства цѣль, съ которою должна быть согласована и частно-польская, народно-государственная задача! Трепеща пробужденія въ Россіи и въ подвластныхъ имъ народахъ сознанія этой общеславянской цѣли, Габсбурги всю свою внѣшнюю и внутреннюю политику направляютъ къ тому, чтобы извратить

въ славянахъ и совмѣстно съ ними живущихъ народахъ это сознаніе общности ихъ историческихъ судебъ и народныхъ задачъ и вызвать въ нихъ взаимно сталкивающіеся и несогласимыя стремленія. Съ этою цѣлью—не выпустить изъ своихъ рукъ порабощенныхъ или вѣрнѣе поработившихся имъ народовъ — Габсбурги не прочь объявить себя носителями ягеллоновской идеи и туманить поляковъ надеждами на отобраніе у Россіи Литвы и Украйны и на ополяченіе южнорусскаго народа. Съ тою же цѣлью—продлить и раздвинуть свое чужеядное господство—натравляютъ въ своемъ собственномъ государствѣ и внѣ его мадьяръ и румыновъ на славянъ, а въ средѣ послѣднихъ хорватовъ на сербовъ и сербовъ на болгаръ, поощряя одновременно и велико-сербскую, и велико-хорватскую, и велико-болгарскую и велико-мадьярскую идеи. Каждая изъ этихъ мнимо-великихъ идей, развивая въ соблазнившемся ею народѣ преступное вожделѣніе поглотить другую народность, убиваетъ въ немъ самомъ сознаніе его истинной частно-народной и обще-племенной задачи. Питаемыя же всѣми этими великими идеями братоненавидѣнье и усобицы отлично помогаютъ Габсбургамъ и латинству держать въ своихъ когтяхъ юго-славянскій востокъ и утучнять себя его соками.

Русскіе поселенцы и успѣхъ Православія въ С. Америкѣ.

Сообщеніе въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества 11 мая 1892 г.

Какъ ни широки предѣлы нашего великаго Русскаго Царства, но они не охватываютъ собою ни всей Русской Земли, ни всего Русскаго Народа, ни, наконецъ, всей Православной Русской помѣстной Церкви.

На дальнемъ отъ насъ Востокѣ, за Великимъ океаномъ, есть русская епархія, каѳедра которой находится въ г. Санъ-Франциско, въ Калифорніи.

За западнымъ нашимъ рубежомъ, по сю и по ту сторону Карпатъ лежитъ русская земля и живетъ русскій народъ: Львовъ, Перемышль, Галичъ, Ярославъ, Черновицы, Пряшевъ,— не надо быть большимъ языковѣдомъ, чтобы сразу по этимъ именамъ узнать, какой народъ воздвигъ эти города! Народъ этотъ живъ и цѣлъ и до сихъ поръ. Галичина, Буковина, Закарпатская или Угорская Русь вмѣщаютъ въ себѣ до $3^1/_2$ милл. людей, носящихъ русское имя, говорящихъ русскимъ языкомъ, употребляющихъ русское кирилловское письмо, хранящихъ русскій церковный обычай и славославящихъ Господа на общемъ съ нами Кирилло-Меѳодіевскомъ церковно-славянскомъ священномъ языкѣ!

Не весь, однако же, этотъ $3^1/_2$ милліонный русскій народъ остался въ церковномъ съ нами единствѣ. Только малая часть зарубежныхъ русскихъ—Буковинцы—остаются православными, что же касается остальныхъ, то

«Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ! (Хом.).

Однако же, и въ отношеніи несчастныхъ нашихъ зарубежныхъ братій не мимо идетъ слово Евангельское, что «за чужимъ пастыремъ овцы не идутъ, но бѣгутъ отъ него, ибо не знаютъ чужаго голоса». Разрывъ съ Православіемъ и унія съ Римомъ западнорусовъ—насильственны, внѣшни и,—мы не только надѣемся, но непоколебимо этому вѣримъ,—лишь временны! Справедливость этой вѣры свидѣтельствуется, между прочимъ, такими историческими событіями, какъ возвращеніе въ Православіе бѣлорусскихъ, и затѣмъ холмскихъ уніатовъ, какъ внезапная рѣшимость въ 1881 г. въ самой Галичинѣ цѣлаго селенія въ 1800 душъ вернуться къ вѣрѣ отцовъ, и, наконецъ,—тѣмъ событіемъ, которое совершилось въ прошломъ году на совершенно противоположной отъ насъ сторонѣ земнаго шара, въ самомъ сердцѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ г. Миннеаполисѣ. Объ этомъ радостномъ для русскихъ людей и для всей Православной Церкви событіи Совѣтъ Славянскаго Общества поручилъ мнѣ сдѣлать сообщеніе въ настоящемъ нашемъ торжественномъ собраніи.

Годъ тому назадъ немногочисленная православная паства Алеутско-Аляскинской русской епархіи, каѳедра которой находится въ Калифорніи въ г. Санъ-Франциско, увеличилась присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ сотъ уніатовъ, угроруссовъ и отчасти галичанъ, живущихъ въ штатѣ Минесотѣ въ Сѣверной Америкѣ. Вслѣдствіе напечатанной мною въ Благовѣстѣ (вып. 33, въ февралѣ этого года) краткой замѣтки объ этомъ событіи, одна добрая русская душа изъ Москвы прислала пожертвованіе въ 200 руб. на нужды вновь образовавшейся въ Америкѣ русской церковной общины. Посылая эти деньги священнику угроруссу Алексѣю Георгіевичу Товту, которому эта община и обязана своимъ возникновеніемъ и устройствомъ, я просилъ его сообщить мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи русскихъ поселенцевъ въ Америкѣ и начатаго имъ святаго дѣла, чреватаго, быть можетъ, великими—не съ одной только русской точки зрѣнія,—послѣдствіями. Вотъ вкратцѣ свѣдѣнія, полученныя мною надняхъ отъ отца Алексія Товта.

Русскіе изъ Австро-Угріи (Угріи и Галичины) стали переселяться въ Америку съ 1879 года. Причинами переселенія были нужда, непосильные налоги, недостатокъ земли, голодовки и невыносимыя притѣсненія въ Галиціи отъ поляковъ, а въ Угріи отъ мадьяръ. Первые переселенцы по большей части селились въ штатѣ Пенсильванія; потомъ, когда число ихъ возрасло, стали селиться въ штатахъ: Нью-Іоркъ, Огайо (Ohio), Нью-Жерзи, Иллинойсъ (Illinois), Миннесота, Вайомингъ (Wyoming), Колорадо (Colorado). Значительнѣйшее число русскихъ поселеній находится теперь въ штатахъ: Пенсильванія: 1. Вильксбери (Wilkes Barre); 2. Кингстонъ (Kingston); 3. Газлетонъ; 4. Фриландъ (Freeland); 5. Шенандоа (Shenandoah); 6. Магони-Сити (Mahonoy City); 7. Дукенъ (Duquesne); 8. Питсбургъ; 9. Аллегени (Alleghany); 10. Лейзенрингъ № 1; 11. Осцеола-Миллъсъ; 12. Олифантъ; 13. Скрантонъ (Scrantown); 14. Трентонъ, 15. Ландсфортъ; 16. Юнгстоунъ (Joungstown); Шамокинъ (Shamokin); въ штатѣ Нью-Жерзи: 17. Жерзи-Сити; 18. Пассейкъ (Passaic); 19. Юнкерсъ (Iounkers); въ штатѣ Нью-Іоркъ: 20. Нью-Іоркъ Сити и 21. Бруклинъ (Brooklyn); въ штатѣ Огаіо (Ohio): 22. Кливелендъ (Clevelend); 23. Марблегатъ (Marblehead); 24. Келли-Ейланъ (Kelly-Iesland)—это островъ на озерѣ Ири (Erie); въ штатѣ Иллинойсъ (Illinois): 25. Чикаго; 26. Штритеръ (Streator); 27. Кенгли (Keangly); 28. Вайтингъ (Whiting); 29. Жаліетъ (Joliet). Въ штатѣ Миннесота: 30. Сенъ-Поль (S.-Paul); 31. Миннеаполисъ; въ штатѣ Колорадо: 32. Пуебло (Pueblo); 33. Данверъ; въ штатѣ Айове (Iova): Осколуза (Oscaelvosa) и Ексцельсіоръ (Excelcior); въ штатахъ Вайомингъ (Wyoming), далѣе въ Канзасѣ (Kansas) и въ Калифорніи живетъ также не мало русскихъ. Вообще можно сказать, что нѣтъ города или значительнаго мѣстечка въ С.-Америкѣ, гдѣ бы теперь не нашлось русскаго или какого нибудь другаго славянина.

Можно сказать безъ преувеличенія, что русскихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 120.000 и до 150.000 душъ; если же присоединить къ нимъ словаковъ, словинцевъ и хорватовъ, сербовъ и болгаръ, то число славянъ въ С. Америкѣ составитъ до $^1/_2$ милліона, не считая поляковъ, которыхъ въ Америкѣ болѣе, нежели другихъ славянъ, но которые и тамъ держатся особнякомъ.

Русскіе переселенцы, занимающіеся на родинѣ исключительно земледѣліемъ, въ Америкѣ, за немногими исключеніями работаютъ въ каменноугольныхъ копяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ или на лѣсопильныхъ и друг. заводахъ. Торговля и промыслы доступны только немногимъ единицамъ, большинство которыхъ кабатчики. Какъ вообще всѣ малороссы, это народъ тихаго и добраго нрава, болѣе склонный къ добру, нежели ко злу; онъ любитъ церковь, свое богослуженіе, свои церковные обряды и т. п. Однако, въ Америкѣ онъ обнаруживаетъ нѣкоторую особенность: прибывъ въ свободную Америку изъ страны, гдѣ вся окружающая его среда оказываетъ на него враждебное давленіе: правительство непомѣрными налогами и повинностями, суды всякими проволоками и кривдами, школа, которую онъ самъ долженъ выстроить и содержать вмѣстѣ съ учителемъ, безумнымъ мадъяреніемъ и поляченьемъ, по природѣ добрый русскій народъ, зачастую сбивается съ правильнаго пути на свободной американской почвѣ, онимая эту свободу такъ, что теперь ему все свободно. Не находясь болѣе въ непосредственной зависимости отъ бдительныхъ родителей, женъ, родственниковъ, общественнаго мнѣнія и точнаго исполненія церковныхъ обрядовъ, постовъ и общенародныхъ молитвословій, — онъ при своей христіанской неразвитости подчиняется всякимъ вреднымъ вліяніямъ разнузданной заводско-промышленной жизни американцевъ. Легкомысліе,

расточительность, буйность, пьянство, внѣбрачная жизнь, своеволіе и т. п. пороки подтачиваютъ нравственныя и тѣлесныя силы воспріимчивой природы русскаго переселенца. Лучшіе люди изъ этихъ переселенцевъ, видя гибельныя послѣдствія такого образа жизни, начали обдумывать, какимъ способомъ можно было бы спасти заблуждающихся, и пришли къ тому убѣжденію, что оградить ихъ всѣхъ отъ народной гибели можетъ отеческая русская Церковь. Эти соображенія и желаніе удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ сближали и соединяли русскихъ людей, разсѣянныхъ по мѣстечкамъ, городамъ и штатамъ, въ свои общины. Этимъ общинамъ потребовались священники. Одна изъ русскихъ общинъ еще въ 1881 г. обратилась къ угрорусскому епископу въ Пряшевѣ съ просьбой прислать въ Америку русскаго священника; но это прошеніе осталось безъ отвѣта. Таже угрорусская община ходатайствовала о томъ же у Мукачевскаго епископа, нынѣ покойнаго Пастели, и опять безъ успѣха. Разочаровавшись такимъ образомъ въ своихъ епископахъ, угрорусы соединились съ галицко-русскими переселенцами и подали купно прошеніе Львовскому митрополиту Сембратовичу о присылкѣ имъ русскаго священника. Митрополитъ-уніатъ снесся по этому дѣлу съ «Congregatio de propaganda fide» въ Римѣ, откуда и послѣдовало разрѣшеніе дать русскимъ переселенцамъ въ Америкѣ уніатскаго священника. Такимъ образомъ русская община въ Шенандоа (Shenandoah), въ Пенсильваніи, получила уніатскаго священника — отца Іоанна Волянскаго. За неимѣніемъ церкви, онъ сначала долженъ былъ служить въ частномъ домѣ, но вскорѣ приступилъ къ постройкѣ церкви и приходскаго дома. Но польскіе ксендзы, узнавъ о прибытіи въ Америку русскаго священника, подняли бурю противъ него и стали пользоваться всевозможными средствами, чтобы разорвать тѣ узы, которыя такъ крѣпко соединяютъ русскаго человѣка съ его церковью и истинными духовными руководителями. Съ цѣлью огражденія русскаго народа отъ озлобленныхъ поползновеній и вражескихъ навѣтовъ польскихъ ксензовъ, отецъ Волянскій началъ издавать русскую газетку «Америка», на галицкомъ простонародномъ нарѣчіи. Отецъ Волянскій своею открытою борьбою съ польско-латинскимъ духовенствомъ, сознательною защитою естественныхъ правъ русскаго народа много содѣйствовалъ подъему русскаго духа въ Америкѣ. Не успѣвъ еще кончить начатыя постройки въ Шенандоа, онъ заложилъ другой храмъ въ Кингстонѣ (Kingston), потомъ въ Хазлетонѣ, Фриландѣ и Вилькесбарѣ. Въ помощники себѣ онъ вызвалъ изъ Галиціи отца Ляховича, который назначенъ былъ приходскимъ священникомъ въ Кингстонъ. За свою ревность къ русскому церковному обряду и свои русскія чувства отецъ Ляховичъ, по всей вѣроятности, сдѣлался жертвою іезуитскаго изувѣрства, потому что его нашли мертвымъ въ гостинницѣ «Косцюшко» въ Вилькесбарахъ, куда онъ прибылъ наканунѣ здоровымъ. Чтобы болѣе успѣть въ своей подпольной работѣ противъ руководителей русскаго народа, ксендзы такъ настроили филадельфійскаго католическаго епископа, что онъ разослалъ окружное посланіе католическому духовенству съ наказомъ, читать его народу въ каждомъ костелѣ съ каѳедры. Въ этомъ посланіи бискупъ, между прочимъ призываетъ всѣхъ католиковъ, чтобы они молились Богу, дабы Онъ разрушилъ всѣ воздвигнутыя и созидаемыя «капища русиновъ и москалей-схизматиковъ» и разсыпаетъ свои проклятія надъ русскими священниками, которые-де не имѣютъ права священнодѣйствовать, совершать мνропомазаніе и причащать подъ обоими видами, вслѣдствіе того, что они женатые.

Но о. Волянскій не испугался всѣхъ этихъ безумныхъ выходокъ и

нападокъ: онъ не только свой приходъ привелъ въ цвѣтущее состоянiе, но положилъ начало цѣлой сѣти хорошо устроенныхъ русскихъ церковныхъ общинъ-приходовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этой своей неусыпной заботливости о благоустройствѣ русскихъ общинъ и церквей онъ впрочемъ сдѣлалъ одну важную ошибку. Дѣло въ томъ, что, по постановленiю мѣстнаго епископскаго собора въ Балтиморѣ, всѣ церкви, приходскiе дома

О. Алексѣй Георгiевичъ Товтъ, священникъ угроруссъ, церковный и общественный дѣятель въ С. Америкѣ.

и земли, школы и монастыри съ ихъ имуществами должны быть записываемы на имя мѣстнаго епископа. О. Волянскiй, не желая закрѣпостить русскiй народъ враждебному ему латинскому духовенству, записывалъ церковныя зданiя и приходскiе дома не на имя церковныхъ общинъ, а на свое имя. Быть можетъ это былъ единственный выходъ изъ печальнаго положенiя духовно-народныхъ дѣлъ, и пока онъ жилъ въ Америкѣ, все было хорошо. Въ это время, послѣ смерти о. Ляховича въ Кингстонъ прiѣхалъ угроруссъ о. Н. Зубрицкiй, безъ соизволенiя пряшевскаго епископа

и потому, спустя нѣкоторое время, долженъ былъ воротиться назадъ. На его мѣсто былъ назначенъ тѣмъ же епископомъ о. Іоаннъ Запотоцкій, хорошій въ душѣ угрорусскій дѣятель; онъ успѣшно подвизался въ Америкѣ съ 1889 по 1891 г., когда по болѣзни вынужденъ былъ возвратиться на родину. Вслѣдъ за нимъ прибыли: о. Александръ Дзюбай въ Вилькесбаръ, и о. Ник. Стецовичъ въ Газлетонъ — оба изъ Мукачевской епархіи, и, наконецъ, въ 1889 г. о. Алексѣй Товтъ въ Миннеаполисъ изъ Пряшевской епархіи.

Между тѣмъ о. Волянскій въ 1889 году оставилъ свой приходъ въ Шенандоа, передавъ его галичанину, священнику Константину Андруховичу, а самъ отправился въ Галицію. Андруховичъ, — человѣкъ слабой нравственности, украйнофилъ и іезуитъ, задумалъ сдѣлаться духовнымъ диктаторомъ. Онъ въ качествѣ преемника о. Волянскаго заявлялъ свои права на все имущество церквей и приходовъ и смотрѣлъ на другихъ русскихъ, уніатскихъ священниковъ, не какъ на самостоятельныхъ пастырей, а какъ на своихъ капеллановъ. Кромѣ того въ газетѣ «Америка» онъ сталъ нападать разными клеветами на недовольныхъ имъ угрорусскихъ священниковъ, называя ихъ еретиками, московскими шпіонами и т. п., возмущалъ противъ нихъ народъ, даже въ одинъ большой праздникъ закрылъ русскую церковь въ Газлетонѣ. Вслѣдствіе этого священникъ этой церкви о. Стецовичъ, не желая бороться съ галицкимъ іезуитомъ, оставилъ Америку, уступивъ свое мѣсто о. Евгенію Волкаи (нынѣ кормчій «Американскаго Русскаго Вѣстника», единственнаго русскаго изданія, выходящаго на письменномъ русскомъ хотя и не всегда правильномъ языкѣ). Кромѣ поименованныхъ, въ Сѣв. Америку прибыли еще слѣдующіе священники изъ Угорской Руси: о. Гавріилъ Вислоцкій въ Олифантъ, о. Стеф. Яцковичъ въ Дукенъ, а изъ Галиціи — о. Ѳеофилъ Обушкевичъ въ Шамокинъ и о. Григорій Грушка въ Жерзи-Сити. Между тѣмъ, безпорядки и пререканія между русскимъ духовенствомъ, вызываемые происками Андруховича, игравшаго въ руку оо. іезуитамъ, — не прекращались. Приверженцы іезуитовъ ночью ограбили даже русскую церковь въ Газлетонѣ, а приходскій домъ былъ Андруховичемъ просто проданъ съ публичнаго торга.

Видя столь печальное положеніе церковно-народныхъ дѣлъ, о. Алексѣй Товтъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ русскимъ священникамъ въ С. Америкѣ, въ которомъ, указывая на гибельныя послѣдствія этой междоусобной борьбы русскихъ, какъ въ Америкѣ, такъ и на родинѣ, приглашалъ ихъ въ средоточный городъ русскихъ поселеній, Вилькесбаръ, для братскаго совѣщанія о средствахъ и способахъ, которыми можно бы спасти и оградить отъ хищныхъ волковъ свою народную святыню—отеческую русскую церковь, а съ нею и народъ.

На это предложеніе о. Товта всѣ русскіе священники дали свое согласіе и въ условленный день — въ октябрѣ 1890 г. съѣхались въ Вилькесбаръ, въ городъ ближайшій для всѣхъ, кромѣ о. Товта, которому пришлось проѣхать 1.800 англ. миль. Только Андруховичъ и его сторонникъ Гуловичъ, не смотря на личныя просьбы всѣхъ собравшихся священниковъ, особенно о. Товта, съ этою цѣлью навѣстившаго ихъ въ гостинницѣ, не приняли участія въ общихъ совѣщаніяхъ русскаго духовенства, и сослались даже на незаконность подобнаго собранія, какъ состоявшагося безъ разрѣшенія католическаго епископа, которому они, какъ уніаты, должны-де безпрекословно повиноваться во всемъ! Не обращая вниманія на этихъ русскихъ отщепенцевъ, собравшіеся отцы избрали единодушно въ предсѣдатели о. Товта, открыли свои совѣщанія и пришли къ слѣдующимъ постановленіямъ: 1) просить львовскаго митрополита, пряшевскаго и мука-

чевскаго епископовъ назначить имъ и всѣмъ русскимъ въ Америкѣ особаго русскаго епископа-викарія, 2) объединить всѣ русскія общины и братства въ одно братство, жить между собою въ мирѣ и любви и помогать другъ другу во всякихъ духовныхъ и житейскихъ нуждахъ, и 3) имѣть свое русское еженедѣльное изданіе для того, чтобы вліять на народъ въ русскомъ церковномъ духѣ. Объ этомъ составлены были три постановленія и посланы епископамъ во Львовъ, Пряшевъ и Ужгородъ (Унгваръ). Уже въ началѣ 1891 г. можно было угадать, чѣмъ кончится это ходатайство русскихъ священниковъ, не только по частнымъ письмамъ съ родины, но и по нападкамъ папистскихъ газетъ въ Америкѣ, — нѣмецкихъ, англійскихъ, и особенно польскихъ, — которыя всѣ злобно обрушились на о. Алексія Товта, какъ главнаго врага уніи съ Римомъ, бунтовщика и «московскаго шпіона», словомъ стали изображать его самымъ опаснымъ человѣкомъ для уніи и католичества. А чтобы лучше подѣйствовать на русскій народъ и разъединить его съ его руководителями, общіе враги воспользовались безхарактерною личностью свящ. Андруховича, который въ своей іезуитско-украинофильской газеткѣ «Руське Слово» также началъ чернить всѣхъ русскихъ дѣятелей, въ особенности о. Алексія, распространяя ту ложь, что онъ вовсе даже не былъ священникомъ на родинѣ, но дѣйствуетъ въ Америкѣ, какъ самозванецъ и «московскій шпіонъ».

— «Трудно было мое положеніе, пишетъ о. А. Товтъ.—Сен-польскій (S.-Paul) арцибискупъ Еиерлендъ (Ireland), живущій вблизи Миннеаполиса, грозилъ мнѣ закрыть церковь, меня самаго выслать въ Европу, а мой приходъ передать словацкому ксендзу. Я опять посредствомъ печати воззвалъ къ русскому народу, прося всѣхъ и каждаго соединиться въ одно духовно-народное тѣло и образовать тѣсный союзъ всѣхъ существующихъ русскихъ братствъ. Поляки, узнавъ объ этомъ, снова подняли вопль, что я въ Америкѣ хочу заложить вторую «Москву».

«Пришедъ такимъ образомъ въ непримиримое столкновеніе и вражду съ польско-латинскимъ духовенствомъ изъ-за моихъ чистыхъ побужденій и стремленій удовлетворить духовнымъ потребностямъ обездоленнаго русскаго народа, изъ среды котораго вышелъ мой родъ, я здѣсь окончательно прозрѣлъ духовно, убѣдившись во вредѣ для русскаго народа уніи съ Римомъ. Но какъ же мнѣ купно съ прихожанами разорвать эти іезуитскіе оковы Рима? Сознаюсь откровенно, я терзался душою, не зная выхода изъ этой духовной темницы. По разсказамъ я зналъ, что есть въ Америкѣ, въ Ситхѣ (Аляскѣ) православный епископъ въ разстояніи 4-хъ недѣль ѣзды отъ Миннеаполиса, но слухи ходили, что будто бы эта каѳедра не занята.

«Случайно зашелъ ко мнѣ одинъ русскій уніатъ, пріѣхавшій изъ Калифорніи, и передалъ мнѣ, что православный епископъ живетъ въ Санъ-Франциско. Руководствуясь этимъ указаніемъ, я обратился съ вопросомъ къ русскому консулу въ С.-Франциско и, спустя двѣ недѣли, получилъ отвѣтъ отъ г. Парфенова, чиновника при консульствѣ, что русскій православный епископъ Владиміръ находится въ Санъ-Франциско и живетъ тамъ-то. Итакъ путь былъ указанъ. Но какъ теперь воодушевить и вразумить своихъ прихожанъ для сознательнаго перехода въ лоно Православной Церкви, когда они изъ разныхъ концовъ Угорской и Галицкой Руси и съ уніатскими привычками? Къ тому еще до моего пріѣзда всѣ они посѣщали польскій костелъ, тамъ крестили своихъ дѣтей, вѣнчались, и не разъ слышали съ каѳедры, что «греко-католикъ (уніатъ) и римскій католикъ «то вшыстко едно» (все равно), съ прибавленіемъ, что быть римско-католикомъ это еще спасительнѣе и лучше»! Вдобавокъ моему воображенію представлялись мрачныя картины упорнаго противодѣйствія холмскихъ

уніатовъ русскому Православію. Однако, я рѣшился на совершеніе святаго дѣла въ томъ убѣжденіи, что правда должна побѣдить. По воскресеньямъ въ церкви началъ объяснять моимъ прихожанамъ: что такое унія, какъ она началась, какой вредъ нанесла она русскому народу, и какъ страдали наши праотцы за Православіе въ Польшѣ, Галиціи и въ Угріи, какъ русскіе въ Бѣлой Руси опять соединились съ Православною церковью, кто такой папа, что такое Католическая и Православная церковь. . Народъ съ изумленіемъ слушалъ эти мои поученія, потому что на родинѣ еще никогда не приходилось ему въ церкви узнать отъ своихъ священниковъ судьбу своихъ предковъ и церкви, ибо если бы посмѣлъ кто-нибудь заговорить о подобныхъ вещахъ, тотъ навѣрное сейчасъ же очутился бы за желѣзною рѣшеткой. Вѣдь въ Австро-Угріи быть православнымъ, а тѣмъ болѣе принять Православіе, значитъ быть «москалемъ» и измѣнникомъ государству. Послѣ этого я нарочно выслалъ одного сборщика пожертвованій на храмъ, Ивана Млинаря (родомъ изъ Стебника въ окрестности г. Бардіова, на Угорской Руси) въ Санъ-Франциско, поручивъ ему собрать свѣдѣнія о русскомъ епископѣ. Когда онъ воротился назадъ, то онъ не находилъ словъ для передачи намъ тѣхъ впечатлѣній восторга, которыя онъ вынесъ изъ русскаго храма во время торжественнаго и величаваго архіерейскаго богослуженія. Мои прихожане, восхищенные этими разсказами, пришли ко мнѣ съ просьбой призвать православнаго епископа и подчиниться ему! Видя эту искреннюю готовность моихъ уніатовъ и горячо желая осуществить свою завѣтную мысль, я съ довѣреннымъ отъ общины лицомъ отправился самъ въ Санъ-Франциско (6 дней ѣзды по ж. д.), и просилъ преосвященнаго Владиміра прибыть въ нашу общину и пріобщить ее и всѣхъ, чающихъ соединенія, къ Православной Русской Церкви. Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ настоящее архіерейское богослуженіе и, сознаюсь откровенно, я былъ тронутъ до слезъ когда воочію увидѣлъ, что отняла у насъ унія съ Римомъ! Я невольно мысленно перенесся въ Москву, Кіевъ... гдѣ еще великолѣпнѣе совершается богослуженіе.

«Итакъ по нашему зову преосвященный Владиміръ 24 марта 1891 г. пріѣхалъ въ Миннеаполисъ, и всѣ мои прихожане предъ нимъ исповѣдали Никео-Цареградскій Сѵмволъ вѣры, отреклись отъ римскаго папы и всѣхъ заблужденій католической церкви и подчинились Св. Правительств. Всероссійскому Сѵноду. Тогда въ первый разъ раздалось въ нашей убогой церкви имя Благочестивѣйшаго Великаго Государя Александра III, какъ единственнаго защитника Православія, а также вознесены были имена четырехъ Патріарховъ и Св. Прав. Сѵнода!

Словомъ, я вмѣстѣ съ прихожанами, числомъ 365 душъ, торжественно возвратился къ истинной Православной Церкви нашихъ предковъ

Но съ этого времени настали для меня дни еще болѣе тяжелыхъ испытаній. Только-что оставилъ насъ Преосвященный, на насъ обрушились всѣ враждебныя стихіи католической церкви. Въ польскомъ костелѣ, находящемся противъ нашей церкви черезъ улицу, равно какъ въ нѣмецкомъ и ирландскомъ, съ каѳедры посыпались на насъ озлобленныя проклятія, особенно на меня,—что я продалъ за деньги души вѣрныхъ католиковъ «москалямъ язычникамъ» и т. п. Арцибискупъ Ейерландъ нарочно пріѣхалъ сюда, позвалъ къ себѣ моихъ людей и самъ уговаривалъ ихъ не слушаться моихъ «дьявольскихъ» навѣтовъ, но свято соблюдать повелѣнія папы, и ученіе «единственной спасительной, католической церкви»! Мнѣ же погрозилъ, закрыть церковь, если я не вразумлюсь! На это я письменно отвѣтилъ ему, что, если онъ не дорожитъ своей свободой и спокойствіемъ, то за подобный самовольный поступокъ въ Америкѣ есть спасительныя тюрьмы.

Послѣ этого онъ утихъ, но начались тайныя подстрекательства и интриги противъ меня. Особенно польское духовенство пользовалось всѣми средствами, чтобы унизить меня предъ народомъ и тѣмъ повредить и задушить начатое дѣло. Андруховичъ въ газетѣ «Руське Слово» старался даже перещеголять нашихъ враговъ своими пошлыми клеветами, взводимыми на меня.

Но откуда: изъ убѣжденія ли или по другимъ какимъ-либо разсчетамъ, спрашивается, поднялась вся эта буря и озлобленіе враговъ Православія? Нѣтъ, не по догматическому убѣжденію, отвѣчаю я, а просто изъ-за разсчета—изъ нежеланія потерять свои доходы отъ русскихъ уніатовъ, не различавшихъ прежде, а даже иногда и предпочитавшихъ костелъ своей церкви; къ этому въ польскомъ духовенствѣ присоединялось сознаніе, что русскіе, сдѣлавшись православными, будутъ скрѣплены неразрывными узами съ Православною Русью и всѣмъ Православно-греко-славянскимъ восточнымъ міромъ; слѣдовательно поляки при «отбудованіи своей ойчизны» не будутъ имѣть въ нихъ своихъ союзниковъ. Вотъ гдѣ корень всего зла и борьбы. Высшая же католическая іерархія въ Америкѣ состоитъ почти исключительно изъ ирландцевъ (на 7 милліоновъ католиковъ есть 91 бискупъ, изъ которыхъ только 3 француза, 4 нѣмца и 2 испанца, остальные—ирландцы),—людей по большей части грубыхъ и невѣжественныхъ, но при томъ ярыхъ фанатиковъ-папистовъ.

Когда я прибылъ въ Миннеаполисъ въ 1889 г., 27 ноября, по повелѣнію пряшевскаго епископа, я долженъ былъ заявиться у здѣшняго арцибискупа Еиерланда, живущаго въ г. С.-Паулѣ, который по распоряженію «Congregatio de propaganda fidei» въ Римѣ назначался моимъ начальникомъ. Когда я вручилъ ему свою священническую грамоту, писанную по латыни, онъ сейчасъ спросилъ меня: женатъ-ли я, или нѣтъ? Я—вдовецъ сказалъ я ему. Тутъ глаза его засверкали, щеки зарумянились и онъ съ гнѣвомъ сказалъ мнѣ: я уже писалъ въ Римъ, чтобы мнѣ не присылали сюда такихъ людей, я ни тебя, ни твоего епископа, не признаю католиками... пошелъ прочь!—Это соблазнъ... убирайся, я никогда не позволю тебѣ дѣйствовать здѣсь.

Удостоившись такого неожиданнаго пріема у новаго архипастыря, я, конечно, сейчасъ понялъ и предвидѣлъ, что это было послѣднее посѣніе мною своего епископа. Въ слѣдующее воскресенье польскій ксендзъ въ костелѣ прочиталъ народу, гдѣ много было и русскихъ, архипастырское посланіе, извѣщавшее народъ о прибытіи въ его среду самозванца, который-де не былъ никогда священникомъ на родинѣ, и какъ не католикъ къ тому, не имѣетъ права священнодѣйствовать, и поэтому оповѣщается каждый вѣрный католикъ, чтобы остерегался его. Таково дѣйствительное положеніе уніатскаго духовенства, хотя папскими буллами за уніатскою церковью и русскимъ церковнымъ обрядомъ признано равноправіе съ католическими.

Польскимъ іезуитамъ не трудно было возбудить въ этомъ папистскомъ лагерѣ вражду, ненависть и озлобленіе противъ Православія въ Америкѣ. Начиная съ Миннеаполиса и кончая Римомъ, всѣ составныя части механизма, именуемаго католическою церковью, пришли въ движеніе, чтобы убить въ самомъ зародышѣ великое дѣло. Не обращая вниманія на все это, я шелъ своимъ путемъ, устроилъ другую православную общину въ Чикаго, сблизилъ между собою православныхъ арабовъ, грековъ и славянъ, не знавшихъ до сихъ поръ другъ о другѣ, возсоединилъ нѣсколько русскихъ уніатовъ галичанъ съ Православною церковью, затѣмъ то же сдѣлалъ въ Клевелендѣ. Потомъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ уніатскихъ священниковъ,

большинство которыхъ высказывало единодушное желаніе вмѣстѣ со своими прихожанами принять Православіе. Но вдругъ въ это время приходитъ вѣсть, что въ Санъ-Франциско происходятъ смуты изъ-за нашего дѣла. Враги Православія стали строить ковы противъ Преосвященнаго Владиміра, русская нигилистская газета въ Нью-Іоркѣ «Прогрессъ» въ своихъ статьяхъ: «Дѣянія св. апостоловъ» начала чернить русскаго епископа, взводя на него и на наше дѣло всяческія клеветы. Полякъ, Русинъ и жидъ Левинъ изощряли всю свою наглость въ этомъ дѣлѣ и выпуски «Прогресса» съ клеветническими статьями разсылались безплатно во множествѣ въ русскіе приходы. Въ довершеніе бѣды Св. Синодъ отозвалъ въ Россію Преосв. Владиміра. Съ другой стороны, пряшевскій епископъ, Вальи, прислалъ моимъ прихожанамъ увѣщательное письмо, въ которомъ приглашаетъ ихъ прогнать меня, какъ вора, самозванца, и, пока онъ не пришлетъ имъ новаго священника, указываетъ имъ посѣщать польскій костелъ. Вскорѣ появился хитрый іезуитъ, который переодѣтый ходилъ по домамъ и кабакамъ, гдѣ увѣщаніемъ, гдѣ водкой бунтовалъ недоумѣвающій народъ противъ меня, показывалъ и читалъ имъ газеты, въ которыхъ нагло писалось, что я за 30.000 руб. продалъ ихъ души, и грозилъ имъ вѣчными муками на томъ свѣтѣ! Между тѣмъ, откровенно скажу, что я не имѣлъ насущнаго хлѣба! Однако, уповая на Бога, я стоялъ непоколебимо въ своихъ убѣжденіяхъ и среди этихъ общихъ невзгодъ еще увеличилъ число своихъ православныхъ прихожанъ до 500.

Большимъ для насъ несчастіемъ было то, что на мѣсто преосвященнаго Владиміра не былъ сейчасъ же назначенъ его преемникъ. Этотъ промежутокъ времени прошелъ не безъ огромнаго вреда для нашего православно-народнаго дѣла. Всѣ уніатскіе священники, заявившіе было уже свое желаніе принять Православіе, подъ вліяніемъ описанныхъ событій, какъ люди съ семьями, не рѣшались теперь осуществить свои желанія, опасаясь остаться безъ высшей церковной власти, а вмѣстѣ и безъ приходовъ и средствъ къ жизни.

Не будь такъ долго незанятой епископская каѳедра въ Санъ-Франциско, число православныхъ изъ русскихъ уніатовъ сегодня превышало бы 50.000 душъ! Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что Св. Сунодъ, по причинѣ возникшихъ недоразумѣній и смутъ, отозвалъ преосвященнаго Владиміра, всѣ наши враги, предводительствуемые поляками, и нигилистическая газета «Прогрессъ» въ одинъ голосъ заговорили такимъ языкомъ, что мои товарищи и сподвижники въ большомъ смущеніи ожидали печальныхъ послѣдствій и для меня самого, въ случаѣ разстройства затѣяннаго дѣла, послѣ чего мнѣ уже нельзя будетъ воротиться на родину, какъ отступнику отъ «непогрѣшимаго» папы и, слѣдовательно, измѣннику Австро-Угорскому государству.

Оставленный такимъ образомъ самому себѣ, я, уповая на Бога, сосредоточивалъ свои заботы надъ приведеніемъ въ болѣе надежное положеніе своего прихода и церкви. Когда я прибылъ въ Миннеаполисъ, церковь была уже выстроена самимъ народомъ и снаружи выглядѣла не плохо, но внутри вмѣсто иконостаса на стѣнахъ я нашелъ польскіе образа: «Сердце Іисусово», «Сердце Маріино», «Св. Антонія» съ бритой головой, на престолѣ простенькіе подсвѣчники, но ни священныхъ одеждъ, ни литургикона, ни книгъ. Къ тому еще на этой церкви лежало долгу 2.800 долларовъ. О приходскомъ домѣ нѣтъ и помину. Прежде всего мнѣ надо было пріобрѣсти священническое облаченіе, книги, чашу, колокола, подсвѣчники, хоругви, плащаницу и пр. и пр., при томъ же надо было и жить и еще квартиру нанимать и церковный долгъ платить. Въ такомъ

плачевномъ положеніи, что могъ я дѣлать? Пришлось собирать лично милостыню, какъ среди русскихъ переселенцевъ, такъ и у иновѣрцевъ. Съ помощью Божіей мнѣ и еще другому сборщику удалось собрать 4.000 долларовъ въ продолженіи двухъ лѣтъ. Мои прихожане въ это время пожертвовали на свои нужды болѣе 3.000 долларовъ. Словомъ, я израсходовалъ уже болѣе 7.000 долларовъ для устройства нашей общины. Однако, на общинѣ лежитъ еще долгъ въ 1,920 долларовъ, а кладбища и училища и до сихъ поръ еще нѣтъ.

Всѣхъ русскихъ, пока уніатскихъ, церквей въ Соединенныхъ Штатахъ—15, а новыхъ строится шесть, куда еще прибудутъ съ родины новые священники. Какъ при этихъ церквахъ, такъ и тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, русскіе переселенцы учреждаютъ для себя братства въ русско-православномъ духѣ съ цѣлью поддерживать вѣру и церковь, и оказывать помощь своимъ членамъ во время безработицы и на случай какого-нибудь несчастія. Всѣ эти русскія братства, по моему предложенію, соединились въ одинъ общій союзъ въ нынѣшнемъ году.

Молодые переселенцы, за рѣдкими исключеніями, пріѣзжаютъ сюда грамотными, пожилые же въ свободное время съ помощью грамотныхъ, товарищей упражняются въ чтеніи и письмѣ. Поэтому дѣйствовать среди народа, грамотнаго и воспріимчиваго ко всему доброму при доброй волѣ, обходительности, благоразуміи и выдержанности священника, подъ начальствомъ и руководствомъ Православнаго Русскаго Владыки, какъ единственнаго представителя и защитника Русской Православной Церкви—дѣло не трудное. И благодареніе Всемогущему: насъ увѣдомили изъ вѣрнаго источника, что вскорѣ къ намъ прибудетъ вновь назначенный въ Америку епископъ, Николай! Мы всѣ русскіе переселенцы ожидаемъ его какъ древніе евреи Спасителя. Да благословитъ Господь Богъ «вхожденіе его!» Благословенъ грядый во имя Господне!

Богъ приведетъ его какъ нельзя болѣе кстати. Среди русскихъ уніатовъ не кончились еще, опять возобновились съ новою силою смуты. Священникъ Андруховичъ продалъ русскую церковь въ Шенандоа и съ деньгами ночью уѣхалъ. Ирійскій (Erie) бискупъ прогналъ русскаго священника отца Корнилія Лаврышина изъ Осцеола-Миллсъ, то же сдѣлалъ и Нью-Іоркскій бискупъ съ русскимъ священникомъ Пассейскимъ, отцемъ Никифоромъ Ханатомъ, для вящей славы уніи! Іезуитъ-монахъ Гуловичъ бунтуетъ русскій людъ противъ полезной дѣятельности моего товарища отца Евгенія Волкаи, кормчаго нашей единственной русской газеты: «Американскій Русскій Вѣстникъ», которая должна будетъ пріостановиться, если народъ матеріально не поддержитъ ея. Вотъ плоды нашей долгой уніи съ Римомъ! Мы же, православные, съ радостью ожидаемъ нашего владыку Преосвященнаго епископа Николая въ Миннеаполисъ на недѣлю Мироносицъ, Богъ да приведетъ его къ намъ! Настанетъ и для насъ день радости послѣ стольких бурь и смутъ! Съ нами Богъ!»

Уже послѣ 11 мая получено новое письмо отъ отца Алексія Товта его землякомъ, живущимъ въ Петроградѣ, въ которомъ сообщается между прочимъ слѣдующее: «...Наконецъ-то мы дождались Владыки и торжественно встрѣтили Его Преосвященство. Братство въ полномъ составѣ, въ формѣ, съ музыкой ожидало его въ концѣ нашей 5-й улицы, гдѣ собралось много разнаго народа, узнавшаго объ этомъ событіи и желавшаго увидѣть «russian Bishop» (русскаго епископа). Какъ только показалась карета съ Пре-

освященнымъ и въ сопровожденіи отца Николая Гринкевича, музыка грянула, колокола загудѣли, хоругви и знамена заколыхались и весь народъ направился къ церкви, гдѣ я ожидалъ его съ крестомъ. Церковь въ минуту была переполнена народомъ. Отслужена была обѣдня съ проповѣдью, по окончаніи, водоосвященіемъ и благословеніемъ Братской хоругви. Послѣ этого какъ мои прихожане, такъ и прочіе христіане, подходили къ Преосвященному, который при цѣлованіи Св. Креста христосовался со всѣми мужчинами. При выходѣ изъ церкви Братство живою изгородью открыло дорогу Преосвященному въ приходскій домъ, куда онъ направился въ мантіи и митрѣ, благословляя по обѣ стороны собравшійся народъ. Погода была самая благопріятная. Все это и рѣдкая снисходительность, вниманіе и любезность Владыки привели какъ всѣхъ насъ, такъ и иновѣрцевъ въ неподдѣльный восторгъ и одушевленіе. Этимъ положенъ конецъ всѣмъ польско-іезуитскимъ козням. Преосвященный любезно говорилъ со многими прихожанами, освѣдомляясь объ ихъ бытѣ, между прочимъ, спросилъ церковнаго старосту, Василія Сада, не намѣренъ ли онъ теперь воротиться на родину. «Зачѣмъ, отвѣчалъ онъ, когда нас тамъ преслѣдуютъ и гнетутъ! Если ужъ оставить Америку, то поѣдемъ въ Россію!»

«Каждый христіанинъ, подходившій къ нему, получалъ крестикъ или образокъ и русскій молитвенникъ.

«Его Преосвященство потомъ посѣтилъ нѣсколько домовъ моихъ прихожанъ и вездѣ нашелъ чистоту и порядокъ, что ему очень понравилось. Про нашу церковь онъ сказалъ, что она «чиста, какъ если бы монашки жили при ней»... Мнѣ очень понравился его Преосвященство... Пробывъ у насъ 15—26 апрѣля (7—8 мая) онъ отправился въ Гринъ-Бай и Чикаго. Въ послѣднемъ городѣ онъ поставилъ православнаго священника отца Амвросія Врету».

«На-дняхъ, добавляетъ отецъ Алексій, я получилъ отъ Св. Сунода книги, образки и поучительные листки, которые сейчасъ же были мною розданы народу. Кромѣ того, къ намъ приходитъ «Русская Правда» Купчанки изъ Вѣны и «Листокъ» отца Евг. Фенцика изъ Угорской Руси, а также «Благовѣстъ» и «Русскій Паломникъ». По воскресеньямъ и праздникамъ народъ посѣщаетъ церковь и дома съ любовью читаетъ русскія изданія и просвѣщается. Великая потребность въ русскихъ хорошихъ книгахъ историческаго, церковно-историческаго и вообще духовно-нравственнаго содержанія».

Кормило Благовѣста съ своей стороны приглашаетъ добросердныхъ русскихъ людей удовлетворить означенной духовной потребности заатлантическихъ нашихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братій—посылкою имъ здоровой духовной пищи. Посылки могутъ быть направляемы отцу Алексію Товту. Сѣверная Америка, г. Миннеаполисъ. Rev. Alexis G. Toth. Minneapolis. Minn. 1701, P. O. Box. 281. North-America. U. S.

Изъ Санъ-Франциско.

Калифорнія. Августа 23-го (сент. 4-го) 1892 г.

М. Г., Почтеннѣйшій Аѳ. Васильевичъ, случайно я узналъ, что въ 39-мъ выпускѣ Вашего патріотическаго журнала — «Благовѣстъ» — содержится: статья «Русскіе поселенцы и успѣхъ Православія въ Америкѣ»; это подало намъ: поводъ сообщить Вамъ (на этотъ—первый—разъ: вкратцѣ, за неимѣніемъ времени) нѣкоторыя свѣдѣнія о нашей церковной жизни въ этомъ новомъ свѣтѣ — въ Америкѣ. Нашъ Преосвященный Николай пріѣхалъ въ Санъ-Франциско изъ своего путешествія изъ Аляски 5-го (17-го) авг. с. г., сдѣлавъ около 12-ти тысячъ верстъ на трехъ пароходахъ и по желѣзной дорогѣ. Теперь, при лучшихъ сообщеніяхъ, Преосвященному удалось проникнуть дальше и сѣвернѣе, чѣмъ когда-либо кто-либо проникалъ изъ христіанскихъ проповѣдниковъ до него. На далекомъ сѣверѣ эскимосы приходили къ Епископу толпами, съ женами и дѣтьми, и просили отъ учителя Вѣры слова назиданія. Крестики, какіе Преосвященный раздавалъ имъ, они принимали съ большимъ благоговѣніемъ. Въ юго-восточной части Аляски, такъ называемые калоши-индейцы принимаютъ Православіе тамъ, гдѣ только имѣли возможность быть оглашенными въ вѣрѣ въ первый разъ и часто по одной передачѣ «словъ жизни», какія слышали, разъѣзжающіе калоши съ мѣста на мѣсто по дѣламъ своего промысла, въ церкви «настоящей». Этотъ народъ—какъ предвидѣлъ приснопамятный Апостолъ Аляски, покойный митрополитъ Иннокентій,—принимаетъ христіанство православное съ убѣжденіемъ: — убѣжденіе достойное образованнаго человѣка! въ Жуно, Якутамѣ и др. мѣстахъ, гдѣ нѣтъ не только церкви, но и часовни; гдѣ нѣтъ не только священника, но и чтеца, ни катихизатора,—ц ѣ л ы я с о т н и душъ ожидаютъ просвѣщенія и святого крещенія. Что будемъ дѣлать? Сообщенія еще далеко не легки; но это, извините за выраженіе, пустяки; жатва созрѣла на тучной гобзующей американской нивѣ, но дѣлателей нѣтъ, людей нѣтъ, с р е д с т в ъ п о л о ж и т е л ь н о н ѣ т ъ! Что будемъ дѣлать! На кого падетъ вина нерадѣнія?! Мы, американскіе православные, увѣрены что на святой Руси (наша земная порука), христіане глубоко вѣрующіе, инасъ еще ободряетъ надежда, что кто-нибудь изъ состоятельныхъ придетъ къ намъ на помощь.

Въ православной каѳедральной церкви Св. Василія Великаго 16-го (28-го) августа с. г. совершилось знаменательное событіе въ исторіи Православной Церкви въ Новомъ Свѣтѣ. Въ этотъ день былъ отслуженъ благодарствнный Господу Богу молебенъ Преосвященнымъ Николаемъ и каѳедральнымъ духовенствомъ по случаю принятія, по указу Святѣйшаго Правит. Всерос. Сѵнода, въ Аляскинскую Епархію новаго прихода, изъ 500 душъ съ его священникомъ Алексѣемъ Товтомъ во главѣ, бывшаго уніатскаго,

въ городѣ Минеаполисѣ, Соединенныхъ Штатовъ. Въ этотъ же день кандидатъ на священство, первый изъ уроженцевъ Соединенныхъ Штатовъ, былъ рукоположенъ во іеромонаха Преосвященнымъ Николаемъ. Іеромонахъ этотъ, Отецъ Севастіанъ, назначенъ миссіонеромъ въ штатахъ Калифорніи, Орегонѣ и Вашингтонской территоріи, гдѣ проживаютъ уже до 2.000 православныхъ изъ Сербовъ и Грековъ преимущественно. О. Севастіанъ сынъ далматинскихъ сербовъ и постригся въ монашество еще въ 1888 году въ С.-Франциско.

Всѣхъ уніатовъ въ Америкѣ около 150.000, и есть основаніе думать, что не надолго всѣ они останутся на шаткомъ перепутіи между Православіемъ и Латинствомъ. Но это не все; въ самомъ важномъ городѣ — Чикаго уже 800 православныхъ: а въ ближайшихъ окрестностяхъ этого города еще до 1.000 душъ Православныхъ. Православное общество въ Чикаго, при содѣйствіи Преосвященнѣйшаго Николая, устроило домовую церковь и содержитъ свой клиръ. Священникъ, посланный имъ Преосвященнымъ Николаемъ, дѣловой человѣкъ,—Отецъ Амвросій Вретта (изъ Македонскихъ уніатовъ) и говоритъ на шести или семи языкахъ. Въ слѣдующемъ году въ г. Чикаго будетъ выставка, какой не было доселѣ, и, Богъ вѣсть, будетъ ли что-нибудь подобное въ будущемъ! Тутъ будутъ всевозможныя совѣщанія (конгрессы) всевозможныхъ представителей разныхъ наукъ, искусствъ, изобрѣтеній; всемірныя собранія спеціалистовъ по экономическимъ и политическимъ вопросамъ и, наконецъ, совѣщанія духовныхъ учителей всѣхъ исповѣданій признающихъ единаго истиннаго Бога. Всякій народъ будетъ имѣть свою церковь, куда пойдетъ помолиться по своему. Но гдѣ же множество русскихъ, имѣющихъ посѣтить выставку, будетъ собираться для поклоненія Богу по обрядамъ искони Православнымъ и на народномъ славянскомъ языкѣ? И въ настоящее время домовая церковь въ Чикаго тѣсна. Что было бы благороднѣе и что было бы лучшимъ памятникомъ любви Русскихъ къ своему отечеству и къ своей Церкви и лучшимъ выраженіемъ благожеланія Русскаго человѣка къ жителямъ Америки, какъ не храмъ, благолѣпно устроенный самими русскими, имѣющими посѣтить Америку—гдѣ исповѣдалась бы истина, русскими признаваемая и американцами искомая! При семъ прилагаю проповѣдь Отца Алексѣя Товта, сказанную въ г. Минеаполисѣ по случаю полученія указа Св. Сѵнода о принятіи ихъ въ Аляскинскую Епархію, и нѣсколько вырѣзокъ изъ газетъ, по которымъ узнаете кое-что и о старокатолическомъ движеніи въ Америкѣ

Слово о. Алексѣя Товта.

настоятеля православной русской паствы въ г. Миннеаполисѣ въ С. Америкѣ, сказанное 16 августа 1892 г. по полученіи указа Св. Сvнода о принятіи ихъ въ Аляскинскую епархію.

Православные Христіане!

Этими словами поздравляю васъ нынѣ, ибо теперь уже съ полнымъ основаніемъ и правомъ могу дать вамъ это названіе! Въ четвергъ, позднимъ вечеромъ пришла къ намъ радостная вѣсть, что надежда наша, желаніе наше, осуществленія котораго мы ждали цѣлые 20 мѣсяцевъ, осуществились, и что наша любимая мать, отъ которой нашихъ предковъ и праотцевъ 244 года тому назадъ — т. е. въ 1648 году въ Уж-городѣ насильственно отторгли, опять принимаетъ насъ въ лоно свое; вы знаете, кого я разумѣю?— Православную Церковь!.. Христову Церковь, Единую Святую Соборную Апостольскую Церковь, а чрезъ кого мы въ нее приняты? — Чрезъ Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ, по представленію нашего Преосвященнаго Владыки и Отца — Епископа Николая, съ Высочайшаго соизволенія Благочестивѣйшаго и Могущественнѣйшаго Великаго Императора—Государя Русскаго! — Какое же чувство должна эта радостная вѣсть прежде всего въ насъ возбудить? — Чувство благодарности къ Господу Богу, а затѣмъ къ св. Синоду, и названнымъ мною высокимъ, яснымъ и великимъ—лицамъ! Вы хорошо знаете, что намъ приходилось терпѣть, какъ насъ преслѣдовали тѣ, которые говорили, что мы съ ними одно — уніаты; они насъ хотѣли лишить всего того, что намъ дороже всего на свѣтѣ, — Церкви, обряда, народности... Ужъ и того казалось имъ много, что они намъ оставили!.. Даже тутъ, на свободной американской землѣ, гдѣ, благодаря славному Американскому Народу и его правительству, вольно и свободно каждому такъ Бога хвалить и исповѣдывать, какъ кому угодно,—лишь намъ однимъ невольно было! И вотъ мы воскликнули и изъ глубины души воззвали къ той матери, которую мы принуждены были оставить! и она услышала гласъ, вопіющій къ ней!.. и обняла насъ снова и приняла, какъ своихъ дѣтей!.. Я обучалъ васъ и не разъ уже повѣдалъ вамъ, чему учитъ Церковь Христова; мое ученіе подтвердили два архіерея, два истинные преемника и наслѣдника апостоловъ... Вы видѣли ихъ, вы слышали слова ихъ, вы получили благословленіе отъ нихъ. Еще очень недавно Преосв. Епископъ, нашъ Отецъ, тутъ въ нашей скромной и убогой Церкви обѣщалъ намъ милостиво, что постарается о насъ и не оставитъ насъ и—слово стало дѣломъ. что сказалъ нашъ архіерей, то сбылось, мы ужъ православные, мы стали его сынами и чрезъ него сынами Св. матери Церкви!.. мы теперь стоимъ подъ управленіемъ того Св. Сvнода, который управляетъ милліонами пра-

вославныхъ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ! и главное то, что, становясь подъ управленіе Св. Сѵнода, мы соединяемся духовно съ нашими родными братьями—не только по вѣрѣ, но и по народности—съ великимъ, могучимъ, славнымъ, богобоязненнымъ—Русскимъ Народомъ! Сколько уже я вамъ говорилъ о святыняхъ того великаго народа, эти святыни ужъ и наши, мы тамъ уже не будемъ чужими, если придемъ поклониться Богу нашему и Его угодникамъ въ Москвѣ, Кіевѣ... мы будемъ дома тамъ, тамъ русскіе, тамъ православіе, тамъ правда, тамъ истина! Насъ, правда, далекость, море отлучаютъ отъ той благословенной державы, гдѣ истинно Богу поклоняются, и гдѣ царствуетъ благочестивѣйшій великій Государь и Императоръ Русскій, который, хотя, и не владѣетъ нами, но мы должны быть ему благодарны, ибо его покровительствующая рука и надъ нами простерта; онъ милостиво позволилъ, чтобъ насъ Св. Сѵнодъ причислилъ къ Православной Церкви; насъ дѣлаетъ свободными славная американская земля, которой мы также отъ сердца должны быть благодарны, которой правительство, наше правительство, такъ дружески относится къ великому Русскому Народу и его Боговѣнчанному Императору!.. Православные! памятуйте, что хотя Русскій Императоръ не нашъ владѣтель, но онъ покровитель всѣхъ православныхъ и надежда всѣхъ угнетенныхъ русскихъ и славянъ! Будемъ же молиться всегда за него, за его долгое счастливое царствованіе, за его царствующій домъ, за Императрицу и его наслѣдника;—помолимся за Св Сѵнодъ, который насъ милостиво принялъ, помолимся за Преосв. Епископа Владиміра, который намъ показалъ путь и дорогу истины, а особенно помолимся за Преосв. Епископа нашего Николая, который кончилъ начатое благое дѣло, и ходатайствомъ котораго мы достигли нашей цѣли! Богъ да сохранитъ намъ его на многая и благая лѣта благополучно! Мы же будемъ стараться доброю, мирною и христіанскою жизнью, любовью къ Богу и Его Церкви доказать, что мы не токмо устами, но и сердцемъ — вѣрныя дѣти Православной Церкви,—Богъ и Православная Церковь не оставятъ насъ, и любовь Божія да пребываетъ во вѣки между нами! Аминь.

СЕРБЫ.

Среди народныхъ страданій.

1. Письмо изъ Черногоріи Совѣту Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ Цетинье прибылъ я въ субботу 4-го февраля. До настоящаго времени успѣлъ я достаточно ознакомиться съ положеніемъ Черной Горы и того населенія, которому дала она у себя пріютъ.

Бѣдная производительностью и въ обыкновенное время, Черногорія со времени Герцеговинскаго возстанія, вотъ уже 3 года, не производитъ почти ровно ничего. Немногія имѣющіяся здѣсь поля не обработываются, такъ какъ не только мужчины, но и женщины участвуютъ въ веденіи войны; онѣ замѣняютъ тутъ вьючный скотъ; онѣ приносятъ на своихъ плечахъ пищу войску и кормъ лошадямъ и даже снаряды для орудій. Черногорскій агентъ Рамадановичъ въ Которѣ разсказывалъ мнѣ, какъ въ Которъ пришло судно со снарядами для орудій. Оно пристало къ берегу ночью; ночью же спустилось съ горъ, по отвѣсной почти крутизнѣ, нѣсколько сотъ женщинъ и до свѣта перенесли почти всѣ снаряды, и только небольшая ихъ часть утромъ была захвачена австрійцами.

Весь народъ оторванъ въ теченіи трехъ лѣтъ отъ всякаго производительнаго труда; присоедините къ этому разореніе многихъ мѣстностей войной и толпы пришлаго населенія, и вы поймете теперь ту поголовную нищету, въ которой находится теперь положительно весь народъ: тутъ всѣ бѣдны, всѣ «сиромахи». Всѣ хозяйственныя отношенія въ странѣ остановились: правительство не взимаетъ податей, частныя лица не платятъ и не взыскиваютъ другъ съ друга долговъ, такъ какъ всѣ очень хорошо понимаютъ, что взыскивать и давать теперь нечего.

Но, какъ ни бѣдственно положеніе черногорцевъ, еще бѣдственнѣе, еще ужаснѣе положеніе укрывшагося тутъ почти стотысячнаго герцеговинскаго люда. У черногорцевъ есть всетаки свое жилище, и сохранились кое-какіе пожитки. Положеніе же герцеговинцевъ вполнѣ обрисовывается словами, которыя часто приходится слышать отъ голыхъ почти мужчинъ и женщинъ, обращающихся съ просьбой дать сколько-нибудь сукна

или холста для семейства, состоящаго изъ 5—7, а иногда 9 и 15 человѣкъ: «немамъ куче, немамъ робе, немамъ ништа»; нѣтъ пріюта, нѣтъ одежды, нѣтъ ничего у сиромаха, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ голыхъ, на половину больныхъ ребятъ.

Если черногорцы и герцеговинцы не вымерли всѣ отъ голода, то это благодаря помощи, оказываемой имъ русскимъ правительствомъ и обществомъ. Правительство давало Черногоріи деньги на войну, оно же дало ей средства прокормить свое и пришлое населеніе. На покупку хлѣба собственно для Черногоріи отпущено единовременно 600.000 рублей, для герцеговинцевъ же отпускалось ежемѣсячно по 50.000 руб. а въ послѣдніе мѣсяцы, вслѣдствіе упадка курса по 68.000 рублей. Эти деньги поступали въ распоряженіе черногорскаго правительства и раздачу хлѣба производили сами черногорцы. Покупка хлѣба производилась также самимъ черногорскимъ правительствомъ, но такъ какъ это дѣлалось имъ неудовлетворительно, то теперь закупка поручена русскимъ чиновникамъ Рихтеру и Врангелю. На помянутые 68.000 руб. заготовляется ежемѣсячно хлѣба для 66.708 человѣкъ герцеговинцевъ. Хлѣбъ не доставляется внутрь страны, такъ какъ это по совершенному отсутствію дорогъ и перевозочныхъ средствъ было бы невозможно, а выдача его производится въ австрійскихъ городахъ: Которѣ, Будвѣ и Перастѣ. Въ Которѣ отпускается хлѣба на 14343, въ Будвѣ на 12312, а въ Перастѣ на 40053 человѣкъ.

Въ этихъ мѣстахъ въ теченіе мѣсяца перебываетъ почти все населеніе Герцеговинское и Черной Горы. На полученіе хлѣба усташскимъ семействамъ выданы особые билеты, такъ называемые «упутницы на таинъ», въ этихъ упутницахъ прописывается, сколько имѣетъ «главъ» «робова», или «челяди», т. е. изъ сколькихъ душъ состоитъ семейство лица, которому принадлежитъ билетъ; при этомъ отмѣчается, сколько въ семействѣ войниковъ. Иногда владѣлицею билета, въ которомъ значится 6 или 7 душъ, оказывается 12—13-лѣтняя дѣвочка. Это значитъ, что она старшая въ семействѣ, и по опросѣ обыкновенно оказывается, что майка умерла, а отецъ погинулъ—«турци убили». На каждую прописанную въ билетѣ голову, кромѣ войниковъ, выдается въ мѣсяцъ по десять окъ кукурузы; прежде давалось по 13, а теперь размѣръ выдачи уменьшенъ. Мѣры этой, при отсутствіи всякой другой пищи не вполнѣ достаточно для того, чтобы быть сытымъ въ теченіе мѣсяца, и вотъ въ мѣста, гдѣ производится выдача хлѣба, за полученіемъ его являются толпы людей за нѣсколько дней до срока, на который имъ уже выдано продовольствіе. Раньше истеченія этого срока черногорскія власти не выдаютъ хлѣба,

а въ срочный день всѣхъ не успѣваютъ удовлетворить, и вотъ приходится нѣкоторымъ жить въ Которѣ по 6, по 7 и болѣе дней. Положеніе этого ожидающаго хлѣба народа до того не выносимо, что были случаи самоубійства лицъ, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ дней отказывали въ выдачѣ хлѣба. А. А. Рихтеръ нѣсколько разъ просилъ черногорскую власть, завѣдывающую выдачею хлѣба, отпускать хлѣбъ хотя бы за 2—3 дня до срока, прописаннаго въ билетѣ, но согласія на это не послѣдовало. Отказъ объясняется тѣмъ соображеніемъ, что, если выдать хлѣбъ одинъ мѣсяцъ за 5 дней, то въ слѣдующій мѣсяцъ явятся за 10 и т. д. Я видѣлъ въ Которѣ и Перастѣ толпы этого полунагого люда, безпрерывно приливающаго и отливающаго. Вмѣстѣ со взрослыми является въ эти мѣста множество дѣтей всякаго возраста, начиная съ грудныхъ младенцевъ. Днемъ, когда солнце всѣхъ обогрѣваетъ, не такъ еще больно смотрѣть на нихъ; но въ Которѣ солнце заходитъ очень рано, ночи въ настоящее время еще холодныя, а весь этотъ пришлый людъ ночуетъ по какимъ-нибудь закоулкамъ, на голыхъ камняхъ на открытомъ воздухѣ. Я видѣлъ по утрамъ въ Которѣ стариковъ и дѣтей, четырехъ и трехлѣтнихъ крошекъ, голодныхъ, босыхъ и полунагихъ, трясущихся отъ холода. На каждомъ изъ нихъ есть какой нибудь лохмотъ, прикрывающій спину и нѣкоторыя другія части туловища, носившій, вѣроятно, когда-то названіе «гуни». Но онъ служитъ только для приличія, а не для сохраненія теплоты, такъ какъ грудь и верхнюю часть живота онъ не закрываетъ, а другія пополнявшія его принадлежности сербскаго платья, какъ то: кошуля, джамаданъ и др. отсутствуютъ. Но если страшно подумать о томъ, какъ проводитъ ночи этотъ полунагой людъ въ Которѣ, то трудно себѣ представить, какія мученія испытываютъ они во время перехода черезъ эти нагроможденныя одна на другую «брды и планины», покрытыя снѣгомъ, во многихъ мѣстахъ недоступныя солнцу и открытыя постоянно дующимъ вѣтрамъ.

Съ полученіемъ хлѣба въ Которѣ, въ Будвѣ или Перастѣ начинается новая мучительная страда для надѣленнаго имъ народа. Переносъ хлѣба домой, т. е. къ семьямъ, сопряженъ съ такою мукою, какую трудно себѣ представить тому, кто не видѣлъ этого собственными глазами. Цетинье, напримѣръ, отдѣляется отъ Котора нѣсколькими грядами горъ, представляющихъ изъ себя безпорядочныя груды голаго камня, лишенныя всякой растительности. Тропа, засыпанная мелкимъ и крупнымъ известнякомъ, лѣпится обыкновенно по откосу горы. Во время зимней гололедицы и весенней ростопели во мно-

гихъ мѣстахъ и привычный къ здѣшнимъ дорогамъ, или лучше сказать къ здѣшнему бездорожью, конь не можетъ подняться или спуститься съ всадникомъ на спинѣ. Съ трудомъ подымаешься безъ всякой ноши. Каково же тащить на себѣ мѣсячный запасъ кукурузы, иногда на нѣсколько человѣкъ. По всей дорогѣ отъ Котора въ Цетинье карабкается непрерывная вереница людей обоего пола и всевозможнаго возраста съ огромными мѣшками на спинѣ. Часто приходится слышать стонъ какой-нибудь обгоняемой старухи, согнувшейся подъ ношею; на всякомъ небольшомъ уступѣ горы, гдѣ только представляется къ тому возможность, сидитъ нѣсколько изнеможенныхъ людей. Я видѣлъ 13—14-лѣтнихъ дѣвочекъ въ совершенномъ изнеможеніи, пластомъ лежавшихъ по краю дороги со сбитыми до крови ногами и рядомъ съ разсыпаннымъ мѣшкомъ кукурузы. У нѣкоторыхъ женщинъ за спиною, поверхъ мѣшка съ хлѣбомъ, болтается сонный ребенокъ. Я обогналъ одну женщину съ 8 или 9 лѣтнимъ ребенкомъ на спинѣ; она тащилась съ нимъ изъ Котора въ Цетинье.

Но добываемымъ съ такою страдою хлѣбомъ не удовлетворяются всѣ насущныя нужды герцеговинской семьи. Необходимо прежде всего, чтобы придти за хлѣбомъ, прикрыть чѣмъ нибудь свою наготу; дорогою и по прибытіи на мѣсто раздачи хлѣба, въ ожиданіи получки его, надо кормить себя и дѣтей, приходится занимать пищу; чтобы донести полученный хлѣбъ до семьи,— необходимы опанки, такъ какъ босикомъ не возможно переносить тяжести черезъ эту груду острыхъ камней, перемежающуюся съ гололедицей. Необходима соль и т. п. Необходимость удовлетворять эти нужды заставляетъ бѣдняковъ продавать часть и безъ того недостаточнаго мѣсячнаго хлѣбнаго продовольствія. Вотъ почему рядомъ съ раздачею хлѣба, необходима также и раздача денегъ и одежды. Забота объ удовлетвореніи Черной Горы деньгами и одеждою падаетъ на долю русской общественной благотворительности, представителями которой являются здѣсь уполномоченные Славянскихъ благотворительныхъ обществъ и Краснаго Креста.

Во вторую половину 1877 г., съ 1 іюля по 1 января с. г. предмѣстникомъ моимъ по Славянскому Благотворительному Обществу П. А. Васильчиковымъ роздано было денегъ, не считая мелкихъ выдачъ отдѣльнымъ лицамъ, всего до 79.000 гульденовъ. Большая часть этой суммы пошла въ пользу туземнаго населенія разныхъ Черногорскихъ областей. Деньги посылались обыкновенно воеводамъ или командирамъ разныхъ батальоновъ, для раздачи тому или другому племени по пред-

варительно составленному и утвержденному сенатомъ протоколу, т. е. поименному списку всѣхъ семействъ, съ обозначеніемъ въ особой графѣ сколько въ каждой изъ нихъ душъ. Пособіе давалось большею частью въ размѣрѣ одного гульдена двадцати крейцеровъ (три цванцигера) на человѣка, иногда больше. Кромѣ Черногорскаго собственно населенія денежную помощь отъ П. А. Васильчикова получили только Васоевичи, все же остальное усташское, собственно герцеговинское, населеніе въ ней не участвовало. Между тѣмъ положеніе этого пришлаго населенія, какъ сказано выше, несравненно хуже положенія Черногорцевъ и, если нельзя отрицать того, что и послѣдніе нуждаются въ помощи, то помощь Герцеговинцамъ слѣдуетъ признать въ высшей степени и неотложно необходимой.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Цетинье, ко мнѣ явился посланный отъ васоевичскаго воеводы Милана Вуковича, сынъ его, адъютантъ князя, Гавро Вуковичъ съ просьбой о помощи Васоевичамъ; просьба эта была поддержана княземъ Николаемъ и А. С. Іонинымъ. Хотя Васоевичи и чаще другихъ получали отъ П. А. Васильчикова деньги, но такъ какъ они, по отдаленности своего положенія, не пользуются даровымъ хлѣбомъ, то я счелъ себя обязаннымъ выдать имъ 4.600 талеровъ (11.040 гульденовъ), по 3 цванцигера (по 1 гульдену 20 крейцеровъ) на человѣка. Этимъ Вуковичъ остался вполнѣ доволенъ.

Кромѣ Васоевичей мною было выдано пособіе въ такомъ же размѣрѣ, т. е. по 1 гульд. 20 крейц. на человѣка батальонамъ народовъ: Пѣшивацкаго и Цермницкаго, пропущенныхъ Васильчиковымъ, и живущимъ въ Пѣшивцахъ и Цермницахъ усташамъ, Герцеговинцамъ и Васоевичамъ, и ускокамъ Зечанамъ. Всего выдано мною для раздачи названнымъ племенамъ 20.740 гульд.

Я вообще принялъ себѣ за правило при раздачѣ денегъ и вещей въ каждой данной мѣстности удовлетворять одновременно всѣхъ нуждающихся: и туземное и пришлое населеніе, чтобы не обижать никого и не поселять розни между тѣми и другими.

Кромѣ показанныхъ выдачъ, мною еще выдано пособіе Боснякамъ. За нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Цетинье, прибыли сюда членъ и секретарь Босанскаго народнаго правительства Іово Бильбія и членъ Книнскаго благотворительнаго отбора Мариновичъ просить помощи для Босняковъ. Они обращались къ Зубову и къ Іонину, а тѣ посовѣтовали дождаться меня.

По далматинской границѣ въ Босніи держится еще въ горахъ до 1.000 человѣкъ усташей; они, можетъ, и разошлись бы, но въ Босніи остаться имъ нельзя, а въ Австрію не пускаютъ. Ниоткуда и никакой помощи имъ нѣтъ. Что положеніе этихъ людей и ихъ семействъ крайне бѣдственно и требуетъ помощи, это не подлежитъ сомнѣнію.

Еще прошлымъ лѣтомъ Боснякамъ было объявлено, что они получатъ 12.000 гульденовъ (это 10.000 рублей, назначенные Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, по ходатайству П. А. Васильчикова). Между тѣмъ они получили всего 4.000 гульденовъ, и то 3.000 гульденовъ должно быть изъ какого-либо другого источника, такъ какъ по книгамъ и бумагамъ П. А. Васильчикова значится выданнымъ имъ только 1.000 гульденовъ. Я считаю обязательнымъ для Славянскаго Благотворительнаго Общества выдать Боснякамъ всю обѣщанную и недоданную имъ сумму. Такого же мнѣнія и А. С. Іонинъ. Впрочемъ, если бы и не было раньше ничего обѣщано, то и тогда Боснякамъ въ виду бѣдственнаго ихъ положенія и, въ виду того, что они тоже славяне и тоже борятся за свое освобожденіе, помощь имъ одинаково была бы обязательна для Славянскаго Благотворительнаго Общества. Сообразуясь съ находившимися въ моемъ распоряженіи средствами и имѣя въ виду необходимость другихъ затратъ, я выдалъ Бильбіи 3.000 гульденовъ, которые, по его словамъ, всѣ пойдутъ въ уплату за доставленный Боснякамъ въ кредитъ и уже потребленный ими хлѣбъ. Уплата долга откроетъ имъ новый кредитъ на продолжительное время; но во всякомъ случаѣ новая денежная помощь въ ближайшемъ будущемъ необходима для нихъ и обязательна для насъ. По просьбѣ Бильбіи я отправилъ Боснякамъ изъ которскаго склада также нѣсколько кусковъ сукна, холста и готоваго бѣлья.

Кромѣ означенныхъ 3.000 гульд. мною выдано Мариновичу 300 гульд. на расходы по лѣченію и содержанію около 40 человѣкъ раненыхъ и больныхъ, находящихся въ Книнѣ и окрестныхъ селеніяхъ. Эти деньги выданы также въ счетъ опредѣленныхъ лѣтомъ Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ для Книнской больницы 500 р., до сихъ поръ не выданныхъ по назначенію. Прежде выдачи означенныхъ денегъ Бильбіи и Мариновичу, я старался собрать какія могъ свѣдѣнія о нихъ, и изъ отзывовъ Рихтера, Іонина, а также изъ собственнаго продолжительнаго разговора съ ними пришелъ къ убѣжденію, что оба они люди честные и преданные народному дѣлу; особенно же Бильбія.

За производствомъ мною означенныхъ выше расходовъ,

въ распоряженіи моемъ, кромѣ небольшого остатка отъ принятыхъ отъ Зубова суммъ Славянскаго Общества и выданныхъ Обществомъ мнѣ въ Петербургѣ 3.000 руб., предназначеннаго для оказанія помощи въ разныхъ единичныхъ случаяхъ и на расходы по устройству и содержанію складовъ и пересылкѣ вещей, каковые расходы по соглашенію моему съ уполномоченнымъ Краснаго Креста А. А. Зубовымъ должны быть въ ровной мѣрѣ относимы на средства Славянскаго Общества и Краснаго Креста, въ Которѣ только-что получено на мое имя 12.000 талеровъ (24.000 фл.), это послѣднія оставшіяся у Ефруси деньги Славянскаго Общества. Деньгамъ этимъ дано мною уже назначеніе; онѣ будутъ розданы населенію Грахова и прилегающихъ къ нему мѣстностей Герцеговины. Тутъ самая вопіющая нужда. Тутъ укрывается множество народа изъ мѣстностей, въ которыхъ впервые вспыхнуло возстаніе, какъ напр. Невесинцы, которые, слѣдовательно, ранѣе другихъ подверглись разоренію и долѣе другихъ страдаютъ, а между тѣмъ сюда всего менѣе направлялась русская помощь, по крайней мѣрѣ въ истекшемъ году. Справедливость требовала бы дать имъ помощь въ такомъ же размѣрѣ, какъ она давалась и въ другихъ мѣстностяхъ въ Черногоріи, не менѣе 1 гульд. на человѣка, но въ этихъ мѣстностяхъ, не считая Черногорскаго, одного Герцеговинскаго населенія считается болѣе 40.000 душъ.

Я видѣлъ этотъ народъ въ Риснѣ и въ Перастѣ, куда онъ приходитъ за хлѣбомъ. Выбора тутъ дѣлать невозможно: всѣ одинаково нуждаются въ помощи. Поэтому представляется возможнымъ изъ тѣхъ средствъ, какія у меня есть, выдать по полъ-гульдена на человѣка, и это будетъ большою для нихъ помощью, большимъ благополучіемъ. По выраженію одного юнака, для Герцеговинской семьи, состоящей изъ нѣсколькихъ лицъ и не видѣвшей можетъбыть въ продолженіе долгаго времени цванцигера, получить талеръ или два будетъ такою радостью, такимъ праздникомъ, какъ если бы русскіе завладѣли Царьградомъ.

Кромѣ этихъ усташей необходима помощь деньгами и другимъ разсѣяннымъ по всей Черногоріи усташскимъ племенамъ, приходящимъ за хлѣбомъ въ Будву и Которъ. Этого населенія, какъ можно видѣть изъ прилагаемаго списка, болѣе 26.000 душъ. Также необходимо выдать деньги семействамъ батальоновъ Цетинско-Нѣгушскаго и Цуцко-Цекличскаго, которые одни никогда не получали денежной помощи отъ русскаго общества. Отъ командира перваго батальона уже поступило ко мнѣ прошеніе; вѣроятно, не замедлитъ и отъ второго; и я, признаться, не вижу никакого основанія отка-

зать имъ въ томъ, что было сдѣлано для другихъ. Люди здѣсь не менѣе нуждаются, и мѣстности эти принадлежатъ къ числу наиболѣе суровыхъ и безплодныхъ въ Черногоріи.

Требуется, какъ сказано выше, помощь Боснякамъ. Наконецъ, нельзя забыть совершенно и оставить безъ всякой помощи и Герцеговинскій народъ, укрывшійся въ Далмаціи; положеніе его нисколько не лучше положенія тѣхъ, которые нашли себѣ пріютъ въ Черногоріи. Въ Австріи вмѣсто хлѣба выдается правительствомъ денежная помощь, но совершенно ничтожная; въ болѣе значительныхъ городахъ, напр. въ Дубровникѣ, отпускается приличія ради по 10 крейцеровъ на человѣка (и то не всегда), въ другихъ же мѣстахъ и селахъ по 5 и по 4 крейцера. Этимъ, конечно, трудно кормиться. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не дается и вовсе ничего.

Въ Метковичахъ находится до 50 семействъ, которымъ никакой помощи ни отъ австрійскаго правительства, ниоткуда не было и нѣтъ.

Я, въ бытность свою въ Дубровникѣ, оставилъ для нихъ небольшую сумму денегъ, но потребуется еще помощь. Необходима также нѣкоторая помощь и школамъ, устроеннымъ въ Далмаціи для Герцеговинскихъ дѣтей; но о школахъ я буду говорить ниже. На всѣ исчисленные мною и представляющіеся неотложными расходы средствъ у меня не имѣется, а потому я повторяю просьбу, выраженную мною въ телеграммѣ отъ 10-го февраля о присылкѣ безъ задержки новыхъ денегъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о денежной помощи, скажу, что она выдается тѣмъ же порядкомъ, какимъ выдается хлѣбъ Черногорцамъ и Герцеговинцамъ. Черногорцы не имѣютъ билетовъ на полученіе хлѣба; они считаютъ стыдомъ брать упутницу на таинъ. Хлѣбъ выдается имъ по протоколамъ, о которыхъ было сказано выше; по такимъ же протоколамъ выдавалась П. А. Васильчиковымъ и мною и денежная помощь. Для воеводы или капетана, принявшаго по протоколу деньги, обязательно выдать каждому помѣщенному въ спискѣ семейству назначенную сумму по числу значащихся по протоколу душъ. Герцеговинцы получаютъ хлѣбъ по билетамъ; по этимъ же билетамъ буду я выдавать имъ и денежное пособіе. Всего удобнѣе будетъ выдавать его въ мѣстахъ, гдѣ производится раздача хлѣба. По билетамъ нами самими будетъ составляться протоколъ, въ которомъ будетъ обозначаться, сколько по какому билету было выдано денегъ, на билетѣ же, во избѣжаніе двукратной получки, будетъ выставляться текущій № списка и отмѣчаться размѣръ выданной суммы или же просто прикладываться штемпель.

Перехожу теперь къ вопросу о вещевой помощи. Въ значительномъ количествѣ вещи стали приходить сюда изъ Россіи съ осени 1877 г. вслѣдствіе извѣстнаго вамъ письма П. А. Васильчикова. Раздавались онѣ нѣсколько разъ безъ какой бы то ни было системы, преимущественно въ Цетинскомъ окружьѣ, а также въ Цермницкомъ и Рѣкѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Черногоріи П. А. Васильчиковъ устроилъ главный складъ вещей въ Которѣ, гдѣ онѣ сортируются, запаковываются въ тюки («бремена»), на которыхъ обозначается мѣстность, куда тюкъ долженъ слѣдовать, затѣмъ отправляются въ другой складъ. Первоначально такой складъ устроенъ былъ въ Даниловградѣ, откуда предполагалось раздать «бремена» по племенамъ; но такъ-какъ доставка ихъ въ Даниловградъ обходится довольно дорого, то Зубовъ открылъ новый складъ въ Нѣгушахъ, куда и направлялись въ послѣднее время тюки вмѣсто Даниловграда. Все же приходившее изъ Россіи сукно, а также холстъ и матеріи въ кускахъ пересылались до послѣдняго времени въ Цетинье, гдѣ предполагалось шить изъ нихъ платья и бѣлье и разсылать по разнымъ мѣстностямъ. По пріѣздѣ своемъ въ Черногорію я засталъ это дѣло въ такомъ видѣ: прямо съ парохода тюки поступали въ складъ къ Рамадановичу, а затѣмъ оттуда уже впослѣдствіи переносились въ другой складъ, находящійся подъ завѣдываніемъ Ораховца, молодого человѣка, получившаго образованіе въ Россіи, работавшаго въ прошломъ году въ Сербіи вмѣстѣ съ Рихтеромъ, вполнѣ честнаго и распорядительнаго. Подъ его наблюденіемъ тюки распаковываются, вещи повѣряются по спискамъ, присылаемымъ отправителями, затѣмъ сортируются, снова упаковываются и посылаются въ Нѣгуши. Ораховецъ заявилъ мнѣ, что очень часто по распаковкѣ тюковъ, многихъ вещей, значащихся по списку, не оказывается, при чемъ бываетъ замѣтно, что тюкъ вскрытъ и снова зашитъ уже въ Которѣ, т. е. въ складѣ у Рамадановича. Что бы положить конецъ этому порядку вещей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Цетинье, мною съ Зубовымъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы тюки, приходящіе въ Которъ, прямо съ парохода поступали въ складъ къ Ораховцу; слѣдовательно, одно совершенно лишнее передаточное мѣсто упразднено.

Въ Которѣ встрѣтился я съ И. Ѳ. Дречемъ, герцеговинцемъ, также получившимъ свое образованіе въ Россіи и служившимъ при Красномъ Крестѣ, отправлявшимся по распоряженію Зубова для устройства склада въ Граховѣ, куда прежде вещей вовсе не посылалось. Въ Нѣгушахъ нашелъ я въ складѣ

до 220 бременъ, или тюковъ, лежавшихъ уже болѣе мѣсяца безъ дальнѣйшаго движенія.

Въ Цетиньѣ изъ образовавшагося въ теченіе продолжительнаго времени значительнаго запаса сукна и холста шились только «кабаницы» (плащи) и бѣлье для раненыхъ въ лазаретѣ Краснаго Креста. Такъ какъ для того, чтобы пошить изъ остальнаго сукна и холста одежду и бѣлье для раздачи нуждающемуся въ томъ и другомъ населенію, потребовалось бы очень много времени, а помощь одеждою необходима именно теперь, въ холодное время года, то я рѣшилъ, что гораздо будетъ цѣлесообразнѣе раздать нуждающимся по нѣсколько аршинъ сукна, холста и матеріи, съ тѣмъ, чтобы они сами уже шили себѣ одежду или употребляли, какъ найдутъ для себя полезнѣе (кусокъ толстаго сукна, напр., въ два аршина длины безъ всякихъ приспособленій вполнѣ можетъ замѣнить собою верхнюю Черногорскую одежду—«струку»).

Главною моею заботою за все время пребыванія моего здѣсь была забота о томъ, какъ бы возможно скорѣе и справедливѣе раздать имѣющіеся запасы одежды и матеріи населенію, въ высшей степени нуждающемуся въ этомъ. Если бы вещей было достаточно для всѣхъ нуждающихся, то дѣло было бы довольно просто: можно было бы давать одежду по билетамъ, по которымъ выдается хлѣбъ Герцеговинцамъ; Черногорцамъ же по протоколамъ. Но это дѣло потому именно является тяжелымъ, что на всѣхъ не хватитъ, а выбирать чрезвычайно трудно, когда видишь, что всѣ одинаково голы. По нѣкоторомъ размышленіи и посовѣтовавшись съ тѣмъ и другимъ, я пришелъ къ слѣдующему рѣшенію, одобренному и А. А. Зубовымъ. Лежащіе до настоящаго времени въ Даниловградскомъ складѣ около 50 тюковъ—раздать по племенамъ, наиболѣе пострадавшимъ при нашествіи Сулеймана, наиболѣе нуждающимся, а именно: Пѣшивцамъ, Бѣлопавличамъ, Морачанамъ, Команамъ и Загорчанамъ, а затѣмъ Даниловградскій складъ упразднить. Раздачу вещей остальнымъ племенамъ производить изъ складовъ въ Цетиньѣ—жителямъ Цетинскаго окружья, Лешанской нахіи, Цеклина, Люботина, Црмницъ и Крмницъ; въ Нѣгушахъ—жителямъ Нѣгушей, Чекличей, Бѣлицъ и Чева, и въ Граховѣ—для всего населенія, получающаго хлѣбъ въ Перастѣ, кромѣ жителей Зубцовъ, Крушевицъ и Суторины, которымъ далеко отъ Грахова и которымъ будетъ выдано въ самомъ Перастѣ.

Въ настоящее время имѣется въ складахъ: въ Даниловградѣ 150 тюковъ, въ Нѣгушахъ 255 и въ Граховѣ 390, всего же около 800 тюковъ, не считая сукна, котораго имѣется еще

достаточно въ Цетиньѣ. Этого количества, конечно, далеко не достаточно, чтобы хоть самымъ умѣреннымъ образомъ помочь всему нуждающемуся въ одеждѣ населенію. Поэтому, по моей просьбѣ, Черногорскимъ Сенатомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы высшія власти во всѣхъ выше упомянутыхъ мѣстностяхъ, по соглашенію съ представителями Герцеговинскаго населенія, изъ числа всѣхъ получающихъ даровой хлѣбъ семействъ переписали 1/3 часть наиболѣе нуждающихся, и эту третью часть раздѣлили еще на два отдѣла по степени нужды. Такимъ образомъ 1/6 части (I отдѣлу) всего нуждающагося люда предполагается, теперь же выдавать одежду, какъ скоро получены будутъ списки. Затѣмъ будетъ надѣляться ею 2-ой отдѣлъ нуждающихся по мѣрѣ полученія ожидаемыхъ изъ Россіи транспортовъ вещей, и затѣмъ уже, если удастся, что, впрочемъ, весьма сомнительно, надѣлить 1-й и 2-й отдѣлы, т. е. 1/3 всего нуждающагося населенія,—придетъ очередь и для остальныхъ. На спискахъ, по которымъ будетъ выдаваться одежда, будутъ проставлены нумера упутницъ на таинъ и на этихъ упутницахъ по выдачѣ одежды будетъ дѣлаться отмѣтка.

Кромѣ раздачи денегъ и вещей, русская общественная благотворительность сказалась здѣсь въ устройствѣ училища для Герцеговинскихъ дѣтей. Начало этому дѣлу положено Г. С. Веселицкимъ-Божидаровичемъ, о дѣятельности котораго Герцеговинцы отзываются вообще съ уваженіемъ. На данныя имъ средства основаны школы въ Рагузѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время этихъ школъ 10. Въ Рагузѣ и ея окрестностяхъ обучается и воспитывается въ этихъ школахъ 670 мальчиковъ и 448 дѣвочекъ. Учителями во всѣхъ этихъ школахъ, кромѣ одной, состоятъ іеромонахи или просто священники, отправляющіе для Герцеговинскаго населенія Божественную службу и требы. Я посѣтилъ изъ этихъ школъ 2 и вынесъ изъ нихъ самое отрадное впечатлѣніе. Въ Дубровницкой школѣ учится болѣе 400 человѣкъ дѣтей (228 мальчиковъ, 179 дѣвочекъ) отъ 5 до 16-ти-лѣтняго возраста; есть даже двое-трое всего трехлѣтнихъ младенцевъ. Учителемъ въ этой школѣ іеромонахъ Діонисій Кебеличъ.

Нельзя достаточно надивиться благонравію и усердію дѣтей и умѣнью учителя такъ успѣшно вести дѣло при такомъ множествѣ учениковъ и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Начать съ того, что всѣ эти дѣти оборваны и голодны. Питаются они милостынею австрійскаго правительства, отпускающаго на нихъ по 10 крейцеровъ; гдѣ и какъ ночуютъ, это одному Богу извѣстно.

На другой день посѣщенія школы, утромъ, въ восьмомъ

часу, я видѣлъ этихъ дѣтей, удивлявшихъ меня наканунѣ въ школѣ своими познаніями, толпившихся по базару и улицамъ и дрожавшихъ отъ холода.

Я купилъ нѣсколько шерстяныхъ одѣялъ, разрѣзалъ каждое на двое и роздалъ нѣсколькимъ дѣтямъ вмѣсто струкъ. Я не могъ этого не сдѣлать, хотя очень хорошо знаю, что такихъ же дѣтей, также дрожащихъ отъ холода, въ это самое время есть тысячи, кромѣ тѣхъ, которыя были передъ моими глазами, и что нѣтъ возможности надѣлить всѣхъ ихъ струками. И вотъ эти-то голодные и полуголые мальчики и дѣвочки всѣ хорошо читаютъ по-сербски, умѣютъ правильно перекреститься, знаютъ всѣ начальныя молитвы; шести и семилѣтніе дѣвочки и мальчики читали мнѣ правильно и толково сначала до конца весь Символъ вѣры, Отче нашъ и другія молитвы; всѣ они знаютъ важнѣйшія событія изъ священной исторіи ветхозавѣтной и новозавѣтной; дѣти постарше читаютъ по-славянски и знаютъ вкратцѣ сербскую исторію и катихизисъ, маленькія дѣти исправно рѣшаютъ въ умѣ задачи на всѣ четыре ариѳметическія дѣйствія. У Дубровницкаго училища нѣтъ помѣщенія; въ ясную погоду дѣти учатся въ оградѣ старой сербской церкви, въ дурную же погоду въ самой церкви; но церковь эта не похожа на наши городскія церкви; она очень тѣсна для такого большого числа учащихся. Ни въ оградѣ, ни въ самой церкви нѣтъ ни столовъ, ни скамеекъ, такъ что дѣти учатся стоя, раздѣленныя на двѣ стороны: на одной дѣвочки, на другой мальчики, и, не смотря на это неудобство, дѣти всѣ очень и очень порядочно пишутъ. Я взялъ на память нѣсколько исписанныхъ тетрадей и записалъ возрастъ учениковъ и ученицъ, которымъ онѣ принадлежатъ; нѣкоторыя исписаны карандашомъ, нѣкоторыя чернилами. И право, опрятности этихъ тетрадокъ и самому письму какой-нибудь 7-ми-лѣтней ученицы Рагузской школы могли бы позавидывать ученики и ученицы нашихъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Словомъ, большихъ успѣховъ, нежели, какія я нашелъ въ Рагузской школѣ, нельзя требовать отъ начальнаго училища. Кромѣ Дубровницкой школы, я посѣтилъ еще школу въ Жупѣ по дорогѣ изъ Рагузы въ Кастель-Ново; и изъ школъ, устроенныхъ госпожею Боголюбовой на средства Петербургскаго Дамскаго Кружка, школы въ Нѣгушахъ и въ Риснѣ. Въ Новомъ былъ я только проѣздомъ и въ праздничный день, а потому видѣлъ только помѣщеніе школы и учителя, но самаго важнаго, т. е. дѣтей и ученья,— не видѣлъ. Въ Нѣгушахъ же былъ въ школѣ два раза и могу сказать, что, не смотря на то, что школа эта существуетъ только

три съ половиною мѣсяца, питомцы этой школы, по своимъ познаніямъ и по развитію, не уступаютъ ученикамъ Дубровницкой школы. Школа эта находится въ искусныхъ рукахъ: преподавателемъ въ ней Герцеговинецъ Перо Костичъ, участникъ послѣдней войны, раненый пулею въ голову. До войны онъ долгое время былъ учителемъ, сначала въ родномъ мѣстѣ Плевляхъ, въ Герцеговинѣ, а потомъ въ Черногоріи.

Въ Новомъ и въ Нѣгушахъ школы имѣютъ вполнѣ благоустроенный видъ; у нихъ есть приличное помѣщеніе, и дѣти получаютъ тамъ даровой обѣдъ. Школа же въ Риснѣ мало чѣмъ отличается отъ Рагузской: тамъ также тѣсно помѣщеніе, нѣтъ ни столовъ, ни скамеекъ, послѣднія замѣняются простыми досками. Дѣти также плохо одѣты и голодны, какъ и въ Рагузѣ, и все таки они съ любовью посѣщаютъ школу, и если бы не тѣснота помѣщенія, то ихъ въ школѣ было бы не 88, какъ теперь, а вдвое больше. Въ этой школѣ учителемъ мірянинъ, но въ ней больше, нежели во всѣхъ другихъ, обращено вниманіе на духовное воспитаніе дѣтей. Дѣти знаютъ наизустъ множество молитвъ и псалмовъ, толково читаютъ ихъ и замѣчательно стройно поютъ. Я пришелъ въ школу въ девятомъ часу, когда дѣти только что собрались и читали молитвы. Одинъ мальчикъ говорилъ громко и не спѣша слова молитвы, всѣ остальные повторяли за нимъ мысль за мыслью. Такимъ образомъ прочитали дѣти всѣ утреннія молитвы. Затѣмъ учитель предложилъ мнѣ прослушать, какъ дѣти поютъ, и представилъ мнѣ на выборъ нѣсколько молитвъ. Я выбралъ «Спаси, Господи, люди твоя». Дѣти пропѣли эту молитву стройно, хотя не на тотъ голосъ, на какой она у насъ поется. «Побѣды благовѣрному Государю нашему Александру Николаевичу на сопротивныя даруя» раздавалось такъ же громко, такъ же свободно, какъ будто бы это было не въ австрійскомъ городѣ, а гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или Москвѣ. Этого мало: послѣ множества пропѣтыхъ молитвъ и псалмовъ, встаетъ одинъ мальчикъ и произноситъ: «Живіо, Благочестивый и Милостивый Государь и Императоръ нашъ Александръ Николаевичъ, многая лѣта!» И вся школа торжественно пропѣла «многая лѣта». Это повторилось второй и третій разъ. Кромѣ меня, въ школѣ присутствовало нѣсколько Рисанскихъ гражданъ; всѣ они съ умиленіемъ сердца и слезами на глазахъ слушали это многолѣтіе. Наконецъ, учитель и весь классъ за нимъ провозгласили и мнѣ многолѣтіе. Я отвѣчалъ на это пожеланіемъ многолѣтія всему Сербскому Народу, и хоръ пропѣлъ опять «многая лѣта». То, что я видѣлъ и слышалъ въ Рисанской школѣ, не было заранѣе приготовлено. Для меня

было очевидно, что и молитва «Спаси, Господи, люди Твоя» съ пожеланіемъ побѣдъ Государю Русскому и эти многолѣтія ему поются ими по вся дни. Для меня очевидно также, что настоящимъ Государемъ своимъ и Императоромъ считаютъ они всѣ: и эти дѣти, и учитель и попечитель щколы не Австрійскаго Императора Франца Іосифа, а «Благочестивѣйшаго и Милостивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича». Рисанцы вообще смѣло проявляютъ свое сочувствіе Россіи и открыто радуются ея побѣдамъ. Попечитель Рисанской школы, пожилой человѣкъ, Человичъ, разсказывалъ мнѣ, что вѣсть о взятіи Плевны Рисанъ, хотя и маленькій городъ, отпраздновалъ съ такимъ торжествомъ, какого не было и въ Петербургѣ. Весь день и всю ночь, говорилъ онъ мнѣ, пили, гуляли и пуцали, т. е. стрѣляли; веселились всѣ: и мужчины, и женщины, и дѣти. Мѣстныя австрійскія власти хотя и косились, но ничего не могли сдѣлать, потому что и солдаты потомъ пристали къ народу, вмѣстѣ съ нимъ пуцали, пили и кричали «живіо»! Все это дѣйствительно было такъ. Кромѣ того, въ Которѣ мнѣ говорили, что оттуда былъ отправленъ въ Рисанъ батальонъ войскъ, но что онъ былъ встрѣченъ депутаціей, которая объявила, что, если они, т. е. австрійцы, празднуютъ турецкія побѣды, то не имѣютъ права мѣшать имъ праздновать славянскія побѣды; а что если они употребятъ насиліе, то имъ и отвѣтятъ силою; послѣ этого заявленія ихъ оставили въ покоѣ, и войска возвратились въ Которъ.

Для удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ Рисанской школы я оставилъ Человичу, попечителю школы, 100 гульденовъ, и, кромѣ того, велѣлъ отобрать и послать изъ Которскаго склада потребное количество дѣтскихъ сапогъ и бѣлья. Для 112 человѣкъ учениць и учениковъ Нѣгушской школы велѣно мною также отпустить изъ склада бѣлья, обуви и разнаго платья для дѣвочекъ, а для мальчиковъ изъ имѣющагося въ складѣ толстаго сукна я велѣлъ заказать гачи (штаны) и веладуны (родъ куртки). Это было необходимо сдѣлать, такъ-какъ многія дѣти живутъ отъ школы часахъ въ двухъ и трехъ разстоянія. Вообще поддержку существующихъ и открытіе нѣсколькихъ новыхъ школъ для Герцеговинскихъ дѣтей, я считаю дѣломъ въ высшей степени полезнымъ. Также смотритъ на дѣло и все мѣстное населеніе. Дѣти съ необыкновенною любовью посѣщаютъ школы. Въ Нѣгушахъ и въ Кастель-Ново это не удивительно: тамъ имъ тепло, ихъ кормятъ. Но всѣ щколы въ Далмаціи этихъ удобствъ имъ не предоставляютъ, всѣ школы эти имѣютъ до крайности жалкую обстановку, и между тѣмъ дѣти исправно приходятъ въ нихъ

и въ хорошую и въ дурную погоду изъ «кучъ», отстоящихъ на $1^1/_2$—2 и более часовъ разстоянія.

И Герцеговинцы и Далматинцы (плавославные) очень дорожатъ этими школами и Г. Веселитскому-Божидаровичу и Госпожѣ Боголюбовой ставятъ въ особую заслугу именно основаніе этихъ школъ.

Назначенные С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ на поддержаніе школъ въ Далмаціи 2500 руб. получены были священникомъ Новаковичемъ, завѣдывающимъ всѣми этими школами, только передъ самымъ моимъ пріѣздомъ. Эти деньги пойдутъ собственно на содержаніе школъ, т. е. на жалованіе учителямъ и на пособіе ученикамъ, которое выдается имъ ежедневно въ размѣрѣ по 1 крейцеру на человѣка. Но этимъ дѣтямъ необходимо также помочь одеждою и обувью. От. Новаковичъ обѣщалъ составить подробную смѣту вмѣстѣ со всѣми учителями, которые должны были собраться къ нему 14 февраля. На-дняхъ, слѣдовательно, я долженъ получить смѣту и обсудить, что можно будетъ по ней сдѣлать.

Сейчасъ, когда я уже заканчивалъ это длинное посланіе, явились ко мнѣ 13 пословъ отъ жителей разныхъ селеній Попова Поля въ Герцеговинѣ. Мужское населеніе сражалось до прекращенія военныхъ дѣйствій въ рядахъ Черногорскаго войска, теперь они распущены; семьи же ихъ—около трехъ тысячъ душъ, живутъ въ Австріи на границѣ; хлѣба дарового онѣ отъ Черногоріи не получаютъ, Австрійское Правительство выдаетъ по временамъ по два, по три крейцера на человѣка, а по временамъ и ничего не даетъ. Помянутые послы явились съ прошеніями каждый отъ своихъ односельчанъ къ князю Николаю; Князь продержалъ ихъ, не давая имъ рѣшительнаго отвѣта, 16 дней въ Цетиньѣ, и въ концѣ концовъ направилъ ихъ ко мнѣ съ убѣдительною просьбою не отказать имъ въ помощи. Невозможно не помочь этому населенію, и я выдалъ имъ изъ полученныхъ въ Которѣ денегъ по полугульдену на человѣка. Для распредѣленія этихъ денегъ между нуждающимися поѣдутъ отъ Князя два довѣренныя лица, которыя передадутъ деньги мѣстнымъ властямъ (Мусичу) и будутъ наблюдать за ихъ раздачей.

Я завтра выѣзжаю изъ Цетинья въ Нѣгуши, гдѣ пробуду одинъ день, чтобы установить порядокъ раздачи изъ тамошняго склада вещей, и затѣмъ ѣду въ Грахово для наблюденія за раздачею вещей изъ тамошняго склада, а затѣмъ на нѣкоторое время думаю поселиться въ Перастѣ, гдѣ буду лично раздавать деньги наиболѣе нуждающемуся въ помощи населенію.

Прошу Совѣтъ не оставить меня безъ отвѣта и безъ денегъ, въ расходованіи которыхъ я стараюсь и буду стараться на сколько только это возможно при здѣшнемъ всеобщемъ «сиромашствѣ», быть бережливымъ.

Цетинье. 18 февр. 1878 г.

Напечатано въ «Вѣстникѣ Народной помощи», 1878 г., № 11 и 13, и отдѣльными оттисками.

Владыка Черногорскій, послѣдній митрополитъ-князь
Петръ II Петровичъ Нѣгошъ.
1811 — 1851 г.

2. Докладъ Славянскому благотворительному Обществу объ исполненіи его порученія въ Черногоріи *).

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества, назначивъ меня уполномоченнымъ своимъ въ Черногорію, предложеніемъ отъ 30 декабря 1877 года, № 1418, поручилъ мнѣ распредѣлить между бѣдствующимъ населеніемъ княжества денежныя и вещественныя средства, какъ высланныя уже въ княжество, такъ и тѣ, которыя имѣли туда поступать.

Представителемъ Русской общественной благотворительности въ Черногоріи мнѣ пришлось быть въ самые тяжелые, крутые дни трехлѣтней мучительной страды какъ коренныхъ жителей этой страны, такъ и укрывшагося въ ней населенія сосѣднихъ славянскихъ областей: Герцеговины и Старой Сербіи.

Положеніе Черногоріи и сопредѣльной съ нею Герцеговины въ то время, т. е. въ первой половинѣ 1878 года, было таково, что объ устройствѣ тамъ мѣстныхъ общественныхъ силъ, на подобіе того, какъ это было сдѣлано уполномоченнымъ нашимъ въ Болгаріи П. В. Алабинымъ, или объ устройствѣ мѣстныхъ комитетовъ для помощи нуждающимся, — невозможно было думать, такъ какъ между Черногорцами, а тѣмъ болѣе Герцеговинскими и Васоевичскими бѣгунцами, нельзя было найти свободныхъ образованныхъ, мало-мальски состоятельныхъ людей, изъ которыхъ можно было бы ихъ устроить. Единственно, что въ то время можно и должно было сдѣлать представителю Русской общественной благотворительности, это — оказать временную поддержку населенію, дошедшему до крайняго изнеможенія, тѣми средствами, какія имѣлись на лицо.

---

*) Помѣщаемый здѣсь докладъ составляетъ дополненіе и поясненіе представленной въ Совѣтъ цифровой отчетности, которую составляютъ: 1) отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ, съ указаніемъ статей приходо-расходной книги; 2) приходо-расходная книга съ 408 приложеніями; изъ нихъ 10 — въ оправданіе статей прихода и 398 — въ оправданіе статей расхода, и 3) книга-протоколъ раздачи денегъ семействамъ герцеговинскимъ, произведенной въ Перастѣ и на Граховѣ.

За время пребыванія моего въ Черногоріи въ распоряженіе мое поступило:

Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 99.928 гульд. 40 крейц., отъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, чрезъ довѣреннаго этого Общества Г. А. де-Волана, 1.400 р., или 1.660 гульд., отъ бывшаго С.-Петербургскаго женскаго Славянскаго кружка 640 гульд. 80 крейц., отъ Русскаго общества Краснаго Креста 8.756 гульд. 84 крейц., одно пожертвованіе, съ почты, 9 гульд. 60 крейц., всего 110.995 гульд. 64 крейц., что, по стоявшему въ то время курсу, составляло на наши деньги около 92½ тысячъ кредитныхъ рублей.

Вещевыхъ пожертвованій было въ мое время выслано въ Черногорію и раздано нуждающимся около 3.000 «бременъ», т. е. тюковъ, величиною въ подъемъ одному человѣку. Въ числѣ этихъ 3.000 содержалось около 250 тюковъ грубаго солдатскаго сукна и около 100 тюковъ съ холстомъ и разнаго рода дешевой бумажной и шерстяной матеріей. Въ остальныхъ тюкахъ находилось разнаго рода бѣлье и платье, большею частью сильно поношенное; всего, приблизительно, около 100.000 отдѣльныхъ предметовъ, считая тутъ какъ верхнее платье, такъ и всякую мелочь, въ родѣ носовыхъ платковъ и т. п.

Дѣятельность моя началась съ Дубровника (Рагузы), куда прибылъ я 31 января. На слѣдующій день, передъ выѣздомъ своимъ оттуда, я выдалъ извѣстнымъ Герцеговинскимъ дѣятелямъ, архимандритамъ Серафиму и Мелентію Перовичамъ, 500 гульденовъ, для помощи терпѣвшимъ страшную нужду герцеговинскимъ семействамъ въ Метковичахъ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Далмаціи; купилъ и роздалъ, вмѣсто струкъ *), нѣсколько шерстяныхъ одѣялъ Герцеговинскимъ дѣтямъ, коченѣвшимъ на улицахъ отъ холоду, и оказалъ небольшое пособіе одному Русскому, по фамиліи Розлачу, котораго я нашелъ въ Дубровникѣ, лежавшаго въ сильнѣйшей чахоткѣ, вскорѣ потомъ сведшей его въ могилу.

Въ Цетинье я пріѣхалъ 4 и прожилъ тамъ безвыѣздно до 20 февраля. Въ это время я ознакомился съ положеніемъ того дѣла, которому долженъ былъ служить, и слѣдствіемъ этого ознакомленія было донесеніе мое Совѣту С.-Петербургскаго Славянскаго Общества отъ 19 февраля, въ которомъ я сообщилъ Совѣту, въ подробностяхъ, предначертаніе дальнѣйшей

---

*) Струка—шерстяной коверъ, длиною аршина въ три и шириною аршина въ полтора, съ бахромкою, носится Черногорцами въ холодную погоду, какъ верхнее платье.

своей дѣятельности. Между прочимъ, въ донесенiи 19 февраля мною было указано на невозможность для представителя Русской общественной благотворительности въ Черногорiи ограничить кругъ своей дѣятельности предѣлами княжества, и на необходимость оказывать помощь и Герцеговинцамъ, и Боснякамъ, поселившимся въ сосѣдней Далмацiи. Сообщенiе мое было одобрительно принято Совѣтомъ, который помѣстилъ его въ «Вѣстникѣ Народной Помощи» и отпечаталъ отдѣльными оттисками. Не сдѣлавъ никакихъ замѣчанiй на сообщенныя мною предложенiя, Совѣтъ выслалъ мнѣ средства, необходимыя для приведенiя ихъ въ исполненiе. Итакъ, все, что было сдѣлано мною потомъ въ Черногорiи, въ качествѣ представителя С.-Петербургскаго Славянскаго Общества, было, въ общемъ, одобрено Совѣтомъ Общества.

Обстоятельства заставили меня (какъ и прежде меня бывшихъ въ Черногорiи Русскихъ уполномоченныхъ) помощь деньгами и одеждой оказывать цѣлымъ племенамъ или мѣстностямъ и отдѣльнымъ нуждающимся семействамъ и лицамъ.

I. Раздача денегъ народу вызывалась крайнею оскудицею, въ которую пришло населенiе Черногорiи за время войны, какъ собственно Черногорцы, такъ и въ особенности пришлое «усташское» населенiе княжества, т. е. разныя Васоевичскiя *) и Герцеговинскiя племена.

Туземное населенiе Черногорiи бѣдно вообще, вслѣдствiе естественныхъ условiй страны, половина которой, представляя собою груду сѣраго голаго камня, не говоря уже о чемъ-либо другомъ, даже и траву производитъ въ крайне скудномъ количествѣ. По народному преданiю, въ старину гора Ловченъ, по которой расположена такъ называемая Катунская нахiя, или собственно Черногорiя, такъ же, какъ и все Далматинское побережье Ядранскаго (Адрiатическаго) моря, была покрыта дубовымъ и буковымъ лѣсомъ. Остатки его уцѣлѣли еще и понынѣ по Ловчену и Бѣлой горѣ. Но въ общемъ Черногорiя и Далматинскiй берегъ Адрiатики представляютъ теперь собою картину голаго камня. Исчезли не только лѣса, истребленные рукою человѣка, но и питавшiй ихъ слой земли сметается постепенно съ каменныхъ грядъ рукою самой природы. Живя и путешествуя по Черногорiи, это исчезновенiе земли легко

*) Васоевичи — одно изъ красивѣйшихъ Сербскихъ племенъ—живетъ въ сосѣдствѣ съ Албанцами, прилегая къ Черногорiи съ восточной стороны. Герцеговинцы считаютъ землю Васоевичей частью Герцеговины.

прослѣдить собственными глазами: среди каменной пустыни горъ наѣзжаешь тамъ и сямъ на маленькія оазисы-поля, засѣянныя кукурузой, пшеницею или картофелемъ, украшенныя обыкновенно нѣсколькими плодовыми деревцами: яблоками, грушами, гранатами, а иногда и виноградною лозою. Съ удовольствіемъ останавливается глазъ на этой прелестной картинѣ, представляющей собою изобиліе благъ земныхъ и находящейся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ величественною, но дикою картиною безпорядочно нагроможденныхъ одна на другую сѣрыхъ голыхъ скалъ. Но посреди оазиса-поля замѣчается часто небольшая воронкообразная ямка съ острыми, осыпающимися краями; это значитъ, что сливающаяся съ окрестныхъ высотъ вода нашла себѣ въ этомъ мѣстѣ свободный путь въ подземное царство; въ десятокъ-другой лѣтъ она унесетъ съ собою въ каменныя нѣдра горъ все благословенное поле, и на его мѣстѣ будетъ, какъ и вокругъ, одинъ голый камень, изрытый трещинами и разсѣлинами. Итакъ, въ прежнее время земля Черногорская была богаче, нежели теперь; по крайней мѣрѣ, на ней было вдосталь лѣсу и привольныхъ пастбищъ; теперь же въ Цетиньѣ, столицѣ княжества, порою съ трудомъ можно достать за деньги сѣна для корма лошади: подобно всему прочему, и оно приносится туда понемногу съ разныхъ сторонъ на своихъ спинахъ Черногорскими «женами». Въ прежнія времена *военная добыча* была для Черногорцевъ однимъ изъ главныхъ средствъ къ жизни. Но въ послѣднее время правительство Черногорское запрещаетъ своимъ воинамъ слишкомъ свободно пользоваться правами побѣдителей, и война разорительно отзывается теперь и на черногорскомъ хозяйствѣ. Черногорскій воинъ, за недостаткомъ, а иногда и за полнымъ отсутствіемъ казеннаго продовольствія, живетъ на походѣ часто тѣмъ, что захватитъ съ собою, или что жена и малыя дѣти принесутъ ему изъ дому. Во время войны, мужское населеніе все, безъ исключенія, кромѣ неспособныхъ по юности или дряхлости и увѣчью, составляетъ войско; но тягости войны ложатся и на Черногорскихъ женщинъ: во время боя, онѣ подъ выстрѣлами носятъ воду сражающимся, безъ разбора — роднымъ и чужимъ; онѣ замѣняютъ собою отчасти военный обозъ: въ Черногоріи, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, гдѣ мнѣ привелось быть, не знаютъ вовсе колесъ; во все свое пребываніе тамъ я только однажды видѣлъ пару колесъ: то были колеса мѣдной пушки, брошенной Сулейманомъ-пашою въ Бѣлопавлицкой долинѣ. Все потребное для веденія войны, какъ боевой матеріалъ, такъ и продовольствіе войску, доставляется преимущественно изъ Боки Которской въ Черногорію

и тамъ разносится въ мѣста расположенія войскъ вьюками, въ переноскѣ которыхъ въ одинаковой мѣрѣ участвуютъ ослы, мазги (мулы) и черногорскія женщины. Итакъ, вслѣдствіе войны, все населеніе Черногоріи за послѣдніе два года было оторвано отъ своихъ хозяйствъ. Почти каждое семейство понесло утрату: рѣдкая изъ черногорскихъ женщинъ не ходитъ въ черномъ—или по мужѣ, или по братѣ, или по сынѣ, или по отцѣ. По горнымъ дорогамъ между черногорскимъ Цетиньемъ и австрійскимъ Которомъ въ мою бытность тамъ слышалось постоянно оглушительное, неумолкаемое кукованье (причитанье) Черногорскихъ женщинъ. Наконецъ, нѣкоторыя, и именно лучшія, наиболѣе плодородныя части княжества — Юго-Западная его окраина и Бѣлопавлицкая долина — эта артерія страны, «Зета питомая» — испытали на себѣ всѣ варварства турецкаго нашествія.

Но если положеніе Черногорцевъ, созданное войною, было и, конечно, остается еще и теперь бѣдственнымъ, то положеніе, въ которомъ я засталъ усташскія семейства Васоевичей (изъ Старой Сербіи) и Герцеговинцевъ, нельзя иначе опредѣлить, какъ гибельнымъ, отчаяннымъ, помощи себѣ, мало сказать—требовавшимъ, но вопіявшимъ о ней къ Богу и людямъ. Подобнаго народнаго бѣдствія, въ такихъ ужасающихъ, громадныхъ размѣрахъ, такого повальнаго, общаго, не было, я думаю, со временъ великаго переселенія народовъ; или, нѣтъ, подобныя бѣдствія, можетъ быть, и не разъ повторялись въ Славянскихъ земляхъ, да только мачеха наша исторія до сихъ поръ какъ бы не знала или не хотѣла ихъ знать!

Съ навечерія Иванова дня 1875 года, когда грянулъ въ Герцеговинѣ первый выстрѣлъ святаго возстанія, началось переселеніе или, лучше сказать, повальное бѣгство Сербскихъ семействъ изъ Герцеговины, Босніи и Старой Сербіи въ пограничныя Сербскія княжества и въ Далмацію и Хорватію, разростаясь и усиливаясь по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возстаніе, съ другой неистовства Турецкаго возмездія захватывали все большее и большее пространство. Въ первый годъ возстанія Черногорское правительство распредѣляло семьи бѣгунцевъ по Черногорскимъ кучамъ (домамъ), но потомъ, съ увеличеніемъ числа переселенцевъ, это сдѣлалось затруднительнымъ: Черногорцы, вынужденные всѣмъ дѣлиться со своими гостями, когда возстаніе затянулось, и сами пришли въ положеніе, требовавшее помощи; при такихъ условіяхъ даровое житье въ чужой, хотя бы и родственной хатѣ, не особенно сладко; кромѣ того, отъ скученности въ жилищахъ появились болѣзни, и вотъ въ послѣднее время однѣ изъ

усташскихъ семействъ гнѣздились въ разныхъ пещерахъ, другія соорудили себѣ въ Черногорской землѣ собственныя плетенки и кучи*): кучи — уже въ полномъ, русскомъ, значеніи этого слова—наложенныхъ другъ на друга, безъ всякаго скрѣпленія и смазки, сѣрыхъ, необтесанныхъ камней, прикрытыя сверху хворостомъ или соломой, безъ оконъ, съ единственнымъ отверстіемъ, черезъ которое влазятъ въ кучу и изъ котораго валитъ дымъ неизбѣжнаго въ каждой кучѣ костра. Въ получасовомъ разстояніи отъ Грахова (Герцеговинскаго селенія, присоединеннаго къ Черногоріи въ 1858 году) есть мѣстность, называемая Корнеѣлами, гдѣ тысячъ шесть душъ изъ разныхъ концовъ Герцеговины — отъ Невесинья, Заводья, Дабра — размѣстилось въ подобныхъ кучахъ. Я осматривалъ Корнеѣлы въ концѣ февраля мѣсяца, и именно на «бѣлой» (масляной) недѣлѣ. Надъ довольно глубокимъ еще тогда снѣгомъ поднимались толстые — аршинъ въ поперечникѣ — пни вырубленнаго Герцеговинцами лѣса. Различная высота пней, доходившая до двухъ аршинъ, указывала на высоту снѣга въ то время, когда рубилось то или другое дерево. Только отчасти рубился здѣсь лѣсъ для топлива, главное же—ради молодыхъ побѣговъ и листвы, которыми, за недостаткомъ въ Черногоріи травы, Герцеговинцы вынуждены были кормить пригнанный ими съ собою скотъ. Впослѣдствіи, во время поѣздки своей изъ Грахова въ Зубцы, по такъ называемой Бѣлой Горѣ, я видѣлъ обширныя пространства вырубленнаго лѣса. Толстые, вѣковые стволы превосходныхъ буковыхъ деревьевъ валялись, брошенные гнить, въ добычу дождямъ и времени. Весь этотъ лѣсъ вырубленъ былъ исключительно ради прутьевъ и листьевъ. Это служитъ явнымъ доказательствомъ, что Герцеговинцы пригнали съ собою со своей родины большое количество скота, и, пока былъ еще у нихъ скотъ, жить имъ было спола-горя. Но при мнѣ у бѣжавшихъ Герцеговинскихъ семей въ Черногоріи уже вовсе не было скота. На всемъ Граховѣ, въ которомъ и окрестъ котораго преимущественно разселились Герцеговинскія племена, я не видалъ ни одной коровы, которая принадлежала бы пришельцамъ; на всемъ пространствѣ Корнеѣлъ, гдѣ, какъ сказано, жило нѣсколько тысячъ душъ, на глаза мои попалась только одна тощая коза. Весь приведенный изъ Герцеговины скотъ былъ частью съѣденъ, частью проданъ по нуждѣ, частью пропалъ отъ безкормицы. Въ Корнеѣлахъ я влѣзалъ во многія кучи. Вездѣ одна картина: на пространствѣ одной, много двухъ квадратныхъ са-

---

*) Сербское куча = старослав. «куща» значитъ домъ.

женъ, вокругъ неугасимаго посрединѣ костра, ютится на голой землѣ, тѣснясь къ огню, цѣлая семья—и старые, и малые. Пожитковъ въ кучѣ — никакихъ, кромѣ одежды на плечахъ, отъ долгой безсмѣнной носки обратившейся въ лохмотья. На многихъ почти совершенно голыхъ дѣтяхъ я видѣлъ громадные струпья и гноящіяся раны—слѣды сильныхъ ожоговъ, и надо бы было удивляться, если бы не было ихъ при описанной обстановкѣ. Во многихъ кучахъ у костра на той же голой землѣ лежали больные — иные въ оспѣ, но большею частью тифозные. То былъ голодный тифъ. При выѣздѣ изъ Корнеѣлъ тысячная толпа стала мнѣ на пути. Когда я поравнялся съ ней, сначала раздались съ разныхъ сторонъ привѣтствія, потомъ рыданія и со всѣхъ сторонъ голоса: «Господине, крепаемо од гладе!», т. е. «издыхаемъ съ голоду!» Можетъ показаться, пожалуй, удивительнымъ, какимъ образомъ могъ быть между Герцеговинцами въ Черногоріи голодъ, когда правительство Русское все время, почти съ самаго начала возстанія, постоянно выдавало деньги на покупку для нихъ хлѣба. Деньги, дѣйствительно, шли, и хлѣбъ выдавался Герцеговинцамъ и Васоевичамъ ежемѣсячно, но это дѣлалось въ недостаточныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе ли особенной бережливости русскихъ чиновниковъ, или ошибочныхъ представленій о числѣ нуждавшихся въ помощи, сдѣланныхъ нашимъ властямъ со стороны Черногорскаго правительства, производившаго самую раздачу хлѣба, только по мѣрѣ того, какъ собственныя скудныя средства устащей изсякали, по мѣрѣ того, какъ у нихъ скотъ все убывалъ и, наконецъ, вовсе его не стало,—размѣръ мѣсячнаго хлѣбнаго продовольствія, отпускавшагося имъ, все убавлялся и, наконецъ, когда собственныя ихъ средства совершенно истощились, дошелъ до такой малой мѣры, что его, при самомъ бережномъ употребленіи, могло хватить на двѣ, самое большее на три недѣли и никакъ уже не на мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ: усташскихъ семей числилось, во время моего пребыванія въ Черногоріи, на Черногорской землѣ 76.000 душъ; на хлѣбъ имъ отпускалось въ послѣднее время по 68.000 руб. въ мѣсяцъ. Выдача хлѣба Герцеговинцамъ въ Черногоріи началась съ 16 сентября 1875 года, но правильный ежемѣсячный отпускъ имъ хлѣба слѣдуетъ считать съ 1 декабря того же года. Въ теченіи 5 мѣсяцевъ, съ 1 декабря 1875 г. по 1 мая 1876 г., выдавалось ежемѣсячно по 50 литръ въ мѣсяцъ на душу, съ 1 мая 1876 г. по 1 декабря 1877 г. стали давать только 40 литръ (13 окъ и 1 литръ) въ мѣсяцъ на душу, а съ 1 декабря 1877 г. размѣръ выдачи уменьшенъ до одного «багажа» въ 10 окъ, т. е. около 30 литръ или 25 фунтовъ

кукурузы на душу въ мѣсяцъ. И это 25 фунтовъ—въ зернѣ, не всегда доброкачественномъ. Если же принять во вниманіе, что кое-что потеряется при размолѣ, кое-что надо отдать за размолъ, то что же останется?—фунтовъ 20 кукурузной муки, и это единственная пища человѣку на мѣсяцъ! Надо замѣтить, что кукурузный хлѣбъ, дурно смолотый и дурно выпеченный, представляется мало питательнымъ и неудобоваримымъ веществомъ. А между тѣмъ, нужда приневоливала многихъ часть и этой скудной мѣсячной мѣры отдавать за долги или продавать для удовлетворенія другихъ настоятельныхъ нуждъ. И Черногорское правительство, чтобы помѣшать частнымъ лицамъ и въ этомъ дѣлѣ тѣснить бѣдный народъ, при тѣхъ же складахъ, изъ которыхъ производилась выдача хлѣба, устроило обратную его скупку, тоже, конечно, по уменьшенной цѣнѣ,—и вотъ значительное количество выданнаго хлѣба опять тотчасъ же возвращалось въ тѣ же самые склады. Вотъ почему, несмотря на ежемѣсячно отпускавшійся хлѣбъ, мнѣ приходилось на Граховѣ видѣть людей, питавшихся травой и совершенно изнемогшихъ отъ долгаго голоданья. Какъ необходимый спутникъ матеріальнаго бѣдствія, являются обыкновенно всякаго рода повальныя болѣзни. Съ увѣренностью можно сказать, что если не 1/2, то 1/3 часть православныхъ Босняковъ, Герцеговинцевъ и Васоевичей погибла въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1875—1878): немногіе, относительно, на боевомъ полѣ или отъ ранъ, остальные—отъ голода и болѣзней. Приведу еще одинъ случай, который наглядно рисуетъ, въ какихъ условіяхъ жило Герцеговинское населеніе въ Черногоріи. На Граховскомъ полѣ, въ сторонѣ отъ главнаго селенія, есть церковь, возлѣ которой похороненъ умершій отъ тифа въ 1876 г. молодой Русскій врачъ Полисадовъ, тамъ же, возлѣ самой церкви, стоитъ очень большая куча, строившаяся подъ школу, но, по случаю войны, недостроенная. Подъ кровлею этой кучи, безъ оконъ, безъ дверей, на голой землѣ жило нѣсколько Герцеговинскихъ семействъ, всего до 40 человѣкъ. На масляной недѣлѣ я былъ въ кучѣ и нашелъ тамъ нѣсколько человѣкъ больныхъ лихорадкою. На Пасхѣ, я какъ-то опять навѣстилъ жившія въ кучѣ семейства и вотъ что тамъ засталъ: во всѣхъ углахъ кучи раздавались стоны, у разложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ кучи костровъ лежали и сидѣли больные всякаго возраста и пола; нѣкоторые изъ нихъ совершенно раздѣлись и держали у огня покрытое струпьями тѣло. Оказалось, что въ кучѣ 16 человѣкъ больныхъ оспою, нѣкоторые же изъ ея жильцовъ переболѣли и были уже на ногахъ. Итакъ, повторяю, сказанное мною въ началѣ, что мнѣ при-

шлось быть представителемъ Русской общественной благотворительности среди бѣдствующаго населенія Черной Горы—въ самые тяжелые, самые крутые для него дни. Выдача хотя бы незначительной единовременной денежной помощи могла быть дѣйствительнымъ облегченіемъ для нуждающихся, избавляя однихъ отъ необходимости продавать за полцѣны полученный хлѣбъ, другимъ давая возможность прикупить кое-что для продовольствія семьи, словомъ, эта денежная помощь давала отощавшему населенію возможность хотя на короткое время полегче вздохнуть, въ ожиданіи, что должна же, наконецъ, когда-нибудь опредѣлиться ихъ участь, и они вернутся на свои родныя освобожденныя поля и свободнымъ производительнымъ трудомъ залѣчатъ раны и язвы, причиненныя имъ тяжелыми событіями послѣдней роковой борьбы съ вѣковымъ ихъ угнетателемъ — Турчиномъ.

Сказанное, кажется мнѣ, можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ, почему при раздачѣ денегъ и одежды я оказывалъ нѣкоторое предпочтеніе Герцеговинцамъ и Васоевичамъ передъ Черногорцами. Что послѣдніе сильно нуждались и нуждаются, это несомнѣнно; но нужда нуждѣ рознь: они все-таки были у себя дома, ихъ земля, какая она ни есть, ихъ домашній скарбъ и пожитки остались при нихъ. Кромѣ того, предмѣстникомъ моимъ П. А. Васильчиковымъ помощь оказывалась преимущественно Черногорцамъ: такъ, во вторую половину 1877 года имъ было роздано, по усиленной просьбѣ князя Николая и Русскаго генеральнаго консула Іонина, около 79.000 гульденовъ Черногорскимъ и отчасти Васоевичскимъ баталіонамъ (племенамъ) въ размѣрѣ 1 гульд. 20 крейц. (иногда и выше) на душу; Герцеговинцы же тогда не получили пособія. Только отъ Петербургскаго женскаго Славянскаго кружка*) роздано было имъ въ 1877 году г-жою Боголюбовою около 5.000 гульденовъ. Изъ Черногорскихъ племенъ я выдалъ денежную помощь только тѣмъ, которые пострадали при нашествіи Сулеймана-паши и не получили помощи отъ П. А. Васильчикова, а именно: племенамъ Пѣшивацкому, Болевичскому и Сейоцкому и 127 вдовамъ въ Бѣлопавличахъ. Помощь эта была выдана по тому же разсчету, по какому она была оказана П. А. Васильчиковымъ другимъ Черногорскимъ баталіонамъ, а именно по три цванцигера, или по 1 гульд. 20 крейц. на душу; всего было мною выдано названнымъ Черногорскимъ

---

*) Кружокъ этотъ образовался въ Петербургѣ въ 1875 г. и дѣйствовалъ, подъ предсѣдательствомъ Ольги Константиновны Граве, до весны 1877 г., когда съ утвержденіемъ уставовъ Славянскихъ Благотворительныхъ Обществъ, кружокъ этотъ пересталъ существовать.

племенамъ 5.089 гульд. 60 крейц. Васоевичамъ, оставшимся на своихъ мѣстахъ и по отдаленности не всегда имѣвшимъ возможности пользоваться даровымъ хлѣбомъ, а также Васоевичамъ, поселившимся въ Цермницѣ, и 17 ускокамъ (возстанцамъ) бѣлопольцамъ выдано въ помощь по тому же разсчету, какъ и Черногорцамъ, всего 16.838 гульд. 42 крейц. Разнымъ герцеговинскимъ племенамъ, находившимся въ Черногоріи и по сосѣдству съ нею въ Австрійской Далмаціи (до 50.000 душъ) выдано мною 46.201 гульд. 10 крейц. и, наконецъ, Боснякамъ 9.504 гульд. (въ томъ числѣ 300 гульд. для раненыхъ и больныхъ Босняковъ въ окрестностяхъ Книна и 200 гульд. въ пособіе виднымъ Боснійскимъ дѣятелямъ). Помошь Черногорцамъ и Васоевичамъ, а также Боснякамъ и Герцеговинскимъ семьямъ, жившимъ въ Далмаціи, выдавалась мною черезъ посредство представителей того или другого племени, пользующихся общею извѣстностью и довѣріемъ мѣстнаго населенія. Таковы, напримѣръ, Бѣлопавлицкій воевода Ристо Бошковичъ, Васоевичскій — Миланъ Вуковичъ, или у Герцеговинцевъ архимандритъ Мостарскій Серафимъ Перовичъ, претерпѣвшій за народное дѣло трехлѣтнее заточеніе въ Африкѣ, и двоюродный его братъ архимандритъ славнаго Дужскаго монастыря, воевода Шумскій Мелентій Перовичъ, видный дѣятель послѣдняго Герцеговинскаго возстанія. Боснякамъ помощь была выслана черезъ покойнаго Іову Бильбію, члена и секретаря временнаго Боснійскаго народнаго правительства, одного изъ четоводъ Джорджа Деспотовича и черезъ Книнскій добротворный отборъ (благотворительный комитетъ). Но Герцеговинскимъ семьямъ, жившимъ на Черногорской землѣ, болѣе 43.000 душъ, денежная помощь была мною роздана непосредственно. Прежде, чѣмъ приступить къ раздачѣ денегъ Герцеговинскому народу, я совѣщался съ людьми, хорошо знакомыми съ положеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ частей этого народа, и, главнымъ образомъ, съ главарями, т. е. старѣйшинами различныхъ Герцеговинскихъ племенъ, которыя почти всѣ собраны были на Граховѣ для опредѣленія какъ размѣра помощи деньгами и одеждою тому или другому племени, такъ и самого способа раздачи того или другого. Герцеговинскимъ главарямъ предложены были мною на обсужденіе слѣдующіе вопросы: что считаютъ они полезнѣе: выдать ли пособіе нуждающимся Герцеговинцамъ деньгами, или купить на эти деньги и выдать то, въ чемъ чувствовалась наибольшая нужда, какъ-то: хлѣба или соли и т. п. На этотъ вопросъ всѣ единогласно отвѣчали, что самою дѣйствительною для Герцеговинцевъ помощью будетъ помощь денежная, такъ какъ нужды не у всѣхъ одинаковы;

деньги же всякій употребитъ съ наибольшею для себя пользою. Вторымъ вопросомъ было: находятъ ли они справедливымъ выдать всѣ тѣ средства, какими я въ то время располагалъ, въ пособіе только нѣкоторымъ, наиболѣе пострадавшимъ, племенамъ, земли которыхъ оставались еще въ Турецкихъ рукахъ; или же не слѣдуетъ отказывать въ помощи и другимъ племенамъ, сравнительно менѣе пострадавшимъ, при чемъ, конечно, размѣръ помощи каждой отдѣльной семьѣ пришлось бы уменьшить. Единодушное рѣшеніе этого вопроса состоялось въ томъ смыслѣ, что ни одно изъ Герцеговинскихъ племенъ нельзя обойти помощью, такъ какъ всѣ сильно истощены, но что справедливо — тѣмъ Герцеговинскимъ племенамъ, земли которыхъ лежатъ за Друмомъ и за Тарою, которыя болѣе другихъ натерпѣлись и болѣе изнурены, пособіе дать въ большемъ размѣрѣ противъ тѣхъ, которые живутъ по сю сторону названныхъ рѣкъ. Сообразно бывшимъ у меня средствамъ, мною было рѣшено: за-Друмцамъ и за-Тарцамъ роздать по двѣ плѣты (цванцигера), т. е. по 80 крейцеровъ на душу; остальнымъ по $1\frac{1}{2}$, т. е. 60 крейцеровъ, кромѣ Банянъ, племени пограничнаго съ Черной Горой, все время остававшихся на своихъ мѣстахъ и потому менѣе другихъ пострадавшихъ; имъ рѣшено было дать только по одному цванцигеру, или по 40 крейцеровъ на душу. Представители Герцеговинскихъ племенъ одобрили это распредѣленіе, какъ наиболѣе справедливое. Что касается самого способа раздачи денегъ, то главари высказались за то, чтобы я самъ непосредственно роздалъ деньги народу, такъ какъ, если бы это было поручено имъ, то противъ начальниковъ тѣхъ племенъ, которымъ опредѣлено было выдавать меньше другихъ, легко могли возникнуть подозрѣнія и неудовольствіе; къ русскимъ же распоряженіямъ народъ относился съ полнѣйшимъ уваженіемъ и довѣріемъ. При раздачѣ денегъ народу вообще соблюдаемъ былъ мною порядокъ, установленный Черногорскимъ правительствомъ для выдачи хлѣба; т. е.: Черногорскимъ и тѣмъ Герцеговинскимъ и Васоевичскимъ племенамъ, которымъ по отдаленности или по какимъ-либо инымъ причинамъ приходилось выдавать деньги чрезъ посредство главарей, онѣ выдавались на руки послѣднимъ по такъ называемымъ *протоколамъ*, т. е. по именнымъ спискамъ нуждающихся семействъ извѣстнаго племени, съ обозначеніемъ числа душъ въ каждой семьѣ. Для начальника, принявшаго по протоколу деньги, обязательно было выдать каждому помѣщенному въ спискѣ семейству опредѣленную сумму по числу значащихся по списку въ этомъ семействѣ душъ. При непосредственной же раздачѣ денегъ Герцеговинскимъ семействамъ

мною наблюдаемъ былъ слѣдующій порядокъ: деньги выдавались по такъ называемымъ *«упутницамъ на таинъ»*, т. е. по билетамъ, выданнымъ Черногорскимъ правительствомъ нуждающимся усташскимъ семействамъ на полученіе хлѣба. Имена владѣльцевъ билетовъ при выдачѣ денегъ записывались въ особую книгу, съ распредѣленіемъ ихъ по батальонамъ, т. е. по племенамъ; въ книгѣ отмѣчалось число душъ, прописанное въ билетѣ, и количество выданной денежной суммы; на билетахъ же, во избѣжаніе двукратной выдачи однимъ и тѣмъ же лицамъ, отмѣчались красными чернилами текущій номеръ книги, день выдачи и ея размѣръ. (Въ большинствѣ случаевъ отмѣтки эти дѣлались моею рукой).

При раздачѣ денегъ была установлена строгая очередь, именно: деньги выдавались нуждающимся по мѣрѣ того, какъ подходилъ для каждаго изъ нихъ срокъ для полученія хлѣба, и именно: не ранѣе какъ за два дня до наступленія этого срока. Очередь эту необходимо было установить въ выгодахъ самихъ нуждающихся, такъ какъ иначе десятки тысячъ разомъ явились бы за полученіемъ денегъ и удовольствовать всѣхъ разомъ не было бы никакой возможности. При установленномъ же порядкѣ все нуждающееся населеніе въ теченіе мѣсяца получило отъ насъ пособіе безъ всякаго лишняго для него отягощенія. Раздача денегъ была начата мною 27 марта въ Перастѣ, городкѣ Боки Которской, гдѣ большинство жившихъ въ Черногоріи Герцеговинскихъ семействъ, а именно болѣе 43.000 душъ, получали отъ Черногорскаго правительства хлѣбъ. Выборъ этого города для раздачи денегъ избавлялъ отъ необходимости собирать нарочно для этой цѣли народъ на другихъ мѣстахъ: являясь за хлѣбомъ, каждый получалъ и деньги. Но въ Перастѣ раздача продолжалась только до 12 апрѣля, а затѣмъ я перешелъ на Грахово, находящееся въ $6^1/_2$ часовомъ разстояніи отъ Пераста, и съ 14 числа продолжалъ тамъ раздачу до 1 мая включительно. Причиною переѣзда моего на Грахово было запрещеніе Австрійскимъ правительствомъ раздавать Герцеговинцамъ деньги на Австрійской землѣ.

Объ этомъ обстоятельствѣ были напечатаны въ Русскихъ газетахъ телеграммы и корреспонденціи, въ которыхъ, какъ это нерѣдко бываетъ, дѣло было представлено въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ, а потому я считаю нелишнимъ разсказать, какъ оно дѣйствительно происходило. Раздача денегъ въ Перастѣ производилась въ томъ самомъ домѣ, гдѣ выдавались и промѣнивались Черногорскими чиновниками билеты на хлѣбъ. Дней десять все шло благополучно. И мѣстныя австрійскія

власти, и самъ осматривавшій въ это время Боку Которскую Далматинскій намѣстникъ, баронъ Родичъ, видѣли раздачу денегъ и ничѣмъ не заявили своего неудовольствія по этому поводу. Но вотъ въ одно прекрасное утро является ко мнѣ австрійскій жандармскій офицеръ и проситъ меня объясниться относительно производимой мною раздачи денегъ съ представителемъ Австрійской власти въ краѣ помощникомъ политическаго комиссара (губернатора) Боки Которской, проживающимъ въ сосѣднемъ городкѣ Риснѣ, въ получасовомъ разстояніи отъ Пераста. Помощникъ комиссара просилъ меня, во избѣжаніе могущихъ быть для него непріятностей со стороны центральной власти, спросить по телеграфу дозволеніе на раздачу денегъ въ Бокѣ у Далматинскаго намѣстника; до полученія же отвѣта разрѣшилъ мнѣ продолжать раздачу. Прошло дней пять, отвѣта на мою телеграмму не было, но мнѣ не мѣшали, и я продолжалъ свое дѣло. Но вотъ 12 апрѣля, въ среду на Страстной недѣлѣ, около полудня, когда я съ однимъ изъ своихъ помощниковъ раздавалъ деньги, со стороны Рисна *) подошло къ намъ человѣкъ восемь жандармовъ, въ полномъ парадѣ, съ ружьями въ рукахъ, и штыки на ружьяхъ. Воинство это остановилось передъ окномъ, изъ котораго выдавались деньги, а старшій, ставъ въ дверяхъ, объявилъ мнѣ, что «по распоряженію высшей власти мнѣ запрещается раздавать деньги народу въ австрійскихъ владѣніяхъ, и что, если еще хотя одинъ сольдъ (крейцеръ) будетъ мною выданъ, то я буду отвѣчать по австрійскимъ законамъ». Выслушавъ это распоряженіе, я объявилъ стоявшей передъ нами огромной толпѣ народа, съ недоумѣніемъ взиравшей на происходившее, чтобы желающіе получить отъ меня деньги шли на Грахово, что я тамъ буду продолжать раздачу, такъ какъ Австрійское правительство запретило мнѣ оказывать имъ помощь на его землѣ. Объявивъ распоряженіе властей, жандармы воротились въ Рисанъ. Для чего было прислано столько вооруженныхъ людей, чтобы передать мнѣ отвѣтъ Австрійскаго правительства на мою телеграмму—осталось для меня загадкой. Конечно, Австрійскому правительству могла быть непріятна раздача русскихъ денегъ на его землѣ, увеличивая въ глазахъ мѣстныхъ жителей, его подданныхъ, и безъ того могущественное обаяніе Россіи; съ другой стороны, запрещеніе раздачи помощи голоднымъ Герцеговинскимъ семействамъ трудно было чѣмъ-нибудь объяснить; но вѣдь можно было, не приводя основаній, однако же, тихо и пристойно сообщить мнѣ отрицательный отвѣтъ

*) Рисанъ (Risano)—городокъ въ разстояніи минутъ 40 ходьбы отъ Пераста.

на мой запросъ; къ чему же было изъ этого простого дѣла устраивать зрѣлище—посылать цѣлый военный отрядъ и тѣмъ ронять себя въ глазахъ своихъ собственныхъ подданныхъ, отъ которыхъ потомъ мною было принято множество сочувственныхъ заявленій, съ выраженіемъ порицанія «недостойному» и «невѣжественному» поступку Австрійскихъ властей? Кромѣ описанныхъ, другихъ столкновеній у меня лично съ австрійскими властями не было. И до, и послѣ разсказаннаго происшествія я неоднократно проводилъ по нѣсколько дней въ Перастѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Боки Которской и Кривошіи, посѣщалъ тамъ церкви и школы для дѣтей Герцеговинцевъ и для дѣтей мѣстныхъ жителей и, какъ Русскій вообще и какъ представитель Славянскаго общества въ особенности, постоянно былъ встрѣчаемъ и сопровождаемъ выраженіями самаго искренняго расположенія и со стороны народа, и со стороны мѣстныхъ выборныхъ властей.

До сихъ поръ я говорилъ о денежной помощи цѣлымъ мѣстностямъ и племенамъ, но, какъ сказано выше, обстоятельства заставляли меня помогать и отдѣльнымъ семьямъ, и лицамъ. Въ дѣлѣ помощи строго мелочное слѣдованіе разъ принятымъ правиламъ не всегда возможно; мелочная точность въ этомъ дѣлѣ часто близко граничитъ съ безсердечіемъ. Человѣкъ, котораго видишь готовымъ умереть съ голода, имѣетъ безспорное право на помощь внѣ всякихъ правилъ и соображеній. — Въ Черногоріи на каждомъ шагу приходилось мнѣ встрѣчаться лицомъ къ лицу съ такою несомнѣнною, такою вопіющею нуждою, что отвертываться отъ нея не представлялось рѣшительно никакой возможности. Мнѣ дано было порученіе помогать нашимъ братьямъ въ ихъ выходящей изъ ряду бѣдѣ, и всякій нуждающійся въ помощи всегда и вездѣ имѣлъ ко мнѣ свободный доступъ.

Положеніе мое въ отношеніи къ мелкимъ денежнымъ выдачамъ отдѣльнымъ лицамъ было довольно затруднительное. Мнѣ приходилось имѣть дѣло почти исключительно съ безграмотнымъ людомъ. Чтобы оформить эти расходы, я въ тѣхъ случаяхъ, когда за помощью приходили ко мнѣ на домъ, просилъ обыкновенно кого-нибудь изъ грамотныхъ свидѣтелей выдачи: одного изъ своихъ помощниковъ или изъ постороннихъ посѣтителей написать росписку за получателя. Но меня осаждали просьбами на каждомъ шагу и на всякомъ мѣстѣ; мнѣ приходилось раздавать деньги по улицамъ и по горнымъ дорогамъ во время моихъ частыхъ поѣздокъ; тутъ приходилось обходиться безъ росписокъ. На случай такихъ выдачъ я, отъѣзжая куда-либо, бралъ обыкновенно съ собою опредѣ-

ленное количество серебра и во время остановокъ сводилъ счетъ, сколько было мною роздано на пути. На мелкія пособія отдѣльнымъ лицамъ: раненымъ, престарѣлымъ и больнымъ, а также на мелкія безъимянныя выдачи, преимущественно дѣтямъ и женщинамъ на улицахъ и дорогахъ во время поѣздокъ, израсходовано мною 2,857 гульд. 84 крейц. Не на каждый изъ этихъ гульденовъ имѣется у меня оправдательный документъ. Кромѣ мелкой помощи, въ размѣрѣ, рѣдко превышавшемъ серебряный гульденъ на душу, нѣкоторымъ нуждающимся семействамъ и лицамъ оказана была мною поддержка въ болѣе значительныхъ размѣрахъ.

Дѣло въ томъ, что, живя въ Черногоріи, я имѣлъ случай близко узнать много такихъ людей, имена которыхъ золотыми буквами должны бы быть записаны на страницахъ Славянской исторіи. Вся жизнь этихъ людей—живая былина неустанной богатырской борьбы съ врагами Славянства. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ $2^1/_2$ года тому назадъ (въ 1875—1876 г.г.) съ любовью и заслуженнымъ уваженіемъ повторялись по всей Россіи. Они развернули въ 1875 г. стягъ Славянской свободы, они крикнули кличъ освобожденія всему Славянскому міру, и они грозно и честно держали развернутое ими знамя: они устояли и противъ натиска вражескихъ полчищъ, и противъ льстивыхъ увѣщаній лживой Европейской дипломатіи и передали свое знамя только въ родственныя, болѣе сильныя руки. Они честно выполнили долгъ свой передъ исторіей; не ихъ вина, если дѣло испортили потомъ другіе. Имъ, нашимъ братьямъ-Герцеговинцамъ, за ихъ честное служеніе Славянскому дѣлу, за ихъ юначество, за ихъ стойкость, великое, вѣчное спасибо, вѣчная честь, вѣчная слава подобаетъ!*). Очень немногіе изъ этихъ народныхъ вождей и въ очень рѣдкихъ случаяхъ обращались ко мнѣ съ просьбою о помощи; но я видѣлъ самъ ихъ нужду, ихъ житье-бытье, ничѣмъ не отличающееся отъ жизни остальныхъ ихъ соотчичей, и я считалъ долгомъ оказать имъ нѣсколько большую поддержку сравнительно съ помощью остальнымъ нуждающимся. Не говоря уже объ ихъ исторической заслугѣ, дающей имъ право на вниманіе и поддержку со стороны нашего Славянскаго и вообще всего Русскаго общества, усиленная помощь имъ вызывалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что они въ качествѣ народныхъ старшинъ несли многія исключительныя тяготы; такъ,

---

*) Имена этихъ людей мы здѣсь не называемъ; но они встрѣтятся ниже въ заключительной части доклада, въ разсказѣ о сдачѣ Герцеговинскаго войска Австрійцамъ и въ приложенной къ докладу пѣснѣ о началѣ возстанія въ Герцеговинѣ.

напр., они часто вызывались княземъ Николаемъ или сами являлись къ нему ходатайствовать о народныхъ нуждахъ, а всякая такая поѣздка и проживательство въ Цетиньѣ или въ иномъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ собственной кучи, требуя нѣкоторой денежной траты, при отсутствіи сбереженій, тяжело и разорительно отзывалась на ихъ убогомъ хозяйствѣ. Наконецъ, при раздачѣ мною одежды и денегъ народу они не мало понесли труда: я не могъ обойтись безъ указаній и услугъ Герцеговинскихъ главарей, которые, сказать безъ преувеличенія, знаютъ каждый въ своемъ племени каждую кучу, житье-бытье, достатки и недостатки и число членовъ каждаго семейства. Вотъ тѣ основанія, по которымъ я считалъ своимъ правомъ и долгомъ семьямъ нѣкоторыхъ нуждающихся главарей оказать помощь въ размѣрѣ до 100 гульденовъ на семью. Такихъ относительно крупныхъ выдачъ произведено мною на сумму всего 2.560 гульд. 72 крейц.

Когда я оканчивалъ уже раздачу денегъ на Граховѣ, Черногорское правительство приказало Герцеговинскимъ и Васоевичскимъ племенамъ, земли которыхъ были въ рукахъ князя и по Святостефанскому миру оставались за Черногоріей, идти на свои пепелища. При этомъ возвращавшимся было отпущено (Русскимъ правительствомъ) по дукату (червонцу) на душу на обзаведеніе и, кромѣ того, зерновой хлѣбъ на обсѣмененіе полей. Съ выдачею этого пособія всякая дальнѣйшая помощь этимъ племенамъ, отпускъ имъ мѣсячнаго таина со стороны Черногоріи и Россіи прекращалась. Раздача денегъ и билетовъ на полученіе зерна изъ хлѣбныхъ складовъ произведена была въ Рѣкѣ, Нѣгушахъ и Граховѣ. Распоряжался этимъ дѣломъ Русскій чиновникъ, баронъ Врангель, смѣнившій собою А. А. Рихтера по завѣдыванію покупкою и раздачею хлѣба Черногорскимъ и усташскимъ семействамъ. На Граховѣ раздача денегъ и билетовъ на сѣмена производилась имъ и Черногорскимъ министромъ финансовъ воеводою Церовичемъ при участіи моемъ и двоихъ моихъ помощниковъ. Въ доказательство произведенныхъ выдачъ барономъ Врангелемъ при выдачѣ билетовъ на сѣмена отбирались отъ Герцеговинцевъ прежніе ихъ билеты на таинъ, на которыхъ я при раздачѣ денегъ отъ Славянскаго общества дѣлалъ отмѣтки. Билеты эти, надо полагать, доставлены барономъ Врангелемъ при отчетности его въ Министерство Финансовъ и могутъ служить, между прочимъ, документами для провѣрки и моихъ выдачъ. Участь усташскихъ семействъ, получившихъ пособіе деньгами и хлѣбомъ отъ правительства, временно облегчилась, хотя, по всей вѣроятности, хлѣбъ, выданный для обсѣмененія полей, не могъ

быть тогда же посѣянъ, такъ какъ этимъ дѣломъ запоздали— выдача билетовъ на полученіе сѣмянъ была начата только въ послѣднихъ числахъ апрѣля; до слѣдующаго же посѣва сберечь зерна усташи едва ли имѣли возможность, такъ какъ съ немедленнымъ прекращеніемъ шедшаго имъ дотолѣ ежемѣсячно продовольствія они неизбѣжно должны были тратить на прокормленіе себя и семейства и деньги, выданныя на обзаведеніе, и хлѣбъ, выданный на сѣмена. Въ настоящее время положеніе усташскаго народа, оставшагося въ Черногорскихъ границахъ, если ему не оказано правительствомъ нашимъ новой поддержки, безотрадное.

Впрочемъ, въ настоящее время большая часть Герцеговинскихъ земель, которыя въ то время и Черногорскимъ, и нашимъ правительствомъ, повидимому, считались уже окончательно принадлежностью Черногоріи,—въ Австрійскихъ рукахъ.

Во всякомъ случаѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1878 г. положеніе ближайшихъ къ Черногоріи Герцеговинскихъ и Васоевичскихъ племенъ было сноснѣе положенія такъ называемыхъ за-Друмцевъ и за-Тарцевъ, земли которыхъ оставались еще въ рукахъ Турецкихъ; у этихъ послѣднихъ, кромѣ скитальчества и голоданья, по прежнему, вблизи ничего не видѣлось. Поэтому передъ отъѣздомъ своимъ изъ Черногоріи (въ концѣ мая) я выдалъ для помощи наиболѣе нуждающимся за-Друмцамъ еще 3.519 талеровъ. — По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, князь Николай, по отъѣздѣ моемъ, часть этихъ денегъ отобралъ у Герцеговинскихъ главарей изъ опасенія, чтобы ничтожныя эти средства не облегчили имъ возможность сопротивляться Австрійскому захвату (оккупаціи)....

Окончивъ отчетъ о раздачѣ денегъ, я прежде, чѣмъ говорить о другихъ видахъ помощи, считаю необходимымъ уклониться здѣсь въ сторону: изображенное выше положеніе Черногорскихъ, Герцеговинскихъ и Васоевичскихъ семействъ, казалось бы, служитъ достаточнымъ оправданіемъ затратъ, сдѣланныхъ и правительствомъ, и обществомъ нашимъ на поддержку жизни и здоровья этихъ семействъ. Если бы правительство и общество Русское направили въ эту сторону, на это дѣло въ десять разъ больше того, что было дано, то и тогда эта помощь изнемогшему въ неравной борьбѣ народу была бы дѣломъ въ высшей степени человѣчнымъ, и святымъ, и полезнымъ для нашего отечества; этими жертвами спасалась жизнь братскаго, геройскаго, беззавѣтно преданнаго намъ народа. Однако, далеко не всѣмъ эта Русская помощь Славянамъ была

понутру; такъ, баронъ Врангель, на котораго возложена была нашимъ правительствомъ обязанность завѣдывать заготовкою и раздачею хлѣба черногорскимъ и усташскимъ семействамъ, при отправленіи этой своей обязанности не стѣснялся громогласно высказывать свои сожалѣнія о томъ, что «Россія тратится на прокормъ всѣхъ этихъ батраковъ». Въ маѣ 1878 г., когда Европейскіе дипломаты окончательно уже надумали собраться на конгрессъ въ Берлинѣ, г. Врангель, потирая съ удовольствіемъ руки, говорилъ: «слава Богу, скоро будетъ заключенъ окончательный миръ, мы *«сдадимъ»* Герцеговинцевъ Австріи, и Россія избавится отъ этихъ голодныхъ ртовъ» и т. д. Затѣмъ и кромѣ чиновниковъ-дипломатовъ находятся въ Русскомъ обществѣ люди, которымъ жалко этихъ жертвъ, у которыхъ хватаетъ духу осуждать эту помощь несчастнымъ страдальцамъ. Такъ, извѣстный корреспондентъ «Новаго Времени» г. Молчановъ, въ письмѣ изъ Цетинья, напечатанномъ въ № 979 названной газеты за 1878 г., говоря, между прочимъ, о недостаточности военной поддержки, оказанной нашимъ правительствомъ союзнику своему Черной Горѣ, замѣчаетъ: «Въ то время, когда мы были такъ экономны къ нашему полезному ратному союзнику, мы издержали около трехъ милліоновъ на прокормленіе бѣглецовъ-Славянъ и не-Славянъ, пришедшихъ на территорію княжества со всѣхъ сторонъ: изъ Герцеговины, изъ Ново-Базарскаго округа, изъ Албаніи» и т. д... Очевидно, г. Молчановъ не сочувствуетъ этой щедрости нашего правительства. Въ корреспонденціи же, напечатанной въ № 978 названной газеты, г. Молчановъ, по поводу помощи, оказанной Славянскими Благотворительными Обществами бѣдному населенію княжества во время минувшей войны, высказываетъ слѣдующія вещи: «Говоря вообще, наши Славянскіе благотворители являются заграницею настоящими барами, съ величайшею наклонностью благодѣтельствовать направо и налѣво и съ абсолютнымъ отсутствіемъ какого-либо руководящаго принципа... Въ качествѣ Русскаго, я считаю непозволительнымъ давать другимъ то, чего у насъ самихъ нѣтъ. Положеніе массы нашего крестьянства не можетъ позволить Русскому человѣку руководствоваться въ раздачѣ пособій заграницею однимъ голымъ принципомъ: «неимущему подай!» У насъ своихъ ближайшихъ Славянъ неимущихъ много, много безъ счета. Чтобы дать не имъ, а чужому, дальнѣйшему, нуженъ высшій мотивъ, чѣмъ «не имущему подай!» Этимъ мотивомъ для Русскаго человѣка можетъ быть лишь то будущее Россіи среди Славянскихъ племенъ, на которое она, Россія, пріобрѣла право неисчислимыми жертвами сѣраго армяка и кровью, и экономическою

бѣдностью, на которое она, Россія, имѣетъ право, какъ наиболѣе могущественная, наиболѣе развитая, интеллигентная изъ Славянскихъ державъ. Помогать приближенію этого будущаго наиболѣе прямымъ путемъ—духовнымъ ознакомленіемъ Славянъ съ духовною Россіею—вотъ единственное поле для дѣятельности Русскаго славянофила»... Далѣе, въ той же корреспонденціи, г. Молчановъ высказываетъ «страстное желаніе, чтобы голосъ его не остался воплемъ въ пустынѣ, а наши активные славянофилы освѣтили Русскому обществу тотъ принципъ, во имя котораго они распоряжаются суммами, жертвуемыми на Славянское дѣло». Сказать правду, всѣ эти разсужденія о принципахъ и мотивахъ, о сѣромъ армякѣ, о будущемъ Россіи среди Славянскихъ земель, о духовномъ ознакомленіи Славянъ съ духовною Россіею — въ приведенной тирадѣ г. Молчанова при всей ихъ цвѣтистости, совершенно безсодержательны. Сочувствовавшая Славянскому дѣлу и жертвовавшая на это дѣло часть Русскаго общества не нуждается въ освѣщеніи того принципа, во имя котораго «активные наши славянофилы» распоряжались въ то время суммами, пожертвованными на Славянское дѣло, такъ какъ принципъ этотъ для нея и безъ того не тайна; онъ прямо былъ заявленъ въ многочисленныхъ воззваніяхъ о пожертвованіяхъ, миллионы которыхъ разосланы были Славянскими Обществами во всѣ концы Россіи, и что принципъ этотъ ясно былъ понятъ Русскимъ обществомъ и принятъ имъ сочувственно, доказательствомъ тому и служитъ та масса пожертвованій и деньгами, и вещами, которыя поступали и до сихъ поръ продолжаютъ поступать въ наше Славянское Общество изъ самыхъ далекихъ закоулковъ нашей Россіи. Въ виду всего этого можно было бы оставить вызовы г. Молчанова безъ отвѣта, по пословицѣ — «на всякое чиханье не наздравствуешься». Но такъ какъ корреспонденціи г. Молчанова печатались въ одной изъ распространеннѣйшихъ нашихъ газетъ и такъ какъ многіе изъ нашихъ русскихъ читателей относятся довѣрчиво, безъ собственной критики, ко всему, что преподносится имъ подъ видомъ критики и, забывая приведенную выше пословицу, всякое, оставленное безъ отвѣта, замѣчаніе готовы считать основательнымъ и вѣрнымъ, то я и счелъ не безполезнымъ остановиться на письмахъ г. Молчанова изъ Черногоріи и дать прямой отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ о принципѣ и вмѣстѣ доказать и внутреннюю несостоятельность приведенныхъ мною выше его замѣчаній.

Прежде всего: въ нихъ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Сначала г. Молчановъ негодуетъ на абсолютное отсутствіе принципа въ дѣятельности славянофиловъ по распоряже-

нію пожертвованными на Славянское дѣло суммами; но затѣмъ изъ его же собственныхъ словъ оказывается, что руководящій въ данномъ случаѣ принципъ *былъ* у активныхъ славянофиловъ, что г. Молчановъ его замѣтилъ и даже вѣрно охарактеризовалъ словами: «неимущему подай!», но этотъ «голый», по выраженію его, принципъ ему не нравится; онъ считаетъ его не достаточно высокимъ и въ силу этого отказывается признать его принципомъ, а предлагаетъ вмѣсто него славянофиламъ въ руководство — «мотивъ», которымъ можетъ быть только то будущее Россіи среди Славянскихъ племенъ, на которое она, Россія, пріобрѣла право неисчислимыми жертвами «сѣраго армяка» и т. д. Единственное поле дѣятельности, которое отмежевываетъ г. Молчановъ Русскимъ славянофиламъ, это — помогать приближенію этого будущаго «наиболѣе прямымъ», по мнѣнію корреспондента, «путемъ духовнаго ознакомленія Славянъ съ духовною Россіею».—Принципъ, руководившій въ послѣдніе годы нашихъ активныхъ славянофиловъ въ распредѣленіи помощи Балканскимъ Славянамъ, опредѣляется тѣмъ принципомъ, во имя котораго собрана была ими большая часть поступившихъ въ ихъ распоряженіе средствъ; и этимъ принципомъ нашимъ, какъ и принципомъ большинства Русскихъ людей, жертвовавшихъ на Славянское дѣло, была Евангельская заповѣдь: «просящему у тебя дай!» или, что то же — «неимущему подай» и «слабому помоги!» и всуе поминаетъ г. Молчановъ сѣрый армякъ и положеніе массы нашего крестьянства, силясь доказать недостаточность этого Евангельскаго начала. Главная масса средствъ, находившихся въ нашемъ распоряженіи, даны были намъ именно массою нашего крестьянства и другаго неимущаго люда — и даны ими, «сѣрыми армяками», именно во имя этого осужденнаго г. Молчановымъ принципа — «не имущему подай», «просящему и слабому помоги»! Г. Молчановъ говоритъ, что онъ, въ качествѣ Русскаго, считаетъ непозволительнымъ давать другимъ, чужимъ, то, чего у насъ у самихъ нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ пусть онъ запретитъ Русскому народу, въ виду его собственной нужды, дѣлать доброе дѣло, помогать другимъ нуждающимся, а разъ лепты народныя даны во имя принципа—«неимущему подай!»—распорядителямъ собранныхъ лептъ остается только расходовать ихъ согласно ихъ назначенію, согласно волѣ жертвователей. И напрасно думаетъ г. Молчановъ, что онъ говоритъ это въ качествѣ «Русскаго», потому что эти разсужденія его отзываются не здравымъ толкомъ Русскаго человѣка, а скорѣе резонерствомъ «человѣка культурнаго», какъ и величаетъ себя самъ г. Молчановъ въ той самой корреспонденціи,

о которой идетъ у насъ рѣчь. У насъ, дѣйствительно, есть извѣстнаго сорта культурные люди, которые, руководясь разными высшими политико-экономическими принципами,— подачу милостыни бѣдняку считаютъ чуть ли не преступленіемъ. Но народъ нашъ смотритъ на это иначе. Сѣрый армякъ нашъ по опыту знаетъ нужду, приглядѣлся къ случаямъ единичной нужды и самъ притерпѣлся къ ней; тѣмъ не менѣе онъ хорошо понимаетъ, что въ жизни можетъ приключаться особая, изъ ряда выдающаяся, нужда, которая зовется уже не нуждою, а бѣдою. Помочь въ такой исключительной нуждѣ своему ли или чужому — народъ нашъ считаетъ долгомъ христіанскаго милосердія, долгомъ любви къ ближнему и называетъ онъ эту помощь «милостынею святою». Тѣмъ понятнѣе для нашего «сѣраго армяка» необходимость помощи въ годины бѣдствій народныхъ — «глада, губительства, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныя брани». Всѣ эти бѣдствія, о пронесеніи которыхъ надъ нашею страною ежедневно молится наша Церковь, обрушились разомъ на земли за-Дунайскихъ Славянъ, и народъ нашъ братски протянулъ имъ руку помощи. Тѣмъ настоятельнѣе сказалась въ Русскомъ нашемъ народѣ потребность помочь за-Дунайскимъ страдальцамъ, что онъ призналъ въ нихъ *не чужихъ*, а своихъ, братьевъ по крови и по духу, и то дѣло, за которое они бились и страдали,— дѣломъ святымъ и правымъ. Творя свою великую милостыню, Русскій народъ въ данномъ случаѣ руководствовался единственно чувствомъ родства, чувствомъ любви къ ближнему и, наконецъ, велѣніемъ заповѣди Христовой; жертвуя ради Славянскаго дѣла и скудными своими достатками, и кровью лучшихъ своихъ сыновъ, онъ выполнялъ свой нравственный долгъ безъ всякихъ корыстныхъ *мотивовъ*, безъ всякаго поползновенія купить себѣ цѣною этихъ жертвъ извѣстныя *права* и *положеніе* въ средѣ Славянскихъ народовъ; но по самой силѣ вещей эти жертвы пріобрѣтали Россіи такую любовь и создавали для нея такое прочное положеніе въ средѣ всѣхъ Славянскихъ народовъ, какого нельзя достичь никакими *прямыми* путями духовнаго ознакомленія, и пошатнуть которое не въ силахъ были бы никакіе наши внѣшніе враги, если бы только наша Русская дипломатія настолько же «честно и грозно» держала политическое знамя Россіи, насколько честно было имя Россіи въ средѣ за-Дунайскаго Славянства. Похвальна эта забота г. Молчанова о духовномъ сближеніи Россіи съ остальнымъ Славянствомъ и о взаимномъ ознакомленіи ихъ, но напрасно думаетъ онъ, что, рекомендуя особенному вниманію славянофиловъ этого рода дѣятельность, онъ дѣлаетъ имъ

какую-либо услугу. Славянофилы никогда не упускали ея изъ виду, т. е. изъ своей программы, но они помнятъ Русскую пословицу, что «соловья баснями не кормятъ», и позволяютъ себѣ думать, что духовная связь должна проявляться во внѣшнемъ мірѣ, должна сказываться вещественными дѣлами, что голоднаго брата по духу прежде всего слѣдуетъ накормить и находящагося въ неволѣ-бѣдѣ высвободить изъ той бѣды, и что этимъ именно путемъ создаются самыя крѣпкія духовныя связи, и что, наоборотъ, никакія связи не устоятъ, никакое духовное знакомство не можетъ поддержать добрыя отношенія съ тѣми, кому мы отказываемся помочь въ нуждѣ или измѣннически выдаемъ въ борьбѣ. Тѣсная духовная связь, сознаніе племеннаго и духовнаго родства между Славянскими народами уже существуетъ; сознаніе, что Россія должна естественно быть главою и вождемъ остальнаго Славянства, упорно держится не только въ средѣ всего православнаго, но отчасти и въ средѣ иновѣрнаго Славянства, — наперекоръ всѣмъ нашимъ историческимъ грѣхамъ, поэтому теперь не столько озабочиваетъ славянофиловъ недостатокъ духовнаго ознакомленія Славянъ съ духовною Россіею, сколько неопредѣленность нашей внѣшней политики и неизвѣстность относительно того обстоятельства, насколько сознаетъ Русская дипломатія національныя задачи Россіи и, между прочимъ, родство и связь нашу съ другими Славянскими народами, и насколько придаетъ она цѣну этому родству, сознанному и признанному нашимъ народомъ. Не о тѣхъ деньгахъ, которыя пошли на кусокъ хлѣба для голодающаго, любящаго насъ брата, слѣдуетъ скорбѣть и жалѣть Русскимъ людямъ, а о тѣхъ милліонахъ, которые постоянно цѣлые вѣка тратятся Россіею на кормленіе въ собственныхъ ея нѣдрахъ сотенъ тысячъ чужеродцевъ-пришельцевъ, питающихъ къ ней ненависть и презрѣніе.

II. Вещевыя пожертвованія присылались въ Черногорію черезъ Славянскія Общества: Петербургское, Московское и Кіевское и черезъ общество Краснаго Креста, а также и прямо отъ жертвователей; впрочемъ, такихъ отдѣльныхъ посылокъ было немного. Еще до моего пріѣзда уполномоченными Русскаго общества Краснаго Креста въ Черногоріи П. А. Васильчиковымъ и смѣнившимъ его А. А. Зубовымъ были устроены склады одежды въ Которѣ, Нѣгушахъ, Цетиньѣ и Даниловградѣ. По соглашенію съ г. Зубовымъ, распоряженіе всѣми складами было взято мною на себя; расходы же по содержанію складовъ и по пересылкѣ вещей положено было относить въ рав-

ной долѣ на средства Петербургскаго Славянскаго общества и общества Краснаго Креста. Кромѣ упомянутыхъ складовъ, впослѣдствіи, по мѣрѣ нужды, были временно устроены склады въ Риснѣ (Risano, въ Бокѣ), въ Граховѣ и Никшичѣ. Распредѣлить правильно и безобидно одежду между нуждающимися было въ высшей степени трудно. Кромѣ множества обносившихся и обнищавшихъ Черногорскихъ семействъ, въ княжествѣ было 76.000 ч. пришлаго, за весьма немногими исключеніями, почти одинаково голаго народа. Число пожертвованныхъ вещей, перебывавшихъ за мое время въ Черногорскихъ складахъ, можно приблизительно опредѣлить во сто тысячъ. Всего болѣе было тутъ дѣтскаго ношенаго бѣлья и платья; но были посылки и съ совершенно новыми мужскими и женскими рубахами, съ совершенно новымъ дѣтскимъ платьемъ, одѣялами и другими вещами. Нѣкоторыя, какъ можно думать—крестьянскія, посылки свидѣтельствовали о необыкновенной заботливости отправителей; такъ: въ иныхъ посылкахъ вмѣстѣ съ собраннымъ, очевидно, съ міру, крестьянскимъ холстомъ, находили мы мотки суровыхъ нитокъ и новенькія ножницы. Понятно, что относительное достоинство собранныхъ съ міру по всему свѣту вещей было очень неодинаково. Суконныя вещи и вообще всякое плотное верхнее платье, которое могло хотя нѣсколько защитить отъ холода и вѣтра, въ глазахъ нуждающихся имѣло особенную цѣну: желаніемъ каждаго бѣдняка—и стараго, и малаго, и простого войника, и воеводы—было получить *капутъ* или *веладунъ*, т. е. пальто или сюртукъ. Но этихъ и имъ подобныхъ вещей было относительно незначительное число, и потому, повторяю, не легко было равномѣрно одѣлить нуждающихся. По моей просьбѣ Черногорскій сенатъ приказалъ мѣстнымъ *воеводамъ* и *капетанамъ* переписать въ каждой мѣстности одну треть наиболѣе бѣднаго и голаго народа. Затѣмъ эта треть была опять раздѣлена по степени нужды на два разряда. По мѣрѣ накопленія вещей, помощь оказывалась сначала первому, потомъ второму разряду нуждающихся и затѣмъ уже и тѣмъ, которые не попали въ списокъ. Всѣ приходившія откуда бы то ни было посылки, прямо съ парохода поступали въ Которскій складъ и тамъ вскрывались. Вещи повѣрялись по спискамъ, если только эти послѣднія присылались отправителями, затѣмъ сортировались: рубашки къ рубашкамъ, сюртуки къ сюртукамъ, порты къ портамъ и т. д.; разсортированныя вещи снова упаковывались въ тюки, удобные по величинѣ, для дальнѣйшаго слѣдованія по горамъ на людскихъ спинахъ, и направлялись частью въ Нѣгуши и Цетинье, а частью черезъ Рисанъ въ Грахово и Никшичъ. Въ

этихъ мѣстахъ, тюки окончательно распредѣлялись между племенами, соотвѣтственно численности послѣднихъ, и народу окрестному вещи тутъ же и раздавались при участіи племенныхъ главарей, согласно упомянутымъ выше спискамъ. Вещи же, приходившіяся на долю болѣе отдаленныхъ племенъ, посылались далѣе въ тюкахъ для раздачи нуждающимся въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ. Такимъ порядкомъ, въ первыхъ числахъ марта, розданы были вещи изъ Граховскаго склада, подъ наблюденіемъ лично моимъ и ближайшаго помощника моего, воспитанника покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, Герцеговинца Іована Дреча, слѣдующимъ племенамъ: Граховлянамъ, Заводянамъ, Дабрянамъ, Невесинянамъ, Бѣличанамъ и Рудинянамъ, Гачанамъ (Гацко) и Банянамъ. Нуждающихся перваго разряда по спискамъ этихъ племенъ оказалось 581 семейство, или 5,846 человѣкъ. Впослѣдствіи одежда была выдана и второму разряду нуждающихся въ названныхъ племенахъ. Въ Никшичѣ и Даниловградѣ одежду отъ насъ получили племена: Команы и Загарачъ, Пѣшивцы, Бѣлопавличи, Морачане, Колашинцы, Кучи, Никшичане, Рудиняне, Жупляне и Луково, Дробнякъ, Езера и Шаранцы. Для раздачи Пивлянамъ одежда послана воеводѣ ихъ Лазарю Сочицѣ. Изъ Цетинскаго склада выданы вещи Цетинской, Рѣчской и Лѣшанской нахіямъ (какъ Черногорскимъ, такъ и усташскимъ семействамъ, жившимъ въ тѣхъ нахіяхъ), а также Васоевичскимъ семействамъ въ Цермницѣ, гдѣ сама раздача вещей происходила подъ наблюденіемъ пріѣзжавшаго въ Черногорію отъ Московскаго Славянскаго Общества Г. А. Де-Волана. Наконецъ, въ Нѣгушскомъ складѣ производилась выдача жителямъ Нѣгушъ, Чекличъ, Чева и Цуцъ (Черногорцамъ и усташамъ). Кромѣ того, помощь одеждою была мною отправлена въ Зубцы и Крушевицы, Шумскому батальону и усташамъ Боснякамъ въ Тишковацкій лагерь. Кромѣ того, большое число нуждающихся получило, съ моего разрѣшенія, одежду изъ складовъ внѣ вышеизложенныхъ правилъ. Наконецъ, одѣто было множество дѣтей. Значительное количество сукна и бумажной и шерстяной матеріи и холста, бывшихъ въ складахъ, назначено было мною именно на шитье одежды дѣтямъ; остальное затѣмъ сукно и матерія раздавались тѣмъ же порядкомъ, какъ и другія вещи: одному семейству давалось пальто и сюртукъ, другому взамѣнъ ихъ нѣсколько аршинъ толстаго сукна и т. д. Хотя далеко не всѣ нуждавшіеся получили отъ насъ помощь одеждою, однако, помощь эта подъ конецъ была замѣтна для глазъ. На содержаніе складовъ одежды съ вознагражденіемъ лицъ, служившихъ при складахъ и участвовавшихъ въ раздачѣ денегъ

и одежды народу, и на пересылку по Черногоріи вещей, израсходовано мною 5,786 гульд. 53 кр.; въ томъ числѣ 4,350 гульд. 60 кр. денегъ Славянскаго Общества и 1,435 гульд. 93 кр.—Русскаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, оставленные А. А. Зубовымъ. Большая часть денегъ пошла на пересылку вещей, т. е. въ заработокъ тому же голому и голодному народу, разносившему тюки съ одеждою къ мѣстамъ назначенія. Кромѣ того, съ отъѣздомъ А. А. Зубова изъ Черногоріи, въ распоряженіе мое поступили 2,306 гульд. 50 кр., находившіеся въ Русскомъ консульствѣ въ Тріестѣ и предназначенные для уплаты Австрійскому пароходному обществу Лойду, за пересылаемыя въ Черногорію черезъ Тріестъ пожертвованныя вещи. Согласно доставленному мнѣ консульствомъ отчету, деньги эти израсходованы имъ сполна.

Высылка въ Славянскія земли пожертвованной одежды и раздача ея тамъ нуждающимся сопряжена была для нашихъ Благотворительныхъ Обществъ со многими хлопотами и значительными издержками, и мнѣ приходилось слышать замѣчанія, что стоило ли расходовать такія деньги на отправку за тысячи верстъ разной ветоши; но мнѣ кажется, что денегъ, затраченныхъ на это дѣло, жалѣть не слѣдуетъ: помощь одеждою въ разоренныхъ мѣстахъ является такою же настоятельною необходимостью и такимъ же добрымъ и полезнымъ дѣломъ, какъ и помощь деньгами и хлѣбомъ; по крайней мѣрѣ, я могу засвидѣтельствовать, что въ глазахъ тѣхъ страдальцевъ, которымъ мнѣ довелось помочь, тотъ и другой видъ помощи имѣлъ одинаковую цѣну. Каждый лоскутъ, какъ и каждый цванцигъ, принимался бѣдняками съ глубокою признательностью, выражавшеюся въ пожеланіяхъ здравія и счастья раздававшимъ и тѣмъ, кто ихъ послалъ, и—въ задушевныхъ возгласахъ: «живила наша майка Руссія, коя воле насъ, као свою дѣцу! Живили наша брачо Руси! Живіо Руски Цар, наш Источни Тата!» т. е.: «Да здравствуетъ наша мать Россія, которая любитъ насъ, какъ своихъ дѣтей! Да здравствуютъ наши братья Русскіе! Да здравствуетъ Царь Русскій—нашъ Восточный Тата! (отецъ)». (Замѣчу въ скобкахъ: злосчастные Герцеговинцы иначе не называли Русскаго государя, какъ своимъ Источнымъ Татою или Стрыйкомъ, т. е. своимъ Восточнымъ отцомъ или дядюшкою). По поводу денежной и вообще матеріальной помощи Славянамъ, долгомъ считаю замѣтить еще слѣдующее: принимавшіе нашу помощь хорошо понимали, что Русское общество помогаетъ имъ по чувству братской любви, безъ всякихъ заднихъ мыслей и цѣлей. Необходимость заставляла Герцеговинскія семьи, загнанныя судьбою въ Австрій-

скія владѣнія, принимать помощь и отъ чужихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно: на виду, въ большихъ городахъ Австрійское правительство дѣлало для бѣгунцевъ то же или почти то же, что дѣлала для ихъ братьевъ въ Черногоріи Россія; но Герцеговинцы также хорошо понимали побужденія, заставлявшія Австрію имъ помогать, и Австрія не купила себѣ расположенія тѣхъ, кому помогала. Въ доказательство этого приведу слѣдующее: передъ Берлинскимъ конгрессомъ Австрійское правительство всѣми мѣрами склоняло жившихъ на его земляхъ Герцеговинскихъ бѣгунцевъ принять Австрійское подданство; эти старанія его не имѣли ровно никакого успѣха: Герцеговинцы готовы были бѣжать, куда глаза глядятъ: на родину— къ Туркамъ, или въ Черную-Гору, но упорно отказывались признать своимъ государемъ Бечскаго цесаря (т. е., Австрійскаго императора), и, насколько мнѣ извѣстно, перехода въ Австрійское подданство со стороны православныхъ Герцеговинцевъ не было. Что же касается Русской помощи, то она принималась Герцеговинцами, а также и Черногорцами, съ великою благодарностью; мало этого, мнѣ случалось замѣчать что, полученіе денегъ или платья отъ «Руса», кромѣ вещественнаго значенія помощи, облегчавшей ихъ нужду, имѣло въ ихъ глазахъ еще особенное, нравственное значеніе, значеніе какъ бы награды за юначество.

Мнѣ не разъ приводилось видѣть Черногорскаго или Герцеговинскаго юнака, съ гордымъ удовольствіемъ носившаго съ трудомъ напяленную на богатырскія плечи Русскую женскую шубку или пальто, и Герцеговинскихъ и Черногорскихъ поповъ и командировъ, гордо щеголявшихъ въ надѣтыхъ, поверхъ Черногорскихъ *бѣлачъ*, Русскихъ военныхъ сюртукахъ.

III. Перехожу теперь къ новому виду помощи, которымъ проявилось участіе Русскаго общества къ судьбѣ нашихъ за-Дунайскихъ братьевъ въ тяжелую годину ихъ испытаній: къ устройству училищъ и пріютовъ. Всякому извѣстно, что въ странѣ, по которой врагъ прошелъ огнемъ и мечемъ, гдѣ свирѣпствуетъ голодъ и моръ, является множество безпріютныхъ дѣтей-сиротъ. Извѣстно также, какую обильную жатву находитъ себѣ смерть среди этого бездомнаго дѣтскаго сиротства, и какъ съ другой стороны губительно и въ тѣлесномъ, и духовно-нравственномъ отношеніи отзывается это сиротство и скитальчество на тѣхъ юныхъ существахъ, которыя чудомъ уцѣлѣютъ отъ смерти. А между тѣмъ въ нихъ, въ этихъ

дѣтяхъ,—все будущее народа, всѣ его чаянія и надежды! Понятно поэтому, что первою заботою всѣхъ истинныхъ друзей народа, желающихъ поддержать народъ въ бѣдѣ, является забота о юнѣйшихъ его членахъ, его сиротахъ-дѣтяхъ. Русское общество такъ и смотрѣло на это, дѣтскія страданія всего болѣе вызывали его участіе и располагали къ пожертвованіямъ на Славянъ, такъ же какъ звѣрства надъ дѣтьми, совершенныя Турками въ Болгаріи, всего сильнѣе вызывали въ нашемъ народѣ ненависть и омерзеніе къ Туркамъ. Я говорилъ уже выше, что главная часть пожертвованныхъ въ пользу Славянъ вещей состояла изъ *дѣтскаго* платья. Но раздачею дѣтямъ пожертвованнаго платья не могла ограничиваться забота о нихъ Русскаго общества; и, дѣйствительно, всюду за Дунаемъ, гдѣ только Русская благотворительность сказывалась не въ видѣ единичной, случайной помощи, а въ видѣ болѣе или менѣе постоянной и упорядоченной, тамъ всюду сказывалась она между прочимъ въ устройствѣ училищъ и пріютовъ для дѣтей бѣгунцевъ. Такіе пріюты-училища были заведены и въ Болгаріи, гдѣ они первоначально устроены нашимъ уполномоченнымъ Нарышкинымъ, а потомъ взяты на свое иждивеніе правительствомъ, и въ Сербіи, гдѣ въ содержаніи такого пріюта-училища для усташскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ нашимъ Славянскимъ обществомъ, участвуетъ также Сербское правительство. Впрочемъ, не одни только Русскіе уполномоченные устраивали въ Славянскихъ земляхъ училища для усташскихъ дѣтей; то же самое дѣлали тамъ и представители общественной благотворительности другихъ народовъ. Такъ, упомянутый училище-пріютъ въ Сербіи былъ первоначально основанъ Англичаниномъ и потомъ уже взятъ былъ Русскими и Сербами на свое иждивеніе. Точно также извѣстная своею благотворительностію среди Босняковъ англичанка миссъ Ирби устраивала и содержала въ Далмаціи училища для дѣтей Босняковъ. Для дѣтей Герцеговинцевъ въ 1876 и 1877 г.г. были устроены училища въ Дубровникѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ Далмаціи. Средства на эти училища первоначально даны были бывшимъ нашимъ уполномоченнымъ Г. С. Веселитскимъ-Божидаровичемъ; затѣмъ на средства С.-Петербургскаго женскаго Славянскаго кружка, дѣйствовавшаго подъ предсѣдательствомъ О. К. Граве, при участіи бывшей въ тѣхъ мѣстахъ представительницы этого кружка г-жи Боголюбовой, были устроены училища въ городахъ Боки Которской: въ Новомъ (Кастель-Нуово или Ерцег-Нови) и Риснѣ (Risano), одинъ училище-пріютъ въ Черногоріи на Нѣгушахъ и одинъ въ самой Герцеговинѣ, а именно: въ Крушевицахъ (присоединенныхъ теперь къ Австріи). Устройство

этимъ училищамъ было дано Сербомъ-Герцеговинцемъ Стефаномъ Якшичемъ, въ то время студентомъ С.-Петербургскаго института инженеровъ путей сообщенія. Въ сообщеніи Совѣту Славянскаго Общества отъ 19 февраля минувшаго (1878) г. я писалъ, какое отрадное впечатлѣніе произвели на меня эти училища: умѣлость учителей, разумное народное и религіозно-нравственное направленіе, которое они давали дѣтямъ, и замѣчательные успѣхи, сдѣланные учащимися, несмотря на все вещественное убожество училищной и вообще жизненной ихъ обстановки.

Герцеговинцевъ всего болѣе трогала заботливость Русскихъ о ихъ дѣтяхъ, и они чрезвычайно дорожили устроенными для нихъ училищами и за этого рода помощь всего болѣе благодарили и благословляли Россію. Не ограничиваясь поддержкою училищъ, основанныхъ женскимъ кружкомъ, средства на содержаніе которыхъ, оставленныя г-жею Боголюбовою и Якшичемъ, приходили уже къ концу, я устроилъ нѣсколько новыхъ училищъ, а именно: въ Цетиньѣ, Граховѣ, Никшичѣ и на Бѣлой Горѣ, и училище для дѣвочекъ въ Риснѣ. Задачею моею при устройствѣ поименованныхъ училищъ было сохранить тѣлесное и душевное здоровье возможно большаго числа скитальцевъ-дѣтей. Устраивая въ той или другой мѣстности училище, мы старались дать мѣсто въ немъ по возможности всякому желавшему поступить въ него ребенку, насколько только дозволяло помѣщеніе. Въ донесеніи своемъ Совѣту отъ 19 февраля 1878 г. я уже говорилъ, что училища въ Новомъ и Нѣгушахъ имѣли удовлетворительное помѣщеніе; для Рисанскаго же училища, которое помѣщалось очень тѣсно, удалось мнѣ впослѣдствіи выхлопотать у начальника Рисанской городской общины, добраго Сербскаго патріота Васа *Чатовича*, другое, несравненно болѣе обширное помѣщеніе возлѣ самой церкви св. апостоловъ Петра и Павла; въ прежнее же помѣщеніе переведено было дѣвичье училище, которое при 50—60 ученицахъ могло расположиться въ немъ съ большимъ удобствомъ. Въ Крушевицахъ помѣщеніе училища при 125 ученикахъ и ученицахъ было также довольно тѣсное; но помочь этому обстоятельству не представлялось возможности; другой же недостатокъ училища, а именно отсутствіе въ немъ печи, былъ восполненъ. Что касается до вновь заведенныхъ мною училищъ, то, благодаря сочувственному отношенію къ этому дѣлу Черногорскихъ и Герцеговинскихъ властей, училища эти размѣщены были довольно удобно. Цетинское мужское и женское училища были помѣщены въ двухъ просторныхъ комнатахъ монастырскаго дома, непосредственно подъ квар-

тирою высокопреосвященнаго митрополита Черногорскаго Илларіона. До войны въ этихъ комнатахъ было Черногорское училище; съ начала же войны, когда всѣ Черногорскія учебныя заведенія были закрыты, въ комнатахъ этихъ былъ устроенъ складъ различныхъ лѣчебныхъ средствъ и пожертвованныхъ вещей Черногорскаго общества Краснаго Креста, предсѣдателемъ котораго былъ митрополитъ Илларіонъ. По моей просьбѣ, владыка согласился на перенесеніе вещей склада въ другое мѣсто, освободившіяся же комнаты въ своемъ домѣ предоставилъ намъ подъ училища. Въ Граховѣ и Никшичѣ помѣщеніе для училищъ было выбрано мною вмѣстѣ съ Г. А. Де-Воланомъ. Въ Граховѣ единственно удобнымъ для того домомъ оказалась двухъ-этажная куча Граховскаго капетана Ивана Ковачевича, который и уступилъ большую ея часть подъ училища за плату 20 гульд. въ мѣсяцъ. Въ срединѣ дома осталась его квартира; по одну сторону отъ нея, въ двухъ просторныхъ комнатахъ, одна надъ другою, помѣщались два мужскія отдѣленія училища; по другую сторону въ одной комнатѣ собирались дѣвочки, а въ другой жили учителя. Ручей близъ училища представлялъ не малое удобство для дѣтей. Въ Никшичѣ помѣщеніе было найдено даровое: училище съ удобствомъ расположилось тамъ въ просторной палатѣ бывшей Турецкой больницы.

На Бѣлой Горѣ помѣщеніе для училища найдено было также даровое; пришлось только дать небольшое денежное пособіе семейству, жившему въ кучѣ, взятой подъ училище, переселенному въ другое жилье. Число учениковъ и ученицъ доходило въ Цетиньскихъ училишахъ до 500; въ Граховскихъ до 400; въ Рисанскихъ до 200. Вслѣдствіе такого множества дѣтей въ этихъ мѣстахъ были устроены отдѣльныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. Но такъ какъ и затѣмъ въ Цетиньѣ и на Граховѣ помѣщеніе оказывалось недостаточно вмѣстительнымъ, то въ Цетиньѣ мужское и дѣвичье училища, а въ Граховѣ оба отдѣленія мужскаго училища были подраздѣлены на двѣ смѣны, такъ что въ Цетиньѣ каждая смѣна приходила въ училище черезъ день: одна въ Понедѣльникъ, Среду и Пятницу, другая во Вторникъ, Четвергъ и Субботу. На Граховѣ же мальчики одной смѣны учились до полудня, другой—послѣ полудня. Въ остальныхъ училищахъ число учениковъ и ученицъ не превышало 150, и они учились вмѣстѣ. Какой видъ имѣли несчастныя Герцеговинскія и Васоевичскія дѣти, понятіе объ этомъ можетъ дать слѣдующее обстоятельство: въ Цетиньѣ, когда въ первый разъ собраны были мальчики въ училище для распредѣленія ихъ на двѣ смѣны, ком-

ната училища наполнилась мгновенно такимъ удушливымъ воздухомъ отъ прокисшей на дѣтяхъ одежды, не сходившей съ ихъ тѣлъ года по два—по три, почти всегда отъ дождей мокрой безъ просухи, что одному изъ договоренныхъ мною учителей-Черногорцевъ сдѣлалось дурно, и онъ наотрѣзъ отказался отъ занятій, несмотря на то, что вознагражденіе предложено было мною довольно высокое по тѣмъ мѣстамъ; другого же учителя (воспитанника Русской духовной академіи) я насилу могъ уговорить приняться за дѣло: онъ не шутя высказывалъ мнѣ опасенія, что можетъ заболѣть и умереть. Понятно поэтому, что собранныхъ въ училища дѣтей первымъ нашимъ дѣломъ было одѣть. Подборъ и раздача одежды дѣтямъ Цетиньскихъ училищъ продолжались дня три: мальчиковъ одѣвалъ я съ учителями въ зданіи такъ называемомъ *Бильярдо*—прежнемъ княжескомъ дворцѣ, на одной половинѣ котораго помѣшался Черногорскій сенатъ и разныя канцеляріи министерствъ, а на другой прежде лежали раненые и жили наши доктора, а потомъ, по отъѣздѣ докторовъ и упраздненіи тамъ лазарета, дано было помѣщеніе мнѣ и складу одежды. Въ помѣщеніи же училища учительница съ нѣсколькими помощницами, прежними своими ученицами, въ то же самое время обчищала и одѣвала дѣвочекъ.

Черезъ нѣсколько дней по открытіи Цетинскихъ училищъ вся полутысячная толпа дѣтей выглядѣла чисто и вполнѣ прилично, и учителя, уже не боясь за свою жизнь, съ полнымъ удовольствіемъ занимались своимъ дѣломъ. Во всѣ другія училища также было послано значительное количество дѣтскаго платья. Въ числѣ пожертвованныхъ вещей были крѣпкія и даже совершенно новыя. Такъ въ Цетиньѣ, во время открытія училищъ, очень кстати было получено два тюка изъ Баденъ-Бадена отъ княгини Е. Э. Трубецкой съ новыми, вѣроятно нарочно сшитыми, длинными фланелевыми и тиковыми рубашками. Рубашки эти, судя по покрою (нѣчто въ родѣ хитона), должно быть, предназначались для мужчинъ; мальчикамъ онѣ по длиннотѣ своей не годились, поэтому были направлены въ женское училище и, какъ нельзя лучше, пришлись на дѣвочекъ, замѣнивъ многимъ изъ нихъ и рубашку и платье. Въ Никшичскомъ училищѣ человѣкъ 30 учениковъ было одѣто въ гимназическіе мундирчики. Но обмундировка дѣтей изъ складовъ пожертвованной одежды оставляла желать многаго: одному ребенку доставалось крѣпкое бѣлье или платье, другому ветошь, которая не могла защитить отъ холода и непогоды. Поэтому изъ имѣвшагося въ нашихъ складахъ сукна мною было заказано платье: гачи и веладуны (штаны и полу-

кафтаны или куртки) для всѣхъ учениковъ Нѣгушскаго и Рисанскаго училищъ и для мальчиковъ-Герцеговинцевъ, учившихся въ училищахъ на Леденицахъ и на Драгалѣ. Шитье этого платья удалось устроить очень недорого: одно семейство въ Которѣ—мать съ дочерьми—взялись его шить по 80 крейцеровъ за пару. На изготовленіе этой именно ученической одежды пошло, между прочимъ, прекрасное, толстое свѣтлосѣрое сукно, купленное протоіереемъ М. Ѳ. Раевскимъ въ Вѣнѣ на 1.000 р., присланные Кіевскимъ Славянскимъ Обществомъ. Но заготовка подобнымъ способомъ бѣлья и платья для дѣтей всѣхъ нашихъ училищъ обошлась бы и при дешевомъ шитьѣ все-таки довольно дорого, а главное тянулась бы слишкомъ долго. Поэтому найдено было другое средство пособить этому дѣлу. Въ Цетиньѣ, Граховѣ и Риснѣ въ дѣвичьи училища приглашены были мною учительницы, на обязанности которыхъ, кромѣ обученія дѣвочекъ грамотѣ и закону Божію, лежало—учить ихъ простымъ и необходимымъ во всякомъ хозяйствѣ рукодѣльямъ, какъ-то: шитью, вязанью чулокъ и т. п. Каждому училищу выдавались изъ складовъ ситецъ, холстъ и сукно; бумага же и другія принадлежности шитья и вязанья покупались въ Которѣ и Риснѣ. И ученицы дѣвичьихъ училищъ, подъ руководствомъ учительницъ, пріучаясь владѣть иглою и спицами, приготовляли вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлье и верхнее платье себѣ и мальчикамъ. Насколько успѣшно шло это дѣло можно судить по тому, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Цетинскомъ училищѣ въ первые два мѣсяца его существованія, о чемъ будетъ сказано нѣсколько ниже. Для учениковъ и ученицъ въ Нѣгушахъ, Кастель-Ново и Крушевицахъ куплены были мною капы (шапки Черногорскія). Для обуви дѣтей въ Цетиньѣ, Нѣгушахъ и Риснѣ закупалась воловья кожа, разрѣзывалась и раздавалась дѣтямъ для изготовленія домашними средствами опанокъ.

Я уже сказалъ, что, поддерживая существовавшія до меня и открывая новыя училища, я имѣлъ въ виду не столько образовательную, сколько воспитательную и, такъ сказать, оздоровительную цѣль—поддержать и сохранить тѣлесное и духовное здоровье дѣтей. Для поддержки здоровья, конечно, прежде всего необходимо удовлетворительное питаніе. Я разсказывалъ уже, чѣмъ и какъ питался усташскій народъ. А потому здѣсь достаточно будетъ только упомянуть, что я видѣлъ собственными своими глазами на живыхъ еще существахъ ужасное дѣйствіе на дѣтскій организмъ продолжительнаго голоданія. Мнѣ случалось встрѣчать дѣвочекъ-старухъ: трудно было сколько-нибудь приблизительно вѣрно опредѣлить возрастъ

такого существа. По распросамъ оказывалось ему лѣтъ 15—14, а между тѣмъ лицо дѣвочки, въ которомъ мелькало что-то дѣтское, было покрыто старческими морщинами. А разъ мнѣ пришлось видѣть еще болѣе рѣзкій образчикъ этой такъ называемой собачьей старости: въ монастырѣ Цетинскомъ у гроба святопочившаго владыки Петра я увидалъ въ небольшой корзинѣ какое-то странное существо: оно было живо, но высохшее какъ мумія, буквально—скелетъ, обтянутый кожею; можно было подумать, что это доживавшее свои послѣднія минуты созданіе,—дряхлый-дряхлый карла-старикъ. Въ дѣйствительности это былъ шестилѣтній мальчикъ, кажется — Васоевичъ. Кромѣ случаевъ дѣтскаго увяданья и изсыханья, мнѣ доводилось нерѣдко видѣть и другаго рода болѣзнь, отъ которой не мало гибло дѣтей и причиною которой были также недостатокъ и неудовлетворительность пищи. Это что-то въ родѣ водянки, какая-то страшная одутловатость и опухлость. Тѣло ребенка, въ особенности же его лицо, представляло собою видъ какого-то страшнаго пузыря, наполненнаго мутною жидкостью. Нѣсколько подобныхъ дѣтей помѣстилъ я въ Даниловскую Русскую больницу Краснаго Креста на Цетиньѣ, находившуюся въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, по отъѣздѣ уполномоченнаго Краснаго Креста А. А. Зубова, въ моемъ завѣдываніи. Доктора прямо говорили, что эта болѣзнь — слѣдствіе голода и, дѣйствительно, при болѣе удовлетворительной больничной пищѣ дѣти поправлялись. Когда спадала опухоль, страшно бывало глядѣть на нихъ, такъ они были худы; тѣмъ не менѣе изъ больницы они выходили здоровыми.

Для поддержанія питанія дѣтямъ Цетинскихъ училищъ выдавалось ежедневно по три четверти литра пшеничнаго хлѣба. Свѣжеиспеченный хлѣбъ ежедневно доставлялся изъ Котора. Въ Граховѣ же, вмѣсто хлѣба, выдавалось ежедневно дѣтямъ по 5 крейцеровъ. Въ Нѣгушахъ всѣ ученики и ученицы получали въ училищѣ обѣдъ, а двадцать человѣкъ жило въ немъ и получало, кромѣ обѣда, и ужинъ.

Въ числѣ учащихся въ нашихъ училищахъ оказывались дѣти совершенно безпріютныя, ютившіяся прежде кое-какъ у кого-либо изъ дальнихъ родственниковъ или земляковъ, а потомъ оставленныя ими и ночевавшія гдѣ-нибудь въ пещерѣ или подъ открытымъ небомъ. Для такихъ совершенно бездомныхъ дѣтей необходимость заставила устроить пріюты. Такихъ пріютовъ было три: въ Нѣгушахъ, Цетиньѣ и Никшичѣ. Въ Нѣгушахъ и Никшичѣ сироты-дѣти жили въ самихъ училищахъ. Въ Нѣгушахъ число ихъ постепенно дошло до 20, въ Никшичѣ до 30-ти. Въ Цетиньѣ для пріюта потребовалось

особое отъ училищъ помѣщеніе, и я расположилъ его въ такъ называемой «Музыкантской кучѣ». Музыкантская куча—казенный двухъ-этажный домъ, названный такъ потому, что тамъ собирался порою для упражненій хоръ военной княжеской музыки. Передъ моимъ пріѣздомъ въ Черногорію, въ этой Музыкантской кучѣ помѣщалась богадѣльня Русскаго Краснаго Креста. Съ прекращеніемъ дѣятельности этого общества въ Черногоріи богадѣльня была распущена. Впослѣдствіи Черногорскій сенатъ уступилъ мнѣ Музыкантскую кучу подъ пріютъ. Внизу въ кучѣ продолжало жить нѣсколько бѣдныхъ семействъ; во второмъ же ярусѣ, въ двухъ просторныхъ комнатахъ помѣщались сироты: въ одной дѣвочки, въ другой мальчики; число тѣхъ и другихъ постепенно достигло 45-ти. Поступившимъ въ пріютъ дѣтямъ розданы были соломенные тюфяки и одѣяла или толстое солдатское сукно для подстилки и покрышки. Въ училищѣ получали они двойную долю хлѣба и, кромѣ того, на каждаго питомца и питомицу отпускалось ежедневно по десяти крейцеровъ. Хозяйство въ Музыкантской кучѣ было общее: деньги всѣ выдавались на руки старшей дѣвочкѣ въ пріютѣ, и на нихъ приготовлялся общій столъ: покупалось молоко или Черногорскій сыръ, фасоль или мясо. На обязанности мальчиковъ лежало набрать и наносить въ кучу дровъ и воды. Дѣвочки же по очереди стряпали, стирали, шили и чинили свое и мужскаго пріюта бѣлье и вообще обязаны были наблюдать порядокъ и чистоту въ кучѣ. Кромѣ выборныхъ старшихъ изъ дѣтей, за порядкомъ въ кучѣ присматривали двѣ бѣдныя женщины, жившія въ каждой изъ комнатъ пріюта. Завѣдываніе же пріютомъ лежало на учительницѣ, г-жѣ Еленѣ Вицковичъ; она, а также и учителя училищъ внѣ учебнаго времени ежедневно по нѣсколько разъ навѣщали кучу.—Навѣщали ее и посторонніяя лица, какъ, напримѣръ, г. Чутурило, бывшій редакторъ «Гласа Црногорца», и Любоміръ Ненадовичъ, извѣстный Сербскій поэтъ, а также и митрополитъ и самъ князь Николай довольно часто приходили въ училища и въ пріютъ. Въ Никшичѣ питомцамъ, жившимъ при училищѣ, отпускалось по 15 крейцеровъ въ день на человѣка, такъ какъ они не получали хлѣба въ училищѣ. На содержаніе же Нѣгушскаго училища, вмѣстѣ съ пріютомъ, отпускалось изъ средствъ С.-Петербургскаго женскаго кружка 450 гульденовъ въ мѣсяцъ; но потомъ, вслѣдствіе увеличенія числа учениковъ и воспитанниковъ, сумму эту пришлось увеличить до 600 гульденовъ (кромѣ платы учителю и учительницѣ), что составляло около 14 крейцеровъ на ребенка въ день. Съ мая мѣсяца содержаніе этого училища

производилось цѣликомъ изъ средствъ Петербургскаго Славянскаго Общества. Въ устроенныя нами училища принимались дѣти какъ усташей, такъ и Черногорцевъ, такъ какъ я старался вообще устранять всякій поводъ къ зависти или неудовольствію между тѣми и другими; но учениковъ-Черногорцевъ было очень немного, такъ какъ Черногорское правительство объяснило само Черногорскому населенію, что для ихъ дѣтей будутъ скоро, по наступленіи мира, открыты свои училища, эти же училища устроены, какъ временный пріютъ, для усташскихъ дѣтей. На первоначальное устройство Цетинскихъ, Граховскихъ и Никшичскаго училищъ израсходовано 615 гульд. 35 крейц. На содержаніе этихъ училищъ, а также училища для дѣвочекъ въ Риснѣ, училища на Бѣлой Горѣ, на добавочную плату учителямъ въ Риснѣ и Крушевицахъ, а также на пособіе учителямъ и ученикамъ Кривошійскихъ училищъ на Леденицѣ, Драгалѣ и въ Дольней Кривошіи пошло 6637 гул. 2 кр.—Въ эту сумму вошли и расходы по покупкѣ хлѣба и по выдачѣ, взамѣнъ хлѣба, дѣтямъ денегъ, а также по содержанію пріютовъ и Музыкантской кучи и особая помощь нѣкоторымъ учащимся. На изготовленіе и покупку одежды и обуви дѣтямъ израсходовано 862 гул. 34 кр. Итого израсходовано мною на училища 8274 гульд. 71 кр., въ томъ числѣ: денегъ Спб. Славянскаго Общества 5973 гульд. 91 кр.. Московскаго Славянскаго Общества оставленныхъ Г. А. Де-Воланомъ 1660 гульд., Спб. женскаго кружка переданныхъ мнѣ А. А. Зубовымъ 640 гульд. 80 крейц. При отъѣздѣ изъ Черногоріи оставлено мною изъ суммъ Спб. Славянскаго Общества, на дальнѣйшее содержаніе училищъ и пріютовъ 3000 гульд.

Значительность только что исчисленныхъ мною расходовъ оправдывается, думается мнѣ, тѣми цѣлями, ради которыхъ они были сдѣланы, и пользою, какую, на мой взглядъ, они дѣйствительно принесли. Около полуторы тысячи дѣтей было болѣе или менѣе очищено, одѣто и занято дѣломъ; болѣе половины этого количества дѣтей если не вполнѣ кормилось, то прикармливалось въ теченіи двухъ наиболѣе голодныхъ мѣсяцевъ; человѣкъ девяносто питомцевъ, жившихъ въ Нѣгушскомъ и Никшичскомъ училищахъ и въ Музыкантской кучѣ на Цетиньѣ, существовало исключительно тѣмъ, что тамъ получало. Состояніе дѣтскаго здоровья во всѣхъ нашихъ училищахъ за время моего пребыванія въ Черногоріи было вполнѣ удовлетворительно. Были отдѣльные случаи заболѣванія лихорадкою въ Цетиньѣ и оспою и тифомъ въ Нѣгушахъ—въ Нѣгушахъ тою и другою болѣзнью переболѣло всего 10—11 человѣкъ дѣтей, служанка и учительница, воспитанница Русскаго

Цетинскаго пансіона г-жа Анджа Поповичъ; но исходъ болѣзни, благодаря лѣчебной помощи, поданной врачами Цетинскаго Даниловскаго госпиталя, ѣздившими по моей просьбѣ въ Нѣгуши, былъ благопріятный. Случаевъ смерти учениковъ или ученицъ нашихъ училищъ мнѣ неизвѣстно ни одного. Затѣмъ, хотя не учебныя цѣли имѣлись у меня главнымъ образомъ въ виду при устройствѣ училищъ, но и въ этомъ отношеніи достигнуто было больше того, чего можно было ожидать. Вотъ, напримѣръ, что было сдѣлано въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ въ Цетинскихъ училищахъ: по *закону Божію* ученикамъ и ученицамъ устно было преподано и усвоено ими: пять начальныхъ молитвъ: молитва Господня, «Богородице Дѣво», утренняя, передъ и послѣ-обѣденная молитвы; семь разсказовъ ветхозавѣтной библейской исторіи—отъ сотворенія міра до потопа включительно, и столько же разсказовъ изъ новозавѣтной исторіи—отъ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы до Крещенія Христова включительно и, кромѣ того, житія святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей все-Славянскихъ, и святаго Саввы, просвѣтителя Сербскаго. Преподаваніе *грамоты* въ первый мѣсяцъ шло безъ букварей. Дѣти пріучались давать ясные, полные и правильные отвѣты на предлагаемые имъ вопросы; раздѣлять сказанную мысль на отдѣльныя слова, слова на слоги, слоги на звуки-буквы, писать буквы на классной доскѣ и составлять изъ нихъ слова. На слѣдующій мѣсяцъ дѣти получили буквари и грифельныя доски и въ концѣ мѣсяца читали уже по складамъ, а нѣкоторые и безъ складовъ, и списывали съ книги. По *счисленію* дѣти выучились считать и производить всѣ четыре ариѳметическія дѣйствія надъ числами отъ единицы до двадцати. Подъ именемъ *знакомства съ родиною* преподавалось дѣтямъ: кто они, гдѣ живутъ, какого племени и языка, какія есть вѣтви Славянскаго народа, подъ какими правителями они живутъ, какіе у нихъ языкъ и письменность, сколько всего Славянъ и т. п. Наконецъ, внушались дѣтямъ *правила нравственнаго поведенія*: объяснялось имъ, какъ слѣдуетъ имъ себя вести въ церкви, въ училищѣ и внѣ ихъ, дома и на улицѣ; какъ слѣдуетъ имъ относиться къ владыкѣ, государю, учителямъ и всѣмъ старшимъ, къ товарищамъ, бѣднымъ и младшимъ. Говорилось также имъ, какъ умываньемъ и чесаньемъ наблюдать чистоту тѣла, беречь одежду и т. п. Запрещено было учащимся слоняться по улицамъ и просить милостыню. Дѣвочки нѣсколько меньше мальчиковъ прошли по Закону Божію, такъ какъ значительная часть времени была у нихъ занята *рукодѣльемъ*. Что касается этого послѣдняго, то въ этомъ отношеніи сдѣлано было слѣдующее: дѣвочки были раздѣлены

по возрасту на двѣ смѣны. Младшій возрастъ въ теченіи перваго мѣсяца учился вязать и обращаться съ иголкою, наперсткомъ и веретеномъ; къ концу мѣсяца каждая изъ малютокъ связала уже по одному чулку. Болѣе взрослыя дѣвочки обучались кроить и шить. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дѣвочками Цетинскаго училища было приготовлено: 225 коретовъ (длинная бѣлая безрукавка, которую въ Черногоріи дѣвушки и женщины одинаково носятъ поверхъ платья), 200 передниковъ, 425 торбицъ для храненія и носки книгъ и другихъ учебныхъ принадлежностей, 52 юбки, 44 рубашки и 150 суконныхъ кабаницъ—верхнее платье, носимое Черногорцами и Герцеговинцами съ рукавами и пришивнымъ башлыкомъ.—Въ началѣ мая, когда присоединеннымъ къ Черногоріи (по Свято-Стефанскому договору) племенамъ велѣно было идти на свои земли, 304 мальчиковъ и дѣвочекъ выписалось изъ Цетинскихъ училищъ и пошли вмѣстѣ съ семьями на родину. Уходившимъ дѣтямъ давали бѣлье и платья, какія оказывались въ складѣ, и сшитыя въ училищѣ кабаницы или же сукно на кабаницу; каждый уходившій уносилъ съ собою также букварь и грифельную доску. Въ это время я встрѣчалъ на улицахъ Цетинскихъ не мало дѣтей съ котомками, плакавшихъ по оставляемомъ училищѣ; на вопросъ о причинѣ слезъ ребенокъ обыкновенно отвѣчалъ: жаль мнѣ училища, мнѣ хотѣлось бы учиться... Замѣчательную любовь къ ученью обнаруживали Герцеговинскія и Васоевичскія дѣти! Нѣкоторыя изъ нихъ часа за два разстоянія, по труднымъ горнымъ путямъ, въ сквернѣйшую погоду ежедневно исправно приходили въ училище. Одна дѣвочка продолжительное время съ Нѣгушъ ходила въ Цетиньское училище. И не вещественная помощь, которую дѣти получали въ училищѣ, приманивала ихъ туда, но именно — желаніе учиться, такъ какъ одинаковыя любовь и усердіе къ училищу проявляли они и тамъ, гдѣ получали эту помощь, и тамъ, гдѣ ея не было, напр., въ нѣкоторыхъ Австрійскихъ училищахъ въ Кривошіи, гдѣ число учениковъ-Герцеговинцевъ нерѣдко превышало число дѣтей мѣстныхъ жителей-туземцевъ, и по отзывамъ учителей дѣти-Герцеговинцы были постоянно лучшими и способнѣйшими учениками. На мѣсто уходившихъ на родину учениковъ и ученицъ поступали въ училища новые, которые прежде почему-либо не могли попасть, и во время моего отъѣзда (1-го іюня) въ Цетинскихъ училищахъ находилось 143 ученика и 117 ученицъ; и тѣ и другія, уже не чередуясь, ежедневно посѣщали училище; впослѣдствіи же число дѣтей въ этихъ училищахъ снова дошло до 350. Если дѣти, пробывшія мѣсяцъ съ небольшимъ въ училищѣ, и не успѣли

многому научиться, тѣмъ не менѣе и для нихъ пребываніе въ училищѣ не осталось безслѣднымъ: они получили тамъ уже нѣкоторую нравственную выправку и охоту къ труду и ученью. Кромѣ того, пребываніе въ училищѣ оставило въ нихъ единственное, можетъ быть, отрадное и свѣтлое воспоминаніе за все время двухъ-трехлѣтней ихъ безпросвѣтной горькой скитальческой жизни. Цетинскія училища открыты были въ половинѣ марта, но въ болѣе или менѣе благоустроенный видъ приведены онѣ къ концу этого мѣсяца. По поводу устройства училищъ 2 апрѣля въ Цетинскомъ монастырѣ совершено было молебствіе, послѣ котораго высокопреосвященный Илларіонъ, придя въ училище, сказалъ наставленіе дѣтямъ. На страстной недѣлѣ всѣ дѣти Цетиньскихъ училищъ говѣли и были пріобщены св. Таинъ — также, вѣроятно, впервые съ тѣхъ поръ, какъ пошли съ своей родины.— Въ апрѣлѣ же совершено было перенесеніе мощей св. Василія съ Цетинья обратно въ Острожскій монастырь, откуда онѣ были въ 1877 г. унесены во время нашествія Сулеймана-паши, войска котораго разграбили Острогъ. По желанію князя Николая ученики и ученицы участвовали въ священномъ шествіи. Чудную картину представляла собою протянувшаяся чуть не черезъ все Цетинское поле вереница дѣтей, стройно шедшихъ парами предъ мощами святаго угодника. 11 мая въ день св. Кирилла и Меѳодія, по моему желанію, совершено было молебствіе этимъ святымъ всюду, гдѣ только были наши училища: въ Цетиньѣ, Граховѣ, Нѣгушахъ, Никшичѣ, Риснѣ, Крушевицахъ и Новомъ, а также на Драгалѣ и Леденицахъ. Учителя объясняли дѣтямъ значеніе дѣятельности св. апостоловъ Славянства, сообщили имъ краткое ихъ житіе и заставили выучить тропарь. Послѣ молебна всѣмъ дѣтямъ въ училищахъ розданы были металлическіе крестики, нѣсколько коробокъ которыхъ найдено было нами въ числѣ пожертвованныхъ вещей. Я въ этотъ день находился на Граховѣ; въ мѣстной церкви совершена была тамъ литургія и послѣ нея сербскій обрядъ побратимства моего съ Граховскимъ капетаномъ Стефаномъ Зимоничемъ, моимъ ровесникомъ, старшимъ сыномъ славнаго Герцеговинскаго воеводы, стараго попа Богдана Зимонича. На площадкѣ передъ училищами совершено было молебствіе съ водосвятіемъ и дѣтямъ розданы крестики. Въ Бокѣ Которской, какъ, напр., въ Риснѣ, на торжествѣ въ честь св. Кирилла и Меѳодія присутствовали не только ученики и ученицы нашихъ училищъ, но и дѣти мѣстныхъ гражданъ Бокезовъ.

Училища С.-Петербургскаго женскаго кружка (въ Нѣгухашъ, Риснѣ, Новомъ, Крушевицахъ) основаны были въ концѣ

1877 г., а въ половинѣ слѣдующаго года можно было бы подумать, что они существуютъ два-три года: такіе успѣхи сдѣланы были ихъ воспитанниками. Всякій, кто только былъ въ Цетиньѣ, изъ Русскихъ или иностранцевъ, посѣщалъ проѣздомъ Нѣгушское училище и выходилъ изъ него съ чувствомъ удивленія и восторга. Во время проѣзда чрезъ Нѣгуши Н. П. Пацевичъ, начальницы Русскаго женскаго института въ Цетиньѣ, отправлявшейся на лѣто въ Западную Европу, кромѣ разнаго рода привѣтствій, сказанныхъ дѣтьми, одна двѣнадцатилѣтняя дѣвочка-Герцеговинка Ката Жугичъ произнесла превосходно и съ чувствомъ довольно длинное стихотвореніе Сербскаго поэта Любоміра Ненадовича: «Цару од угнетене раје» (Царю отъ угнетенной райи). Ученики Рисанскаго училища, кромѣ познаній общихъ съ питомцами другихъ училищъ, отлично обучены были церковному пѣнію. Каждое праздничное богослуженіе изъ нихъ въ мѣстной церкви составлялся хоръ, они же прислуживали въ церкви и читали апостолъ. Въ день же св. Великомученика Георгія, особенно чествуемый тамошними Сербами, двое учениковъ Герцеговинцевъ вышли въ церкви къ народу, говорили ему поученіе и разсказали житіе св. великомученика. Изъ учениковъ Рисанскаго и Нѣгушскаго училищъ пять мальчиковъ Герцеговинцевъ привезены мною въ Петербургъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ всѣ они, безъ всякой подготовки, приняты по испытанію—одинъ въ приготовительный, а четверо въ первый классъ здѣшняго Александро-Невскаго епархіальнаго духовнаго училища. Рѣшившись привезти этихъ дѣтей въ Россію, руководился я слѣдующими соображеніями: въ Герцеговинѣ живетъ лучшая часть Сербскаго племени, тамъ въ наибольшей чистотѣ сохранились Сербскій языкъ и старые Славянскіе обычаи и нравы. Въ 1876 и 1877 г.г. весь міръ дивился геройству и мужеству Черногорцевъ; но населеніе Черной Горы образовалось и постоянно пополняется выходцами изъ Герцеговины, и Герцеговинцы по юначеству, по храбрости не уступаютъ Черногорцамъ. Всѣми своими побѣдами и пріобрѣтеніями въ послѣднюю войну Черногорія въ одинаковой мѣрѣ обязана Герцеговинскимъ воинамъ, какъ и своимъ собственнымъ. Но Герцеговинцы отличаются отъ Черногорцевъ большимъ добродушіемъ, искренностью и прямотою, а также болѣе строгимъ соблюденіемъ обрядовъ и обычаевъ Церкви. Герцеговинцы—патріоты въ самомъ широкомъ обще-Славянскомъ смыслѣ. Герцеговинцы привѣтливы и гостепріимны; почти каждый изъ нихъ въ душѣ поэтъ и прирожденный ораторъ. И вотъ этотъ высокодаровитый, честный, беззавѣтно храбрый и самоотверженный народъ, народъ искренно преданный общему

дѣлу Славянства, народъ со временъ Косова до нашихъ дней неустанно ратующій за освобожденіе родины, является постоянно игрушкою въ рукахъ сосѣдей, преслѣдующихъ или узкосвоекорыстныя мѣстныя цѣли, или цѣли прямо враждебныя дѣлу Славянскаго возрожденія. Причина такого печальнаго положенія дѣлъ, это полное отсутствіе въ этомъ народѣ образованныхъ людей, которые могли бы быть не только храбрыми вождями на боевомъ полѣ, но и политическими руководителями этого народа. Я близко былъ знакомъ со всѣми выдающимися главарями Герцеговинскаго народа (кромѣ Лазаря Сочицы) и знаю, что рѣдкій изъ нихъ умѣетъ написать свое имя. Въ минуты тяжелаго для нихъ раздумья, въ то время, когда гдѣ-то тамъ, на Сѣверѣ, неизвѣстные и чужіе имъ люди собирались, безъ ихъ вѣдома, рѣшать судьбу ихъ милой родины, Герцеговинскіе воеводы и командиры не разъ приходили ко мнѣ и двумъ своимъ соотечественникамъ, получившимъ воспитаніе въ Россіи, узнать, какъ думаемъ мы, — что ждетъ ихъ Герцеговину, и спросить у насъ совѣта, что и какъ имъ слѣдуетъ дѣлать.. Поэтому, думается мнѣ, на обязанности истинныхъ друзей Славянства и Сербства лежитъ забота объ образованіи для Герцеговины хотя бы небольшой мѣстной интеллигенціи, воспитанной въ духѣ православнаго Славянства. Привозъ въ Петербургъ каждаго мальчика и одной дѣвочки Васоевички обошелся по 120 гульденовъ. Такая же сумма весною выдана была мною г-жѣ Пацевичъ на отправленіе съ возвращавшимися въ Россію сестрами милосердія одной дѣвочки-Черногорки.

Привезенные мною мальчики, какъ сказано, всѣ устроены въ Александровское духовное училище; плата за нихъ училищу исходатайствована высокопреосвященнымъ Исидоромъ изъ средствъ Св. Сунода. Заботу о воспитаніи дѣвочки приняла на себя бывшая предсѣдательница Славянскаго женскаго кружка О. К. Граве, помѣстившая ее въ пріютъ для дочерей Русскихъ воиновъ, убитыхъ или пострадавшихъ въ послѣднюю Русско-Турецкую войну.

IV. Для полноты отчета слѣдуетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ о поддержкѣ, оказанной нѣкоторымъ Герцеговинскимъ церквамъ и Даниловской больницѣ на Цетиньѣ.

Большая часть православныхъ церквей и монастырей по всей Босніи и Герцеговинѣ подверглись разоренію или опустошенію. Помощь всѣмъ этимъ церквамъ требовала бы большихъ средствъ, да и вовсе не могла входить въ кругъ моей дѣятельности, такъ какъ и сами вѣрующіе, которымъ принад-

лежали онѣ — и духовенство, и прихожане — скитались въ то время насторонѣ. Возстановленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей и помощь другимъ необходимы именно теперь, когда населеніе такъ или иначе возвращается домой. Необходимо, чтобы именно Русское общество помогло этому дѣлу, такъ какъ Австрійское правительство едва ли станетъ заботиться о возстановленіи православныхъ церквей. Правда, оно дало Черногорскому правительству въ 1878 г. средства на поправленіе Острожскаго монастыря, разграбленнаго въ 1877 г., во время Сулейманова нашествія; но это сдѣлано не изъ сочувствія дѣлу православія, а ни болѣе, ни менѣе, какъ съ цѣлью задобрить и подкупить Черногорское правительство, содѣйствіе котораго было необходимо Австрійцамъ во время захвата (оккупаціи) Герцеговины; на удовлетвореніе же духовныхъ нуждъ подвластнаго Австріи православнаго населенія Босніи и Герцеговины она, конечно, не дастъ ни одного крейцера. Святѣйшій Правительствующій Русскій Сѵнодъ недавно разослалъ воззваніе по всей Россіи о сборѣ церковныхъ вещей и вообще пожертвованій для помощи церквамъ въ земляхъ задунайскихъ Славянъ. Сѵнодъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Болгарію и Черногорію; но въ цѣляхъ справедливости и православія желательно, чтобы часть сбора, который, по всему вѣроятію, будетъ обильнымъ, пошла въ помощь православнымъ церквамъ въ Босніи и части Герцеговины, отошедшихъ теперь къ Австріи. Эта помощь была бы дѣломъ въ высшей степени благочестивымъ и полезнымъ. Мое участіе въ дѣлѣ помощи церквамъ ограничилось раздачею десяти тюковъ пожертвованныхъ церковныхъ вещей и покупкою требника для одной изъ Герцеговинскихъ церквей въ Пивѣ. Кромѣ того, я заказалъ написать четыре образа: два — Спасителя и два — Богоматери, для двухъ Граховскихъ церквей, представлявшихъ собою голыя каменныя стѣны, съ небольшимъ каменнымъ престоломъ и простою дощатою перегородкою, вмѣсто иконостаса, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было украшеній (какъ-то: иконъ, покрововъ, завѣсъ) и церковной утвари. На Пасху и въ день святыхъ Кѵрилла и Меѳодія ризы, сосуды и другія необходимыя при богослуженіи вещи были принесены въ Граховскую церковь откуда-то издалека. Православныя церкви въ Кривошіи и Бокѣ Которской хотя въ нѣсколько лучшемъ видѣ, но также нуждаются во многомъ. Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества выслалъ, по моей просьбѣ, въ Рисанскую церковь святыхъ Петра и Павла плащаницу и запрестольный крестъ. Которское же городское православное общество обратилось ко мнѣ, когда я отъѣзжалъ въ Россію,

съ ходатайствомъ о доставленіи соборной церкви св. Николая въ Которѣ полнаго круга священныхъ богослужебныхъ книгъ, печатанныхъ въ Россіи, священническихъ и дьяконскаго облаченій. Просьба эта передана Совѣтомъ Славянскаго Общества Святѣйшему Сѵноду, и, нѣтъ сомнѣнія, она будетъ уважена. По переданной мною Совѣту просьбѣ игумна Баньскаго монастыря св. Георгія (между Рисномъ и Перастомъ въ Бокѣ), іеромонаха Іосифа, бывшаго недолгое время въ Кіевѣ и научившагося тамъ церковной иконописи, высланы ему Строгоновскіе лицевые подлинники и святцы академика Солнцева, а также кисти и краски. Послѣднія пожертвованы членомъ нашего Общества А. А. Вельцемъ.

Даниловскою больницею на Цетиньѣ завѣдывалъ я съ 10 марта 1878 года, по отъѣздѣ послѣдняго изъ бывшихъ въ Черногоріи уполномоченныхъ Русскаго Общества Краснаго Креста А. А. Зубова, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока больница содержалась на суммы этого Общества, которыхъ передано Зубовымъ въ мое распоряженіе и израсходовано, согласно составленному имъ же разсчету, 5.141 гульденъ 53 крейцера. 10 апрѣля больница эта поступила въ полное распоряженіе Черногорскаго правительства, причемъ княгиня Милена приняла на себя званіе попечительницы, дѣйствительное же распоряніе хозяйствомъ и аптекою больницы оставлено по прежнему въ рукахъ И. Ѳ. Дреча, который завѣдывалъ этимъ дѣломъ съ полнымъ его знаніемъ и при мнѣ.

V. Быть можетъ, дѣятельность моя въ Черногоріи не лишена была промаховъ и ошибокъ; но мнѣ кажется, что я не вышелъ за предѣлы задачъ Славянскаго Общества, какъ онѣ опредѣлились въ эти послѣдніе годы. Положа руку на сердце, считаю себя въ правѣ сказать, что я горячо любилъ тотъ народъ, которому посланъ былъ служить, и все время жизни моей среди этого народа и доселѣ сердце мое билось и бьется заодно съ нимъ, и потому, насколько хватало у меня разумѣнія и средствъ, я старался сдѣлать все, что могло итти ему на пользу. Скажу также, что дѣятельность моя встрѣчала себѣ теплое сочувствіе и со стороны многихъ лучшихъ представителей Черногорскаго и Герцеговинскаго народа и со стороны самой массы народной: куда ни ступала моя нога, всюду и на каждомъ шагу встрѣчали и провожали меня ласковымъ привѣтомъ и всевозможными добропожеланіями. У меня только потому хватаетъ духу говорить объ этомъ, что всѣ эти проявле-

нія народной любви, воспоминанія о которыхъ составляютъ и будутъ составлять до гроба лучшее и счастливѣйшее достояніе моей жизни, — принадлежатъ не мнѣ только лично, а Петербургскому Славянскому и другимъ Русскимъ благотворительнымъ обществамъ, вѣрнымъ исполнителемъ задачъ которыхъ старался я по мѣрѣ силъ своихъ быть, и которыя въ свою очередь представляли собою только общую нашу великую мать—Россію и общаго нашего «Источнаго Тату»—великій Русскій народъ. Передъ моимъ отъѣздомъ, при прощаньѣ, его свѣтлость князь Николай поручилъ мнѣ благодарить отъ его имени Петербургское Славянское Общество за помощь, какую оно постоянно оказывало Черногоріи и пріютившемуся въ ней народу за все время возстанія и войны. «Черногорія», сказалъ князь, «никогда не въ состояніи забыть того, что сдѣлало Ваше Общество для насъ». Высокопреосвященный митрополитъ Черногорскій Илларіонъ, все время оказывавшій мнѣ ласку и расположеніе, въ день моего послѣдняго отъѣзда изъ Цетинья удостоилъ меня высокой чести: сначала присутствовалъ онъ при прощаньѣ моемъ съ дѣтьми въ училищахъ, а затѣмъ дождался меня на полѣ и провожалъ верхомъ чрезъ все поле Цетинское вплоть до Баицъ, откуда начинается уже крутая горная дорога. Въ Цетиньѣ, Нѣгушахъ, въ Риснѣ — въ училищахъ мальчики и дѣвочки говорили мнѣ прощальныя напутственныя рѣчи, исполненныя горячей благодарности и добропожеланій мнѣ и Славянскимъ Обществамъ, Русскому Царю и Русскому народу, и пѣли многая лѣта, забрасывали меня на пути полевыми цвѣтами. Учитель Нѣгушскаго училища просилъ меня передать отъ имени его училища Петербургскому Славянскому Обществу лавровый вѣнокъ. Приведу одну изъ рѣчей, сказанную въ Цетинскомъ училищѣ двѣнадцатилѣтней дѣвочкою, родомъ изъ Колашина, Живаною Балтичъ: «Аѳанасій Васильевичъ! Отъ имени двухсотъ пятидесяти своихъ подругъ, изъ которыхъ сто уже на своихъ пепелищахъ, — дочерей борцовъ за христіанскую свободу, говорю я вамъ на прощанье: съ Богомъ, нашъ достойный благодѣтель! Путешествуйте здраво къ вашему дому, — твердо увѣренный, что наши молодыя сердца съумѣютъ вѣчно цѣнить великіе труды, которые С.-Петербургское и остальныя Славянскія Русскія благотворительныя Общества черезъ васъ, ихъ представителя, понесли для насъ. Мы вѣчно останемся благодарными нашей доброй матери Россіи за всегдашнія благодѣянія, которыя дѣлаетъ она намъ и нашимъ родителямъ. Богъ съумѣетъ вознаградить эти труды, а мы будемъ Его усердно молить: да сохранитъ Онъ надолго Царя-Освободителя Сла-

вянъ, Славянскія Русскія благотворительныя Общества, васъ, ихъ представителя, великій, храбрый и славный народъ Русскій и все Славянство. Живіо!»

VI. Докладъ о своей дѣятельности въ Черногоріи я кончилъ, но въ заключеніе считаю долгомъ остановиться на трагической развязкѣ великой исторической драмы, разыгравшейся на Балканскомъ полуостровѣ, и обратить вниманіе Русскаго общества на настоящее положеніе наиболѣе геройскаго, наиболѣе самоотверженнаго дѣйствующаго лица этой драмы, сдѣлавшагося вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе злополучной и несчастной ея жертвой. Всѣ участники послѣдней Восточной войны если далеко не получили всего, что должны были, что имѣли полное право за свои жертвы получить, то все-таки хоть чтонибудь да получили. Но ничьи страданія и жертвы не могутъ быть поставлены выше жертвъ и страданій православнаго Сербскаго населенія Босніи и Герцеговины; даже Болгарія понесла сравнительно меньшія утраты. Въ Герцеговинѣ и Босніи, если не половина, то, съ достовѣрностью можно сказать, цѣлая треть всего населенія погибла: меньшая часть отъ Турецкаго оружія, остальная отъ холода, голода и болѣзней. Оставшіеся въ живыхъ потеряли въ огромномъ большинствѣ все свое имущество: жилище, скотъ, виноградники и сады, хлѣбные запасы и весь домашній скарбъ. Въ награду за всѣ эти вещественныя и нравственныя страданія и утраты, за это безчисленное множество человѣческихъ жертвъ Герцеговинцы и

Митрополитъ Черногорскій Илларіонъ.

Босняки промѣняли одного ненавистнаго имъ господина на другого,—„одного дьявола", какъ говорятъ они, „на другаго". Къ сожалѣнію, въ Русскомъ обществѣ доселѣ не установилось правильнаго взгляда на характеръ Герцеговинскаго движенія 1875 года и правильной оцѣнки послѣдствій Берлинскаго договора въ отношеніи Герцеговинцевъ. Нѣкоторые у насъ—люди по преимуществу сердобольные, но съ слабо развитымъ національнымъ сознаніемъ и чувствомъ, до сихъ поръ убѣждены, что возстаніе 1875 года было вызвано исключительно турецкими звѣрствами и поборами, и мирятся съ австрійскимъ захватомъ, думая, что господство просвѣщенной и конституціонной Австріи все-таки сноснѣе и лучше для Герцеговинцевъ и Босняковъ владычества Турокъ; другіе, и въ числѣ ихъ товарищъ предсѣдателя нашего Славянскаго Общества В. И. Ламанскій,—держатся того взгляда, что Герцеговинское возстаніе 1875 года вызвано, по внушеніямъ всемогущаго и вездѣсущаго Бисмарка, австрійскими происками и въ австрійскихъ цѣляхъ. Оба эти мнѣнія ошибочны и ведутъ къ ложнымъ выводамъ и печальнымъ послѣдствіямъ. Турецкое господство, конечно, давало себя чувствовать въ Герцеговинѣ и Босніи, но главнымъ образомъ съ внѣшней, вещественной стороны. Въ мѣстахъ же гористыхъ и прилегающихъ къ Сербскимъ княжествамъ Турецкій гнетъ былъ не особенно ощутителенъ. При Турецкомъ господствѣ Герцеговинцы пользовались и относительнымъ имущественнымъ довольствомъ и главное—сохраняли свободный и независимый духъ, и *причиною послѣдняго возстанія были не столько вещественныя и нравственныя тягости Турецкаго владычества, сколько желаніе Герцеговинцевъ добиться полной племенной свободы и политическаго единства съ остальнымъ Сербствомъ*. Этого именно обстоятельства не знала или не хотѣла знать наша дипломатія во время Берлинскихъ и всякихъ другихъ соглашеній. Не Австріей подготовлено возстаніе 1875 года и не въ пограничномъ съ нею католическомъ населеніи Герцеговины, какъ указываютъ нѣкоторые, оно впервые объявилось, а въ срединной Герцеговинѣ. По свидѣтельству участниковъ, первый выстрѣлъ, возвѣстившій возстаніе, былъ сдѣланъ въ Невесиньѣ старикомъ Иваномъ Гутичемъ, именно въ Бишинѣ, и одновременно огласилось возстаніе въ Дабрѣ. Оно не было неожиданнымъ и случайнымъ, но подготовлялось издавна. Со временъ Луки Вукаловича въ Герцеговинѣ не переводились четы храбрыхъ братьевъ Петка и Стояна Ковачевичей, Пера Тунгуза и другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Герцеговинская молодежь, получившая воспитаніе въ Россіи и Сербіи, занималась подготовкою об-

щаго возстанія и оказывала давленіе на стариковъ. Объ этомъ дѣлѣ шли постоянныя сношенія между лучшими представителями православныхъ Герцеговинскихъ племенъ. Православная Мостарская община, монастырь Житомишличи (въ 4 часахъ отъ Мостара), Косіерево и Дужій постоянно пересылались письмами, а еще чаще переговаривались устно чрезъ надежныхъ пословъ со всею Герцеговиной, также съ Сараевомъ и Бѣлградомъ, въ особенности же съ Граховомъ, гдѣ жило много Герцеговинскихъ главарей, и съ Цетиньемъ. Отъ времени до времени по тѣмъ же монастырямъ собирались скупщины представителей всѣхъ Герцеговинскихъ племенъ *). Немаловажное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣли ежегодныя собранія въ монастырѣ Острогѣ, въ Черногоріи, куда на Троицынъ день для поклоненія мощамъ св. Василія по стародавнему обычаю стекается народъ со всѣхъ концовъ Герцеговины, Босніи, Старой Сербіи и, само собою разумѣется, Черногоріи. Въ 1874 г. тринадцать разъ ходило изъ Герцеговины посольство, съ братьями Михаиломъ и Иваномъ Гутичами во главѣ, къ князю Николаю съ просьбою разрѣшить общее возстаніе въ Герцеговинѣ и оказать ему поддержку. Князь все отказывалъ въ своемъ согласіи. Тогда Герцеговинцы порѣшили: «разрѣшенія мы никогда не дождемся; начнемъ на свой страхъ, а тамъ намъ волей-неволей помогутъ». Возстаніе въ Храсно, Поповомъ полѣ и вообще въ пограничныхъ съ Далмаціей мѣстностяхъ, съ смѣшаннымъ православнымъ и католическимъ населеніемъ, началось уже тогда, когда противъ усташей Невесинянъ были высланы изъ Мостара турецкія войска и произошли уже стычки. И въ этихъ мѣстностяхъ оно поднято православными главарями, явившимися изъ Дабра, и мѣстными, изъ которыхъ особенныя заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ воеводѣ Храсна Михо-Брстинѣ, и поднято — во имя Сербской національной идеи, которая не вполнѣ чужда и Сербамъ-католикамъ. Затѣмъ, когда возстаніе приняло обширные размѣры, тогда уже Хорватская партія въ Далмаціи и Австрійское правительство пытались взять его въ свои руки и направить къ своимъ цѣлямъ. Въ этомъ направленіи работалъ Задрскій комитетъ, но эти старанія не имѣли особенныхъ успѣховъ: возстаніе до конца сохранило народный Сербскій характеръ и въ Герцеговинѣ, и въ Босніи; и если бы дипломатія сколько-нибудь руководилась въ своихъ рѣшеніяхъ желаніями возставшаго населенія, то Герцеговина и Боснія не достались бы Австріи!

*) См. Приложеніе I.

Я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ среди Герцеговинскаго народа душа въ душу съ тѣми людьми, которые начали и вынесли возстаніе, и считаю своимъ долгомъ свидѣтельствовать, что они работали не подъ австрійскимъ вліяніемъ и не разсчитывая на австрійскую помощь, и если Австрія могла вліять на Герцеговинцевъ, то только однимъ путемъ—чрезъ Цетинье, т. е. чрезъ посредство Черногорскаго правительства, на которое она и нажимаетъ всякій разъ, когда нужно ей чего-нибудь достигнуть въ Герцеговинѣ. Кромѣ развѣ незначительнаго числа католиковъ, духовенство которыхъ постоянно было у Австрійскаго правительства на жалованьи, все остальное населеніе Герцеговины и Босніи питало предъ возстаніемъ, какъ и теперь, такую же глубокую ненависть къ Австріи, какъ и къ Турціи, съ примѣсью еще какого-то особаго презрѣнія. Ненависть эта — слѣдствіе Австрійской политики, постоянно лицемѣрной и постоянно враждебной Славянамъ. Двоедушіе и ненависть Австріи къ Славянамъ живо сознаются Герцеговинцами. Доказательствомъ этому служатъ, между прочимъ, эпическія Герцеговинскія пѣсни, которыхъ множество сложено уже и про послѣднее возстаніе. Въ этихъ пѣсняхъ цесарь Бечскій, т. е. Вѣнскій, является постоянно другомъ и даже побратимомъ Турецкаго султана, ведетъ съ нимъ дружественную переписку и дѣйствуетъ всегда съ нимъ заодно противъ Славянства и противъ нихъ, Герцеговинцевъ, въ частности. (Привожу въ приложеніи замѣчательную въ этомъ отношеніи пѣсню про начало возстанія въ Герцеговинѣ, имѣющую, по моему мнѣнію, значеніе важнаго историческаго свидѣтельства для уразумѣнія возстанія 1875 г.) *). Не говоря уже о главаряхъ, изъ которыхъ многіе безъ всякой противъ Австріи провинности побывали въ Австрійскихъ тюрьмахъ и крѣпостяхъ (какъ, напримѣръ, Лука Петковичъ и Любибратичъ въ Линцѣ), почти всякій простой Герцеговинецъ совершенно опредѣленно скажетъ вамъ, почему онъ Турецкое господство предпочитаетъ Австрійскому. Вотъ что постоянно приходилось мнѣ слышать отъ Герцеговинцевъ, какъ только рѣчь заходила объ этомъ предметѣ: «Турки—юнаки; но они намъ не страшны: отъ нихъ мы не сегодня-завтра освободимся. Австрійское же господство погубитъ насъ въ конецъ. Мы знаемъ Австрію: войско ея ничего не стоитъ въ сравненіи съ Турками; но она возьметъ верхъ не силою, а лукавствомъ. Попадись Герцеговина ей, она отберетъ отъ насъ землю и отдастъ ее Швабамъ и Мадья-

*) См. Приложеніе V.

рамъ, напустить въ Герцеговину католическихъ поповъ, испортить нашу вѣру, растлить нравственно нашу молодежь и этими средствами убьетъ духовно нашъ народъ». «Да не можетъ этого быть», прибавляли Герцеговинцы:—«во здравіе царя Русскаго и князя Черногорскаго, Герцеговина никогда не будетъ принадлежать Австріи! Они не отдадутъ насъ ей. Мы храбро и удачно бились за свою свободу; до объявленія Черногоріей войны мы ни одного сраженія не проиграли. Князь Николай за насъ началъ войну съ Турціей. Онъ объявилъ при этомъ, что Герцеговина должна быть свободна. Мы повѣрили его слову и отдали свою судьбу въ его руки и въ руки того, кто распоряжается судьбою всего Славянскаго міра. Вѣруя, что при окончательномъ разсчетѣ Герцеговина не будетъ обижена и забыта, мы оставляли свои уже освобожденныя нашею кровью поля и шли за княземъ въ Албанію — брать для него Баръ (Антивари) и Дульцинъ. Мы вѣримъ, что онъ не отступится отъ насъ; да и Россія не для того кормила и одѣвала насъ, не для того жертвовалъ Русскій народъ своею кровью, чтобы, послѣ столькихъ и Сербскихъ и Русскихъ побѣдъ, отдать насъ своему и нашему злѣйшему врагу—Австріи!» Но противъ дѣйствительности враждебнаго чувства, питаемаго православнымъ населеніемъ Босніи и Герцеговины къ Австріи, не говоритъ ли то обстоятельство, что Австрійское вторженіе (оккупація) въ эти провинціи встрѣтило менѣе упорное и сильное сопротивленіе со стороны православныхъ, нежели мусульманъ, и что въ Герцеговинѣ сопротивленіе это было слабѣе, нежели въ Босніи, тогда какъ можно бы было ожидать противоположнаго явленія? Но это кажущееся противорѣчіе объясняется вполнѣ совершеннымъ имущественнымъ истощеніемъ православнаго населенія, тѣмъ несвободнымъ положеніемъ, въ которое ставило ихъ пребываніе ихъ семействъ на Австрійской и Черногорской землѣ, а относительно Герцеговинцевъ еще и главнѣе всего тѣмъ, что они были нравственно не свободны. Герцеговинцы провозгласили князя Николая своимъ княземъ. Съ начала Черногорско-Турецкой войны все мужское населеніе возставшихъ частей Герцеговины было собрано въ батальоны, которые вошли въ составъ Черногорскаго войска и поставлены подъ команду тестя княжева—воеводы Петра Вукотича. Все это отнимало у Герцеговинцевъ возможность всякаго самостоятельнаго дѣйствія; имъ оставалось ожидать, что нужды ихъ найдутъ лучшаго заступника въ Черногорскомъ князѣ, и надѣяться на него и на Россію. Тѣмъ не менѣе, Герцеговинцы не были равнодушны къ своей судьбѣ. Неопредѣленность постановленій относительно ихъ родины Свято-

Стефанскаго договора, изъ которыхъ однако же видно было, что Герцеговина будетъ подѣлена и различныя ея части ожидаетъ не одинаковая участь, — сильно смущала и озабочивала Герцеговинцевъ, тѣмъ болѣе, что уже тогда носились слухи, что Боснія и дольняя Герцеговина (по Неретву) будутъ отданы Австріи. И вотъ тогда же, въ первыхъ числа марта 1878 г., и въ Герцеговинѣ, и въ Босніи православное населеніе, совершенно независимо одно отъ другаго, но движимое однимъ и тѣмъ же чувствомъ тревоги за свою судьбу и ненависти къ Австріи, пришло къ рѣшенію заявить протестъ противъ этихъ чудовищныхъ для нихъ слуховъ. Протестъ этотъ выразился въ формѣ челобитныхъ, посланныхъ Босняками Русскому государю, а Герцеговинцами—князю Николаю. Впрочемъ, и эта послѣдняя имѣла въ виду, главнымъ образомъ, *Русское* общество и *Русскаго* государя, ибо, высказавъ въ ней свой протестъ и свои желанія, Герцеговинцы просятъ князя «все это представить Его Величеству Русскому царю, который всегда милостиво на нихъ взиралъ и отечески заботился о Славянской будущности и освобожденіи, чтобы онъ, послѣ всѣхъ неисчислимыхъ жертвъ его великаго народа и послѣ всѣхъ славныхъ Русскихъ побѣдъ, не оставилъ ихъ подъ ярмомъ уничтоженнаго имъ врага и не далъ бы имъ подпасть изъ-подъ одного непріятеля подъ другого, который старается какимъ-либо неправеднымъ способомъ подчинить ихъ своей власти». Челобитная оканчивается рѣшительнымъ заявленіемъ, что «народъ Герцеговинскій не можетъ имѣть мира, если его раздѣлятъ, какъ о томъ по Австрійскимъ землямъ говорятъ, но будетъ бороться и лить свою кровь до тѣхъ поръ, пока не добудетъ себѣ свободу и нераздѣльность» *). Челобитная эта подписана сорока пятью главарями: воеводами, командирами, капитанами, попами и старѣйщинами отъ всѣхъ Герцеговинскихъ племенъ, какъ тѣхъ, судьба которыхъ Свято-Стефанскимъ договоромъ оставлялась нерѣшенною, такъ и тѣхъ, которыя по этому договору отходили къ Черной Горѣ. Вручена эта челобитная князю Николаю 8 марта посольствомъ изъ наиболѣе чтимыхъ Герцеговинскимъ народомъ главарей: воеводы попа Богдана Зимонича изъ Гацка, двухъ стариковъ Гутичей: Ивана и Михайла изъ Невесинья, бывшихъ важнѣйшими двигателями возстанія въ его началѣ, и Ивана Зотовича, молодаго, но достойнаго капетана Заводянъ — одного изъ самыхъ обширныхъ Герцеговинскихъ племенъ. Князь Николай ни этимъ посламъ, ни

*) Приложеніе II.

впослѣдствіи, когда обращались къ нему Герцеговинцы съ вопросами—что ихъ ждетъ, не давалъ опредѣленнаго отвѣта, да едва ли и могъ его дать; онъ старался, однако, успокоить Герцеговинцевъ завѣреніями, что онъ, князь, думаетъ о нихъ. Въ апрѣлѣ и маѣ, когда въ Далмаціи замѣтны стали приготовленія Австріи къ военнымъ дѣйствіямъ, Герцеговинцы поодиночкѣ стали уходить въ глубь Герцеговины и составлять тамъ четы (отряды) съ цѣлью отпора Австріи; одинъ изъ воеводъ ушелъ подъ Столацъ и сталъ во главѣ четъ. Можетъ быть, это движеніе разрослось бы и приняло грозные для Австріи размѣры; но въ іюнѣ князь позвалъ на Цетинье герцеговинскихъ главарей и удерживалъ ихъ тамъ подъ разными предлогами до занятія Австрійцами Герцеговины; посланы были даже въ глубь Герцеговины перяники *) позвать къ князю начальниковъ, предводившихъ четами. Такимъ образомъ, задача австрійскихъ оккупаціонныхъ войскъ была облегчена. Однако, вмѣстѣ съ мусульманами и православные Босняки и Герцеговинцы стояли заодно противъ Австрійцевъ, защищая свою родину **); важнѣйшіе Герцеговинскіе города легко достались Австрійцамъ, благодаря лишь подкупу и измѣнѣ Турецкихъ военачальниковъ, а, быть можетъ, и приказаніямъ, полученнымъ ими отъ Турецкаго правительства.

Когда Герцеговина была окончательно занята, Черногорское правительство передало Австрійцамъ все Герцеговинское войско, въ полномъ его боевомъ составѣ. Заимствуемъ изъ Сербской «Заставы» описаніе этого роковаго событія, провѣренное нами по самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ. На 16 сентября всѣми командирами Герцеговинскихъ баталіоновъ полученъ былъ слѣдующій приказъ: «Господинъ командиръ! По верховному приказанію нашего высокаго правительства, прикажи всякому воину твоего батальона быть готовымъ, и будьте всякій твой воинъ и ты предъ ними въ первую субботу въ Билечѣ; всякій изъ воиновъ пусть хорошо вычиститъ и приготовитъ свое ружье, и всѣ подъ оружіемъ и баряками (знаменами) будьте въ первую субботу въ Билечѣ! Извѣсти всякаго твоего воина, что если бы кто не пришелъ въ назначенный день на указанное мѣсто, тотъ никогда больше не будетъ имѣть доступа туда, гдѣ собираются братья, потому что въ Билечъ придутъ всякій Герцеговинскій главарь и за

---

*) Перяники—нѣчто въ родѣ княжеской гвардіи, исполняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности жандармовъ, почему въ народѣ расположеніемъ и довѣріемъ не пользуются.

**) Приложенія IV и III.

ними все Герцеговинское войско подъ оружіемъ и знаменами. Будьте здоровы! Грахово, 16 сентября 1878 года. Сердарь Саво Іовичевичъ».

Вслѣдствіе этого распоряженія все Герцеговинское войско собралось въ назначенный день въ Билечѣ, гдѣ дожидался его сердарь Іовичевичъ, который объявилъ войску, чтобы оно переночевало въ Билечѣ, а утромъ рано двинулось къ Требинью, гдѣ должна была совершиться оффиціальная передача его Австрійской власти; но эта цѣль движенія была неизвѣстна Герцеговинскому войску: оно почти было убѣждено, что его ведутъ противъ Австрійцевъ.

Въ Воскресенье 17 сентября двинулись изъ Билеча слѣдующіе батальоны: Зубацко-Крушевацкій (Зубцы, Крушевицы, Суторина) — воевода Трипко Вукаловичъ, командиръ Томо Томашевичъ, Шумскій—воевода архимандритъ Мелентій Перовичъ, командиръ Арсенъ Мискинъ; Завойскій (Заводяне)—воевода Глигоръ Миличевичъ, командиръ Никола Вуйовичъ; Рудинскій—командиръ Щепанъ Папичъ, подкомандиръ Мрдакъ Любуринъ; Гатачскій (Гацко-Поле)—воевода попъ Богданъ Зимоничъ, командиръ Никола Гргуръ; Дабарскій—воевода Іованъ Джомбета, командиръ Перо Муратовичъ; Невесинскій первый—командиръ Кико Стефановичъ; Невесинскій второй—командиръ Бошко Гузина, воевода попъ Радовичъ; Попово-Польскаго полбатальона—командиръ Лазарь Мачуга; другая половина этого батальона осталась у донъ-Ивана Мусича.

Когда войско это пришло на Ясень, въ часовомъ разстояніи отъ Требинья, тутъ присоединился къ нему дожидавшійся его воевода Петръ Вукотичъ *) со своею свитою: Блажо Петровичемъ **), Николою Матановичемъ, Милованомъ Бошковичемъ и Вукомъ Филипповымъ. Вукотичъ поздоровался съ войскомъ, и потомъ заодно двинулись къ Горицкому полю, которое лежитъ подъ самымъ Требиньемъ.

На краю Горицкаго поля встрѣтилъ войско генералъ Іовановичъ со своею свитою и военною музыкою. Съ музыкою ввели всѣ батальоны на Горицкое поле, и тутъ только открылась Герцеговинцамъ истина: тамъ на одномъ краю поля стояло Австрійское войско въ полной боевой готовности, съ Запада глядѣли горныя батареи, а съ Востока—городскія пушки. Когда всѣ Герцеговинскіе батальоны введены были на Горицкое поле и все войско стало въ парадномъ строю, тогда обратилъ къ нему рѣчь воевода П. Вукотичъ: «Братья Герцего-

*) Тесть князя Николая.

**) Двоюродный братъ князя Николая.

винцы! Какъ вы видите, Герцеговина досталась цесарю Вѣнскому; вы, какъ храбрые и вѣрные сыны своей родины, должны признать цесареву власть; вы честно воевали за свою свободу, слава вамъ на молодецкомъ подвигѣ! Знайте, что князь и цесарь живутъ въ любви, какъ-бы члены одного семейства! Хорошо вамъ будетъ. Передайте острагуши (игольчатыя ружья) здѣсь, а обычное оружіе, которое носили ваши отцы и дѣды, носите и вы. Послушайте меня, воины! Таковъ приказъ свѣтлаго господаря (князя)!» Когда услышали храбрые витязи, что они должны отдать оружіе, всѣ были этимъ, какъ громомъ, поражены, и послышался въ войскѣ страшный ропотъ. Тогда выступилъ впередъ командиръ Невесинскаго батальона Бошко Гузина и сказалъ: «Господа, ради истиннаго Бога! Вотъ мы цѣлые три года боролись съ Турками и гибли за свою честь и достоинство, а вы теперь отбираете отъ насъ оружіе—наше единственное добро! Извѣстно, какія мы муки и бѣды претерпѣли, сколько крови пролили! Всякій изъ насъ потерялъ: кто брата, кто отца, кто сына; а всѣ лишились всего своего имущества и остались безъ кола и безъ двора; единственно, что у насъ до сихъ поръ осталось неповрежденнымъ,—это честь и свѣтлый образъ *) между братьями. Не трогайте ихъ у насъ теперь, господа!..» Тогда выскочилъ сердарь Іовичевичъ и сказалъ: «Вы положите оружіе, какъ храбрые воины, по приказанію своего верховнаго вождя, и то не будетъ вамъ въ униженіе, а только вы тѣмъ покажете преданность цесарю». Войско нѣсколько затихло и смотрѣло на своихъ командировъ. Тогда выступилъ воевода Петръ Вукотичъ и сказалъ командиру Тому Томашевичу, чтобы онъ приказалъ своему батальону отдавать ружья; но Томашевичъ отвѣчалъ: «Воевода, не позволяетъ воинская честь отдавать оружіе, пока посреди войска вѣетъ алай-барякъ **); съ него слѣдуетъ начать!» Вукотичъ со своею свитою приступилъ къ Невесинскому батальону и

---

*) Выраженія: «образъ» и «свѣтли образъ» на Сербскомъ языкѣ означаютъ честь, достоинство. Не имашь «образа» или «черна ти образа» равносильны выраженію—у тебя нѣтъ чести.

**) Алай-барякъ—великое княжеское знамя, краснаго цвѣта, шелковое, съ двуглавымъ бѣлымъ орломъ, вышитымъ шелкомъ же. По народному убѣжденію, алай-барякъ бывшій въ рукахъ одного изъ Юговичей, павшаго на Косовомъ полѣ, съ тѣхъ поръ хранится въ Черной Горѣ—всегдашнемъ убѣжищѣ Сербской свободы. Алай-барякъ шелъ на войну только съ самимъ владыкою Черногорскимъ или княземъ. Когда въ 1876 г. князь Николай рѣшился объявить войну Турціи, то, желая показать, что онъ придаетъ особенное значеніе Герцеговинскому движенію, приказалъ изготовить другой алай-барякъ—точный снимокъ съ перваго, и вручилъ его въ присутствіи всего войска Невесинцу Іовицѣ Зироевичу, высказавъ при этомъ, что, глядя на юначество, слѣдовало бы дать его Пивлямъ; но, глядя на заслуги, онъ даетъ его Невесинянамъ, такъ какъ возстаніе начато ими,

позвалъ алай-барјактара, чтобы онъ передалъ знамя. Но барјактаръ *) отвѣчалъ воеводѣ: «Воевода! какъ знаете, — этотъ алай-барякъ даровалъ мнѣ изъ своихъ рукъ свѣтлый господарь на Черномъ Куку, когда тамъ было въ сборѣ все Черногорское и Герцеговинское войско, предъ выступленіемъ на войну. Господарь сказалъ мнѣ тогда: «Юначе, вотъ тебѣ алай-барякъ; носи его честно и не дай его другому, пока въ тебѣ бьется живое сердце!» До сегодня я честно носилъ его по всѣмъ битвамъ въ Герцеговинѣ; много моихъ братьевъ около него пало; потокомъ пролито крови въ защиту высокой чести этого алай-баряка, и, во славу Бога, честь его была сбережена, хотя много Невесинскихъ матерей ходятъ теперь въ черномъ! Итакъ, справедливо-ли, честно-ли, чтобы я теперь мирно передалъ его въ чужія руки? О, нѣтъ! я не смѣю его отдать, потому что тогда проклинали бы меня мертвыя кости тѣхъ соколовъ, которые погибли вокругъ него; если же я долженъ уже сегодня съ нимъ разстаться, то я передамъ его только въ руки Петровича!» Тогда приблизился Блажо Петровичъ и со слезами принялъ алай-барякъ. После передачи алай-баряка всѣ батальоны отдали свои острагуши, и австрійскіе солдаты отвезли ихъ на телѣгахъ въ Требинье. Впрочемъ, австрійцамъ достался почти одинъ только ломъ. Божко Гузина первый изломалъ о камень свою острагушу; большинство воиновъ послѣдовало его примѣру. Старое же оружіе: пистолеты и ханджары (ятаганы) были пока оставлены Герцеговинцамъ (впослѣдствіи отбиралось и оно до малаго ножа включительно). Герцеговинскаго войска было въ сборѣ 6.750 человѣкъ. Послѣ того, какъ всѣ Герцеговинскіе батальоны передали ружья, генералъ Іовановичъ благодарилъ войско за послушаніе и оказанную преданность и сказалъ: «Теперь вы можете со своими семействами перейти на свои земли, и правительство будетъ вамъ давать пищу до новой жатвы, поможетъ вамъ построить дома, дастъ вамъ сѣмена, воловъ, и все, что будетъ нужно, чтобы вы могли воздѣлывать землю и жить въ мирѣ и благосостояніи. Воеводы и капетаны будутъ назначены въ меджлисы, а командиры и офицеры будутъ названы сердарями и арамбашами, и всякій въ своемъ мѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ пандуровъ долженъ будетъ охранять порядокъ и стеречь границы отъ гайдуцкихъ четъ. Сердари будутъ получать по 300 флориновъ въ годъ платы, ихъ помощники по 200 флор., офицеры по 150 флор., а пандуры по 100 флор., и, кромѣ того, всѣ будутъ получать необходимое продовольствіе. Итакъ, я надѣюсь,

*) Имя барјактара—Іовица Зироевичъ.

что вы будете благословлять этотъ счастливый для васъ день. Будьте веселы, а теперь дадутъ вамъ хлѣба, мяса и вина; а какъ отдохнете, пусть всякій идетъ къ своему семейству».

Итакъ, мы видимъ, что Австрійское господство началось въ Герцеговинѣ обманомъ своихъ новыхъ подданныхъ и издѣвательствомъ надъ ними. Герцеговинцы были заведены въ засаду и у нихъ отобрали все дѣйствительно годное оружіе, оставивъ сначала старое поясное оружіе, имѣющее значеніе лишь украшенія и игрушки, а впослѣдствіи отобрали и то. Генералъ Іовановичъ обѣщалъ отъ имени Австрійскаго правительства, что Герцеговинцамъ будетъ даваться продовольствіе до новой жатвы, помочь имъ построить дома, дать сѣмена, воловъ и все, что нужно для обзаведенія. Сдержано ли это обѣщаніе? Достовѣрныя извѣстія, получаемыя изъ Боки Которской, говорятъ, что и это обѣщаніе не исполнено. Герцеговинскимъ семьямъ, жившимъ на Черногорской землѣ, а также въ Кривошіи, Бокѣ и Далмаціи, прекращено осенью шедшее имъ дотолѣ продовольствіе и приказано итти на родину съ обѣщаніемъ, что тамъ они будутъ получать по старому продовольствіе. Между тѣмъ это не исполняется. Многія семьи, отправившіяся было въ Герцеговину, должны были вернуться по причинѣ громадныхъ снѣговъ и неимѣнія гдѣ пріютиться: народъ гложетъ липовую кору и сотнями умираетъ голодною смертью. Бѣдные Герцеговинцы толпами бѣгутъ къ Черногорскому князю и просятъ у него себѣ помощи, но и тутъ ея не находятъ, и вотъ они теперь говорятъ въ отчаяніи, что отъ нихъ всѣ отступились, что ихъ слеза никѣмъ не замѣчается, что некому ее утереть, что для нихъ и Богъ не существуетъ...

Итакъ, тотъ народъ, который Русское правительство и общество въ теченіе трехъ лѣтъ поддерживали и кормили, приговоренъ теперь къ голодной смерти! Это не игра словъ. Если Герцеговинцамъ Австрійское правительство не даетъ теперь продовольствія, это значитъ, что оно намѣренно моритъ ихъ голодомъ, потому что ему хорошо извѣстно, что у этого народа давно нѣтъ ничего своего, что онъ жилъ послѣдніе два года тѣмъ, что ему ежемѣсячно давали Россія и Черная Гора. Если весною не будутъ даны этому народу сѣмена и деньги на обзаведеніе, то онъ будетъ продолжать вымирать голодною смертью. Быть можетъ, все это на руку Австріи. Вмѣсто вымершаго православнаго населенія, она тамъ заведетъ Нѣмецкія колоніи. Но можетъ ли, въ правѣ ли Русское общество безучастно относиться къ такой судьбѣ братскаго, преданнаго Россіи народа,—народа, сумѣвшаго своею доблестью завоевать

себѣ всеобщее уваженіе и сочувствіе? Необходимы новыя пожертвованія, новая помощь Герцеговинскимъ и Боснійскимъ семействамъ. Но одною общественною благотворительностью, одними пожертвованіями трудно существенно помочь дѣлу. Необходимо правительственное заступничество за несчастный народъ. Только такимъ правительственнымъ заступничествомъ

Славный Герцеговинскій воевода попъ
Богданъ Зимоничъ изъ Гацка.

можетъ быть успокоена хотя нѣсколько, до времени, совѣсть Русскаго общества, Русскаго народа. Пока-же мы видимъ, что Герцеговинцы и Босняки отданы въ полное и безусловное распоряженіе Австріи; по крайней мѣрѣ, Русскому обществу не извѣстно, были ли выговорены въ пользу ихъ какія-либо условія у Австріи, и если были, то какія именно, и есть ли со стороны нашего правительства какой-либо надзоръ за ихъ выполненіемъ.

Докладъ этотъ читался въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества 14 февраля 1879 года, напечатанъ съ идущими вслѣдъ за симъ приложеніями въ сборникѣ «Первыя 15 лѣтъ дѣятельности СПб. Слав. Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ», и въ журналѣ *Вѣкъ* въ кн. 1 и 2 1881 года, въ послѣднемъ — подъ заголовкомъ «Среди страданій народныхъ».

Приложенія къ докладу.

Приводимъ нѣсколько документовъ, относящихся до послѣднихъ событій въ Герцеговинѣ, какъ то: адресовъ и писемъ Герцеговинскихъ главарей, Австрійскую прокламацію во время оккупаціи и народную Герцеговинскую пѣсню о началѣ послѣдняго возстанія противъ Турокъ. Изъ этихъ данныхъ имѣяй очи видѣти увидитъ, каковы истинныя стремленія Герцеговинскаго народа и какъ постояненъ онъ въ своей любви и ненависти, въ своихъ стремленіяхъ и дѣлахъ.

I. Письмо Герцеговинскихъ главарей одному изъ Черногорскихъ воеводъ отъ 24 апрѣля 1874 г. изъ монастыря Косіерева (Переводъ съ Сербскаго).

Господинъ воевода!

Мы, нижеподписавшіеся главари Герцеговинскіе, имѣли твердое намѣреніе о Юрьевомъ днѣ придти на Цетинье, чтобы повѣдать свѣтлому князю Николаю о жестокихъ мукахъ и варварскихъ злодѣйствахъ, которыя до сихъ поръ мы терпѣли отъ проклятыхъ Турокъ, а болѣе терпѣть не можемъ. Но теперь, такъ какъ свѣтлый князь отправился въ Вѣну, чтобы видѣться тамъ съ великимъ царемъ Русскимъ, православнымъ нашимъ покровителемъ, и съ другими королями, и свѣтлый князь, можетъ быть, тамъ долго задержится, а мы долго ждать не можемъ, такъ какъ все болѣе и болѣе тяжелыя злодѣйства безбожно и безобразно на насъ налегли и душу несчастному народу такъ стиснули, что она еле держится въ немъ, и такъ какъ мы разъ уже договорились и окончательно рѣшили на смерть и жизнь колоться съ Турками: то мы подымаемъ возстаніе въ Герцеговинѣ отъ Австрійской границы до Новаго Базара; по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только есть истинные, надежные Герцеговинцы, грянетъ возстаніе и прольется кровь! Ради всего этого съ величайшею мольбою отъ имени несчастнаго Герцеговинскаго народа обращаемся мы къ вамъ, чтобы вы доставили князю Николѣ это письмо въ которомъ мы изъявляемъ свѣтлому Государю наше твердое и непоколебимое рѣшеніе, что мы непремѣнно поднимемъ возстаніе, которое всѣми силами поддержитъ Сербія. Въ этомъ мы обнадежены со стороны Сербскаго правительства. Но въ его только помощи мы не видимъ вѣрнаго залога нашего освобожденія безъ молодецкой помощи князя Николы, на которую мы не можемъ надѣяться безъ соизволенія Русскаго царя, такъ какъ князь Никола безъ его одобренія ничего не начнетъ. Поэтому во имя человѣколюбія всепокорно молимъ свѣтлаго князя Николу, чтобы онъ упросилъ нашего православнаго царя Александра (дать согласіе на то), чтобы Черная Гора поддержала наше возстаніе, какъ поддержитъ его Сербія, и такою помощью съ обѣихъ сторонъ надѣялись бы мы достигнуть лучшаго положенія.

Чтобы дождаться отвѣта, наше возстаніе, для котораго было все приготовлено, чтобы оно поднялось тотчасъ по Юрьевомъ днѣ,—отложили мы до Троицына дня, 27 мая, такъ что до тѣхъ поръ намъ можетъ быть данъ отвѣтъ, можно ли намъ на что доброе надѣяться отъ Черной Горы и великой Россіи; но, что бы тамъ ни было, мы во имя Божіе, безъ всякаго колебанія, на святую Троицу начнемъ возстаніе, хотя бы мы всѣ навѣрное должны были погибнуть. Лучше это, нежели жить подъ такими муками и видѣть ежедневныя мучительныя убійства, изгнаніе на чужбину достойнѣйшихъ нашихъ братьевъ—поповъ, монаховъ и торговцевъ—и заключеніе въ смрадныя и сырыя тюрьмы несчастныхъ Сербовъ, изъ которыхъ иныхъ давятъ, другихъ гноятъ и мало кто возвращается домой. Постыдное наси-

ліе надъ нашими женами, сестрами и жалкими дочерьми, насильственное взиманіе тяжелыхъ податей и сотни другихъ бѣдъ—терпѣть это?—нѣтъ, лучше сто разъ умереть, и мы съ охотою идемъ умирать!

Подписали, отъ имени народа Герцеговинскаго, болѣе 40 главарей, рѣшившихся на возстаніе.

Въ монастырѣ Косіеревѣ. 24 апрѣля 1874 года.

II. Челобитная Герцеговинцевъ Черногорскому князю Николаю, поданная 8 марта 1878 года. (Переводъ съ Сербскаго).

Ваша Свѣтлость,

Премилостивый Государь!

Весело привѣтствуемъ радостное извѣстіе о расширеніи храброю Вашею деснидею славной Черной Горы; молимъ Бога о счастливой и многолѣтней жизни Вамъ и свѣтлому Вашему наслѣднику на радость и преуспѣяніе Вашего народа!

Мы всѣ хорошо знаемъ, что Ваша свѣтлость всегда заботились и заботитесь о насъ, и что тяжелая, бѣдственная жизнь Герцеговинскаго народа подъ Турками лежала и лежитъ на великодушномъ Вашемъ сердцѣ. Но теперь, когда рѣшаютъ нашу судьбу, а мы ничего не знаемъ, что будетъ съ нами и съ Герцеговиною, мы сильно смущены и озабочены. Мы слышимъ, какъ повсюду говорятъ, что эта наша Герцеговина будетъ разсѣчена какимъ-то способомъ. Хотя бы и праздны были эти людскіе толки,— они насъ огорчили и язвятъ сердце каждаго Герцеговинца.

Какъ могли бы согласиться на это мы, которые столько боролись и достаточно принесли жертвъ ради своего освобожденія! Мы ничего не жалѣемъ для нашего освобожденія и нераздѣльности нашей, и теперь мы готовы лить свою кровь, потому что знали и знаемъ, что безъ рѣшимости и безъ жертвъ ничего нельзя добыть. Теперь мы обезпечены для борьбы: не думаемъ больше о томъ, какъ сохранить намъ что-нибудь изъ нашего скота, или сберечь наши пожитки и наши дома: ничего у насъ нѣтъ теперь, кромѣ нея, нашей родной земли, напитанной кровью нашихъ предковъ и нашей, и которую мы и должны, и хотимъ удержать и освободить!

Вашей свѣтлости извѣстно, что намъ, Герцеговинцамъ, не о чемъ другомъ и думать, какъ только о томъ, чтобы—въ случаѣ, если вышесказанная неправда осуществится,—Герцеговинцамъ снова возстать и лить свою кровь въ борьбѣ съ тѣмъ, кто думаетъ, что мы будемъ его подданными. Въ этомъ всѣ ошибаются. Мы не хотимъ никого и не можемъ никого признать своимъ владѣтелемъ, правителемъ и покровителемъ, кромѣ Васъ, Государь, и Его Величества Русскаго Царя, которые всегда думаете о нашей будущности и отечески заботитесь о всѣхъ Славянахъ. Государь! мы знаемъ, что то и Вашей свѣтлости было бы не по сердцу, и такъ не пренебрегите этимъ нашимъ заявленіемъ, чтобы оно не утратило своей цѣли и не осталось мертвымъ. Мы, начиная возстаніе, сказали, что мы будемъ съ Черною Горою, или да не будетъ насъ на свѣтѣ: это намѣреніе и теперь при насъ!

Всѣ наши желанія и намѣренія изложили мы вкратцѣ Вашей свѣтлости. Еще же просимъ Васъ только о томъ, чтобы Вы все это представили Его Величеству Русскому Царю, который всегда милостиво на насъ взиралъ и отечески заботился о Славянской будущности и освобожденіи, чтобы Онъ, послѣ всѣхъ неисчислимыхъ жертвъ Его великаго народа и всѣхъ славныхъ Русскихъ побѣдъ, не оставилъ насъ подъ ярмомъ уничтоженнаго Имъ врага

и не допустилъ бы, чтобы мы подпали изъ-подъ одного непріятеля подъ другого, который старается какимъ-либо неправеднымъ способомъ подчинить насъ своей власти!

Народъ Герцеговинскій не можетъ имѣть мира, если онъ будетъ раздѣленъ, какъ по Австрійскимъ землямъ о томъ говорятъ, но будетъ бо-

Воевода **Пеко Павловичъ**, бывшій по назначенію князя Николая главнымъ вождемъ возставшихъ герцеговинцевъ, до назначенія великимъ (главнымъ) герцеговинскимъ воеводою Петра Вукотича.

роться и лить свою кровь до тѣхъ поръ, пока не добудетъ себѣ свободу и нераздѣльность!

Вашей великокняжеской свѣтлости преданнѣйшіе и вѣрные Герцеговинцы.

Слѣдуютъ подписи и печати Герцеговинскихъ главарей всѣхъ племенъ: воеводъ, поповъ, командировъ, капетановъ, баряктаровъ и офицеровъ, въ числѣ 45 человѣкъ.

III. Прокламацiя Австрiйскаго правительства Боснякамъ и Герцеговинцамъ въ 1878 году.

«Босняки и Герцеговинцы!

Войска его величества цесаря Австрiйскаго короля Венгерскаго готовы перейти границу вашего отечества. Не приходятъ они, какъ непрiятели, которые бы хотѣли силою завладѣть этою землею, но какъ друзья, которые хотятъ прекратить тѣ безчисленныя бѣдствiя, которыя много лѣтъ или, лучше сказать, съ незапамятныхъ вѣковъ тревожатъ не только Боснiю и Герцеговину, но и сосѣднiя земли Австро-Венгрiи.

Съ сожалѣнiемъ услышалъ свѣтлый цесарь и король, что внутренняя междуусобная война опустошаетъ красную эту землю, что обитатели одного и того же отечества рѣжутся и колятся между собою, что не стало торговли и промысла, что ваши стада изводятся грабежомъ, и нивы не обработываются, и что неволя укоренилась въ городахъ и селахъ. По причинѣ тяжелыхъ и великихъ невзгодъ правительству вашему невозможно было установить надолго миръ и согласiе, на которыхъ единственно основываются счастiе и благосостоянiе народа. Свѣтлый цесарь и король не могъ болѣе глядѣть своими глазами, какъ злодѣйства и волненiя чуть было не распространились на пограничныя его земли, какъ сиротство и неволя все болѣе и болѣе приближались къ границамъ его государствъ.

Благодаря его настоянiямъ (понукиванѣм) Европейскiя державы обратили свое вниманiе на ваше положенiе и на конгрессѣ въ Берлинѣ было единогласно постановлено, чтобы Австро-Венгрiя воротила вамъ миръ и благосостоянiе, безъ которыхъ вы, бѣдняжки (јадници), уже давно живете.

Его величество султанъ, желая вамъ счастья, склонился и самъ довѣрить васъ защитѣ могущественнаго своего прiятеля цесаря и короля Австро-Венгерскаго. Итакъ, придутъ къ вамъ цесарскiя и королевскiя войска, не несутъ они вамъ войны, но приносятъ вамъ миръ. Заповѣдалъ свѣтлый цесарь и король, чтобы всѣ сыны этой земли пользовались одинаковыми правами по закону; чтобы всѣ имѣли защиту относительно своей жизни, своей вѣры и своего добра и имущества. Ваши законы, порядки не будутъ самовольно нарушены и будетъ соблюдаться ваша святыня и обычай вашъ. Ничто силою не будетъ переиначено, но при всякомъ случаѣ зрѣло будетъ обсуждаться и обдумываться, что для васъ нужно. Старые законы будутъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока не будутъ изданы новые. Ожидается отъ всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ старшинъ (поглаварствъ), что онѣ будутъ оберегать и удерживать порядокъ и будутъ во всемъ поддерживать правительство. Доходы этихъ земель будутъ обращаемы единственно на потребности этихъ самыхъ земель. Если бы были неуплаченныя подати за послѣднiе годы—ихъ не будутъ отыскивать и собирать.

Войска свѣтлаго цесаря и короля не будутъ обирать и мучить эту землю. Они будутъ платить деньгами за все, что потребуется отъ жителей.

Свѣтлый цесарь и король знаетъ тяготы ваши и желаетъ, чтобы вы были счастливы. Подъ могучимъ его жезломъ живетъ много народовъ, и всякiй народъ говоритъ своимъ языкомъ, управляются они какъ послѣдователи многихъ вѣроученiй, и каждый изъ нихъ исповѣдываетъ явно и свободно вѣру свою.

Босняки и Герцеговинцы! Поспѣшите съ надеждою подъ защиту покрытыхъ славою (славодобитныхъ) знаменъ Австро-Венгерскихъ. Встрѣтьте воиновъ нашихъ, какъ пріятелей своихъ, будьте послушны начальству (поглаварству), примитесь опять за свои дѣла, и плоды трудовъ вашихъ будутъ вамъ обезпечены!»

Цѣлые возы этихъ прокламацій, какъ сообщаютъ намъ лица, близко знакомыя съ дѣломъ, были посланы въ Герцеговину и Боснію Турецкимъ властямъ для раздачи народу, но власти эти отказались ихъ принять, отговариваясь тѣмъ, что не получили по этому предмету никакихъ приказаній отъ своего правительства.

IV. Въ то самое время, какъ Австро-Венгрія готовилась насильственно облагодѣтельствовать Герцеговину и Боснію, тамъ изъ конца въ конецъ пересылались письма, подобныя слѣдующему (переводъ съ Сербскаго):

Дорогіе братья магометане и христіане, въ Сараевѣ!

Несправедливое рѣшеніе конгресса (Берлинскаго) о занятіи Босніи, Герцеговины и Новобазарскаго пашалыка Австрійскимъ войскомъ несказанно опечалило всякаго Серба, а особенно насъ, Босняковъ и Герцеговинцевъ, живущихъ на границѣ.

Мы слышимъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ идетъ дѣло о примиреніи магометанъ и христіанъ. Мы слышимъ, что въ Сараевѣ магометане и христіане уже соединились для общей обороны своей земли.

Мы сильно радуемся такому вашему мудрому намѣренію, во-первыхъ потому, что между магометанами и христіанами наступитъ миръ, а во-вторыхъ потому, что твердо надѣемся, что такимъ дружнымъ дѣйствіемъ мы защитимъ нашу землю отъ печальныхъ послѣдствій, которыми угрожаетъ ей нашествіе Швабскаго (Австрійскаго) войска.

Братья! не оставляйте счастливо начатаго дѣла примиренія между христіанами и магометанами и дружной и храброй защиты своей земли!

Чтобы облегчить отпоръ на военномъ и политическомъ полѣ, намъ представляется необходимо нужнымъ, чтобы немедленно образовалось временное правительство въ Сараевѣ.

Это правительство должно быть составлено изъ христіанъ и магометанъ, а его главнѣйшими заботами должно быть:

1) Примиреніе магометанъ съ христіанами на основѣ политической, гражданской и вѣрозаконной равноправности.

2) Призывъ къ оружію всѣхъ мусульманъ и христіанъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Ново-Базарскомъ пашалыкѣ.

3) Приглашеніе всѣхъ усташей, Босняковъ, Герцеговинцевъ и Ново-Базарцевъ свободно вернуться въ свою землю и помочь защищать ее отъ нашествія чужеземца.

4) Стараніе о ратномъ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ оборонительнаго войска.

5) Заявленіе всѣмъ Европейскимъ державамъ, что такъ какъ примиреніе между магометанами и христіанами уже достигнуто, то потребности во вмѣшательствѣ Австрійскаго войска уже не существуетъ.

6) Исканіе матеріальной помощи и политической поддержки на сторонѣ.

Мы, нижеподписавшіеся, сыновья Босніи, Герцеговины и Ново-Базарскаго пашалыка, обращаемся къ нашимъ братьямъ магометанамъ и христіанамъ и требуемъ отъ нихъ братской помощи для защиты нашей общей родины.

Шлемъ одного довѣреннаго человѣка изъ нашей среды, который устно передастъ всѣ наши желанія.

На Босанской границѣ. 10 іюля 1878 года.

V. Замѣтка къ народной Герцеговинской пѣснѣ о началѣ возстанія въ Герцеговинѣ въ 1875 году.

Какъ извѣстно любителямъ устнаго народнаго творчества, Сербскій народъ обладаетъ прекраснымъ и богатымъ былевымъ эпосомъ. Вся исторія этого народа живетъ въ чудныхъ былинахъ, которыя далеко не всѣ вошли въ обширный сборникъ Вука Стеф. Караджича. Народное былинное творчество въ Сербскомъ племени еще не остановилось; напротивъ, въ настоящее время, въ Герцеговинѣ и Черногоріи по крайней мѣрѣ, оно въ полномъ цвѣту. Такъ возстаніе 1875 и 1876 г.г., событія слѣдовавшей за возстаніемъ войны и даже самыя свѣжія событія борьбы съ Австріей во время и послѣ оккупаціи: все это уже воспѣто и воспѣвается во множествѣ прекрасныхъ пѣсенъ, слагаемыхъ невѣдомо кѣмъ, стародавнимъ эпическимъ слогомъ, и съ замѣчательною быстротою расходящихся по всему народу, лучшіе наиболѣе чтимые вожаки котораго чуть ли не всѣ въ то же время и лучшіе гусляры, т. е. пѣвцы былинъ, такъ какъ игрою на гусляхъ сопровождается исключительно пѣніе былинъ и былины поются не иначе, какъ подъ игру гусель. Однимъ изъ первыхъ, если не самымъ первымъ гусляромъ Герцеговинскимъ почитается старый воевода попъ Богданъ Зимоничъ, изъ Гацка. Гусли— музыкальный инструментъ въ родѣ балалайки, но съ округлымъ, а не треугольнымъ корпусомъ, и съ прядью конскаго волоса, замѣняющаго струну. Изъ этой своеобразной и единственной струны звуки извлекаются смычкомъ изъ такого же волоса. Струна и смычекъ натираются передъ игрою воскомъ или смолою. Варіяціи производятся переборомъ пальцевъ лѣвой руки. Игра и пѣніе заунывны и въ первый разъ, въ особенности на незнакомаго съ языкомъ, производятъ странное впечатлѣніе; но потомъ, когда понимаешь, что поется,—и пѣніе и самый наигрышъ слушаются съ удовольствіемъ. Лучшіе гусли привозятся изъ Цареграда; они дѣлаются изъ явора съ замысловатою рѣзьбою, изображающею змѣй и разныхъ чудищъ; такія цареградскія яворчатыя гусли довелось мнѣ видать у князя Николая во дворцѣ и у покойнаго Черногорскаго владыки Илларіона, который, какъ и всѣ Черногорцы, любилъ слушать игру на гусляхъ, и неоднократно любезно одолжалъ свои гусли мнѣ, когда ко мнѣ въ Бильярдо на Цетиньѣ приходилъ кто-либо изъ Герцеговинскихъ главарей и готовъ былъ къ общему удовольствію что-нибудь пропѣть.

Помѣщаемая ниже пѣсня про начало послѣдняго Герцеговинскаго возстанія противъ Турокъ, имѣетъ, на мой взглядъ, значеніе важнаго историческаго свидѣтельства, такъ какъ въ ней сами творцы и участники возстанія излагаютъ свой взглядъ на характеръ этого событія и на отношеніе къ нему сосѣднихъ правительствъ и Россіи. Пѣсня эта, по моему мнѣнію,—

лучшій отвѣтъ тѣмъ нашимъ ученымъ, которые склонны думать, что возстаніе было начато съ разсчетомъ на Австрійскую помощь. Въ пѣснѣ прекрасно сказывается свободный, непреклонный духъ Герцеговинскаго народа, особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи конецъ пѣсни, изображающій переговоры въ Суторинѣ—неудачную попытку Европейскихъ дипломатовъ, съ барономъ Родичемъ во главѣ, перехитрить Герцеговинцевъ — склонить ихъ разными обѣщаніями покориться Туркамъ. Замѣчательна характеристика Австріи, особенно совѣтъ Вѣнскаго цесаря султану—нельзя ли какъ-нибудь обмануть, перехитрить райю. Замѣчателенъ также величавый образъ стараго воеводы Богдана Зимонича, представляющаго и какъ бы олицетворяющаго собою въ пѣснѣ Герцеговинскій народъ.

Считаю своею обязанностью сказать здѣсь нѣсколько словъ для характеристики этого замѣчательнаго человѣка. Старикъ Богданъ—гордость, святыня, патріархъ Герцеговины. Громаднаго роста и богатырскаго сложенія, съ открытымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными прядями сѣдыхъ волосъ и сѣдою бородою, Богданъ и самою наружностью своею напоминаетъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, какъ они изображаются въ библейскихъ картинахъ на стѣнахъ старинныхъ нашихъ церквей. Напоминаетъ онъ патріарха и своею частною жизнью и общественною дѣятельностью. Священникъ, и ратный вождь и судія своего народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ добрый семьянинъ и домовитый хозяинъ, въ потѣ лица обрабатывающій самъ свое поле. Несмотря на свои 70 лѣтъ и свои сѣдины, онъ бодръ и свѣжъ, силенъ и ловокъ, какъ никто изъ молодыхъ. «Ты нашъ Марко Кралевичъ», называетъ его иногда князь Николай, когда бываетъ въ добромъ расположеніи. Мнѣ онъ напоминалъ порою Греческаго Одиссея, порою стараго казака Илью Муромца. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ въ любимой Герцеговинцами гомерической игрѣ кидалъ на громадное разстояніе и всѣхъ дальше тяжеловѣсные пудовые камни, и какъ въ другой разъ онъ подымалъ съ полу за оконечности ногъ державшагося горизонтально высокаго и полнаго Герцеговинскаго главаря и вертѣлъ имъ также легко, какъ Илья Муромецъ татариномъ. Путешествуя со мною изъ Грахова въ Цетинье, онъ, жалѣя своего «бѣлаша», почти не садился на него и всю дорогу сдѣлалъ, не утомясь и не отставая отъ своихъ конныхъ товарищей. Веселый собесѣдникъ и разсказчикъ, искусный гусляръ и за чашею краснорѣчивый ораторъ, въ высшей степени благодушный и кроткій въ частномъ быту, онъ пылокъ и лютъ въ открытомъ бою, гдѣ у него одна тактика — саблю на голо и на юришъ! (т. е.—въ атаку, на приступъ); онъ отличается рѣзкою прямотою и правдою рѣчей и не знаетъ хитрости и сдѣлокъ во всемъ, что касается дѣла народнаго и завѣтныхъ его убѣжденій и взглядовъ.

Но обратимся еще разъ къ пѣснѣ о началѣ Герцеговинскаго возстанія. Пѣсню эту я неоднократно слышалъ въ Черногоріи въ 1878 г. изъ устъ Герцеговинскихъ главарей и, между прочими, отъ Кика Стефановича, командира Невесинскаго батальона,—одного изъ вліятельнѣйшихъ главарей. Но, къ сожалѣнію, въ то время записать эту пѣсню мнѣ не удалось. Дѣло въ томъ, что Герцеговинцы поютъ охотно, но для записи нуженъ медленный пересказъ; для пѣсни въ 350 стиховъ потребовалось бы нѣсколько часовъ утомительнаго для нихъ сидѣнья, да и у меня въ то время не было для этого достаточно свободнаго времени. Записана пѣсня мною уже въ Петербургѣ со словъ одного молодого Черногорца, бывшаго музыкантомъ въ хорѣ Черногорскаго князя, пріѣхавшаго сюда искать себѣ занятій. Въ предлагаемомъ изложеніи пѣсни есть уже нѣкоторые анахронизмы; такъ, теперешній султанъ Гамидъ занялъ въ ней мѣсто Азиса, при которомъ въ дѣйствительности началось возстаніе; но въ общемъ пѣсня

сохранила свое первоначальное содержаніе и вѣрно передаетъ духъ и ходъ событій и имена и характеры дѣйствующихъ лицъ. Вотъ эта пѣсня въ Сербскомъ подлинникѣ съ построчнымъ ея переводомъ *):

Почетак буне у Херцеговини.	**Начало возстанія въ Герцеговинѣ.**
У хиляду и осамстотина	Въ тысяча восемьсотъ
Седамдесет и пете године	семьдесятъ пятомъ году
Султан Хамид диван учинио:	султанъ Гамидъ собралъ совѣтъ,
Сву господу врховну скупио,	созвалъ на него всю свою знать,
Од найманєг до велєг везира,	отъ младшаго до старшаго визиря,
И Омера главног командира.	и Омера, главнаго командира.
Медьжу нима сѣде на серджаду,	Усѣлся среди нихъ на коверъ,
Лулу пуши, тумбечию пали—	куритъ трубку, жжетъ табакъ душистый,
С Мухамедом да се барабари—	словно онъ ровня самому Магомету,
А у яду дрма се за браду,	отъ злости дергаетъ себя за бороду
Па сад каже: «Турци, брачо моя!	и потомъ говоритъ: «Турки, мои братья,
«Чуєте ли, што се учинило?	слышите ли вы, что случилось?
«Свудьж глас виче, да гяур устає;	Отовсюду несется крикъ, что гяуръ подымается,
«Гяур се є с крстом помамио!	гяуръ сошелъ съ ума съ своимъ крестомъ!
«Земан доша'—валя воєвати!	Пришло время — надо воевать
«Славян хоче, да свети Косово;	Славянинъ хочетъ намъ мстить за Косово!
«Свудьж глас виче, а Славян се буни!	Всюду несется крикъ, а Славянинъ бунтуетъ!
«И да знате ко' є нама кривац?	И знаете ли кто въ этомъ предъ нами виноватъ?
«—То є нама све Русия крива:	— Причина всему этому—Россія:
«Алесандер и сильна Русия,	Александръ и сильная Россія;
«Коя нам є раю узбунила!	она взбунтовала намъ райю.
«И да знате, моя брачо Турци—	И знайте, мои братья турки —
«Црна Гора томе є почетак:	Черная Гора всему этому начало:
«Княз Никола са Црногорцима!»	Князь Никола съ его Черногорцами!»
Тад све паше на ноге скочише,	Тогда всѣ паши вскочили на ноги,
У серджаду очима гледзю,	уставились глазами въ коверъ,
И не смиє нико говорити.	и никто не смѣетъ говорить.

*) Въ Сербскомъ текстѣ буква є взята изъ старой Сербской азбуки, вмѣсто употребляемыхъ теперь у Сербовъ је; є должно произноситься мягко, какъ іотированное е (іє) въ старо-Славянскомъ яз.; е же въ Сербскомъ произносится тверже, чѣмъ въ Русскомъ,—какъ въ Западныхъ Европейскихъ языкахъ. Пониманіе Сербскаго текста значительно облегчится для Русскихъ читателей, если они запомнятъ, что будущее время въ Сербскомъ языкѣ образуется съ помощью вспомогательнаго глагола хотѣть, который употребляется въ сокращенной формѣ: вмѣсто хочу, хочеш (т. е. буду, будешь и т. д.)—очу, или чаще—чу, чеш, че, чемо, чете, че. Напр.: «Ласно *чемо* за то *учинити*, ако *чете* мене *послушати*». Легко мы это сдѣлаемъ, если вы меня послушаете.

Тадер Дрвиш паша устануо
И овако цару говорио:
«Слушај, царе, драги господару!
«Ласно чемо за то учинити,
«Ако чете мене послушати:
«Напишите лист книге биєле,
«Пошлитє є побратиму своме,
«Єст ономе бечкоме чесару!
«Кумите га свачим на свиєту,
«И са вашом искреном любавлю:
«Да напише лист книге биєле,
«Да поздрави Црногорског княза;
«Да му пише, како чесар знаде,
«Да га страши, како болє може,
«Да му каже да поврати раю—
«Бунтовнике од Ерцеговине,
«Коє' но є княже узмутио,
«Да их врати у нашему царству!
«Ако нече повратити раю—
«Да чемо му ми сви ударити
«Са свих страна, Истока и Юга,
«А од мора од Беча чесаре:
«Ми од горе, а чесар од воде;
«На Цетиню да се састанемо
«И Николу княза уватимо
«Да питамо гиди гяурина,
«Ко є нєга на то научио:
«Є ли нєга Москов научио?
«Оче ли му помочи Русия?»
Тадер султан зафали Дрвишу:
«Бе аферим, моя вѣрна слуго!
«Тако треба, да ми учинимо!»
Одма султан зове секлетара
И овако нєму говораше:
«Скоро пиши! я чу говорити:
«Поздравлям те, мио побратиме!
«И кумим те искреном любавлю,
«Што имаю Турци и Мадьжяри:

Тогда всталъ Дервишъ паша,
и такъ говорилъ царю:
«Слушай царь, дорогой государь,
легко мы съ этимъ дѣломъ управимся,
если только вы меня послушаете:
Напишите вы на бѣломъ листѣ письмо
и пошлите его своему побратиму,
то есть тому—вѣнскому цесарю!
Заклинайте его всѣмъ на свѣтѣ,
и вашею искренней любовью:
пусть онъ напишетъ на бѣломъ листѣ письмо,
пусть привѣтствуетъ въ немъ Черногорскаго князя,
пусть напишетъ ему, какъ онъ, цесарь, знаетъ,
пусть стращаетъ его, какъ только онъ можетъ,
пусть скажетъ ему, чтобы онъ вернулъ райю,
Герцеговинскихъ бунтовщиковъ,
которыхъ онъ, князь, взбунтовалъ,
— чтобы онъ вернулъ ихъ нашему царству!
А если онъ не вернетъ намъ райю,
— то, что мы всѣ тогда на него ударимъ
со всѣхъ сторонъ, съ Востока и Юга,
отъ моря ударитъ на него вѣнскій цесарь:
мы съ горъ, а цесарь съ моря;
на Цетиньѣ мы сойдемся
и схватимъ князя Николу,
и допытаемся тогда у него, гяура,
кто его тому научилъ:
не русскій ли его тому научилъ?
и поможетъ ли ему тогда Россія?»
Тогда султанъ похвалилъ Дервиша:
«Бе аферимъ! мой вѣрный слуга!
«Такъ и слѣдуетъ намъ сдѣлать!»
Тотчасъ султанъ зоветъ секретаря
и такъ ему говоритъ:
«Быстро пиши, что я буду говорить:
«Привѣтствую тебя мой милый побратимъ!
и заклинаю тебя искреннею любовью,
которая соединяетъ турокъ и мадьяръ:

«Заприєти гиди гяурину,
Заприєти Црногорском князу,
«Приєти му, како болє знадешь,
«Да чемо му оба удрити,
«Ако нече раю поврнути,
«Кою ми є княже одметнуо,
«Одметнуо Ерцегбановину:
«У нєга су усташки главари,
«За ним се є рая покренула,
«И сву че ми землю ископати;
«А ни теби добра бити нече!
Кад чесару ситна книга додє,
Одма жицом на Цетинье яви:
«Поздравлям . . те, Црногорски Княже,
«Са стране и моє и цареве,
«Єст Турского Хамида султана!
«Сада слушай, што ти добро кажем:
«Да поврнеш усташке главаре,
«Коє си их скоро побунио!
«Ер ако их поврнути нечеш
«Одправичу поламилиона,
«Све егера моєга солдата
«И Мадьжярску аваниєгарду,—
«Да увате све твоє границе
«Од крвава Бара до Граова,
«Я од мора, а султан од горе,
«На Цетинью да се састанемо;
«А немой се уздат у Русию!
«Русия ти помочь ништа нече;
«А мени че Французи, Немачка,
«И Инглези и друге државе!»
А кад оно Княз Никола чуо,
Он окупи славне поглаваре;
Медьжу нима телеграф читаше.
Нико не зна томе одговорит,
До сокола Петровича Божа.
Тадер Божо бєседио князю:
«О, Никола, драги господару:
«Ласно чемо за то учинити!

запрети ты поганому гяуру,
запрети ты Черногорскому князю:
стращай его какъ только ты знаешь;
напиши — что мы оба на него ударимъ,
если онъ не воротитъ намъ райю,
которую князь отъ меня отдѣлилъ,
отдѣлилъ Ерцегбановину;
у него теперь усташскіе главари,
за нимъ потянулась райя,
и всю землю онъ мнѣ разоритъ;
а и тебѣ тогда добра не будетъ!»
Когда мелкое письмо пришло къ цесарю,
онъ тотчасъ проволкою говоритъ на Цетинье:
«Привѣтствую тебя, Черногорскій князь,
и отъ себя и отъ царя,
— турецкаго, Гамида султана!
Слушай теперь, что я добромъ тебѣ буду говорить:
«Верни ты усташскихъ главарей,
которыхъ ты недавно взбунтовалъ!
потому что, если ты ихъ не вернешь,
то я отправлю полмилліона,
всѣхъ моихъ егерей солдатъ
и авангардъ мадьярскій, —
чтобы они охватили всѣ твои границы
отъ Кроваваго Бара до Грахова,
я снизу отъ моря, а султанъ сверху,
на Цетиньѣ мы сойдемся;
и не думай ты надѣяться на Россію!
Россія тебѣ нисколько не поможетъ;
а мнѣ помогутъ французы и нѣмцы,
и англичане и другія державы!»
Когда князь Никола это получилъ,
онъ собралъ славныхъ своихъ поглаварей;
и прочиталъ имъ эту телеграмму.
Никто не знаетъ, что на это отвѣтить,
кромѣ сокола Петровича Божа.
Божо такъ говорилъ князю:
«О, Никола, дорогой мой государь!
Легко мы съ этимъ дѣломъ совладаемъ:

«Напишите ситног телеграма,
«Пошлите га у Русию славну:
«Поздравите Цара великога,
«Алесандра Николаевича:
«Он чє Вама дивно одговорит!»
Одма књаже книгу направио,
Алесандра Цара поздравио:
«Алесандер, од Славена главо!
«Христиански храбри бранителю!»
Па му књаже све за царя прича,
И Турскога и Аустринскога,
Како су га оба поздравили.
А кад чуо царе Алесандре
Десниєм се насмияо брком
Па дозива Горчакова књаза:
«Горчакове, моя вѣрна слуго!
«Книгу пиши моєму посинку,
«Поздрави ми Црногорског књаза,—
«Да отпише цару и чесару:
«Я ниєсам узбунио раю;
«Но се рая узбунила сама
«Од зулума и од зулумчяра
«Од Турака, наших невѣрника,
«Кои су ни многа яда дали
«И све муче брачю христиане.
«Па найпотле нека нима кажє:
«Док є мене Велика Русия,
«Коя брани циєле Славене;
Наредан є милион Москова
«На хатима и под миждрацима!»
А кад књазу телеграм јє дошо,
Он весело цару одговара:
«Слушайте ми ви оба два цара!
«Я ниєсам узбунио раю,
«Но се рая узбунила сама
«Од зулума и од зулумчяра,
«Од Турака наших невѣрника.
«Што ми кажеш, да чете удрити
«Са свих страна на границе моє,—
«Ви удрите, кад є вама драго!

Напишите вы маленькую телеграмму,
пошлите ее въ славную Россію:
привѣтствуйте великаго Царя,
Александра Николаевича;
онъ вамъ дивно отвѣтитъ!»
Тотчасъ князь составилъ письмо;
поздравилъ царя Александра:
«Александръ, глава Славянъ!
«Храбрый защитникъ христіанъ!»
И потомъ князь ему все написалъ про царей,
про турецкаго и австрійскаго,
о томъ, какъ они оба его обрадовали.
Когда услышалъ это царь Александръ,—
усмѣхнулся онъ правымъ усомъ
и зоветъ къ себѣ князя Горчакова:
«Горчаковъ, вѣрный мой слуга!
Пиши письмо моему сыночку,
привѣтствуй отъ меня Черногорскаго князя!
Пусть онъ отвѣтитъ царю и цесарю:
«Не я взбунтовалъ райю;
Но райя взбунтовалась сама
отъ злодѣйствъ и отъ злодѣевъ,
отъ турокъ, нашихъ измѣнниковъ,
которые много причинили намъ горя,
и все мучатъ братьевъ христіанъ».
А потомъ пусть онъ имъ скажетъ:
«Есть еще у меня великая Россія,
которая защищаетъ всѣхъ Славянъ;
наготовѣ милліонъ русскихъ
на коняхъ и подъ копьями!»
Когда къ князю пришла эта телеграмма,—
онъ весело цесарю отвѣчаетъ:
«Слушайте меня вы оба царя!
«Не я взбунтовалъ райю,
но райя взбунтовалась сама
отъ злодѣйствъ и отъ злодѣевъ,
отъ турокъ, нашихъ измѣнниковъ.
А что ты мнѣ пишешь, что вы ударите
со всѣхъ сторонъ на мои границы,—
такъ ударьте, если это вамъ нравится!

«Имам наду у Бога милога,
«И у нашу вѣру православну,
«И у народ славни христіански,
«Особито у нашу Русию
«И у нашег Цара великога
«Алесандра Николаевича,
«Кои ми є скоро обечяо:
«Азар му є милион Москова
«На хатима а под миждрацима.
«Но промисли кукавицо црна—

«Ни є шала милион Москова!
«А какви су Руси соколови:
«Єдне длаке, ка'од єдне майке;
«Дѣ ударе, ни Бог не помага;
«Тешко томе, ко се биє ш'нима,
«Као што чє теби и Турчину!»
То написа, па му га одпреми.
Кад чєсару ситна книга доде,
Одма чело *) явля побратиму:
«Ето чуеш, драги побратиме!
«Ко-чь устрашит под облаком орла?
«Ал Николу Црногорског княза!
«А рая се узбунила сама
«Од зулума и ваше глупости.
«Но гледайте: умирите раю!
«Нечєте ли како преварити.
«Ерцеговце натраг повратити.»
А кад султан оно разумио,
Он направи турайли фирмана**);
Па дозива Костачь ефендію.
«Слушай мене, моя вѣрна слуго:
«Ево теби турайли фирмана;
«Па ти айде Бечу биєломе,
«Чесар че ти дати дьженерала,
«Па изиди Суторини граду ***);

Я надѣюсь на Милостиваго Бога,
и на нашу православную вѣру
и на народъ славный христіанскій,
а особенно на нашу Россію
и на нашего великаго Царя
Александра Николаевича,
который мнѣ недавно обѣщалъ,
что у него есть милліонъ русскихъ
на коняхъ и подъ копьями,
и такъ подумай ты, несчастная кукушка,—
это не шутка милліонъ русскихъ!
А каковы русскіе соколы:
одинаковые у нихъ кудри, словно всѣ они отъ одной матери;
гдѣ они ударятъ, тамъ и Богъ не поможетъ;
тяжко тому, кто бьется съ ними,
такъ будетъ и тебѣ и Турчину!»
Такъ написалъ и ему отправилъ.
Когда это письмецо пришло къ цесарю,
тотчасъ чело *) пишетъ своему побратиму:
«Слышишь ли, дорогой побратимъ!
Кто устрашитъ въ облакахъ орла,
или Николу, Черногорскаго князя!
А райя взбунтовалась сама
отъ злодѣйствъ и отъ вашей глупости;
и такъ постарайтесь успокоить райю:
не можете ли какъ нибудь ее обмануть,
и обманомъ вернуть назадъ герцеговинцевъ!»
А когда султанъ это понялъ,
онъ направилъ турайли фирманъ**);
и зоветъ Костачь эфендію.
«Слушай меня, мой вѣрный слуга:
вотъ тебѣ турайли фирманъ,
отправляйся съ нимъ въ бѣлую Вѣну,
цесарь дастъ тебѣ тамъ генерала,
и ты отправишься съ нимъ въ Суторину;

*) Чєла (съ мягкимъ ч) значитъ паршь на головѣ, отсюда чело—человѣкъ съ паршью на головѣ, или облысѣлый отъ бывшей на головѣ парши.

**) Турайли фирманъ—фирманъ, грамота съ гербомъ, на которомъ изображено имя султана.

***) Суторина — узкая, низменная полоса земли, принадлежавшая до возстанія Туркамъ, соединяла Герцеговину съ Бокезскимъ берегомъ, перерѣзая Австрійскія владѣнія въ Бокѣ. Города въ Суторинѣ никакого нѣтъ, а была только Турецкая кула—сторожка, взятая Герцеговинцами, и кромѣ нея еще одинъ-два домика; близъ Суторины находится городокъ Новый (Castel Nuovo).

«Чесар че ти знати научити,
«Ти како чєш с'нима говорити;
«И дачє ти мудрог генерала.»
Кад чу пашо што рече падиша,
Поклонисе: «очю, господаре!»
И оде се одма опремати.
Цар му даде турайли-фирмана;
Оде право Бечу биєломе,
И чесар му даде дьженерала,
Па одоше морем Дуждевиєм *),
Док додьоше Суторини граду.
Родичь одма на Цетинье явля
И поздравля Црногорског княза:
«Слушай мене, Црной Горе княже!
«Послачєш ми усташке главаре;
«До Неделє, коя прва додє,
«Нека додю Суторини граду!
«Неке чю ти казат по имену:
«Послачєш ми стараго юнака,
«Гласовитог сокола и бана,
«Воєводу Зимоничь Богдана;
«Посла чєшми войводу племича,**)
«Славног бана Пека Павловича,
«Што є глава од свию усташа;
«И пошли ми од Пиве юначке
«Воєводу Сочицу Лазара;
«И пошли ми Пера Радовича,
«С Невесиня славног воєводу,
«И уз нега Стефановичь Кика;
«А од Дабра Джомбету Іована,
«Арамбашу првиєх усташа,
«И друга му Муратовичь Пера,
«Дабрског врсног поглавара,
«И Шчепапа Павича юнака;
«И пошли ми Бачевичь Максима,
«Воєводу од равних Баняна,
«Шним дѣтича Бача Дьжюричича;

цесарь тебя ужъ тамъ научитъ,
какъ тебѣ съ ними (герцеговинцами) говорить;
и дастъ тебѣ мудраго генерала.»
Выслушавъ, что сказалъ падищахъ,
паша поклонился и сказалъ: исполню, государь!»
и тотчасъ же пошелъ собираться.
Царь далъ ему грамоту-фирманъ.
Отправился онъ прямо въ бѣлую Вѣну,
и цесарь далъ ему генерала,
и они отправились моремъ Дожей*)
и пришли къ городу Сутоинѣ.
Родичъ тотчасъ извѣщаетъ на Цетинье,
привѣтствуетъ Черногорскаго князя:
«Слушай меня, князь Черной горы!
Пошли ты ко мнѣ усташскихъ главарей,
къ первому воскресенью, которое будетъ,
пусть они прибудутъ къ городу Суторинѣ!
нѣкоторыхъ изъ нихъ я назову тебѣ по именемъ:
Пошлешь ты ко мнѣ стараго юнака,
знаменитаго сокола и бана,
воеводу Зимонича Богдана;
Пошлешь ты ко мнѣ воеводу-племича **)
Славнаго бана Пека Павловича,
главу всѣхъ устащей;
И пошли мнѣ изъ молодецкой Пивы
воеводу Лазаря Сочицу;
и пошли мнѣ Пера Радовича,
съ Невесинья славнаго воеводу,
и съ нимъ Кика Стефановича;
а отъ Добра Іована Джомбету,
арамбашу первыхъ усташей,
и товарища его Пера Муратовича,
Дабрскаго доблестнаго поглаваря,
и Степана Павича юнака,
и пошли мнѣ Бачевича Максима,
воеводу ровныхъ Банянъ,
и съ нимъ молодца Бача Джюричича;

*) Моремъ Дуждевіемъ, т. е. моремъ Дожей, называется Адріатическое или Ядранское море, со временъ господства на этомъ морѣ Венеціянской республики.
**) т. е. родовитаго, благороднаго воеводу.

«И пошли ми Вукаловичь Трипка,
«Славне куче Зубачког войводу;
«И с ним бана Томашевичь Тома;
«Од славнога манастира Дужи
«Мелентия Перовичь войводу,
«Снимзаедно славног водьжа Луку
«Петковича, чувена усташа
«Од Требиня и Шумы Требиньске;

«Од Заводя Вуйовичь Николу,
«Андьжеличе и йош Зотовича;
«И пошли ми чувена юнака
«Од Билече Папича Шчепана,
«И остале чувене главаре,
«Старѣшине од Ерцеговине,
«Као што су: два брата Гутича,
«Мияило и старац Іоване,
«И познати оддавна ускоци
«Тунгуз Перо и Обренов Драго
«И од Гацка Стоян Ковачевичь—
«Први юнак од Ерцеговине,

«И—остале манє поглаваре!»

А кад князу телеграм є дошо,

Одма зове Петровича Божа.

«Слушай, Божо, мой соколе сиви!
«Ти устани на ноге лагане,
«Па пояши хата дебелога,
«Брзо айде на Гравово равно
«Узми с'собомъ йош єднога друга,

«Ест Врбицу воєводу Машу,
«Изидите на Гравово равно,
«Дѣ су оно на искуп главари,
«Направите од народа писмо,
«Научите усташке главаре
«Да све ишту, што им дат не могу,
Как'се никад погодити нече!»

А кад Божо заповѣд примио
Узе с'собом воєводу Маша,
И отишо на Гравово равно;
И позове усташке главаре,

И даде им од народа писмо,
И све учи усташке главаре:

и пошли мнѣ Вукаловича Трипка,
славной семьи воеводу Зубцовъ,
и съ нимъ бана Тома Томашевича;
изъ славнаго монастыря Дужскаго
пошли Мелентія Перовича воеводу
и съ нимъ славнаго вождя Луку
Петковича знаменитаго усташа
изъ Требинья и Шумы Требинской.

Отъ Заводья—Вуйовича Николу,
Анжеличей и еще Зотовича;
И пошли мнѣ извѣстнаго юнака
изъ Билеча—Папича Степана,
и остальныхъ извѣстныхъ главарей,
старѣйшинъ герцеговинскихъ;
какъ то: двухъ братьевъ Гутичей
Михаила и старца Іована,
и славныхъ издавна ускоковъ
Пера Тунгуза и Обренова Драга
и изъ Гацка Стояна Ковачевича,
перваго храбреца всей Герцеговины,

и остальныхъ меньшихъ поглаварей!»

Когда князь получилъ эту телеграмму,

Онъ зоветъ тотчасъ Петровича Божа.

«Слушай, Божо, мой ясный соколъ!
вставай-ка ты на рѣзвыя ноги,
садись на дороднаго коня,
иди быстро на ровное Грахово.
Возьми съ собою еще одного товарища,

воеводу Машу Врбицу *).
Выйдите вы на ровное Грахово,
гдѣ собрались теперь всѣ главари;
составьте вы отъ народа письмо
научите усташскихъ главарей:
пусть они требуютъ всего того,
чего имъ дать не могутъ,
такъ чтобы они договориться ни до чего не могли».

Получивъ такую заповѣдь, Божо
взялъ съ собою еще воеводу Машу,
и отправился на ровное Грахово;
и созвали они усташскихъ главарей

и дали имъ отъ народа бумагу,
и все учатъ усташскихъ главарей,

*) Врбица извѣстный въ то время черногорскій министръ.

«Айдте с'Богом, соколови сиви
«Не мойте се с'ними погодити,
«Но иштите, што ви дать не могу!»
Тад войводе коне посѣдоше,
И одоше низ Грахово равно;
Улегоше Рисну биєломе,
Брзо ишли, Суторини дошли.
Кад ихъ видѣ Родичь генерале,
Одма с'пашом у сусрету подє,
Да онъ срете усташке войводе.
Тад Зимоничь «добро ютро» рече,
«Само теби велю, генерале,
«А не велим и тому до тебе;
«Но се чудим што є доша' овдє!»
Тада Родичь политично каже:
«Добро дошли, брачо Херцеговци!
«Како ли сте и єсте ли мирно?»
Одговара Зимоничь Богдане:
«Єсмо добро, а ни єсмо мирно!
«А ти за то знадеш, генерале!»
А Родичь им тадер проговара:
«Како ви є народ под буквама?»*)
Одговара Зимоничь Богдане:
«Ми смо добро, Родичь генерале,
«А у здравлє цара Русинского
«И циєла народа Русского
«И крваве наше домовине,
«Коя че ви много яда дати,
«Єст и теби и томе до тебе!»
А Родичь му опет проговара:
«Да ну люди, да се не шалимо!
«Него да се ви натраг врнете!»

«Ступайте съ Богомъ, ясные соколы:
только не думайте вы съ ними договорится,
но требуйте того, чего вамъ дать не могутъ!»
Тогда воеводы сѣли на коней
иотправились изъ ровнаго Грахова;
прибыли въ бѣлый Рисанъ,
быстро ѣхали, пришли въ Суторину.
Когда увидѣлъ ихъ Родичъ генералъ,
тотчасъ съ пашею пошелъ имъ на встрѣчу,
чтобы всрѣтить усташскихъ воеводъ.
Тогда Зимоничъ сказалъ: «Доброе утро!»
— «Только тебѣ говорю я, генералъ,
а не говорю этого и тому, который съ тобою;
но удивляюсь я, что онъ сюда пришелъ!»
Тогда Родичъ политично говоритъ:
«Добро пожаловать, братья Герцоговинцы!
Каково себя чувствуете, и мирно ли?»
Отвѣчаетъ Богданъ Зимоничъ:
«Мы, слава Богу, хорошо; но только не мирно!
И ты это знаешь генералъ!»
А Родичъ тогда имъ говоритъ:
«Какъ у васъ тамъ народъ подъ буками?» *)
Отвѣчаетъ Богданъ Зимоничъ:
«У насъ, слава Богу, хорошо, генералъ Родичъ.
А во здравіе царя Русскаго,
И всего народа Русскаго
и кровавой нашей родины,
которая много вамъ досадитъ,
и тебѣ, и тому, который съ тобою!»
А Родичъ ему опять говоритъ:
«Ну полно, люди, перестанемъ шутить!
Вернитесь-ка вы лучше назадъ!»

---

*) Какъ у васъ тамъ народъ подъ буковыми деревьями? спрашиваетъ Родичъ, желая этимъ кольнуть Герцеговинцевъ. Смыслъ вопроса такой: вы говорите, что у васъ все хорошо, а какъ тамъ ваши семьи прячутся въ лѣсахъ подъ деревьями? хорошо ли имъ?

Одговара Павловичу Пеко:
«За све тебе слушати можемо,
«Док стоимо на овоме мѣсту,
«Али за то заиста нечємо!»
Припита га Зимонич Богдане:
«Како оно рече генерале:
«Зар ти иштеш да се помиримо?
«А ни єсмо йош битку почели!»
То сборише, па се растадоше,
Па одоше Срби у кафане.
Често Родичь код них доходяше,
Дипломатне акте доносяше,
А све моли Зимонича стара,
Да на акте он обрне главу.
А Богдан га слушат не хочяше:
«Єто Пеко—стария войвода!»
Ту стадоше неколико дана
Па се опет на сабор скупише,
Ер их зове генерал и паша.
Родичь нима свашта обечяє;
Како че им доста дати блага.
И купит им куле и дучяне
И у реду врчи Ерцеговце.
Нико нєму ништа не сбораше,
Нит'му на то риєч обрчаше,
До подоцкан Сочица Лазаре:
«Какве паре и дучяне кажеш?
«Тиєх пара нєма у свиєту,
«Коє би не могле помирити!
«Да скочиду сви седам кралева
«И не би не могли помирити,
«А камо ли ова потурица!»
Ту зборише неколико сата,
Докле сабля Зимонича сину,
А под собом узмучи бѣлаша,
Зубом скрипну, овако говори:
«Да луд ли си, Родичь генерале:
«Я сам мнио да си мудрий био,

Отвѣчаетъ Пеко Павловичъ:
«Обо всемъ можемъ мы слушать тебя,
«пока стоимъ на этомъ мѣстѣ;
«но только не объ этомъ!»
Зимоничъ же къ этому добавилъ:
«Какъ это ты сказалъ, генералъ?
«или ты хлопочешь о томъ, чтобы мы помирились?
а мы еще битвы и не начинали!»
Такъ поговорили они и разошлись;
Сербы отправились въ кофейни.
Часто Родичъ туда къ нимъ приходилъ,
и приносилъ имъ дипломатическіе акты,
и все упрашиваетъ стараго Зимонича,
чтобы онъ взглянулъ на эти акты.
Но Богданъ не хотѣлъ его слушать:
«Вотъ Пеко—главный воевода!»
Стояли они тутъ нѣсколько дней
и опять собрались на совѣщаніе,
такъ какъ ихъ звали генералъ и паша.
Родичъ всего имъ обѣщаетъ:
и что имъ дадутъ довольно скота,
и заплатятъ имъ за дома и лавки,
и заведутъ порядокъ между Герцоговинцами.
Никто ему ничего на это не говорилъ
и даже не отвѣчали ему,
пока наконецъ сказалъ Лазарь Сочица:
«О какихъ деньгахъ и лавкахъ, ты говоришь?
Нѣтъ такихъ денегъ на свѣтѣ,
которыя бы могли насъ помирить!
Если бы вскочили всѣ семь королей,
и они не могли бы насъ помирить,
а не то что этотъ потурченецъ!»
Такъ говорили они нѣсколько часовъ,
пока сверкнула сабля Зимонича,
и подъ собой онъ поднялъ бѣлаго коня,
заскрипѣлъ зубами и сказалъ такъ;
«Да глупъ же ты, Родичъ генералъ:
я думалъ, что ты умнѣе,

«А сад видьжу ту вашу мудрочю:
«Ти си доша к'о да не превариш;
«А не знадеш, кукала ти майка,
«Ни є ласно Срба преварити!»
А Родичь му тадер говораше:
«Стани, стари, йош да ти кажуєм!»
А Богдан га слушат не хочяше;
Но запоя, како вазда поє:
«Весели се, Ерцегбановино!
«Ево тебе иду соколичи:
«Твоя дѣца нашег отачаства.»
Тум припоя Родичь генералу:
«С'Богом, с'Богом, Родичь генерале!
«Вечь се наши очи не гледале;
«Нак'у бою, дѣ се сѣку главе:
«Я посѣка' твою ил пашину!
«Доклен имам соколове сиве
«Петнаст хиляд моиєх войника,
«Ерцеговца, као соколича,
«А близу смо и до Горе Црне,
«Коя че ни бити у помочи!
«А надежду имам у Русию:
«Ни она не заборавит нече!
То рекоше, коне диликнуше,
И кренуше у Ерцеговину.
Паша'й Родичь, куд є кому драго:
Родичь Бечу, паша Цариграду,
А усташи у своє планине!..

а теперь я вижу эту вашу мудрость:
ты пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы насъ обмануть;
а не знаешь ты того, куковать бы твоей матери,
что не легко обмануть серба!»
А Родичъ ему тогда говоритъ:
«Остановись старый, что я тебѣ еще скажу!»
Но Богданъ его слушать не захотѣлъ;
но запѣлъ, какъ онъ всегда поетъ:
«Веселися, Ерцегбановина!
Вотъ идутъ къ тебѣ твои соколики:
дѣти твои, нашего Отечества».
И тутъ прибавилъ онъ Родичу генералу:
«Съ Богомъ, съ Богомъ, генералъ Родичъ!
больше бы нашимъ глазамъ не встрѣчаться;
развѣ только въ бою, гдѣ рубятъ головы:
и мнѣ срубить бы ее съ тебя или съ паши!
Есть еще у меня ясные соколы,
пятнадцать тысячъ моихъ воиновъ,
герцеговинцевъ, добрыхъ соколиковъ,
а близко мы и отъ Черной горы,
которая приспѣетъ намъ на помощь!
И есть еще у меня надежда и на Россію,
что и она насъ не позабудетъ!»
То сказали, тронули коней,
и двинулись въ Герцеговину.
А паша и Родичъ, куда кому надо:
Родичъ въ Вѣну, паша въ Царьградъ.
А усташи въ свои горы!

VI. Прошеніе, врученное мнѣ герцоговинскими главарями передъ отъѣздомъ моимъ въ Россію. (Переводъ съ сербскаго).

Господину уполномоченному Славянскаго Петербургскаго Благотворительнаго Общества Аѳанасію Васильевичу Васильеву.

Досточтимый Господинъ! Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ Вы между нами, какъ Вы изслѣдываете наше бѣдное тяжелое положеніе и лѣчите раны несчастнаго народа добрымъ словомъ и помогаете ему великою милостынею братскаго намъ народа Русскаго. Не мало вы намъ добра сдѣлали, не мало отъ голодной смерти и лютой стужи спасли. Но вотъ теперь еще новыя бѣдствія, вотъ муки, которыя хуже голода и холода! Насъ, которые три года тому назадъ пожертвовали всѣмъ, что имѣли, во имя свободы и цѣлости нашей дорогой Герцоговины, которые въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ своею кровью на поляхъ битвъ запечатлѣли вѣчную связь и братство между нами, теперь непріятели наши и непріятели всего Славянства, хотятъ насъ раздѣлить и наложить намъ на шею новое ярмо!

Досточтимый Господинъ!

Мы, нижеподписавшіеся, просимъ тебя повѣдать нашимъ братьямъ, Русскимъ, объ этой нашей новой неволѣ, и что мы, во всякомъ случаѣ, рѣшили дать отпоръ новому непріятелю, и что мы готовы доказать ему, что мы его презираемъ и ничего отъ него принимать не хотимъ. До сихъ поръ мы имѣли всю помощь отъ обществъ, которыхъ Вы представитель между нами, а затѣмъ отъ могущественнаго русскаго Правительства чрезъ нашего Государя и Князя Николая; великая надежда у насъ, что они и впредь насъ не позабудутъ, хотя политическія обстоятельства и заставляютъ ихъ предоставить насъ на нѣкоторое время нашей судьбѣ, чтобы мы терпѣли то, чего терпѣть невозможно. Мы, господинъ и братъ нашъ, рѣшили бороться до послѣдняго, пока останется хотя одинъ изъ насъ, будетъ ли это пріятно кому бы то ни было или нѣтъ; но для этой борьбы необходимы средства, которыхъ у насъ теперь нѣтъ, ибо мы все уже потеряли. Поэтому просимъ тебя, чтобы именно ты, который знаешь наши нужды и который не мало намъ добра сдѣлалъ, съ тѣхъ поръ, какъ сюда пришелъ, —чтобы ты представилъ славнымъ Славянскимъ обществамъ и всему народу Русскому, которые не настолько уже стѣснены политическими обстоятельствами,—обо всемъ этомъ: чтобы они насъ и въ этотъ послѣдній рѣшительный часъ не оставили, но чтобы намъ помогли, какъ и до сихъ поръ достаточно помогали. Намъ нужны только средства на хлѣбъ и на какой-нибудь патронъ, которымъ мы по истинѣ отобьемъ у нашего непріятеля охоту насъ осчастливливать! Братья Русскіе! Мысль о братствѣ и взаимности славянской владѣетъ нами; поэтому обращаемся къ вамъ, чтобы вы не допустили, чтобы добытое великою цѣною пролитой нашей и вашей

крови, опять было угашено и потоптано нашимъ общимъ врагомъ. Помогите намъ, и вамъ Богъ Всемогущій да поможетъ! Такъ оно и будетъ, Богъ дастъ!

Май 1878 года.

Слѣдуютъ подписи и печати 32 главарей герцеговинскихъ: Воевода Богданъ Зимоничъ; Лука Петковичъ; воевода Йованъ Джомбета; Стоянъ Ковачевичъ; Бошко Гузина; Никола Вуйовичъ, командиръ Заводья; Видакъ Анжеличъ, подкомандиръ Заводянъ; Симо Джоговичъ; Мрдакъ Любуричъ, командиръ Билечскій; Перо Муратовичъ, командиръ Дабрскій; попъ Ристо Говедарица; Иоксимъ Говедарица, Невесинье; Йованъ Гутичъ, невесинскій старшина; Михайло Гутичъ, невесинскій старшина; Петаръ Бойчета, офицеръ Заводьскій; Илья Стефановичъ, капетанъ невесинскій; Шчепачъ Павичъ, подкомандиръ Дабрскій; попъ Ристо Гачина; Шчепанъ Солдо, офицеръ Дабрскій; Пушо Салатичъ, офицеръ Билечскій; Никола Милашевичъ, офицеръ Билечскій; Томо Чорлія, офицеръ Билечскій; Шурко Ивковичъ, офицеръ Билечскій; Арсенъ Мискинъ, командиръ Шумскій. Печать съ надписью во кругъ нея: Одобрено отъ всего народа отъ покровительства монастыря Завале. Христофоръ Михайловичъ, настоятель м. Завале, капетанъ Поповопольскій; Йованъ Надаждинъ, подкомандиръ Рашаньскій; Симо Кучинаръ, капетанъ; Стеванъ Бокунъ, подкомандиръ Шумскій; Симо Правица, стотинашъ (сотникъ). Михо Брстина, капитанъ Рашанскій; Джуро Комадъ, стотинашъ.

VII. Записка, поданная въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества.

Въ отношеніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Предсѣдателю С-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества отъ 4 сего іюля за № 1959 сообщено, что до свѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ дошло, будто бы я, посланный въ Герцеговину для раздачи пособій, не ограничилъ тамъ своей дѣятельности возложеннымъ на меня порученіемъ и занимался политическою агитаціею, несогласною при томъ съ видами и политикою нашего Правительства; что для этой цѣли я окружилъ себя крайне неблагонадежными личностями, и что, наконецъ, уѣзжая изъ Герцеговины въ Россію, вслѣдствіе, будто бы, обнаруженія моихъ политическихъ замысловъ, оставилъ дѣла благотворительности на рукахъ одного изъ своихъ сообщниковъ, студента 2 курса Московскаго Университета Лѣпавы.

Обо всемъ этомъ, какъ видно изъ упомянутаго отношенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, а между тѣмъ всѣ эти дошедшія до Министерства Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія или ошибочны или прямо ложны.

Прежде всего, я посланъ былъ для раздачи пособій не въ Герцеговину, а въ Черногорію, и въ Герцеговинѣ вовсе не жилъ, если не считать Герцеговиной Грахова, двадцать лѣтъ уже принадлежащаго Черной Горѣ. Живя все время въ Черногоріи, пособія какъ денежныя такъ и одеждой старался я распредѣлять равномѣрно, принимая во вниманіе единственно степень нужды,—какъ между туземнымъ населеніемъ Черной Горы такъ и между пришлымъ, т. е. Герцеговинцами и Васоевичами.

И такъ, тамъ, т. е. въ Герцеговинѣ, не могъ я заниматься политическою агитаціею по той простой причинѣ, что я тамъ не жилъ.

За тѣмъ я обвиняюсь въ томъ, что въ видахъ политической агитаціи окружилъ себя крайне неблагонадежными личностями. Неблагонадежныя

личности эти не названы по именамъ, кромѣ одной изъ нихъ, а именно— г. Лѣпавы, которому я, уѣзжая изъ Герцеговины въ Россію, сдалъ, будто бы дѣла благотворительности. Я могу только догадываться, что дѣло идетъ о помощникахъ моихъ, которые дѣлили мои труды по раздачѣ денегъ и одежды народу и по устройству школъ и которые по большей части и жили при мнѣ въ одной со мною квартирѣ. Этими моими помощниками были герцеговинцы изъ Мостара:

Дречъ, воспитанникъ покойнаго А. Ө. Гильфердинга, бывшій студентъ Московскаго Университета, служившій все время войны до самого моего пріѣзда въ администраціи русскаго Общества Краснаго Креста, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Уполномоченныхъ этого Общества, назначенный послѣднимъ изъ этихъ Уполномоченныхъ Генералъ-Маіоромъ А. А. Зубовымъ—начальникомъ-администраторомъ Даниловскаго госпиталя на Цетиньѣ и по переходѣ этого госпиталя въ руки Черногорскаго Правительства оставленный въ прежней должности Его Свѣтлостью Княземъ Николаемъ, пожаловавшимъ ему въ награду за его труды Даниловскій крестъ. Изъ всѣхъ окружавшихъ меня лицъ Дречъ былъ самымъ близкимъ ко мнѣ лицомъ; вмѣстѣ съ нимъ дѣлили мы одежду на Граховѣ и на Цетиньѣ и устраивали Цетинскія школы и пріютъ, въ завѣдываніи которыми, а также и Цетинскимъ складомъ одежды Дречъ всецѣло замѣнялъ меня во время моихъ отлучекъ изъ Цетинья. Вторымъ близкимъ ко мнѣ лицомъ былъ землякъ и товарищъ Дреча по Университету г. *Лѣпава*. Г. Лѣпава, также какъ и Дречъ служилъ постоянно въ Русскомъ Красномъ Крестѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ Уполномоченныхъ Русскаго Общества Краснаго Креста. Когда я пріѣхалъ въ Черногорію, то Уполномоченный названнаго Общества г. Зубовъ съ отличной стороны рекомендовалъ мнѣ г. Лепаву, находившагося въ то время при нашемъ перевязочномъ пунктѣ въ Антивари, и усиленно совѣтовалъ мнѣ взять его себѣ въ помощники, какъ человѣка вполнѣ и безукоризненно честнаго, знакомаго съ мѣстными условіями и распорядительнаго. Впослѣдствіи г. Лѣпава вполнѣ оправдалъ эту рекомендацію. Всѣ порученія мои по раздачѣ одежды и денегъ народу и по надзору за школами выполняемы были имъ такъ, что не оставалось желать ничего лучшаго. Кромѣ названныхъ двухъ лицъ при мнѣ находился все время герцеговинецъ *Шпиро Мандичъ*, бывшій стражемъ денегъ и вещей, и въ послѣднее время моего пребыванія въ Черногоріи мостарецъ же *Георгій Чиричъ*, исполнявшій письмоводительскія обязанности.

Всѣ поименованныя мною лица, въ особенности же Дречъ и Лѣпава пользуются не только полнымъ и всеобщимъ довѣріемъ и любовью въ средѣ своихъ земляковъ герцеговинцевъ, но и уваженіемъ между Черногорцами. Только багодаря усердію, знанію мѣстныхъ условій, безпристрастію и честности этихъ людей, имѣлъ я возможность непосредственно раздать нуждающемуся народу тѣ средства денежныя и вещественныя, которыми я располагалъ, и тѣмъ хотя нѣсколько разсѣять сложившееся въ бѣдномъ народѣ убѣжденіе, что посылаемыя для помощи ему русскою общественною благотворительностію деньги и одежда до него не доходятъ. «Дай Богъ здравья вамъ и тѣмъ, кто васъ послалъ: только то, что вы дали намъ своею рукой, только то и видѣли мы за всѣ эти три года нашихъ страданій. Мы знаемъ, что Россія всего намъ посылаетъ вдосталь: и хлѣбъ и деньги и одежду; но все это до насъ не доходитъ, кромѣ только кукурузы, которую выдаютъ намъ каждый мѣсяцъ, но и ту даютъ плохою мѣрою, а иногда и гниль»— такія рѣчи приходилось намъ слышать ежедневно, почти ежечасно, и отъ народа во время раздачи ему денегъ и одежды, и отъ отдѣльныхъ лицъ во время частныхъ бесѣдъ.

За все время пребыванія моего въ Черногоріи ни отъ кого никогда не слышалъ я о неблагонадежности окружавшихъ меня лицъ; ни отъ Князя Черногорскаго, ни отъ нашего Генеральнаго Консула Іонина, съ которымъ я часто видѣлся и разговаривалъ всякій разъ, когда былъ на Цетиньѣ, и которому, конечно, было извѣстно, чѣмъ я занятъ и кѣмъ окруженъ.

Только уже передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, когда я заявилъ г. Іонину о намѣреніи поручить по своемъ отъѣздѣ надзоръ за устроенными мною въ Черногоріи школами г. Лѣпавѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Іонинъ выразился о Лѣпавѣ, что онъ—«мальчикъ», и что желательно было бы поручить это дѣло кому нибудь «посолиднѣе»; но такъ какъ, не смотря на мою просьбу, господинъ Генеральный консулъ, не потрудился объяснить мнѣ, почему онъ человѣка въ 30 лѣтъ считаетъ мальчикомъ и не считаетъ его достаточно солиднымъ, и такъ какъ предшествующая дѣятельность г. Лепавы въ Русскомъ Красномъ Крестѣ и вся его дѣятельность въ качествѣ моего помощника пріучила меня смотрѣть на него какъ на человѣка вполнѣ зрѣлаго и солиднаго, то я вправѣ былъ непридать особеннаго значенія отзыву о немъ, какъ о мальчикѣ, ничѣмъ при томъ не обоснованному; поэтому въ день своего отъѣзда я заявилъ Его Свѣтлости Князю Николаю о намѣреніи моемъ оставить надзоръ за школами и за распредѣленіемъ одежды, если таковая будетъ еще приходить, г. Лѣпавѣ. Князь отвѣчалъ мнѣ на это словомъ: «добро», каковой отвѣтъ я не могъ понять иначе, какъ въ смыслѣ одобренія моего выбора Его Свѣтлостью. Г. Іонинъ, бывшій при разговорѣ моемъ съ княземъ, ни въ присутствіи Его Свѣтлости, ни послѣ во время достаточно продолжительнаго разговора моего съ нимъ одинъ на одинъ—ни словомъ не протестовалъ противъ назначенія г. Лѣпавы. За тѣмъ, когда я уже на пароходѣ ѣхалъ въ Россію, возвращавшійся вмѣстѣ со мной изъ Черногоріи полковникъ Каульбарсъ передалъ мнѣ отношеніе г. Іонина, въ которомъ г. Генеральный нашъ Консулъ, выражаясь совершенно темно о какихъ-то разоблаченіяхъ относительно той роли, какую игралъ, будто бы, при мнѣ г. Лѣпава, и о томъ, что я, будто бы, былъ кругомъ обманутъ людьми, которые меня окружали, не объясняя въ какомъ отношеніи и когда именно былъ я обманутъ, требуетъ отъ меня, чтобы я объявилъ г. Лѣпавѣ, что онъ лишается той должности, которую я хотѣлъ ему предоставить, и чтобы я назначилъ на мѣсто г. Лѣпавы кого мнѣ угодно, увѣдомивъ впрочемъ предварительно его, Генеральнаго Консула, о выбранномъ мною лицѣ. Такъ какъ, находясь въ дорогѣ, я, очевидно, не могъ замѣнить г. Лѣпаву никѣмъ другимъ, то я считалъ лишнимъ отвѣчать г. Генеральному Консулу на его отношеніе, которое находилъ довольно страннымъ и неделикатнымъ *). Голословное обвиненіе въ обманѣ людей, которыхъ я успѣлъ достаточно хорошо узнать и къ которымъ привыкъ относиться съ уваженіемъ, не могло, конечно, заставить меня измѣнить свой взглядъ на этихъ людей; тѣмъ не менѣе я сообщилъ г. Лѣпавѣ, провожавшему меня до Дубровника, содержаніе письма г. Іонина и объявилъ ему, что при непріязненномъ къ нему отношеніи нашего Генеральнаго Консула ему неудобно быть представителемъ интересовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, хотя бы это

---

*) Согласно Высочайше утверденнымъ правиламъ, опредѣляющимъ отношеніе къ Славянскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ—завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, агенты Славянскихъ Обществъ за границею-въ особенности же на Балканскомъ полуостровѣ, обязаны отчетностью въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ обществами и завѣдывающимъ гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ.

представительство выражалось единственно въ надзорѣ за нашими школами. Тѣмъ у меня съ г. Лѣпавою все дѣло и покончилось. Никакого формальнаго письменнаго полномочія я ему не давалъ, никакихъ другихъ «дѣлъ благотворительности» ни порученій ему не оставлялъ, а потому слѣдовательно, и отбирать у него теперь нечего

Перехожу теперь къ взводимому на меня обвиненію въ политической агитаціи, несогласной съ видами и политикою нашего Правительства. Изъ того обстоятельства, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ нашло нужнымъ довести объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія, есть основаніе заключить, что извѣстія объ этой моей агитаціи получены Министерствомъ не изъ случайнаго какого-либо источника, а доставлены ему нашими дипломатическими агентами въ Черногоріи, т. е. Генеральнымъ Консуломъ Іонинымъ и Чиновникомъ особыхъ порученій Министерства барономъ Врангелемъ. Но что это за политическая агитація, несогласная съ политикою нашего Правительства, въ которой могутъ меня обвинять? Такъ какъ дѣло идетъ о Герцеговинѣ, и такъ какъ во время пребыванія моего въ Черногоріи между Герцеговинцами замѣтно было сильное возбужденіе противъ Австріи, въ виду дѣлавшихся послѣднею приготовленій къ военному занятію Герцеговины, то я могу опять-таки только догадываться, что меня обвиняютъ именно въ возбужденіи Герцеговинцевъ противъ Австріи. Поводъ подозрѣвать меня въ подобной агитаціи подали вѣроятно разговоры мои съ нашими дипломатическими агентами—Генеральнымъ консуломъ Іонинымъ и барономъ Врангелемъ; которымъ я, на основаніи близкаго моего знакомства съ характеромъ, желаніями и настроеніемъ Герцеговинскаго народа, откровенно высказывалъ, что уступка Герцеговины Австріи будетъ большею несправедливосчью, большою политическою ошибкою и большимъ несчастіемъ для этого народа, и что занятіе Австріею Герцеговины не можетъ состояться мирно безъ новаго кровопролитія. Но изъ того, что я говорилъ, о Герцеговинѣ и герцеговинцахъ съ нашими дипломатами въ Черногоріи, вовсе не слѣдуетъ, чтобы я велъ агитацію въ средѣ герцеговинцевъ. Вся бѣда и вина моя только въ томъ, что я старался быть полезнымъ на сколько могъ, нашимъ дипломатическимъ агентамъ въ Черногоріи, которые кромѣ Цетинья и Цетинскаго дворца ничего не знаютъ и знать не хотятъ, что я старался познакомить ихъ съ тѣмъ, что думаетъ и что чувствуетъ Герцеговинскій народъ, столько показавшій геройства въ борьбѣ за свою свободу, столько принесшій жертвъ и столько выстрадавшій въ эти три года, въ теченіи которыхъ судьбою его, какъ мячикомъ, играли! Во время пребыванія барона Врангеля на Граховѣ, по случаю раздачи сѣмянъ и денегъ Герцеговинцамъ, я познакомилъ его съ нѣкоторыми Герцеговинскими главарями и командирами и старался вызвать ихъ на откровенный разговоръ съ нимъ, изъ котораго онъ могъ бы узнать истинное настроеніе этого народа. Кромѣ того я доставилъ барону Врангелю копію съ адреса, поданнаго Его Свѣтлости Князю Николаю тотчасъ послѣ подписанія Россіею Сан-Стефанскаго мира представителями всѣхъ Герцеговинскихъ племенъ, о которомъ и не зналъ нашъ дипломатическій агентъ. А между тѣмъ въ этомъ адресѣ Герцеговинцы заявляютъ рѣшительный протестъ противъ предполагавшейся уступки части Герцеговины опять Турціи или Австріи и высказываютъ требованіе довести объ этомъ ихъ протестѣ до свѣдѣнія Русскаго Государя, «чтобы Онъ, послѣ всѣхъ неисчислимыхъ жертвъ Его великаго народа и послѣ всѣхъ славныхъ русскихъ побѣдъ, не оставилъ насъ (Герцеговинцевъ) подъ ярмомъ уничтоженнаго Имъ врага, и не далъ бы намъ подпасть изъ-подъ одного непріятеля подъ другого, который старается какимъ-либо неправеднымъ способомъ подчинить насъ своей власти». Адресъ этотъ, который,

конечно, не былъ плодомъ моей агитаціи, такъ какъ я передъ тѣмъ только что пріѣхалъ въ Черногорію,—оканчивается рѣшительнымъ заявленіемъ, что «Народъ Герцеговинскій не можетъ имѣть мира, если его раздѣлятъ, какъ о томъ говорятъ по австрійскимъ землямъ, но будетъ бороться и лить свою кровь до тѣхъ поръ, пока не добудетъ себѣ свободу и нераздѣльность». Я доставлялъ барону Врангелю и нѣкоторыя другія полезныя для него свѣдѣнія, какъ напр. о покупкѣ австрійцами католиками земель въ Герцеговинѣ. Я не могъ, конечно, предполагать, что за услуги свои нашимъ дипломатамъ въ Черногоріи, я буду оклеветанъ въ веденіи агитаціи, несогласной съ политикою нашего Правительства.

Я обвиняюсь въ агитаціи, несогласной съ видами и политикою нашего Правительства! Но кому изъ частныхъ лицъ бываютъ извѣстны виды и политика нашего Правительства? Если виды и политика нашего Правительства направлены были дѣйствительно къ тому, чтобы отдать Герцеговину Австріи, то эта политика сама противъ себя агитируетъ, и всякая посторонняя агитація противъ этой политики въ Герцеговинѣ была бы излишня.

На всемъ Балканскомъ полуостровѣ нѣтъ народа болѣе любящаго Россію, болѣе вѣрящаго въ нее и болѣе преданнаго Русскому Правительству, какими были до послѣдняго времени Герцеговинскіе Сербы, но въ то же время это народъ со здравымъ политическимъ смысломъ, народъ необычайно сильный духомъ, готовый всѣмъ жертвовать ради своего освобожденія.

Безграничная любовь и преданность этого народа къ Русскому и Черногорскому Правительству, т. е. собственно Русскому Царю и Черногорскому Князю до самой послѣдней минуты, т. е. до Берлинскаго конгресса поддерживали въ Герцеговинцахъ увѣренность, что надъ ними не могутъ, не могутъ совершить такой вопіющей несправедливости—высвободить ихъ изъ временной кабалы и отдать въ вѣчное рабство.

«Во здравье Царя Русскаго и Князя Черногорскаго», постоянно приходилось мнѣ слышать отъ герцеговинцевъ, мы никогда не будемъ принадлежать Австріи! Они не совершатъ надъ нами такой неправды; да мы и не заслужили ея. Мы собственными средствами успѣшно боролись съ турками за свое освобожденіе; до объявленія Черногоріей войны мы ни одного сраженія не проиграли. Князь Черногорскій за насъ началъ войну съ Турціей, онъ объявилъ, что Герцеговина должна быть свободна. Мы повѣрили Его слову и беззавѣтно отдали свою судьбу въ Его руки и въ руки Того, Кто распоряжается судьбою всего Славянскаго міра. Вѣруя, что при окончательномъ подведеніи итоговъ Герцеговина не будетъ обижена, мы оставляли свои уже освобожденныя нашею кровью поля и шли за Княземъ въ Албанію, брать для него Антивари и Дульциньо, и мы вѣримъ, что Онъ не отступится отъ насъ. Да и Россія не для того вела войну, не для того кормила и одѣвала насъ, чтобы потомъ отказаться отъ насъ и выдать насъ нашему злѣйшему и своему собственному врагу Австріи. Мы вѣримъ, что Князь Черногорскій и Царь Русскій не отдадутъ насъ Австріи, потому что въ противномъ случаѣ лучше бы за насъ не заступались: отъ турокъ мы не сегодня такъ завтра бы освободились, Австрійское же господство погубитъ нашъ народъ въ конецъ. Мы знаемъ Австрійскіе порядки; «она» отнимитъ у насъ землю и отдастъ ее Швабамъ и Мадьярамъ, «она» напуститъ въ Герцеговину католическихъ поповъ, испортитъ нашу вѣру и убьетъ духовно и нравственно нашъ народъ. Мы вѣрили до сихъ поръ и потому слѣпо повиновались; но если бы нашу вѣру обманули, надъ нашею преданностію надругались, тогда мы бы стали думать сами о себѣ. Безъ крови Австрія не войдетъ въ Герцеговину; мы будемъ биться, покуда у

насъ хватитъ средствъ и силъ, и если намъ не помогутъ и она осилитъ насъ, то пусть все-таки знаютъ наши дѣти и тѣ, кто насъ ей выдалъ, что мы до конца остались людьми, не склонили покорно, подобно скотамъ, свои головы передъ врагомъ, что надъ нами совершены несправедливость и насиліе».

Герцеговинцы издавна привыкли съ омерзеніемъ и ненавистью относиться къ Австрійскому Правительству и его политикѣ, они иначе не называютъ это Правительство, какъ «лупежемъ», т. е. воромъ, мошенникомъ, который только и смотритъ, какъ бы что-нибудь чужое уграбить. Политика Австріи за послѣдніе три года была не такова, конечно, чтобы заставить герцеговинцевъ перемѣнить о ней свое мнѣніе и расположить ихъ въ свою пользу. И такъ: нужна ли въ Герцеговинѣ какая бы то ни было агитація противъ Австріи?

Въ заключеніе не могу не высказать, что Министерству Иностранныхъ Дѣлъ не вѣрно донесено будто бы я уѣхалъ изъ Герцеговины, (т. е. изъ Черногоріи) вслѣдствіе обнаруженія моихъ политическихъ замысловъ. Уѣхалъ я потому, что свершилъ возложенное на меня Славянскимъ Обществомъ порученіе и всѣ денежныя и вещественныя средства, бывшія въ моемъ распоряженіи, были мною уже распредѣлены, на присылку же новыхъ средствъ въ скоромъ времени нельзя было расчитывать, такъ какъ я получилъ изъ Славянскаго Общества телеграмму, въ которой было сказано, что денегъ у Общества мало и что Совѣтъ Общества ожидаетъ моего возвращенія. *Аѳ. В.*

10 іюля 1878 г.

Докладъ Слав. Благ. Обществу въ той его части, гдѣ повѣствуется о судьбѣ Герцеговины и о сдачѣ герцеговинскаго войска австрійцамъ, далъ содержаніе двумъ главамъ (IX и X) романа въ стихахъ Ник. Андр. Панова «Владиміръ Волгинъ» (художественное изображеніе движенія русской общественной жизни и мысли въ послѣднюю четверть XIX вѣка; вышелъ въ свѣтъ въ 1900 г.). Вотъ изъ «Волгина» пѣсня гусляра-герцеговинца стараго воеводы-попа Богдана Юговича (т. е. Зимонича):

Заслонили солнце черны тучи,
Воетъ буря да шумятъ дубравы;
Волны ропщутъ, подрываютъ кручи,
Стонъ стоитъ на берегахъ Моравы...
Это солнце—счастье славянина,
Эти тучи—вороги лихіе;
Этотъ стонъ—славянская кручина...
Что за стонъ, не слышатъ лишь глухіе!

* * *

О кручинѣ нашей, люди-братья,
Кости мертвыхъ, горы вамъ разскажутъ;
Будутъ страшны ворогу проклятья,
Рѣки слезъ къ нему пути укажутъ.
Не пропали мы и наша слава,
Насъ помянутъ правнуки любовью;
Улыбнется солнышку Морава,
Чья вода теперь смѣшалась съ кровью.

Не погнемся предъ врагомъ какъ верба,
Что отъ вѣтра низко долу гнется...
Братья! кровь герцеговинца, серба,
Босняка, кровь русскихъ также льется.
Русь идетъ на помощь славянину,
На защиту вѣры православной;
Насъ не выдастъ въ черную годину
Сильный царь, отецъ Руси державной.

* * *

Боже, Боже! молимъ благодати
Государю и его народу...
Честь-хвала Черняеву! Онъ рати
Удальцовъ ведетъ въ бой за свободу.
Честь-хвала героямъ нашимъ тоже,
Память жертвамъ подлаго тиранства...
Бой идетъ. Дай побѣдить намъ, Боже,
Злыхъ тирановъ, вороговъ Славянства!

Петко и Стоянъ Ковачевичи—славные сербскіе богатыри въ Герцеговинѣ.

«Каквс паре кажеш, дьженерале?
Тіѣх пара нема у свіѣту,
Кое би не могли помирити!
Да скочиду сви седамъ кралева,
И не би не могли помирити!»

«О какихъ деньгахъ говорищь ты, генералъ?—Такихъ денегъ нѣтъ на свѣтѣ, которыми бы можно было насъ заставить помириться! Если-бы поднялись всѣ семь королей и тѣ-бы не могли насъ помирить!» Отвѣтъ Лазаря Сочицы генералу Родичу на Суторинскомъ совѣщаніи. Изъ герцеговинской пѣсни — о началѣ послѣдняго герцеговинскаго возстанія противъ турокъ.

Испоконъ вѣка, со временъ коссовской битвы и вплоть до нашихъ дней, единственными мстителями угнетеннаго сербскаго народа, единственною его надеждою, обѣщавшею ему лучшую, свободную будущность, были гайдуки. Оставляя въ сторонѣ гайдучество старыхъ временъ, я въ настоящей статьѣ хочу познакомить русскихъ читателей съ двумя герцеговинскими витязями нашихъ дней, двумя братьями Ковачевичами, изъ которыхъ одного — Петка уже нѣтъ въ живыхъ, а другой — Стоянъ и въ настоящую минуту ведетъ славную борьбу съ врагами славянской свободы.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда знаменитый Смаилъ-ага-Ченгичъ довелъ турецкій гнетъ въ Герцеговинѣ до нестерпимости, многія православныя герцеговинскія семейства, сохранившія еще въ себѣ достаточно бодрости и силы, снаряжали отборныхъ своихъ сыновей въ гайдуцкія четы (отряды).

Въ Гацкомъ въ то время храбрый родъ Ковачевичей далъ грознаго мстителя, по имени, Петка Ковачевича, который

крестилъ по всей Герцеговинѣ со своею молодецкою четой. Уже въ то время, когда потурченецъ Омеръ-паша на Граховѣ собирался спалить всю Черную гору, подвиги Петка Ковачевича, опустошенія, которыя производилъ онъ въ накрываемыхъ имъ врасплохъ турецкихъ отрядахъ, — заставили говорить о немъ, какъ о великомъ юнакѣ: не было ни одного герцеговинскаго семейства, христіанскаго или магометанскаго, гдѣ-бы не знали о Петкѣ, а турецкіе солдаты и офицеры и во снѣ не выпускали его изъ своей головы.

Ратуя рука объ руку съ братомъ, Стоянъ закалился духомъ и приготовилъ себя къ той выдающейся дѣятельности, какая выпала на его долю въ послѣднихъ возстаніяхъ въ Герцеговинѣ и Кривошіи.

Послѣ несчастной для турокъ и славной для герцеговинцевъ и черногорцевъ битвы на Граховѣ, Петко Ковачевичъ, со своею четой, продолжалъ упорную и жестокую борьбу съ турками и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ успѣлъ досадить туркамъ, что голова его была оцѣнена въ огромную сумму денегъ.

Цивилизованное и яко-бы христіанское австро-мадьярское правительство, въ настоящее время пользуется тѣмъ-же средствомъ борьбы съ своими противниками, защищающими свою родную землю, свою вѣру, свой языкъ и обычаи. Многократно печатались въ иностранныхъ и русскихъ газетахъ, за послѣдніе мѣсяцы, извѣстія о томъ, что за голову Стояна Ковачевича и другихъ герцеговинскихъ устащей назначены денежныя преміи. Газеты, печатая телеграфныя объ этомъ извѣстія, не обмолвились ни единымъ словомъ осужденія; а между тѣмъ, все отличіе, въ данномъ случаѣ, австрійской политики отъ турецкой только въ томъ, что турки были справедливѣе и гораздо щедрѣе своихъ цивилизованныхъ преемниковъ: они съ большимъ уваженіемъ относились къ своимъ противникамъ и за головы ихъ назначали вдесятеро больше, нежели сулятъ теперь австрійцы.

За голову Петка Ковачевича обѣщано было нѣсколько тысячъ червонцевъ. А онъ, между тѣмъ, постоянно о себѣ напоминалъ: ни одно ущелье, ни одна дорога, по которой сообщались турки, не остались незалитыми турецкою кровью. Закаленный въ непрестанной борьбѣ съ турками, Петко былъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ храбрецовъ, какихъ когда-либо давала Герцеговина. Но, кромѣ мужества, Петко славился и страшенъ былъ туркамъ еще своею ловкостью и военными хитростями: переодѣтый въ турецкое или арнаутское платье, онъ зачастую пробирался въ турецкій станъ или городъ,

внезапно, иногда, среди бѣла дня, производилъ тамъ опустошенія, расправлялся съ намѣченными заранѣе жертвами, и не успѣвали опомниться турки, какъ его уже и слѣдъ остывалъ. При всемъ томъ Петко былъ необыкновенно счастливъ: во всѣхъ своихъ похожденіяхъ онъ ни разу не былъ раненъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, когда въ Герцеговинѣ улеглось возстаніе, поднятое Лукою Вукаловичемъ, и наступило нѣкоторое затишье, Петко хотѣлъ было мирно поселиться въ Черногоріи; но по политическимъ ли обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась тогда эта страна, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, только Петку отказано было княземъ въ пристанищѣ, и вотъ онъ и братъ его Стоянъ поселились съ своими семьями въ пустыхъ Рудинахъ на пограничной полосѣ, которую турки и черногорцы взаимно оспаривали другъ у друга. Тутъ жилъ онъ въ постоянной опасности быть окруженнымъ турками. Послѣднимъ, однакожъ, не довелось осилить Петко оружіемъ въ открытомъ бою; но чего не могли достичь они силою, того добились подкупомъ. По распространенному между герцеговинцами обычаю, у Петка былъ побратимъ, тоже сербъ, но магометанинъ, Мемо Кадричъ, изъ Никшича. Онъ-то выдалъ братьевъ Ковачевичей, за деньги, туркамъ. Отыскавъ ихъ мѣстонахожденіе въ Рудинахъ, Кадричъ пришелъ въ хижину къ Петку, подъ предлогомъ попросить у него, на время, воловъ для пахотьбы. Петко обѣщалъ дать ему черезъ нѣсколько дней воловъ, когда самъ покончитъ. Вывѣдавъ и высмотрѣвъ все, что было ему нужно, Кадричъ распрощался съ побратимомъ, обѣщаясь прійти за волами, а самъ отправился въ Никшичъ и выдалъ тамошнимъ туркамъ убѣжище ихъ враговъ. Нѣсколько сотенъ вооруженныхъ турокъ, чуть-ли не цѣлый батальонъ, глубокою ночью окружили жилища братьевъ Ковачевичей. Главная ихъ сила навалила на убогую Петкову хижинку, устроенную изъ досокъ и плетня. Подъ напоромъ толпы хижина развалилась, придавивъ Петко досками къ землѣ, турки, въ такомъ положеніи, сковали его и затѣмъ уже высвободили изъ подъ досокъ и въ одной рубашкѣ, босого, повели его, съ великимъ торжествомъ въ Никшичъ, а оттуда, со всѣмъ семействомъ, отправили его, скованнаго въ Мостаръ. Между тѣмъ Стоянъ, схваченный также турками въ то время, какъ вязали Петко, вырвался, не смотря на то, что былъ со связанными руками, и убѣжалъ, во время бѣгства онъ былъ раненъ турецкою пулею.

Вѣсть о томъ, что Петко Ковачевичъ схваченъ, оглашена была въ Мостарѣ пушечною стрѣльбою. Когда вели его въ городъ, всѣ жители вышли ему на встрѣчу — смотрѣть этого

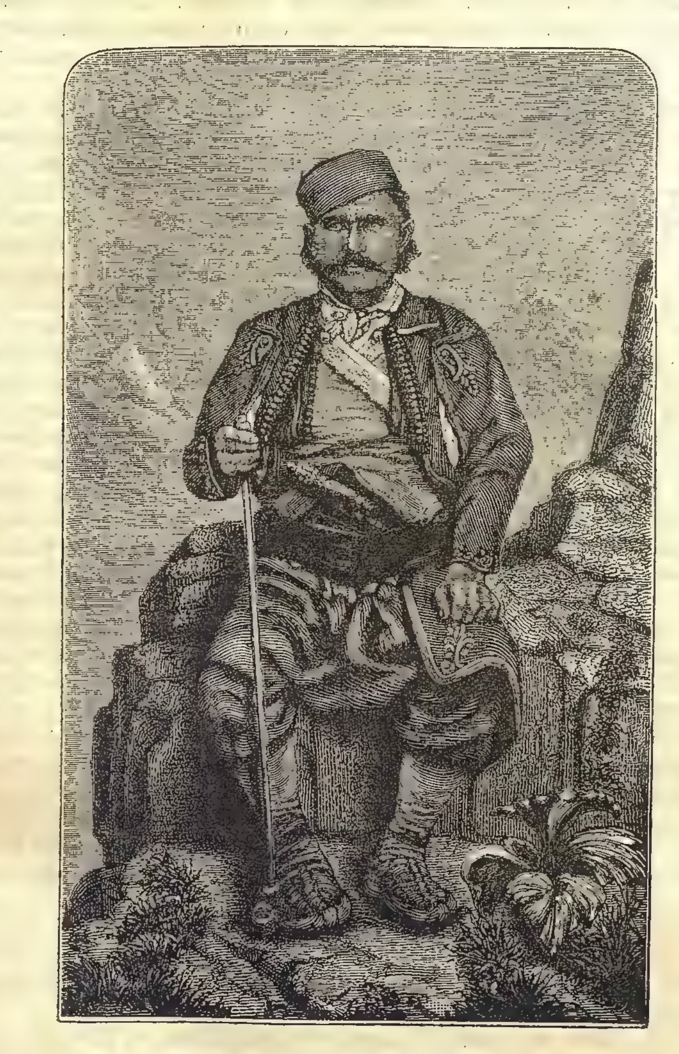
19

славнаго витязя. Турки ликовали, сербы же, православные, ихъ женщины и дѣти рыдали о злосчастномъ сербскомъ витязѣ. Закованный въ тяжелыя цѣпи, брошенъ былъ Петко въ самую скверную темницу въ Мостарѣ. Около года (1864) держали его въ тюрьмѣ и допрашивали.

Смѣлыми отвѣтами Петко удивлялъ своихъ судей. На вопросъ судьи Аса-ефендія: «сколько погубилъ ты турокъ, Петко?» тотъ отвѣчалъ: «сколькихъ я застрѣлилъ изъ ружья, не могу сказать; знаю только, что не мало; посѣкъ же болѣе сорока». По просьбѣ Петка принесли ему его ятаганъ: число отмѣтокъ на немъ—о срубленныхъ турецкихъ головахъ—подтвердило слова подсудимаго. Разсказавъ подробно и безъ утайки о всѣхъ своихъ подвигахъ, Петко заключилъ, обращаясь къ судьямъ: «Турки! много я причинилъ вамъ бѣдъ и горя; но вы въ тысячу разъ больше зла сдѣлали сербамъ, нежели я туркамъ!» Турецкій судъ присудилъ его къ повѣшенію. Петко, какъ подобаетъ герою, весело и спокойно подошелъ къ висѣлицѣ. Когда приговоръ былъ прочитанъ и турки дико завопили; «вѣшайте! вѣшайте!», — Петко обратился къ нимъ со словами: «вашъ великій судъ, турки, несправедливо поступилъ, приговоривъ меня къ висѣлицѣ. Юнаку (молодцу, герою) юнацкая смерть подобаетъ. Я ни одного турка не повѣсилъ, и вамъ слѣдовало отрубить мнѣ голову!»

Между тѣмъ, Стоянъ, убѣжавъ отъ турокъ, скоро напомнилъ имъ о себѣ, появившись съ четой около, знаменитаго въ исторіи всѣхъ герцеговинскихъ войнъ, Дужскаго ущелья. Въ самой Дугѣ вскорѣ удалось ему взять въ плѣнъ турецкаго майора и еще двухъ турецкихъ офицеровъ. Въ то время братъ его Петко, сидѣлъ еще въ Мостарской тюрьмѣ. Стоянъ написалъ изъ Дуги письмо турецкому суду, въ Мостаръ, съ требованіемъ отпустить Петко, въ обмѣнъ за трехъ, находящихся у него, плѣнниковъ, и съ угрозою, что если они погубятъ Петка, то и онъ тою самою казнью казнитъ турецкихъ офицеровъ, какою будетъ казненъ его братъ. Но турецкія власти порѣшили, что лучше пусть десять турецкихъ майоровъ погибнутъ, чѣмъ выпустить изъ своихъ рукъ одного Петка: такъ онъ былъ для нихъ страшенъ!

Стоянъ держалъ у себя плѣнниковъ до тѣхъ поръ, пока получилъ извѣстіе о казни брата; тогда, вѣрный своему слову и суровому мѣстному обычаю, созданному тяжелою историческою необходимостью, онъ повѣсилъ трехъ турецкихъ офицеровъ на распутьи въ Голіи (Дугѣ). По смерти Петка, Стоянъ продолжалъ его дѣло, и вскорѣ имя его сдѣлалось такимъ же славнымъ и грознымъ, какъ и имя его покойнаго брата. Но



Стоянъ Ковачевичъ.

Стоянъ не такъ былъ счастливъ въ битвахъ, какъ его братъ; онъ весь избитъ и изсѣченъ турецкими пулями и саблями; но онъ перенесъ свои раны: онѣ не мѣшаютъ ему и понынѣ— быть грозою для враговъ его родины.

О подвигахъ Стояна, въ борьбѣ его съ турками, съ которыми у него никогда не было мира, ходитъ въ Герцеговинѣ множество разсказовъ, имѣющихъ легендарный характеръ. Онѣ говорятъ объ его воинской отвагѣ, находчивости въ бѣдѣ и о вынесенныхъ имъ, за народное дѣло, страданіяхъ. Для характеристики Стояна, приведу одинъ изъ слышанныхъ мною о немъ разсказовъ, который говоритъ о его быстрой находчивости и ловкости. Однажды толпа турокъ окружила ночью кучу (хижину) Стояна; при немъ былъ, въ это время, одинъ изъ его сыновей, мальчикъ лѣтъ девяти–десяти. Проснувшись отъ стука въ двери, Стоянъ узналъ, что онъ окруженъ: турки кричали ему, чтобы онъ сдавался. «Сейчасъ!» отвѣчалъ имъ Стоянъ, а самъ, въ одну минуту, посадилъ сына на спину и велѣлъ ему крѣпко держаться за шею; схватилъ ружье, ятаганъ и струку (длинный шерстяной коверъ, которымъ черногорцы накрываются въ ненастную погоду). Распахнувъ быстро дверь, Стоянъ вскричалъ: «ево ме!», т. е. вотъ я! и самъ съ силою выбросилъ впередъ себя струку. Принявъ ее за Стояна, всѣ, находившіеся около дверей, турки оборотились спиной къ дверямъ и бросились вслѣдъ за струкой. Въ это время Стоянъ выстрѣломъ повалилъ одного изъ нихъ, другого зарубилъ ятаганомъ и бросился бѣжать. Очнувшись, остальные турки пустились за нимъ въ догоню; но не даромъ у герцеговинцевъ, какъ и у древнихъ грековъ, однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ добраго витязя считается быстрота и крѣпость ногъ, которыя даютъ возможность, по выраженію народной ихъ пѣсни, «стечи и утечи», т. е. настичь, когда нужно, врага, и, когда нужно, отъ него уйти. Турки не могли догнать Стояна: добѣжавъ до обрыва, сажени три высотою, Стоянъ счастливо спрыгнулъ съ него со своею святою ношею за плечами, турки же остановились на краю обрыва и только послали въ догоню Стояну нѣсколько пуль; но тотъ счастливо, на этотъ разъ, ушелъ и отъ пуль, и скрылся въ ближнемъ перелѣскѣ.

Не мало надѣлалъ Стоянъ туркамъ хлопотъ, не мало причинилъ имъ горя и зла: каждое вѣроломство, каждое насиліе со стороны турокъ находило въ Стоянѣ грознаго мстителя; за голову сербскаго витязя всегда кто-либо изъ знатнѣйшихъ и храбрѣйшихъ мусульманъ платилъ Стояну своею головою. Въ ущельяхъ и на трудныхъ горныхъ переходахъ подстерегалъ

Стоянъ турецкіе обозы и почты и отбивалъ ихъ у сильнаго конвоя. Такъ въ 1871 г. отбилъ онъ въ Голіи денежную почту у турокъ, слѣдовавшую въ Никшичъ, съ большимъ отрядомъ; изъ послѣдняго осталось на мѣстѣ болѣе 30 человѣкъ, остальные солдаты бѣжали. Этотъ случай настолько озлобилъ турокъ, что изъ Никшича отправленъ былъ цѣлый батальонъ, чтобы, во чтобы то ни стало, схватить Стояна. Въ 1872 г. Стоянъ пришелъ къ своему куму и побратиму Четку Пейовичу, въ Баняны; тутъ окружили его турки и взяли въ домѣ Пейовича. Молва говоритъ, что и тутъ дѣло не обошлось безъ предательства.

Вѣсть о плѣненіи Стояна принята была турками съ такою же радостью, какъ и нѣкогда извѣстіе о взятіи Петка. Съ большимъ конвоемъ, связаннаго Стояна привели въ Мостаръ и бросили въ ту самую тюрьму, гдѣ прежде томился его братъ Петко. Стояна ждала участь его брата, но на радость всѣхъ сербовъ, Господу угодно было, чтобы Стоянъ и долѣе былъ борцомъ за свободу своего народа. Турецкія власти уже сообщили по телеграфу въ Царьградъ на утвержденіе смертный приговоръ Стояну. Это было наканунѣ Рамазанъ-байрама. Въ ночь, подъ самый праздникъ, когда темничный сторожъ вошелъ въ помѣщеніе, гдѣ былъ Стоянъ, зажечь лампаду, — тотъ засыпалъ ему глаза пепломъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими узниками, сидѣвшими вмѣстѣ съ нимъ. Большая часть товарищей Стояна была настигнута и схвачена; Стоянъ же, не смотря на то, что былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи, благополучно пробрался черезъ обширный турецкій городъ и затѣмъ прошелъ пѣшкомъ далекій путь до своего родного мѣста, терпя многія муки и голодъ, и укрываясь за камнями и деревьями отъ разосланной во всѣ стороны многочисленной турецкой погони и турецкихъ карауловъ.

Отважная и неутомимая борьба Стояна съ турками стяжала ему извѣстность перваго юнака, т. е. перваго храбреца въ Герцеговинѣ. Слава юнака—великая слава въ родинѣ Стояна; но имя Стояна Ковачевича извѣстно и пользуется уваженіемъ далеко за предѣлами его родины—Герцеговины: оно чтится во всемъ Славянскомъ мірѣ. Не одна только молодецкая удаль дала и даетъ Стояну Ковачевичу, какъ и нѣкоторымъ другимъ его соотчичамъ, какъ, напримѣръ, Богдану Зимоничу, Лукѣ Петковичу и др. право на такую извѣстность и уваженіе, но живущіе въ этихъ людяхъ—могучій славянскій духъ, гордое сознаніе славянскаго племенного единства и права славянъ на свободную самостоятельную жизнь. Вотъ—свойства души и сердца Стоянова, которыя объясняютъ намъ его безпримѣрную

отвагу и его добровольное страдальчество всю жизнь за народное дѣло, которыя даютъ ему, Стояну, по выраженію его соотечественниковъ, «врлому», т. е. достойному, но въ то-же время «ядному» и «сиромаху», т. е. бѣдняку и страдальцу,—право на любовь и уваженіе славянъ.

Не однимъ туркамъ грозно сдѣлалось имя Стояна, но и другимъ еще болѣе досадливымъ и опаснымъ врагамъ Славянства—австро-венграмъ. Въ 1869 году, когда огласилось возстаніе въ Бокѣ Которской, вызванное попыткою австрійскаго правительства нарушить вѣковыя права сербовъ бокезовъ,—тѣ права, неприкосновенность которыхъ была имъ обѣщана царемъ русскимъ Александромъ I, по волѣ и слову котораго Бока стала принадлежать Австріи,—Стоянъ явился со своею четою изъ Герцеговины на помощь братьямъ кривошіянамъ и бокезамъ. Одинъ изъ главныхъ вождей кривошійскаго возстанія, Стоянъ былъ и его душою. Въ то время Стоянъ впервые встрѣтился, какъ говоритъ преданіе, съ нынѣшнимъ далматинскимъ намѣстникомъ, генераломъ Іовановичемъ. Дѣло было такъ: на обширномъ Драгальскомъ полѣ (Церквица), гдѣ нанесено было усташами австро-мадьярамъ одно изъ главныхъ пораженій, герцеговинцы и кривошіяне сходились съ австрійскимъ войскомъ. Когда ихъ раздѣляло разстояніе шаговъ въ пятьдесятъ, Стоянъ навелъ ружье на ѣхавшаго впереди командира австрійскаго отряда. То былъ полковникъ Іовановичъ. Когда Стоянъ готовъ былъ спустить курокъ, Іовановичъ оборотился къ солдатамъ и сталъ что-то приказывать по-сербски. Услышавъ родную рѣчь изъ устъ красиваго австрійскаго офицера, Стоянъ остановился и сказалъ: «красивая тебя сербка родила! Быть можетъ, она еще жива; я не заставлю ее куковать по тебѣ; но безнаказанно тебя тоже не отпущу!» Съ этими словами грянулъ выстрѣлъ Стояна, и пуля угодила въ ногу Іовановичу.

Въ настоящее время главнымъ противникомъ того-же Іовановича является опять Стоянъ Ковачевичъ. Еще лѣтомъ «отметнулся» онъ съ четою отъ Австріи въ свои родныя горы, какъ нѣкогда прежде отметнулся отъ турокъ. Когда же австрійское правительство снова, какъ и въ 1869 г., потребовало отъ бокезовъ рекрутъ, съ распространеніемъ этого требованія и на босняковъ и герцеговинцевъ, и бокезы снова, какъ было въ 1869 г., рѣшились оружіемъ дать отпоръ австрійскимъ притязаніямъ,—Стоянъ снова пришелъ къ братьямъ кривошіянамъ, укрѣпилъ въ нихъ колеблющійся духъ и взялъ съ нихъ клятву, что они не покорятся австрійскимъ требованіямъ и, вмѣстѣ съ герцеговинцами, будутъ отстаивать общую

сербскую свободу. И вотъ Австрія назначаетъ премію за голову Стояна; но, благодареніе Богу! — гнуснаго измѣнника пока между сербами не нашлось; и вотъ, Австрія шлетъ въ Боку полки за полками, полки,—большая часть которыхъ состоитъ тоже изъ славянъ; мобилизуетъ чуть ли не стотысячную армію, готовясь славянскими же руками въ славянской крови затопить неугасшій еще въ Герцеговинѣ очагъ сербской свободы и, затопивъ его, расчистить себѣ по славянскимъ костямъ путь къ Салоникамъ. Но взоры балканскихъ славянъ и нынѣ, какъ всегда, съ надеждою устремлены на Россію: отсюда и только отсюда можетъ прійти для нихъ спасеніе. Отсюда должно разразиться грозное: руки прочь! [1]).

Напечатано въ январѣ 1882 г. въ журналѣ «Вѣкъ» и отдѣльными оттисками.

[1]) Свѣдѣнія о Петкѣ Ковачевичѣ, сообщены его землякомъ, близко его знавшимъ, г. Ристо Іовановичемъ; съ Стояномъ же я лично знакомъ.

Какъ Австрія водворяетъ миръ и порядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

За послѣднее время телеграфъ то и дѣло оповѣщалъ вселенную о томъ, что то тотъ, то другой «государственный мужъ» Австро-Венгріи, то самъ глава этого разношерстнаго государства, то въ делегаціяхъ, то на обѣдѣ торжественно заявляли, что дѣла-де въ Босніи и Герцеговинѣ обстоятъ распрекрасно, что тамъ царствуетъ полное спокойствіе, и населеніе своимъ положеніемъ счастливо и довольно. Вмѣстѣ съ тѣмъ проникали въ печать вѣсти и о томъ, что швабо-мадьярскія власти стараются состряпать и преподнести Францу Іосифу адресъ отъ осчастливленнаго, яко-бы, имъ населенія окупированныхъ областей съ просьбою еще болѣе ихъ осчастливить объявленіемъ анексіи, то есть полнаго ихъ присоединенія къ Габсбургской державѣ.

Прекрасное освѣщеніе всей этой официальной лжи и плутовства даетъ приводимая ниже памятная записка босно-герцеговинскихъ эмигрантовъ правительствамъ европейскихъ державъ. Въ ней набросана вѣрная и ничуть не преувеличенная картина истиннаго положенія вещей въ несчастныхъ славяно-сербскихъ областяхъ, отданныхъ «гуманною и просвѣщенною» Европою на поруганіе и разграбленіе шайкѣ плутовъ и мародеровъ.

«Берлинскимъ трактатомъ Европа предоставила Австро-Венгріи занять турецкія области—Боснію и Герцеговину — съ тѣмъ, чтобы она водворила въ нихъ порядокъ и устранила неустройства, вызванныя двухлѣтнимъ возстаніемъ.

«Населеніе Босніи и Герцеговины, насколько желало возстановленія нарушеннаго порядка и законности въ названныхъ провинціяхъ, настолько же было убѣждено, зная Австро-Венгрію, какъ сосѣднюю державу, изъ непосредственныхъ наблюденій, что она не только неспособна исполнить возложенную на нее тяжелую задачу, но что она къ этому искренно даже и не расположена. Народъ зналъ, что предоставленіе этой державѣ роли

умиротворительницы въ возставшихъ областяхъ проистекаетъ исключительно изъ алчныхъ ея стремленій, а никакъ не изъ заботъ о благосостояніи и развитіи боснійско-герцеговинскаго народа.

«Такое народное представленіе объ Австро-Венгріи было единственною причиною кроваваго отпора окупаціи названныхъ провинцій, отпора, два раза возобновлявшагося въ видѣ возстанія.

«Правда, австро-венгерской дипломатіи удалось обмануть общественное мнѣніе, представивъ дѣло въ такомъ видѣ, будто бы кровавый отпоръ ея захвату (окупаціи) вытекалъ не изъ чистаго народнаго сознанія, но имѣлъ своимъ источникомъ подговоръ и подстрекательства извнѣ; правда, что, обманувъ общественное мнѣніе, Австро-Венгріи въ концѣ концовъ удалось сломить направленное противъ нея народное возстаніе, проливъ потоки крови и совершивъ рядъ неслыханныхъ насилій: но ей не удалось понынѣ и не удастся никогда доказать міру, что этотъ кровавый народный протестъ противъ окупаціи не имѣлъ своего основанія и что Австро-Венгрія оказалась на высотѣ задачи, возложенной на нее Европою въ отношеніи Босніи и Герцеговины.

«Австро-Венгрія объявила Европѣ, что она войдетъ въ Боснію и Герцеговину съ масличною вѣтвью; на самомъ же дѣлѣ она вступила въ эти несчастныя провинціи съ огнемъ и мечемъ, — огнемъ, которымъ она вотъ уже цѣлыя одиннадцать лѣтъ жжетъ, палитъ и истребляетъ, мечемъ, которымъ столько же времени она немилосердно губитъ обезоруженное населеніе.

«Исполнилось уже одиннадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Австро-Венгрія управляетъ Босніей и Герцеговиной, но вмѣсто обѣщаннаго мира она дала этимъ областямъ одиннадцать злополучныхъ лѣтъ военнаго положенія, одиннадцать лѣтъ дѣйствія исключительныхъ законовъ и военныхъ судовъ; вмѣсто обѣщанныхъ реформъ—одиннадцать лѣтъ жесточайшей тираніи, какая когда-либо была въ мірѣ, тираніи, сопровождающейся доносами, заточеніемъ, разстрѣливаніемъ, вѣшаніемъ, изгнаніемъ, явнымъ развращеніемъ нравовъ и умышленною ихъ порчею, исходящею отъ страшно развращеннаго чиновничества. Такимъ образомъ въ настоящее время Боснія и Герцеговина представляютъ самыя безправныя и беззаконныя земли въ мірѣ. Въ нихъ нынѣ ожили средніе вѣка со всѣми ихъ ужасами—въ срединѣ Европы, на виду и на позоръ всѣхъ ея свободныхъ и образованныхъ народовъ.

«Мы, нижеподписавшіеся, злополучные сыновья этихъ несчастныхъ провинцій, унесшіе только свои головы изъ-подъ убійственнаго меча нынѣшняго палача Босніи и Герцеговины, тронутые воплемъ нашихъ мучениковъ братьевъ и бѣдныхъ соотечественниковъ, обращаемся ко всѣмъ великодушнымъ правителямъ, къ ихъ мудрымъ совѣтникамъ и ко всѣмъ вообще человѣколюбцамъ и друзьямъ свободы съ настоящимъ напоминаніемъ, въ которомъ нами вѣрно изображена неслыханная бѣда, переживаемая нынѣ Босніей и Герцеговиной.

«Вотъ вкратцѣ важнѣйшія изъ испытываемыхъ ими насилій:

1) Уже въ началѣ окупаціи Австро-Венгрія подъ предлогомъ разоруженія ограбила боснійско-герцеговинскій народъ, отнявъ у него милліонныя цѣнности, заключавшіяся въ драгоцѣнномъ оружіи, окованномъ серебромъ и золотомъ, за которое его владѣльцамъ не было дано никакого вознагражденія.

2) Какъ на Константинопольской конференціи, такъ и на Берлинскомъ конгрессѣ Австро-Венгрія указывала на земельный вопросъ, какъ на важнѣйшій источникъ всего недовольства и всѣхъ золъ въ Босніи и Герцего-

винѣ; рѣшеніе этого вопроса она поставила на первомъ мѣстѣ въ своей программѣ окупаціи. Насколько она при этомъ лицемѣрила и обманывала міръ, видно изъ того, что этотъ важный вопросъ систематически забывается ею, и что она даже и не коснулась его за все время одиннадцатилѣтней окупаціи. Мало того, она земельный вопросъ еще болѣе запутала тѣмъ, что переложеніемъ государственной десятины на деньги и неправильною ея оцѣнкою болѣе чѣмъ вдвое увеличила налоги, назначая для земледѣльческихъ произведеній такія цѣны, какихъ никогда и нигдѣ не существовало и не существуетъ и теперь ни у насъ, ни во всей остальной Европѣ. Земельный вопросъ она напротивъ рѣшаетъ такимъ злодѣйскимъ способомъ, какого устыдились бы и величайшіе варвары. Терроромъ и великими притѣсненіями принуждаетъ помѣщиковъ (спахіевъ) выселяться изъ страны, чтобы этимъ путемъ облегчить наплывъ чужихъ элементовъ, болѣе расположенныхъ къ ея политикѣ захвата, отчужденія и присоединенія (анексіи). Нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ и испорченныхъ помѣщиковъ Австро-Венгрія поддерживаетъ къ великому вреду для ихъ крестьянъ, и это съ тою цѣлью, чтобы поддерживать между ними междоусобную вражду и рознь. Вообще она употребляетъ всевозможныя средства для поддержанія между мусульманами и христіанами раздоровъ и несогласій, слѣдуя въ этомъ старому правилу австрійскаго правительства: Divide et impera.

3) Навязывая себя въ качествѣ умиротворительницы и возстановительницы порядка въ Босніи и Герцеговинѣ, Австро-Венгрія, какъ на цареградской конференціи, такъ и на берлинскомъ конгрессѣ прежде всего обѣщала, что она замѣнитъ турецкое управленіе болѣе совершеннымъ и современнымъ. Въ дѣйствительности, однако, ея управленіе гораздо хуже турецкаго. Это—правительство ужаса, террора и чиновничьей испорченности, какому нѣтъ примѣра. Управленіе, правосудіе, личную и имущественную неприкосновенность въ Босніи и Герцеговинѣ лучше всего характеризуютъ военное положеніе и исключительные суды, которые господствуютъ въ этихъ земляхъ со дня вторженія туда австровенгерской силы и до сегодня, къ великому ущербу народа и къ великому стыду и соблазну Европы и всего образованнаго человѣчества.

4) Выманивъ себѣ отъ великихъ державъ соизволеніе на окупацію Босніи и Герцеговины, австро-венгерская дипломатія выставляла на видъ, что она вступаетъ въ эти области въ качествѣ носительницы европейской культуры. Но она вмѣсто культуры насаждаетъ тамъ обскурантизмъ, закрывая народныя школы и превращая ихъ въ учрежденія для образованія шпіоновъ и отлученія молодежи отъ ея народности, отъ ея вѣры и обычаевъ,—въ учрежденія, въ которыхъ убивается народное сознаніе, народное просвѣщеніе и всякія патріотическія достоинства.

5) Когда Европа давала Австро-Венгріи полномочіе занять Боснію и Герцеговину, она была увѣрена что названная держава успокоитъ тамъ религіозные раздоры и что она сведетъ ихъ на правильный путь современной вѣротерпимости. Но вмѣсто того Австро-Венгрія въ теченіе своей одиннадцатилѣтней окупаціи завела въ занятыхъ ею земляхъ систему явнаго прозелитизма, съ какою трудно встрѣтиться даже въ самыя мрачныя эпохи среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ своими войсками ввела она въ Боснію и Герцеговину легіоны іезуитовъ и другихъ миссіонеровъ-фанатиковъ римской пропаганды, которымъ явно и открыто помогаетъ въ ихъ безобразной агитаціи противъ православія и мусульманства. Въ теченіе неполныхъ десяти лѣтъ австро-венгерское правительство на средства боснійско-герцеговинскаго народа воздвигло болѣе сотни іезуитско-католическихъ монастырей и миссіонерскихъ учрежденій. Православныя же и мусульманскія молитвенныя

мѣста подвергаются явному оскверненію; священники заключаются въ тюрьму, а первосвященники изгоняются изъ страны. Слава—этотъ домашній праздникъ и величайшее религіозное торжество всякаго серба—явно запрещена. Даже въ дни наибольшихъ праздниковъ хижина бѣднаго жителя не ограждена отъ вторженія жандарма и шпіона.

6) Вся образованная Европа надѣялась, что Австро-Венгрія употребитъ большую часть областныхъ доходовъ на улучшеніе мѣстныхъ производствъ, а особенно на поддержку земледѣлія. Но вмѣсто этого она употребляетъ кровавый народный потъ на сооруженіе военныхъ укрѣпленій, стратегическихъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, на тысячи тайныхъ шпіоновъ и на цѣлый корпусъ жандармовъ, такъ что въ маленькой Босніи и Герцеговинѣ ихъ больше, нежели въ обширной Германской имперіи. Вмѣсто всякихъ заботъ объ улучшеніи производительности, она продаетъ иностранцамъ на истребленіе народные лѣса.

7) Всячески ожидалось, что новое управленіе будетъ сооружать и поддерживать государственные пути сообщенія на областныя средства. Но наша окупаторка расходуетъ народныя деньги на свои завоевательные замыслы, а земскія и свои стратегическія дороги строитъ посредствомъ принудительной работы, руками народа, причемъ всякій житель обязанъ работать ей даромъ въ году два мѣсяца, губя при этомъ какъ самихъ себя, такъ и свое домашнее хозяйство и рабочій скотъ. Торговлю, которая до оккупаціи вся была въ рукахъ мѣстнаго населенія, Австро-Венгрія путемъ разныхъ беззаконій передала въ руки евреевъ и пришлыхъ кулаковъ.

8) Европа, довѣряя Австро-Венгріи занять Боснію и Герцеговину, полагала, что эта держава по крайней мѣрѣ обезпечитъ этимъ областямъ свободу общественнаго образованія, свободу печати и національной индивидуальности. Но вмѣсто того наша окупаторка отняла у народа его народное кирилловское письмо, освященное исторіей и болѣе чѣмъ тысячелѣтнимъ употребленіемъ. Письменность эта была единственнымъ звеномъ, связывавшимъ братьевъ раздѣленныхъ на три вѣры, и напоминавшимъ имъ, объ ихъ кровномъ и письменномъ сродствѣ. Кириллицу употреблялъ народъ всѣхъ трехъ религій, видя въ ней святыню и завѣтъ своего былаго славнаго прошлаго и народной образованности. Этою священною азбукою писаны не только свѣтскія, но и церковныя христіанскія книги и важнѣйшія распоряженія магометанскихъ правителей. Но и эта святыня изъ святынь не была для нашихъ окупаторовъ достаточно святою для того, чтобъ ее не запретить въ школѣ и присутственныхъ мѣстахъ. Вмѣсто народнаго кирилловскаго письма они ввели чуждое письмо, никогда не употреблявшееся въ странѣ и неотвѣчающее филологическимъ свойствамъ сербскаго языка. Австро-Венгрія окружила Боснію и Герцеговину китайскою стѣною неслыханной цензуры и отняла у народа совершенно свободу печати, которою онъ пользовался подъ турецкою властью. Въ эти обѣ осажденныя провинціи не можетъ попасть ни одна книга, ни одинъ печатный листъ, и съ перваго дня оккупаціи по настоящее время боснійско-герцеговинскій народъ не видитъ другихъ газетъ, кромѣ печатаемыхъ на мѣстѣ, и кромѣ офиціальныхъ, офиціозныхъ и на чужомъ языкѣ печатаемыхъ австро-венгерскихъ газетъ.

9) Исторія, этнографія и всѣ великіе ученые согласны въ томъ, что населеніе Босніи и Герцеговины принадлежитъ къ народности сербской. Но Австро-Венгрія втоптала въ грязь и это наше святѣйшее природное право, она наложила запретъ на наше народное имя, и нынѣ имя это — наше дражайшее достояніе — запрещено подъ страхомъ самыхъ тяжелыхъ наказаній. Вмѣсто него намъ навязываютъ географическое названіе — бо-

санацъ. Имя «сербъ», немилосердно вычеркивается изъ учебныхъ книгъ и изъ названій сербскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Сербскихъ буквъ австро-венгерское правительство не допускаетъ даже на торговыхъ вывѣскахъ.

10) Сербская народная эпопея составляетъ величайшую гордость и славу нашего народа; она составляетъ предметъ удивленія и уваженія знаменитѣйшихъ ученыхъ и писателей. Но правительство окупированныхъ областей запретило нашему народу гордиться тѣмъ, что составляетъ святѣйшій завѣтъ предковъ и свѣтлый памятникъ ихъ богатырскихъ подвиговъ. Эти пѣсни народъ поетъ подъ музыкальный инструментъ, называемый гусли. И вотъ, чего еще никогда не случалось подъ варварскимъ управленіемъ аваръ или монголовъ, — австрійская полиція запретила и сербскія гусли.

11) Во всемъ образованномъ мірѣ тайна писемъ неприкосновенна; но въ Босніи заведено какъ общее правило открытое вскрываніе писемъ, какъ офиціальное выполненіе окупаторскихъ задачъ. На нашихъ почтахъ нѣтъ письма, которое не было бы вскрыто.

«И это варварское злоупотребленіе совершаетъ наше окупаціонное правительство на виду у всего міра безъ зазрѣнія совѣсти и безъ всякаго стыда.

«Высокіе европейскіе правители!
«Мудрые европейскіе государственные люди!
«Благородное европейское человѣколюбіе!

«Боснія и Герцеговина нынѣ представляютъ самую безправную землю во всемъ мірѣ; въ ней царитъ ужасъ самаго необузданнаго террора и средневѣковаго мрака и все это только потому, что это соотвѣтствуетъ хищническимъ стремленіямъ одной державы. Боснійскій и герцеговинскій народъ болѣе воевалъ, болѣе пролилъ крови за свою свободу, нежели какой бы то ни было великій народъ въ Европѣ, — во имя человѣчества, во имя свободы, во имя европейской цивилизаціи, заклинаетъ онъ васъ, — обратить вниманіе на его страданія и неописанныя муки и употребить ваши старанія къ тому, чтобы австро-венгерская окупація Босніи и Герцеговины была облегчена и чтобы землямъ этимъ, подъ верховною властью его величества султана, даровано было народное самоуправленіе. Если же это невозможно, то международныя обязанности требуютъ отъ великихъ державъ образовать и послать на мѣсто международную комиссію, которая разслѣдовала бы въ Босніи и Герцеговинѣ всѣ бѣдствія и результаты своихъ трудовъ довела бы до всеобщаго свѣдѣнія.

«Вотъ послѣднее слово, обращенное къ вашему человѣколюбію со стороны одного изъ наиболѣе благоразумныхъ, но по волѣ Европы угнетеннаго народа. И если оно будетъ оставлено безъ вниманія, если отчаяніе страждущаго народа побудитъ его нарушить то, что и намъ и всѣмъ европейскимъ народамъ наиболѣе дорого, т. е. европейскій миръ, тогда не мы будемъ виноваты, а европейская дипломатія, потворствующая этимъ насиліямъ въ свободной и просвѣщенной Европѣ»

Слѣдуютъ подписи.

Напечатано въ Славянскихъ Извѣстіяхъ 1889 г.

Бока Которская въ 1797—1814 гг.

(Читано 10 апрѣля 1881 г. въ общемъ собраніи членовъ Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества).

Между отрывочными, обыкновенно, въ нашей печати извѣстіями съ славянскаго юго-запада за послѣдніе годы едва-ли не преобладаютъ такія, которыя оскорбительно дѣйствуютъ на русское чувство и даютъ многимъ у насъ поводъ горько сѣтовать—если не на весь юго-славянскій народъ, то на всю образованную часть, или такъ называемую интелигенцію его, за господствующія въ ея средѣ рознь, недоброжелательное отношеніе къ Россіи, непониманіе нуждъ и пользъ собственнаго своего народа и служеніе чужимъ, враждебнымъ Славянству цѣлямъ и стремленіямъ. Особенно часто подобные укоры имѣютъ у насъ мѣсто въ отношеніи сербскаго общества, сербской интеллигенціи, и, конечно, *нѣкоторая* доля этихъ упрековъ справедлива. Но не болѣе того! мало ли у насъ, въ Россіи, не только въ казенной, но и въ частной, общественной средѣ, обнаруживается непониманія кровныхъ русскихъ и общеславянскихъ нуждъ и постыднаго къ нимъ равнодушія? Мало ли у насъ говорятъ, и пишутъ, и дѣлаютъ во вредъ и русскому и общеславянскому дѣлу? Эти бревна въ собственномъ нашемъ глазу и эти язвы на нашемъ собственномъ тѣлѣ не должны ли сдерживать нашъ негодующій языкъ при оцѣнкѣ подобныхъ имъ и отчасти ими же, нашими язвами, вызванныхъ болѣзненныхъ явленій въ общественной жизни нашихъ единоплеменниковъ? Итакъ, сдержанность въ данномъ случаѣ для насъ уже потому не напрасна, что, расточая упреки другимъ, мы вполнѣ заслуженно можемъ услышать отъ нихъ въ отвѣтъ: «врачу, исцѣлися самъ!» Бросать же въ лицо тому или другому славянскому обществу *общія* обвиненія въ измѣнѣ народному дѣлу во всякомъ случаѣ настолько же съ нашей стороны несправедливо, на сколько несправедливо было

бы подобное же общее обвиненіе, направленное ими противъ насъ. При болѣе постоянномъ и внимательномъ наблюденіи за всѣмъ, что говорится, печатается и творится въ разныхъ концахъ Славянскаго міра, всегда и вездѣ найдемъ мы на ряду съ печальными явленіями розни и предательства не мало и такихъ, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что сознаніе славянскаго братства, общности предлежащихъ Славянству задачъ и необходимости для всѣхъ славянскихъ народовъ дѣйствовать вмѣстѣ, а не врозь, — въ Славянствѣ не умираетъ, несмотря на всѣ испытанія и невзгоды. Слѣдуетъ отмѣчать эти отрадныя явленія, освѣжительно дѣйствующія на наши чувства и волю. Одно изъ такихъ отрадныхъ явленій въ области сербской печати даетъ поводъ и содержаніе предлагаемой статьѣ.

Въ концѣ 1878 г. въ Дубровникѣ напечатана книжка, озаглавленная: «Прилози за повѣсницу Боке Которске, издао Ристо Ковачичъ Свесчичь први и други», т. е. — «Данныя для исторіи Боки Которской, издалъ Ристо Ковачичъ. Выпускъ первый и второй». Небольшая по своему объему (оба выпуска составляютъ $10^1/_2$ печатныхъ листовъ), книжка эта представляетъ, однако, своимъ содержаніемъ большой интересъ не только для сербскаго общества, для котораго она собственно предназначена, но и для насъ, русскихъ, такъ какъ въ ней повѣтствуется о событіяхъ того достопамятнаго времени въ исторіи этого уголка Славянскаго міра (1797—1814 гг.), когда храбрые сыны Боки Которской, Черногоріи и Герцеговины явились дѣятельными союзниками Россіи въ борбѣ ея съ Наполеономъ I, и когда впервые, на берегахъ далекой Адріатики, русскіе и сербы сражались противъ общаго непріятеля въ однихъ рядахъ и подъ общими знаменами.

Въ средѣ простого, безграмотнаго герцеговинскаго люда хранится живое преданіе отъ тѣхъ временъ — о пребываніи на ихъ землѣ русскаго воинства. Проведя весною и лѣтомъ 1878 г. нѣсколько недѣль на Граховѣ среди герцеговинцевъ, я часто слышалъ то отъ того, то отъ другого герцеговинскаго главаря повѣсть о русскомъ бригадирѣ и о несчастной для русскихъ битвѣ подъ Клобукомъ *). «Боже мой!» говорилъ мнѣ съ грустью, указывая рукою по направленію къ Клобуку извѣстный герцеговинскій вождь Лука Петковичъ во время поѣздки моей съ нимъ изъ Грахова въ Зубцы (весною 1878 года): «Какъ это возможно? вонъ подъ тою горою погибло сколько русскихъ, а между тѣмъ, эта земля, упитанная русскою кровью, до сихъ

*) Клобукъ — конусобразная гора, находящаяся между Граховомъ и Требиньемъ; на вершинѣ ея находилась турецкая крѣпость, разрушенная герцеговинцами въ 1875 году.

поръ еще въ рукахъ турецкихъ! Боже мой! Это несправедливо!» А у насъ въ Россіи: многіе ли и изъ образованныхъ нашихъ людей знаютъ и помнятъ объ этой русской крови, пролитой на далекомъ славянскомъ юго-западѣ? Многіе ли у насъ знаютъ о томъ, что въ началѣ этого столѣтія тамъ, надъ городами Боки Которской, вѣяло русское знамя, не хищническимъ насиліемъ вторгшееся, но позванное братскою любовью? И такъ, далеко не лишнее повѣдать однимъ и обновить въ памяти другихъ моихъ соотечественниковъ страницу изъ исторіи родной намъ и по крови, и по духу Боки Которской, изложивъ для этого вкратцѣ содержаніе книги г. Ковачича. Непростительно было бы пройти молчаніемъ появленіе этой книги еще и потому, что она можетъ служить вѣскимъ возраженіемъ противъ тѣхъ огульныхъ обвиненій сербской интеллигенціи въ непріязненномъ отношеніи къ Россіи о которыхъ мы выше говорили. Читая «Прилози за повѣсницу Боке Которске», гдѣ историчестое повѣствованіе поминутно прерывается лирическими обращеніями автора къ виновникамъ настоящаго тяжелаго для сербовъ положенія дѣлъ, созданнаго берлинскимъ конгрессомъ, невольно сознаешь, что авторъ не разъ имѣлъ не только поводъ, но и вѣское основаніе обратиться съ горькими упреками къ русской дипломатіи, такъ податливо, вопреки всякой правдѣ и расчету, уступившей нашей вѣроломно сосѣдкѣ, нашему заклятому историческому врагу,—Австріи въ 1814 г. Сербскую Боку, а въ 1878 г.—Боснію и Герцеговину—большую и лучшую часть сербской земли... И что же? Авторъ «Прилоговъ» строго осуждаетъ англійскую политику Биконсфильда по восточному вопросу, съ горечью отзывается о той роли, какую разыграли во всемъ этомъ дѣлѣ Австрія и Венгрія, упрекаетъ даже сербовъ за присущій имъ общеславянскій историческій грѣхъ—рознь-неслогу; но по отношенію къ Россіи и ея политикѣ у автора не срывается ни одного слова укоризны; напротивъ, во многихъ мѣстахъ книги сказывается горячая любовь къ Россіи и вѣра въ нее, вѣра въ торжество славянскаго дѣла, на зло всѣмъ ея недругамъ.

Въ 1797 году пала Венеція. За годъ передъ тѣмъ ступилъ Наполеонъ на венеціанскую землю и потребовалъ, чтобы республика дозволила его войскамъ свободный проходъ черезъ ея владѣнія, какъ она дозволила его передъ тѣмъ Австріи. Сенатъ, боясь обмана со стороны Австріи, но ненавидя въ то же время и французовъ, принялъ рѣшеніе, которое должно было привести республику къ гибели: имѣя 12,000 войска и 20 военныхъ кораблей, онъ рѣшилъ держаться невооруженнаго нейтралитета и тѣмъ отдавалъ себя самъ и Наполеону и Австріи.

Наполеонъ въ Леобенѣ (въ Штиріи) заключилъ съ Франдемъ II миръ и Венеціанская республика была цѣною этого мира. Быстро приходитъ онъ въ Венецію заставляетъ сенатъ измѣнить государственный уставъ; французское войско входитъ въ городъ, который никогда до того времени, за все свое существованіе, не видалъ у себя чужого войска. Манини, послѣдній дожъ венеціанскій, объявляетъ народу съ трепетомъ, что управленіе государствомъ перешло въ руки народнаго (муниципальнаго) вѣча, и что великій совѣтъ прекратилъ свое существованіе: такъ царица Адріатики сдѣлалась достояніемъ французовъ.

Когда въ Боку пришло извѣстіе о судьбѣ Венеціи и о томъ, что Бока, какъ часть республики, переходитъ также во власть французовъ,—все въ ней возмутилось. Перасчане *), проливая слезы, спустили со стѣны венеціанское знамя и закопали его, какъ святыню, подъ алтаремъ своей соборной церкви**); но ни они, ни другіе города—Которъ, Ерцегновый (Castelnuovo) и Будва, гдѣ большинство населенія католическаго закона, боясь окрестнаго православнаго народа, не смѣли замѣнить венеціанскаго знамени французскимъ. Преслѣдованіе православной вѣры подъ владычествомъ католической Венеціи заставляло православныхъ опасаться, чтобы оно не возобновилось и подъ французскимъ правленіемъ, и потому православные хотѣли, чтобы ихъ взяла подъ свое покровительство православная Россія, а католики боялись Россіи, чтобы она не была для нихъ такою же мачехою, какою была Венеція для православныхъ.

Кампоформійскимъ мирнымъ договоромъ Наполеонъ передалъ Боку Австріи. Бокезы снова были этимъ возмущены. Они говорили: «Бока не есть часть Венеціанской республики, добытая оружіемъ; Бока отдалась подъ покровительство Венеціи добровольно и подъ условіемъ, что если республика не въ состояніи будетъ ее защищать, то она не можетъ никому ее ни уступить, ни продать, а должна оставить ее на старой ея волѣ—дѣлать съ собою, что она сама заблагоразсудитъ». Съ такимъ уговоромъ Которъ, въ 1420 г., поступилъ подъ за-

*) Перастъ (Perasto) въ началѣ этого столѣтія былъ цвѣтущимъ городкомъ; но съ развитіемъ пароходства значеніе его пало. Въ настоящее время многія прекрасныя зданія въ немъ стоятъ пустыя; семейства „капетановъ“, прежде богатыхъ владѣльцевъ торговыхъ судовъ, влачатъ нищенское существованіе. Несравненно большее значеніе имѣетъ теперь гор. Рисанъ (Risano), въ разстояніи 40 минутъ отъ Пераста. Рисанъ служитъ рынкомъ для южной Герцеговины, какъ Которъ (Kattaro) для Черногоріи.

**) Перасчане—католики. Громадный и великолѣпный католическій соборъ говоритъ о прежнемъ богатствѣ города. Населеніе Рисна православное.

щиту Венеціанской республики; подъ такимъ же уговоромъ передалась ей мало-по-малу вся Бока. Всякій бокезъ этотъ уговоръ знаетъ, всякій помнитъ его, какъ клятву. Да и нѣтъ между сербами никого, кто бы превосходилъ бокезовъ памятью славныхъ дѣдовскихъ преданій. Не приняла Бока рѣшеній кампоформійскаго мира, присудившаго ее Австріи, не приняла потому, что этимъ нарушалось достоинство Боки, что съ нею поступили, какъ съ какою-либо завоеванною землею, что рѣшеніе состоялось безъ ея вѣдома и согласія. Кому-нибудь, говоритъ г. Ковачичъ, можетъ показаться смѣшнымъ, что малая Бока вздумала силою разрушить то, что установилъ кампоформійскій миръ. Но вѣдь и въ наши дни, когда грянулъ изъ доблестнаго Невесинья первый сербскій выстрѣлъ, святой вѣстникъ великаго возстанія, звавшій братьевъ сбросить съ себя оковы рабства, — враги сербства насмѣхались! А къ чему это привело?—Къ чудесному приходу славнаго русскаго воинства подъ самый Царьградъ на трепетъ всей Европы; къ униженію и османлійскаго господства въ Европѣ и его пріятелей; къ признанію независимости сербскихъ княжествъ; къ освобожденію нашихъ братьевъ-болгаръ и ко многому еще, что служитъ на корысть и славу Сербства и Славянства.

Горы и море могущественнѣе вліяютъ на нравъ народа, нежели какая-либо другая природная обстановка. Три свойства всегда бываютъ отличительными признаками жителей горъ и поморья: воспріимчивость, любовь къ свободѣ и любовь къ отважнымъ похожденіямъ. Бокезы въ одно и то же время и горцы, и моряки, и они въ полнотѣ обладаютъ тремя упомянутыми свойствами. Но природная красота Боки, лѣтней резиденціи славнаго царя сербскаго Душана Сильнаго, превосходитъ, говорятъ знающіе судьи, всю искусственную красоту Неаполя и Босфора. Стройное сочетаніе необыкновенно разнообразныхъ величественныхъ красотъ природы должно смягчающимъ образомъ дѣйствовать на нравы бокезовъ. Ко всему этому присоединяется и то, что бокезъ ходитъ по всему свѣту; путь Магеллана, Кука и другихъ кругосвѣтныхъ путешественниковъ извѣстенъ ему такъ же хорошо, какъ путь отъ Ерцегноваго, града сербскаго краля Стефана Твртка, до Рисна, вѣрнаго хранителя сербскихъ преданій, или до Котора, столь милаго царю Душану, или до Грбля, откуда, говорятъ, былъ родомъ сербскій царь Лазарь, славно погибшій на полѣ Косовѣ, или до Пастровичей, гдѣ родился Стефанъ Штиляновичъ, святой деспотъ сербскій. И, дѣйствительно, вмѣстѣ съ отвагою и предпріимчивостью бокезы соединяютъ и разсудительность.

Собрались красивые сыны красивой Боки, собрались гла-

вари бокезскіе, чтобы договориться, что имъ дѣлать, какъ положить конецъ смутѣ. Православный священникъ шепчетъ: «позовемъ Россію»! Латинскій—«покоримся Австріи»! Не могутъ никакъ согласиться.

Но нѣтъ-ли по близости кого-нибудь, чей совѣтъ могъ бы ихъ согласить и примирить, кого они послушались бы съ полною охотою?

Надъ глубью синяго моря гордо подымается гора Ловченъ; словно царь-гора возвышается она надъ другими высями и вершинами. По Ловчену лежитъ Бока Которская, по Ловчену и Черная Гора; Ловченъ—черногорскій, Ловченъ—и бокезскій; скалы черногорскія—бокезскія скалы; бокезы живутъ по дну, черногорцы по верху. Черная Гора и Бока Которская физически, территоріально (какъ страна, какъ мѣстность) — одно.

Черногорецъ — сербъ и бокезъ — сербъ; оба говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ—сербскимъ. У обоихъ одна и та же старина. Про многихъ бокезовъ, про всѣхъ доброчанъ (Доброта—селеніе или городокъ, протянувшійся къ сѣверу, какъ продолженіе Котора) скажешь, что это сами черногорцы спустились сюда со своихъ горъ; многія черногорскія и бокезскія семьи славятъ однѣ и тѣ же крестныя имена; одежда доброй части Боки — одежда черногорская: Бока Которская и Черная Гора и этнографически (какъ народъ, какъ племя) — одно.

Долгое время Бока и въ политическомъ, государственномъ отношеніи составляла съ остальнымъ сербствомъ одно тѣло; была подъ тѣмъ же правительствомъ, подъ которымъ и черногорцы: долгое время одна, большая, часть Боки была частью Зеты (Черногорья), сербской воеводины, славной матери славныхъ Неманичей, сербскихъ королей и царей, также, какъ другая, меньшая, часть Боки, земли рисанская и ерцегновская, были частью Захолмья (Герцеговины), также воеводства сербской державы.

Но умеръ сербскій царь Душанъ, бывшій уже на пути въ Царьградъ, готовый смѣнить своимъ молодымъ сербствомъ гнилыхъ его обладателей, неспособныхъ отстоять входъ въ Европу отъ ломившихся въ него дикихъ турецкихъ ордъ. По смерти славнаго Душана произошла обычная въ жизни славянъ исторія, о которой хорошо сказано въ «Горскомъ Вѣнцѣ», лучшемъ твореніи одного изъ славнѣйшихъ сербскихъ поэтовъ, черногорскаго владыки Петра II-го.

Приводимъ относящееся сюда мѣсто изъ «Горскаго Вѣнца» въ переводѣ г. Гербеля:

Знатные—будь они прокляты Богомъ!—
Сербское царство разъяли на части,—
Сербскую силу пустили на вѣтеръ;
Знатные—самый ихъ слѣдъ да исчезнетъ!—
Въ царствѣ посѣяли сѣмя раздора
И отравили имъ Сербское племя;
Знатные—подлыя, злыя кукушки!—
Продали насъ, измѣнили народу...
Богъ ополчился на Сербское племя:
Въ царство вползла семиглавая гидра—
Сербскую землю на части разъяла».

Измѣна народному дѣлу и усобицы знати повели къ паденію сербской свободы и къ господству надъ сербскими краями иноземцевъ.

Свобода, равенство и честь,—говоритъ по поводу этихъ воспоминаній г. Ковачичъ, — одно и то же: гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ и свободы, нѣтъ и чести, ибо гдѣ нѣтъ братской любви, гдѣ братъ своего честнаго брата не признаетъ себѣ равнымъ, потому только, что случайно доставшіяся имъ имущества не равны, тамъ—только иноземецъ можетъ пожинать себѣ обильные плоды. «Кто не признаетъ брата за брата, тотъ признаетъ иностранца за государя»; въ братской нелюбови, въ проклятой розни лежитъ печальная причина и горькаго косовскаго событія.

По той же причинѣ и Бока Которская, оторванная отъ другихъ сербскихъ земель, чтобы отстоять себя отъ турокъ, признала надъ собою венеціанское господство; но въ части Боки, принадлежавшей нѣкогда Зетѣ, владыки черногорскіе,— также какъ въ той ея части, которая принадлежала прежде Захолмью, владыки захолмскіе—не перестаютъ управлять церковью и напоминать бокезамъ о прежнемъ сербскомъ единствѣ. Черногорцы били турокъ, и бокезы били турокъ; тѣ и другіе—то за себя, то—за Венецію. Черногорцу не доставало пороха,—бокезъ ему его доставлялъ, о чемъ свидѣтельствуютъ красныя пѣсни «Сербскаго Зеркала» («Огледала Сербског»), сборника, изданнаго владыкою черногорскимъ Петромъ II въ Бѣлградѣ въ 1845 г. и, сказать кстати, посвященнаго имъ памяти великаго нашего поэта А. С. Пушкина. Когда бокезу приходилось плохо, черногорецъ въ свою очередь всегда братски приспѣвалъ къ нему на помощь; бокезы и черногорцы дѣлили счастіе и несчастіе, такъ что никто не сказалъ бы, что они политически раздѣлены, что Черною горой владѣетъ черногорецъ, а Бокою — чужеземецъ, венеціанецъ. Эта связь продолжалась до самого паденія Венеціанской республики.

И вотъ теперь, когда бокезскимъ главарямъ нуженъ былъ

дѣльный совѣтъ, который бы ихъ соединилъ, умирилъ и вывелъ на правый путь,—гдѣ было прежде всего искать имъ совѣта, какъ не въ Черной горѣ, съ которою все ихъ прошлое такъ тѣсно ихъ вязало?

Владыкою черногорскимъ былъ въ то время человѣкъ высокаго ума и дивной красоты, благодушный и дѣльный, любезный и остроумный, искренній и осмотрительный; первосвященникъ и полководецъ, владыка и князь, воевода и дипломатъ: таковъ былъ святой Петръ I Петровичъ Нѣгушъ. Онъ сидѣлъ тогда на Цетиньѣ, и бокезскіе главари отправили къ нему пословъ просить у него совѣта. «Что, братья бокезы? соколы мои!» спросилъ владыка посланниковъ съ обычною своею любезною веселостью. «Знаешь, святой владыка», отвѣтилъ глава посольства, «знаешь лучше, нежели мы, что приключилось съ республикою и что угрожаетъ намъ; и такъ посовѣтуй, ради истиннаго Бога, что намъ дѣлать!».

Мудрый владыка посовѣтовалъ имъ установить у себя временное правительство, пока выяснится, насколько прочны рѣшенія кампоформійскаго мира; а послѣ, когда они увидятъ, что иначе быть не можетъ, — признать власть царя римскаго (австрійскаго) на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они признавали надъ собою господство Венеціи.

Бокезы единодушно приняли предложеніе владыки, а будвляне просили его сойти къ нимъ въ Будву и устроить у нихъ присовѣтованное имъ правительство. Порядокъ, введенный владыкою въ Будвѣ, описываетъ современникъ, латинскій каноникъ этого города, докторъ Антонъ Койовичъ.

«На другой день», пишетъ докторъ Койовичъ, «тотчасъ по прибытіи своемъ въ Будву, владыка поставилъ гражданское управленіе которое было названо *булюкъ*; оно заботилось о безопасности города и отправляло правосудіе какъ въ городѣ, такъ и у Пастровичанъ и еще въ трехъ общинахъ: Маинахъ, Поборахъ и Браичахъ; владыка обѣщалъ намъ, что жизнь и имущество наши будутъ охранены,—такъ оно и было, поэтому Будва и называетъ его «спасителемъ, защитникомъ и единымъ судіей».

На сколько мудръ и остороженъ былъ владыка въ отношеніи къ бокезамъ-католикамъ, показываетъ слѣдующая замѣтка Койовича.

«Когда Будва была во власти владыки черногорскаго Петра Петровича, обратились къ нему православные съ просьбою дозволить имъ построить въ ней церковь. Владыка посовѣтовалъ имъ повременить этимъ дѣломъ, и они послушались его; впослѣдствіи же, когда городъ перешелъ во власть цесареву, они привели въ исполненіе свое желаніе».

Увѣренность, что православный владыка не станетъ ихъ тѣснить, заставляла и католическое населеніе Боки оставаться вѣрнымъ черногорскому владыкѣ, а впослѣдствіи и русскимъ властямъ.

Въ августѣ 1797 г. австрійцы заняли Боку.

Въ октябрѣ появился подъ Дубровникомъ французскій флотъ, и начальникъ его Бріе (Brueys) предложилъ австрійцамъ выйти изъ Боки, иначе грозилъ имъ придти и выгнать ихъ. Начальникъ австрійскій Турнъ, не зная, что дѣлать, обратился къ черногорскому владыкѣ-князю съ просьбою—стать со своими храбрыми черногорцами на защиту интересовъ дружественной Австріи. И черногорскій владыка-князь помогъ Австріи.

Побѣды Наполеона принудили Австрію, въ 1805 г. по Пресбургскому мирному договору, уступить французамъ Далмацію съ Бокою, и австрійскій намѣстникъ баронъ Кавалькабо объявилъ бокезамъ объ этой уступкѣ. Въ то время въ Корфу находился русскій вице-адмиралъ Сенявинъ, оберегавшій отъ французовъ Іоническіе острова. Бокезы, старые моряки, видя, что Сенявину, вице-адмиралу братской Россіи, угрожала опасность въ случаѣ, если-бы французы заняли Боку, послали снова на Цетинье къ черногорскому владыкѣ-князю за совѣтомъ и обѣщались—не пускать французовъ въ Боку, если онъ одобритъ ихъ рѣшеніе и если придутъ къ нимъ на помощь братья-черногорцы и корабли братской имъ Россіи.

При владыкѣ былъ въ то время представителемъ Россіи статскій совѣтникъ Санковскій. Онъ уважилъ предложеніе бокезскаго сербства, и Сенявину было предложено придти въ Боку; владыка же созвалъ великую народную скупщину и объявилъ своимъ соколамъ-черногорцамъ, что нужно спѣшить на помощь Бокѣ, особенно, если они хотятъ воевать за славное русское знамя. Радостно отозвались смѣлые черногорцы на зовъ владыки, сошли съ нимъ въ Боку, и владыка черногорскій—владыка-князь—предводительствуетъ черногорцами и бокезами.

Городъ Ерцегновый стоитъ у воротъ Боки Которской. Знаетъ владыка, искусный стратегъ, важность его положенія.

Владыка берегомъ, а русскіе корабли моремъ подошли въ февралѣ 1806 г. и стали подъ Новымъ, и австрійскій намѣстникъ маркизъ Гизеліери передалъ имъ городъ. Русскій военачальникъ не захотѣлъ принять ключи Ерцегноваго изъ рукъ Гизеліери, но потребовалъ, чтобы онъ передалъ ихъ мѣстнымъ народнымъ главарямъ, а они уже передали ихъ ему. Этого же правила держались русскіе и по другимъ бокезскимъ городамъ: докторъ Койовичъ пишетъ, что такъ они поступили и въ Будвѣ.

На другой день черногорскій владыка-князь, черногорскій губернаторъ Радоничъ *), Санковскій и риснянинъ графъ Марко Ивеличъ отправились съ командиромъ русскихъ кораблей къ Саввину монастырю, и тутъ владыка благословилъ знамена, которыя должны были развѣваться на бокезскихъ городахъ. Вручая ихъ бокезскимъ главарямъ, святитель сказалъ: «Исполнилось ваше желаніе, храбрые славяне! Вотъ вы видите съ собою рядомъ давно ожидаемыхъ—по роду, по вѣрѣ, по храбрости и славѣ братьевъ вашихъ. Мощный царь русскій принимаетъ васъ въ число своихъ дѣтей. О, да будетъ благословенъ промыслъ Господень! Да будетъ всегда у васъ въ памяти этотъ радостный и счастливый день! Но прежде, нежели я передамъ вамъ эти освященныя знамена, нужно, чтобы вы положили клятву, что вы будете защищать ихъ до послѣднихъ силъ».

Прошло нѣсколько дней—и вотъ пришло извѣстіе, что дубровницкій сенатъ рѣшилъ пропустить французовъ черезъ свои владѣнія къ Бокѣ. Владыка тотчасъ послалъ отрядъ своихъ людей на границу Дубровницкой республики, чтобы принудить сенатъ держаться нейтралитета.

Сенявинъ, узнавъ о положеніи дѣлъ въ Бокѣ, прибылъ туда, и Которъ радостно его встрѣтилъ.

Устроивъ дѣла въ Бокѣ, Сенявинъ пошелъ гнать французовъ изъ Далмаціи. Тутъ онъ былъ позванъ и свернулъ 6 мая въ Дубровникъ, гдѣ заключилъ съ сенатомъ такой уговоръ: «Какъ только будетъ получено извѣстіе, что французское войско ступило на землю республики, городъ Дубровникъ принимаетъ къ себѣ русскій отрядъ, а правительство вооружаетъ гражданъ, чтобы они за-одно съ русскимъ войскомъ воевали противъ французовъ». Но, когда въ Дубровникѣ услышали, сколько французскаго войска пришло въ Далмацію, то нѣкоторые сенаторы настояли на нарушеніи договора и тѣмъ на государство свое навлекли вѣчную гибель.

Узнавъ о поступкѣ дубровничанъ и что французское войско по ихъ землѣ близится къ Бокѣ, владыка пошелъ со своими черногорцами, бокезами и герцеговинцами ему на встрѣчу. Сенявинъ былъ въ то время въ Тріестѣ; услышавъ тамъ объ

*) Во времена управленія Черногоріей владыками, высшая гражданская власть въ странѣ принадлежала губернатору. Первый губернаторъ Вукота Озриничъ назначенъ былъ въ 1718 г. владыкою Даніиломъ. Озриничъ продалъ губернаторство Стану Радоничу, и съ тѣхъ поръ губернаторы постоянно назначались изъ фамиліи Радоничей. Радоничи зачастую дружили съ Венеціей, а послѣ съ Австріей, пока владыка Петръ II въ 1831 г. выгналъ губернатора Вука Радонича съ его семействомъ изъ Черногоріи и уничтожилъ губернаторство.

измѣнѣ дубровичанъ, онъ немедленно прилетѣлъ въ Боку, а оттуда на корабляхъ подошелъ подъ Дубровникъ, а съ суши стоялъ уже надъ нимъ владыка—и такимъ образомъ они заперли французовъ въ городѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ самое то время, когда, казалось, Дубровникъ со своими французами долженъ уже былъ сдаться, пришло приказаніе отъ русскаго царя Александра передать Боку австрійцамъ, а послѣдніе должны были передать ее французамъ: таково было желаніе Австріи, и Александръ хотѣлъ сдѣлать угодное австрійскому императору. Это распоряженіе до того смутило бокезовъ, что большая ихъ часть тотчасъ же удалилась съ мѣста военныхъ дѣйствій, и это было причиною, что и Сенявинъ съ владыкою сняли осаду Дубровника и также вернулись въ Боку.

Бокезы просили дозволить имъ послать русскому царю просьбу не отдавать ихъ французамъ.

26 августа получено отъ русскаго царя приказаніе: возобновить военныя дѣйствія противъ французовъ.

Французы, между тѣмъ, уже близко подошли къ Бокѣ.

2 сентября ударилъ графъ Дьжоржо (Георгій) Войновичъ изъ Ерцегноваго, съ Вукомъ Джюровымъ Радоничемъ, Нѣгушемъ, на французовъ и сильно ихъ оттѣснилъ.

16 сентября графъ Савва Ивеличъ, со своими риснянами, взялъ приступомъ Вучье Ждріело (Волчье Жерло) и принудилъ непріятелей отступить въ Цавтатъ (старая гавань Дубровника), гдѣ находился и новоприбывшій ихъ вождь, генералъ Мармонъ (Marmont). На другой день русскіе, черногорцы и бокезы были уже у Цавцата.

Войско мармоново оттѣснило противниковъ до бокезской границы. Владыка и русскій генералъ Попандопуло стали на границѣ (на Мойдежѣ и въ Мокринахъ), чтобы не пускать непріятеля къ Рисну.

Около Ерцегноваго французы принуждены были остановиться, какъ стояли черногорцы и бокезы подъ Дубровникомъ. Мармонъ убѣдился тутъ въ лютой храбрости противниковъ, которые легко могли его окружить, и вынужденъ былъ отступить.

Вѣсть, что Наполеонъ навалилъ на Пруссію, съ которою Россія заключила союзъ, заставила Сенявина, Мармона, владыку, его черногорцевъ и бокезовъ пріостановить дальнѣйшія военныя дѣйствія, въ ожиданіи, что событія на сѣверѣ рѣшатъ судьбу юга.

Французы 2 сентября 1806 г. смяли Пруссію, и Наполеонъ, упоенный славою, кинулся на ея союзницу, Россію, и

побѣдою при Фридландѣ (2 іюня 1807 г.) принудилъ Александра заключить Тильзитскій миръ. По этому миру (25 іюня) обязался Александръ передать Боку французамъ. Вслѣдствіе этого Лористонъ 29 іюля 1807 года принялъ Ерцегновый, а 31—другіе бокезскіе города.

Бокезы около городовъ никакъ не могли примириться съ французскимъ господствомъ. Черногорцы имъ помогали. Это разсердило Наполеона, и осенью 1808 г. онъ отнялъ у черногорскаго владыки духовную власть надъ Бокою и передалъ ее православной епископіи далматинской.

Въ концѣ 1810 г. Тильзитскій миръ былъ порванъ. 1811 годъ прошелъ въ переговорахъ и приготовленіяхъ къ войнѣ. Въ началѣ 1812 г. стало извѣстно, что Наполеонъ пойдетъ на Россію. Въ то время подъ Висомъ находилось нѣсколько англійскихъ кораблей. Французскій комендантъ Котора Готье (Gauthier), слыша, что англичане, какъ только Наполеонъ ступитъ на русскую землю, позовутъ черногорцевъ противъ французовъ въ Боку, писалъ владыкѣ, чтобы онъ не вѣрилъ англичанамъ, такъ какъ «они вѣроломны».

Дѣйствительно, когда Наполеонъ углубился въ Россію, англійскій полковникъ Донезъ отправился на Цетинье и совѣтовалъ владыкѣ сойти въ Боку и освободить ее отъ французовъ. Владыка обѣщался сойти въ Боку, если увѣрится, что англичане дѣйствуютъ за-одно съ русскими, и, увѣрившись, дѣйствительно сошелъ и мало по малу, съ помощью англичанъ, опять овладѣлъ Бокою. Это было уже въ сентябрѣ и октябрѣ 1813 г.

Французы держались еще только въ Которѣ. Владыка созвалъ бокезскихъ главарей, чтобы установить правительство, и тутъ пришли къ мысли, что Черная гора и Бока на будущее время должны составлять одну землю и дѣлить одну судьбу, къ чему и обязались письменно 29 октября 1813 г. Договоръ этотъ гласитъ:

«Двѣ смежныя земли, Черная гора и Бока, клянутся взаимно Господомъ Богомъ, что одна другой будутъ вѣрны, и всегда, во всякомъ случаѣ и при всякихъ обстоятельствахъ останутся соединенными въ одно».

Затѣмъ владыка устроилъ временное правительство для обѣихъ земель, которое назвалъ «Центральною Коммиссіей»; коммиссія эта состояла изъ девяти представителей (депутатовъ) бокезскихъ общинъ и девяти представителей Черной горы и Бердъ; предсѣдателемъ былъ владыка.

Затѣмъ владыка подробно извѣстилъ обо всемъ Русскій Дворъ, отправивъ посломъ туда Савву Пламенца, ко-

торый должень быль устно пояснить, чего не досказало бы письмо.

Около половины декабря пришло въ Боку извѣстіе, что къ ней приближается австрійское войско, съ цѣлью ее занять. Узнавъ о томъ, владыка написалъ два письма: одно генералу барону Томашичу, назначенному на должность далматинскаго намѣстника, а другое генералу Милутиновичу, начальствовавшему надъ войскомъ, прося ихъ не входить въ Боку, пока не придетъ къ нему отвѣтъ на письмо, отправленное имъ русскому царю и союзнымъ дворамъ.

Въ то время пришелъ англійскій капитанъ Хосте и помогъ владыкѣ взять и Которъ. Генералъ Готье передалъ ключи города Котора 27 декабря черногорскому губернатору Радоничу и бокезу Винценцу Ловренчевичу. Спустя три дня, англичане совершенно оставили Боку владыкѣ. Съ этого времени черногорскій владыка-князь былъ государемъ всей Боки, Черной горы и Бердъ. Но господство его надъ Бокою продолжалось недолго (съ 31 декабря 1813 г. до 27 мая 1814 г.).

Въ маѣ 1814 г. пришло генералу Милутиновичу изъ Вѣны приказаніе занять Боку и онъ на 27 занялъ Ерцегновый, а 2 іюня вошелъ въ Которъ

Это совершилось по договору въ Парижѣ царя русскаго съ австрійскимъ. Царь русскій написалъ изъ Парижа владыкѣ, чтобы онъ передалъ Боку Австріи, обѣщая въ письмѣ, что всѣ старыя права бокезовъ будутъ имъ вполнѣ сохранены.

Царь русскій пишетъ—черногорецъ и бокезъ слушаются. Такимъ способомъ Бока Которская была оторвана отъ Черной горы и передана коронѣ Габсбурга.

Пересказанная нами повѣсть о событіяхъ въ Бокѣ Которской съ 1797—1814 гг. составляетъ содержаніе перваго выпуска книжки г. Ковачича. Историческій разсказъ, какъ было уже упомянуто, часто прерывается лирическими обращеніями автора къ настоящему, тяжелому для сербовъ и остального славянства положенію вещей, созданному берлинскимъ договоромъ. Слѣдуетъ также упомянуть, что прозаическій разсказъ перемѣшанъ въ книжкѣ съ отрывками произведеній лучшихъ сербскихъ поэтовъ: владыки Петра II, Бранка Радичевича, Медо Пуцича, Сундечича и др., и съ отрывками народныхъ эпическихъ сербскихъ пѣсенъ. Въ концѣ же перваго выпуска напечатано четыре небольшихъ историческихъ документа, принадлежащихъ монастырю «Градище», въ Пастровичахъ. Первые два—письма черногорскихъ владыкъ Даніила

(писано 24 мая 1700 г.) и Саввы (7 января 1752 г.); оба они касаются духовнаго управленія паствою. Остальные же два принадлежатъ русскому управленію Бокою Которскою и имѣютъ прямое отношеніе въ пересказанныхъ событіямъ, а потому считаемъ не лишнимъ привести ихъ въ переводѣ съ сербскаго на русскій.

Письмо статскаго совѣтника Санковскаго, русскаго представителя при Черногорскомъ Дворѣ и въ Бокѣ Которской.

«Препочтенной общинѣ Пастровской!

«Съ сожалѣніемъ объявляю вашему господству, что нѣкоторые изъ вашей общины не пришли защищать знамя нашего славнаго императора и свое отечество. Согласно ли съ достоинствомъ вашей общины оставить императорское знамя и господина митрополита однихъ предъ лицомъ непріятеля? Одно знамя и одинъ митрополитъ не могутъ воевать! Итакъ, немедленно прикажите всѣмъ тѣмъ, которые нарушили Божію и царскую заповѣдь, идти тотчасъ же гнать нашего общаго непріятеля, и чтобы это мое распоряженіе было исполнено безотговорочно!

«Изъ Новаго, 25 мая 1806 г.

«Степанъ Санковскій».

А вотъ и другой документъ, написанный въ исполненіе распоряженія Санковскаго.

Письмо русскаго маіора Милетича, начальника города Будвы и окрестныхъ мѣстъ.

«Господамъ главарямъ пастровскимъ мой любезный поклонъ!

«Прочитайте хорошенько это письмо. Очень мнѣ непріятно видѣть этотъ упрекъ, такъ какъ я васъ все хвалю. Пастровичи всегда честно отзывалися черногорскому владыкѣ; а какъ вы радовались, когда должно было придти и когда дѣйствительно пришло русское знамя! Итакъ, вы его радостно дождались, а теперь и владыка, и знамя идутъ безъ васъ. Гдѣ сербская кровь, гдѣ ваше старое достоинство? Или пастровичане не то же, что и черногорцы, и остальные братья изъ Боки? Когда до этого времени пастровичане отставали отъ братьевъ? Встаньте, господа, и поспѣшите исполнить то, что вамъ здѣсь приказывается, тотчасъ!

«Начальникъ Будвы Милетичъ».

Этимъ письмомъ и заканчивается первый выпускъ книжки Ковачича.

Содержаніе второго выпуска «Прилоговъ» составляютъ «Билешке», т. е. записки «Каноника д-ра Койовича Будвлянина».

Рукопись этихъ записокъ, какъ объясняетъ г. Ковачичъ въ введеніи ко второму выпуску, въ настоящее время хранится въ Загребскомъ музеѣ. Въ музей она попала уже перебывавъ у многихъ хозяевъ, которые не особенно бережно съ нею обращались, такъ какъ она имѣетъ сильно истрепанный и оборванный видъ: гдѣ недостаетъ полулиста, гдѣ цѣлаго листа.

Кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыхъ не достаетъ въ рукописи, или которыхъ въ ней нельзя разобрать, въ печатномъ ея изданіи опущены еще многія мѣста, не представляющія, по словамъ издателя, никакого интереса. Напечатанныя же мѣста рукописи представляютъ большой интересъ, какъ разсказъ очевидца событій и притомъ не простого наблюдателя, а лица, принимавшаго самое близкое и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ своего родного города. Изъ содержанія записокъ г. Койовича мы узнаемъ, что самъ онъ былъ родомъ будвлянинъ, воспитывался въ Лоретской школѣ, гдѣ получилъ званіе доктора; по окончаніи курса наукъ, возвратившись въ свой родной городъ Будву, былъ тотчасъ же сдѣланъ священникомъ (католическимъ), а вскорѣ и каноникомъ. Рукопись свою Койовичъ писалъ въ Будвѣ, во время господства французовъ, въ 1808—1810 гг. Рукопись написана и отпечатана въ изданіи г. Ковачича на итальянскомъ языкѣ. Въ печатномъ видѣ рукопись состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Будва подъ властью черногорскою въ 1797 г.; 2) Будва подъ властью австрійскою въ 1797—1806 гг.; 3) Будва подъ властью русскою 1806—1807 г., 4) Будва подъ властью французовъ въ 1807—1808 гг.; слѣдующія три главы представляютъ данныя для церковной исторіи того края, такъ: въ пятой главѣ говорится о православной церкви Святой Троицы въ Будвѣ, въ 6) о церковкѣ Св. Саввы, тамъ же, и въ 7) о католической парохіи города Будвы; наконецъ, 8-я глава записокъ разсказываетъ о походѣ Махмуда-паши черезъ Пастровичи въ 1785 г. и о кулѣ (замкѣ) Бошковича на границѣ Боки и лютой Албаніи.

Для насъ, русскихъ, особенно любопытенъ отзывъ Койовича, католика и притомъ духовнаго лица, о русскомъ управленіи Бокою. Вотъ подлинныя его слова:

«Чего никто изъ насъ не ожидалъ—русскіе вели себя въ

высшей степени похвально. Хотѣли быть друзьями всякому. Никому никогда ничего худого не сдѣлали. Чиновники были любезны, воины учтивы, очень снисходительны и нисколько не суровы. Что касается вѣры, то намъ при нихъ было такъ же свободно, какъ и подъ венеціанскимъ, черногорскимъ и австрійскимъ правительствомъ. Однимъ словомъ, если-бы кто-нибудь вздумалъ сказать что-либо худое о русскихъ, по крайней мѣрѣ о тѣхъ, которые были въ Будвѣ, то на того слѣдовало бы смотрѣть, какъ на злого человѣка».

— «Какъ эта замѣтка покажется черной душѣ непріятелей славныхъ нашихъ братьевъ-русскихъ?»—такими словами заканчиваетъ г. Ристо Ковачичъ введеніе во второмъ выпускѣ своего труда.

Справедливость требуетъ указать на одинъ крупный недостатокъ въ книжкѣ г. Ковачича. Въ пересказѣ событій 1797—1814 гг. ни словомъ не упоминаетъ онъ о герцеговинцахъ; между тѣмъ участіе ихъ въ борьбѣ черногорцевъ и русскихъ съ ихъ непріятелями несомнѣнно. Борьба происходила или на ихъ границѣ, или на самой ихъ землѣ: могли-ли герцеговинцы оставаться безучастными ея зрителями? Достаточно знать характеръ этого народа, чтобы съ полною увѣренностью отвѣтить отрицательно на поставленный нами вопросъ. Но есть и положительныя свидѣтельства участія герцеговинцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ запискахъ маршала Мармона (Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse, de 1792 à 1841, impimés sur le manuscrit original de l'auteur. Paris. 1857. Tomes I—IX. Смотр. т. I и II книги 9 и 10) неоднократно говорится о враждебныхъ противъ него дѣйствіяхъ герцеговинцевъ, особенно изъ требиньскаго пашалыка. Въ отличіе отъ бокезовъ и черногорцевъ, Мармонъ называетъ герцеговинцевъ «православными турецкими подданными» (grecs, sujets turcs). Эти православные турецкіе подданные, не смотря на дружественныя отношенія, установившіяся у Мармона съ турецкими властями въ Босніи и Герцеговинѣ: боснійскимъ визиремъ, мостарскимъ Агою-Хаджи-Беемъ и требиньскимъ пашой, — причиняли не мало ему хлопотъ. Они постоянно угрожали сообщеніямъ, отрѣзывали воду, портили водопроводы и не давали французамъ покоя въ самой Рагузѣ, разоряя предмѣстья этого города. Во время пріостановки Сенявинымъ военныхъ дѣйствій (вслѣдствіе подписанія русскимъ дипломатомъ Убри 8 (20) іюня въ Парижѣ предварительныхъ мирныхъ условій, отвергнутыхъ потомъ русскимъ правительствомъ) герцеговинцы и бокезы не переставали нападать на французскіе аванпосты. Мармонъ по этому поводу неодно-

кратно обращался съ жалобами къ требиньскому пашѣ; но тотъ отвѣчалъ, что предоставляетъ ему самому отомстить бунтовщикамъ. При возобновленіи военныхъ дѣйствій въ войскѣ Сенявина, по свидѣтельству Мармона, было 2,000 герцеговинцевъ. Оттѣснивъ Сенявина къ Кастельново, Мармонъ, въ наказаніе герцеговинцевъ и бокезовъ, приказалъ выжечь многія ихъ деревни и окрестности Ерцегноваго; но затѣмъ нападенія герцеговинцевъ въ тылу и опасенія быть отрѣзаннымъ, не дали ему воспользоваться побѣдою и заставили во второй половинѣ сентября отступить снова въ укрѣпленный лагерь при Старой Рагузѣ *).

Въ 1807 г. русскіе **) вмѣстѣ съ черногорцами осадили турецкую крѣпость Клобукъ и по незнакомству съ мѣстностью или по оплошности попали въ бѣду. Требинскій паша съ 2,000 турокъ и посланный Мармономъ генералъ Лоне (Lonay) съ отрядомъ французовъ въ 1,000 челов. окружили русскихъ, и мѣстность подъ Клобукомъ съ той поры до настоящаго времени зовется «Русскою могилою». Народное преданіе въ Герцеговинѣ говоритъ, что никто изъ русскихъ тогда не спасся бы, если-бы часть ихъ не была выручена герцеговинцами.

Еще и теперь можно найти въ Герцеговинѣ стариковъ, видавшихъ въ дѣтствѣ на своей землѣ русское войско, и есть между ними люди, ближайшіе родственники которыхъ—отцы, дяди—погибли въ то время въ битвахъ или потомъ—на висѣлицахъ за помощь, оказанную русскимъ. Нашъ долгъ—память этихъ мучениковъ почтить добрымъ словомъ!..

Въ заключеніе приведемъ еще одну выписку изъ книжки Ковачича.

Въ предисловіи къ первой части книги онъ, между прочимъ, приводитъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія итальянца Максима Д'Азеліо — «Мои воспоминанія» (D'Azeglio «J miei ricordi»), которое пользуется большимъ уваженіемъ въ Италіи. «Я считаю героями только тѣхъ», говоритъ Азеліо, «которые жертвуютъ собою для другихъ, а никакъ не тѣхъ, которые жертвуютъ другими для себя». «Италія», продолжаетъ онъ, «долгое время борется, чтобы объединиться и получить значеніе въ ряду другихъ народовъ. Въ борьбѣ съ внѣшнимъ

*) См. Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse кн. 9 и 10, т. I и II, а также Богдановича М. Исторія царствов. импер. Александра I и Россіи въ его время Спб. 1869—71 г. т. II стр. 131—135.

**) По свидѣтельству Мармона—ихъ было 400 челов. и съ ними 3,000 черногорцевъ

врагомъ она была очень счастлива, но не въ этомъ самое трудное дѣло. Самое тяжелое, надъ чѣмъ италіанцы до настоящаго времени трудились, это—помолодить Италію, да и самимъ перестать быть старыми италіанцами съ ихъ старыми недостатками, которые заботились только о томъ, чтобы преобразовать Италію, а ни одинъ никогда не думалъ о томъ, что прежде нужно преобразовать самого себя. Первая необходимость для Италіи, это—чтобы ея италіанцы сдѣлались людьми высокаго и сильнаго характера».

Какъ образецъ такого характера, Азеліо приводитъ своего отца:

«Моего отца считали однимъ изъ лучшихъ воиновъ нашего войска и человѣкомъ, котораго ничто на свѣтѣ не могло заставить измѣнить своимъ правиламъ, а въ то же время человѣкомъ неизмѣримо добраго сердца, который жизни бы своей не пощадилъ, чтобы только избавить свое семейство отъ какой-либо печали; но который въ то же время далъ бы его переколоть на своихъ глазахъ прежде, нежели измѣнилъ бы долгу и чести».

«Мать моя», говоритъ Азеліо, «получила извѣстіе, что мужъ ея честно погибъ, сражаясь въ первыхъ рядахъ. Распечатываемъ завѣщаніе, написанное имъ передъ отправленіемъ на войну, и одно изъ правилъ его говоритъ: «Если погибну въ битвѣ, прошу жену мою: пусть она не одѣвается въ черное, согласно существующему обычаю, напротивъ,—пусть одѣнется въ самое свѣтлое платье: такъ какъ, поплакавъ по мнѣ и осиливъ свое горе, будетъ она смотрѣть потомъ и на себя, и на меня, какъ на счастливѣйшихъ людей, ибо я могъ положить жизнь свою за отечество и за нашъ народъ».

Тысячу разъ правъ Азеліо! Высокіе и сильные характеры—первая и самая великая необходимость для всякаго народа и для всякаго государства.

При недостаткѣ такихъ характеровъ наиболѣе обширныя и обильныя всѣми естественными благами государства оказываются дряблыми и слабыми при всякомъ столкновеніи съ внѣшними врагами или внутреннимъ зломъ.

Если выработка въ себѣ подобнаго характера должна составлять одну изъ главнѣйшихъ задачъ жизни каждаго человѣка и гражданина, то тѣмъ необходимѣе такіе характеры въ кругу людей, стоящихъ по праву или по положенію во главѣ народа и болѣе или менѣе заправляющихъ его жизнью. А между тѣмъ, при извѣстныхъ исторически слагающихся обстановкахъ государственной и общественной жизни, встрѣчается иногда такое явленіе, что, чѣмъ выше наблюдатель подымается

по ступенямъ общественной и политической лѣстницы, тѣмъ меньше встрѣчается ему людей съ высокими и сильными характерами. И это—великое несчастіе и для государства и для народа: потому что даже обиліе великихъ и сильныхъ характеровъ въ толщѣ народной не всегда можетъ уравновѣсить отсутствіе ихъ въ кругахъ правящихъ и руководящихъ и избавить народъ и государство отъ горькихъ карающихъ уроковъ исторіи...

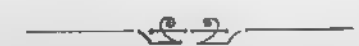
Однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ воспитанія такихъ характеровъ, о какомъ говоритъ италіанецъ Азеліо и образецъ котораго нарисовалъ онъ намъ въ своемъ отцѣ, — служитъ живое и возможно полное ознакомленіе отрочества и юношества съ роднымъ языкомъ, роднымъ бытомъ, родною исторіей, словомъ—съ прошлымъ и настоящимъ родного народа, родной земли, родины, отечества.

Но велика родина русскаго человѣка. Это не домъ, не улица, не село, не городъ, не уѣздъ, въ которомъ онъ родился, даже ни цѣлая Россія въ ея теперешнихъ государственныхъ границахъ; потому что и за этими границами лежитъ русская земля, звучитъ русская рѣчь, живетъ русскій народъ, русскій духъ, русская вѣра! Русскій-галичанинъ, сербъ-герцеговинецъ или болгаринъ-македонянинъ—рѣшительно по всему: и по крови, и по рѣчи, и по вѣрѣ, и по духу, и по любви и преданности Россіи—несравненно ближе и роднѣе намъ, нежели многое множество инородцевъ, живущихъ на нашей русской государственной землѣ. Поэтому *великою родиною русскаго человѣка, великимъ его отечествомъ считаемъ мы всю широкую и красную славянскую землю, гдѣ звучитъ родная намъ славянская рѣчь, гдѣ сознается славянское братство, гдѣ живетъ славянскій духъ!*

Вотъ для ознакомленія нашего отрочества и юношества съ тѣми нашими братьями, которые отдѣлены отъ насъ политическими границами, но духовно составляютъ съ нами русскими, *одинъ славянскій народъ*, было бы очень и очень полезно давать русскимъ дѣтямъ и юношамъ книги, подобныя книгѣ г. Ковачича, на сербскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, знакомящія съ исторіей и бытомъ славянскихъ народовъ. Министерство народнаго просвѣщенія, синодальное и другія вѣдомства принесли бы большую пользу и дѣлу русскаго просвѣщенія, и дѣлу славянскаго сближенія, если бы открыли доступъ подобнымъ книгамъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеній. Этимъ бы дана была желающимъ, учителямъ и ученикамъ, возможность учиться живымъ славянскимъ языкамъ и знакомиться съ литературой и жизнью славянскихъ народовъ, съ судьбою которыхъ свя-

зана и наша судьба. Правда, у насъ почти нѣтъ пособій, необходимыхъ для изученія живыхъ славянскихъ языковъ, какъ-то—словарей, грамматикъ, но для толковаго русскаго юноши, имѣющаго охоту научиться любому изъ живыхъ славянскихъ языковъ, сказанный недостатокъ не составитъ неодолимаго препятствія. Взявшему въ первый разъ сербскую, напримѣръ, книжку въ двухъ-трехъ строкахъ попадаются одно-два незнакомыя для русскаго слуха слова, но и тѣ зачастую легко угадываются по связи ихъ съ окружающими, вполнѣ понятными словами. Но существуетъ прекрасное и всѣмъ доступное пособіе для ознакомленія съ живыми славянскими языками, это именно—евангеліе и другія части библіи въ переводахъ на эти языки *).

Непонятныя грамматическія формы или отдѣльныя слова сербскаго текста каждый легко себѣ объяснитъ сравненіемъ его съ текстомъ русскимъ; прочитавшій же такимъ образомъ четырехъ евангелистовъ пріобрѣтетъ настолько достаточный запасъ словъ и настолько усвоитъ себѣ духъ сербскаго языка, что безъ труда будетъ понимать всякую сербскую книгу. То же можно сказать и о другихъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.



Напечатано въ журналѣ «Вѣкъ» 1882 г., отдѣльными оттисками и въ сборникѣ «Первыя 15 лѣтъ дѣятельности СПб. Слав. Благ. Общества».

*) Въ Петербургѣ ихъ недорого можно пріобрѣсти въ лавкѣ библейскаго общества у Николаевскаго моста. Сербское, напр., евангеліе стоитъ всего 35 коп., а вся библія, ветхій и новый завѣтъ, въ хорошемъ переплетѣ стоитъ всего 1 рубль.

Женитьба царя Вукашина *).

Сербская народная былина (изъ сборника Вука Стеф. Караджича «Српске народне пjесме». Кн. 2, 25). Переведена размѣромъ подлинника.

Письмо пишетъ царь Журо **) Вукашинъ
Въ бѣломъ Скадрѣ ***) на рѣкѣ Боянѣ.
Тайно пишетъ, тайно посылаетъ
Съ тѣмъ письмомъ гонца въ Герцеговину
Къ Видосавѣ, подругѣ Момчила, —
Воеводы града Пирлитора,
Что напротивъ горы Дурмитора;
А въ письмѣ томъ говоритъ Вукашинъ:
«Видосава, Момчилова люба!
Какъ живешь ты среди льда и снѣга?
Поглядишь-ли прямо предъ собою, —
Нечѣмъ очи ясныя утѣшить;
Видно только темя Дурмитора
Въ бѣлой шапкѣ изо льда и снѣга,
Что не таетъ ни зимой, ни лѣтомъ;
Поглядишь-ли внизъ съ стѣны высокой, —
Мутно плещетъ свои волны Тара,
Рветъ и мечетъ камни и деревья,
Нѣтъ на ней ни лодочки, ни моста,
А надъ Тарой — сосны да утесы.
Видосава, отрави Момчила!
Отрави, иль мнѣ его ты выдай;
Приходи къ намъ въ равное приморье,
Въ бѣлый Скадаръ на рѣкѣ Боянѣ;

---

*) Любимый богатырь сербскаго народнаго эпоса, Илья Муромецъ сербскихъ былинъ, это—Марко Кралевичъ, сынъ царя Вукашина, про свадьбу котораго разсказываетъ печатаемая нами былина.

**) Журо—Юрій, Георгій.

***) Скадаръ, или Скутари,—городъ на берегу Скадрскаго или Скутарійскаго озера на юго-вост. гран. теперешней Черной Горы.

Будешь мнѣ ты вѣрною подругой,
Будешь въ Скадрѣ госпожей царицей,
Будешь прясть ты прялкой золотою,
Прясти шелкъ на мягкомъ шелку сидя;
Носить будешь все парчу и бархатъ,
Наряжаться въ блестящее злато.
А каковъ нашъ Скадаръ на Боянѣ!
Поглядишь-ли изъ него на горы —
Поросли всѣ смоквой и маслиной
И густой лозою винограда;
А внизу-то прямо подъ тобою
Поглядишь-ли внизъ съ стѣны высокой, —
Видишь: зрѣетъ бѣлая пшеница,
А кругомъ зеленыя ливады
Съ свѣтлой лентой — голубой Бояной,
А въ Боянѣ всякой рыбы вдоволь, —
Когда хочешь, свѣжую готовишь».

Прочитала письмо Видосава;
Вукашину тотчасъ отвѣчаетъ:
«Господинъ мой, славный царь Вукашинъ!
Не легко мнѣ отравить Момчила,
Не легко мнѣ тебѣ его выдать:
У Момчила сестра Евросима,
Барскій столъ сама ему готовитъ*),
Оглядитъ сама все и прикуситъ.
У Момчила девять милыхъ братьевъ
И двѣнадцать братьевъ двоюродныхъ,
Они ему чашниками служатъ,
Каждый чашу передъ нимъ пригубитъ;
У Момчила конь есть Ябучило,
Конь крылатый — летитъ куда хочетъ;
У Момчила сабля есть съ очами;
И боится Момчилъ только Бога **)!
Но послушай ты меня, Вукащинъ:
Собери, царь, сильное ты войско,

*) Готови му то господско iело.

**) У Момчила сабля са очима;
Не боии се никога до Бога.

„Я не знаю, замѣчаетъ по поводу этого стиха Караджичъ, что значитъ сабля са очима, и пѣвецъ былины не сумѣлъ мнѣ этого объяснить. Не было ли на ней какого-либо украшенія, или рисунка, подобнаго очамъ“?

Выведи на ровныя Езеры
И засядь съ нимъ во лѣсу зеленомъ!
У Момчила дивный есть обычай:
Раннимъ утромъ всякій день воскресный
Ѣздитъ онъ на ловлю во Езеры;
И беретъ съ собой онъ девять братьевъ,
И двѣнадцать двоюродныхъ братьевъ
Еще сорокъ изъ города ловчихъ.
Какъ настанетъ ночь подъ воскресенье,
Я спалю у Ябучила крылья,
Затоплю соленой кровью саблю,
Чтобы сабля не ишла изъ ноженъ:
И тогда погубишь ты Момчила».

Прочитавши письмо Видосавы,
Вукашинъ собралъ большое войско
И повелъ его въ Герцеговину,
Вышелъ съ нимъ на ровныя Езеры
И засѣлъ тамъ во лѣсу зеленомъ.

—

Какъ настала ночь подъ воскресенье,
Пришелъ Момчилъ въ свою почивальню
И улегся на мягкой постели.
И пришла къ нему его подруга;
Не ложится въ мягкую постелю,
Но сидитъ и плачетъ въ изголовьѣ.
И спросилъ тогда ее Момчило:
«Видосава, вѣрная подруга!
Что за горе у тебя такое,
Что ты ронишь слезы надо мною?»
Отвѣчаетъ ему Видосава:
«Государь мой, Момчилъ воевода!
Никакого нѣтъ у меня горя,
Но слыхала объ одномъ я чудѣ,
А того я чуда не видала —
Что ты ѣздишь на конѣ крылатомъ —
У коня я крыльевъ не видала
И боюся, что ты съ нимъ погибнешь!"
Какъ ни мудръ былъ воевода Момчилъ,
Какъ ни мудръ былъ, — только обманулся;
Говоритъ онъ своей Видосавѣ:
«Видосава, вѣрная подруга!
Въ этомъ горѣ я тебя утѣшу,
У коня не трудно видѣть крылья;

Когда ночью пѣтухи закличутъ,
Ты отправься въ новыя конюшни,
Въ это время конь распуститъ крылья,
И ты можешь эти крылья видѣть».
Такъ сказалъ онъ, и заснулъ Момчило.

Спитъ Момчило, не спитъ его люба,
Но лежитъ и слушаетъ въ постели —
Что такъ долго пѣтухи не кличутъ!

А какъ только пѣтухи запѣли,
Видосава скокъ скорѣй съ постели,
Запалила въ фонарикѣ свѣчку,
Взяла воску и смолы съ собою,
Идетъ прямо въ новыя конюшни;
Видитъ—правду ей сказалъ Момчило:
Ябучило выпустилъ ужь крылья,
Выпустилъ по самыя копыта.
Вотъ, намазавъ воскомъ и смолою,
Видосава подожгла свѣчею,
И спалила крылья Ябучилу.
Что въ огнѣ отъ крыльевъ уцѣлѣло, —
То ремнемъ накрѣпко затянула.
А оттуда—въ ризницу; достала
Видосава Момчилову саблю,
Залила ее соленой кровью,
И вернулась въ мягкую постелю.

—

Только утромъ заря засвѣтилась,
Какъ Момчило поднялся съ постели
И сказалъ онъ своей Видосавѣ:
«Видосава, милая подруга!
Этой ночью чудный сонъ я видѣлъ:
Отъ проклятой земли Васоевичъ
Поднялося облако тумана
И обвилось вокругъ Дурмитора.
Я ударилъ черезъ эту тучу,
А со мною девять милыхъ братьевъ,
И двѣнадцать братьевъ двоюродныхъ
И за ними наши сорокъ ловчихъ.
И въ той тучѣ, люба, мы разстались
И другъ друга больше не видали;
Видосава, не къ добру сонъ этотъ!»
Отвѣчаетъ ему Видосава:

«Не страшися, господинъ мой милый!
Удалому сны добрые снятся;
Сны всѣ ложь, а истина у Бога».

Снарядился Момчилъ воевода
И выходитъ изъ бѣлаго замка,
Его ждутъ ужь девять милыхъ братьевъ
И двѣнадцать братьевъ двоюродныхъ,
Съ ними сорокъ изъ города ловчихъ.
А подруга ужь коня подводитъ.
Вотъ на добрыхъ коней они сѣли
И на ловлю ѣдутъ во Езеры.

А какъ были ужь въ виду Езеры,
Окружило ихъ сильное войско.
Когда Момчилъ увидалъ то войско,
Потянулъ онъ было свою саблю,
Только сабля не идетъ изъ ноженъ,
Словно съ ними накрѣпко срослася,
Тогда молвитъ воевода Момчилъ:
«Слышите-ли, дорогіе братья,
Продала насъ вѣдьма Видосава,
Но вы дайте саблю мнѣ получше»!
Вотъ подали ему братья саблю,
Говоритъ тогда Момчило братьямъ:
«Слышите-ли, братья дорогіе!
Вы ударьте съ двухъ сторонъ на войско,
Я ударю въ него посрединѣ».
Милый Боже, то-то чудо было!
То-то было посмотрѣть надиво, —
Какъ сѣчетъ Момчило воевода,
Какъ онъ чиститъ путь себѣ подъ гору.
Еще больше топчетъ Ябучило,
Чѣмъ Момчило острой саблей рубитъ;
Только ждетъ его несчастье злое:
Вотъ ужь былъ онъ противъ Пирлитора,
Какъ на встрѣчу—вороные кони:
Коней девять—ни одного брата!
Какъ увидѣлъ это воевода,
Ретивое сердце въ немъ упало
Отъ печали по родимымъ братьямъ,
Опустились его бѣлы руки,
И не въ силахъ больше онъ рубиться;
Сталъ онъ бить тутъ коня Ябучила,

Сталъ онъ бить его ногой и шпорить,
Чтобъ скорѣй летѣлъ онъ къ Пирлитору;
Только видитъ—конь летѣть не можетъ.
Клянетъ его Момчилъ воевода:
«Ябучило, чтобъ-те съѣли волки!
Безъ нужды отсюда мы летали,
Безъ неволи, для одной потѣхи,
А теперь ты вдругъ летѣть не хочешь!»
Ему ржаньемъ лошадь отвѣчаетъ:
«Государь мой, Момчилъ воевода!
Не кляни меня и не гони ты,
А летѣть я не могу сегодня.
Накажи Богъ твою Видосаву:
Она ночью мнѣ спалила крылья,
Отъ огня, что крыльевъ уцѣлѣло,
То ремнемъ натуго затянула.
Бѣги лучше куда и какъ можешь!»
Какъ услышалъ это воевода,
Онъ заплакалъ горькими слезами,
Соскочилъ долой съ коня скорѣе.
За три скока былъ у Пирлитора,
Только видитъ—заперты ворота,
Затворены и замуравлены!
Видитъ Момчилъ, что бѣда настала,
Сталъ онъ кликать сестру Евросиму:
«Евросима, милая сестрица!
Опусти мнѣ холстъ съ стѣны высокой,
По холсту я подымуся въ городъ».
Сестра съ плачемъ брату отвѣчаетъ:
«О, мой братецъ, Момчилъ воевода!
Какъ мнѣ бросить холстъ съ стѣны высокой,
Когда меня сноха Видосава,
Моя сноха, твоя лиходѣйка,
Привязала за косы къ забору».
Но сестрино сердце жалостливо,
Жалко ей свово родного брата,
Извилась она змѣею лютой,
Головой со всей силы рванула,
Отъ головы оторвала косы,
Оставила косы на заборѣ,
Черезъ стѣну брату холстъ бросаетъ.
Ухватился Момчилъ рукой за холстъ,
По холсту онъ на стѣну влѣзаетъ
И готовъ ужъ былъ вскочить онъ въ городъ,

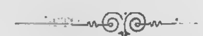
Какъ приспѣла его лиходѣйка,
Острой саблей холстъ перерубила;
Палъ тутъ Момчилъ внизъ съ стѣны высокой,
Подхватили его вражьи слуги,
На мечи и боевыя копья,
На сѣкиры и на буздованы.
Подоспѣлъ и самъ тутъ царь Вукашинъ
И ударилъ копьемъ своимъ острымъ
Онъ Момчила прямо посредь сердца.
И промолвилъ воевода Момчилъ:
«Заклинаю я тебя Вукашинъ
Не бери себѣ ты Видосавы,
Видосавы, моей лиходѣйки;
А не то она тебя погубитъ!
Какъ меня она тебѣ предала,
Такъ потомъ предастъ тебя другому.
Но женись ты лучше на сестрицѣ,
Моей милой сестрѣ Евросимѣ,
Она вѣчно вѣрна тебѣ будетъ,
Родитъ сына въ меня удалого».
Говорилъ онъ, самъ боролся съ смертью,
То промолвивъ, испустилъ онъ душу.
Такъ погибъ Момчило воевода.

Отворились въ городѣ ворота,
Вотъ выходитъ изъ нихъ Видосава
И встрѣчаетъ она Вукашина,
Ведетъ его на̀ верхъ въ бѣлый замокъ,
Посадила къ столу золотому,
Угощаетъ и виномъ и водкой,
Угощаетъ всякими сластями.
А потомъ изъ ризницы приноситъ
Момчилово платье и оружье.
Подивитесь вы на это чудо!
Что Момчилу было по колѣна,
То Вукашинъ по землѣ волочитъ;
Что Момчилу впору шапкой было,
Вукашину падаетъ на̀ плечи;
Что Момчилу на ногу входило,
Вукашину на обѣ влѣзаетъ.
Золотой Момчиловъ перстенечекъ
Вукашину на три пальца входитъ.
Что Момчилу впору саблей было,
Вукашинъ съ земли поднять не можетъ.

А под теплой Момчиловой шубой
Вукашину не тронуться съ мѣста.
Видя это, говоритъ Вукашинъ:
«Храни меня, милосердый Боже!
Ты отъ этой вѣдьмы Видосавы:
Измѣнила витязю такому,
Кому ровни нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ,—
Такъ ужъ мнѣ-ли завтра не измѣнитъ!»
Приказалъ своимъ онъ слугамъ вѣрнымъ,
И схватили они Видосаву,
Привязали къ хвостамъ лошадинымъ
И погнали внизъ отъ Пирлитора.
Такъ живую ее растерзали.

Обобралъ царь дворы Момчиловы,
И съ собою взялъ его сестрицу,
По имени красу—Евросиму.
Привелъ ее въ Скадаръ на Боянѣ;
Обвѣнчались, стали мужъ съ женою.
Сыновей она ему родила,
Двухъ витязей—Марка и Андрея,
Изъ нихъ Марко уродился въ дядю,
Воеводу славнаго Момчила.

Напечатано въ «Благовѣстѣ», вып. 40—1 авг. 1892 г.



Сербскій Митрополитъ Михаилъ и его дѣло.

Въ Алексинацкомъ округѣ, въ Баньской срезѣ (волости), у подножья горы Озрена, въ виду гордаго и высокаго Рытня (Ртня), на рѣкѣ Моравицѣ стоитъ городокъ Баня, извѣстный также подъ именемъ Бани Алексинацкой. Здѣсь, въ этомъ скромномъ городкѣ, въ понедѣльникъ 19 августа 1826 года увидѣлъ первый лучъ свѣта высокопреосвященный митрополитъ сербскій Михаилъ, въ міру — Милое. Отецъ его Милованъ Іовановичъ умеръ въ 1856 году, а мать—Марія, дочь «попа» Риста изъ села Торговица (Трговишта), изъ подъ Рытня, и до сихъ поръ жива.

Когда Милою было 9 лѣтъ, родители отдали его въ 1835 году въ первоначальное городское училище—въ родномъ его городкѣ Баняхъ, гдѣ онъ учился три года; четвертый и послѣдній годъ начальнаго училища прошелъ онъ въ г. Зайчарѣ и въ этомъ же городѣ учился годъ въ гимназіи. Остальную часть гимназическаго курса прошелъ онъ въ г. Нѣготинѣ, воспитанникомъ блаженной памяти епископа нѣготинскаго Досиѳея. Въ 1842 г. Милое поступилъ въ бѣлградскую духовную семинарію, воспитанникомъ блаженнопочившаго митрополита Петра, предмѣстника своего по Сербской митрополіи. Бѣлградскую семинарію Милое окончилъ въ 1846 году. И въ дѣтствѣ въ дому родительскомъ и за все время своего воспитанія, начиная съ баньскаго училища и кончая бѣлградской семинаріей, Милое отличался примѣрнымъ поведеніемъ. Тихій и кроткій нравъ ученика бѣлградской семинаріи Милое Іовановича, при его выдающихся способностяхъ, обратилъ на него особенное вниманіе тогдашняго архипастыря Сербской Церкви митрополита Петра, а также привлекъ къ нему любовь всѣхъ его наставниковъ и товарищей. Въ журналахъ бѣлградской семинаріи имя Милое Іовановича за всѣ четыре года постоянно сопровождается отмѣткою — «превосходно — первый». Таковъ былъ Милое Іовановичъ въ первые молодые годы жизни въ своемъ отечествѣ. Послѣдуемъ теперь за нимъ далѣе.

Съ 1839 года сербское правительство стало отправлять по временамъ въ другія европейскія государства по нѣсколько юношей для полученія высшаго образованія. Тогдашній митрополитъ сербскій Петръ настаивалъ на необходимости ученой подготовки и той молодежи, которая готовится къ духовному званію. Въ этомъ отношеніи почившему митрополиту принадлежитъ великая заслуга, плоды которой и по настоящее время замѣтны въ церковной жизни и въ духовномъ просвѣщеніи Сербскаго княжества. Настоянія митрополита были уважены, и онъ получилъ увѣдомленіе чрезъ русскаго консула г. Данилевскаго, что по повелѣнію Русскаго царя шестеро сербскихъ юношей будутъ приняты въ русскія духовныя учебныя заведенія. Митрополитъ Петръ тотчасъ отобралъ шестерыхъ воспитанниковъ бѣлградской семинаріи; въ числѣ ихъ былъ и Милое Іовановичъ. Лѣтомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1846 года Симо Милутиновичъ Сараилія привезъ молодыхъ людей въ Кіевъ и помѣстилъ въ тамошнюю семинарію. Это были первые молодые сербы, пріѣхавшіе въ братскую Россію для духовнаго наученія. Что вышло изъ товарищей Милоя Іовановича — насъ это въ данномъ случаѣ не занимаетъ. Но, что Милое вполнѣ понялъ цѣль своего пріѣзда въ Россію, въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующія строки, написанныя имъ на двадцатомъ году своей жизни въ 1846 г., тотчасъ по прибытіи его въ Россію,— строки, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе прочитывать ежедневно утромъ и вечеромъ:

«Не забывай никогда, ни на одно мгновеніе, для чего оставилъ ты свою родину и прибылъ сюда! Знай, что не для того ты здѣсь, чтобы пользоваться удовольствіями жизни, но чтобы денно и нощно трудиться и пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній, въ которыхъ твоя родина крайне нуждается!. Помни, что въ твоемъ отечествѣ есть еще турки, которые мѣшаютъ его развитію, и что швабы (австрійскіе нѣмцы) задерживаютъ всячески его ростъ! О, злополучный народъ сербскій! Неужели такова твоя несчастная судьба, что ты горемычный безжалостно расчлененъ?» Далѣе Милое, обращаясь снова къ самому себѣ, говоритъ: «И такъ блюди себя и помни, что въ Сербіи—очагъ, который долженъ грѣть просвѣщеніемъ всѣ сербскія страны. Старайся, чтобы современемъ и ты могъ быть сколько нибудь полезенъ своему дорогому и любимому народу!»

Что приведенныя нами слова не были выраженіемъ минутнаго порыва, а дѣйствительно служили постояннымъ руководящимъ правиломъ жизни для Милоя Іовановича во время пребыванія его въ Россіи, это доказываетъ успѣшное окончаніе имъ курса семинаріи и за тѣмъ кіевской духовной академіи, изъ которой онъ выпущенъ въ 1853 г. съ ученою степенью магистра; о пріобрѣтенныхъ же имъ богословскихъ знаніяхъ и прочномъ усвоеніи духа истиннаго православія свидѣ-

тельствуютъ множество его ученыхъ богословскихъ и наставительныхъ духовныхъ сочиненій и вся жизненная его дѣятельность въ санѣ первосвятителя Сербской Церкви; въ особен-

въ 1878 г.

ности же—исполненное мужественнаго достоинства поведеніе его въ занимающей нынѣ весь православный Востокъ распрѣ, начатой съ церковью теперешнимъ сербскимъ правительствомъ, внѣ всякой мѣры поддавшимся чужимъ, враждебнымъ Право-

славію и Славянству, вліяніямъ. Но объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ; теперь же послѣдуемъ за Милоемъ Іовановичемъ, возвращающимся съ пріобрѣтенными имъ духовными сокровищами на родину, исполненнымъ силъ и твердой рѣшимости трудиться на пользу ей и всему Православному Славянству.

Еще въ дѣтствѣ замѣчалась въ Милоѣ наклонность къ уединенной жизни; будучи юношей удалялся онъ отъ шумнаго и разгульнаго сообщества; любимымъ занятіемъ его было чтеніе церковныхъ книгъ и духовной литературы. Тотчасъ по окончаніи курса въ кіевской духовной академіи, 29 марта 1853 года, принимаетъ онъ монашескій санъ въ Кіевопечерской лаврѣ отъ знаменитаго митрополита кіевскаго Филарета; причемъ прежнее имя перемѣнено имъ на имя Михаила. 12 апрѣля рукоположенъ онъ во діакона, а 16 того же мѣсяца во іеромонаха. Воротившися въ 1854 году въ Сербію, Михаилъ въ іюнѣ этого года поставленъ профессоромъ бѣлградской семинаріи; причемъ, кромѣ гомилетики и науки церковнаго собесѣдничества, поручено ему преподаваніе важнѣйшаго предмета—догматическаго богословія. Только имѣвшіе счастье быть его слушателями могутъ въ достаточной мѣрѣ оцѣнить глубину догматическихъ знаній молодаго наставника-іеромонаха. Но ученики бѣлградской семинаріи не долго наслаждались уроками своего любимаго профессора. Промыслъ Божій предназначалъ болѣе широкое и важное поле дѣятельности іеромонаху Михаилу. Только четыре съ небольшимъ мѣсяца исполнялъ онъ обязанности профессора. 11 октября наименованъ онъ архимандритомъ Студеницкимъ, а три дня спустя, 14 октября 1854 г. рукоположенъ во епископа Шабацкаго. Тогда ему было всего 28 лѣтъ отъ роду. И теперь еще есть живые свидѣтели, участвовавшіе въ соборѣ, избравшемъ Михаила въ епископы. По ихъ свидѣтельству, Михаилъ долго отказывался принять хиротонію, ссылаясь на то, что онъ не достигъ еще возраста, требуемаго каноническими правилами для поставленія въ епископскій чинъ, и что онъ желалъ бы нѣкоторое время потрудиться въ разсадникѣ отечественнаго просвѣщенія—въ сербской семинаріи. И «прощальная бесѣда его съ учениками» (напечатанная въ «Церковномъ Учителѣ») показываетъ, какъ далекъ былъ Михаилъ отъ желанія занять высокое, но нераздѣльное съ тяжелымъ бременемъ, положеніе епископа въ Церкви Христовой.

Шабацкою епархіею управлялъ преосвященный Михаилъ всего 4 года 8 мѣсяцевъ, заслуживъ своею живою проповѣдью и примѣромъ благочестивой жизни глубокую привязанность своей паствы. «Твои мудрыя бесѣды»,—говорили шабчане въ

одномъ изъ благодарственныхъ посланій епископу Михаилу,— «о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанскихъ, о добродѣтеляхъ, достоинствахъ и заслугахъ гражданскихъ—передадутся въ отдаленное наше потомство».

Но вотъ наступилъ бурный 1858 годъ и знаменитая Святоандреевская скупщина. Народное неудовольствіе, долго таившееся подобно огню, тлѣющему подъ порохомъ, на скупщинѣ проявилось во всемъ могуществѣ. Народъ сербскій расквитался съ виновниками своихъ несчастій. Старый князь Милошъ, отецъ Сербіи, снова появляется въ княжествѣ и возвращаетъ роду Обреновичей утраченный было имъ престолъ. Эти важныя въ государственной жизни перемѣны не остались безъ вліянія на сербскую церковь. Тогдашній ея глава, митрополитъ Петръ Іовановичъ оставилъ Сербію и митрополитскую въ ней каѳедру, переселился въ Австрію и тамъ получилъ Карловацкую епархію.

По удаленіи митрополита Петра въ Австрію, временное управленіе бѣлградскимъ архидіецезомъ поручено было епископу шабацкому *). Вслѣдъ за тѣмъ въ 1859 г. созвана была въ Крагуевцѣ народная скупщина, на которую явились и всѣ сербскіе архіереи: ужицкій—Іоанникій, шабацкій Михаилъ и нѣготинскій—Герасимъ. Соборъ архіереевъ и прочаго духовенства, призвавъ Духа Святаго, приступилъ къ избранію новаго митрополита. Выборъ палъ на него же, епископа шабацкаго, согласно съ общимъ голосомъ страны, который, съ самаго прибытія Михаила изъ Россіи, называлъ его будущимъ преемникомъ митрополита Петра. Актъ соборнаго избранія гласитъ:

«Синодальное засѣданіе въ Крагуевцѣ 25 іюля 1859 года.

Подъ предсѣдательствомъ епископа ужицкаго Іоанникія, въ соприсутствіи епископа нѣготинскаго г. Герасима и епископа шабацкаго г. Михаила; архимандритовъ: благовѣщенскаго Василія, любостиньскаго Іоанникія, каленичскаго Макарія; протоіереевъ: бѣлградскаго Иліи Новаковича, военнаго—Х. Димитрія Іовановича, рудницкаго Петра Протича, крагуевацкаго Іована Симеоновича; іереевъ: Станка Димитріевича, Стевана Яковлевича, Іована Крстича, происходило:

«По предложенію г. епископа ужицкаго Іоанникія, освященный синодъ усмотрѣвъ, что вдовствующій престолъ архіепископа бѣлградскаго и митро-

*) Недоброжелателями преосвященнаго Михаила посѣянъ былъ въ то время слухъ, которому иные, быть можетъ, и нынѣ склонны вѣрить, будто бы онъ въ то время былъ въ числѣ противниковъ митрополита Петра и желалъ его удаленія—понятно изъ какихъ побужденій. Но переписка митрополита Петра съ Михаиломъ и въ особенности телеграмма послѣдняго къ почившему епископу ужицкому Іоанникію, встрѣчавшему въ Нѣготинѣ князя Милоша, служатъ опроверженіемъ приведеннаго обвиненія. Преосвященный Михаилъ въ упомянутой телеграммѣ, упомянувъ о скорби митрополита Петра, умоляетъ Іоанникія, чтобы онъ упросилъ князя «удалить опасность, грозящую нарушеніемъ церковнаго мира и позоромъ сербской іерархіи».

полита сербскаго необходимо замѣстить, такъ какъ правила Церкви не дозволяютъ оставлять епархію долгое время безъ архіерея, а бывшій митрополитъ Петръ, оставивъ каѳедру, принялъ епархію карлштадскую въ Австріи и тѣмъ самымъ отказался отъ здѣшней епархіи навсегда,—мы въ держанномъ нынѣ синодѣ заключили: праздное мѣсто восполнить и, призвавъ Духа Святаго, по зрѣломъ разсужденіи о качествахъ, потребныхъ архіепископу и митрополиту, единогласно избрали въ таковые преосвященнаго епископа шабацкаго Михаила. Избраніе это представить его свѣтлости государю и князю Милошу Обреновичу Первому для подтвержденія и обнародованія». Актъ подписанъ всѣми участниками собора.

Князь Милошъ немедленно подтвердилъ избраніе, и въ крагуевацкой церкви прочитанъ былъ слѣдующій его указъ:

«Освященному Синоду. Уважая причины, побудившія освященный синодъ восполнить свободное мѣсто архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго и находя и съ своей стороны, что епископъ шабацкій Михаилъ, котораго освященный соборъ единогласно избралъ архіепископомъ и митрополитомъ сербскимъ, обладаетъ всѣми свойствами, которыхъ требуетъ это высокое духовное мѣсто, я далъ свое подтвержденіе избранію освященнаго синода.

«Признавая симъ г. Михаила архіепископомъ бѣлградскимъ и митрополитомъ сербскимъ, я твердо увѣренъ, что его доказанныя достоинства послужатъ къ вящшей чести православія и къ расширенію славы святой нашей матери Церкви. Въ Крагуевцѣ 25 іюля 1859 г. Милошъ Обреновичъ».

Увѣдомленный о состоявшемся избраніи, тогдашній цареградскій патріархъ Кириллъ тотчасъ же изъявилъ свое согласіе, призналъ избраніе и послалъ свою подтвердительную грамоту новому митрополиту Сербіи, помѣченную 9 августа того же года.

За время пребыванія святителя Михаила на митрополичьемъ престолѣ совершилось много событій, которыя имѣютъ и будутъ имѣть большое вліяніе на судьбы Сербскаго народа и всего Славянскаго Востока. Важнѣйшими изъ этихъ событій, совершившихся при выдающемся участіи митрополита Михаила, слѣдуетъ признать послѣднюю борьбу за славянское освобожденіе, которой владыка сербскій въ самомъ ея началѣ преподалъ свое благословеніе,—и автокефальность сербской церкви, достигнутую мудростію сербскаго первосвятителя въ полномъ согласіи съ церковными канонами и вселенскою патріархіей.

Обильная плодами дѣятельность сербскаго владыки, какъ ученаго богослова и какъ заботливаго пастыря словеснаго стада Христова *), какъ лучшаго гражданина своей родины,

*) Желающихъ получить общее понятіе о литературныхъ трудахъ высокопреосвященнаго мы отсылаемъ къ изданной въ Бѣлградѣ въ 1879 году книгѣ подъ названіемъ: «Светковина 25 годишне архіерейске службе митрополита српског Михаила» (Празднованіе 25-лѣтія архіерейскаго служенія митрополита Михаила), изъ которой мы и заимствовали большую часть приведенныхъ нами выше свѣдѣній о его жизни. Въ этой книгѣ въ сжатыхъ очеркахъ указано содержаніе сочиненій митрополита, которыхъ приведено 35 отдѣльныхъ названій; изъ нихъ многія представляютъ обширные труды догматическаго, полеми-

старающагося направить теченіе ея жизни къ общеславянскому руслу, и, наконецъ, просто какъ человѣка, съ чуткою и отзывчивою душой, снискала ему почетную извѣстность и глубокое уваженіе далеко за предѣлами его родины во всемъ Славянскомъ мірѣ: въ средѣ всѣхъ образованныхъ людей *) и въ средѣ народныхъ массъ, и даже за предѣлами Славянскаго міра, у тѣхъ образованныхъ иновѣрцевъ, которые способны уважать и цѣнить чужую человѣческую и народную личность **).

ческаго, историческаго и поучительнаго содержанія. Упомянемъ, чтобы дать понятіе о неутомимости и разносторонности святителя, о слѣдующихъ важнѣйшихъ: въ 1860 г. изданы имъ «Пастырскія поученія христіанамъ на всѣ воскресные и праздничные дни на цѣлый годъ» всего 95 проповѣдей и поученій; въ слѣдующемъ же году появилась новая книга—«Церковный учитель», объемомъ около 50 печатн. листовъ, содержащая бесѣды догматическаго содержанія и проповѣди, сказанныя на разные случаи общественной и государственной жизни. Съ 1866 по 1871 г. снова появляются еще 4 тома проповѣдей, подъ названіемъ «Православный проповѣдникъ». Къ полемическимъ сочиненіямъ принадлежатъ: «Отвѣтъ Чоркляну»—защита православія отъ нападокъ римскаго католичества; «Посланіе Православнокатолической восточной Церкви о православной вѣрѣ англичанамъ»—содержитъ въ себѣ отвѣтъ на посланіе англійскихъ богослововъ восточнымъ патріархамъ по вопросу о возсоединеніи англиканской церкви съ православною; «О папствѣ и лютеранствѣ»; «Защита истины»—опроверженіе нападокъ на вѣру, церковь и ея установленія; учебники—«Церковная Богословія», «Герменевтика». Церковноисторическаго и богословскаго содержанія: «Взглядъ на исторію сербской церкви»; «Серблякъ»—служба и правила святителямъ сербскаго происхожденія съ ихъ изображеніями; въ этой книгѣ, изданной двукратно въ прошломъ столѣтіи (въ Москвѣ въ 1765 г.) митрополитомъ сдѣланы значительныя пополненія. Многіе труды митрополита составлены и изданы именно для сербскаго юношества, съ цѣлью внушить ему правила христіанской нравственности и удержать отъ пагубнаго вліянія матеріалистическихъ и нигилистическихъ ученій, таковы: «Пріятель молодежи». «Природа и разумъ въ области духовнонравственной», «Дѣвичье совершеннолѣтіе»; сюда же слѣдуетъ отнести «Поученіе матери о воспитаніи малыхъ дѣтей» и т. п.

*) Говоря объ уваженіи къ митрополиту Михаилу всѣхъ образованныхъ людей во всѣхъ славянскихъ земляхъ, мы разумѣемъ и славянъ иновѣрцевъ, не измѣнившихъ своимъ народнымъ задачамъ; такъ среди чеховъ не мало можно найти почитателей митрополита Михаила.

**) Объ этомъ уваженіи, между прочимъ, свидѣтельствуетъ то, что митрополитъ состоитъ почетнымъ членомъ во множествѣ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій и обществъ; такъ въ Россіи онъ почетный членъ: съ 1866 г.—Алтайской миссіи, съ 1869—Императорской публичной библіотеки, петербургскаго университета и совѣта кіевской духовной академіи; съ 1871 г.—московскаго университета, съ 1872 г.—Одесскаго благотворительнаго общества св. Кирилла и Меѳодія, съ 1877 г.—Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, совѣта казанской духовной академіи, острожскаго общества св. Кирилла и Меѳодія на Волыни и съ 1879 г.—петербургской и московской духовныхъ академій и кіевскаго славянскаго общества.—Съ 1876 г. митрополитъ предсѣдателемъ общества Краснаго Креста въ Бѣлградѣ, оказавшаго не малыя услуги и сербскимъ и русскимъ воинамъ во время минувшей войны. Не будемъ перечислять другихъ многочисленныхъ обществъ въ разныхъ славянскихъ и въ иностранныхъ краяхъ, гдѣ онъ состоитъ почетнымъ членомъ; упомянемъ только, въ подтвержденіе нашего отзыва о чуткости митрополита ко всему доброму въ людяхъ, хотя бы и чужой народности и вѣры,—объ избраніи митрополита Михаила въ 1862 году въ предсѣдатели общества для освобожденія африканскихъ рабовъ, находящагося въ Парижѣ.

Въ 1879 году 14 октября исполнилось двадцать пять лѣтъ архіерейскаго служенія митрополита Михаила. День этотъ неожиданно сталъ днемъ великаго всеславянскаго торжества. Изъ всѣхъ сербскихъ краевъ и со всѣхъ концовъ обширной Русской земли понеслись къ этому дню посольства съ почетными дарами, безчисленныя поздравительныя телеграммы и адреса,—дань уваженія и признательности заслугамъ великаго святителя и великаго общественнаго дѣятеля въ православномъ славянствѣ. О количествѣ произнесенныхъ и прочитанныхъ на юбилейномъ торжествѣ привѣтственныхъ рѣчей и посланій можно судить потому, что они составили цѣлый печатный томъ въ 200 страницъ *).

Россія привѣтствовала сербскаго владыку и отъ лица своего правительства (пожалованіемъ ордена св. Александра Невскаго) и отъ лица Церкви (поздравленіе многихъ архипастырей, духовныхъ академій, священства) и отъ всевозможныхъ учрежденій и обществъ, и множества частныхъ лицъ, лично владыкѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему вовсе. Приведу посланіе, составленное мною, въ которомъ полнѣе, нежели въ другихъ, указывается значеніе личности митрополита Михаила въ Славянскомъ мірѣ и тѣ стороны его дѣятельности, которыя особенно роднятъ его съ Россіей.

«Высокопреосвященному митрополиту сербскому Михаилу, почетному члену С.-Петербургскаго славянскаго общества.

Высокопреосвященный владыко!

Сербы празднуютъ сегодня день двадцатипятилѣтія архипастырскаго служенія вашего православной Христовой Церкви и Сербскому народу.

Сербскія народныя радости, какъ и сербскія народныя печали, живо отзываются въ русскихъ сердцахъ. Нынѣ мы сливаемся съ сербами въ одномъ радостномъ чувствѣ и вмѣстѣ съ ними отъ глубины души и полноты сердца восклицаемъ: да здравствуетъ митрополитъ сербскій Михаилъ!

Мы чествуемъ сегодня, владыко, въ вашемъ лицѣ не только духовнаго главу родственнаго намъ народа, стяжавшаго себѣ долговременными трудами любовь и уваженіе своей духовной паствы, но и—славнаго общественнаго дѣятеля на нивѣ всеславянской.

Святая Православная Вѣра, насажденная на славянской нивѣ трудами святыхъ славянскихъ апостоловъ Меѳодія и Кирилла, есть драгоцѣннѣйшее достояніе Славянства, вѣрнѣйшій оплотъ его племенной, политической и духовной свободы—хранитель и оберегъ его народныхъ началъ!

Служить Православію значитъ служить Славянству; и служба эта на полѣ церковномъ—труднѣе, нежели на политическомъ.

Ваше высокопреосвященство высоко держите знамя Православія среди южнаго славянства. Своими богословскими сочиненіями и проповѣдью Вы съ честью слѣдуете по пути, проложенному святителемъ Саввою Неманичемъ!

*) Светковина 25 годишне архіерейске службе митрополита Михаила Бѣлград. 1879.

Православіе есть символъ братскаго единомыслія и любви. Спасеніе и счастіе славянскихъ народовъ лежатъ въ братскомъ ихъ единеніи и согласіи между собою. Ваше высокопреосвященство неустанно заботитесь о поддержаніи и укрѣпленіи братскихъ отношеній, братской связи между русскими и сербами, и пока живете вы, пока голосъ вашъ властенъ въ Сербскомъ народѣ, дотолѣ, мы твердо этому вѣримъ, тщетны усилія и козни нашихъ общихъ враговъ посѣять рознь-неслогу между нами!

Ваше пастырское слово, владыко, властно и сильно не только среди вашей паствы, среди Сербскаго народа; но, какъ показало въ 1875 году особенно памятное Русскому обществу воззваніе ваше о помощи герцоговинцамъ и боснякамъ, способно вдохновить и воззвать на подвигъ братскаго служенія и Русскій народъ!

Воспоминанія о высокомъ душевномъ настроеніи, о чистыхъ чувствахъ и дѣлахъ, вызванныхъ въ Русской Землѣ возстаніемъ въ Босніи и Герцоговинѣ и его слѣдствіями—сербо-черногорскою и русскою войной,—пока стоитъ Русская Земля, пока живетъ въ ней русскій духъ,—будутъ принадлежать къ числу самыхъ святыхъ и чистыхъ ея воспоминаній! а съ этими воспоминаніями нераздѣльно связано и имя вашего высокопреосвященства!

Вы благословили начало освободительной борьбы. Словомъ и дѣломъ Вы врачевали и облегчали раны и нужды жертвъ и участниковъ этой борьбы. Изъ бывшихъ за послѣдніе четыре года въ Сербіи русскихъ почти каждый обязанъ Вамъ совѣтомъ или помощью и каждый хранитъ о Васъ свѣтлую и добрую память. Эта послѣдняя Ваша дѣятельность особенно роднитъ Васъ съ Русскимъ обществомъ, съ Русскимъ народомъ.

Принося вашему высокопреосвященству настоящее поздравленіе, мы, нижеподписавшіеся, высказываемъ Вамъ и въ лицѣ Вашемъ Сербскому народу свои завѣтныя желанія, которыя раздѣляетъ съ нами вся русская Россія:

Да продлятся на многая и многая лѣта ваши дорогіе и полезные для Сербіи и для всего Православнаго Славянства дни!

Да возвратятся въ лоно Православія и въ нѣдра Славянства отторженные и отпавшіе члены Сербскаго народа!

Да освободится, объединится и да живетъ вѣки вѣчные въ счастіи и братскомъ союзѣ съ остальнымъ Славянствомъ дорогой намъ Сербскій народъ!

Слава митрополиту сербскому Михаилу! Слава Сербству и всему Славянству».

14 октября 1879 г. *).

Годъ спустя, именно въ прошломъ 1880 году 8 ноября, происходило открытіе памятника русскимъ добровольцамъ,

*) Кромѣ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ С.-Петербургскаго славянскаго общества, подъ адресомъ подписались: предсѣдатель С.-Петербургскаго педагогическаго общества, бывшая предсѣдательница бывшаго въ Петербургѣ во время сербской войны дамскаго славянскаго кружка, представители с-петербургскаго собранія художниковъ, нѣкоторые изъ видныхъ представителей печати, множество отдѣльныхъ почитателей высокопреосвященнаго митрополита Михаила, и наконецъ чешское вспомогательное общество въ Петербургѣ, въ лицѣ своего предсѣдателя и всѣхъ бывшихъ въ общемъ собраніи его членовъ, присоединилось, какъ сказано въ сдѣланной ими на оборотной сторонѣ адреса надписи,—«къ голосу братьевъ русскихъ».

положившимъ свои головы въ Сербіи въ 1876 и 1877 годахъ въ войнѣ за славянское освобожденіе. Памятникъ поставленъ на холмѣ Руевицкомъ, близъ Алексинца; сооруженъ онъ на средства, доставленныя преимущественно изъ Россіи; но открытіе его чествовалось сербами съ необыкновеннымъ торжествомъ. Почти все духовенство княжества во главѣ съ своимъ первосвятителемъ собралось въ Алексинацъ и участвовало въ торжествѣ. Оказало должную дань уваженія и признательности памяти погибшихъ за сербскую свободу русскихъ доброхотныхъ воиновъ и нынѣшнее сербское правительство, незадолго предъ тѣмъ замѣнившее собою кабинетъ Ристича, мужественно руководившій Сербіею въ тяжелые годы военной борьбы, но неустоявшій въ борьбѣ съ дипломатическою интригою хищной сосѣдней державы, которая, послѣ печальной памяти берлинскаго конгресса, особенно дерзновенно и настойчиво стремится къ порабощенію южнаго славянства. Но это участіе въ торжествѣ открытія памятника русскимъ добровольцамъ было чуть-ли не послѣднимъ проявленіемъ славянскаго сознанія, или, вѣрнѣе, послѣднею, быть можетъ, вынужденною народнымъ настроеніемъ, данью признательности Русскому народу со стороны теперешняго сербскаго правительства, ставшаго покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Австріи. При такомъ направленіи новаго Сербскаго министерства и самого князя Милана, для первосвятителя сербскаго, какъ главнаго, или, вѣрнѣе, единственнаго крупнаго представителя славянскаго сознанія въ образованной части Сербскаго народа, должны были наступить и наступили дни тяжелыхъ, рѣшительныхъ испытаній. Совершенное на дняхъ грубое насиліе сербскаго правительства надъ митрополитомъ, — незаконное устраненіе его отъ управленія Церковью,—это только завершеніе тѣхъ происковъ, которые неустанно вело нынѣшнее сербское министерство Пирочанцевъ, Міатовичей и Новаковичей, съ тѣхъ поръ какъ власть въ княжествѣ перешла въ его руки. Дѣло въ томъ, что значительная часть такъ называемой интеллигенціи сербской, воспитанная преимущественно въ западно-европейскихъ столицахъ, насквозь пропитана нигилизмомъ; просвѣщеніе и либерализмъ поставляетъ она единственно въ космополитизмѣ и безбожіи. Въ рукахъ этихъ-то людей находятся въ настоящее время судьбы сербскаго княжества. Къ нигилизму присоединяется еще дипломатическое давленіе Австріи, а, быть можетъ, и подкупъ. И вотъ, одновременно съ принятіемъ убыточныхъ для Сербіи условій торговаго договора съ Австріей, и плутовской желѣзно-дорожной концессіи, въ подтасованной министерствомъ скупщинѣ появляются лжелиберальныя витіи,

которые, по поводу внесеннаго министерствомъ законопроекта о налогѣ на архіерейское благословеніе и поставленіе въ духовныя степени, изрыгаютъ потоки непристойной ругани-хулы на сербское духовенство, въ особенности же на монастыри и монашество. Не трудно видѣть, что главною, если не единственною цѣлью и внесеннаго министерствомъ законопроекта, и всего мерзкаго по поводу его краснобайства въ скупщинѣ — было унизить Православную Церковь въ лицѣ ея представителей. И вотъ, мнимые выразители народныхъ желаній и народной воли, утвердившіе разорительныя для княжества и пагубныя для него въ національно-политическомъ отношеніи условія постройки желѣзной дороги, ревнуя якобы о пользахъ государства, устанавливаютъ, не спросивъ даже предварительно мнѣнія церковнаго правительства, законъ, касающійся внутренней церковной жизни, устанавливаютъ самый невозможный по предмету обложенія налогъ, — налогъ на поставленіе въ духовныя степени и на полученіе архіерейскаго благословенія, то есть какую-то новѣйшую двойную симонію...

Какъ и слѣдовало ожидать, Синодъ сербской церкви, руководимый своимъ достойнымъ главой, призналъ законъ о налогѣ недѣйствительнымъ и оставилъ его безъ примѣненія. Но вмѣсто того, чтобы исправить сдѣланную ошибку и подвергнуть законъ пересмотру скупщины, измѣнивъ его по соглашенію съ синодомъ, министерство сербское упорно настаиваетъ на его примѣненіи, штрафуетъ митрополита, въ митрополичьемъ домѣ подвергаетъ отдѣльному допросу сербскихъ архіереевъ и вынуждаетъ у нихъ, слабодушныхъ, показанія, противорѣчащія подписанному ими же синодскому опредѣленію. Наконецъ, 18 октября, по представленію министра просвѣщенія Новаковича, подписаны княземъ указы объ удаленіи митрополита отъ церковныхъ дѣлъ и о назначеніи администраторомъ бѣлградской епархіи и митрополіи сербской нѣготинскаго епископа Моисея. Вслѣдъ затѣмъ наносится новое оскорбленіе сербскому владыкѣ: у него производятъ обыскъ и захватываютъ частную его переписку.

Митрополитъ Михаилъ въ письмѣ къ князю объяснилъ ему незаконность и недѣйствительность его указовъ, нарушающихъ церковные законы, и обратился къ суду восточныхъ патріарховъ и русскаго синода. Едва-ли можно сомнѣваться, что патріархи и синодъ благословятъ подвигъ сербскаго владыки и признаютъ малодушнаго Моисея, самочинно вступившаго въ управленіе чужою епархіею и издавшаго указъ о поминаніи въ церквахъ его имени, вмѣсто имени митрополита Михаила, — похитителемъ власти церковной и нарушителемъ

церковнаго мира. Уже въ Москвѣ, 8 ноября, въ день тезоименитства владыки, представителями русской и восточныхъ церквей торжественно совершено молебствіе о здравіи архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго Михаила; въ словѣ, сказанномъ при этомъ случаѣ епископомъ дмитровскимъ Амвросіемъ, подвигъ митрополита Михаила, явившаго достойную удивленія твердость и мужество въ борьбѣ съ врагами церкви, приравненъ подвигу «патріарха Всероссійскаго Гермогена и митрополита московскаго св. Филиппа, кровью своею запечатлѣвшихъ преданность Православной вѣрѣ въ борьбѣ съ грубымъ насиліемъ свѣтской власти». Въ тотъ же день изъ Москвы и Петербурга отправлены отъ многочисленныхъ почитателей владыки поздравительныя телеграммы, въ которыхъ выражается ему пожеланіе успѣха и одолѣнія въ его правой борьбѣ съ врагами Православія и Славянства. Сербское правительство рѣшилось, повидимому, не обращать вниманія на общее во всемъ православномъ мірѣ негодованіе, вызванное поступкомъ его съ митрополитомъ. Но упорство его не обрушится ли на его же голову? Посягательство его на Православную Церковь въ связи съ раболѣпствомъ его передъ Австріею, доходящимъ до выдачи на убой босняковъ-патріотовъ, ищущихъ убѣжища въ княжествѣ, не вызоветъ ли въ Сербіи новый 58-й годъ и новую Святоандреевскую скупщину?..

Приведемъ въ заключеніе важнѣйшіе изъ актовъ, относящихся въ распрѣ сербскаго правительства съ православною Церковью, а именно: письма митрополита къ министрамъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ, постановленіе архіерейскаго синода и письмо митрополита къ князю Милану.

I.

«Ст. Новаковичу, министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

«Милостивый государь! Законъ о налогахъ изумилъ насъ какъ вообще его принятіемъ, такъ и въ особенности отличающею его вообще несправедливостью, необдуманностью и противорѣчіемъ, въ которомъ онъ находится къ духу святой Церкви и ея постановленіямъ. Несправедливо, что государство дѣлаетъ распоряженія относительно Церкви, не входя предварительно въ соглашеніе съ церковными властями. Государствамъ на Востокѣ опредѣлены границы, чрезъ которыя они не имѣютъ переступать. Государство не можетъ придавать силу закона ничему такому, что можетъ вредить Церкви,—Церкви, имѣющей свои собственные законы, которые государство не можетъ измѣнять. Взаимныя отношенія между государствомъ и церковью у насъ до сихъ поръ опредѣлялись съ умомъ и въ духѣ законности. Безъ выслушанія епископовъ не былъ принятъ ни одинъ законъ, касающійся духовенства и церкви. Напротивъ того, законъ, о которомъ идетъ рѣчь, не былъ представленъ на предварительное заключеніе ни намъ, ни синоду епископовъ. Поэтому такой образъ дѣйствій неправиленъ. Вслѣдствіе освя-

щенія такого образа дѣйствій, между государствомъ и церковью образовалась бы пропасть, которая остановила бы правильное развитіе и миръ церкви и государства. Это вызвало бы раздраженіе, недовѣріе и нападки съ одной стороны, и безсиліе съ другой, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Церковь, съ своей стороны, не имѣла бы никакой надобности искать соглашенія съ государствомъ при исполненіи своихъ вытекающихъ изъ апостольскихъ предписаній обязанностей. Государство не можетъ предписывать духовнымъ уплату налоговъ и такимъ образомъ касаться внутренней жизни церкви. Церковь стоитъ выше всѣхъ временныхъ волненій и перемѣнъ въ государственной жизни, она не можетъ прилаживаться къ послѣднимъ. Она остается всегда одною и тою же, она всегда апостольская христіанская церковь, но не новѣйшая, измѣняемая реформами.

«Обложеніе духовныхъ должностей налогами составляетъ нарушеніе внутренней независимости церковной жизни. Какимъ образомъ государство можетъ требовать налога за должность, которую даетъ не оно, и требовать отъ должностнаго лица, котораго не оно назначаетъ? Съ одинаковымъ правомъ можно бы требовать такихъ налоговъ отъ общественныхъ и частныхъ слугъ, чего, однако, не дѣлается по закону. Сверхъ того, церковь не можетъ допустить уплаты такихъ налоговъ потому, что этимъ она узаконила бы грѣхъ симоніи. Затѣмъ, значительность налога чрезмѣрна. Монахъ не могъ бы уплачивать 250 франковъ. Кто посвящаетъ свою жизнь Богу, неужели долженъ еще платить за это дань государству? Этимъ, вообще, существованіе монаховъ подрѣзывалось бы въ корнѣ. Но церковь не можетъ обходиться безъ этого необходимаго и достойнаго органа. Бѣлое духовенство обложено не менѣе высоко. По всему этому должно придти къ убѣжденію, что составители закона о налогѣ не знали основныхъ положеній Православной Церкви и Христіанства, что они не руководились христіанскимъ сердцемъ и тѣмъ благоговѣніемъ, которое мы должны чувствовать къ Церкви, въ лонѣ которой мы родились и воспитались. Сербское духовенство обоихъ видовъ не заслужило такой награды за свою оказанную народу услугу. Непостижимо, какимъ образомъ государственная власть могла способствовать униженію Церкви, подкапыванію уваженія къ ея постановленіямъ, существующимъ много вѣковъ. Можетъ быть, виною этому матеріализмъ, широко распространяющійся въ другихъ странахъ и проникающій даже и къ намъ. Но въ руководящихъ кругахъ наклонность къ матеріализму можетъ оказать слишкомъ вредное дѣйствіе. Я нахожу, что этотъ законъ вреденъ, но все, что можетъ причинить вредъ православной вѣрѣ въ Сербіи, запрещается статьею 31 конституціи. Поэтому, вслѣдствіе данной предъ Богомъ и Церковью присяги, мы считаемъ себя обязанными протестовать противъ упомянутаго закона».

Архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ сербскій *Михаилъ*.

Бѣлградъ, 12 (24) мая 1881 г.

II.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій синода епископовъ 6 октября и въ слѣдующіе дни.

«Его высокопреосвященство митрополитъ предложилъ синоду епископовъ переписку, происходившую съ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ касательно закона о налогахъ, и заявилъ, что этотъ законъ, помимо того, что онъ утвержденъ безъ предварительнаго соглашенія съ церковною властью, находится въ противорѣчіи съ законами святой пра-

вославной Церкви. Синодъ, на обязанности котораго лежитъ поддерживать Православіе ненарушимо, сравнилъ законъ съ законами и нашелъ, что онъ не соотвѣтствуетъ имъ. Поэтому синодъ требуетъ, чтобы законъ былъ подвергнутъ соотвѣтственному измѣненію, и сожалѣетъ, что онъ былъ вызванъ къ жизни безъ соглашенія съ синодомъ епископовъ».

III.

«Милану С. Пирочанцу, министру президенту, министру иностранныхъ дѣлъ

«Милостивый Государь! Вчера, 15 (27) октября, министръ Новаковичъ и его секретарь (Стефанъ Д. Поповичъ), прибыли въ митрополію и подвергли каждаго члена въ отдѣльности допросу, хотя предсѣдатель и находился тутъ же на лицо. Соизвольте разсудить, законенъ ли, во-первыхъ, такой образъ дѣйствій, и во-вторыхъ, управомоченъ-ли кто-нибудь, кромѣ насъ, объяснить наши слова. По случаю сообщенія рѣшенія синода министру духовныхъ дѣлъ, мы отвѣчали также и на письмо министра отъ 21 іюля (2 августа), что мѣстные епископы не могутъ принять закона о налогахъ. Вслѣдствіе того могла-ли быть принята мѣра, которая, подобно принятой министромъ вчера, противозаконна, несправедлива и унизительна для церкви? Сверхъ того, нужно помнить, что въ Сербіи никто не можетъ быть осужденъ, не бывъ выслушаннымъ, между тѣмъ Новаковичъ осудилъ митрополита, не выслушавъ его. Синодъ не можетъ принять законъ въ его нынѣшнемъ видѣ и измѣненіе его необходимо, что призналъ и министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Непостижимо, зачѣмъ принимаются мѣры способныя еще лишь больше запутать вопросъ. Разсчитывая на ваше безпристрастіе, прошу васъ найти достойный какъ для государства, такъ и для церкви выходъ, для мудраго, безпристрастнаго и справедливаго рѣшенія вопроса».

Архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ сербскій *Михаилъ.*
Бѣлградъ, 16 (28) октября 1881 г.

IV.

Протестъ сербскаго митрополита Михаила противъ княжескаго декрета, увольняющаго его отъ должности.

«Ваше высочество! Отставленіе меня отъ должности архіепископа бѣлградскаго и митрополита сербскаго и послѣдовавшее въ тоже время назначеніе управляющимъ церковными дѣлами Моисея, епископа неготинскаго, есть вопіющее правонарушеніе по отношенію какъ къ сербской конституціи, такъ и православной Церкви. Православная церковь признается конституціею государственной церковью княжества, а послѣдняя, въ силу основныхъ каноновъ православной Церкви, подвѣдомственна исключительно патріарху константинопольскому. Достоинство епископскаго сана и принесенная мною публично торжественная присяга—охранять святость Вѣры и права Церкви—вмѣняютъ мнѣ въ обязанность, какъ главѣ сербской церкви, не оставлять своей резиденціи, а распоряженіе свѣтской власти, лишающее меня сана и назначающее на мое мѣсто епископа Моисея, предать анаѳемѣ, какъ актъ насилія, направленный противъ существующихъ церковныхъ законовъ. Рѣшеніе моей судьбы зависитъ отъ тѣхъ, кто имѣетъ право располагать ею, а именно отъ патріарха константинопольскаго, какъ главы вос-

точнаго синода, отъ патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, отъ синодовъ: всероссійскаго, эллинскаго и румынсккаго и отъ митрополитовъ: черногорскаго, румынскаго и греческаго. Къ этимъ членамъ и верховнымъ главамъ православной Церкви я апеллировалъ, и лишить меня сана могутъ только синоды православной Церкви, а отнюдь не совѣтъ министровъ, не имѣющій права принимать какія бы то ни было рѣшенія по церковнымъ дѣламъ. Какъ сербскій гражданинъ и человѣкъ, прослужившій государству двадцать восемь лѣтъ, я ссылаюсь сверхъ того на ст. 26-ю сербской конституціи, по которой никто не могъ быть осужденъ безъ суда и не выслушавъ направленнаго противъ него обвиненія, дабы имѣть возможность защищаться. Между тѣмъ никакого обвиненія противъ меня не было предъявлено и я не былъ преданъ надлежащему суду. Поступокъ вашего министерства есть самое вопіющее нарушеніе законовъ, вслѣдствіе чего и указъ лишенъ всякой силы. Отказываясь подчиниться распоряженію объ обложеніи лицъ духовнаго званія особымъ налогомъ, я исполнилъ только свой долгъ и свою обязанность. Мѣра эта является симоніей по отношенію къ православной Церкви, а такъ какъ по этому вопросу не испрошено было мнѣніе ни епископскаго синода, ни мое собственное, то синодъ отвергнулъ ее постановленіемъ, подписаннымъ митрополитомъ, архіепископомъ Викторомъ нишскимъ и епископами Викентіемъ ужицкимъ, Моисеемъ неготинскимъ и Іеронимомъ шабацкимъ, призналъ ее недѣйствительною. Отвѣтственности за схизму въ сербской церкви я брать на себя не желаю.

«Бѣлградъ 20-го октября 1881 г.

«Глава сербской церкви и митрополитъ сербскій Михаилъ».

Напечатано въ «Странникѣ» въ декабрьской книжкѣ 1881 г. и отдѣльной книжкой.

Памяти митрополита сербскаго Михаила.

(Произнесено въ соединенномъ засѣданіи обществъ Славянскаго благотворительнаго и Распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, 11-го марта 1898 года).

Высоко цѣня выпавшіе на мою долю счастье и честь лично знать и пользоваться расположеніемъ блаженно почившаго митрополита Михаила, и нынѣ въ этомъ сонмѣ его почитателей, единомышленниковъ и друзей вознести ему дань благодарнаго воспоминанія и хвалы, я обращу ваше вниманіе на ту сторону дѣятельности митрополита Михаила, которая особенно роднила его съ нашимъ Русскимъ народомъ и Славянскимъ обществомъ.

Чѣмъ особенно былъ дорогъ намъ всѣмъ митрополитъ Михаилъ, что именно, какія свойства его души, какія стороны его дѣятельности вознесли его такъ высоко надъ всѣми современными ему сербскими общественными и государственными дѣятелями и прославили имя его далеко за предѣлами родной его страны?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я дамъ не отъ себя, а предложу его вашему разуму и сердцу словами, сказанными и написанными самимъ митрополитомъ Михаиломъ или же высказанными и написанными ему въ разные знаменательные для него, радостные или скорбные дни его дѣятельной, многоплодной и многострадальной жизни.

Когда въ 1846 году будущій митрополитъ сербскій, въ то время двадцатилѣтній юноша Милое Іовановичъ промышленіемъ Божіимъ приведенъ былъ для духовнаго наученія въ Россію, въ нашъ древній Кіевъ, эту колыбель русскаго православія, священную матерь городовъ русскихъ, — этотъ юный семинаристъ написалъ для себя слѣдующія строки, которыя перечитывалъ потомъ, пока находился въ Россіи, каждый день утромъ и вечеромъ:

«Не забывай никогда, ни на одно мгновеніе, для чего оставилъ ты свою родину и прибылъ сюда! Знай, что не для

того ты здѣсь, чтобы пользоваться удовольствіями жизни, но чтобы денно и нощно трудиться и пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній, въ которыхъ твоя родина крайне нуждается! Помни, что въ твоемъ отечествѣ есть еще турки, которые мѣшаютъ его развитію, и что швабы (австрійскіе нѣмцы) задерживаютъ всячески его ростъ! О, злополучный народъ Сербскій! Неужели такова твоя несчастная судьба, что ты, горемычный, безжалостно расчлененъ?» Далѣе Милое, обращаясь снова къ самому себѣ, говоритъ: «И такъ, блюди себя и помни, что въ Сербіи—очагъ, который долженъ грѣть просвѣщеніемъ всѣ сербскія страны. Старайся, что-бы современемъ и ты могъ быть сколько нибудь полезенъ своему дорогому и любимому Народу!»

Уже въ этихъ первыхъ, дошедшихъ до насъ, словахъ будущаго митрополита Михаила, вылившихся изъ чистаго юношескаго сердца,—не опредѣлился ли весь будущій общественный и церковный дѣятель, не опредѣлился ли весь человѣкъ?

Въ нихъ сказалась пламенная любовь къ родной землѣ, родному народу, расчлененнымъ и угнетаемымъ алчными и безжалостными иноплеменниками; въ этихъ юношескихъ словахъ сказалась глубокая скорбь о злополучіи своего народа и вмѣстѣ страстное желаніе ему послужить и твердая рѣшимость упорнымъ деннымъ и нощнымъ трудомъ приготовить себя самого къ достойной службѣ своему народу.

О, если бы наша русская молодежь лелѣяла въ себѣ такіе же помыслы и чувства, съ такимъ же сознаніемъ долга передъ родной страной кончала наши гимназіи и семинаріи и вступала въ академіи и университеты!

Что митрополитъ Михаилъ остался вѣренъ навсегда положенному имъ себѣ въ юности завѣту, объ этомъ громко свидѣтельствуетъ вся его послѣдующая жизнь и дѣятельность.

О пріобрѣтенныхъ имъ богословскихъ знаніяхъ и прочномъ усвоеніи духа истиннаго Православія свидѣтельствуютъ множество его ученыхъ богословскихъ и наставительныхъ духовныхъ сочиненій и вся его дѣятельность въ санѣ первосвятителя Сербской Церкви; въ особенности же—исполненное мужественнаго достоинства поведеніе его въ распрѣ, начатой съ Церковью сербскимъ правительствомъ, поддавшимся чужимъ, враждебнымъ Православію и Славянству вліяніямъ.

Та же любовь къ своему народу, которая привела нѣкогда Милое Іовановича въ Россію для наученія и подготовки, то же желаніе служить своему Сербскому народу, соединенное съ вѣрнымъ пониманіемъ дѣйствительнаго его положенія и того, кто этому народу ворогъ лихой и кто истинная опора

и другъ,—приводили и потомъ не разъ митрополита Михаила въ Россію для того, чтобы быть здѣсь ходатаемъ и предстателемъ за свой народъ.

26-го октября 1869 г. Петербургскій отдѣлъ Славянскаго комитета, т. е. наше нынѣшнее Славянское общество, въ общемъ собраніи своихъ членовъ радостно привѣтствовало высокопреосвященнаго митрополита сербскаго Михаила, посѣтившаго собраніе въ сопровожденіи архимандрита Никифора Дучича и игумена Іосифа.

Приведу привѣтствія, обращенныя тогда къ высокому и дорогому гостю первымъ предсѣдателемъ нашего общества незабвеннымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ и почетнымъ нашимъ сочленомъ Т. И. Филипповымъ, и отвѣтныя имъ слова сербскаго владыки.

А. Ѳ. Гильфердингъ, между прочимъ, сказалъ: «Намъ всѣмъ извѣстно, что весь Юго-славянскій міръ съ особенною любовію взираетъ на архипастырскій престолъ въ Бѣлградѣ. Я, бывавши самъ въ этихъ земляхъ, могу сказать, что не только съ любовію, но почти даже съ завистью. Для всего Южнославянскаго міра Православная Церковь составляетъ высшую святыню—не религіозную только, но и народную, такъ сказать, палладіумъ славянской народности. Но во многихъ земляхъ Славянскаго Юга Православная Церковь является, увы! какъ бы обезглавленною. Не мало тамъ епархій, которыхъ пастыри—чужіе своей паствѣ и паства ихъ чуждается. Счастливая Сербія видитъ во главѣ своей Церкви лучшаго изъ ея сыновъ и служителей, достойнаго преемника Неманича Саввы. Я позволю себѣ напомнить одну черту изъ жизни древняго просвѣтителя Сербіи. Писатель, сохранившій намъ подробности его жизни, разсказываетъ, что Савва, бывши еще юношей, плѣнился рѣчами русскаго человѣка, который пришелъ за подаяніемъ къ могущественному государю Сербіи. За этимъ русскимъ человѣкомъ онъ послѣдовалъ изъ родительскаго дома, чтобы въ русскомъ монастырѣ искать духовнаго образованія. Ваше высокопреосвященство также нѣкогда искали духовнаго образованія въ русской средѣ. Древнее духовное единеніе и общеніе Россіи съ Южно-славянскимъ міромъ, принесшее столько-же пользы Россіи, сколько и южно-славянскимъ народамъ, никогда не прекращалось, и въ настоящее время оно сознается болѣе, чѣмъ когда-либо. Мы всѣ питаемъ твердую надежду и убѣжденіе, что это благотворное общеніе еще болѣе усилится, благодаря пріѣзду вашему въ Россію, что благословеніе ваше, намъ преподанное, и личное ваше знакомство съ нами скрѣпятъ наши духовныя связи съ Южно-славянскимъ міромъ,

связи, въ поддержаніи и развитіи которыхъ нашъ Отдѣлъ полагаетъ свою священнѣйшую задачу».

Митрополитъ Михаилъ отвѣчалъ:

«Особенно пріятно мнѣ видѣть, что здѣсь, въ Петербургѣ, живо сознается славянское дѣло, что здѣшніе жители намъ оказываютъ такое глубокое сочувствіе, какъ къ славянамъ, роднымъ братьямъ Русскаго народа. Да благословитъ Господь Богъ труды и усилія Славянскаго комитета въ пользу православнаго просвѣщенія, духовнаго единенія и братства всѣхъ славянскихъ народовъ».

Т. И. Филипповъ, упомянувъ о той радости и любви, съ которыми встрѣчали митрополита Михаила въ Кіевѣ и Москвѣ, въ объясненіе ихъ сказалъ:

«Источникъ ихъ возвышенъ и чистъ. Москва, вѣрный и испытанный стражъ завѣщанныхъ Русскому народу его прошлою жизнью преданій, въ числѣ ихъ съ особенною ревностію хранитъ священный завѣтъ духовнаго союза Русской земли со всѣми славянскими странами, и въ особенности съ тѣми, которыя донынѣ пребыли съ нами въ общеніи вѣры, не смотря на всѣ бѣдствія, въ теченіе слишкомъ 4 вѣковъ насылаемыя на нихъ изъ широко растворенныхъ и высокихъ вратъ адовыхъ.

Вотъ почему, увидавъ въ своихъ стѣнахъ предстоятеля единовѣрной намъ Церкви Сербской и представителя одного изъ доблестнѣйшихъ народовъ славянской семьи, Москва не могла удержать своего восторга и встрѣтила Тебя всенароднымъ выраженіемъ своего искренняго сочувствія.

Въ обители преподобнаго Сергія, котораго нетлѣннымъ останкамъ Ты пожелалъ воздать благоговѣйное поклоненіе, Ты нашелъ ту-же Москву и тамъ изъ устъ свѣтильника Русской Церкви и науки (А. В. Горскаго) имѣлъ случай выслушать слова признательности Сербской землѣ за услуги, оказанныя ею духовному просвѣщенію Русскаго народа въ иные, лучшіе дни ея исторической жизни.

И мы охотно присоединяется къ этому признательному заявленію и просимъ Тебя засвидѣтельствовать передъ твоимъ народомъ истину сложившейся у насъ пословицы: русскій человѣкъ добро помнитъ».

Переходя затѣмъ къ посѣщенію митрополитомъ Петербурга, Т. И. продолжалъ:

«Наконецъ, Ты достигъ до третьей, нынѣ предержащей, столицы Русскаго Царства, которая носитъ странное иноязычное имя, способное смутить слухъ славянина. Что дѣлать! Мы сами, не смотря на ежеминутное обращеніе въ нашихъ устахъ этого имени, никакъ не можемъ освоиться, и думаю,

что никогда не освоимся съ нимъ, какъ съ знакомъ того духовнаго плѣна, въ который Русскій народъ былъ отведенъ по особымъ судьбамъ своей исторіи, и въ которомъ его верхніе слои, а за ними отчасти и средніе, отчуждались мало по малу, отъ началъ собственной народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ естественнаго родства съ Славянствомъ.

Но «ослѣпленіе Израилю бысть отчасти», и, благодареніе Богу, узы этого плѣна уже ослабли и готовы ежеминутно порваться. Два года назадъ иноязычное имя этой столицы не помѣшало ей привѣтствовать собравшихся сюда славянскихъ гостей съ такимъ поразительнымъ единодушіемъ, котораго не превзошла въ своихъ изъявленіяхъ даже сама Москва...

Итакъ, три столь отличные одинъ отъ другаго города, представители трехъ различныхъ эпохъ русской исторіи, великокняжескій Кіевъ, царская Москва и императорскій Петербургъ (не вся-ли тутъ нынѣшняя и историческая Русь?) слились въ единой мысли и въ единомъ чувствѣ, когда имъ пришлось принимать у себя высокаго славянскаго гостя. Не явный-ли это знакъ, *что вся Русская земля, изъ края въ край, приступаетъ къ служенію великой идеѣ славянской взаимности,* въ которой залогъ близкаго избавленія нашихъ братій и нашей собственной крѣпости и дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ путяхъ жизни?

Правда, есть еще во тьмѣ гнѣздящіяся злыя силы, которыя рады были-бы воспрепятствовать торжеству этой идеи; но близокъ часъ, когда въ конецъ сокрушатся ихъ «немощныя дерзости»: подобно мрачному чудовищу древняго баснословія, за противоборство свѣтлому Олимпу, пораженному стрѣлою свѣтоноснаго бога, и эти порожденія тьмы не устоятъ противъ неотразимо-побѣднаго свѣта сознанія, и часть ихъ будетъ со смрадно издохшимъ Пиѳономъ.

Доблестный святитель! Позволь намъ надѣяться, что по возвращеніи къ своей паствѣ, Ты возвѣстишь ей, какъ очевидецъ и вѣрный свидѣтель, о тѣхъ успѣхахъ, которые съ каждымъ днемъ дѣлаетъ въ русскомъ обществѣ славянская мысль, и тѣмъ утвердишь ее еще крѣпче въ чувствахъ взаимной преданности и довѣрія къ Россіи. Въ словахъ моихъ нѣтъ сомнѣнія въ этихъ чувствахъ Сербскаго народа... но они вызваны заботливостью о прочности нашихъ взаимныхъ связей, внушаемою особымъ положеніемъ Твоей родины и вообще Юго-Востока Европы.

Для насъ не тайна, что по всему его пространству разсѣяны усердные служители враждебныхъ намъ властей и силъ. принимающіе на себя притворный образъ вашихъ друзей и

ищущіе отвлечь васъ отъ природнаго союза съ нами, чтобы потомъ обратить васъ въ орудіе своихъ хищническихъ цѣлей. Безъ устали и безъ стыда они сѣютъ среди васъ разнообразныя клеветы на Россію, пугая васъ призракомъ нашего властолюбія. Предостереги же своихъ родичей отъ этихъ опасныхъ внушеній и не облѣнись повторять имъ, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ заботы о счастіи и свободѣ (безъ которой нѣтъ и счастія!) нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что приписываемая намъ алчность къ поглощенію иныхъ народностей совершенно противна нашей природѣ; что мы не иначе, какъ съ трудными усиліями, рѣшаемся даже на необходимую оборону своихъ народныхъ правъ отъ посягательствъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ инородцевъ, которые безнаказанно шлютъ намъ вызовъ за вызывомъ.

Это ли черты народа жаднаго и склоннаго къ захватамъ? Захваты, дѣйствительно, грозятъ вамъ, только не отъ насъ, а отъ того же клевещущаго на насъ Запада, приближающагося къ вамъ съ притворнымъ участіемъ — образомъ евангельскаго татя, который не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ.

У насъ же одна о васъ мысль и одно попеченіе: чтобы по исполненіи временъ, когда Господу, въ рукѣ Котораго власть земли, угодно будетъ услышать воздыханія окованныхъ и возвратить плѣненіе людей своихъ,—всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлъ братень, и представили изъ себя союзъ мирныхъ, никому не угрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу.

Да продлятся, блаженнѣйшій Архипастырь, на счастіе Сербіи и на пользу Славянства, благодатные дни Твоей жизни до крайнихъ предѣловъ человѣческаго долголѣтія и да будетъ дано очамъ Твоимъ узрѣть спасеніе Твоего народа и исполненіе чаяній всего Славянства! Да на мѣстахъ, обезславленныхъ насиліемъ, возсіяетъ еще во дняхъ Твоихъ правда и множество мира, дондеже отъимется луна».

Митрополитъ отвѣчалъ на рѣчь Т. И. Филиппова слѣдующими словами:

«Благодарю васъ отъ души за вашу прекрасную рѣчь. Крѣпка надежда Сербскаго народа на велукодушіе Русскихъ. Сербскій народъ искренно надѣется на великаго Государя Русскаго и весь Русскій народъ. Я уповаю и твердо вѣрю, что мы дождемся, наконецъ, той счастливой минуты, когда

можно будетъ всѣмъ намъ, православнымъ, свободно воспѣть хвалебную пѣснь Богу въ храмахъ, не менѣе благоустроенныхъ и благолѣпныхъ, чѣмъ тѣ, которые украшаютъ великую Славянскую державу на славу и честь всего Славянства».

За время пребыванія Святителя Михаила на митрополичьемъ престолѣ совершилось много событій, которыя имѣютъ и будутъ имѣть большое вліяніе на судьбы Сербскаго народа и всего Славянскаго Востока. Важнѣйшими изъ этихъ событій, совершившихся при выдающемся участіи митрополита Михаила, слѣдуетъ признать автокефальность Сербской Церкви, достигнутую мудростію сербскаго первосвятителя въ полномъ согласіи съ церковными канонами и Вселенскою патріархіей, и — послѣднюю борьбу за славянское освобожденіе, которой владыка сербскій въ самомъ ея началѣ преподалъ свое благословеніе.

Обильная плодами дѣятельность сербскаго владыки, какъ ученаго богослова и какъ заботливаго пастыря словеснаго стада Христова, какъ лучшаго гражданина своей родины, старающагося направить теченіе ея жизни къ общеславянскому руслу, и, наконецъ, просто какъ человѣка съ чуткою и отзывчивою душой, снискала ему почетную извѣстность и глубокое уваженіе далеко за предѣлами его родины: во всемъ Славянскомъ мірѣ въ средѣ народныхъ громадъ, и даже за предѣлами Славянскаго міра, у тѣхъ образованныхъ иновѣрцевъ, которые способны уважать и цѣнить чужую человѣческую и народную личность.

Въ 1879 году 14-го октября исполнилось двадцать пять лѣтъ архіерейскаго служенія митрополита Михаила. День этотъ неожиданно сталъ днемъ великаго всеславянскаго торжества. Изъ всѣхъ сербскихъ краевъ и со всѣхъ концовъ обширной Русской земли понеслись къ этому дню посольства съ почетными дарами, безчисленныя поздравительныя телеграммы и обширныя посланія,—дань уваженія и признательности заслугамъ великаго святителя и великаго общественнаго дѣятеля въ православномъ Славянствѣ.

Россія привѣтствовала сербскаго владыку и отъ лица своего правительства и отъ лица Церкви и отъ всевозможныхъ учрежденій и обществъ, и множества частныхъ лицъ, лично владыкѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему вовсе. Къ посланію членовъ нашего Славянскаго общества присоединились многія другія русскія учрежденія и общества и между ними въ полномъ своемъ составѣ здѣшнее Чешское благотворительное общество.

Митрополитъ Михаилъ на поздравительную телеграмму и

на (приведенное выше въ предыдущей статьѣ) посланіе Славянскаго общества отвѣтилъ письмомъ на имя В. И. Ламанскаго слѣдующее:

«Многоуважаемый другъ!

Краснорѣчивое привѣтствіе и лестный для меня отзывъ друзей о моей прошедшей дѣятельности снова утвердили мою любовь и преданность Россіи, которая мнѣ и народу моему всегда благодѣтельствовала, поддерживая Православіе и Славянство. Въ многоуважаемомъ голосѣ дорогихъ друзей, почтившихъ меня благожеланіями въ памятный для меня день, я нахожу новыя подкрѣпленія для дальнѣйшей дѣятельности. Въ семъ голосѣ сознаю силу любви Русскаго народа къ сербамъ и славянамъ. Благодаря симъ высокимъ достоинствамъ Русскаго народа, имѣющаго столь славнаго Царя Освободителя, нѣсколько милліоновъ славянъ уже пользуются самостоятельною жизнью. *Но славянское дѣло еще не кончено.* Есть еще много единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ, терпящихъ невыносимое иго и отъ дикихъ варваровъ и отъ цивилизованныхъ враговъ нашего племени. Почему и требуются новыя жертвы, новыя усилія, новая взаимная дѣятельность всѣхъ славянъ для сохраненія и освобожденія всѣхъ славянскихъ вѣтвей. Путь для сего указанъ намъ уже тысячу лѣтъ тому назадъ святыми славянскими апостолами Меѳодіемъ и Кирилломъ и проложенъ въ Сербіи Саввою Неманичемъ. Отъ всей души радуюсь, что именно этотъ путь напоминается мнѣ привѣтствовавшими меня друзьями, какъ вѣрнѣйшій оплотъ славянской свободы, какъ хранитель славянскихъ народныхъ началъ. Крѣпко держась этого священнаго пути, я всегда считалъ и буду считать своимъ самымъ пріятнымъ долгомъ заботиться о поддержаніи и укрѣпленіи братскихъ отношеній, братской связи между русскими и сербами, которыхъ Православіе, этотъ символъ братскаго единомыслія и любви, уже соединило. Молясь Господу о счастливомъ успѣхѣ дѣятелей на славянской нивѣ, молюсь о здравіи привѣтствовавшихъ меня друзей и сестеръ, которымъ прошу передать мою глубочайшую благодарность за высокое вниманіе ихъ ко мнѣ. Благодарю васъ и Славянское благотворительное общество за привѣтствіе и братскую любовь ко мнѣ и народу Сербскому и призываю на васъ благословенія Господни».

Итакъ митрополитъ Михаилъ былъ живою связью, живымъ, такъ сказать, узломъ, соединявшимъ его отечество, Сербію, съ Россіей, и то, чтобы какъ можно болѣе скрѣпить эту

связь, онъ полагалъ главнѣйшей задачей своего жизненнаго подвига. И въ этомъ онъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ и выразителемъ пламенныхъ желаній и чувствъ лучшей части своего народа. Приведу этому нѣкоторыя доказательства. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ привѣтомъ въ тотъ же торжественный день 25-лѣтія архипастырскаго служенія митрополита Михаила обратились къ нему начальство и наставники бѣлградской учительской семинаріи:

«Черезъ нѣсколько дней, говорится въ этомъ привѣтствіи, исполнится три года съ того времени, когда послѣ свѣтлыхъ побѣдъ сербскаго оружія на Шуматовцѣ настало страшное пораженіе, та ужасная для насъ минута, когда турки прорвались на Джюнисъ. Делиградъ оставался еще въ сербскихъ рукахъ, но громовыя жерла пушекъ сыпали съ Джюниса ядра безъ числа на Делиградъ и его окрестности. Казалось, что насталъ конецъ сербской войнѣ, что вся Сербія будетъ полонена, и турки предпишутъ намъ миръ, какой имъ вздумается. Но одно слово остановило турокъ на Джюнисѣ, и они не двинулись ни шага далѣе. Кто сказалъ это сильное слово, предъ которымъ бѣшеные турки остолбенѣли? — Царь Александръ, властитель мощной Россіи. Русскіе удержали турокъ на Джюнисѣ, и они это сдѣлали изъ любви къ своимъ братьямъ сербамъ, одной съ ними вѣры и народности славянской... А что русскіе не позабыли свою далекую братію сербовъ въ этотъ тяжелый для нихъ часъ, за это слѣдуетъ быть благодарнымъ тѣмъ сынамъ сербскимъ, которые уже столько времени поддерживаютъ искреннія и непрерывающіяся связи съ лучшими и славными вождями народа Русскаго. Во главѣ этихъ лучшихъ своихъ сыновъ считаетъ народъ Сербскій ваше высокопреосвященство, и въ нынѣшній знаменательный день, когда мы собрались принести вамъ нашу признательность и хвалу, мы не можемъ не помянуть и тѣхъ безцѣнныхъ услугъ, которыя вы, архипастырь, оказали народу Сербскому въ самый тяжелый для него часъ и которыя *были свѣтлымъ плодомъ вашей 25-лѣтней дѣятельности*, направленной къ утвержденію и поддержанію браткихъ узъ между Россіей и Сербіей. И если бы ничего болѣе не было сдѣлано, то одна эта минута искупаетъ все: она блистательно доказала, что не напрасно было столько и столько лѣтъ поддерживать въ могучемъ славянскомъ Братѣ чувство взаимности славянской».

Упомянувъ далѣе объ обильной врачебной помощи раненымъ и о дѣятельности благотворительныхъ обществъ, раздававшихъ во всѣ стороны въ разоренныхъ войною округахъ и пищу, и одежду, и деньги на возобноеленіе сожженыхъ жи-

лицъ,—о помощи, которую привлекъ и которою руководилъ тотъ же митрополитъ Михаилъ, наставники учительской семинаріи высказываютъ особенную благодарность своему владыкѣ за то, что, благодаря его доблестямъ, и особенно чистой христіанской благости, которая блистаетъ во всѣхъ его дѣлахъ, «между Церковью и школою сохранилось въ Сербіи доброе согласіе и христіанская любовь». «Будемъ же мы, готовящіе наставниковъ сербскому юношеству, стараться о томъ, чтобы учителя сербскіе и впредь уважали и любили все, что Церковь и народъ Сербскій почитаютъ за святыню или что считаютъ они такимъ, что не можетъ быть измѣнено безъ соизволенія Церкви всего Православнаго міра. А священники сербскіе, имѣя въ своемъ архіереѣ живой примѣръ христіанской благости и скромности, пусть чтутъ и впредь истинную науку, которая необходима ради осуществленія великихъ задачъ, предстоящихъ народу Сербскому въ его будущемъ».

Адресъ заканчивается молитвеннымъ пожеланіемъ—чтобы Творецъ надолго сохранилъ въ архипастырѣ сербскомъ усерднаго старателя о томъ, *чтобы не была отнята у Сербіи любовь Русскаго народа,* ибо «*Косово еще не отмщено*» Сербу предстоитъ еще выдержать много борьбы, пока онъ обезпечитъ свою будущность.

Митрополитъ отвѣчалъ на это привѣтствіе:

«Меня радуетъ, что я слышу отъ васъ благородное желаніе, чтобы Церковь и школа были въ согласіи. Прошлое доказываетъ ясно пользу и необходимость этого согласія. Святой Савва, первосвященникъ сербской Церкви, есть вмѣстѣ и покровитель всѣхъ сербскихъ школъ. Будемъ же вѣкъ идти по пути, намѣченному для насъ святителемъ Саввой. *Въ этомъ чаяніе и счастье нашего народа.* Церковь наша не препятствуетъ просвѣщенію, но лелѣетъ и поддерживаетъ его. Пусть же и школа сербская, ширя просвѣщеніе, не повреждаетъ духовныхъ основъ, зная, что человѣкъ не можетъ быть безъ вѣры, и что безъ нея невозможно удержаться на нравственной высотѣ. Да будетъ же и впредь, какъ было и доселѣ въ Сербскомъ народѣ, благословенъ союзъ вѣры и науки, Церкви и школы!»

Въ приведенномъ только что привѣтствіи и въ отвѣтѣ на него митрополита, *въ этомъ молитвенномъ пожеланіи ихъ*—чтобы сохранился и впредь союзъ вѣры и знанія въ сербской странѣ, слышится уже нѣкоторая тревога и какъ-бы предчувствуются тотъ разрывъ между ними, то ожесточенное гоненіе, которому подверглась вскорѣ и православная Сербская Церковь и ея архипастырь.

Объ этомъ нечестивомъ гоненіи и мужественномъ стояніи противъ нападающихъ на Сербскую Церковь ея архипастыря, и о доблестной его борьбѣ повѣдаютъ вамъ другіе болѣе меня искусные и опытные въ церковныхъ вопросахъ вѣтіи. Я же приведу вамъ лишь на память два письма высокопреосвященнаго Михаила Славянскому обществу, изображающія положеніе и душевное настроеніе сербскаго владыки въ концѣ 1881 г.

I. «Душевно благодарю васъ и всѣхъ друзей Славянства—членовъ Славянскаго благотворительнаго общества за братское участіе къ судьбѣ несчастной родины моей, которая заслуживаетъ лучшей доли. Еслибы мое паденіе принесло пользу народу моему и св. Церкви православной, нисколько не жалѣлъ-бы ни я, ни вы. Но когда прогоняютъ въ угоду Австріи и для ея пользы—это слишкомъ больно. Прошу Господа да поможетъ моей родинѣ, столь много терпѣвшей и отъ чужихъ и отъ своихъ дѣтей.

Надежда бѣднаго народа—*на Россію,* что она не оставитъ его на произволъ гадкой Австріи, врагу и Славянства, и Православія.

Покорнѣйше прошу переслать прилагаемое письмо Аксакову въ Москву. Безпокою васъ потому, что по почтѣ нельзя посылать писемъ: кромѣ того, что читаютъ, еще и уничтожаютъ ихъ часто».

II. «Находясь мыслями и любовью съ вами, приношу вамъ сердечное поздравленіе съ наступающимъ новымъ 1882 годомъ и прошу Господа, да благословитъ труды Славянскаго благотворительнаго общества въ пользу славянъ и Православія, да хранитъ Господь Россію, защитницу нашу, и да подастъ Господь вамъ радость видѣть въ наступающемъ году лучшую судьбу славянъ и лучшій успѣхъ вашихъ трудовъ. Съ сими благожеланіями и молитвами призываю на васъ и на общество благословеніе Господа. Митрополитъ сербскій Михаилъ».

Но еще наканунѣ этихъ тяжелыхъ испытаній Господь судилъ своему избраннику пережить у себя на родинѣ одно свѣтлое событіе, торжественное впечатлѣніе котораго хотѣлось бы мнѣ сообщить и вамъ въ заключеніе своей, быть можетъ, нѣсколько утомительной для васъ бесѣды.

Черезъ годъ послѣ 25-ти-лѣтняго юбилея митрополита Михаила, 8-го ноября 1880 года произошло въ Сербіи открытіе памятника русскимъ добровольцамъ, положившимъ свои головы въ 1876 и 1877 годахъ въ войнѣ за славянское освобожденіе. Памятникъ поставленъ на холмѣ Руевицкомъ, близъ Алексинца; сооруженъ онъ на добровольныя пожертвованія въ Сербіи и Россіи; открытіе его чествовалось сербами съ необык-

новеннымъ торжествомъ. Почти все духовенство княжества во главѣ съ своимъ первосвятителемъ собралось въ Алексинацъ и участвовало въ торжествѣ. Оказало должную дань уваженія и признательности памяти погибшихъ за сербскую свободу русскихъ доброхотныхъ воиновъ и сербское правительство, незадолго предъ тѣмъ замѣнившее собою кабинетъ Ристича, мужественно руководившій Сербіею въ тяжелые годы военной борьбы, но неустоявшій въ борьбѣ съ происками хищной сосѣдней державы, которая, послѣ печальной памяти Берлинскаго конгресса, особенно дерзко и настойчиво стремится къ порабощенію Южнаго славянства.

Мѣстомъ для памятника выбранъ очень удачно Руевицкій холмъ у Алексинца, потому что самымъ кровавымъ и славнымъ событіемъ первой Сербско-Турецкой войны было отраженіе въ августѣ 1876 г. цѣлаго ряда турецкихъ натисковъ около Алексинца, которые по ихъ ожесточенному упорству могутъ быть сравнены съ натисками Сулеймановыхъ полчищъ на Шипку. А у насъ въ Россіи время кровавыхъ битвъ подъ Алексинцемъ было временемъ самаго высокаго подъема народнаго духа, самаго сильнаго напряженія народнаго чувства выразившихся въ повсемѣстномъ снаряженіи добровольцевъ и требовавшихъ болѣе дѣйствительной помощи изнемогавшимъ въ неравной борьбѣ единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи служились панихиды по убитымъ и молебны о дарованіи побѣдъ славянскому оружію. Такъ, на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ мнѣ привелось въ то время быть по порученію Славянскаго общества, телеграммы о сраженіяхъ подъ Алексинцемъ раскупались на расхватъ и заставляли то радостно биться, то обливаться кровью сердца русскихъ людей. 16-го августа служились тамъ въ главномъ ярмарочномъ соборѣ молебствіе о дарованіи побѣды славянскому оружію и панихида по убитымъ; когда же получено было радостное извѣстіе, что всѣ нападенія турокъ подъ Алексинцемъ удачно отбиты войсками М. Г. Черняева, то 22-го августа въ томъ же соборѣ была отслужена архіепископомъ Нижегородскимъ Іоанникіемъ, нынѣ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, новая панихида по убитымъ и совершены крестный ходъ по ярмаркѣ и торжественное благодарственное за побѣду молебствіе на площади у Макарьевской часовни. Съ такимъ болѣзненнымъ трепетомъ и съ такимъ восторгомъ не встрѣчались впослѣдствіи вѣсти о неудачахъ и объ успѣхахъ нашего оружія въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг. И это понятно: во время Русско-Турецкой войны при удачахъ и неудачахъ русскаго оружія русскіе люди, общество наше и народъ, не сомнѣва-

лись въ окончательномъ исходѣ войны въ нашу пользу; осенью же 1876 г., когда правительство наше окончательно еще не рѣшилось на войну, сербско-добровольческая рать на берегу Моравы казалась единственнымъ оплотомъ Славянства противъ турецкихъ полчищъ, и, сознавая слабость этого оплота, русское общество не могло не трепетать за его участь и за участь южнаго Славянства.

Пріуроченіе открытія памятника ко дню 8-го ноября— дню Ангела М. Г. Черняева—тоже было знаменательно: чествуя память усопшихъ, слѣдовало почтить и живыхъ дѣятелей, трудившихся на одной съ ними нивѣ, а митрополитъ сербскій Михаилъ и Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ были душою того, что совершилось въ 1876 г. въ Сербіи, ставшей средоточіемъ міровыхъ событій, вызванныхъ славнымъ Герцеговинскимъ возстаніемъ. Эти два человѣка не умрутъ въ Славянской исторіи, потому что оба они—начинатели великаго и славнаго дѣла. Митрополитъ Михаилъ благословилъ начало освободительной борьбы, М. Г. Черняевъ первый въ Россіи обратился въ издавшейся имъ тогда въ газетѣ «Русскій Міръ» къ русскому обществу съ приглашеніемъ помочь братскому народу въ неравной борьбѣ и затѣмъ самъ явился передовымъ въ ней бойцомъ и увлекъ за собою тысячи соотчичей-добровольцевъ.

Задачею ихъ было временно задержать напоръ мусульманскихъ полчищъ и не дать, обезсилѣвъ, заглохнуть и захлебнуться въ собственной крови тому освободительному движенію, которое такъ доблестно было начато и поведено нашими братьями въ Герцеговинѣ и Босніи. Эта задача выполнена Черняевымъ и его добровольцами, и поэтому и послѣ Джюниса любовь народная въ Россіи и Сербіи неизмѣнно остается съ нимъ.

Да не будетъ мнѣ укоризны въ томъ, что я говорю теперь о Нижнемъ-Новгородѣ, Черняевѣ и добровольцахъ, и тѣмъ какъ бы уклоняюсь отъ предмета сегодняшней нашей бесѣды о митрополитѣ Михаилѣ. Нѣтъ, величавый образъ сербскаго владыки былъ бы недостаточно полно и выпукло вамъ представленъ, если бы онъ не явился предъ вами въ той исторической обстановкѣ, въ которой и на которую ему довелось дѣйствовать, быть можетъ, въ лучшую пору его жизни и дѣятельности. Да и можно-ли здѣсь, въ Славянскомъ обществѣ, говоря объ этой порѣ жизни митрополита Михаила, не остановиться благодарной памятью на тѣхъ вольныхъ ратникахъ за вѣру Христову и славянскую свободу, которыхъ мы же тысячами отправляли въ Сербію, какъ отвѣтъ на зовъ о помощи того же митрополита Михаила, и которые тысячами

тамъ полегли съ свѣтлымъ упованіемъ, что святое дѣло братской свободы не нынче, такъ завтра восторжествуетъ. Это свѣтлое упованіе ни въ насъ, ни въ сербахъ не изсякло и послѣ злосчастнаго Берлинскаго договора и той глубокой кровавой раны, которая нанесена была сербскому народному тѣлу этимъ договоромъ,—вы знаете, конечно, что я говорю объ уступкѣ православныхъ сербскихъ земель Герцеговины и Босніи исконному врагу Православія и Славянства. Какимъ ужаснымъ испытаніемъ было это событіе для нашихъ братьевъ сербовъ и какое крѣпкое упованіе въ торжество праваго дѣла и въ славянское призваніе Россіи надо было имѣть, чтобы устоять въ этой вѣрѣ и не замутиться умомъ и совѣстью! Не будемъ же строго судить и тѣхъ, кто замутился и не устоялъ: не всякому дано быть Мининымъ или Михаиломъ. Но мы счастливы тѣмъ, что не только такія исключительныя личности, какъ митрополитъ Михаилъ, но и вся громада Сербскаго народа, но и многіе рядовые люди изъ образованной его среды, которая, какъ извѣстно, у насъ, славянъ, особенно легко поддается чужимъ вліяніямъ,—хранятъ въ себѣ тѣ же чувства, упованія и завѣты. Вотъ, напримѣръ, какъ вылились они въ стихахъ неизвѣстнаго сербскаго пѣснотворца по поводу того же руевицкаго памятника:

«Лѣтопись Славянской жизни,
Повѣсть славы и страданья,
Запиши на память внукамъ,
Братьевъ свѣтлыя дѣянья!

Издалека, гдѣ привольно
Днѣпръ, Нева и Волга льются,
Въ бой съ турецкой силой злою
Стаи соколовъ несутся.
Первый далъ примѣръ Черняевъ
И къ народному герою
Рать слетѣлась удалая,—
Положить конецъ разбою,
Иль надъ сербскою Моравой,
Мстя за братскую невзгоду,
Пасть во славу вѣры правой,
Лечь за милую свободу.
И обѣтъ свой вольный славный,
Братья свято изверпили:
Въ спорѣ съ силою неравной
Буйны головы сложили...

Подъ лазурнымъ небосклономъ
Въ Руевицѣ, гдѣ не мало
Русскихъ витязей удалыхъ
Въ лютой битвѣ грозно пало,—

Съ свѣтлымъ чувствомъ собралися
Днесь, для тризны величавой,
Дѣти вольной Шумадіи
И Москвы золотоглавой;
И святой ихъ гробъ—ту землю,
Гдѣ ихъ кости опочили,—
Свѣтлой данью скорби братской,
Слезъ росою омочили;
И, грядущему на память,
Позднимъ внукамъ въ назиданье,
Стройный памятникъ воздвигли—
Дѣлъ ихъ славныхъ воздаянье;
Да отнынѣ Руевица
Внукамъ, правнукамъ вѣщаетъ:
«Здѣсь три тысячи отважныхъ
Братьевъ Русскихъ почиваетъ,
Что приспѣли вольной волей
Въ помощь Сербскому народу
Отомстить его обиды,
Отстоять его свободу!
И святая эта жертва,
Ихъ посѣвъ у насъ кровавый
Отродится намъ свободой,
А всему Славянству—славой!» *)

Еще одно—послѣднее слово.

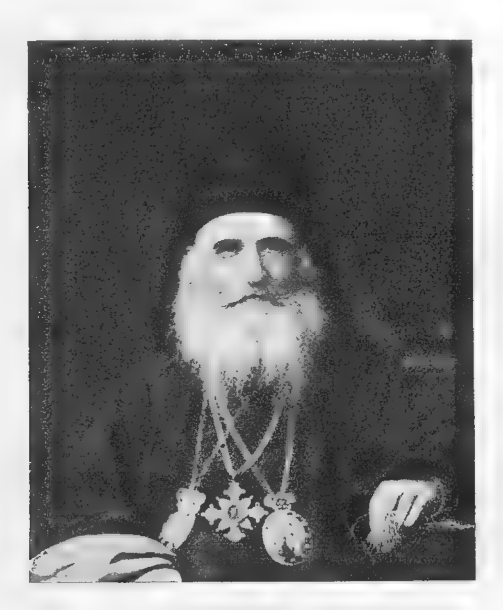
Упованіе не посрамитъ! Но тогда только, когда мы дѣятельно будемъ относиться къ его предмету.

Великая наша Держава, имѣющая міровыя призваніе и цѣли, во всѣхъ своихъ частяхъ должна быть дѣятельна и насторожѣ, ибо,—пользуюсь классическимъ образомъ для сравненія,—великій Ахиллесъ погибъ отъ того, что пренебрегъ обезопасить отъ уязвленія свою пяту. Поэтому радуетъ насъ, русскихъ людей, что долгое небреженіе нашего государства объ отдаленныхъ и почти мертвыхъ его окраинахъ смѣнилось, наконецъ, дѣятельною заботою о ихъ пробужденіи и охранѣ. Но да не ослабнетъ при этомъ наше вниманіе къ задачамъ Россіи, какъ великой Православной и Славянской Державы! Вѣдь тою кровавою обидой, которая нанесена въ Берлинѣ Сербскому народу, болѣютъ и наши русскія сердца; вѣдь одинъ и тотъ же врагъ гонитъ Православіе и растлѣваетъ умы и сердца и въ сербскихъ Босніи и Герцеговинѣ и въ русской части Угорщины и Галичины, бывшемъ достояніи святаго князя Владиміра.

---

*) Сербскій подлинникъ этого стихотворенія напечатанъ въ газетѣ «Истокъ» 14 октября 1880 года.

Будемъ же, по завѣту митрополита Михаила, денно и нощно думать и радѣть о томъ, чтобы возстановить нарушенную тѣлесную и духовную цѣлость Русскаго народа и осталь-



Митрополитъ Сербскій Михаилъ въ 1885 г.

ного Славянства; и да поможетъ намъ въ томъ, молитвами святаго равноапостольнаго князя Владиміра и святыхъ славянскихъ первоучителей Меѳодія и Кирилла, Пресвятая Троица! Аминь.

Напечатано въ „Россіи“ и отдѣльной книжкой въ 1898 г.

Привѣтствіе Митрополиту Сербскому Михаилу,

сказанное 30-го ноября 1885 года на трапезѣ въ церковномъ домѣ собора Св. Андрея Первозваннаго послѣ литургіи, совершенной въ этомъ соборѣ находившимся въ то время въ Русской сѣверной столицѣ Сербскимъ Владыкою.

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Искони вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ нашимъ предкамъ изъ враждебной имъ дотолѣ Византіи возсіяло солнце правды, благочестивою Русскою Землей всегда глубоко цѣнилось, принималось, какъ знакъ особеннаго благоволенія Божія, ея посѣщеніе высокими іерархами другихъ православныхъ церквей Востока. Это потому, что въ нашей Руси всего дороже цѣнилось и цѣнится единеніе ея Церкви съ другими Православными Церквами. Но ваше посѣщеніе, Владыко, встрѣчается у насъ повсюду съ особенною радостію и любовью. Вы дороги Русскому Народу не только, какъ предстоятель Православной Сербской Церкви, но и какъ достойнѣйшій представитель дорогого намъ братскаго Сербскаго Народа. Вы были въ вашей землѣ крѣпкимъ звеномъ, связывавшимъ Сербскую Церковь и Сербскій Народъ съ Русскою Церковью и Народомъ. Понятно поэтому, что, когда враги Славянскаго Міра захотѣли посѣять въ землѣ Ващей рознь и смуту, то прежде всего постарались они добиться Вашего изъ нея удаленія. Отсюда именно исходили и тѣ нападенія на права Сербской Церкви, которымъ Вы такъ доблестно противоборствовали. Великія несчастія постигли Сербію послѣ того, какъ Вы ее оставили. Она разорена и обезславлена не столько побѣдами, одержанными надъ ней родственнымъ ей народомъ, сколько несправедливо начатою ею самою войной. Но въ русскихъ людяхъ живетъ крѣпкая увѣренность въ томъ, что огромное большинство Сербскаго Народа неповинно въ этой войнѣ и этой розни. Чествуя Васъ, Владыко, какъ представителя этой здоровой части всегда намъ любезнаго Сербства, мы желаемъ Вамъ поскорѣе дождаться той радостной какъ для Васъ, такъ одинаково и для насъ, поры, когда покончится эта братская рознь, когда залѣчатся язвы Вашего Народа, когда Народъ этотъ будетъ опять въ добромъ согласіи со всѣми другими Славянскими Народами. Да здравствуетъ же на многія лѣта Митрополитъ Сербскій Михаилъ! Слава Митрополиту Михаилу! Слава Сербству и всему Славянству».

Памяти блаженнопочившаго Митрополита Саввы Косановича.

«Ласно бити *пъви*-другъ, но треба бити *плачи*-другъ», т.-е. легко быть другомъ въ радости, когда *поется*, но надо быть другомъ въ *печали*, когда приходится *плакать*, сказалъ въ тяжелую для сербовъ годину своимъ соотчичамъ босанскимъ сербамъ-мусульманамъ блаженно-почившій Митрополитъ Савва Косановичъ, священной памяти котораго преимущественно будетъ посвящено сегодняшнее мое къ вамъ слово.

Судьбы родного намъ Сербства, особенно въ подневольныхъ его частяхъ—Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи—несомнѣнно близки сердцу Русскаго народа. Но добрыхъ вѣстей изъ этихъ мѣстъ давно къ намъ вовсе не доходитъ, а о страданіяхъ и гибели, гибели жизней и душъ, изодня въ день идутъ къ намъ громкіе вопли и подавленные стоны. Но къ нимъ прислушалось уже наше ухо и преисполненныя ими, какъ, впрочемъ, и невзгодами собственнаго нашего народа, какъ бы отяжелѣваютъ уже наши сердца и начинаютъ притупляться наши вниманіе и слухъ.

Да, трудно быть *плачи-другомъ*, легче быть *пъви-другомъ!* Но, конечно, только *плачи-другъ* есть истинный другъ; и потому на насъ лежитъ святой долгъ будить вниманіе русскаго общества къ положенію подневольныхъ нашихъ братьевъ, останавливаясь возможно чаще на отдѣльныхъ событіяхъ ихъ нерадостной жизни въ нашихъ общественныхъ бесѣдахъ.

Въ февралѣ и мартѣ этого года Герцеговина лишилась трехъ видныхъ, хотя, конечно, и не равныхъ по значенію общественныхъ дѣятелей.

11-го Февраля скончался въ Черногорскомъ прибрежномъ городѣ Ульцинѣ, или Дульцинѣ, жившій тамъ на покоѣ, но далеко не бездѣйствовавшій бывшій Архіепископъ Сараевскій и Митрополитъ Дабро-Босанскій *Савва Косановичъ*. Слѣдомъ за нимъ 18-го того же мѣсяца скончался въ Мостарѣ Митрополитъ Герцеговино-Захолмскій *Серафимъ Перовичъ* и, наконецъ, 20-го марта умеръ бывшій еще такъ недавно здѣсь, между нами, нашимъ желаннымъ гостемъ одинъ изъ собственниковъ

и соредакторовъ «Сербскаго Вѣстника» въ Мостарѣ, Миланъ Міятовъ *Радовичъ*.

Скажу о каждомъ изъ нихъ.

Миланъ Радовичъ скончался еще юношею: ему не было полныхъ тридцати лѣтъ. Онъ былъ сыномъ зажиточнаго человѣка Сердаря Міята Радовича въ Мостарѣ. Раннее его дѣтство прошло подъ впечатлѣніями Черногорско-Турецкой войны и слѣдовавшихъ за нею въ Герцеговинѣ бурныхъ событій. И это не могло не оставить неизгладимыхъ слѣдовъ на его душѣ. Всякая неправда, кого бы она ни касалась, глубоко волновала его сердце. Получивъ кое-какое школьное образованіе въ Мостарѣ, Миланъ Радовичъ развилъ себя самообразованіемъ. Въ 1891 году братъ его старшій Владиміръ Радовичъ основалъ первую книготорговлю и печатню въ Мостарѣ, а въ 1897 году, послѣ продолжительныхъ настойчивыхъ хлопотъ, получилъ разрѣшеніе на изданіе первой-же въ Мостарѣ политической газеты «Сербскій Вѣстникъ»; Миланъ Радовичъ раздѣлялъ всѣ труды своего брата по завѣдыванію печатнею, книготорговлей и газетой, и сотрудничалъ въ послѣдней. Смерть брата—пять лѣтъ тому назадъ, а затѣмъ и отца увеличила его заботы и труды, и все это вмѣстѣ надломило его здоровье. Три года назадъ стала у него болѣть грудь; но покойный не обращалъ на свою болѣзнь должнаго вниманія, а окружающіе его, даже близкіе къ нему люди долго и не подозрѣвали опасности его положенія. Еще недавно, въ этомъ году, былъ онъ здѣсь нашимъ гостемъ, и намъ по его прекрасной и цвѣтующей наружности, никому и въ голову не могло придти, что онъ тяжело боленъ. Только за десять дней до кончины слегъ онъ въ постель, съ тѣмъ, чтобы уже съ нея не вставать. Съ необыкновеннымъ спокойствіемъ глядѣлъ онъ въ глаза смерти, и просилъ у Бога одной только милости — сократить его болѣзнь; что и было ему дано Всевышнимъ.

Да будетъ ему вѣчная память и вѣчный покой!

Въ противоположность Радовичу, Митрополиты *Серафимъ Перовичъ* и *Савва Косановичъ*, какъ показываетъ уже и самый ихъ санъ, сошли въ могилу въ преклонныхъ лѣтахъ. Серафимъ скончался 76 лѣтъ. Савва Косановичъ былъ на 12 лѣтъ моложе его. Но я познакомился съ Серафимомъ Перовичемъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ—въ 1878 году, проѣздомъ въ Черногорію. Онъ жилъ тогда въ Дубровникѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, воеводою-архимадритомъ *Мелентіемъ Перовичемъ* и іеромонахомъ *Леонтіемъ Радуловичемъ*, бывшимъ впослѣдствіи предмѣстникомъ Серафима на митрополичьей каѳедрѣ. Серафимъ уже въ то время казался глубокимъ стар-

цемъ, а между тѣмъ тогда ему было всего 51 годъ. Но и Перовичу и Косановичу пришлось много вынести трудовъ и лишеній и много пострадать за свой народъ, и эти труды и лишенія преждевременно состарили и свели въ могилу обоихъ.

Молодость и воспитаніе того и другаго Владыки и вообще обстоятельства ихъ жизни были во многомъ сходны.

Оба были родомъ Герцеговинцы. Серафимъ Перовичъ изъ села Горицы, Требиньскаго округа, а Савва Косановичъ изъ села Миляничей, въ Банянахъ,— племени смежномъ съ Требинянами, входящемъ теперь въ составъ Черногоріи. Оба они въ юности получили первыя начатки образованія въ монастырѣ *Житомишличи,* который находится въ четырехъ-часовомъ разстояніи отъ Мостара, а затѣмъ богословское образованіе въ Бѣлградской Семинаріи. Но Серафимъ еще до поѣздки въ Бѣлградъ принялъ монашество и посвященъ въ іеромонахи, въ 1848 году, въ монастырѣ Дужи Герцеговинскимъ Митрополитомъ Іосифомъ; и затѣмъ уже по совѣту и съ письмомъ протоіерея въ Дубровникѣ, бывшаго впослѣдствіи Дабро-босанскимъ Митрополитомъ,—*Георія Николаевича* къ бѣлградскому Митрополиту *Петру Іовановичу,*—отправился въ Бѣлградъ, вмѣстѣ съ другимъ такимъ же юношею—іеромонахомъ *Никифоромъ Дучичемъ;* гдѣ оба они и были приняты на казенный счетъ въ семинарію. Савва же Косановичъ, съ дѣтскихъ лѣтъ сгоравшій неудержимою жаждою образованія, изучивъ въ Житомисличѣ часословъ и псалтирь, отправился затѣмъ въ Мостаръ и тамъ, терпя лютую нужду, прошелъ городскую школу и готовился уже постричься въ Житомишличахъ, говоря самъ съ собою: «Я здѣсь похороненъ; знаю, что есть и еще люди, и высшія училища. Благо тѣмъ, кто можетъ ихъ видѣть и въ нихъ попасть!»

Но извѣстный въ то время въ Сараевѣ учитель Александръ Шушкаловичъ далъ ему письмо къ тогдашнему уже Митрополиту бѣлградскому — тому же Петру Іовановичу и къ завѣдывавшему народнымъ просвѣщеніемъ Любоміру Ненадовичу, и вотъ Савва Косановичъ пѣшкомъ съ нѣсколькими мелкими монетами въ карманѣ отправился въ Бѣлградъ. Вотъ какъ самъ онъ впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ своемъ путешествіи (Босанска Вила): «Въ 1856 году отправилъ меня учитель Шушкаловичъ въ Бѣлградъ. У меня было только нѣсколько грошей (грошъ = 10 крейцеровъ австр. или на наши деньги 6—8 копѣекъ). Со мною шелъ еще одинъ мой пріятель, теперь священникъ, стремившійся также въ бѣлградскую семинарію, и торговецъ изъ Мостара *Оборина.* Они были верхомъ, а я шелъ между ними пѣшій. На мнѣ была кое-какая оде-

женка, а на ногахъ болтались фирале—тонкая турецкая обувь. Идя такимъ образомъ, встрѣтили мы *Николу Кулянина* изъ Осѣка, гнавшаго передъ собою коней. Оборинѣ было жалко, что я тащусь за нимъ пѣшій, и онъ крикнулъ Кулянину: «эй, братецъ, дай одного коня этому пареньку, я заплачу тебѣ за его проѣздъ!» — «Не могу, хозяинъ, отвѣтилъ тотъ, кони намъ нужны». — «Такъ дай пару опанокъ!» Кулянинъ снялъ съ себя опанки, далъ мнѣ ихъ, а я сѣлъ на краю дороги на стѣнку и обулъ опанки. Ахъ, былъ ли кто счастливѣе меня, когда я увидѣлъ свои ноги въ опанкахъ! И я такъ зашагалъ, что мои спутники, оба конные, отъ меня отставали.

«Черезъ нѣсколько дней пути пришли мы въ Брчко. Солнце палило. Пришли мы на рѣку Саву и стали купаться. Я научился плавать еще въ Мостарѣ въ Неретвѣ. У берега стояла какая-то лодченка Влѣзъ я въ нее, перекрестился: «Помоги Боже», и бухъ въ воду. Въ водѣ былъ какой-то пень, и я угодилъ головой въ него. Обезпамятѣвъ, съ страшною болью въ головѣ, насилу выплылъ я на поверхность. Кровь окрасила около меня воду и я закричалъ о помощи. Слава милосердому Богу! вытащили меня. Голова у меня была разбита. По счастью нѣкто Миланъ Босничъ отвелъ меня къ себѣ домой, обвязалъ мнѣ голову какимъ-то снадобьемъ и я, проболѣвъ три дня, отправился дальше въ Бѣлградъ».

Окончивъ съ отличнымъ успѣхомъ бѣлградскую семинарію, Савва Косановичъ хотѣлъ продолжать богословское образованіе въ Кіевѣ; когда же это не удалось и неудалось попасть и въ задрскую семинарію, куда онъ хотѣлъ было поступить для изученія языковъ, тогда онъ сдѣлался учителемъ въ Мостарѣ и женился. Послѣ того учительствовалъ онъ попеременно въ Сараевѣ и Мостарѣ; черезъ четыре года потерялъ дѣтей и жену, переселился окончательно въ Сараево и вскорѣ былъ посвященъ въ діаконы, а затѣмъ и во священники. Какъ священникъ, онъ скоро прославился своими проповѣдями на всю Боснію и Герцеговину. Въ 1872 году онъ принялъ монашество и былъ поставленъ Митрополитомъ Паисіемъ въ архимандриты. Въ то время Сараевцы строили прекрасный храмъ, но, при всемъ желаніи, не могли его собственными средствами докончить. Съ дозволенія Русскаго Государя и Святѣйшаго Сvнода, отправили Сараевцы Савву Косановича въ Россію за сборомъ приношеній на сербскую церковь, и онъ пробылъ въ Россіи полтора года, пропутешествовавъ по всему поволжью и по Южной Россіи.

И Серафимъ Перовичъ, поставленный еще въ 1858 году

Митрополитомъ Герцеговинскимъ Григоріемъ въ игумены монастыря Житомишличи, а въ 1864 году преемникомъ Григорія, Прокопіемъ, произведенный въ архимандриты, также ѣздилъ въ Россію за сборомъ пожертвованій на свой монастырь, пробылъ здѣсь два года и былъ награжденъ отъ Русскаго Государя золотымъ наперстнымъ крестомъ. Вернувшись въ 1866 году въ монастырь Житомишличъ, Серафимъ много сдѣлалъ для его украшенія и благоустройства. Но въ началѣ 1870 года турецкое правительство, по своимъ политическимъ соображеніямъ, схватило Серафима Перовича, вмѣстѣ съ его роднымъ братомъ Иваномъ и съ іеромонахомъ Леонтіемъ Радуловичемъ, и отправило ихъ въ Сараево, гдѣ они провели цѣлый годъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ черезъ Царьградъ они отосланы были въ Триполи, а оттуда въ Фезанъ въ городъ Муружи, и тамъ пробыли въ тяжеломъ изгнаніи полныя пять лѣтъ. Ходатайствамъ архимандрита Саввы Косановича, во время пребыванія его въ Россіи, передъ гражданскими и духовными властями и содѣйствію нашего предсѣдателя Графа Н. П. Игнатьева обязаны были Перовичи и Радуловичъ своимъ освобожденіемъ. Въ 1876 году вернулись они въ родныя мѣста и поселились въ Дубровникѣ, гдѣ я и видѣлъ ихъ съ Мелентіемъ Перовичемъ въ 1878 году.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, сколько и какихъ душевныхъ мукъ пришлось пережить и Косановичу и Перовичу во время геройской борьбы Герцеговинцевъ противъ Турокъ, сопровождавшейся неисчислимыми бѣдствіями всего этого народа, особенно ихъ женщинъ и дѣтей, отъ скитаній и голоданія въ 1875, 1876 и 1877 годахъ. Но въ то время эти страданія умѣрялись живою и радостною надеждою на освобожденіе, на объединеніе съ братьями, на счастливую независимую будущность. Но, увы, надеждамъ этимъ не суждено было сбыться! Соглашеніе съ Австріей, предшествовавшее русско-турецкой войнѣ, было причиною того, что успѣшно дѣйствовавшіе въ Герцеговинѣ противъ Турокъ, Герцеговинскія и Черногорскія войска направлены были въ другую сторону, а болгарскіе ужасы и затѣмъ военныя дѣйствія въ Болгаріи русскихъ войскъ отвлекли въ эту сторону отъ Босніи и Герцеговины все вниманіе и русской печати и русскаго общества. Печальныя послѣдствія такого положенія дѣлъ намъ извѣстны: уже и по Свято-Стефанскому договору къ Черногоріи отходила только небольшая горная часть Герцеговины — по Неретву; остальной предполагалось дать автономію, и о подробностяхъ ея устройства долженствовало быть соглашеніе Турціи съ Австріей.

Но уже *въ день подписанія св. Стефанскаго договора* извѣст-

ный нашъ дипломатъ *А. С. Іонинъ* на Цетиньѣ въ разговорѣ со мною съ положительностью *утверждалъ, что Герцеговину и Боснію отдадутъ Австріи,* такъ какъ, будто-бы, иначе установить тамъ порядокъ не было возможности.

Послѣдствія показали, что онъ былъ лучше освѣдомленъ относительно ожидавшей Боснію и Герцеговину участи, нежели то лицо, которое уполномочено было русскимъ Императоромъ заключить Свято-Стефанскій договоръ!

Въ какой лисьей шкурѣ входила Австрія въ Герцеговину и Боснію, видно изъ прокламаціи Австрійскаго правительства боснякамъ и Герцеговинцамъ въ 1878 году. (См. стр. 266).

Австрія объявила Босніи и Герцеговинѣ, что она идетъ къ нимъ не какъ непріятель, а какъ другъ, по порученію турецкаго султана и Великихъ державъ, съ цѣлью установить въ раздираемой междоусобіями странѣ миръ и благосостояніе; она обѣщала всѣмъ жителямъ страны равноправіе, обѣщала уважать и сохранять ихъ вѣру, языкъ, обычай, законы и порядки.

Мы знаемъ теперь, что не исполнено ни одно изъ этихъ торжественныхъ обѣщаній. А герцеговинцамъ и боснякамъ пришлось убѣдиться въ этомъ,—что, впрочемъ, они и заранѣе уже знали,— съ перваго же дня австрійскаго хозяйничанья въ ихъ странѣ.

И вмѣстѣ съ другими своими сородичами и, конечно, сильнѣе всѣхъ другихъ пришлось это почувствовать и испытать архимандриту, а затѣмъ, австрійскою милостью, и митрополиту Саввѣ Косановичу.

7-го Августа 1878 года австрійскій главнокомандующій Филипповичъ вошелъ въ Сараево; а черезъ два дня, по его требованію, къ нему должны были явиться на поклонъ представители страны и города въ числѣ 15 православныхъ, 15 мусульманъ, 10 католиковъ и 10 евреевъ. Католики тотчасъ-же обособились—представились главнокомандующему отдѣльно отъ другихъ. Остальные всѣ выбрали своимъ старшиною Савву Косановича и ему поручили говорить за всѣхъ. Филипповичъ заставивъ депутацію долго его прождать, выслушалъ привѣтствіе Косановича и, принявъ его за Митрополита, высказалъ ему въ отвѣтъ обѣщаніе, «что его священство будетъ пощажено», затѣмъ привѣтствовалъ мирно и тепло евреевъ, а потомъ, обратившись къ мусульманамъ, набросился на нихъ съ угрозами и дикою бранью. Мусульмане совершенно растерялись и думали уже, что ихъ ждутъ висѣлицы. Но, тогда возвысилъ за нихъ голосъ архимандритъ Савва, ловко закончившій свою рѣчь словами, что если бы мусульмане и были

въ чемъ виноваты, то онъ, Косановичъ, вѣруетъ «что милость его царскаго и королевскаго Величества Франца-Іосифа превышаетъ всѣ грѣхи босанскіе». Филипповичъ смягчился и понизилъ тонъ, а Савва Косановичъ снискалъ себѣ этимъ заступничествомъ горячую благодарность мусульманъ, что они тутъ же, выходя отъ Филипповича, ему и высказали. Косановичъ отвѣтилъ имъ, что онъ только исполнилъ свой долгъ: «Легко быть, прибавилъ онъ, *пѣви*-другомъ, т. е другомъ въ радости, когда поется, но надо быть и *плачи*-другомъ, т. е. другомъ и въ несчастіи. Мы съ одного дерева листъ, братья по крови и языку, а разныя вѣры не мѣшаютъ намъ быть добрыми людьми и жить въ любви, какъ единокровные братья. Забудемъ, что было до сихъ поръ, ибо настали времена, когда мы только согласіемъ и можемъ спасти себя и устоять, а эти перемѣны пусть насъ еще болѣе сдружатъ». Такимъ образомъ съ перваго же дня Косановичъ далъ новое, мудрое направленіе Сербской политикѣ въ Босніи, стараясь сблизить и установить согласіе между православными и мусульманами.

Вслѣдъ за представленіемъ Филиппповичу, въ ноябрѣ того же 1878 года въ отсутствіи Митрополита Анфима, къ Саввѣ Косановичу явился военный священникъ какой-то Александръ, родомъ румынъ, оказавшійся потомъ уніатомъ. Онъ просилъ Архимандрита Савву дозволить ему служить, въ церкви и сказать поученіе солдатамъ. Архимандритъ Савва дозволилъ ему служить, но только вмѣстѣ съ собою. Когда оба они уже облачились и проскомидія была уже совершена, въ церковъ вошло войско и съ нимъ военная музыка. Увидѣвъ это, архимандритъ Савва спросилъ Александра: «что это значитъ и кто такъ распорядился?» Это—распоряженіе генерала Филипповича; музыка будетъ сопровождать богослуженіе въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ». На это Савва Косановичъ отвѣтилъ: «вонъ изъ церкви и ты и твоя музыка! Скидай ризы и убирайся изъ церкви, въ которой ты не хозяинъ, ни ты ни твой Филипповичъ». Попъ Александръ бѣжалъ изъ церкви и музыка тоже. Хотя Филипповичъ былъ сильно раздраженъ встрѣченнымъ противодѣйствіемъ, тѣмъ не менѣе Австрійское правительство не теряло надежды привлечь Косановича на свою сторону, и вотъ, когда Митрополитъ Анфимъ отказался отъ митрополіи, въ 1881 году Савва Касановичъ былъ по желанію народа и съ согласія Константинопольской патріархіи и австрійской власти рукоположенъ во епископа и поставленъ Митрополитомъ Дабро-босанскимъ. Но не долго пришлось ему править своею митрополіей. Уже предмѣстника его Анфима пыталось австрійское правительство склонить подкупомъ къ пе-

реходу съ народомъ въ унію. Какъ только Савва Косановичъ вступилъ на митрополичью каѳедру, былъ сдѣланъ натискъ и на него. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ онъ самъ въ своихъ запискахъ, часть которыхъ обнародована «Заставой».

«Вслѣдъ за окупаціей прибылъ въ Боснію извѣстный графъ *Мирошевскій* и сдѣланъ совѣтникомъ областного правительства какъ бы по землеустройству. Но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ тайное порученіе приготовлять страну къ уніи. Но тѣ, кто довѣрили ему это дѣло, ошиблись въ выборѣ, что слѣдуетъ приписать особому промыслу Божію, блящему надъ православнымъ мученикомъ-народомъ.

«Мирошевскому было болѣе 60 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, толстъ, какъ будто его откармливали на убой, онъ казался мягкимъ, откровенно довѣрчивымъ. Думаю, что онъ родился въ Галиціи, а по вѣрѣ былъ уніатъ.

«Кромѣ порученія относительно уніи, онъ хотѣлъ еще услужить Папѣ, снарядивъ къ нему православныхъ паломниковъ. Одного священника въ Высокомъ склонили было отправиться въ Римъ, но и тотъ во-время спохватился и спросилъ письменно совѣта у Митрополита. Тотъ, конечно, его пожурилъ, что онъ далъ было себя оплести, а затѣмъ предостерегъ его отъ іезуитскихъ происковъ.

«Мирошевскій вошелъ въ тѣсное знакомство съ Косановичемъ, когда тотъ еще былъ архимандритомъ, а послѣ старался еще болѣе сдружиться съ нимъ, какъ съ владыкою. Однажды Мирошевскій предложилъ угощеніе Саввѣ Косановичу, и завелъ рѣчь объ австрійской политикѣ на Востокѣ, которую графъ тогда уже растолковалъ и очертилъ именно такою, какой потомъ Австрія держалась и въ Сербіи и Болгаріи, а по его словамъ, та же судьба ожидаетъ и Черную Гору. Всѣ Славянскія земли на Балканахъ (а также и Албанія) *составятъ конфедерацію, но подъ Австріей*. Черной Горѣ будутъ даны нѣсколько большія права, а она зато будетъ давать опредѣленное число воиновъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ балканскими народами Австрія составитъ Юго-Славянское Царство, столь же могущественное, какъ Германія. Дуализмъ мадьярскій тогда исчезнетъ. Косановичъ замѣтилъ ему: что «мысль не дурна; но ее трудно будетъ осуществить, ибо на пути ей станетъ Россія».—«Это-то и есть наша цѣль,—чтобы православные славяне *отвратили свой взоръ отъ Россіи*, ибо безъ этого Австрія никогда не будетъ спокойна. Это будетъ достигнуто нашей мудрой политикой; идя шагъ за шагомъ, мы достигнемъ поставленной цѣли».

Черезъ нѣсколько дней Мирошевскій вернулъ визитъ

Митрополиту и въ разговорѣ, намѣренно свелъ рѣчь на то, что крайне необходимо было бы основать консисторію и семинарію для православнаго священства въ Босніи.

Косановичъ сказалъ ему, что онъ давно, когда еще былъ архимандритомъ, уже представилъ объ этихъ нуждахъ правительству, но что изъ этого ничего не вышло. «Пресвѣтлый Господинъ Митрополитъ и дорогой пріятель, сказалъ ему на это Мирошевскій, если бы только Вы меня послушали, я далъ бы Вамъ пріятельскій совѣтъ: обратитесь черезъ римское священство, оно имѣетъ большое вліяніе и поддержитъ Васъ въ Министерствѣ. Тогда бы вы увидѣли скорый успѣхъ, и достигли бы всего, чего только ни пожелаете». Далѣе Мирошевскій пояснилъ: «И мы въ Галиціи такіе же точно православные, какъ и вы. Церкви, алтари, покрой одеждъ, книги и богослуженіе—все это у насъ по восточно-греческому обряду и обычаю, такъ что нѣтъ ни въ чемъ никакого различія, а литургію служимъ на славянскомъ языкѣ и народъ причащается, какъ у васъ. Мы нѣкогда терпѣли много нападеній и отъ латинскаго священства и отъ правительственныхъ властей, и, видя, что Царьградская патріархія не способна защищать насъ въ чужихъ государствахъ, — такъ какъ и сама она угнетена турками,—а Россія также не можетъ намъ помогать и вмѣшиваться въ чужія дѣла, то мы изъ всѣхъ золъ избрали меньшее—признали Папу и добавленіе къ Символу «и отъ Сына» и теперь мирны и спокойны; и къ нашимъ услугамъ теперь и и римское священство, и государство. И такъ тутъ только двѣ маленькія разницы, которымъ въ сердцѣ можно и не вѣрить. Поэтому ради Вашего спокойствія и успѣха, для устроенія вашей церкви, я Вамъ пріятельски совѣтую, чтобы и Вы также поступили; пресвѣтлый господинъ, Вы очень вліятельный и разсудительный человѣкъ и могли бы все это сдѣлать на пользу своего народа! Разумѣется, что тутъ не обойтись безъ матеріальныхъ средствъ, и я бы взялъ на себя заботу доставить Вамъ эти средства въ изобиліи и сколько хочете. Во всякомъ случаѣ пусть все это останется тайной между нами, какъ между добрыми пріятелями».

Косановичъ далъ Мирошевскому такую отповѣдь: «Господинъ графъ! Я крайне удивленъ Вашему предложенію. Этого я никогда не могъ ожидать отъ Васъ, ни какъ отъ личнаго своего пріятеля, ни какъ отъ совѣтника высокаго областнаго правительства! И развѣ Австрія для того приняла въ Берлинѣ порученіе войти въ Боснію, чтобы уніятить православный народъ, чего и жестокіе турки не дѣлали? И развѣ мы, оставаясь православными, не можемъ быть равноправными подъ

Вашимъ управленіемъ? Развѣ мы не можемъ быть такими же добрыми подданными цесарю, какъ и другіе многіе народы въ его землѣ? Такова-то вѣротерпимость XIX вѣка! Я вижу съ какимъ чернымъ колачемъ пришли Вы въ мой домъ.—Я хорошо понимаю, куда клоните вы, Ваше Превосходительство, чиновники, Штросмайеръ и другіе, какъ и римская курія; но увѣряю Васъ: что Ваша проповѣдь очень мало найдетъ себѣ почвы въ Босніи для вашихъ гнусныхъ и вѣроломныхъ цѣлей!» Взволнованный и перемѣнившійся въ лицѣ Мирошевскій сталъ ему говорить: «Пресвѣтлый Митрополитъ! Я это Вамъ сказалъ только по-пріятельски, а никто Васъ не принуждаетъ такъ поступить. Впрочемъ, могу Васъ увѣрить, что если сегодня православные въ Босніи не примутъ уніи, такъ примутъ ее завтра».—«Никогда, господинъ графъ, никогда и никогда этого не будетъ; и всего менѣе, пока я здѣсь! Правда Божія поможетъ мнѣ всѣмъ вамъ поставить загородку, о которую вы всѣ разобьете носъ, а теперь—вотъ Вамъ дверь и прошу Васъ съ такимъ порученіемъ и небратскими подходами никогда не переступайте моего порога!»

Какъ только Мирошевскій ушелъ изъ митрополіи Митрополитъ сѣлъ за столъ и дрожащею рукою написалъ въ Вѣну, царскому секретарю Ф. Деметичу письмо, въ которомъ, изложивъ поступокъ Мирошевскаго, просилъ Деметича перевести его письмо на нѣмецкій языкъ и передать въ руки Императору съ напоминаніемъ ему, что онъ по поводу престолонаслѣдниковой свадьбы сказалъ Косановичу и еще шести босанцамъ: «Мой царскій долгъ обязываетъ меня и въ будущемъ покровительствовать православной вѣрѣ и сербской народности въ Босніи».

Но Деметичъ не могъ передать Косановичева письма Императору, такъ какъ оно было прислано на его, а не на царское имя. Онъ передалъ въ переводѣ письмо Министру Славію, который обѣщалъ доложить объ этомъ случаѣ Императору.

Сдѣлалъ ли что министръ Славій у Императора, не извѣстно, но переводъ Митрополичьяго письма онъ прислалъ областному правителю въ Сараево и поставилъ ему и Мирошевскому на видъ. Мирошевскій за свой неуспѣхъ отсидѣлъ 40 дней подъ домашнимъ арестомъ, а потомъ переведенъ изъ Босніи.

Высокопреосвященный Савва Косановичъ оставался Митрополитомъ всего 4 года. Много сдѣлалъ онъ за это время добра своему народу; но, увидѣвъ невозможность борьбы съ правительствомъ, которое на словахъ обѣщало одно, а дѣлало совершенно другое, въ концѣ 1884 года онъ подалъ въ отставку, которая была принята въ слѣдующемъ году.

Покушеніемъ Мирошевскаго не ограничился натискъ католичества и австрійскихъ властей на Косановича и его паству. Тотчасъ за захватомъ Босніи и Герцеговины образовалось общество «Oesterreichischer Hilfsverein für Bosnien und Hercegovina». Вотъ что писалъ Митрополитъ Савва въ «Заставу» объ этомъ обществѣ въ 1883 году: «Такъ называется общество, во главѣ котораго стоитъ, въ качествѣ покровителя, эрцгерцогъ Албрехтъ, а предсѣдателемъ Князь Чарторыйскій, и которое поставило себѣ задачей помогать не вообще жителямъ Босніи и Герцеговины, какъ можно было бы думать по его названію, а лишь *католическому меньшинству* за счетъ населенія другихъ исповѣданій.

«Намѣренія и цѣли этого Общества въ захваченныхъ областяхъ объяснены въ клерикальномъ органѣ «Фатерландъ».

«Съ великою радостью привѣтствуетъ эта газета возникновеніе общества и заканчиваетъ пожеланіемъ: Vivat, floreat, crescat! Начинается статья такимъ знаменательнымъ вступленіемъ: «кто овладѣетъ какой нибудь землей, тотъ долженъ непремѣнно *озаботиться объ укрѣпленіи своего господства,* если хочетъ удержать ее въ своихъ рукахъ»... Австрійское правительство никогда не могло бы расходовать кровь и деньги на *временное* занятіе; порученіе, данное ей Берлинскимъ конгрессомъ, она могла принять не иначе, какъ съ намѣреніемъ то, что добудетъ, удержать. На дѣлѣ же изъ всего поведенія австрійскаго правительства въ Босніи и въ Герцеговинѣ усматривается несомнѣнное намѣреніе считать занятыя ею турецкія области составными частями Австрійской монархіи и поступать съ ними, какъ съ такими».—«Мы смотримъ на всякое мѣсто, въ которомъ живутъ римскіе католики, какъ на точку, которая можетъ сдѣлаться опорною для насажденія культуры съ надеждою на успѣхъ. Мы смотримъ на римско-католическихъ славянъ державныхъ областей (т. е. Босніи и Герцеговины) какъ на избранныхъ миссіонеровъ, освященныхъ христіанскою идеей гуманности. *Христіанско-католическая стихія требуетъ себѣ помощи* всѣхъ австрійскихъ чиновниковъ, чтобы взять руководство культурной миссіей въ Босніи и въ Герцеговинѣ. Эта миссія состоитъ ни въ чемъ другомъ, *какъ въ распространеніи католической вѣры между населеніемъ Босніи и Герцеговины* и особенно между православной его частью».

Итакъ вся борьба ведется противъ православнаго населенія Босніи и Герцеговины, на которое Австрійское правительство должно бы главнымъ образомъ опираться какъ на большинство, если бы только оно дѣйствительно хотѣло водворенія мира въ странѣ. Когда Hilfsverein развернулъ свою дѣятельность, Митрополитъ Савва счелъ своимъ долгомъ издать

окружное посланіе къ своей паствѣ, чтобы укрѣпить и ободрить ее и тѣмъ оградить отъ угрожавшей ей опасности.

Окружное посланіе Митрополита въ началѣ лѣта 1883 г. начинается словами: «до нашего свѣдѣнія и слуха дошло, что недавно организована пропаганда для Босніи, цѣль которой ширить католическую вѣру въ Босніи и умножать послѣдователей Рима». А въ концѣ говорится: «и такъ стойте трезвенно и бодро на стражѣ православія, ибо настали смутныя и опасныя времена, когда проповѣдывается не христіанство, а папство»!

Это посланіе задѣло за живое католическихъ епископовъ боснійскихъ—Іосифа Штадлера, архіепископа верхне-босанскаго, и Пашкала Буцонича мостарско-дуваньскаго. Въ августѣ они обратились къ Саввѣ Косановичу съ длиннымъ открытымъ письмомъ, въ которомъ, въ противоположность окружному посланію православнаго Митрополита, только утверждающаго въ православіи свою паству, но не нападающаго на римско-католическую вѣру, католическіе епископы язвятъ и ругаются надъ православною вѣрою, какъ только могутъ.

Митрополитъ Савва 10-го сентября 1883 года далъ отвѣтъ на это письмо. Отвѣтъ былъ уже напечатанъ, но правительство отобрало его и приказало Митрополиту не писать больше объ этомъ предметѣ. Высокопреосвященный Савва, чувствуя себя послѣ этого въ тяжеломъ положеніи, обратился въ Царьградъ съ просьбою ко Вселенскому Патріарху наставить его, какъ ему поступить. Но и оттуда не получилъ онъ ожидаемой поддержки.

Въ отвѣтѣ на открытое письмо архіепископа верхъ-босанскаго Штадлера Митрополитъ Савва приводитъ цѣлый рядъ случаевъ нападенія на православіе со стороны правительства и латынской церкви, начиная покушеніемъ Мирошевскаго и кончая раздачею православнымъ дѣтямъ въ комунальныхъ правительственныхъ школахъ католическихъ учебниковъ, между прочимъ—книги архіепископа Штадлера «Католическая Церковь», содержаніе которой оскорбляетъ православную вѣру и извращаетъ народную исторію. Далѣе Митрополитъ Савва говоритъ объ упомянутомъ «Hilfsverein'ѣ», имѣющемъ цѣлью окатоличенье православнаго населенія въ Босніи, и о своемъ долгѣ предостеречь паству. Но, такъ какъ правительство препятствовало распространенію посланія Митрополита въ его паствѣ, и дѣлало ему всевозможныя затрудненія, то онъ, не желая прикрывать своимъ именемъ беззаконное положеніе вещей, подалъ въ концѣ 1884 года въ отставку. Ближайшимъ и послѣднимъ поводомъ къ оставленію Митрополитомъ Саввою его каѳедры было распоряженіе австрійскаго правительства

отбирать у церквей православныхъ богослужебныя книги, печатанныя въ Россіи, и замѣнять ихъ напечатанными въ Австріи. Косановичъ не далъ на это своего согласія, предписавъ священству новыхъ книгъ не принимать и по нимъ не служить, а присылать ихъ на предварительный просмотръ въ Сараевскую консисторію.

Выйдя въ 1885 году въ отставку, Савва Косановичъ совершилъ путешествіе во Святую землю, вслѣдствіе чего Сербы и придали къ его имени прибавку «Хаджи». Затѣмъ, непожелавъ жить въ Вѣнѣ, Косановичъ лишился вслѣдствіе этого назначенной ему изъ земскихъ средствъ пенсіи, поселился въ Черногоріи и занимался тамъ учеными изысканіями, которыя печаталъ въ разныхъ сербскихъ изданіяхъ, и дѣлами милосердія и благостыни.

Серафимъ Перовичъ, поставленный по упокоеніи Митрополита Леонтія Радуловича въ 1889 году Митрополитомъ Герцеговинско-Захолмскимъ, оставался на своей кафедрѣ до конца жизни. Но уступчивость, которую онъ, ослабленный годами и прежними страданіями, проявилъ передъ незаконными распоряженіями власти относительно православной церкви, приходской организаціи и школы, а также въ дѣлѣ замѣны книгъ русской печати книгами австрійской печати,—все это, вмѣстѣ съ происками приставленныхъ къ нему властью совѣтниковъ,—лишило Серафима Перовича прежняго къ нему расположенія его народа и паствы. Отношенія между духовной властью и паствой въ епархіи Мостарской, также и въ Зворнико-тузланской, гдѣ достойный послѣдователь Саввы Косановича Митрополитъ Діонисій Иличъ за сопротивленіе замѣнѣ книгъ былъ отрѣшенъ въ 1891 году отъ должности и силою высланъ изъ Босніи,—обостреніе отношеній, говорю я, между пасомыми и высшими пастырями въ Герцеговинѣ и Босніи дошло до того, что народъ православный пересталъ ходить въ церковь и совершать даже крещеніе и другія таинства и требы. Таково положеніе церковныхъ дѣлъ въ несчастныхъ Босніи и Герцеговинѣ!

Но не лучше обстоятъ тамъ для православнаго населенія и всѣ другія дѣла! Не буду исчислять всѣхъ случаевъ насилій и обидъ, которыя ежедневно и на каждомъ шагу творятся надъ православными въ Герцеговинѣ и въ Босніи. Скажу только, что взамѣнъ обѣщаннаго умиротворенія австрійская власть, вѣрная всегдашнему своему іезуитскому правилу: «divide et impera»,—раздѣленіемъ властствуй!—внесла въ захваченныя ею области лютую междоусобную вражду. Съ этою цѣлью,

сербамъ запрещается называться ихъ народнымъ именемъ, а навязывается имъ и ихъ языку ставшее имъ вслѣдствіе этого ненавистнымъ имя Хорватовъ, а языку—«хорватскій» или «босанскій». Запрещается преподаваніе сербской исторіи, запрещаются дивныя эпическія пѣсни, въ которыхъ живетъ и хранится вся исторія народа, запрещены сербскія гусли, празднованіе Славы; усилены основныя подати,—третина и десятина,—переложеніемъ ихъ на деньги по безбожной разцѣнкѣ, и установлено многое множество податей и взысканій! Наконецъ, вотъ какія картины жизни представляются постороннимъ лицамъ, наблюдавшимъ жизнь захваченныхъ Австріей областей не по отчетамъ Министра Каллая, а собственными очами на мѣстѣ.

«Милосердія! Пощады! Этотъ вопль ежедневно вырывается изъ устъ несчастнаго народа, среди котораго я живу. Въ то время, какъ вниманіе западныхъ народовъ отвлечено великими задачами европейской политики отъ провинцій, освобожденныхъ берлинскимъ конгрессомъ отъ турецкаго господства, великодушные покровители Босніи и Герцеговины хозяйничаютъ тамъ во сто разъ хуже османовъ. Турки отнимали имущество и свободу, но австрійскіе цивилизаторы ухитряются отнять большее. Положеніе крестьянина стало хуже, чѣмъ было подъ турецкимъ игомъ. Съ него не только берутъ по прежнему десятину отъ урожая, съ той лишь разницею, что теперь берутъ деньгами, которыя диковинка въ странѣ,—но и обременили его новыми тяжелыми поборами и налогами. При туркахъ православные не несли военной повинности, которую отбывали только мусульмане, теперь забираютъ въ солдаты даже отцовъ семействъ. Турецкое господство не угрожало ни вѣрѣ, ни народности, — швабо-мадьярское правительство не щадитъ ни того, ни другого. Сербскихъ дѣтей загоняютъ въ нѣмецкія школы и всѣми мѣрами подавляютъ православную вѣру. Страна кишитъ іезуитами, которые проповѣдуютъ противъ вѣры нашихъ отцовъ и съ амвона гремятъ проклятіями на нашихъ женъ и дѣтей, остающихся вѣрными Православной Церкви. Православные священники отрѣшаются отъ должностей и скитаются въ изгнаніи. Вѣрные своей католической и германско-исторической миссіи Габсбурги съ слѣпымъ и упорнымъ усердіемъ служатъ Риму и Германской идеѣ, преслѣдуя въ нашихъ областяхъ славяно-православное населеніе съ такимъ же остервененіемъ, какъ они преслѣдовали когда-то Чеховъ. Та же холодная жестокость, съ которою испанскіе іезуиты искореняли въ XVII вѣкѣ въ Чехіи реформацію и гуситство, продѣлывается нынѣ надъ Сербами Босніи и Герцеговины, чтобы навязать имъ католичество («Le National» 1888 года).

«Власть въ Босніи, свидѣтельствуетъ Панто Сретьковичъ отъ 17 ноября 1893 года, наводитъ ужасъ. Полиція всюду: во всякомъ селѣ жандармы, а въ лѣсахъ и на дорогахъ лѣсничіе и жандармы... Изъ лѣса или изъ поля каждый долженъ вернуться домой до захода солнца. Если въ сумерки жандармъ, войдя въ избу, найдетъ хозяина обутымъ, тотчасъ же беретъ его подъ стражу; съ наступленіемъ вечера, каждый, находящійся дома, долженъ быть босымъ, иначе онъ подвергается аресту. Система австрійскаго владычества въ Босніи такова, что можетъ довести до нищеты всѣхъ» («Слав. Обозрѣніе» 1894 годъ).

Чешскій депутатъ профессоръ Масарикъ, изучивъ лично положеніе дѣла въ Босніи въ 1893 году, представилъ австрійскому Reichstag-у свои впечатлѣнія, идущія совершенно въ разрѣзъ съ заявленіями австрійско-венгерскаго министра Финансовъ. Годомъ раньше депутатъ Эймъ при обсужденіи бюджета для Босніи и Герцеговины, сдѣлалъ важныя разоблаченія. Онъ заявилъ, что оффиціальные отчеты о положеніи Босніи и Герцеговины, отличающіеся крайнимъ оптимизмомъ, не соотвѣтствуютъ истинѣ: въ окупированныхъ областяхъ всѣ раздражены противъ Австріи. Въ область вѣроисповѣдныхъ вопросовъ австрійское управленіе внесло величайшій хаосъ и возбудило сильнѣйшее раздраженіе. Все христіанское населеніе ропщетъ на предпочтеніе, оказываемое магометанамъ, которые, между тѣмъ, выселяются массами. Даже римо-католики не довольны тѣмъ, что правительство пустило въ страну іезуитовъ, а православные ропщутъ на подавленіе православной вѣры всѣми прямыми и косвенными мѣрами. Все населеніе поголовно возмущено административнымъ произволомъ и бюрократическимъ хозяйничаньемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ существенными потребностями мѣстнаго населенія (Церковн. вѣстн. 1892 года).

Таковы-то миръ и благоволеніе, водворенные Австріей въ занятыхъ ею съ этою цѣлью областяхъ!

Закончу воспоминаніе свое о блаженнопочившемъ Митрополитѣ Саввѣ Косановичѣ составленнымъ мною привѣтомъ, посланнымъ ему изъ Россіи въ 1883 году во время борьбы его съ католическими епископами.

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

«Съ живымъ участіемъ и неизмѣнною братскою любовью слѣдимъ мы, русскіе люди, за тяжелою борьбой, которую ведетъ православный Сербскій народъ въ Босніи и Герцеговинѣ съ католическо-нѣмецкимъ лукавствомъ и насиліемъ; и съ глубокимъ уваженіемъ внимаемъ мы, Владыко, Вашу исполненную сознанія правоты и мужественнаго достоинства отповѣдь

на недостойные противъ Васъ и Вашего народа навѣты и козни католическихъ епископовъ. За Ваши страданія и Вашу доблесть кланяемся мы Вамъ и православному Босно-Герцеговинскому Народу до земли и съ вѣрою въ справедливость и всемогущество Вседержителя Бога васъ молимъ:

«Стойте и крѣпитеся, братья, день вашего спасенія и всеславянской свободы настанетъ!»

Да не поколеблется же и теперь въ насъ эта вѣра!

Будемъ, будемъ вѣрить, что день общаго нашего спасенія и всеславянской свободы когда-нибудь настанетъ!

Но только не забудемъ и того, что вѣра только тогда даетъ законное успокоеніе, когда она сопровождается соотвѣтствующими ей дѣлами!

Въ настоящее время въ томъ самомъ Невесиньѣ, гдѣ въ 1875 году раздался первый выстрѣлъ святаго возстанія, разгорѣвшагося въ великую освободительную войну, — давшую свободу не имъ, герцеговинцамъ, смѣлымъ начинателямъ и борцамъ великаго дѣла, но другому братскому народу, — въ этомъ Невесиньѣ, говорю я, жестокій голодъ. Сербскія газеты полны призывами къ помощи, и помощь эта собирается по сербскимъ землямъ. Будемъ же и мы обездоленнымъ нашимъ братьямъ—по выраженію Митрополита Саввы—плачи-другомъ! Придемъ къ нимъ, какъ можемъ, на помощь! Я знаю: часто слышатся въ подобныхъ случаяхъ возраженія, что у насъ и дома не густо. Правда, народъ нашъ самъ нищій и часто голодаетъ; но голодный скорѣе раздѣлитъ свой скудный кусокъ съ другимъ голоднымъ же бѣднякомъ, нежели тѣ, чьи сердца и утробы отяжелѣли отъ всяческихъ излишествъ. Многомилліонному Русскому народу можно помочь не копѣечными или рублевыми сбереженіями и сборами, а широкою устроительною работой. На такую работу призываетъ нынѣ все образованное русское общество сама Верховная власть. Откликнемся же на этотъ царскій призывъ, положимъ всѣ наши знанія и силы на предстоящій зиждущій трудъ; но не забудемъ при этомъ и обездоленныхъ нашихъ братьевъ, будемъ и имъ, по слову Митрополита Саввы, искреннимъ плачи-другомъ!

Читано въ торжественномъ собраніи членовъ Славянскаго Общества 11 мая 1903 г.

ЧЕХИ.

Янъ Гусъ.

Іоаннъ (или по чешскому выговору Янъ) Гусъ, чешскій священникъ, профессоръ и нѣкоторое время ректоръ Пражскаго университета, прославился своими проповѣдями и мученичествомъ за правое ученіе. Въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Хр. святой Меѳодій крестилъ чешскаго князя Боривоя и жену его Людьмилу; въ то время въ Чехіи утвердилось было православіе; но въ послѣдствіи государи чешскіе, женившіеся часто на нѣмецкихъ принцессахъ, приняли католичество, и нахлынувшее въ Чехію нѣмецкое духовенство старалось вытѣснить изъ Чехіи всѣ слѣды православія. Защитникомъ народныхъ вѣрованій, хранившихъ въ себѣ православныя преданія, и смѣлымъ обличителемъ пороковъ католическаго духовенства явился Янъ Гусъ. Онъ и его послѣдователи отстаивали, между прочимъ, богослуженіе на славянскомъ языкѣ (тогда какъ у католиковъ оно совершается на непонятномъ народу — латинскомъ языкѣ) и святую чашу, т. е., причащеніе для народа подъ обоими видами—Тѣла и Крови Христовыхъ (у католиковъ же изъ чаши пріобщается только духовенство, мірянамъ же причастіе дается подъ видомъ облатокъ, т. е: одно только Тѣло). Гусъ былъ позванъ на соборъ западнаго духовенства и князей, собравшійся въ Констанцѣ (въ Швейцаріи); императоръ нѣмецкій Сигизмундъ далъ ему охранную грамоту, обѣщавшую ему полную безопасность и свободное возвращеніе домой. Гусъ явился на соборъ, чтобы исповѣдать предъ нимъ свое ученіе и торжественно доказать его святость. Но, вмѣсто состязанія о вѣрѣ, его стали судить, какъ признаннаго уже еретика, не слушая его оправданій; заточили его въ сырую смрадную темницу. Семь мѣсяцевъ томился Гусъ въ заключеніи и, измученный болѣзнью, голодомъ и оковами, призываемъ былъ по временамъ давать отвѣты на лживыя обвиненія въ ереси, взводимыя на него его врагами. Наконецъ, онъ былъ осужденъ, и, несмотря на обѣщанную германскимъ императоромъ безопасность, съ его согласія, былъ преданъ позорной казни. Онъ былъ сожженъ на кострѣ 6-го іюля 1415 года, 42 лѣтъ отъ роду. Подобно Христу на крестѣ, Гусъ на кострѣ молился за своихъ враговъ. На послѣднее увѣщаніе императора Сигизмунда отречься, для спасенія жизни, отъ мнимыхъ

заблужденій, Гусъ, обложенный по горло дровами и соломой, отвѣчалъ: «я не сознаю въ себѣ заблужденій!... я проповѣдывалъ людямъ покаяніе и оставленіе грѣховъ, согласно съ истиной Евангельской и писаніями Св. Отцевъ. Я съ радостію иду на смерть». Уже объятый пламенемъ, Гусъ громкимъ голосомъ пѣлъ свою послѣднюю пѣснь: «Христе, Сыне Бога живаго! помилуй мя грѣшнаго!»

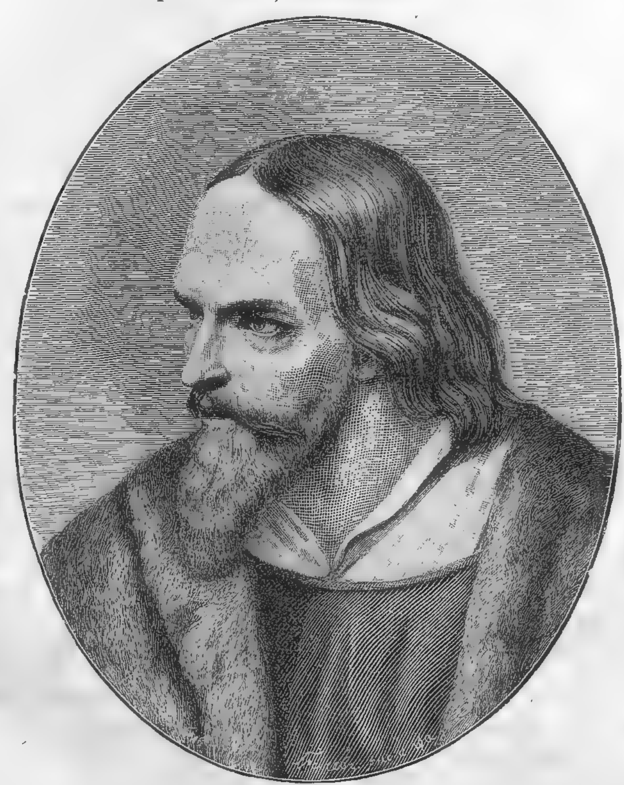
Приводимъ здѣсь прекрасное стихотвореніе Тютчева:

Гусъ на кострѣ.

Костеръ сооруженъ—и роковое
Готово вспыхнуть пламя; все молчитъ;
Лишь слышенъ легкій трескъ—и въ нижнымъ слоѣ
Костра огонь предательски сквозитъ.
Дымъ побѣжалъ; народъ столпился гуще;
Вотъ всѣ они—весь этотъ темный міръ:
Тутъ и гнетомый людъ, и людъ гнетущій,
Ложь и насилье, рыцарство и клиръ.
Тутъ вѣроломный кесарь, и князей
Имперскихъ и духовныхъ сонмъ верховный,
И самъ онъ, римскій іерархъ, въ своей
Непогрѣшимости грѣховной.
Тутъ и она—та старица глухая,
Непозабытая съ тѣхъ поръ,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дровъ—какъ лепту на костеръ.
И на кострѣ, какъ жертва предъ закланьемъ,
Вамъ праведникъ великій предстоитъ:
Уже обвѣянъ огненнымъ сіяньемъ,
Онъ молится, и голосъ не дрожитъ...
Народа Чешскаго святой учитель,
Безтрепетный свидѣтель о Христѣ
И римской лжи суровый обличитель,
Въ своей высокой простотѣ,
Не измѣнивъ ни Богу, ни народу,
Боролся онъ и былъ необоримъ—
За правду Божью, за ея свободу;
За все, за все, что бредомъ назвалъ Римъ.
Онъ духомъ въ небѣ—братскою-жъ любовью
Еще онъ здѣсь, еще въ средѣ своихъ,
И свѣтелъ онъ—что собственною кровью
Христову кровь онъ отстоялъ для нихъ.
О, чешскій край! о, родъ единокровный!
Не отвергай наслѣдья своего!
О, доверши же подвигъ свой духовный
И братскаго единства торжество!
И цѣпь порвавъ съ юродствующимъ Римомъ,
Гнетущую тебя уже давно,
На гусовомъ кострѣ неугасимомъ
Расплавь ея послѣднее звено!

Участи Гуса подвергся черезъ годъ его ближайшій ученикъ и сподвижникъ Іеронимъ Пражскій, который незадолго до заточенія своего былъ въ Литвѣ и на Руси, и тамъ

Мужъ свободы, правды, свѣта,
жертва гнета, тьмы и лжи.



Янъ Гусъ.

Народа Чешскаго святой учитель,
Безтрепетный свидѣтель о Христѣ,
И римской лжи суровый обличитель.

торжественно призналъ себя исповѣдникомъ православной вѣры.

Послѣ казни Гуса, въ Чехіи произошло возстаніе. Чехи не хотѣли признавать своимъ королемъ предателя Гуса, Сигиз-

мунда, германскаго императора, къ которому, по смерти брата его Вячеслава, короля Чешскаго, перешли права на чешскій престолъ. Начались такъ-называемыя Гуситскія войны. Подъ предводительствомъ своего знаменитаго вождя Яна Жижки, Чехи нѣсколько разъ разбивали соединенныя силы всей Германіи. Нѣсколько разъ нѣмцы, съ благословенія римскаго папы, затѣвали противъ гуситовъ крестовые походы; но всѣ такіе походы оканчивались плачевно для нѣмцевъ: много разъ громадныя ихъ полчища позорно бѣжали передъ гуситскими полками. Послѣ Жижки дѣло его продолжали Прокопъ Великій и Прокопъ Малый и Юрій Подѣбрадъ, избранный въ 1458 году чешскимъ королемъ. Но внутреннія несогласія повели къ утратѣ завоеванной свободы. Въ 1526 году Чехи выбрали себѣ въ короли австрійскаго эрцгерцога Фердинанда Габсбурскаго. Съ этого времени нѣмецкое вліяніе и католичество опять начинаютъ утверждаться въ Чехіи и вызвали новое возстаніе Чеховъ. Въ XVII-мъ столѣтіи Чехи начали снова открытую борьбу съ нѣмцами за религіозную свободу и народную самобытность. На этотъ разъ борьба была для нихъ неудачна. Въ 1620 году Чехи были поражены австрійскими войсками при Бѣлой Горѣ; вся Чехія страшно опустошена побѣдителями, народная самостоятельность Чехіи пала, и католичество надолго восторжествовало въ обезсиленной странѣ.

Въ текущемъ столѣтіи, особенно же за послѣдніе 30 лѣтъ, замѣчается въ Чехіи сильное пробужденіе народнаго самосознанія и стремленіе вернуть утраченную самостоятельность. Чешскіе поэты и ученые явились передовыми провозвѣстниками славянскаго братства и взаимности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Чехіи замѣтно и вѣроисповѣдное движеніе. Память Гуса свято чтится Чехами. За послѣдніе годы нерѣдки примѣры перехода Чеховъ въ православіе. Устроенная средствами славянскихъ комитетовъ и частныхъ жертвователей православная церковь въ Прагѣ усердно посѣщается и чехами-католиками, съ любовью слушающими богослуженіе на родственномъ и понятномъ имъ языкѣ. И, можетъ быть, недалеко отъ насъ то время, когда исполнится вѣщій сонъ дорогого нашего писателя А. С. Хомякова:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.
Мнѣ снилось—лечу я: орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.
И Прагу *) я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.
И въ старой одеждѣ святаго Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ!
И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай!

Стихотвореніе, сказанное А. Н. Майковымъ по поводу присоединенія 13-ти чеховъ къ православію въ 1870 году.

Они сегодня снова обрѣли
То, что у нихъ насиліе украло,
За что на казнь ихъ мученики шли,
Что лишь въ крови потопленное пало:
Глаголъ Христовъ на языкѣ родномъ
И братское изъ Чаши причащенье,
Соединившіе еще однимъ звеномъ
Сердецъ ихъ съ нами единенье.
Съ мольбами ихъ свои соединимъ!
Въ ихъ подвигѣ пророчество таится:
Не въ церкви ли, отверстой нынѣ имъ,
Всего Славянства жребій совершится?..

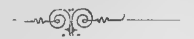
Напечатано двумя изданіями: первое лѣтомъ 1877 г., а второе въ маѣ 1881 г.—по десяти тысячъ каждое, для раздачи народу при церковныхъ торжествахъ: возсоединенія въ 1877 г. (въ Казанскомъ соборѣ) двухъ чеховъ-учителей съ православіемъ, и въ 1881 г.—при предполагавшейся общей панихидѣ по всѣмъ, кровію своею запечатлѣвшимъ служеніе свое дѣлу славянской свободы. Вслѣдъ за симъ помѣщается напечатанное въ газетахъ объявленіе объ этой панихидѣ, которая несостоялась по независѣвшимъ отъ Сл. общества обстоятельствамъ.

---

*) Прага—главный городъ Чеховъ; Петчинъ—гора въ Прагѣ; Лаба, Морава, Сава и Дунай—рѣки, текущія въ Западныхъ и Южныхъ славянскихъ земляхъ.

Отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Завтра, въ день мученической кончины великаго славянскаго праведника и учителя Іоанна Гуса, въ Казанскомъ соборѣ совершена будетъ божественная литургія и потомъ панихида по Іоаннѣ Гусѣ, Царѣ Лазарѣ Сербскомъ, Патріархѣ Гермогенѣ, по добровольцамъ русскимъ, павшимъ за Дунаемъ, и по всѣмъ русскимъ и инославянскимъ дѣятелямъ и борцамъ, въ защиту вѣры и свободы родной земли словомъ и дѣломъ подвизавшимся, на поляхъ брани жизнь свою положившимъ, или отъ враговъ правомыслія и свободы народной заточенія и казни претерпѣвшимъ и мученической кончины сподобившимся.



Жижковъ.

Жижковъ—младшее предмѣстье чешской Праги, расположенное у подошвы достопамятной горы, носящей то же славное имя. Въ немъ теперь болѣе двадцати улицъ, застроенныхъ двухъ и трехъ-этажными каменными домами, и болѣе 20.000 жителей, и все это появилось въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вдоль вѣнской дороги, по южному склону знаменитой Жижковой горы, разстилались просторныя поля, среди которыхъ виднѣлись тамъ и сямъ отдѣльные хутора и такъ называемые «винограды» (малый и большой Прутковы, малый и большой Шевчиковы, Сметанка и др.), принадлежавшіе въ административномъ отношеніи къ королевскому селенію «Винограды». (Названіе «Виноградовъ» селеніе это и отдѣльныя имѣнія частныхъ лицъ носятъ потому, что въ старину тутъ дѣйствительно были виноградники). Въ 1864 г. первый построилъ себѣ домъ у подошвы Жижковой горы карлинскій гражданинъ Кунъ. Въ слѣдующемъ году владѣлица виноградниковъ Малый и Большой Шевчиковы г-жа М. Стоме, по совѣту пражскаго архитектора Карла Гартига и по составленному имъ плану, раздѣлила принадлежавшее ей мѣсто на участки для построекъ. Участки эти быстро раскупались, и дома стали рости, какъ грибы. Это побудило другихъ сосѣднихъ владѣльцевъ послѣдовать примѣру г-жи Стоме, и вотъ былъ выработанъ, съ общаго согласія, правильный планъ расположенія будущихъ построекъ.

Обиліе въ самой почвѣ строительныхъ матеріаловъ, какъ-то: глины, годной для выдѣлки кирпича, и хорошаго песку,—значительно удешевляя постройку, привлекло и продолжаетъ привлекать сюда все новыхъ и новыхъ охотниковъ обзавестись своимъ домкомъ. Новый хозяинъ участка начинаетъ обыкновенно съ того, что вырываетъ у себя колодезь, и складываетъ печь для обжиганія кирпича, который обыкновенно и приготовляетъ самъ въ потребномъ количествѣ изъ глины, вынутой съ мѣста, на которомъ начинаетъ строить. Съ ранней

весны и до поздней осени въ разныхъ мѣстахъ Жижкова подымается дымъ изъ этихъ печей, напоминающихъ собою ветхозавѣтные жертвенники, изображаемые на картинахъ изъ библейской исторіи. Строительныя работы не прекращаются даже и зимой. А между тѣмъ, какъ ни быстро увеличивается число построекъ въ Жижковѣ, новые дома никогда не остаются безъ жильцовъ. Послѣднихъ привлекаютъ сюда прелестное мѣстоположеніе, здоровый воздухъ и близость къ городу Прагѣ, до котораго едва ли будетъ четверть часа пути. Къ тому же квартиры здѣсь, какъ всегда на новыхъ мѣстахъ, гораздо дешевле, не только по сравненію съ Прагою, но дешевле даже, нежели въ Карлинѣ, находящемся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Жижковымъ.

Кромѣ необыкновенно быстраго своего роста, напоминающаго ростъ американскихъ городовъ, Жижковъ особенно замѣчателенъ для насъ въ другомъ еще отношеніи: онъ всецѣло—созданіе чеховъ и представляетъ собою какъ бы книгу, знакомящую насъ съ славнѣйшей порой жизни Чешскаго Народа. Одинъ изъ достойнѣйшихъ чешскихъ гражданъ-патріотовъ, Карлъ Гартигъ, о которомъ мы уже упоминали и которому принадлежитъ главная честь основанія Жижкова, однимъ изъ первыхъ сталъ строиться въ этой мѣстности и первому выстроенному имъ себѣ дому, въ такъ называемомъ «ущельѣ», налѣво отъ вѣнской дороги, гдѣ протекаетъ Безовскій ручей, далъ онъ названіе дома *у Ивана Жижки изъ Троцнова*. Примѣру его послѣдовали и другіе обыватели Жижкова, и въ настоящее время каждая улица, каждый домъ, за весьма немногими исключеніями, носятъ одно изъ великихъ именъ изъ славныхъ гуситскихъ временъ. Патріотизму своихъ гражданъ и само селеніе Жижковъ обязано тѣмъ, что носитъ это славное имя. Прежде, про занимаемую имъ мѣстность, говорилось просто: «на вѣнской дорогѣ», въ административномъ же отношеніи, какъ было уже упомянуто, бывшіе здѣсь хутора и имѣнія частныхъ владѣльцевъ принадлежали къ селенію «Королевскіе Винограды». Но когда подошва Жижкова значительно позастроилась, 15 сентября 1868 г., 56 обывателей, съ Карломъ Гартигомъ во главѣ, подали выборному старшинѣ селенія «Винограды» прошеніе о томъ, чтобы было разрѣшено всю мѣстность, отъ Пруткова, вдоль вѣнской дороги, и до Безовки, именовать оффиціально «Жижковымъ», на что и послѣдовало въ слѣдующемъ году разрѣшеніе подлежащихъ властей. Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь въ переводѣ содержаніе этого любопытнаго прошенія, свидѣтельствующаго о высокомъ патріотизмѣ жижковцевъ:

«Та часть отечественной земли чешской, которую занимаетъ младшая отрасль королевскаго города Праги, весьма знаменательна въ исторіи славнаго Чешскаго Народа. Здѣсь у подошвы могучей и величественной горы, съ которой нѣкогда смотрѣли на королевскую Прагу, крѣпкіе, смѣлыми руками защищаемые, срубы,—сражалось въ памятный день 14 іюля 1420 г. малое войско непобѣдимаго воителя-чашника съ чужеземцами, которые, вторгшись въ наше отечество съ императорскимъ войскомъ, усиливались овладѣть Прагою.

«Зоркое око неодолимаго вдохновеннаго полководца увидѣло что Витковъ (такъ называлась прежде гора Жижкова), по отношенію къ Прагѣ,—самое важное стратегическое мѣсто. Малое число мужей, женъ и дѣвицъ, одушевленныхъ любовью къ родинѣ, защишало, устроенное Жижкою на-скоро, укрѣленіе. Около Жижки собрались его дѣти — отразить напоръ непріятеля, стремившагося въ сердце Чехіи. Мало было ихъ числомъ, можетъ быть, вдесятеро меньше, нежели непріятелей, но сердце каждаго изъ нихъ билось за отечество и свободу; каждый изъ нихъ жаждалъ мученическаго вѣнца и готовъ былъ съ радостью пролить кровь въ святомъ народномъ бою.

«Витковъ окруженъ былъ толпами враговъ; горстка чашниковъ рѣдѣла съ каждымъ мгновеніемъ ока и уже уступала. Но въ это время протѣснилась пражскими воротами толпа набожнаго люда съ священникомъ во главѣ, въ подкрѣпленіе утомленнымъ и ослабленнымъ.

«Гуситскія дѣти ободрились снова, прорвали ряды непріятелей и разсѣяли и погубили ихъ въ лютой и кровавой сѣчѣ. Прага и отечество были спасены этою великою побѣдою, мѣстомъ совершенія которой былъ Витковъ и его окрестности.

«Благодарность бѣднаго народа, который не могъ ставить памятниковъ своимъ мученикамъ и строить въ честь ихъ храмы,— дала этой горѣ имя «Жижкова».

«Вѣка минули съ тѣхъ поръ. Но записанная кровавыми буквами въ исторіи нашей память о великомъ воеводѣ и его богатырскихъ подвигахъ не сгладилась и доселѣ живетъ въ грудяхъ чешскихъ.

«И въ насъ, надъ которыми сторожитъ святая вершина величественной горы, живетъ благодарность къ давно почившимъ великанамъ Народа Чешскаго, и насъ, устроившихъ тутъ себѣ жилища у подошвы величественнаго Жижкова, одушевляетъ память о великой битвѣ, спасшей королевскую Прагу отъ вѣрной погибели и рабства.

«И потому мы хотимъ, чтобы имя воинственнаго исполина вѣчно жило въ груди Чеха, и, проникнутые этою мыслью, рѣ-

шили мы на томъ, чтобы помянутая часть королевскаго селенія «Винограды» напоминала именемъ своимъ то великое событіе, свидѣтелемъ котораго была почва нашего селенія».

Въ 1875 г. Жижковъ совершенно отдѣленъ отъ селенія «Винограды» и получилъ особое самостоятельное управленіе, во главѣ котораго поставленъ Карлъ Гартигъ (бургомистръ), имя котораго неразрывно и навсегда связано съ исторіей этого цвѣтущаго предмѣстья Праги. Въ Жижковѣ имѣется уже нѣсколько учебныхъ заведеній, общественная ссудо-сберегательная касса, въ которой въ первый годъ ея существованія было уже 600.000 гульденовъ, гимнастическое общество «Соколъ» и Общественная бесѣда (литературный клубъ). За свой патріотизмъ Жижковъ часто терпитъ различныя утѣсненія и непріятности какъ отъ центральной правительственной власти, такъ и отъ областной, такъ какъ и послѣдняя также въ нѣмецкихъ рукахъ.

Содержаніе настоящей статьи, заимствованное изъ Научнаго Словаря Ригра и чешскихъ журналовъ „Свѣтозоръ“ и „Цвѣты“ (Kvety), напечатано въ журн. «Вѣкъ» 1882 г.

Призывъ.

Посвящается брату-чеху Іосифу Голечку.

Ужъ близокъ день суда. Готовьтесь, братья, смѣло
Всѣмъ міромъ, всей землей на общій подвигъ встать!
Кругомъ кишатъ враги; но право наше дѣло,
А съ правыми Господь. Клянемся-жь не слагать
Оружія—пока хоть пядь Земли Славянской,
Хотя одинъ нашъ братъ подъ гнетомъ будетъ ихъ!
Не «гарантій» просить у власти басурманской
Для братьетъ Русь моя пошлетъ орловъ своихъ:
Держимые во тьмѣ и подъ ярмомъ народы
Русь властно призоветъ на свѣтлый пиръ свободы!

СЕРБЫ ЛУЖИЦКІЕ.

Въ ряду лицъ, съ честью и успѣхомъ потрудившихся въ дѣлѣ славянскаго возрожденія, одно изъ самыхъ выдающихся и почетныхъ мѣстъ принадлежитъ маститому Лужицко-Сербскому дѣятелю Ивану Ивановичу (Яну) Смоляру. Его бодрому почину и неусыпнымъ трудамъ его и его сподвижниковъ и послѣдователей обязанъ своимъ воскресеніемъ братскій намъ Лужицко-Сербскій народъ, который полвѣка тому назадъ считался похороненнымъ, а теперь твердо стоитъ на ногахъ и съ надеждою смотритъ въ будущее. Исторія возроженія Лужицко-Сербскаго народа и труды въ этомъ дѣлѣ И. И. Смоляра извѣстны изъ статей А. Ѳ. Гильфердинга (Русск. Бесѣда, 1856 г. кн. 1), Изм. Ив. Срезневскаго (Ж. Мин. Нар. Пр., 1844 г. кн. 43), а также изъ Исторіи Славянскихъ Литературъ Пыпина, поэтому нѣтъ надобности объ этомъ здѣсь распространяться. Скажемъ только, что 70-лѣтній Смоляръ и въ настоящее время неустанно трудится для своего народа, являясь всюду ходатаемъ о его нуждахъ, и для общеславянскаго дѣла, готовя новый переводъ на Лужицкій языкъ св. Евангелій, который онъ намѣревается издать кириллицею рядомъ съ русскимъ и старославянскимъ текстами.

Въ виду сказаннаго, предлагая Ив. И. Смоляра въ почетные члены Славянскаго Общества, не сомнѣваемся, что Совѣтъ съ готовностью внесетъ это предложеніе въ общее собраніе и поддержитъ его въ собраніи своимъ вліяніемъ.

Избраніе состоялось 18 декабря 1883 г.

Изъ книги «Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія сущ. Спб. Слав. Бл. Общества по проток. общ. собр. его членовъ».

Привѣтъ Яну Смоляру на обѣдѣ въ честь его и его супруги Эрнестины Ѳеодоровны въ 1883 г.

Мы собрались сегодня здѣсь небольшимъ товарищескимъ кружкомъ и пригласили Васъ раздѣлить съ нами эту скромную хлѣбъ-соль, — чтобы засвидѣтельствовать Вамъ любовь нашу къ Лужицко-Сербскому народу и наше глубокое ува-

женіе лично къ Вамъ, къ Вашей почтенной неутомимой и плодотворной дѣятельности на пользу этому народу, дѣятельности, направленной къ сохраненію и возстановленію въ этомъ народѣ исконныхъ славянскихъ началъ, къ пробужденію и укрѣпленію въ немъ славянскаго самосознанія, къ укрѣпленію въ немъ народнаго духа.

Не легка была Ваша задача; но Вы съ отрочества еще взялись за ея выполненіе, взялись съ горячею любовью къ своему приниженному и пригнетенному народу и съ крѣпкою вѣрою въ жизненныя силы и въ славянское будущее этого народа. И благо Вамъ за Вашу пламенную любовь, за Вашу бодрую вѣру, за Вашъ великій самоотверженный трудъ! Мы видимъ уже въ Вашемъ народѣ обильные плоды Вашихъ трудовъ. Вашъ примѣръ служитъ намъ доказательствомъ, что вѣра и любовь все превозмогаютъ.

Здравствуйте же на многая лѣта!

Янъ Смоляръ и духовное возрожденіе Лужицко-Сербскаго Народа.

Въ Германіи, въ предѣлахъ Саксонскаго королевства и Прусской Силезіи и Бранденбурга, отъ окрестностей Будышина (Бауценъ) до Губина и отъ Воерецъ до Любія, обитаютъ Сербы-Лужичане, самое малое изъ племенъ славянскихъ. Достигая своею численностью 175 тыс., они раздѣляются, при незначительныхъ особенностяхъ въ нарѣчіи, на двѣ части: Верхнихъ и Нижнихъ Лужичанъ. Верхніе Лужичане (150.000) живутъ въ Саксоніи и частью въ Пруссіи, имѣя своимъ средоточіемъ городъ Будышинъ, Нижніе же въ одной Пруссіи. По вѣроисповѣданію большинство Лужичанъ—лютеране и только 10.000 католиковъ. Представляя ничтожный остатокъ многочисленныхъ нѣкогда Прибалтійскихъ Славянъ, Лужичане издавна извѣстны въ исторіи подъ именемъ Вендовъ или Сербовъ. Со времени Карла Великаго они подвергались нападеніямъ нѣмецкихъ дружинъ, которымъ, вслѣдствіе политической розни, не могли оказывать стойкаго сопротивленія. Такимъ образомъ, Сербы постепенно подпадали нѣмецкому владычеству. При Святополкѣ Моравскомъ Лужицы входили еще въ составъ Велико-Моравскаго княжества, но уже Генрихъ I основалъ въ предѣлахъ Лужичанъ Восточную Марку, назначивъ Саксонца Геро маркграфомъ, и при Оттонѣ I, въ 968 году, Сербы были окончательно покорены. Въ 1015 г. завоевалъ Лужицкую землю Болеславъ II, память о которомъ сохранилась донынѣ въ одной лужицкой народной пѣснѣ. Затѣмъ Лужицы принадлежали то маркграфамъ Мишнянскимъ, то Бранденбургскимъ. Въ 1355 году Лужицы перешли было къ Чешской коронѣ, но въ 1629 г. Императоръ Фердинандъ

уступилъ эти области за 72 тонны золота Саксонскому курфюрсту Георгу I, съ тѣмъ однако условіемъ, что въ случаѣ пресѣченія саксонской династіи Чешская корона имѣетъ право возвратить себѣ Лужицы, уплативъ вышеозначенную сумму. Наконецъ, въ 1814 году Нижняя Лужица и часть Верхней отошла къ Пруссіи.

Нѣмецкіе завоеватели стали быстро онѣмечивать славянскихъ туземцевъ, обративъ ихъ въ крѣпостное состояніе и лишивъ всякихъ полити-

Янъ Смоляръ.

Род. 3 марта 1816 г. † 1 іюня 1884 г.

ческихъ правъ; такъ уже въ 1327 году сербскій языкъ былъ изгнанъ изъ судопроизводства. Однако, въ XV в. успѣхи германизаціи уменьшаются, и съ этого времени до настоящаго границы Лужицкой народности остаются приблизительно одинаковыми, хотя славянская народная стихія, вслѣдствіе лишенія туземцевъ-славянъ нѣмецкими пришельцами политической свободы, могла съ трудомъ сохраняться только нравами и обычаями, домомъ и церковью.

Такъ какъ Лужицы искони поддерживали связь съ Чехіей, то можно, по нѣкоторымъ даннымъ, предположить, что христіанство первоначально было занесено къ Лужичанамъ ученики св. Кирилла и Меѳодія. Эта связь Лужицы съ Чехіей не прекращалась и тогда, когда восточный обрядъ былъ вытѣсненъ латинскимъ: Лужичане пользовались понятными для нихъ церковными книгами, и этимъ объясняется то, что до XVI в. въ Лужицахъ встрѣчаются однѣ чешскія рукописи. Лужицко-Сербская письменность возникаетъ только послѣ реформаціи, къ которой примкнули почти всѣ Лужичане. Первый памятникъ лужицкаго языка представляетъ сборникъ переводовъ изъ св. Писанія въ рукописи 1548 г., хранящейся въ Берлинской королевской библіотекѣ. Вся дальнѣйшая письменность Лужичанъ была вызвана религіозными потребностями и имѣетъ, поэтому, до начала нынѣшняго столѣтія почти исключительно духовное содержаніе. Изъ числа писателей того времени особенное вниманіе привлекаютъ на себя священники Михаилъ и Авраамъ Бранцели. Михаилъ Бранцель (1628—1706), который впервые издалъ полный переводъ Новаго Завѣта на Лужицкій языкъ, уже въ тѣ отдаленныя времена сознавалъ племенное единство Славянъ, на которое онъ указывалъ въ привѣтствіи, представленномъ имъ въ 1692 году на сербскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ своими сочиненіями, Петру Первому при его проѣздѣ черезъ Саксонію. Сынъ Михаила—Авраамъ Бранцель, также воодушевленный мыслью о великомъ Славянствѣ, ревностно занимался славяновѣдѣніемъ и издалъ важные историческіе, лингвистическіе и этнографическіе труды. Но, не смотря на дѣятельность Бранцелей и нѣкоторыхъ другихъ писателей, сербская народность постепенно замирала и къ началу XIX столѣтія пришла въ совершенный упадокъ. Языкъ сербскій сталъ считаться какъ бы деревенскимъ нарѣчіемъ, на которомъ образованные люди стѣснялись говорить. Былъ только одинъ человѣкъ, священникъ Андрей Любенскій (1790—1840), который издавалъ еще книги на сербскомъ языкѣ, хотя и онъ уже не надѣялся, что сербская народность можетъ сохраниться. Казалось, Лужицкая народность черезъ нѣсколько лѣтъ исчезнетъ съ лица земли. Но въ это время, когда, повидимому, славянское начало въ Лужицѣ было обречено на гибель, у Лужичанъ явился пламенный защитникъ своей народности—Янъ Смоляръ, который бодро повелъ свой народъ по пути возрожденія.

Родившись 3 марта 1816 года въ прусской Верхней Лужицѣ въ семьѣ учителя, Смоляръ уже въ домѣ родительскомъ проникся горячею любовью къ своему народу. Его мать, истинная славянка, необыкновенно хорошо знала языкъ и народные обычаи Лужичанъ и имѣла рѣшительное вліяніе на складъ души своего сына, открывая передъ нимъ сокровищницу народныхъ пѣсенъ и сказаній. До 14 лѣтъ жилъ мальчикъ въ глухой сербской деревнѣ, гдѣ онъ страстно привязался къ родному языку и быту. Когда его затѣмъ опредѣлили въ Будышинскую гимназію, онъ съ болью увидѣлъ пренебреженіе, съ которымъ тамъ относились къ сербской народности. Въ патріотическомъ пылу онъ уговаривалъ своихъ товарищей не отрекаться отъ своей народности и испросилъ для сербскихъ учениковъ у директора гимназіи позволеніе собираться для совмѣстныхъ занятій роднымъ языкомъ. Такимъ образомъ, ему удалось пробудить въ своихъ товарищахъ народное сознаніе. Во время отпусковъ онъ старался всесторонне изучить свой народъ, бродя по селеніямъ Лужичанъ, наблюдая ихъ бытъ и записывая ихъ пѣсни. Въ 1836 году, по окончаніи гимназіи, Смоляръ поступилъ на Богословскій факультетъ Вратиславскаго университета, и тутъ молодому славянину открылась возможность войти въ общеніе съ другими славянами. На него обратилъ вниманіе знаменитый тогда чешскій физіологъ проф.

Пуркине, въ домѣ котораго онъ сошелся съ чешской и польской молодежью. Вскорѣ стараніями Смоляра при университетѣ было открыто Лужицкое Академическое Общество, которое имѣло цѣлью изученіе исторіи и этнографіи Лужицы. Въ то же время, онъ не прерывалъ сношеній съ Будышиномъ, побуждая учениковъ гимназіи трудиться для своего національнаго развитія, и дѣйствительно въ 1838 году гимназисты, во главѣ съ Мужикомъ-Клосопольскимъ и Имишемъ, основали при гимназіи «Сербское Будышинское Общество», существующее до настоящаго времени. Окончивъ въ 1840 году богословскій факультетъ, Смоляръ поступилъ на историко-филологическій факультетъ для изученія славянскихъ нарѣчій, подъ руководствомъ проф. Челяковскаго. Въ этомъ году онъ издалъ «Сербско-нѣмецкіе разговоры» и «Малый сербско-нѣмецкій словарь» и перевелъ на сербскій языкъ «отзвукъ пѣсенъ чешскихъ» Челяковскаго и «Краледворскую рукопись». Тогда же онъ познакомился съ молодыми русскими учеными Срезневскимъ и Бодянскимъ, съ которыми впослѣдствіи постоянно поддерживалъ дружескія отношенія. Продолжая по-прежнему на своей родинѣ изучать народную поэзію, Смоляръ, наконецъ, приготовилъ полный сборникъ лужицкихъ народныхъ пѣсенъ, который вышелъ въ свѣтъ въ 1842—43 г. Этотъ по истинѣ драгоцѣнный трудъ, исполненный по строго научному методу, удивилъ міръ богатствомъ поэзіи забытаго племени, за которымъ отнынѣ было признано право на національную жизнь. Заявивъ такимъ образомъ о существованіи Лужицкаго Народа, Смоляръ задумалъ сообщить ему національное развитіе. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ священникомъ Зейлеромъ, даровитымъ поэтомъ, и со своимъ отцомъ, чтобы общими силами предпринять изданіе сербской газеты. Издатели сумѣли угодить вкусу поселянъ и «Tydzenska Nowina», такъ называлась газета, имѣла успѣхъ, пробуждая въ народѣ славянское чувство. Переселившись затѣмъ по окончаніи университетскаго курса въ Липскъ, Смоляръ, въ 1846 г. сдѣлался редакторомъ повременнаго изданія на нѣмецкомъ языкѣ «Jahrbücher für slavische Litteratur, Kunst und Wissenschaft». Въ то время лужицкая молодежь, нѣкогда учившаяся въ Будышинской гимназіи, стала вступать въ жизнь. Видя необходимость дать народу духовный центръ, вокругъ котораго могли бы собираться юныя образованныя силы, Смоляръ предположилъ устроить въ Будышинѣ учрежденіе, подобное Чешской Матицѣ. Но, будучи прусскимъ подданнымъ, Смоляръ не могъ самъ взяться за это, и осуществленіе плана затягивалось, пока наконецъ, благодаря хлопотамъ народолюбца д-ра А. Клина, Будышинскаго городского головы, правительство не утвердило устава Матицы Сербской (1847 г.). Это общество, со времени учрежденія котораго началась новая пора въ исторіи Лужицкаго Народа, имѣетъ цѣлью распространять въ народѣ книги, написанныя въ славянскомъ духѣ, разрабатывать научные вопросы и способствовать развитію сербскаго языка. Явилась цѣлая вереница писателей (Велянъ, Имишъ, Букъ, Ростокъ, Іенчъ, Дучманъ, Фидлеръ, Пфуль, Бронишъ, Веля, Іорданъ и др.), помѣщавшихъ свои научные и поэтическіе труды въ Часописѣ Матицы, выходящемъ ежегодно двумя выпусками *).

Насталъ бурный 1848 годъ. Въ Саксоніи вспыхнула революція, и Лужичанамъ нужно было выбирать между королевскимъ и революціоннымъ правительствомъ. Смоляръ тотчасъ переѣхалъ въ Будышинъ, чтобы вести изданіе Tydz. Now. Демократическая партія склоняла лужичанъ на свою сторону, но Смоляръ видѣлъ, что пангерманисты, желая упраздненія провинціальныхъ учрежденій, уничтожили бы обособленность Лужицы, имѣю-

*) Членскій взносъ въ Матицѣ 2 р.

щей свой областной сеймъ, и что, домогаясь свободы для нѣмецкаго народа, революціонеры отказывались, однако, признавать права за славянами. Поэтому онъ совѣтовалъ народу въ своей газетѣ держаться стороны короля и воспользоваться минутой, чтобы добиться улучшенія своего положенія. Такимъ образомъ, сербскія сельскія общины, ставъ на сторону консервативной партіи, отстояли существованіе лужицкаго областнаго сейма, а гвардейскій полкъ, состоявшій изъ лужичанъ, спасъ короля отъ разъяренной толпы. Зато сербская народность послѣ подавленія мятежа получила полное офиціальное признаніе: ей было обезпечено употребленіе родного языка въ церкви, школѣ и въ судопроизводствѣ. Даже наслѣдникъ престола пріѣхалъ въ Будышинъ, чтобы учиться сербскому языку, и его преподавателемъ былъ назначенъ Смоляръ.

После такихъ блестящихъ успѣховъ въ Лужицѣ закипѣла дѣятельность. Многія лица, которыя раньше недовѣрчиво относились къ возрожденію славянской народности, примкнули къ новому движенію, а старые патріоты съ удвоенною силою продолжали трудиться. Устраивались концерты, спектакли, учреждались новыя общества. Издавъ въ 1854 году первый сербскій календарь, Смоляръ продолжалъ изданіе Tydzenskich Nowin, названіе которыхъ онъ перемѣнилъ на Serbske Nowiny. Въ 1857 году Смоляръ предпринялъ свое первое путешествіе въ Россію, которую ему давно хотѣлось узнать. Пріѣхавъ въ Петроградъ, онъ нашелъ самый радушный пріемъ у давнишнихъ своихъ друзей, ученыхъ Срезневскаго и Гильфердинга. Отсюда онъ отправился въ Москву, гдѣ завязалъ дружескія отношенія съ славнымъ кружкомъ тамошнихъ славянофиловъ: Хомяковымъ, Кирѣевскими, Аксаковыми, Погодинымъ, Кошелевымъ и др. Въ общеніи съ этими пламенными поборниками славянской мысли, онъ укрѣпилъ свою вѣру въ свѣтлую будущность Славянства и, вернувшись на родину, сталъ съ новыми силами бороться за существованіе своей народности. Въ 1862 году онъ получилъ приглашеніе занять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ, и вскорѣ послѣ этого послѣдовало такое же приглашеніе со стороны Харьковскаго университета. Смоляръ, сознавая, что его силы необходимы на родинѣ, отклонилъ эти предложенія; все же онъ былъ выбранъ въ члены названныхъ университетовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, по поводу празднованія тысячелѣтія существованія Русскаго государства, ему былъ пожалованъ за его ученую дѣятельность орденъ св. Анны 2 степени. Его извѣстность все увеличивалась, и онъ былъ выбранъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ (Географическаго общества, общества Любителей древней письменности, Археологической комиссіи и пр.).

Между тѣмъ въ Лужицѣ умственная дѣятельность все увеличивалась. Такъ какъ въ Матицѣ Сербской, согласно ея устава, нельзя было издавать вѣроисповѣдныхъ книгъ, то Имишъ основалъ евангелическое книжное общество, которое снабжаетъ народъ книгами духовнаго содержанія. Съ такою же цѣлью было Горникомъ, католическимъ священникомъ въ Будышинѣ, учреждено католическое общество св. Кирилла и Меѳодія. Наконецъ съ 1868 года стали выходить двѣ духовныя газеты: «Миссіонскій Посолъ» подъ редакціею Рихтера и «Католическій Посолъ» подъ редакціею Горника. Затѣмъ число повременныхъ изданій увеличилось еще «Лужичаниномъ», изданіемъ литературнымъ, редакторомъ котораго состояли то Горникъ, то Смоляръ (въ настоящее время Ерн. Мука). Въ 1867 году филологомъ Пфулемъ, при содѣйствіи Зейлера и Горника, было окончено изданіе полнаго лужицко-нѣмецкаго словаря, образцово исполненное. Въ области поэзіи въ это время прославился лирическій баянъ Зейлеръ, сочиненія котораго носятъ на себѣ печать истиннаго дарованія.

Такъ національное развитіе все подвигалось впередъ, и Смоляръ убѣдился, что теперь надлежало дать народу видимый центръ, гдѣ сосредоточивались бы народныя учрежденія, т. е. нужно было построить Народный Домъ. Въ 1873 году представился случай пріобрѣсти подходящій участокъ земли въ средней части гор. Будышина, но собственными средствами лужичане этого не могли сдѣлать. Смоляру, который въ 1867 году вторично побывалъ въ Россіи въ качествѣ представителя лужицкой народности на

Ернестъ Мука.

славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, пришлось снова отправиться въ Петроградъ, чтобы искать помощи для осуществленія своего плана. Благодаря содѣйствію друзей, ему удалось войти въ соглашеніе съ А. Д. Башмаковымъ, который рѣшился ссудить Матицѣ Сербской 6000 талеровъ безъ процентовъ, подъ закладную недвижимости Матицы. Такимъ образомъ стало возможнымъ купить участокъ земли со строеніями, но постройку Народнаго Дома пришлось отложить за недостаткомъ средствъ на неопредѣленное время.

Всѣ порывы народнаго возрожденія, охватившіе Верхнюю Лужицу съ сороковыхъ годовъ, нашли только слабый откликъ въ Нижней Лужицѣ, которая продолжала оставаться въ состояніи умственнаго бездѣйствія. Литература ограничивалась самыми необходимыми книгами духовнаго содержанія; впрочемъ, съ 1848 года стала издаваться газета «Брамборскій Цасникъ» на средства нѣмецкихъ дворянъ, желавшихъ путемъ печати укрѣпить въ народѣ консервативныя начала. Эта газета, хотя и составляется довольно неумѣло, все-таки имѣетъ 500 подписчиковъ, способствуя, такимъ образомъ, поддержанію славянской народности. Косность Нижней Лужицы озабочивала патріотовъ, и въ 1881 году былъ сдѣланъ первый шагъ къ ея пробужденію открытіемъ Нижне-Лужицкаго Отдѣленія Сербской Матицы. Но этотъ же годъ ознаменовался грознымъ бѣдствіемъ. Одинъ за другимъ скончались 15 престарѣлыхъ Нижне-Лужицкихъ священниковъ, и вслѣдствіе этого 15 приходовъ лишились богослуженія на родномъ языкѣ. Между тѣмъ замѣчено, что съ прекращеніемъ сербскаго богослуженія населеніе начинаетъ онѣмечиваться, и такъ какъ не было возможности открывшіяся мѣста заполнить лицами сербскаго происхожденія, то явилось основательное опасеніе за цѣлость сербской народности въ осиротѣлыхъ приходахъ. Представился случай привлечь на священническія должности словацкихъ кандидатовъ Богословія, но для этого понадобились сразу значительныя средства Лужичане обратились было за пособіемъ къ лютеранскому Gustav-Adolf-Verein-у, въ числѣ членовъ котораго состоитъ почти поголовно все населеніе Лужицы, внося исправно деньги, но изъ общества послѣдовалъ рѣшительный отказъ, объясненный тѣмъ, что поддержаніе славянской стихіи противорѣчило бы стремленіямъ общества. Встревоженный удручающимъ оборотомъ дѣла въ Нижней Лужицѣ, Смоляръ рѣшился обратиться къ помощи другихъ славянъ. Вмѣстѣ съ славнымъ патріотомъ, ксендзомъ Горникомъ, онъ отправился въ Варшаву, гдѣ ему удалось съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи Крашевскаго, изыскать средства для замѣщенія двухъ священническихъ мѣстъ словацкими кандидатами Богословія.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вдругъ обрушилось на лужичанъ новое несчастіе: Башмаковъ, въ 1873 году великодушно ссудившій Матицѣ 6000 талеровъ, былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, и конкурсное управленіе, учрежденное по его дѣламъ, предъявило искъ въ этой суммѣ къ Матицѣ. Необходимо было уплатить, иначе недвижимость Матицы подверглась бы продажѣ съ публичнаго торга, и тѣмъ самымъ уничтожились бы надежды на постройку Народнаго Дома. Поэтому Смоляръ немедленно поѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ надѣялся найти средства для предотвращенія надвигавшейся опасности. Славянское Благотворительное Общество приняло участіе въ судьбѣ Матицы, для которой, такимъ образомъ, устранилась опасность банкротства. Смоляръ былъ выбранъ почетнымъ членомъ Славянскаго Общества и вернулся въ 1883 году на родину. Здѣсь онъ учредилъ «Общество вспомоществованія учащимся Сербамъ», которое имѣетъ цѣлью помогать молодымъ лужичанамъ, готовящимся къ священнослужительской дѣятельности, и занялся приготовленіемъ къ печати лужицко-сербскаго Новаго Завѣта, написаннаго имъ кириллицею съ параллельнымъ старо-славянскимъ текстомъ. Но этого важнаго труда не удалось ему окончить: силы 68-лѣтняго старца, надломленныя цѣлымъ рядомъ неудачъ послѣдняго времени, стали быстро слабѣть, и 1 іюня 1884 года смерть унесла маститаго борца за самобытность Лужицкаго Народа.

Во время послѣдняго своего пребыванія въ Россіи покойный Смоляръ лично говорилъ мнѣ, что Евангеліе отъ Матѳея имъ уже окончено и вполнѣ готово для печати. На наслѣдникахъ его лежитъ святой долгъ передъ нимъ

и передъ родиною сберечь этотъ трудъ и издать его, чему наше Славянское Общество и Русская Академія Наукъ должны были бы оказать свое содѣйствіе.

50-лѣтнею дѣятельностью своею Смоляръ произвелъ полный переворотъ въ жизни лужичанъ. Придавъ посредствомъ изданія народныхъ пѣсенъ гласность самому ихъ существованію, вызвавъ ихъ къ національной жизни и достигнувъ признанія за ними со стороны правительства важнѣйшихъ политическихъ правъ, Смоляръ снискалъ уваженіе міра къ этому небольшому, но неутомимому народу и обезпечилъ ему мѣсто въ семьѣ славянской. Смерть его была тяжелою утратой, но дѣло народнаго возрожденія, поставленное уже на твердую почву, не погибло. Явилось новое поколѣніе дѣятелей, среди которыхъ выдѣляются Дм. Мука, авторъ превосходной статистики лужичанъ и нижне-лужицкой грамматики; Марко Смоляръ (сынъ Яна), издатель газеты «Serbske Nowiny», поэтъ Тишинскій, Гандрикъ, Жемръ, Валтарь, Матерка, Гановскій, Краль и пр. Эти молодыя силы работаютъ подъ главенствомъ старцевъ Горника, Имиша, Веляна, Іенча и др. Изъ числа ихъ наибольшее значеніе имѣетъ ксендзъ Горникъ (родился 1833 г.), знатокъ лужицко-сербскаго языка и исторіи. Издавъ вмѣстѣ съ В. О. Богуславскимъ въ 1884 г. исторію лужицкаго парода и въ 1888 г. превосходный переводъ Новаго Завѣта, онъ является въ настоящее время вождемъ сербской народности*). На сколько образованные лужичане воодушевлены народной мыслью, видно изъ того, что въ 1885—86 году учащаяся молодежь посредствомъ концертовъ и спектаклей собрала необходимую сумму для изданія 4 томовъ сочиненій поэта Зейлера. Національное сознаніе ростетъ и въ массѣ населенія, для котораго сербская книга и газета стали необходимою потребностью. Въ настоящее время вся Лужица покрылась цѣлою сѣтью земледѣльческихъ обществъ, имѣющихъ, подобно нѣмецкимъ гимнастическимъ и пѣвческимъ обществамъ, кромѣ своихъ спеціальныхъ задачъ, также стремленіе сплотить народныя силы для защиты національной самобытности.

Пожелаемъ же дорогому намъ бодрому Лужицкому Народу не упасть духомъ и не оскудѣть дѣятелями въ тяжелой борьбѣ за существованіе! Быть можетъ, впослѣдствіи онъ и дождется лучшей доли, когда измѣнятся политическія обстоятельства въ пользу западнаго славянства.

«Благовѣстъ» вып. 47, янв. 1893 г.

Хорватская пѣсня.

Са Истока освиће
Руйне зоре крас;
Са Истока и нам ће
Скоро свануть спас.

Загребъ 1887 г.

Шлетъ съ Востока пробужденье
Богъ природѣ всей;
Отъ Востока ждемъ спасенья
Мы странѣ своей.

*) Горникъ сконч. въ 1892 г.

Габсбургамъ Хорватами
Не владѣть, какъ встарь:
Насъ избавятъ Русскіе,
Насъ избавитъ Царь!

Не хотимъ мадьяръ и нѣмцевъ
Надъ собой терпѣть;
Или свергнуть иноземцевъ,
Или—умереть!

Будемъ всѣ героями,
Какъ бывали встарь!
Насъ похвалятъ Русскіе,
Насъ похвалитъ Царь!

Покажи себя лишь мужемъ
Доблестнымъ, Хорватъ!
Твое мужество оцѣнитъ
Твой могучій Братъ.

Русь ходила на̀-помочь
Нашимъ дѣдамъ встарь;
Намъ помогутъ Русскіе,
Намъ поможетъ Царь!

Съ Богомъ, съ братской помощью
Мы свое возьмемъ;
Съ Нѣмцами и съ Уграми
Счеты всѣ сведемъ!

Будемъ лютыхъ вороговъ
Мы крошить, какъ встарь;
Сокрушатъ ихъ Русскіе,
Сокрушитъ ихъ Царь!

Русь Святая Матушка
Насъ освободитъ,
Будетъ намъ охраною
Мечъ ея и щитъ!

И мы славить до-вѣку
Будемъ, какъ и встарь:
Славьтесь, Братья Русскіе,
Славься, Русскій Царь!

БОЛГАРЫ.

По поводу пребыванія въ Россіи князя Болгарскаго.

Въ воскресенье, 12 іюля, (1898 г.) направилась изъ Россіи домой семья князя Болгарскаго, принятая у насъ съ распростертыми объятіями и открытымъ сердцемъ, обласканная Русскимъ Царемъ и народомъ. И Славянское здѣшнее общество, въ которомъ два года тому назадъ мнѣнія относительно только-что признаннаго тогда нашимъ правительствомъ князя Болгарскаго рѣзко двоились, теперь единодушно привѣтствовало князя Фердинанда и его супругу и благословило православнаго ихъ княжича Бориса святою иконою.

Чтобы правильно понять значеніе происшедшей въ настроеніи русскихъ людей по отношенію къ князю Фердинанду перемѣны, слѣдуетъ вникнуть въ славянскую исторію,

Въ судьбахъ славянскихъ народовъ наблюдается двоякое отношеніе къ нимъ властителей-иноплеменниковъ.

Одни изъ нихъ, пользуясь славянскимъ благодушіемъ и тѣмъ грѣхомъ, который зовется неслогою, усобицами и рознью, — вторгались силою, а чаще лукавствомъ и лестью вкрадывались въ славянскую страну и, принявъ на себя личину пастырей, были въ дѣйствительности татями и разбойниками въ отношеніи пріютившаго ихъ у себя народа; многія поколѣнія и цѣлые вѣка оставались они чужими этому народу плотію и духомъ, языкомъ и вѣрой. Руководясь въ отношеніи управляемыхъ гнуснымъ правиломъ divide et impera (раздѣленіемъ властвуй), эти насильники разоряли и растлѣвали поддавшіеся имъ народы; обративъ само христіанство въ орудіе международнаго разбоя, они оставили по себѣ кровавый и грязный слѣдъ въ міровой исторіи.

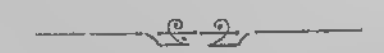
Таковы особенно были отношенія латыно-нѣмецкаго Запада, духовныхъ и свѣтскихъ его властителей, къ Славянамъ полабскимъ и поморскимъ; таковы длящіяся еще отношенія сосѣдней намъ двуликой и двуличной имперіи-королевства Габсбурговъ къ подвластнымъ имъ славянамъ.

Но тысячелѣтняя исторія Славянъ благодарно отмѣтила и хранитъ на своихъ скрижаляхъ и иное отношеніе къ нимъ иноплеменниковъ. Святые Солунскіе братья Меѳодій и Кириллъ были вѣдь тоже иноплеменны Славянамъ. Но они просвѣтили Славянъ свѣтомъ истиннаго знанія, обогатили и бла-

гоустроили ихъ языкъ и ничего у нихъ не отняли; зато весь Славянскій міръ почитаетъ ихъ равноапостольными и святыми. Иноплеменнымъ намъ, Русскимъ, былъ, по свидѣтельству лѣтописца, славный родъ Рюриковичей; но, внеся въ нашу землю государственный укладъ, онъ слился съ признавшимъ его народомъ тѣлесно и духовно, далъ Русскому народу его Солнце Красное—Владиміра, равноапостольнаго и святаго, и безчисленный сонмъ защитниковъ, устроителей и собирателей Земли Русской. Иноплеменникомъ былъ и благородный витязь Довмонтъ, послужившій вѣрою и правдою нашему древнему Пскову и ставшій не только роднымъ, но и святымъ всему Русскому Народу.

Приведенная историческая справка объясняетъ тѣ опасенія, то недовѣріе, которыми встрѣчено было русскими людьми воцареніе князя Фердинанда въ Болгаріи, и ту полную свѣтлой надежды радость, съ которою мы только-что привѣтствовали его теперь. Православіе его наслѣдника, княжича Бориса, и проявляемое лично княземъ Фердинандомъ благоговѣйное уваженіе къ православному церковному обряду и къ православнымъ святынямъ вселяютъ въ русскихъ людей увѣренность, что Промыслъ Божій ведетъ князя Болгарскаго Фердинанда въ ту Церковь, которой принадлежитъ его Народъ и въ лоно которой онъ самъ, хотя и побуждаемый къ тому обстоятельствами, но, вѣдь, не противъ-же убѣжденій своей личной совѣсти, принесъ своего сына-первенца.

Да будетъ-же благополучно возвращеніе князя Фердинанда съ его семействомъ въ усыновившую ихъ страну, и да обрѣтетъ родная намъ Болгарія внутренній миръ, да укрѣпится братская ея связь съ остальнымъ Славянствомъ; освобожденная нами, да послужитъ она освобожденію отъ иноплеменниковъ другихъ славянскихъ братій, и да возстановитъ нарушенныя по легкомыслію своихъ и нашихъ политическихъ дѣятелей и по небреженію нашего церковнаго правительства тысячелѣтнія сыновнія свои отношенія къ общей нашей матери, Вселенской Церкви!



Напечатано въ «Русскомъ Трудѣ» 1898 г., вып. 29.

Въ Славянскомъ Обществѣ.

Изъ объясненій бывшей при Петербургскомъ Отдѣлѣ Славянскаго Благотворительнаго Комитета Коммисіи по сбору пожертвованій въ пользу Балканскихъ славянъ *) на докладъ Ревизіонной Коммиссіи.

Воззванія о пожертвованіяхъ.

Замѣчанія Коммисіи Ревизіонной.

Въ сентябрѣ 1875 года Сербскій Митрополитъ Михаилъ обратился къ русскому народу съ воззваніемъ о помощи Боснякамъ и Герцеговинцамъ. Воззваніе это, по распоряженію Коммисіи, напечатано было въ числѣ 100 т. экземпляровъ и разослано для безплатной раздачи народу. Затѣмъ Коммисія и отъ себя обратилась къ русскому народу съ такимъ же воззваніемъ, которое раздавалось въ Петербургѣ въ церквахъ и на улицахъ.

Объясненія Коммисіи по сбору пож. въ п. Балк. сл.

Ревизіонная Коммисія одобрительно отзывается о дѣятельности Коммисіи по сбору, направленной къ ознакомленію народа съ бѣдственнымъ положеніемъ турецкихъ славянъ, какъ-то: о печатаніи и разсылкѣ воззваній, портретовъ и проч.; но и объ этой сторонѣ дѣятельности Коммисіи по сбору сообщаетъ не вѣрныя свѣдѣнія.

Въ сентябрѣ 1875 г. въ Коммисіи по сбору пожертвованій, дѣйствительно, было принято рѣшеніе напечатать воззваніе Сербскаго Митрополита Михаила, вмѣстѣ съ посланіемъ, полученнымъ С.-Петербургскимъ Отдѣломъ Славянскаго Комитета отъ Черногорскаго Митрополита Иларіона, для раздачи народу при сборахъ въ пользу Славянъ, но это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ на напечатаніе этихъ воззваній отдѣльными листками не послѣдовало согласія Петербургской цензуры.

Правда, воззваніе Сербскаго Митрополита было напечатано, но не въ

---

*) Коммисія эта учреждена постановленіемъ Общаго Собранія членовъ Отдѣла 21 сентября 1875 г. и существовала до 24 октября 1876 г. Предсѣдательствовали въ Коммисіи послѣдовательно: А. Н. Карамзинъ, Ив. Ѳед. Золотаревъ, А. А. Кирѣевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Т. И. Филипповъ; секретарями были: И. К. Янкуліо и затѣмъ В. И. Аристовъ; казначеемъ Ив. Ив. Петровъ; членами, кромѣ поименованныхъ лицъ: А. Д. Башмаковъ, Н. А. Кирѣевъ, А. А. Краевскій, Н. Н. Трегубовъ, М. В. Умецкій, М. Г. Черняевъ, А. А. Асламбеговъ, Л. В. Березинъ, Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Аѳ. В. Васильевъ, В. Д. Дандевиль, Г. А. Де-Воланъ, В. И. Ламанскій, И. А. Лишинъ, М. О. Микѣшинъ, О. Ѳ. Миллеръ, М. П. Розенгеймъ, В. К. Саблеръ, гр. А. В. Соллогубъ, В. Г. Чубинскій и кн. С. В. Шаховской. Объясненія Коммисіи по сбору противъ доклада Ревизіонной Коммисіи изданы особою тетрадью въ февралѣ 1878 г. и затѣмъ въ сборникѣ «Первыя 15 л. дѣятельн. Спб. Сл. Бл. О.». Здѣсь печатается та часть этихъ объясненій, которая была составлена мною.

Петербургѣ, а въ Москвѣ *), и потому Ревизіонная Коммисія напрасно ставитъ въ заслугу Коммисіи по сбору пожертвованій напечатаніе этого воззванія.

Въ Петербургѣ первое воззваніе о помощи возставшимъ Славянамъ и ихъ семействамъ, напечатанное отдѣльными листками и раздававшееся отъ имени Славянскаго Комитета въ церквахъ, появилось въ первыхъ числахъ октября 1875 г. Листокъ этотъ начинается словами: «Мы—Русскіе—принадлежимъ къ великому племени Славянскому». Онъ составленъ Аѳ. В. Васильевымъ и изданъ на частныя средства нѣкоторыхъ членовъ въ октябрѣ 1875 г. **) въ числѣ 40.000 листковъ, а затѣмъ въ декабрѣ того же года вторымъ изданіемъ, въ числѣ 30.000 оттисковъ. Листокъ этотъ не только раздавался церковными сборщиками въ Петербургѣ, но былъ посылаемъ и во внутреннюю Россію.

Въ началѣ февраля 1876 г. отпечатано коммисіей по сбору пожертвованій для даровой раздачи, въ числѣ 6.000 оттисковъ, чтеніе Г. С. Веселитскаго-Божидаровича «О положеніи славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины, бѣжавшихъ по случаю возстанія». Въ томъ же мѣсяцѣ отпечатано въ числѣ 20.000 оттисковъ второе воззваніе Аѳ. В. Васильева, начинающееся словами: «На Балканскомъ полуостровѣ, въ Герцеговинѣ и Босніи, потоками льется кровь единоплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа» ***) и второе изданіе чтенія Веселитскаго-Божедаровича «О положеніи славянскихъ семействъ» въ числѣ 15.000 книжекъ.

Въ мартѣ 1876 г. отпечатаны Коммисіею подписные листы съ воззваніемъ, составленнымъ О. Ѳ. Миллеромъ. Листы эти разосланы священникамъ всѣхъ православныхъ церквей въ Россіи.

Въ іюлѣ 1876 г. отпечатаны и опять разосланы по церквамъ и къ церковнымъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ новые подписные листы съ другимъ воззваніемъ, составленнымъ также О. Ѳ. Миллеромъ: «Уже скоро годъ, какъ въ горахъ Герцеговины и Босніи полувооруженные и часто совсѣмъ голодные»... и т. д. Подписныхъ листовъ съ этимъ воозваніемъ было отпечатано 100.250. Кромѣ того, оно было напечатано въ то же время отдѣльнымъ листкомъ въ числѣ 217.800 оттиск. Въ іюлѣ же отпечатанъ листокъ съ молитвою преподобному Сергію въ стихахъ и воззваніемъ на оборотѣ, начинающимся словами: «Мы живемъ въ эпоху бѣдственныхъ переворотовъ», составленнымъ М. В. Умецкимъ. Листокъ этотъ напечатанъ въ числѣ 60.000 оттисковъ.

Въ августѣ 1876 г. перепечатано изъ газетъ, съ нѣкоторыми цензурными сокращеніями, воззваніе П. А. Висковатова, начинающееся словами: «Братія во Христѣ» — также въ числѣ 60.000; статейка М. В. Умецкаго: «Почетный Членъ Славянскаго Комитета Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ» съ портретомъ Н. А. Кирѣева, въ числѣ 18 000; второе, дополненное, изданіе воззванія «На Балканскомъ полуостровѣ потоками льется кровь» ***) также въ числѣ 18.000 и, наконецъ, портреты, на одномъ листѣ, девяти герцеговинскихъ вождей-героевъ: Луки Петковича, Мича Любибратича, Богдана Зимонича, Милована Бошковича, Пека Павловича, Лазаря Сочицы, Мелентія Перовича, Петра (Пеціи) Петровича и Стояна Ковачевича. Портретовъ этихъ отпечатано 112.575. (См. стр. 426 этой книги).

---

*) Разрѣшеніе цензуры на напечатаніе этого воззванія, вмѣстѣ съ воззваніемъ Митрополита Илларіона и призывомъ самого Московскаго Комитета къ пожертвованіямъ, дано 4 октября 1875 г.

**) Разрѣшеніе цензуры помѣчено тѣмъ же 4 октября. Воззваніе это помѣщено на стр. 423 и сл. этой книги.

***) См. стр. 426 и слѣд.

Всѣ эти изданія во множествѣ раздавались въ Петербургѣ и его окрестностяхъ сборщиками и сборщицами Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, а иногда и Краснаго Креста, и развозились и разсылались во всѣ концы Россіи. Не менѣе 100.000 листовъ разныхъ воззваній и портретовъ роздано въ Нижнемъ Новгородѣ на Макарьевской ярмаркѣ. Кромѣ напечатанныхъ въ Петербургѣ и перечисленныхъ уже изданій, уполномоченными Коммисіи напечатано въ Нижнемъ Новгородѣ, въ числѣ 10.000, воззваніе Болгарскаго центральнаго благотворительнаго Общества въ Бухарестѣ къ Русскому народу.

Наконецъ уже въ октябрѣ 1876 г. напечатаны редакторомъ-издателемъ «Пчелы» М. О. Микѣшинымъ, на оплаченной Коммисіею бумагѣ, составленный имъ рисунокъ «Балканская мученица» и портреты: М. Г. Черняева, Сербскаго Князя Милана, Сербской Княгини Натальи, Деспотовича, Н. А. Кирѣева, Н. Н. Раевскаго и архимандрита Никифора Дучича, каждый изъ рисунковъ въ числѣ 25.000.

Кромѣ указанныхъ изданій, печатались еще письма къ волостнымъ старшинамъ, объявленіе объ образованіи при Петербургскомъ Отдѣлѣ Славянскаго Комитета особаго общества «Братская Помочь» и нѣкоторыя другія объявленія.

Въ итогѣ разсматриваемая сторона дѣятельности Коммисіи по сбору пожертвованій сводится къ напечатанію или пріобрѣтенію, раздачѣ и разсылкѣ болѣе нежели 1.000.000 листовъ воззваній въ томъ или другомъ видѣ.

Подписные листы.

Подписные листы, на которыхъ было отпечатано и воззваніе Коммисіи къ народу, разосланы были въ городскія и земскія управы, думы, банковыя и другія учрежденія, настоятелямъ православныхъ церквей въ Россіи, въ монастыри, церковнымъ старостамъ, волостнымъ старшинамъ, столичнымъ цеховымъ мастерамъ и домовладѣльцамъ. Такихъ листовъ разослано 183.000, но возвращена едва десятая часть. Получившіе листы нерѣдко присылали только собранныя по листамъ деньги, а самые листы оставляли у себя. Поэтому, точной повѣрки о собранныхъ по подписнымъ листамъ пожертвованіяхъ сдѣлать невозможно.

§ этотъ изложенъ ревизіонною Коммисіею невѣрно.

Подписные листы для сбора пожертвованій страждущимъ семействамъ Славянъ Босніи и Герцеговины разсылались Коммиссіею по сбору пожертвованій въ 1875 и въ 1876 гг. пять разъ. Три раза (въ 1-й разъ безъ воззваній) въ октябрѣ 1875 г. и въ мартѣ и въ августѣ 1876 г. къ епархіальнымъ Епископамъ, для разсылки къ настоятелямъ православныхъ церквей, а въ послѣдній разъ и къ церковнымъ старостамъ, одинъ разъ, въ концѣ іюля мѣсяца 1876 г., къ начальникамъ губерній, для разсылки къ волостнымъ старшинамъ, и одинъ же разъ, въ концѣ октября мѣсяца 1876 г., въ С.-Петербургскую Ремесленную Управу для раздачи столичнымъ цеховымъ мастерамъ. Всего разослано до 183.000 подписныхъ листовъ. Ни въ городскія и земскія управы, ни въ банковыя и др. учрежденія, ни къ столичнымъ домовладѣльцамъ Коммисія по сбору пожертвованій подписныхъ листовъ не посылала и откуда Ревизіонная Коммисія почерпнула свѣдѣнія объ этомъ неизвѣстно. То, что говорится далѣе въ ревизіонномъ отчетѣ о невозвращеніи большей части подписныхъ листовъ и невозможности произвести повѣрку собранныхъ этимъ путемъ пожертвованій, изложено въ та-

комъ видѣ, что подало поводъ къ самымъ превратнымъ и ложнымъ толкованіямъ. Ко времени закрытія Коммиссіи по сбору пожертвованій множество подписныхъ листовъ дѣйствительно еще не было возвращено въ Коммисію; но что же изъ этого слѣдуетъ? Можно ли было ожидать возврата къ этому времени подписныхъ листовъ, разосланныхъ во всѣ концы Россіи, особенно тѣхъ, которые разосланы незадолго до закрытія Коммисіи, а именно въ концѣ іюля, въ августѣ и даже въ октябрѣ мѣсяцахъ 1876 г.? Вотъ уже болѣе года прошло со времени прекращенія дѣйствій Коммисіи по сбору, а подписные листы и до сего времени поступаютъ въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество съ собранными пожертвованіями, и до сего времени сборъ по подписнымъ листамъ составляетъ значительнѣйшую часть средствъ Славянскаго Общества. О невозвратѣ подписныхъ листовъ было бы умѣстно еще сказать что либо по совершенномъ прекращеніи сбора этимъ путемъ, а никакъ не теперь. Да если бы и впослѣдствіи, по совершенномъ прекращеніи сбора чрезъ подписные листы, оказалось, что большее или меньшее число ихъ не возвращено, въ чемъ же можно тутъ винить Коммисію по сбору пожертвованій? Развѣ въ томъ, зачѣмъ она разсылала подписные листы, т. е. зачѣмъ она избрала тотъ путь, который доставилъ ей наибольшіе сборы, непрекратившіеся и до сего времени? Невозвращеніе подписныхъ листовъ должно будетъ остаться на совѣсти тѣхъ лицъ, кому они разсылались по всѣмъ концамъ Россіи, т. е. на совѣсти всего Русскаго общества и, по преимуществу, Русскаго духовенства.

Замѣчанія Ревизіонной Коммисіи о невозможности повѣрки собранныхъ денегъ по подписнымъ листамъ не можетъ быть признано справедливымъ. Всѣ возвращенные подписные листы находятся при дѣлахъ Коммисіи и собранныя по нимъ суммы означены въ тѣхъ листахъ,—и слѣдственно могли бы быть сосчитаны, если уже Ревизіонная Коммисія признавала необходимымъ вывести отдѣльно итогъ поступившихъ однимъ этимъ путемъ суммъ. Самою Коммисіею по сбору пожертвованій этого сдѣлано не было собственно потому, что по принятому ею дѣленію собиравшихся пожертвованій на рубрики по мѣстностямъ, сборъ по подписнымъ листамъ считался вмѣстѣ съ прочими сборами иногородными и петербургскими.

Кружечный сборъ.

Разрѣшеніе на сборъ пожертвованій послѣдовало, какъ сказано выше, 23-го августа 1875 г. Первыя кружки поставлены были по распоряженію Исполнительнаго Присутствія. На народномъ гуляньѣ, устроенномъ въ Лѣтнемъ саду 26-го августа 1876 г. Петербургскимъ Отдѣломъ Славянскаго Комитета въ пользу Славянъ, появились подвижныя кружки, давшія сбора 195 рублей. Въ первое время учрежденія Коммисіи на кружечный сборъ не было обращено должнаго вниманія. Такъ, напримѣръ, изъ 50 кружекъ, принятыхъ отъ трактирной депутаціи въ октябрѣ, только

Изложеніе этого § и сдѣланные Ревизіонною Коммисіею выводы грѣшатъ противъ истины. Упреки Ревизіонной Коммисіи Коммисіи по сбору пожертвованій едва ли ею заслужены. Кружечный сборъ, по всей справедливости, слѣдуетъ отнести къ самымъ первымъ мѣропріятіямъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета по сбору пожертвованій въ пользу жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ.

На его организацію было обращено должное вниманіе и Исполнительнымъ Присутствіемъ, и Коммисіею по сбору пожертвованій.

въ декабрѣ разставлено было 36 кружекъ. Въ февралѣ 1876 года поставлены кружки въ церквахъ столицы, а въ мартѣ въ вокзалахъ и вагонахъ желѣзныхъ дорогъ; въ іюлѣ 200 летучихъ кружекъ розданы особымъ сборщикамъ, а затѣмъ поставлены были кружки въ вагоны конно-желѣзныхъ дорогъ Башмакова и Губонина. Число всѣхъ кружекъ достигло впослѣдствіи 1,355. Особыя для записыванія этого сбора книги заведены только въ іюлѣ 1876 года. Правила о постановкѣ и вскрытіи кружекъ и надзорѣ за ними издавались 18-го октября, 20-го и 27-го ноября 1875 года, 22-го января, 29-го апрѣля, 13 мая, 3-го и 24-го іюня и 19-го августа 1876 года, но они не исполнялись въ точности. Самыя кружки, ставившіяся въ первое время, признаны были потомъ неудовлетворительными и замѣнены кружками новаго образца, а сборщиковъ Коммисіи признано было нужнымъ снабжать особыми свидѣтельствами. Летучій кружечный сборъ отъ Коммисіи въ предѣлахъ столицы былъ прекращенъ вовсе въ августѣ 1876 г.

Высочайшее соизволеніе на сборъ пожертвованій въ пользу жертвъ возстанія, послѣдовавшее, какъ выше сказано, 23 августа 1875 г., сдѣлалось извѣстнымъ Исполнительному Присутствію 25 августа, и на другой же день, 26 августа, по распоряженію Исполнительнаго Присутствія, съ разрѣшенія С. Петербургскаго Градоначальника, были уже поставлены въ Лѣтнемъ саду, на гуляньѣ, устроенномъ въ пользу Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, первыя кружки для сбора пожертвованій «страждущимъ семействамъ Славянъ». Въ томъ же августѣ мѣсяцѣ, по распоряженію Исполнительнаго Присутствія, были поставлены сборныя кружки: 1) въ квартирѣ Предсѣдателя Отдѣла; 2) въ помѣщеніи Императорской Публичной библіотеки и 3) въ помѣщеніи Императорскаго Географическаго Общества.

Въ началѣ сентября 1875 года, по распоряженію Исполнительнаго же Присутствія, было поставлено 7 сборныхъ кружекъ въ нѣкоторыхъ торговыхъ помѣщеніяхъ.

12 того же сентября по ходатайству Исполнительнаго Присутствія, С.-Петербургскимъ Градоначальникомъ было разрѣшено поставить 5 наружныхъ кружекъ на болѣе людныхъ улицахъ столицы.

Такимъ образомъ, Исполнительное Присутствіе въ отношеніи устройства кружечнаго сбора не бездѣйствовало.

То же слѣдуетъ сказать и о Коммисіи по сбору пожертвованій.

Съ первыхъ же дней своего существованія она была озабочена, между прочимъ, возможнымъ развитіемъ кружечнаго сбора. Дѣятельность Коммисіи по сбору пожертвованій въ этомъ отношеніи легко прослѣдить по ея протоколамъ, изъ которыхъ видно, что изъ числа принятыхъ отъ трактирной депутаціи въ октябрѣ 50 кружекъ, разставлено было не въ декабрѣ только, какъ замѣчаетъ Ревизія, а съ октября по 11 декабря 36 кружекъ; разставить большее ихъ число въ то время, лица, которымъ поручено было это дѣло, не находили возможнымъ.

Въ началѣ разстановка кружекъ шла довольно туго, такъ какъ мало было охотниковъ брать на себя отвѣтственность за сохранность кружки, при неувѣренности въ томъ, что она дастъ сколько нибудь удовлетворительный сборъ.

Разстановка кружекъ въ первое время и вскрытіе ихъ поручаемо было Коммисіей членамъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, изъявившимъ готовность принять на себя этотъ трудъ, при этомъ имъ выдавались, для записыванія, гдѣ какая кружка постановлена, особыя прошнурованныя книжки.

О вскрытіи кружки составлялся ими каждый разъ актъ, обыкновенно за подписью лица, имѣвшаго непосредственное наблюденіе за кружкой, т. е. владѣльца помѣщенія, гдѣ находилась кружка, или его прикащика, которымъ, впослѣдствіи, по представленіи денегъ въ Коммисію, выдавалась квитанція казначея въ принятой суммѣ.

Широкое развитіе кружечный сборъ получилъ только уже лѣтомъ и особенно осенью 1876 года. Въ концѣ іюля 1876 года, когда явился усиленный спросъ на кружки, Коммисіей были заведены *особыя* прошнурованныя и скрѣпленныя надлежащими подписями печатныя *книги*, для записыванія выдаваемыхъ *кружекъ*, а не для записи *«сбора кружечнаго»*, который наравнѣ съ остальными сборами, на общемъ основаніи, записывался Казначеемъ въ общую кассовую приходную книгу. Выдача кружекъ и записываніе ихъ возложена была Коммисіею на приглашенныхъ для того членовъ Отдѣла Н. В. Владимірова и А. У. Денисьева, которые въ теченіи послѣднихъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ существованія Коммисіи изо-дня въ день съ утра до ночи безвыходно почти находились въ помѣщеніи Коммисіи, производя на основаніи общаго разрѣшенія Коммисіи и по установленнымъ ею правиламъ, выдачу сборныхъ кружекъ и книжекъ и принимая обратно возвращаемыя сборщиками кружки.

Постановленіемъ 19-го августа Коммисія рѣшила разставленныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ кружки, по накопленіи пожертвованій, доставлять для ихъ вскрытія въ Коммиссію. Вскрытіе кружекъ, высыпка и счетъ денегъ артельщикомъ производились въ присутствіи самихъ сборщиковъ и особо приглашенныхъ для этого лицъ: сначала Почетнаго Члена Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета І. П. Печаткина и потомъ члена Отдѣла Генералъ-Маіора Иваницкаго, въ случаѣ же отсутствія ихъ, подъ наблюденіемъ кого-либо изъ другихъ членовъ Отдѣла, находившихся въ помѣщеніи Коммисіи.

Съ самаго начала кружечный сборъ обставленъ былъ Коммисіею всѣми тѣми формальностями, какія соблюдаются и другими обществами, производящими кружечный сборъ. И Коммисіи по сбору неизвѣстны случаи отступленія отъ постановленныхъ ею правилъ о производствѣ кружечнаго сбора.

Такъ называемыя *летучія кружки* выдавались за печатью Славянскаго Комитета; занумеровывались и записывались за тѣми лицами, которымъ выдавались на руки, и случаевъ злоупотребленія сборомъ со стороны лицъ, получившихъ кружки изъ Коммисіи, за все время существованія ея замѣчено не было. Между тѣмъ, замѣчаніе Ревизіонной Коммиссіи о томъ, что «самыя кружки, ставившіяся въ первое время, признаны были потомъ неудовлетворительными и замѣнены кружками новаго образца», по своей неясности, можетъ дать поводъ къ ложнымъ предположеніямъ о существованіи какихъ-либо злоупотребленій этого рода сборомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1876 г. С.-Петербургскимъ Градоначальникомъ было словесно сообщено Предсѣдателю Коммисіи по сбору пожертвованій о существованіи въ столицѣ злоупотребленій кружечнымъ сборомъ, но эти злоупотребленія обнаружены были не между сборщиками Славянскаго Комитета, а между посторонними злоумышленниками, никакого отношенія къ нему неимѣвшими. Чтобы затруднить возможность появленія самозванныхъ сборщиковъ на Славянъ, а также для облегченія наблюденія за кружками Славянскаго Комитета, при существованіи многочисленныхъ кружекъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и Дамскаго Кружка, Коммисіей и было принято рѣшеніе (протоколъ 5 августа 1876 г.) замѣнить прежнія разнокалиберныя кружки кружками одинаковаго образца, съ тѣмъ, чтобы

сборщиковъ Славянскаго Комитета легко было узнавать съ перваго взгляда; кромѣ того, сборщикамъ вмѣнено было въ обязанность постоянно имѣть при себѣ свидѣтельства Коммисіи на право сбора. Что мѣръ, принятыхъ Коммисіею, было вполнѣ достаточно для огражденія общества отъ злоупотребленій, доказательствомъ тому можетъ служить, между прочимъ, и то обстоятельство, что сборщикамъ другихъ учрежденій, какъ-то: Дамскаго Кружка и Общества Краснаго Креста, предложено было имѣть особыя свидѣтельства отъ С.-Петербургскаго Градоначальника, отъ нашихъ же сборщиковъ никакого другого свидѣтельства, кромѣ свидѣтельства Коммисіи, не требовалось.

Кружечный летучій сборъ пріостановленъ былъ въ августѣ 1876 г., въ предѣлахъ столицы не потому, чтобы были замѣчены какія-либо злоупотребленія въ этомъ сборѣ, а просто потому, что онъ сдѣлался излишнимъ. Всякій желающій сдѣлать пожертвованіе на Славянъ, могъ на каждомъ шагу удовлетворить своему желанію: въ церквахъ шелъ тарелочный сборъ, на главныхъ улицахъ вывѣшено нѣсколько наружныхъ кружекъ, множество внутреннихъ кружекъ поставлено было во всякаго рода промышленныхъ заведеніяхъ, начиная съ банкирскихъ конторъ и богатыхъ магазиновъ и кончая мелкими трактирами, банями, мелочными и портерными лавками, наконецъ, розданы были кондукторамъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Летучія же кружки Славянскаго Комитета, Дамскаго Кружка и Краснаго Креста, попадаясь на каждомъ шагу на улицахъ, стали уже досаждать публикѣ. Кромѣ того, было нѣсколько случаевъ неудовольствія между сборщиками Коммисіи и сборщиками Дамскаго Кружка, случайно сталкивавшимися въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ. Другихъ причинъ къ пріостановкѣ летучаго кружечнаго сбора въ Петербургѣ въ виду Коммисіи не было, что, между прочимъ, явствуетъ изъ того, что тѣми же протокольными постановленіями 14 и 19 августа 1876 г., которыми рѣшено пріостановить летучій кружечный сборъ въ Петербурѣ, постановлено сборъ этотъ «въ окрестностяхъ столицы и въ провинціи продолжать по прежнему» и не только продолжать, но и стараться дать ему по возможности большее развитіе.

Къ 24 октября 1876 г., кружекъ было выдано всего 949. Изъ этого числа большая часть постоянныхъ кружекъ роздана и выслана въ провинцію въ послѣдніе мѣсяцы существованія Коммисіи, именно: въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, и потому значительно больше половины выданныхъ кружекъ, именно 599, до закрытія Коммисіи ни разу еще не было вскрыто. Вскрыто было Коммисіею всего 340 номеровъ кружекъ; всѣхъ же вскрытій было 549, такъ какъ нѣкоторые №№, преимущественно летучихъ кружекъ, вскрыты были по нѣсколько разъ.

Сбора кружечнаго по 24 октября 1876 г. поступило:

по іюль мѣсяцъ 1876 г. .	1.371	р.	33	к.
въ іюлѣ	2.700	»	74	»
» августѣ . . .	11.079	»	$5^1/_2$	»
» сентябрѣ . . .	6.655	»	$82^3/_4$	»
» октябрѣ	3.643	»	44	»*)
Всего по 24-ое октября 1876 г. поступило . .	25.450	»	$39^1/_4$	»

*) Въ эту сумму не включенъ кружечный сборъ въ церквахъ, на праздникахъ и гуляньяхъ.

Въ кружечномъ сборѣ участвовало въ разное время до 100 лицъ— членовъ Отдѣла.

По закрытіи Коммисіи, сборъ изъ расставленныхъ и розданныхъ въ столицѣ и высланныхъ въ провинцію кружекъ поступалъ и еще по настоящее время продолжаетъ посупать въ Славянское Общество значительными суммами.

Такъ, лѣтомъ 1877 г., когда условія очевидно не благопріятствовали уже сбору въ пользу Славянъ, кружечнаго сбора поступило въ Славянское Благотворительное Общество:

въ маѣ	723 р.	53 к.
» іюнѣ	1.201 »	2 »
» іюлѣ	763 »	92 »

Послѣ всего сказаннаго, заключительное предложеніе Ревизіонной Коммисіи, чтобы «сборъ кружечный обставить такими гаратіями, которыя не подрывали бы довѣрія публики къ этого рода сбору» (заключеніе Ревизіонной Коммисіи п. 3) представляется совершенно лишнимъ, такъ какъ сборъ этотъ все время велся въ надлежащемъ порядкѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ публики.

Тарелочный сборъ.

Разрѣшеніе на производство тарелочнаго сбора въ церквахъ столицы послѣдовало 5 сентября 1875 года. Сборъ этотъ производился первоначально въ 8 церквахъ и, впослѣдствіи, при полномъ развитіи, только въ 43 церквахъ, причемъ нѣкоторые сборщики производили сборы въ двухъ и трехъ церквахъ. Коммисія долгое время не имѣла точныхъ свѣдѣній о положеніи тарелочнаго сбора. Протоколомъ 18 декабря 1875 года она постановила: «въ виду неаккуратности тарелочнаго сбора, привести въ точную извѣстность тѣ церкви, въ которыхъ производится сборъ, составить списокъ сборщиковъ и просить ихъ собираемыя ими деньги доставлять, по возможности, еженедѣльно, а выданныя имъ сборныя книжки представлять казначею разъ въ мѣсяцъ, а именно въ первое воскресенье послѣ перваго числа». Но и это постановленіе Коммисіи не исполнялось, такъ какъ протоколомъ 6 мая 1876 г. вновь требовалось представленіе списка столичныхъ церквей, съ указаніемъ, кто въ какой церкви собираетъ.

Заявленіе Ревизіонной Коммисіи о данномъ, будто бы, Отдѣлу въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1875 года Высокопреосвященнымъ Исидоромъ разрѣшеніи *поставить кружки* въ церквахъ С.-Петербурга, невѣрно. Въ то время было разрѣшено отдѣлу производить въ столичныхъ церквахъ епархіальнаго вѣдомства *тарелочный*, а не кружечный сборъ, какъ это можно видѣть изъ отношенія въ Отдѣлъ С.-Петербургской Духовной Консисторіи отъ 11 сентября 1875 года, за № 3023. Затѣмъ уже въ концѣ ноября того же года послѣдовало разрѣшеніе Святѣйшаго Синода на производство кружечнаго сбора въ пользу Славянъ во всѣхъ церквахъ Россіи.

Что касается этого послѣдняго сбора, то въ провинціи онъ производился самимъ духовенствомъ и церковными причтами, безъ прямого наблюденія со стороны Славянскаго Комитета, но собранныя этимъ путемъ деньги поступали въ Коммисію по сбору пожертвованій, и нѣтъ сомнѣнія, что развитію этого сбора Коммисія не мало способствовала своими возва-

ніями, напечатанными на подписныхъ листахъ, неоднократно разсылавшихся ко всѣмъ приходскимъ священникамъ и старостамъ.

Тарелочный же сборъ въ церквахъ С.-Петербурга и его окрестностяхъ производился съ начала сентября 1875 г., во все время существованія Коммисіи, подъ ея наблюденіемъ, членами Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, иногда же и посторонними лицами, но въ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ за ручательствомъ и отвѣтственностью одного изъ членовъ.

Порядокъ производства тарелочнаго сбора былъ слѣдующій:

Лицо, заявившее о своемъ желаніи собирать въ той или другой церкви, получало именное свидѣтельство на право производитъ сборъ. Въ началѣ такимъ свидѣтельствомъ служила завѣренная подписью Секретаря и печатью Отдѣла копія съ упомянутаго отношенія Консисторіи о разрѣшеніи Отдѣлу тарелочнаго сбора; вскорѣ же по образованіи Коммиссіи по сбору пожертвованій сборщикамъ стали выдавать печатныя свидѣтельства на право сбора за подписью Предсѣдателя, скрѣпою Секретаря и печатью Комиссіи. По окончаніи сбора за извѣстный церковной службой, сборщикъ пересчитывалъ собранныя деньги въ присутствіи церковнаго старосты или его помощника, которые обыкновено обмѣнивали собранныя серебро и мѣдь на бумажки. О количествѣ сбора составлялся актъ. Акты эти, согласно п. 3 правилъ 21 Октября 1875 г. о порядкѣ сбора пожертвованій и отчетности, передавались вмѣстѣ со сборомъ Казначею Коммисіи и, *сшитые въ тетрадки* по нѣсколько вмѣстѣ, хранятся въ дѣлахъ Коммисіи, какъ оправдательные документы. Къ этимъ именно документамъ относится заявленіе Ревизіонной Коммисіи: «церковныя книжки состоятъ собственно изъ *нѣсколькихъ сшитыхъ лоскутковъ бумаги*, на которыхъ записаны суммы сбора, но кѣмъ и кому дано полномочіе на сборъ и въ какой церкви, тетрадки эти не объясняютъ». Полномочіе на сборъ давалось Коммисіею; отъ нея получалъ сборщикъ свидѣтельство на сборъ; изъ содержанія же актовъ и подписей подъ ними видно за какой именно службой и кѣмъ, въ какой церкви собрана извѣстная сумма. По этому приведенное замѣчаніе Ревизіонной Коммисіи неосновательно.

Въ видахъ установленія большаго единообразія въ записываніи тарелочнаго сбора, уже въ Ноябрѣ 1875 г. сборщикамъ выданы были Коммисіею для каждой изъ церквей, въ которыхъ производился сборъ, особыя прошнурованныя книжки за надлежащею подписью и печатью Славянскаго Комитета.

Записавъ собранную сумму въ книжку, сборщикъ оставлялъ ее у старосты или свѣчника, такъ что книжки эти постоянно находились въ церквахъ, что давало полную возможность и духовенству и прихожанамъ постоянно слѣдить за количествомъ сбора въ пользу Славянъ въ данной церкви и свѣрять записанныя въ церковной книжкѣ цифры съ квитанціями Казначея Коммисіи, удостовѣрявшими поступленіе сбора въ Коммисію, которыя сборщики обыкновенно также передавали старостамъ; тамъ же, гдѣ этого не дѣлалось, повѣрка сбора могла производится желающими по печатнымъ отчетамъ, помѣщавшимся въ Петербурскихъ газетахъ.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что тарелочный сборъ обставленъ былъ Коммисіею всѣми необходимыми условіями для того, чтобы дѣло это всѣмъ и каждому представлялось вполнѣ чистымъ и яснымъ, какимъ оно и было въ дѣйствительности.

Въ докладѣ Ревизіонной Коммисіи содержится скрытый упрекъ Коммисіи по сбору пожертвованій въ томъ, что она не вполнѣ воспользовалась предоставленнымъ Отдѣлу правомъ на производство тарелочнаго сбора. Сборъ

тарелочный, говоритъ Ревизія, производился первоначально только въ 8 церквахъ и впослѣдствіи, при полномъ развитіи этого сбора, въ 43 церквахъ, и при томъ нѣкоторые сборщики производили сборы въ двухъ и даже трехъ церквахъ. Что сборъ производился далеко не во всѣхъ церквахъ Петербурга—вѣрно, но Ревизіонная Коммисія упускаетъ при этомъ изъ виду то обстоятельство, что многія и притомъ наиболѣе посѣщаемыя церкви (20) были уступлены Дамскому Кружку, получившему также разрѣшеніе на тарелочный сборъ, если же затѣмъ и въ церквахъ, которыя Коммисія оставила за собой, не вездѣ былъ устроенъ сборъ, то это обстоятельство несправедливо ставить въ вину Коммисіи. Никому изъ членовъ Отдѣла, заявлявшихъ о своей готовности заняться тарелочнымъ сборомъ, не отказывалось въ полномочіи на этотъ сборъ; напротивъ того, въ общихъ собраніяхъ Отдѣла Коммисія неоднократно обращалась съ просьбою къ членамъ, имѣвшимъ возможность посвятить себя этому дѣлу, заявить о томъ Коммисіи, но, не смотря на эти вызовы, въ сборщикахъ постоянно чувствовался недостатокъ, особенно же въ такихъ, которые съ постояннымъ усердіемъ занимались бы сборомъ, вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ столичныхъ церквахъ вовсе не производилось тарелочнаго сбора, въ другихъ же онъ производился съ перерывами. Этимъ же недостаткомъ сборщиковъ объясняется и то обстоятельство, что членамъ Отдѣла, съ наибольшимъ усердіемъ относившимся къ этому дѣлу, поручалось по двѣ и по три церкви, при чемъ въ одной членъ-сборщикъ собиралъ самъ, а въ другихъ поручалъ производство сбора, за своею отвѣтственностью, кому либо изъ своихъ знакомыхъ, хотя бы и не членовъ Отдѣла, или даже просто кому либо изъ постоянныхъ прихожанъ, внушавшихъ къ себѣ довѣріе.

Ревизіонная Коммисія заявляетъ, будто бы Комиссія по сбору *«долгое время не имѣла точныхъ свѣдѣній о положеніи тарелочнаго сбора»*. Это заявленіе Ревизіонной Коммисіи, по своей неопредѣленности, даетъ мѣсто различнымъ преположеніямъ, оскорбительнымъ для бывшихъ сборщиковъ. Между тѣмъ протокольное постановленіе Коммисіи по сбору отъ 18 декабря 1875 г., на которое ссылается Ревизіонная Коммисія въ подтверженіе своихъ словъ, имѣло въ виду достигнуть только *большаго постоянства* въ производствѣ тарелочнаго сбора, разумѣя подъ *неаккуратностью* тарелочнаго сбора именно то обстоятельство, что нѣкоторыми сборщиками въ производствѣ сбора допускались перерывы. Выраженное же въ протоколѣ 18 декабря желаніе, чтобы собранныя деньги доставлялись въ Коммисію по возможности еженедѣльно, вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые сборщики, по большей части изъ отдаленныхъ частей города, не каждую недѣлю представляли сборъ въ Коммисію, а разомъ за цѣлый рядъ службъ по прошествіи болѣе или менѣе долгаго промежутка времени, что вызывало иногда сомнѣніе—производится ли сборъ въ данной церкви; но Коммисія не настаивала на непремѣнномъ исполненіи высказаннаго ею желанія, чтобы сборъ представлялся въ Коммисію еженедѣльно, такъ какъ въ такомъ случаѣ ей пришлось бы лишиться многихъ весьма усердныхъ сборщиковъ, собиравшихъ съ рѣдкимъ постоянствомъ, но затруднявшихся каждое воскресенье совершать послѣ обѣдни далекую прогулку, чтобы сдать рубля три-четыре въ Коммисію, и предпочитавшихъ сдавать деньги болѣе крупными цифрами, отъ чего впрочемъ никакого ущерба дѣлу не было.

Постановленіе же Коммисіи о томъ, чтобы церковныя книжки представлялись казначею для провѣрки разъ въ мѣсяцъ, а именно въ первое воскресенье послѣ перваго числа, не исполнялось по своей непрактичности: оно затруднило бы и сборщиковъ, требуя отъ нихъ излишней траты вре-

мени, и было бы невыполнимо и для казначея, и безъ того заваленнаго работой.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что избранная 28 марта 1876 года первая Ревизіонная Коммисія свидѣтельствовала акты и книжки, по которымъ поступалъ тарелочный сборъ, и не замѣтила никакихъ неправильностей или упущеній и не предложила никакихъ улучшеній въ порядкѣ тарелочнаго сбора.

Тарелочный сборъ допускался и раньше 1875 года, напримѣръ, по поводу Самарскаго голода, но никогда прежде сборъ этотъ не производился съ такимъ постоянствомъ, никогда не вызывалъ такого сочувствія въ обществѣ и простомъ народѣ и никогда не былъ такъ обиленъ, какъ тарелочный сборъ въ пользу Славянъ.

Сборъ на тарелкѣ, ходившей въ пользу Славянъ, въ любой церкви, постоянно превышалъ сборъ всѣхъ другихъ тарелокъ, ходившихъ вмѣстѣ съ нашей, и это обстоятельство, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ какъ о сочувствіи прихожанъ той цѣли, ради которой производился сборъ, такъ и о постоянномъ довѣріи ихъ къ сборщикамъ. Попытки Коммисіи ввести кружечный сборъ въ столичныхъ церквахъ были неудачны. Поставленная въ церкви кружка доставляла обыкновенно ничтожный сборъ въ сравненіи съ тарелкой, ходившей въ той же церкви.

Лица, стоявшія въ сторонѣ отъ дѣла, могутъ высказывать гадательныя предположенія о томъ, что сборъ тарелочный при иной организаціи могъ бы дать другіе, болѣе обильные, результаты, но Коммисія сдѣлала, что могла: въ церквахъ съ болѣе обширными приходами тарелочный сборъ производился постоянно, и собранныя Коммисіею суммы (46.595 р. 60 к.) представляютъ сами по себѣ довольно крупную цифру и свидѣтельствуютъ о томъ, что сборъ церковный поручался Коммисіею лицамъ, вполнѣ добросовѣстно относившимся къ этому дѣлу.

Ревизіонная Коммисія замѣчаетъ, что иногда одному сборщику поручалось собирать въ двухъ и трехъ церквахъ. Отсюда можно, пожалуй, заключить, что сборъ въ этихъ церквахъ производился только номинально. Но Коммисія по сбору пожертвованій знаетъ одного изъ такихъ сборщиковъ, при томъ изъ лицъ постороннихъ (въ члены Отдѣла онъ вступилъ уже въ началѣ 1877 года), который не номинально, а дѣйствительно, успѣвалъ одинъ производить тарелочный сборъ въ трехъ или четырехъ небогатыхъ церквахъ на Петербургской сторонѣ. Отходивъ пораньше съ тарелкой въ одной церкви, онъ бѣгомъ отправлялся въ другую, отстоящую на версту или полторы отъ первой, собравъ во второй, спѣшилъ въ третью и, такимъ образомъ, сбирая за обѣдней, гдѣ рубль, гдѣ два, а за всенощной и того меньше, онъ доставилъ въ Коммисію около полторы тысячи рублей тарелочнаго сбора изъ бѣднѣйшихъ церквей столицы.

Но Коммисія, конечно, не въ правѣ была требовать одинаковаго усердія отъ всѣхъ сборщиковъ, и если въ нѣкоторыхъ церквахъ сборъ шелъ съ перерывами, а для нѣкоторыхъ и вовсе не хватило у нея сборщиковъ, то этого ни ей, ни сборщикамъ нельзя ставить въ вину. Виноваты тутъ скорѣе всего тѣ изъ членовъ нашего Общества, которые, имѣя досугъ, не пожелали часть его удѣлить доброму дѣлу.

Кромѣ вещественной пользы, тарелочный сборъ оказалъ другую, еще можетъ большую, нравственную услугу славянскому дѣлу: онъ былъ лучшимъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ распространенія идеи о славянствѣ въ средѣ нашего простого народа. Церковными нашими сборщиками положено начало дѣлу ознакомленія нашего народа съ бѣдствіями и нуждами его соплеменниковъ посредствомъ печатанія и даровой раздачи

листковъ - воззванiй, которыя, главнымъ образомъ, сборщиками этими и распространялись въ народѣ.

Въ виду приведенныхъ объясненiй, заключительное предложенiе Ревизiонной Коммисiи относительно тарелочнаго сбора, чтобы сбора этого въ церквахъ и публичныхъ мѣстахъ не допускать (заключенiя Ревизiонной Коммисiи, п. 3) — представляется рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ и оскорбительнымъ для лицъ, съ усердiемъ принимавшихъ участiе въ этомъ сборѣ.

Посылка особыхъ лицъ для сборовъ въ губернiяхъ.

Мысль о посылкѣ особыхъ лицъ въ губернiи для устройства на мѣстахъ болѣе правильныхъ сборовъ возникла вскорѣ послѣ учрежденiя Коммисiи. Съ этою цѣлью въ Нижнiй Новгородъ, Варшаву и другiе большiе центры были отправляемы Н. А. Кирѣевъ, К. Д. Елисѣевъ, Г. М. Окуневъ, А. В. Васильевъ и другiя лица. Въ прочихъ же мѣстностяхъ организацiя сборовъ поручалась довѣреннымъ лицамъ изъ мѣстныхъ жителей.

То, что сказано въ ревизiонномъ докладѣ о посылкѣ особыхъ лицъ для сборовъ въ губернiяхъ, Коммисiя по сбору могла бы пройти молчанiемъ; но въ виду сдѣланныхъ ей упрековъ отъ другихъ въ томъ, будто она устройствомъ разнаго рода сборовъ въ провинцiяхъ не занялась вовсе, Коммисiя долгомъ считаетъ представить здѣсь возможно обстоятельное изложенiе того, что сдѣлано ею по сему предмету.

При этомъ прежде всего Коммисiя считаетъ нужнымъ замѣтить, что она отряжала въ провинцiи своихъ членовъ: Н. А. Кирѣева, I. П. Печаткина и А. В. Васильева и членовъ бывшаго Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета К. Д. Елисѣева, Г. М. Окунева и др., не для устройства *болѣе правильныхъ сборовъ*, а для устройства ихъ вообще.

Первый предпринялъ поѣздку внутрь Россiи съ цѣлью устройства сбора въ пользу Славянъ — покойный почетный членъ С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ.

Зимою, въ концѣ 1875 года посѣтилъ онъ Ярославль и Нижнiй-Новгородъ. Послѣдствiемъ его поѣздки было прiобрѣтенiе Отдѣломъ до 40 иногородныхъ членовъ и вынесенное убѣжденiе въ необходимости открыть Отдѣленiя Славянскаго Комитета въ болѣе значительныхъ провинцiальныхъ городахъ.

По настоянiю Н. А., Петербургскiй Отдѣлъ Славянскаго Комитета предпринималъ ходатайство о разрѣшенiи открыть отдѣленiе свое въ Нижнемъ-Новгородѣ; но ходатайство это не увѣнчалось успѣхомъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ вѣдѣнiе котораго тогда только что поступили Славянскiе Комитеты, отвѣчало, что оно находитъ неудобнымъ, чтобы Петербургскiй Отдѣлъ Славянскаго Комитета открывалъ, въ свою очередь, отдѣлы въ другихъ городахъ; но что ничто не препятствуетъ Отдѣлу давать полномочiя на сборъ своимъ иногороднымъ членамъ. Коммисiя по сбору пожертвованiй, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенiя, *широко* воспользовалась потомъ этимъ правомъ. Послѣ Н. А. Кирѣева, поѣздку по Россiи съ цѣлью устройства сборовъ и вообще развитiя дѣятельности Славянскаго Комитета предпринимали К. Д. Елисѣевъ, I. П. Печаткинъ, А. В. Васильевъ и Г. М. Окуневъ.

Особенно успѣшна была поѣздка двухъ послѣднихъ лицъ, чему главнымъ образомъ способствовало удачно *выбранное ими время*.

Лѣтомъ 1876 года изъ провинціи доносились голоса о повсемѣстно существующей готовности жертвовать на славянское дѣло и о полномъ отсутствіи организаціи сборовъ, недостаткѣ сборныхъ пунктовъ и сборщиковъ. Въ Коммисіи по сбору пожертвованій высказывалась неоднократно мысль о необходимости ѣхать кому-нибудь въ провинцію, чтобы воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ общества для увеличенія средствъ Коммисіи и расширенія дѣятельности самого Отдѣла. Особенно на необходимости выполненія этой мысли настаивали бывшій Казначей Отдѣла М. П. Розенгеймъ и Секретарь Коммисіи В. И. Аристовъ. 3-го августа Коммисія дала А. В. Васильеву полномочіе организовать въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сборъ пожертвованій въ пользу Славянъ, пострадавшихъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, приглашать мѣстныя общества и частныхъ лицъ къ пожертвованіямъ и принимать эти пожертвованія подъ свои квитанціи для передачи въ Отдѣлъ (Пред. Комм. по сб. пожерт. А. В. Васильеву, 3-го августа 1876 г. № 685). Подобное полномочіе, но только для *Нижняго-Новгорода*, дано было Г. М. Окуневу. Для записки пожертвованій была выдана имъ *большая кассовая книга за № 22 съ 400 квитанцій.*

Уполномоченнымъ Коммисіи предоставлено было право приглашать лицъ, которыхъ они найдутъ нужнымъ, вступать въ члены Отдѣла и выдавать этимъ лицамъ, по пріемѣ отъ нихъ членскихъ взносовъ, свидѣтельства на право сбора, квитанціонныя книжки, подписные листы и кружки, какъ дѣйствительнымъ членамъ Отдѣла. По пріѣздѣ 6-го августа въ Нижній-Новгородъ, уполномоченные Коммисіи представились Начальнику Губерніи и Ярморочному Комитету, объяснили имъ цѣль своего пріѣзда и, съ ихъ согласія, немедленно же открыли пріемъ пожертвованіемъ на самой ярмаркѣ въ помѣщеніи Волжко-Камскаго банка; управляющій этимъ банкомъ Н. О. Киршбаумъ, вступилъ въ члены Славянскаго Комитета и предложилъ имъ безплатное помѣщеніе въ зданіи банка. О пріемѣ пожертвованій объявлено было печатными афишами, расклеенными по городу и ярмаркѣ, и на стѣнѣ банковаго дома повѣшена была вывѣска о томъ же. Во время отлучекъ уполномоченныхъ пожертвованія записывались въ кассовую книгу Коммисіи по сбору кѣмъ-либо изъ служащихъ въ банкѣ, изъ которыхъ многіе также вступили въ члены Отдѣла.

Въ числѣ принесенныхъ пожертвованій было одно крупное — въ 500 рублей, принятое 26-го августа отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ.

Кромѣ пріема пожертвованій у себя на дому — въ помѣщеніи банка, уполномоченными и лицами, вступившими по ихъ приглашенію въ члены Отдѣла, производился тарелочный сборъ въ церквахъ, кружечный — въ ярмарочныхъ гостиницахъ; а также шелъ сборъ по розданнымъ книжкамъ и подписнымъ листамъ. Кромѣ того, трудами преимущественно Г. М. Окунева устроены были въ пользу Славянъ двѣ прогулки на пароходѣ по Волгѣ, музыкально-литературный вечеръ и концертъ-базаръ въ залѣ такъ называемаго Главнаго Дома на ярмаркѣ; чистаго сбора съ этихъ предпріятій поступило—1.520 р. 85 к.

Главная забота нашихъ уполномоченныхъ на Нижегородской ярмаркѣ направлена была на пріобрѣтеніе возможно большаго числа дѣятельныхъ членовъ, которые, разъѣхавшись съ ярмарки въ разные концы Россіи, могли бы быть постоянными представителями Комитета, каждый въ извѣстной мѣстности, установить болѣе постоянную и прочную связь Славянскаго Комитета съ провинціей и тѣмъ усилить его значеніе и средства. Ярмарочное купечество, нѣтъ сомнѣнія, горячо сочувствовало славянскимъ борцамъ за свободу, но большинство ограничивалось извѣстнымъ пожертво-

ваніемъ на славянское дѣло, не принимало и, по всей вѣроятности, и не думало принять въ этомъ дѣлѣ какое бы то ни было личное дѣятельное участіе. Приглашенные же въ члены Славянскаго Комитета, получивъ свидѣтельство на право сбора, сборную книжку или кружку, многіе увлекались этимъ дѣломъ и изъ пассивныхъ, хотя и сочувствующихъ дѣлу лицъ, становились ревностными его поборниками.

Изъ числа пріобрѣтенныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ членовъ съ особенною пользою потрудился и продолжаетъ трудиться для нашего Общества членъ Ярмарочнаго Комитета (Предсѣдатель Иваново-Вознесенской земской управы) Тимофей Степановичъ *Борисовъ;* благодаря его содѣйствію, Отдѣломъ пріобрѣтено много дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Шуѣ, Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Такую же пользу дѣлу принесли *Алексѣй Степ. Александровъ,* который во все время пребыванія уполномоченныхъ Коммисіи въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ постоянно самымъ дѣятельнымъ ихъ сотрудникомъ, и *Петръ Дмитр. Сапожковъ,* сопутствовавшій А. В. Васильеву въ дальнѣйшей поѣздкѣ его по Волгѣ и затѣмъ посѣтившій нѣкоторыя мѣстности на Кавказѣ и въ землѣ Войска Донского и тамъ отыскавшій нѣсколькихъ членовъ нашему Обществу.

16 и 22 августа, по просьбѣ нашихъ уполномоченныхъ, устроены были на Нижегородской ярмаркѣ необычайныя по своей торжественности церковныя празднества:

16 августа духовенствомъ ярмарочнаго собора отслужены были въ соборѣ молебствіе о дарованіи побѣды славянскому оружію и панихида по убитымъ; 22 же августа, послѣ отслуженной Преосвященнымъ Іоанникіемъ*) въ томъ же соборѣ литургіи, совершенъ былъ крестный ходъ черезъ всю ярмарку къ Макарьевской часовнѣ, и тамъ на площади отслужено Преосвященнымъ благодарственное молебствіе за счастливый исходъ происходившихъ передъ тѣмъ упорныхъ битвъ подъ Алексинцемъ и на границахъ Черногоріи; затѣмъ, по возвращеніи въ соборъ, отслужена имъ же панихида по убитымъ. Свидѣтелями и участниками этихъ торжествъ были безчисленныя толпы народа, которому на соборной площади раздавались во множествѣ различныя воззванія и портреты девяти Герцеговинскихъ вождей.

Множество воззваній разослано было изъ Нижняго во всѣ концы Россіи съ помощью разъѣхавшихся съ ярмарки лицъ, а также развезено далѣе по Волгѣ и на Донъ А. В. Васильевымъ и П. Д. Сапожковымъ.

Листки Славянскаго Комитета съ жадностью расхватывались и читались народомъ; объясняя ему положеніе славянскаго дѣла, они возбуждали и поддерживали въ немъ готовность жертвовать и достояніемъ и кровью ради этого дѣла; особенно полезны были эти листки въ тѣхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, куда съ трудомъ проникаютъ или и совсѣмъ не доходятъ газеты.

Согласно желанію мѣстнаго общества, А. В. Васильевымъ и Г. М. Окуневымъ положено было начало отправкѣ добровольцевъ изъ Нижняго-Новгорода. Собственно на этотъ предметъ собранныя деньги выданы въ пособіе на дорогу въ Сербію 30 добровольцамъ и 2 сестрамъ милосердія.

За все время пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ съ 6 по 30 августа А. В. Васильевымъ и Г. М. Окуневымъ, при дѣятельномъ содѣйствіи на-

*) Впослѣдствіи митрополитъ Московскій и затѣмъ Кіевскій.

званныхъ выше лицъ, собрано въ пользу южныхъ Славянъ 4.865 р. 52 к. и вещественныхъ пожертвованій: 4 коробки корпіи, 2 куска холста, пудъ нитокъ и серебряный старый браслетъ *).

Членскихъ взносовъ отъ 192 лицъ, пожелавшихъ вступить въ члены Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета 1.602 рубля, въ томъ числѣ три пожизненные членскіе взноса по 100 рублей каждый.

Посѣщеніе А. В. Васильевымъ Казани, Симбирска, Самары, Вольска, Саратова, Козлова, Задонска и Ельца дало слѣдующее:

При кратковременности пребыванія въ каждомъ изъ названныхъ городовъ, дѣятельность А. В. Васильева ограничивалась приглашеніемъ лицъ, пользующихся извѣстнымъ положеніемъ и уваженіемъ въ мѣстномъ обществѣ,—въ члены С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета и выдачею имъ свидѣтельствъ на право сбора и квитанціонныхъ книжекъ, а также письменнымъ обращеніемъ къ нѣкоторымъ общественнымъ и финансовымъ учрежденіямъ съ просьбою помочь Славянскому Комитету въ дѣлѣ заготовленія теплой одежды и обуви для русскихъ добровольцевъ и вообще для войскъ М. Г. Черняева. Съ подобными письменными просьбами обращался онъ въ Саратовѣ къ обществу взаимнаго кредита, къ обществу купцовъ и мѣщанъ и къ коммерческому клубу; въ Ельцѣ къ городскому общественному банку и въ Козловѣ къ обществу взаимнаго кредита и въ городской общественный банкъ. Обращенія эти не остались безплодными: Саратовское общество взаимнаго кредита къ назначеннымъ имъ въ пользу Сербовъ и Черногорцевъ 10.000 руб. прибавило 5.000 руб. на заготовленіе теплой одежды и обуви для войскъ Черняева. Деньги эти вмѣстѣ съ показанными 10.000 руб. переданы обществомъ для употребленія согласно назначенію, въ Московскій Славянскій Комитетъ. Саратовскій же коммерческій клубъ прислалъ для сказанной цѣли въ Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Комитета 1.000 рублей.

Письменное же обращеніе о пожертвованіи теплой одежды добровольцамъ сдѣлано А. В. Васильевымъ къ одному Симбирскому богатому фабриканту и торговцу этимъ товаромъ, чрезъ посредство дочери его, записавшейся еще въ Нижнемъ-Новгородѣ въ члены Отдѣла: это обращеніе, кажется, также было небезполезно.

Лично принято А. В. Васильевымъ пожертвованій въ пользу Славянъ въ названныхъ мѣстностяхъ 794 руб., въ томъ числѣ болѣе половины собрано преимущественно при содѣйствіи М. Э. Плигиной 14 сентября въ г. Вольскѣ.

Число лицъ, пожелавшихъ записаться въ члены С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, было 250.

Членскихъ взносовъ получено отъ нихъ А. В. Васильевымъ 1.684 р.; въ томъ числѣ два пожизненныхъ по сто рублей.

По розданнымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ городахъ сборнымъ листамъ и книжкамъ поступали впослѣдствіи въ Коммисію, а по закрытіи ея въ Отдѣлъ Славянскаго Комитета и въ Славянское Общество значительныя суммы денегъ.

Слѣдствіемъ поѣздки названныхъ уполномоченныхъ Коммисіи въ провинціи была посылка въ разные города 31 свидѣтельства на устройство сборовъ и постоянное завѣдываніе ими.

---

*) Одновременно со сборомъ уполномоченныхъ Коммисіи на Нижегородской ярмаркѣ собирались пожертвованія въ пользу Славянъ ярмарочнымъ комитетомъ и мѣстнымъ отдѣленіемъ Краснаго Креста. Въ концѣ же августа пріѣхалъ на ярмарку генералъ Ѳадѣевъ для сбора пожертвованій и для организаціи ополченія добровольцевъ.

Всего же высланы такія свительства 50-ти лицамъ. Дѣятельность этихъ уполномоченныхъ относится уже ко времени по закрытіи Коммисіи по сбору пожертвованій.

Во время пребыванія А. В. Васильева въ Казани, болѣе 50 лицъ, частію изъ прежнихъ членовъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, частью изъ вновь поступавшихъ, дали ему письменное порученіе ходатайствовать объ открытіи въ Казани самостоятельнаго Отдѣла Славянскаго Комитета. Въ числѣ лицъ, ходатайствовавшихъ объ открытіи Казанскаго Отдѣла были: Архіепископъ Казанскій Антоній, попечитель учебнаго округа П. Д. Шестаковъ, городской голова, нѣкоторые члены городскаго управленія и большая часть профессоровъ Казанскаго Университета и Казанской Духовной Академіи *).

Исполнительное Присутствіе Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета входило чрезъ Московскій Славянскій Комитетъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи Отдѣла Славянскаго Комитета въ Казани, но ходатайство это не было уважено.

Докладъ Совѣта Славянскаго Общества Общему Собранію членовъ 3 декабря 1878 года.

«Общее собраніе гг. членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества 13 ноября 1877 г. отдѣлило обсужденіе «Свода замѣчаній, представленныхъ въ Ревизіонную Комисcію С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества членомъ означенной Комиссіи П. К. Мартьяновымъ по обревизованію имъ дѣлъ бывшей Комиссіи для сбора пожертвованій» и особое мнѣніе его, приложенное къ докладу Ревизіонной Комиссіи 24 мая 1877 г., полностью вошедшее въ этотъ сводъ, отъ разсмотрѣнія упомянутаго доклада. На основаніи этого постановленія, Совѣтъ Общества имѣетъ честь представить настоящему Общему собранію гг. членовъ свой докладъ по этому дѣлу. Совѣтъ, не считая нужнымъ касаться тѣхъ пунктовъ «Свода», которые вошли въ общій ревизіонный докладъ, остановится только на тѣхъ, которые или по формѣ или по содержанію отличаются отъ ревизіоннаго доклада.

Г. Мартьяновъ обвиняетъ бывшую Комиссію по сбору пожертвованій въ томъ, что она незаконно присвоила себѣ право распоряжаться расходованіемъ поступившихъ въ ея распоряженіе пожертвованій и безконтрольно пользовалась этимъ правомъ. Единственнымъ основаніемъ этого права, по увѣренію г. Мартьянова, была ошибка которая, будто бы, вкралась *въ составленныя ею самою для себя правила* и которая состояла въ томъ, что въ одномъ пунктѣ этихъ правилъ Комиссія названа Комиссіею для сбора *и распредѣленія* пожертвованій.

На этомъ-то, говоритъ г. Мартьяновъ, по ошибкѣ вкравшемся въ пра-

*) Въ числѣ ихъ А. И. Вадковскій, нынѣ Высокопреосвященный Антоній, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

вила словѣ, противорѣчащемъ по существу цѣлямъ и полномочіямъ Комиссіи, она основала свои *домогательства* на право распоряженія сборами.

Итакъ, на Комиссію по сбору взводится обвиненіе въ дѣйствіи, весьма похожемъ на подлогъ, именно въ томъ, что, составивъ сама для себя правила только для сбора пожертвованій, она незамѣтно ввела въ п. 1 этихъ правилъ произвольную прибавку «*и распредѣленія*», которая ускользнула отъ вниманія Общаго собранія 2 ноября 1876 г., эти правила утвердившаго, и тѣмъ дала узурпаторамъ такія права, какихъ С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Комитета давать имъ вовсе не былъ намѣренъ.

Обвиненіе тяжкое, а между тѣмъ, оно совершенно произвольно, и не только произвольно, но и противорѣчитъ дѣйствительнымъ фактамъ. Правила, о которыхъ идетъ рѣчь, были составлены не самою Комиссіею для сбора, а бывшимъ председателемъ бывшаго С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета И. П. Корниловымъ; были заявлены Комиссіи по сбору пожертвованій, чего и нельзя было не сдѣлать, такъ какъ они касались ея дѣятельности, и затѣмъ уже были внесены на утвержденіе Общаго собранія 2 ноября 1875 г. Слова: «*для распредѣленія*» принадлежатъ составителю правилъ И. П. Корнилову.

Каждому изъ Общихъ собраній въ 1875 и 1876 гг. докладывалось, какъ признаетъ и самъ г. Мартьяновъ, о дѣятельности бывшей Комиссіи по сбору. Въ торжественномъ общемъ собраніи 11 мая 1876 г. былъ читанъ отчетъ Комиссіи со времени ея учрежденія, т. е. съ 28 сентября 1875 г. по 2 мая 1876 г., и въ средѣ многочисленнаго собранія не нашлось никого, кто бы сдѣлалъ хотя малѣйшій намекъ на то, что Комиссія по сбору дѣйствуетъ внѣ начертанныхъ для нея правилъ. Наконецъ, въ Общемъ собраніи 10 октября 1876 г. прочитанъ докладъ о дѣятельности бывшей Комиссіи по сбору за все время ея существованія, гдѣ говорилось не только о собранныхъ ею суммахъ, но и о произведенныхъ ею расходахъ почти на 1.000.000 р., и всѣ члены собранія торжественно выразили Комиссіи свое одобреніе.

Въ виду неоднократнаго одобренія дѣятельности Комиссіи по сбору Общимъ собраніемъ, какія бы то ни было обвиненія ея въ превышеніи власти и въ безконтрольности нельзя не признать совершенно неумѣстными и оскорбительными не только для Комиссіи по сбору, но и для всего Общества.

Наконецъ, по разсматриваемому вопросу нельзя не видѣть умышленнаго со стороны г. Мартьянова искаженія истины въ утвержденіи его, будто бы Комиссія по сбору пожертвованій была учреждена изъ бывшей прежде при Отдѣлѣ, такъ называемой «*увеселительной* Комиссіи», усиленіемъ численнаго состава послѣдней.

Никакой *увеселительной* Комиссіи при бывшемъ Отдѣлѣ не существовало. Правда, большую часть средствъ для своей дѣятельности Отдѣлъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ получалъ отъ устраивавшихся имъ ежегодно различнаго рода празднествъ и увеселеній*), но въ устройствѣ ихъ принимали участіе разныя лица, изъ которыхъ нѣкоторыя вошли потомъ въ составъ Комиссіи по сбору пожертвованій; но дѣятельность ихъ въ то время ограничивалась устройствомъ того или другого празднества и передачею сбора Исполнительному Присутствію, и никакой *Комиссіи*, въ смыслѣ, болѣе или менѣе постояннаго учрежденія, повторяемъ,— не было, а слѣдовательно, и самого названія «*увеселительная Комиссія*» не существовало. Г. Мартьянову

---

*) Въ $186^9/_{70}$—$1871/_2$ гг. получено круглымъ числомъ по 4.600 р. ежегодно, а въ $187^2/_3$ и $187^3/_4$ гг. свыше 20.000 р.

нужно было выдумать такую *увеселительную* Комиссію и отъ нея произвести Комиссію по сбору только съ цѣлью ироніи надъ дѣятельностью гг. членовъ Общества, принимавшихъ прежде участіе въ устройствѣ сборовъ въ пользу Отдѣла, и надъ самою Комиссіею по сбору. И вамъ, конечно, извѣстно М.м. Г.г. что мелкія наши газеты, пробавляющіяся сплетнями, подхватили это словцо г. Мартьянова и позволили себѣ по поводу его различнаго рода глумленія и недостойныя выходки относительно бывшей Комиссіи по сбору и отдѣльныхъ членовъ нашего Общества.

Въ доказательство желанія г. Мартьянова пользоваться всякимъ ничтожнымъ промахомъ въ дѣйствіяхъ бывшей Комиссіи по сбору для выходки противъ нея приведемъ выноску на стр. 13 «Свода замѣчаній», гдѣ помѣщена слѣдующая острота: «Въ протоколѣ засѣданія 28 іюня 1876 г. значится, что засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ А. А. Кирѣева; кто же изъ членовъ присутствовалъ—ничего не упомянуто и подписей членскихъ нѣтъ, *а потому засѣданіе это и нельзя признать иначе, какъ единоличнымъ*».

Говоря о кружечномъ сборѣ, г. Мартьяновъ на стр. 18 «Свода» замѣчаетъ, что число бывшихъ въ употребленіи кружекъ достигло *1355* и, затѣмъ, на стр. 54, въ заключеніи, въ доказательство, что кружечный сборъ оказался организованнымъ дурно, приводитъ то обстоятельство, что кружечнаго сбора числится поступившимъ во время существованія Комиссіи только 8.225 р. 29¾ к.

Эти ревизіонныя замѣчанія г. Мартьянова послужили поводомъ къ цѣлому ряду статей, появившихся въ Петербургскихъ газетахъ, самаго оскорбительнаго для Славянскаго Общества и для бывшихъ сборщиковъ содержанія. Въ этихъ статьяхъ, на основаніи приведенныхъ цифръ, высчитывалось, сколько приходилось сбора на каждую кружку среднимъ числомъ; высказывались удивленія по поводу незначительности поступленій; выводились предположенія объ *усыпкахъ и утечкахъ* изъ кружекъ; выражались соболѣзнованія о пропавшихъ народныхъ копѣйкахъ и т. п.

Между тѣмъ г. Мартьяновымъ приведены невѣрныя цифры въ его «Сводѣ замѣчаній». Въ дѣйствительности оказывается, что къ 24 октября 1876 г. кружекъ было разстановлено не 1.355, какъ сказано въ «Сводѣ» г. Мартьянова, а всего 949. Разница—406 кружекъ; т. е. число выданныхъ изъ Комиссіи кружекъ увеличено г. Мартьяновымъ почти на ⅓. Затѣмъ въ приведенное число (949) вошли какъ постоянныя, такъ и летучія кружки. Большая часть постоянныхъ кружекъ была роздана и выслана въ провинцію въ послѣдніе мѣсяцы существованія Комиссіи по сбору, именно: въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, и потому значительно больше половины выданныхъ кружекъ, а именно 599, до закрытія Коммиссіи по сбору ни разу еще не было вскрыто. Вскрыто было Коммиссіею всего 340 нумеровъ кружекъ; всѣхъ же вскрытій было 549, такъ какъ нѣкоторые №№, преимуществено летучихъ кружекъ, вскрыты были по нѣсколько разъ.

Сбора кружечнаго по 24 октября 1876 г. поступило: по іюль 1876 г.—1,371 р. 33 к., въ іюлѣ—2,700 р. 74 к., въ августѣ—11,079 р. 5½ к., въ сентябрѣ 6.655 р. 82¾ к., въ октябрѣ по 24 число—3.643 р. 44 к. Всего за время существованія Коммиссіи—25.450 р. 39 ¼ к.

Сюда, впрочемъ, не вошелъ еще кружечный сборъ въ церквахъ, на праздникахъ и гуляньяхъ—также весьма значительный.

И такъ, число бывшихъ въ обращеніи кружекъ г. Мартьяновымъ увеличено почти на одну треть, количество же поступившаго въ Коммиссію сбора уменьшено болѣе чѣмъ въ три раза. По брошюрѣ г. Мартьянова выходитъ, будто бы 1.355 кружекъ дали сбора 8.225 р. 29¾ к., среднимъ

числомъ на кружку выходитъ 6 р. 7 к., въ дѣйствительности же изъ 340 кружекъ поступило сбора 25,450 р. 39¼ к., что даетъ среднимъ числомъ 74 р. 85 к. на кружку. Разница огромная.

Что ошибки и недомолвки въ «Сводѣ замѣчаній» г. Мартьянова по отношенію кружечнаго сбора не случайныя, подтвержденіемъ этому служитъ то обстоятельство, что въ особомъ мнѣніи его, приложенномъ къ докладу Ревизіонной Коммиссіи, сказано, что за время существованія Коммиссіи по сбору *постояннаго* кружечнаго сбора поступило всего 8.225 р. 29¾ к.; слѣдовательно, г. Мартьянову было извѣстно, что эта цифра сбора относится только до кружекъ *постоянныхъ*, т. е. поставленныхъ въ извѣстныхъ помѣщеніяхъ. Ему было, конечно, извѣстно также, что главная масса кружечнаго сбора поступала во время существованія Коммиссіи изъ кружекъ *летучихъ*. Между тѣмъ, включая эти кружки въ общее число кружекъ (1.355), выданныхъ Коммиссіею и затѣмъ, по ея закрытіи Исполнительнымъ Присутствіемъ, г. Мартьяновъ умолчалъ въ «Сводѣ замѣчаній», который помѣченъ имъ тѣмъ же числомъ, какъ и особое мнѣніе (24 мая),—о цифрѣ сбора, даннаго летучими кружками, и не только умолчалъ, но, какъ бы съ умысломъ скрылъ его, такъ какъ, приводя въ «Сводѣ замѣчаній» цифру кружечнаго сбора, поступившаго за время существованія Коммиссіи, онъ опустилъ слово «*постояннаго*», что и дало основаніе людямъ, незнакомымъ съ дѣломъ, думать, что кружечнаго сбора всего на все поступило въ Коммиссію 8.225 р. 39 к., и выводить отсюда заключеніе, что въ этомъ дѣлѣ Коммиссіею были допущены безпорядки и злоупотребленія, которыхъ въ дѣйствительности не было.

Въ статьѣ «Свода замѣчаній» «*о кружечномъ сборѣ*» на стр. 19 напечатаны г. Мартьяновымъ выписки изъ протоколовъ Коммиссіи по сбору пожертвованій о томъ, что въ іюлѣ 1876 г., С.-Петербургскимъ градоначальникомъ заявлено было о несомнѣнномъ существованіи злоупотребленій дѣломъ сборовъ и о необходимости принятія мѣръ къ ихъ пресѣченію; вслѣдствіе чего существовавшія тогда кружки были замѣнены кружками новаго образца и сборщики снабжены свидѣтельствами отъ Коммиссіи, а, вслѣдъ за симъ, летучій кружечныхъ сборъ въ предѣлахъ столицы прекращенъ вовсе; и затѣмъ,—что «одному члену Коммиссіи, наблюдавшему за кружечнымъ сборомъ, по истребованіи отъ него выданнаго ему на право сборовъ полномочія, предложено не посѣщать болѣе Коммиссію». Замѣчанія эти, выхваченныя изъ протоколовъ Коммиссіи по сбору и напечатанныя въ «Сводѣ» *безъ надлежащихъ поясненій*, опять-таки дали поводъ къ кривымъ и несправедливымъ толкамъ къ публикѣ. Между тѣмъ заявленіе градоначальника касалось злоупотребленій кружечнымъ сборомъ не между сборщиками Славянскаго Комитета, а между посторонними злоумышленниками. Чтобы затруднить возможность появленія самозванныхъ сборщиковъ на Славянъ, Коммиссіею и было принято рѣшеніе (протоколъ 5 августа 1876 г.) замѣнить прежнія разнокалиберныя кружки кружками одинаковаго образца, и сборщикамъ вмѣнено было въ обязанность имѣть постоянно при себѣ свидѣтельство Коммиссіи на право сбора. Постановленіе о прекращеніи летучаго кружечнаго сбора въ предѣлахъ столицы *никакой связи* съ заявленіемъ градоначальника о существованіи злоупотребленій дѣломъ кружечнаго сбора не имѣетъ, что между прочимъ явствуетъ изъ того, что тѣми же протокольными постановленіями 14 и 19 августа 1876 г., которыми рѣшено было пріостановить летучій кружечный сборъ въ Петербургѣ, постановлено сборъ этотъ въ окрестностяхъ столицы и въ провинціи продолжать по прежнему и не только продолжать, но и стараться дать ему возможно большее развитіе.

Поставленіе въ связь рѣшенія Коммиссіи прекратить въ столицѣ кружечный сборъ съ упомянутымъ заявленіемъ градоначальника дало публикѣ и газетнымъ фельетонистамъ поводъ къ такого рода заключеніямъ, какихъ не могло бы быть при правильномъ изложеніи дѣла.

Точно также неумѣстно и помѣщеніе въ статьѣ «*о кружечномъ сборѣ*» замѣтки о томъ, что одному изъ членовъ Коммиссіи, наблюдавшему за кружечнымъ сборомъ, предложено не посѣщать Коммиссіи, такъ какъ постановленіе это вызвано не дѣятельностію этого члена по части кружечнаго сбора, а совершенно другими обстоятельствами.

Въ статьѣ «*о сборныхъ книжкахъ*», на стр. 21 «Свода замѣчаній», г. Мартьяновъ утверждаетъ, что «книжки выдавались *большею частью безъ росписокъ*, но нѣсколько въ однѣ руки для передачи другимъ лицамъ, изъ числа которыхъ *многія заявляли потомъ, что книжекъ этихъ не получали*.

Утвержденіе это неосновательно. Безъ росписокъ книжки выдавались только *въ рѣдкихъ* случаяхъ, а *не большею частью*, какъ говоритъ г. Мартьяновъ. Неизвѣстно также ни одного случая, чтобы книжка, взятая для передачи другому лицу и записанная за кѣмъ либо, не была этимъ лицомъ дѣйствительно получена. Намъ извѣстно только одно заявленіе въ этомъ родѣ, а именно самого г. Мартьянова о неполученіи имъ написанной было на его имя книжки подъ № 97; но книжка эта, не переданная почему-то г. Мартьянову, была выдана епископу Астраханскому Хрисанфу и, во время производства ревизіи, сборъ по ней уже былъ представленъ въ Коммиссію по сбору и сама книжка находилась въ Коммиссіи въ числѣ оправдательныхъ документовъ. А между тѣмъ, этимъ единичнымъ случаемъ, который вполнѣ разъясненъ, г. Мартьяновъ, однако же, воспользовался, чтобы бросить тѣнь на Коммиссію.

Наконецъ, вамъ, М.м. Г.г., приходилось читать въ газетахъ, и слышать толки объ открытомъ, будто бы, въ Славянскомъ Обществѣ ревизіею недочетѣ въ 40.000 р. Сплетни по этому поводу проникли даже на страницы толстыхъ журналовъ; такъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» Славянское Общество сравнивалось по веденію въ немъ денежныхъ операцій съ Московскимъ коммерческимъ банкомъ. Что же подало поводъ ко всѣмъ этимъ нареканіямъ и клеветамъ? А вотъ что:

На страницахъ 29 и 30 «Свода замѣчаній» г. Мартьяновъ говоритъ: «Въ докладѣ Коммиссіи по сбору пожертвованій, сдѣланномъ общему собранію С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета 10 октября 1876 г., показаны цифры сдѣланныхъ нѣкоторымъ лицамъ отправленій не въ томъ количествѣ, какъ показалъ по своимъ вѣдомостямъ казначей Коммиссіи.

Показано отправленными:

	По отчету.			По вѣдомостямъ.		
Сербской кн. Наталіи	20.000 р.	— к.		10.000 р.	— к.	
Черногорскому кн. Николаю	20.000 »	— »		11.000 »	— »	
Сербск. агенту въ Бухарестѣ	4.000 »	— »		1.000 »	— »	
А. С. Іонину	128.312 »	50 »		112.000 »	— »	
Карцеву	15.000 »	3 »		10.000 »	— »	
Зиновьеву	9.003 »	— »		12.011 »	20 »	

Приводя эту параллель цифръ, г. Мартьяновъ ограничивается замѣчаніемъ: «*По повѣркѣ оказалось, что цифры, показанныя казначеемъ, имѣютъ болѣе достовѣрности, хотя и не совсѣмъ правильно распредѣлены по рубрикамъ*.

Объясняетъ ли что-нибудь подобная замѣтка?

Если ревизующій замѣтилъ разницу въ цифрахъ расхода между двумя документами отчетныхъ лицъ, разницу, составляющую въ итогѣ громадную цифру 40.313 р. 33 к., то не было ли его прямою обязанностью уяснить и себѣ и другимъ, что означаетъ эта разница отчетныхъ документовъ? Ошибка ли тутъ, или недочетъ? Но недочетъ въ 40 т. р., конечно, не могъ пройти незамѣченнымъ Ревизіонною Коммисіею; между тѣмъ, объ этомъ несогласіи въ цифрахъ отправленій денегъ въ Славянскія земли между докладомъ бывшей Коммиссіи по сбору общему собранію и вѣдомостями казначея нѣтъ ни малѣйшаго намека не только въ общемъ ревизіонномъ докладѣ, но и въ особомъ мнѣніи г. Мартьянова.

Обращаясь къ подлиннымъ документамъ, т. е. къ докладу Коммиссіи по сбору 10 октября 1876 г. общему собранію и къ казначейскимъ вѣдомостямъ и расходнымъ книгамъ, мы, къ удивленію своему, видимъ, что того разнорѣчія, которое приводитъ г. Мартьяновъ въ «Сводѣ замѣчаній», въ дѣйствительности не существуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у г. Мартьянова сказано, будто по отчету показано отправленными Черногорскому кн. Николаю 20.000 р., по казначеской же вѣдомости всего только 11.000 рублей. На самомъ же дѣлѣ въ отчетѣ, на стр. 18, въ главѣ VII, озаглавленной *«выдачи денегъ консуламъ и другимъ лицамъ»*, сказано:

Князю Николаю отправлено:

18 марта — 10.000 р.

13 сентября — 10.000 р.

По вѣдомостямъ же казначея видно:

Князю Николаю отправлено:

18 марта — 10.000 р. для помощи Славянскимъ семействамъ

13 сентября — 10.000 р., на другія нужды.

30 сентября — 1.000 р., на помощь опять нуждающимся Славянскимъ семействамъ.

Послѣдняя цифра — 1.000 р. не попала въ отчетъ Коммисіи потому, что онъ былъ уже въ это время составленъ. Но какимъ образомъ могъ проглядѣть г. Мартьяновъ въ казначеской вѣдомости 10.000 р., отправленные кн. Николаю 13 сентября, когда и сумма, и число отправленія и по отчету Коммиссіи по сбору и по казначеской вѣдомости однѣ и тѣ же?

Точно также у г. Мартьянова въ «Сводѣ замѣчаній» сказано, что А. С. Іонину показано отправленными по докладу Коммисіи 128.312 р. 50 к., по вѣдомости же казначея — 112.000 руб., разница, слѣдовательно, въ 16.312 р. 50 к. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ нѣтъ этой разницы.

Въ докладѣ, въ числѣ 128.312 р. 50 к., отправленныхъ къ Іонину, показаны отправленными 5 мая 16.312 р. 50 к.; въ казначейской же вѣдомости показано отправленными 5 мая 16.312 р. 50 к. Черногорскому министру Пламенцу, а въ расходной книгѣ сказано, что означенная сумма 16.312 р. 50 к. отправлена 5 мая въ Вѣну, Зубову, для передачи консулу Іонину, а въ примѣчаніи пояснено, что Іонинымъ эти деньги переданы Черногорскому министру Пламенцу.

Могъ ли г. Мартьяновъ не замѣтить этой цифры расхода въ казначейской вѣдомости и расходной книгѣ? Точно также вполнѣ согласуются между собою вѣдомости казначея съ докладомъ 10 октября относительно цифръ денежныхъ отправленій въ Бѣлградъ Русскому консулу Карцеву (15.009 р. 3 к.) и въ Бухарестъ Русскому консулу для Болгарскаго настоятельства и болгарскаго центральнаго комитета (9.003 р.) и Сербскому агенту (4.000 р.).

Только сумма посланныхъ кн. Сербской Натаіи денегъ показана въ докладѣ Коммиссіи ошибочно въ 20.000 р., такъ какъ сюда, по ошибкѣ, включены 10.000 р., посланные 8 іюля въ Бѣлградъ Русскому консулу Карцеву, такъ что эта цифра напечатана въ одной и той же главѣ дважды.

Изъ сказаннаго очевидно, что послѣдняя приведенная изъ «Свода замѣчаній» г. Мартьянова выписка представляетъ собою не случайную недомолвку или ошибку, потому что въ докладѣ Коммисіи по сбору, изъ котораго г. Мартьяновъ выхватилъ цифры итоговъ денежныхъ отправленій въ Славянскія земли, приведены не одни эти итоги, а и обозначены съ точностью время и цифра каждаго *отдѣльнаго* отправленія, и эти обозначенія времени, и цифры посылокъ въ каждомъ данномъ случаѣ совпадаютъ съ казначейскими вѣдомостями; слѣдовательно, проглядѣть ихъ въ этихъ послѣднихъ не было возможности.

Указавъ неточность и ошибочность изложенія фактовъ, допущенныя г. Мартьяновымъ, Совѣтъ Общества не можетъ не остановить вниманія Вашего, М.м. Г.г., и на самомъ фактѣ обнародованія брошюры. Вамъ извѣстно, что еще прежде составленія ревизіоннаго доклада г. Мартьяновъ отлитографировалъ часть своего доклада, чѣмъ вызвалъ протестъ даже со стороны своихъ сочленовъ по ревизіи. Не смотря на это, одновременно съ доставленіемъ Ревизіонною Коммисіею составленнаго ею доклада въ Совѣтъ Общества, для внесенія въ Общее собраніе, г. Мартьяновымъ была отпечатана книжка, подъ заглавіемъ: «Сводъ замѣчаній» и т. д. Сводъ этотъ составленъ изъ замѣчаній и разсужденій, вошедшихъ частью въ общій ревизіонный докладъ, частью въ приложенное къ нему особое мнѣніе г. Мартьянова, и только нѣкоторыя, весьма впрочемъ, характерныя, мѣста «Свода», на которыя мы выше указывали, не вошли ни въ ревизіонный докладъ, ни въ особое мнѣніе.

Совѣтъ не полагаетъ, чтобы такой поступокъ г. Мартьянова могъ быть одобренъ кѣмъ-нибудь даже при предположеніи, что всѣ замѣчанія г-на Мартьянова оказались бы впослѣдствіи вѣрными, ибо въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы подождать приговора Общаго собранія, не кидать тѣнь на дѣйствія самаго Общества, а также ни въ какомъ случаѣ не торопиться подвергать нареканіямъ доброе имя членовъ бывшей Коммиссіи по сбору, не имѣя въ виду ихъ объясненій. Слѣдствія, какъ извѣстно вамъ, М.м. Г.г, были прискорбны не только для лицъ, но и для дѣла, ибо многоразличныя нападки журналистики, опирающіяся на показанія г. Мартьянова, и нигдѣ имъ не опровергнутыя, несомнѣнно способствовали охлажденію Русскаго общества къ нашему Славянскому Обществу. Совѣтъ не можетъ считать поступка г. Мартьянова добросовѣстнымъ и предлагаетъ общему собранію обсудить его.

Общее собраніе, по предложенію предсѣдателя К. Н. Бестужева-Рюмина, для разсмотрѣнія приведеннаго доклада Совѣта избрало Коммисію изъ четырехъ лицъ: Н. И. Стояновскаго, М. Н. Островскаго, Ѳ. П. Корнилова и Э. К. Длотовскаго.

Заключеніе этой Коммисіи было доложено Общему собранію членовъ Славянскаго Общества 11 мая 1879 г.

Заключеніе Коммисіи:

«Комиссія, приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее общимъ собраніемъ членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества порученія, приняла на видъ, что обсужденію ея, какъ видно изъ стенографическаго отчета о засѣданіи общаго собранія 3 декабря, подлежитъ собственно поступокъ г. Мартьянова, въ качествѣ члена Ревизіонной Комиссіи, избранной общимъ собраніемъ для повѣрки дѣйствій бывшей Комиссіи по сбору пожертвованій. Поступокъ этотъ состоитъ:

во-1-хъ, въ томъ, что г. Мартьяновъ, воспользовавшись дѣлами и документами Комиссіи по сбору, которые стали ему доступными, какъ члену Ревизіонной Комиссіи, обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе свои соображенія и выводы о дѣйствіяхъ Комиссіи по сбору*), не представивъ ихъ предварительно, вмѣстѣ съ заключеніемъ Ревизіонной Комиссіи, на обсужденіе и заключеніе Общаго собранія и не имѣя даже въ виду по сдѣланнымъ имъ замѣчаніямъ объясненій членовъ бывшей Комиссіи по сбору,

и, во-2-хъ, въ томъ, что г. Мартьяновъ обнародовалъ соображенія и выводы, основанные на свѣдѣніяхъ и показаніяхъ, не вѣрно изложенныхъ и неполныхъ, и тѣмъ далъ поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ на дѣятельность членовъ бывшей Комиссіи по сбору пожертвованій.

По мнѣнію особой Комиссіи, г. Мартьяновъ, допущенный къ дѣламъ Комиссіи по сбору пожертвованій въ качествѣ члена Ревизіонной Комиссіи, долженъ былъ пользоваться находящимися въ сихъ дѣлахъ свѣдѣніями только въ границахъ даннаго ему Общимъ собраніемъ полномочія. Имѣя, такимъ образомъ право и даже обязанность представить всѣ свои соображенія и выводы Общему собранію, г. Мартьяновъ, очевидно, не имѣлъ затѣмъ ни малѣйшаго права давать своимъ соображеніямъ гласность прежде представленія ихъ Общему собранію, помимо собранія и до разсмотрѣнія ихъ собраніемъ. Поэтому, даже въ томъ случаѣ, если бы замѣчанія г. Мартьянова оказались вполнѣ правильными, поступокъ его не могъ бы не заслужить порицанія, какъ превышеніе данныхъ ему полномочій. Но публичныя заявленія г. Мартьянова содержатъ въ себѣ, по большей части, несправедливыя нареканія на дѣятельность Комиссіи по сбору пожертвованій, а потому нельзя къ поступку его не отнестись еще съ большею строгостью. Вопросъ о неосновательности взводимыхъ г. Мартьяновымъ обвиненій на членовъ Комиссіи по сбору—не подлежитъ обсужденію настоящей Комиссіи, такъ какъ онъ окончательно рѣшенъ Общимъ собраніемъ 29 октября минувшаго года, признавшимъ всѣ дѣйствія и распоряженія Комиссіи по сбору безусловно правильными; тѣмъ не менѣе, обсуждая поступокъ г. Мартьянова, особая Комиссія не можетъ не заявить, что по внимательномъ разсмотрѣніи тѣхъ замѣчаній г. Мартьянова, которыя не вошли въ общій ревизіонный докладъ, и по соображеніи ихъ какъ съ объясненіями, представленными Совѣтомъ Общества въ докладѣ, читанномъ въ Общемъ собраніи 3 декабря, такъ и съ относящимися къ нимъ отчетными данными, особая Комиссія пришла къ убѣжденію въ полной неосновательности обвиненій, взведенныхъ въ этихъ замѣчаніяхъ на Комиссію по сбору пожертвованій. Усматри-

---

*) Г. Мартьяновымъ напечатана была отдѣльная брошюра подъ названіемъ: «Сводъ замѣчаній, представленныхъ въ Ревизіонную Комиссію С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества членомъ означенной Комиссіи П. К. Мартьяновымъ, по обревизованію имъ дѣлъ бывшей Комиссіи для сбора пожертвованій».

вая въ этихъ обвиненіяхъ рядъ невѣрныхъ цифръ и показаній (относительно, напримѣръ, денежныхъ разнымъ лицамъ отправленій и кружечнаго сбора), Комиссія не можетъ объяснить ихъ невольными, со стороны г. Мартьянова, ошибками и, по необходимости, должна признать въ нихъ нѣкоторую преднамѣренность. Истинныя побужденія, вызвавшія г. Мартьянова на такой поступокъ, остаются для нея, конечно, тайною. Но судя по дѣйствіямъ г. Мартьянова,—въ которыхъ особая Комиссія не усматриваетъ, однако, ясныхъ доказательствъ намѣренія оскорбить лично кого-либо изъ членовъ Комиссіи по сбору или всю Комиссію въ полномъ ея составѣ,— Комиссія остановилась на предположеніи, что г. Мартьяновъ, не сочувствуя направленію, которое было принято благотворительною дѣятельностью С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета во время Турецко-Сербской войны, воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы повредить не нравящейся ему благотворительной дѣятельности Общества, и дѣйствительно повредилъ ей, распространивъ, путемъ печати, невѣрныя свѣдѣнія и неосновательныя заключенія относительно дѣйствій Комиссіи по сбору пожертвованій.

Въ виду всего вышеизложеннаго, особая Комиссія признаетъ поступокъ г. Мартьянова достойнымъ строгаго порицанія и считаетъ весьма прискорбнымъ какъ то, что въ средѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества находятся члены, заявляющіе свое несочувствіе дѣятельности Общества способомъ, подобнымъ тому, какой употребленъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и то, что Общество, удостоивая такихъ членовъ особаго своего довѣрія, даетъ имъ возможность употреблять это довѣріе во зло и наносить дѣлу благотворенія труднопоправимый вредъ.

Заключеніе подписали: Николай Стояновскій, М. Островскій, Өедоръ Корниловъ и Эрастъ Длотовскій.

По прочтеніи сего заключенія, предсѣдательствующій заявилъ, что Совѣтъ Общества и члены бывшей Комиссіи по сбору пожертвованій совершенно устраняютъ себя отъ всякаго по этому дѣлу разсужденія.

Послѣ этого въ собраніи возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли П. К. Мартьяновъ, послѣ выслушанія Общимъ собраніемъ заключенія Комиссіи, оставаться членомъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и не слѣдуетъ ли устранить его изъ среды Общества.

Вопросъ этотъ, по требованію гг. членовъ Общества, былъ подвергнутъ закрытому голосованію, записками, при чемъ всѣ находившіеся въ собраніи члены Совѣта и члены бывшей Комиссіи по сбору пожертвованій въ пользу страждущихъ семействъ Славянъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи участія въ голосованіи не принимали.

За симъ, по счету записокъ, розданныхъ для баллотировки въ числѣ 21, оказалось 20 голосовъ за устраненіе П. К. Мартьянова изъ числа членовъ Общества и одинъ голосъ за оставленіе его поступка безъ послѣдствій.

Воззванія.

I.

Мы—Русскіе—принадлежимъ къ великому племени Славянскому.

Общее число Славянъ простирается за 90 милл.

Славянское племя составляютъ слѣдующіе народы:

I. Народъ Русскій. Русскихъ болѣе 60 милл.; они дѣлятся на Велико-Руссовъ (за 40 милл.), Мало-Руссовъ (15 милл.) и Бѣло-Руссовъ (до 4 милл.). Русскіе образуютъ одно изъ сильнѣйшихъ государствъ въ мірѣ; имъ принадлежитъ 1/6 часть всей земной поверхности. Но и за предѣлами Русскаго государства есть цѣлыя области, населенныя русскими, а именно: Галиція съ Буковиною и Закарпатская или Угорская Русь, принадлежащія Австро-Венгріи, въ нихъ считается до 3½ милл. Русскихъ. Главный городъ Галиціи—Львовъ, построенный великимъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ, жившимъ во времена Татарскаго нашествія. Львовъ названъ такъ по имени сына Даніилова—Льва. Когда Восточная Русь была завоевана Татарами, Галицкою землею или Червонною Русью завладѣли Поляки. При раздѣлѣ же Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею, который въ 1-ый разъ былъ сдѣланъ 100 лѣтъ тому назадъ, земля Галицкая досталась Австріи. Кромѣ того, въ Турціи, по Дунаю, есть также Русскія села (Тульча, Добруджа и пр.) и въ Америкѣ въ бывшихъ Русскихъ владѣніяхъ живутъ и теперь Русскіе.

II. Народъ Польскій. Послѣ Русскихъ,—самый большой изъ Славянскихъ народовъ. Поляковъ до 9½ милл. Прежде Поляки составляли особое государство. Въ настоящее же время часть Польши принадлежитъ Россіи (гл. городъ Варшава), часть—Пруссіи (гл. гор. Гданскъ) и часть—Австріи (гл. гор. Краковъ).

III. Рядомъ съ Поляками, на Юго-Западъ отъ нихъ, живутъ Чехи, которые дѣлятся на собственно Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ. Чехи и Мораване принадлежатъ Австріи (Ав-

стрійцы—нѣмцы), а Словаки—Венгріи (Венгры, Угры, или Мадьяры—народъ Финско-Татарскаго племени; ихъ до 5 милл.). Въ Чехіи гл. гор. Прага на р. Велтавѣ. Чеховъ, Моравапъ и Словаковъ около 8 милл.

IV. Въ Пруссіи и Саксоніи живетъ народецъ Лужичане или Сербы-Лужицкіе (глав. гор. Будишинъ); ихъ теперь до 140 тыс.; но они составляютъ остатокъ многочисленныхъ Славянъ Полабскихъ, т. е. жившихъ по р. Лабѣ (Эльбѣ) и Поморскихъ, жившихъ по южному берегу Балтійскаго моря. Славяне эти дѣлились на много мелкихъ инородцевъ, которые часто враждовали между собою и съ Поляками; поэтому, не смотря на отчаянное сопротивленіе, они послѣ продолжительной борьбы съ нѣмцами были завоеваны ими и мало по малу онѣмечены, т. е. утратили свой языкъ, свои нравы и во всемъ стали походить на нѣмцевъ. Теперь на прежнемъ ихъ мѣстѣ самое сильное нѣмецкое государство Пруссія.

V. Около Ядранскаго (Адріатическаго) моря, на сѣверъ отъ него, живутъ Хорутане или Словенцы. Они занимаютъ Австрійскія области—Штирію, Каринтію и Крайну. Гл. гор. Любляна (Лайбахъ).

VI. Рядомъ съ Словенцами живутъ Сербо-Хорваты. Часть Сербовъ принадлежитъ Австро-Венгріи, а именно области: Далмація, которая тянется по берегу Адріатическаго моря (гл. гор. Дубровникъ или Рагуза и Сплѣтъ), Хорватія (гл. гор. Загребъ), и др.; часть—образуетъ особыя Славянскія государства: Княжества Сербію (гл. гор. Бѣлградъ на Дунаѣ) и Черногорію (гл. гор. Цетинье), и, наконецъ, часть Сербовъ принадлежитъ еще Турціи, именно области: Старая Сербія, Боснія (гл. гор. Сараево) и Герцеговина (гл. гор. Мостаръ). Словенцовъ, Сербовъ и Хорватовъ считаютъ до $8^1/_2$ милл.

VII. Наконецъ Болгары приналлежатъ Турціи (гл. гор. Терновъ и Средецъ или Софія). Болгаръ до $5^1/_2$ милл. Сѣверною границею ихъ служитъ рѣка Дунай, отдѣляющая ихъ отъ Румыновъ, т. е. Молдаванъ и Валлаховъ.

Русскіе и большая часть южныхъ Славянъ: Болгары, Сербы, Черногорцы исповѣдуютъ Православную вѣру и употребляютъ азбуку, составленную Св. Кирилломъ, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ перевелъ на Славянскій языкъ съ Греческаго Св. Писаніе и Богослужебныя книги въ IX в. по Р. Хр. Другіе Славяне: Поляки, Чехи, Хорваты, Словенцы исповѣдуютъ религію частью Католическую, частью Протестантскую и пишутъ азбукой Латинской. Каждый изъ названныхъ Славянскихъ народовъ имѣетъ свой особый языкъ; но всѣ Славянскіе языки сходны между собою, такъ что Русскій легко

можетъ понимать, прислушавшись, что говоритъ Сербъ или Болгаринъ, и наоборотъ. Жизнь всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ много общаго. Всѣ Славянскіе народы выдерживали напоръ, съ одной стороны, азіатскихъ народовъ: татаръ, турокъ, съ другой—нѣмцевъ, и всѣ они на время утрачивали свою свободу. Русскіе были покорены татарами. Болгары и Сербы—турками. Западные Славяне подпали господству нѣмцевъ. Русскіе освободились отъ татаръ, также часть Сербовъ освободилась въ началѣ нынѣшняго столѣтія отъ турокъ; другіе Славяне также надѣятся добиться освобожденія. Славянскіе народы, принадлежащіе теперь нѣмцамъ или туркамъ, нѣкогда составляли самостоятельныя государства. Такъ, Чехія была прежде особымъ королевствомъ, на Балканскомъ полуостровѣ были царства Болгарское и Сербское; но въ концѣ XIV ст., послѣ несчастной для Христіанъ битвы на Коссовомъ полѣ (1389), Сербы, Болгары такъ же, какъ и Греки, были завоеваны пришедшими изъ Азіи турками, которые разорили многія Христіанскія страны. Побѣды Русскихъ ослабили Турцію и подняли духъ христіанскихъ ея подданныхъ, и вотъ Румынамъ, Грекамъ, а также части Сербскаго народа, съ помощію Россіи, удалось отвоевать себѣ свободу и образовать особыя государства. Небольшой народецъ Сербскій — Черногорцы, благодаря неприступнымъ горамъ и своему геройству, всегда умѣли отстаивать свою свободу отъ турокъ. Въ настоящее время Сербы принадлежащихъ Турціи областей Босніи и Герцеговины, лежащихъ между княжествами Сербіею и Черногоріею, доведенные до крайней нищеты громадными турецкими налогами и выведенные изъ терпѣнія ненавистью къ нимъ Турокъ, которые называютъ Христіанъ собаками, и несправедливостью турецкихъ чиновниковъ и судей, принимающихъ во всякой тяжбѣ сторону магометанъ, взялись за оружіе, чтобы добиться для себя такой же свободы, какой пользуются жители княжествъ Сербіи и Черногоріи. У возставшихъ мало средствъ для борьбы; у нихъ нѣтъ ни оружія, ни жизненныхъ припасовъ; но положеніе ихъ было до того невыносимо, что они заявляютъ рѣшительно: что хотятъ лучше быть перебитыми, чѣмъ снова покориться Турціи. Эта неравная борьба сопровождается ужасными бѣдствіями для Христіанъ: всѣ способные носить оружіе мужчины уходятъ на войну, а оставленные ими безъ защиты старики, женщины и дѣти подвергаются нападеніямъ Турокъ. Спасаясь отъ нихъ, тысячи несчастныхъ бѣгутъ въ горы и пограничныя мѣста австрійскихъ областей, населенныхъ славянами, и въ княжества Сербію и Черногорію. Такихъ бѣглецовъ считается уже сотни тысячъ; у нихъ нѣтъ ни пристанища, ни

одежды, ни пищи. Уже теперь множество несчастныхъ, особенно дѣтей, умираетъ съ голоду; когда же наступятъ холода, то положеніе ихъ сдѣлается еще ужаснѣе. Необходима скорая и щедрая помощь. Они взываютъ о ней ко всѣмъ Христіанскимъ народамъ.

Герои славянскаго возстанія противъ турокъ.

II.

На Балканскомъ полуостровѣ, въ Герцеговинѣ и Босніи потоками льется кровь единовѣрнаго и единоплеменнаго, намъ народа!

Турки, народъ дикій и варварскій, неспособный ни къ образованію, ни къ труду,—вотъ уже пять вѣковъ, къ стыду

всего христіанскаго и образованнаго міра, гнетутъ и грабятъ милліоны христіанъ, совершая надъ ними самыя дикія звѣрства, самыя вопіющія несправедливости! Ни имущество, добытое потомъ и кровью христіанъ, ни честь, ни жизнь ихъ не ограждены ничѣмъ отъ наглаго произвола и насилія любого изъ послѣдователей ученія Магомета.

Было время, когда дикія азіатскія орды были грозою для всего христіанскаго міра. Не одинъ Балканскій полуостровъ, а вся восточная Европа и многія другія христіанскія страны были наводнены, завоеваны и опустошены ими. Было время, когда Россія находилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь находятся братья наши, принадлежащіе Турціи; въ то время на рынкахъ въ средней Азіи шелъ громадный торгъ русскими плѣнниками и плѣнницами. Намъ удалось сбросить съ себя татарскія цѣпи; но еще очень недалеко отъ насъ то время, еще и ста лѣтъ не прошло съ той поры, какъ было уничтожено послѣднее разбойничье гнѣздо, пріютившееся въ Крыму и набѣгами оттуда разорявшее, заливавшее кровью и позорившее Русскую землю. Опору и поддержку татары крымскіе находили въ сильной тогда Турціи; и Россія не прежде могла подчинить своему владычеству Крымъ, какъ поколебавши могущество турецкаго султана, верховнаго владыки всего мусульманскаго міра. Походы русскихъ въ Турцію покрыли славою наше оружіе, обезопасили южныя области нашего государства и оградили нашу честь; но необыкновенная часто удача этихъ походовъ въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ той помощи, какую оказывало войскамъ славянское населеніе Турціи. Въ непріятельской странѣ войска наши чувствовали себя какъ бы дома, они всюду встрѣчали радушный пріемъ и не имѣли недостатка въ опытныхъ проводникахъ, указывавшихъ имъ путь, что очень важно въ незнакомой и притомъ такой гористой странѣ, какова Турція. На насъ лежитъ нравственный долгъ заплатить за эти услуги и оказать имъ, съ своей стороны, поддержку, въ которой они такъ нуждаются въ настоящее время.

Побѣды русскихъ, ослабивъ Турцію, подняли духъ ея христіанскихъ подданныхъ, поселили въ нихъ надежду на освобожденіе, и усилія возстававшихъ христіанъ не оставались тщетными: румынамъ, грекамъ и части Сербскаго народа удалось отвоевать себѣ свободу и образовать особыя государства. Понятно, что остальные славянскіе народы добиваются для себя такого же освобожденія и человѣческихъ правъ, и разсчитываютъ на поддержку если не всѣхъ христіанскихъ державъ, то по крайней мѣрѣ на поддержку единовѣрнаго и единоплеменнаго имъ

Русскаго народа, который на себѣ испыталъ всѣ ужасы иноплеменнаго владычества, и который въ борьбѣ съ магометанскимъ міромъ пользовался не маловажными услугами несчастныхъ турецкихъ райевъ*).

Доведенное до отчаянія звѣрствами и постоянно усиливавшимся грабительствомъ турокъ, славянское населеніе Герцеговины и Босніи прошлогоднимъ лѣтомъ взялось за оружіе. У нихъ мало было средствъ къ борьбѣ, но они рѣшились или добиться свободы, или быть перерѣзанными и перебитыми. И вотъ прошелъ годъ, а турки не могли осилить возставшихъ. Скрываясь въ неприступныхъ горахъ, боснійскіе и герцеговинскіе сербы не разъ разбивали на голову многочисленныя турецкія полчища. Своимъ самоотверженіемъ и храбростью братья наши доказали всему свѣту, что они достойны свободы, которой добиваются.

Но борьба эта сопровождалась и сопровождается страшными жертвами, страшными несчастіями для возставшихъ христіанъ. Въ то время, какъ способное носить оружіе населеніе уходитъ въ горы, чтобы, собравшись тамъ, дать врагу отпоръ и вести съ нимъ борьбу на жизнь и смерть, оставленныя безъ защиты села и деревни подвергаются нападенію турокъ. Нельзя безъ содроганія помыслить о томъ, что выносили и выносятъ наши несчастные братья славяне. Турки жгутъ и истребляютъ все встрѣчающееся имъ на пути: воздѣланныя христіанами поля, жилища, православные храмы. Деревни, села и цѣлые города ежедневно предаются пламени и исчезаютъ съ лица земли, оставляя послѣ себя однѣ только груды пепла. Всѣхъ, кто только попадается имъ въ руки, турки предаютъ мучительной смерти, не щадя ни пола, ни возраста: стариковъ, священниковъ, женщинъ, дѣвушекъ, грудныхъ младенцевъ — замучиваютъ они самымъ лютымъ образомъ, изобрѣтая такія казни, какихъ не могли придумать и древніе гонители христіанъ. Но всѣ эти звѣрства не повели ни къ чему. Нынѣшнею весною началось возстаніе и въ Болгаріи. Тогда ярость и неистовства турокъ достигли до послѣдней степени: они рѣшились истребить поголовно все христіанское населеніе возставшихъ областей. Невозможно перечислить всѣ мучительства, какимъ подвергаются безоруженные, беззащитные братья наши: съ живыхъ людей сдираютъ кожу, сажаютъ на колъ; маленькимъ дѣтямъ обрубаютъ руки и ноги и бросаютъ среди поля умирать въ мукахъ, истекая кровью; втыкаютъ грудныхъ дѣтей

*) Райя въ переводѣ на русскій значитъ „скотъ“. Такъ называютъ турки своихъ подданныхъ-христіанъ.

на вертелъ и жарятъ на огнѣ, разрубаютъ дѣтей на части и потѣшаются, бросая куски человѣческаго мяса въ воздухъ и подхватывая на ножи. Захвативъ въ какомъ-либо селѣ сотни христіанскихъ дѣвушекъ, турки опозорятъ, обезчестятъ ихъ, а потомъ, наругавшись надъ ними, сжигаютъ ихъ или распарываютъ имъ животы. Недѣли въ двѣ-три было загублено такимъ образомъ въ одной Болгаріи сотни тысячъ неповинныхъ христіанскихъ душъ. Десятки тысячъ христіанъ, избитые, обезображенные, съ отрѣзанными носами и ушами, томятся въ турецкихъ тюрьмахъ и умираютъ тамъ съ голоду, десятки тысячъ христіанскихъ дѣвушекъ и дѣтей продаются на базарахъ, какъ какой-нибудь товаръ, продаются въ рабство опять-таки на позоръ и поруганіе.

Князь Черногорскій и Сербскій не могли вынести страданій своихъ соплеменниковъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ выступили на защиту и освобожденіе ихъ.

Сначала было дѣла сербовъ и черногорцевъ пошли хорошо; они одержали нѣсколько важныхъ побѣдъ надъ турками. Но черногорское и сербское воинства не велики, они раздѣлены и имъ съ трехъ сторонъ приходится отбиваться отъ многочисленныхъ турецкихъ полчищъ; славянамъ ниоткуда нѣтъ помощи; а на помощь къ туркамъ постоянно подходятъ и изъ Азіи, и изъ Египта новыя войска. Славяне же ждутъ себѣ помощи только отъ Бога, да отъ русскаго народа, больше нѣтъ у нихъ доброжелателей! Общество русское съ осени начало оказывать помощь бѣдствующимъ братьямъ. Благодаря этой помощи спасена въ суровую зиму жизнь не одной тысячи несчастныхъ сиротъ-скитальцевъ женщинъ и дѣтей, успѣвшихъ бѣжать отъ турецкаго звѣрства въ сосѣднія страны. Но не слѣдуетъ забывать, что бѣда съ каждымъ днемъ все продолжаетъ рости; съ каждымъ днемъ число раненыхъ, изувѣченныхъ, ограбленныхъ и осиротѣлыхъ увеличивается: пусть же не оскудѣваетъ рука дающихъ! пусть всякій, до кого дошла вѣсть о вопіющей бѣдѣ братьевъ старается помочь имъ, какъ можетъ и знаетъ! Пусть каждый даетъ на благое дѣло не скупясь, сколько въ силахъ дать, и давши самъ—приложитъ стараніе расшевелить и подвигнуть на благое дѣло всякаго, въ комъ заглохло чувство народнаго родства и любви къ ближнему, но чье сердце еще не окончательно окаменѣло для добра! Кто помогаетъ ближнему—творитъ доброе дѣло, но кто въ человѣкѣ скупомъ и черствомъ разбудитъ доброе чувство любви къ ближнему и призоветъ на помощь страдальцамъ, тотъ сдѣлаетъ вдвойнѣ доброе дѣло. Господь намъ сказалъ: «Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ и научитъ тако чело-

вѣки—мній наречется въ царствіи небеснемъ: а иже *сотворитъ и научитъ*, сей велій наречется въ царствіи небеснемъ» (Матѳ. V, 19). А Онъ далъ двѣ главныя заповѣди: «возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею и всею мыслію твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себѣ*» (Матѳ. XXII, 37—40) и еще: «По сему узнаютъ, яко Мои ученицы есте, *аще любовь имате между собою*. Любовь же къ ближнимъ должна сказываться добрыми дѣлами.

На насъ лежитъ двойной долгъ помочь изнемогающимъ въ неравной борьбѣ славянамъ: они вдвойнѣ намъ близки; они наши братья по крови и по духу: они одного съ нами языка, одной вѣры. Въ глубокую старину, когда русскіе были еще язычниками, болгары и сербы были уже христіанами, и потомъ, когда Св. Владиміръ принялъ отъ грековъ христіанскую православную вѣру и крестилъ русскій народъ, то изъ Болгаріи и Сербіи получили мы, русскіе, священное писаніе на родномъ для насъ славянскомъ языкѣ; оттуда же приходили къ намъ на Русь христіанскіе пастыри и учители. Потомъ нами завладѣли татары, а ими турки. Мы освободились уже отъ татарскаго разоренія и свободно славимъ Господа, а у нихъ и теперь святые храмы поминутно сжигаются и предаются поруганію, и сами они терпятъ гоненіе и мучительства отъ турокъ именно за то, что остаются крѣпки святой православной вѣрѣ, не хотятъ измѣнить ей, не хотятъ принять магометанской вѣры, которой слѣдуютъ турки.

Русскіе! вы—христіане: поспѣшите помочь своимъ братьямъ!

III.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что съ началомъ войны дѣятельность его не только не уменьшится, но, напротивъ, должна принять большіе противъ прежняго размѣры. Вступивъ въ предѣлы Турціи, войска наши найдутъ тамъ многіе славянскіе города и села выжженными и разоренными; славянское населеніе, ради защиты котораго предпринята настоящая война,—скитающимся безъ крова, одежды и пищи по лѣсамъ и горнымъ планинамъ. Какъ скоро православнымъ русскимъ воинствомъ положенъ будетъ конецъ варварскимъ дѣйствіямъ турокъ надъ нашими братьями,—всему русскому обществу

предстанетъ другая не менѣе святая задача—воскресить разоренную страну для новой самостоятельной жизни. Залѣчить хотя отчасти тяжелыя язвы многовѣковаго турецкаго владычества и послѣдняго турецкаго погрома—вотъ та святая цѣль, которой призваны служить Славянскія благотворительныя общества въ Россіи: возстановить поруганныя и разоренныя церкви, призрѣть ограбленныхъ и осиротѣлыхъ, прокормить ихъ до первой жатвы съ свободныхъ полей, водворить миръ и порядокъ въ мѣстѣ запустѣнія и плача. Для выполненія этихъ задачъ, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, при Главномъ Управленіи гражданскою частью при дѣйствующей арміи будутъ состоять уполномоченные представители Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго Славянскихъ благотворительныхъ обществъ. Немаловажна и нелегка предстоящая этимъ обществамъ работа, для выполненія ея нужны громадныя усилія и большія денежныя средства, но Славянскія благотворительныя общества надѣются на дружное содѣйствіе и посильную помощь всѣхъ русскихъ людей.

Напечатано на подписныхъ для сбора пожертвованныхъ листахъ, выпущенныхъ въ Апрѣлѣ 1877 г.

Листокъ—Мы, *Русскіе*, принадлежимъ къ великому племени *Славянскому*—былъ первымъ въ Петербургѣ воззваніемъ о помощи Балканскимъ славянамъ, раздававшимся въ церквахъ и на улицахъ сборщиками на славянъ. Благополучно пройти черезъ цензуру помогло этому листку то обстоятельство, что только въ концѣ его говорится о Босно-Герцеговинскомъ возстаніи и о необходимости нашей помощи семействамъ возставшихъ; остальная же его часть содержитъ въ себѣ географическія, историческія и числовыя свѣдѣнія о Славянахъ. Эти свѣдѣнія были въ сущности воспроизведеніемъ по ученической тетради перваго урока, даннаго намъ, ученикамъ 4 класса Ларинской гимназіи, осенью 1864 года, только-что поступившимъ тогда въ эту гимназію молодымъ учителемъ русскаго языка и словесности—*Владиславомъ Іуліановичемъ Хорошевскимъ*. Считаю долгомъ благодарной памяти сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ достойнѣйшемъ человѣкѣ и наставникѣ. Онъ пробылъ въ нашей гимназіи одинъ только годъ; но оставилъ неизгладимый слѣдъ въ нашихъ душахъ. Сужу по себѣ. Въ то время только-что окончилось Польское возстаніе; Хорошевскій же былъ тогда католикъ, и мы считали его полякомъ. Тѣмъ удивительнѣе было намъ слышать отъ него на урокахъ церковно-славянскаго языка и начатковъ русской словесности—горячую, убѣжденную, чисто славянофильскую проповѣдь о славянскомъ единствѣ, славянскомъ братствѣ, о величіи нравственнаго подвига святыхъ Солунскихъ братьевъ Меѳодія и Кирилла; или—о нравственной красотѣ и величіи русскаго народнаго богатыря Ильи Муромца, о томъ, какое великое значеніе даетъ Русскій народъ въ своихъ бы-

левыхъ пѣсняхъ товариществу, крестовому и названному братству, стоянію другъ за друга до конца, до послѣдняго, стоянію за сирыхъ и слабыхъ;—о томъ, какъ тѣ же чувства братства, товарищества, сознаніе обязанности стоять и умирать другъ за друга и за Русь и вѣру православную—составляли силу и красоту нашего казачества. Съ глубокимъ, захватывавшимъ и насъ, чувствомъ и силой читалъ онъ намъ рѣчь передъ битвой казакамъ Тараса Бульбы, его послѣднюю здравицу: за Русь! — чтобы стояла она и красовалась вѣки вѣчные!

Не скажу, чтобы Хорошевскій первый зажегъ въ моей душѣ любовь къ России и Славянству; это чувство зародилось во мнѣ очень рано. Помню, когда мнѣ было еще только 8 лѣтъ, въ школьной хрестоматіи въ отрывкѣ изъ «Конька Горбунка» слова: „А надъ теремомъ изъ звѣздъ *Православный русскій крестъ*» приводили меня въ умиленіе, вызывавшее слезы. Еще до гимназіи девяти-десяти лѣтъ я зналъ Полтаву и Руслана Пушкина, и въ Русланѣ особенно плѣнилъ меня воитель смѣлый, мечемъ раздвинувшій предѣлы богатыхъ кіевскихъ полей—«Рогдай, надежда кіевлянъ». И о сербахъ и черногорцахъ, о ихъ борьбѣ съ турками за свободу читалъ я въ «Воскресномъ Досугѣ», когда мнѣ было 11—12 лѣтъ, а на 14-мъ году сосѣдка-старушка, вдова почтамтскаго чиновника, поляка, статскаго совѣтника Кинсовскаго, Агаѳья Ѳедотовна, подарила мнѣ оставшіеся у нея отъ мужа два выпуска Аксаковскаго Паруса съ стихотвореніемъ Хомякова «*Орелъ*». И такъ, уроки Хорошевскаго о славянскомъ братствѣ падали во мнѣ на разрыхленную почву, и тѣмъ любовнѣе я ихъ воспринималъ. И я былъ его любимымъ и лучшимъ ученикомъ, хотя сочиненія на мало занимавшія меня темы, обусловленныя гимназическою программою, писались мною неохотно и не отличались большими достоинствами.

Послѣ того, какъ Хорошевскій въ началѣ 186⁵/₆ учебнаго года ушелъ изъ Ларинской гимназіи, мнѣ не дано было счастья снова его увидѣть. Но я зналъ, что онъ былъ потомъ довольно долго директоромъ одной изъ Варшавскихъ гимназій, а затѣмъ директоромъ Волчанской учительской семинаріи. Не разъ хотѣлось мнѣ его видѣть или войти съ нимъ въ переписку. Думалось, что и ему было бы пріятно получить вѣсточку отъ своего бывшаго ученика, оставшагося вѣрнымъ его завѣтамъ и работающаго въ мѣру данныхъ ему разумѣнія и силъ надъ ихъ осуществленіемъ. Но исполненіе добраго намѣренія какъ-то все откладывалось, пока, наконецъ, въ исходѣ 1899 или 1900 года изъ статьи профессора Модестова въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ я узналъ, что мой любимый учитель, въ православіи—*Владиміръ* Юлановичъ Хорошевскій скончался. Да будетъ во вѣки благословенна его память!

Я привелъ здѣсь свои ученическія воспоминанія о Владимірѣ Юліановичѣ Хорошевскомъ также и для того, чтобы оборонить его имя отъ недостойнаго навѣта, который содержится въ упомянутой статьѣ г. Модестова. Подъ личиною участливаго соболѣзнованія г. Модестовъ чернитъ память почившаго своего товарища, заподозрѣвая чистоту побужденій, заставившихъ Вл. Іул. Хорошевскаго перейти изъ католичества въ православіе. Перемѣна вѣры, если вѣрить г. Модестову, была причиною постоянныхъ нравственныхъ страданій Владиміра Іуліановича. А между тѣмъ, онъ же, г. Модестовъ, въ той же статьѣ сообщаетъ намъ, что Хорошевскій, неохотно вообще говорившій о перемѣнѣ имъ исповѣданія, тѣмъ не менѣе, на обращенные къ нему назойливые вопросы, какъ-то высказалъ, что: «*прибявъ православіе, онъ только вернулся къ вѣрѣ отцовъ, такъ какъ предки его ныли русскіе*» (кажется, Бѣлорусы). Пишу по памяти, ибо не могъ отыскать ни у себя, ни въ редакціи № Петерб. Вѣд. со статьею г. Модестова). Гос-

подину Модестову это объяснсніе кажется неискреннимъ и натянутымъ, и онъ не даетъ ему вѣры. Но да будетъ *ему* за это стыдно! Для меня, бывшаго ученика В. Ю. Хорошевскаго, приведенное его объясненіе не только вполнѣ достовѣрно, но оно вполнѣ объясняетъ и то, казавшееся малопонятнымъ въ полякѣ, глубоко русское чувство любви къ казачеству, къ Россіи, то одушевленіе, съ которымъ онъ намъ читалъ Тараса Бульбу и его предсмертную здравицу «за Русь!»

Да, кромѣ того,—думаю, сверстники мои по гимназіи это подтвердятъ: отличительными свойствами Хорошевскаго были какое-то особенное благородство и прямота. Всегда утонченно, до нѣжности, вѣжливый въ обращеніи, онъ нервно дрожалъ и становился блѣденъ, какъ полотно, всякій разъ, когда замѣчалъ неискренность въ ученикѣ, попытку солгать или обмануть. Неискренности, нечистоты побужденій въ немъ самомъ и особенно въ такомъ важномъ, скажу—святомъ для него дѣлѣ, какъ сопричисленіе себя къ народности и вѣрѣ,—немыслимо допустить; и тому, кто ихъ въ немъ заподозрѣлъ, повторяю: да будетъ стыдно! Возсоединяясь съ православіемъ, Владиміръ Юліановичъ Хорошевскій *возвращался къ вѣрѣ отцовъ.* Этимъ все сказано, и сказано достаточно для тѣхъ, кто знаетъ какъ еще въ самомъ началѣ своей наставнической дѣятельности смотрѣлъ Хорошевскій на дѣло Св. Кирилла и Меѳодія и на борьбу Малороссійскаго казачества съ католическою Польшею за Русь и за вѣру отцовъ!

Огонь любви и вѣры вдохновенной
Въ моей груди, о братья, не угасъ,
И я живу надеждою священной
Своимъ огнемъ зажечь сердца у васъ.

9 марта 1882 г.

Споръ съ кн. А. И. Васильчиковымъ.

Въ Общемъ собранiи членовъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета *5 декабря 1876 г.* Предсѣдателемъ Отдѣла кн. А. И. Васильчиковымъ прочитанъ былъ составленный имъ докладъ о нуждахъ южно-славянскихъ семействъ, разоренныхъ возстанiемъ, и о средствахъ, на какiя можетъ разсчитывать Славянскiй Комитетъ для удовлетворенiя этихъ нуждъ.

Полагая, что русское общество не въ состоянiи будетъ доставить эти средства въ необходимомъ количествѣ, князь Васильчиковъ находилъ полезнымъ, «во-первыхъ, разсѣять преувеличенныя надежды, возлагаемыя въ Славянскихъ земляхъ на пособiя русскихъ благотворительныхъ обществъ и, во-вторыхъ... предостеречь и нашу русскую публику отъ увлеченiй, обнаруживающихся въ необдуманномъ, хотя и очень великодушномъ желанiи удовлетворить всѣ требованiя, помочь всѣмъ нуждамъ, лѣчить раненыхъ, призрѣвать бѣдныхъ, кормить голодныхъ и т. д.». Въ заключенiи доклада говорится: «мы можемъ засвидѣтельствовать передъ образованной и либеральной Европой, что русскiй народъ исполнилъ честно свой христiанскiй и человѣческiй долгъ, что онъ внесъ въ суму нищихъ свою посильную лепту въ 3 милл. рублей и продолжаетъ понынѣ удѣлять изъ своихъ скудныхъ сбереженiй по 6 тыс. руб. въ день на пособiе бѣднымъ, нагимъ и голоднымъ. Наконецъ, мы можемъ еще прибавить, что вотъ этотъ-то русскiй *бѣдный* народъ призываетъ нынѣ, ради Христа и человѣчества, другiе *богатые* народы принять въ дѣлѣ спасенiя вымирающаго христiанскаго населенiя въ Турцiи такое же участiе, такую же долю расходовъ, какую онъ посiе время, въ теченiе цѣлыхъ 14-ти мѣсяцевъ, безъ всякихъ субсидiй безъ помощи капиталовъ, займовъ и банковъ, несъ и несетъ одинъ. Да услышатъ же они нашъ гласъ моленiя «о плачущихъ, болѣзнующихъ, чающихъ Христова утѣшенiя».

Послѣ доклада Общему Собранiю явилось предположенiе, это *моленiе къ Европѣ* перевести на иностранные языки и напечатать отъ имени Славянскаго Комитета въ важнѣйшихъ Европейскихъ газетахъ. Тогда 11 членовъ Отдѣла подали въ Исполнительное Присутствiе Отдѣла слѣдующее заявленiе:

«5 декабря въ послѣднемъ общемъ собранiи гг. членновъ Петербургскаго Отдѣла, г. предсѣдателемъ былъ прочитанъ докладъ о нуждахъ Южныхъ Славянъ и о средствахъ, необходимыхъ для удовлетворенiя этихъ нуждъ. Докладчикъ сдѣлалъ заключенiе, что Русское общество врядъ-ли будетъ въ состоянiи оказать Южнымъ Славянамъ надлежащую помощь, и предложилъ Петербургскому Отдѣлу обратиться съ приглашенiемъ о помощи разореннымъ Славянамъ къ нашимъ, какъ

сказано въ докладѣ, *старѣйшимъ братьямъ*, т. е. къ Западно-Европейскимъ націямъ, которыя несравненно богаче Русскаго общества и на которыя поэтому возлагается больше надеждъ. Въ виду бѣдности простого нашего народа (который, какъ извѣстно, былъ самымъ усерднымъ жертвователемъ на Славянское дѣло), г. предсѣдатель высказалъ даже сомнѣніе въ нравственномъ правѣ обращаться къ нему съ приглашеніемъ помочь Славянамъ.

Обращеніе къ Западной Европѣ предположено сдѣлать посредствомъ напечатанія означеннаго доклада въ наиболѣе распространенныхъ Европейскихъ газетахъ, для чего предпринимается переводъ доклада на иностранные языки.

Нижеподписавшіеся, признавая злѣйшими врагами Россіи въ дѣлѣ освобожденія Славянъ этихъ *старѣйшихъ и богатѣйшихъ нашихъ братьевъ*, благодаря которымъ только и держится до сихъ поръ Турецкое господство и пролито напрасно столько Русской крови въ Севастопольскую войну, которые и въ настоящее время прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы помѣшать удовлетворительному рѣшенію Южно-Славянскаго дѣла, протестуютъ противъ предположеннаго обращенія отъ имени Славянскаго Комитета къ Западной Европѣ съ воззваніемъ о помощи Славянамъ, такъ какъ считаютъ такое обращеніе неприличнымъ для Комитета и оскорбительнымъ для Русскаго народа.

Какъ ни бѣденъ Русскій народъ, въ сравненіи съ народами Запада, но подписавшіеся привыкли думать, что только отъ Русскаго, а не отъ Западно-Европейскихъ народовъ, можно Южнымъ Славянамъ ожидать спасенія какъ отъ рабства, такъ и отъ голодной смерти.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, нижеподписавшіеся обращаются къ Исполнительному Присутствію съ покорнѣйшею просьбою—не печатать доклада г. предсѣдателя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ прочитанъ въ общемъ собраніи 5 декабря, до обсужденія настоящаго заявленія въ слѣдующемъ Общемъ собраніи. 7 декабря 1876 г. Члены Отдѣла: *Аѳ. Васильевъ, А. Осиповъ, А. Домій, Н. Пяткинъ, А. Васильева, М. Молчанъ, Н. Владиміровъ, А. Денисьевъ, Г. Шендзиковскій, А. Поршняковъ и Е. Сутковскій*».

Въ общемъ собраніи 9 Января 1877 г.

Кн. А. И. Васильчиковъ обратился къ общему собранію съ слѣдующею рѣчью:

«М.м. г.г.! Такъ какъ докладъ, противъ коего подано заявленіе, былъ читанъ и составленъ мною, то я считаю долгомъ представить собранію мои

объясненія. Я считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что подобныя недоразумѣнія, если бы они повторялись, могли бы привести насъ къ рѣзкому разногласію. Впрочемъ, я долженъ сказать, что въ заявленіи, поданномъ противъ доклада и подписанномъ 11 членами, я не нахожу твердыхъ основаній и надѣюсь, что мнѣ не трудно будетъ это доказать.

Я раздѣлю мой отвѣтъ на двѣ части: на формальную сторону вопроса и на самое существо дѣла, какъ оно изложено въ поданномъ заявленіи.

Формальный порядокъ былъ соблюденъ въ этомъ случаѣ въ строжайшемъ смыслѣ: проектъ доклада, составленный мною по порученію Исполнительнаго Присутствія, былъ предварительно прочитанъ и одобренъ Присутствіемъ и потомъ доложенъ собранію и былъ встрѣченъ рукоплесканіями, которыя должны были быть приняты за единогласное одобреніе, потому что никакихъ возраженій не было заявлено. На основаніи этого, Присутствіе сочло себя въ правѣ сдѣлать переводъ этого доклада и разослать его нѣкоторымъ лицамъ, преимущественно въ Англіи, которыя неоднократно заявляли свое сочувствіе Славянскому дѣлу и въ своемъ отечествѣ протестовали противъ политики, враждебной Славянамъ и Россіи. Формальный порядокъ, повторяю, былъ при этомъ вполнѣ соблюденъ, и мнѣнія, изложенныя въ докладѣ, утверждены одобреніемъ Общаго собранія. Затѣмъ я перехожу къ самому существу возбужденнаго вопроса.

Но прежде я долженъ еще замѣтить, что наши почтенные опоненты не совсѣмъ точно цитируютъ выраженіе доклада: они говорятъ, между прочимъ, что въ докладѣ упоминается о какихъ-то «старшихъ и богатыхъ братьяхъ» разумѣя подъ этимъ Западно-Европейскіе народы, и въ этихъ словахъ, которыя они подчеркнули, усматриваютъ они униженіе Русскаго народа передъ другими. Но, во-первыхъ, этихъ словъ я въ моемъ докладѣ вовсе не употребилъ, и если угодно справиться, то вотъ печатный экземпляръ моей рѣчи, въ которомъ этихъ выраженій нѣтъ. Я вообще, М.м. Г.г., избѣгаю такихъ выраженій въ переносномъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, «старшіе братья», «младшіе братья» и «братья Славяне», и стараюсь означать всякій предметъ по своему названію и точному смыслу: братьями, по-Русски, называются люди, родившіеся отъ однихъ родителей, и только въ этомъ смыслѣ я и употребляю эти слова.

Но я все-таки не вижу, въ чемъ этотъ намекъ на бѣдность нашего народа можетъ его унизить. Бѣдность—не порокъ. Или Вы думаете, господа, что это заявленіе несправедливо, что нашъ народъ не бѣденъ, что онъ имѣетъ такіе излишки денежныхъ и образовательныхъ средствъ, что можетъ удѣлять ихъ безъ мѣры и счета другимъ націямъ? Или Вы полагаете, что не надо выметать сора изъ избы, что наша относительная бѣдность составляетъ государственную тайну, которую не слѣдуетъ разглашать предъ Европою?

Я, напротивъ, думаю, что нельзя воздать высшую хвалу какому-нибудь лицу, или обществу, или народу какъ-то, что онъ удѣляетъ изъ своихъ скудныхъ сбереженій трудовые свои гроши на помощь другимъ нуждающимся, и этимъ я думалъ не унизить нашъ народъ, а, напротивъ, выставить такую черту, которая несомнѣнно внушитъ къ нему полное уваженіе честныхъ людей всѣхъ странъ. По этимъ-то соображеніямъ я и упомянулъ въ докладѣ о сомнѣніи, которое представилось мнѣ и нѣкоторымъ другимъ нашимъ сочленамъ: имѣемъ ли мы право? (разумѣется нравственное право) вызывать на новыя пожертвованія такъ называемыя податныя сословія, то есть тѣ классы сельскихъ и городскихъ обывателей, которые и безъ того несутъ главныя тягости нашего государственнаго строя; мы формулировали это такъ, что если бы признано было нужнымъ обратиться съ

новыми воззваніями о пожертвованіяхъ къ Русскому обществу, то можно бы обратиться къ предводителямъ дворянства, къ городскимъ головамъ и другимъ представителямъ среднихъ и высшихъ классовъ, но только не къ сельскимъ священникамъ и волостнымъ начальствамъ. Но и это мы выразили только условно, какъ сомнѣніе, вкравшееся въ нѣкоторыхъ изъ насъ и зависящее отъ обстоятельствъ.

Далѣе, М.м. Г.г., я нахожу въ мнѣніи, поданномъ противъ доклада такія рѣзкія выраженія, «что всѣ Западные народы должны быть признаны злѣйшими врагами Россіи» и что поэтому обращеніе къ нимъ оскорбляетъ Русскій народъ. Я позволю себѣ отвѣчать, что въ этихъ словахъ отзывается смѣшеніе двухъ понятій, совершенно отличныхъ: изъ того, что въ нѣкоторыхъ странахъ правительственные классы или политическія партіи, или журналы, состоящіе съ ними въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ, обнаруживаютъ враждебность противъ Россіи, нельзя заключить, чтобы самые народы были наши злѣйшіе враги. Мнѣ даже сдается, что если бы можно было спросить народы, то они подали бы изъ всѣхъ странъ одно мнѣніе: бросить всю эту воинственную политику, вооруженія и ополченія, оставить ихъ при мирныхъ ихъ занятіяхъ и подать руку помощи, кромѣ Турецкой райи, и другимъ райямъ, которыхъ много во всѣхъ странахъ.

Вотъ почему мы и думали, что можемъ обратиться въ дѣлѣ благотворительности къ человѣколюбію всѣхъ безъ различія національностей. На самомъ дѣлѣ мы полагали дѣйствовать такъ: къ народамъ мы, разумѣется, и не можемъ обратиться, потому что невозможно и смѣшно было бы адресовать наши отзывы Англійскому или Французскому народу, и наши посланія по такимъ адресамъ не дошли бы. Мы только имѣли въ виду сообщить нѣсколькимъ лицамъ, намъ извѣстнымъ, и которыхъ мы называемъ не врагами и не братьями, а просто по имени: «Милостивый Государь NN», тѣ свѣдѣнія, которыя до насъ дошли, и пригласить ихъ къ содѣйствію общему дѣлу человѣчества и христіанства,—вотъ и все. Дѣло это, какъ Вы изволите видѣть, гораздо проще и скромнѣе, чѣмъ оно было представлено въ заявленіи, поданномъ нашими почтенными опонентами.

Въ заключеніе, позвольте мнѣ прибавить нѣсколько словъ, уже не въ качествѣ предсѣдателя, а прямо отъ себя, какъ личное мое заявленіе: Я, М.м. Г.г., между Вами одинъ изъ младшихъ членовъ, такъ какъ я поступилъ въ члены Отдѣла только въ прошедшемъ году, поэтому я можетъ быть не посвященъ въ традиціи Славянскаго дѣла. Но мнѣ кажется, что ничто не можетъ столько повредить этому дѣлу, какъ система исключеній, все равно — относится ли она къ частнымъ лицамъ или къ обществамъ, сословіямъ и народамъ, и противъ этой системы я буду всегда всѣми силами протестовать».

А. В. Васильевъ сказалъ слѣдующее: «Какъ одинъ изъ членовъ, подписавшихъ протестъ противъ доклада г. предсѣдателя, читаннаго въ общемъ собраніи 5 декабря, я, прошу позволенія сказать Вамъ, Мм. Гг., отъ себя и отъ имени другихъ лицъ, подписавшихся на протестѣ, нѣсколько словъ въ его защиту и въ отвѣтъ на только-что выслушанное Вами возраженіе г. предсѣдателя.

Г. предсѣдатель, останавливаясь на формальной сторонѣ дѣла, находитъ нашъ протестъ запоздалымъ, такъ какъ въ прошломъ собраніи, когда кн. Васильчиковымъ прочитанъ былъ

докладъ, возраженій на этотъ докладъ не послѣдовало, а, напротивъ, раздались рукоплесканія, и потому докладъ долженъ бы считаться принятымъ.

Дѣйствительно, на рѣчь кн. Васильчикова въ прошломъ собраніи не послѣдовало возраженій и были рукоплесканія этой рѣчи. Но эти рукоплесканія показываютъ только, что рѣчь князя понравилась нѣкоторымъ, можетъ быть, и многимъ изъ присутствовавшихъ, но были и нерукоплескавшіе. Возраженія же со стороны послѣднихъ не послѣдовало потому, что собранію не было сдѣлано никакого предложенія касательно перевода произнесенной рѣчи на иностранные языки и напечатанія ея отъ имени Славянскаго Комитета въ иностранныхъ газетахъ, а потому и рѣшенія по этому предмету въ прошломъ собраніи никакого состояться не могло. Узнавъ же о томъ, что рѣчь г. предсѣдателя переводится на иностранные языки для помѣщенія въ европейскихъ газетахъ (такое намѣреніе дѣйствительно было) и что она печатается отдѣльной брошюрою на англійскомъ языкѣ для разсылки отъ имени Славянскаго Комитета, мы сочли долгомъ предъявить прочитанный сейчасъ г. секретаремъ протестъ и считаемъ его вполнѣ своевременнымъ и умѣстнымъ.

Затѣмъ я перехожу къ объясненію вопроса по существу.

Протестуя противъ рѣчи кн. Васильчикова, противъ предлагаемаго имъ обращенія къ Западно-Европейскимъ обществамъ съ просьбою о помощи Южнымъ Славянамъ, мы исходимъ изъ слѣдующихъ оснований:

По нашему мнѣнію, цѣль всей благотворительности Славянскихъ Комитетовъ—это содѣйствіе освобожденію политическому и духовному угнетенныхъ Славянскихъ народовъ.

Всѣмъ Вамъ, М. м. Г г., конечно извѣстно, что именно тѣ народы, тѣ Западно-Европейскія общества, къ которымъ намъ предлагаютъ обратиться за помощью Славянамъ, были и остаются по настоящее время главными виновниками Славянской неволи, ревностными союзниками и пособниками Турокъ, а слѣдовательно, и участниками, хотя бы только косвенными, турецкихъ грабежей, насилія и звѣрствъ, которымъ подвергаются Балканскіе Славяне. Народы Запада ополчились противъ насъ въ пятидесятыхъ городахъ, чтобы лишить Южныхъ Славянъ того заступничества и покровительства, которыя оказывала имъ Россія. Благодаря покровительству, которое оказываетъ Европа Турціи, благодаря ея противодѣйствію Россіи, совершается въ теченіе полутора года чуть не поголовное избіеніе нашихъ братьевъ въ возставшихъ мѣстностяхъ. Всякій честный человѣкъ согласится, что всѣ усилія Европей-

ской дипломатіи за эти полтора года направлены были и направляются къ тому, чтобы, насколько возможно, ограничить требованія Русскаго правительства, чтобы по возможности меньше дать Славянамъ, свести дѣло на пустыя, внѣшнія, ничего не стоющія улучшенія и оставить на ихъ шеѣ прежнее турецкое ярмо.

Намъ возразятъ: то правительства, а мы обращаемся къ общественной совѣсти западныхъ народовъ. Но мы не думаемъ, чтобы можно было проводить рѣзкое различіе между европейскими правительствами и европейскими обществами по отношенію ихъ къ Славянскому дѣлу и къ Россіи. Та-же вражда къ намъ, то-же желаніе замять дѣло безъ удовлетворительнаго его рѣшенія, которыя руководятъ европейскими дипломатами,—обнаруживаются ежедневно и въ европейской печати. А сколько европейцевъ добровольно поступаютъ въ турецкіе ряды и руководятъ турецкимъ оружіемъ! И это явленіе понятно.—Нѣкоторые изъ западныхъ народовъ занимаютъ по отношенію къ Славянамъ такое же положеніе, какъ и Турція: Англія вмѣстѣ съ Турціею, эксплуатируетъ Балканскихъ Славянъ, питается ихъ соками, поэтому она и вооружаетъ Турцію на борьбу съ Россіею и Славянами, съ цѣлью продлить рабство послѣднихъ; Нѣмцы эксплуатируютъ нравственно милліоны Западныхъ и Южныхъ Славянъ, милліоны Русскаго народа.

Вотъ почему обращеніе Славянскаго Комитета съ просьбою о помощи нашимъ братьямъ къ Европѣ находимъ мы неумѣстнымъ для Комитета и несогласнымъ съ достоинствомъ и честью Русскаго народа.

Мы знаемъ, что на Западѣ есть честные и добрые люди, соболѣзнующіе Славянамъ и готовые помогать имъ; но мы думаемъ, что для этихъ добрыхъ людей на Западѣ достаточно краснорѣчивыми ходатаями за Славянъ являются тѣ вопіющія событія, которыя совершаются на Балканскомъ полуостровѣ и которыя имъ, конечно, также хорошо извѣстны, какъ и намъ; обращеніе же Славянскаго Комитета не можетъ имѣть особенной цѣны въ ихъ глазахъ, такъ какъ и лучшіе тамошніе люди все-таки недовѣрчиво и недоброжелательно относятся къ Россіи.

Мнѣ возражали нѣкоторые, что въ рѣчи кн. Васильчикова выражается не просьба; а, напротивъ, дѣлается довольно ловкій укоръ Западнымъ обществамъ: мы-де бѣднѣе васъ, а исполняемъ свой христіанскій долгъ, дѣлаемъ свое дѣло, а вы-де богаты и только говорите, а ничего не дѣлаете. Но такой упрекъ былъ бы, во первыхъ, несправедливъ такъ какъ и на Западѣ кое-что дѣлалось и дѣлается добрыми людьми въ пользу

Славянъ; если же тамъ сдѣлано меньше, нежели у насъ, то вѣдь Славянское дѣло гораздо ближе насъ касается, нежели ихъ; во вторыхъ, по нашему мнѣнію, въ кругъ обязанностей Славянскаго Комитета входитъ поддержка и развитіе общенія съ Славянскими землями и воспитаніе Русскаго общества въ національномъ и Славянскомъ духѣ, поучать же Западно-Европейскія общества, читать имъ нравоученія—для Славянскаго Комитета дѣло вовсе неподходящее. Въ этомъ отношеніи мы держимся вполнѣ взгляда, высказаннаго однимъ изъ величайшихъ Русскихъ дѣятелей въ области мысли и въ сферѣ практической жизни, Ю. Ѳ. Самаринымъ, который говоритъ въ предисловіи къ «Окраинамъ Россіи»: «съ Франціею, Англіею и Германіею мы можемъ спорить, договариваться, входить въ соглашенія и сдѣлки, какъ держава съ державою, но оправдываться передъ тамошнею публикою и стараться вразумить ее, значило бы только безъ всякой пользы жертвовать своимъ достоинствомъ и пускать слова на вѣтеръ». По мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина единственная среда, къ которой мы можемъ относиться нашею народною совѣстью, это—міръ Славянскій. Россія и Славянскія земли—достаточно широкое поле для дѣятельности Славянскаго Комитета; на нихъ должно быть обращено все его вниманіе. Если же мы будемъ забѣгать съ поклонами къ Западной Европѣ, или вздумаемъ дѣлать упреки, читать нравоученія тамошнимъ обществамъ, то мы пойдемъ по ложному пути, и насъ гораздо справедливѣе могутъ упрекнуть въ равнодушіи къ Славянскому дѣлу, потому-что, дѣйствительно, до настоящаго времени главнымъ жертвователемъ въ Россіи на это дѣло былъ простой народъ; достаточные же наши классы, нельзя не сознаваться, принимали слабое участіе въ пожертвованіяхъ. Это заключеніе вытекаетъ изъ доклада кн. Васильчикова, потому-что, еслибы и зажиточные классы нашего общества принимали близко къ сердцу Славянское дѣло, если бы каждый давалъ на него отъ своихъ достатковъ сколько можетъ, сколько въ силахъ дать, то, конечно, тѣ два три милліона, которые требуется собрать въ теченіе года, не могли бы никому показаться жертвою черезъ чуръ обременительною для восьмидесяти-милліонной Россіи. Задача нашего Комитета въ томъ и состоитъ, чтобы пробудить и укрѣпить духъ гражданства и самодѣятельности въ тѣхъ сферахъ нашего общества, которыя бѣдны этимъ духомъ, въ которыхъ слабо сознаніе національнаго долга.

Намъ хорошо извѣстна бѣдность нашего простого народа, но, какъ ни бѣденъ онъ, какъ ни много у него своихъ собственныхъ нуждъ, Славянское дѣло слишкомъ близко ка-

сается интересовъ, достоинства, чести России, и потому мы твердо знаемъ, что народъ нашъ, при всей своей бѣдности, не остановится ни передъ какими жертвами ради этого дѣла.

Намъ уже теперь предлагаютъ обратиться за помощью къ Европейскому обществу! А если не сегодня-завтра России придется вести войну, защищая Славянское дѣло? Мы не знаемъ, которыя изъ Европейскихъ государствъ, а слѣдовательно, и обществъ увидимъ мы въ числѣ нашихъ враговъ, и останется ли кто нибудь изъ теперешнихъ союзниковъ на нашей сторонѣ; тогда потребуется во 100 разъ болѣе жертвъ—у кого тогда мы будемъ просить помощи? Если люди достаточные останутся и тогда равнодушными къ общему дѣлу, то, конечно, всю тяжесть борьбы придется вынести на своихъ плечахъ простому народу. Но что-же дѣлать: и въ смутное время на Руси князья и бояре продали было отчизну иноземцамъ; отстоялъ же ее руководимый духовенствомъ простой народъ, который готовъ былъ отдать все, заложить женъ и дѣтей, чтобы только спасти честь и самостоятельность Родной Земли.

Поэтому я позволю себѣ еще разъ повторить, что вниманіе Славянскаго Комитета должно быть обращено на наше Русское общество; его обязанность—ознакомить всю Россію съ положеніемъ Славянскаго дѣла и привлечь въ ней всѣхъ и каждаго на служеніе этому дѣлу; при этомъ Комитетъ постоянно долженъ имѣть въ виду, что Славянство въ борьбѣ за существованіе и свободу можетъ разсчитывать исключительно на свои внутреннія силы, а не на поддержку Западныхъ народовъ.

Въ заключеніе я прошу г. предсѣдателя предложить на рѣшеніе Общаго собранія вопросъ: слѣдуетъ ли переводить на иностранные языки читанный въ собраніи 5 декабря докладъ и печатать его въ видѣ обращенія Славянскаго Комитета къ Западно-Европейскимъ обществамъ или не слѣдуетъ?

А. А. Кирѣевъ, съ своей стороны, въ подтвержденіе мнѣнія кн. Васильчикова сказалъ:

«Ежели бы дѣло шло о томъ, чтобы завоевать какія либо политическія права для Славянскихъ народовъ, я бы могъ еще объяснить себѣ нежеланіе прибѣгать къ иноземной помощи; можно бы взглянуть на Славянское дѣло, какъ на такое, которое мы желаемъ и можемъ рѣшить своими средствами. Но вѣдь здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы достать денегъ на хлѣбъ для людей, умирающихъ съ голода, тутъ дѣло становится на болѣе широкую почву, на почву христіанскую, превышающую болѣе узкую идею національности. По этому я нахожу необходимымъ обратить вниманіе собранія на то обстоятельство, что отказываться отъ возможности получить какую либо помощь изъ-за границы можно лишь въ случаѣ, если мы будемъ совершенно увѣрены получить отъ насъ самихъ все то, что будетъ нужно для Славянъ. Но въ этомъ я не убѣжденъ; я, напротивъ, думаю,

что намъ будетъ невозможно получить достаточно матеріальныхъ средствъ для покрытія всѣхъ нуждъ, безотлагательныхъ!»...

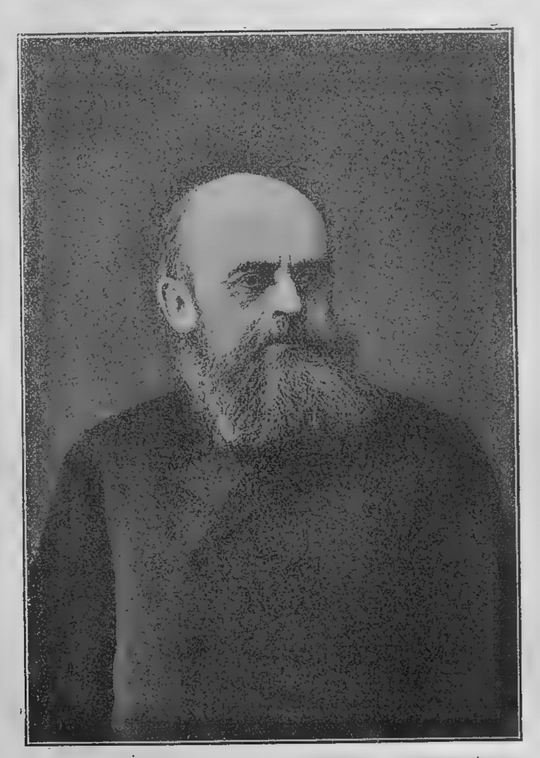
«Не могу не сочувствовать, заявилъ *Г. А. Де-Воланъ*, нѣкоторымъ мыслямъ, высказаннымъ г. Васильевымъ, и только позволю себѣ возразить одно. Слова его: «Западные народы не хотятъ ничего сдѣлать для Славянъ и незачѣмъ обращаться къ нимъ за помощью»—не справедливы. Англичане въ настоящее время собрали громадныя суммы (200.000 ф. ст.) и разъѣзжаютъ по Сербіи для подачи помощи голодающему населенію. Ими же выстроены бараки и устроены народныя кухни. Скажу даже больше, они своею поспѣшною помощью разоренным округамъ Сербіи, предупредили Славянскіе Комитеты, которые, по недостатку средствъ, не могутъ сдѣлать столь громадныхъ затратъ. Не будемъ входить въ мотивы этой благотворительности: въ нихъ, можетъ быть скажутъ, кроется коварный умыселъ выставить себя за истинныхъ друзей Славянства.

Значитъ, фактъ матеріальной помощи со стороны Англіи не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается противодѣйствія политическому освобожденію Славянъ, то только одна Австрія сознательно ненавидитъ ихъ, и въ порабощеніи ихъ видитъ свое назначеніе. Въ Англіи долженъ совершиться со временемъ коренной поворотъ общественнаго мнѣнія, который отразится и на политикѣ этого государства. Такъ было со всѣми великими вопросами человѣчества. Англія, извлекавшая громадные доходы торговлею невольниками, отказалась отъ этихъ выгодъ и явилась поборницею человѣческой свободы. Освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ привѣтствовалось лучшими людьми Англіи, какъ заря новой жизни. Обращаясь къ Англійскому народу, мы не можемъ упрекать его въ томъ, что онъ не желаетъ принести матеріальной помощи Славянамъ. Этотъ упрекъ противорѣчилъ бы фактамъ. Мы въ правѣ сказать имъ: Вы ошибаетесь, Вы не хотите признать права на жизнь и свободу за народами, которые, по своему развитію, стоятъ все-таки выше негровъ. Вы боитесь возрожденія Славянской расы, но это предразсудокъ. Политическіе дѣятели Вашей страны, когда они проникнутся великимъ ученіемъ Христа, будутъ способствовать, ратовать за свободу Славянъ. Они откажутся отъ прежней политики. Исторія Вашего народа служитъ намъ лучшимъ залогомъ, что эта перемѣна совершится и совершится скорѣе, чѣмъ думаютъ многіе».

О. Ө. Миллеръ, возражая на слова г. Денисьева, что Западная Европа въ своей помощи Славянамъ можетъ руководствоваться только гуманностью, тогда какъ мы руководствуемся національными интересами, сказалъ: «Въ словахъ этихъ заключается противоположеніе начала гуманности началу національности, а такое противоположеніе есть застарѣлый предразсудокъ. Гуманность и національзмъ вполнѣ совмѣстимы. Истинная гуманность требуетъ признанія человѣческихъ правъ за всѣми національностями». Мы должны радоваться, если на Западѣ пробудится, наконецъ, по отношенію къ Славянамъ не что иное, какъ такая гуманность, именно во имя ея мы и должны взывать къ народностямъ Запада: признайте же, наконецъ, за Славянскимъ міромъ тѣ права на самостоятельное существованіе и развитіе, которыя давно уже признаны за Вами самими. Признайте на первый разъ за Славянами хоть самыя насущныя человѣческія права! Первое изъ нихъ, конечно, право не умереть съ голода. Помогите же намъ не дать умереть съ голоду и нашимъ братьямъ; они вѣдь и Ваши братья по человѣчеству!

Если г. Васильевъ сослался на мнѣніе покойнаго Ю. Ө. Самарина, что намъ нечего ждать отъ Запада и незачѣмъ обращаться къ нему, то онъ не принялъ въ соображеніе, что мнѣніе это вызвано исключительно политическими отношеніями Запада къ Славянскому міру. Ни Самаринъ,

ни Хомяковъ и никто изъ настоящихъ славянофиловъ никогда не проповѣдывали расторженія человѣческой связи между нами и Западнымъ міромъ. Національное самомнѣніе, гордая замкнутость, похвальба, что мы сами все сдѣлаемъ, составляла для нихъ ту «людскую гордыню», которая прямо осуждась высоко нравственнымъ ихъ ученіемъ. Они всегда говорили, что



Ор. Миллер

узкій національзмъ не въ нашемъ народномъ духѣ. Этотъ узкій національзмъ чрезвычайно опасенъ. Мы еще такъ недавно были свидѣтелями до какихъ вопіющихъ мерзостей можетъ онъ довести. Вспомнимъ только и примемъ себѣ за предостереженіе Пештскихъ студентовъ».

А. В. Васильевъ возразилъ на слова О. Ѳ. Миллера, А. А. Кирѣева и Г. А. Де-Волана слѣдующее:

«Что касается сущности дѣла, т. е. вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ намъ обращаться къ Западу съ просьбою о помощи славянамъ, то всѣ возраженія мнѣ и лицамъ, раздѣляющимъ мое мнѣніе объ этомъ предметѣ, сводятся къ тому: на Западѣ есть добрые люди, сочувствующіе и помогающіе Славянамъ; слѣдовательно—дѣлается выводъ — мы должны обратиться туда съ своимъ ходатайствомъ. Но я, признаюсь, не вижу законной связи между положеніемъ и заключительнымъ изъ него выводомъ. Повторяю то, что уже сказано было мною раньше: существованія добрыхъ людей на Западѣ никто оспаривать не станетъ; но тѣмъ не менѣе мы остаемся при томъ убѣжденіи, что не дѣло Славянскаго Комитета указывать Западно-Европейской благотворительности дорогу помощи Славянамъ; она, если захочетъ, найдетъ ее и безъ нашихъ указаній, наши же просьбы, по моему мнѣнію, не принесутъ дѣлу ровно никакой пользы, а могутъ дать только поводъ глумиться надъ нами.

Затѣмъ перехожу къ упреку въ узкомъ націонализмѣ, сдѣланному мнѣ О. Ѳ. Миллеромъ, и къ высказанному имъ мнѣнію, что понятія объ истинной гуманности и истинномъ націонализмѣ не находятся въ противорѣчіи между собою. Упрекъ въ узкомъ націонализмѣ я считаю не идущимъ къ дѣлу. Что касается взаимнаго отношенія между понятіями гуманности и національности, то я вполнѣ согласенъ съ О. Ѳ. Миллеромъ, что эти понятія, по ихъ сущности, не находятся въ противорѣчіи между собою. Истинно гуманный человѣкъ, по моему мнѣнію, необходимо долженъ признавать за человѣкомъ другой націи или цѣлымъ народомъ ихъ національныя права, т. е. право на сохраненіе народныхъ особенностей, на независимую жизнь, на свободное и самостоятельное развитіе и дѣятельность. Но я держусь также того убѣжденія, что фактическое положеніе Западно-Европейскихъ народовъ относительно Славянскихъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ таково, что ихъ національные интересы, какъ они ими самими, быть можетъ, и неправильно понимаются, дѣйствительно находятся въ противорѣчіи съ требованіями справедливости и гуманности. Богатство и могущество нѣкоторыхъ Западныхъ народовъ зиждутся на рабствѣ и эксплуатаціи другихъ народовъ; такъ, Англія господствуетъ надъ Индіею и косвенно надъ Балканскимъ полуостровомъ, гнететъ живущіе тамъ народы и питается ихъ соками; Нѣмцы держатъ въ рабствѣ, гнетутъ и эксплуатируютъ Славянъ. Ясно, что національныя выгоды Англичанъ и Нѣмцевъ заставляютъ ихъ противиться освобожденію Славянъ, и вотъ тутъ-то національныя

требованія Европейскихъ народовъ рѣзко противорѣчатъ требованіямъ гуманности. Г. А. Де-Воланъ въ своей рѣчи указалъ на то, что въ воззрѣніяхъ народовъ иногда совершается быстрый переломъ, и высказалъ надежду, что начало гуманности и справедливости восторжествуетъ и на Западѣ. Мы готовы раздѣлить съ нимъ эту надежду; но мы не думаемъ, чтобы осуществленіе ея было особенно отъ насъ близко. Коренной поворотъ въ воззрѣніяхъ Западно-Европейскихъ обществъ на Славянъ и въ отношеніяхъ ихъ къ намъ можетъ, по моему мнѣнію, произойти только тогда, когда Славяне перестанутъ быть у нихъ въ рабствѣ. Начало истинной гуманности только тогда окончательно восторжествуетъ въ средѣ Западно-Европейскихъ народовъ, когда падетъ господство ихъ надъ другими народами.

Сейчасъ, когда я говорилъ, что богатство и могущество Западныхъ народовъ основаны на рабствѣ и эксплуатаціи другихъ народовъ, мнѣ послышался съ противной стороны вопросъ: «А мы?» Я признаюсь, плохо понимаю значеніе, смыслъ этого вопроса и просилъ бы того, кому онъ принадлежитъ, высказаться по этому предмету яснѣе. Съ своей же стороны, ограничусь замѣчаніемъ, что въ Славянскомъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, національные интересы Россіи совершенно совпадаютъ съ требованіями высшей правды, съ интересами истинной гуманности.

Предсѣдатель предложилъ Общему собранію рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: обращаться-ли *къ лицамъ, извѣстнымъ Комитету, которыя на Западѣ сочувствуютъ Славянскому дѣлу*, съ указаніемъ того несчастнаго положенія, въ которомъ находятся Славяне Балканскаго полуострова?

Противъ отсылки за границу доклада Исполнительнаго Присутствія, общему собранію 5 Декабря, высказались 24 члена, за отправку же доклада 55 членовъ.

(Изъ книги «Первыя 15 л. дѣятельности Спб. Сл. Бл. Общ.»).

Памяти А. С. Хомякова.

Всѣ русскіе люди, желающіе самостоятельнаго развитія своему народу и сближенія его съ родственными ему народами славянскими, словомъ — желающіе политической и духовной свободы всѣмъ славянамъ, — вспоминали и вѣчно будутъ вспоминать Алексѣя Степановича Хомякова съ глубокой признательностью, потому-что Хомяковъ былъ однимъ изъ самыхъ доблестныхъ поборниковъ славянской свободы. Еще въ дѣтствѣ явилось въ немъ сознаніе славянскаго единства и зажглась горячая любовь къ угнетеннымъ братьямъ. Одиннадцатилѣтній Хомяковъ говоритъ своему старшему брату, что онъ станетъ бунтовать славянъ, а когда ему было семнадцать лѣтъ, онъ бѣжалъ было изъ дому, чтобы привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе *). Эта любовь къ угнетеннымъ соплеменникамъ и сознаніе обязанности нашей поддерживать ихъ нравственно, а при нуждѣ оказать имъ и дѣятельную помощь, если однимъ имъ борьба за свободу окажется не по силамъ, — никогда не ослабѣвали въ Хомяковѣ, и онъ много потрудился для пробужденія ихъ въ русскомъ обществѣ. Еще въ 1832 году, въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Орелъ» онъ напоминаетъ Русскому народу о его обязанностяхъ по отношенію къ подавленнымъ братьямъ:

«На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ брегъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились;
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ!...
И ждутъ закованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой!...
О вспомни ихъ, Орелъ полночи!
Пошли имъ громкій свой привѣтъ,
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней!»...

---

*) Смотр. „Біографическія воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ". Бартенева. „Русск. Бесѣда", кн. XX, 1860 г.

Въ заключеніе стихотворенія высказывается твердая увѣренность, что

«Придетъ ихъ часъ! окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ Орлы — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ»!

Двадцать два года спустя (въ 1854 г.) въ началѣ Восточной войны Хомяковъ снова обращается къ Россіи:

«Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.
Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ»...

Конечно, Алексѣю Степановичу прежде всего было дорого величіе и счастье его родины — Россіи; но ему дорога была и ея честь, и при этомъ случайныя политическія границы Имперіи не могли заслонить отъ его взоровъ того края земли Русской, который отрѣзанъ этими границами; гдѣ народъ русскій, тамъ, по его мнѣнію, и земля—русская, и мысль о свободѣ и славѣ *цѣлой* Русской Земли постоянно соединялась у него съ мыслью, о свободѣ *всѣхъ* славянскихъ народовъ.

Но тутъ необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе и остановиться на тѣхъ возраженіяхъ, какія часто приходится выслушивать славянофиламъ, т. е. людямъ, связывающимъ народное русское дѣло съ дѣломъ общеславянскимъ, отъ людей, расходящихся съ ними во взглядахъ.

Что общаго, слышимъ мы, и слышимъ отъ людей, имѣющихъ смѣлость величать себя передовыми, что—общаго у Россіи съ другими славянами? Они могутъ искать нашей дружбы, потому что она имъ нужна, да намъ-то водить съ ними дружбу не выгодно. Дружба эта, говорилъ какъ-то одинъ ученый на одномъ ученомъ диспутѣ, напоминаетъ отношенія между богачемъ и его бѣдными родственниками, которые изъ желанія подачки заискиваютъ передъ нимъ и лѣзутъ къ нему въ глаза съ своимъ родствомъ, хотя тому родство это, можетъ быть, вовсе непріятно. И намъ, дѣлаютъ нѣкоторые выводъ изъ этого милаго сравненія, — какой расчетъ якшаться съ слабыми, неразвитыми братьями-славянами и ссориться изъ-за нихъ со всею цивилизованною Европой? Можно, пожалуй, пожалѣть ихъ, но, видно, они сами заслужили свою участь, и оказывать имъ дѣятельную поддержку было бы безразсудно съ нашей стороны, такъ какъ отъ нихъ мы никакой пользы ждать себѣ не можемъ, а филантропія въ политикѣ не умѣстна.

Правда, въ настоящее время число лицъ, разсуждающихъ

подобнымъ образомъ, значительно уменьшилось. События послѣднихъ лѣтъ многихъ западниковъ и космополитовъ обратили въ славянофиловъ. Но, есть и теперь въ Россіи люди, которые продолжаютъ упорно держаться приведеннаго взгляда на славянскій вопросъ.

По нашему же твердому убѣжденію, достоинство всякаго государства, какъ и отдѣльнаго лица, сильно страдаетъ, если оно дозволяетъ у себя, по сосѣдству безнаказанно совершать грабежи, насилія и убійства, если оно не принимаетъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы обуздать убійцъ и грабителей и спасти обреченныя ими на гибель жертвы *). Тѣмъ большею тяжестью ложится на извѣстный народъ нравственная отвѣтственность за попустительство, если жертвы разбоя и насилія, въ силу какихъ-либо кровныхъ, религіозныхъ или историческихъ связей, преимущественно отъ него въ правѣ ждать себѣ спасенія.

Такія именно отношенія соединяютъ Русскій народъ съ другими славянами. Онъ одинъ представляетъ изъ себя самостоятельную сильную славянскую державу, на него устремлены съ надеждою взоры всѣхъ угнетенныхъ славянъ, и онъ не можетъ отказаться отъ выпавшей на его долю исторической задачи – быть ихъ освободителемъ и покровителемъ—безъ крайняго ущерба для своей собственной чести. Но этого мало, связь, соединяющая нашъ народъ съ другими славянами, такова, что разрывъ ея не можетъ обойтись для него самого безъ громаднаго, не только нравственнаго, но и матеріальнаго вреда, ибо, если наша поддержка для славянъ необходима, то съ другой стороны, и ихъ дружба была для насъ не безполезна да и впередъ можетъ пригодиться. У *всѣхъ* славянскихъ народовъ (неисключая и русскихъ) были и есть одни общіе враги: всѣ они терпѣли или терпятъ одинаковыя бѣдствія и, слѣдовательно, бороться имъ съ общимъ ихъ горемъ и общими врагами слѣдуетъ общими силами.

Въ самомъ дѣлѣ исторія славянъ въ общихъ чертахъ представляется въ такомъ видѣ. Каждый славянскій народъ, въ началѣ своей исторической жизни дробящійся на множество мелкихъ племенъ, стремится собраться воедино, создать изъ себя болѣе или менѣе сильное политическое цѣлое; но этому стремленію сплотиться силами приходится бороться съ усиліями отдѣльныхъ общинъ или областей сохранить свою полную свободу. Въ этой борьбѣ государственно-княжескаго

*) Это писано во время турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ въ 1876 г.

начала съ областно-вѣчевымъ проходятъ вѣка, и во время этой борьбы два врага, одинаково хищные и лютые, нападаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ на славянъ: одинъ съ азіатскаго Востока, другой съ крещенаго, но не менѣе грубаго, не менѣе языческаго, какъ и Азія, Запада. Оба врага, благодаря славянской розни и превосходству своего политическаго и военнаго строя, одерживаютъ надъ славянами верхъ. *Всѣ* славянскіе народы терпятъ на себѣ удары *обоихъ* враговъ; всѣ они на большій или меньшій срокъ утрачиваютъ свою свободу и подчиняются чужому владычеству. Въ то время, какъ русскіе и южные славяне подчиняются главнымъ образомъ господству азіатовъ (татаръ, турокъ),—западные славяне подчинились нѣмцамъ. И мы не ошибемся, сказавъ, что участь послѣднихъ горше участи первыхъ. Большая часть славянъ, покоренныхъ восточными варварами, сбросили уже съ себя ихъ иго и, сокрушивъ ихъ силу, положили на-всегда конецъ дальнѣйшимъ съ ихъ стороны захватамъ; если же и продолжается еще господство этого уже издыхающаго врага надъ нѣкоторыми славянскими землями, то оно поддерживается искуственно, извнѣ, и если еще много горя и слезъ можетъ онъ причинить славянамъ, то развѣ въ союзѣ съ другимъ болѣе опаснымъ ихъ врагомъ, и не себѣ, а ему на потѣху.

Сила же западнаго врага славянъ все растетъ. Завоеванія, сдѣланныя нѣмцами въ славянскихъ земляхъ, если не такъ обширны, какъ завоеванія монголовъ и турокъ, зато прочнѣе ихъ. Самое сильное нѣмецкое государство красуется теперь на земляхъ нѣкогда славянскихъ. При нашихъ дѣдахъ съ безпримѣрною легкостью досталась нѣмцамъ обширная страна славянская и въ ней изрядный край земли русской. (Разумѣемъ раздѣлъ Польши, при чемъ русская часть Галиціи уступлена Австріи...), а мы сами съ такою же легкостью отдали имъ нами же отвоеванныя у турокъ Боснію и Герцоговину. Полякамъ, лужицкимъ сербамъ, чехамъ, отчасти и южнымъ славянамъ грозитъ судьба ихъ полабскихъ и поморскихъ братьевъ.

Но, скажутъ, что намъ за дѣло до другихъ? Мы настолько сильны, что насъ не посмѣютъ тронуть, если только мы сами будемъ сидѣть смирно и не захотимъ путаться въ чужія дѣла.— Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? А земля Галицкая! Милліоны народа *русскаго* развѣ не живутъ тамъ подъ нѣмецкими законами, не терпятъ, несмотря на конституціонный образъ правленія, всяческихъ притѣсненій и неправдъ только потому, что они русскіе? Можемъ ли мы оставаться равнодушными къ ихъ страданіямъ?—Нѣтъ, мы не можемъ не болѣть ихъ горемъ! не можемъ не сочувствовать стремленіямъ ихъ отстоять свою

народность, и честь народная обязываетъ насъ спасти ихъ отъ обезличенія! И нѣтъ сомнѣнія: когда приспѣетъ время, и, выведенные изъ терпѣнія австрійскимъ и мадьярскимъ гнетомъ,— кликнутъ родные наши братья о помощи,—дрогнетъ вся Русская земля и хлынутъ на ихъ зовъ волны охочихъ русскихъ людей,—неудержимѣе и грознѣе, нежели въ недавнемъ прошломъ на стоны сербскихъ и болгарскихъ мучениковъ... А судьба Галицкихъ и Угорскихъ Русскихъ тѣсно связана съ судьбою другихъ австро-венгерскихъ славянъ.

Западная Европа относится къ намъ недоброжелательно; уступками и предательствомъ своихъ соплеменниковъ не купишь ея расположенія, а только вызовешь презрѣніе къ себѣ: разумно ли отталкивать отъ себя тѣхъ, которые одни только могутъ и хотятъ быть нашими союзниками?

Дружба безоружныхъ, разрозненныхъ и угнетенныхъ славянскихъ народностей уже принесла намъ не малую пользу; она оказала намъ большую поддержку въ борьбѣ нашей съ магометанскимъ и азіатскимъ міромъ, которая началась не со вчерашняго дня и не за южно-славянскія, а за наши собственныя, русскія нужды. Мы не должны забывать, что Россія находилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь находятся болгары и сербы. Еще и ста лѣтъ не прошло съ той поры, какъ было уничтожено разбойничье гнѣздо крымскихъ татаръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ разорявшихъ, заливавшихъ кровью и позорившихъ Русскую землю. Крымъ находился, въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, исполнялъ приказанія, шедшія къ нему изъ Стамбула, и получалъ оттуда себѣ помощь. Россіи не прежде удалось подчинить себѣ Крымъ и другіе берега Чернаго моря, какъ расшатавши могущество Турецкаго султана, верховнаго владыки всего мусульманскаго міра. Вотъ изъ-за чего начались наши войны съ Турціей, и въ этихъ войнахъ Россія постоянно пользовалась услугами славянскаго населенія Турціи, и эти услуги значительно содѣйствовали тѣмъ блестящимъ успѣхамъ, которыми справедливо гордится русское оружіе. Такимъ образомъ, южные славяне помогли намъ освободить наши южныя окраины отъ позорнаго рабства, и это даетъ имъ право въ борьбѣ за освобожденіе ожидать отъ насъ помощи.

В. И. Ламанскій въ статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ «Братская Помочь», приводитъ свидѣтельство Венеціанскихъ дипломатовъ XVI вѣка и другихъ знатоковъ тогдашней Турціи, по которому могучіе въ то время османы не боялись ни Венеціи, ни Германскаго императора, ни Испаніи, и страшились только Московскаго государя, именно потому, что онъ принадлежитъ

къ одной Церкви съ народами Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи. Также точно, въ настоящее время монархія Габсбурговъ совершенно безсильна по отношенію къ Россіи, вслѣдствіе племеннаго и духовнаго родства съ ней своихъ подданныхъ. И такъ, мы видимъ, какое важное значеніе, какой вѣсъ въ международныхъ отношеніяхъ придаетъ Россіи родство ея съ слабыми и разрозненными еще славянскими народами. Благодаря этому родству, на Западѣ у насъ одинъ только опасный соперникъ, который можетъ считаться съ нами, это—соединенная Германія; но если Россія поможетъ освободиться угнетеннымъ своимъ братьямъ, то она навсегда пріобрѣтетъ право на ихъ признательность и тогда на нашу западную границу можно будетъ намъ смотрѣть совершенно спокойно. Германія не отважится выступить противъ насъ, если у нея съ флангу будетъ дружественный намъ союзъ свободныхъ славянскихъ государствъ.

Но, сводя счетъ общимъ врагамъ Славянства я не назвалъ, еще одного и, пожалуй, самаго опаснаго и вреднаго ихъ врага, врага внутренняго, съ которымъ славянамъ слѣдуетъ всѣми силами бороться. Въ жизни всѣхъ славянскихъ народовъ замѣчается такое явленіе: въ то время, какъ народъ ведетъ отчаянную борьбу за свою свободу, люди, заправляющіе жизнью народною, добровольно склоняютъ голову передъ врагомъ: латинятся, туречатся и нѣмечатся, и эта внутренняя измѣна постоянно отворяла ворота внѣшнему врагу внутрь страны и обезпечивала ему побѣду. Мы, русскіе, не меньше другихъ повинны въ этомъ добровольномъ холопствѣ. Сначала, впрочемъ, большинство нашего городского общества неохотно, только уступая принужденію, мѣняло свое на чужое, но потомъ, мало по малу, пріучилось оно перенимать, не разсуждая, что прикажутъ, а затѣмъ утратило самую способность оцѣнки и выбора, утратило всякую самостоятельность вкуса, научилось презрительно относиться ко всему своему и стало предпочитать ему чужое, только потому, что оно чужое. Безъ всякой внутренней необходимости мѣняли мы

«И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу» *).

Вредъ, происходящій отъ такого «чужебѣсія», не ограничивается только тѣмъ, что народъ лишается руководителей, отно-

*) Грибоѣдовъ «Горе отъ ума».

сящихся къ нему съ любовью и уваженіемъ и понимающихъ его нужды: мало по малу зараза начинаетъ проникать и въ глубь народную. Простой нашъ народъ, не разъ дававшій отпоръ чуждымъ стихіямъ, насильственно вносимымъ въ его жизнь, начинаетъ, особенно въ последнее время и около большихъ городовъ **«цивилизоваться»**, замѣнять свое чужимъ: такъ-де господа одѣваются, такъ господа танцуютъ, такія пѣсни господа распѣваютъ,—не разсуждая того, что господское иной разъ гораздо хуже—и скучнѣе и пошлѣе—своего, хотя и мужицкаго, да зато родного, русскаго.

Отъ такого повальнаго обезьянства и самоуниженія мы и въ политикѣ, и въ жизни общественной и частной, и въ литературѣ—рѣдко идемъ своимъ путемъ, а зачастую пляшемъ по чужой дудкѣ, и куда вѣтеръ подуетъ, туда и мы клонимся.

Недостатокъ самосознанія и уваженія къ себѣ и къ своему народу, къ сожалѣнію, проявляется у насъ на каждомъ шагу; иногда онъ прорывается фальшивою нотою даже въ рѣчахъ и поступкахъ людей, берущихся руководить славянскимъ дѣломъ, которое прежде всего должно быть дѣломъ нашего собственнаго духовнаго возрожденія. Такъ, вмѣсто того, чтобы стараться укрѣпить и поддержать пробуждающееся чувство гражданства и самодѣятельности въ своей собственной средѣ, забѣгаютъ у насъ съ поклонами къ Западной Европѣ, прося ее научить насъ уму-разуму или помочь намъ въ нашемъ собственномъ дѣлѣ. Невольно вспоминается обличительное слово Хомякова:

«Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ».

Нѣтъ! Этотъ грѣхъ, онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ васъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви!..

Славянство въ борьбѣ за существованіе и свободу можетъ разсчитывать только на свои внутреннія силы, а не на поддержку Западной Европы, всѣ усилія которой направлены къ тому, чтобы мѣшать дѣлу славянскаго освобожденія и губить матеріальныя и духовныя силы Славянства. Европейскій Западъ не признаетъ въ Славянствѣ равноправнаго себѣ брата. Благодаря его только помощи держится и турецкое господство и варварство на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому любезничанье съ нимъ, навязчивое напрашиванье къ нему въ братья не позволительно для представителей русскаго общества, русской мысли, особенно же для представителей славянской идеи

Язва «чужебѣсія» и «европейничанья» — самый могучій союзникъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, и былъ и есть. Пусть

только славянскіе народы, испытанные уже горькимъ опытомъ, осилятъ этого внутренняго врага и научатся дѣйствовать за одно, пусть прежде всего сдѣлаются они между собою истинными братьями, тогда ничто въ мірѣ не помѣшаетъ ихъ политическому освобожденію.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ *старался разбудить наше общество отъ усыпленія; указывалъ на его недостатки и на необходимость исправленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на необходимость жить своимъ умомъ.* Онъ, его сподвижники и послѣдователи старались отучить наше общество отъ поклоненія всему чужому—«отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой»; они показали, что не все на Западѣ хорошо, что и въ русской жизни есть много хорошихъ сторонъ и задатковъ, которые необходимо сберечь и развить, а для этого необходимо изучить во всѣхъ отношеніяхъ свою страну, свой народъ, его прошедшую жизнь и современное положеніе. Указывая на современныя ему болѣзни русскаго общества, на то, что Русь

«Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!»

—Хомяковъ считаетъ, однако же, болѣзни эти излѣчимыми; онъ любитъ свой болящій народъ, и вѣритъ, несмотря на его страданія, въ его силы, вѣритъ въ то, что онъ осилитъ свои болѣзни. Хомяковъ вѣритъ, что не заглохнутъ и не растратятся по мелочамъ тѣ безцѣнныя сокровища духовныя, которыми надѣленъ народъ нашъ отъ природы. Онъ вѣритъ, что не вѣки-вѣчные будемъ мы у другихъ учиться мудрости, но что настанетъ время, когда и другіе народы будутъ приходить къ богатому источнику духовныхъ силъ нашего народа—утолять свою духовную жажду *). Онъ вѣритъ, наконецъ, что и надъ другими славянами пройдетъ ненастье и настанетъ время, когда славяне будутъ «всѣ велики, всѣ свободны» **), свободны и велики не только политически, но и духовно!

Этою вѣрою въ свой народъ и въ торжество дѣла свободы Хомяковъ сдѣлался особенно любъ и дорогъ тѣмъ, кто ждетъ для себя этой свободы, кому дорога вѣра въ нее!

Литературные противники славянофильской школы приписывали ей много такихъ доктринъ и стремленій, которыхъ у нея никогда не было и которыхъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя даже и выводить изъ сочиненій

*) Смотр. стихотвор. Хомяк. «Ключъ».
**) Смотр. стихотвор. Хомяк. «Не гордись передъ Бѣлградомъ...»

лучшихъ представителей школы: Хомякова, Аксаковыхъ, Киръевскихъ, Самарина. Мы не находимъ въ сочиненіяхъ этихъ людей духа національной исключительности, или квасного патріотизма, надъ которымъ такъ любятъ подтрунивать: мы видимъ у нихъ только разумное требованіе народной самостоятельности и разборчиваго отношенія къ своему и чужому. Мы не видимъ у нихъ завоевательныхъ поползновеній: Россія въ будущемъ представлялась имъ не наглою распорядительницею чужихъ судебъ, хозяйничающею въ чужихъ земляхъ, а только— освободительницею соплеменныхъ народовъ отъ ненавистнаго имъ иноплеменнаго ига.

«Иди! говоритъ Хомяковъ Россіи,
Тебя зовутъ народы!

И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы!
Дай мысли жизни, дай жизни миръ!
Иди! свѣтла твоя дорога... *)

Повторяемъ: въ Хомяковѣ и въ другихъ славянофилахъ не было духа національной исключительности и воинственнаго задора, хотя люди противнаго стана обвиняли ихъ въ этихъ недостаткахъ всякій разъ, какъ только съ ихъ стороны заходила рѣчь о необходимости самостоятельности и самодѣятельности для русскаго общества. Но въ нихъ не было и противоположнаго недостатка: въ нихъ было крѣпко чувство народнаго достоинства и твердо сознаніе народнаго долга, и они не жертвовали ими ради ложнаго гуманничанья и призрачной дружбы. Правда, Хомяковъ мечталъ о братствѣ народовъ и тишинѣ; но онъ смотрѣлъ трезво на вещи и не обманывалъ себя и другихъ: братство всѣхъ народовъ и тишина представлялись ему возможными только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, послѣ того какъ Россія совершитъ, говоря его словами, «*бранный пиръ*» освобожденія соплеменныхъ народовъ.

Но есть одна излюбленная укоризна, которую часто приходится выслушивать славянофиламъ: это—упрекъ въ излишнемъ оптимизмѣ и мистицизмѣ: иногда упрекъ этотъ приходится слышать даже со стороны людей, глубоко уважающихъ дѣятельность первыхъ славянофиловъ и идущихъ по ихъ же слѣдамъ. Даже О. Ѳ. Миллеръ, многими сторонами своей дѣятельности самъ принадлежавшій славянофильской школѣ, въ чтеніяхъ о русской литературѣ, говоря о Хомяковѣ и указывая на обвиненія его въ оптимизмѣ, повидимому отчасти

*) См. стихот. Хомякова «Раскаявшейся Россіи».

признавалъ справедливыми эти обвиненія. При многочисленныхъ несовершенствахъ современной Хомякову русской жизни, многимъ, говорилъ онъ, казалась странна вѣра Хомякова въ свѣтлое призваніе Россіи, его пророческій голосъ, предсказывавшій ей великое и радостное будущее: *откуда, говорили они, эти розовыя мечты при такой не розовой дѣйствительности?* Почтенный профессоръ находилъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ такое недоумѣніе было понятно. Но намъ кажется несправедливою эта уступчивость противникамъ Хомякова.

Эта твердая вѣра въ свѣтлое будущее родного народа, сказывающаяся во всѣхъ твореніяхъ Хомякова; эта пророческая струя, пробивающаяся въ его вдохновенныхъ стихотвореніяхъ,—не были слѣпою вѣрою, какимъ-то мистицизмомъ или пустымъ самохвальствомъ, которое не даетъ замѣчать никакихъ недостатковъ въ себѣ, гордится внѣшнею силою и при неудачѣ падаетъ духомъ. Хомяковъ лучше другихъ видѣлъ всѣ дурныя стороны, всѣ грѣхи нашей жизни, смѣлѣе другихъ обличалъ эти грѣхи, глубоко скорбѣлъ о нихъ, но онъ никогда не падалъ духомъ. Вѣра Хомякова въ свой народъ основывалась на глубокомъ знаніи характера этого народа, его исторіи, и на сознаніи живыхъ, положительныхъ сторонъ его духа, и потому никакія временныя несовершенства и невзгоды не могли поколебать въ немъ этой вѣры. Не палъ духомъ Хомяковъ въ то тяжелое для русскаго общества время, когда, примѣняя слова одного покойнаго теперь поэта—

«Въ испугѣ замолчало
Все то, что сердцемъ и умомъ
Искало вѣчнаго начала
Въ наукѣ, въ жизни и во всемъ... *)

Написанное въ это время Хомяковымъ извѣстное стихотвореніе «Навуходоносоръ» начинается и оканчивается слѣдующими ободряющими духъ словами:

«Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!»

Не палъ духомъ Хомяковъ и послѣ неудачнаго исхода Восточной войны. Неоправдавшіяся надежды доказывали не ошибочность задачи, которую по мнѣнію славянофиловъ призвана рѣшить Россія, и не преждевременность приступа къ ея рѣшенію, такъ какъ исторія не ждетъ, а только крайнюю неподготовленность нашу для надлежащаго ея рѣшенія, а слѣдовательно и необходимость упорнаго труда надъ внутреннимъ развитіемъ русскаго общества, и вотъ Хомяковъ усердно тру-

---

*) Алмазовъ «Изъ поэмы соціалисты».

дится въ этомъ направленіи. Къ этому времени относится его плодотворная дѣятельность, какъ сотрудника «Русской Бесѣды». На необходимость упорнаго труда надъ развитіемъ русскаго общества и на свое призваніе къ такому труду Хомяковъ указываетъ самъ въ написанномъ имъ въ 1858 г. стихотвореніи «Труженикъ». По свидѣтельству М. П. Погодина, стихотвореніе это было самымъ любимымъ стихотвореніемъ Хомякова въ послѣдніе годы его жизни, поэтому мы приведемъ его здѣсь съ небольшими опущеніями:

«По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.
Пора на отдыхъ...
Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!..»

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего».

Непоколебимую вѣру Хомякова въ обновленіе Россіи и въ торжество ея праваго дѣла,—дѣла освобожденія соплеменныхъ народовъ, считаемъ мы главною силою Хомякова, и думаемъ, что такая вѣра необходима каждому, кто хочетъ служить и быть полезнымъ родной странѣ; только эта вѣра даетъ неослабную силу человѣку, только она не допуститъ его никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ пасть духомъ.

Эта святая вѣра въ образованномъ нашемъ обществѣ встрѣчается только въ рѣдкихъ, подобныхъ Хомякову, личностяхъ; но этою вѣрою въ непремѣнное торжество праваго дѣла и того, кто ему служитъ, живетъ громада нашего простого народа. Она сказалась въ его сказкахъ, въ его былевыхъ пѣсняхъ, въ его исторіи, и въ томъ движеніи его на помощь возставшимъ славянамъ, которому еще недавно всѣ мы были свидѣтелями. Эта вѣра народная, незамѣченная, быть можетъ, другими, извѣстна была Хомякову. и мы думаемъ, что она одна уже достаточно оправдываетъ и вѣру этого писателя въ великое и свѣтлое будущее родного народа. Народъ, хранящій эту вѣру, всего можетъ достигнуть, все побѣдить, только бы руководители его не были *маловѣрами*. Скудость или полное отсутствіе этой вѣры въ значительной части верхнихъ слоевъ нашего

общества, по нашему мнѣнію,—одна изъ главнѣйшихъ причинъ той разноголосицы, тѣхъ неудачъ, всего того горя, той обиды, которую такъ часто приходится намъ переживать.

Но обратимся къ Хомякову. — То, въ чемъ нѣкоторые видятъ мистицизмъ, было его призваніемъ, было даромъ истиннаго пророчества. Извѣстнѣйшіе наши поэты: Пушкинъ, Лермонтовъ и др. любили сравнивать дѣятельность писателя съ дѣятельностью ветхозавѣтнаго пророка. Такое сравненіе какъ нельзя болѣе идетъ къ Хомякову. Пламенная любовь къ Богу, къ правдѣ и къ людямъ, пламенное желаніе служить имъ соединялись въ Хомяковѣ съ даромъ могучаго краснорѣчія и съ сильнымъ обличительнымъ талантомъ *). Призваніе Хомякова къ такому пророческому служенію слышится и въ приведенномъ выше стихотвореніи его «Труженикъ»; но съ особенною силою жажда такого служенія сказалась въ слѣдующихъ, дышащихъ глубокимъ чувствомъ, строкахъ:

«Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!
Какъ часто, о Боже! рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ, —
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!
Какъ часто безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ Пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!
Молилъ Тебя въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей —
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!
Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слышанья рѣчи святой!

Въ приведенномъ стихотвореніи Хомяковъ проситъ Бога послать людямъ пророка съ горячею и крѣпкою душой и съ убѣдительною силою рѣчей; но все это было въ самомъ Хомяковѣ; только людей, способныхъ слышать и принимать къ сердцу слышанное, при Хомяковѣ, какъ и въ *оны* дни, было не особенно много. Хомяковъ умеръ, но сказанное имъ не умерло; дай же Богъ, чтобъ число слушающихъ и принимающихъ къ сердцу росло быстрѣе!

Дѣятельность Хомякова была пророческою — во всемъ высокомъ значеніи этого слова. Онъ обличалъ всю ложь, всѣ грѣхи нашей жизни и призывалъ наше общество къ покаянію, т. е. къ самоусовершенствованію и затѣмъ уже къ самобытной творческой работѣ.

---

*) А. Д. Градовскій однажды въ частной бесѣдѣ сравнилъ его съ Сократомъ, и это сравненіе также чрезвычайно вѣрно. Сходство увеличивается еще тѣмъ, что по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ Хомякова, онъ, подобно Сократу, очень любилъ спорить и даже манера его приводить противника къ противорѣчію съ самимъ собой и къ сознанію своей ошибки напоминала Сократическій методъ.

Многія предсказанія Хомякова сбылись, многія вѣрованія его оправдались, но онъ умеръ тогда, когда еще занималась надъ нашимъ народомъ утренняя заря, послѣ долгой томительной ночи. «О Хомяковѣ какъ и о Константинѣ Аксаковѣ», сказалъ въ одной статьѣ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, «можно сказать, употребляя, по ихъ же примѣру, сравненіе библейское: они умерли у воротъ обѣтованной земли, недождавшись даже увидѣть во-очію, то, къ чему съ особенною горячностью стремились: во вѣки благословенное снятіе съ Русской земли особенно оскорблявшаго ихъ позорнаго клейма рабства» *).

Мы видѣли разсвѣтъ, и хотя наступившій день и не безъ тумана, хотя и теперь надъ нами небо заволакивается тучами, но не слѣдуетъ унывать. Пусть только не оскудѣваютъ въ насъ, пусть распространяются въ нашемъ образованномъ обществѣ та святая вѣра, та дѣятельная любовь къ своему народу и то сознаніе племеннаго родства и исторической связи нашей съ другими славянскими народами, которыя были такъ сильны въ Хомяковѣ, и тогда сбудется все, чего только ни желалъ онъ для Россіи и для другихъ славянъ.

Памяти Алексѣя Степановича Хомякова.

Какъ Вождь Израильскій, что велъ
Народъ свой въ край желанный,
Въ пустынѣ знойной съ нимъ страдалъ,
Но лишь границы увидалъ
Земли обѣтованной;
Такъ и Ты, нашъ пророкъ,
Потрудившись для насъ,
Свѣтлыхъ чаявшій дней
Для Отчизны своей,
На зарѣ ихъ угасъ.
Надъ народомъ роднымъ
Много видѣлъ Ты грозъ,
И за язвы его
Пролилъ много Ты слезъ;
Но Ты вѣрилъ въ него,
Вѣрилъ въ Промыслъ Святой,

---

*) «Стихотворенія Хомякова со стороны ихъ руководящихъ мыслей». Ор. Ѳ. Миллера. Ж. Заря 1869 г. кн. 7.

Ясный взоръ свой закрылъ
Ты съ спокойной душой,
И за братьевъ молить
Передъ Вѣчнымъ Творцомъ
Въ горнемъ мірѣ предсталъ
Съ лучезарнымъ лицомъ.

Съ вѣрой въ силу добра
Ты не даромъ почилъ:
Волю, землю и судъ
Нашъ народъ получилъ.
И надъ глубью сѣдой
Черноморскихъ пучинъ
Грозно вѣютъ опять
Стяги русскихъ дружинъ!

«Но не полно возрожденье,
Жизнь проснулась не сполна»—*)
Отъ туземныхъ проказъ
И отъ пришлыхъ невзгодъ
Отъ Камчатки до Татръ **)
Стонетъ русскій народъ;
Не избавился Чехъ
Отъ нѣмецкихъ сѣтей;
Македонецъ, боснякъ—
Отъ турецкихъ цѣпей...

Въ сердцѣ твердо храня
Вѣру въ край нашъ родной,—
Будемъ трудъ продолжать,
Что завѣщанъ Тобой!
И, примѣръ помня Твой,—
Неослабно стоять,
Чтобъ побѣду надъ тьмой
Свѣту полную дать!
Будемъ всѣ заодно!
Будемъ зорко слѣдить—
Чтобъ не дать плевеламъ
Добрыхъ всходовъ сгубить;

*) Стих. Хомяк. «Поле мертвыми костями»...

**) Татры, или срединные Карпаты, — горы, до которыхъ и по которымъ простирается Русская народность на Западѣ.

Чтобъ уставовъ благихъ
Не вредилъ произволъ;
Чтобы судъ лишь каралъ;
Къ исправленію золъ —
Чтобъ свободно совѣтъ
Подавала печать;
Чтобъ къ родному любовь
Не гасили въ дѣтяхъ;
Чтобы правда была
На Руси въ податяхъ;
Чтобы въ Русской землѣ
И остзейскій баронъ
Уважалъ нашъ языкъ,
Общій слушалъ законъ;
Чтобъ духъ барства, духъ лжи,
Обезьянства исчезъ;
Чтобъ подавленный въ насъ
Духъ свободы воскресъ!

«Испытанья время строго,» *)
Но, Богъ дастъ, оно пройдетъ!
Съ умомъ и силой соберется
Уже очнувшійся народъ;
Тогда, вольную грудь
Осѣнивши крестомъ,
За свободу борцовъ
Онъ помянетъ добромъ!

Статья и стихотвореніе «Памяти А. С. Хомякова» написаны мною въ 1871 г. Напечатаны съ цензурными сокращеніями въ 1876 г. въ еженедѣльникѣ «Пчела» и отдѣльными изъ нея оттисками, а затѣмъ — съ соотвѣтствовавшими времени дополненіями — въ составленномъ мною и изданномъ въ 1877 г. вторымъ изданіемъ сборникѣ «Славянство», а также въ сборникѣ «Первыя 15 лѣтъ дѣятельности Спб. Сл. бл. О.» и въ «Благовѣстѣ», 1890 г., вып. 3 и 4. Читаны въ Общемъ Собраніи членовъ Петерб. отдѣла Слав. Комитета 23 января 1877 г.

*) Стих. Хом. «Не гордись передъ Бѣлградомъ».

Памяти русскихъ добровольцевъ.

Сказано въ Общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества 30 ноября 1880 г.

«Мм. гг.! Въ субботу 8-го ноября, въ день празднованія собора св. архистратига Михаила произошло въ Сербіи открытіе памятника Русскимъ добровольцамъ, положившимъ тамъ свои головы въ войну 1876 и 1877 гг. за дѣло Славянскаго освобожденія! Естественно было надѣяться встрѣтить въ нашихъ газетахъ телеграммы съ мѣста событія и сочувственныя статьи, посвященныя ему и памяти погибшихъ на полѣ чести «вольныхъ ратниковъ за вѣру Христову и Славянскую независимость», отправленіе которыхъ четыре года тому назадъ въ Сербію привѣтствовалось и поощрялось печатью и напутствовалось благословеніями всей Россіи. Но, къ прискорбію нашему, открытіе въ Сербіи памятника Русскимъ добровольцамъ осталось почти незамѣченнымъ нашимъ обществомъ и печатью. Стыдно дѣлается за нашу печать, за наше общество, которыя такъ непостоянны, такъ скоро становятся равнодушными къ судьбѣ и памяти людей, принесшихъ себя въ жертву дѣлу народному. Мнѣ кажется сегодня здѣсь, въ собраніи Славянскаго общества, болѣе чѣмъ гдѣ-либо—мѣсто и долгъ вспомнить объ этихъ людяхъ и сочувственнымъ о нихъ словомъ хотя нѣсколько загладить нашу общую вину.

Прежде всего нѣсколько словъ о самомъ памятникѣ. Сооруженъ онъ на добровольныя пожертвованія; поставленъ на холмѣ Руевицкаго поля, близъ Алексинца, гдѣ осенью 1876 г. происходили самыя упорныя битвы съ турками. Открытіе его предполагалось сначала 19, потомъ 26 октября и, наконецъ, состоялось 8 ноября, въ день празднованія церковью собора св. архистратига Михаила. Поводомъ къ послѣдней отсрочкѣ послужило, вѣроятно, желаніе Сербскаго общества, чтобы торжество открытія произошло въ день тезоименитства бывшаго главнокомандующаго Сербскою арміею Михаила Григорьевича Черняева. Въ торжествѣ открытія и освященія памятника принимало участіе духовенство всей Сербіи съ своимъ митропо-

литомъ во главѣ; и оффиціальная Сербія — княжеское правительство, сильно поддавшееся въ послѣднее время австрійскому вліянію, смѣнившее въ угоду ему надняхъ министерство Ристича, которое съ честью вынесло на своихъ плечахъ критическое для Сербіи время войны. И это сбившееся съ прямаго пути Сербское правительство сдѣлало на этотъ разъ уступку народному чувству, и хотя самъ князь Миланъ не соизволилъ прибыть въ Алексинацъ, но, однако, послалъ туда своего представителя и въ торжествѣ открытія памятника участвовали и войска. Какъ сама постановка памятника представляется намъ дѣломъ отраднымъ для Русскаго чувства, такъ и мѣсто и день открытія его кажутся намъ выбранными удачно.

Не мертвые, конечно, нуждались въ памятникѣ; но намъ, живущимъ, служитъ онъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, какъ явное свидѣтельство того, что ни Сербскимъ, ни Русскимъ обществомъ не порвана связь съ недавнимъ достопамятнымъ прошлымъ, а слѣдовательно, не разошлись они и другъ съ другомъ, не смотря на охлаждающія недоразумѣнія, истекающія изъ ошибочныхъ дѣйствій оффиціальныхъ сферъ и раздуваемыя нѣкоторыми органами Русской и Сербской печати, сознательно или безсознательно играющими въ руку врагамъ.

Мѣсто для памятника считаемъ мы выбраннымъ удачно, такъ какъ самымъ кровавымъ и славнымъ событіемъ первой Сербско-Турецкой войны было отбитіе въ августѣ 1876 г. цѣлаго ряда турецкихъ натисковъ около Алексинца, которые по ихъ ожесточенному упорству могутъ быть сравнены съ натисками Сулеймановыхъ полчищъ на Шипку. А у насъ въ Россіи время кровавыхъ битвъ подъ Алексинцемъ было временемъ самаго высокаго подъема народнаго духа, самаго сильнаго напряженія народнаго чувства, выразившихся въ повсемѣстномъ снаряженіи добровольцевъ и требовавшихъ болѣе дѣйствительной помощи изнемогавшимъ въ неравной борьбѣ единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи служились панихиды по убитымъ и молебны о дарованіи побѣдъ Славянскому оружію. Такъ, на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ мнѣ привелось въ то время быть по порученію Славянскаго Общества, телеграммы о сраженіяхъ подъ Алексинцемъ раскупались на расхватъ и заставляли то радостно биться, то обливаться кровью сердца Русскихъ людей. 16 августа служились тамъ въ главномъ ярмарочномъ соборѣ молебствіе о дарованіи побѣды Славянскому оружію и панихида по убитымъ; когда же получено было радостное извѣстіе, что всѣ нападенія Турокъ подъ Алексинцемъ удачно отбиты войсками М. Г. Черняева, то 22 августа въ томъ же соборѣ была от-

служена архіепископомъ Нижегородскимъ Іоанникіемъ новая панихида по убитымъ и совершены крестный ходъ по ярмаркѣ и торжественное благодарственное за побѣду молебствіе у Макарьевской часовни. Положительно можно сказать, что съ такимъ болѣзненнымъ трепетомъ и съ такимъ восторгомъ не встрѣчались впослѣдствіи вѣсти о неудачахъ и объ успѣхахъ нашего оружія въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг. И это, впрочемъ, вполнѣ понятно: во время Русско-Турецкой

М. Г. Черняевъ.

войны при удачахъ и неудачахъ Русскаго оружія въ 1877 г., Русскіе люди, общество наше и народъ, не сомнѣвались въ окончательномъ исходѣ войны въ нашу пользу; осенью же 1876 г., когда правительство наше окончательно еще не рѣшилось на войну, Сербско-добровольческая рать на берегу Моравы казалась единственнымъ оплотомъ Славянства противъ Турецкихъ полчищъ, и, сознавая слабость этого оплота, Русское общество не могло не трепетать за его участь и за участь Южнаго Славянства.

Пріуроченіе открытія памятника ко дню 8 ноября кажется намъ тоже небезосновательнымъ. Чествуя память усопшихъ, слѣдовало почтить и живыхъ дѣятелей, трудившихся на одной съ ними нивѣ; а митрополитъ Сербскій Михаилъ и Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ были душою того, что совершалось въ 1876 году въ Сербіи, ставшей средоточіемъ міровыхъ событій, вызванныхъ славнымъ Герцеговинскимъ возстаніемъ. Что бы ни говорили недоброжелательство и близорукость, эти два человѣка не умрутъ въ Славянской исторіи, потому что оба они—начинатели великаго и славнаго дѣла. Митрополитъ Михаилъ благословилъ начало освободительной борьбы, завязавшейся въ Герцеговинѣ и Босніи; воззваніе его о помощи возставшимъ, облетѣвъ всю Россію, глубоко запало въ Русскія сердца и съ тѣхъ поръ имя Сербскаго владыки стало извѣстнымъ и дорогимъ нашему народу. М. Г. Черняевъ первый въ Россіи обратился въ издававшейся имъ тогда газетѣ: «Русскій Міръ» къ Русскому обществу съ приглашеніемъ помочь братскому народу въ неравной борьбѣ и затѣмъ самъ явился передовымъ въ ней бойцомъ и увлекъ за собою тысячи соотчичей-добровольцевъ. Лучшимъ оправданіемъ сдѣланнаго имъ служатъ, по нашему мнѣнію, слова, сказанныя имъ самимъ 8 ноября 1876 года въ Бѣлградѣ, въ отвѣтъ на сочувственный адресь, поднесенный ему Русскими добровольцами: «Заявленіе вашего сочувствія,—говоритъ Михаилъ Григорьевичъ,—мнѣ особенно дорого въ настоящую минуту, когда при наступившемъ затишьѣ молва подводитъ итоги тому, что сдѣлано... Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я, одинокій, пробрался въ Сербію, твердо вѣря, что тотъ, кому суждено было освободить милліоны своихъ подданныхъ, предназначенъ Провидѣніемъ исполнить и завѣтъ своихъ царственныхъ предковъ—завѣтъ освобожденія единовѣрныхъ и родственныхъ намъ племенъ. Началась неравная борьба и вся Россія стала молиться за бойцовъ угнетеннаго Славянства. Но сочувствіе къ намъ возбуждало такія надежды, которыхъ мы сами не могли имѣть. Отъ насъ требовали побѣдъ, тогда какъ наша задача состояла въ томъ, чтобы временно удержать напоръ мусульманскихъ силъ. Остается теперь ожидать, что настанетъ время, когда намъ не откажутъ въ правдѣ». Та задача, о которой говоритъ въ приведенныхъ словахъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, удовлетворительно выполнена имъ и добровольцами, и мы знаемъ, что и послѣ Дюниша любовь народной громады, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Сербіи, неизмѣнно остается за нимъ. Намъ извѣстны случаи яркаго проявленія народнаго къ нему расположенія, а на судѣ исторіи признаніе заслугъ народомъ

имѣетъ бóльшую доказательную силу, нежели засвидѣтельствованіе ихъ надлежащимъ начальствомъ...

Заговоривъ о добровольцахъ, естественно было прежде всего остановиться на М. Г. Черняевѣ, первомъ изъ нихъ. Перейдемъ теперь къ другимъ.

Вѣчная память и вѣчная слава Кирѣеву, Раевскому, Ерошенкѣ и другимъ, безвѣстно погибшимъ! Но не заслуживаютъ ли также добраго участія къ себѣ и живые? А между тѣмъ, такъ ли приняты тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли и возвратились на родину, какъ въ правѣ были они надѣяться, уѣзжая въ Сербію? О, участь павшихъ представляется намъ далеко отраднѣе участи оставшихся въ живыхъ! Сколько эти послѣдніе вынесли нравственныхъ страданій, подвергаясь огульно клеветамъ и ругательству со стороны тѣхъ органовъ нашей печати, которые, не сочувствуя вообще дѣлу Славянскому, молчали или пѣли въ униссонъ съ другими во время разгара у насъ Славянскихъ симпатій, но зато потомъ, когда общество наше частью само собою поостыло, частью было искусственно похлаждено, дали полную волю своему злоязычію и злорадству! А гдѣ и въ комъ нашли себѣ бывшіе добровольцы нравственную и вещественную поддержку? Большинство изъ нихъ, вернувшись домой, сдѣлались какими-то опальными и въ глазахъ разнаго рода «начальствъ» и въ глазахъ такъ называемой «публики». Многіе изъ нихъ до нынѣ безъ мѣстъ и безъ занятій влачатъ жалкое существованіе, а, между тѣмъ, когда ѣхали они въ Сербію, имъ обѣщалось, что и мѣста будутъ за ними сохранены и время пребыванія ихъ въ Сербіи для нихъ не пропадетъ. Искалѣченнымъ въ Сербской войнѣ добровольцамъ отказывается въ Русской пенсіи (за весьма немногими исключеніями); какъ будто они пострадали не за то же самое дѣло, за которое бились наши войска въ Болгаріи, и какъ будто ничтожное сравнительно число пенсій раненымъ въ Сербіи могло бы быть обременительнымъ для нашего казначейства! И вотъ сами раненые добровольцы и ихъ семьи такъ-же, какъ и семьи убитыхъ ихъ товарищей, пробавляются скудными пособіями, какія удѣляетъ имъ Славянское Общество изъ своихъ необильныхъ средствъ, да еще, вѣроятно, милостынею. Это ли сулило имъ наше общество, посылая ихъ въ 1876 г. въ Сербію?

И такъ, воздвигая памятникъ добровольцамъ умершимъ, не должны ли мы оказать поддержку осиротѣлымъ ихъ семьямъ и должное уваженіе и помощь ихъ уцѣлѣвшимъ товарищамъ?

Въ заключеніе, не лишнимъ считаю упомянуть, что ко дню

открытія памятника на Руевицѣ и по поводу этого событія Сербскими поэтами написано довольно много стихотвореній. Вотъ одно изъ нихъ неизвѣстнаго автора, напечатанное въ газетѣ «Исток»,—въ вольномъ Русскомъ переводѣ:

Руевицкій памятникъ.

«Лѣтопись Славянской жизни,
Повѣсть славы и страданья,
Запиши, на память внукамъ,
Братьевъ свѣтлыя дѣянья!

Издалека, гдѣ привольно
Днѣпръ, Нева и Волга льются,
Въ бой съ Турецкой силой злою
Стаи соколовъ несутся.
Первый далъ примѣръ Черняевъ,
И къ народному герою
Рать слетѣлась удалая:—
Положить конецъ разбою,
Иль надъ Сербскою Моравой,
Мстя за братскую невзгоду,
Пасть во славу вѣры правой,
Пасть за милую свободу.
И обѣтъ свой вольный, славный,
Братья свято извершили:
Въ спорѣ съ силою неравной
Буйны головы сложили...

Подъ лазурнымъ небосклономъ
Въ Руевицѣ, гдѣ не мало
Русскихъ витязей удалыхъ
Въ лютой битвѣ грозно пало,—
Съ свѣтлымъ чувствомъ собралися
Днесь, для тризны величавой,
Дѣти вольной Шумадіи
И Москвы золотоглавой;
И святой ихъ гробъ—ту землю,
Гдѣ ихъ кости опочили,
Свѣтлой данью скорби братской,
Слезъ росою омочили;

И, грядущему на память,
Позднимъ внукамъ въ назиданье,
Стройный памятникъ воздвигли,
Дѣлъ ихъ славныхъ воздаянье,—
Да отнынѣ Руевица
Внукамъ, правнукамъ вѣщаетъ:
«Здѣсь три тысячи отважныхъ
Братьевъ Русскихъ почиваетъ,
Что приспѣли вольной-волей
Въ помощь Сербскому народу—
Отомстить его обиды,
Отстоять его свободу!
И святая эта жертва,
Ихъ посѣвъ у насъ кровавый,
Отродится намъ свободой,
А всему Славянству—славой!»

Лѣтопись Славянской жизни,
Повѣсть славы и страданья,
Запиши, на память внукамъ,
Братьевъ свѣтлыя дѣянья!»

Напечатано въ газетѣ „Россія“ въ 1880 г., въ журн. „Вѣкъ“ въ 1882 г. и въ книгѣ „Первыя 15 лѣтъ дѣят. Слав. Благ. Общ.“.

Ненавистникамъ М. Г. Черняева.

Когда герой, въ борьбѣ изнемогая,
Врага сильнѣйшаго напоръ не могъ сдержать,—
Вы, подлыхъ псовъ озлобленная стая,
Съ злорадствомъ ринулись героя въ грязь топтать.

Писаки-шулера, банкиры, аферисты:
Всѣ, въ комъ грязна душа, всѣ, чьи дѣла не чисты,—
Вы рады запятнать любого изъ людей,
Который, отрѣшась бездушнаго разсчета,
Вставъ противъ лжи людской и всяческаго гнета,
Всецѣло сталъ жрецомъ возвышенныхъ идей.—

Написано вдвоемъ съ членомъ Сл. Ком. А. У. Д—мъ; напечатано въ составленномъ мною сборникѣ „Славянство“, изд. весною 1877 г.

Изъ письма Митрополиту Сербскому Михаилу

18 ноября 1879 года.

Въ первомъ Вашемъ письмѣ ко мнѣ Ваше Высокопреосвященство говорите, что сербы считаютъ себя обиженными, и спрашиваете о причинахъ: почему такъ съ ними поступаютъ, и что нужно дѣлать для установленія лучшихъ отношеній между сербами и русскими.

Но, Боже мой! есть ли хоть одинъ славянскій народъ, не исключая, конечно, и насъ, русскихъ, который могъ бы считать себя не обиженнымъ судьбой? Доселѣ еще ни одинъ Славянскій народъ не отвоевалъ себѣ полной политической самостоятельности и цѣлости. Сербство разодрано на клочья, розданныя разнымъ хозяевамъ, но и Болгарія тоже; но и сама Русь также недосчитываетъ $3^1/_2$ милліоновъ своихъ сыновъ, несущихъ одинаковую, если еще не горшую участь съ сербами Далмаціи, Срема, Баната, Босніи и Герцеговины. Положеніе чеховъ, словаковъ, сербовъ лужицкихъ, быть можетъ, еще опаснѣе.

Причина нашихъ несчастій, нашаго рабства — глубокая врожденная ненависть къ намъ нашихъ могущественныхъ враговъ-иноплеменниковъ и наше славянское легковѣріе, довѣрчивость и угодливость по отношенію къ чужимъ, врагамъ, и неуживчивость, зависть, несогласіе между своими; словомъ: тотъ нашъ закоренѣлый въ насъ грѣхъ, который еще въ XVII вѣкѣ соотчичъ Вашъ, жившій при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, —Юрій Крижаничъ вѣрно обозначилъ названіемъ *ксеноманіи*, или *чужебѣсія*, которое вело и нынѣ ведетъ къ *чужевладству*, т. е. къ господству и хозяйничанью въ славянскихъ земляхъ инородцевъ и иноземцевъ, и ко всѣмъ проистекающимъ изъ того нашимъ народнымъ срамотамъ и бѣдствіямъ.

Мудрено ли, что враги наши, которые въ противоположность намъ, лживы и лукавы искони, пользуются нашими недостатками во вредъ намъ и славянскими же руками наносятъ все новыя и новыя раны славянскому дѣлу? Развѣ не прискорбное явленіе, — что въ то время, какъ Австро-Венгрія стоитъ надъ Балканскими славянами съ разинутою алчною

пастью, ища кого изъ нихъ скорѣе поглотить,—въ это время Сербы и Болгары, вмѣсто общаго дѣйствованія, начинають считаться между собою и готовы чуть не биться другъ съ другомъ изъ-за границы между ними, не совсѣмъ такъ проведенной, какъ бы, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, слѣдовало.

Я думаю, что тѣ обиды, о которыхъ Вы говорите и на которыя жалуются сербы, могутъ быть объяснены ошибками должностныхъ лицъ, недостаточнымъ знакомствомъ ихъ съ дѣломъ, невѣдѣніемъ и недомысліемъ. При томъ тяжеломъ положеніи дѣлъ у насъ внутри, о которомъ я писалъ Вашему Высокопреосвященству въ прошлогоднемъ письмѣ, посланномъ съ Н. В—чемъ, промахи и даже крупныя ошибки и во внѣшнихъ дѣлахъ, обидныя для васъ и для насъ, не только возможны, но даже и неизбѣжны; но было бы болѣе нежели грустно, если бы они могли повлечь за собою охлажденіе и ухудшеніе отношеній—не говорю между Русскимъ и Сербскимъ народами, такъ какъ народы стойки въ своихъ привязанностяхъ и чувствахъ, а—хотя бы только между т. наз. интеллигенціею вашею и нашей, т. е. между образованнымъ меньшинствомъ вашего и нашего народа. Какъ я уже высказывалъ и прежде, необходимо различать между дипломатіею и ея исполнителями съ одной стороны и между обществомъ и народомъ съ другой. Просмотрите списокъ нашихъ дипломатовъ: подъ фирмою дряхлаго премьера съ русскимъ именемъ, но, конечно, не на русскихъ идеалахъ воспитаннаго, — кто заправляетъ судьбами Славянскаго міра?—Гирсы, Сакены, Гамбургеры, Жомини и т. п.! Между нашими дипломатическими представителями при иностранныхъ дворахъ много ли найдется, не говорю уже—людей съ русскою душой, а хотя бы только съ русскою фамиліей?

Неестественное и пагубное положеніе вещей! но неестественность и гибельность его сознается уже обществомъ и народомъ, и потому—недалекъ ему конецъ!

Безпринципность въ правительствѣ не можетъ не дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ и на общество, и на печать; поэтому есть и въ т. наз. интеллигенціи нашей отдѣльныя личности, слывущія патріотами, учеными, и даже славистами, которые, однако же, когда является необходимость бороться за дѣло, сторонниками котораго они себя объявляютъ,—оказываются людьми неустойчивыми, безъ глубокаго руководящаго чувства въ сердцѣ и, какъ говорится, безъ царя въ головѣ. Эти господа часто, начавъ за здравіе, сводятъ за упокой, и въ настроенныхъ на патріотическій и гражданскій ладъ рѣчахъ ихъ зачастую прорываются фальшивыя ноты.

Не эти люди—соль Русской земли, не они станутъ въ

основаніе угла обновленной Россіи! На нашей народной нивѣ есть другіе сѣятели, имя же ихъ — легіонъ, — люди твердыхъ убѣжденій и твердаго закала; тихо и незамѣтно совершается ихъ работа, какъ незамѣтно крѣпнетъ народная сила и зрѣетъ народная мысль.

Возвращаюсь къ вопросу объ отношеніяхъ между русскими и сербами. Причиною частныхъ недоразумѣній и неудовольствій взаимныхъ, которыхъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ избѣгать, бываютъ, часто—мелочность, излишняя горделивость и чиновничье, канцелярское отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, дѣло о долгѣ Сербскаго правительства Славянскому Обществу, мнѣ кажется, могло бы быть совершенно спокойно улажено личными объясненіями и переговорами. Славянское Общество не требовало немедленной уплаты всего долга, а настаивало, главнымъ образомъ, на формальномъ его признаніи со стороны Сербскаго Правительства. Между тѣмъ, Сербскій посланникъ, г. Милосавъ Протичъ, вмѣсто того, чтобы лично въ Совѣтѣ Славянскаго Общества разъяснить дѣло и придти къ должному соглашенію, какъ совѣтовало ему сдѣлать и Сербское министерство, отнесся къ дѣлу по чиновничьи; прислалъ намъ длинное посланіе, которое ничего не разъяснило, а напротивъ только усложнило и запутало дѣло, само по себѣ простое и ясное. Я помню, въ 1876 году г. Протичъ часто бывалъ въ Славянскомъ Обществѣ и былъ со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ. Не знаю, что заставило его измѣнить эти отношенія; только во второй его пріѣздъ въ Россію, въ качествѣ Сербскаго посла, онъ ни разу не былъ у насъ въ Совѣтѣ и, устроивъ минувшимъ лѣтомъ, въ день объявленія первой Сербской войны, особое богослуженіе въ Исакіевскомъ соборѣ, не далъ знать о томъ Славянскому Обществу, которое не только трудами, но и кровію нѣкоторыхъ своихъ членовъ участвовало въ этой войнѣ. Мы узнали о богослуженіи 20 іюня уже на другой день и лишены были возможности присутствовать на общей молитвѣ. Поступи въ этомъ случаѣ г. Протичъ иначе,—церковь была бы полнѣе и, можетъ быть, самыя молитвы Господу пріятнѣе.

Постоянный представитель Сербіи въ Петербургѣ могъ бы много принести пользы Сербскому дѣлу, но для этого нуженъ человѣкъ живой и дѣятельный, имѣющій охоту и умѣнье сходиться и ладить съ людьми. Онъ долженъ стараться на сколько возможно тѣснѣе сблизиться съ нашими дипломатами и людьми, вліяющими на дипломатію, и частыми личными бесѣдами располагать ихъ въ свою пользу и разсѣевать въ нихъ тѣ ошибочные взгляды на дѣло, которые часто ведутъ къ вашему, а

слѣдовательно, и къ общему вреду. Но, чтобы добиться такого вліянія, — недостаточно быть только точнымъ исполнителемъ распоряженій идущихъ изъ Бѣлграда, а нужно имѣть и собственный починъ.

Образчиками чиновничьяго, мертваго отношенія къ дѣлу является большинство русскихъ дипломатическихъ представителей за границей; я думаю и Сербы видали ихъ достаточно. Не дай Богъ, чтобы Сербы въ этомъ отношеніи брали съ насъ примѣръ!

Поменьше гордости, зависти, желанія первенствовать и господствовать, и побольше добродушія, искренности и желанія истинной свободы себѣ и другимъ: вотъ что нужно славянамъ для установленія между ними братскихъ отношеній, а за тѣмъ и для достиженія ихъ общей цѣли—внѣшней и внутренней, политической и духовной независимости и равноправнаго существованія въ ряду другихъ народовъ. «Кто не признаетъ брата за брата, тотъ чужеродца признаетъ себѣ за господина». Въ виду наступающаго со всѣхъ сторонъ алчнаго и хищнаго врага, время ли славянамъ затѣвать между собою мелкія дрязги? Время ли ссориться и враждовать изъ-за того, если бы даже дѣйствительно, по ошибкѣ, а можетъ быть, и по умыслу и вліянію враговъ, клочекъ земли Сербской достался Болгаріи или наоборотъ? Время ли считаться заслугами и доблестью, и собственная неудача или утрата даетъ ли право сѣтовать на то, что другому несчастливцу и страдальцу удалось воротить кое-что? Не должно ли, напротивъ, каждое пріобрѣтеніе одного изъ братскихъ народовъ служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ другимъ, такъ какъ усиленіе каждаго изъ нихъ есть усиленіе всѣхъ.

Дурно поэтому поступаютъ тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые, какъ, напр., пишущіе въ московской газетѣ «Востокъ»,—отдавая должное Сербамъ и защищая ихъ нужды и права, занимаются въ тоже время постоянными нападками на Болгаръ; само собою разумѣется, что одинаково безумны и тѣ, которые поступаютъ обратно, т. е. берутъ подъ свое исключительное покровительство болгаръ и, Богъ вѣсть, почему, непріязненны сербамъ. Тѣ и другіе, поддерживая рознь, оказываютъ дурную услугу и сербамъ и болгарамъ, и вообще дѣлу славянскому. Долгъ христіанина и брата — не льстить брату, а указывать ему на его недостатки и ошибки. Русскіе въ сербахъ, какъ и сербы въ русскихъ, могутъ замѣчать тѣ или другіе недостатки и, пожалуй, въ правѣ иной разъ и, посердиться за нихъ другъ на друга; это бы еще не бѣда, лишь бы не забывалось при этомъ, что мы всетаки братья и что,

не смотря на взаимные недостатки и слабости, должны всетаки, когда нужно, быть вмѣстѣ и стоять другъ за друга въ бѣдѣ. Я знаю, что не смотря на дѣльныя иногда замѣчанія и бездѣльныя выходки въ нашей печати, задѣвающія самолюбіе сербовъ, не смотря на промахи дипломатіи, Россія, т. е. громадное большинство Русскаго народа, вся та его часть, въ которой все могущество, вся сила, все будущее Россіи,—искренно и горячо любитъ сербовъ, не отдѣляетъ ихъ народнаго дѣла отъ своего собственнаго, желаетъ имъ добра, и прежде, и главнѣе всего, политическаго и національнаго освобожденія и объединенія, и въ рѣшительную минуту не оставитъ сербовъ на произволъ судьбы, а будетъ защищать ихъ дѣло, какъ свое.

На мою долю выпалъ пріятный трудъ изложить въ посланномъ Вашему Высокопреосвященству къ 14 октября, изъ С.-Петербурга поздравительномъ адресѣ чувства и пожеланія, которыя питаетъ русское общество какъ по отношенію лично къ Вамъ, такъ и по отношенію къ Сербскому народу. Я счелъ себя вправѣ говорить тамъ отъ лица всей *русской Россіи* и еслибы требовать формальное доказательство этого права, то къ подписямъ, собраннымъ на адресѣ всего въ полдня, можно было бы собрать десятки, сотни тысячъ, и даже милліоны подписей.

Русская Россія не отдѣляетъ, говорю я, Сербскаго дѣла отъ своего: ее одинаково оскорбляетъ господство и хозяйничанье ненавистной ей Австріи какъ въ Галиціи и Карпатской Руси, такъ и въ Сербскихъ: Далмаціи, Сремѣ, Босніи, Бокѣ и Герцеговинѣ.

Эта русская Россія живетъ нынѣ въ полнѣйшей увѣренности, что, не смотря на все миролюбіе и уступчивость правительства, не смотря на обиліе внутреннихъ задачъ, не сегодня—завтра, въ близкомъ и близкомъ будущемъ, намъ придется выдержать тяжелую, жестокую борьбу съ европейскимъ западомъ за славянское дѣло, за славянскую свободу. Готовая стоять за это дѣло до послѣднихъ силъ, Россія увѣрена также, что, не смотря на временныя огорченія и обиды, не смотря на происки, заискиванія и задабриванія Австріи и другихъ нашихъ недоброжелателей,—въ рѣшительную минуту, въ часъ борьбы, Южное Славянство и въ частности Сербство будетъ не противъ насъ, а съ нами.

Въ общеславянскихъ цѣляхъ, казалось бы полезнымъ устроить въ Бѣлградѣ; какъ центрѣ Сербства — одного изъ дѣятельнѣйшихъ и важнѣйшихъ членовъ Славянской народной семьи,—нѣчто въ родѣ Славянскаго Комитета—подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Комитетъ этотъ долженъ бы имѣть въ

виду Сербскія земли внѣ Княжества, поддерживая въ нихъ сербское и православное населеніе въ отношеніяхъ церковномъ, литературномъ, воспитательномъ и т. д. и т. д. Онъ могъ бы давать убѣжище и средства существовать такимъ сербскимъ дѣятелямъ, которые за свою любовь къ родинѣ принуждены бываютъ оставлять ее и все, что въ ней имѣли.

Сербскій Комитетъ долженъ бы быть въ непосредственной связи съ русскими Славянскими Обществами, могъ бы имѣть въ нихъ поддержку и съ своей стороны доставлять имъ необходимыя свѣдѣнія для вѣрной оцѣнки положенія дѣлъ, — которыхъ у насъ часто не достаетъ. Сюда дошелъ было слухъ, что въ Бѣлградѣ, готово образоваться подобное Общество, и это насъ было порадовало; но хотѣлось бы отъ Вашего Высокопреосвященства получить по этому предмету вполнѣ уже достовѣрное извѣстіе.

Славянское Общество озабочено теперь сборомъ книгъ, для высылки въ Славянскія земли; поэтому очень кстати пришлось предложеніе Правленія Бѣлградской Народной читальни, которое Совѣтъ Славянскаго Общества съ признательностію принялъ, о чемъ я особо пишу отцу Нестору. Испрашиваю на себя и свое семейство архипастырское Ваше благословеніе и, имѣю честь быть искренно преданнымъ Вашему Высокопреосвященству. *Аѳ. Васильевъ.*

Петроградъ.

Привѣтствіе Введенской гимназіи

20 ноября 1885 г. съ освященіемъ церкви св. Меѳодія и Кирилла.

Славянское благотворительное Общество, ратующее подъ знаменемъ святыхъ Меѳодія и Кирилла за свободное развитіе славянскихъ народовъ въ духѣ христіанскаго единомыслія и любви, привѣтствуетъ Введенскую гимназію съ открытіемъ храма Божія въ память святыхъ Солунскихъ Братьевъ, воздвигшихъ изъ народовъ славянскихъ нерукотворный храмъ Божій и положившихъ въ славянскихъ земляхъ незыблемое основаніе истиннаго просвѣщенія и свободы.

Да процвѣтаетъ же, споспѣшествуемое молитвами святыхъ Славянскихъ Апостоловъ, это учебное заведеніе и да выходятъ изъ него юноши крѣпкія тѣломъ и духомъ, нелукавые сыны Церкви, мужественные ревнители правды Божіей, самоотверженные и доблестные защитники Родной Земли и всего Славянства!

Письмо въ „Новое Время".

Въ № 2116 «Новаго Времени» напечатано полученное, по словамъ редакціи, отъ г. предсѣдателя петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества заявленіе, въ которомъ сказано, будто появившееся въ газетахъ извѣстіе о томъ, что въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества, 10-го января (1882), избраны въ почетные члены общества Богданъ Зимоничъ и Стоянъ Ковачевичъ,—не точно, и что вслѣдствіе этого совѣтъ Славянскаго Общества долгомъ считаетъ заявить редакціи, что хотя о выборѣ упомянутыхъ выше лицъ въ почетные члены общества и было сдѣлано заявленіе въ общемъ собраніи, встрѣтившее нѣкоторое сочувствіе, но самый вопросъ не былъ предложенъ предсѣдателемъ къ утвержденію общаго собранія.

По поводу этого страннаго заявленія я, какъ членъ Совѣта Славянскаго Общества, считаю своею обязанностью печатно заявить слѣдующее:

1) Засѣданія Совѣта общества, послѣдствіемъ котораго могло бы быть напечатанное въ № 2116 «Новаго Времени» заявленіе, въ дѣйствительности не было; по крайней мѣрѣ я, членъ Совѣта, о его засѣданіи не былъ оповѣщенъ, поэтому, если было какое-либо совѣщаніе другихъ членовъ Совѣта съ г. предсѣдателемъ, то оно могло имѣть лишь частный характеръ и никакого заявленія *отъ имени Совѣта* послѣдствіемъ его быть не могло.

2) Содержаніе напечатаннаго въ № 2116 «Новаго Времени» заявленія не согласно съ истиною. Стоянъ Ковачевичъ и Богданъ Зимоничъ 10-го января *дѣйствительно выбраны* въ почетные члены Славянскаго Общества. Избраніе ихъ состоялось, вслѣдствіе сдѣланнаго мною въ собраніи предложенія,—совершенно на одинаковыхъ основаніяхъ и тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и избраніе въ почетные же члены общества еще четырехъ лицъ *), состоявшееся въ томъ же собраніи по предложенію двухъ другихъ членовъ общества. Г. предсѣдатель въ собраніи не только не возразилъ противъ сдѣланнаго мною заявленія, но, выслушавъ его, обратился къ собранію съ вопросомъ: избираетъ ли оно въ почетные члены предложенныхъ мною лицъ? на что въ отвѣтъ нѣкоторые изъ членовъ замѣ-

*) Полководцевъ: Мих. Дм. Скобелева, І. В. Гурко, Радецкаго и Ганецкаго.

тили: «отчего же нѣтъ?» «вѣдь это извѣстные славянскіе дѣятели!» и вслѣдъ за этимъ раздались рукоплесканія собранія, такъ что заявленіе мое встрѣтило не нѣкоторое только, а полное сочувствіе общества, *было предложено къ утверждснію* самимъ *г. предсѣдателемъ* и было обществомъ утверждено. Какъ заявленіе мое, такъ и одобреніе его собраніемъ были записаны г. секретаремъ общества: я и другіе члены общества видѣли, что г. секретарь заносилъ то и другое въ черновой протоколъ собранія, причемъ онъ даже переспросилъ меня объ именахъ, предложенныхъ мною лицъ, чтобы не сдѣлать ошибки при записи. Такимъ образомъ, ни у меня и ни у кого изъ членовъ общества бывшихъ въ собраніи 10-го января, съ которыми мнѣ пришлось говорить послѣ собранія, не было и тѣни сомнѣнія относительно того, что выборъ Зимонича и Ковачевича въ почетные члены общества состоялся.

Нов. Вр. 1882 г. № 2118.

Добро пожаловать!

Въ настоящее время (іюнь 1891 г.) у насъ въ Россіи — двойная радость, двойное торжество!

Французская броненосная эскадра, стоящая въ устьѣ Невы, всенародная задушевная ей встрѣча и царскій радушный пріемъ знаменуютъ собою полный конецъ вѣковому недоразумѣнію, приводившему не разъ къ безцѣльной кровавой борьбѣ два могущественнѣйшія европейскія государства — Россію и Францію, которымъ въ сущности нечего было между собою дѣлить и не изъ-за чего было враждовать и спорить. Отнынѣ, если Провидѣнію угодно будетъ свести русскія и французскія войска на боевомъ кровавомъ полѣ, то — мы твердо въ это вѣримъ — Оно сведетъ ихъ не какъ враговъ, а какъ надежныхъ и вѣрныхъ друзей и союзниковъ! А такому великому и мощному союзу какая злобная коалиція въ силахъ будетъ противостать?

Другіе не менѣе дорогіе и желанные наши гости, это — Король Сербскій Александръ и окружающая его свита съ маститымъ хитроумнымъ регентомъ Ристичемъ и народнымъ любимцемъ первымъ министромъ Пашичемъ во главѣ. Радоваться ихъ пріѣзду побуждаетъ русскихъ людей не политическій разсчетъ (хотя пріѣздъ этотъ и не лишенъ политическаго значенія), а — просто-на-просто наша искренняя любовь къ Сербамъ, какъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ нашимъ

братьямъ, ибо, по слову святаго Славянскаго Первоучителя Меѳодія, «добро и красно быть братіи вкупѣ». Не скроемъ, однако, что радость русскихъ людей была бы полнѣе, если бы въ числѣ дорогихъ сербскихъ гостей рядомъ съ королемъ-юношею мы видѣли наконецъ успокоенною и достойно почтенною, столь у насъ въ Россіи любимую, его страдалицу-мать!

Благовѣстъ, вып. 21, 15 іюля 1891 г.

Привѣтъ Королю Сербскому Александру.

Ваше Кралевско Величанство!

Сви Руси уопште, а ми чланови Славенског Добротворног Друштва особито сречьни смо, што видимо овдѣ, у Русской престольници, у пуномъ здравлю Вас — нашлѣдника славе Нѣмани и Душана, вѣнчаног Краля единокрвног и единовѣрног, вазда нам милог народа Српског. Надамо се видѣти Вас овдѣ йош у болѣ врѣме: видичѣмо, ако Бог да, Вас владаоцемъ не само садашнѣ Ваше Кралевине, но и Срема и Бачке и Босне питоме,—аж до мора Ядранског.

Живио нам Свѣтли Краль Александер, живило Српство и цѣлокупно Славянство!

Іюль 1891 г.

Мудрое рѣшеніе Сербскаго Правительства.

Сербское министерство иностранныхъ дѣлъ увѣдомило папскаго нунція въ Вѣнѣ, Галимберти, что Сербіи не представляется никакой надобности въ соглашеніи съ Римской церковью о сербскихъ католикахъ, почему всѣ переговоры, начатые раньше министерствомъ Пашича съ римскимъ престоломъ о заключеніи договора, по примѣру Черногоріи, касательно введенія въ церковную службу сербскихъ католиковъ славянскаго языка и подчиненія ихъ особому назначенному папою епископу—должны считаться прекращенными.

Странное истолкованіе даетъ этому, *отрадному съ православнославянской точки зрѣнія,* поступку новаго сербскаго правительства сербская радикальная печать.

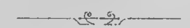
По словамъ «Одъека», главнаго органа сербскихъ радикаловъ, отказъ Авакумовича отъ соглашеній съ римскою куріей по дѣлу о богослужебномъ языкѣ сербскихъ католиковъ и о поставленіи для нихъ особаго католическаго епископа, составляетъ первый шагъ сербскаго правительства на почвѣ уступокъ Австро-Венгріи. Занятое у себя дома борьбою съ народомъ, либеральное правительство по необходимости-де является слабымъ въ борьбѣ съ чуждыми интересами и роковымъ образомъ должно въ этой борьбѣ поступаться интересами родины. Такъ и теперь либеральное министерство отдаетъ, будто бы, сербскую католическую церковь подъ защиту Австріи и ея бѣлградскаго посланника. «Одъекъ» видитъ въ этомъ полученные Австріею первые и тяжелые проценты за уступки послѣдней въ дѣлѣ возобновленія сербско-австрійскаго торговаго договора.

Мы, русскіе, совершенно не согласны съ приведеннымъ отзывомъ органа сербской радикальной партіи, и, напротивъ того, привѣтствуемъ отъ всей души сербское правительство съ отказомъ его продолжать переговоры о такомъ дѣлѣ, относительно котораго православному Сербскому Королевству самое лучшее ни въ какія соглашенія съ Римомъ не входить и никакими обязательствами въ отношеніи его себя не связывать.

Въ Сербіи всего на все какихъ нибудь три католическія сербскія (или вѣрнѣе хорватскія) семейства; остальные католики—иностранцы-иноплеменники. Для чего-же ей заводить у себя католическое *славянское* богослуженіе и особаго католическаго епископа? Не значило ли бы это пустить козла еще въ одинъ славянскій огородъ, т. е. дать Риму и той-же Австріи новое могущественное средство для совращенія въ католичество православныхъ славянъ,—для внесенія разновѣрія въ Сербію, которая доселѣ отъ этой язвы была почти свободна?—Нѣтъ! Начатые министерствомъ Пашича переговоры съ Римомъ были дѣломъ необдуманнымъ, и теперешнія нападки радикаловъ на либеральное министерство за отказъ отъ этихъ переговоровъ суть ничто иное, какъ одинъ изъ обычныхъ, къ сожалѣнію, у сербовъ, какъ и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, пріемовъ партійной борьбы. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы осуждать сплошь всѣ дѣйствія и мѣропріятія противной стороны, даже и тѣ, которыя съ государственной и народной точки зрѣнія представляются вполнѣ цѣлесообразными и мудрыми. Зная этотъ пріемъ, намъ, русскимъ, надо въ высшей степени осторожно относиться ко всякимъ взаимнымъ счетамъ органовъ славянской печати.

Что касается борющихся въ настоящее время въ Сербіи за власть радикаловъ и либераловъ, то эта борьба ведется скорѣе изъ-за личныхъ выгодъ вожаковъ той и другой партіи, нежели изъ за народныхъ интересовъ: ибо существеннаго различія между этими партіями, въ отношеніи внѣшней по крайней мѣрѣ политики, нѣтъ. Поэтому побѣдятъ-ли на предстоящихъ (вь февралѣ будущаго года) выборахъ въ скупщину либералы или радикалы, такъ какъ и тѣ и другіе одинаково сознаютъ необходимость для Сербіи держаться въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей, то и мы, русскіе, и тѣмъ и другимъ одинаково будемъ друзьями.

Благов. вып. 45, 1 дек. 1892 г.



Здравица въ честь Сербскаго посла Алимпія Васильевича *).

Съ дорогимъ нашимъ гостемъ, Алимпіемъ Васильевичемъ, всѣхъ насъ особенно связываютъ воспоминанія о знаменательномъ и для Сербіи и для Россіи трехлѣтіи—1875—6 и 7 годовъ. А первымъ и самымъ самоотверженнымъ дѣятелемъ того времени былъ малый числомъ, но великій духомъ Босно-Герцеговинскій Сербскій Народъ И вотъ—мое первое слово, моя здравица—въ честь этого народа! Закончу ее заключительными словами привѣтствія, посланнаго въ 1880 г. Высокопреосвященному Митрополиту Сербскому Михаилу по случаю 25-тилѣтія его епископства:

> Да освободится, объединится и да живетъ вѣкивѣчные въ счастіи и неразрывномъ братскомъ союзѣ съ остальнымъ Славянствомъ дорогой намъ Сербскій Народъ!

Второе мое слово таково:

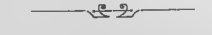
Есть русская пословица, которая какъ бы съ осужденіемъ говоритъ: „Началъ за здравіе, а кончилъ за упокой!“ Я намѣренъ сейчасъ поступить именно такимъ образомъ, не боясь,

*) Въ концѣ октября прибылъ въ Петербургъ, въ званіи сербскаго посла, Алимпій Васильевичъ. Заслуженный и выдающійся сербскій государственный дѣятель, Алимпій Васильевичъ въ то же время и выдающійся писатель своей страны. 22 ноября 1892 г. въ помѣщеніи редакціи «Свѣта», у В. В. Комарова, состоялся обѣдъ въ честь А. Васильевича, гдѣ и произнесена эта здравица.

однако же, вызвать съ вашей стороны осужденіе или укоризну. И вотъ почему: Мы, русскіе люди, а также и сербы, и, думаю я, также и всѣ православные люди,—не боимся смотрѣть въ глаза своей собственной смерти. Тѣмъ болѣе не боимся мы, а, напротивъ, любимъ поминать дорогихъ намъ близкихъ и искреннихъ, уже отшедшихъ. Мы, живущіе,—міръ земной съ міромъ надземнымъ находимся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и связи. Отшедшіе, святые и прославленные, являются нашими помощниками и заступниками, а тѣмъ изъ нихъ, чья загробная судьба намъ невѣдома, полезна, можетъ быть, наша грѣшная молитва и умѣстно здѣсь доброе о нихъ слово. И вотъ я хочу помянуть добрымъ словомъ тѣхъ, чья память для всѣхъ насъ здѣсь одинаково дорога и священна. Я говорю о русскихъ добровольцахъ, павшихъ за славянское дѣло въ Сербіи. Помяну ихъ стихами неизвѣстнаго мнѣ сербскаго автора, написанными по случаю постановки въ 1880 г. памятника на могилѣ русскихъ добровольцевъ, на холмѣ Руевицѣ, въ Сербіи, и напечатанными въ то время въ газетѣ „Истокъ"—органѣ той самой политической „либеральной" партіи, къ которой принадлежитъ дорогой нашъ гость Алимпій Васильевичъ.

Вотъ эти стихи *).

Благов. вып. 46, 15 дек. 1892 г.



Поправка.

3 августа въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ сообщеніи о молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ 2 августа, въ день рожденія и восшествія на престолъ Сербскаго Короля Александра I, сказано, что на этомъ молебнѣ присутствовалъ Генералъ-Контролеръ военной и морской отчетности А. В. Васильевъ, и что послѣ молебна присутствовавшіе были приглашены на завтракъ въ сербское посольство.

Это сообщеніе, насколько оно касается меня,—ошибочно, и я считаю нравственнымъ долгомъ просить редакцію по поводу его напечатать въ ближайшемъ № слѣдующее:

Меня называютъ сербы «другомъ Сербскаго народа», и я дѣйствительно горячо люблю этотъ народъ и близко принимаю къ сердцу всѣ его радости и печали. Когда Король Александръ,

---

*) См. стр. 466.

по вступленіи на престолъ, пріѣзжалъ въ Россію, я вмѣстѣ съ другими членами Славянскаго Общества привѣтствовалъ Его Королевское Величество въ Зимнемъ Дворцѣ,—и, быть можетъ, потому, что говорилъ съ нимъ по-сербски, — вызвалъ особое къ себѣ вниманіе Его Величества, высказавшаго при прощаніи желаніе видѣть меня своимъ гостемъ въ Бѣлградѣ.

Понятно поэтому, что въ день 2 августа въ прежніе годы я радостно участвовалъ въ общей съ сербами молитвѣ за ихъ Короля и затѣмъ въ Сербскомъ посольствѣ раздѣлялъ съ ними сербское веселье и трапезу.

Но въ теперешніе мрачные для Сербіи дни, когда тамъ заточаютъ и гонятъ заслуженныхъ сербскихъ дѣятелей, пользующихся въ Россіи общимъ уваженіемъ и любовью, — присутствіе русскихъ людей на какихъ бы то ни было оффиціальныхъ сербскихъ пріемахъ и торжествахъ я считаю неумѣстнымъ.

3 августа 1899 г.

ЗДРАВИЦА,

сказанная въ Сербскомъ посольствѣ 2 августа 1900 г.

Годъ тому назадъ внутреннее положеніе Сербіи было настолько печально, что мы, русскіе люди, искренно любящіе Сербскій Народъ, не могли съ искреннимъ чувствомъ участвовать въ бывшемъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ этотъ день оффиціальномъ сербскомъ торжествѣ. Тѣмъ съ большею радостью молились мы сегодня вмѣстѣ съ вами за здравіе Сербскаго Короля Александра и его супруги, Королевы Драги, и привѣтствуемъ васъ здѣсь съ обновленіемъ Сербіи, съ наступленіемъ въ ней мира и благоволенія. Источникъ всего добраго на землѣ, это—любовь. Вотъ и въ данномъ случаѣ любовь короля Александра къ избранницѣ его сердца произвела во внутреннихъ отношеніяхъ Сербіи такую спасительную перемѣну. Да будетъ же благословенъ этотъ союзъ, и да здравствуютъ многія лѣта ихъ величества Король Сербскій Александръ I и супруга его, Королева Драга — на счастье Сербскаго Народа!

Письмо Сербскому Королю Петру I.

Ваше Королевское Величество!

Позвольте мнѣ, давнишнему другу Сербскаго Народа, принести Вашему Величеству отъ себя и отъ лица многихъ русскихъ людей искреннѣйшія поздравленія съ счастливымъ возвращеніемъ Вашимъ въ Сербію и со вступленіемъ на Королевскій Сербскій престолъ. Примите горячія наши пожеланія Вамъ, Государь,—укрѣпить Вашу Державу и объединить въ ней остальныя, подневольныя пока, части Сербской Земли и Сербскаго Народа.

Въ единодушномъ избраніи Васъ на престолъ Народною Скупщиной, въ томъ, что Вы отозвались на это избраніе народнымъ кличемъ: «За крестъ святой и золотую свободу!» и въ торжественно данныхъ Вами обѣтахъ блюсти законъ, права и свободу Своего Народа, и вести Его къ Его завѣтнымъ цѣлямъ, — мы, русскіе Ваши братья, видимъ прочный залогъ и вѣрное обезпеченіе благополучнаго и славнаго царствованія Вашего на благо Сербству и всему Славянству.

Да благословитъ Господь Васъ и дорогую намъ Сербію. Царствуйте и здравствуйте многая лѣта!

Іюня 1903 г.
Петроградъ.

Въ защиту Западнаго Славянства.

Заявленіе въ Общемъ Собраніи членовъ П. Славянскаго б. Общества

14 апрѣля 1888 г. по выслушаніи отчета за 1887 г.

«Горячо сочувствуя росту издательской дѣятельности Славянскаго Общества, и желая дальнѣйшаго ея развитія, я, однакоже, по долгу члена Общества, ревнующаго о доброй его славѣ и вліяніи въ Россіи и въ остальномъ Славянствѣ, не могу не выразить сожалѣнія о допущенномъ въ этой дѣятельности недосмотрѣ. Важнѣйшее изъ нашихъ изданій, органъ Славянскаго Общества, его «Извѣстія», грѣшитъ иногда, притомъ именно въ редакціонныхъ руководящихъ статьяхъ, — такого рода теоріями и взглядами, которые рѣшительно не соотвѣт-

ствуютъ цѣлямъ Общества. Такъ, напримѣръ, напечатанная въ послѣднемъ выпускѣ «Извѣстій», за прошлый годъ редакціонная статья «Западный Славянскій вопросъ» содержитъ въ себѣ странные домыслы и гаданія о предстоящей еще Габсбургамъ великой роли, о возстановленіи свѣтскаго владычества папы,—чему, по мнѣнію автора, могла бы посодѣйствовать и Россія,—и о судьбѣ нашихъ братьевъ, Чеховъ и Словинцевъ, которыхъ онъ съ легкимъ сердцемъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ малозначащихъ оговорокъ, уступаетъ проектируемой имъ новой латино-нѣмецкой имперіи. Подобныя гаданія на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Общества» въ высшей степени обидны для братскихъ намъ народовъ, самоотверженно добивающихся, а потому и имѣющихъ право ожидать лучшей для себя доли и отъ насъ болѣе справедливаго къ себѣ отношенія. Изъ ихъ среды раздались уже негодующіе на статью г. Ламанскаго голоса. Но содержаніе этой статьи противно и русскому чувству, и я считаю необхолимымъ заявить объ этомъ здѣсь, въ нашемъ Общемъ Собраніи, такъ какъ отвѣтственность за руководящія редакціонныя статьи «Извѣстій Славянскаго Общества» падаетъ на всѣхъ насъ, его членовъ, хотя въ дѣйствительности эти статьи служатъ иной разъ лишь выраженіемъ личнаго и притомъ временнаго настроенія ихъ автора.

«Для благотворнаго служенія тому идеалу, во имя котораго создалось наше Общество, для достиженія тѣхъ цѣлей, ради которыхъ оно только и существуетъ, отъ насъ, его членовъ, требуется твердое признаніе за несомнѣнную истину того основного положенія славянофильства, «что весь Славянскій міръ есть разнообразный въ своихъ частяхъ, но тѣмъ не менѣе единый, цѣлостный народный организмъ, одно живое народное тѣло». Поэтому, не о возможности какихъ бы то ни было уступокъ врагамъ на счетъ той или другой части этого единаго и нераздѣльнаго въ нашемъ сознаніи славянскаго организма можетъ идти рѣчь въ изданіяхъ Славянскаго Общества! Напротивъ того, «Извѣстія» Общества должны бы постоянно и неумолчно гласить о томъ, что «всѣ, безъ всякаго изъятія, славянскія народности и земли, какъ бы слабы и малы онѣ ни были, и какъ бы ни были онѣ доселѣ пригнетены и принижены судьбой, должны быть общими усиліями охранены отъ угрожающей имъ національной гибели и призваны къ самостоятельному и самоцѣльному, для всѣхъ насъ общему, политическому бытію».

Письмо къ редактору „Русскаго Дѣла“.

Въ № 19 «Русскаго Дѣла» напечатано письмо Товарища Предсѣдателя С.-Петербургскаго Славянскаго Общества П. А. Васильчикова, содержащее въ себѣ порицаніе заявленію, сдѣланному мною 14 апрѣля въ Общемъ Собраніи членовъ названнаго Общества, о недосмотрѣ, допущенномъ, по моему мнѣнію, въ издательской его дѣятельности. Г. Васильчиковъ заявляетъ, что онъ нѣсколько разъ меня останавливалъ и намѣревался даже совершенно прервать мою рѣчь, такъ какъ онъ «считаетъ подобнаго рода полемическія выходки въ Общемъ Собраніи неудобными», онъ находитъ, что я «не имѣлъ и права выступать съ своимъ заявленіемъ, не предваривъ объ ономъ и не представивъ оное на предварительное разсмотрѣніе Совѣта», и что «самое порицаніе», которое я себѣ позволилъ по отношенію къ «Извѣстіямъ Общества», «было равно и безтактно и неосновательно».

Если бы эти нареканія г. Васильчикова касались только меня лично, я охотно-бы ихъ извинилъ и оставилъ безъ отвѣта. Но въ приведенныхъ выдержкахъ изъ его письма содержится неправильное пониманіе имъ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ, или, вѣрнѣе, должны существовать между предсѣдателемъ любого общественнаго собранія, должностными лицами Общества и его членами. Поэтому оставить письмо г. Васильчикова безъ возраженія представляется мнѣ неудобнымъ съ точки зрѣнія общественной пользы.

Членамъ каждаго благоустроеннаго общества не только принадлежитъ право обсуждать *въ Общихъ Собраніяхъ* дѣятельность выборныхъ лицъ, ведущихъ общественныя дѣла, и выражать совершенно свободно и искренно свои мнѣнія относительно этой дѣятельности, но это составляетъ ихъ прямую обязанность. Если члены Общества этимъ правомъ не пользуются и этою обязанностью пренебрегаютъ, то этимъ они обнаруживаютъ только равнодушіе свое къ общественному дѣлу. Если, съ другой стороны, выборныя лица охотно слушаютъ только похвалу, а всякій неодобрительный о ихъ дѣятельности отзывъ принимаютъ за посягательство на какія-то права, или за личную для себя обиду и выраженіе личной къ нимъ непріязни, то этимъ они обнаруживаютъ только неправильное пониманіе своего положенія и свою непригодность къ общественной службѣ. Наше Сла-

вянское Общество не можетъ составлять въ этомъ отношенiи какого либо исключенiя. Г. Васильчиковъ, очевидно, смотритъ на дѣло иначе, почему и обозвалъ мое заявленiе неосновательнымъ и безтактнымъ и думаетъ, что онъ имѣлъ право его прервать. Но въ Общемъ Собранiи 14 апрѣля онъ самъ, повидимому, не считалъ этотъ свой взглядъ для другихъ членовъ Общества обязательнымъ. Это я заключаю изъ того, что по докладѣ секретаремъ отчета о дѣятельности Общества, г. Васильчиковъ самъ обратился къ Собранiю съ вопросомъ: не желаетъ-ли кто нибудь сдѣлать замѣчанiе на отчетъ? Отвѣтомъ на это приглашенiе и было мое заявленiе о недосмотрѣ въ издательской дѣятельности Общества. Правда, услышавъ, что я неодобрительно отзываюсь о редакцiонной статьѣ «Извѣстiй Общества», г. Васильчиковъ пытался меня прервать, но онъ ссылался при этомъ не на отсутствiе за мною права сдѣлать заявленiе, а на то, что оно будто-бы къ отчету не относится и можетъ затянуть Собранiе, которому предстоитъ еще произвести выборы. Когда-же я ему возразилъ, что заявленiе мое будетъ кратко, что оно относится къ издательской дѣятельности, о которой сказано въ отчетѣ, и что я считаю необходимымъ его сдѣлать для пользы дѣла и потому, что члены Общества тоже несутъ нравственную отвѣтственность за направленiе его изданiй,—тогда г. Васильчиковъ, повидимому, успокоился и далъ мнѣ досказать мою мысль до конца.

Вопреки утвержденiю г. Васильчикова, корреспонденцiя въ № 17 «Русскаго Дѣла» совершенно вѣрно передала какъ полный текстъ моей рѣчи, такъ и то, что послѣдовало за ней, а именно сущность возраженiя г. Ламанскаго и заявленiя, сдѣланнаго вслѣдъ за этимъ возраженiемъ, (а не послѣ моего отвѣта на это возраженiе, такъ какъ я ничего на него не отвѣчалъ), самимъ г. Васильчиковымъ, въ которомъ онъ высказалъ, что онъ противился было моему заявленiю изъ опасенiя, чтобы оно не повело къ продолжительнымъ пренiямъ, но что въ сущности онъ «радъ, что это такъ случилось», такъ какъ и самъ онъ и, вѣроятно, и другiе члены Общества не могутъ не раздѣлять выраженныхъ мною взглядовъ. Заявленiе это сочувственно было принято Собранiемъ. Я не оспариваю того, что, быть можетъ, въ намѣренiе г. Васильчикова входило присоединиться только къ заключительной части моей рѣчи, но начало ея органически связано съ концемъ.

Въ заявленiи моемъ объяснено, по какому побужденiю и съ какою цѣлью я выступилъ съ нимъ въ Общемъ Собранiи. Что оно сдѣлано мною не безъ основанiя, доказывается тѣмъ,

что та статья въ «Извѣстіяхъ Общества», по поводу которой оно сдѣлано, вызвала, кромѣ моего, не мало и другихъ возраженій въ русской и въ заграничной славянской печати. Наконецъ, что я имѣлъ формальное на то право, въ доказательство ссылаюсь на § 11 устава Славянскаго Общества, который предоставляетъ Общимъ Собраніямъ не только принимать къ свѣдѣнію и одобренію отчеты и доклады о дѣятельности Общества и о дѣйствіяхъ Совѣта, но даетъ право *и обсуждать ихъ*, что было бы совершенно невозможно, если бы каждое заявленіе и каждую мысль обязательно было, какъ полагаетъ г. Васильчиковъ, представлять на предварительное разсмотрѣніе Совѣта.

Прошу другія изданія, перепечатавшія письмо г. Васильчикова, дать у себя мѣсто и настоящему моему возраженію.

Примите, и пр.

Напечатано въ № 21 „Русскаго Дѣла“ 1888 г.

Открытое письмо В. И. Ламанскому.

Милостивый Государь,

Владиміръ Ивановичъ!

Меня не особенно удивило то обстоятельство, что, помѣстивъ, по моему настоянію, въ послѣдней книжкѣ *) «Извѣстій Славянскаго Общества» заявленіе мое въ Общемъ Собраніи 14 апрѣля по поводу Вашей статьи «Западный Славянскій вопросъ», Вы въ примѣчаніяхъ къ этому заявленію изощряетесь въ остротахъ на тему о стремленіи моемъ преобразовать наше Славянское Общество въ масонскую ложу или орденъ меченосцевъ, и обвиняете меня, за мое «прямолинейное» славянофильство, въ фантазерствѣ, донкихотствѣ, въ грубомъ и мрачномъ средневѣковомъ фанатизмѣ, нетерпимости и мракобѣсіи. Когда дѣльныхъ возраженій не обрѣтается, а ученое самолюбіе и самомнѣніе сознанія въ сдѣланной ошибкѣ не допускаютъ, то поневолѣ приходится прибѣгать къ плохимъ остротамъ и «жестокимъ» словамъ. Я не намѣренъ разубѣждать ни Васъ,

*) За апрѣль—май (вышла во второй половинѣ іюля 1888 г.).

ни читателей «Извѣстій» въ вѣрности сдѣланной Вами оцѣнки моей личности и моего славянофильства: разубѣдить Васъ мнѣ едвали бы удалось; читатели же «Извѣстій», имѣя подъ руками мое заявленіе и Ваши многочисленныя по поводу этого заявленія примѣчанія и пространныя статьи, сами сообразятъ и разсудятъ, кто изъ насъ двоихъ искреннѣе и правѣе, и чей взглядъ на славянское дѣло цѣльнѣе и устойчивѣе.

Но, оставляя безъ возраженія собственно Ваши сужденія обо мнѣ и о моихъ взглядахъ, я, для пользы дѣла, считаю необходимымъ объясниться съ Вами относительно тѣхъ сторонъ Вашего возраженія, въ которыхъ есть недомолвки или невѣрныя, по моему мнѣнію, ссылки и утвержденія.

На замѣчаніе мое, что Ваши теоріи и взгляды противорѣчатъ цѣлямъ Славянскаго Общества, Вы возражаете: «Цѣль Общества раскрыта въ § 1 Устава Общества подъ буквами *а—з*». Возраженіе это не вполнѣ ясно; если же вникнуть въ него, то едва ли и основательно. Ссылкою на уставъ Вы, конечно, хотѣли сказать, что Ваши теоріи и взгляды, которые я нахожу несоотвѣтствующими цѣлямъ Общества, въ дѣйствительности этимъ цѣлямъ, какъ онѣ обозначены въ уставѣ, не противорѣчатъ. По буквѣ устава, пожалуй, Вы и правы; ибо уставъ, разрѣшая Обществу издавать книги, не опредѣляетъ, чѣмъ ихъ слѣдуетъ наполнять. Странно было бы, однако же, думать, что на страницахъ «Извѣстій Славянскаго Общества» можно печатать всякія, даже самыя предосудительныя и вредныя съ славянской точки зрѣнія статьи, благо буква устава этого не возбраняетъ. Кромѣ того, самое утвержденіе Ваше, будто цѣль Общества раскрыта въ § 1 устава, есть слѣдствіе недоразумѣнія. Каждому, «имѣющему очи», вполнѣ ясно, что всѣ тѣ дѣйствія, о которыхъ говорится въ § 1 устава подъ буквами *а—з* *), какъ о цѣли Общества, въ сущности не могутъ считаться его цѣлью, а суть лишь *средства и способы*,

---

*) Уставъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. § 1. «С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію: а) оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ; б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ Славянъ и Славянокъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею; в) пріискивать занятія для Славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію; г) подавать помощь Славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой-нибудь мѣстности, или края и т. п.; д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными обществами въ славянскихъ земляхъ; е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія; ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія; з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей».

которыми разрѣшено обществу пользоваться для преслѣдованія иной, истинной его цѣли, ни въ какомъ отдѣльномъ § устава прямо не указанной, однако же всѣмъ извѣстной изъ самого названія Общества и изъ общаго смысла его устава.

Эта цѣль, безъ которой непонятно было бы возникновеніе и существованіе Славянскихъ Обществъ въ Россіи, есть—утвержденіе славянской идеи, идеи славянскаго братства, и особенно, установленіе и укрѣпленіе прочныхъ братскихъ отношеній между Россіею и остальными частями Славянскаго Міра. Эту именно цѣль Славянскаго Общества имѣлъ я въ виду, возражая противъ нѣкоторыхъ Вашихъ теорій, и Вы, конечно, поняли мою мысль, но, затрудняясь прямо на нее отвѣтить, предпочли прикрыться буквою устава, которая, однако, Васъ въ этомъ случаѣ не выручаетъ.

Высказанныя мною положенія, которыя я считаю основными положеніями славянофильства, — что Славянство есть разнообразный въ своихъ частяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ единый цѣлостный народный организмъ, и что всѣ, безъ изъятія, славянскія народности и земли должны быть общими усиліями охранены отъ угрожающей имъ гибели и призваны къ самостоятельной совмѣстной политической жизни, — Вы считаете моимъ собственнымъ фантастическимъ вымысломъ и въ нихъ-то именно и видите мракобѣсіе и грубый фанатизмъ. «Значитъ», иронизируете Вы, «Кашебы, Сербы-Лужичане, Венеціанскіе Словѣнцы, затѣмъ, надо полагать, и всѣ Славяне въ Америкѣ Сѣверной и Южной будутъ охранены и призваны»!.. Я Вамъ отвѣчу на это: отчего-же и нѣтъ? Члены другихъ сильныхъ и сознающихъ свое достоинство націй пользуются всюду на земномъ шарѣ охраною и покровительствомъ своихъ метрополій. Отчего же бы и великому и мощному Славянскому міру не давать охраны и покровительства и тѣмъ славянамъ, которыхъ судьба загнала хотя бы въ Америку, или куда бы то ни было? Но не о далекихъ выходцахъ славянскихъ была у меня рѣчь, а о тѣхъ, которые сидятъ еще, благодареніе Богу, на своей землѣ! Сербы-Лужичане, Кашебы и Словѣнцы у насъ—разумѣю у всего остального Славянства — подъ рукой. Опознавшему себя Славянству отчего и этихъ своихъ братьевъ не охранить и не призвать? Какъ на славянской вещественной и духовной трапезѣ, такъ и во Всеславянскомъ Союзномъ Государствѣ *всѣмъ* Славянамъ, не утратившимъ славянскаго сознанія и чувства, будь это Лужичане, Словѣнцы и даже Кашебы, — должно быть уготовано равночестное съ остальными братьями мѣсто!

Къ этой цѣли—собрать воедино свои разрозненныя части

и дать всѣмъ имъ самостоятельное народное и политическое бытіе—Славянство обязано стремиться, и, если только оно въ эту цѣль будетъ твердо вѣрить, то, съ Божіею помощью, несомнѣнно ее и осуществитъ! Говоря это, я не пророчествую, ибо судебъ Божіихъ не дано намъ знать. При забвеніи своего долга, малодушіи и маловѣріи Славянство можетъ понести много новыхъ заслуженныхъ утратъ и каръ. При условіи же признанія русскими и иными славянскими дѣятелями идеи Славянства, т. е. идеи органическаго единства Славянскаго Міра, за руководящее начало теоретической и практической ихъ дѣятельности, при условіи живой и дѣятельной вѣры въ правоту славянскаго дѣла, въ свои силы и въ Божью помощь,—задача духовнаго народнаго и политическаго освобожденія Славянства, — самаго великаго и одареннаго изъ Іафетовыхъ племенъ,—во всѣхъ, безъ исключенія, его составныхъ частяхъ, не можетъ быть для него непосильной и неразрѣшимой!

Этою вѣрою въ грядущую всеславянскую всестороннюю свободу и братство не стыдно жить и за нее и съ нею красно умереть! Этою вѣрою жило и крѣпло славянофильство и ею оно оправдается и побѣдитъ!

Вспомнимъ, взывалъ къ Славянамъ Хомяковъ,

мы—родные братья,
Дѣти матери одной.
Братьямъ—братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!
Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!
Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!
Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,—
Братья станутъ заодно.
Всѣ велики, всѣ свободны!
На враговъ побѣдный строй,
Полны мысли благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Не содержится ли въ этихъ словахъ признанія органиче скаго единства Славянскаго Міра? И не ту же ли идею выражаютъ многія другія вдохновенныя стихотворенія Хомякова, Тютчева, и гнѣвная ода «Клеветникамъ Россіи» величайшаго

изъ нашихъ пѣснотворцевъ Пушкина? Данилевскій же требуетъ въ выраженіяхъ болѣе сильныхъ, чѣмъ я, исповѣданія славянскаго единства *):

«*Для всякаго*», говоритъ онъ, «*Славянина:* Русскаго, Чеха, Серба, Хорвата, Словѣнца, Словака, Булгара (желалъ бы прибавить Поляка),—*послѣ Бога и Его Святой Церкви, идея славянства должна быть высшею идеей,* выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага, ибо ни одно изъ нихъ для него не достижимо безъ ея осуществленія—*безъ духовно, народно и политически-самобытнаго, независимаго Славянства;* а напротивъ того, всѣ эти блага будутъ необходимыми послѣдствіями этой независимости и самобытности».

Итакъ: Пушкинъ, Хомяковъ, Тютчевъ, Данилевскій и прочіе славянофилы подлежатъ также Вашему упреку въ фанатизмѣ и мракобѣсіи. Но ихъ представленіе о Славянскомъ Мірѣ, какъ объ одной семьѣ, о Славянахъ, какъ о братьяхъ, становится всеобщимъ. Семья же въ нравственномъ смыслѣ не такой же ли точно единый, цѣлостный, недробимый насильственно организмъ, какъ и живое человѣческое тѣло? Поэтому, говоря о Славянствѣ, какъ о единомъ цѣлостномъ, нераздѣльномъ въ нашемъ сознаніи народномъ организмѣ, какъ объ одномъ живомъ народномъ тѣлѣ, я никакого новаго взгляда на Славянство не сочинилъ, а лишь остался вѣренъ прежнему и всегдашнему представленію о немъ славянофильства.

Съ такимъ представленіемъ о Славянствѣ Вы не согласны; собственный же Вашъ взглядъ на него, повидимому, еще не установился: «такіе теоретическіе вопросы, какъ: что такое Славяне? Одинъ ли народный организмъ или нѣсколько? Или объ историческомъ правѣ короны чешской», — говорите Вы, «рѣшаются научнымъ путемъ, размышленіемъ, наблюденіемъ и сомнѣніями, а не безпрекословною вѣрою и повиновеніемъ.» Но вѣдь это вопросы не одной только теоріи, а и жизни, въ которой, если мы будемъ все только сомнѣваться, то никогда ничего не достигнемъ. Размышлять о правахъ короны чешской и сомнѣваться въ томъ, что такое Славянство,—одинъ ли это народный организмъ, или нѣсколько, — можно въ какихъ-нибудь филологическихъ, археологическихъ и т. п. запискахъ. Задача же Славянскаго Общества и его «Извѣстій» не сомнѣнія плодить, а утверждать и распространять сознаніе органическаго единства Славянскаго Міра и необходимости для всѣхъ Славянъ тѣснаго сближенія и совокупнаго дѣйствія,—независимо отъ того, признаютъ ли филологи Славянство однимъ

*) Н. Я. Данилевскій. «Россія и Европа». Изд. 3-е, стр. 133.

народомъ, или же совокупностью одноплеменныхъ народовъ. Точно также, каковы бы ни были размышленія ученыхъ мужей и окончательный приговоръ ихъ объ историческихъ правахъ *короны чешской*, для русскихъ людей и особенно для насъ, членовъ Славянскаго Общества, не можетъ и не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что истинное мѣсто *Чешскаго Народа* должно быть съ остальными Славянами, во Всеславянскомъ Союзномъ Государствѣ подъ сѣнью святыхъ Кирилла и Меѳодія, а не въ латино-нѣмецкой имперіи подъ властью Габсбурговъ! Предвѣщаемая Вами борьба Габсбурговъ съ Гогенцоллернами за гегемонію въ Германіи, если бы это Ваше пророчество оправдалось, лишь облегчила бы Славянамъ задачу *всеобщаго* ихъ освобожденія, и, поистинѣ, надо имѣть сильно извращенную фантазію и очень мало вѣры въ Россію и остальное Славянство, чтобы предсказывать, что Габсбурги выйдутъ побѣдителями изъ этой борьбы, сохранивъ при этомъ за собою славянскія земли и власть надъ славянскими народами!

Вы справедливо думаете, что «въ дѣлѣ убѣжденія, какъ и въ высшихъ таинствахъ христіанской вѣры, не допускается принужденія, а требуется свободное произволеніе духа человѣческаго и дѣйствіе божественной благодати». Однако же, вѣрно и то, что какъ человѣку, лишенному вѣры, непристойно священнодѣйствовать, такъ и въ чисто человѣческихъ дѣлахъ людямъ, мало убѣжденнымъ въ правотѣ и успѣхѣ какого-нибудь дѣла, небезопасно имъ руководить!

Въ заключеніе считаю нелишнимъ остановиться на тѣхъ пріемахъ, которыми пользуетесь Вы въ борьбѣ со своими противниками, имѣющими несчастіе, или, пожалуй, счастіе расходиться съ Вами во взглядахъ.

Полемизируя съ чехомъ Лебедой *), Вы коснулись той его дѣятельности, которою, какъ Вы предполагаете, онъ существуетъ, и которая никакого отношенія къ предмету спора не имѣетъ: Вы удивляетесь, какъ онъ можетъ быть учителемъ, если не умѣлъ, какъ слѣдуетъ (т. е., какъ Вамъ было бы теперь желательно), понять и передать содержаніе Вашей статьи. Вы не замѣчаете при этомъ, что оружіе, за которое Вы ухватились,—обоюдоострое, и легко можетъ быть обращено противъ Васъ.

Всѣ органы славянской печати, высказавшіеся противъ Васъ, Вы характеризуете **) какъ органы «нечистоплотные и строго-австрійскаго духа», а тѣ, что за Васъ, — органами

---

*) «Извѣстія» за мартъ 1888 г.

**) «Извѣстія» апрѣль-май. Открытый отвѣтъ генералу Кирѣеву. Стр. 204.

славянскаго направленія. Не входя теперь въ оцѣнку того, насколько эта характеристика безпристрастна и вообще правильна, я замѣчу только, что если бы даже она и была вѣрна, то это ничуть не говорило бы въ Вашу пользу: органы славянскаго направленія воздерживаются говорить противъ Васъ или даже пытаются защищать Васъ лишь потому, что щадятъ въ Васъ имя русскаго ученаго и то положеніе, которое Вы занимаете въ Славянскомъ Обществѣ; органамъ же противуположнаго направленія статья Ваша дала все-таки достаточное основаніе для *справедливыхъ* на Васъ нападокъ.

Желая доказать, что въ Славянскомъ Обществѣ возраженія противъ Вашей статьи не встрѣтили значительной поддержки, Вы ссылаетесь *) на то, что Общее Собраніе, въ которомъ я сдѣлалъ противъ Васъ заявленіе, избрало Васъ огромнымъ большинствомъ въ члены Совѣта, что новый Совѣтъ черезъ нѣсколько дней послѣ собранія рѣшилъ моего заявленія въ журналъ собранія не вносить, а Вамъ, какъ редактору, выразить полнѣйшее довѣріе и просить Васъ не оставлять редактированіе «Извѣстій», и, наконецъ, что товарищъ предсѣдателя П. А. Васильчиковъ напечаталъ въ «Русскомъ Дѣлѣ» опроверженіе помѣщеннаго въ этой газетѣ отчета о собраніи 14 апрѣля, въ которомъ было сказано, что собраніе единодушно одобрило мое заявленіе. Письмо П. А. Васильчикова, въ которомъ онъ хвалитъ Васъ, говоря, между прочимъ, что «Извѣстія Общества» только подъ Вашимъ руководствомъ получили серьезное значеніе и интересъ, а мое порицаніе ихъ направленію признаетъ неосновательнымъ и безтактнымъ,—настолько Вамъ понравилось, что Вы въ одной и той же книжкѣ «Извѣстій» напечатали его два раза **).

Противъ всѣхъ этихъ Вашихъ доводовъ я ничего бы не имѣлъ, если бы Вы не позволили себѣ при этомъ такихъ умолчаній, благодаря которымъ читатели «Извѣстій» могутъ получить о дѣлѣ, если не совершенно превратное, то во всякомъ случаѣ весьма одностороннее представленіе. Такъ, если уже Вы ссылаетесь на то, что Общее Собраніе выбрало Васъ въ члены Совѣта послѣ моего заявленія, то Вамъ слѣдовало упомянуть, что одновременно съ этимъ оно выбрало въ Совѣтъ и меня, если и не огромнымъ, то все же таки тоже большинствомъ голосовъ. Если бы Вы объ этомъ не умолчали, то читателямъ было бы ясно, что, избирая Васъ снова въ Совѣтъ, Собраніе отнюдь этимъ не одобряло Вашихъ взглядовъ, про-

*) Тамъ же.

**) «Извѣстія» за апрѣль—май. Стр. 193 и 204.

тивъ которыхъ я возражалъ. Говоря о рѣшеніи Совѣта—моего заявленія не печатать и выразить Вамъ полнѣйшее довѣріе,— Вы прежде всего допускаете неточность. Это не было рѣшеніемъ Совѣта, а лишь частнымъ соглашеніемъ девяти его членовъ, которое съ формальной стороны представляется ничтожнымъ, ибо Совѣтъ не вправѣ устранять отъ участія въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ никого изъ *своихъ членовъ;* по существу же это соглашеніе весьма странно, какъ потому, что въ немъ выражено намѣреніе составить невѣрный протоколъ Общаго Собранія, такъ и особенно еще потому, что, придя къ соглашенію не печатать моего заявленія, тѣ семь лицъ изъ девяти согласившихся, которые были до 14 апрѣля членами Совѣта и Издательской Комиссіи, явились судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, такъ какъ замѣчаніе мое о недосмотрѣ, допущенномъ въ издательской дѣятельности Общества, касалось въ такой же, если еще не въ большей мѣрѣ, ихъ, какъ и Васъ. Затѣмъ, говоря объ этомъ рѣшеніи Совѣта и о письмѣ П. А. Васильчикова, Вамъ не мѣшало объяснить читателямъ, что то и другое вызвано было жалобою, съ которою Вы вошли въ Совѣтъ и въ которой, высказывая крайнюю обидчивость, Вы заявили, что, если кто-либо изъ членовъ Совѣта, кромѣ меня, раздѣляетъ мое мнѣніе о Вашей статьѣ, и если только мое заявленіе войдетъ въ протоколъ Общаго Собранія, то Вы немедленно бросите редактированіе «Извѣстій» и откажетесь отъ званія члена Совѣта и даже почетнаго члена Общества. Такимъ образомъ и рѣшеніе девяти членовъ Совѣта (которое, какъ Вамъ не безъизвѣстно, всетаки не было единодушнымъ), и письмо П. А. Васильчикова, имѣли цѣлью во что бы то ни стало Васъ успокоить, но о согласіи, или несогласіи гг. членовъ Совѣта съ тѣми именно Вашими взглядами, которые мною осуждены, ни въ протоколѣ соглашенія, ни въ письмѣ ничего не говорится; трое же изъ гг. членовъ Совѣта прямо выразили свое согласіе со мной, а не съ Вами: П. А. Васильчиковъ — въ Общемъ Собраніи, а А. А. Кирѣевъ и О. Ѳ. Миллеръ—въ печатныхъ статьяхъ. Да и во всѣхъ вообще словесныхъ и письменныхъ нападеніяхъ на меня Вашихъ приверженцевъ въ Обществѣ, вызванныхъ Вашею обидчивою жалобою, я обвиняюсь въ нарушеніи какихъ-то правилъ и порядковъ и въ рѣзкости относительно Васъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не заявлялось возраженія противъ сущности моего заявленія и въ защиту Вашей статьи.

Наконецъ, что касается упомянутыхъ упрековъ мнѣ въ безтактности и нарушеніи мною какихъ-то правилъ и чьихъ-то правъ, то на всѣ эти обвиненія я далъ ясный и обстоя-

тельный отвѣтъ П. А. Васильчикову, напечатанный въ томъ же «Русскомъ Дѣлѣ» (№ 21). Перепечатывая нападки на меня, Вамъ слѣдовало перепечатать и то, что сказано мною въ свою защиту. Остаюсь въ надеждѣ, что Вы сдѣлаете это хоть теперь.

(Напечатано въ «Русскомъ Дѣлѣ» 1888 г. № 36).

Рѣчь д-ра Живнаго въ Славянскомъ Обществѣ.

(Письмо къ редактору «Русскаго Дѣла»).

М. Г.

Въ № 30 «Русскаго Дѣла» Вы оцѣнили по достоинству поступокъ редактора вѣнской газеты «Парламентеръ», д-ра Живнаго, дерзнувшаго въ торжественномъ собраніи русскихъ людей на свѣтломъ праздникѣ православія выступить съ кощунственною и обидною для русскаго чувства хвалой злѣйшимъ врагамъ Россіи и всего православнаго Востока—Габсбургамъ. Но въ Вашей замѣткѣ содержится несправедливый, по моему мнѣнію, укоръ аудиторіи, встрѣтившей, будто бы, рѣчь д-ра Живнаго «громкими» рукоплесканіями. Сожалѣнія и укоризны заслуживаетъ не аудиторія, а—лица, распоряжавшіяся торжествомъ, просматривавшія и выправлявшія рѣчь д-ра Живнаго и не разглядѣвшія ни крайней ея непристойности, ни того, что она вся склеена изъ льстивыхъ фразъ и грубыхъ софизмовъ. Что же касается аудиторіи, то вѣдь, въ каждомъ людномъ собраніи всегда найдется нѣсколько человѣкъ, готовыхъ, не вникнувъ въ дѣло, рукоплескать оратору, особенно, если имя его пользуется нѣкоторою извѣстностью, а самъ онъ обладаетъ способностью говорить самоувѣренно и съ паѳосомъ. Этой способности у г-на Живнаго отнять нельзя, а потому и неудивительно, если въ собраніи два-три человѣка ему похлопали. Зато многіе изъ бывшихъ въ собраніи, или потомъ прочитавшихъ рѣчь д-ра Живнаго въ газетахъ возмущены ею до глубины души, и справедливо сѣтуютъ за нее на Совѣтъ Славянскаго Общества. Желательно, конечно, чтобы въ этомъ обществѣ давался просторъ выраженію всевозможныхъ мнѣній по славянскому дѣлу, и д-ру Живному также слѣдовало дать высказаться. Но всему свое время: бесѣдѣ съ г. Живнымъ могло быть посвящено обыкновенное членское собраніе гдѣ можно *все* спокойно выслушать и обсудить. Программы же торжественныхъ собраній должны составляться обдуманнѣе; по тѣмъ заявленіямъ, которыя въ нихъ дѣлаются, составляется мнѣніе объ обществѣ; возражать ораторамъ въ этихъ собраніяхъ не полагается, а потому и въ ихъ рѣчахъ не должно быть такого рода утвержденій, которыми извращается истина и оскорбляется здравый смыслъ и нравственное чувство. Между тѣмъ, мало того, что г. Живному предоставлено было вѣтійствовать въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества въ такой исключительный по своему значенію для всего православнаго Славянства, день, но ему позволено было и у него хватило смѣлости излагать свои софизмы отъ имени самого Славянскаго Общества. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его рѣчи *):

*) Рѣчь д-ра Живнаго цѣликомъ напечатана въ „Гражданинѣ" 17 и 18 іюля, 1888 г., №№ 197 и 198, произнесена она 15 іюля, на праздникѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

«Настоящее торжественное собраніе имѣетъ цѣлію засвидѣтельствовать ту историческую истину, что славянскій народъ, благодаря дѣятельности св. славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, и ихъ достославнаго преемника на апостольскомъ поприщѣ, св. Владиміра, пришелъ къ убѣжденію, что духовная просвѣтительная жизнь народа, основанная на истинной почвѣ народности, составляетъ идеалъ патріотовъ,—идеалъ, котораго славянскій народъ никогда не промѣняетъ на политическія стремленія съ государственными цѣлями».

«Политическое соединеніе Славянъ было бы безцѣльно, такъ какъ политическій долгъ каждаго гражданина, т. е. военная служба и денежныя подати вездѣ одинаковы; оно было бы и недостижимо; ибо Славяне никогда не были соединены политически и потому у нихъ нѣтъ общаго историко-политическаго сознанія, каковымъ обладаетъ народъ нѣмецкій.... Наконецъ, политическое соединеніе было бы обусловлено революціонными движеніями, на которыя никогда не рѣшатся Славяне, вѣрные монархическому принципу законности. И въ дѣйствительности славянскій народъ ни въ цѣломъ, ни въ какой-либо части, или партіи его, не стремится къ политическому соединенію».

«Возникаетъ вопросъ, могутъ ли западные Славяне достигнуть своей цѣли,—возстановить народное и культурное единство славянскаго народа?—Полагаю, что это удастся, благодаря австрійскому уставу, великодушно дарованному намъ августѣйшимъ монархомъ, его величествомъ императоромъ Францемъ Іосифомъ, юбилей котораго по случаю сорокалѣтняго его царствованія мы, австрійскіе Славяне, будемъ праздновать 2. декабря текущаго года, въ каковой день торжественно проявится преданность и вѣрность подвластныхъ ему Славянъ: ибо славянскій народъ, со включеніемъ русскаго племени—вотъ настоящій панславизмъ!—защищалъ императорскій тронъ Габсбурговъ отъ натиска революціонныхъ полчищъ въ 1848 и 1849 годахъ. Благодаря государственному уставу, т. е. основному державному закону отъ 21 декабря 1867 г., изданному по образцу Кромѣрижскаго устава, выработаннаго геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, Бахомъ, западные Славяне могутъ стремиться къ достиженію своей завѣтной цѣли, т. е. къ созданію одной общей славянской образованности».

«Ни даже въ мысляхъ, которыя въ австрійскомъ уголовномъ законѣ положительно признаются свободными, австрійскіе Славяне, какъ и вожди ихъ въ частности, не забывали своихъ вѣрноподданическихъ обязанностей; ихъ желаніе состоитъ въ томъ, чтобы жить спокойно и счастливо подъ кроткимъ скипетромъ славной династіи Габсбурговъ, и подвизаться на поприщѣ литературныхъ и культурныхъ работъ путемъ народнаго культурнаго объединенія съ славянскими братьями на Востокѣ и Югѣ. Желаніе это не остается тщетнымъ. Австрійскій основной законъ государственный предоставляетъ Славянамъ право осуществлять народное и культурное единство»... «Ст. 19 конституціи гласитъ: «Всѣ племена въ государствѣ пользуются одинаковыми правами и каждое племя имѣетъ ненарушимое право сохранять и развивать свою народность и свой языкъ... Итакъ, Славяне имѣютъ возможность отказаться отъ чуждой церкви, или чуждыхъ письменъ и возвратить себѣ свою православную церковь и свою кириллицу».

Какъ ни явенъ софизмъ приведенныхъ нами заявленій г. Живнаго, но нашлись же, да еще въ Славянскомъ Обществѣ, люди, признавшіе ихъ достойными вниманія торжественнаго собранія. Въ виду этого, быть можетъ, не лишнимъ будетъ отвѣтить на эти заявленія по существу.

Разумно ли противуполагать государственныя политическія стремленія духовнымъ, просвѣтительнымъ, культурнымъ цѣлямъ народа? Не должны ли

и тѣ и другія имѣть въ своемъ основаніи одну и ту же почву народности? Государство народное обережетъ самостоятельную культуру, духовные, какъ и матеріальные, интересы народа; государственная же власть, чуждая и враждебная подвластному ей народу, постарается извратить и разорить культуру народа и попрать его духовные интересы, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока совершенно его матеріально и духовно не задавитъ, или пока, наконецъ, сама не будетъ сброшена имъ съ плечъ! Едва ли не самый уродливый образецъ государства, враждебнаго большинству своихъ народовъ, есть именно монархія Габсбурговъ, съ ея вѣчнымъ и неизмѣннымъ лозунгомъ—divide et impera! Лицемѣріе и насиліе, макіавелизмъ и іезуитство, ненавидящіе православіе и Россію, и взаимно ненавистные русскому православному народному чувству,—всегда были основными правилами политики Габсбурговъ. Ихъ власть держалась и держится, благодаря обманамъ, розни и смутѣ, которыя сѣютъ и лелѣютъ они среди подвластныхъ и окрестныхъ имъ народовъ. Какимъ же это образомъ подъ ихъ скипетромъ создадутъ себѣ Славяне культурное и церковное единство? Г. Живному хорошо, конечно, извѣстно, если не по собственному еще опыту, то, напримѣръ, хоть по достопамятному Гнилицкому процессу и по судьбѣ многихъ славянскихъ изданій и ихъ редакторовъ,—насколько осуществимо для австровенгерскихъ Славянъ принадлежащее имъ по конституціи право защищать и развивать свою народность, и—чѣмъ оканчиваются для нихъ попытки вернуться къ вѣрѣ отцовъ, или даже только усилія ихъ сохранить существующія уже культурныя и духовныя связи съ славянскимъ Востокомъ и Югомъ! Какое же послѣ этого значеніе имѣетъ прославленіе г. Живнымъ упомянутаго конституціоннаго права австрійскихъ Славянъ культивировать свою народность и утвержденіе его, что это ихъ право ненарушимо?

Преступно и безнравственно утверждать, что политическаго освобожденія и соединенія Славянамъ не нужно, такъ какъ обязанности гражданина, военная служба и подати, всюду одинаковы: не одинаково умирать—подъ знаменемъ вѣры въ честномъ бою, «за други своя», или подъ чужою командою въ подломъ разбоѣ, истребляя своихъ братьевъ по крови и духу, и порабощая ихъ, иноплеменнику и иновѣрцу!. Вѣрность монархическому началу и чувство законности присущи славянскому духу, но въ настоящее время нѣтъ пока тѣхъ условій, при которыхъ это свойство народнаго духа могло-бы сдѣлаться дѣятельнымъ началомъ въ жизни западныхъ Славянъ. Утверждать-же, какъ это дѣлаетъ г. Живный, что это народное свойство лишаетъ Славянъ возможности достигнуть политической свободы и единства—не значитъ ли это внушать Славянамъ мысль, что это свойство есть пагубный для нихъ недугъ, отъ котораго имъ прежде всего слѣдуетъ освободиться? Оставаясь на точкѣ зрѣнія г. Живнаго, пришлось бы вырвать изъ славянской исторіи ея лучшія главы,—осудить и гуситскія войны, и подвигъ Димитрія Донского и освобожденіе отъ турецкаго рабства славяноеллино-романскихъ странъ, пришлось бы обречь вѣчному рабству и національной гибели все западное, австрійское и иное Славянство.

Выхваляя Габсбурговъ, г. Живному лучше было не напоминать о 48 и 49 гг.: сдѣланную тогда ошибку Россія и другіе Славяне помнятъ, но, Богъ дастъ, ее не повторятъ!

Всегдашній потайной нашъ врагъ, Австрія, теперь нагло вызываетъ насъ на кровавую борьбу, и лихорадочно готовится къ ней на славянскія же средства. Когда настанетъ часъ этой борьбы, совѣсти г. Живнаго придется рѣшить: чему остаться вѣрнымъ,—австрійской ли конституціи и славной династіи Габсбурговъ, или православію, которое онъ недавно принялъ, и славянской культурѣ, потому что конечною цѣлью той борьбы для Австріи

и союзнаго ей Запада будетъ—сокрушить православіе и задушить нарождающуюся славянскую культуру. И не велика будетъ въ нашихъ глазахъ, какъ и на судѣ исторіи, цѣна тому духовному единенію съ нами, которое такъ настойчиво проповѣдуетъ г. Живный, если оно не помѣшаетъ ему идти на насъ войной подъ католическимъ знаменемъ и нѣмецкою командой! «За тысячу лѣтъ передъ нами»,—сказалъ, между прочимъ, г. Живный,—«и славянскій народъ былъ единымъ: онъ былъ объединенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ какъ въ Церкви, такъ и въ отношеніи письменности и литературнаго языка»... Отчего же распалось это единство?—Не отъ того ли, что не было условія, необходимаго для его сохраненія,—единства, или единенія политическаго? И глубоко заблуждается г. Живный, если только онъ, дѣйствительно, самъ въ свою проповѣдь вѣритъ,—будто возсозданіе народнаго славянскаго единства—единства языка, Церкви и культуры—возможно безъ возстановленія политической независимости и политическаго объединенія славянскихъ народовъ!

Политическое освобожденіе и объединеніе всего славянскаго міра, съ сохраненіемъ бытовыхъ особенностей и самостоятельности всѣхъ его отдѣльныхъ частей, всегда было завѣтнымъ идеаломъ и цѣлью какъ русскихъ патріотовъ-славянофиловъ, такъ и двигателей національнаго сознанія у другихъ славянскихъ народовъ. Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковъ, Тютчевъ, Данилевскій, такъ же, какъ Коляръ и Штуръ нетолько не отрекались отъ политическаго панславизма, т. е. отъ мысли объ освобожденіи и политическомъ единствѣ славянскихъ народовъ, но пламенно исповѣдывали, будили и укрѣпляли въ другихъ эту мысль. Сознаніе необходимости политическаго славянскаго единства и стремленіе къ нему, быть можетъ, и теперь еще чужды дипломатіи и оторванной отъ народной почвы части интеллигенціи славянскихъ странъ, но они живутъ въ сердцахъ славянскихъ народныхъ громадъ, и не намъ, пережившимъ великое освободительное славянское движеніе 1875—1877 гг., отрекаться теперь отъ политическаго панславизма!

Прося Васъ напечатать въ «Русскомъ Дѣлѣ» настоящее письмо, я повинуюсь лишь выраженному мнѣ многими лицами желанію, чтобы возраженіе на рѣчь д-ра Живнаго было сдѣлано и изъ среды того общества, въ которомъ она была произнесена.

Примите и пр.

Будучи отъ природы сдержаннымъ, застѣнчивымъ до столбняка и въ обществѣ и передъ высшими я какъ бы копилъ нравственныя силы для того чтобы вылить ихъ въ форму [illegible] [illegible] и масса оцѣнили это исключительное напряженіе духовныхъ силъ

М. Черняевъ

Чествованіе М. Г. Черняева.

Открытое письмо.

Этою осенью исполнилось 50 лѣтъ со времени производства въ первый офицерскій чинъ почетнаго члена Славянскаго Общества Михаила Григорьевича Черняева. Это обстоятельство побуждаетъ насъ, членовъ Славянскаго Общества, сдѣлать нѣчто во славу и честь Михаила Григорьевича и въ засвидѣтельствованіе нашей общей глубокой любви и преданности къ нему, столь самоотверженно, доблестно и благотворно послужившему нашему дорогому Отечеству—Россіи и остальному Славянству.

По предложенію Совѣта Славянскаго Общества, въ Собраніи членовъ Общества въ понедѣльникъ 20 октября рѣшено, добровольною подпискою въ средѣ членовъ Общества и другихъ почитателей Михаила Григорьевича Черняева, составить денежную премію его имени для выдачи ея, по состязанію тому, кто напишетъ исторію Босно-Герцеговинскаго возстанія и Черногоро-Сербо-Турецкой войны 1875—1876 г.г., существенною частью каковой исторіи должно быть описаніе достопамятнаго общественнаго движенія того времени въ Россіи.

Для осуществленія этого рѣшенія тогда же, 20 октября, для сбора пожертвованій, на премію избранъ особый комитетъ изъ членовъ Общества: Аѳанасія Васильевича Васильева, Платона Александровича Гейсмана, Александра Васильевича Красова, Александра Ѳедоровича Риттиха, Олимпія Юліановича Стано и Александра Николаевича Штиглица.

Доводя объ этомъ до Вашего, М. Г., свѣдѣнія, Комитетъ преміи имени Михаила Григорьевича Черняева, имѣетъ честь пригласить Васъ М. Г., принять участіе въ составленіи этой преміи, посильнымъ личнымъ пожертвованіемъ и приглашеніемъ къ тому другихъ сочувствующихъ этому дѣлу лицъ.

Комитетъ проситъ отозваться на это приглашеніе по возможности скорѣе, такъ какъ объ учрежденіи преміи предположено объявить 8 ноября, въ день Ангела Михаила Григорьевича Черняева.

Пожертвованія могутъ быть передаваемы лично членамъ Комитета или посылаемы въ Славянское благотворительное Общество.

21 октября 1897 г.

Привѣтствіе М. Г. Черняеву

въ день его Ангела 8 ноября 1897 г.

Дорогой Михаилъ Григорьевичъ!

Славянское Общество, имѣющее счастіе считать Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ, поздравляетъ Васъ съ нынѣшнимъ днемъ Вашего Ангела и съ исполнившимся въ этомъ году пятидесятилѣтіемъ Вашей самоотверженной, доблестной и плодоносной службы Россіи и Славянству!

Своею беззавѣтною и вдохновенною отвагой Вы подарили Россіи Ташкентъ; пламеннымъ призывомъ и самоотверженнымъ примѣромъ Вы подвигли нашу Святую Русь на помощь Сербскому народу. Вѣковѣчная Вамъ слава за понесенныя Вами страданія и тяготы и за богатырскіе подвиги! А теперь примите благосклонно Вашею любящею душой и благороднымъ сердцемъ наше искреннее пожеланіе Вамъ много лѣтъ здравствовать и обрѣсти миръ душевный, и наше скромное рѣшеніе почтить Васъ, нашу общую гордость и славу, составленіемъ дара Вашего имени за лучшее историческое описаніе достопамятныхъ въ Славянскомъ мірѣ событій 1875—1876 годовъ.

Да осуществитъ Милосердый Господь то дѣло, которому Вы такъ доблестно тогда послужили, — дѣло славянскаго освобожденія и братства!

Слава Михаилу Григорьевичу Черняеву! Слава Россіи и всему Славянству!

Не стало Михаила Григорьевича Черняева! Годъ тому назадъ исполнилось 50 лѣтъ со времени производства его въ первый офицерскій чинъ. Это обстоятельство побудило членовъ Славянскаго Общества предпринять нѣчто во славу и честь Михаила Григорьевича и въ засвидѣтельствованіе общей любви и преданности ему, столь самоотверженно, доблестно и благотворно послужившему нашему дорогому Отечеству, Россіи, и всему Славянству. По предложенію совѣта, собраніемъ членовъ общества, было рѣшено добровольною подпиской въ средѣ членовъ Общества и другихъ почитателей Михаила Григорьевича, составить денежную премію его имени для выдачи ея, по конкурсу, тому, кто напишетъ *исторію Босно-Герцеговинскаго возстанія и Черногоро-Сербо-Турецкой войны 1875—1876 г.*, сущесетвн-

ною частью каковой исторіи должно быть: *описаніе достопамятнаго общественнаго движенія того времени въ Россіи,* начинателемъ и душою котораго былъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. Избранный съ этою цѣлью Комитетъ обратился къ членамъ общества и къ товарищамъ Михаила Григорьевича по воспитанію и службѣ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ на премію его имени. По этимъ приглашеніямъ поступило въ кассу Славян-

М. Г. Черняевъ въ Сербіи въ 1876 г.

скаго общества около 2.500 рублей. 8 ноября въ день Ангела Михаила Григорьевича, Славянское общество собралось его привѣтствовать. Узнавъ объ этомъ наканунѣ, Михаилъ Григорьевичъ очень просилъ, чтобъ число привѣтствующихъ было не велико, такъ какъ всякія такія манифестаціи его до крайности смущаютъ. Поэтому 8 ноября явились къ нему на квартиру только члены комитета да еще человѣкъ пять членовъ Общества и въ числѣ ихъ, за отсутствіемъ предсѣдателя, товарищъ предсѣдателя В. К.

Саблеръ. Предсѣдатель Комитета А. В. Васильевъ прочиталъ и передалъ Михаилу Григорьевичу отъ имени Общества слѣдующее привѣтствіе: «Дорогой Михаилъ Григорьевичъ!» и т. д. (стр. 498).

Глубоко тронутый этимъ привѣтствіемъ Общества, Михаилъ Григорьевичъ сказалъ, что онъ настолько его цѣнитъ *что помѣститъ его надъ своею могилой, которая уже приготовлена у него подлѣ церкви въ его имѣніи въ Могилевской губерніи.* Затѣмъ Михаилъ Григорьевичъ выразилъ желаніе, чтобы Общество не слишкомъ торопилось съ объявленіемъ преміи, такъ какъ быть можетъ еще рано писать исторію русскаго общественнаго движенія 1875-77 гг. и Сербско-Турецкой войны; многіе, принимавшіе въ ней участіе, еще живы; живо множество противниковъ Славянскаго движенія 1875—76 гг., занимающихъ теперь высокое положеніе. Движеніе это, въ виду малаго промежутка времени, отдѣляющаго насъ отъ него, не можетъ быть безпристрастно оцѣнено теперь. Оно—подобно большой картинѣ, которую надо смотрѣть издали. Славянское движеніе было вызвано снизу, сочувствіе къ нему въ верхнихъ слояхъ общества росло постепенно. Въ русской исторіи извѣстны два событія, поднявшія въ такой мѣрѣ духъ народный: это—Смутное время и черезъ 250 лѣтъ Славянское движеніе; послѣднее въ настоящее время еще не поддается оцѣнкѣ. Пока необходимо собирать только матеріалы для будущаго историка, какъ письменные, такъ и устные. Михаилъ Григорьевичъ указалъ, что въ Сербскихъ архивахъ хранится много документовъ объ этой войнѣ и что нынѣшній первый министръ Владанъ Георгіевичъ, бывшій въ Сербской войнѣ штабъ-докторомъ, издалъ недавно обстоятельную книгу о ней. Согласно съ этимъ желаніемъ, Комитетомъ было предположено продолжить подписку на премію и заняться пока собираніемъ матеріаловъ для исторіи Славянскаго и русскаго добровольческаго движенія семидесятыхъ годовъ; вызовъ же соискателей на премію предполагалось сдѣлать во

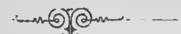
Церковь въ селѣ Тубышкахъ, возлѣ которой похороненъ М. Г. Черняевъ.

время празднованія 50-лѣтняго юбилея службы Михаила Григорьевича, который долженъ наступить въ будущемъ 1899 году.

Обо всемъ этомъ докладывалось весною Общему Собранію членовъ Славянскаго общества и напечатано въ его протоколѣ. Но теперь именно опять время объ этомъ напомнить тѣмъ, кому дорога память Михаила Григорьевича. Самымъ лучшимъ памятникомъ на его могилу, увѣковѣчивающимъ въ потомствѣ его свѣтлую богатырскую личность и то достопамятное освободительное движеніе въ Славянствѣ, которому онъ отдался всею своею великою душой, и которому такъ доблестно и такъ благородно послужилъ,—будетъ именно та исторія Сербо-Черногорской и добровольческой войны 1876 года, за которую предназначается премія его имени. Но отъ составителя такой исторіи потребуется обширная подготовка и, быть можетъ, не малая затрата на сборъ матеріаловъ и на поѣздку на мѣсто возстанія и войны; поэтому собранный на премію капиталъ въ 2.500 руб. крайне недостаточенъ для того, чтобы прилично вознаградить автора сочиненія, которое будетъ признано наиболѣе удовлетворяющимъ условіямъ конкурса, и дать меньшія преміи другимъ составителямъ, сочиненія которыхъ, уступая въ полнотѣ или достоинствѣ тому, которому будетъ отдано первенство, тѣмъ не менѣе могутъ отвѣчать задачѣ и заслуживать вознагражденія. Въ виду этого приглашаемъ всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ былъ при жизни Михаилъ Григорьевичъ и кто теперь чтитъ его свѣтлую память, принять посильною лептою участіе въ составленіи преміи его имени.

«Русскій Трудъ» 1898 г.

По отчету СПБ. Сл. о. за 1905 г. капиталъ имени М. Г. Черняева къ 1906 г. составлялъ 3.341 р. 64 к.



Усиліе оживить Славянское Общество.

Совѣтомъ Сл. Бл. Общества представлена была Общему Собранію членовъ 29 декабря 1898 г. смѣта доходовъ и расходовъ Общества на 1899 годъ. Общее Собраніе избрало Ревизіонную Комиссію изъ шести лицъ, поручивъ ей: 1) повѣрить отчетность Совѣта и 2) разсмотрѣть смѣту на 1899 г. и дать по ней заключеніе, чтобы Общее собраніе могло судить, насколько дѣятельность и средства Общества и самое распредѣленіе послѣднихъ соотвѣтствуютъ цѣлямъ Общества. Предсѣдателемъ Ревизіонной Комиссіи избранъ А. В. Васильевъ, а членами ея Б. Ю. Ходобай, С. А. Лентовскій, А. Н. Штиглицъ, А. П. Владиміровъ и О. Ю. Стано.

Докладъ Ревизіонной Комиссіи, представленный Общему Собранію 23 февраля 1899 г.

Общее Собраніе членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 29 декабря 1898 г., избравъ Ревизіонную Комиссію, поручило ей: 1) провѣрить отчетность Общества и 2) разсмотрѣть представленную Совѣтомъ смѣту на 1899 г. и дать по ней свое заключеніе, дабы Общее Собраніе могло судить, насколько средства и дѣятельность Общества соотвѣтствуютъ его цѣлямъ.

Во исполненіе этого порученія Ревизіонная Комиссія имѣетъ честь доложить Общему Собранію:

1. Объ отчетности.

Ревизіонная Комиссія прежде всего произвела повѣрку кассы, наличность которой оказалась вполнѣ согласною съ выведеннымъ по приходорасходной книгѣ на 1 января 1899 г. итогомъ остатковъ всѣхъ принадлежащихъ Обществу капиталовъ и переходящихъ суммъ, — *двѣсти семьдесятъ двѣ тысячи двѣсти шестьдесятъ шесть рублей пятьдесятъ девять съ половиной копѣекъ* (272.266 р. $59^1/_2$ к.).

Соотвѣтствіе кассы съ записями по книгамъ засвидѣтельствовано Комиссіею въ особомъ, прилагаемомъ при семъ актѣ отъ 3-го января 1899 г.

Затѣмъ Комиссія повѣрила подробно за четыре послѣдніе года (1895—1898) книги Общества: приходорасходную (кассовую), квитанціонную и отдѣльныхъ капиталовъ (главную) а также денежный отчетъ Совѣта за 1898 г. и, сличивъ ихъ между собою и съ оправдательными документами, свидѣтельствуетъ, что все это согласуется одно съ другимъ и ведется отчетливо и въ должномъ порядкѣ, за исключеніемъ лишь отчетности по изданіямъ Общества и вообще по книжному его складу, которая представляется неустроенною и должна быть упорядочена.

Издержки на издательскую дѣятельность Общества и деньги, выручаемыя отъ продажи его изданій или пожертвованныхъ ему книгъ, проводятся только по общей приходорасходной книгѣ; особаго же счета, не только по каждому отдѣльному изданію, но и вообще по издательству и по книжному складу не ведется. А такъ какъ книги издавались Обществомъ и жертвовались ему, и продавались и жертвовались имъ съ самаго начала и во все время его существованія, то, при отсутствіи всякихъ счетовъ, чтобы получить отвѣтъ на

любой вопросъ относительно изданій и книжнаго склада, какъ напримѣръ: сколько и на какую сумму продано той или другой книги и сколько ея остается, или въ какомъ числѣ была издана Обществомъ такая-то книга и во что обошлось ея изданіе,— необходимо каждый разъ пересмотрѣть кассовую книгу и оправдательные къ ней документы и сдѣлать изъ нихъ сложныя выборки за цѣлые десятки лѣтъ. По просьбѣ Ревизіонной Комиссіи, дѣлопроизводителемъ Канцеляріи Славянскаго Общества, на рукахъ котораго находится и книжный складъ, составленъ отчетъ по складу за время съ 1 января 1894 года по 1 января 1899 г. Согласно этому отчету за послѣдніе пять лѣтъ продано 14577 книгъ на сумму 1634 р. 3 к., безплатно роздано 2169 книгъ на 1461 р. 25 к. и остается въ складѣ 46359 книгъ, 45-ти отдѣльныхъ названій, на 28161 р. 85 к. Ревизіонная Комиссія, въ виду необходимости ускорить представленіемъ Общему Собранію заключенія по смѣтѣ, не провѣряла приведенныхъ цифръ отчета по книжному складу ни по документамъ, ни по дѣйствительному ихъ наличію, и не можетъ удостовѣрить правильность этого отчета. Между тѣмъ, изъ вѣдомости о движеніи и состояніи суммъ Общества по 1893 г., имѣющейся въ книгѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія Славянскаго Благотворительнаго Общества», усматривается, что на изданія Общества съ 1884 по 1893 годъ израсходовано болѣе 133 тысячъ руб., причемъ значительныя суммы заимствовались изъ запаснаго капитала. Выручка же отъ продажи изданій и возвратъ суммъ въ запасный капиталъ за провѣренные годы представляются сравнительно незначительными.

Для упорядоченія этого дѣла, по мнѣнію Ревизіонной Комиссіи, необходимо: 1) произвести особо отъ сего повѣрку отчетности по изданіямъ Общества, начавъ съ 1884 года, а также въ связи съ этимъ провѣрить подробно движеніе суммъ запаснаго капитала съ самого его возникновенія въ 1882 г. и до настоящаго времени; и 2) открыть съ начала 1899 года въ главной книгѣ два отдѣльные счета: одинъ—изданіямъ Общества и другой—книгамъ, жертвуемымъ Обществу, и сверхъ того особую вспомогательную книгу, въ которой каждому отдѣльному изданію и книгѣ долженъ быть веденъ особый счетъ.

Въ числѣ отчетныхъ документовъ Ревизіонною Комиссіею были разсмотрѣны двѣ долговыя вѣдомости, по которымъ за 15 лицами Обществомъ числится въ долгу 4232 р. 25 к.; долги эти образовались вслѣдствіе выдачи ссудъ, старѣйшія изъ которыхъ относятся къ 1887 г. Противъ нѣкоторыхъ изъ должниковъ въ вѣдомости помѣчено, что пребываніе ихъ неизвѣстно.

По мнѣнію Ревизіонной Комиссіи, необходимо принять мѣры къ истребованію этихъ долговъ и затѣмъ представить Общему Собранію о сложеніи со счетовъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по выясненіи дѣла, окажутся безнадежными.

Заканчивая замѣчанія по отчету, Ревизіонная Комиссія не можетъ не высказать пожеланія, чтобы въ журналахъ Совѣта указывались, хотя бы кратко, тѣ основанія, по которымъ принимаются имъ тѣ или другія рѣшенія по ходатайствамъ и просьбамъ стипендіатовъ и др. лицъ.

2) О смѣтѣ на 1899 годъ.

Смѣта Общества, составленная Совѣтомъ по приходу и расходу на 26957 р. 67 к., должна быть увеличена на сумму имѣющагося въ расходномъ капиталѣ Общества остатка на 1 января 1899 г. въ 6227 р. 20 к., изъ коихъ, согласно отчету Совѣта, 3397 р. 90 к. предназначены на изданіе словарей, а остальные 2829 р. 30 к. составляютъ свободный остатокъ. Ревизіонная Комиссія, имѣя въ виду, что въ расходную смѣту внесено Совѣтомъ на изданіе словарей 2000 р., полагала бы увеличить этотъ кредитъ на 1397 р., остальные же изъ упомянутаго остатка 6227 р. 20 к. 4830 р. 20 к. распредѣлить по другимъ статьямъ расходной смѣты.

Такимъ образомъ въ смѣту прихода прежде всего слѣдуетъ внести первою статьей: «остатокъ расходнаго капитала 6227 р. 20 к.», измѣнивъ соотвѣтственно нумерацію дальнѣйшихъ статей. При чемъ, такъ какъ этотъ остатокъ образовался изъ суммъ, съ которыхъ въ свое время произведено уже отчисленіе 10% въ основной капиталъ,—вновь такому отчисленію вносимые въ смѣту 1899 г. 6227 р. 20 к. уже не подлежатъ.

По статьѣ 2 отъ членскихъ взносовъ ожидается 3.000 р.

По отчету за 1898 г. поступило отъ 315 лицъ 3308 руб., не считая 700 р. пожизненныхъ взносовъ, которые зачислены въ основной капиталъ. По списку же членовъ, напечатанному въ 1898 г., значится дѣйствительныхъ членовъ болѣе 500, изъ которыхъ 83 не платили членскихъ взносовъ со времени ихъ избранія, остальные же платятъ. Такъ какъ Общество должно не малиться, а рости, то по 2 статьѣ смѣты слѣдуетъ ожидать въ 1899 г. не менѣе 4.000 р.

По статьѣ 5 «отъ продажи изданій Общества» ожидается всего 200 р. По отчету за 1898 г. въ расходномъ капиталѣ показанъ доходъ отъ продажи книгъ 134 р. 45 к. и, кромѣ того, въ запасный капиталъ поступило въ томъ же 1898 г. отъ продажи изданій: «Святые Кириллъ и Меѳодій» и «Крещеніе Руси» 225 р. 72 к. Хотя средства на эти два изданія

были позаимствованы изъ запаснаго капитала, но, такъ какъ первая изъ этихъ книжекъ издана въ числѣ 430.000, а вторая 350.000, въ остаткѣ же ихъ значится на 1 января по отчету книжнаго склада всего 12628 и 12531, то слѣдуетъ думать, что сдѣланное на эти изданія позаимствованіе изъ запаснаго капитала возвращено въ этотъ капиталъ, и дальнѣйшій доходъ отъ ихъ продажи долженъ поступать въ расходный капиталъ, изъ котораго ассигнуются средства на издательскую дѣятельность Общества.

Поэтому и имѣя въ виду поступившее уже въ 1899 г. отъ Синодальнаго вѣдомства требованіе на отпускъ ему названныхъ двухъ изданій по 8000 экз. каждаго, на сумму 1440 р., а также изданіе Обществомъ въ 1898 г. двухъ словарей, продажа которыхъ также должна дать нѣкоторый доходъ, Ревизіонная Комиссія полагала бы по статьѣ доходной смѣты «отъ продажи изданій» назначить 2000 р.

Наконецъ Ревизіонная Комиссія полагаетъ необходимымъ внести въ смѣту доходовъ еще одну новую статью: «Отъ устройства увеселительныхъ и литературныхъ вечеровъ, зрѣлищъ, платныхъ чтеній и т. п.» 1000 р.,—въ виду выраженной нѣкоторыми членами Общества готовности взять на себя заботы и хлопоты по этому предмету.

За указанными измѣненіями ожидаемый по смѣтѣ 1899 г. доходъ составитъ округленно 37.000 р.

Въ предѣлахъ этого итога должна быть измѣнена и расходная смѣта.

Прежде всего необходимо увеличить расходъ на наемъ помѣщенія, ибо нынѣшнее помѣщеніе, позволяющее собираться въ немъ не болѣе какъ 30—40 человѣкамъ, рѣшительно не соотвѣтствуетъ оживившейся въ послѣдніе годы потребности членовъ Общества сходиться для обмѣна мнѣній по вопросамъ, касающимся славянскаго дѣла и въ частности дѣлъ самого Славянскаго Общества. Тѣснота помѣщенія препятствуетъ развитію и понедѣльничныхъ бесѣдъ, и болѣе частому созыву очередныхъ собраній для разсмотрѣнія дѣлъ Общества, и надлежащему устройству библіотеки и книжнаго склада, ибо за недостаткомъ мѣста книги въ самой квартирѣ Общества лежатъ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имъ отнюдь не слѣдовало бы быть, часть же изданій Общества помѣщена въ сараѣ во дворѣ того же дома, а часть въ зданіи Казанскаго Собора.

Комиссія полагала бы назначить на наемъ помѣщенія 3000 р. и на другіе хозяйственные расходы, а также на расходы по переѣзду и устройству въ новомъ помѣщеніи 1000 р., а всего по ст. 1—4000 р.,—болѣе противъ разсматриваемой смѣты на 2360 р. 92 к.

Имѣя свое приличное помѣщеніе и чаще собираясь въ очередныя собранія, гдѣ можно не только выслушивать доклады, но и обсуждать ихъ, число торжественныхъ собраній можно будетъ ограничить двумя въ годъ, назначивъ на расходы по устройству всѣхъ вообще собраній Общества: совѣтскихъ, очередныхъ, понедѣльничныхъ и торжественныхъ, а также церковныхъ службъ,—одинъ общій кредитъ въ 1000 р., показавъ его особою статьею (IV) смѣты и исключивъ изъ предположенныхъ по ст. III смѣты расходовъ «на веденіе дѣла» пункты г. («церковныя службы») и д («засѣданія Совѣта и собранія по понедѣльникамъ») всего 170 рублей.

На пособія церквамъ по смѣтѣ 1898 года было назначено 1300 р. и израсходовано 1293 р., по смѣтѣ же на 1899 годъ испрашивается (ст. I) только 1200 р. Ревизіонная Комиссія полагала бы оставить въ смѣтѣ прошлогоднюю цифру, почти совпадающую съ дѣйствительнымъ расходомъ.

На стипендіи и пособія учащимся славянамъ испрашивается по статьѣ V 9000 руб и на пособія пріѣзжимъ славянамъ по ст. VI—1550 р. По отчету же израсходовано въ прошломъ году по ст. V 8166 р. 99 к., въ томъ числѣ: 6952 руб. 99 к. на стипендіи 37 лицамъ, 1239 р. на взносъ платы за 18 лицъ и 75 р. на пособія учащимся; по статьѣ же VI израсходовано въ 1898 г. 4227 р. 98 к., въ томъ числѣ: на образованіе 13 славянъ 1152 р. 20 к., на уплату за слушаніе ими лекцій 557 р., и на покупку учебныхъ пособій 161 р.—итого 1870 р. 20 к.

Поименованные расходы по ст. VI составляютъ ничто иное, какъ перерасходъ по статьѣ V.

Такимъ образомъ дѣйствительный расходъ на пособія учащимся въ 1898 году составляетъ 10037 р. 19 к., и на пособія пріѣзжимъ славянамъ 2357 р., при чемъ и въ этой послѣдней цифрѣ содержится не часто повторяющійся расходъ въ 590 р. на пособія тремъ лицамъ для ученыхъ занятій. Въ соотвѣтствіе этимъ цифрамъ Ревизіонная Комиссія полагала бы на 1899 годъ назначить по ст. VI на «помощь учащимся славянамъ» 10000 р. и по ст. VII на «пособія пріѣзжимъ славянамъ» 2000 р.

На пособія добровольцамъ и ихъ семьямъ по смѣтѣ на 1898 г. было назначено 2100 р., израсходовано 2455 р. 65 к., а испрашивается по смѣтѣ на 1899 годъ всего 2000 руб. Хотя съ теченіемъ времени число лицъ, пользующихся пособіями по этой статьѣ смѣты, уменьшается, однако же изъ отчетности и протоколовъ Совѣта усматривается, что лицъ, обращающихся къ Совѣту за этою помощью, все еще довольно много, а по-

мощь, оказываемая имъ Обществомъ, весьма скудна. Поэтому Ревизіонная Комиссія считала бы пока неудобнымъ сокращать эту статью смѣты и полагала бы назначить 2100 р. — въ размѣрѣ прошлогодняго ассигнованія.

На покупку и разсылку книгъ, газетъ и протоколовъ Славянскаго Общества въ славянскія земли и на выписку славянскихъ газетъ и журналовъ испрашивается по ст. VIII смѣты 900 руб.

Считая обмѣнъ произведеніями печати съ славянскими странами для болѣе тѣснаго сближенія ихъ съ нами дѣломъ весьма полезнымъ, Ревизіонная Комиссія полагала бы назначить по этой (XI) статьѣ 1200 рублей.

Назначеніе по статьямъ (IX и XV) смѣты «на пособія славянскимъ литературнымъ предпріятіямъ и изданіямъ» и «на пособія славянамъ на ихъ родинѣ» Ревизіонная Комиссія, въ виду ничтожности предположенныхъ по смѣтѣ ассигнованій (по 400 р.), полагала бы необходимымъ увеличить: по статьѣ IX (X) до 3000 р.—озаглавивъ эту статью: «на пособія печатнымъ изданіямъ, учебно воспитательнымъ и другимъ полезнымъ учрежденіямъ въ славянскихъ земляхъ», и по ст. XV (IX) до 1000 рублей.

Назначеніе на печатаніе протоколовъ, отчетовъ, бланокъ, объявленій и пр. Ревизіонная Комиссія полагала бы, опредѣливъ круглою цифрою въ 500 р.,—перенести изъ ст. IX смѣты въ пунктъ г ст. III «на веденіе дѣла», статью же XIII «на литературныя изданія Общества» слить со ст. XII «на изданіе словарей», назначивъ всего по этой соединенной статьѣ (XII) «на изданія Общества» (3797 р. 90 к.), за округленіемъ, 3800 р., съ оговоркою, что могущій оказаться къ концу года остатокъ по этой статьѣ долженъ быть перенесенъ въ соотвѣтствующую статью смѣты 1900 года.

Назначеніе на покупку и переплетъ книгъ для библіотеки (XIII) Ревизіонная Комиссія полагаетъ увеличить до 200 р., и внести въ смѣту расходовъ двѣ новыя статьи: XIV «на устройство народныхъ чтеній»—200 р. и XV «на посылку лицъ отъ Общества въ славянскія земли»—400 р.

Затѣмъ на 380 р. должно быть увеличено предположенное по ст. XVII смѣты 10%-ое отчисленіе въ основной капиталъ,—вслѣдствіе увеличенія ожидаемыхъ по доходной смѣтѣ поступленій отъ членскихъ взносовъ, отъ продажи изданій, и отъ устройства увеселеній, и, наконецъ, нераспредѣленный по предыдущимъ статьямъ остатокъ отъ ожидаемыхъ по доходной смѣтѣ 37.000 р.,—313 р. долженъ быть показанъ послѣднею по смѣтѣ статьею «на непредвидѣнные расходы».

Исправленная согласно изложеннымъ замѣчаніямъ смѣта доходовъ и расходовъ на 1899 годъ при семъ прилагается.

Кромѣ отчетныхъ книгъ и оправдательныхъ къ нимъ документовъ Ревизіонная Комиссія просмотрѣла за нѣсколько лѣтъ журналы Совѣта и Издательской Комиссіи и, основываясь на нихъ и на печатныхъ протоколахъ Общихъ Собраній, составила себѣ и имѣетъ честь представить Общему Собранію слѣдующее заключеніе о существующихъ въ дѣятельности нашего Общества недостаткахъ и пробѣлахъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы его оживить и поставить въ уровень тѣхъ задачъ, которыя налагаются на него самимъ его существованіемъ, тѣмъ славнымъ именемъ, которое оно носитъ, и тѣмъ славнымъ прошлымъ, которое у него есть.

Необходимо признать, что ни число членовъ Общества, ни его средства, ни его дѣятельность и вліяніе на окружающій міръ, не соотвѣтствуютъ его широкимъ задачамъ и высокому призванію—быть духовнымъ вождемъ и нравственною опорою всему угнетенному и раздробленному политически и духовно Славянству.

Число дѣйствительныхъ платящихъ членовъ Общества, не смотря на выборъ въ каждомъ Общемъ Собраніи новыхъ лицъ, не превышаетъ трехсотъ-четырехсотъ. Между тѣмъ, еще до славнаго Герцеговинскаго возстанія, вызвавшаго достопамятное оживленіе и внезапный огромный подъемъ Общества во всѣхъ отношеніяхъ, число членовъ въ бывшемъ Петербургскомъ Отдѣлѣ Славянскаго Комитета превышало 900, т. е. было вдвое больше нынѣшняго, а въ 1876—1877 гг. оно считалось тысячами. Если бы Общество съумѣло удержаться на той высотѣ, на которую его подняли событія того знаменательнаго времени, если бы оно умѣло не только привлекать, но и хранить своихъ членовъ; если бы оно въ своей дѣятельности и въ сознаніи своихъ задачъ совершенствовалось и шло впередъ, а не топталось на одномъ мѣстѣ или, что еще хуже, не пятилось назадъ,—то теперь оно должно было бы считать въ своемъ составѣ по меньшей мѣрѣ десятки тысячъ членовъ, а не жалкія три-четыре сотни.

Такъ было бы и такъ есть въ обществахъ, подобныхъ нашему, не только у любого западно-европейскаго народа, но и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ же сородичей-славянъ, какъ напр. у Чеховъ. Стоитъ вспомнить хотя бы ихъ Соколиныя Общества, насчитывающія въ своихъ рядахъ до 60.000 членовъ, которые вѣдь занимаются не одною гимнастикою, но блистательно ведутъ впередъ народное дѣло.

Даже въ крохотномъ Лужицко-Сербскомъ народѣ его Матица, даже въ подавленной части нашего же Русскаго народа въ Галичинѣ Общество Михаила Качковскаго—работаютъ успѣшнѣе и плодотворнѣе нашего, а вѣдь условія ихъ національной дѣятельности куда хуже нашихъ; если же общественная почва и общенародное сознаніе у нихъ болѣе подготовлены и воспріимчивѣе, нежели у насъ, то вѣдь и въ этомъ отношеніи наша общерусская отсталость — плодъ нашей «славянской» или славянофильской нерадивости.

Намъ открыты и доступны всѣ средства воздѣйствовать на окружающую насъ среду: и устная проповѣдь въ церквахъ и торжественныхъ собраніяхъ, и чтенія, и печать, и устройство зрѣлищъ и увеселеній, которыя также могли бы воспитывать въ извѣстномъ направленіи общественные вкусъ и чувство; но всѣми этими средствами наше Общество почти не пользовалось, а если и пользовалось, то черезъ-чуръ умѣренно, случайно, отрывочно и большею частію неумѣло.

Два-три раза въ годъ торжественныя собранія нашего Общества оглашаются рѣчами по большей части все однихъ и тѣхъ же ораторовъ. Рѣчи эти произносятся не всегда внятно, а по содержанію или совершенно случайны, или, что еще хуже, касаясь высокихъ и важныхъ вопросовъ, высказываютъ о нихъ тономъ непререкаемаго авторитета сужденія, съ славянофильской и съ славянской точки зрѣнія совершенно недопустимыя или спорныя, а между тѣмъ по той обстановкѣ, въ которой онѣ произносятся, остаются безъ возраженія и принимаются, какъ торжественное заявленіе самого Общества, обезнадеживая заграничныхъ славянъ и отталкивая отъ славянофильства многихъ русскихъ.

Очередныя Собранія, въ которыхъ должны бы рѣшаться дѣла Общества и вырабатываться міросозерцаніе его членовъ и отношеніе ихъ къ волнующимъ славянскій міръ событіямъ и вопросамъ, собираются разъ или два въ годъ только для утвержденія смѣты да для выбора на новое трехлѣтіе отбывшихъ свой срокъ членовъ Совѣта. Послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является то, что члены Общества не только не имѣютъ между собою необходимой нравственной связи, но до послѣдняго времени почти совершенно не знали другъ друга.

Издательская дѣятельность Общества также случайна и малополезна. Своего повременнаго изданія Общество не имѣетъ и не заботится о томъ, чтобы расположить къ себѣ существующіе частные газеты и журналы, дать имъ желательное для Общества направленіе и помѣщать въ нихъ извѣстія и

статьи, касающіяся славянъ и славянскаго дѣла. Изданные Обществомъ книги и сборники почти совсѣмъ не раскупаются, за исключеніемъ этнографической карты, которую выпустить новымъ пересоставленнымъ изданіемъ давно пора, но Общество никакъ не соберется; и книжекъ о Св. Кириллѣ и Меѳодіи и о Крещеніи Руси, на которыя также есть спросъ, и которыя должны быть по возможности скорѣе отпечатаны вновь въ возможно большемъ числѣ.

Учебниковъ славянской исторіи и хрестоматіи съ образцами произведеній славянскихъ поэтовъ и прозаиковъ до сихъ поръ Обществомъ не издано. Попытки составить историческую славянскую хрестоматію для славянъ были неудачны и кончились ничѣмъ. Въ распоряженіи Общества есть капиталъ имени И. С. Аксакова на предметъ изданія полезныхъ для славянъ книгъ. На этотъ капиталъ изданы только два календаря за 1890 и 1891 г.г., а съ тѣхъ поръ ничего не издавалось. Капиталъ на премію имени Гильфердинга, начало которому положено еще въ 1872 г., до сего времени вовсе не расходовался; также какъ не выдавалось премій и изъ капитала Алексѣева за описаніе Червонной и Угорской Руси *).

Попытка увеселеній, воспитывающихъ вкусъ и чувство въ славянскомъ духѣ, была сдѣлана только дважды въ 1871 году (живыя картины въ Большомъ театрѣ къ стихамъ на славянскія темы) и, не смотря на то, что вполнѣ удалась, больше не повторялась.

Знанія современнаго состоянія отдѣльныхъ частей Славянскаго міра въ Славянскомъ Обществѣ нѣтъ, и для пріобрѣтенія его почти ничего не дѣлается.

Воспитаніе юношества славянскаго тоже отличается случайностію, какъ относительно выбора стипендіатовъ, такъ и относительно избираемыхъ ими учебныхъ заведеній и спеціальностей. Надзора за ихъ жизнію и заботъ о нравственномъ и политическомъ ихъ воспитаніи и руководствѣ не существуетъ. Поэтому иные изъ стипендіатовъ нашего Общества за время пребыванія ихъ въ Россіи и сношеній ихъ съ Славянскимъ Обществомъ утрачиваютъ значительную долю тѣхъ чувствъ уваженія и преданности къ Россіи, съ котырыми они пріѣзжаютъ сюда.

Все это необходимо измѣнить и исправить, ибо все это отъ нерадивости нашей и нашего неустройства. Славянскому

*) На премію Алексѣева впрочемъ уже поступило сочиненіе, а на преміи имени Гильфердинга задачи объявлены въ 1897 г. и срокъ представленія сочиненій назначенъ въ 1901 г.

Обществу необходимо встрепенуться, выработать опредѣленную программу дѣйствій и соотвѣтственно ей устроиться.

Совѣтъ, изъ кого бы онъ ни состоялъ, одинъ, безъ живаго дѣятельнаго сотрудничества всѣхъ членовъ, не въ силахъ обнять своимъ вниманіемъ и дѣятельностію весь Славянскій міръ, не въ состояніи знать все то, что необходимо знать о всѣхъ отдѣльныхъ его частяхъ Славянскому Обществу, не въ состояніи поддерживать постоянныхъ съ ними дѣятельныхъ сношеній и освѣдомлять о всемъ, что тамъ происходитъ важнаго для той или другой части Славянства, — Славянское Общество и весь болѣе широкій Русскій и Славянскій міръ.

Для того, чтобы вся эта дѣятельность, требуемая цѣлями Общества, была для него возможна, ему необходимо подраздѣлиться на Отдѣлы, въ которые вошли бы всѣ члены Общества, желающіе знать, что дѣлается въ Славянствѣ, и посильно для него работать. Избранная 29 декабря 1898 года по предложенію А. А. Боголюбова Комиссія Всеславянской Матицы подраздѣлилась на такіе Отдѣлы съ цѣлію подготовить почву для осуществленія Матицы. Но мысль о Матицѣ тѣмъ самымъ и осуществится, если Общему Собранію угодно будетъ признать эту подраздѣленную на Отдѣлы Комиссію постояннымъ учрежденіемъ, обязаннымъ содѣйствовать Совѣту въ дѣлѣ осуществленія цѣлей Общества. Къ четыремъ Отдѣламъ, на которые подраздѣлилась Комиссія,—одинъ для разработки вопроса о постройкѣ дома и три: Сѣверо-восточный, Западный и Южный—для установленія постояннаго общенія съ отдѣльными частями Славянскаго міра,—Отдѣламъ, пополняемымъ всѣми желающими присоединиться къ нимъ членами Общества,—могла бы быть присоединена въ качествѣ пятаго Отдѣла, — Издательская Комиссія, и образоваться еще постоянные и временные Отдѣлы: для попеченія объ удовлетвореніи матеріальныхъ и нравственныхъ нуждъ воспитывающихся въ Россіи Славянъ, для разработки вопроса объ измѣненіяхъ, желательныхъ съ руско-славянской точки зрѣнія, въ постановкѣ у насъ средняго образованія и объ учрежденіи Обществомъ образцовой гимназіи,—для устройства публичныхъ чтеній, зрѣлищъ, художественныхъ и музыкальныхъ вечеровъ не только съ цѣлью сбора, но и съ непремѣннымъ условіемъ— воспитывать въ національно-славянскомъ направленіи вкусъ и чувство въ русскомъ Обществѣ; могъ бы образоваться особый Женскій Кружокъ, и т. д. и т. д.

Вся эта совокупность содѣйствующихъ Совѣту въ веденіи Славянскаго дѣла учрежденій и составитъ собою основаніе Славянской Матицы.

Только призвавъ къ дѣятельности всѣ живыя силы Общества, и можно вдохнуть въ него жизнь и дать ему значеніе и силу, соотвѣтствующія его высокому призванію и долгу передъ Россіей и всѣмъ Славянскимъ міромъ.

18 февраля 1899 г.

Объясненія Совѣта Славянскаго Общества на замѣчанія Ревизіонной Комиссіи.

Получивъ замѣчанія Ревизіонной Комиссіи 18 сего Февраля, Совѣтъ Общества разсмотрѣлъ ихъ въ двухъ засѣданіяхъ 18 и 20 Февраля и назначивъ для обсужденія доклада Комиссіи сегодняшнее распорядительное Общее Собраніе, имѣетъ честь представить оному свои объясненія, въ порядкѣ сдѣланныхъ Комиссіею замѣчаній.

I. Объ отчетности.

1. Признавъ отчетность Общества за послѣдніе четыре года веденною правильно и въ должномъ порядкѣ, Ревизіонная Комиссія указываетъ на то, что не ведется особаго счета прихода и расхода денегъ по изданіямъ Общества, а приходо-расходныя суммы по изданію и продажѣ книгъ проводятся по общей приходо-расходной книгѣ, и потому предлагаетъ: а) произвести провѣрку отчетности по изданіямъ Общества съ 1884 года и открыть на будущее время въ главной приходо-расходной книгѣ два отдѣльныхъ счета изданіямъ Общества и жертвуемымъ книгамъ.

Находя и съ своей стороны полезнымъ и желательнымъ веденіе особой отчетности по изданіямъ Общества и вообще по книжному складу, Совѣтъ Общества присоединяется къ высказаннымъ Ревизіонною Комиссіею пожеланіямъ и признаетъ необходимымъ поручить веденіе подробной отчетности по изданіямъ Общества на будущее время особому лицу, или даже нѣсколькимъ лицамъ изъ среды гг. членовъ Общества, кто пожелалъ бы потрудиться въ этомъ дѣлѣ, или же пригласить бухгалтера за особую плату, такъ какъ на письмоводителя Общества, обремененнаго текущею перепиской, трудно было бы возложить эту обязанность.

2. Относительно истребованія выданныхъ съ 1887 г. разнымъ лицамъ, въ числѣ 15, денежныхъ ссудъ Совѣтомъ Общества дѣлаются, отъ времени до времени, напоминанія должникамъ объ уплатѣ, но прибѣгать къ истребованію долговъ судебнымъ порядкомъ Совѣтъ не считаетъ удобнымъ и имѣетъ представить Общему Собранію членовъ свои предположенія о сложеніи со счетовъ Общества тѣхъ долговъ, которые можно считать безнадежными.

3. По поводу высказаннаго Ревизіонною Комиссіею пожеланія, чтобы въ журналахъ Совѣта указывались основанія или мотивы тѣхъ или другихъ рѣшеній по просьбамъ стипендіатовъ и ходатайствамъ другихъ лицъ, Совѣтъ Общества имѣетъ честь объяснить, что: а) основанія тѣхъ или другихъ выдачъ стипендіатамъ, добровольцамъ, и тѣхъ или другихъ рѣшеній Совѣта составляютъ предметъ живого обсужденія членовъ Совѣта и въ журналы, по издавна принятому порядку, заносятся только согласно принятыя всѣми членами рѣшенія; б) внесеніе въ журналы Совѣта мотивовъ его рѣшеній по назначенію пособій, по мнѣнію Совѣта, было бы излиш-

нимъ канцелярскимъ обремененіемъ; въ необходимыхъ же случаяхъ тѣ или другія постановленія Совѣта обстоятельно мотивируются при исполнени постановленій, какъ въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами, такъ и въ докладахъ Общему Собранію членовъ Общества.

II. О смѣтѣ на 1899 годъ.

Ревизіонная Комиссія составила смѣту въ суммѣ 37.000 р. вмѣсто составленной Совѣтомъ смѣты въ 26.957 р. 67 к., увеличивъ, такимъ образомъ, годовой бюджетъ Общества на 10.042 р. 33 к. Сумму эту Ревизіонная Комиссія указываетъ изъ слѣдующихъ источниковъ: 6.227 р. 20 к. остатковъ расходнаго капитала отъ прошлаго и предшествующихъ годовъ; 1.000 р. отъ ожидаемаго Ревизіонною Комиссіею увеличенія членскихъ взносовъ; 2000 р. отъ продажи изданій Общества; 1.000 р. отъ устройства увеселительныхъ и литературныхъ вечеровъ, зрѣлищъ, платныхъ чтеній и т. п.; итого болѣе 10.000 руб.

Относительно этихъ предположеній Ревизіонной Комиссіи Совѣтъ Общества имѣетъ честь объяснить слѣдующее: по общепринятому порядку смѣтныхъ исчисленій, въ смѣты вносятся лишь такія суммы, поступленіе коихъ можно считать достаточно обезпеченнымъ по указаніямъ опыта предшествующихъ лѣтъ, почему Совѣтъ Общества, при составленіи смѣты на 1899 годъ, руководствовался трехлѣтнею сложностью поступленій за послѣдніе три года и примѣнительно къ смѣтѣ истекшаго года, не включая въ смѣту непредвидимыхъ, гадательныхъ и случайныхъ поступленій. Между тѣмъ въ проектъ смѣты Ревизіонной Комиссіи внесены такія доходныя статьи, поступленіе которыхъ нельзя признать обезпеченнымъ. Такъ:

а). Поступленій членскихъ взносовъ Комиссія ожидаетъ 4.000 р., на 1.100 р. болѣе предшествующаго года и на 1000 р. болѣе поступленій по трехлѣтней сложности. Не отрицая возможности желательнаго увеличенія прихода по этой статьѣ, Совѣтъ полагалъ бы болѣе осторожнымъ оставить въ смѣтѣ 3.000 р. въ виду изъ года въ годъ повторяющаго факта, что и со вступленіемъ новыхъ членовъ не увеличивается пропорціонально сумма поступленій, такъ какъ членскіе взносы поступаютъ неисправно, что отмѣчено и Ревизіонною Комиссіею.

б.) Отъ продажи изданій Совѣтъ Общества внесъ въ смѣту 200 р., приблизительную сумму обычныхъ поступленій по трехлѣтней сложности; между тѣмъ Ревизіонная Комиссія разсчитываетъ на поступленіе 2.000 р., въ томъ числѣ имѣя въ виду отъ поступившаго заказа на 8.000 экз. двухъ изданій Общества о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ и Крещеніи Руси и отъ продажи изданныхъ Обществомъ двухъ словарей. Заказъ духовнаго вѣдомства на эти книги на сумму 1440 р. поступилъ послѣ составленія Совѣтомъ смѣты на 1899 г., а потому сумма эта не могла быть включена въ смѣту; но и на этомъ случайномъ поступленіи Совѣтъ Общества затруднился бы основать увеличеніе приходной смѣты на равную сумму. Что же касается ожидаемаго Ревизіонною Комиссіею значительнаго увеличенія поступленій отъ продажи изданныхъ Обществомъ двухъ славянскихъ словарей, то имѣя въ виду спеціальный характеръ этихъ изданій, спросъ на которыя всегда будетъ ограниченъ и распродажа ихъ, по необходимости, будетъ медленная, такъ какъ покупателями ихъ являются лишь немногіе, спеціально занимающіеся изученіемъ славянскихъ нарѣчій слушатели высшихъ учебныхъ заведеній,—Совѣтъ Общества не имѣетъ основаній разсчитывать на ожидаемую Комиссіей значительную доходность по этой статьѣ, а потому полагалъ бы оставить назначенную Совѣтомъ по ст. 5 сумму отъ продажи изданій 200 р. по трехлѣтней сложности.

Затѣмъ Совѣтъ Общества затрудняется внести въ смѣту гадательную цифру поступленія 1.000 р. отъ устройства увеселительныхъ и литературныхъ вечеровъ, зрѣлищъ, платныхъ чтеній, не считая достаточною къ тому гарантіею выраженную Комиссіи нѣкоторыми членами Общества готовность взять на себя заботы и хлопоты по этому предмету, такъ какъ въ Совѣтъ Общества никакихъ конкретныхъ предложеній по этому предмету ни отъ кого изъ членовъ Общества не поступало. Такой новый источникъ средствъ Общества Совѣтъ признаетъ весьма желательнымъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы предварительно съ особеннымъ вниманіемъ и осторожностію было выяснено, какого рода увеселительные вечера могутъ быть признаны удобными и соотвѣтственными задачамъ и характеру Общества; при томъ въ этомъ дѣлѣ нужны указанія опыта и, если опытъ устройства вечеровъ, зрѣлищъ, чтеній и т. под. окажется удачнымъ и не убыточнымъ, то съ слѣдующаго смѣтнаго года, но не ранѣе, можно было бы вносить въ доходную смѣту и указываемую Ревизіонною Комиссіею новую доходную статью подъ рубрикою «случайныхъ поступленій».

г.) Самая крупная цифра въ 6227 р. 20 к., вносимая Ревизіонною Комиссіею въ смѣту на 1899 годъ, образовалась изъ суммы въ 3397 р. 90 к., составляющихъ остатокъ отъ кредита, ежегодно ассигнуемаго по смѣтѣ съ 1895 г. въ суммѣ 2.000 р. на изданіе словарей славянскихъ нарѣчій, и изъ 2.829 р. 30 к., составляющихъ свободный остатокъ расходнаго капитала какъ 1898 г., такъ и предъ идущихъ лѣтъ. Совѣтъ Общества не находитъ возможнымъ согласиться на включеніе означенныхъ остатковъ расходнаго капитала въ смѣту на 1899 годъ по слѣдующимъ основаніямъ: а) по постановленію Общаго Собранія членовъ отъ 30 Апрѣля 1895 г. ежегодно ассигнуется по смѣтѣ Общества на изданіе славянскихъ словарей по 2000 р. Съ того времени два словаря—русско-словацкій—Мичатка и русско-словинскій—Хостника—изданы, три словаря—словацко-русскій—Мичатка и словинско-русскій—Хостника и чешско-русскій—Ранка печатаются и два словаря составляются—болгарско-русскій—г. Драгановымъ и сербско-русскій—г. Половинкинымъ. Означенный словарный кредитъ имѣетъ точно опредѣленное назначеніе и находится въ распоряженіи Издательской Комиссіи. Отъ этого кредита и имѣется остатокъ въ 3397 р. 90 к., изъ котораго должны производиться уплаты типографскихъ и другихъ расходовъ по сдѣланнымъ уже заказамъ въ счетъ этого именно остаточнаго кредита, поэтому вносить эту сумму въ смѣту и обращать ее въ общій расходный капиталъ Совѣтъ находитъ невозможнымъ.

д.) Что касается 2829 р. 30 к. свободнаго остатка расходнаго капитала отъ предшествующихъ лѣтъ, то Совѣтъ Общества какъ при составленіи смѣты на 1899 г., такъ и во всѣ предшествующіе годы не вносилъ и находитъ неудобнымъ вносить остатки расходнаго капитала въ годовую смѣту на слѣдующій смѣтный годъ, чтобы искусственно не увеличивать смѣты и имѣть свободный рессурсъ на покрытіе возможнаго дефицита по годовой смѣтѣ, такъ какъ Совѣтъ Общества всегда смотрѣлъ на эти ежегодно образующіеся незначительные остатки расходнаго капитала, какъ на свободный рессурсъ, изъ котораго, въ случаѣ нужды, можно было бы покрыть непредвидѣнный, вызванный случайнымъ обстоятельствомъ экстренный расходъ, какъ и были тому примѣры (пріѣздъ славянъ на выставку, на юбилеи и въ под. случаяхъ). Если въ настоящемъ году весь остаточный расходный капиталъ прежнихъ лѣтъ въ суммѣ 1829 р. 30 к. внести въ смѣту на одинъ настоящій 1899 годъ и обратить его къ общему расходованію по всѣмъ статьямъ смѣты, то тѣмъ самымъ смѣта текущаго года искусственно увеличится почти на 3000 р. и соотвѣтственно уменьшится въ

будущемъ году, такъ какъ нѣтъ основаній разсчитывать на образованіе такого же остатка отъ расходнаго капитала текущаго года, а значительныя колебанія и неустойчивость бюджета затруднятъ Совѣтъ Общества въ назначеніи постоянныхъ ассигнованій по тѣмъ или другимъ статьямъ смѣты.

Обращаясь засимъ къ смѣтѣ расходовъ, проектированной Ревизіонною Комиссіею, Совѣтъ Общества находитъ, что главныя, вновь вводимыя или увеличенныя назначенія по обыкновеннымъ статьямъ смѣты, какъ то: 3000 р. на наемъ помѣщенія, 1000 р. по переѣзду на новую квартиру и устройство въ новомъ помѣщеніи, увеличеніе до 3000 руб. смѣты на пособіе печатнымъ изданіямъ, учебно-воспитательнымъ и другимъ полезнымъ учрежденіямъ въ славянскихъ земляхъ, 200 р. на устройство народныхъ чтеній, 400 р. на посылку лицъ отъ Общества въ славянскія земли, и пр., всего на 10.000 р., въ годъ, то при всемъ сочувствіи этимъ предположеніямъ и желательности ихъ осуществленія, Совѣтъ Общества не находитъ возможнымъ внести въ смѣту на 1899 г. эти новыя статьи расхода, или усиленныя назначенія средствъ по прежде бывшимъ въ смѣтѣ статьямъ расходовъ, по необезпеченности средствъ на покрытіе этихъ расходовъ, такъ какъ составленную Ревизіонною Комиссіею смѣту прихода, увеличенную противъ предположеній Совѣта на 10.000 р. въ годъ, Совѣтъ, по вышеприведеннымъ основаніямъ, считаетъ неоправдываемою и необоснованною твердыми данными и потому не находитъ возможнымъ принять эту смѣту, какъ не соотвѣтствующую дѣйствительности, къ руководству и исполненію, и затѣмъ считаетъ излишнимъ входить въ подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей смѣты расходовъ, составленной Комиссіею.

Послѣ фактическихъ замѣчаній на отчетъ и смѣту Общества, Ревизіонная Комиссія представляетъ Общему Собранію свои заключенія о дѣятельности Общества и предположенія о мѣрахъ къ ея развитію и оживленію. Не считая умѣстнымъ подводить итоги дѣятельности Общества, или произносить о ней свой приговоръ, какъ это дѣлаетъ Ревизіонная Комиссія въ своемъ докладѣ, такъ какъ замѣчанія Комиссіи касаются не только нынѣшней дѣятельности Общества въ настоящемъ составѣ его членовъ и членовъ Совѣта, но и за прежнее время, при чемъ современное положеніе Славянскаго Общества противополагается его «славному прошлому», которое не опредѣляется однако болѣе точнымъ указаніемъ періода этого славнаго прошлаго, а указывается лишь одинъ выдающійся и исключительный моментъ усиленной и широко развитой дѣятельности Общества во время Герцеговинскаго возстанія 1876 и 1877 годовъ, Совѣтъ Общества ограничивается лишь нѣсколькими фактическими замѣчаніями и краткимъ объясненіемъ того, какъ онъ смотритъ на свои обязанности и на задачи Общества.

Противъ замѣчанія Ревизіонной Комиссіи о томъ, что ни число членовъ, ни его средства, ни его вліяніе на окружающій міръ не соотвѣтствуютъ широкимъ задачамъ и высокому призванію быть *«духовнымъ вождемъ»*, всему Славянству, Совѣтъ Общества считаетъ себя обязаннымъ объяснить, что ни по своему уставу, ни по стремленіямъ всѣхъ виднѣйшихъ дѣятелей Славянскаго Общества за все время его существованія Общество никогда не поставляло себѣ столь притязательной, и, по мнѣнію Совѣта, никакому частному Обществу не подлежащей и неисполнимой задачи быть *духовнымъ вождемъ* всему Славянству, и сожалѣніе о томъ, что Славянское Общество не являлось и доселѣ не является такимъ духовнымъ вождемъ, Совѣтъ Общества находитъ совершенно празднымъ. Задачи Общества, указанныя въ его уставѣ, много скромнѣе, опредѣленнѣе и осуществимѣе.

На замѣчаніе Ревизіонной Комиссіи *объ упадкѣ* дѣятельности Славянскаго Общества по сравненію съ 1876—1877 годами, когда Общество счи-

тало своихъ членовъ тысячами, но не умѣло не только привлекать, но и удержать своихъ членовъ въ своемъ составѣ, Совѣтъ Общества обязанъ объяснить, что въ то время необычайно возбужденнаго интереса къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ Славянское Общество явилось готовою организаціею и центромъ, куда направили свои жертвы всѣ люди, живо откликнувшіеся на бѣдствія страждущихъ славянскихъ братьевъ, куда несли свои лепты русскіе люди всѣхъ званій и состояній, причемъ многіе сдѣлавшіе единовременные, иногда и незначительные взносы, записывались членами Общества и, по минованіи событій, вызвавшихъ оживленіе въ дѣятельности Общества, всѣ эти случайные жертвователи вышли изъ состава Общества, и число его членовъ быстро сократилось до обычнаго ежегоднаго его состава. Едва ли эту естественную убыль членовъ можно объяснить неумѣлостію Общества.

Указаніе Ревизіонной Комиссіи на «общерусскую отсталость», какъ плодъ нашей славянской или «славянофильской нерадивости» Совѣтъ отказывается понять, такъ какъ не усматриваетъ между указываемыми явленіями причинной связи и не знаетъ фактовъ, объясняющихъ, какимъ образомъ славянофильская нерадивость произвела общерусскую отсталость.

Справедливость упрека всему Славянскому Обществу со стороны Ревизіонной Комиссіи, что оно «пользовалось средствами воздѣйствія на окружающуюся насъ среду *большею частію неумѣло*, можетъ оцѣнить лишь русское общество, среди котораго наше частное благотворительное общество дѣйствуетъ, и славяне, а потому Совѣтъ Общества полагаетъ, что едва-ли можетъ само Славянское Общество безпристрастно оцѣнивать результаты своей дѣятельности и считаетъ неумѣстнымъ входить въ обсужденіе этого замѣчанія Ревизіонной Комиссіи по существу.

На замѣчаніе Ревизіонной Комиссіи о тонѣ, характерѣ и достоинствѣ рѣчей, произносимыхъ въ торжественныхъ общихъ собраніяхъ, при чемъ упрекаются тѣ ораторы торжественныхъ собраній, которые высказываютъ сужденія, по мнѣнію Комиссіи, съ славянской точки зрѣнія *недопустимыя* или *спорныя*, которыя въ публикѣ принимаются за торжественныя заявленія самого Общества,—Совѣтъ Общества всегда смотрѣлъ и смотритъ на произносимыя въ общихъ собраніяхъ членами Общества рѣчи, какъ на личныя мнѣнія ораторовъ и какъ на свободный обмѣнъ мнѣній его членовъ по интересующимъ Общество вопросамъ въ цѣляхъ ихъ разъясненія, и со всею рѣшительностію заявляетъ, что какъ доселѣ было, такъ и впредь онъ намѣренъ предоставлять ораторамъ въ Общихъ Собраніяхъ полную свободу мнѣнія и сужденія, какимъ бы авторитетнымъ тономъ они ни произносились, слѣдуя въ этомъ отношеніи исконнымъ лучшимъ преданіямъ нашего Славянскаго Общества и наблюдая при этомъ лишь то требованіе, чтобы произносимыя рѣчи имѣли прямое отношеніе къ тѣмъ или другимъ сторонамъ Славянской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ и не были въ противорѣчіи съ основными началами нашего Общества, коими оно всегда поставляло: *православіе, самодержавіе* и *народность*. Возможную и доступную свободу каѳедры Славянскаго Общества Совѣтъ и впредь намѣренъ оберегать отъ воздвигаемыхъ на эту свободу посягательствъ, откуда бы они ни исходили.

На замѣчаніе Ревизіонной Комиссіи о томъ, что на очередныхъ собраніяхъ Общества *должны бы* рѣшаться дѣла Общества и *вырабатываться міросозерцаніе его членовъ*, Совѣтъ заявлетъ, что онъ никогда не поставлялъ и не можетъ поставлять задачею Общихъ Собраній *выработку міросозерцанія его членовъ*, такъ какъ не считаетъ никакую общественную организацію способною принять на себя подобную миссію, и полагаетъ, что лица, всту-

пающія въ составъ членовъ Славянскаго Общества, обладаютъ соотвѣтственнымъ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ.

Съ замѣчаніемъ Ревизіонной Комиссіи о *малополезности* издательской дѣятельности Общества Совѣтъ не согласенъ, но такъ какъ этотъ упрекъ сдѣланъ Ревизіонною Комиссіей голословно, то и опровергать его Совѣтъ не намѣренъ.

На замѣчаніе Ревизіонной Комиссіи о томъ, что не расходуется капиталъ имени Гильфендинга на выдачу премій на сочиненія по славяновѣдѣнію, Совѣтъ долженъ ограничиться напоминаніемъ, что на объявляемыя Обществомъ темы на соисканіе премій имени Гильфердинга въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не поступало соотвѣтственныхъ сочиненій и лишь въ послѣднее время въ Совѣтъ Общества поступило сочиненіе одного галицко-русскаго писателя, которое разсмотрѣно Издательскою Комиссіею, и объ этомъ сочиненіи будетъ представленъ Совѣтомъ докладъ ближайшему Общему Собранію.

По поводу предложенія Ревизіонной Комиссіи о томъ, чтобы избранная комиссія въ составѣ 24 членовъ, 29 Декабря прошлаго года, для разработки вопроса объ учрежденіи Всеславянской Матицы, подраздѣлившаяся на нѣсколько отдѣльныхъ подкомиссій, обращена была въ *постоянное* учрежденіе Общества, Совѣтъ Общества долгомъ считаетъ обратить вниманіе на то, что по уставу Общества, Комиссіи въ помощь Совѣту могутъ быть избираемы лишь *временныя*, и для учрежденія проектируемыхъ *постоянныхъ* комиссій необходимо разрѣшеніе Правительства, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ устава, по предварительномъ точномъ опредѣленіи задачъ и круга дѣйствій проектируемыхъ постоянныхъ комиссій.

Въ заключеніе Совѣтъ Общества долгомъ считаетъ заявить, что дѣйствуя въ предѣлахъ начертаннаго Обществу устава, онъ неуклонно стремился и стремится къ возможному выполненію задачъ Общества, насколько позволяютъ личныя силы и способности каждаго изъ членовъ и тѣ денежныя средства, какія имѣются въ его распоряженіи. Въ мирное, чуждое какихъ-либо внѣшнихъ возбужденій для нашего Общества время, Совѣтъ поставляетъ главною своею задачею—подготовлять для славянства полезныхъ дѣятелей на своей родинѣ, чтобы путемъ обученія и воспитанія ихъ у насъ, въ Россіи, пріобрѣсти въ нихъ послѣдователей и проводниковъ въ народное сознаніе славянской идеи въ духѣ стремленій нашего Общества, и преданныхъ Россіи славянскихъ дѣятелей. Поэтому Совѣтъ Общества придаетъ особое значеніе воспитанію въ Россіи пріѣзжихъ славянъ и считаетъ необходимымъ удѣлять значительную часть средствъ Общества на ихъ образованіе.

Издательскую дѣятельность Совѣтъ Общества съ своей стороны желалъ бы развить возможно болѣе и, независимо отъ предпринятаго и исполняемаго изданія славянскихъ словарей, всегда желалъ имѣть свой собственный органъ, и всего было лучше еженедѣльную и ежедневную газету, о чемъ и были дѣлаемы Совѣту неоднократныя по этому предмету предложенія нашимъ Предсѣдателемъ, Графомъ Н. П. Игнатьевымъ, но приступить къ осуществленію этого предположенія Совѣтъ доселѣ не находилъ возможнымъ за неимѣніемъ средствъ на это предпріятіе и неимѣніемъ въ виду достаточно свободныхъ въ своей средѣ людей, которые могли бы съ пользою послужить этому дѣлу. Этотъ серьезный вопросъ Совѣтъ считаетъ заслуживающимъ особой разработки и съ своей стороны проситъ Общее Собраніе подвергнуть его подробному обсужденію, избравъ въ помощь Совѣту изъ своей среды нѣсколькихъ членовъ, которые совмѣстно съ Совѣтомъ вошли бы въ соображеніе по этому предмету какъ съ финансовой

стороны, такъ и со стороны литературныхъ силъ, которыя можно было бы привлечь къ участію въ изданіи.

Вполнѣ раздѣляя замѣчанія Ревизіонной Комиссіи, что Совѣтъ Общества, изъ кого бы онъ ни состоялъ, не можетъ безъ живого нравственнаго и матеріальнаго участія и содѣйствія всѣхъ его членовъ успѣшно осуществлять лежащія на Обществѣ задачи, Совѣтъ Общества неоднократно обращался и нынѣ обращается ко всѣмъ г.г. членамъ съ просьбою о такомъ участіи и содѣйствіи, и при этомъ долгомъ поставляетъ заявить, что онъ вѣритъ въ успѣшное развитіе дѣятельности Общества лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если всѣ члены Общества будутъ дѣйствовать единодушно и согласно, если въ средѣ Общества не будетъ раздора и духа партійности, столь противнаго основнымъ началамъ славянской любви и единенія, неизмѣнно провозглашаемыхъ нашимъ Обществомъ, и если во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ будутъ поступать въ строгихъ предѣлахъ законности. Въ такомъ расположеніи и настроеніи Совѣтъ Общества и впредь приложитъ всѣ свои силы служить Обществу по веденію его дѣлъ, и общими со всѣми членами Общества силами мирно, спокойно и безъ порывистости трудиться надъ улучшеніемъ несовершенствъ въ его организаціи и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ и выполненіемъ предлежащихъ Обществу задачъ.

По поводу этихъ объясненій Совѣта Предсѣдатель Ревизіонной Комиссіи А. В. Васильевъ замѣтилъ, что онъ и другіе члены Ревизіонной Комиссіи также уважаютъ свободу мнѣнія и слова и отнюдь не имѣли намѣренія посягать на свободу каѳедры Славянскаго Общества. Но именно такой свободы въ немъ и не было, ибо несогласные съ тѣмъ, что говорилось иной разъ въ торжественныхъ собраніяхъ, лишены были возможности тамъ же возразить. Въ частныхъ собраніяхъ членовъ Общества по понедѣльникамъ или въ очередныхъ собраніяхъ желателенъ полный просторъ выраженію мнѣній; программы же торжественныхъ собраній должны составляться осмотрительнѣе.

По выслушаніи затѣмъ возраженій на докладъ Ревизіонной Комиссіи члена Совѣта П. А. Гейсмана, Собраніемъ приступлено къ вопросу о смѣтѣ. Многими членами выражалось желаніе обсудить предложенную Ревизіонною Комиссіею смѣту по статьямъ; такое обсужденіе Предсѣдателемъ допущено не было, а предложенъ былъ на рѣшеніе Общаго Собранія вопросъ: принимаетъ ли оно смѣту Совѣта, съ увеличеніемъ: прихода на сумму остатка отъ расходнаго капитала прежнихъ лѣтъ, и расхода—на четыре тысячи рублей на наемъ новаго помѣщенія для Общества, или же—смѣту Ревизіонной Комиссіи. Сорока восьмью шарами (48) противъ сорока семи (47) Собраніе утвердило смѣту Ревизіонной Комиссіи *).

---

*) Собраніе 23 февраля открыто было при наличіи 109 членовъ: въ голосованіи же вопроса о смѣтѣ приняло участіе 95 членовъ.

Собраніе 27 февраля.

Участвовало 130 членовъ, открыто Товарищемъ Предсѣдателя В. К. Саблеромъ, который прочиталъ слѣдующій

Протоколъ засѣданія Совѣта 24 Февраля 1899 года.

Въ экстренномъ Распорядительномъ Собраніи Гг. Членовъ Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 23 сего Февраля въ присутствіи 95 членовъ, были доложены и обсуждались замѣчанія Ревизіонной Комиссіи, избранной Общимъ Собраніемъ членовъ 29 Декабря 1898 г. по поводу составленной Совѣтомъ смѣты на 1899 годъ, и объясненія Совѣта на означенную смѣту. Послѣ бывшихъ на Собраніи преній по этому предмету Предсѣдателемъ Совѣта поставленъ былъ на баллотировку вопросъ: принимаетъ ли Общее Собраніе смѣту, составленную Совѣтомъ Общества, со включеніемъ въ оную расхода въ 4000 рублей на наемъ новаго помѣщенія Общества и на расходы по его приспособленію и переѣзду на новую квартиру, или же принимаетъ смѣту, составленную Ревизіонной Комиссіей. Такая постановка вопроса Общимъ Собраніемъ была принята и приступлено было къ баллотировкѣ, посредствомъ закрытой подачи голосовъ шарами. По подсчетѣ голосовъ оказалось, что за смѣту Ревизіонной Комиссіи подано 48 голосовъ, а за смѣту Совѣта 47 голосовъ. Обсудивъ такой результатъ голосованія и признавая невозможнымъ принять къ исполненію составленную Ревизіонною Комиссіею смѣту, которую Совѣтъ находитъ неисполнимою, и усматривая изъ результата голосованія отсутствіе согласія и единомыслія въ средѣ членовъ Общества, столь необходимыхъ для правильнаго и успѣшнаго теченія его дѣлъ, Совѣтъ Общества единогласно постановилъ: сложить свои полномочія по должности членовъ Совѣта Общества, о чемъ и заявить Общему Собранію, послѣ чего Предсѣдателемъ Общества Собраніе было объявлено закрытымъ. Объ изложенномъ, на основаніи §§ 16 и 17 Устава, Совѣтъ постановляетъ довести до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, поручивъ Секретарю и Казначею Общества сдать дѣла, кассу и имущество Общества тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыя будутъ избраны Общимъ Собраніемъ Членовъ Общества. Подписали: За Предсѣдателя Совѣта Товарищъ Предсѣдателя *В. Саблеръ, А. Кирѣевъ.* Члены Совѣта: *Ник. Гартвигъ, Д. Зуевъ, В. Аристовъ, И. Пальмовъ, Ив. Соколовъ, П. Гейсманъ*, Съ постановленіемъ Совѣта согласенъ и также слагаю съ себя должность члена Совѣта *Н. Писаревскій.*

Дополнивъ протоколъ прочувственною рѣчью, сходнаго съ нимъ содержанія, В. К. Саблеръ удалился, передавъ предсѣдательство въ собраніи А. А. Боголюбову, послѣ чего Собраніе приступило къ выборамъ, согласно уставу, записками. Избранными оказались:

Въ предсѣдатели—графъ Н. П. Игнатьевъ—117 голосами изъ поданныхъ 124: въ Товарищи Предсѣдателя: В. К. Саблеръ и А. А. Кирѣевъ—112 голосами изъ 124; въ члены Совѣта изъ 127 голосовъ: А. В. Васильевъ 86-ю, Князь Д. П. Голицынъ 72-ю, Н. Н. Сухотинъ 69-ю, Н. Г. Гартвигъ 66-ю, В. В. Комаровъ 63-мя, В. С. Кривенко 59-ю, И. С. Пальмовъ 51-мъ, А. Н. Штиглицъ 49-ю.

Сверхъ того по порядку числа голосовъ получили Н. Р. Овсяный 48. Н. П. Писаревскій 46, О. Ю. Стано 44 и В. И. Аристовъ 43 голоса.

По объявленіи послѣдствій голосованія Собраніе признало выборы законченными и привѣтствовало избранныхъ лицъ дружными рукоплесканіями. Составленный тогда же протоколъ подписанъ всѣми оставшимися при закрытіи Собранія членами въ числѣ 32 лицъ.

Распорядительное Общее Собраніе 7 Марта 1899 года въ залѣ Императорскаго географическаго Обестващ.

По открытіи въ 3 ч. дня засѣданія, предсѣдательствующій А. А. Кирѣевъ сообщилъ, что избранные въ предыдущемъ Распорядительномъ Общемъ Собраніи Предсѣдателемъ Общества графъ Н. П. Игнатьевъ, и Товарищами Предсѣдателя В. К. Саблеръ и онъ самъ А. А. Кирѣевъ, принося Обществу искреннюю благодарность за избраніе, не могутъ принять на себя возлагаемыя на нихъ обязанности и просятъ приступить къ новымъ выборамъ. Со своей стороны, А. А. Кирѣевъ добавилъ, что, впредь до окончательнаго сформированія Совѣта Общества, онъ готовъ взять на себя роководство по завѣдыванію дѣлами Общества и проситъ снабдить его, въ такомъ случаѣ, временнымъ полномочіемъ по направленію и рѣшенію текущихъ дѣлъ.

Выслушавъ это заявленіе, Общее Собраніе единодушно постановило— просить А. А. Кирѣева объ оказаніи Обществу предложеннаго содѣйствія и предоставить ему упомянутыя полномочія.

Вслѣдъ за тѣмъ, приступлено было къ избранію новыхъ дѣйствительныхъ членовъ Общества. Избраны были: М. Н. Галкинъ-Враскій, Ф. В. Винбергъ, Н. Г. Николаевъ, И. Р. Галченковъ, Б. В. Беръ, С. М. Мирошниковъ, К. К. Домашевскій, князь В. В. Барятинскій, К. Н. Львовъ, И. Я. Герцманъ, Н. М. Соколовъ, М. А. Васильевъ, А. Е. Зоринъ, П. В. Зосидомскій, М. В. Яновскій, М. Ѳ. Александринъ, Е. С. Боткинъ, архим. Александръ, А. В. Ползиковъ, В. І. Бѣлолипскій, В. И. Шемякинъ, Д. Д. Ридингеръ, О. Н. Баскакова, В. И. Баскаковъ, Л. И. Баскаковъ и Н. А. Клюевъ.

По окончаніи сихъ избраній, А. А. Кирѣевъ предложилъ Общему Собранію обратиться къ выборамъ, согласно разосланнымъ гг. членамъ Общества повѣсткнмъ. Баллоттировкою записками въ Предсѣдатели Общества избранъ былъ, 90 голосами изъ 102, Членъ Государственнаго Совѣта Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Власкій.

Ранѣе, нежели продолжать выборы, Общее Собраніе единодушно просило А. А. Кирѣева—остаться Товарищемъ Предсѣдателя и только послѣ его отказа и обѣщанія по прежнему трудиться на пользу общаго дѣла, хотя бы только въ качествѣ члена, избрало на означенную должность: В. В. Комарова и А. В. Васильева, перваго 63 голосами, а второго 62 голосами изъ 113.

Въ заключеніе, Общему Собранію доложено было заявленіе членовъ Общества гг. Шарапова и Бурлея. Первый изъ нихъ указываетъ, что изъ числа 8 членовъ Совѣта, избранныхъ въ Распорядительномъ Собраніи 27 Февраля, не всѣ получили абсолютное большинство голосовъ, и что лица, на чьихъ именахъ сосредоточилось большинство относительное, подлежатъ перебаллотировкѣ. Въ опроверженіе сего въ средѣ Собранія послѣдовали указанія на то, что Распорядительное Общее Собраніе 27 Февраля признало всѣхъ новыхъ 8 членовъ Совѣта избранными и подтвереило это протоколомъ. Постановлено передать заявленіе С. Ѳ. Шарапова на обсу-

жденіе Совѣта. Также положено поручить разсмотрѣнію Совѣта заявленіе дѣйствительнаго члена Н. Ѳ. Бурлея о желательности перебаллотировки вопроса о смѣтѣ на 1899 годъ, рѣшеннаго уже въ Распорядительномъ Собраніи 23 Февраля.

Собраніе закрыто въ 5 ч. дня.

Распорядительное Общее Собраніе 14 марта 1899 г.

въ залѣ Географическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ временно исправляющаго должность Предсѣдателя А. А. Кирѣева, въ присутствіи 102 членовъ.

По открытіи въ 3 ч. дня Собранія, Предсѣдательствующій сообщилъ о получённомъ имъ письмѣ отъ М. Н. Галкина-Враскаго въ которомъ онъ пишетъ:

«Чѣмъ я болѣе вникаю въ обязанности Предсѣдателя Славянскаго Общества, тѣмъ все сильнѣе убѣждаюсь въ невозможности принять на себя предсѣдательствованіе въ этомъ Обществѣ. Вчера утромъ я уже имѣлъ случай подробно выяснить свои по сему сомнѣнія какъ вамъ лично, такъ и бывшимъ съ Вами В. В. Комарову, А. В. Васильеву и г. Штиглицу, сдѣлавшимъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, въ качествѣ делегаціи отъ Общества. Виссаріону Виссаріоновичу и бывшему съ нимъ одновременно у меня А. А. Башмакову, я еще прежде, въ воскресенье, въ день Общаго Собранія и заблаговременно до состоявшихся за тѣмъ выборовъ, самымъ положительнымъ образомъ заявилъ, что не будучи достаточно знакомъ съ дѣятельностію Общества и его ближайшими задачами, а также зная весьма лишь немногихъ изъ личнаго его состава, и даже не состоя членомъ Общества,—я считаю себя совершенно не соотвѣтствующимъ обязанностямъ Предсѣдателя въ томъ смыслѣ, какъ таковыя понимаю, не будучи склоненъ исполнять ихъ только формально, не входя во всѣ частности дѣла, свободнаго же для сего времени, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, вовсе не имѣю. Не смотря, однако, на такое мое заявленіе, выборъ меня въ Предсѣдатели состоялся и съ такимъ при томъ единодушіемъ, которое несомнѣнно преисполняетъ меня самой искренней признательностію къ почтившимъ меня такимъ вниманіемъ, но чѣмъ довѣреннѣе оказана подобная честь, тѣмъ сильнѣе должна сознаваться отвѣтственность возлагаемой обязанности, и въ этомъ убѣжденіи, я и нынѣ, какъ высказывалъ прежде, рѣшительно не признаю возможнымъ согласиться на предсѣдательствованіе въ Славянскомъ Обществѣ, — о чемъ и поспѣшаю Васъ увѣдомить, многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ, и дѣлаю это теперь, не откладывая, какъ было условлено, до середы, потому, что желалъ бы предупредить Вашъ напрасный завтра выѣздъ изъ Павловска. Дозвольте мнѣ при этомъ, пользуясь нашими давними и позволяю себѣ сказать дружескими отношеніями просить Васъ не отказать передать бывшимъ съ Вами у меня вчера и всѣмъ членамъ Общества мою сердечную благодарность за оказанную мнѣ избраніемъ высокую честь и вмѣстѣ мое извиненіе въ томъ, что, по вышеизложеннымъ причинамъ, я обязываюсь отклонить таковое избраніе».

Затѣмъ Предсѣдательствующій прочиталъ заявленіе члена Общества С. Ѳ. Шарапова о томъ, что на Распорядительномъ Собраніи 27 Февраля не всѣ лица, избранные въ члены Совѣта, получили абсолютное большинство голосовъ и что избранные по большинству относительному подлежатъ перебаллотировкѣ.

По мнѣнію Совѣта, заявленіе это опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что списокъ 8 лицъ, признанныхъ избранными, бывъ прочитанъ Общему Собранію, не только не вызвалъ никакихъ замѣчаній, а напротивъ вызвалъ общее одобреніе, а слѣдовательно былъ утвержденъ какъ бы единогласно всѣми наличными членами Общества. Кромѣ того фактъ избранія лицъ, за которыхъ по запискамъ высказалось только относительное большинство, подтвержденъ на протоколѣ Общаго Собранія подписями всѣхъ членовъ присутствовавшихъ при закрытіи засѣданія.

По просьбѣ В. С. Кривенко, прочитано поданное имъ 7-го Марта въ Совѣтъ слѣдующее заявленіе:

«Въ виду возбужденнаго сегодня, 7 Марта, однимъ изъ членовъ Общаго Собранія вопроса о степени дѣйствительности послѣднихъ выборовъ и состоявшейся передачѣ заявленія на предварительное разсмотрѣніе Совѣта, я спѣшу поставить въ извѣстность, что отказываюсь отъ званія члена Совѣта».

Присутствовавшій въ Собраніи В. С. Кривенко, подтвердилъ, что въ виду возникшаго сомнѣнія въ правильности его избраніи въ члены Совѣта, онъ слагаетъ съ себя это званіе. Такое же заявленіе сдѣлано и И. С. Пальмовымъ. Но такъ какъ третье лицо изъ числа получившихъ при выборахъ 27 Февраля относительное большинство голосовъ по запискамъ отсутствовало, то вопросъ о дѣйствительности избранія этихъ трехъ членовъ Совѣта былъ предложенъ на обсужденіе и баллотировку.

51 запискою изъ 92, противъ 41, избраніе 27 Февраля всѣхъ 8 членовъ Совѣта признано правильнымъ.

Вслѣдъ за этимъ А. А. Башмаковымъ подано отъ имени 22 членовъ Общества заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Три дня тому назадъ Совѣтъ узналъ объ отказѣ М. Н. Галкина-Враскаго отъ должности Предсѣдателя. Уже черезъ три дня назначено засѣданіе для выборовъ Предсѣдателя, безъ надлежащей подготовки какой-либо кандидатуры, способной умиротворить расходившіяся несогласія. Такая торопливость въ назначеніи предсѣдательскихъ выборовъ къ добру не поведетъ. Она противна нашему многолѣтнему обычаю. Считаемъ долгомъ опротестовать это распоряженіе и просимъ убѣдительнѣйшимъ образомъ Совѣтъ Общества: 1) Снять съ очереди выборы Предсѣдателя. 2) Назначить 10 дней срока для надлежащей подготовки соотвѣтствующей кандидатуры, могущей удовлетворить всѣ группы, существующія въ средѣ нашего Общества. 3) Принять къ свѣдѣнію, что значительная часть нашего Общества твердо рѣшила неучаствовать въ торопливыхъ выборахъ Предсѣдателя, сего числа, если этотъ протестъ не будетъ уваженъ, и что при такомъ коллективномъ воздержаніи отъ голосованія не можетъ вовсе составиться законнаго постановленія, на точномъ основаніи § 9 нашего устава».

Предсѣдательствующій, принимая во вниманіе это заявленіе и многочисленныя заявленія другихъ членовъ—выбрать въ настоящемъ же собраніи Предсѣдателя Общества, предложилъ на баллотировку вопросъ: избирать ли теперь же или отложить избраніе Предсѣдателя?

По баллотировкѣ записками, изъ 77 баллотировавшихъ высказалось: 47—за избраніе и 30—за то, чтобы выборы отложить.

Послѣ этой баллотировки предсѣдательствующій обратился къ собранію съ словами: что, въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Славянское Общество съ уходомъ графа Н. П. Игнатьева, нельзя оставлять Общество, что поиски Предсѣдателя на сторонѣ оказались безуспѣшны, а между тѣмъ, по его мнѣнію, самый желательный Предсѣдатель находится

въ средѣ Общества. Это бывшій Начальникъ Штаба Тимоко-Моравской арміи Черняева—В. В. Комаровъ, человѣкъ работавшій и всегда готовый работать на пользу Славянскаго дѣла. Указаніе это было покрыто рукоплесканіями членовъ.

На поставленный вслѣдъ за тѣмъ Собранію вопросъ, кого желаетъ оно избрать въ Предсѣдатели Общества, Собраніе отвѣтило 70 записками, изъ которыхъ 62 оказалось за В. В. Комарова. Этотъ выборъ привѣтствованъ громкими рукоплесканіями.

Членъ же Общества А. А. Башмаковъ подалъ второе заявленіе съ 12-подписями отъ „Группы членовъ, требовавшихъ отсрочки предсѣдательскихъ выборовъ, слѣдующаго содержанія»: Первое наше заявленіе не было уважево и Совѣтъ не согласился отсрочить предсѣдательскіе выборы. На этомъ основаніи заявляемъ: 1) что выборы сего 14 Марта мы считаемъ незаконными, 2) покорнѣйше просимъ Совѣтъ принять въ трехдневный срокъ мѣры къ возстановленію законности въ средѣ Общества, 3) по минованіи сего срока безъ принятія какихъ либо мѣръ, клонящихся къ вышеуказанной цѣли, мы намѣрены обжаловать постановленіе сего числа Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, согласно § 2 устава нашего Общества».

Прочитавъ это заявленіе, А. А. Башмаковъ вышелъ изъ Собранія, приглашая за нимъ послѣдовать тѣхъ, кто съ нимъ согласенъ. Пять или шесть человѣкъ вышло вслѣдъ за г. Башмаковымъ.

Случай этотъ видимо произвелъ тяжелое впечатлѣніе на Собраніе, выразившееся громкимъ неодобреніемъ и предложеніемъ исключить г. Башмакова изъ среды Общества. Нѣкоторые же изъ членовъ, подписавшихся на поданныхъ имъ заявленіяхъ, подходили къ столу и вычеркивали свои подписи. (Изъ 28 подписей на первомъ заявленіи осталось только 22, а на второмъ изъ 20—двѣнадцать).

Затѣмъ въ Товарищи Предсѣдателя вмѣсто В. В. Комарова, выбраннаго на должность Предсѣдателя, единогласно, по баллотировкѣ записками, 81 голосомъ избранъ былъ А. А. Кирѣевъ.

Въ заключеніе, были произведены выборы двухъ членовъ Совѣта. Подано 65 записокъ, при чемъ избранными оказались снова В. С. Кривенко—59 голосами и И. С. Пальмовъ—48-ю.

Собраніе было закрыто въ 6 ч. по полудни.

Впредь до утвержденія г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ избранныхъ Общимъ Собраніемъ 7 и 13 Марта Предсѣдателя и двухъ Товарищей Предсѣдателя, обязанности Предсѣдателя Совѣта и Общества временно исполняетъ Товарищъ Предсѣдателя А. А. Кирѣевъ, утвержденный г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по прежнему избранію Общества. Совѣтъ же Общества составляютъ: В. В. Комаровъ, А. В. Васильевъ, Н. Н. Сухотинъ, В. С. Кривенко, Н. Г. Гартвигъ, А. Н. Штиглицъ и Н. К. Шведовъ. (Кн. Д. П. Голицинъ и И. С. Пальмовъ отказались отъ должности Членовъ Совѣта).

Запись происходившаго въ Общемъ собраніи членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества 16-го іюня 1899 года въ помѣщеніи Императорскаго Географическаго Общества.

Въ $8^1/_2$ часовъ вечера, когда собралось уже 68 членовъ, членъ Совѣта Общества А. В. Васильевъ обратился къ Собранію съ словами: «По русскому святому обычаю всякое дѣло начинается молитвою; начнемъ этимъ

и мы!» Вслѣдствіе этого приглашенія членъ Общества Протоіерей Александръ Дмитріевичъ Мещерскій прочиталъ молитву Святому Духу: «Царю Небесный»... По окончаніи молитвы, А. В. Васильевъ, пригласивъ нѣсколькихъ членовъ Общества (А. А. Башмакова, І. Гр. Лопатинскаго, К. К. Домашевскаго и др. желающихъ) сѣсть къ столу и вести запись всему, что будетъ происходить въ Собраніи, объявилъ Собраніе открытымъ и прочиталъ отношеніе въ Совѣтъ Общества С.-Петербургскаго Градоначальника отъ 22 Мая сего года за № 9480, коимъ Совѣтъ, въ отвѣтъ на представленіе его Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ, извѣщается, что «Господинъ Министръ не встрѣчаетъ препятствій къ созыву Общаго Собранія членовъ на предметъ производства выборовъ должностныхъ лицъ и членовъ Совѣта Общества. Равнымъ образомъ не встрѣчается препятствій къ тому, чтобы, въ виду отсутствія въ настоящее время въ составѣ Общества Предсѣдателя и лицъ, его заступающихъ, предсѣдательствованіе въ Общемъ Собраніи было возложено на одного изъ членовъ Общества, по избранію того же Общаго Собранія».

Согласно выслушанному распоряженію Г. Министра, А. В. Васильевъ предложилъ избрать закрытымъ голосованіемъ посредствомъ записокъ предсѣдателя Собранія.

Подано 67 записокъ. *Предсѣдателемъ Собранія* избранъ *сорока девятью* голосами членъ Совѣта *А. В. Васильевъ.*

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію программы, обозначенной въ повѣсткахъ, Предсѣдатель Собранія доложилъ поступившее въ Совѣтъ заявленіе, подписанное 33 членами Общества, которые находятъ, что въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда многіе члены выбыли изъ Петербурга на дачи или въ отпускъ, назначать Собраніе для выбора предсѣдателя и другихъ должностныхъ лицъ Общества—невозможно, что это для отсутствовавшихъ членовъ будетъ поводомъ къ протесту противъ выборовъ, какой бы ни былъ ихъ результатъ, и что поэтому выборы слѣдуетъ отложить до конца Сентября, а до того времени дѣятельность Общества, согласно разъясненію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, они считаютъ временно пріостановленною, за исключеніе обычной выдачи пособій стипендіатамъ и добровольцамъ, на основаніи ранѣе состоявшихся постановленій Общества.

По поводу возбужденныхъ заявленіемъ вопросовъ Предсѣдатель Собранія объяснилъ, что за отсутствіемъ предсѣдателя и товарищей предсѣдателя Совѣтъ бездѣйствуетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и не можетъ производить никакихъ расходовъ; ходатайство Совѣта объ утвержденіи временнымъ замѣстителемъ Предсѣдателя члена Совѣта Н. Н. Сухотина оставлено безъ отвѣта; Обществу разрѣшено только произвести выборы, что и слѣдуетъ сдѣлать поскорѣе, такъ какъ оставлять Общество въ нынѣшнемъ его неустроенномъ и неопредѣленномъ положеніи, когда нѣтъ даже лицъ, отвѣтственныхъ за положеніе его имущества, еще на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ предлагаютъ подписавшіе заявленіе члены, едва ли цѣлесообразно и даже небезопасно для Общества. Что же касается формальной стороны дѣла, то уставъ Общества не указываетъ ни мѣсяцевъ года, когда могутъ или не могутъ быть созываемы общія собранія, ни числа членовъ, при наличіи котораго Собраніе считается дѣйствительнымъ; при томъ же настоящее Собраніе очень многолюдно по сравненію съ Собраніями прежнихъ лѣтъ, производившими выборы въ Совѣтъ при наличіи двадцати пяти, тридцати и много сорока членовъ, такъ что, казалось бы, совершенно нѣтъ основанія отлагать столь необходимые теперь выборы. Впрочемъ рѣшить такъ или иначе этотъ вопросъ вполнѣ зависитъ отъ Общаго Собранія, и онъ, Предсѣдатель, предлагаетъ рѣшить его закрытымъ голосованіемъ по-

средствомъ записокъ. Въ то время въ Собраніи присутствовало уже 78 членовъ. По предложенному вопросу: произвести ли теперь же выборы, или отложить ихъ до осени,—подано 76 записокъ. *Шестьдесятъ однимъ голосомъ рѣшено: произвести выборы немедленно.*

Подано 65 записокъ. *Пятидесятью тремя голосами Предсѣдателемъ Общества избранъ Аѳанасій Васильевичъ Васильевъ.* (7 голосовъ подано за графа Н. И. Игнатьева, 1 голосъ за В. В. Комарова, 1—за П. А. Гейсмана и 3 записки—безъ обозначенія чьего либо имени).

Приступлено къ выбору *Товарищей Предсѣдателя.* Подано 66 записокъ. *Избраны Василій Силовичъ Кривенко пятьдесятъ однимъ и Василій Ивановичъ Шемякинъ сорока восемью голосами.*

Приступлено къ избранію *Секретаря* Общества. Подано 64 записки. *Пятидесятью тремя голосами* избранъ бывшій Секретарь Кіевскаго Славянскаго Общества *Иванъ Александровичъ Баженовъ.*

При выборѣ *Библіотекаря* Общества подано 65 записокъ. *Избранъ сорока деевятью голосами* членъ Совѣта *Александръ Николаевичъ Штиглицъ.*

Избираютъ Помощника Казначея и Помощника Секретаря. Подано 60 записокъ. *Въ помощники Казначея избранъ сорока девятью голосами Олимпій Юліановичъ Стоно и въ Помощнини Секретаря — сорока шестью Всеволодъ Павловичъ Сватковскій.*

По выборѣ должностныхъ лицъ Предсѣдатель Собранія заявилъ, что въ составѣ Совѣта уставомъ положено четыре постоянныхъ члена, не отправляющихъ особыхъ должностей. До нынѣшняго дня этими членами были избраны въ весеннихъ собраніяхъ: Н. Г. Гартвигъ, В. В. Комаровъ, А. В. Васильевъ и А. Н. Штиглицъ; два послѣднія лица только-что избраны одинъ въ Предсѣдатели, другой въ Библіотекари Общества; но такъ какъ лицо, избранное Общимъ Собраніемъ въ Предсѣдатели можетъ занять эту должность только съ разрѣшенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, то пока въ составѣ постоянныхъ членовъ Совѣта освободилось только одно мѣсто. Вслѣдствіе чего онъ и предлагаетъ избрать записками одного новаго члена Совѣта.

Подано 59 записокъ. *Избранъ въ члены Совѣта тридцатью двумя голосами Николай Романовичъ Овсяный.*

Затѣмъ Предсѣдателемъ предложены на утвержденіе Общаго Собранія 42 кандидата въ дѣйствительные члены Общества. Утвердивъ прочитанный списокъ, собраніе дружно привѣтствовало произведенные выборы въ Совѣтъ и въ члены Общества.

Въ заключеніе Собраніе, по предложенію Предсѣдателя, единогласно постановило послать отъ Общества привѣтственную телеграмму знаменитому Сербскому поэту Змаю Іовану Іовановичу по случаю исполнившагося 13-го Іюня пятидесятилѣтія вдохновенной его дѣятельности.

Закрывая собраніе, Предсѣдатель А. В. Васильевъ выразилъ членамъ Общества глубокую благодарность за оказанныя ему довѣріе и высокую честь избраніемъ въ Предсѣдатели Собранія и въ Предсѣдатели Общества, и живѣйшую свою радость по поводу того порядка и единодушія съ которыми порѣшены Собраніемъ всѣ возбужденные въ немъ вопросы. «Дай Богъ, закончилъ А. В. Васильевъ, чтобы такой же порядокъ и единодушіе навсегда установились въ нашемъ Обществѣ! Я же съ своей стороны, если буду утвержденъ въ той высокой должности, на которую вы меня избрали, приложу всяческія старанія къ тому, чтобы оправдать оказанное мнѣ довѣріе!»

Собраніе закрыто въ 10 часовъ 40 минутъ.

О выборахъ 16 іюня представлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго 8 іюля 1899 г. за №. 1085 послѣдовало такое письмо на имя графа Н. П. Игнатьева.

«М. Г. Графъ Николай Павловичъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему въ 8 день іюля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Отмѣнить всѣ дѣйствія и постановленія Общихъ Собраній членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшихся 23 и 27 февраля, 7 и 14 марта и 16 іюня сего года,

и II. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ:

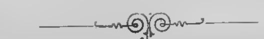
1) предложить избраннымъ въ Общемъ Собраніи членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 27 апрѣля 1897 года, Предсѣдателю, Товарищамъ Предсѣдателя, прочимъ должностнымъ лицамъ и членамъ Совѣта упомянутаго Общества вновь вступить въ завѣдываніе дѣлами Общества до конца трехлѣтія, на которое они были избраны;

2) предложить Совѣту С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества приступить къ пересмотру дѣйствующаго устава оного, съ тѣмъ, чтобы составленныя по сему предмету предположенія были разсмотрѣны Совѣтомъ при участіи нѣкоторыхъ членовъ Общества, по приглашенію Предсѣдателя, и представлены затѣмъ на распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ,

и 3) впредь до пересмотра устава С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнагв Общества назначать изъ среды членовъ онаго на мѣста выбывающихъ членовъ Совѣта и должностныхъ лицъ Общества и утверждать составленныя Совѣтомъ смѣты доходовъ и расходовъ Общества.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи долгомъ считаю сообщить Вашему Сіятельству, покорнѣйше прося о времени принятія Совѣтомъ завѣдыванія дѣлами Общества поставить меня въ извѣстность.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и искренней преданности. И. Горемыкинъ».



О необходимости временнаго убѣжища для пріѣзжихъ Славянъ.

(Докладъ Совѣту Славянства).

Ежегодно пріѣзжаетъ въ Петербургъ много славянъ, большею частью юношей, съ цѣлью поступить въ русскія учебныя заведенія или иначе устроить здѣсь свою судьбу. Большинство изъ нихъ отправляется съ родины въ Россію, располагая едва-едва только средствами, чтобы доѣхать, а бываютъ случаи прибытія сюда изъ-за границы и пѣшкомъ. Затѣмъ съ перваго же дня пребыванія здѣсь всѣ они нуждаются въ помощи

и обращаются за ней въ Славянское Общество, въ Первый Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и къ нѣкоторымъ болѣе другихъ извѣстнымъ имъ частнымъ лицамъ. Помощь посильно дается имъ и, напримѣръ, Славянское Общество въ общемъ расходуетъ на этотъ предметъ ежегодно довольно значительныя суммы 3.000—4.000 рублей; но, по необходимости помощь эта выдается мелкими суммами, нерѣдко однимъ и тѣмъ же лицамъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подрядъ, и не избавляетъ получающихъ ее отъ чрезвычайныхъ лишеній и страданій, такъ какъ сплошь и рядомъ бываетъ, что получающій 5, 10, 15 рублей пособія уже успѣлъ въ ожиданіи его задолжать за квартиру или занять и издержать на свое продовольствіе такую же, если не большую сумму, и, слѣдовательно, расплатившись полученнымъ пособіемъ, остается въ томъ же безотрадномъ и почти отчаянномъ положеніи, какъ и до полученія пособія.

Неудовлетворительность такого положенія дѣла помощи пріѣзжимъ славянамъ сознается всѣми уже давно; лучшая постановка этого дѣла можетъ быть достигнута учрежденіемъ на средства Славянскаго Общества *временнаго убѣжища* для нуждающихся въ кровѣ и пищѣ пріѣзжихъ славянъ. Предложеніе мое объ устройствѣ такого убѣжища было одобрено Совѣтомъ въ засѣданіи 4 октября, причемъ Совѣтъ поручилъ мнѣ составить проектъ положенія и смѣты для такого убѣжища.

Во исполненіе этого порученія имѣю честь представить:

1) Прилагаемый проектъ, въ обсужденіи основаній котораго принимали участіе члены благотворительной комиссіи: В. С. Кривенко, О. Г. Лопатинскій, И. С. Пальмовъ, С. А. Соллертинскій и членъ Общества Н. А. Тизенгаузенъ, которому принадлежитъ первоначальный набросокъ проекта;

и 2) Смѣту средствъ, потребныхъ для первоначальнаго устройства и содержанія убѣжища въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 1901 г. и на 1902 годъ.

24 октября 1901 г., Общее Собраніе одобрило этотъ докладъ и смѣту убѣжища на 20 человѣкъ. Убѣжище съ разными преобразованіями просуществовало до 1906 г.

Рѣчь при Открытіи „Славянскихъ Извѣстій".

На свѣтлыхъ собраніяхъ, подобныхъ настоящему торжеству, предъ началомъ святого общественнаго дѣла, обычно высказываются пожеланія успѣха этому дѣлу и предъявляются къ нему некоторыя требованія, намѣчается то направленіе, въ

которомъ желаютъ, чтобы оно было ведено. Чего же можно требовать отъ «Славянскихъ Извѣстій», и какого направленія слѣдуетъ отъ нихъ ожидать?

Отъ преобразованныхъ «Извѣстій», какъ и отъ каждаго органа дѣльной печати, прежде всего требуется полная искренность. «Не уклони, Господи, сердца моего въ словеса лукавствія!» — такова молитва, которою каждый редакторъ и сотрудникъ должны начинать трудовой день свой. Ибо какъ соль обуявшая ни на что уже не годна и выбрасывается подъ ноги людямъ, такъ и органъ печати, берущійся руководить общественнымъ сознаніемъ и являющій самъ нравственную шатость, въ лучшемъ случаѣ будетъ только безполезенъ. Но одной искренности для органа политической печати недостаточно: требуется еще ясность мысли, опредѣленность міросозерцанія. — Итакъ, выразителемъ какого направленія политической мысли должны быть «Славянскія Извѣстія»? — Какъ органъ Славянскаго общества, они, конечно, будутъ органомъ истиннаго славянофильства, или, — что по моему одно и то же, — органомъ русскаго народнаго направленія. Но, высказавъ это положеніе, я не отвѣтилъ еще вполнѣ опредѣленно на поставленный вопросъ, ибо относительно славянофильства и русскихъ народныхъ началъ существуетъ и въ русскомъ обществѣ и у другихъ славянъ очень сбивчивое представленіе; нерѣдко смѣшиваютъ съ ними такія проявленія жизни и мысли, которыя имъ прямо противоположны. Вотъ почему, желая разсѣять существующія относительно русскаго славянофильства предубѣжденія и сомнѣнія, я считаю необходимымъ здѣсь, въ кругу представителей всѣхъ славянскихъ народностей, установить какъ, въ сущности, смотритъ русское славянофильство на два важнѣйшіе предмета, всего болѣе занимающіе славянскую мысль; я разумѣю: государственное наше устройство и отношеніе отдѣльныхъ частей Славянства къ политическому ихъ средоточію—Россіи.

Государственное наше зданіе вѣнчается свободнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ царскимъ самодержавіемъ. Зданіе же это представляется намъ не сумрачнымъ и душнымъ казематомъ, всѣ части котораго окрашены подъ одинъ цвѣтъ и распланированы по одному шаблону, въ которомъ вся жизнь, не исключая молитвословій, идетъ по командѣ, однообразно изо дня въ день! Нѣтъ, мы уподобимъ его просторному и свѣтлому храму, являющему собою, — какъ церковь св. Василія Блаженнаго на Москвѣ, которой дивятся чужеземцы, — стройное сочетаніе разноличныхъ красокъ и частей. Въ этой величавой государственной храминѣ должно господствовать соборное, хоро-

вое начало, въ которомъ не теряются отдѣльные голоса; вѣковѣчнымъ же и незыблемымъ основаніемъ всему этому строенію можетъ быть только свободный и самоуправляющійся міръ-народъ!

Этимъ государственнымъ идеаломъ опредѣляется уже и отношеніе наше къ остальному Славянству. Славянство представляется намъ единымъ и цѣлостнымъ племеннымъ организмомъ, прекраснымъ, какъ все живущее, разновидностію составныхъ своихъ частей. Поэтому нѣтъ и не можетъ быть у насъ желанія лишить какую-либо часть славянскаго организма ея видовыхъ народныхъ отличій, а, напротивъ, всѣ они должны быть сохранены, ибо: не въ стадномъ однообразіи, не въ обезличивающемъ подведеніи всѣхъ подъ одну мѣрку и одинъ образецъ видимъ мы совершенствованіе и красоту, а—въ сочетаніи разнообразныхъ частей въ одно стройное цѣлое, основанномъ на свободномъ, хоровомъ началѣ братства и любви.

Да укрѣпляется же славянское братство!

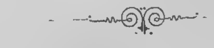
Да здравствуетъ свободное цѣлокупное Славянство!

Слав. Извѣстія, 22 янв. 1889 г., вып. 1 и 2.

Въ еженедѣльныхъ «Слав. Извѣстіяхъ», издававшихся въ 1889—91 гг., при участіи «Слав. Об-ва, Висс. Висс. Комаровымъ, я велъ отдѣлъ Заграничная Русь, а лѣтомъ 1889 г.—все изданіе. Въ августѣ 1890 г. я принялъ отъ Григ. Ив. Кулжинскаго «Благовѣстъ», который и издавалъ, подъ дух. цензурою (тетрадями въ 32 стр. размѣра этой книги, выход. два раза въ мѣсяцъ) по 1895 г. Трудность веденія дѣла въ избранномъ мною направленіи и объемѣ, зависѣвшая и отъ настроенія смѣнявшихся цензоровъ и отъ неполноты утвержденной программы, побудила меня не объявлять на 1894 г. подписки, а ограничиться въ этомъ году немногими выпусками съ цѣлью сохраненія издательскаго права. Съ января 1895 г. Благовѣстъ обращенъ въ приложеніе, исключительно богословскаго и церковно-историческаго содержанія, къ «Русской Бесѣдѣ» (въ которую былъ преобразованъ «Галицко-Русскій вѣстникъ В. С. Драгомірецкаго), издававшейся мною, при участіи владѣльца печатни Е. А. Евдокимова, въ 1895 и 1896 гг. подъ общею цензурою. Ходатайства объ освобожденіи отъ цензуры, а также, въ 1892—3 гг., о расширеніи программы и потомъ о назначеніи редакторомъ Н. П. Аксакова не были уважены. — Служебныя условія не позволяли мнѣ самому числиться издателемъ и редакторомъ моихъ изданій; поэтому оффиціально издателями «Благовѣста», были первое время Н. Н. Филипповъ, а потомъ, Александра Васильевна Васильева (моя жена), а «Русской Бесѣды»—А. В. Васильева и Е. А. Евдокимовъ; кормчимъ же (редакторомъ) «Благовѣста» Ѳ. В. Четыркинъ, и «Русской Бесѣды»—В. С. Драгомірецкій. Но все руководство и почти весь трудъ по составленію выпусковъ обоихъ изданій были мои. «Благовѣстъ» и «Русская Бесѣда» были приняты сочувственно печатью разныхъ направленій, особенно народническою, и за все время ихъ существованія, никѣмъ, кажется, не были обруганы,—не смотря на ихъ церковность и славянофильство. Эти изданія дали мнѣ

искреннихъ друзей изъ бывшихъ (б. ч. даровыхъ) сотрудниковъ и подписчиковъ, не смотря на неисправности въ срокѣ выхода изданій и др., зависѣвшія отъ недостатка у меня времени и средствъ.

Съ начала 1897 г., когда сталъ выходить Русскій Трудъ С. Ѳ. Шарапова, я прекратилъ выпускъ «Русской Бесѣды» и «Благовѣста», такъ какъ Р. Тр. обѣщалъ быть органомъ того же направленія. Когда же, за борьбу съ Витте, въ концѣ 1899 г. Русскій Трудъ, постановленіемъ пяти министровъ былъ закрытъ, я передалъ въ началѣ декабря Русскую Бесѣду, получившую передъ тѣмъ право на выпускъ еженедѣльныхъ приложеній и новаго редактора—Валентина Александровича Тернавцева,—С. Ѳ. Шарапову; но въ концѣ того же года изданіе прекратилось за отказомъ В. А. Тернавцева отъ редакторства.



Заграничная Русь.

«Славянскія Извѣстія» поставили себѣ задачей установить постоянное живое общеніе, мысли и слова, между Россіей и всѣми остальными частями Славянскаго Міра; существеннѣйшею же частью этой задачи представляется, конечно, возстановленіе прежней духовной цѣлости и укрѣпленіе существующихъ еще органическихъ узъ между разобщенными политически частями самой Русской Земли, самого Русскаго Народа. Какъ ни обширны политическія границы великаго Русскаго царства, но онѣ не обнимаютъ собою всей Русской Земли. Между западною нашею границею и Карпатами, по Карпатамъ и за ними живутъ такіе же точно русскіе люди, какъ и по сю сторону границы; искони звучитъ тамъ русская рѣчь, славится русская вѣра, хранится русскій бытъ и русскій духъ. И если, въ смыслѣ одноплеменности, всѣхъ славянъ считаемъ мы своими кровными братьями, то 3—4 милліона русскаго населенія Галичины, Буковины и Угорщины есть наша собственная плоть и кровь. Поэтому въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» не отведено для Прикарпатской Руси особаго, собственно ей одной предназначеннаго подраздѣленія, но свѣдѣнія о ней будутъ помѣщаемы въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Заграничная Русь»,—вмѣстѣ съ извѣстіями о русскихъ заграничныхъ поселеніяхъ и церквахъ, духовныхъ и политическихъ миссіяхъ, мореплавателяхъ, путешественникахъ, дѣятеляхъ науки и искусства, словомъ—о всѣхъ русскихъ силахъ, пребывающихъ и дѣйствующихъ, хотя бы только временно, внѣ политическихъ границъ Русскаго государства.

Судьба русской миссіи въ Африкѣ.

Напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», а затѣмъ и въ другихъ газетахъ «правительственное сообщеніе» произвело удручающее впечатлѣніе на русскихъ людей. Изъ него ясно только одно — что вѣдомство иностранныхъ дѣлъ съ полнымъ равнодушіемъ отнеслось къ благому русскому начинанію, успѣхъ котораго принесъ бы огромную нравственную пользу нашему отечеству и усилилъ его политическое положеніе на Востокѣ. Съ удивленіемъ узнало русское общество, что иностранному вѣдомству въ Россіи не было извѣстно то, что знала вся Россія. Гласно собирались пожертвованія на эту миссію по всей Россіи, чего не должно бы быть, если власть считала предпріятіе о. Паисія своевольнымъ и нецѣлесообразнымъ. Представители мѣстной власти оказывали этому предпріятію и руководителямъ его—о. Паисію и Н. И. Ашинову свое вниманіе и поддержку. При подобныхъ обстоятельствахъ наши дипломаты обязаны были отнестись къ этому дѣлу внимательно и оказать возможное покровительство и поддержку. Вѣдь, въ заграничныхъ паспортахъ частныхъ лицъ, ѣдущихъ по своимъ личнымъ надобностямъ заграницу, прописывается обыкновенно просьба къ правительствамъ дружественныхъ державъ оказывать предъявителямъ свободный пропускъ, а въ потребныхъ случаяхъ и помощь. Въ настоящемъ же, хотя и частномъ предпріятіи, на дипломатіи лежала, по нашему мнѣнію, прямая обязанность собрать возможно полныя свѣдѣнія о той странѣ, куда направлялась миссія и помочь ей полезными указаніями и совѣтами. Кромѣ того, другимъ правительствамъ, особенно французскому и итальянскому, могло быть сообщено о мирной цѣли миссіи и выражена просьба не препятствовать ей, а оказать дружественную поддержку. Ничего этого не было сдѣлано. Когда же получены были отъ французскаго правительства запросы относительно миссіи и сообщено о возникшихъ недоразумѣніяхъ, русская дипломатія вмѣсто того, чтобы постараться выяснить себѣ причину этихъ недоразумѣній и ихъ уладить, поспѣшила заявить, что экспедиція предпринята своевольно и русскому правительству до нихъ нѣтъ дѣла. Когда же дѣло дошло до столкновенія и пролита русская кровь, дипломатія наша поспѣшила извиниться предъ виновниками этой крови, не разслѣдовавъ предварительно, было ли это кро-

вопролитіе неизбѣжно *). Быть можетъ наши вольные казаки и вели себя вызывающимъ образомъ, но, быть можетъ, съ ихъ стороны былъ споръ о правѣ. Правительственное сообщеніе устраняетъ всякое сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи русской станицы въ Африкѣ; но тоже сообщеніе подтверждаетъ, что извѣстная мѣстность была тамъ занята Ашиновымъ и по отъѣздѣ его русскіе люди тамъ остались. Было ли ихъ 7 или 77 человѣкъ — это въ правовомъ отношеніи безразлично. Если бы имъ своевременно оказаны были покровительство и помощь, о чемъ безуспѣшно хлопоталъ Н. И. Ашиновъ, то теперь миссія о. Паисія прибыла бы на насиженное уже русскими мѣсто и ей, вѣроятно, не пришлось бы столкнуться съ другою націей, усѣвшеюся, быть можетъ, на томъ мѣстѣ, которое принадлежало бы намъ по праву, если бы право это своевременно было охранено **).

Мы не хотимъ ссориться, на потѣху нѣмцамъ, съ французами; но обиженному русскому чувству должно быть дано почетное удовлетвореніе. Оно должно состоять не въ требованіи привлечь къ отвѣтственности опрометчиваго французскаго адмирала—пусть онъ отвѣчаетъ передъ общественнымъ мнѣніемъ своей страны и передъ своей совѣстью — и не въ торопливомъ увозѣ остатковъ русской миссіи домой, увозѣ, который будетъ имѣть видъ постыднаго бѣгства, но—въ принятіи мѣръ къ тому, чтобы цѣль миссіи была осуществлена.

Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не основать русскаго поселенія и русской церкви на восточномъ берегу Африки? Французское правительство, если оно хоть сколько-нибудь дорожитъ расположеніемъ къ себѣ русскаго общественнаго мнѣнія, дастъ, конечно, своимъ мѣстнымъ агентамъ предписанія не предъявлять впередъ къ русскимъ людямъ обиднаго требованія о выдачѣ оружія, а напротивъ, дастъ имъ возможность на французской ли территоріи, или по сосѣдству съ ней, собраться съ силами и средствами и основаться тамъ, гдѣ это по дружелюбному соглашенію между правительствами признано будетъ возможнымъ.

«Слав. Изв.», в. 8, 19 февр. 1889 г.

---

*) Между тѣмъ, изъ полученныхъ теперь *французскихъ*, особенно буланжистскихъ газетъ, мы видимъ, что и французская печать не признаетъ этой неизбѣжности и рѣзко осуждаетъ какъ Гобле, такъ и морскаго министра Кранца и адмирала Обри за ихъ опрометчивость въ отношеніи къ русскимъ людямъ. *Ред.*

**) Въ Петербургѣ всѣ знали, что Н. И. Ашиновъ намѣренъ высадиться въ Таджурѣ; если нашей дипломатіи было извѣстно, что это территорія французская, то слѣдовало благовременно предупредить о томъ Ашинова.

На могилѣ Ор. Ѳ. Миллера 3 іюня 1889 г.

«У этой могилы было уже высказано, что дорогой нашъ покойникъ былъ не только добрымъ просто *человѣкомъ*, но что, несмотря на свое нерусское происхожденіе и имя, онъ былъ искренно православнымъ и глубоко *русскимъ* человѣкомъ. Какъ профессоръ, писатель и общественный дѣятель, Орестъ Ѳеодоровичъ примыкалъ къ тому народному русскому направленію, которое принято у насъ называть славянофильскимъ. Свою любовь и свое время обильно удѣлялъ онъ славянскому дѣлу и Славянскому Благотворительному Обществу. Его любящее, чуткое ко всему высокому и отзывчивое на всякое страданіе сердце не могло оставаться безучастнымъ и глухимъ къ страданіямъ милліоновъ нашихъ единоплеменниковъ и къ геройскимъ самоотверженнымъ усиліямъ ихъ отвоевать себѣ былую свободу. И вотъ, въ приснопамятные для насъ 1875—1877 годы, пламенныя воззванія Ореста Ѳеодоровича, облетая всю нашу пространную Россію, возбуждали и укрѣпляли въ добросердыхъ русскихъ людяхъ готовность жертвовать своими достатками и кровью святому дѣлу братскаго освобожденія. А потомъ, со времени злополучнаго Берлинскаго договора и до послѣднихъ дней своей жизни покойный не переставалъ обличать своимъ огненнымъ словомъ тяжело опутавшія славянскую жизнь иноплеменническія кривду и насиліе и доморощенную ложь. Какъ членъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, много лѣтъ работавшій въ немъ вмѣстѣ съ покойнымъ Орестомъ Ѳеодоровичемъ, говорю я ему отъ имени этого Общества: прости, и вѣчная память!

Отъ новыхъ издателей „Благовѣста".

Появляющіяся впервые или перешедшія въ другія руки повременныя изданія выступаютъ обыкновенно прежде всего съ объясненіемъ своей цѣли и направленія. Послѣдуемъ и мы этому обыкновенію.

Цѣль «Благовѣста»—будить дремлющія во многихъ русскихъ людяхъ мысль и чувство,—собирать разбредшихся и заблудшихъ и, наконецъ,—быть выразителемъ и орудіемъ общенія мыслей и чувствъ тѣхъ благочестныхъ русскихъ людей съ чуткимъ сердцемъ и доброю волею, которые, хотя и заблу-

ждаются, но *ищутъ* праваго пути, которые живутъ не о хлѣбѣ единомъ и пекутся не о самихъ только себѣ, не о своихъ только семьяхъ и животахъ, но любятъ также и Россію, свое отечество, свой народъ,—любятъ ихъ разумною любовью, желая имъ внѣшняго могущества и славы, но еще болѣе внутренней свободы и красоты: воплощенія въ нихъ царства Божія и правды Его.

Такое направленіе русской мысли, опредѣлившееся въ верхнихъ образованныхъ слояхъ нашего общества еще въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, было окрещено именемъ славянофильства, точнѣе же оно можетъ быть опредѣлено названіемъ *русскаго народнаго направленія*, ибо оно болѣе другихъ, вѣрнѣе только оно одно соотвѣтствуетъ преобладающимъ въ русскомъ народѣ складу мыслей и строю чувствъ.

Не отъ своихъ малыхъ силъ ожидаемъ мы успѣха, но полагаемся на Божью помощь и братское содѣйствіе всѣхъ тѣхъ, кому придется по душѣ наше намѣреніе и наше слабое, но, во всякомъ случаѣ, не лукавое слово.

Господи благослови!

«Благовѣстъ», вып. 1, 15 авг. 1890 г.

Н. П. Аксаковъ, впослѣдствіи постоянный и самый дѣятельный сотрудникъ нашихъ изданій, привѣтствовалъ, первый, нашъ «Благовѣстъ» слѣдующимъ ободряющимъ стихотвореніемъ:

* * *

Среди земнаго сна, предутренней порою,
Проснувшись раньше всѣхъ, торжественно ударь
Въ дремавшій колоколъ безтрепетной рукою,
Во имя Божіе поднявшійся звонарь!

Земля еще кругомъ туманами одѣта,
Еще покрыты мглой верхи окрестныхъ горъ,
Но рвутся ужь лучи желаннаго разсвѣта
Изъ-за своихъ преградъ на волю и просторъ.

Но не мечтай, звонарь, что «благовѣста» звуки
Способны разбудить мгновенно всѣхъ людей,
Что тотчасъ къ небесамъ поднимутся всѣ руки
И стихнетъ злобное волненіе страстей;

И благовѣстъ небесъ земнымъ глушится громомъ!
Пусть споритъ съ бурями твой колокола звонъ,
Съ Вааломъ ропщущимъ, съ бунтующимъ Эдомомъ,
И съ гуломъ клеветы и лжи со всѣхъ сторонъ.

Смѣлѣй, звонарь, смѣлѣй! Подъ ревомъ непогоды,
Подъ грохотомъ громовъ и ропотомъ страстей,
Въ сознаніи добра, и правды, и свободы
Въ свой колоколъ святой неустрашимо бей!

Не сѣтуй, что враги твой благовѣстъ набатомъ,
Смущающимъ народъ, по злобѣ назовутъ,
Звони, звони сильнѣй; да братъ мирится съ братомъ,
Да бодро на землѣ кипитъ духовной трудъ!

И свѣтлый день придетъ. Надъ воплями и стономъ,
Надъ говоромъ страстей и рокотомъ громовъ
Побѣду одержавъ своимъ призывномъ звономъ,
Ты встрѣтишь братскій хоръ другихъ колоколовъ.

Среди земнаго сна предутренней порою,
Въ безмолвіи ночномъ проснувшійся звонарь,
Въ дремавшій колоколъ безтрепетной рукою
Во имя Божіе торжественно ударь!

Москва, октябрь 1890 г.

Св. Аѳанасій Великій Александрійскій.

18 января Святая Православная Церковь празднуетъ память одного изъ величайшихъ своихъ столповъ и свѣтильниковъ,— Святаго *Аѳанасія Великаго*, архіепископа Александрійскаго, утвердившаго правое исповѣданіе вѣры и оградившаго Св. Церковь отъ вторженія въ нее нечестиваго Арія. По выраженію Четій Миней, Святой Аѳанасій, «яко оружникъ Христовъ и правыхъ благочестія преданій защитникъ, и Богомудрымъ языкомъ и доброписною рукою волка онаго, Арія, гоняше, писаньми своими и проповѣдію злобу того обличая».

Противоаріанскія творенія Святаго Аѳанасія отличаются чрезвычайною глубиной и вмѣстѣ стройностію и ясностію мысли. Сослуживъ великую службу Церкви въ свое время, эти творенія ни мало не утратили значенія и нынѣ, ибо аріанство, хотя и было «уже первымъ, иже въ Никеи, Святыхъ Отецъ соборомъ проклято и отъ Христовы части извержено», однако же, не истребилось въ конецъ и продолжаетъ и до сихъ поръ, въ томъ или другомъ видѣ, «воздвизать на Св. Церковь свой хоботъ, ядъ ереси расширяя повсюду». Не отрыгнувшееся ли, напримѣръ, аріанство, только въ дальнѣйшемъ его логическомъ развитіи, представляютъ собою современныя намъ умствованія французскаго писателя Ренана или нашего горе-богослова и философа графа Льва Н. Толстого? И вотъ, нѣкоторыя изъ со-

чиненій Святаго Аѳанасія обличаютъ съ одинаковою силою не только безуміе современнаго имъ аріанства, но и лукавое буесловіе современныхъ намъ нечестивцевъ и еретиковъ. Таково, напримѣръ, второе посланіе Св. Аѳанасія къ Серапіону, епископу Тмуисскому.

«Благов.», вып. 32, 15 янв. 1892 г.

О соборномъ управленіи въ Русской Церкви.

Въ предпослѣднемъ, 47, выпускѣ «Церковнаго Вѣстника» напечатана достопримѣчательная статья «О соборномъ управленіи въ русской церкви». Приводимъ эту статью съ нѣкоторыми нашими замѣчаніями:

«Въ православной восточной церкви главною и единственно-законною формою высшаго церковнаго управленія всегда признаваемъ былъ только соборъ іерарховъ, такъ какъ въ этомъ лишь соборномъ управленіи можетъ со всею осязательностію выражаться исповѣдуемое вселенскою церковію ученіе о равенствѣ духовной власти всѣхъ епископовъ, преемственно унаслѣдованной ими отъ самихъ апостоловъ. Каноническое основаніе для такого порядка управленія въ каждой помѣстной церкви находится въ слѣдующемъ 37-мъ апостольскомъ правилѣ, выражающемъ собою практику древле-вселенской церкви: «дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія». Право созывать такіе соборы и предсѣдательствовать на нихъ принадлежало первенствующему іерарху автокефальной церкви, который пользуясь преимуществами чести предъ прочими епископами данной области, не имѣлъ однакожъ власти дѣлать единоличныя распоряженія по вопросамъ, касавшимся всей помѣстной церкви. По 34-му апостольскому правилу, и «первый епископъ (т. е. старѣйшій) ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ».

— Добавимъ для полноты этой справки, что Седьмой Вселенскій Соборъ, шестымъ своимъ правиломъ постановилъ: «Поелику есть правило, которое глаголетъ: дважды въ году въ каждой области подобаетъ быти каноническимъ изслѣдованіямъ посредствомъ собранія епископовъ; а преподобные отцы Шестаго собора, во вниманіе къ затрудненіямъ собирающихся и къ недостаткамъ потребнаго для путешествія опредѣлили, безъ всякаго уклоненія и извиненія единожды въ лѣто быти собору и погрѣшительное исправляти, то и мы сіе правило возобновляемъ и аще обрящется нѣкій начальникъ, возбраняющій сіе, да будетъ онъ отлученъ. Аще же кто изъ

митрополитовъ пренебрежетъ исполнити сіе не по нуждѣ и насилію, и не по какой-либо уважительной причинѣ: таковой да подлежитъ епитиміи по правиламъ». —

«Впослѣдствіи въ восточной церкви ежегодные соборы замѣнены были постоянными соборами въ формѣ сvнодовъ при патріархахъ».

— Пояснимъ, что эти сvноды при восточныхъ патріархахъ правильно почитаются замѣняющими собою соборы, ибо всякій епископъ Восточной Церкви, хотя бы случайно пребывающій въ мѣстѣ нахожденія сvнода, по праву участвуетъ въ немъ наравнѣ съ остальными постоянными его членами. Не смотря, однакоже, на такой ихъ составъ и характеръ, съ учрежденіемъ патріаршихъ сvнодовъ въ Восточной Церкви помѣстные соборы въ этой Церкви не упразднены. Такъ, въ 1872 г., по поводу греко-болгарской церковной распри, состоялся въ Константинополѣ соборъ, въ которомъ участвовало нѣсколько патріарховъ и тридцать два архіерея, къ участію въ этомъ соборѣ приглашена была двукратно и наша Русская Церковь. —

«Русская церковь, получившая свое устройство на основаніи каноновъ церкви восточной, также никогда не отстаивала и не держалась правила безусловно единоличнаго управленія дѣлами, подлежавшими ея вѣдѣнію. Напротивъ, исторія ея жизни богата соборными дѣяніями епископовъ какъ при митрополитахъ, такъ и при патріархахъ.

«Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ великомъ значеніи, какое имѣли вообще повременныя собранія всѣхъ іерарховъ церкви въ дѣлахъ ея управленія, благоустройства и развитія ея жизни. Величавыми памятниками подобнаго рода дѣяній епископскихъ служатъ акты соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, доселѣ представляющихъ собою несокрушимые устои внутренняго и внѣшняго порядка въ каждой православной церкви. Въ частности: помѣстные соборы въ нашей отечественной церкви, возбуждая общій интересъ къ религіозно-церковнымъ дѣламъ, содѣйствовали усиленію вліянія церкви на общество и просвѣтлѣнію религіознаго народнаго сознанія, а разрѣшая вызываемые временемъ и историческими обстоятельствами разные вопросы и недоумѣнія, соборы оживляли церковную жизнь, не допуская въ ней гибельнаго застоя, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживали братски-христіанское единеніе съ прочими православными церквами черезъ неизбѣжныя при этомъ сношенія съ ними по обсуждавшимся на соборахъ вопросамъ.

«Повременные соборы въ русской церкви продолжались до царствованія императора Петра I, который, «воспріявъ попеченіе объ исправленіи чина духовнаго, установилъ «духовную коллегію» или «Святѣйшій Синодъ», долженствовавшій (по буквѣ Дух. Регламента) «замѣнить собою власть всероссійскаго патріарха, а также созывавшіеся прежде повременные соборы всѣхъ епископовъ русской церкви; и вмѣстѣ быть «правленіемъ соборнымъ всегдашнимъ». Кругъ дѣлъ, подвѣдомыхъ Синоду и данныхъ ему царскою властью полномочій очень обширенъ. По «Регламенту», «духовное соборное правительство имѣетъ всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять; всѣ вѣрные царскіе подданные всякаго чина,

духовные и мірскіе, обязаны имѣть сіе за важное и сильное правительство, и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ». Въ каноническомъ отношеніи восточные патріархи признали россійскій Синодъ равноправнымъ съ ними и наименовали его своимъ «братомъ во Христѣ». Въ ряду административныхъ учрежденій въ Россіи, Святѣйшій Синодъ уравненъ съ сенатомъ и, подобно ему, называется «правительствующимъ». Дѣйствуя на основаніи «Регламента», Святѣйшій Синодъ имѣетъ право дополнить этотъ «Регламентъ», съ Высочайшаго соизволенія, новыми правилами, «каковыхъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи».

«Но, несмотря на высокость правительственнаго авторитета и широту полномочій, предоставленныхъ Святѣйшему Синоду, послѣдній, при настоящемъ устройствѣ его, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть отождествляемъ съ бывшими нѣкогда у насъ повременными соборами всѣхъ епископовъ русской церкви. Для такого отождествленія нѣтъ основаній ни въ самомъ законоположеніи объ учрежденіи Синода, ни въ самомъ характерѣ всѣхъ его отправленій и дѣяній. Нашъ Святѣйшій Синодъ не удержалъ за собою всѣхъ церковно-административныхъ прерогативъ даже патріаршей власти, хотя и замѣнилъ ее въ историческомъ отношеніи. Существенная особенность Святѣйшаго Синода въ сравненіи съ повременными помѣстными соборами русскихъ святителей заключается въ томъ, что онъ есть не только церковное, но вмѣстѣ и государственное учрежденіе, чрезъ которое верховная власть проявляетъ свои права въ отношеніи къ православной церкви, пользующейся покровительствомъ государства. Въ нашихъ «основныхъ законахъ» говорится, что «въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго правительствующаго Синода, ею учрежденнаго». Поэтому и всѣ указы Святѣйшаго Синода начинаются словами: «по указу Его Императорскаго Величества», тогда какъ (прежде) опредѣленія соборныя разсылались при царскихъ указахъ лишь для того, чтобъ чисто-каноническимъ постановленіямъ собора придать значеніе и закона гражданскаго по тѣсной и неразрывной связи, издавна существующей въ нашемъ отечествѣ между церковью и государствомъ. Далѣе, въ составъ церковныхъ соборовъ вовсе не входили представители свѣтской власти, между тѣмъ было время, когда (при Екатеринѣ I) Святѣйшій Синодъ прямо раздѣленъ былъ (въ 1726 году) на два департамента, изъ коихъ въ первомъ присутствовали шесть архіереевъ, а во второмъ пять свѣтскихъ особъ, управлявшихъ судомъ, расправою и экономіею по дѣламъ духовнаго вѣдомства, по примѣру бывшаго «патріаршаго разряда» и «патріаршихъ приказовъ» (см. Полн. собр. пост. по дух. вѣд., т. V, № 1.819). Въ мрачныя времена бироновщины вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла высшаго церковнаго управленія доходило до такихъ безобразныхъ проявленій, о которыхъ и вспоминать тяжело».

«Изъ вышесказаннаго видно, что синодальное устройство церковнаго управленія въ Россіи отнюдь не исключаетъ ни возможности, ни надобности и полезности повременныхъ соборовъ всѣхъ епископовъ русской церкви, какъ такой канонической формы высшаго церковнаго управленія, которая всегда служила оплотомъ внутренняго и внѣшняго благоустройства, въ церкви вселенской. Неудивительно, поэтому, если мысль о созваніи всероссійскаго собора давно уже зрѣетъ въ сознаніи мудрыхъ архипастырей русской церкви, и для многихъ изъ нихъ она составила предметъ вожделѣнныхъ желаній, какъ это видно изъ любопытной

исторической справки, напечатанной въ майской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника».

«Еще въ пятидесятыхъ годахъ покойный митрополитъ московскій Филаретъ, по поводу составленной А. Н. Муравьевымъ записки «О состояніи нашей православной церкви», выразилъ мнѣніе, что «предположеніе созвать помѣстный соборъ принадлежитъ къ древнему характеру церковнаго управленія и можетъ принести пользу, если будетъ приведено въ исполненіе искусно и вѣрно». Позднѣе тотъ же святитель въ своихъ бесѣдахъ съ намѣстникомъ лавры архимандритомъ Антоніемъ проводилъ мысль объ участіи и восточныхъ іерарховъ въ предполагаемомъ московскомъ соборѣ, совѣтуя напередъ внимательно и осмотрительно составить проектъ вопросовъ для собора, разослать его всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ для свѣдѣнія и пополненія мѣстныхъ потребностей и потомъ обсудить его въ особомъ собраніи опытнѣйшихъ іерарховъ. Въ 1856 г. митрополитъ Филаретъ выражалъ желаніе воспользоваться присутствіемъ въ Москвѣ, при коронованіи Ихъ Величествъ, епархіальныхъ архіереевъ для совѣщанія по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ («Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета», т. IV, стр. 437). Въ 1862 г. епископъ нижегородскій Нектарій въ частномъ письмѣ къ епископу костромскому Платону говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «я полагалъ бы созвать соборъ, и всѣмъ іерархамъ русской церкви обсудить состояніе оной и рѣшить соборне, что сдѣлать для искорененія раскола, а вмѣстѣ съ тѣмъ для противодѣйствія безбожію, невѣрію, индиферентизму и другимъ язвамъ, опустошающимъ русскую церковь; для улучшенія быта духовенства, для приспособленія духовнаго образованія къ потребностямъ церкви и пр. Только тогда, мнѣ кажется, пойдетъ дѣло съ успѣхомъ. Какъ не успѣвать и не торжествовать врагамъ церкви, когда мы дѣйствуемъ порознь, безъ всякаго взаимнаго общенія, завѣщаннаго намъ примѣромъ апостоловъ и постановленіями отцовъ и святителей церкви?» По словамъ преосвященнаго Леонида, бывшаго викарія московской епархіи, въ 1864 г. было предположеніе воспользоваться съѣздомъ архіереевъ на юбилей московской духовной академіи и устроить первый опытъ областного собора, но эта мысль найдена была почему-то неудобною и оставлена. Кіевскій митрополитъ Арсеній писалы костромскому епископу Платону, что архіереи сосѣднихъ епархій могли бъ воспользоваться даннымъ имъ дозволеніемъ 8-дневнаго свиданія другъ съ другомъ и, по взаимному соглашенію, войти въ Св. Синодъ съ общимъ представленіемъ о настоятельной нуждѣ провинціальнаго собора. «И когда бы, говоритъ митрополитъ, такихъ представленій набралось достаточное количество, тогда Св. Синодъ естественно поспѣшилъ бы удовлетворить такому общему ходатайству представителей церкви». Подробнѣе и настойчивѣе другихъ высказывалъ свое мнѣніе о необходимости собора бывшій архіепископъ варшавскій Іоанникій. «Не предполагаю, пишетъ онъ, между прочимъ, архіепископу костромскому Платону, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ архіереевъ могъ отвергать нужду въ созваніи церковнаго собора въ наше время... Церковь терпитъ отъ стѣсненія нѣкоторыхъ правъ клира, отъ недостатка живого союза между клиромъ и народомъ, отъ охлажденія народа къ интересамъ церковнымъ и т. п. Посему созваніе собора нынѣ благовременно, быть можетъ, болѣе, нежели когда-либо». Созваніе собора было задушевнымъ желаніемъ и покойнаго митрополита московскаго Иннокентія, который въ 1869 году заявлялъ о семъ и въ Бозѣ почивающему Государю. Въ числѣ горячихъ сторонниковъ мысли о необходимости собора въ нашей церкви былъ также епископъ енисейскій Никодимъ (Казанцевъ).

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ приведенными мнѣніями почившихъ святителей русской церкви вполнѣ согласны и всѣ наши наличные епархіальные преосвященные. Въ послѣднія десять лѣтъ не только не уменьшились, но еще увеличились побужденія къ созванію всѣхъ епископовъ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ. Достаточно указать на одно уже то, что у насъ доселѣ нѣтъ подробной кодификаціи дѣйствующихъ церковно-гражданскихъ постановленій, тогда какъ всякая другая автокефальная церковь имѣетъ у себя «сводъ» дѣйствующаго церковнаго права, составляющій необходимое условіе единообразія и устойчивости каждой мѣстной церковной практики. Намъ крайне необходимо также установить болѣе опредѣленныя и сообразныя съ обстоятельствами времени отношенія къ иноисповѣднымъ христіанамъ, а равно къ нашимъ раскольникамъ и сектантамъ (особенно по дѣламъ о смѣшанныхъ бракахъ, объ отпѣваніи и поминовеніи усопшихъ). А сколько, при взаимномъ общеніи епископовъ, явилось бы другихъ вопросовъ и недоумѣній, которые теперь нерѣдко лежатъ тормазомъ для правильнаго развитія церковной жизни и разрѣшеніе которыхъ составляетъ насущную потребность въ нашей церковной практикѣ?!.. Бывшіе недавно опыты мѣстныхъ собраній епископовъ въ Кіевѣ и Казани наглядно доказали всю важность соборныхъ разсужденій о дѣлахъ церковныхъ и великое жизненное значеніе ихъ для церкви и государства».

— Противъ всего приведеннаго трудно что-нибудь возразить. Но вотъ заключеніе статьи, съ которымъ мы рѣшительно не можемъ согласиться:

«Для приглашенія восточныхъ іерарховъ къ участію въ дѣяніяхъ русскаго собора не видится (?) основаній: соборъ—чисто внутреннее (?) дѣло нашей церкви; по нѣкоторымъ же вопросамъ общецерковнаго характера возможно ограничиться и письменными сношеніями съ представителями прочихъ православныхъ церквей. Къ тому же призывъ восточныхъ іерарховъ въ Россію былъ бы соединенъ съ большими денежными затратами (?!). А необходимыя матеріальныя средства для собранія всѣхъ епископовъ русской церкви несомнѣнно найдутся помимо кассы государственнаго казначейства, такъ какъ въ Россіи нѣтъ почти ни одной епископской каѳедры, которая не располагала бы или доходными арендными статьями, или же возможностью сдѣлать, съ разрѣшенія Св. Синода, единовременное позаимствованіе изъ имуществъ мѣстныхъ монастырей и болѣе состоятельныхъ церквей».

— Намъ совершенно непонятны побужденія, заставившія автора приведенной статьи такъ рѣшительно высказаться противъ участія въ помѣстномъ соборѣ русской церкви восточныхъ іерарховъ; должно быть есть у него для этого какія-нибудь скрытыя причины, ибо приведенные доводы совершенно недостаточны. Не споримъ, что есть много въ нашей церковной жизни такихъ вопросовъ и дѣлъ, которые могутъ быть рѣшены соборомъ однихъ только русскихъ епископовъ; однакоже всестороннему обсужденію и правильному рѣшенію и этихъ дѣлъ присутствіе на помѣстномъ соборѣ нашей Церкви восточныхъ іерарховъ никоимъ образомъ помѣшать не можетъ.

Участіе въ соборѣ Русской Церкви восточныхъ іерарховъ патіаршихъ и другихъ автокеѳальныхъ Церквей (какъ-то: синодальныхъ аѳинской и румынской, и митрополитальныхъ сербской, черногорской и далматинско-буковинской) вполнѣ соотвѣтствовало бы нашимъ церковно-историческимъ преданіямъ. Въ старину благочестивыми нашими дѣдами, и нашею іерархіею, и государями и всѣмъ народомъ — выше всего цѣнилось общеніе нашей Церкви съ другими православными Церквами и принималось какъ знакъ особаго благоволенія Божія къ нашей родинѣ—посѣщеніе ея предстоятелями этихъ Церквей. И нынѣ приглашеніе на нашъ помѣстный соборъ представителей другихъ православныхъ Церквей и прибытіе ихъ въ Россію вызвало бы въ нашемъ отечествѣ духовную радость, и внесло бы оживленіе въ нашу церковную жизнь. Наконецъ, гдѣ, какъ не въ Россіи, на соборѣ, на которомъ участвовали бы представители восточныхъ Церквей, могло бы быть пересмотрѣно опредѣленіе константинопольскаго собора 1872 года о болгарской схизмѣ и, Господу споспѣшествующему, предложено врачебство, способное ее устранить. Или возстановленіе мира и цѣлости церковной не стоятъ нѣкоторыхъ нашихъ усилій и затратъ?

«Благов.», вып. 46, 15 дек. 1892 г.

Къ 500-лѣтію кончины Св. Преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Въ настоящіе дни православная наша Россія, въ особенности же первопрестольный градъ Москва и Троице-Сергіева Лавра готовятся къ великому торжеству по поводу имѣющаго исполниться 25 сего сентября пятисотлѣтія со дня кончины святаго преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. Въ выпускѣ 22 Благовѣста (15 авг. 1891 г.) напечатана уже нами статья объ этомъ великомъ подвижникѣ и молитвенникѣ земли Русской.

Преподобный Сергій, скажемъ словами преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго, не только самъ былъ крѣпкимъ столпомъ Церкви Христовой, но «уподобилъ и продолжаетъ уподоблять своей духовной природѣ и всѣхъ близко соприкасающихся къ нему людей. Онъ напиталъ своимъ крѣпкимъ духомъ цѣлые сонмы, цѣлыя поколѣнія монашествующихъ.

До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учениковъ; его духовное потомство было одною изъ главныхъ духовныхъ силъ, содѣйствовавшихъ духовному претворенію разныхъ полуязыческихъ племенъ, раскинутыхъ по пространству сѣверной и средней Россіи, въ одно цѣлое Великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрѣпленное духомъ Православія. Будучи самъ высшимъ носителемъ христіанскаго православнаго духа, онъ — примѣромъ, назиданіемъ, молитвами своими — много содѣйствовалъ и содѣйствуетъ напитанію этимъ духомъ всего православнаго Россійскаго народа,— духомъ, который составляетъ руководительное начало, крѣпость и славу народной Русской жизни. Потому-то къ преподобному Сергію, какъ къ неизсякающему роднику крѣпкаго Русскаго духа, притекаютъ на поклоненіе, для назиданія, для молитвы и до сего дне многія тысячи народа». Желающимъ полнѣе возобновить въ своей памяти житіе и подвиги преподобнаго Сергія всего удобнѣе это сдѣлать по сочиненію о. Никона, соборнаго іеромонаха Троице-Сергіевой Лавры, откуда мы и выписали слова преосвященнаго Никанора и взяли помѣщаемыя вслѣдъ за симъ изображенія. Краткое же наше напоминаніе о предстоящемъ торжествѣ закончимъ молитвословіями, съ которыми обычно обращается къ великому угоднику Божію Святая Церковь.

Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христá Бога, на страсти велмѝ подвизался есѝ въ жизни временнѣй, въ пѣніихъ, бдѣніихъ же и пощéніихъ, образъ бы́въ твои́мъ ученикóмъ: тѣмже и вселися въ тя Пресвятый Духъ, Егóже дѣйствіемъ свѣтло украшенъ есѝ: но яко имѣя дерзновеніе ко Святѣй Троицѣ, поминай стáдо, еже собрáлъ есѝ мудрѣ. И не забуди якоже обѣщáлся есѝ, посѣщая чáдъ твои́хъ, Сéргіе, преподобне отче нáшъ. (Тропáрь).

Христóвою любóвію уязви́вся Преподобне, и Тому́ невозврáтнымъ желáніемъ послѣдовавъ, вся́кое наслаждéніе плотское возненави́дѣлъ есѝ. И я́ко сóлнце отéчеству твоему́ возсіялъ есѝ: тѣмъ и Христосъ дáромъ чудéсъ обогати тя. Поминáй нáсъ, чтущихъ пресвѣтлую пáмять твою́: да зовéмъ ти: рáдуйся Сéргіе Богомудре! (Кондáкъ).

«Благов.», вып. 41, 1 сент. 1892 г.

Предисловіе къ письму Александра Дмитріевича Градовскаго къ Митрополиту Сербскому Михаилу.

Откладывая до слѣдующихъ выпусковъ «Благовѣста» изложеніе сущности славянофильства, его задачъ и стремленій, какъ мы ихъ понимаемъ, теперь мы предлагаемъ вниманію читателей историческій взглядъ на сущность русско-славянскихъ отношеній незабвеннаго нашего учителя, скончавшагося въ прошломъ году, профессора петербургскаго университета Александра Дмитріевича Градовскаго, — высказанный имъ въ письмѣ къ Высокопреосвященному Митрополиту Сербскому Михаилу въ сентябрѣ тяжелаго для насъ русскихъ и еще болѣе тяжелаго для сербовъ 1878 года. Высокопреосвященный Михаилъ, котораго мы, извѣщая о своемъ участіи въ обновленномъ «Благовѣстѣ», просили разрѣшить обнародовать упомянутое письмо А. Д. Градовскаго, обрадовалъ насъ скорымъ и благожелательнымъ нашему начинанію отвѣтомъ. Нѣкоторыя соображенія не позволяютъ намъ напечатать посланіе къ намъ Сербскаго Архипастыря во всей его цѣлости; но мы не въ силахъ отказать себѣ въ удовольствіи украсить первый выпускъ «Благовѣста» слѣдующими драгоцѣнными, ободряющими насъ строками:

...«Благодарю Васъ за память и радуюсь, что рѣшились начать издавать «Благовѣстъ». Письмо Градовскаго многіе здѣсь читали и всѣ одобрили его и высказали желаніе напечатать его, съ чѣмъ и я согласенъ... Призываю Божіе благословеніе на Васъ, Вашу семью и Ваше предпріятіе и, желая Вамъ успѣха, съ истиннымъ уваженіемъ къ Вамъ, остаюсь Вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ. 14 іюня, 1890 года. Бѣлградъ».

Письмо А. Д. Градовскаго, призывавшее сербовъ къ братскому единенію съ нами, въ то время, когда оно было написано, т. е. вслѣдъ за берлинскимъ договоромъ и австрійскимъ, съ нашего согласія, вторженіемъ въ Боснію и Герцеговину, не могло въ Сербіи найти себѣ широкаго отголоска. Господу угодно было оторвать отъ насъ временно Сербскій народъ и повести его путемъ многоразличныхъ суровыхъ испытаній. Но, очищенный въ горнилѣ бѣдъ, онъ теперь стоитъ снова съ нами, какъ передовой полкъ славянской православной рати, и мы радуемся его свѣтлому воскресенію! Теперь, какъ свидѣтельствуетъ маститый его вождь и пастырь, письмо знаменитаго русскаго ученаго многими читается въ Сербіи, и всѣ его одоб-

ряютъ и всѣ желаютъ, чтобы оно было напечатано. Мы счастливы, что можемъ удовлетворить этому желанію нашихъ искреннихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздать дань нашей признательной хвалы дорогой для насъ памяти Александра Дмитріевича Градовскаго *).

«Благов.», вып. 1, 15 авг. 1890 г.

Православный полонизмъ.

Обѣщанная нами читателямъ статья «Православный полонизмъ» сотрудника нашего Сергѣя Федоровича Шарапова, разсматривающая въ высшей степени важный съ православно-христіанской и общеславянской точки зрѣнія вопросъ, вызвана другою статьею того же названія, напечатанною въ вышедшей въ концѣ прошлаго года въ Москвѣ книжкѣ «Листопадъ». Книжка эта состоитъ изъ небольшихъ, сплошь и рядомъ чрезвычайно парадоксальныхъ, но всегда очень остроумныхъ и своеобразныхъ, а потому и любопытныхъ статей и замѣтокъ другого нашего сотрудника — г-на Рцы. Читатели «Благовѣста» знакомы съ этимъ даровитымъ, но, не во гнѣвъ ему будь сказано,—не особенно-таки дѣятельнымъ писателемъ,—по двумъ его прекраснымъ вещицамъ, напечатаннымъ въ вып. 9 и 11 «Благовѣста» подъ названіями: «Тексты перепуталъ» и «Вечеръ бѣлой и черной магіи». Въ первой изъ этихъ статей—говоримъ это для новыхъ нашихъ подписчиковъ—данъ очень мѣткій разборъ пресловутой «Крейцеровой сонаты» графа Л. Н. Толстого, во второй не менѣе удачная оцѣнка романа англичанина Беллами, выдержавшаго въ оригиналѣ и переводахъ на разные языки множество изданій, въ томъ числѣ нѣсколько на русскомъ языкѣ подъ заголовками: «Въ 2000-мъ году» и «Черезъ сто лѣтъ».

Статья «Православный полонизмъ» г-на Рцы сводится къ заключенію, подъ которымъ охотно подпишется каждый православный христіанинъ, каждый русскій и каждый славянофилъ. Вотъ эти прекрасныя слова: «Православный полонизмъ». Кто бы на Руси отказалъ ему въ сочувствіи? Но какъ достигнуть этой мечты? Осуществима ли она? А почему нѣтъ? Почему позволительно надѣяться и ждать, что «весь Израиль спасется»,

*) Впослѣдствіи мы надѣемся подробнѣе ознакомить нашихъ читателей съ замѣчательною личностью А. Д. Градовскаго, насколько она обрисовалась въ тѣхъ его трудахъ, которые посвящены главнымъ образомъ національному вопросу.

а нелѣпо было бы надѣяться на то, что и братья наши Поляки въ разумъ истины наконецъ пріидутъ? Неужели Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-Паша) есть явленіе исключительное, которому не суждено болѣе повторяться, при томъ какъ начатку болѣе или менѣе обширнаго движенія въ средѣ отторгнутыхъ отъ братскаго единенія коварствомъ и ложью Рима? *Не близокъ ли уже часъ, когда Россія вновь возвратится къ духу животворящему ея святой старины, когда она вновь уразумѣетъ, что въ ея Православіи основа жизни*, что Православіе есть единственная причина ея бытія и значенія въ мірѣ, и, уразумѣвъ, не воззоветъ ли она и не возгласитъ ли: «Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ?» И кто можетъ предугадать, какъ отзовутся на этотъ *вселенскій* призывъ Россіи наши братья Поляки?» (Подчеркнуто нами).

Но этимъ прекраснымъ, полнымъ искренняго одушевленія, любви и вѣры словамъ предшествуютъ въ той же статьѣ «Листопада» ожесточенныя и трудно объяснимыя нападки его составителя и издателя на «славяноманію» и всеславянство или «панславизмъ», въ которыхъ онъ, по странному недоразумѣнію, видитъ противорѣчіе идеѣ вселенскаго православія. Разъясненію этого недоразумѣнія посвящена статья «Обрусеніе или католичества или оправославленіе Польши?» С. Ѳ. Шарапова.

Для лучшаго уясненія нашимъ читателямъ предмета спора, предпосылаемъ статьѣ г. Шарапова статью г. Рцы въ сокращенномъ изложеніи, сдѣланномъ самимъ ея авторомъ, съ нашими къ ней примѣчаніями.

(Изъ статьи г. Рцы «Православный полонизмъ» беремъ здѣсь только строки, къ которымъ относятся наши примѣчанія).

Слова г. Рцы:	Наши къ нимъ примѣчанія:
Необходимо намъ драться съ Германіей, чтобъ отбить у нея познанскихъ поляковъ! «Это была мысль покойнаго Скобелева», читаемъ мы въ «Русскомъ Дѣлѣ».	
1) Итакъ: Славянское единеніе обязываетъ насъ воскресить Польшу, т. е. драться съ нѣмцами изъ-за познанскихъ поляковъ!	1) Между прочимъ и изъ-за нихъ, но также и изъ-за чеховъ и другихъ *австрійскихъ* славянъ, которыхъ не прочь проглотить Германія, и изъ-за *нашихъ* собственныхъ *русскихъ* цѣлости и достоинства.

2) Логика славяноманіи обязываетъ насъ *заставить* Польшу собственными руками выкинуть за бортъ ложь католичества.

2) Не заставить, а убѣдить, или, если угодно заставить, но не насиліемъ и лукавствомъ, а истиною и любовью.

3) Онъ, Русскій народъ, не похваляется своею Вѣрою, но только Ее, Вѣру эту, хвалитъ, возноситъ и превозноситъ надъ всѣмъ. Я свинья, но Вѣра наша зѣло добра и красота церковная велика... Ужасенъ, низокъ, скотенъ русскій народъ, по выраженію Погодина, а всетаки Русь православная свята! Понятна ли эта столь простая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая психологія?

3) Вѣра не есть только исповѣданіе истины, но и *жизнь* согласная этому исповѣданію. *Святая вѣра* необходимо порождаетъ и святыя дѣла и святитъ соблюдающіе ее страну и народъ. Поэтому скотенъ и низокъ народъ можетъ быть и есть лишь по стольку, на сколько утрачена имъ и потемнѣла въ немъ его живая и святая вѣра, и—до тѣхъ только поръ, пока не воскреснетъ она въ немъ и не просвѣтлѣетъ.

4) Что станется съ жалкимъ *мизернымъ идеальчикомъ* «всеславянства», когда рядомъ съ нимъ будетъ поставленъ величавый идеалъ *всечеловѣческаго* братства? Съ одной стороны призывъ такого рода: славяне православные, славяне паписты, собирайтесь во едино... Зачѣмъ? Чтобы совмѣстными усиліями Нѣмца раздавить. Забудемъ на время наши раздоры наши несогласія... О папѣ, о filioque потомъ столкуемся, а теперь вотъ давайте дружно на Нѣмца ударимъ...

4) Зачѣмъ давить даже и Нѣмца?—Не его давить, а себя и своихъ братьевъ, если еще не по вѣрѣ, то хотя бы только по крови,—отстоять, чтобы они не были имъ, нѣмцемъ, раздавлены: развѣ это сама по себѣ не благая, не святая цѣль, и развѣ не обязываетъ насъ служить ей тотъ же идеалъ вселенской христіанской любви? Западный Славянинъ, спасенный нашею любовью отъ алчной пасти Нѣмца, скорѣе увѣруетъ въ исповѣдуемую нами вселенскую истину православія, нежели побѣдоносный Нѣмецъ, который, проглотивъ западное славянство, едва ли промѣняетъ на вселенскую истину измышленный имъ тезисъ: «cujus regio ejus religio».

5) Съ другой стороны такой призывъ: Сюда, народы міра, всѣ, всѣ, въ комъ только

5) Идеалъ всеславянскаго единства вытекаетъ изъ сознанія племеннаго единства и общ-

жива еще душа человѣческая: и Славяне, и Нѣмцы, и Французы, и всякое племя, и всякъ языкъ отъ крайняго востока до крайняго запада... Спрашиваемъ: передъ этимъ идеаломъ вселенской соборности въ единствѣ свободы и любви во что обратится затасканный, на закваскѣ западно-европейской идеи націонализма созданный, идеалъ всеславянскаго единства, которому основаніемъ служитъ подленькій страхъ передъ Нѣмцемъ.

6) А достойнымъ вѣнцемъ—насиліе, порабощеніе?.. Да, только порабощеніемъ, только насиліемъ и можно выковать всеславянское единеніе!

ности грозящей всѣмъ славянамъ отъ враждебнаго ему Германскаго племени опасности. Въ призывѣ сплотиться, чтобы отразить грозящую извнѣ опасность,—мы думаемъ согласится съ нами въ этомъ и г. Рцы,—не призрачную, а дѣйствительную,—слышится не «подленькій страхъ»,—а разумная заботливость и предусмотрительность. Подленькій страхъ передъ Нѣмцемъ скорѣе заставляетъ отрицать такую опасность, которая для всякаго зрячаго несомнѣнна и явна, и которую, зажмуриваясь или пряча голову подъ крыло, не избудемъ.

6) Вѣнцемъ этимъ должны быть свобода и согласіе, а не насиліе и порабощеніе. Припомнимъ г-ну Рцы слова Хомякова, котораго онъ чтитъ не менѣе нашего, и который, однако же, самый рѣшительный провозвѣстникъ всеславянскаго единства.—Вотъ его чаяніе о славянахъ:

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ лучшій вѣкъ чудесъ,
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ сѣвернымъ Орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей;
И будущихъ баяновъ струны
Гласятъ согласье и покой!

И еще обращеніе его къ Россіи:

„Дай міру жизнь, дай жизни миръ!

7) Позволительно ли прибѣгнуть къ насилію и *заставить* поляковъ войти въ единство, которое имъ ненавистно?

Проф. Сретьковичъ говоритъ: да, а русскій панславизмъ что скажетъ? Приметъ онъ теорію compelle intrare?

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделенный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится,
А помирятся-жъ эти двѣ —
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и Цареградѣ...

Когда наконецъ это будетъ понято у насъ всѣми?

7) Не опровергаетъ ли г. *Рцы* этимъ своимъ признаніемъ весь свой походъ противъ славяномaніи и панславизма?

Съ слѣдующаго выпуска мы начнемъ печатать статью С. Ѳ. Шарапова, служащую, какъ мы сказали, отчасти возраженіемъ, отчасти дополненіемъ къ статьѣ г-на *Рцы*.

Мы охотно дадимъ мѣсто и другимъ безпристрастнымъ голосамъ, если кто надумается высказаться по предмету настоящаго спора. Въ особенности намъ было бы дорого ознакомиться съ мнѣніемъ самихъ *поляковъ* о «православномъ полонизмѣ»... Сколько знаемъ, вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ къ братьямъ полякамъ ни разу не ставился столь опредѣлительно ясно и столь прямодушно откровенно.

Благов. вып. 43, 15 окт. 1892 г.

Въ „Душеполезномъ Чтеніи“ печатаются данныя для жизнеописанія скончавшагося въ прошломъ году извѣстнаго Оптинскаго старца, отца іеросхимонаха *Амвросія*. Въ ноябрьской книжкѣ названнаго изданія помѣщенъ приложенный къ одному изъ писемъ о. Амвросія разсказъ его о страдальческой жизни крестьянки Василисы Свисьневой. Предлагаемъ этотъ разсказъ въ назиданіе людямъ, воздыхающимъ, съ крокодиловыми слезами, объ „отеческихъ“ отношеніяхъ помѣщиковъ-дворянъ къ крестьянамъ въ злопамятныя времена крѣпостного права,—права, по закону тяготѣвшаго только надъ крестьянами, но предъ которымъ въ дѣйствительности безправны были и служители алтаря, и слуги государства, т. е. и мѣстное духовенство, и мѣстное чиновничество.

Благов. вып. 45, 1 дек. 1892 г.

„Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи“.

Такъ озаглавлена статейка Л. А. Тихомірова въ сентябрской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія». Заглавіе заманчивое; но содержаніе статейки странное. Два-три вѣрныхъ замѣчанія о совершающемся въ настоящее время въ русскомъ обществѣ религіозномъ броженіи совершено теряются въ грудѣ неосновательныхъ сужденій о предметахъ первостатейной важности, о которыхъ, памятуя третью заповѣдь, не лѣть бы суесловить. Мы охотно оставили бы безъ вниманія это суесловіе; но въ наше легковѣрное время иныя пустыя на видъ статьи бываютъ чреваты большими послѣдствіями. Поэтому и на статью г. Тихомірова, думается намъ, слѣдуетъ возразить,— да не соблазнится о ней кто-либо изъ малыхъ *).

Появленіе подобной статьи въ «Русскомъ Обозрѣніи» мы объясняемъ себѣ неустройствомъ, въ какомъ до послѣдняго времени находились дѣла этого изданія—отсутствіемъ въ немъ настоящаго хозяина-кормчаго. Сентябрская книжка подписана еще «за редактора» издателемъ Н. М. Боборыкинымъ, отъ котораго вслѣдъ за тѣмъ и само изданіе и руководство имъ уже перешли въ другія руки, а именно къ Ан. А. Александрову—профессору русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Отъ всего сердца желаемъ новому нашему собрату взять вѣрное направленіе и неуклонно его держаться. И да поможетъ ему въ его нелегкомъ дѣлѣ Богъ!

Благов. вып. 45, 1 дек. 1892 г.

*) Возраженіе было написано Н. П. Аксаковымъ въ 1893 г. для «Благовѣста»; но такъ какъ оно составило цѣлую книгу, то и издано нами отдѣльно въ 1895 г. подъ заголовкомъ «Духа не угашайте!»

Господи, благослови!

О задачахъ и направленіи „Русской Бесѣды“

(Изъ январской книжки „Р. Б.“ за 1895 г.).

Названіе нашего изданія почти избавляетъ насъ отъ необходимости объяснять его цѣль и направленіе. Въ 1856—60 гг. «Русскую Бесѣду» издавалъ въ Москвѣ А. И. Кошелевъ. Въ этомъ изданіи участвовали и имъ руководили: незабвенной памяти А. С. Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскіе, Ю. Ѳ. Самаринъ, И. Д. Бѣляевъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, и здравствующій понынѣ Т. И. Филипповъ. Имена эти достаточно говорятъ русскому уму и сердцу. Въ 1871—72 гг. въ той же Москвѣ выходила «Бесѣда» С. А. Юрьева, оставившая по себѣ такой же добрый слѣдъ и такую же добрую память, какъ и «Русская Бесѣда» Кошелева. Мы будемъ вести нашу «Русскую Бесѣду» въ томъ же духѣ и направлять ее къ тѣмъ же цѣлямъ, какія были у прежнихъ двухъ одноименныхъ съ нашимъ изданій. Наша задача — выясненіе пользъ и нуждъ Родной Земли, Родного Народа, завѣтныхъ его думъ и желаній. Велики и многообразны вещественныя нужды нашего народа; но онъ живетъ не о хлѣбѣ только единомъ, и польза его не въ одномъ только стяжаніи. Первѣе всего ищетъ и алчетъ онъ царства Божія и правды Его, и цѣль всѣхъ его желаній и помысловъ, это — расположить свою жизнь по законамъ правды Божіей, согласовать съ нею свой церковный государственный и общественный строй и свои отношенія къ другимъ странамъ и народамъ. Эта завѣтная цѣль нашего Святорусскаго Народа будетъ путеводной звѣздой, руководящимъ началомъ нашей «Русской Бесѣды».

«Русская Бесѣда» будетъ органомъ русскаго народнаго направленія. Но, высказавъ это положеніе, мы должны его пояснить, ибо къ этому направленію относятъ нерѣдко такія явленія жизни и мысли, которыя ему прямо противоположны.

Русское народное направленіе, какъ мы его понимаемъ, прежде всего опредѣляется искреннимъ исповѣданіемъ православнаго христіанства, принадлежностью къ единой истинной Церкви Христовой; не внѣшнею только, формально-обрядовою принадлежностью, а такою, которая опредѣляетъ всю жизнь христіанина, всѣ отношенія его къ другимъ людямъ, — которая,

повелѣвая: «Бога бойтеся, Царя чтите!» и требуя повиновенія властямъ предержащимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ограждаетъ свободу человѣческой личности, даетъ несокрушимую твердость человѣческому духу.

Государственное зданіе Россіи вѣнчается свободнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ царскимъ самодержавіемъ; зданіе же это представляется намъ свѣтлымъ и просторнымъ храмомъ, являющимъ собою стройное сочетаніе разноличныхъ красокъ и частей. Въ этой величавой государственной хороминѣ должно господствовать соборное, хоровое начало, въ которомъ не теряются отдѣльные голоса; вѣковѣчнымъ же и незыблемымъ основаніемъ всему этому государственному строенію долженъ быть свободный и самоуправляющійся *міръ-народъ*.

На заглавномъ листѣ прежней «Русской Бесѣды» стояли слова Окружной грамоты Москвы: «Помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться». Этотъ драгоцѣнный завѣтъ русской старины, это мудрое предостереженіе предковъ не должно забываться и современными русскими государственными и общественными дѣятелями и особенно служителями мысли и слова. Все наше вниманіе, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы сохранить корни нашего государственно-народнаго древа, т. е. тѣ христіанскія начала и историческія преданія и завѣты, которыми только и крѣпко основаніе этого древа—міръ-народъ. О немъ должны быть всѣ наши помыслы, ему должна быть отдана вся наша любовь!

Церковнымъ и государственнымъ нашимъ идеаломъ опредѣляется уже и отношеніе наше къ другимъ народамъ.

Славянство представляется намъ единымъ и цѣлостнымъ племеннымъ организмомъ, прекраснымъ, какъ все живущее, разновидностью составныхъ своихъ частей: не въ стадномъ однообразіи, не въ подведеніи всѣхъ подъ одну мѣрку и одинъ образецъ видимъ мы совершенство и красоту, а въ сочетаніи разнообразныхъ частей въ одно стройное цѣлое, основанномъ на свободномъ, хоровомъ началѣ братства и любви.

Отношенія наши къ *единовѣрнымъ* съ нами иноплеменникамъ опредѣляются словами Апостола, что «во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея». Родство по духу не меньшее имѣетъ значеніе, нежели родство плотское, ибо, по слову того же Апостола: «всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, іудеи или еллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ». (I Коринѳ. XII, 13).

Наконецъ, наши отношенія къ *иноплеменникамъ-иновѣрцамъ* должны опредѣляться правиломъ естественной справедливости: «каждому свое». Отражая и словеснымъ и вещественнымъ оружіемъ ихъ посягательства на нашу, т. е. всего Православнаго и Славянскаго Міра—племенную, хозяйственную и духовную свободу, да не переступимъ и мы въ отношеніи ихъ предѣловъ необходимой обороны и не лишимъ никого изъ нихъ того, что намъ самимъ свято и дорого!

Таковы въ своей основѣ наши вѣрованія, которыми будетъ опредѣляться направленіе «*Русской Бесѣды*». Остаться вѣрными этому направленію при обсужденіи всѣхъ вопросовъ и частностей жизни — да поможетъ намъ Господь Богъ! Аминь.

Абиссинское и Болгарское посольства.

I.

Далекая Абиссинія въ первый разъ прислала своихъ представителей въ Россію. Князья Дампто и Белакіо, епископъ Габро Экзіаверъ со свитой явились привѣтствовать Русскаго Государя.

Пріѣздъ въ Россію абиссинскаго посольства составляетъ радостное для насъ, русскихъ, и, быть можетъ, чреватое благими для всего православнаго Востока послѣдствіями событіе.

Абиссинія, если и не вполнѣ православная, то во всякомъ случаѣ близкая и тяготѣющая къ православію страна. Абиссинцы держатся того же не искаженнаго Сvмвола вѣры, какъ и мы, признаютъ тѣ же святыя Таинства, знаменуютъ себя одинаково съ нами трехперстнымъ крестомъ. Если и существуютъ въ Абиссинской церкви обрядовыя отличія, а, быть можетъ, и догматическія разномыслія (слѣды монофизитства), препятствующія пока признать эту Церковь вполнѣ равноправнымъ членомъ, составною частью Православной Вселенской Церкви, то во всякомъ случаѣ Православная Церковь и Православное Русское Государство не могутъ по отношенію къ Абиссинской Церкви и Абиссинскому народу не руководствоваться словами Христа: «приходящаго ко Мнѣ не изжену вонъ». Догматическія и обрядовыя несогласія должны быть изучены, разсмотрѣны и общимъ стараніемъ всѣхъ Православныхъ Восточныхъ Церквей устранены; наша же Русская Цер-

Князь Дамто,
главный посолъ Абиссинскаго Царя.

Епископъ Харарскій **Габро Екзіаверъ.**

Князь **Беллакіо.**

ковь должна взять на себя въ этомъ дѣлѣ святой почи́нъ и посредничество.

Такъ, конечно, смотритъ на абиссинское церковное дѣло наша церковная власть. Прибывшій въ составѣ посольства Харарскій епископъ Габро Екзіаверъ не участвовалъ въ сослуженіи съ нашими іерархами, но при совершеніи ими церковныхъ службъ онъ приглашался во св. алтарь и на амвонѣ стоялъ, хотя и необлаченный, непосредственно за нашими архипастырями. Вообще же все наше духовенство, съ Высокопреосвященнымъ Палладіемъ во главѣ, оказывало ему знаки самаго задушевнаго радушія и почтительнаго вниманія. Народъ же нашъ сразу почуялъ въ абиссинцахъ «своихъ». Трогательно было видѣть какъ любовно, особенно въ храмахъ Божіихъ, смотрѣлъ онъ на этихъ загорѣлыхъ и необычайно для него одѣтыхъ людей, усердно молившихся, правильно знаменовавшихъ себя крестомъ и благоговѣйно преклонявшихъ колѣна передъ св. Чашею и при пѣніи молитвы Господней.

Дай же Богъ, чтобы начавшееся взаимное ознакомленіе и дружба повели, и возможно скорѣе, къ полному церковному общенію, къ народному братству и государственному союзу! Великое въ этомъ отношеніи и отвѣтственное передъ исторіей дѣло предстоитъ снаряжаемой въ Абиссинію русской миссіи съ о. архимандритомъ Ефремомъ во главѣ. Дай имъ Богъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ и всякой удачи!

Мы твердо вѣримъ, что установившаяся нынѣ дружественная связь съ Россіей оградитъ Абиссинію отъ алчнаго посягательства итальянцевъ на ея самостоятельность и на ея владѣнія. Стоящая во главѣ всего Восточнаго Христіанства великая Православная Русь, конечно, не откажетъ въ своемъ могущественномъ заступничествѣ ищущему ея покровительства восьмимилліонному мужественному и глубоко христіанскому народу. Не отказала бы Россія Абиссиніи въ этомъ покровительствѣ, даже если бы оно требовало только жертвъ и не обѣщало никакихъ выгодъ. Но дѣло стоитъ не такъ. Мы, русскіе, конечно, не нуждаемся подобно Германіи или Англіи въ обширныхъ африканскихъ колоніяхъ, чтобы сбывать туда избытокъ своего населенія; но Россія не только сухопутная, но и *великая морская держава*, по крайней мѣрѣ она должна быть такою. Владѣя многими тысячами верстъ морского и океанскаго побережья, она, чтобы быть полнымъ хозяиномъ у себя на берегу, должна быть ни отъ кого независимымъ господиномъ на океанахъ и моряхъ. А для этого Россіи необходимо имѣть въ отдаленныхъ отъ нея моряхъ свои собственныя пристанища и стоянки, особенно на главномъ пути, иду-

щемъ, чрезъ Дарданеллы и Суецъ по Красному морю въ Индійскій и Великій океаны къ восточнымъ нашимъ владѣніямъ. На этомъ пути вопросъ о свободномъ проходѣ чрезъ Суецъ и Бабъ-Эль-Мандебъ скоро получитъ для насъ такое же важное и жгучее значеніе, какъ и вопросъ о Дарданеллахъ и Босфорѣ. Имѣть у выхода изъ Краснаго моря въ Индійскій океанъ союзное свободное туземное государство, такое, какъ Абиссинія, и тамъ, по сосѣдству съ нею, свою собственную пристань и кусокъ береговой земли—представляется для Россіи дѣломъ первостепенной государственной важности. Необходимость для Россіи имѣть въ тѣхъ краяхъ свое опорное мѣсто давно уже сознается русскимъ обществомъ и отчасти правительственными кругами. Сознаніе это нѣсколько лѣтъ тому назадъ сказалось въ живомъ сочувствіи и поддержкѣ воинственному предпріятію «вольнаго русскаго казака» Н. И. Ашинова и въ поѣздкахъ въ Абиссинію такихъ мирныхъ русскихъ добровольцевъ, какъ поручикъ Машковъ, а затѣмъ такъ безвременно утраченный русскою наукою и жизнью докторъ Елисѣевъ, и о. Ефремъ и г. Леонтьевъ съ товарищами и спутниками. Не забудемъ, что предпріятію Н. И. Ашинова, имѣвшему цѣлью устроить казачьи поселенія на восточномъ берегу Африки и создать тамъ «русское» море,—сочувствовала и русская печать (М. Н. Катковъ) и вліятельныя правительственныя лица, и не скончайся неожиданно управлявшій въ то время морскимъ министерствомъ И. А. Шестаковъ и отнесись нѣсколько иначе къ дѣлу наше дипломатическое тогдашнее начальство,—предпріятіе, не смотря на всѣ недостатки и ошибки вольнаго казака Ашинова, могло бы осуществиться. Вѣдь овладѣваютъ же англичане и итальянцы и всѣ кому угодно изъ западныхъ европейцевъ чуть не каждый день все новыми и новыми пространствами африканской земли; почему же только для насъ, русскихъ, было бы это неисполнимо? Всѣ эти Стэнли и другіе англійскіе и нѣмецкіе піонеры, въ большинствѣ случаевъ, по характеру и нравамъ ничѣмъ не лучше нашего вольнаго казака, но они всегда находятъ себѣ поддержку въ своемъ отечествѣ и въ общественной и въ правительственной средѣ, оттого предпріятія ихъ почти всегда имъ и удаются. Мы же должны помнить, что Сагалло орошено русскою, притомъ неповинною дѣтскою кровью, искупленіемъ которой было бы только осуществленіе задуманнаго тогда дѣла. Эта, напрасно пролитая тогда, русская кровь оставила нѣкоторую тѣнь на свѣтлыхъ страницахъ исторіи русско-французскаго сближенія и дружбы. Теперь нашимъ друзьямъ-союзникамъ легко совершенно искупить тогдашнюю свою жестокую торопливость.

Пусть они теперь облегчатъ Абиссиніи запастись боевымъ оружіемъ, въ которомъ та такъ нуждается теперь, для защиты своей самостоятельности. Русскій народъ будетъ имъ за это безконечно благодаренъ, и пусть будутъ единомысленны и союзны намъ и въ дѣлѣ пріобрѣтенія нами удобной морской стоянки по сосѣдству съ Абиссиніей, для которой мы будемъ не злыми насильниками, а добрыми и желанными сосѣдями-друзьями. Свободная и вооруженная Абиссинія была бы прекраснымъ, далеко не маловажнымъ дополненіемъ къ Франко-Русскому союзу *).

II.

Одновременно съ абиссинцами въ Петербургѣ были болгарскіе послы, пріѣзжавшіе возложить вѣнокъ на гробницу Государя Императора Александра III и выразить чувства признательности и благодарности Россіи и ея Государю отъ лица Болгарскаго народа. Посольство, во главѣ котораго былъ весьма уважаемый пастырь болгарской церкви, митрополитъ Климентъ, составляли: Тодоровъ, президентъ народнаго собранія, И. С. Гешовъ, д-ръ Молловъ, д-ръ Минчевичъ, П. П. Наботковъ, поэтъ Вазовъ и архимандритъ Василій.

Митрополитъ Климентъ, въ міру Василій Друмевъ, воспитывался въ Россіи въ Кіевской духовной академіи. До вступленія своего въ духовный санъ онъ уже былъ извѣстенъ, какъ авторъ беллетристическихъ произведеній, которыя имѣли большой успѣхъ. Сдѣлавшись митрополитомъ Тырновскимъ, онъ проявилъ настойчивую дѣятельность въ дѣлѣ охраненія въ Болгаріи православія, извѣстенъ также, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Большое вліяніе митрополита на народъ показалось опаснымъ правительству Стамбулова, который его обвинилъ въ измѣнѣ и заключилъ въ тюрьму, гдѣ владыка и томился до самого паденія Стамбулова. Освобожденіе митрополита народъ привѣтствовалъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Тодоровъ, президентъ болгарскаго народнаго собранія, высшее образованіе получилъ въ Одессѣ, въ Новороссійскомъ университетѣ. Въ качествѣ адвоката защищалъ митрополита Климента противъ обвиненій, возбужденныхъ Стамбуловымъ.

И. С. Гешовъ родился въ Филиппополѣ, образованіе получилъ въ Константинополѣ, а затѣмъ въ Англіи. Когда Болгарія была занята русскими войсками, Гешовъ служилъ при

---

*) Въ ближайшихъ книжкахъ Р. Б. помѣщена статья Н. П. Аксакова объ Абиссиніи въ церковномъ отношеніи.

русскомъ генералъ-губернаторѣ Восточной Румеліи. Одно время былъ кметомъ (городскимъ головою) города Филиппополя. Въ настоящее время—депутатъ отъ Филиппопольскаго округа въ народномъ собраніи. Д-ръ Молловъ—питомецъ Московскаго университета, участвовалъ въ войнѣ 1877—78 гг. Болгарія обязана ему устройствомъ санитарной части въ княжествѣ и учрежденіемъ отдѣленія Краснаго Креста. По дѣлу Бѣльчева Молловъ былъ посаженъ на 1½ года въ тюрьму, въ настоящее время онъ членъ народнаго собранія и членъ медицинскаго совѣта княжества. П. П. Наботковъ воспитывался также въ Россіи, въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Незадолго до войны за освобожденіе, во время волненій, ей предшествовавшихъ, вынесъ отъ турокъ 4-хъ мѣсячное тюремное заключеніе, во время же войны, состоя при штабѣ 12-й пѣхотной дивизіи, былъ посредникомъ между войсками и народомъ, занималъ общественныя должности въ Восточной Румеліи, теперь же—депутатъ народнаго собранія. И. Вазовъ извѣстенъ, какъ самый выдающійся изъ болгарскихъ писателей. Большинство его произведеній, стиховъ и прозы, одушевлены патріотизмомъ. Его сборники стихотвореній, и въ особенности романъ «Подъ иго-то» (Подъ игомъ), который живо рисуетъ состояніе болгарскаго народа наканунѣ освобожденія, причемъ авторъ талантливо изображаетъ народные типы и сцены бытовой жизни, пользуются заслуженнымъ успѣхомъ не только въ Болгаріи, но и заграницей, такъ какъ лучшія изъ его произведеній переведены на иностранные языки. Большое впечатлѣніе должны были произвести на Вазова и не остались, конечно, безъ вліянія на его литературную дѣятельность, тѣ несчастія, которыя ему выпали на долю въ бурные 1876—78 гг. Такъ въ 1876 году ему пришлось спасаться въ Румынію послѣ неудачнаго возстанія противъ турокъ, а въ слѣдующемъ году его отецъ былъ зарѣзанъ турками, и родной городъ поэта былъ сожженъ ихъ войсками.

29-го іюня болгары служили панихиду на гробницѣ Императора Александра III и возложили золотой лавровый, съ серебряною пальмовою вѣтвью посрединѣ, вѣнокъ, на лентахъ котораго надпись: «Цесаревичу-полководцу, Царю-Миротворцу признательный болгарскій народъ». Другой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ былъ возложенъ на гробницу Царя-Освободителя Императора Александра II. Митрополитъ Климентъ произнесъ рѣчь, гдѣ говорилъ о чувствѣ признательности, которое болгарскій народъ сохраняетъ и будетъ сохранять на вѣчныя времена къ великому Всероссійскому Императорскому Дому и къ великому Русскому Народу.

5-го іюля болгары были приняты Государемъ Императоромъ.

Во все время пребыванія въ Петербургѣ болгарскимъ посламъ вездѣ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Ихъ чествовало и Славянское общество и многія частныя лица.

Настроеніе, съ которымъ уѣхало болгарское посольство изъ Петербурга прекрасно выражено въ словахъ Тодорова: «Мы встрѣтили въ Петербургѣ пріемъ, на который не смѣли разсчитывать. Мы глубоко счастливы этимъ пріемомъ и глубоко благодарны за него русскимъ, какъ представителямъ оффиціальнаго міра, такъ и частнымъ лицамъ. Мы воочію убѣдились, что русское сердце отходчиво и что русскій народъ—воистину великодушный народъ. Мы поняли, что творецъ не можетъ не любить своего дѣтища, и что любить—значитъ, по-русски, прощать. Въ Болгаріи есть различныя оппозиціонныя партіи: есть цанковисты, каравелисты, радослависты, но партіи, враждебной Россіи, болѣе нѣтъ. Да никогда и не было ея въ Болгаріи, такъ какъ у Стамбулова были личные приверженцы, сообщники, слуги, но настоящей партіи не было. Министерство Стоилова стоитъ за дружбу съ Россіей. На прошлой недѣлѣ въ министерскомъ совѣтѣ было постановлено соорудить въ Софіи въ память Царя-Освободителя православный храмъ во имя св. Александра Невскаго. Сооруженіе этого храма было рѣшено еще въ 1879 году; по народной подпискѣ собрано для этого милліонъ франковъ, но Стамбуловъ потомъ затормозилъ это дѣло. Теперь оно будетъ доведено до конца».

Теперь этого главнаго виновника оффиціальнаго разрыва между Болгаріей и Россіей не стало. Какъ разъ во время пребыванія болгарскаго народнаго посольства въ Петербургѣ, — отъ котораго онъ всѣми силами старался отвратить умы и сердца Болгарскаго народа, — его самого въ Софіи постигла страшная кара Провидѣнія за его противонародную и противоцерковную дѣятельность. Теперь единственная помѣха полному примиренію Россіи съ Болгаріей и возстановленію между ними правильныхъ отношеній, это стамбуловскій и австрійскій ставленникъ—Фердинандъ, принцъ Кобургскій, насиліемъ и обманомъ взобравшійся на болгарскій княжескій престолъ, вопреки рѣшительно выраженному Россіей, создавшею этотъ престолъ, нежеланію видѣть его на немъ...

Р. Б. іюль 1895 г.

Болгарскія дѣла.

Присоединеніе Бориса къ Болгарской народной церкви. — Признаніе Фердинанда законнымъ княземъ Болгаріи. — Значеніе этихъ событій. — Чего мы ждемъ дальше отъ Фердинанда.

Безъ малаго десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій уполномоченный генералъ Каульбарсъ оставилъ Болгарію. Покидая страну, Каульбарсъ обратился съ прощальной нотой къ Болгарскому народу, въ которой заявлялось, что Императорскій кабинетъ не находитъ возможнымъ поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ въ его настоящемъ составѣ, такъ какъ оно окончательно утратило довѣріе Россіи. Во главѣ Болгаріи стояло тогда регентство изъ Каравелова, Стамбулова и Муткурова, а первымъ министромъ былъ Радославовъ. Послѣдніе трое были отъявленными врагами Россіи, и Баттенбергъ, будучи вынужденъ оставить Болгарское княжество, главнымъ образомъ, вслѣдствіе холоднаго къ нему отношенія Русскаго правительства, постарался отомстить ему, по крайней мѣрѣ, передачей власти людямъ наиболѣе враждебнымъ къ державѣ-освободительницѣ.

Съ отъѣздомъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Болгаріи водворился истинный терроръ. Разрывъ съ Россіей вызвалъ вполнѣ понятное неудовольствіе въ наиболѣе порядочной части населенія; въ Рущукѣ, Силистріи и нѣкоторыхъ другихъ городахъ вспыхнули даже военныя возстанія, которыя подавлялись съ чисто турецкою свирѣпостью (разстрѣляніе начальника рущукскаго гарнизона Узунова и пр.).

Тревожное настроеніе умовъ не прекратилось и послѣ избранія народнымъ собраніемъ или вѣрнѣе Стамбуловымъ (въ іюлѣ 1887 г.) въ болгарскіе князья Фердинанда Кобургскаго. Вслѣдствіе нежеланія Россіи Фердинандъ не былъ признанъ оффиціально Болгарскимъ княземъ; но тѣмъ не менѣе онъ княжилъ въ Болгаріи, хотя управлялъ ею неограниченно или, лучше сказать, деспотически Степанъ Стамбуловъ, злѣйшій врагъ Россіи. Семь лѣтъ держалъ онъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ несчастную Болгарію, убивая ее матеріально и духовно, истощая ее непосильными поборами и искореняя всячески святыя преданія, благодаря которымъ Болгарія и подъ турецкимъ рабствомъ сохранила свою народность. Бывшій радикалъ, съ соціалистической даже закваской, превратился въ восточнаго тирана чистѣйшей воды. Тѣ, которые имѣли неосторожность въ чемъ-нибудь проявить свое расположеніе къ Россіи,

разстрѣливались, заключались въ казематы, подвергались пыткамъ и въ лучшемъ случаѣ изгонялись изъ отечества. Заточенію и пыткамъ подвергся даже самый крупный, самый даровитый и цѣльный изъ болгарскихъ политическихъ дѣятелей—бывшій ихъ первый министръ и регентъ П. Каравеловъ. Страна кишѣла шпіонами. Народное собраніе, избираемое при непосредственномъ участіи палочниковъ, являлось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ диктатора. Протестъ могъ выражаться лишь въ формѣ заговоровъ и политическихъ убійствъ (заговоръ Паницы въ январѣ 1890 г., убійство Бельчева 15 марта 1891 г.).

Долго терпѣлъ Болгарскій народъ этотъ наглый гнетъ, но и его чаша терпѣнія переполнилась. Послѣдней позорной побѣдой Стамбулова было измѣненіе 38 статьи Тырновской конституціи съ цѣлью обезпечить болгарскій престолъ за католической династіей и совершенно оторвать Болгарію отъ Россіи. Но эта побѣда Стамбулова была послѣднею каплею, переполнившею чашу долготерпѣнія Болгарскаго народа. Отвращеніе болгаръ къ Стамбулову побудило, наконецъ, Фердинанда Кобурга и помогло ему освободиться отъ бывшей, несомнѣнно, тягостною и для него самого опеки Стамбулова. Тогда-то сказалась со всей силой безпредѣльная ненависть народа къ своему угнетателю; ненависть, проводившая его бездыханный, изрубленный трупъ до самой могилы.

Страшная участь Стамбулова заставила призадуматься о своемъ собственномъ положеніи его ставленника Фердинанда. Ясна стала ему необходимость выбора: или удалиться, обезславленнымъ навсегда, изъ Болгаріи, или расположить къ себѣ Болгарскій народъ, а этого можно было достигнуть, только получивъ прощеніе и признаніе Россіи.

Принцъ предпочелъ, конечно, послѣднее. Болгарскіе депутаты, ѣздившіе, по его желанію, въ Петербургъ для возложенія вѣнка на могилу почившаго Императора, вынесли убѣжденіе, что «русское сердце отходчиво», и что примиреніе при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ возможно. Само собою разумѣлось, что первымъ изъ этихъ условій было возстановленіе 38-й статьи Конституціи. Послѣ долгихъ колебаній и борьбы принцъ Кобургскій рѣшился, наконецъ, уступить силѣ обстоятельствъ. И вотъ 22 января появился, наконецъ, его манифестъ:

«Объявляю возлюбленному моему народу, что во исполненіе обѣщанія, даннаго представителямъ націи, съ высоты престола, я употребилъ всѣ возможныя усилія, я боролся всѣми своими силами, чтобы изгладить затрудненія, возстававшія противъ осуществленія пламеннаго желанія цѣлой націи — перехода наслѣдника престола въ лоно православной церкви.

Исполнивъ долгъ уваженія относительно всѣхъ, отъ кого зависѣло устраненіе этихъ затрудненій, и послѣ того, какъ я убѣдился, что угасли мои надежды, такъ какъ я не нашелъ тамъ, гдѣ ожидалъ, мудраго пониманія того, чего требуетъ Болгарія,—вѣрный данной возлюбленному народу моему клятвѣ, я рѣшилъ по собственному почину переступить черезъ всѣ препятствія и принести на алтарь отечества самую неизмѣримую и самую тяжелую изъ жертвъ. Итакъ объявляю всѣмъ Болгарамъ, что 2 февраля текущаго года, въ праздникъ Срѣтенія Господня, послѣдуетъ священное мvропомазаніе наслѣдника престола Бориса, князя Тырновскаго, по обряду національной православной церкви. Да благословитъ Царь Царей сіе рѣшеніе и да сохранитъ на вѣки наше отечество и домъ нашъ. Данъ въ столицѣ нашей Софіи, 22 января, лѣта отъ Рождества Христова 1896-е, царствованія же нашего въ 9-е. Фердинандъ».

Черезъ два дня послѣ этого манифеста обнародованы были слѣдующая отвѣтная телеграмма Государя Императора и правительственное сообщеніе:

Телеграмма Его Высочеству принцу Фердинанду, въ Софію.

С.-Петербургъ, 25 января 1896 года.

«Искренно поздравляю ваше высочество съ принятіемъ патріотическаго рѣшенія, о коемъ вы сообщаете Мнѣ въ письмѣ вашемъ, отъ 21 сего января.

Свиты Моей генералъ-маіоръ, графъ Голеницевъ-Кутузовъ, везетъ вамъ отвѣтъ Мой, и ему поручается присутствовать, отъ Моего Имени, при обрядѣ присоединенія возлюбленнаго сына вашего къ церкви народа болгарскаго».

Правительственное сообщеніе.

«Вызывая въ 1886 году своихъ агентовъ изъ княжества Болгарскаго, Императорское правительство тогда же заявило въ сообщеніи своемъ отъ 28 ноября, что оно этою мѣрою отнюдь не имѣло въ виду порвать узы, связующія Болгарію съ Россіею. Болгарія—созданіе Россіи и обязана своимъ существованіемъ тяжкимъ жертвамъ и усиліямъ Русскаго народа; уже въ силу этого, Императорское правительство не могло не относиться съ живѣйшимъ участіемъ ко всѣмъ явленіямъ ея гражданскаго устройства, къ настоящему ея положенію и къ будущимъ судьбамъ ея.

Мы неоднократно заявляли, что ждемъ лишь чистосердечнаго сознанія самихъ болгаръ въ необходимости поворота къ лучшему, чтобы предать забвенію прошлое и положить начало возстановленію сношеній съ княжествомъ, основанныхъ на взаимномъ довѣріи и чуждыхъ всякаго своекорыстнаго побужденія.

Первый шагъ въ этомъ направленіи нынѣ сдѣланъ: принцъ Фердинандъ обратился къ Государю Императору съ письменнымъ ходатайствомъ о присылкѣ въ Софію особаго русскаго представителя для присутствованія при обрядѣ присоединенія къ Православной Церкви малолѣтняго принца Бориса.

Три года тому назадъ, по полученіи извѣстія о намѣреніи тогдашнихъ болгарскихъ правителей внести на утвержденіе народнаго собранія измѣненіе 38 ст. тырновской конституціи, обезпечивавшей принадлежность княжескаго дома къ Православной Церкви, Императорское правительство не могло не возвысить голоса своего противъ этого нововведенія. Оно тогда же, въ сообщеніи своемъ отъ 21 февраля 1893 года, предостерегало всѣхъ болгаръ безъ различія партій о той опасности, «которая грозитъ народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій.

Голосъ Россіи, искони сострадавшей бѣдствіямъ и неустройству единовѣрнаго племени на Востокѣ, проникъ въ сердца болгаръ: народъ болгарскій и его правители сознали необходимость оградить и укрѣпить господство въ странѣ Православной Вѣры, являющейся залогомъ неразрывной духовной связи, соединяющей Россію съ освобожденною ею Болгаріею. Извѣстіе это повсюду въ Россіи встрѣчено было радостнымъ сочувствіемъ.

Одушевляемый чувствами великодушія и искренняго доброжелательства къ Болгаріи, Государь Императоръ внялъ просьбѣ принца Фердинанда и Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства его командированіемъ въ Софію отъ Своего Имени, какъ свидѣтеля-воспріемника при совершеніи таинства мѵропомазанія надъ малолѣтнимъ сыномъ принца, свиты Его Императорскаго величества ген.-маіора графа Голенищева-Кутузова».

Наконецъ, 2 февраля въ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи представителя Русскаго Царя и многочисленныхъ представителей русскаго общества и печати, болгарскимъ экзархомъ Іосифомъ торжественно совершенъ «*обрядъ присоединенія*» четырехлѣтняго Бориса Кобургскаго «*къ церкви народа болгарскаго*», какъ осмотрительно сказано въ телеграммѣ Русскаго Государя.

А вслѣдъ за тѣмъ, съ предварительнаго, конечно, согласія Русскаго правительства, состоялось, по представленію Турціи, признаніе всѣми державами Фердинанда Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи.

Намъ понятны всеобщія въ Славянскомъ мірѣ ликованія по поводу совершившихся въ Болгаріи событій. Ликуютъ и русскіе, и болгары, и чехи, и весь остальной Славянскій міръ (за исключеніемъ галицкихъ поляковъ, которые всегда держатъ себя отъ остальныхъ славянъ особнякомъ)—потому, что Россія, казалось, отвернувшаяся отъ Болгаріи, опять раскрыла ей свое любвеобильное сердце, опять приняла ее въ свои могучія материнскія объятія.

Но вѣдь и въ годы отчужденія Болгарія никогда не выходила изъ памяти и сердца Россіи, и это отчужденіе было вынужденнымъ обстоятельствами и только наружнымъ. Немного раньше, немного позже примиреніе освободительницы съ освобожденной во всякомъ случаѣ состоялось бы, и оно было не за горами и не зависѣло отъ воли и поведенія Фердинанда. Итакъ, рѣшеніе его присоединить своего сына къ національной церкви Болгарскаго народа, — если этимъ именно рѣшеніемъ снискана имъ милость къ себѣ Русскаго Государя,—принесло всего болѣе пользы самому Фердинанду и его дому, такъ какъ только эта милость сдѣлала его изъ авантюриста законнымъ княземъ Болгаріи. При такомъ положеніи дѣла, чрезвычайно фальшиво и странно прозвучали для насъ слова Фердинанда къ болгарамъ о томъ, какую великую жертву принесъ онъ Болгаріи, въ лицѣ своего сына, присоединеніемъ его къ Болгарской церкви. Справедливо говоритъ по этому поводу г. *Н. Д.* въ «Гражданинѣ», что въ поступкѣ Кобургскаго нѣтъ доблести, ибо кто любитъ своихъ дѣтей, кто истинно вѣрующій, тотъ, ради земныхъ благъ, не станетъ крестить (или вообще переводить) своихъ дѣтей въ чужую вѣру, которую онъ самъ не исповѣдуетъ. Св. мученики шли на мученіе и казнь добровольно и вели на нихъ своихъ дѣтей, хотя могли за отступничество снискать себѣ и имъ большія выгоды. Между ними были и члены царскихъ семействъ (св. Александра, Екатерина и др.) Свою доблесть Кобургъ могъ бы проявить отказомъ отъ престола, въ виду предъявленныхъ ему болгарами требованій муропомазать сына, или же — *если бы онъ самъ, искренно, по убѣжденію*, перешелъ вмѣстѣ съ Борисомъ и вторымъ своимъ сыномъ въ Православіе *).

---

*) Мы передали не буквально слова г. Н. Д., а только его мысль, округливъ и развивъ ее нѣсколько отъ себя.

Но дѣло уже сдѣлано: Борисъ къ Болгарской народной церкви присоединенъ; Фердинандъ признанъ Россіей законнымъ княземъ Болгаріи; въ Софіи надъ домомъ русскаго дипломатическаго представителя снова гордо вѣетъ русскій флагъ...

Въ Софійскомъ соборѣ Фердинандъ, какъ оповѣстили телеграммы, во время обряда присоединенія Князя Бориса — *крестился по православному* и самъ подносилъ его къ Святой Чашѣ; съ представителями русской печати новый Болгарскій князь говорилъ, что онъ высоко цѣнитъ въ болгарахъ именно ихъ *славянское* самосознаніе. Если этотъ православный крестъ и Чаша и этотъ болгарскій и общеславянскій патріотизмъ, о которомъ говорилъ князь Фердинандъ, не пустые для него знаки и слова, а имѣютъ дѣйствительную для него цѣну и силу, то *за ними должны слѣдовать соотвѣтственныя имъ дѣла.*

Самымъ первымъ и настоятельнымъ изъ этихъ дѣлъ должны быть вмѣстѣ съ собственнымъ присоединеніемъ къ Православію заботы объ упорядоченіи положенія Болгарской народной церкви въ ряду другихъ церквей Православнаго Востока, — разумѣемъ устраненіе раскола ея съ Великою Константинопольскою Церковью. Если бы этого удалось ему, при содѣйствіи Русскаго свѣтскаго и духовнаго правительства, достигнуть, то это была бы дѣйствительно великая служба Болгаріи, царственный ей даръ, и не только ей, но и Россіи и всему Православному Востоку. Другая служба князя Фердинанда Болгаріи и Славянству будетъ въ томъ, если онъ и въ политикѣ не будетъ двоиться. Пусть не старается онъ вернуть себѣ расположеніе того Запада, который, по его словамъ, предалъ его анаѳемѣ! Анаѳема враговъ Православія и Славянства для него не опасна и вполнѣ естественна, если только самъ онъ искренно, не на словахъ, а на дѣлѣ, будетъ принадлежать Православію и Славянству.

Что касается России, то она желаетъ и требуетъ одного отъ Болгарскаго правительства, какъ и отъ правительствъ другихъ освобожденныхъ ею и родственныхъ ей по крови и по духу странъ, это—чтобы эти правительства честно оберегали духовную и матеріальную самостоятельность подвластнаго имъ народа, для чего въ вопросахъ внѣшней политики имъ необходимо неизмѣнно держаться Россіи, которая будетъ достаточно сильною имъ опорою для того, чтобы имъ не заискивать ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Римѣ, ни въ Лондонѣ.

Итакъ: мы радуемся возстановленію добрыхъ отношеній между Русскимъ Императорскимъ Правительствомъ и Болгаріей; въ искренность и преданность намъ Болгарскаго народа мы

всегда вѣрили и вѣримъ; но отъ князя Фердинанда и его правительства ждемъ доказательствъ искренности ихъ обращенія— въ дальнѣйшихъ ихъ дѣлахъ на пользу Болгаріи и во славу Православія и Славянства. Да будетъ!

«Русск. Бес.», февр. 1896 г.

Замѣтки.

I.

Въ политическомъ мірѣ въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ было два выдающихся событія, доставившихъ живую душевную радость русскимъ людямъ: одно въ близкой и единокровной намъ Болгаріи; другое въ далекой и, казалось бы, совершенно намъ чужой Абиссиніи.

И тутъ и тамъ радуетъ насъ, русскихъ людей—торжество народнаго дѣла надъ иноземнымъ насиліемъ и происками.

Какъ бы кто ни относился къ вольному или невольному присоединенію Фердинандомъ Кобургскимъ своего сына къ Болгарской Церкви—во всякомъ случаѣ это его дѣйствіе несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что недруги наши сознали свое безсиліе вести открытую противъ православія и противъ народнаго славянскаго начала борьбу въ родной намъ и освобожденной нами Болгаріи.

Еще болѣе яркое торжество народнаго дѣла представляетъ собою пораженіе итальянскаго войска абиссинцами. Въ этой побѣдѣ доблестнаго царя Менелика, обороняющаго свою родную землю и политическую независимость своего народа отъ лукаваго итальянскаго насилія и захвата; въ этомъ истребленіи почти безоружными, въ современномъ смыслѣ, абиссинцами превосходно вооруженныхъ итальянскихъ полчищъ; въ этомъ постыдномъ безоглядномъ бѣгствѣ итальянскаго главнокомандующаго Баратіери, очутившагося на другой день послѣ битвы чуть ли не за полтораста верстъ отъ мѣста боя: во всемъ этомъ мы, русскіе люди, видимъ нелицепріятный судъ Божій, торжество святой Его правды. Отъ всего сердца желаемъ мужественному христіанскому Абиссинскому народу и его доблестнымъ царю и вождямъ совершенно освободиться отъ лукаваго итальянскаго сосѣдства. Дай имъ Богъ рѣшимости и удачи!

«Русск. Бес.», мартъ 1896 г.

II.

12 октября состоялось по католическому обряду бракосочетаніе черногорской княжны Елены съ наслѣдникомъ итальянскаго престола. А передъ этимъ 9-го октября въ г. Барѣ въ церкви св. Николая княжна Елена отреклась отъ православія и произнесла католическій символъ вѣры, въ присутствіи, какъ оповѣстилъ телеграфъ, принца Генуэзскаго, принца Неаполитанскаго и министровъ итальянскихъ и *черногорскихъ*.

Вѣроотступничество дочери князя Черногорскаго—дѣло, конечно, ея личнаго расчета и совѣсти; но къ чему было при этой измѣнѣ преданіямъ и вѣрѣ отцовъ присутствовать *черногорскимъ министрамъ!* Вѣдь въ глазахъ черногорскаго народа, какъ и въ глазахъ всего православнаго славянства эта измѣна—дѣло во всякомъ случаѣ черное, обидное для народнаго славянскаго сознанія и чувства; такъ лучше было бы ему остаться совершенно частнымъ дѣломъ княжны Елены, и ни представителей православнаго княжества Черногоріи, ни даже членовъ княжескаго дома Петровичей-Нѣгошей при этомъ вѣроотступничествѣ не должно бы было быть. Вся заслуга и честь дома Петровичей-Нѣгошей въ томъ, что они были вѣрными дѣтьми и храбрыми защитниками православія, какъ отъ мусульманъ, такъ и отъ латынянъ. Если они этой своей славѣ измѣнили, то что у нихъ и отъ нихъ останется?

«Русск. Бес.», окт. 1896 г.

Значеніе сентябрскихъ торжествъ.

(Франко-Русская недѣля).

Въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ вниманіе всего европейскаго міра было обращено на посѣщеніе европейскихъ дворовъ Русскими Царемъ и Царицей. До Петра русскіе государи не ѣздили заграницу. Со времени же Петра и до нашихъ дней царствующіе государи и члены ихъ семействъ нерѣдко посѣщали иностранныя земли и иностранные дворы. Но ихъ поѣздки или имѣли совершенно частный характеръ, или совершались инкогнито или, наконецъ, имѣли цѣлью политическое свиданіе и соглашеніе съ нѣкоторыми изъ правителей сосѣднихъ преимущественно государствъ. Совершенно иной, свое-

образный, характеръ имѣла послѣдняя поѣздка Русскаго Государя.

На этотъ разъ поѣздка русской Императорской Четы заграницу имѣла значеніе оффиціальнаго визита ихъ европейскимъ коронованнымъ особамъ, съ которыми русскій императорскій домъ находится въ близкомъ сосѣдствѣ или родствѣ, а также президенту Французской Республики.

Посѣщеніе австрійскаго императора въ Вѣнѣ и германскаго въ Бреславлѣ было дѣломъ простой сосѣдской вѣжливости. Неудобно было бы проѣхать чрезъ ихъ владѣнія или мимо ихъ и не заѣхать съ визитомъ. Несмотря на почетную встрѣчу и пріемъ и заискивающія и даже льстивыя рѣчи, свиданіе въ Вѣнѣ и Бреславлѣ, надо думать, не имѣло и не будетъ имѣть никакихъ политическихъ послѣдствій въ смыслѣ опредѣленія направленія нашей будущей политики. Ибо, если для Австріи и Германіи сохраненіе нынѣшняго ихъ политическаго положенія и владѣній является основною заботою и цѣлью ихъ политики, то для насъ теперешнее политическое status представляется далеко неудовлетворительнымъ. Наши государственные люди, послѣ того, какъ политика наша при Императорѣ Александрѣ III вступила рѣшительно на національную дорогу, конечно, не могутъ ни на минуту забывать, что Австро-Венгрія владѣетъ и распоряжается тиранически и хищно русскими землями: Галичиною, Покутьемъ, Буковиною и Закарпатьемъ, населенными тремя съ половиною милліонами людей русскихъ и православныхъ по церковному преданію и обряду, хотя и числящихся невольно уніатами и получающихъ себѣ духовныхъ пастырей не отъ митрополита кіевскаго и *галицкаго*, а отъ римскаго папы. Дипломатія наша не можетъ забывать, что православными сербскими землями Босніею и Герцеговиной Австро-Венгрія овладѣла насильнически и обманомъ, войдя туда отъ имени турецкаго султана подъ предлогомъ водворенія тамъ порядка, вмѣсто котораго она внесла въ эти земли еще большую вѣроисповѣдную и племенную рознь, духовное растлѣніе и матеріальную нищету. И въ Германіи, создавшейся на славянскихъ костяхъ, и понынѣ есть еще сохранившія свое племенное самосознаніе славянскія земли а также есть у нея земли, насильственно отторгнутыя отъ союзной нынѣ съ нами Франціи; тѣ и другія ждутъ въ будущемъ своего избавленія, и не намъ, конечно, давать Германіи какое бы то ни было ручательство въ охраненіи для нея въ будущемъ нынѣшняго ея политическаго положенія.

Посѣщеніе Фреденсбурга и Бальморали было дѣломъ семейнымъ, хотя родственныя связи, соединяющія Датскій ко-

ролевскій съ Русскимъ императорскимъ домомъ, имѣютъ для Даніи и могутъ имѣть и для Россіи въ будущемъ не малое политическое значеніе. Что касается Англіи, то, хотя тамошняя печать и нѣкоторые политическіе дѣятели и заговорили во время пребыванія тамъ нашего Государя покаяннымъ тономъ о прежнихъ англійскихъ винахъ противъ Россіи и о необходимости сблизиться съ нею, хотя бы-то цѣною уступки намъ Константинополя, но отъ этихъ покаянныхъ разговоровъ до дѣйствительнаго покаянія Джона Буля и до возможности политическаго сближенія съ нимъ Россіи, надо думать, еще очень далеко. Сулить журавля въ небѣ, обѣщать другому то, чѣмъ самъ не обладаешь, какъ въ данномъ случаѣ—Константинополь, которымъ пока владѣютъ не англичане, а турки, и которымъ мы безъ помощи Англіи овладѣемъ, когда это намъ понадобится и придетъ тому время,—сулить Константинополь англичане находятъ для себя выгоднѣе и легче, чѣмъ поступиться синицею, которая, хотя тоже не имъ принадлежитъ, но которую они держатъ въ своихъ рукахъ,—разумѣемъ Египетъ и смежныя съ нимъ острова и страны. А между тѣмъ со времени берлинскаго конгресса обстоятельства и взгляды перемѣнились. Если тогда конечною цѣлью русскихъ желаній казался Царьградъ и Дарданеллы, то теперь политическій нашъ кругозоръ и практическія задачи нашей политики расширились. Намъ не только необходимо сдѣлаться полными и единственными хозяевами Чернаго моря и входовъ и выходовъ изъ него; но для насъ одинаково почти важно обезпечить себѣ отъ всякихъ случайностей постоянный безпрепятственный путь черезъ Суецъ и Бабъ-ель-Мандебъ. Нашему сердцу близки теперь не только Болгарія и Македонія, но и далекая Абиссинія; у насъ теперь крупные матеріальные интересы и намъ предстоятъ широкія политическія задачи на отдаленномъ азіатскомъ Востокѣ въ Желтомъ морѣ и на Великомъ Океанѣ. Итакъ, если Англія искренно ищетъ сближенія съ нами, то пусть откажется она не только отъ непринадлежащаго ей Константинополя, но и отъ самовольничанья въ Египтѣ и отъ экспедицій въ сопредѣльныя ему и Абиссиніи страны, отъ происковъ противъ насъ въ Японіи и отъ замысловъ насчетъ Арменіи. Благополучному для армянъ разрѣшенію армянскаго вопроса главная помѣха и препятствіе лежитъ именно въ отношеніи къ этому вопросу Англіи. Россія не можетъ не сострадать и не соболѣзновать несчастному христіанскому населенію Арменіи, переживавшему недавно а быть можетъ переживающему и сейчасъ такіе же ужасы и звѣрства, какіе въ 75—76 гг. переживали наши соплеменники Болгары. Но со-

гласиться на образованіе у себя подъ бокомъ самостоятельной или хотя бы только автономной Арменіи, въ которой номинально признавался бы сюзереномъ султанъ, а въ дѣйствительности хозяйничали и вели противъ насъ постоянныя происки англичане,—Россія, очевидно, не можетъ. Поэтому единственнымъ кореннымъ разрѣшеніемъ армянскаго вопроса было бы присоединеніе турецкой Арменіи къ Россіи. Итакъ, если дѣйствительно англичане хотятъ сблизиться съ нами и дѣйствительно желаютъ добра армянамъ, а не прикрываютъ заботою о нихъ желаніе создать новое себѣ поле для своихъ происковъ и козней противъ Россіи,—пусть предложатъ они Турціи уступить намъ Арменію для водворенія тамъ порядка: вѣдь содѣйствовали же они въ 1878 г. Австріи овладѣть съ этою цѣлью Босніей и Герцеговиной.

Конечною и несомнѣнно важнѣйшею въ политическомъ отношеніи цѣлью поѣздки Русской Императорской Четы была Франція. Пятидневное пребываніе Русскаго Государя и Государыни во Франціи, сопровождавшееся смотромъ морскихъ и военныхъ ея силъ въ Шербургѣ и Шалонѣ и ни съ чѣмъ несравнимымъ по радушію, великолѣпію и блеску пріемомъ въ Парижѣ и Версалѣ,—навсегда оставятъ глубокій слѣдъ и свѣтлое воспоминаніе въ сердцахъ не только Высокихъ Гостей и принимавшихъ ихъ радушныхъ хозяевъ, но также и въ народномъ сердцѣ Россіи и Франціи.

Всеобщее ликованіе въ Россіи и Франціи по поводу посѣщенія Русскимъ Государемъ этой страны безпримѣрно въ исторіи. Петербургъ не разъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ иноземныхъ государей и русскіе государи неоднократно посѣщали иностранныя и особенно сосѣднія владѣнія. Но во время самой великой дружбы, напримѣръ, Александра II съ Фридрихомъ Вильгельмомъ къ посѣщеніямъ русскимъ государемъ Берлина, какъ и къ пріѣзду къ намъ Вильгельма народъ и у насъ и въ Германіи относился совершенно безучастно. Почему же теперь, на этихъ дняхъ, ликовали всѣ французы, ликовали мы, русскіе, и вмѣстѣ съ нами ликовалъ весь Славянскій Міръ? Эта разница отношеній народа къ одинаковымъ по внѣшности событіямъ имѣетъ глубокую причину; объясняется она тѣмъ, что тогда при свиданіяхъ Александра II съ Вильгельмомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, встрѣчи государей обусловливались только ихъ личными политическими или династическими соображеніями и разсчетами; сердце же и умъ народный, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи, къ этимъ свиданіямъ и соглашеніямъ не только не лежали, но еще и чуяли и угадывали въ нихъ не малую невыгоду и опасность для

Россіи и остального Славянства. И это чутье и разсудокъ не обманывали насъ. Опутывая насъ тенетами то «Священнаго“, то „Трехъ-императорскаго“ союза, отпугивая насъ въ то же время отъ Франціи страшнымъ призракомъ ея республиканства,—нѣмцы ловко пользовались нашею силою и простотой для обдѣлыванія, въ ущербъ намъ, своихъ собственныхъ нѣмецкихъ и австрійскихъ дѣлъ; и если плодомъ довѣрчивой русской дружбы было для Пруссіи, по признанію самого императора Вильгельма,—разгромъ Франціи и Германское единство, а для Габсбурговъ—укрѣпленіе ихъ на колебавшемся подъ ними престолѣ и затѣмъ захватъ Босніи и Герцоговины, то послѣднимъ изъ горькихъ и самымъ горькимъ для насъ, русскихъ, плодомъ австрійской и нѣмецкой дружбы—былъ злополучный для насъ Берлинскій конгрессъ и Берлинскій договоръ.

Нынѣшнее свиданіе русскаго государя съ президентомъ французской республики Форомъ есть торжественное и гласное заявленіе на весь міръ того радостнаго для двухъ великихъ народовъ явленія, что Россія и Франція въ международныхъ дѣлахъ идутъ рука объ руку, что между ними существуетъ если не формальный союзный договоръ, то,—и это въ сущности еще важнѣе,—единство политическихъ цѣлей, доброе согласіе и готовность дѣйствовать сообща.

Для поддержанія былой дружбы съ нѣмцами и особенно съ Австріей приходилось постоянно жертвовать кровными русскими и вообще славянскими интересами. Дружба съ французами ни отъ нихъ ни отъ насъ не требуетъ унизительныхъ для народнаго достоинства жертвъ; напротивъ того, эта дружба обѣимъ странамъ можетъ принести только существенную выгоду. И законнымъ, естественнымъ плодомъ этой дружбы, мы твердо въ это вѣримъ, какъ вѣрятъ и французы,—будетъ возвращеніе и имъ, и намъ того, что было нѣкогда у нихъ отнято, а нами добровольно принесено на жертвенникъ нѣмецкой дружбы. Только г. Трачевскому въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» могло прійти въ голову по поводу парижскихъ торжествъ повести рѣчь о разоруженіи. Всѣ же зрячіе видятъ и понимаютъ, что Россія и Франція вступили въ союзъ между собой не для того, чтобы обмѣняться платоническими любезностями и вслѣдъ за тѣмъ перековать мечи на рала, а—для того, чтобы быть въ постоянной боевой готовности встрѣтить должнымъ образомъ постоянно угрожающій ихъ спокойствію и цѣлости «вооруженный народъ» съ его союзниками, и для того, наконецъ, чтобы въ вопросахъ международной міровой политики предписывать другимъ свою волю, а не отъ нихъ получать себѣ предписанія. Политическаго и военнаго союза Россіи съ Фран-

ціей давно требовало русское общественное и народное сознаніе и чувство. Впервые же громко и ясно высказалъ необходимость и указалъ цѣли этого союза незабвенный нашъ богатырь дѣломъ и мыслію—Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1882 г.,— какъ объ этомъ справедливо и очень кстати вспомнилъ на дняхъ извѣстный словенскій (словакъ) патріотъ и писатель Гурбанъ-Ваянскій въ передовой статьѣ своихъ «Народныхъ Новинъ».

Напомнимъ и мы читателямъ о чемъ говорилъ въ 1882 г. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ—словами одного стихотворенія, вызваннаго преждевременною и нечаянною его кончиною:

«Мы торжествуемъ здѣсь победу надъ врагами,
Сказалъ онъ на пиру сподвижникамъ-друзьямъ,
А братьевъ нашихъ горсть тѣснятъ враги толпами,
Винтовки цѣлятся въ сердца родныя намъ! [1]
Сжимаетъ сердце грусть... Но вѣрю я въ призванье
Народа русскаго, въ завѣтъ отцовъ святой!»
Когда же вызвала рѣчь эта бѣснованье
Въ нѣмецкомъ лагерѣ, тогда сказалъ герой
Славянскимъ юношамъ, его благодарившимъ
За чувства братскія и подвигъ боевой:
«Причина всѣмъ бѣдамъ, славянство истомившимъ,—
Онъ, общій ворогъ нашъ,—онъ, хищникъ вѣковой!
Его вы знаете: то—алчный нѣмецъ. Вами
Онъ хочетъ овладѣть и обезличить васъ,
Какъ обезличилъ насъ и властвовалъ надъ нами;
Ему служили мы. Но близокъ мести часъ:
Борьбы не миновать. Мы въ ней сойдемся съ вами
И побѣдимъ врага цѣною общихъ жертвъ»...

«Если, вспоминаетъ Гурбанъ Ваянскій, европейская печать, за здравицу на обѣдѣ въ годовщину взятія Геокъ-Тепе (12 янв.) поносила Скобелева, то послѣ парижской его рѣчи, обращенной къ славянской молодежи (18 февр.), она дошла до бѣлой горячки въ проявленіи ненависти, гнѣва, злобы и угрозъ. Въ этой рѣчи Скобелевъ прямо, открыто указалъ на непріятеля. Онъ высказалъ, что борьба славянства съ нѣметчиной неизбѣжна. А вслѣдъ за тѣмъ сотрудникамъ французской газеты «Вольтеръ» (Voltaire) онъ прибавилъ дословно слѣдующее: «Я вѣрю, что *спасеніе лежитъ въ союзѣ всѣхъ Славянъ съ Франціей*. Надо работать въ этомъ направленіи; *мы должны возстановить евро-*

[1]) Въ то время австрійцы усмиряли возставшихъ противъ нихъ герцеговинцевъ.

нейское равновѣсіе. Скоро будетъ здѣсь одна только сила—Германія. Но я надѣюсь на рѣшеніе, такъ страстно ожидаемое; надѣюсь именно на соединеніе французовъ и славянъ; *надѣюсь на русско-французскій союзъ».*

«*Такъ* не говорилъ дотолѣ ни одинъ изъ русскихъ политиковъ. Это были славянскія слова въ устахъ человѣка дѣла, въ устахъ доблестнаго витязя, прославившаго себя на кровавомъ бранномъ полѣ». «Тутъ источникъ, тутъ былъ первый зародышъ мысли о русско-французскомъ соглашеніи, когда еще русско-нѣмецкое пріятельство стояло «Thurmhoch» по словамъ самого Бисмарка».

Дальнѣйшимъ проявленіемъ той-же въ Россіи славянской мысли была знаменитая здравица покойнаго Государя Александра III «за князя Черногорскаго Николая, Моего единственнаго друга»,—такъ озадачившая европейскій дипломатическій міръ и такъ радостно отозвавшаяся во всѣхъ славянскихъ сердцахъ. Что князь Черногорскій былъ намъ другъ, это мы до здравицы знали; но изъ нея узнали мы, что мы избавились, наконецъ, отъ тѣхъ ложныхъ нашихъ друзей, чья дружба была намъ только во вредъ. Вскорѣ за тѣмъ радость избавленія отъ мнимыхъ друзей смѣнилась свѣтлыми празднествами Кронштадта и Тулона—радостью о пріобрѣтеніи, наконецъ, истиннаго союзника и друга. Наконецъ,—закончимъ наше обозрѣніе опять прекрасными словами Гурбана Ваянскаго: «въ наши дни мысль Скобелева получила полное осуществленіе,—мысль, жертвою которой онъ сталъ 25 іюня того же 1882 года». «Теперь, когда мудростію стараніемъ и непреклонною волею Александра III изъ зародыша развилось здоровое дитя, вырастающее не годами, а днями въ сильнаго витязя,—теперь когда сынъ, призванный преждевременною смертію отца на златой престолъ,—кладетъ послѣднюю печать на договорѣ двухъ великихъ народовъ,—вспомнить Бѣлаго генерала есть долгъ славянской признательности. Вѣчная и славная память великому богатырю, великому и славному мыслителю, а что всего важнѣе—великому и искреннѣйшему славянину нашего вѣка!»

«Русск. Бес.», окт. 1896 г. Перепечатано «Свѣтомъ».

Завѣтъ Мих. Дм. Скобелева

(† съ 24 на 25 іюня 1882 г.).

Россія, негодуй! Измѣною лукавой
Подстереженъ въ Москвѣ, палъ Бѣлый Витязь твой;
Твой грозный богатырь, весь міръ дивившій славой,
Твой лучшій гражданинъ,—твой Скобелевъ-герой!

Россія! Двѣсти лѣтъ подъ игомъ иноземцевъ
Въ несносной каторгѣ томится твой народъ.
Ты—въ кабалѣ у нихъ. Идетъ въ утробу нѣмцевъ
Весь тукъ твоей земли и весь народный потъ.

Твоей политикой, войсками и казною,
Всѣмъ нѣмцы вѣдаютъ, все подло продаютъ!
Что добываешь ты кровавою борьбою,
Они измѣною своимъ все выдаютъ.

И вотъ,—одинъ не рабъ изъ всѣхъ вверху стоящихъ,
— Одинъ нашъ Скобелевъ смѣлъ правду вслухъ сказать
О язвахъ, издавна жизнь русскую мертвящихъ,
— О томъ, гдѣ корень зла, и въ чемъ лѣкарствъ искать:

«Мы торжествуемъ здѣсь побѣду надъ врагами,
Сказалъ онъ на пиру сподвижникамъ-друзьямъ,
«А нашихъ братьевъ горсть тѣснятъ враги толпами,
«Винтовки цѣлятся въ сердца, родныя намъ!

«Сжимаетъ сердце грусть. Но вѣрю я въ призванье
«Народа Русскаго, въ завѣтъ отцовъ святой!...»
Когда же вызвала рѣчь эта бѣснованье
Въ нѣмецкомъ лагерѣ, тогда сказалъ герой

Славянскимъ юношамъ, его благодарившимъ
За чувства братскія и подвигъ боевой:
«Причина всѣмъ бѣдамъ, Славянство истомившимъ,
«—Онъ, общій ворогъ нашъ,—онъ, хищникъ вѣковой!

«—Его вы знаете: то—алчный Нѣмецъ. Вами
«Онъ хочетъ овладѣть и обезличить васъ,
«Какъ обезличилъ насъ и властвовалъ надъ нами;
«—Ему служили мы. Но близокъ мести часъ.

«Борьбы не миновать. Мы въ ней сойдемся съ вами
«И побѣдимъ врага цѣною общихъ жертвъ!»...
Но Нѣмецъ не дремалъ: нашъ вождь убитъ врагами!
У насъ, въ самой Москвѣ,—поруганъ! связанъ! мертвъ!

И нѣмцы тѣшатся побѣдою позорной:
«Ужь Скобелева нѣтъ! Ужь онъ не страшенъ намъ!»
И власти усыпить хотятъ насъ сказкой вздорной,
Что умеръ богатырь разрывомъ сердца,—самъ.

О, люди русскіе!—Не плачемъ, не вѣнками;
Но дѣломъ мы должны усопшаго почтить!
Завѣтъ его святой—быть дома господами,
Отъ нѣмца алчнаго себя освободить!

Прочь, нѣмцы, прочь! Царить довольно вамъ надъ нами!
Славянство—для Славянъ. Расплаты близокъ часъ!
— Мы расквитаемся тогда по русски съ вами
И изъ Земли родной съ корнями вырвемъ васъ!

Шувалово.
11 іюля 1881 г.,
въ Ольгинъ день.

Напечатано отъ словъ: «Мы торжествуемъ здѣсь...» и до словъ «И побѣдимъ врага цѣною общихъ жертвъ»,—въ «Русской Бесѣдѣ» 1896 г. за сентябрь, въ статьѣ «Значеніе сентябрскихъ торжествъ», перепечатанной также въ «Свѣтѣ».

Выраженіе «Нѣмецъ» употребляется въ этомъ стихотвореніи въ старорусскомъ или еще болѣе широкомъ значеніи — иноземцевъ и иноземныхъ началъ, насильничающихъ въ Россіи со временъ архинасильника Петра.

Сотрудникамъ и подписчикамъ „Русской Бесѣды“ и „Благовѣста“.

Сергѣю Ѳеодоровичу Шарапову, бывшему редактору-издателю «Русскаго Дѣла» и потомъ нашему сотруднику, разрѣшено безцензурное еженедѣльное изданіе «*Русскій Трудъ*». Въ виду этого, не желая дробить силы и дѣлить подписчиковъ, мы и не объявляли подписки на «Русскую Бесѣду» на 1897 годъ. Нижеподписавшійся никогда не считалъ журналистики своимъ призваніемъ и если принялъ на себя въ 1890 г. руководство «Благовѣстомъ», а потомъ возобновилъ и «Русскую Бесѣду», то лишь *по нуждѣ*, чтобы дать возможность людямъ одного съ нами стана высказываться печатно, ибо другаго повременнаго изданія чисто славянофильскаго, или русскаго народнаго направленія, въ то время не было. Теперь мы охотно уступаемъ мѣсто нашему собрату, болѣе насъ искушенному въ журнальномъ дѣлѣ и болѣе свободному для того, чтобы вести какъ слѣдуетъ срочное изданіе. Мы, однако же, только пріостанавливаемъ, но не прекращаемъ «Русскую Бесѣду» и «Благовѣстъ»: «Русскій Трудъ», какъ еженедѣльное изданіе,—скорѣе газета, нежели журналъ, и не можетъ замѣнить ихъ вполнѣ. Поэтому, если обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, мы, быть можетъ, возобновимъ ежемѣсячный выпускъ нашихъ изданій или же будемъ издавать время отъ времени подъ тѣми же заглавіями «Русская Бесѣда» и «Благовѣстъ» сборники съ статьями, которыя по своему объему и содержанію будутъ выходить изъ рамокъ еженедѣльнаго «Русскаго Труда».

А теперь приносимъ дорогимъ нашимъ сотрудникамъ и подписчикамъ нашу сердечную признательность за ихъ содѣйствіе и расположеніе и просимъ не порывать дружественной связи между нами и ими, созданной «Благовѣстомъ» и «Русскою Бесѣдой», несмотря на нѣкоторыя неисправности этихъ изданій.

«Русск. Бес.», дек. 1896 г.

Письмо къ редактору-издателю газеты „Русскій Трудъ".

«Богъ помочь, дорогой Сергѣй Ѳедоровичъ, Вамъ и Вашему новому изданію, о цѣляхъ и направленіи котораго достаточно внятно говорятъ русскому сердцу и уму и Ваша прежняя самоотверженная дѣятельность и самый заголовокъ новой газеты: «Русскій Трудъ»! Защита хозяйственной самостоятельности Россіи, свободы русскаго народнаго труда, русской промышленности и естественныхъ богатствъ Россіи, отъ эксплуатаціи, или, говоря болѣе понятнымъ языкомъ,—расхищенія ихъ иностранцами—такова задача, которой Вы преимущественно отдаете Ваши силы и которой, конечно, будетъ служить и газета «Русскій Трудъ». Что можетъ быть почтеннѣе, ближе, важнѣе этой задачи? Матеріальный гнетъ иноплеменниковъ, слѣдствіе духовнаго плѣна руководящихъ слоевъ русскаго общества у Запада, можетъ въ свою очередь повести къ общему духовному порабощенію (предзнаменованіе—штунда). Вѣдь даже самый безпощадный и суровый завоеватель не наложилъ-бы на Россію такой тяжелой дани, какою мы въ послѣдніе полвѣка сами обложили себя въ пользу иностранцевъ, обложили добровольно, безъ всякой дѣйствительной въ томъ нужды, въ силу только нравственной неустойчивости однихъ и поклоненія теоріямъ другихъ нашихъ дѣльцовъ и дѣятелей, заправлявшихъ экономическою жизнью и финансовою политикою Россіи.

Великій народъ, на которомъ Творецъ явилъ всю свою благость и щедроты, надѣливъ его красотою и силою тѣла и духа и обиліемъ всѣхъ благъ земныхъ; народъ трудолюбивый, воспріимчивый ко всякому искусству и труду, народъ съ свѣтлымъ разумомъ и здравымъ общественнымъ и государственнымъ смысломъ; народъ христіански-самоотверженный, охотно отдающій общему дѣлу свое достояніе и кровь; наконецъ, народъ владѣющій обширнѣйшею въ мірѣ житницею-страной, съ золотыми нѣдрами, текущею молокомъ и медомъ: нуждался ли, могъ-ли нуждаться этотъ богатырь и богачъ-народъ въ иностранномъ капиталѣ настолько, чтобы стать въ такую зависимость отъ этого капитала? А эта зависимость—налицо.

Питая и одѣвая тукомъ родной земли и своимъ трудомъ безчисленное множество чужихъ, содѣйствуя обогащенію и укрѣпленію ихъ политическаго могущества, видя ежедневный захватъ чужеземцами родной земли и ея богатствъ, народъ

нашъ самъ голоденъ, боленъ и нагъ до того, что начинаетъ мельчать и вырождаться! Что значитъ взятая Пруссаками съ Французовъ единовременная военная контрибуція въ милліардъ съ четвертью рублей сравнительно съ тою уймою процентовъ, какую мы ежегодно цѣлые полъ-вѣка платимъ иностранцамъ по однимъ только прямымъ заграничнымъ займамъ безъ надежды когда нибудь погасить этотъ долгъ! Таково положеніе, къ которому привело насъ слѣпое поклоненіе европейскимъ финансовымъ теоріямъ и любезное содѣйствіе еврейскихъ биржъ. Вы мужественно, хотя почти одиноко, боретесь противъ господства этихъ теорій въ Россіи, боретесь, не смущаясь тѣми невзгодами, которыя порою обрушивались за это на Васъ, — тѣмъ болѣе Вамъ чести. Помоги Вамъ Богъ!»

«Русск. Бес.» дек. 1896 г. и «Русскій Трудъ» в. 1, 19 янв. 1897 г.

Послѣсловіе къ Пушкинскимъ празднествамъ.

По поводу заканчивающихся торжествъ, посвященныхъ прославленію памяти Пушкина, умѣстно привести на память слова пророка Исаіи, которыя были потомъ повторены Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: «Приближаются ко Мнѣ эти люди устами и чтутъ Меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Всуе же чтутъ Меня».

Да не падетъ тяжесть этихъ словъ на наши головы по поводу пушкинскихъ празднествъ,—не ограничимся одними только возліяніями и изліяніями вина и хвалебныхъ словъ въ честь поминаемаго нами великаго нашего соотечественника; но то великое, что было въ немъ, и за что мы его теперь чтимъ и славимъ, — воспримемъ глубоко въ свои сердца и постараемся воплотить въ нашу русскую жизнь!

Что же было истинно великаго въ Пушкинѣ, и чему учатъ насъ его словесный подвигъ, страдальческая жизнь и безвременная кончина?

Несмотря на юношескія выходки и обмолвки, давшія поводъ нѣкоторымъ современникамъ Пушкина говорить о немъ, что онъ аѳей, т. е. безбожникъ,—Пушкинъ всегда носилъ въ своей груди Духа Божія, и въ безсмертныхъ своихъ твореніяхъ явилъ намъ высокій образецъ истинно христіанской свободы духа и служенія правдѣ Божіей.

Изстрадался и безвременно погибъ Пушкинъ отъ той лжи, которая разъѣдаетъ христіанскія по имени, но глубоко языческія по учрежденіямъ, нравамъ и дѣламъ человѣческія общества, изъ числа которыхъ не составляетъ, конечно, счастливаго исключенія и наше русское. Вотъ и теперь,—болѣе полвѣка спустя послѣ насильственной смерти Пушкина и Лермонтова—идетъ у насъ рьяная защита погубившаго ихъ безсмысленнаго и нечестиваго обычая—рѣшать личныя столкновенія и доказывать свою правоту не третейскимъ судомъ правдивой и разумной человѣческой совѣсти, а мѣткимъ выстрѣломъ или ловкимъ ударомъ стали.

Но этого мало: однимъ изъ защитниковъ этого нечестія на дняхъ печатно высказано, что Христовы завѣты годятся-де только про частный обиходъ, къ отношеніямъ же и установленіямъ общественнымъ они, будто бы, и непримѣнимы.

Но это вѣдь—лицемѣріе и кощунство; и то христіанское общество, въ которомъ подобные взгляды укоренятся и осилятъ, неминуемо погибнетъ, ибо «всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, падетъ».

Разладъ между христіанскимъ именемъ и отрицающими христіанство учрежденіями и дѣлами и есть истинная причина всѣхъ страданій, всего того зла, которыми терзается все христіанское человѣчество и нашъ родной народъ. Не по этой ли именно причинѣ всѣ открытія человѣческаго ума, всѣ успѣхи техническаго знанія, направленные къ облегченію человѣскаго труда, сугубо его порабощаютъ власти тунеяднаго золота, и въ изобилующей хлѣбомъ и всѣми естественными благами необъятной нашей странѣ милліоны производителей-тружениковъ изнуряются голодомъ, вырождаются и безвременно умираютъ.

И «нѣтъ другого имени подъ солнцемъ, которымъ можно спастись»,—не только въ будущей загробной жизни, но и здѣсь на землѣ установить довольство, миръ и благоволеніе,—«кромѣ Имени Іисусова»!

Приложить христіанство къ жизни государственной и общественной, освятить имъ не только нравы, но и самыя учрежденія и законы—такова задача наступающаго вѣка.

Положимъ же себѣ крѣпкій завѣтъ неуклонно служить словомъ и дѣломъ осуществленію этой великой задачи,—тогда не тщетно пройдутъ для насъ только-что пережитыя торжества, не суетны будутъ наши хвалы Пушкину.

Напечатано въ «Свѣтѣ» въ 1889 г.

Памяти Тертія Ивановича Филиппова.

Читано 10 февраля 1900 г. въ Союзѣ ревнителей русскаго слова.

«Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ».
Корине. I, 2, 11.

На мою долю выпала честь первому произнести въ этомъ собраніи слово о недавно отошедшемъ отъ насъ въ вѣчность Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ, которому, вмѣстѣ съ Л. Н. Модзалевскимъ, Союзъ ревнителей русскаго слова обязанъ своимъ возникновеніемъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ котораго происходили собранія учредителей Союза и выработанъ его уставъ.

Открывая первую, такимъ образомъ, общественную тризну по этомъ достославномъ русскомъ человѣкѣ, я не могу говорить о немъ по отношенію только къ нашему Союзу и его задачамъ и промолчать о другихъ сторонахъ его богато одаренной Богомъ личности, о другихъ его трудахъ во благо родного народа.

А какъ, по Писанію, никто не знаетъ такъ человѣка, какъ духъ человѣка, живущій въ немъ, то, чтобы воскресить предъ вами духовный образъ Тертія Ивановича, я буду свидѣтельствовать о немъ преимущественно его же собственными словами.

Глубокъ и любвеобиленъ былъ духъ этого человѣка, и разнообразна и многоплодна была его дѣятельность.

Это былъ прежде всего искренній, не по имени только, христіанинъ; и не мертва, но дѣятельна была вѣра его. Онъ непостыдно исповѣдывалъ ее и жилъ по ней; ею опредѣлялъ онъ свои отношенія и обязанности къ Церкви, къ государству, обществу и отдѣльнымъ людямъ.

Вотъ, въ 1854 г., слѣдовательно, въ началѣ своего почти полувѣкового жизненнаго подвига, учитель русскаго языка и словесности Первой московской гимназіи, Т. И. Филипповъ произноситъ въ торжественномъ собраніи гимназіи замѣчательную рѣчь «О началахъ русскаго воспитанія», въ которой онъ такъ впервые исповѣдалъ намъ свою задушевную мысль, свое твердое убѣжденіе въ томъ, что религія, и именно христіанство и православіе, есть единственно прочная и вѣрная основа истинно человѣческаго воспитанія и единственно вѣрное руко-

водящее начало жизни и для отдѣльнаго человѣка и для цѣлаго народа:

«Основаніемъ дѣлу воспитанія служитъ религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но въ ней находится единственное руководство и для нашего земного пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней пріуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсные предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности: онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако, благо человѣку и народу, который въ составѣ своей жизни отводитъ имъ принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей, духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренній міръ человѣка и благосостояніе общества.

«Мы знаемъ, что Западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусствъ, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ началъ жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя взамѣнъ отвергнутой имъ истины, все будетъ ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе человѣческаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастіе, безъ него онъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

«Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое Православною Церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по-необходимости, и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ

исключительной истины и чистоты своего ученія, православіе дорого Русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіи его исторіи... Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою!»

Т. И. Филипповъ

род. 24 декабря 1825 г. † 30 ноября 1899 г.

Но эта глубокая преданность православію и «похвала» имъ не имѣли въ Т. И. ничего общаго съ встрѣчающимися не рѣдко у насъ самомнѣніемъ и самохвальствомъ своею вѣрою, или съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ другимъ, хотя бы и уклонившимся отъ истины, исповѣданіямъ. Въ напечатанной имъ въ 1862 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьѣ «О несторіанахъ» Т. И., порицая наше собственное сонливое равнодушіе и бездѣйствіе, съ величайшимъ уваженіемъ и похвалою отзывается

о миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности на азіатскомъ Востокѣ протестантовъ американскихъ. «Во имя христіанской любви они распространяютъ между этими забытыми міромъ людьми свѣтъ знаній и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволенію самихъ несторіанъ». Съ такимъ же уваженіемъ и похвалой говоритъ онъ и о представителяхъ англиканской, т. н. «высокой церкви», о ихъ горячемъ участіи къ судьбѣ всѣхъ древнихъ неправославныхъ исповѣданій Востока и о глубокомъ изслѣдованіи ими писаній древнихъ отцовъ Церкви и вообще церковныхъ древностей. Не одобряя, наоборотъ, нетерпѣливую религіозную жадность латинскихъ миссіонеровъ, которую, скажемъ мы отъ себя, наши братья галичане такъ образно называютъ «душехватствомъ», Т. И. говоритъ, что такая «религіозная жадность должна быть чужда всякому, кто въ отношеніяхъ съ разномыслящими христіанами желалъ бы придти къ успѣшному и въ то же время достойному концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени, въ подобныхъ дѣлахъ неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непремѣнно полнаго и немедленнаго успѣха. Не малый успѣхъ слѣдуетъ видѣть и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбивыя и довѣрчивыя сношенія». Но осторожное отношеніе къ убѣжденіямъ иновѣрцевъ не должно переходить въ полное равнодушіе къ ихъ религіозному состоянію. «Мы далеки отъ ласкательства или ослѣпленія и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую, впрочемъ, имѣютъ нѣкоторыя члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно стоять въ ней и нѣтъ обязанности ходить съ ея благовѣствованіями по всему лицу земли». «Даръ истины и вѣры дается не для скупого храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто по судьбамъ Промысла еще не озаренъ ихъ свѣтомъ».

Въ 1882 г.—въ пору полнаго развитія своихъ душевныхъ силъ—вице-предсѣдатель Православнаго Палестинскаго общества Т. И. Филипповъ въ торжественномъ собраніи этого общества такъ осуждаетъ нашу лицемѣрную русскую косность въ дѣлахъ вѣры:

«Когда между нами возникаетъ разговоръ о духѣ латинской церкви, о ея непрерывной, ни на мигъ не успокоивающейся дѣятельности, направленной къ стяжанію душъ чуждой паствы, о чудесахъ самоотверженія, совершаемыхъ ея отрядами, разсылаемыми во всѣ концы міра, о вещественныхъ и умственныхъ благодѣяніяхъ, оказываемыхъ ими въ невѣдомыхъ никому

углахъ земного шара,—и когда рядомъ съ этой кипучей и одушевленной дѣятельностію сопоставляется наше спокойное и ничего намъ не стоющее бездѣйствіе: то мы обыкновенно выходимъ изъ затрудненій совершенно особеннымъ, самобытнымъ пріемомъ сужденія. Мы изобрѣли на этотъ случай свою теорію, которая учитъ, что пропаганда вовсе не свойственна духу Православной Церкви и въ кругъ нашихъ обязанностей вовсе и не входитъ, что съ насъ достаточно хранить, что имѣемъ, и не искать чужого, что тревожная дѣятельность латинской церкви объясняется свойственною всякому заблужденію и пороку склонностію умножать число своихъ послѣдователей.

«Уклоняя», такимъ образомъ, «сердце свое въ словеса лукавствія», чтобы въ нихъ обрѣсти мнимое оправданіе нашей лѣни, нашему равнодушію и нашей неумѣлости, мы не замѣчаемъ того, какъ мы оскорбляемъ честь и достоинство православнаго знамени. Кто же узнаетъ объ истинѣ, если хранители ея будутъ беречь ее только про себя?

«Вмѣсто того, чтобы пріискивать извиненія своему явному грѣху, исповѣдаемъ его мужественно и устремимся на его побѣду. Мы слишкомъ мало дорожимъ своимъ призваніемъ и любимъ болѣе украшаться имъ, какъ духовнымъ преимуществомъ и правомъ, чѣмъ исполнять сопряженныя съ нимъ великія и отвѣтственныя обязанности».

Въ томъ же 1882 году изданъ Тертіемъ Ивановичемъ первый сборникъ его статей, посвященныхъ современнымъ церковнымъ вопросамъ, и именно: греко-болгарской церковной распрѣ, или, какъ самъ онъ говоритъ, точнѣе опредѣляя свою мысль,—«болгарской церковной смутѣ», и—«нуждамъ единовѣрія». «Не побѣдити ищемъ», говоритъ онъ, въ эпиграфѣ къ этой книгѣ, словами Григорія Богослова, «но пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся». Этими словами какъ нельзя лучше опредѣлены цѣль и духъ посвященныхъ церковнымъ вопросамъ статей, которыя покойный Т. И. считалъ едва ли не важнѣйшимъ дѣломъ своей жизни. Не «побѣдить», т. е.— не мѣрами внѣшняго принужденія заставить смолкнуть церковныя несогласія, но справедливымъ разъясненіемъ истины и каноническимъ постановленіемъ единственно законной въ подобныхъ дѣлахъ власти Церковнаго Собора—надѣялся онъ достигнуть вожделѣннаго мира церковнаго—«пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся».

Наконецъ, уже на закатѣ своей жизни, въ 1896 г., въ предисловіи ко второму своему сборнику, самъ Т. И. такъ опредѣлилъ значеніе своихъ статей по церковнымъ вопросамъ,

на которыя, какъ мы уже упомянули, онъ смотрѣлъ, какъ на главный подвигъ своей жизни.

«Изданіе статей, помѣщенныхъ въ первой части этого сборника, было вызвано крайней нуждою въ возстановленіи поруганной истины и въ успокоеніи оскорбленныхъ церквей православнаго Востока.

«Первый взрывъ озлобленія противъ патріархіи въ русской печати послѣдовалъ въ 1858 г., когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появились статьи болгарина Даскалова, исполненныя яда и желчи и принятыя въ ту пору русскимъ общественнымъ мнѣніемъ на вѣру. Преступная легкость этого мнѣнія въ настоящее время, по исполненіи событій, является очевидною.

«Кого влекъ на судъ, этотъ странный прокуроръ?

—«Одну изъ святыхъ Божіихъ церквей, первенствующую по чести во всемъ православномъ мірѣ, Матерь церкви русской, воспитавшую ее, а черезъ нее и весь Русскій народъ въ тѣхъ священныхъ началахъ и преданіяхъ, коими донынѣ стоитъ и—при вѣрности имъ—будетъ впредь стоять твердо Русская земля: ту церковь, изъ лона которой вышли безсмертные солунскіе братья, просвѣтители всего славянскаго рода, усвоившіе нашему языку въ своемъ чудотворномъ переложеніи всю бездонную глубину церковной мудрости и великолѣпіе церковнаго творчества, къ которой за ея духовныя благодѣянія вся Русская земля—отъ Царя до поселянина—въ теченіе многихъ вѣковъ привыкла питать благоговѣніе, участіе къ ея страданіямъ и лишеніямъ, союзомъ съ которой, вмѣстѣ съ другими патріаршими престолами, охраняется и опредѣляется наша вѣрность православному исповѣданію.

«И вотъ такое высокое и священное учрежденіе, связанное съ нами нерушимыми узами единовѣрія и взаимныхъ благодѣяній, обреченное жить съ нами въ вѣчномъ духовномъ союзѣ, было позвано на судъ первымъ встрѣчнымъ, и мы постановили свой обвинительный надъ нимъ приговоръ, не позаботившись даже выслушать напередъ его объясненія и отвернувшись отъ нихъ, когда они были представлены.

«Мы и до сихъ поръ не можемъ еще вполнѣ освободиться отъ посѣянныхъ въ нашемъ умѣ предубѣжденій и не покидаемъ усвоенной нами злой и безстыдной привычки чернить клиръ единовѣрныхъ намъ церквей. Восхищая на себя судъ надъ братьями, которые, по опредѣленію Божію, прошли черезъ цѣлый рядъ вѣковъ тяжкаго рабства и, среди неизобразимыхъ злостраданій, умѣли соблюсти въ непорочной цѣлости врученный имъ священный залогъ вѣры, мы и донынѣ не стыдимся къ ихъ язвамъ прилагать новыя свѣжія раны, которыя, какъ

наносимыя братскою рукою, для нихъ во сто кратъ больнѣе тѣхъ, которыя наносятся имъ общими, ихъ и нашими, врагами.

«Печальное положеніе церковныхъ дѣлъ на православномъ Востокѣ не новость. Оно было издавна извѣстно всему Русскому народу, его благочестивымъ царямъ и іерархамъ; но имъ также были извѣстны и причины такого положенія, которое они старались въ мѣрѣ силъ своихъ облегчать и сочли бы смертнымъ грѣхомъ еще болѣе отягчать его «подло жестокими», по выраженію Хомякова, укоризнами.

«Въ оборону отъ этихъ оскорбленій изданный мною сборникъ принесъ, говорю съ увѣренностію и утѣшеніемъ, свою долю пользы: встревоженныя настроеніемъ значительной части нашей печати, восточныя церкви пришли въ покой, усмотрѣвъ въ моей книгѣ тѣ самыя понятія и чувства, коими украшалась еще недавно вся сплошь благочестивая Россія и на коихъ почивала надежда ихъ и нашего спасенія».

«Вопросъ, разсмотрѣнный въ чтеніяхъ «О нуждахъ единовѣрія», имѣетъ также чрезвычайно важное значеніе. Рѣшеніе его, предлагаемое мною, совпадаетъ съ намѣреніями русской церковной и государственной власти, которыя остались доселѣ безъ исполненія единственно вслѣдствіе невѣрнаго донесенія нашего константинопольскаго посольства о мнимо непріязненномъ расположеніи къ этому дѣлу восточныхъ православныхъ церквей.

«Извѣстно, что склонные къ миру съ Церковію старообрядцы, съ самаго начала своихъ примирительныхъ переговоровъ, еще во дни знаменитаго Никодима, просили о снятіи съ нихъ клятвъ 1667 г. чрезъ сношеніе съ четырьмя апостольскими престолами. Никогда не покидая надежды на удовлетвореніе этой духовной потребности, они неоднократно заявляли о ней церковной власти и въ 1864 г. еще разъ рѣшились обратиться къ Московскому Митрополиту Филарету съ просьбою объ исполненіи ихъ давнихъ чаяній. Великій іерархъ внялъ ихъ ходатайству и вошелъ по этому предмету съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ. «Если ихъ нельзя убѣдить логически, писалъ онъ, то не слѣдуетъ ли успокоить ихъ канонически?»

«Согласное съ его мыслію постановленіе Святѣйшаго Синода было Высочайше утверждено Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, который, принимая по сему случаю Московскихъ единовѣрцевъ, выразилъ передъ ними надежду, что православные патріархи не откажутъ Ему въ своемъ согласіи.

«Мои постоянныя и близкія сношенія съ православнымъ

Востокомъ дали мнѣ способъ убѣдиться въ томъ, что онъ не поставилъ бы никакого препятствія къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ единовѣрцевъ, и вотъ, опираясь на это твердое убѣжденіе и сознавая крайнюю необходимость для насъ самихъ выдти изъ угнетающихъ насъ противорѣчій, я рѣшился поднять вновь этотъ вопросъ, давно уже благопріятно нашею властію предрѣшенный, но остановленный въ своемъ теченіи случайнымъ прискорбнымъ недоумѣніемъ.

«Исполняя свой долгъ предъ Церковію, какъ я его разумѣлъ, я не усомнился принять на себя odium различныхъ подозрѣній и превратныхъ истолкованій не только моихъ мнѣній, но и самыхъ намѣреній, успокоивая себя свидѣтельствомъ своей совѣсти, «ея же ничтоже въ мірѣ нужднѣйше».

«По изданіи сборника, въ которомъ разъяснены столь важные, можно сказать, роковые вопросы, мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы на томъ и опочить».

И онъ теперь опочилъ въ сознаніи исполненнаго имъ въ отношеніи Церкви сыновняго долга, съ увѣренностью и утѣшеніемъ, что его трудъ принесъ свою долю пользы, что онъ содѣйствовалъ успокоенію Церкви; и мы знаемъ, что эти слова не были съ его стороны самообольщеніемъ, мы знаемъ это— и по тому высокому авторитету, которымъ пользуются церковныя сочиненія Т. И. Филиппова во всемъ православномъ мірѣ: и у православныхъ іерарховъ на богословскомъ по преимуществу Востокѣ, и въ простой, но крѣпкой духомъ, набожной и богословствующей средѣ нашихъ русскихъ единовѣрцевъ. Мы знаемъ это теперь и по той любви, съ какою напутствовали всѣ: и высокіе русскіе и восточные іерархи, и простые русскіе люди, единовѣрцы, этого раба Божія, этого «епитропа гроба Господня», Тертія въ вѣчность.

Но, хотя Т. И. опочилъ въ мирѣ съ своей совѣстью, а этого мира, по его же словамъ,—«ничтоже въ мірѣ нужднѣйше», однако, «терзаніямъ» его духа о разлученіи братіи, о печальномъ состояніи и неустройствѣ нашихъ церковныхъ дѣлъ не суждено было утолиться, ибо косность наша въ дѣлахъ вѣры доселѣ необорима.

Не буду долго останавливаться на отношеніяхъ Т. И. къ государству и на его служебныхъ передъ нимъ заслугахъ. Онѣ у всѣхъ, имѣвшихъ очи и уши, чтобы видѣть и слышать,— на памяти и на виду. Замѣчу только, что и въ этихъ, зачастую трудныхъ дѣлахъ, онъ, ополчаясь за правое дѣло, прислушивался только къ голосу своей христіанской совѣсти и

къ совѣтамъ тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалъ присутствіе той же вѣрующей совѣсти, и не справлялся съ числомъ и силами противоборствовавшихъ ему и потворствовавшихъ злу враговъ, вѣруя, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

Въ вопросахъ государственной и народной жизни Т. И. Филипповъ, по собственному его свидѣтельству, былъ сторонникомъ «охранительныхъ началъ». Обязанностью каждаго убѣжденнаго человѣка выходить на защиту этихъ началъ, побѣда коихъ недостаточно еще въ общественномъ сознаніи утверждена и обезпечена,—объясняетъ онъ, между прочимъ, изданіе второго своего сборника. «Обязанность эту», говоритъ онъ въ предисловіи къ этому сборнику, «я признаю во всей ея силѣ, и кто удостоитъ взглянуть въ издаваемую мною книгу, тотъ увидитъ, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ я служилъ этимъ началамъ неизмѣнно, въ свободѣ искренняго исповѣданія, и не тогда только, когда то было покойно и выгодно, но и въ самый разгаръ бѣшеныхъ противъ нихъ ополченій, когда борьбу съ ними вели не одни Чернышевскіе и Благосвѣтловы, но и разные Савлы, выжидавшіе лишь благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы объявить себя внезапно обращенными Павлами.

«И вотъ я предстою передъ моимъ благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателемъ, какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго. Считаю, однако, нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песъ. «Ни! но и худшій пса», сказалъ бы я такому охранителю, который своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣданіе.

«Я имѣю основаніе надѣяться, что даже недоброжелательно относящіеся къ моему направленію судьи не пожелаютъ обидѣть меня смѣшеніемъ съ такими охранителями, но, чтобы еще болѣе оберечь себя отъ опасности подобнаго смѣшенія, я укрылъ свои произведенія подъ сѣнь имени И. В. Кирѣевскаго. Это имя крѣпкій и надежный щитъ... Онъ былъ надо мной отъ дней моей юности, онъ осѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности.

«И если отъ юности до перваго псаломскаго предѣла жизни (котораго я уже достигъ), я оставался неизмѣнно вѣренъ своему образу мысли, то право на посвященіе моей книги непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго я могу счесть за мною. Могу съ тѣмъ вмѣстѣ выразить надежду, что вѣрность исповѣданію, котораго я держался всю жизнь, сохранится и до ея не очень уже далекаго конца».

И эта надежда остаться вѣрнымъ тому направленію, которое Т. И. называетъ охранительнымъ и которое мы, не обинуясь, назовемъ славянофильскимъ, въ первоначальномъ чистомъ его значеніи—направленія Хомякова, К. Аксакова, Самарина, Кирѣевскаго,—эта надежда пребывала съ нимъ неизмѣнно, и онъ не измѣнилъ ей.

«Есть охранитель, и охранитель», говоритъ онъ. Не къ охранителямъ, исполненнымъ зложелательства и проповѣдующимъ всяческую опричину и косность, принадлежалъ Т. И. Филипповъ.

Можно охранять драгоцѣнные историческіе національные преданія и завѣты и въ то же время въ нихъ самихъ черпать указанія и силу для движенія впередъ.

«Въ новизнахъ Твоего царствованія», говорятъ типичные представители охранительныхъ началъ, наши старовѣры, Императору Александру II, «наша старина намъ слышится». Не охранители ли историческихъ нашихъ началъ—славянофилы: Хомяковъ, Юр. Самаринъ, Н. Милютинъ и другіе сотрудники Т. И. Филиппова, по «Русской Бесѣдѣ» и прилагавшемуся къ ней «Сельскому Благоустройству,»—явились дѣятельнѣйшими сотрудниками Императора Александра II въ его вѣчно благословенномъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею.

Къ такимъ именно охранителямъ принадлежитъ и незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ. Охраняя то, что есть въ русской жизни дѣйствительно цѣннаго, онъ радовался всякой хорошей новизнѣ и готовъ былъ не только содѣйствовать, но первый двинуть впередъ всякое благое начинаніе.

Онъ первый широко открылъ двери подвѣдомственнаго ему правительственнаго учрежденія женскому труду, и едва ли не послѣднимъ значительнымъ его дѣломъ передъ кончиною были посланныя имъ Государственному Совѣту замѣчанія на первую главу проекта уголовнаго уложенія, гдѣ онъ рѣшительно высказался противъ оставленія въ числѣ уголовныхъ наказаній, даже за политическія преступленія, смертной казни.

«Если смертная казнь», говорится въ этихъ замѣчаніяхъ, «безполезна въ смыслѣ устрашенія и отклоненія отъ общихъ преступленій, не удерживая даже отъ мелкихъ кражъ у самой висѣлицы казнимыхъ за кражу,—то тѣмъ болѣе она не только недѣйствительна, но прямо вредна въ примѣненіи къ преступленіямъ государственнымъ, ибо въ однихъ случаяхъ она надѣваетъ на дѣйствительныхъ преступниковъ, въ глазахъ ихъ единомышленниковъ, вѣнецъ мученичества, а въ другихъ отымаетъ у самого же государства и у человѣчества преданнѣйшихъ добру слугъ.

«Смертная казнь Казеріо, убійцы Карно, не удержала его соплеменника Лукези отъ убійства Елисаветы австрійской. Послѣдній, какъ сообщили телеграммы, выразилъ даже сожалѣніе, что швейцарскій законъ, оставляя ему жизнь, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности показать примѣръ своимъ единомышленникамъ, какъ надо умирать. Достоевскій же былъ судимъ, какъ государственный преступникъ, и приговоренъ къ смерти, теперь же къ памяти его благоговѣйно относится не только русское общество, но и русская государственная власть: если бы онъ былъ казненъ, какая была бы это огромная потеря для Россіи! Голгоѳа—вѣчный укоръ и осужденіе смертной казни. Изъ трехъ на ней распятыхъ одинъ былъ Богочеловѣкъ, беззаконно осужденный, другой осужденъ былъ справедливо по дѣламъ своимъ, но нравственное его существо уже переродилось, и онъ во время совершенія надъ нимъ казни былъ праведникомъ, достойнымъ быть въ раю со Христомъ. И Моисей былъ политическимъ убійцей, и Савлъ—злодѣемъ, и по человѣческому суду они справедливо могли подвергнуться казни; но не была ли бы ихъ казнь величайшимъ злодѣяніемъ въ отношеніи всего человѣчества!

«Лучшія преданія отдаленнѣйшей русской старины, связанныя съ священною для Россіи памятью двухъ Владиміровъ:—Равноапостольнаго и Мономаха, побуждаютъ исключить изъ издаваемаго на порогѣ двадцатаго вѣка закона такую безполезную и противохристіанскую мѣру взысканія, какъ смертная казнь».

Перехожу отъ государственной къ общественной дѣятельности Т. И. Филиппова.

Въ 1872 году, еще студентомъ, я записался черезъ Влад. Ив. Ламанскаго въ члены Славянскаго общества, носившаго въ то время названіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета, и, кажется, въ первомъ же собраніи выступилъ съ заявленіемъ о необходимости устраивать чтенія и издавать мелкія книжки для ознакомленія русскаго общества и народа съ славянствомъ, о которомъ въ то время даже изъ лицъ, получившихъ среднее и высшее образованіе, рѣдко кто имѣлъ какое бы то ни было представленіе. Но мою несмѣлую, по свойственной мнѣ тогда застѣнчивости и незнакомству съ окружавшими меня людьми, рѣчь, въ самомъ ея началѣ, перебилъ какой-то сановный господинъ изъ сидѣвшихъ за покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ, заговорившій о другомъ. Но вотъ другой членъ общества, имѣвшій, какъ мнѣ тогда

казалось, въ своемъ лицѣ что-то ломоносовское, остановилъ перебившаго меня господина просьбою дать мнѣ досказать мою мысль, которую онъ находилъ заслуживающею вниманія. Этимъ моимъ заступникомъ былъ Т. И. Филипповъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ достопамятные дни славянскаго движенія, когда въ собраніяхъ Славянскаго комитета, вслѣдствіе нерѣшительной косности однихъ и нетерпѣливаго пыла другихъ, разыгрывались иногда, благодѣтельныя впрочемъ, бури, мнѣ приходилось иной разъ быть съ Т. И. на разныхъ сторонахъ. И вотъ однажды, какъ разъ послѣ такого столкновенія мнѣній, Т. И., не имѣя почему-то возможности придти въ слѣдующее собраніе, присылаетъ сказать, что онъ передаетъ мнѣ свой голосъ въ этомъ собраніи.

Оба эти случая, незначительные сами по себѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что не только въ такихъ важныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, какъ церковныя, но и всегда Т. И. внимательно и чутко относился къ искреннему движенію каждой души человѣческой и высоко цѣнилъ всякое свободное и искреннее мнѣніе, даже тогда, когда оно расходилось съ его собственнымъ.

Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ учредителей Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, до переѣзда же своего въ Петербургъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ такими основоположниками и отцами славянофильства, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, и руководилъ важнѣйшимъ изъ славянофильскихъ изданій—«Русскою Бесѣдою». Когда же на славянскомъ Югѣ разыгралась гроза, и для нашихъ Славянскихъ комитетовъ настала пора рѣшительно дѣйствовать, беря при этомъ на себя всю полноту отвѣтственности, такъ какъ приходилось дѣлать то, чего требовали общественный долгъ и чувство, но на что нельзя было просить разрѣшеній и указаній,—тогда стоявшее во главѣ Славянскаго комитета «Исполнительное присутствіе» сочло себя не въ силахъ справиться съ поставленной временемъ задачей и само отошло въ сторону, а на его мѣсто стала избранная въ сентябрѣ 1875 г. Общимъ собраніемъ «Коммиссія для сбора пожертвованій», которая, просуществовавъ 13 мѣсяцевъ, собрала на славянское дѣло болѣе милліона рублей, напечатала и разбросала по лицу всей земли Русской болѣе милліона листковъ разнаго содержанія и вида воззваній, накормила и одѣла тысячи несчастныхъ нашихъ братій за Балканами и Дунаемъ и выслала въ помощь имъ тысячи русскихъ добровольцевъ—вольныхъ ратниковъ за славянскую свободу. Словомъ: за годъ времени эта Коммиссія по сбору сдѣлала для славянскаго дѣла и русскаго самосознанія неизмѣримо больше, нежели Славянскіе комитеты и об-

щества, за все остальное время ихъ существованія, и, что особенно важно: она впервые призвала къ самоопредѣляющему и рѣшающему участію въ политическомъ событіи Русскій народъ послѣ двухвѣкового, полнаго, хотя и невольнаго, отчужденія его отъ всякой политики.

Дѣятельнѣйшимъ членомъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ этой, скажу не обинуясь, знаменитой Комиссіи по сбору былъ незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ, не побоявшійся и въ этомъ, какъ и въ церковномъ дѣлѣ, взять на себя odium всякаго рода подозрѣній и превратныхъ истолкованій, которымъ подвергалась Комиссія по сбору и ея предсѣдатель и со стороны органовъ петербургской печати, изъ которыхъ одни, какъ «Биржевыя Вѣдомости» (Полетики), или «Голосъ» (Краевскаго), враждебно относились вообще къ славянскому дѣлу, или къ тому направленію, какое оно тогда приняло, другіе—свора мелкой печати—сводили путемъ нападокъ на Комиссію чьи-то старые счеты съ однимъ изъ ея членовъ, заправлявшимъ прежде дѣлами одного клуба. Поводъ къ этой газетной травлѣ былъ данъ однимъ изъ членовъ избранной Славянскимъ обществомъ Ревизіонной комиссіи, напечатавшимъ и распространившимъ памфлетъ подъ видомъ свода ревизіонныхъ замѣчаній и своего особаго мнѣнія; другіе члены той же Ревизіонной комиссіи, видѣвшіе и знавшіе всю неосновательность и ложь этого памфлета, молчали. Комиссія по сбору съ честью вышла изъ этого тяжелаго испытанія, разобравъ слово за словомъ, строка за строкою и докладъ Ревизіонной комиссіи, и отдѣльное мнѣніе ея члена, и доказавъ полную несостоятельность всѣхъ содержавшихся въ нихъ укоризнъ и навѣтовъ. Но, по громадности и сложности дѣла, для составленія и напечатанія опроверженій потребовались мѣсяцы, въ теченіе которыхъ и ревизоры, и члены вернувшагося къ дѣламъ Исполнительнаго присутствія, съ новымъ предсѣдателемъ-княземъ,—молчаніемъ своимъ какъ бы подтверждали безпрепятственно разносившуюся печатью клевету, и это особенно было больно Тертію Ивановичу, объ этомъ съ горькимъ чувствомъ обиды онъ вспомнилъ какъ-то въ разговорѣ со мной еще въ прошломъ году, незадолго до своей кончины. Но odium грозилъ и съ другой стороны: онъ могъ ежечасно обрушиться на Комиссію по сбору и ея предсѣдателя сверху. Не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ славянскому движенію и дѣятельности нашихъ Славянскихъ комитетовъ Правительство тогда двоилось. Одни изъ сотрудниковъ Императора Александра II, какъ, напр., Абаза и Милютинъ, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ во главѣ, сочувствовали славянскому движенію, другіе близкіе къ Государю люди, едва

ли не большинство, относились враждебно и къ самому движенію, и къ участвовавшимъ въ немъ и до нѣкоторой степени руководившимъ имъ комитетамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были такіе могущественные въ то время люди, какъ министры: Горчаковъ, Валуевъ и начальникъ III Отдѣленія графъ Шуваловъ; самъ Императоръ Александръ II долгое время смотрѣлъ на славянское дѣло одинаково съ ними. И вотъ даже въ то время, когда наши мобилизованные полки стояли уже близъ границы, въ правительственныхъ кругахъ все еще держалась, трудно, впрочемъ, сказать на чемъ основанная, увѣренность, что войны не будетъ, и шла рѣчь о закрытіи Славянскихъ комитетовъ.

Для того, чтобы такъ бодро идти противъ этой волны во главѣ встрѣчнаго ей теченія, какъ шелъ Тертій Ивановичъ, требовалось большое гражданское мужество. При оцѣнкѣ этого его подвига не забудемъ и того, что въ то время Т. И. занималъ второстепенное, хотя и видное, служебное положеніе, что его непосредственный начальникъ А. С. Грейгъ неодобрительно относился къ участію Т. И. въ славянскомъ дѣлѣ, и что у него на рукахъ была семья, и онъ былъ въ сущности ничего не имѣвшимъ, кромѣ небольшого домика въ глухомъ уѣздномъ городѣ, бѣднякомъ, который жилъ однимъ двадцатымъ числомъ, за которое такъ любятъ корить нашего брата-чиновника нѣкоторые досужіе публицисты.

Но что же именно заставляло Т. И. въ то время такъ самоотверженно и такъ плодотворно служить славянскому дѣлу? Да не что иное, какъ его пламенная любовь къ свободѣ! А что онъ былъ истиннымъ другомъ свободы духа и жизни и глубоко понималъ значеніе политической и національной свободы для каждаго народа, во свидѣтельство тому приведемъ заключительныя слова упоминавшейся уже нами прекрасной его статьи «О несторіанахъ»:

«Большая часть нашего общества смотритъ съ предубѣжденіемъ на восточныхъ христіанъ, не только иновѣрныхъ, но и православныхъ. Ихъ невѣжество, хитрость, жадность къ деньгамъ и другіе пороки, которые отрицать было бы странно, внушаютъ намъ какое-то брезгливое отношеніе къ этимъ несчастнымъ народамъ и не находятъ на нашемъ слѣпомъ судѣ никакого оправданія, тогда какъ это оправданіе, по крайней мѣрѣ условное и относительное, само напрашивается на наше вниманіе. Эти народы рабы. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ указанныхъ нами пороковъ восточные племена причастны и по своей природѣ. Но сколько бы ни было въ нихъ природной склонности къ порокамъ, столь поражающимъ европейца, мы, именно мы, сами причастные еще многимъ восточнымъ

порокамъ, должны быть рузсудительнѣе въ своихъ порицаніяхъ и умѣрять наши неистовые вопли, которые могутъ обратиться на нашу собственную голову: вотъ, могутъ сказать про насъ, обрадовались, что нашли хуже себя.

«Главное же, мы не должны забывать, что восточные пороки порождаются, развиваются и поддерживаются рабствомъ. Вспомнимъ то, давно ли и нашему народу дарована благодать свободы, и не осталось ли на насъ самихъ слѣдовъ только-что уничтоженнаго рабства, безъ сравненія болѣе мягкаго и, слѣдовательно, менѣе растлѣвающаго, чѣмъ то, подъ игомъ котораго стонутъ наши восточные братья, не предвидя ему конца.

«Почтимъ же божественный даръ свободы глубокимъ и теплымъ сочувствіемъ къ менѣе насъ счастливымъ членамъ человѣческаго рода, которымъ суждено еще (Богъ знаетъ сколько лѣтъ) терпѣть унизительное и развращающее ярмо невольнаго порабощенія, и въ особенности щедрымъ и братолюбивымъ общеніемъ въ духовныхъ и вещественныхъ благахъ съ тѣми изъ нихъ, которые насъ ищутъ и которыхъ мы сами можемъ найти, чтобы протянуть имъ благодѣющую руку. Перестанемъ оскорблять и безъ того переполненныя скорбію сердца ихъ жестокими и преувеличенными укорами и устыдимся по крайней мѣрѣ великаго язычника, который, задолго до проповѣди Освободителя всѣхъ человѣковъ, своимъ всепостигающимъ геніемъ уразумѣлъ, что было бы неправедно однимъ и тѣмъ же судомъ судить свободнаго и раба:

«Половину доблести отнимаетъ Зевсъ у человѣка, когда его постигаетъ день рабства».

Кстати сказать, въ этой статьѣ, написанной въ 1862 году, Т. И. останавливаетъ свой прозорливый взглядъ на Абиссинію:

«Этотъ народъ», говоритъ онъ: «съ 8.000.000 населенія, имѣющій своего независимаго царя и исповѣдующій вѣру весьма близкую къ православной, конечно заслуживалъ бы нашего вниманія. Для предпріимчиваго русскаго путешественника мало, по нашему мнѣнію, болѣе заманчивыхъ задачъ, какъ посѣщеніе этого мало извѣстнаго и столь любопытнаго народа».

Но каковы были въ частности отношенія Т. И. къ братскимъ намъ народамъ славянскимъ? Не скрывалось ли тутъ за желаніемъ освободить небезкорыстное желаніе поглотить ихъ, «обратить въ русскую губернію»?

И на этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ намъ онъ самъ.

Въ 1869 году вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ, привѣтствуя пріѣхавшаго въ то время въ Россію и посѣтившаго Славянскій комитетъ Сербскаго Митрополита Михаила:

«Не явный ли это знакъ», говорилъ онъ, указывая на ту радость, съ которою повсемѣстно, отъ Кіева до Петербурга, принимали Сербскаго Владыку,—«что вся Русская земля, изъ края въ край, приступаетъ къ служенію великой идеѣ славянской взаимности, въ которой залогъ близкаго избавленія нашихъ братій и нашей собственной крѣпости и дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ путяхъ жизни? Правда, есть еще во тьмѣ гнѣздящіяся злыя силы, которыя рады были бы воспрепятствовать торжеству этой идеи, но близокъ часъ, когда въ конецъ сокрушатся ихъ «немощныя дерзости». Для насъ не тайна, что по всему юго-востоку Европы разсѣяны усердные служители враждебныхъ намъ властей и силъ, принимающіе на себя притворный образъ вашихъ друзей и ищущіе отвлечь васъ отъ природнаго союза съ нами, чтобы потомъ обратить васъ въ орудіе своихъ хищническихъ цѣлей. Безъ устали и безъ стыда они сѣютъ среди васъ разнообразныя клеветы на Россію, пугая васъ призракомъ нашего властолюбія. Предостереги же своихъ родичей отъ этихъ опасныхъ внушеній и не облѣнись повторять имъ, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ заботы о счастіи и свободѣ (безъ которой нѣтъ и счастія) нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что приписываемая намъ алчность къ поглощенію иныхъ народностей совершенно противна нашей природѣ, что мы не иначе, какъ съ трудными усиліями, рѣшаемся даже на необходимую оборону своихъ народныхъ правъ отъ посягательствъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ инородцевъ, которые безнаказанно шлютъ намъ вызовъ за вызовомъ.

«Это ли черты народа жаднаго и склоннаго къ захватамъ? Захваты дѣйствительно грозятъ вамъ, только не отъ насъ, а отъ того же клевещущаго на насъ Запада, приближающагося къ вамъ съ притворнымъ участіемъ—образомъ евангельскаго татя, который не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ и погубитъ. У насъ же одна о вас мысль и одно попеченіе: чтобы, по исполненіи временъ, когда Господу, въ рукѣ Котораго власть земли, угодно будетъ услышать воздыханія окованныхъ и возвратить плѣненіе людей своихъ,—всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлъ братень, и представили изъ себя союзъ мирныхъ, никому не угрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу».

Я сказалъ только о трехъ важныхъ сторонахъ дѣятельности Т. И. Филиппова, но остается еще много другихъ, быть можетъ, не менѣе важныхъ ея сторонъ. Слѣдовало бы сказать, и именно здѣсь, въ Союзѣ ревнителей русскаго слова, о взглядѣ его на задачи и способы и программы воспитанія, о значеніи въ дѣлѣ воспитанія церковно-славянскаго языка, о томъ, какъ глубоко зналъ Т. И. этотъ языкъ и особенно языкъ русскій, какъ проникновенно и вмѣстѣ художественно изъяснялъ онъ смыслъ отдѣльныхъ его рѣченій, напримѣръ, въ спорѣ съ Буслаевымъ —объ истолкованіи имъ слова «міръ», тождественнаго съ греческимъ «космосъ»,—какъ совмѣщающаго въ себѣ понятія мѣры, порядка и красоты; о глубокомъ знаніи имъ русской пѣсни и вообще народнаго творчества въ области звуковъ и слова, и о томъ, какъ много сдѣлано имъ для сохраненія уцѣлѣвшихъ еще драгоцѣнныхъ его остатковъ и слѣдовъ. Слѣдовало бы сказать о необыкновенной его отзывчивости на всякую обращенную къ нему просьбу о помощи, и особенно о той сильной поддержкѣ, какую оказывалъ онъ вдохновеннымъ труженикамъ, работавшимъ въ одномъ съ нимъ направленіи на пользу народной жизни и народнаго творчества. Кто, какъ не онъ, оказалъ могущественную поддержку В. В. Андрееву? Такъ же задушевно отнесся онъ и къ дѣлу трудовыхъ артелей Н. В. Левицкаго. Познакомленный мною съ нимъ въ началѣ лѣта прошлаго года, онъ готовился оказать такую же поддержку и артельному дѣлу, какая была оказана имъ народной музыкѣ и пѣснѣ.

Николай Васильевичъ Левитскій,

устроитель артелей.

Наконецъ, въ личныхъ моихъ воспоминаніяхъ и отношеніяхъ съ покойнымъ есть много гораздо болѣе значительнаго въ общественномъ отношеніи, нежели то, о чемъ было сказано выше; но о многомъ еще не настало время говорить.

Обо всёмъ этомъ и многомъ еще другомъ мною и навѣрно другими, болѣе меня въ томъ или другомъ дѣлѣ освѣдомленными, лицами будетъ сказано въ другой разъ. Теперь же за мною стоятъ еще другіе, ожидающіе вашего вниманія вѣтіи, и мнѣ пора уступить имъ мѣсто.

Закончу свою слабую дань признательности дорогому для меня и близкому мнѣ по духу человѣку приглашеніемъ почтить его память, не по иноземному обычаю простымъ «вставаніемъ», но крестнымъ знаменіемъ и молитвою:

Да упокоитъ Господь душу раба своего Тертія въ селеніяхъ праведныхъ и да сотворитъ ему вѣчную память!

Прибавленія.

I.

Привѣтъ мой Т. И. Филиппову въ день тридцатипятилѣтія его службы въ Государственномъ Контролѣ 10 февраля 1899 г.

Ваше Высокопревосходительство, всѣмъ намъ дорогой, любвеобильный и правдолюбивый Тертій Ивановичъ!

Не мнѣ говорить здѣсь о вашихъ обильныхъ заслугахъ передъ Церковью, государствомъ и народомъ,—о нихъ знаютъ далеко за предѣлами нашей контрольной семьи и не забудетъ потомство. Но примите отъ меня предъ лицомъ вашей контрольной дружины, въ этотъ знаменательный для Васъ и для нея день, нашъ сердечный привѣтъ и глубокую благодарность за то, что Вы въ вашихъ сотрудникахъ и подчиненныхъ цѣните не одну только служебную исполнительность, но прежде всего ихъ душу живу. Возлагая на насъ отвѣтственныя порученія, Вы не связываете насъ предвзятыми рѣшеніями, а оставляете намъ драгоцѣнную для насъ и для самого дѣла свободу защищать его такъ, какъ то повелѣваетъ намъ наша собственная мысль и совѣсть. За это уваженіе къ нашей человѣческой личности, къ свободѣ духа, примите нашу горячую благодарность и пожеланіе вамъ много и много лѣтъ жить и здравствовать и руководить нами!

II.

Начертаніе всеподданнѣйшей записки, сдѣланное мною для Т. И. Филиппова лѣтомъ 1899 года.

Упадокъ народнаго благосостоянія, доходящій до полной хозяйственной необезпеченности значительной части крестьянства, т. е. основной части населенія Россіи, занимающейся основнымъ въ ней промысломъ—земледѣліемъ, справедливо озабочиваетъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ Вашего Императорскаго Величества, обязанныхъ по прямому служебному долгу или просто по личному своему развитію и достатку пещись о благѣ государства и народа.

Но плодомъ этихъ заботъ являются нерѣдко предложенія и теоріи сомнительнаго научнаго достоинства и пагубныя по своимъ послѣдствіямъ, если-бы онѣ осуществились. Ибо въ нихъ, какъ на подлежащую устраненію причину народной бѣдности и плохого состоянія крестьянскаго хозяйства, указывается на драгоцѣннѣйшее, унаслѣдованное отъ предковъ, достояніе нашего народа—общину, которая, препятствуя обезземеленію народа, въ сущности одна только и задерживаетъ развитіе въ нашемъ отечествѣ народнаго пролетаріата со всѣми его опасными для Государства спутниками и послѣдствіями.

Нельзя однако отрицать того, что дробленіе земли на узкія полосы для отдѣльной ихъ обработки каждымъ крестьяниномъ-общинникомъ также, какъ и самые передѣлы ея, задерживаютъ до нѣкоторой степени усовершенствованіе земледѣльческаго хозяйства на общинныхъ земляхъ. Но эти недостатки вытекаютъ не изъ сущности общиннаго землевладѣнія и могутъ быть устранены дальнѣйшимъ развитіемъ общиннаго начала въ землепользованіи, что требуется теперь измѣнившимися условіями и самою техникою земледѣльческой промышленности—необходимостью переходить къ болѣе тщательной обработкѣ земли, примѣнять удобренія и земледѣльческія машины. Все это не по силамъ каждой отдѣльной крестьянской семьѣ, но вполнѣ доступно союзу тѣхъ же крестьянскихъ семействъ при общей обработкѣ принадлежащей имъ земли отдѣльными артелями или цѣлою общиною.

Замѣчательный по своимъ благимъ послѣдствіямъ опытъ помощи крестьянскому хозяйству мелкимъ кредитомъ и примѣненіемъ артельнаго начала былъ сдѣланъ частнымъ лицомъ—

присяжнымъ повѣреннымъ Николаемъ Левитскимъ въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Движимый христіанскимъ чувствомъ состраданія къ обнищавшимъ крестьянскимъ семействамъ, которыя не въ состояніи уже были вести отдѣльное свое хозяйство, онъ сталъ склонять ихъ къ общему веденію хозяйства на артельныхъ началахъ, соединяя ихъ по нѣсколько семействъ въ особые союзы составленнымъ имъ для сего артельнымъ договоромъ и выдавая имъ при этомъ на обзаведеніе рабочимъ скотомъ и необходимыми земледѣльческими орудіями небольшія ссуды—около 40 рублей на семью, съ условіемъ возврата ихъ равными долями въ пятилѣтній срокъ. Хотя родственное общинному артельное начало издавна присуще Русскому народу, но примѣненіе его къ основному народному промыслу—земледѣльческому явилось дѣломъ новымъ и встрѣтилось на первое время со многими затрудненіями. Главнѣйшимъ препятствіемъ, которое пришлось преодолѣть Левитскому при устройствѣ имъ земледѣльческихъ артелей было отсутствіе какъ у артельщиковъ, такъ и у самого Левитскаго необходимыхъ денежныхъ средствъ для заведенія артельнаго хозяйства и отсутствіе также мелкаго кредита людямъ, единственнымъ достояніемъ которыхъ является только ихъ способность къ труду. Починъ Левитскаго привлекъ однако же къ себѣ общественное вниманіе и помощь со стороны частныхъ лицъ. Императорское Вольное Экономическое Общество отпустило въ ссуду Левитскому на производство опытовъ съ земледѣльческими артелями 1250 рублей и учредило при III своемъ отдѣленіи особую Коммиссію для постояннаго наблюденія за ходомъ этого дѣла. Изъ частныхъ же лицъ отставной Генералъ-Лейтенантъ Навроцкій предоставилъ въ распоряженіе Левитскаго на ту же цѣль 10.000 рублей. Возникшія въ 1894 году въ Херсонской губерніи земледѣльческія артели вскорѣ обратили на себя вниманіе Херсонскаго Губернскаго Земства, выразившаго въ 1895 году благодарность ихъ учредителю. Въ 1896 году Коммиссіей, учрежденной вслѣдствіе постановленія Херсонскаго Губернскаго Земскаго Собранія 1895 года, произведено изслѣдованіе хозяйственнаго положенія соединившихся въ артельные союзы крестьянскихъ семействъ. Изъ всѣхъ 78 артелей, составившихся въ 1894, 1895 и въ началѣ 1896 года, было обслѣдовано 70; причемъ оказалось, что артели находились въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ для своей дѣятельности, испытывая недостатокъ въ оборотныхъ средствахъ, и самый составъ ихъ подвергался измѣненіямъ; тѣмъ не менѣе Коммисія, въ составъ которой вошла Губернская Земская

Управа, въ докладѣ Губернскому Земскому Собранію очередной сессіи 1896 года засвидѣтельствовала, что «сравненіе имущественнаго положенія артельщиковъ до поступленія въ артель съ тѣмъ, что они имѣютъ теперь, поражаетъ громадной разницей экономическаго благосостоянія. Правда, что все это куплено на занятыя деньги или взято въ кредитъ, но деньги реализованы всѣ на предметы, необходимые для правильнаго веденія хозяйства. Общее впечатлѣніе о затратахъ артельщиковъ изъ этихъ средствъ получается такое, что всѣ онѣ употреблены производительно и раціонально, даже и въ томъ случаѣ, когда затраты были сдѣланы на покупку пищевыхъ продуктовъ для прокормленія семействъ... Неудивительно, конечно, что нуждающіеся люди съ охотой приняли предложенныя имъ на выгодныхъ условіяхъ (за 6%) деньги; но удивительно то, что ни одна копѣйка изъ этихъ денегъ не употреблена непроизводительно. Удивительно также и то, что во всѣхъ артеляхъ новаго образованія видно сознательное и непреложное рѣшеніе производить слѣдующіе съ нихъ текущіе платежи въ срокъ, безъ стремленія къ обычному въ такихъ случаяхъ обновленію обязательствъ...

«Совокупность сказаннаго приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что обнаружившееся съ такою силою движеніе къ выходу изъ труднаго положенія среди крестьянъ двухъ уѣздовъ заслуживаетъ глубокаго вниманія со стороны земства и глубокой признательности къ тому, кто, побуждаясь чувствами братской любви, двинулъ его на свой собственный страхъ.»

Выслушавъ этотъ докладъ Херсонское Губернское Земское Собраніе въ засѣданіи 8 октября 1896 г. вторично постановило выразить Н. В. Левитскому благодарность за его дѣятельность на пользу экономическаго преуспѣянія населенія Херсонской губерніи и ассигновало ему 500 р. на расходы по поѣздкамъ. Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ отпустило земледѣльческимъ артелямъ, по ходатайству ихъ учредителя, сѣмянъ разныхъ травъ и огородныхъ растеній.

Въ настоящее время Предсѣдатель упомянутой Коммисіи при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ для наблюденія за артельной дѣятельностью Левитскаго свидѣтельствуетъ, на основаніи его отчетовъ, о слѣдующихъ итогахъ четырехлѣтней его дѣятельности на пользу народа:

За это сравнительно короткое время устроено было Левитскимъ въ 25 селахъ 120 артелей изъ 550 семействъ, состоящихъ изъ 3040 душъ обоего пола. Въ ссуды имъ роздано

всего 22.500 рублей. Улучшеніе же въ хозяйствѣ соединившихся въ артели крестьянскихъ семействъ выражается въ слѣдующемъ:

1. Рабочаго скота у всѣхъ крестьянскихъ семей до соединенія ихъ въ артели было 308 головъ, а нынѣ 909 головъ.

2. Стоимость живаго и мертваго инвентаря увеличилась съ 15.914 р. до 60.174 руб.

3. Площадь посѣва возросла съ 1664 десятинъ до 3025 десятинъ.

4. Площадь арендуемой земли увеличилась съ 152 десятинъ до 1093 десятинъ; до учрежденія же артелей крестьяне изъ своей надѣльной земли вынуждены были сдавать другимъ въ аренду 734 десятины.

5. Изъ полученныхъ въ ссуды 22.500 рублей уже возвращено по 1 января 1899 года 7200 руб.

и 6. Казенныя недоимки крестьянъ, составлявшія къ 1896 году 4498 руб., уменьшились до 1000 рублей.

Кромѣ улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ, артельная дѣятельность служитъ прекраснымъ средствомъ нравственнаго воспитанія народа, пріучая его къ дружной совмѣстной работѣ и постоянной чисто христіанской взаимопомощи.

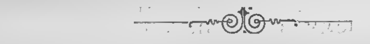
Въ виду успѣшной дѣятельности Левитскаго естественно возникла мысль учредить «Общество для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи», которое устройствомъ земледѣльческихъ и другихъ производительныхъ артелей содѣйствовало бы подъему производительности народнаго труда и улучшенію хозяйственнаго положенія трудящагося населенія. Если это Общество будетъ разрѣшено, то поставленная имъ себѣ широкая и святая задача можетъ привлечь въ его ряды и обратить на полезную для государства работу множество образованныхъ и благожелательно расположенныхъ къ народу людей, которые теперь за недоступностью для всѣхъ государственной службы, не знаютъ къ чему приложить свои силы. Безъ содѣйствія же живыхъ Общественныхъ силъ Правительство съ одними только оффиціальными органами на мѣстахъ не въ состояніи будетъ справиться съ выдвигаемою самою жизнью задачею— улучшенія народнаго хозяйства. Взаимодѣйствіе и общая съ народомъ работа просвѣщенныхъ и преданныхъ Государству и народу людей можетъ съ одной стороны поставить на ноги опустившійся имущественно и павшій духомъ народъ, а съ другой и саму образованность нашу, оторванную отъ національныхъ основъ, вернуть на единственно вѣрную народную и историческую дорогу.

Повергая приведенныя данныя и мысли на Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благовоззрѣніе, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать:

1. Не благоугодно-ли будетъ Вашему Императорскому Величеству одобрить милостивымъ Царскимъ словомъ безкорыстную службу дѣлу улучшенія народнаго хозяйства Присяжнаго Повѣреннаго Николая Левитскаго, а также намѣренія другихъ преданныхъ государству и народу людей составить общество для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи. Ваше Царское Слово, Государь, ободрило бы ихъ въ ихъ добромъ начинаніи и устранило бы всѣ тѣ мелкія, но трудно преодолимыя иногда препятствія, какія могутъ встрѣтиться на пути къ его осуществленію.

и 2. Всемилостивѣйше разрѣшить мнѣ войти въ сношеніе съ подлежащими Министрами по вопросу о томъ, какого рода содѣйствіе могло бы быть оказано Правительствомъ столь счастливо начатому Левитскимъ дѣлу устройства производительныхъ артелей.

Предположенный Тертіемъ Ивановичемъ докладъ Государю не состоялся, вслѣдствіе болѣзни и кончины Т. И. На ходатайство учредителей Общества для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи объ утвержденіи устава этого общества со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина въ томъ же 1899 г. послѣдовалъ отказъ. Уставъ этотъ утвержденъ въ 1905 г. и Общество открыло свои дѣйствія въ августѣ 1906 г.



О проектѣ Уголовнаго Уложенія.

Въ скоромъ времени долженъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ Уголовнаго Уложенія, составленный особою Высочайше учрежденною Комиссіей и измѣненный министромъ Юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ Комиссіи статсъ-секретаремъ д. т. с. Фришемъ.

Новое Уложеніе имѣетъ замѣнить собою дѣйствующіе теперь Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Исторія этого проекта вкратцѣ такова:

Еще въ 1875 году Императоръ Александръ II, обративъ вниманіе на происходившія въ Бельгійской палатѣ депутатовъ пренія по вопросу о наказуемости предложенія совершить преступленіе или принять въ немъ участіе, 18-го іюня того же года Высочайше повелѣть соизволилъ приступить къ об-

щему пересмотру Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и внести затѣмъ проектъ новаго Уложенія о наказаніяхъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министру Юстиціи повелѣно было озаботиться изготовленіемъ необходимаго для указанной цѣли матеріала, вслѣдствіе чего министерство циркуляромъ 14 августа того же года предложило чинамъ судебнаго вѣдомства доставить замѣчанія на дѣйствующіе Уложеніе и Уставъ. Высочайше утвержденнымъ 11 декабря 1879 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, состоявшимся по предположеніямъ особой Комиссіи Государственнаго Совѣта, бывшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота,—объ установленіи лѣстницы наказаній и о преобразованіи тюремной части,—преподаны основныя начала, которыя должныя были служить руководствомъ въ работахъ по преобразованію нашего уголовнаго законодательства, и затѣмъ по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретарей: главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собствен. Е. И. В. Канцеляріи князя Урусова и министра Юстиціи Набокова. 22 апрѣля 1881 г. Высочайше повелѣно учредить для составленія проекта новаго Уголовнаго Уложенія особый Комитетъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ теоріею уголовнаго права и судебною практикою, подъ ближайшимъ руководствомъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и министра Юстиціи, и образовать изъ состава означеннаго Комитета Редакціонную Комиссію, на которую и возложить начертаніе первоначальнаго проекта и объяснительной къ нему записки.

Въ составъ Редакціонной Комиссіи вошли: предсѣдателемъ статсъ-секретарь Фришъ и членами: тайные совѣтники Неклюдовъ, Таганцевъ, Розинъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Случевскій и Фойницкій и статскій совѣтникъ Лицкій; но, кромѣ членовъ Редакціонной Комиссіи, въ трудахъ ея по разработкѣ разнаго рода вопросовъ участвовали и другіе спеціалисты, какъ напримѣръ, при обсужденіи постановленій о пространствѣ дѣйствія Уложенія—непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, докторъ международнаго права тайный совѣтникъ Мартенсъ.

Составленію проекта новаго Уложенія предшествовало изданіе Министерствомъ Юстиціи въ 1880—1884 гг. «Матеріаловъ для пересмотра нашего уголовнаго законодательства». Въ это изданіе вошли: уголовныя уложенія Венгріи, Германіи, Бельгіи и Франціи и проектъ общей части итальянскаго уголовнаго уложенія (Т. 1), «Замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства на дѣйствующіе Уложеніе и Уставъ (Тт. II и III) и—«отечественной литературы» (Т. IV); «Системы распредѣленія пре-

ступныхъ дѣяній въ (иностранныхъ) наукѣ и законодательствахъ» (Т. V), «Дополнительныя узаконенія къ французскому и германскому уголовнымъ уложеніямъ» (Т. VII) и «Извлеченіе изъ иностранныхъ сочиненій по уголовному праву по вопросамъ, относящимся къ ученію о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще» (Т. VI).

Согласно одному изъ Высочайше утвержденныхъ 21 апрѣля 1884 г. основаній для составленія проекта Уголовнаго Уложенія, отдѣльныя части проекта, по мѣрѣ ихъ изготовленія, разсылались чинамъ судебныхъ мѣстъ, прокурорскаго надзора, присяжнымъ повѣреннымъ, юридическимъ факультетамъ русскихъ университетовъ и юридическимъ обществамъ, а также отдѣльнымъ спеціалистамъ по русскому уголовному праву,—съ просьбою о доставленіи замѣчаній. Съ тою же цѣлью проектъ въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ былъ сообщенъ извѣстнымъ криминалистамъ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи и Италіи. Поступившія вслѣдствіе этого въ Редакціонную Комиссію замѣчанія распредѣлены ею на восемь томовъ, изданные въ промежуткахъ времени съ 1884 г. по по 1894 г. въ тринадцати печатныхъ книгахъ. Законченный въ 1895 г. проектъ Уголовнаго Уложенія съ объяснительною къ нему запискою, составившею также восемь печатныхъ томовъ *), разосланъ въ іюнѣ того же года министромъ Юстиціи прочимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями съ просьбою доставить въ четырехмѣсячный срокъ заключенія по тѣмъ частямъ проекта, которыя затрогиваютъ ближайшимъ образомъ интересы каждаго даннаго вѣдомства; наконецъ, по полученіи заключеній проектъ подвергся измѣненіямъ по соглашенію министра Юстиціи съ предсѣдателемъ Редакціонной Комиссіи,—какъ обозначено на вышедшемъ въ нынѣшнемъ 1898 году послѣднемъ его изданіи, и внесенъ весною этого года въ Государственный Совѣтъ.

Такимъ образомъ работы по составленію новаго Уголовнаго Уложенія продолжаются уже около 20 лѣтъ. Отсутствіе спѣшности, широкая гласность и участіе въ руководствѣ дѣломъ составленія Уложенія такихъ выдающихся по юридическому образованію и опыту лицъ, какъ всѣ члены Редакціонной Комиссіи,—все это, казалось бы, служитъ достаточною порукою въ томъ, что въ новомъ Уложеніи Россія получитъ законъ, образцовый по системѣ и духу, содержанію и языку.

---

*) Въ 1898 г. напечатаны еще двѣ книги: Т. IX—Отзывы вѣдомствъ на проектъ Ред. Ком. и т. X—Представленіе въ Гос. Сов. министра Юстиціи и предсѣдателя Выс. Учр. Ред. Ком.

И, дѣйствительно, въ собранныхъ Редакціонною Комиссіею и министерствомъ Юстиціи отзывахъ на проектъ отъ отечественныхъ и иностранныхъ юристовъ-профессоровъ и практиковъ, и отъ другихъ вѣдомствъ, въ „общихъ ихъ замѣчаніяхъ", содержится столько похвалъ проекту, что, казалось бы, остается только пламенно желать скорѣйшаго его законодательнаго утвержденія.

Такъ, напр., чинами нѣкоторыхъ нашихъ судебныхъ учрежденій высказано: что проектъ не только «вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ и условіямъ жизни народа, на который можетъ распространяться его дѣйствіе», но и «всѣмъ требованіямъ современнаго человѣчества, какъ проникнутый началами гуманности и ставящій наказаннаго преступника не въ положеніе отвергнутаго парія, а, напротивъ, указывающій ему дорогу къ возвращенію себѣ прежняго положенія въ обществѣ и добраго имени»; одинъ изъ нашихъ университетскихъ профессоровъ выражаетъ радость по поводу того, «что въ общемъ итогѣ, проектъ стоитъ на высотѣ выработанныхъ современною европейскою жизнью и наукою началъ уголовнаго права, что редакторы отвергли тотъ казуистическій характеръ редакціи уголовныхъ законовъ, которымъ запечатлѣно дѣйствующее уложеніе не только въ особенной, но и въ общей своей части». Изъ иностранныхъ знаменитостей, мюнхенскій профессоръ Гейеръ заявляетъ, что «систематика проекта во всякомъ случаѣ болѣе удачна, нежели систематика извѣстныхъ ему въ Европѣ и внѣ Европы уголовныхъ кодексовъ»; другой мюнхенскій же профессоръ фонъ-Гольцендорфъ «не опасается встрѣтить съ чьей-либо стороны противорѣчія, утверждая, что мотивы къ проекту представляютъ замѣчательную по ясности, опредѣлительности и основательности работу, и что подобный трудъ можетъ лишь возвысить уваженіе къ представителямъ науки уголовнаго права въ Россіи»; по мнѣнію марбургскаго проф. фонъ-Листа, «проектъ представляетъ собою весьма важное произведеніе, которое послужитъ ко благу не одной только Россіи, являясь наиболѣе зрѣлымъ плодомъ науки уголовнаго права, онъ будетъ разсѣивать плодоносныя сѣмена все въ большемъ и большемъ пространствѣ» *).

Въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ заключеніяхъ на проектъ къ частнымъ замѣчаніямъ по предметамъ, затрогивающимъ интересы вѣдомствъ, присоединены также общіе похвальные отзывы о проектѣ, какъ о трудѣ «замѣчательномъ», а въ одномъ изъ заключеній высказано: «что теперь едва ли не впервые

*) Св. замѣч. I, стр. 1—3, 24—25.

съ той поры, какъ уголовная юстиція перестала быть частноправовой юстиціей общины-верви, въ Россіи осуществлена будетъ, съ утвержденіемъ проекта Уголовнаго Уложенія, историческая задача «создать—по словамъ Наказа Ком. по сост. Угол. Ул. 11 марта 1754 г.—законы ясные, всѣмъ понятные и настоящему времени приличные», идущіе къ исконной цѣли нашего законодательства—«всѣхъ тѣхъ, кои въ преступленіе впадаютъ, обратить къ чистому раскаянію больше милостію и увѣщаніемъ и надлежащимъ розысканіемъ по происшедшимъ въ разныя времена околичностямъ, нежели строгостями и наказаніями». По такимъ основаніямъ въ томъ же заключеніи признается «весьма желательнымъ внесеніе на законодательное уваженіе проекта Уг. Уложенія и введеніе сего Уложенія въ дѣйствіе вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующимъ (sic) условіямъ современной жизни» *).

Однако, приведенные похвальные отзывы о проектѣ, сколь они ни многочисленны и ни авторитетны, не составляютъ еще общаго о немъ сужденія.

Уже въ изданныхъ Редакціонною Комиссіей «общихъ замѣчаніяхъ» на проектъ, есть и расходящіеся съ хвалебнымъ хоромъ голоса. Такъ, напр.: варшавскій проф. Будзинскій замѣчаетъ, что при выработкѣ проекта слѣдовало бы «имѣть въ виду кромѣ законодательствъ германскаго и французскаго типа еще и другія законодательства, какъ, напр., замѣчательное во многихъ отношеніяхъ уложеніе бразильское 1831 г., нью-іоркское 1881 г. и прогрессивныхъ кантоновъ Швейцаріи... Послѣдніе кодексы замѣчательны ясностью, сжатостью и краткостью редакціи до того, что нѣкоторыя изъ этихъ уложеній, заключаютъ въ себѣ всего 114 статей». Тотъ же Будзинскій находитъ, что «какъ ни замѣчательны и интересны объясненія къ проекту, но они слишкомъ обширно изложены, такъ что многіе дѣльные практическіе юристы находятъ въ этомъ затрудненіе при изученіи проекта». Въ частныхъ замѣчаніяхъ разныхъ лицъ по отдѣльнымъ статьямъ проекта есть не мало указывающихъ на нецѣлесообразность нѣкоторыхъ опредѣленій проекта, и на несоотвѣтствіе ихъ положеніямъ науки, правосознанію современнаго образованнаго общества и соображеніямъ самой Редакціонной Комиссіи, изложеннымъ въ ея объясненіяхъ къ проекту. Лично намъ приходилось не разъ слышать совершенно уже неодобрительные отзывы, какъ о содержаніи, такъ и особенно объ изложеніи проекта въ частныхъ бесѣдахъ отъ лицъ, раньше насъ ознакомившихся съ

*) Т. IX объясненій къ проекту. Отзывы вѣдомствъ. Стр. 14.

проектомъ, и между прочимъ отъ лица, пользующагося не менѣе составителей проекта заслуженною славою глубокаго знатока права и притомъ великаго художника слова. Другое лицо, занимающее крупное положеніе въ министерствѣ Юстиціи, еще болѣе отрицательно отозвалось намъ о проектѣ, высказавъ, что проектъ настолько неудовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что для подробнаго изложенія его недостатковъ пришлось бы оторваться на цѣлый годъ отъ текущей служебной работы.

Столь противуположные отзывы весьма авторитетныхъ по своему положенію и знаніямъ лицъ объ обширной и долговременной законодательной работѣ, которая не сегодня-завтра должна стать дѣйствующимъ въ Росссіи на долгіе и долгіе годы закономъ, побудили насъ немногіе дни лѣтняго досуга посвятить ознакомленію съ проектомъ Уголовнаго Уложенія, и вотъ плодомъ этого знакомства, оставившаго въ насъ, увы! самое тяжелое и грустное впечатлѣніе, явились предлагаемые ниже общему вниманію замѣтки.

* * *

Недостатки дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, побудившіе законодательную власть признать необходимость составленія новаго Уголовнаго Уложенія, указаны въ объясненіяхъ статсъ-секретаря Фриша, данныхъ имъ въ качествѣ товарища-министра Юстиціи въ 1879 г. въ засѣданіи Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи упомянутыхъ выше предположеній Комиссіи статсъ-секретаря Грота, а также во всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретарей князя Урусова и Набокова 22 апрѣля 1881 г. и въ замѣчаніяхъ чиновъ судебнаго вѣдомства и представителей отечественной науки, помѣщенныхъ въ тт. II, III и IV изданныхъ м-вомъ Юстиціи «Матеріаловъ». Всѣ эти указанія недостатковъ дѣйствующаго Уложенія вкратцѣ могутъ быть сведены къ слѣдующему: дѣйствующее Уложеніе есть собственно не уложеніе, а *сводъ* законовъ, изданныхъ въ разное время: въ него вошли статьи изъ Уложенія 1649 г. и изъ Воинскихъ Артикуловъ и постановленія временъ Екатерины, Павла и Александра I. Какъ сводъ законовъ, отдѣльныхъ приговоровъ и постановленій, Уложеніе страдаетъ отсутствіемъ цѣльной теоретической идеи. Положенная въ основаніе этого Уложенія система наказаній въ дѣйствительности неосуществима и не соотвѣтствуетъ измѣнившимся условіямъ русской жизни, порядкамъ правосудія, созданнымъ Судебными Уставами Императора Александра II, и духу времени. Къ этимъ

недостаткамъ присоединяются: искусственность системы, недостатокъ общихъ опредѣленій, чрезвычайная казуистичность и, какъ слѣдствіе того и другого, чрезмѣрное число статей и вмѣстѣ неполнота, неудовлетворительность и недостаточная опредѣленность терминовъ и, наконецъ, тяжелая, не всегда удобопонятная по своимъ грамматическимъ оборотамъ рѣчь, недостатокъ ясности и простоты въ изложеніи.

Эти недостатки дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, конечно, весьма существенны и обусловливаютъ собою необходимость изданія новаго, свободнаго отъ нихъ закона. Но свободенъ ли отъ всѣхъ этихъ недостатковъ разсматриваемый проектъ Уголовнаго Уложенія, или по крайней мѣрѣ имѣетъ ли онъ въ этомъ отношеніи какія-либо преимущества передъ дѣйствующимъ закономъ?

Къ глубокому прискорбію, внимательное ознакомленіе съ проектомъ приводитъ къ отрицательному отвѣту на поставленные нами вопросы.

Останавливаясь прежде всего на внѣшней сторонѣ проекта, на распредѣленіи содержащихся въ немъ постановленій по статьямъ, отдѣленіямъ и главамъ, мы не находимъ въ этомъ распредѣленіи цѣльной, выдержанной системы.

Въ самомъ дѣлѣ: проектъ разбитъ на 35 главъ. *Глава первая* проекта, озаглавленная «*О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще*», содержитъ въ себѣ общую часть Уложенія, и подраздѣлена на восемь отдѣленій. Соотвѣтственно этому *глава вторая* должна бы обнимать собою всю особенную часть и подраздѣляться на отдѣленія соотвѣтственно отдѣльнымъ видамъ—употребимъ терминъ проекта—«преступныхъ дѣяній». А между тѣмъ за первой главой, обнимающей всю общую часть, непосредственно слѣдуютъ тридцать четыре главы, изъ которыхъ каждая, по мысли составителей проекта, вѣроятно, должна обнимать собою отдѣльный родъ «преступныхъ дѣяній». Далѣе, *глава первая*, какъ уже сказано, озаглавлена: «*О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще*», а отдѣленіе второе этой главы говоритъ о *пространствѣ дѣйствія Уголовнаго Уложенія*, что не подходитъ подъ содержаніе главы, объявленное ея заголовкомъ.

Просматривая заголовки остальныхъ, начиная отъ II и до XXXV главъ, удивляешься разнообразію тѣхъ пріемовъ рѣчи, какими пользуются составители проекта для обозначенія содержанія той или другой главы. Такъ: Глава II озаглавлена *Посягательства на ограждающіе вѣру законы;* заголовки слѣдующихъ шести главъ (III—VIII) не упоминаютъ ни о посягательствѣ, ни о законахъ, а прямо обозначаютъ видовое или родо-

вое название того преступленія, о которомъ въ данной главѣ идетъ рѣчь, какъ напримѣръ: Гл. III—*Мятежъ*, Гл. IV—*Измѣна*, Гл. VI—*Смута;* или обозначаютъ то же, но описательно, нѣсколькими словами: Гл. V—*Оскорбленіе Величества и преступныя дѣянія противъ Членовъ Императорскаго Дома*, Гл. VII. — *Противодѣйствіе и оскорбленіе власти*, Гл. VIII. — *Противодѣйствіе правосудію;* затѣмъ Главы IX—XVII носятъ названія *Неисполненіе законовъ и законныхъ постановленій* о томъ-то или ограждающихъ то-то; Глава XVIII опять *Посягательства*, но уже не на законы (какъ въ главѣ II); ограждающія и т. д., а прямо: *на союзъ семейный;* Глава XIX опять просто *Подлогъ*, Глава XX—*Лишеніе жизни*, Глава XXI *Тѣлесное поврежденіе и насиліе надъ личностью*, Глава XXII — *Поединокъ*, Гл. XXIII. *Оставленіе въ опасности;* глава XXIV — опять новый способъ выраженія: *Преступныя дѣянія противъ личной свободы* (Почему — не «посягательства на личную свободу» или не «посягательства на законы, ограждающіе личную свободу», какъ было выше въ гл. II и XVII? Или, наоборотъ, почему тамъ «посягательства», а не «преступныя дѣянія противъ вѣры и противъ семейнаго союза», какъ здѣсь?); Гл. XXV — *Непотребство*, Гл. XXVI — *Оскорбленіе* (чего?) Гл. XXVII — *Оглашеніе тайнъ*, Гл. XXVIII.—*Поврежденіе имущества, путей сообщенія, знаковъ* (?) *или иныхъ* (?!) *предметовъ*, Гл. XXIX — *Необъявленіе о находкѣ, присвоеніе чужого имущества и злоупотребленіе довѣріемъ*, Гл. XXX. — *Воровство, разбой и вымогательство*, Гл. XXXI—*Мошенничество*, Гл. XXXII. — *Банкротство, ростовщичество и иные случаи наказуемой недобросовѣстности по* (?!) *имуществу*, Гл. XXXIII — опять «*Преступныя дѣянія противъ авторскаго права*, Гл. XXXIV. — *Самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ* и, наконецъ, Гл. XXXV.—*Преступныя дѣянія по службѣ государственной и общественной.*

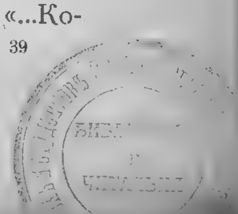
Уже одинъ этотъ перечень заголовковъ проекта обнаруживаетъ полный произволъ въ распредѣленіи содержанія его по отдѣльнымъ главамъ и въ размѣщеніи этихъ главъ. Читая же самыя статьи проекта, сплошь и рядомъ видишь неправильное или произвольное отнесеніе ихъ въ ту или другую главу, или разнесеніе совершенно однородныхъ статей по разнымъ главамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могли бы быть слиты въ одну. Такъ, напримѣръ, о преступленіяхъ противъ Верховной власти говорится въ главахъ III, V и VI; съ другой стороны, въ этихъ главахъ есть статьи, которыя съ полнымъ основаніемъ можно было бы перенести въ иную главу; такъ, напримѣръ, въ главѣ III—о мятежѣ—помѣщено «посягательство на отторженіе (sic) отъ Россіи какой-либо ея части» (п. 3 ст. 84),

хотя этому преступленію болѣе подходящее мѣсто было бы въ гл. IV — объ измѣнѣ, гдѣ въ ст. 96, п. 2 предусматривается также преданіе иностранному государству части россійской земли.

Мы не разбираемъ пока содержанія отдѣльныхъ главъ проекта, а указываемъ лишь бѣгло примѣры безсистемнаго распредѣленія статей. Далѣе: почему, напримѣръ, противодѣйствіе власти и противодѣйствіе правосудію отнесены къ разнымъ главамъ (VII и VIII), такъ же, какъ насиліе надъ личностью и преступленія противъ личной свободы (XXI и XXIV)? Почему воровство помѣщено въ одну главу съ вымогательствомъ и разбоемъ (XXX), а мошенничество выдѣлено въ особую главу (XXXI)? Почему не всѣ они вмѣстѣ въ одной главѣ, или воровство и мошенничество въ одной, а разбой и вымогательство—въ другой. Почему сбиты вмѣстѣ въ одну главу такіе разнородные преступленія и проступки, какъ поврежденіе имущества, путей сообщенія, знаковъ (?) и иныхъ (?!) предметовъ (XXVIII)? или необъявленіе о находкѣ и злоупотребленіе довѣріемъ (XXIX)? Почему глава о подлогѣ (XIX), преступленіи, направленномъ всего чаще противъ имущественныхъ правъ, помѣщена между посягательствомъ на семейный союзъ (XVIII) и лишеніемъ жизни (XX)? Наконецъ, отчего главы (IX—XVII), въ которыхъ говорится о нарушеніяхъ разныхъ законовъ и законныхъ постановленій власти, большая часть которыхъ имѣетъ значеніе полицейскихъ предписаній, помѣщены выше такихъ правонарушеній, какъ лишеніе жизни или посягательство на семейный союзъ, а преступленія по государственной службѣ,—одни изъ наиболѣе важныхъ и вредныхъ для общества,—отнесены въ послѣднюю (XXXV) главу проекта?

Въ *объясненіяхъ* къ проекту не приведено основаній избраннаго его составителями порядка размѣщенія его содержанія по главамъ. Этого недостатка въ *Объясненіяхъ* не восполняетъ и томъ V *Матеріаловъ*, — *Системы распредѣленія преступныхъ дѣяній* — въ которомъ помѣщены выдержки изъ 8 иностранныхъ учебниковъ уголовнаго права и взяты изъ этихъ учебниковъ и нѣкоторыхъ кодексовъ 14 схематическихъ таблицъ,—ибо: ко всѣмъ этимъ системамъ и таблицамъ вполнѣ примѣнима поговорка, что «у всякаго барона своя фантазія», такъ какъ каждая изъ нихъ на свой образецъ и служитъ какъ бы отрицаніемъ остальныхъ.

Впрочемъ, въ IV т. *Объясненій* къ проекту, на страницѣ 51, по поводу преступленій противъ вѣры (гл. XVIII проекта въ изданіи 1895 г. и глава II въ изданіи 1898 г.—«Посягательства на ограждающіе вѣру законы») высказано слѣдующее: «...Ко-



миссія полагаетъ, что... вопросъ о помѣщеніи посвященной этимъ посягательствамъ главы въ томъ или другомъ мѣстѣ Уложенія не имѣетъ особенно существеннаго значенія, такъ какъ, разумѣется, не мѣсто, отведенное извѣстной группѣ преступленій среди другихъ правонарушеній, опредѣляетъ сравнительное значеніе того интереса, который охраняется въ данныхъ постановленіяхъ Уложенія, а значеніе его опредѣляется самымъ родомъ сего интереса и характерными особенностями онаго. Останавливаясь на ближайшемъ опредѣленіи мѣста карательныхъ о религіозныхъ посягательствахъ правилъ, комиссія приняла на видъ, что еще при составленіи Уложенія 1845 г., редакторы его приходили къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Вникая въ существо каждаго преступленія въ особенности, а равно въ существо гражданскихъ отношеній, преступленіемъ нарушаемыхъ, мы находимъ въ нихъ именно три главные разряда, совершенно другъ отъ друга отличные. Къ первому принадлежатъ такія преступленія, коими посягается на права государственной власти и установленныхъ ею властей; ко второй такія, кои, не бывъ прямо направлены ни противъ власти, ни противъ частныхъ лицъ, расторгаютъ узы совокупнаго разныхъ лицъ въ гражданскомъ обществѣ существованія, къ третьей, наконецъ, относятся тѣ, коими нарушаются права частныхъ лицъ». *Признавая такую группировку отдѣльныхъ родовъ преступленій въ основныхъ своихъ чертахъ вѣрною,* Редакціонная Комиссія находитъ, что, въ виду значенія религіи и Церкви въ современномъ государствѣ вообще, и въ Россіи въ особенности посягательства на оныя должны быть причислены ко второй изъ означенныхъ категорій». Но, какъ видно изъ приведеннаго выше перечня главъ проекта, сама комиссія далеко не вполнѣ соблюла ту группировку преступленій, которую въ только-что приведенномъ объясненіи она признаетъ въ основныхъ чертахъ вѣрною; такъ: преступленія по службѣ отнесены ею въ самый конецъ проекта. Относительно же преступленій противъ вѣры и Церкви объясненія комиссіи признаны недостаточно убѣдительными св. Синодомъ, предложившимъ, въ виду важности содержащихся въ этой главѣ опредѣленій, поставить ее на первое мѣсто особенной части проекта, вслѣдствіе чего въ послѣднемъ изданіи проекта соотвѣтственно измѣнена нумерація главъ и отдѣльныхъ статей всего Уголовнаго Уложенія. Если бы и остальныя 33 главы особой части проекта были перемѣшаны и перетасованы такимъ же образомъ, то система проекта отъ этого едва ли бы пострадала.

* * *

Но если отсутствуетъ или хромаетъ система распредѣленія содержанія проекта по его подраздѣленіямъ, то это бы еще куда ни шло, съ этимъ недостаткомъ еще можно было бы помириться, прочитавъ въ утѣшеніе себѣ на стр. 19 т. IV *Матеріаловъ* заявленіе одного изъ составителей проекта, что «новѣйшіе кодексы поступаютъ въ этомъ отношеніи (т. е. относительно системы расположенія и группировки матеріала), очень просто: они отказываются отъ всякаго схематизма, отъ всякихъ систематическихъ дѣленій и подраздѣленій преступленій на классы, разряды, семейства, роды и виды; они ставятъ группы преступленій одинъ за другимъ особнякомъ, располагая ихъ въ извѣстной постепенности, по внутреннему ихъ сродству. Такимъ образомъ, въ Прусскомъ уложеніи 1851 г. такихъ отдѣловъ было 28, въ Баварскомъ 1861 г.—24, а въ Германскомъ 1872 г.—29». Въ нашемъ проектѣ ихъ — 34, т. е. приблизительно столько же, немногимъ больше, нежели въ Германскомъ. Ну и слава Богу!

Но вотъ, съ чѣмъ уже рѣшительно и никакъ нельзя помириться, такъ это съ самимъ изложеніемъ отдѣльныхъ статей, съ языкомъ проекта, съ неуклюжими его выраженіями и оборотами, съ тѣми неудачными терминами, которые придуманы составителями и которые они стремятся узаконить, насильственно придавая имъ такое значеніе, какого по словопроизводству и по духу русскаго языка эти выраженія и термины не имѣютъ и имѣть не должны и не могутъ. Нельзя помириться съ этимъ неуклюжимъ и ломанымъ русскимъ языкомъ въ важномъ законодательномъ актѣ, который вѣдь переживетъ своихъ составителей и послужитъ когда-нибудь матеріаломъ для характеристики нашего вѣка.

Въ этомъ отношеніи каждая строка проекта, чуть не каждое отдѣльное слово каждой строки заставляютъ удивляться и негодовать. Въ общемъ отъ проекта получается такое впечатлѣніе, какъ будто-бы онъ сочиненъ на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ, міросозерцаніе и словосочиненіе котораго совершенно непохожи на русскія, и потомъ это иностранное издѣліе иностранцемъ же, плохо знающимъ по-русски, переложено на нашъ, якобы, русскій языкъ. Хотя такое впечатлѣніе и не отвѣчаетъ дѣйствительному ходу дѣла, но, во всякомъ случаѣ, то вѣрно и несомнѣнно, что проектъ Уложенія, хотя составленъ и русскими, весьма притомъ образованными людьми, и хотя онъ начертанъ и русскими буквами и состоитъ изъ русскихъ слоговъ и словъ, однако, при всемъ томъ проектъ этотъ изложенъ не по-русски, языкъ его не русскій. И не только русскіе люди обыденно такъ не говорили и не гово-

рять, но и законовъ доселѣ такимъ стилемъ и слогомъ не писали.

Въ этомъ отношеніи языкъ *Свода Законовъ*, и дѣйствующаго *Уложенія*, при всѣхъ его недостаткахъ, являетъ верхъ умѣнія и совершенства и отъ языка проекта отстоитъ какъ небо отъ земли.

Подтвердимъ и освѣтимъ нашъ рѣзкій отзывъ о языкѣ проекта взятыми изъ него примѣрами, благо ихъ не занимать стать; они сами изъ каждой статьи проекта просятся подъ перо.

Разбирая языкъ проекта, отдѣльныя его выраженія, мы поневолѣ должны будемъ касаться и облеченныхъ этими выраженіями понятій, и снова, притомъ нѣсколько глубже, затронуть систему проекта. Начнемъ съ общей его части, съ первой главы, съ самаго ея начала.

Гл. I. О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще.

Отд. I-е. Общія положенія.

Ст. 1. Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія.

Ст. 3. Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторга или поселеніе, именуются преступленіями.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, исправительный домъ, заточеніе или тюрьма, именуются проступками.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, именуются нарушеніями».

Что это за выраженіе: «*преступныя дѣянія*», и что за опредѣленіе дается ему въ ст. I? Что это такое: «*Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія*»? Развѣ это по-русски? Какой смыслъ лежитъ въ словѣ *преступный* и въ словѣ *дѣяніе*? Не лишнее ли и само опредѣленіе, данное въ ст. I?

Въ словѣ *преступать*, т. е. *переступать*, и въ производныхъ отъ него *преступленіе* и *преступный* уже содержится понятіе о дѣйствіи, или о «дѣяніи», причемъ въ немъ же, въ этой приставкѣ *пре*, или *пере* = чрезъ, или черезъ, дано и качественное опредѣленіе этому дѣянію или поступку, и именно — то, какое требуется отъ понятія и слова, поставленныхъ во

главѣ уголовнаго закона; именно: въ этомъ словѣ *преступленіе, преступный* содержится понятіе дѣйствія, переступающаго, нарушающаго ту черту, ту грань, которую полагаетъ законъ, и *за* и *черезъ* которую переступать онъ не велитъ. Придавать этому, столь содержательному, слову еще слово *дѣяніе*, по русскому простому разумѣнію, значитъ излишествословить. Старый терминъ дѣйствующаго Уложенія—*преступленіе*, съ которымъ всѣ сжились и свыклись, прекрасно выражаетъ, что надо, и избавляетъ отъ необходимости придумывать для него многорѣчивое опредѣленіе.

Въ дѣйствующемъ Уложеніи для обозначенія противузаконныхъ наказуемыхъ дѣйствій имѣются два термина: *преступленіе* и *проступокъ*. Проектъ (ст. 3) къ этимъ двумъ терминамъ присоединяетъ еще третій *нарушеніе*, и, обозначая терминомъ «преступленіе» лишь наиболѣе тяжкій видъ правонарушеній, для родоваго понятія наказуемаго правонарушенія вообще устанавливаетъ терминъ *преступное дѣяніе*.

Но, во первыхъ, это дѣленіе преступленій — на три вида, принятое Редакціонною Комиссіей, какъ видно изъ ея же объясненій, изъ одного только подражанія нѣкоторымъ иностраннымъ кодексамъ, рѣшительно ни для чего не нужно, ибо оно не приведено ни въ какое соотношеніе ни съ сущностью правонарушенія, ни съ подсудностью, ни даже съ дѣйствительнымъ наказаніемъ, опредѣляемымъ судомъ за каждое данное правонарушеніе. «Распредѣленіе преступныхъ дѣяній по категоріямъ должно быть, говоритъ комиссія, основано *не на томъ наказаніи, которое будетъ примѣнено въ данномъ случаѣ,* а на томъ, которое назначено въ законѣ за дѣяніе, въ совершеніи коего подсудимый признанъ виновнымъ, если же такихъ наказаній назначается нѣсколько, то на высшемъ изъ нихъ». (Объясн. т. I стр. 48).

Устанавливая эти термины: *преступленіе, проступокъ* и *нарушеніе*,—комиссія, по ея словамъ, имѣла въ виду «тѣ техническія выгоды, которыя такая номенклатура представляетъ для опредѣленія отдѣльныхъ условій преступленія и которыя обнаруживаются особенно на постановленіяхъ о дѣйствіи закона за предѣлами государства, о покушеніи, соучастіи и т. д.» (тамъ-же). Но вся эта техническая выгода состоитъ лишь въ томъ, что вмѣсто того, чтобы сказать—«покушенія на преступленія, за которыя въ законѣ положены арестъ или пеня, не наказуемы», въ проектѣ говорится: покушеніе на нарушенія не наказуемо» (ст. 42); тоже и въ статьяхъ отд. II Гл. I-й, опредѣляющихъ пространство дѣйствія Уложенія. Выгода эта, если даже ее и признать, — не настолько существенна, чтобы ради

нея стоило загромождать Уложеніе опредѣленіями и терминами, безъ которыхъ легко обойтись.

Во вторыхъ, если и признать полезнымъ дать въ Уголовномъ Уложеніи особый терминъ для обозначенія понятія противузаконнаго наказуемаго дѣйствія вообще и подраздѣлить его на три видовыхъ понятія соотвѣтственно большей или меньшей его наказуемости, то и въ такомъ случаѣ нельзя не признать терминологію, предлагаемую Редакціонной Комиссіей, совершенно произвольной и неудачной. Въ самомъ дѣлѣ: объемъ понятій, которыя заключаются въ выраженіяхъ *преступленіе* и *преступное дѣяніе* совершенно одинаковъ, и потому нѣтъ логическаго основанія одно изъ этихъ выраженій принимать въ значеніи родоваго, а другое видоваго термина. Если существительное *преступленіе* принимать въ значеніи только наиболѣе тяжкихъ правонарушеній, то и прилагательное *преступный* слѣдуетъ также относить только къ такимъ тяжелымъ провинностямъ; для обозначенія же родоваго понятія преступности слѣдуетъ подыскать другое слово. Такимъ терминомъ могло бы быть прилагательное *противузаконный* или существительное *беззаконіе*. Любое изъ этихъ словъ по значенію своему шире, а потому и болѣе подходитъ къ обозначенію родоваго понятія наказуемыхъ дѣйствій, нежели слова «преступленіе» или «преступный», ибо подъ эти слова въ собственномъ ихъ смыслѣ подходятъ только дѣйствія, нарушающія запретительный законъ; понятіе же «противузаконный» и «беззаконіе» обнимаютъ собою не только эти дѣйствія, но и неисполненіе положительныхъ требованій закона, противозаконное *бездѣйствіе*.

Такой и еще болѣе широкій смыслъ комиссія, безъ всякаго, однако же, основанія, старается придать предлагаемому ею термину «преступное дѣяніе». По этому предмету въ объясненіяхъ (т. I. стр. 8) говорится: «Для обозначенія дѣянія, соотвѣтствующаго указаннымъ условіямъ запрещенности, Комиссія избрала терминомъ выраженіе «преступное дѣяніе», которое такимъ образомъ, будетъ обнимать (?) всю совокупность наказуемыхъ поступковъ, начиная съ маловажныхъ, обложенныхъ денежными взысканіями, и кончая самыми тяжелыми, влекущими за собою смертную казнь. Самое слово «дѣяніе» употреблено въ проектѣ для означенія какъ содѣяній, т. е. совершенія поступковъ, нарушающихъ прямыя запрещенія закона, такъ и бездѣйствія или упущенія, т. е. неисполненія требованій закона. Выраженіе «дѣянія» будетъ обнимать собою не только непосредственное проявленіе воли преступника, его дѣйствіе, но и послѣдствія, по скольку они требуются для законнаго состава преступленія, хотя бы эти послѣдствія и не

вполнѣ и не исключительно зависѣли отъ проявленной во внѣ воли преступника; слово «дѣяніе» будетъ, наконецъ, употребляться, какъ для выраженія осуществленія во всей полнотѣ задуманнаго, такъ и для всякаго поступка, коимъ начинается или продолжается приведеніе задуманнаго въ исполненіе. Такимъ образомъ убійство, какъ умышленное причиненіе смерти отъ даннаго виновнымъ яда, выстрѣлъ въ недозволенное время или въ недозволенномъ мѣстѣ, присвоеніе ввѣренной вещи посредствомъ запирательства въ ея полученіи, неявка свидѣтеля въ судъ, попытка поджечь зданіе, неудавшаяся вслѣдствіе захвата преступника на мѣстѣ преступленія, изготовленіе оружія или динамита для учиненія мятежа и т. д., по терминологіи проекта, одинаково будутъ именоваться преступными дѣяніями».

На стр. I-й того же перваго тома своихъ объясненій Редакціонная Комиссія говоритъ:

«Юридическая техника требуетъ отъ закона возможно точнаго и опредѣленнаго изложенія; требуетъ устойчивости внесенныхъ въ него выраженій: употребляя какое-либо слово въ томъ или другомъ значеніи, законъ долженъ сохранять за нимъ тотъ же смыслъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ, каждый его терминъ долженъ имѣть свое техническое значеніе».

Осталась ли Редакціонная Комиссія вѣрна только что приведенному, совершенно правильному ея же положенію,—придавая въ ст. 3 проекта слову *преступленіе* одно довольно ограниченное значеніе, а слову *преступный* на той же страницѣ проекта (и въ ст. I-й и въ той же самой 3-ей статьѣ) совершенно другое, несравненно болѣе обширное значеніе или раздвигая естественное значеніе слова *дѣяніе* до такихъ предѣловъ, что подъ него подводятся понятія прямо противоположныя основному его смыслу (*бездѣйствіе, неисполненіе, неявка* и т. д.)? Можетъ ли такое свободное словоупотребленіе способствовать точности и опредѣленности изложенія закона и устойчивости внесенныхъ въ него выраженій?—Едва ли!

Далѣе, мы указывали уже на неудобосочетаемость словъ «преступный» и «дѣяніе». Но если бы даже и замѣнить слово «преступный» гораздо болѣе подходящимъ словомъ *противузаконный*, то и въ такомъ случаѣ, хотя съ нимъ и могло бы логически сочетаться слово *дѣяніе*, мы, однако же, думаемъ, что это послѣднее слово во всякомъ случаѣ въ Уголовномъ Уложеніи будетъ не на мѣстѣ.

Вѣдь если считать справедливою приведенную на стр. 9 II т. *Матеріаловъ* мысль, что законъ долженъ быть «понятенъ и ясенъ не только для спеціалистовъ, но и вообще для грамотныхъ людей», то, конечно, онъ долженъ быть написанъ такимъ

языкомъ, которымъ говорятъ не одни только специалисты, но вообще грамотные люди. И, создавая термины, законодатель долженъ брать для нихъ выраженія изъ того же общеупотребительнаго языка и по возможности въ томъ ихъ значеніи, въ какомъ они вообще въ ходу. Отвѣчаетъ ли этимъ условіямъ слово *дѣяніе,* правильно ли оно употреблено составителями проекта и вообще слѣдуетъ ли употреблять его въ соединеніи съ тѣмъ или другимъ прилагательнымъ для обозначенія родоваго понятія «преступленія»?

На это мы можемъ отвѣчать только: нѣтъ и нѣтъ. Только въ спеціально-юридическомъ языкѣ судебныхъ рѣшеній да профессорскихъ лекцій встрѣчаемъ мы слово дѣяніе въ сочетаніи съ словами «злонамѣренное», «преступное», «умышленное», «неосторожное» и т. п. Въ обыденной же, какъ народной, такъ и городской, грамотной, изустной и письменной рѣчи слово *дѣяніе* или неупотребительно вовсе, — ибо это не русское, а церковно-славянское слово, въ русскомъ же ему соотвѣтствуютъ слова *дѣйствіе* или *дѣло,* — или же, какъ и вообще заимствуемыя изъ церковно-славянскаго языка слова, оно прилагается только къ высокимъ и важнымъ понятіямъ и предметамъ. Русскіе люди знаютъ и говорятъ: Дѣянія святыхъ Апостолъ, Дѣянія Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, пожалуй, дѣянія такого-то народа или лица—въ смыслѣ поучительныхъ исторіи или жизнеописанія, но никогда и никто не слыхалъ въ обыденной разговорной рѣчи сочетанія этого слова съ словами «воровское», «мошенническое», «преступное», «злодѣйское». При каждомъ изъ этихъ словъ русскій человѣкъ говоритъ не *дѣяніе*, а *дѣло.* Поэтому мы думаемъ, что оставить слово *дѣяніе* и въ новомъ Уголовномъ Уложеніи, какъ составную часть термина обозначающаго всякое вообще противузаконное дѣло, это значило бы еще разъ безъ всякой надобности пренебречь народнымъ міросозерцаніемъ. Да не будетъ!

* * *

Видовые термины для обозначенія разныхъ степеней преступности придуманы и употреблены комиссіей не болѣе удачно, какъ и общій родовой терминъ.

Мы уже говорили о томъ, насколько выразительно и содержательно слово *преступленіе;* не менѣе содержательно и хорошо и слово *проступокъ.* Какъ въ первомъ изъ этихъ словъ лежитъ представленіе о злой волѣ, сознательно переступающей законъ, такъ второе — *проступокъ* говоритъ какъ бы о мимовольномъ, скорѣе неосторожномъ или ошибочномъ, нежели о преднамѣренно невѣрномъ шагѣ. Но именно въ силу такого

своего значенія наименованіе *проступкомъ* приличествуетъ наименѣе важнымъ изъ правонарушеній. Между тѣмъ Редакціонная Комиссія совершенно произвольно даетъ это наименованіе важнымъ уголовнымъ дѣламъ, наказываемымъ исправительнымъ домомъ, заточеніемъ и тюрьмою. Мелкія же провинности, наказываемыя пенею и арестомъ, предлагаетъ именовать *нарушеніями*. Это слово доселѣ неупотреблялось безъ опредѣляющаго и дополняющаго его смыслъ другого существительнаго (*право*нарушеніе, нарушеніе *закона*); но если мы и согласимся употреблять его, какъ предлагаетъ Комиссія, мысленно дополняя словами *закона* или *чужаго права*, то во всякомъ случаѣ по значенію, которое лежитъ въ словѣ *нарушать*, терминъ *нарушеніе* логически долженъ быть прилагаемъ къ провинностямъ болѣе важнымъ, нежели тѣ, какія обозначаются словомъ *проступокъ*. *Нарушеніе*, по прямому смыслу этого слова, равносильно «преступленію», если еще не сильнѣе его. «Нарушеніе» это такое дѣйствіе, которымъ не только переступается законъ или чужое право, но какъ бы *нарушается, разрушается* ихъ цѣлость. Поэтому, казалось бы, если уже требуется дѣленіе противузаконныхъ дѣлъ на отдѣльные виды по степени ихъ тяжести, то всего цѣлесообразнѣе было бы сохранить только два существующіе термина: *преступленіе* и *проступокъ*, придавъ имъ дѣйствительное содержаніе и значеніе, которыхъ они нынѣ не имѣютъ, а для этого слѣдовало бы *преступленіемъ* называть—нарушеніе и неисполненіе того, что въ собственномъ смыслѣ называется закономъ, т. е. изданныхъ въ законодательномъ порядкѣ велѣній Верховной власти; нарушеніе же и неисполненіе всякаго рода административныхъ постановленій, распоряженій и правилъ именовать *проступками*. При «трехчленномъ» же дѣленіи слѣдовало бы предпочесть предлагаемому Редакціонной Комиссіей—данное въ Регламентѣ 1811 года дѣленіе: на *злодѣйства* (въ Регл. «злодѣянія»), *преступленія* и *проступки*. (Объясн. т. I стр. 45).

Но вернемся опять къ статьѣ первой.

Преступнымъ признается дѣяніе, вос(?)прещенное, во время (?) его учиненія, закономъ подъ страхомъ (?) наказанія.

Выше мы говорили уже о неудобствѣ сочетанія словъ «преступный» и «дѣяніе». Далѣе мы читаемъ: *воспрещенное...*—почему *вос*, а не *за*прещенное? Сказать такъ было бы проще и вѣрнѣе, ибо приставка *вос* указываетъ на внезапность и однократность дѣйствія; запретъ же закона возвѣщается заранѣе и какъ правило, дѣйствующее постоянно до его отмѣны. Далѣе, неправильно огражденныя запятыми слова: *во время его учиненія*—неуклюжи, ибо кто же употребляетъ это слово

учиненіе?—Кромѣ того, эти слова,—не будь даже они ошибочны,—совершенно излишни, ибо если бы было просто сказано: «дѣяніе, воспрещенное закономъ», то всякій понялъ бы такъ, что запрещеніе это должно было существовать въ то время, въ которое совершилось данное дѣяніе, иначе къ этому дѣянію не относилось бы слово «воспрещенное», хотя бы въ другое время, до или послѣ него, и существовалъ запретъ на такія же точно дѣянія. Наконецъ, что такое эти слова: *подъ страхомъ наказанія*? Правильно ли они выражаютъ ту мысль, какую влагаютъ въ нихъ составители проекта? Грамматически эти слова относятся, какъ дополненіе, къ слову «воспрещенное» (закономъ), къ этому же слову «воспрещенное» относятся и обстоятельственныя слова *во время его учиненія;* слѣдовательно, точный грамматическій смыслъ всей статьи—тотъ, что дѣяніе въ томъ лишь случаѣ признается преступнымъ, если оно воспрещено именно во время его учиненія,—т. е. не только не позже, но и не ранѣе,—закономъ, который, воспрещая его, былъ подъ страхомъ наказанія. Для того, чтобы «страхъ наказанія» относился не къ воспрещающему закону, а къ его нарушителю, слѣдовало бы сказать «запрещенное закономъ *съ угрозою наказаніемъ*".

Это выраженіе: *воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія* не изобрѣтено составителями проекта, а взято ими изъ дѣйствующаго Уложенія, но для чего же переносить въ новое Уложеніе ошибочныя выраженія стараго?

Но, оставляя въ сторонѣ ошибки изложенія, примемъ разсматриваемую статью проекта въ томъ именно значеніи, какое хотѣли придать ей составители, и обсудимъ, вѣрны ли самая мысль и цѣль этой статьи и заслуживаютъ-ли онѣ того, чтобы быть поставленными во главѣ новаго Уголовнаго Уложенія.

Въ объясненіяхъ къ этой статьѣ (т. I, стр. 4—7) говорится:

«Статья I-я, являющаяся выраженіемъ одного изъ коренныхъ основаній права уголовнаго, nullum crimen sine lege, повторяется во всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ кодексахъ. Такъ, Французское уголовное уложеніе 1810 г. въ ст. 4 постановляетъ: «никакое преступное дѣяніе не можетъ быть караемо такимъ наказаніемъ, которое не было установлено въ законѣ прежде совершенія этого дѣянія»; то же положеніе буквально повторено въ Бельгійскомъ уложеніи 1867 г. въ ст. 2-ой; по 2-й статьѣ кодекса Германскаго 1872 г. дѣяніе можетъ быть только въ томъ случаѣ наказано, когда это наказаніе было установлено закономъ прежде совершенія дѣянія; по 1-й статьѣ кодекса Голландскаго 1881 г. «всякое дѣяніе наказуемо только въ силу закономъ опредѣленной уголовной угрозы, установленной до совершенія дѣянія»; то же говорится въ статьѣ I Итальянскаго уложенія 1890 г.; наконецъ, съ особенною полнотою это положеніе «выражено въ Венгерскомъ уложеніи 1879 г. въ ст. I, которая гласитъ: преступленіями и проступками почитаются только дѣянія, признанныя таковыми за-

кономъ»; «никто не можетъ быть приговоренъ за преступленіе или проступокъ къ иному наказанію, кромѣ назначеннаго за нихъ въ законѣ до ихъ совершенія». Наше дѣйствующее Уложеніе хотя и не содержитъ прямого постановленія, соотвѣтствующаго этому положенію, но тѣмъ не менѣе признаніе имъ этого начала съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ общаго смысла статей Уложенія и, кромѣ того, подтверждается I п. 771 ст. Уст. Уг. Суд. Редакціонная Комиссія нашла полезнымъ прямо и опредѣлительно формуловать его въ законѣ, въ виду цѣлаго ряда весьма существенныхъ практическихъ выводовъ, изъ него вытекающихъ. Этимъ положеніемъ установляется, что «наказаніе за учиненіе какого-либо дѣянія можетъ быть опредѣлено только въ томъ случаѣ, если подлежащее судебному разсмотрѣнію дѣяніе запрещено закономъ, въ установленномъ для него порядкѣ обнародованнымъ и вступившимъ въ силу до учиненія сего дѣянія или во время его учиненія»...

Далѣе, высказываясь противъ примѣненія судомъ закона по аналогіи, Редакціонная Комиссія объясняетъ:

«Ст. 13 Уст. Угол. Суд., воспрещая останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, или противорѣчія законовъ, имѣетъ въ виду, какъ поясняетъ ст. 12, только неполноту въ законѣ, коимъ судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, т. е. предполагаетъ всегда существованіе специальнаго запрета, объемлющаго подлежащій разсмотрѣнію суда случай, но только не имѣющаго надлежащей ясности или полноты. Въ этомъ отношеніи ст.ст. 12 и 13 Уст. Уг. Суд. существенно отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ ст.ст. 8 и 9 Уст. Гражд. Суд., въ коихъ рядомъ съ неполнотой говорится о недостаткѣ, т. е. объ отсутствіи законовъ, такъ какъ для суда гражданскаго и таковой недостатокъ закона не можетъ служить основаніемъ отказа въ разсмотрѣніи дѣла, ибо гражданскій судья всегда и безусловно обязанъ дать судъ и правду обратившимся къ нему, спорящимъ о правѣ сторонамъ. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ стоитъ судъ уголовный по отношенію къ отсутствію или недостатку закона, воспрещающаго судимое имъ дѣяніе. Если онъ и установитъ виновность подсудимаго въ приписываемомъ ему поступкѣ, если онъ признаетъ, что совершенное вредно не только для отдѣльнаго лица, но и для государства, но въ то же время усмотритъ, что этотъ поступокъ не указанъ въ законѣ уголовномъ, не воспрещенъ подъ страхомъ наказанія, то, согласно I п. ст. 771 Уст. Уг. Суд., онъ обязанъ постановить приговоръ объ оправданіи подсудимаго. Ст. I проекта, такимъ образомъ, будетъ выражать, по отношенію къ матеріальному уголовному праву, тотъ же принципъ, который провозглашенъ I п. ст. 771 Уст. Угол. Судопроизводства».

Сличивъ внимательно приведенныя объясненія съ текстомъ статьи I, не трудно видѣть, что они не соотвѣтствуютъ одно другому. И хотя комиссія находила полезнымъ „прямо и опредѣлительно формуловать въ законѣ положеніе, выраженное латинскою формулою nullum crimen sine lege и приведенными ею статьями европейскихъ уголовныхъ кодексовъ, и хотя Комиссія и утверждаетъ, что она именно это и сдѣлала въ ст. I проекта, однако же, въ дѣйствительности она въ этой статьѣ формуловала нѣчто совсѣмъ другое.

Латинская формула значитъ: гдѣ нѣтъ (нарушеннаго) закона, тамъ нѣтъ и преступленія. Всѣ приведенныя статьи европейскихъ кодексовъ въ разныхъ выраженіяхъ, но совершенно согласно между собою, опредѣляютъ, что никто за преступленіе и проступокъ не можетъ быть приговоренъ къ иному наказанію, кромѣ назначеннаго за нихъ закономъ до ихъ совершенія. Изъ этихъ положеній можно вывести только то заключеніе, что *нарушеніе закона, за которое не установлено въ законѣ наказанія, не наказуемо*; но отнюдь не то, что оно и *не преступно*. Ибо, если есть нарушенный законъ, то есть и преступленіе; но оно не наказуемо, если законъ не установилъ за него наказанія.

Между тѣмъ, ст. I нашего проекта предлагаетъ считать преступными только такія нарушенія закона, за которыя положено въ законѣ наказаніе, а въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами объясненій къ этой статьѣ Редакціонная Комиссія, ссылаясь на I п. 771 ст. Уст. Уг. Суд., разъясняетъ, что, если судъ «и установитъ виновность подсудимаго въ приписываемомъ ему поступкѣ, если онъ признаетъ, что совершенное вредно не только для отдѣльнаго лица, но и государства, но въ то же время усмотритъ, что этотъ поступокъ не указанъ въ законѣ уголовномъ, не воспрещенъ подъ страхомъ наказанія, то онъ обязанъ постановить приговоръ *объ оправданіи* подсудимаго». Очевидно, западные кодексы говорятъ одно, а нашъ проектъ совершенно другое; для чего же было ссылаться на нихъ?

Во всякомъ случаѣ здравый разумъ и нравственное чувство не могутъ одобрить торжественнаго провозглашенія въ законѣ такого правила, по которому нарушеніе закона признается *непреступнымъ* и нарушители приговоромъ суда обязательно оправдываются, если въ законѣ не установлено почему-либо (хотя бы по недосмотру, всегда возможному), наказанія за данное нарушеніе.

Поэтому, если и справедливо заявленіе Комиссіи, что въ ст. I проекта выраженъ по отношенію къ матеріальному уголовному праву тотъ же принципъ, который провозглашенъ въ I п. ст. 771 Уст. Уг. Суд., то отсюда вытекаетъ только необходимость измѣнить эту статью Уст. Уголовнаго Судопроизводства такимъ образомъ, чтобы судъ не былъ вынуждаемъ, вопреки своей совѣсти, постановлять приговоръ *объ оправданіи* подсудимаго, *признаваемаго* имъ *виновнымъ* въ нарушеніи закона, хотя бы и не уголовнаго и не сопровождаемаго угрозою наказаніемъ. Суду, напротивъ, должно быть вмѣнено въ обязанность въ подобныхъ случаяхъ *установить виновность* нару-

шителя закона *и выразить въ приговорѣ осужденіе* его поступку. Такой приговоръ суда самъ по себѣ уже будетъ наказаніемъ и, во многихъ случаяхъ, быть можетъ, совершенно достаточнымъ. Нельзя отрицать того, что даже при теперешнемъ состояніи общества и уголовнаго законодательства и суда, многіе, даже изъ тяжкихъ преступниковъ, главную кару себѣ видятъ именно въ осужденіи ихъ судомъ, въ приговорѣ суда, устанавливающемъ ихъ виновность, а не въ матеріальныхъ, иногда тяжелыхъ, иногда очень легкихъ, послѣдствіяхъ этого приговора. Идеальнымъ состояніемъ общества и государства было бы такое, при которомъ для нарушителей закона достаточнымъ возмездіемъ считалось бы гласное осужденіе ихъ поступка, установленіе сдѣланнаго ими нарушенія судомъ, безъ всякихъ матеріальныхъ каръ. Хотя-бы такой идеалъ признавался и вовсе не достижимымъ, все таки *онъ* долженъ быть тою отдаленною цѣлью, къ которой законодательство и жизнь должны по мѣрѣ возможности, хотя бы и медленно, итти и приближаться; но чтобы такое приближеніе было вообще возможно, для этого не должно быть создаваемо такихъ законовъ, которыми то, что должно быть цѣлью, принципіально бы отрицалось.

Приведемъ еще нѣсколько образцовъ неудачной терминологіи и плохого изложенія.

Въ ст. 2 проекта, въ перечнѣ наказаній помѣщено «*заточеніе*». Изъ статьи же 17 усматривается, что подъ *заточеніемъ* проектъ разумѣетъ заключеніе или затворъ, словомъ,—лишеніе свободы, которое отъ исправительнаго дома и тюрьмы отличается сроками, на которые эти наказанія могутъ быть назначаемы,—тѣмъ, что «заточники» содержатся въ крѣпостяхъ или въ особо устроенныхъ для сего помѣщеніяхъ, занимаются работами по своему выбору, а не по назначенію начальства, и, наконецъ, лишаются разныхъ перечисленныхъ въ ст. 25 проекта правъ только на время—со дня осужденія до освобожденія изъ заключенія.

Но, въ такомъ случаѣ, почему это наказаніе, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь, окрещено именемъ *заточенія?* Вѣдь корень этого слова (*ток*) содержитъ въ себѣ понятіе о движеніи; *заточить* собственно значитъ *заслать*, и, слѣдовательно, слово *заточеніе* означаетъ не что иное, какъ *ссылку* такъ же, какъ терминъ древняго русскаго права *потокъ* означалъ *изгнаніе*. Заточеніе, конечно, можетъ быть отягчено и заключеніемъ; но сами по себѣ—безъ ссылки—заключеніе или затворъ, хотя бы и въ крѣпости или въ особо для сего устроенномъ помѣще-

ніи,—ни по этимологическимъ, ни по историческимъ основаніямъ не могутъ быть именуемы *заточеніемъ* *).

Въ проектѣ очень часто въ заголовкахъ его подраздѣленій и въ текстѣ статей употребляется слово «*посягательство*»; но какое именно понятіе лежитъ въ этомъ словѣ, проектъ не даетъ себѣ въ этомъ яснаго отчета. И не только этому облюбованному составителями проекта термину не придано ими одного, точно опредѣленнаго значенія, но иногда въ двухъ рядомъ идущихъ строкахъ одной и той же статьи слово *посягательство* употребляется въ значеніяхъ, совершенно расходящихся и даже прямо противуположныхъ. Такъ: въ ст. 83 говорится о *посягательствѣ* на *жизнь, здоровье, свободу* или вообще на *неприкосновенность Особы* царствующаго Императора, и тутъ же «*на низверженіе* царствующаго Императора съ престола»; въ слѣдующей ст. 84 говорится—о *насильственномъ посягательствѣ*: «*на измѣненіе* въ Россіи образа правленія или порядка наслѣдія (т. е. *наслѣдованія*) престола; на *воспрепятствованіе* (sic) царствующему Императору самодержавно осуществлять права Власти Верховной; *на отторженіе* отъ Россіи какой-либо ея части»...

Но послѣ всего этого что же такое означаетъ, какое понятіе содержитъ въ себѣ это слово *посягательство*, если предметомъ его могутъ быть *жизнь, здоровье, свобода, неприкосновенность* чьей-либо особы, и въ то-же время *низверженіе* той же самой особы, *воспрепятствованіе* ей пользоваться правами, *отторженіе* части государства, *измѣненіе* въ немъ образа правленія или порядка престолонаслѣдованія? Очевидно—мысль составителей не нашла себѣ должнаго выраженія въ проектѣ. Попытка низвергнуть Императора или измѣнить въ Россіи существующій образъ правленія или воспрепятствовать Императору осуществить какое-либо Его право, или—отторгнуть отъ Россіи какую-либо ея часть: все это будутъ *посягательства*; но во всѣхъ этихъ случаяхъ можно говорить о посягательствѣ на самого Императора или на Его Особу и Его права,—на Россію или ея части, на образъ правленія или порядокъ престолонаслѣдованія въ ней; но никакъ—не о *посягательствѣ* на *низверженіе, воспрепятствованіе, отторженіе, измѣненіе* и т. п. дѣйствія: посягательство можетъ выразиться въ этихъ дѣйствіяхъ; но не на нихъ оно направлено.

Совершенно несоотвѣтственно также своему содержанію глава II проекта озаглавлена «*Посягательства на* ограждающіе

*) Даніилъ заточникъ былъ въ ссылкѣ на Бѣломъ озерѣ или на озерѣ Лачь; но изъ „Моленія" его князю не видно, чтобы онъ сидѣлъ тамъ въ затворѣ, скорѣе можно заключить обратное, что онъ тамъ былъ чьимъ-то (боярскимъ) слугою.

вѣру *законы»*, ибо: ни богохульство, ни оскорбленіе святыни, ни безчинства въ храмѣ или молитвенномъ собраніи, и т. д., и т. д.; словомъ: ни одно изъ тѣхъ преступленій, о которыхъ говорится въ гл. II, не есть и не можетъ быть названо *«посягательствомъ на законы»*, коими возбраняются и караются всѣ эти преступленія. *Посягательствомъ на законъ* можно было бы назвать попытку скрыть изданный Верховною Властью законъ, разорвать или подчистить его или подмѣнить его другимъ подложнымъ; но ни о чемъ подобномъ нѣтъ рѣчи въ гл. II проекта.

До сихъ поръ мы говорили, главнымъ образомъ, о неудачномъ примѣненіи отдѣльныхъ выраженій; посмотримъ теперь на самые пріемы изложенія.

Ст. 115. «*Виновный въ составленіи, размноженіи, храненіи или провозѣ изъ-за границы, завѣдомо* (sic) *объ ихъ* (?) *содержаніи»*— (Чьихъ это: *ихъ*?—составленія, размноженія, храненія или провоза? Выходитъ—такъ, ибо мѣстоименіе *ихъ* обыкновенно относится къ названнымъ уже предметамъ, а не къ тѣмъ, о которыхъ рѣчь еще впереди)—«*сочиненія или изображенія, 112 и 113 статьями указанныхъ, съ цѣлью распространенія или публичнаго выставленія оныхъ*» (кого это—*оныхъ*? Выходитъ опять тѣхъ же: составленія, размноженія и т. д., ибо о сочиненіи и изображеніи слѣдовало бы сказать *сихъ* или *этихъ*, какъ о только-что названныхъ предметахъ, такъ какъ мѣстоименіе *оный* указываетъ на предметы болѣе отдаленные),—«*или содѣйствіи таковому распространенію или публичному выставленію, буде*» (почему не *если*, а *буде*?)—«*распространеніе или публичное выставленіе сихъ* (почему здѣсь *сихъ*? Тутъ съ большимъ правомъ можно было бы сказать «*оныхъ*»!)—*сочиненія или изображенія не послѣдовало, наказывается*: (зачѣмъ здѣсь двоеточіе?)—*заточеніемъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ*».

Ст. 258. «*Виновный въ неисполненіи установленныхъ закономъ или законнымъ постановленіемъ власти правилъ о* (?) *обученіи еврейскаго юношества или надзора* (sic Выходитъ: виновный въ неисполненіи правилъ или надзора; между тѣмъ, дѣло, повидимому, идетъ с неисполненіи *правилъ обученія или надзора*)—*за обученіемъ его наказывается*: (опять лишнее двоеточіе)— *денежною пенею не свыше ста рублей*».

«*Если сіе* (почему *сіе*, а не *это*?) *учинено* (sic!) *меламдою* (?) *или инымъ преподавателемъ еврейскихъ частныхъ или общественныхъ училищъ неоднократно* (sic!), *то виновный наказывается:* (опять лишнее двоеточіе) *арестомъ*».

Что значитъ здѣсь *неоднократно?* Неисполненіе правилъ обученія и надзора обыкновенно бываетъ преступленіемъ

длящимся, а не *многократнымъ.* Проектъ разумѣетъ, вѣроятно, такой случай, когда меламда, уже наказанный за такой же проступокъ, провинится въ немъ вторично; но эта мысль не нашла себѣ правильнаго выраженія въ приведенной статьѣ 258 проекта.

Ст: 267. «*Виновный... 2, въ принятіи на себя обязанностей учителя или воспитателя въ учебномъ заведеніи или въ частномъ домѣ*(!) *буде сіе не дозволено ему закономъ или законнымъ постановленіемъ власти, наказывается денежною пенею не свыше ста рублей въ пользу капитала призрѣнія лицъ, пріобрѣв*(*т*)*шихъ право на обученіе юношества въ частныхъ домахъ.*»

Что значитъ: «буде сіе *не дозволено ему закономъ или законнымъ постановленіемъ власти*»? Разумѣется ли здѣсь *запрещеніе* закона или власти, прямо направленное противъ даннаго лица («*ему*») или просто неимѣніе этимъ лицомъ ученой степени или свидѣтельства учебной власти, дающихъ право на обученіе и воспитательство? Повидимому, разумѣется послѣднее. Но, не останавливаясь уже на томъ, что: неужели человѣку, не имѣющему диплома или спеціальнаго дозволенія власти, нельзя и преступно учить или смотрѣть за дѣтьми даже и въ частномъ домѣ? — спросимъ: о какихъ «*законныхъ постановленіяхъ власти*» говорится въ приведенной статьѣ? Если, напримѣръ, въ мѣстности, гдѣ вовсе нѣтъ учебныхъ заведеній и патентованныхъ учителей, полиція выдастъ кому-либо свидѣтельство о неимѣніи съ ея стороны препятствій къ тому, чтобы это лицо занималось частными уроками, т. е.—свидѣтельство о его благонадежности, то будетъ ли такое дозволеніе считаться «*законнымъ постановленіемъ власти*» и освободитъ ли оно его владѣльца отъ отвѣтственности по 257 статьѣ?

Приведенныя статьи мы брали не по особому выбору, а просто на выдержку. Весь проектъ сплошь изложенъ неестественнымъ и прямо уродливымъ языкомъ. На каждой его страницѣ и едва ли не въ каждой статьѣ можно указать излишнее многословіе и длинноты, что отнюдь не способствуетъ ясности мысли и точности опредѣленій.

Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать: «виновный въ ложной присягѣ», или «виновный въ завѣдомо ложномъ показаніи на слѣдствіи или судѣ»... проектъ говоритъ: «виновный *въ дачѣ завѣдомо ложной присяги*» (ст. 143); «виновный: *въ дачѣ*, при производствѣ слѣдствія или суда, *завѣдомо ложнаго показанія*» (144). Уже одни эти «*виновные въ дачѣ*» (ст. 143 и 144) и приведенная немного выше статья 258—о «неисполненіи *установленныхъ... постановленіемъ* власти *правилъ о обученіи* еврейскаго юношества *или надзора...*» —достаточно изобличаютъ состави-

телей проекта въ пренебреженіи къ законамъ русскаго языка или въ неумѣніи управляться съ ними. Но въ проектѣ есть еще болѣе диковинныя для русскаго человѣка статьи, и мы не можемъ не предложить нѣкоторыхъ изъ нихъ суду читателей. Ими особенно богата глава XVIII, неподходяще озаглавленная «*Посягательства на семейный союзъ*».

Ст. 360. «*Брачущійся* (?), *виновный во вступленіи въ бракъ, посредствомъ принужденія брачущагося* (??!) *учиненнымы для сего насиліемъ надъ личностію или угрозою убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемому* (!!) *или члену его семьи наказывается:*

каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ или исправительнымъ домомъ.

Сему же наказанію подлежитъ виновный въ принужденіи или въ участіи (?) *въ принужденіи брачущихся* (?), *или одного изъ нихъ, ко вступленію въ бракъ учиненнымъ для сего насиліемъ надъ личностью или угрозою убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемому или члену его семьи*».

Ст. 361. «*Духовное лицо, виновное въ совершеніи такого брака, ко вступленію въ который брачущіеся, или одинъ изъ нихъ, завѣдомо* (для кого?) *принуждены учиненными для сего насиліемъ надъ личностью или угрозою убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемому или члену его семьи, буде виновный не участвовалъ въ таковомъ принужденіи, наказывается:*

исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или тюрьмою.

Сему же наказанію подлежитъ служащій, виновный въ записи завѣдомо такого брака въ метрической книгѣ, а равно свидѣтель по брачущимся, виновный въ поручительномъ свидѣтельствѣ завѣдомо по такому браку, буде они не участвовали въ таковомъ (?) *принужденіи.*

Покушеніе наказуемо.

Дальнѣйшія статьи главы XVIII изложены въ томъ-же родѣ и стилѣ. Остановимся на приведенныхъ двухъ статьяхъ.

Брачущійся, виновный во вступленіи въ бракъ посредствомъ принужденія брачущагося»... Что это за терминъ „*брачущійся*“? Что собственно онъ означаетъ умѣстно-ли онъ употребленъ въ статьяхъ 360 и слѣдующихъ главы XVIII проекта?

Брачущійся, это—неправильно образованное причастіе настоящаго времени отъ взаимнаго глагола брачиться (правильная форма была-бы брачащійся) „*Брачиться*“ можетъ означать: или *вступить въ бракъ*, или *быть въ бракѣ, жить брачно*, и, слѣдовательно, „*брачащійся*“, можетъ значить вступающій или намѣревающійся вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ, имѣющимъ въ отношеніи его такое-же желаніе; или—уже

живущій съ другимъ лицомъ брачно, пользующійся брачными съ нимъ отношеніями. Приложимо ли это названіе *брачущагося* къ человѣку, который насильно тащитъ женщину или дѣвушку къ вѣнцу или заставляетъ ее стать рядомъ съ собою подъ вѣнецъ угрозами убить или изувѣчить ее самоё или ея родныхъ? Это—не *„брачущійся"*, а *насильничающій*! Еще менѣе приложимо названіе брачащагося или брачащейся къ тому, надъ кѣмъ творится или совершено уже насиліе, жертву его пожалуй, можно было-бы назвать развѣ бракованной, но никакъ уже не брачащейся, ибо въ понятіе *„брачиться"*, какъ и въ понятіе самого *„брака"*—и не только какъ таинства, но и какъ гражданскаго установленія, по крайней мѣрѣ—какъ требуетъ того нашъ законъ,—существенно входитъ условіе *взаимности* обоюднаго согласія, свободнаго произволенія обѣихъ сторонъ на вступленіе въ бракъ. Безъ этого условія нѣтъ брака, и нельзя говорить о *„брачущихся"*.

Во всякомъ случаѣ, ст. 360 имѣетъ въ виду уже совершившійся насильственный бракъ, ибо, если было только намѣреніе принудить къ браку съ собою другое лицо и только приготовленіе и покушеніе къ тому, но вѣнчаніе, (которое при насиліи не дѣйствительно), а затѣмъ и соитіе не совершились, — то *„вступленія въ бракъ"*, а, слѣдовательно, и *„виновнаго во вступленіи въ бракъ"* не будетъ, и ст. 360 къ совершеннымъ уже, но не вполнѣ закончившимся насильственнымъ дѣйствіямъ будетъ не примѣнима. Поэтому, если понимать употребленное въ этой статьѣ выраженіе *„брачущійся"* въ первомъ изъ указанныхъ нами его значеній,—вступающаго только, стремящагося вступить въ бракъ, то съ такимъ значеніемъ оно въ этой статьѣ совсѣмъ не умѣстно. Но также неумѣстно это слово въ ст. 360 и во второмъ изъ указанныхъ его значеній—живущаго брачно; ибо въ такомъ случаѣ, человѣкъ, насильственно обвѣнчавшій съ собою дѣвушку и совершившій надъ нею брачное насиліе, но затѣмъ разведеный или просто бросившій ее, или если она умерла,—тѣмъ самымъ уже пересталъ-бы быть *брачущимся* съ нею и также не подлежалъ-бы уже дѣйствію 360 статьи.

Вообще, эти двѣ статьи 360 и 361 не только по уродливому изложенію, но и по содержанію представляются какимъ-то сплошнымъ недоразумѣніемъ и архаизмомъ. Такихъ статей нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ уг. кодексѣ, ни въ финляндскомъ новомъ уложеніи. Соотвѣтствующія-же статьямъ 360 и 361 проекта статьи 1550—1552 дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ ведутъ свое начало отъ временъ крѣпостнаго права. Тогда случаи насильственнаго похищенія дѣвицъ и женщинъ

и насильственныхъ браковъ, при подневольномъ положеніи не только крѣпостнаго народа, но и сельскаго нашего духовенства, были не только возможны, но, вѣроятно, и нерѣдки. Несмотря, однако-же, на это, статья 1550 дѣйствующаго Уложенія, изложенная къ слову сказать, совершенно правильнымъ языкомъ, толково и ясно, обусловливаетъ возникновеніе дѣлъ о насильственныхъ бракахъ *жалобою* лица *потерпѣвшаго* или его родителей, или опекуновъ, и высшею мѣрою наказанія полагаетъ за это преступленіе каторгу до *шести* лѣтъ(если только насильственному браку не предшествовало изнасилованіе); статья-же 360 проекта допускаетъ преслѣдованіе за насильственно совершенный бракъ и помимо воли лица, которое было приневолено къ такому браку и могло уже съ нимъ и примириться; высшею же мѣрою наказанія полагаетъ 8 лѣтъ каторги. Судя по такому усиленію отвѣтственности, можно подумать, что случаи преступленія, о которомъ идетъ у насъ теперь рѣчь, участились противъ прежняго, и что такого рода насильничанья, прикрытыя мнимо-брачнымъ вѣнцомъ, составляютъ національную нашу особенность; но такое предположеніе, конечно, лишено всякаго основанія. Преступленіе, о которомъ говоритъ ст. 360. въ настоящее время, если вообще и представляется возможнымъ то развѣ какъ исключительный случай, который подошелъ бы подъ одинъ изъ видовъ наказуемаго насилія надъ личностью. По крайней мѣрѣ намъ не приводилось встрѣчать въ повременной печати отчетовъ о судебномъ разбирательствѣ подобныхъ дѣлъ, а если-бы такія дѣла до суда доходили, то печать, конечно, не молчала-бы о нихъ. Поэтому разсматриваемыя статьи проекта можно было-бы вовсе изъ Уголовнаго уложенія исключить, отъ чего общественная безопасность ничего-бы не проиграла.

Остановившись на 360 и 361 статьяхъ проекта, нельзя оставить безъ вниманія относящіяся къ этимъ статьямъ соображенія Редакціонной Коммисіи. Подробно разбирать ихъ не стоитъ; достаточно будетъ привести на общій судъ нѣкоторыя изъ нихъ выдержки, подчеркнувъ въ нихъ кое-что.

«Во главѣ посягательствъ *противъ* (sic: не *на*, а *противъ*) семейнаго союза *стоитъ* группа дѣяній, *направляющихся*,(опять согласованіе!) *противъ брака*, какъ необходимаго *предположенія*(?) законнаго супружества, и *сводящихся* поэтому къ *заключенію* неправильнаго *брачнаго сочетанія*. Ихъ противозаконность *лежитъ въ появленіи и существованіи супружескаго союза, который* (т. е. вообще?) *противенъ существующимъ* въ государствѣ *постановленіямъ*.

«Пренебрегая коренными принципами, объявляемыми госу-

дарствомъ обязательными для брачныхъ сочетаній, виновный *прибѣгаетъ* къ формѣ брака для заключенія союза, который на самомъ дѣлѣ не можетъ пользоваться охраною, принадлежащею браку, и представляется не дѣйствительнымъ». (Объясненія къ проекту т. IV стр. 159).

«*Принужденіе* къ браку *есть понужденіе* не всякаго лица, а только *брачущагося*» (Зачѣмъ же *понуждать* его *къ браку*, если онъ *брачится*?), «не ко всякому дѣйствію или *бездѣйствію*»,(?) «а только ко вступленію въ бракъ, не всякимъ насиліемъ, а только насиліемъ надъ личностью, не всякою наказуемою угрозою, а только угрозою убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ, *наказуемое* при томъ не для всѣхъ соучастниковъ, а *только для нѣкоторыхъ* изъ нихъ, именно закономъ указанныхъ» (стр. 168).

«Спеціальныя условія брачнаго принужденія *сводятся* (?) къ субъекту, объекту, способу и направленію дѣятельности». «Въ отношеніи объекта представляется *несомнѣннымъ* (?), что разсматриваемое посягательство можетъ направляться *исключительно противъ* лица, *вступающаго въ бракъ и приступившаго уже къ брачному обряду*, независимо отъ того, будетъ ли то *женихъ* или *невѣста, мужъ* или *жена*». (??!) (стр. 168).

И такъ, согласно приведеннымъ объясненіямъ, объектомъ преступленія, предусматриваемаго статьею 360 проекта, т. е., лицомъ, принуждаемымъ насильственно къ браку, могутъ быть только *вступающіе* въ бракъ и *приступившіе уже* къ брачному обряду женихъ или невѣста, мужъ или жена». Но чего ради мужъ или жена будутъ вновь приступать къ совершенному уже надъ ними брачному обряду? Или для чего принуждать насиліемъ и угрозами къ брачному сочетанію съ собою самихъ жениха или невѣсту, а тѣмъ паче мужа или жену, когда они (какъ это ни странно для послѣднихъ) *приступили уже къ брачному обряду*? На эти любопытные вопросы, вытекающіе изъ приведенныхъ объясненій Редакціонной Коммисіи,—къ сожалѣнію, въ этихъ объясненіяхъ не содержится отвѣта, и это потому, что въ этихъ объясненіяхъ сказано не то, что имѣлось въ виду сказать.

На стр. 170 тѣхъ же объясненій, въ противорѣчіе приведенной выше выдержкѣ со страницы 168, говорится: «Такими посторонними брачущи*мися*(sic. слѣдуетъ, вѣроятно, брачущимся) лицами, привлекаемыми къ отвѣтственности за принужденіе и участіе въ принужденіи къ браку на основаніи спеціальнаго постановленія, выраженнаго во 2 части разсматриваемой статьи», («Сему же наказанію» и т. д.) «могутъ быть *всѣ* вообще лица,

дѣятельность которыхъ стоитъ во внутренней и внѣшней причинной связи съ фактомъ заключенія брака, бывшаго результатомъ принужденія»... «Въ ряду этихъ лицъ стоятъ.....а) духовныя лица, *уполномоченныя* на совершеніе брачнаго обряда и дѣйствительно его совершающія»... «Необходимо, съ одной стороны, чтобы данное лицо въ силу своего особаго положенія было уполномочено на выполненіе такихъ дѣйствій, отъ которыхъ возникаетъ бракъ, союзъ религіозно-юридическій»... «Съ другой стороны, конечно (?!), изъ этихъ лицъ могутъ подлежать отвѣтственности за брачное принужденіе тѣ лишь, которыя приступили къ дѣйствіямъ, установляющимъ по закону брачный союзъ между двумя лицами»... «во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы дѣйствія эти были актомъ бракосочетанія, прямымъ и непосредственнымъ результатомъ которыхъ является *заключеніе*(?) супружества» (стр. 170)...

«Самое дѣйствіе разсматриваемаго посягательства для различныхъ виновниковъ и участниковъ представляется не одинаковымъ»... «Сводя эти различія къ одному знаменателю, оказывается, что для разсматриваемаго посягательства со стороны внѣшней, необходимы: а) актъ бракосочетанія и б) принужденіе къ нему»... Ad а) наличность акта (?) бракосочетанія должна быть установлена по правиламъ, предписаннымъ для того вѣроисповѣданія, согласно которому онъ совершается и долженъ совершиться для данныхъ лицъ. Если вмѣсто этого акта и подъ видомъ его совершается иное дѣйствіе, хотя бы богослужебное (напримѣръ, молебенъ), но не могущее имѣть послѣдствіемъ своимъ установленіе брачнаго союза, то ст. 348 (360) не можетъ (?) имѣть примѣненія; равнымъ образомъ она не примѣнима при учиненіи актовъ, имѣющихъ значеніе бракосочетанія вообще, но ничтожныхъ въ данномъ случаѣ, напр., если бы христіане были вѣнчаны по еврейскому обряду»... «Какъ бы то ни было, требуется наличность такихъ дѣйствій, предпринимаемыхъ закономъ уполномоченными на то духовными или должностными лицами, послѣдствіемъ которыхъ должно быть дѣйствительное (?) заключеніе брака» (а какъ оно можетъ быть «*дѣйствительное*», если выше такой насильственно совершаемый бракъ признается вообще *недѣйствительнымъ* ?); «компетентность органовъ, его заключающихъ и наличность формъ и обрядовъ, для дѣйствительности брака требуемыхъ, должны быть на лицо»... « Ad б) принужденіе должно быть дѣйствительнымъ средствомъ побужденія брачущагося къ бракосочетанію, должно вызвать послѣднее, какъ свой результатъ»... «Принужденіе къ браку можетъ быть фи-

зическимъ или психическимъ. Первое выполняется матеріальными дѣйствіями надъ личностью принуждаемаго, превращающими послѣдняго въ простое орудіе чужой воли,—*связываніемъ его, насильственнымъ обведеніемъ вокругъ престола* (sic!) и т. п.»... «Конечно»,—благоразумно оговаривается Коммисія,—«такіе случаи совершенно исключительны, но, если бы они встрѣтились, къ нимъ безусловно долженъ быть примѣненъ законъ о брачномъ принужденіи»...

Итакъ, для отвѣтственности по 360 и 361 статьямъ, по объясненію Редакціонной Коммисіи необходимо, чтобы бракосочетаніе было совершено *правильно* и лицомъ, имѣющимъ на совершеніе его законное право. Но если католикъ, или сектантъ, или еврей принудитъ православную дѣвушку обвѣнчаться съ нимъ въ костелѣ, синагогѣ или вокругъ ракитова куста и надругается надъ нею, то насильникъ и всѣ соучастники его, не исключая и беззаконно совершавшаго обрядъ бракосочетанія раввина или ксендза,—останутся не только безнаказанными, но и правыми, ибо подъ ст. 360 и 361 (о бракѣ по принужденію) дѣйствія ихъ подъ эту статью не подойдутъ, такъ какъ совершенный ими безъ надлежащаго полномочія бракъ—не бракъ, но и статьи, которая предусматривала бы подобное злодѣйство, въ проектѣ также не указано. Также безнаказанны будутъ всѣ участники насилія и въ томъ случаѣ, если мнимое бракосочетаніе будетъ совершено въ надлежащемъ храмѣ и надлежащимъ духовнымъ лицомъ, но если при этомъ, напр. вмѣсто «Исаія ликуй», будутъ пѣть «Спаси, Господи» или «Со Святыми упокой». Кощунственное же вожденіе «брачущихся» связанными, да еще *вокругъ престола*, по приведеннымъ «объясненіямъ» не нарушаетъ правильности бракосочетанія и не препятствуетъ дѣйствительному установленію супружескаго союза, если только оно совершено «уполномоченнымъ» на то, т. е. соотвѣтствующимъ вѣроисповѣданію «брачущихся» духовнымъ лицомъ!

Смѣемъ, однако, увѣрить гг. составителей этихъ странныхъ объясненій къ проекту, что предположенный ими на стр. 173 случай вожденія, связаннаго «брачущагося» «вокругъ *престола*» —исключителенъ даже и для сонняго видѣнія, въ дѣйствительной же жизни онъ былъ бы возможенъ развѣ только какъ пьяная потѣха «Всешутѣйшаго собора», но вѣдь есть основанія надѣяться, что петровскія издѣвательства надъ народомъ и Церковью не повторятся!

Непостижима возможность появленія подобныхъ объясненій къ проекту, а между тѣмъ, ихъ передъ нами 8 печатныхъ томовъ, и всѣ они подписаны, каждый порознь, предсѣдателемъ и членами Редакціонной Коммисіи! И къ вящему нашему стыду,

эти объясненія переводились на иностранные языки и разсылались по бѣлу свѣту.

*) Замѣчанія эти напечатаны въ „Русскомъ Трудѣ" №№ 43, 44, 47 и 50—51, за 1898 г. и были предметомъ доклада въ Союзѣ ревнителей русскаго слова. Затѣмъ часть этихъ замѣчаній вошла въ составленныя мною „Замѣчанія Государственнаго Контролера на *Главу первую* проекта *Уголовнаго уложенія*", посланныя Т. И. Филипповымъ въ Государственный Совѣтъ при записѣ его на имя Статсъ-Секретаря П. А. Харитонова отъ 14 октября 1899 г.

Въ Обществѣ для содѣйствія Русской промышленнности и торговлѣ.

I.

Замѣчаніе на проектъ устава о несостоятельности, составленный Тайн. Сов. Туромъ *).

Присланный Министерствомъ Финансовъ на заключеніе Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ Проектъ устава о несостоятельности, составленный т. с. Туромъ, представляется столь неудовлетворительнымъ по изложенію и содержанію, что предполагать возможность замѣны имъ дѣйствующихъ законовъ о несостоятельности едва-ли есть основаніе.

Изложеніе Проекта отличается отсутствіемъ всякой системы, и почти каждою своею строкой свидѣтельствуетъ о неумѣніи автора справляться съ русскою рѣчью и о недостаточномъ знакомствѣ его съ русскою грамотой. Содержаніе Проекта, заимствованное, какъ видно изъ Объяснительной къ нему записки, изъ иностранныхъ конкурсныхъ уставовъ и проектовъ или сочиненное въ подражаніе имъ, не согласовано ни съ русскою жизнью, ни съ русскимъ уголовнымъ и гражданскимъ правомъ, содержитъ въ самомъ себѣ не мало противорѣчій и недомолвокъ, не смотря на огромное число (310) статей и чрезвычайное ихъ многословіе; нѣкоторыя же статьи Проекта поражаютъ своею несообразностію.

Подробное разсмотрѣніе Проекта съ указаніемъ всѣхъ его недостатковъ составило бы цѣлую книгу, объемомъ своимъ по меньшей мѣрѣ равную приложенной къ Проекту увѣсистой Объяснительной запискѣ. Такого вниманія къ себѣ Проектъ рѣшительно не заслуживаетъ; для подтвержденія же сдѣланнаго о немъ отзыва достаточно будетъ разсмотрѣть его *систему* и разобрать нѣсколько взятыхъ на удачу статей.

1. Въ объемистой, но мало содержательной Объяснительной запискѣ къ Проекту устава о несостоятельности, на стр. 14 сказано: «Проектъ распадаетъ (именно такъ: не распадается, а «распадаетъ»), на двѣ части, изъ которыхъ первая, въ двадцати главахъ, обнимаетъ собою постановленія, примѣняемыя къ неторговой несостоятельности, а вторая, въ двухъ главахъ, правила о торговой несостоятельности».

---

*) Замѣчанія эти были мною высказаны въ общемъ собраніи Общества для сод. р. пр. и т. и затѣмъ легли въ основаніе заключенія, составленнаго мною совмѣстно съ Л. Н. Нисселовичемъ и представленнаго обществомъ въ Министерство Финансовъ.

На самомъ же дѣлѣ, кромѣ этихъ двухъ частей, на которыя, по словамъ Объяснительной записки «распадаетъ» Проектъ, въ немъ есть еще одна, предпосланная первой и второй и, слѣдовательно, по мѣсту первая, а по счету третья часть, которая, однако, у автора почему-то въ счетъ не идетъ и главъ не имѣетъ; но четыре статьи, изъ которыхъ она состоитъ, введены авторомъ въ общій счетъ статей Проекта, вслѣдствіе чего первая глава первой его части начинается не первою, а прямо пятою статьей.

2. Проектъ удерживаетъ принятое нынѣ дѣйствующимъ закономъ, дѣленіе несостоятельности на два вида: *торговую* и *неторговую*. Но, по дѣйствующему закону, для признанія несостоятельности торговою, требуется, чтобы должникъ въ состояніе неоплатности пришелъ именно *по торговлѣ*; авторъ же Проекта отбрасываетъ этотъ реальный признакъ торговой несостоятельности, и довольствуется признакомъ чисто случайнымъ, который въ дѣйствительности при опредѣленіи вида несостоятельности никакого значенія имѣть не можетъ.

«Торговою», говоритъ 2 статья Проекта, «считается несостоятельность лицъ, товариществъ или обществъ, которыя снабдили (sic), себя купеческимъ свидѣтельствомъ или промысловымъ свидѣтельствомъ, на производство мелочного торга или на содержаніе промышленныхъ заведеній». Можно «снабдить» себя купеческимъ или промысловымъ свидѣтельствомъ съ цѣлью завести торговлю или промыселъ и не осуществить этого намѣренія, именно по разстройству своихъ дѣлъ, вызванному совсѣмъ другими причинами, предшествовавшими взятію торговаго или промысловаго свидѣтельства. Можно взять одно изъ этихъ свидѣтельствъ и вовсе не имѣя въ виду начинать торговлю или промыселъ, а для другихъ цѣлей, напр., для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ личныхъ по состоянію правъ или права участія въ городскомъ общественномъ управленіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, согласно статьѣ 2 Проекта, и совершенно неубѣдительнымъ доводамъ Объяснительной записки, несостоятельность, возникшую безъ всякаго отношенія къ торговлѣ, пришлось бы, вопреки здравому смыслу, признавать торговою. Негодность избраннаго авторомъ признака для опредѣленія торговой несостоятельности ясна, впрочемъ, изъ слѣдующаго окончанія той же статьи 2-й Проекта: «Изъ сего» (?) «изъемляются лица, которыя по закону обязаны снабжать себя купеческимъ свидѣтельствомъ, но которымъ законъ воспрещаетъ производить торговлю». Итакъ, сочинитель Проекта указываетъ цѣлый разрядъ лицъ, несостоятельность которыхъ, не смотря на то, что они «снабдили себя» купеческимъ свидѣтельствомъ, должна считаться неторговою, въ виду того, что законъ воспрещаетъ имъ производить торговлю. Можетъ, однако же, случиться, что, не смотря на запрещеніе закона, эти лица все-таки торговали или имѣли промыселъ и въ неоплатное состояніе, пришли именно вслѣдствіе этой торговли или промысла. По смыслу ст. 2 Проекта, несостоятельность и въ этомъ случаѣ, не смотря на наличность и формальнаго (купеческое свидѣтельство), и реальнаго (возникновеніе несостоятельнести изъ торговыхъ оборотовъ) признаковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что эта несостоятельность торговая, пришлось бы, опять таки вопреки здравому смыслу, признавать неторговою.

Но авторъ Проекта не ограничиваетъ признанія несостоятельности торговою, тѣми случаями, когда должникъ во время открытія его неоплатности, имѣлъ промысловое или купеческое свидѣтельство. По ст. 3 Проекта «несостоятельность означенныхъ въ предшедшей (не предыдущей, а, «предшедшей») статьѣ 2-й лицъ, товариществъ или обществъ, признается торговою и въ томъ случаѣ, если дѣло объ открытіи несостоятельности ихъ будетъ

возбуждено не позже двухъ лѣтъ со времени истеченія срока послѣднему купеческому или промысловому свидѣтельству, которымъ они были снабжены, хотя бы должникъ умеръ или товарищество или общество прекратилось. По Проекту, дѣла о несостоятельности обыкновенной, неторговой, вѣдаются общими окружными и мировыми судами, а о несостоятельности торговой—коммерческими судами. «Какая широкая возможность возраженій и пререканій о подсудности открывается статьею 3-ей Проекта! Сколько хлопотъ создается этою статьею для кредитора, желающаго возбудить дѣло о несостоятельности, необходимостью, для опредѣленія подсудности, разузнавать не «снабжалъ» ли себя его должникъ, когда-нибудь купеческимъ или промысловымъ свидѣтельствомъ, и если «снабжалъ», то когда истекъ срокъ послѣднему такому свидѣтельству! А между тѣмъ человѣкъ, прекратившій два года тому назадъ торговлю, быть можетъ, не оставилъ по ней никакихъ долговъ, а за тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ потерялъ нажитое торговлею и пришелъ въ неоплатное состояніе по обстоятельствамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ торговлей. При чемъ тутъ будетъ свидѣтельство, срокъ которому истекъ неполные два года тому назадъ, и почему въ этомъ случаѣ несостоятельность должна считаться торговою? На всѣ эти и имъ подобные вопросы и недоразумѣнія Проектъ и Объяснительная къ нему записка не даютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

Въ настоящее время, когда занятіе промышленностію и торговлею стало доступнымъ для лицъ всѣхъ сословій и состояній, при чемъ, какъ замѣчаетъ и составитель Проекта, во многихъ случаяхъ бываетъ чрезвычайно трудно или и вовсе невозможно опредѣлить, отъ какихъ именно дѣйствій или долговъ произошла несостоятельность, отъ торговыхъ ли или отъ обыкновенныхъ, житейскихъ, — въ Проектѣ новаго устава о несостоятельности, казалось бы, не было никакой необходимости подраздѣлять ее на торговую и неторговую. Вѣдь, не смотря на такое подраздѣленіе, по Проекту, какъ и по дѣйствующему закону, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ коммерческихъ судовъ, дѣла о несостоятельности всякаго рода, въ томъ числѣ и торговой, подчиняются вѣдѣнію общихъ судовъ. Поэтому было бы цѣлесообразно всѣ дѣла о несостоятельности подчинить вѣдѣнію общихъ судовъ, предоставивъ лишь послѣднимъ право передавать дѣла объ открывшейся несостоятельности въ суды коммерческіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда при производствѣ выяснится, что несостоятельность произошла отъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, и что для того, чтобы разобраться въ дѣлѣ, требуется знаніе коммерческаго счетоводства или торговыхъ обычаевъ и обрядовъ. При такой постановкѣ дѣла, уставъ о несостоятельности выигралъ бы въ стройности и цѣльности и число его статей могло бы быть значительно сокращено.

3. Первая часть разсматриваемаго Проекта озаглавлена «О неторговой несостоятельности», а глава первая этой части. «Положенія общія».— Въ какомъ смыслѣ и въ отношеніи чего общія? Изъ Объяснительной записки этого не видно. Если, судя по содержанію статей, положенія эти суть общія обоимъ видамъ несостоятельности—неторговой и торговой, то почему они изложены въ той части Проекта, которая, согласна ея заголовку и Объяснительной запискѣ, должна обнимать собою постановленія, примѣняемыя только къ несостоятельности неторговой?

4. Согласно Объяснительной запискѣ (стр. 14) и заголовкамъ подраздѣленій Проекта, въ главѣ I излагаются положенія *общія*, а въ слѣдующихъ главахъ—II, III и IV—постановленія о подсудности, о порядкѣ производства дѣлъ о несостоятельности *вообще*, объ открытіи несостоятельности должника.—Если въ этихъ главахъ (II, III, и IV) содержатся постановленія,

относящіяся къ несостоятельности вообще, то почему эти положенія не отнесены къ числу общихъ, а выдѣлены въ особыя главы?

5. Изъ содержанія дальнѣйшихъ V—XX главъ, 1-й части Проекта, легко убѣдиться въ томъ, что и въ нихъ излагается не что иное, какъ порядокъ производства дѣлъ о несостоятельности вообще, т. е. такія правила, которыя, по мысли автора Проекта, должны быть примѣняемы въ случаяхъ какъ неторговой, такъ и торговой несостоятельности, а слѣдовательно и эти главы содержатъ въ себѣ тоже положенія общія.

6. Во второй части Проекта «О торговой несостоятельности» въ названіи первой главы опять стоитъ слово «вообще». Изъ 41 статьи второй части нѣкоторыя содержатъ въ себѣ только ссылку на статьи первой части Проекта, другія—повтореніе статей первой части съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Эти измѣненія и дополненія безъ всякаго затрудненія могли бы быть введены въ первую часть или какъ дополненія соотвѣтствующихъ статей, или особыми добавочными статьями. Въ такомъ случаѣ Проекту «распадать» на двѣ части не было бы никакой надобности; развѣ постановленія о несостоятельности торговыхъ товариществъ и обществъ могли бы быть выдѣлены въ особое добавленіе къ общему уставу о несостоятельности.

7. Первая глава первой части Проекта начинается положеніемъ (ст. 5), «что послѣдствія несостоятельности наступаютъ съ того дня, когда состоялось постановленія суда объ открытіи несостоятельности должника». Слѣдомъ же за этимъ идетъ рѣчь о конкурсной массѣ и т. п. предметахъ, объ открытіи же несостоятельности говорится лишь въ главѣ 4-й Проекта. Такимъ образомъ, о послѣдствіяхъ говорится прежде, нежели о томъ, изъ чего они вытекаютъ. Логикою требуется обратный порядокъ изложенія. Уставъ о несостоятельности слѣдовало бы начать опредѣленіемъ общаго понятія о несостоятельности, указаніемъ общихъ ея признаковъ, а не отдѣльныхъ видовъ; за тѣмъ слѣдовало бы указать способы возбужденія дѣлъ о несостоятельности и порядокъ открытія производства по этимъ дѣламъ, а за тѣмъ уже перейти къ послѣдствіямъ открытія этого производства и различнымъ его подробностямъ.

8. Положенія о мировой сдѣлкѣ между несостоятельнымъ должникомъ и его кредиторами, изложены въ главѣ 16-й Проекта, послѣ главы 15 «о ликвидаціи долговъ», а глава 20 посвящена «мировой сдѣлкѣ въ предотвращеніе открытія несостоятельности». Между тѣмъ, по естественному порядку вещей, правила о мировыхъ сдѣлкахъ, совершаемыхъ въ предотвращеніе открытія несостоятельности, должны бы предшествовать статьямъ о мировыхъ сдѣлкахъ, которыми прекращаются дѣла о несостоятельности, уже открывшейся, и положеніе объ этихъ послѣднихъ сдѣлкахъ должно бы предшествовать правиламъ о ликвидаціи долговъ.

Такимъ образомъ то, что авторъ называетъ *системою* своего Проекта: подраздѣленіе послѣдняго на части и главы, размѣщеніе главъ, распредѣленіе по нимъ отдѣльныхъ положеній и самыя названія главъ, — лишено всякаго основанія и смысла.

9. Проектъ устава о несостоятельности не устраняетъ одного изъ существеннѣйшихъ недостатковъ дѣйствующаго закона. Какъ по уставу судопроизводства торговаго, такъ и по Проекту устава о несостоятельности, объявленіе несостоятельности совпадаетъ съ открытіемъ конкурснаго производства, цѣль котораго и состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы выяснить насколько состоятеленъ или несостоятеленъ должникъ.

По ст. 502 Устава судопроизводства торговаго, судъ, разсмотрѣвъ,

заявленные ему признаки неоплатности и выслушавъ словесныя объясненія должника, въ томъ же, первомъ, своемъ засѣданіи объявляетъ должника несостоятельнымъ и подписываетъ о томъ опредѣленіе. Между тѣмъ, нерѣдко бываетъ, что по выясненіи конкурсомъ имущественнаго положенія лица, объявленнаго уже несостоятельнымъ, имущество его оказывается достаточнымъ для покрытія всѣхъ долговъ; или же относительно удовлетворенія послѣднихъ достигается мировое соглашеніе. Такимъ образомъ состоявшееся уже объявленіе несостоятельности оказывается преждевременнымъ, несоотвѣтствующимъ дѣйствительному имущественному положенію должника и отношеніямъ къ нему его кредиторовъ. Поэтому въ новомъ уставѣ о несостоятельности слѣдовало бы установить строгое различіе между открытіемъ производства о несостоятельности, имѣющаго цѣлью выяснить имущественное положеніе должника, и признаніемъ и объявленіемъ должника несостоятельнымъ, какъ результатомъ конкурснаго производства. На основаніи обнаружившихся или заявленныхъ суду обстоятельствъ, указывающихъ на несостоятельность даннаго лица, судъ долженъ, удостовѣрясь въ этихъ признакахъ, составить опредѣленіе объ открытіи производства о несостоятельности, сдѣлать вызовъ заимодавцевъ и должниковъ и принять мѣры къ предупрежденію растраты и сохраненію цѣлости имущества должника. За тѣмъ, уже по выясненіи путемъ конкурснаго производства долговъ и имущества и по реализаціи послѣдняго, должно быть составлено конкурсное заключеніе, а за тѣмъ и опредѣленіе суда или о признаніи и объявленіи должника несостоятельнымъ, съ указаніемъ свойствъ несостоятельности, или же о прекращеніи дѣла съ возстановленіемъ полной правоспособности и дѣеспособности заподозрѣннаго въ несостоятельности лица, оказавшагося въ дѣйствительности состоятельнымъ. Основаніемъ же для окончательнаго опредѣленія о несостоятельности лица, должна быть исключительно неоплатность долговъ, т. е. недостаточность всего имущества должника для удовлетворенія всѣхъ кредиторовъ капитальными суммами долговъ, при несогласіи при томъ кредиторовъ на скидку, обожданіе или разсрочку.

10. Въ Проектѣ введено множество новыхъ иностранныхъ словъ для обозначенія органовъ и предметовъ конкурснаго производства и судебнаго за ними надзора, какъ напримѣръ, конкурсный попечитель (вмѣсто присяжнаго), конкурсные судьи, комитетъ кредиторовъ, судья-комисаръ, *ленныя* имѣнія (ст. 123); вмѣсто «имущество» вездѣ, гдѣ и не надо, «масса», и т. д. при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ заимствованныхъ названій, какъ напримѣръ, судья-комисаръ, рѣшительно ничего собою не выражаютъ. При составленіи новыхъ законопроектовъ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду необходимость очищенія нашего законодательнаго языка, отъ вошедшихъ въ него въ прежнее время не русскихъ словъ, а не переполнять его безъ всякой нужды новыми варваризмами. Но при компилятивномъ характерѣ Проекта и недостаточномъ знакомствѣ его автора съ русскимъ языкомъ убречься отъ варваризмовъ, конечно, было не легко.

11. Вообще же изложеніе Проекта таково, что, если бы нѣкоторыя изъ содержащихся въ немъ новыхъ положеній и поправокъ къ дѣйствующимъ правиламъ конкурснаго производства, какъ напримѣръ, объединеніе и сосредоточеніе этого производства въ рукахъ конкурснаго (присяжнаго) попечителя, назначаемаго судомъ не изъ кредиторовъ, по существу и представлялось полезнымъ внести въ будущій законъ о несостоятельности, то взять эти положенія и поправки въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ статьяхъ Проекта, безъ полной ихъ передѣлки, рѣшительно невозможно;

ибо, кромѣ указаннаго въ предыдущемъ замѣчаніи недостатка—варваризмовъ,—статьи Проекта вообще изложены до того нескладно, до того не по-русски, что увидѣть въ нихъ дѣйствующій въ Россіи законъ, было бы для русскихъ людей возмутительно и постыдно. Отличаясь крайнимъ многословіемъ, излагая то, что можетъ быть сказано въ одной коротенькой статьѣ, во многихъ длиннѣйшихъ статьяхъ, разбросанныхъ иногда по разнымъ главамъ и частямъ, Проектъ, при всемъ этомъ многословіи и обиліи статей, страдаетъ недомолвками, возбуждающими разныя недоразумѣнія и вопросы, на которые ни самый Проектъ, ни Объяснительная къ нему записка не даютъ отвѣта. Въ подтвержденіе только что сказаннаго о языкѣ и недомолвкахъ Проекта, вотъ нѣсколько его статей, взятыя на удачу:

Статья 1. «Несостоятельность есть торговая или неторговая». Для русскаго человѣка ясно, что эта первая статья Проекта изложена хотя и русскими словами, но не по-русски. По-русски слѣдовало сказать: «Несостоятельность бываетъ торговая и неторговая».

Статья 30. «Публикація производится посредствомъ однократнаго припечатанія объявленія въ Сенатскихъ объявленіяхъ, въ Вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а также посредствомъ прибитія объявленія къ дверямъ суда.

«Объявленіе объ открытіи несостоятельности троекратно припечатывается въ вышеозначенныхъ изданіяхъ и сверхъ сего въ назначенныхъ Министромъ Юстиціи издаваемыхъ въ Россіи иностранныхъ газетахъ: одной французской и одной нѣмецкой.

«По маловажнымъ дѣламъ (ст. 18) объявленіе припечатывается однократно въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, и объявленіе объ открытіи несостоятельности, сверхъ сего въ Сенатскихъ объявленіяхъ и въ Вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ».

Въ первой же строкѣ этой длинной статьи—недомолвка: не сказано, о чемъ публикація и чьимъ распоряженіемъ она производится. На первый изъ вопросовъ въ Проектѣ вовсе нѣтъ отвѣта; изъ дальнѣйшаго текста той же 30-й статьи видно только, что «однократная» публикація, о которой говорится въ началѣ статьи, имѣетъ своимъ предметомъ и цѣлью объявленіе не объ открытіи несостоятельности, которое публикуется трижды, а о чемъ-то другомъ; но о чемъ именно, это остается тайной составителя Проекта. «Объявленіе объ открытіи несостоятельности троекратно припечатывается въ вышеозначенныхъ» (почему—не «въ названныхъ»?) «изданіяхъ)».

«По маловажнымъ дѣламъ (ст. 18) объявленіе припечатывается однократно въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а объявленіе объ открытіи несостоятельности сверхъ сего въ Сенатскихъ Объявленіяхъ и Вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ».—И относительно маловажныхъ дѣлъ, опять та же недомолвка: однократно печатается въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе о чемъ?

При томъ эта публикація имѣетъ между прочимъ цѣлью вызвать кредиторовъ, и такъ: можно ли до поступленія отъ нихъ заявленій рѣшить что открывшаяся несостоятельность маловажная, т. е., что сумма конкурсныхъ долговъ не превыситъ 5.000 рублей, (ст. 18 Проекта)? А если по публикаціи ихъ будетъ заявлено на большую сумму, что же тогда: дѣлать сызнова публикацію, уже «троекратную», или только двукратную? Проектъ объ этомъ умалчиваетъ.

На второй изъ упомянутыхъ выше вопросовъ, возбуждаемыхъ приведенною статьею Проекта, т. е.,—чьимъ распоряженіемъ производится

публикація? дается отвѣтъ въ слѣдующей уже главѣ Проекта, въ статьѣ 48, но и этотъ отвѣтъ не достаточно опредѣленъ: «Въ самый день воспослѣдованія (?!) постановленія объ открытіи несостоятельности должника судъ дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы объявленіе объ открытіи несостоятельности было опубликовано порядкомъ, указаннымъ въ статьѣ 30». О томъ, что объявленіе печатается распоряженіемъ суда, проще было упомянуть въ статьѣ 30, тогда не потребовалось бы говорить объ этомъ въ статьѣ 48; за тѣмъ изъ этой статьи видно только, что судъ дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы объявленіе о несостоятельности было распубликовано; но кто обязанъ исполнять это распоряженіе суда: самъ ли судъ, черезъ свою канцелярію, посылаетъ объявленіе куда слѣдуетъ, для напечатанія, или это входитъ въ обязанность конкурснаго попечителя, или судьи-комиссара?—этотъ вопросъ остается открытымъ.

Статья 31. «Публикація вступаетъ въ силу со дня припечатанія объявленія въ Сенатскихъ объявленіяхъ, а въ случаѣ многократнаго припечатыванія со дня припечатанія въ нихъ послѣдней публикаціи».

«Если публикація производится посредствомъ припечатанія объявленія, въ однѣхъ лишь мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то она вступаетъ въ силу со дня припечатанія объявленія въ сихъ Вѣдомостяхъ». Что это значитъ: публикація «вступаетъ въ силу со дня припечатанія последней публикаціи?». Значитъ ли это, что, прочитавъ первую публикацію объ открытіи такой несостоятельности, о которой должно быть сдѣлано еще двѣ публикаціи, кредиторъ не въ правѣ заявить о причитающемся ему долгѣ, а лицо, владѣющее имуществомъ должника, не обязано заявлять объ этомъ имуществѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ третья публикація? Или этими словами «вступаетъ въ силу со дня» и т. д., авторъ Проекта хотѣлъ указать только день, съ котораго долженъ быть исчисляемъ срокъ, назначаемый кредиторамъ для заявленія ихъ претензій? То-ли или другое хотѣлъ онъ выразить приведенною статьею Проекта, во всякомъ случаѣ слѣдовало высказаться короче и яснѣе.

Въ дѣйствующемъ законѣ (статья 508 устава судопроизводства торговаго), объявленіямъ о несостоятельности, придана между прочимъ та сила, что вслѣдствіе этихъ объявленій «во всѣхъ мѣстахъ полагается запрещеніе въ продажѣ и залогѣ на все движимое и недвижимое имущество должника точно такъ же, какъ бы запрещеніе было отъ суда послано прямо въ то мѣсто, въ вѣдомствѣ коего состоитъ имущество». Должны ли объявленія, о которыхъ говорится въ статьяхъ 30 и 31 Проекта, имѣть такую же силу,—изъ Проекта не видно.

И такъ, на такую не мудреную вещь, какъ порядокъ объявленія въ газетахъ объ открывшейся несостоятельности, понадобилось нѣсколько статей, занимающихъ въ сложности чуть не двѣ страницы печатнаго текста, въ которыхъ наговорено много лишняго и не сказано много того, что слѣдовало сказать, чтобы устранить опасную въ этомъ дѣлѣ неопредѣленность. А какая какофонія и сбивчивость терминовъ въ этихъ статьяхъ! То «публикація производится посредствомъ припечатанія объявленія въ Сенатскихъ объявленіяхъ... и прибитія объявленія»; то (по маловажнымъ дѣламъ) «объявленіе» (не извѣстно о чемъ) «припечатывается однократно въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а объявленіе объ открытіи несостоятельности сверхъ сего въ Сенатскихъ объявленіяхъ» и т. д.; то «публикація вступаетъ въ силу со дня припечатанія объявленія въ Сенатскихъ объявленіяхъ», то (въ случаѣ многократнаго припечатанія), «публикація вступаетъ въ силу со дня припечатанія... послѣдней публикаціи».

Можно ли осквернять русское законодательство подобнымъ языкомъ?

Статья 5. «Послѣдствія несостоятельности наступаютъ съ начала того дня, когда состоялось постановленіе суда объ открытіи несостоятельности». Почему съ начала, а не въ серединѣ дня, т. е., не съ той минуты, когда состоялось постановленіе суда? И съ какого времени слѣдуетъ считать начало этого дня: съ предшествовавшей ли ему полночи или съ другого какого-либо момента? Вопреки словамъ Объяснительной записки, эта статья Проекта не только не «опредѣляетъ въ точности моментъ, съ котораго наступаютъ послѣдствія несостоятельности», но создаетъ только лишнее затрудненіе для опредѣленія этого момента.

Неопредѣленность и нескладица,—почти въ каждой статьѣ Проекта. Такъ: въ статьѣ 40 «судъ назначаетъ засѣданіе... на ближайшій по возможности (?) срокъ». По той же статьѣ, «должникъ не вызывается, когда вызовъ его долженъ послѣдовать черезъ публикацію»... и судъ «вызываетъ представителей (?) должника или кого-либо (?) изъ домашнихъ (?) его».— Въ статьѣ 38, «коль скоро сіе окажется возможнымъ», вмѣсто — когда окажется возможнымъ; въ статьѣ 52 опять «коль скоро» вмѣсто — если. Въ статьѣ 41, «равнымъ образомъ судъ поступаетъ и въ томъ случаѣ» вмѣсто—такъ же поступаетъ судъ и т. д. Вмѣсто того, чтобы сказать: съ того дня, когда состоялось постановленіе суда, или просто: со времени постановленія суда,—въ статьѣ 46 говорится «со времени воспослѣдованія (!) постановленія»; вмѣсто того, чтобы сказать: одновременно съ постановленіемъ объ открытіи несостоятельности, судъ дѣлаетъ распоряженіе о томъ то, въ приведенной уже выше статьѣ 48 говорится: «въ самый (?) день воспослѣдованія постановленія объ открытіи несостоятельности» и т. д. Въ статьѣ 50—«судъ» опять—«въ самый день воспослѣдованія постановленія... сообщаетъ объ открытіи несостоятельности должника мѣстному почтовому учрежденію». Для какой цѣли дѣлаетъ это судъ, — не досказано. Въ статьѣ 56, «распоряженія (неизвѣстно какія и о чемъ) судьи-комиссара могутъ быть обжалованы суду въ теченіе трехъ дней» (считая съ какого времени—не извѣстно). По статьѣ 61 «въ назначенномъ для сего» (это совершенно лишнее «для сего» относится не къ предыдущему, а къ послѣдующему), «общемъ собраніи кредиторы въ правѣ избрать другое лицо, въ замѣнъ назначеннаго судомъ конкурснаго попечителя. Судъ, однако, можетъ отказать въ назначеніи избраннаго лица конкурснымъ попечителемъ». Что въ этомъ послѣднемъ случаѣ кредиторамъ дѣлать: могутъ ли они снова собраться «для сего» въ общее собраніе и выбрать третье лицо, а судъ опять можетъ его не утвердить, и такъ до безконечности, или кредиторы должны помириться съ первою неудачею и остаться при попечителѣ, назначенномъ судомъ, или, наконецъ, какая-либо высшая инстанція должна разрѣшить столкновеніе суда съ общимъ собраніемъ кредиторовъ, — никакихъ указаній по этому предмету въ Проектѣ не содержится.

По ст. 14—«въ случаѣ отказа конкурснаго попечителя отъ возобновленія дѣла, по иску о присужденіи имущества въ пользу конкурсной массы, начатому несостоятельнымъ должникомъ, о возобновленіи дѣла, въ правѣ просить самъ несостоятельный должникъ».—Въ чемъ долженъ выразиться отказъ конкурснаго попечителя отъ возобновленія дѣла: въ письменномъ ли его заявленіи, или просто въ фактѣ невозобновленія дѣла въ извѣстный и въ какой именно срокъ,—по этому предмету никакихъ указаній нѣтъ въ Проектѣ, а безъ такихъ указаній представляемое статьей 14 несостоятельному должнику право самому возобновить дѣло—неосуществимо.

Не мало въ Проектѣ статей, взаимно несогласованныхъ и противо-

рѣчивыхъ. Такъ напримѣръ, по статьѣ 37, «дѣло о несостоятельности можетъ быть возбуждено не иначе, какъ по просьбѣ самого должника или кого-либо изъ его кредиторовъ», а по статьѣ 247, оно можетъ быть возбуждено также наслѣдниками и душеприказчиками должника и каждымъ изъ «наслѣдственныхъ» (?!) кредиторовъ. По статьѣ 217, мировая сдѣлка не можетъ быть утверждена судомъ, если она «противорѣчитъ общему интересу конкурсныхъ кредиторовъ второго разряда», а по статьѣ 221, утвержденная судомъ мировая сдѣлка «имѣетъ силу какъ въ пользу, такъ и противъ всѣхъ второразрядныхъ кредиторовъ, хотя бы они не участвовали въ конкурсномъ производствѣ или въ обсужденіи мировой сдѣлки, или изъявили несогласіе на принятіе оной».—Какимъ образомъ при этомъ несогласіи и въ виду статьи 217, подобная сдѣлка можетъ быть утверждена судомъ, и почему она должна непоколебимо сохранять свою силу,—этого недоумѣнія Проектъ не разрѣшаетъ.

Но самое лучшее понятіе о достоинствахъ Проекта устава о несостоятельности даетъ статья 94 Проекта, достопримѣчательнѣе которой, какъ по изложенію, такъ и по содержанію трудно себѣ что-нибудь представить. Вотъ эта статья:

«Недѣйствительными по отношенію къ конкурснымъ кредиторамъ, по спору ихъ, признаются:

1) Дарственныя распоряженія, совершенныя должникомъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, до открытія его несостоятельности, за исключеніемъ тѣхъ распоряженій, предметъ коихъ составляетъ обычный порядокъ (?!);

2) дарственныя распоряженія, совершенныя должникомъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ до открытія его несостоятельности, въ пользу супруга (?!), до заключенія брака (!), или во время брака (!), восходящихъ или нисходящихъ родственниковъ, братьевъ или сестеръ его самого или его супруга (sic), или въ пользу супруга одного изъ поименованныхъ лицъ.

«Возмездныя распоряженія, совершенныя должникомъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ до открытія его несостоятельности, въ пользу поименованныхъ въ § 2 настоящей статьи лицъ, почитаются дарственными, развѣ (sic) лицо, воспользовавшее такимъ распоряженіемъ, докажетъ (?) противное».

По буквальному грамматическому смыслу § 2 приведенной статьи, можетъ быть супругъ до заключенія брака; у несостоятельнаго должника и у его брата тоже может быть не супруга, а супругъ, и у этого супруга можетъ быть еще третій супругъ! Но, не останавливаясь на грамматической нескладицѣ этой статьи, обратимся къ разсмотрѣнію того содержанія, какое влагалъ въ нее самъ авторъ.

И такъ, дарственныя распоряженія, совершенныя должникомъ въ пользу постороннихъ лицъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, а въ пользу родственниковъ и свойственниковъ, въ теченіе десяти лѣтъ до открытія несостоятельности, признаются, безъ всякаго разслѣдованія дѣла, въ силу самого закона, недѣйствительными по тому, конечно, предположенію, что они намѣренно сдѣланы во вредъ кредиторамъ. Но есть ли для этого какое-нибудь разумное юридическое или нравственное основаніе? Въ жизни, несомнѣнно, бываютъ случаи несостоятельности, которой должникъ не могъ предвидѣть не только за десять лѣтъ, но и за десять мѣсяцевъ до своего разоренія. Случаи же несостоятельности, къ которой готовятся въ теченіе десяти лѣтъ, хотя вообще и мыслимы, но въ дѣйствительности они могутъ встрѣчаться только какъ исключительная рѣдкость. И вотъ ради такой,

скорѣе воображаемой, нежели дѣйствительной возможности подобныхъ случаевъ, всѣ несостоятельные должники, совершившіе за 8—9 лѣтъ, до своей несостоятельности дареніе, особенно въ пользу родного или близкаго человѣка, безъ всякаго разбора и разсмотрѣнія и безъ всякаго извиненія и пощады, признаются, въ силу самого закона, людьми, злонамѣренно передавшими въ другія руки свое имущество, во вредъ конкурснымъ кредиторамъ, которые въ то время вовсе еще и не были ихъ кредиторами. Согласно статьямъ 553—555, Устава судопроизводства торговаго, безмездная передача имущества и передача его родственникамъ въ теченіе 10 лѣтъ, до открытія несостоятельности, признается недѣйствительной, не иначе, какъ по признаніи судомъ, что передача совершена противозаконно во вредъ заимодавцамъ. Объяснительная записка къ Проекту устава о несостоятельности, предполагаетъ злой умыселъ какъ въ передавшемъ имущество, такъ и въ тѣхъ, кому оно передано. Но изъ статьи 94 вытекаютъ и не такія еще послѣдствія. Въ случаѣ узаконенія, — чего Боже сохрани и чего, конечно, быть не можетъ,—правилъ, изложенныхъ въ этой статьѣ, всѣ вообще имущественныя сдѣлки—безвозмездныя и возмездныя, дареніе и дача приданаго, залогъ и купля-продажа, между родственниками и свойственниками и между посторонними совершенно людьми,—одинаково становятся невозможными иначе, какъ подъ страхомъ для обѣихъ сторонъ быть въ послѣдствіи ошельмованными и лишиться пріобрѣтеннаго сдѣлкою имущества въ пользу неизвѣстныхъ третьихъ лицъ — конкурсныхъ кредиторовъ. Ибо въ продолженіе десяти лѣтъ совершившій дареніе или продажу, можетъ разориться и впасть въ несостоятельность, а покупщикъ, или принявшій даръ можетъ неожиданно для себя, черезъ бракъ какого-нибудь родственника или свойственника своего или своей супруги,—очутиться въ такой степени родства или свойства съ несостоятельнымъ должникомъ, въ силу которой совершенная ими нѣкогда bona fide имущественная сдѣлка станетъ вдругъ, по статьѣ 94 разсматриваемаго законопроекта, злонамѣренною и недѣйствительной.

Хотя въ концѣ 94 статьи и предоставляется право доказывать «противное», но въ Проектѣ нѣтъ указаній на счетъ того, какого рода должны быть представлены въ этомъ случаѣ доказательства. А это не мѣшало сдѣлать, такъ какъ: если, напримѣръ, продажа имѣнія, удостовѣренная крѣпостнымъ актомъ, будетъ объявлена въ силу самого закона (статья 94) не возмезднымъ, а дарственнымъ распоряженіемъ, то какими способами можно доказать противное: свидѣтельскими ли показаніями, которыя вообще не принимаются противъ письменныхъ актовъ, клятвами ли, или быть можетъ авторъ Проекта предложитъ возобновить для этого — испытаніе водою и огнемъ?

Указанныхъ несообразностей Проекта, кажется, достаточно для того, чтобы придти къ выводу, что этотъ Проектъ нельзя серьезно считать готовымъ законопроектомъ, требующимъ только нѣкоторыхъ частныхъ дополненій и поправокъ, а не совершенной передѣлки отъ первой его строки и до послѣдней.

II.

О проектѣ денежной реформы *).

Главныя основанія, изъ которыхъ выходятъ какъ защитники, такъ и противники задуманной денежной реформы, по моему мнѣнію, совершенно неправильны. Въ сущности, и защитники реформы, и ея противники стоятъ на одной и той же почвѣ, исходятъ изъ положеній, которыя тѣ и другіе считаютъ непререкаемыми истинами, аксіомами, нетребующими доказательствъ, а, между тѣмъ, эти положенія противорѣчатъ не только явленіямъ дѣйствительности, но и тѣмъ выводамъ, какіе обыкновенно на нихъ строятъ.

Такъ, во-первыхъ: обѣ стороны смотрятъ на кредитные билеты, какъ на нѣкоторое зло, которое слѣдуетъ устранить, какъ на долговыя обязательства, векселя, выданные казною населенію, которые чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше погасить, разсчитавшись по нимъ, и непремѣнно золотомъ; споръ идетъ только о томъ — al pari или по курсу. Но, если смотрѣть на кредитный рубль, какъ на долговой документъ, какъ на вексель, выданный казною населенію, если казна—должникъ, а держатели бумажныхъ денегъ—ея кредиторы, то, очевидно, что казна обязана заплатить свой долгъ тѣмъ металломъ, на который выданъ ею долговой документъ, а такъ какъ кредитный нашъ рубль есть *рубль серебра*, а не золота, и такъ какъ притомъ по закону (маниф. 1-го іюля 1839 г., 1-го іюля 1841 г., 1-го іюня 1843 г. и друг.) главною, основною монетою, признается рубль серебряный а не золотой, то, очевидно, при такихъ условіяхъ ни одинъ судъ не присудилъ бы должника платить за заемъ, сдѣланный въ серебрянной валютѣ, не серебромъ, а золотомъ,— только потому, что золото вздорожало, а серебро упало въ цѣнѣ. Вѣдь если бы въ странѣ ходили не представители серебряныхъ рублей, кредитные билеты, а сами рубли, то никто не отважился бы требовать обмѣна ихъ на золото по указному курсу (5 р. 15 коп. за полуимперіалъ), опредѣлявшему нѣкогда дѣйствительное отношеніе стоимости золота и серебра, если это отношеніе уже совершенно измѣнилось. Такимъ образомъ, если считать кредитный рубль долговымъ документомъ, то

*) Сказано 3-го апрѣля 1896 г. въ Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Напечатано въ «Новомъ Времени» въ № 7222 отъ 8-го апрѣля.

правительство отнюдь не нарушило бы ничьихъ правъ и своихъ нравственныхъ обязанностей, заплативъ долгъ тѣмъ металломъ, которымъ оно его сдѣлало, т. е. серебромъ, и требованіе уплатить его золотомъ по прежнему указному (5 руб. или 5 руб. 15 коп.) курсу рѣшительно ни на чемъ не основано, и не только удовлетвореніе такого требованія, но и платежъ золотомъ по курсу кредитнаго рубля, если послѣдній стоитъ въ цѣнѣ выше серебра, было бы несправедливымъ нарушеніемъ правъ казны. Итакъ, передъ нами слѣдующее положеніе вещей: расплата за кредитные рубли серебромъ совершенно законна, но была бы убыточна для тѣхъ владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ, которымъ потребуется обмѣнить полученное за нихъ серебро на золото или на иностранные товары; расплата золотомъ совершенно неправильна и убыточна для казны. Не ясно ли отсюда, что кредитный рубль, вопреки сдѣланнымъ на немъ надписямъ, имѣетъ нынѣ свою особую, совершенно независимую отъ золота и серебра цѣнность? И въ самомъ дѣлѣ, населеніе золота и серебра подъ кредитные рубли правительству не ссужало, оно получило ихъ отъ него за исполненную для него полезную работу. Для огромнаго большинства населенія бумажныя деньги ничѣмъ не хуже металлическихъ, и онѣ нужны ему не для обмѣна на металлъ, а для того, чтобы часть ихъ отдать той же казнѣ въ налогахъ и пошлинахъ, а другою частью пользоваться, какъ покупнымъ средствомъ въ повседневныхъ комерческихъ сдѣлкахъ. Единица народнаго труда, оплачиваемая въ настоящее время кредитнымъ рублемъ, очевидно, цѣнится дороже рубля серебрянаго и дешевле указного золотого. Поэтому, если бы была настоятельная необходимость замѣнить бумажныя деньги металлическими, то съ этой точки зрѣнія на кредитный рубль, какъ на *эквивалентъ труда*, было бы вполнѣ правильно оплатить его золотомъ по современному курсу, какъ и предполагаетъ сдѣлать министерство финансовъ. Но позволительно думать, что необходимости въ такомъ обмѣнѣ нѣтъ, ибо огромному большинству населенія, повторяю, нужно не золото и серебро, а именно—деньги, которыми оно могло бы заплатить повинности и подати и пользоваться, какъ мѣновымъ орудіемъ при повседневномъ обмѣнѣ цѣнностей и услугъ. Бумажныя деньги этимъ потребностямъ населенія вполнѣ удовлетворяютъ, и потому запасъ золота, казалось бы, лучше сохранить; ибо если даже пущенное въ обращеніе золото и не уйдетъ изъ Россіи, то все-таки *въ казнѣ* его не будетъ и въ нужную минуту придется снова его занимать.

Второе ходячее положеніе, которое также считается аксіомой,—это — переполненіе, будто бы, нашего денежнаго рынка

кредитными билетами, — ихъ излишество. Такъ, противникъ реформы Ходскій видитъ недостатокъ реформы въ томъ, что ею не совершенно уничтожается бумажное обращеніе, и ставитъ требованіе, чтобы новые билеты выпускались не иначе, какъ подъ обезпеченіе золотомъ рубль за рубль. Г. Миклашевскій — тоже, кажется, профессоръ, — защитникъ реформы, — указываетъ, какъ на ея достоинство на то, что по ея осуществленіи количество денежныхъ знаковъ будетъ почти такое же, какимъ оно было въ 1854 году. Но неужели же народъ, численность котораго увеличилась болѣе чѣмъ въ два раза, который перешелъ по упраздненіи крѣпостной зависимости съ натуральнаго хозяйства на денежное, овладѣлъ новыми обширными областями и заселилъ многія пустынныя прежде пространства, — неужели этотъ 120-ти милліонный народъ можетъ и теперь довольствоваться, не бѣдствуя, тѣмъ же количествомъ денежныхъ знаковъ, какимъ довольствовался прежде, когда въ немъ числилось всего 50 или 60 милліоновъ душъ? Но съ тѣхъ поръ государственная роспись увеличилась втрое или вчетверо, и доходная смѣта государства равняется теперь и даже уже превысила все количество обращающихся въ государствѣ денегъ (1,120 мил. руб. кр.). Такимъ образомъ, государство въ теченіе года требуетъ въ свои кассы всю денежную наличность страны. Но вѣдь изъ этой числящейся по счетамъ наличности многое уничтожилось отъ разныхъ случайныхъ и естественныхъ причинъ; огромное количество денегъ находится въ состояніи связанномъ — въ пересылкѣ, въ банкахъ, казначействахъ; что же остается населенію для его повседневныхъ оборотовъ и обязательныхъ платежей? Недостатокъ денежныхъ знаковъ, имѣющихъ жизненное значеніе для трудящейся части населенія, и непомѣрное количество государственныхъ и гарантированныхъ процентныхъ бумагъ, которыя на оплату процентовъ требуютъ въ свою очередь отъ народа денегъ, составляя сами мертвый капиталъ, — вотъ главная причина нашихъ экономическихъ бѣдствій, безработицы и отсутствія сбереженій на черный день. Я назвалъ процентныя бумаги мертвымъ капиталомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый крупный казенный подрядчикъ беретъ отъ казны денежный авансъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, отъ заложенныхъ бумагъ онъ рѣжетъ купоны, а работаетъ не на эти бумаги, а на взятыя изъ казны авансомъ деньги. Итакъ, на оплату всякаго труда государству и народу нужны деньги, и, если ихъ мало въ обращеніи, — падаютъ цѣны на трудъ и вовсе останавливается производительная работа; трудоспособное населеніе вынуждено сидѣть безъ дѣла и голодать. Но какіе-нибудь 9 рублей въ среднемъ на душу — не-

ужели это достаточное количество денегъ въ необъятной странѣ при отсутствіи какихъ бы то ни было другихъ орудій обмѣна и расплаты? Можно ли при такомъ положеніи дѣла и при недостаточномъ сравнительно запасѣ металла говорить о возможности совершеннаго упраздненія бумажныхъ денегъ или о выпускѣ ихъ не иначе, какъ подъ металлическое обезпеченіе рубль за рубль?

Здѣсь мы встрѣчаемся опять съ цѣлымъ рядомъ несогласимыхъ противорѣчій. Финансовому вѣдомству дѣлаютъ упрекъ въ увеличеніи государственной задолженности за то время, когда скопленъ золотой запаеъ. Но если гоняться за золотымъ рублемъ, который, по экономическимъ причинамъ, постоянно уходитъ за границу, если допускать выпуски денегъ не иначе, какъ металломъ или подъ металлическое обезпеченіе, то, очевидно, что золото придется постоянно занимать, а займы, въ свою очередь, увеличиваютъ ежегодный отливъ золота за границу. Говорятъ съ укоризнами о постоянномъ ростѣ государственнаго бюджета и, въ то же время, о неудовлетвореніи многихъ настоятельныхъ народныхъ и государственныхъ нуждъ. Но бюджетъ великаго государства не можетъ не увеличиваться соотвѣтственно росту его населенія, потребностей и задачъ. Взимаемое съ народа государство ему же и отдаетъ, и народъ легко вынесетъ и большій бюджетъ, если у него будетъ обильный заработокъ и платежныя средства. Итакъ, если есть возможность дать населенію серебромъ и золотомъ не полъ, а два милліарда рублей, то пусть будетъ металлическое обращеніе; если же металла нѣтъ, то не слѣдъ его занимать, ибо занятое уйдетъ съ лихвою обратно. Въ этомъ случаѣ безъ бумажныхъ денегъ не обойтись и небходимо дать ихъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы народъ не бѣдствовалъ отъ недостатка орудій обмѣна—денегъ, а будутъ ли онѣ металлическія или бумажныя—народу все равно.

Странное дѣло: противники бумажноденежнаго обращенія считаютъ опаснымъ и тягостнымъ для государства и народа милліардъ кредитныхъ рублей, которые служатъ народу единственнымъ платежнымъ и мѣновымъ средствомъ, безъ котораго онъ жить и выполнять свою обязанность въ отношеніи государства не можетъ, и не видятъ опасности, по крайней мѣрѣ меньше придаютъ ей значенія, въ выпускахъ займовъ и гарантированныхъ процентныхъ бумагъ, размѣщаемыхъ за-границей и обязывающихъ государство къ срочнымъ платежамъ металломъ, въ которомъ оно и безъ того уже терпитъ недостатокъ. Когда рѣчь заходитъ о бумажныхъ деньгахъ, возражаютъ обыкновенно опасеніемъ произвола, неумѣренности, злоупотребленій

при ихъ выпускѣ. Но злоупотреблять можно всякою вещью; при несоблюденіи мѣры и хлѣбъ насущный обращается въ ядъ. При выпускѣ займовъ и процентныхъ бумагъ воможность злоупотребленій обширнѣе, чѣмъ при выпускѣ кредитныхъ билетовъ, ибо подробности реализаціи и выпуска процентныхъ бумагъ (% реализаціи, куртажъ и т. п.), по условіямъ биржевой и банкирской техники, не могутъ быть опредѣляемы законодательнымъ учрежденіемъ и не поддаются контролю. Поэтому при обсужденіи вопроса о достоинствѣ кредитныхъ билетовъ, какъ орудія денежнаго обращенія, необходимо разсматривать этотъ предметъ въ его сущности, а не со стороны возможныхъ въ немъ злоупотребленій. Выпускать кредитные билеты безъ нужды и мѣры, конечно, нельзя. Какъ опредѣлить эту мѣру, это вопросъ финансовой техники. Но, если имѣются неудовлетворенныя государственныя потребности, напримѣръ, въ сооруженіи необходимыхъ дорогъ, и незанятая рабочая сила, то государство поступаетъ нерасчетливо, если не пользуется этой рабочей силой и не удовлетворяетъ своей потребности только потому, что у него нѣтъ денежныхъ знаковъ для расчета. Государство есть не что иное, какъ организація всѣхъ народныхъ силъ и средствъ, и если ему чего-либо не достаетъ для выполненія его задачъ, то оно призвано устранить и восполнить недостатокъ. Поэтому, если собрать съ народа потребныя для дѣла средства путемъ повышенія налоговъ также нельзя, по отсутствію и въ народѣ свободныхъ средствъ, то увеличеніе при этихъ условіяхъ количества обращающихся денежныхъ знаковъ уплатою ихъ нуждающемуся въ работѣ населенію за производительный трудъ — будетъ дѣломъ не только справедливымъ и законнымъ, но и вполнѣ необходимымъ. Произведенная въ этомъ случаѣ народнымъ трудомъ цѣнность, напримѣръ, желѣзная дорога, портъ и т. п., можетъ считаться матеріальнымъ обезпеченіемъ сдѣланнаго для выполненія этой работы выпуска денежныхъ знаковъ—отнюдь не хуже мѣшковъ золота, перенесенныхъ изъ Государственнаго Казначейства въ кладовыя банка, ибо это золото дохода не даетъ, а если занято, то за него еще приходится платить, а, напр., желѣзная дорога служитъ населенію, даетъ ему заработокъ и казнѣ доходъ.

Кончаю небольшимъ замѣчаніемъ относительно предположенной реформы. Противниками ея неоднократно указывалось на необходимость, принимая подобныя мѣры, считаться съ народною психикою; на этомъ основаніи высказывалось опасеніе, что выпущенное изъ кладовыхъ банка золото попрячется въ «кубышки». Это опасеніе неосновательно. Деревенскіе кулаки

уже понимаютъ толкъ въ процентахъ и прятать золото не станутъ, а пустятъ его въ оборотъ или купятъ доходныя бумаги; остальному же населенію прятать въ кубышки будетъ нечего, пока не будетъ оживленъ народный трудъ значительнымъ увеличеніемъ количества обращающихся денежныхъ знаковъ. Но въ предположенной реформѣ есть одна частность, при опредѣленіи которой не мѣшаетъ принять въ соображеніе народное міросозерцаніе. Дѣло въ томъ, что курсъ, по которому предположено выпустить новые золотые, по отношенію къ прежнимъ, составляетъ то неудобное число, о которомъ говорится въ одной очень распространенной и очень авторитетной въ народѣ книгѣ. Можно ли поручиться за то, что народъ, т. е. извѣстная его часть, не обратитъ вниманія на это совпаденіе и не отнесется уже по этому одному враждебно къ новой монетѣ?

«И онъ сдѣлаетъ то... что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣетъ... начертаніе, или имя звѣря или число имени его... Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря; ибо это число человѣческое. Число его шесть сотъ шестьдесятъ шесть» (Откров. Іоан., гл. XIII, 16—18).

Смѣлому за правду бойцу, Ник. Ник. Павлову-Сильванскому.

Не мало я встрѣтилъ клеветъ и упрековъ,
Не мало я поднялъ и вынесъ борьбы;
Но я не смирился отъ грозныхъ уроковъ,
Мой духъ не сломили удары судьбы.

Стою, какъ и прежде, къ неправдѣ лицомъ;
Пусть бѣсится злая и пышетъ огнемъ!

Кто Истинѣ служитъ, кто вѣренъ народу,
Тотъ ждетъ неизбѣжно борьбы и невзгодъ;
Безъ страха встрѣчаетъ вражду-непогоду
И съ радостью свѣтлой на плаху идетъ:

Что сѣяно вѣрой и кровью полито,
Враждой-непогодой не будетъ убито!

1882 г.

О порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

(Особое мнѣніе къ журналу Совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ отъ 29 окт., 5 и 12 ноября 1887 г).

I. Объемъ содержанія правилъ о ликвидаціи.

Въ проектѣ правилъ о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, составленномъ учрежденною для этой цѣли при Министерствѣ финансовъ особою комиссіею, не опредѣлено, при какихъ условіяхъ должна наступать ликвидація дѣлъ означенныхъ обществъ и не указано признаковъ ихъ несостоятельности. Бывшимъ предсѣдателемъ комиссіи, д. с. с. Туромъ, по этому предмету объяснено, что задача комиссіи по составленію ликвидаціонныхъ правилъ ясно очерчена точнымъ смысломъ даннаго Государственнымъ Совѣтомъ Министру финансовъ порученія, и что, сверхъ того, входить въ разсмотрѣніе вопроса о признакахъ несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ было бы совершенно излишне, такъ какъ ст. 140 Общаго уст. рос. жел. дор. предоставляетъ взыскателю, не получившему отъ желѣзнодорожнаго общества удовлетворенія въ трехмѣсячный срокъ, просить судъ о признаніи общества несостоятельнымъ; въ сужденіяхъ же Государственнаго Совѣта по поводу этой статьи даже прямо выражено, что при неуплатѣ присужденнаго взысканія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ „судъ объявляетъ общество несостоятельнымъ". Раздѣляя эти соображенія, Совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ также находитъ, „что подлежащія его сужденію правила должны быть строго ограничены лишь тѣми дѣйствіями, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ признанія желѣзнодорожныхъ обществъ несостоятельными и возникаетъ лишь съ того момента, когда несостоятельность общества признана уже подлежащимъ судебнымъ учрежденіемъ.

Столь тѣсное опредѣленіе содержанія ликвидаціонныхъ правилъ не соотвѣтствуетъ, по моему мнѣнію, интересамъ дѣла и точному смыслу упомянутаго порученія Государственнаго Совѣта. Въ ст. 5 журнала общаго его присутствія, 3 іюня 1885 г., сказано: „предоставить Министру финансовъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, войти въ Государ-

ственный Совѣтъ съ особымъ представленіемъ о порядкѣ, который долженъ соблюдаться при взятіи дороги въ казенное управленіе, а равно при ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожныхъ обществъ, признаваемыхъ несостоятельными". Выраженіе „признаваемыхъ несостоятельными" не означаетъ несостоятельности, формально установленной судебнымъ рѣшеніемъ. Это ясно и само по себѣ, изъ буквальнаго смысла словъ, и еще болѣе изъ общаго смысла тѣхъ обширныхъ сужденій Государственнаго Совѣта, изъ которыхъ вытекло приведенное его постановленіе и въ которыхъ выраженія „несостоятельность", „несостоятельныя" употреблены многократно въ примѣненіи къ желѣзнодорожнымъ обществамъ или къ желѣзнымъ дорогамъ не въ тѣсно формальномъ значеніи несостоятельности, объявленной судомъ, а въ болѣе общемъ значеніи финансоваго разстройства, которое „приводитъ къ неисправности въ выполненіи обязательствъ передъ частными лицами или казной". Въ этихъ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта указывается также необходимость при установленіи подробныхъ правилъ о ликвидаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій войти въ тщательное и всестороннее разсмотрѣніе юридической и финансовой стороны дѣла, сообразить опредѣляемое постановленіями уставовъ и условіями концессій положеніе желѣзнодорожныхъ обществъ съ послѣдствіями признанія ихъ несостоятельности для акціонеровъ и кредиторовъ, и т. п. вопросы*). Министромъ же путей сообщенія въ заключеніи по проекту Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ высказано, „что однѣ мѣры, принимаемыя послѣ обнаружившейся уже несостоятельности, не могутъ быть признаны достаточными для рѣшенія вопроса о финансовой несостоятельности желѣзныхъ дорогъ. Для этого необходимо выработать также и мѣры къ предупрежденію подобнаго положенія дѣлъ". Въ соотвѣтствіе съ этимъ замѣчаніемъ Министра, въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта оговорено, что «проводимое въ проектѣ Общаго устава начало о томъ, что всякая желѣзная дорога, оказывающаяся несостоятельною къ уплатѣ присужденныхъ съ нея суммъ, подвергается либо выкупу ея правительствомъ на условіяхъ, означенныхъ въ ея уставѣ или опредѣленныхъ по соглашенію съ обществомъ, либо продажѣ съ публичнаго торга, вызываетъ самыя серьезныя сомнѣнія относительно осуществимости подобнаго правила и его соотвѣтствія государственнымъ интересамъ». За симъ, хотя указанные здѣсь способы ликви-

*) Журн. Соед. Департ. Гос. Сов. 1885 г., № 41, ст. 70 (стр. 65—73).

даціи желѣзнодорожныхъ предпріятій и получили законодательное утвержденіе въ Общемъ уставѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, но высказанное Государственнымъ Совѣтомъ сомнѣніе относительно цѣлесообразности примѣненія ихъ во всѣхъ случаяхъ желѣзнодорожной несостоятельности, въ связи съ остальными его соображеніями по этому предмету, показываетъ, что вопросъ о несостоятельности, объ условіяхъ наступленія и способахъ ликвидаціи желѣзнодорожныхъ обществъ не только не можетъ считаться окончательно исчерпаннымъ опредѣленіями Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, но не рѣшенъ этимъ уставомъ даже и въ общихъ своихъ основаніяхъ. По недостаточности собранныхъ комиссіей графа Баранова свѣдѣній для правильнаго и основаннаго на твердыхъ данныхъ заключенія по всѣмъ входящимъ въ составъ означеннаго вопроса предметамъ, Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ ограничиться въ Обшемъ уставѣ разрѣшеніемъ лишь частнаго вопроса о порядкѣ взысканія присужденныхъ съ желѣзныхъ дорогъ суммъ «для устраненія на будущее время недоразумѣній, постоянно встрѣчавшихся при исполненіи постановленныхъ по искамъ къ желѣзнымъ дорогамъ рѣшеній», какъ-то: такихъ исполнительныхъ дѣйствій, которыя могутъ повести къ пріостановкѣ движенія на дорогѣ и т. п., и «для преграждения желѣзнодорожнымъ обществамъ возможности уклоняться отъ уплаты присуждаемыхъ съ нихъ суммъ». Опредѣленія же по болѣе общему вопросу—о порядкѣ удовлетворенія долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ—и установленіе въ связи съ этимъ подробныхъ правилъ о ликвидаціи несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, ихъ выкупа или продажи, отложены Государственнымъ Совѣтомъ до болѣе обстоятельной разработки сихъ предметовъ.

По приведеннымъ основаніямъ, я нахожу, что въ составляемыхъ нынѣ правилахъ о ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожныхъ обществъ необходимо указать не только мѣры, которыя должны быть принимаемы послѣ объявленія суда о несостоятельности желѣзнодорожнаго общества, но также и мѣры, предупреждающія окончательную несостоятельность желѣзнодорожныхъ обществъ, и способы прекращенія и ограниченія дѣятельности сихъ обществъ безъ объявленія ихъ формально несостоятельными, а также признаки и способы открытія ихъ несостоятельности *).

*) Такое именно содержаніе дано правиламъ о порядкѣ прекращенія дѣйствій частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита. Выс. утв. 22 мая 1884 г.

Признаки несостоятельности.

Безъ опредѣленія въ ликвидаціонныхъ правилахъ признаковъ несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ, эти правила едва ли будутъ имѣть какое-либо примѣненіе, ибо содержащіяся въ общихъ законахъ о торговой и неторговой несостоятельности опредѣленія ея признаковъ къ желѣзнодорожнымъ обществамъ, особенно со времени изданія Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, совершенно не приложимы. Въ Общемъ же уставѣ, хотя и указано на ликвидацію, какъ на необходимое послѣдствіе признанія судомъ несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ, но условій открытія этой несостоятельности и признаковъ оной, обязательныхъ для суда, въ Общемъ желѣзнодорожномъ уставѣ также не опредѣлено. По ст. 140 сего устава, взыскателю, имѣющему къ желѣзнодорожному обществу безспорное требованіе, въ случаѣ неудовлетворенія его въ трехмѣсячный срокъ, предоставляется просить судъ объ объявленіи общества несостоятельнымъ; но при отсутствіи въ этой статьѣ и вообще въ желѣзнодорожномъ уставѣ прямого указанія на то, что неуплата правленіемъ или управленіемъ общества по безспорному требованію въ установленный статьею 140 срокъ есть достаточный признакъ и достаточное для суда основаніе для признанія общества несостоятельнымъ, судъ, разсматривая просьбы, предъявленныя ему кредиторами желѣзнодорожныхъ обществъ, на основаніи статьи 140 Общаго устава, обязанъ будетъ при разрѣшеніи вопроса о несостоятельности руководиться постановленіями устава о торговой несостоятельности и временныхъ правилъ производства дѣлъ о несостоятельности (прил. къ ст. 1400 суд. уст.), дѣйствіе которыхъ въ отношеніи этого вопроса Общимъ желѣзнодорожнымъ уставомъ не отмѣнено; ибо хотя Соединенные Департаменты и считали необходимымъ постановить, что желѣзнодорожное общество, не внесшее присужденной съ него суммы въ извѣстный срокъ по предъявленіи ему требованія, объявляется несостоятельнымъ, но окончательная редакція этого постановленія (ст. 140) не столь опредѣленна. Для суда же, во всякомъ случаѣ, обязательнѣе руководствоваться прямымъ текстомъ дѣйствующихъ законовъ, нежели соображеніями, изложенными въ журналахъ Государственнаго Совѣта, которыхъ въ иныхъ случаяхъ можетъ и не быть у него подъ рукою. Въ силу же ст. 1858 устава торговаго, для признанія несостоятельности недостаточно неимѣнія должникомъ наличныхъ денегъ для удовлетворенія въ срокъ долговъ «въ важныхъ суммахъ болѣе 1.500 р.», но требуются еще признаки

неоплатности долговъ, указанные въ ст. 1877 — 1879 того же устава. Равнымъ образомъ, по ст. 21 упомянутыхъ временныхъ правилъ, „дѣло о несостоятельности неторговой можетъ быть возбуждено при существованіи признаковъ, указанныхъ“, опять-таки, «въ ст. 1878 — 1879 устава торговаго». А такъ какъ эти признаки почти совершенно непримѣнимы къ желѣзнодорожнымъ обществамъ, какъ лицамъ юридическимъ, и по особенностямъ ихъ имущественнаго положенія и правъ (ст. 138 и слѣд. Общ. уст. росс. жел. дорогъ), то для постановленія приговора о несостоятельности этихъ обществъ судъ встрѣтитъ такія же, если еще не большія, затрудненія, съ какими приходилось ему имѣть дѣло при разрѣшеніи вопроса о несостоятельности частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита до изданія правилъ 22 мая 1884 г. о порядкѣ прекращенія дѣйствій сихъ установленій, когда даже полное прекращеніе платежей не признавалось въ иныхъ случаяхъ достаточнымъ основаніемъ для объявленія банковаго учрежденія несостоятельнымъ. Между тѣмъ, съ признаніемъ желѣзной дороги со всѣми ея принадлежностями и капиталами, имуществомъ недвижимымъ и съ запрещеніемъ обращать взысканія отдѣльно на какую-либо часть сего имущества (ст. 138 и 139 Общ. уст. росс. жел. дорогъ), единственное для кредиторовъ желѣзнодорожнаго общества средство побудить общество къ выполненію его обязательствъ, это—возможность объявить его несостоятельнымъ; но если осуществленіе этой возможности будетъ затруднено, то интересы кредиторовъ даже и состоятельнаго желѣзнодорожнаго общества, въ особенности тѣхъ, претензіи которыхъ заключаются въ суммахъ «неважныхъ», не будутъ вовсе обезпечены и будутъ находиться въ полной зависимости отъ доброй воли не только главныхъ распорядителей дѣлами общества—директоровъ и управляющихъ, но даже и второстепенныхъ его агентовъ, а такое безотвѣтственное положеніе не можетъ не пошатнуть и кредитоспособности самихъ обществъ. Въ видахъ устраненія подобныхъ неудобствъ и для установленія большей опредѣленности въ положеніи дѣлъ, созданномъ Общимъ уставомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ правилахъ о ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожныхъ обществъ, казалось бы необходимымъ, въ развитіе статей 139 и 140 названнаго устава, постановить: Если просьба объ объявленіи желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ предъявлена суду на основаніи ст. 140 Общ. уст. росс. жел. дорогъ, то судъ провѣряетъ только справедливость ея основаній, т. е. что взысканіе истца съ желѣзнодорожнаго общества безспорное, что оно было

установленнымъ порядкомъ предъявлено правленію общества или управленію дороги, и что въ трехмѣсячный срокъ оно не удовлетворено. Наличность этихъ условій служитъ для суда достаточнымъ основаніемъ для признанія желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ; поэтому, удостовѣрясь въ нихъ, судъ постановляетъ рѣшеніе, не входя въ разсмотрѣніе положенія дѣлъ общества (его баланса) и не принимая отъ него никакихъ болѣе по существу дѣла возраженій.

Но, кромѣ этого, такъ сказать, пояснительнаго постановленія, необходимость котораго вызывается лишь тѣмъ, что ст. 140 Общ. уст. росс. ж. дорогъ не вполнѣ точно выражаетъ дѣйствительное намѣреніе законодателя, въ подробныхъ правилахъ о ликвидаціи желѣзнодорожныхъ обществъ необходимо опредѣлить случаи обязательной ликвидаціи и установить признаки несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ совершенно независимо отъ тѣхъ, которые указаны въ статьяхъ 140 и 141 Общ. уст. росс. ж. дорогъ и которые вообще представляются совершенно недостаточными. Такъ, нельзя, во-первыхъ, отрицать того, что указанный въ ст. 140 поводъ объявленія желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ представляется до нѣкоторой степени случайнымъ, и хотя маловѣроятны, но не невозможны, однако же, случаи объявленія по ст. 140 несостоятельнымъ и такого общества, денежныя дѣла котораго въ общемъ могутъ быть исправными. Неуплата присужденнаго взысканія въ установленный срокъ можетъ произойти по оплошности или по какимъ-либо личнымъ побужденіямъ агентовъ дороги. Открытіе несостоятельности и взятіе дороги въ казенное управленіе и въ подобномъ случаѣ будутъ мѣрами справедливыми и законными въ силу начала отвѣтственности общества за дѣйствія его агентовъ и высказаннаго выше соображенія о невозможности допустить такое положеніе дѣлъ, при которомъ удовлетвореніе справедливыхъ и признанныхъ законною властью требованій зависѣло бы отъ прихоти лицъ желѣзнодорожной администраціи. Но упраздненіе общества и окончательная ликвидація его дѣлъ въ подобномъ случаѣ (т. е., когда неисправное общество оказалось бы въ дѣйствительности состоятельнымъ къ выполненію всѣхъ лежащихъ на немъ обязательствъ), какъ это требуется статьею 142 Общ. уст., были бы мѣрами, переступающими уже требованія справедливости и въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ, не соотвѣтствующими выгодамъ не только акціонеровъ, но также казны и кредиторовъ.

Съ другой стороны, исторія желѣзнодорожныхъ обществъ у насъ, въ Россіи, даетъ примѣры того, что общества, несостоятельныя отъ самаго ихъ образованія и даже фикціи об-

ществъ, у которыхъ въ дѣйствительности не было вовсе ни складочнаго капитала, ни другихъ какихъ-либо собственно имъ принадлежащихъ средствъ, существовали многіе годы и, если въ концѣ концовъ ликвидировали свои дѣла, то все-таки, не будучи объявлены несостоятельными. Возможность подобнаго явленія объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что распорядители такого крупнаго предпріятія, какъ желѣзная дорога, даже при полной ея бездоходности, могутъ очень долгое время изворачиваться, не допуская принудительнаго взысканія такихъ требованій, которыя уже признаны судомъ и которыя нельзя отсрочить; такія требованія покрываются или новымъ займомъ, или изъ оборотныхъ средствъ дороги и т. п. способами, и общество, въ существѣ дѣла давно несостоятельное, продолжаетъ существовать въ рѣшительный ущербъ хозяйству дороги, государственной казнѣ и позднѣйшимъ акціонерамъ и кредиторамъ. Только-что сказанное даетъ право заключить, что несостоятельность желѣзнодорожныхъ обществъ, при отсутствіи въ законѣ другихъ признаковъ ея, кромѣ условія, указаннаго въ статьѣ 140 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вообще открывалась бы слишкомъ поздно.

Наконецъ, недостаточность указаннаго въ ст. 140 условія объявленія желѣзнодорожныхъ обществъ несостоятельными всего яснѣе видна изъ того, что по самымъ значительнымъ долгамъ желѣзнодорожныхъ обществъ, образовавшимся вслѣдствіе выдачи имъ правительствомъ ссудъ, на уплату гарантированныхъ процентовъ по облигаціямъ и акціямъ, правительство лишено возможности требовать признанія желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ, основываясь на упомянутой статьѣ. Но правительство, несомнѣнно, должно имѣть возможность требовать отъ общества, чтобы оно ликвидировало свои дѣла въ случаѣ, если долгъ общества по гарантіи достигнетъ предѣла, за которымъ возвратъ его становится уже невозможнымъ. Уже и теперь, какъ показываютъ отчеты Государственнаго контроля, долги по гарантіи значительно превышаютъ сумму акціонерныхъ капиталовъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, и, слѣдовательно, въ существѣ дѣла значительное число обществъ уже и теперь несостоятельны, а числящіеся на нихъ долги правительству могутъ считаться безнадежными. Ежегодное увеличеніе долговъ по гарантіи таково, что, если противъ него не будетъ принято мѣръ, то лѣтъ черезъ десять эти долги покроютъ общую сумму всѣхъ акціонерныхъ и и облигаціонныхъ капиталовъ, а такъ какъ большая часть облигаціонныхъ капиталовъ дана правительствомъ, то уже въ недалекомъ будущемъ вся находящаяся въ частномъ владѣніи

желѣзнодорожная сѣть будетъ дважды сполна оплачена государствомъ. Между тѣмъ, въ постановленіяхъ о гарантіи правительствомъ не выражено намѣренія отпускать ее желѣзнодорожнымъ обществамъ безвозвратно, а напротивъ того, выдачи въ счетъ ея признаются ссудами, которыя должны быть возвращены съ процентами изъ причитающихся на долю общества прибылей. Въ виду этихъ условій, если становится несомнѣннымъ, что общество не въ состояніи вернуть правительству долга по гарантіи въ концессіонный срокъ, и если, слѣдовательно, дальнѣйшія выдачи ему на тотъ же предметъ, становясь явно безвозвратными, не подходятъ болѣе подъ понятіе ссудъ, въ такомъ случаѣ для правительства наступаетъ не только право, но и обязанность прекратить выдачу несостоятельному въ отношеніи его обществу платежи процентовъ на акціи. Для того же, чтобы правительство не являлось въ подобныхъ случаяхъ судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, необходимо, чтобы въ каждомъ такомъ случаѣ несостоятельность желѣзнодорожнаго общества была установлена судомъ на основаніи указанныхъ въ законѣ признаковъ.

Такъ какъ вообще всякій должникъ за свои долги отвѣчаетъ принадлежащимъ ему имуществомъ, то, чтобы имѣть основаніе для опредѣленія признаковъ несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ, необходимо прежде всего установить, что собственно составляетъ ихъ имущество. Изъ опредѣленій частныхъ и общаго желѣзнодорожныхъ уставовъ несомнѣнно слѣдуетъ, что желѣзныя дороги, построенныя для общественнаго пользованія, не принадлежатъ эксплуатирующимъ ихъ обществамъ на правѣ собственности, а лишь предоставлены имъ въ срочное пользованіе, съ такимъ притомъ условіемъ, что эксплуатація дороги не есть только право общества, но и непремѣнная его обязанность. При такомъ положеніи дѣла, имуществомъ желѣзнодорожнаго общества слѣдуетъ считать срочное право эксплуатаціи желѣзной дороги и ту часть чистаго дохода отъ эксплуатаціи, какая, согласна уставу, приходится на долю акціонеровъ. Единственнымъ же реальнымъ основаніемъ и, такъ сказать, валютою упомянутаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ обезпеченіемъ исправнаго выполненія обществомъ соединенныхъ съ этимъ правомъ обязанностей является вложенный обществомъ въ предпріятіе акціонерный капиталъ. Изъ этихъ положеній слѣдуетъ, что желѣзнодорожное общество обязано платить свои долги изъ получаемыхъ имъ доходовъ; при отсутствіи же послѣднихъ или ихъ недостаточности должно отвѣчать основнымъ своимъ имуществомъ, т. е. правомъ срочнаго владѣнія желѣзною дорогою. Признаками же несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ

необходимо принять: состояніе акціонернаго капитала и отношеніе цифры этого капитала къ общей суммѣ долговъ общества (кромѣ капитальнаго долга по облигаціямъ), считая въ томъ числѣ и долги, по которымъ, какъ, напримѣръ, по гарантіи, сроковъ уплатъ съ точностью не указано, и — отношеніе слѣдующихъ съ общества платежей по срочнымъ его обязательствамъ къ средней доходности акціонернаго капитала. Если долгъ по гарантіи и инымъ несрочнымъ правительственнымъ ссудамъ превышаетъ акціонерный капиталъ и отчисляемыхъ на погашеніе этого долга доходовъ недостаточно для уплаты его до истеченія срока концессіи, или, если доходности акціонернаго капитала не достаетъ для платежей по срочнымъ долгамъ, въ такихъ случаяхъ желѣзнодорожное общество, по справедливости, можетъ быть объявлено несостоятельнымъ, такъ какъ продолженіе существованія его и въ томъ, и въ другомъ случаѣ повело бы лишь къ увеличенію его задолженности и убытковъ кредиторовъ.

Равнымъ образомъ акціонерныя желѣзнодорожныя общества должны быть признаваемы несостоятельными къ дальнѣйшему веденію предпріятія и ликвидируемы въ случаѣ обнаруженія фиктивности акціонернаго капитала или что капиталъ этотъ какимъ-либо способомъ возвращенъ акціонерамъ, напр., посредствомъ залога всѣхъ или значительной части акцій. Ликвидація въ этихъ случаяхъ необходима потому, что, по уставамъ, желѣзнодорожныя общества должны состоять изъ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ акціонеровъ и не изъ владѣльцевъ залоговыхъ на акціи свидѣтельствъ, которыя или очень мало, или вовсе ничего не стоютъ. Указаніе въ законѣ условій, при которыхъ обязательна ликвидація желѣзнодорожныхъ обществъ, должно сопровождаться постановленіемъ, обязывающимъ правленія этихъ обществъ о наступленіи упомянутыхъ условій доводить немедленно до свѣдѣнія правительства (Министра путей сообщенія) и предоставляющимъ правительству право, въ случаѣ обнаруженія имъ этихъ условій, сообщать о томъ суду для постановленія опредѣленія о ликвидаціи. Подобныя этимъ мѣры установлены закономъ 22 мая 1884 года для частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита; по отношенію къ желѣзнодорожнымъ обществамъ онѣ не менѣе необходимы.

Мѣры, предупреждающія несостоятельность.

Но на ряду съ правилами, облегчающими своевременное открытіе несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ, слѣдуетъ указать въ законѣ также мѣры, предупреждающія не-

состоятельность. Необходимость опредѣленія въ законѣ такихъ мѣръ давно уже сознана правительствомъ, доказательствомъ чему служитъ приведенное выше замѣчаніе Министра путей сообщенія по проекту Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Наиболѣе дѣйствительными въ этомъ отношеніи мѣрами слѣдуетъ признать: установленіе за дѣйствіями не вполнѣ исправнаго желѣзнодорожнаго общества постояннаго контрольнаго надзора и взятіе дороги въ казенное управленіе. Вторая изъ этихъ мѣръ, въ журналѣ комиссіи, составившей проектъ о ликвидаціи, признается полезною по отношенію къ дорогамъ, чрезмѣрно задолжавшимъ по гарантіи. Въ мотивахъ комиссіи графа Баранова къ проекту Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ рекомендуется также эта мѣра, при чемъ, въ доказательство ея возможности и пользы, комиссія дѣлаетъ ссылку на опытъ западноевропейскихъ государствъ, и между прочимъ, на австрійскій законъ 14 декабря 1877 г. Но эта комиссія предлагаетъ брать въ казенное управленіе несостоятельныя желѣзныя дороги, и естественною формою перехода въ казенное завѣдываніе считаетъ выкупъ дороги правительствомъ. По моему мнѣнію, предположенія обѣихъ комиссій требуютъ существенной поправки въ томъ именно отношеніи, что дороги слѣдуетъ брать въ казенное управленіе не тогда, когда финансовое состояніе общества уже безнадежно; въ этомъ случаѣ объявленіе несостоятельности и ликвидація — единственный правильный исходъ; а тогда, когда хозяйство дороги еще только начинаетъ приходить въ разстройство, или (хотя бы этого еще и не замѣчалось) когда фактическія условія, въ которыхъ находится дорога, напримѣръ личный составъ общества *), не отвѣчаютъ уставнымъ и не представляютъ собою достаточнаго ручательства за правильный ходъ дѣла. Въ отношеніи этой мѣры полезнымъ образцомъ можетъ служить упомянутый австрійскій законъ 14 декабря 1877 г., согласно которому правительство имѣетъ право само вести хозяйство и эксплуатацію гарантированныхъ дорогъ, если выдало ссуду на покрытіе дефицита по эксплуатаціи, или, если дороги въ теченіе 5 лѣтъ ежегодно требовали болѣе половины гарантированнаго чистаго дохода. Съ переходомъ эксплуатаціи къ правительству права и обязанности акціонеровъ общества остаются неприкосновенными, въ

*) Въ уставахъ желѣзнодорожныхъ обществъ указывается обыкновенно число акціонеровъ, необходимое для законности общаго собранія; если бы обнаружилось, что все число акціонеровъ общества менѣе требуемаго для общаго собранія, то слѣдовало бы признать, что общества, которому дана концессія, уже не существуетъ.

особенности право распоряженія тѣми суммами, которыя окажутся въ остаткѣ отъ чистаго дохода согласно хозяйственному расчету и государственной гарантіи. Для такихъ издержекъ, которыя могутъ обременять счетъ капитала, требуется согласіе законнаго представительства общества. Однако же, казенное управленіе не стѣсняется этимъ правомъ общества и обязано немедленно принимать мѣры, необходимыя, по мнѣнію Министра торговли, для соблюденія порядка и безопасности движенія. Взятіе на подобныхъ условіяхъ дороги, хозяйство которой ведется неразсчетливо, въ казенное управленіе было бы мѣрою, предупреждающею разореніе и ликвидацію общества, и, слѣдовательно, не только не нарушало бы, а, напротивъ, даже ограждало бы имущественныя права большинства дѣйствительныхъ акціонеровъ общества, подобно тому, какъ опека надъ имуществомъ расточителя не нарушаетъ, а соблюдаетъ интересъ его самого и его правопріемниковъ. Примѣненіе этой мѣры было бы также вполнѣ законнымъ и цѣлесообразнымъ и въ тѣхъ случаяхъ неисправнаго, въ техническомъ отношеніи, содержанія дорогъ, когда опредѣленныя уставомъ на подобный случай условія выкупа не соотвѣтствовали бы дѣйствительной стоимости и доходности дороги, а равно въ случаѣ обнаруженія, что число собственниковъ акцій менѣе того, какое требуется по уставу общества для дѣйствительности общаго собранія. Необходимость перехода въ этомъ случаѣ дороги въ казенное управленіе вытекаетъ изъ того, что въ дѣйствительности уже нѣтъ того общества, въ распоряженіе котораго была отдана дорога, и что, по общему правилу, эксплуатація желѣзныхъ дорогъ не отдается отдѣльнымъ лицамъ, а именно обществамъ. Точно также въ упомянутомъ выше случаѣ, когда, по объявленіи уже общества несостоятельнымъ и по выясненіи его счетовъ, оказалось бы, что имущества общества достаточно для полнаго удовлетворенія его долговъ, производство о несостоятельности должно бы быть прекращено и общество могло бы быть оставлено неприкосновеннымъ во всѣхъ его правахъ, кромѣ распоряженія дорогою. Послѣдняя должна оставаться въ казенномъ управленіи за счетъ общества и по истеченіи установленнаго ст. 143 Общ. уст. пятилѣтняго срока или до истеченія срока концессіи, или по крайней мѣрѣ до выплаты всѣхъ казенныхъ и частныхъ долговъ.

Наконецъ, для предупрежденія разоренія желѣзнодорожныхъ обществъ и государственной казны, въ правилахъ о предупрежденіи ихъ несостоятельности необходимо точно опредѣлить: въ какихъ именно случаяхъ, для какихъ цѣлей и съ соблюденіемъ какихъ формальностей желѣзнодорожныя обще-

ства могутъ дѣлать займы. До сихъ поръ никакихъ ограниченій въ этомъ отношеніи не существуетъ. Только статья 141 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ запрещаетъ желѣзнодорожному обществу, со дня истеченія установленнаго въ ст. 140 срока, выдачу новыхъ денежныхъ обязательствъ безъ разрѣшенія Министра путей сообщенія, подъ угрозою, что такія обязательства могутъ быть признаны недѣйствительными. Такимъ образомъ, даже общество, прекратившее платежи, пока не наступитъ формальное условіе, необходимое для признанія его несостоятельности на судѣ, т. е. цѣлые три мѣсяца, свободно можетъ занимать и расходовать деньги и давать бронзовые векселя. Для дѣйствительныхъ кредиторовъ общества такое положеніе дѣла крайне убыточно. Поэтому, право правительственнаго надзора за выдачею желѣзнодорожными обществами денежныхъ обязательствъ, признанное принципіально въ ст. 141 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, должно быть значительно усилено и распространено. Желѣзныя дороги не принадлежатъ къ предпріятіямъ такого рода, которыя могутъ быть по частному произволу начаты и прекращены. Кѣмъ бы желѣзная дорога ни была построена и на чьи бы средства ни содержалась, но разъ она открыта для общественнаго пользованія, она становится настолько важнымъ дѣятелемъ въ жизни государства, что правительство, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ уже допустить не только полнаго ея уничтоженія, но даже временной неисправности и остановки движенія, такъ какъ этимъ нарушается общій интересъ. Поэтому, правительство нерѣдко бываетъ вынуждено покрывать всѣ недочеты по хозяйству такихъ дорогъ, постройка которыхъ разрѣшалась съ условіемъ строить и эксплуатировать ихъ на собственный страхъ и рискъ акціонерныхъ обществъ, безъ всякаго участія и гарантіи казны. Нельзя, слѣдовательно, отрицать права правительства наблюдать за хозяйственными дѣйствіями даже и такихъ обществъ. Что же касается обществъ, пользующихся правительственною гарантіей, то возможность произвольно вступать въ долговыя обязательства и безконтрольно расходовать занятыя суммы рѣшительно не имѣетъ оправданія, такъ какъ эти обязательства и расходы ложатся прямо на казну.

И такъ, мѣрами, предупреждающими несостоятельность и ликвидацію желѣзнодорожныхъ обществъ, слѣдуетъ признать: установленіе ограничительныхъ правилъ относительно выдачи желѣзнодорожными обществами денежныхъ обязательствъ; установленіе постояннаго правительственнаго контрольнаго надзора за веденіемъ частными обществами желѣзнодорожнаго

хозяйства, и взятіе отъ нихъ дорогъ въ казенное управленіе. Эти мѣры слѣдовало бы примѣнить ко всѣмъ тѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, хозяйство которыхъ ведется въ убытокъ, которыя въ долгу у правительства или обязаны дѣлиться съ нимъ прибылями. Принятіе этихъ предохранительныхъ мѣръ и скорѣйшая ликвидація тѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, которыя въ дѣйствительности уже несостоятельны, настойчиво требуются состояніемъ у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, которое представляется крайне опаснымъ для общаго финансоваго положенія государства.

II. Особенности ликвидаціоннаго производства.

Подсудность.

По статьѣ 2-й разсматриваемаго проекта «дѣла о несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ подлежатъ вѣдомству общихъ судебныхъ установленій по мѣсту пребыванія правленія общества». Совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ полагаетъ эту статью исключить, такъ какъ она касается порядка признанія несостоятельности, а не дѣйствій, вытекающихъ изъ этого признанія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ соглашается съ содержаніемъ исключаемой статьи и находитъ, что оно должно составить необходимое дополненіе къ ст. 140 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ защиту того положенія,что подсудность дѣлъ о несостоятельности должна опредѣляться лишь мѣстомъ пребыванія правленія общества, приводится то соображеніе, что «только правленія могутъ считаться представителями обществъ по такимъ дѣламъ, въ которыхъ возбуждаются вопросы о самомъ существованіи обществъ, тогда какъ управленія являются лишь мѣстными, скорѣе техническими ихъ органами».

Затѣмъ, по поводу предположеннаго правила о подсудности дѣйств. стат. сов. Туромъ высказано мнѣніе, что правила о ликвидаціи, по утвержденіи ихъ въ законодательномъ порядкѣ, должны быть введены въ дѣйствіе во всей Имперіи за исключеніемъ губерній привислянскихъ и прибалтійскихъ; вопросъ же о примѣненіи правилъ къ обществамъ, правленія коихъ находятся въ названнахъ окраинахъ, долженъ быть подвергнутъ отдѣльной разработкѣ, въ виду дѣйствующихъ тамъ особыхъ узаконеній о конкурсномъ производствѣ.

По поводу этихъ предположеній считаю долгомъ замѣтить:

Съ изданіемъ Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, всѣ установленныя въ общихъ гражданскихъ законахъ

способы взысканія къ желѣзнодорожнымъ обществамъ непримѣнимы. Единственное, оставленное закономъ взыскателю средство понудить желѣзнодорожное общество къ уплатѣ присужденнаго состоитъ въ угрозѣ возбудить дѣло о несостоятельности. Но для того, чтобы угроза эта и истцу и отвѣтчику представлялась осуществимою, и въ соотвѣтствіе съ постановленіемъ статьи 139 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которая предоставляетъ взыскателямъ требованія свои обращать въ правленіе или въ управленіе дороги, и просьбы о признаніи несостоятельности слѣдовало бы предоставить подавать въ судебныя установленія по мѣсту нахожденія какъ правленій, такъ и управленій. По постановленіи судомъ, въ которомъ возникло дѣло, приговора о несостоятельности и сообщеніи о томъ Министру путей сообщенія, дальнѣйшее затѣмъ производство могло бы быть передаваемо, по просьбѣ несостоятельнаго общества или его кредиторовъ, въ судъ по мѣсту нахожденія правленія общества, или же, по требованію правительства, а также кредиторовъ въ с.-петербургскій окружный судъ. Такой порядокъ соотвѣтствовалъ бы и общимъ законамъ о несостоятельности, по которымъ дѣла о несостоятельности могутъ быть возбуждаемы въ судѣ, въ округѣ котораго должникъ не имѣетъ постояннаго жительства и находится лишь временно, но затѣмъ должнику и кредиторамъ предоставлено право просить о переводѣ дѣла въ судъ по мѣсту постояннаго жительства должника, а также допускается переводъ конкурса, по требованію кредиторовъ, изъ уѣзднаго или губернскаго города въ ту столицу или въ тотъ портовый городъ, гдѣ несостоятельный должникъ имѣлъ торговлю или обязательства (врем. пр. о произв. дѣлъ о несост., ст. 3; уст. о торг. несост., ст. 1.923). При возбужденіи дѣлъ о несостоятельности по ст. 140 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, присутствіе или отсутствіе на судѣ правленія общества въ полномъ его составѣ на приговоръ суда, а слѣдовательно, и на интересы общества едва ли можетъ оказать какое-либо вліяніе. Въ дальнѣйшемъ же интересы общества достаточно были бы обезпечены возможностью перевода дѣла въ судъ по мѣсту нахожденія правленія или въ столичный. Безъ предоставленія же права начинать дѣла о несостоятельности въ судахъ по мѣсту нахожденія управленій дорогами, мелкіе взыскатели—а ихъ у желѣзной дороги можетъ быть множество—лишены были бы возможности осуществлять свои права. По Общему уставу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ (ст. 121—134) иски къ дорогѣ могутъ возникать и разбираться мѣстными судами по всему протяженію дороги. Но удобства этого

порядка для мѣстнаго взыскателя ослабляются необходимостью для него обращаться съ исполнительнымъ листомъ въ управленіе дороги, которое можетъ находиться отъ суда, постановившаго рѣшеніе и выдавшаго исполнительный листъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ. Если же по выполненіи этой формальности, истецъ, безполезно прождавъ уплаты три мѣсяца, долженъ будетъ еще ѣхать за тысячи верстъ, изъ Закавказья, напримѣръ, въ Петербургъ, чтобы подать просьбу о несостоятельности по мѣсту нахожденія правленія, то, конечно, даже и не очень мелкіе истцы будутъ зачастую отказываться отъ присужденныхъ уже требованій и исковъ, или будутъ чаще прежняго продавать тѣ и другіе скупщикамъ-адвокатамъ. Такія послѣдствія были бы прямо противоположны цѣлямъ, которыхъ имѣлось въ виду достигнуть Общимъ уставомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Предоставленіе правительству права переносить производство дѣла о несостоятельности изъ мѣстныхъ судовъ въ с.-петербургскій окружный судъ необходимо въ видахъ удобства и скорости конкурснаго производства, такъ какъ, по ст. 142 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ объявленіемъ о несостоятельности, дорога немедленно поступаетъ въ казенное управленіе; органъ же этого управленія, замѣняющій правленіе обществъ—въ С.-Петербургѣ; поэтому и такъ какъ одновременно съ поступленіемъ въ его завѣдываніе дороги ему должны быть переданы, конечно, и всѣ относящіеся до дороги документы, книги и дѣла, безъ которыхъ нельзя вести дальше эксплуатацію, но которые также могутъ быть необходимы и для конкурснаго производства, то, очевидно, для дѣла выгодно, чтобы конкурсное производство и завѣдывающій имъ судъ находились тамъ же, гдѣ и управленіе имуществомъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ и сами правила, въ которыхъ предписывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ совмѣстность дѣйствій казеннаго и конкурснаго управленій (см. ст. 4, 5, 12, 22). Наконецъ, по ходу дѣла на судѣ могутъ требоваться разрѣшенія по разнымъ вопросамъ отъ правительственныхъ учрежденій, какъ-то: Министерствъ путей сообщенія и финансовъ, Государственнаго контроля, а также отъ Желѣзнодорожнаго Совѣта и, наконецъ, Комитета Министровъ.

Послѣднее соображеніе особенно говоритъ въ пользу установленія правила о перенесеніи производства о несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ въ с.-петербургскій окружный судъ; этимъ обезпечивалось бы также установленіе нѣкоторой системы во взглядахъ и дѣйствіяхъ суда по отношенію къ разнообразнымъ и сложнымъ вопросамъ желѣзнодорожнаго права.

Наконецъ, съ принятіемъ предлагаемыхъ мною правилъ о подсудности, не было бы необходимости и повода создавать исключительный порядокъ ликвидаціоннаго производства для обществъ, правленія которыхъ находятся въ привислянской и прибалтійской окраинахъ. Постановленіе приговора о несостоятельности, для котораго требуется весьма несложное производство могло бы дѣлаться и мѣстными судами на основаніи общихъ правилъ, а затѣмъ для дальнѣйшаго производства дѣло направлялось бы также общимъ порядкомъ въ с.-петербургскій окружный судъ.

Временное завѣдываніе дорогою.

По проекту комиссіи (ст. 4) «завѣдываніе желѣзными дорогами, принадлежащими обществамъ, объявленнымъ несостоятельными, возлагается на управленіе казенными желѣзными дорогами». Совѣтъ же по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, раздѣляя соображенія Временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, высказанныя въ заключеніи сего управленія на проектъ ликвидаціонныхъ правилъ, находитъ, что возложеніе завѣдыванія желѣзными дорогами несостоятельныхъ обществъ на Временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ не соотвѣтствовало бы функціямъ сего учрежденія, какъ центральнаго по отношенію ко всѣмъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, и было бы неудобно въ виду того, что это управленіе помѣщается въ Петербургѣ. Поэтому, Совѣтъ полагаетъ для завѣдыванія желѣзными дорогами несостоятельныхъ обществъ допустить образованіе особыхъ учрежденій при Министерствѣ путей сообщенія по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами (ст. 3 измѣненнаго проекта).

Относительно этого предмета я нахожу, что завѣдываніе дорогами несостоятельныхъ обществъ всего цѣлесообразнѣе поручить тому казенному учрежденію, которое завѣдываетъ эксплуатаціею казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Только при такомъ рѣшеніи вопроса исполнимо требованіе ст. 142 Общ. уст. росс. жел. дорогъ, чтобы, вслѣдъ за признаніемъ желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ, дорога *немедленно* поступала въ казенное управленіе. Это рѣшеніе представило бы еще ту выгоду, что временная эксплуатація дороги казною за счетъ общества, отъ результатовъ которой въ иныхъ случаяхъ будетъ зависѣть дальнѣйшая участь дороги и выборъ правительствомъ того или другого способа ликвидаціи дѣлъ общества, находилась бы въ рукахъ учрежденія наиболѣе въ этомъ дѣлѣ опытнаго; кромѣ того, переходъ новой дороги

въ вѣдѣніе этого учрежденія, имѣющаго въ своемъ составѣ всѣ органы, необходимые для завѣдыванія эксплуатаціей, потребуетъ расхода на усиленіе средствъ этого учрежденія самаго незначительнаго, по сравненію съ тѣмъ, какой былъ бы необходимъ на образованіе для управленія дорогою особаго учрежденія. Неудобства, которыхъ опасается Временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ отъ перехода въ его завѣдываніе дорогъ обществъ, объявляемыхъ несостоятельными, могутъ быть совершенно устранены. Переходъ желѣзной дороги отъ несостоятельнаго общества въ распоряженіе казеннаго управленія можетъ совершаться тѣмъ же порядкомъ, какимъ перешли въ это управленіе отъ частныхъ обществъ дороги: Харьково-николаевская, Тамбово-саратовская, Путиловская и Муромская. Имущество дороги и продолженіе ея эксплуатаціи на мѣстѣ останутся на отвѣтственности прежнихъ служащихъ. Затѣмъ временное казенное завѣдываніе дорогою ликвидируемаго общества могло бы происходить на основаніяхъ совершенно одинаковыхъ съ казенными дорогами, какъ въ отношеніи разсмотрѣнія и утвержденія эксплуатаціонныхъ смѣтъ такой дороги и подчиненія денежныхъ ея оборотовъ правиламъ единства кассы и правительственному контролю, такъ и въ отношеніи отвѣтственности учрежденія, завѣдывающаго дорогою въ порядкѣ общей подчиненности исключительно передъ Министромъ путей сообщенія. Конкурсу и тѣмъ болѣе представителямъ несостоятельнаго общества не должно принадлежать права вмѣшиваться въ дѣло управленія дорогою; обязанность, въ отношеніи ихъ, учрежденія, завѣдывающаго дорогою, должна ограничиваться доставленіемъ ежегодныхъ отчетовъ. При переходѣ дороги въ казенное управленіе, кассовая наличность дороги должна быть передана въ казначейство въ депозиты казеннаго управленія желѣзныхъ дорогъ по счету данной дороги. Средства же на продолженіе эксплуатаціи должны быть временно отпускаемы казною; доходы же дороги должны также поступать въ депозиты. Въ концѣ каждаго года, по сведеніи счетовъ эксплуатаціи, изъ депозитовъ дороги сумма, равная издержанной казною на эксплуатацію дороги какъ въ отчетномъ, такъ и въ предшествовавшіе отчетному годы, если тогда были дефициты, должна быть перечисляема въ доходъ казны; остатокъ же долженъ быть передаваемъ конкурсу для уплаты прежде всего текущихъ процентовъ и погашенія по обезпеченнымъ достояніемъ дороги обязательствамъ (т. е. по облигаціямъ, ст. 143 Общ. уст. росс. жел. дорогъ), а затѣмъ на удовлетвореніе остальныхъ долговъ. Въ концѣ ликвидаціоннаго производства долженъ быть произ-

веденъ общій разсчетъ по временному управленію дорогою и непокрытые изъ депозитовъ дороги дефициты по ея эксплуатаціи, а равно издержки казеннаго управленія на приведеніе дороги въ состояніе технической исправности, должны быть причислены къ долгамъ, подлежащимъ преимущественному передъ прочими удовлетворенію изъ конкурсной массы, наравнѣ съ издержками самого конкурса.

Срокъ временнаго завѣдыванія желѣзною дорогою.

Правило, предлагаемое въ ст. 7-й проекта комиссіи*) (по проекту Совѣта, ст. 6-я), противорѣчитъ ст. 143 Общ. уст. росс. жел. дор., по которой правительство имѣетъ право временно эксплуатировать дорогу, принятую отъ несостоятельнаго общества, въ продолженіи 5 лѣтъ, съ обращеніемъ на удовлетвореніе кредиторовъ той части приносимыхъ дорогою доходовъ, которая окажется свободною за покрытіемъ всѣхъ эксплуатаціонныхъ расходовъ и за уплатою процентовъ и погашенія по обезпеченнымъ достояніемъ дороги обязательствамъ (т. е. по облигаціямъ). Помимо этого противорѣчія, постановленіе комиссіи и ея доводы едва ли правильны и по существу. И въ государственномъ интересѣ, и въ интересѣ самихъ кредиторовъ можетъ быть выгоднѣе, чтобы эксплуатація дороги, до ея продажи, продолжалась безъ перерыва, хотя бы съ дефицитами, нежели остановить движеніе и тѣмъ привести хозяйство дороги въ полное разстройство и самое дорогу обезцѣнить. Но даже, если бы временная эксплуатація и была кредиторамъ убыточна, и въ такомъ случаѣ они не въ правѣ это оспаривать, такъ какъ несостоятельное общество, въ права котораго вступаютъ кредиторы, не имѣло, по уставу, права остановить движеніе, но обязано было продолжать его, хотя бы и въ убытокъ. Поэтому, если только правительство признаетъ въ общемъ интересѣ необходимымъ дальнѣйшее существованіе дороги, то ему должно принадлежать право продолжать до окончанія ликвидаціи движеніе на дорогѣ за счетъ конкурса, и если выгоды отъ временной эксплуатаціи дороги идутъ въ пользу конкурса, то нѣтъ справедливаго основанія убытки этой экплсуатаціи, причина которыхъ можетъ лежать въ предшествовав-

---

*) „Если по отчету за к. л. годъ окажется, что вырученные доходы не покрываютъ эксплуатаціонныхъ расходовъ, то эксплуатація дороги за счетъ Общества прекращается, развѣ правительство, по просьбѣ конкурснаго управленія, признаетъ возможнымъ продолжить эксплуатацію на прежнемъ основаніи. Въ случаѣ прекращенія эксплуатаціи за счетъ общества, правительство продолжаетъ, буде признаетъ нужнымъ, эксплуатацію дороги, но лишь за счетъ казны“.

шихъ казенному управленію распоряженіяхъ, относить на счетъ казны. Взглядъ этотъ раздѣляется и Временнымъ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, высказавшимся за исключеніе изъ проекта ст. 7. Одинаково съ этимъ высказалось по обсуждаемому вопросу и наиболѣе компетентное въ этомъ вопросѣ вѣдомство, а именно Министерство юстиціи, въ заключеніи, представленномъ Комитету Министровъ 15 іюня 1884 г. (№ 1977) по дѣлу о ликвидаціи общества Муромской желѣзной дороги. Въ ст. 4 этого заключенія выражено требованіе: „при распредѣленіи претензій всѣхъ кредиторовъ Муромской желѣзной дороги, предоставить преимущественное удовлетвореніе расходамъ Министерства путей сообщенія: а) по вознагражденію за отчужденіе земель; б) по недодѣлкамъ на дорогѣ, и в) по убыткамъ эксплуатаціи за время казеннаго управленія“; въ основаніе же этого требованія приведено: 1) что, по общему смыслу законовъ о несостоятельности, расходы конкурса подлежатъ удовлетворенію преимущественно передъ долгами несостоятельнаго, и 2) что фактическая несостоятельность общества за послѣднее время могла значительно отразиться на техническомъ состояніи дороги.

Организація ликвидаціоннаго учрежденія.

По дѣламъ о несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ назначать присяжнаго попечителя казалось бы вовсе нѣтъ надобности. Важнѣйшая обязанность присяжнаго попечителя въ другихъ случаяхъ несостоятельности состоитъ въ охранѣ имущества до выбора конкурса. По объявленіи несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ имущество, согласно ст. 142 Общ. уст. русскихъ желѣзныхъ дорогъ, *немедленно* переходитъ въ казенное управленіе. До прибытія на мѣсто агента этого управленія охрана дороги и продолженіе ея эксплуатаціи лежитъ на обязанности управляющаго дорогою, находящагося въ служебномъ подчиненіи Министру путей сообщенія, и правительственной инспекціи; ими же, при участіи особо назначенныхъ управленіемъ казенныхъ дорогъ лицъ и представителя Государственнаго контроля, можетъ быть составлена постепенно опись имуществу дороги. Посредничество присяжнаго попечителя въ передачѣ имущества и дѣлъ казенному управленію, безъ всякой пользы, только замедляло бы передачу. Что касается созыва кредиторовъ для выбора конкурса, то распоряженіе о томъ можетъ быть сдѣлано судомъ или управленіемъ казенныхъ дорогъ. Другихъ же обязанностей присяжнаго попечителя въ правилахъ и соображеніяхъ къ нимъ не указывается.

Относительно собственно конкурснаго производства: приведенія въ извѣстность массы, распредѣленія претензій и удовлетворенія кредиторовъ, предполагается оставить въ силѣ общій порядокъ, согласно которому упомянутыя дѣйствія возлагаются на самихъ кредиторовъ, избираюшихъ изъ своей среды конкурсное управленіе. По мнѣнію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тура, сохраненіе въ примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ общаго порядка конкурснаго управленія не можетъ представить никакихъ неудобствъ и рѣшительно необходимо, какъ средство гарантировать кредиторовъ и устранить возможность какихъ-либо нареканій. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Обычный конкурсный порядокъ вызываетъ нерѣдко нареканія, и притомъ не безъ основаній. Интересы кредиторовъ, остающихся въ меньшинствѣ, зачастую при этомъ порядкѣ совершенно ничѣмъ не обезпечены. Относительно этого предмета въ соображеніяхъ Министровъ юстиціи и финансовъ, по проекту правилъ о ликвидаціи дѣлъ частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита, представленныхъ Государственному Совѣту (11 марта 1883 г. за № 2753), высказано, что примѣненіе упомянутаго общаго порядка конкурснаго производства «не представляетъ особыхъ неудобствъ только въ томъ случаѣ, когда дѣло касается незначительнаго, по размѣру операцій, установленія, имѣющаго и небольшое число кредиторовъ. Въ противномъ же случаѣ, когда несостоятельное учрежденіе имѣетъ обширные обороты и кредиторы его многочисленны и проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ, есть основаніе опасаться, что образованіе конкурса въ общеустановленномъ порядкѣ окажется нецѣлесообразнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ трудно разсчитывать, что въ общее собраніе явится не только большинство, но вообще сколько-нибудь значительное число заинтересованныхъ лицъ, а засимъ выборы въ конкурсное управленіе могутъ оказаться дѣломъ вполнѣ случайнымъ». На основаніи этого соображенія, закономъ 22 мая 1884 г. (ст. 46 и слѣдующія) предоставлено Министру финансовъ, по соглашеніи съ Министромъ юстиціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ, назначать для ликвидаціи дѣлъ кредитнаго установленія, взамѣнъ конкурснаго управленія, особую ликвидаціонную комиссію. Но приведенныя соображенія о неудобствѣ въ нѣкоторыхъ случахъ избранія конкурса кредиторами еще съ большимъ основаніемъ могутъ быть отнесены и къ желѣзнодорожной несостоятельности. Размѣры желѣзнодорожнаго предпріятія могутъ быть обширнѣе банковаго, кредиторы также многочисленны и разбросаны, а претензіи ихъ разнообразнѣе, слѣ-

довательно, собраніе ихъ также будетъ затруднительно и постановленія случайны. Къ этимъ соображеніямъ присоединяется еще одно: можно ожидать, что во многихъ случаяхъ несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ, преобладающимъ по суммѣ претензій кредиторомъ будетъ казна; въ этихъ случаяхъ едва ли соотвѣтствовало бы достоинству правительства прибѣгать къ фикціи собраній и выборовъ, когда подавляющій въ собраніяхъ голосъ принадлежитъ ему самому.

Поэтому и имѣя въ виду, что въ дѣлахъ о несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ обязанности конкурснаго производства значительно упрощены тѣмъ, что распоряженіе имуществомъ изъ него изъято, я полагаю, что въ дѣлахъ этого рода обязанности конкурса могутъ быть выполнены самимъ судомъ, какъ это установлено для нѣкоторыхъ случаевъ несостоятельности торговой (уставъ о торговой несостоятельности, ст. 1.915); въ дѣлахъ же болѣе обширныхъ, для ликвидаціоннаго производства, по соглашенію Министра путей сообщенія съ Министрами юстиціи и финансовъ и съ Государственнымъ контролеромъ, могла бы быть назначаема особая расчетная комиссія изъ представителей этихъ вѣдомствъ съ однимъ или двумя членами по назначенію суда, съ правами конкурса, что соотвѣтствовало бы, до нѣкоторой степени, ликвидаціоннымъ комиссіямъ, установленнымъ ст. 46 и слѣд. правилъ 22 мая 1884 г., о прекращеніи дѣйствій частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита.

Опредѣленіе свойства несостоятельности.

Относисельно формальной стороны конкурснаго производства въ ст. 25 правилъ (въ редакціи Совѣта, ст. 24), въ отступленіе отъ общаго порядка, указывается, между прочимъ, примѣненіе ст. 43 правилъ 22 мая 1884 г., по которой свойство несостоятельности кредитнаго установленія не опредѣляется, но если конкурсное управленіе усмотритъ признаки противозаконныхъ дѣяній со стороны лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами установленія, то представляетъ о томъ немедленно на зависящее распоряженіе прокурора. Постановленіе это вытекло изъ той мысли, что въ дѣлахъ этого рода должникомъ является юридическое лицо, которое не можетъ подлежать уголовной отвѣтственности, а потому нѣтъ нужды постановлять и заключеніе о свойствѣ несостоятельности. Но противъ этого довода можно привести соображенія, по которымъ въ отношеніи дѣлъ о несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ полезнѣе было бы оставить въ силѣ общія постановленія по

данному вопросу устава о торговой несостоятельности и ограничиться лишь нѣкоторымъ поясненіемъ ихъ въ правилахъ о ликвидаціи желѣзнодорожныхъ обществъ, нежели замѣнять ихъ постановленіемъ, соотвѣтствующимъ статьѣ 43 правилъ о банковой несостоятельности. Соображенія эти заключаются въ слѣдующемъ: то обстоятельство, что несостоятельнымъ должникомъ является въ данномъ случаѣ не отдѣльная личность, а юридическое лицо — акціонерное общество, не исключаетъ возможности примѣненія общихъ правилъ, содержащихся въ статьяхъ 1.859—1.863 главы II-й уст. о торг. несостоят., а равно и въ статьяхъ 1.983, 1.990, 1.999 и 2.004 этого устава, коими на конкурсное управленіе, общее собраніе кредиторовъ и судъ возлагается *обязанность выяснить причины и опредѣлить свойства несостоятельности.* А какъ несостоятельность желѣзнодорожныхъ предпріятій не только разоряетъ отдѣльныя лица, но составляетъ огромное общественное зло, то выясненіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, установленнымъ въ общемъ законѣ порядкомъ, истинныхъ ея причинъ и свойствъ представляется дѣломъ государственной необходимости. Затѣмъ, что касается указанныхъ въ законѣ послѣдствій неосторожной и злонамѣренной несостоятеляности (статьи 2.001—2.003), то послѣдствія эти должны быть примѣнены не къ безличному обществу акціонеровъ, которое отвѣтствуетъ лишь имущественно и въ объемѣ принадлежащаго ему акціонернаго капитала, а какъ въ каждомъ случаѣ уголовнаго характера, всегда влекущемъ за собою личную отвѣтственность виновныхъ, къ тѣмъ отдѣльнымъ, дѣйствовавшимъ отъ имени общества лицамъ, неосторожныя и злонамѣренныя дѣйствія которыхъ привели общество къ банкротству. Примѣненіе къ распорядителямъ общества, въ случаѣ признанія банкротства, указанныхъ въ законѣ его послѣдствій необходимо какъ въ видахъ общей справедливости, такъ и въ интересахъ казны и прочихъ кредиторовъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ остальные виновники зла понесутъ должное возмездіе, а потери казны и другихъ кредиторовъ могутъ быть, хотя отчасти, пополнены частнымъ имуществомъ виновныхъ. Безъ примѣненія же постановленій о неосторожной и злонамѣренной несостоятельности къ распорядителямъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, *разорившія эти предпріятія лица, въ большинствѣ случаевъ, ускользнутъ отъ всякой уголовной и имущественной отвѣтственности*, и, разоривъ одно предпріятіе, *могутъ продолжать хозяйничать въ другомъ,* такъ какъ распоряженія ихъ не только неосторожныя и неразсчетливыя, но даже явно злонамѣренныя и корыстныя, въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ дадутъ формальное основаніе для сообщенія о нихъ прокурор-

скому надзору. По приведеннымъ основаніямъ я нахожу, что, вмѣсто предлагаемаго изъятія изъ общаго закона, слѣдовало бы ограничиться такимъ его поясненіемъ:

Причины и свойства несостоятельности опредѣляются на общемъ основаніи, порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о торговой несостоятельности, и если обнаружено, что причиною несостоятельности были неосторожныя или злонамѣренныя дѣйствія лицъ, распоряжавшихся дѣлами общества, то къ этимъ лицамъ примѣняются всѣ постановленія устава относительно неосторожныхъ и злостныхъ банкротствъ.

III. Акціонерный капиталъ, облигаціонный долгъ, отвѣтственность акціонеровъ, порядокъ удовлетворенія долговъ; выкупъ, оцѣнка и продажа акціонернаго имущества.

Опредѣленіями о выкупѣ и о продажѣ желѣзныхъ дорогъ съ публичнаго торга, предложенными комиссіей (ст. 8—22 проекта ком.), дѣламъ о несостоятельности акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ указывается исходъ, по моему мнѣнію, совершенно неправильный: за долги несостоятельныхъ обществъ предлагается обращать въ продажу желѣзныя дороги, т. е. такое имущество, которое этимъ обществамъ не принадлежитъ; при этомъ допускается продажа составныхъ частей и принадлежностей желѣзной дороги по частямъ. Это послѣднее предположеніе противорѣчитъ основному, въ отношеніи даннаго вопроса, указанію закона, а именно статьѣ 138 Общ. уст. росс. жел. дор., которая категорически опредѣляетъ, что «желѣзная дорога, вмѣстѣ со всѣми ея принадлежностями, составляетъ имущество недвижимое, нераздѣльное».

Объ упраздненіи и продажѣ по частямъ дорогъ, какъ о способѣ ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, въ Общ. уст. росс. жел. дор. не только не говорится, но, напротивъ того, постановленіями «о порядкѣ взысканія присуждаемыхъ съ желѣзныхъ дорогъ суммъ», какъ усматривается изъ самихъ этихъ постановленій и соображеній къ нимъ Государственнаго Совѣта, главнѣйшимъ образомъ имѣлось въ виду предотвратить на будущее время возможность пріостановки движенія на желѣзныхъ дорогахъ вслѣдствіе наложенія ареста или обращенія взысканія на ихъ принадлежности, а не только разборъ желѣзной дороги на части и продажу по частямъ. Если въ дѣйствительности и можетъ иногда случиться, что правительство, признавъ безполезною какую-нибудь желѣзную дорогу, найдетъ возможнымъ ее упразднить, то это будутъ рѣдкіе исключительные случаи, и, въ принципіальномъ отно-

шеніи, совершенно неудобно предусматривать ихъ, какъ правило ликвидаціи желѣзнодорожныхъ обществъ.

Хотя статьи 143 и 145 Общ. уст. росс. жел. дор. указываютъ, какъ способы реализаціи имущества несостоятельнаго желѣзнодорожнаго общества, продажу съ публичныхъ торговъ или выкупъ желѣзной дороги; но въ этихъ постановленіяхъ закона разумѣется выкупъ и продажа не самой желѣзной дороги, а лишь тѣхъ въ отношеніи ея правъ, которыя принадлежатъ ликвидируемому обществу. Что смыслъ этихъ постановленій именно таковъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ относящихся къ нимъ соображеній Государственнаго Совѣта, въ которыхъ по вопросу: «какое именно имущество желѣзной дороги можетъ быть обращено на покрытіе производимаго съ нея взысканія», высказано, что «общія постановленія гражданскихъ законовъ, дозволяющія подвергать описи, аресту и продажѣ все вообще движимое и недвижимое имущество должника, вмѣстѣ или по частямъ, представляются въ этомъ случаѣ недостаточными уже по тому, что всѣ частныя желѣзныя дороги, за исключеніемъ одной только Царскосельской, *не составляютъ полной собственности эксплуатирующихъ ихъ обществъ*, но по истеченіи концессіонныхъ сроковъ должны поступать въ распоряженіе правительства» и затѣмъ, что «при современномъ значеніи желѣзнодорожныхъ путей для государственнаго управленія и экономической жизни народа, правильное и безостановочное движеніе по онымъ является настолько важнымъ, что невозможно допустить, чтобы дѣятельность той или другой желѣзной дороги пріостанавливалась вслѣдствіе ареста или обращенія въ продажу какихъ-либо принадлежностей пути, желѣзнодорожныхъ сооруженій или подвижного состава *)». Эти соображенія Государственнаго Совѣта вполнѣ согласуются съ опредѣленіями частныхъ уставовъ желѣзнодорожныхъ обществъ, устанавливающими въ пользу этихъ обществъ не право собственности на желѣзныя дороги, а лишь право срочнаго «владѣнія», «распоряженія» или «пользованія» ими. Это срочное право распоряженія и пользованія желѣзными дорогами обставлено въ уставахъ различными условіями, какъ-то: обязанностью общества поддерживать постоянное движеніе на дорогѣ и содержать дорогу въ исправности и соотвѣтствующимъ этой обязанности правомъ правительства наблюдать за состояніемъ дороги и въ извѣстныхъ случаяхъ выполнять собственнымъ распоряженіемъ необходимыя работы за счетъ общества, запрещеніемъ обществу продавать или закладывать не только же-

*) Журн. Соед. Д-товъ 1885 года, № 41, стр. 68—69.

лѣзную дорогу въ полномъ ея составѣ, но и какія бы то ни было принадлежности ея, развѣ только для замѣны имущества, пришедшаго въ негодность, соотвѣтствующимъ ему новымъ, и т. п. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ соображеній Государственнаго Совѣта, а также опредѣленій Общ. уст. росс. жел. дор. и частныхъ уставовъ желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ обществъ несомнѣнно слѣдуетъ, что эксплуатируемыя этими обществами желѣзныя дороги, въ силу ихъ государственнаго значенія и необходимости ихъ для общаго пользованія, собственности акціонерныхъ обществъ вообще не составляютъ; что по концессіямъ и уставамъ акціонернымъ обществамъ принадлежитъ лишь временное право хозяйственнаго управленія желѣзными дорогами, безъ права отчуждать или закладывать какъ самыя дороги, такъ и ихъ принадлежности, но и во время дѣйствія этого концессіоннаго права дѣйствительнымъ хозяиномъ-распорядителемъ желѣзной дороги остается правительство.

Доходность желѣзныхъ дорогъ, эксплуатируемыхъ акціонерными обществами, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, также не составляетъ и во время дѣйствія концессіи полной собственности этихъ обществъ. Въ тѣхъ же соображеніяхъ Государственнаго Совѣта, часть которыхъ выше приведена, сказано: «Большинство сихъ» (т. е. такъ называемыхъ частныхъ желѣзныхъ) «дорогъ обременено весьма значительными облигаціонными долгами, пользующимися правомъ на преимущественное предо всѣми другими обязательствами желѣзныхъ дорогъ обезпеченіе всѣмъ недвижимымъ и движимымъ ихъ имуществомъ. Владѣльцемъ почти всѣхъ этихъ облигацій состоитъ казна, являющаяся, такимъ образомъ, главнымъ кредиторомъ желѣзнодорожныхъ обществъ, интересы котораго несомнѣнно нарушались бы, въ случаѣ дозволенія отчуждать по распоряженіямъ суда желѣзнодорожное имущество на покрытіе присуждаемыхъ съ желѣзныхъ дорогъ взысканій». Этотъ взглядъ Государственнаго Совѣта также вполнѣ согласуется съ опредѣленіями частныхъ уставовъ желѣзнодорожныхъ обществъ, указывающими порядокъ распредѣленія доходовъ отъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, при чемъ по общему правилу въ пользу акціонеровъ идетъ лишь та часть дохода, которая остается по уплатѣ % и погашенія по облигаціямъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для болѣе вѣрнаго опредѣленія способовъ удовлетворенія долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ, порядка выкупа и продажи ихъ имущества и ликвидаціи ихъ дѣлъ въ случаѣ ихъ несостоятельности, необходимо прежде установить общія основанія русскаго желѣзно-

дорожнаго права, т. е. показать сущность взаимныхъ отношеній обязанностей и правъ и отношеній къ желѣзной дорогѣ: правительства, владѣльцевъ облигацій желѣзной дороги, акціонернаго общества дороги и его кредиторовъ.

Не смотря на то, что стоимость желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій выражается въ милліардахъ рублей, юридическая природа этихъ бумагъ и вытекающихъ изъ владѣнія этими бумагами отношеній ни въ общемъ гражданскомъ законѣ, ни въ отдѣльныхъ постановленіяхъ о выпускѣ желѣзнодорожныхъ бумагъ, ни самою ихъ формой съ должною ясностью не опредѣлена. Такъ, что касается облигацій, то въ однѣхъ изъ нихъ сказано, что долгъ по нимъ обезпечивается всѣми доходами и всѣмъ достояніемъ акціонернаго общества, или всѣмъ имуществомъ такой-то дороги и, кромѣ того, дарованною обществу правительствомъ гарантіею и т. д. Основываясь на этихъ выраженіяхъ, нѣкоторые уподобляютъ облигацію закладной, но основаніе этого мнѣнія не вѣрно. Выраженіе «обезпечивается всѣми доходами и всѣмъ имуществомъ» никакого особеннаго обезпеченія не даетъ: каждый вексель и каждая простая расписка обезпечивается по закону «всѣмъ имуществомъ» должника и всѣми его доходами; особенность же закладной въ томъ именно и состоитъ, что она обезпечивается не всѣмъ, а извѣстнымъ, опредѣленнымъ имуществомъ должника, на которое налагается запрещеніе, чего по облигаціямъ не дѣлается. Затѣмъ закладная на извѣстное, опредѣленное имущество бываетъ одна, или если нѣсколько, то послѣдующія уступаютъ первой въ правѣ на удовлетвореніе; облигацій одного и того же выпуска бываетъ множество и, кромѣ того, облигаціи послѣдующихъ выпусковъ въ иныхъ случаяхъ удовлетворяются на равнѣ съ предшествовавшими. Такимъ образомъ, форма облигацій и условія ихъ выпуска скорѣе даютъ основаніе приравнять ихъ къ векселю, нежели къ закладной. Но форма бумагъ и текстъ постановленій о нихъ не опредѣляютъ въ данномъ случаѣ сущности дѣла, къ разсмотрѣнію которой и слѣдуетъ перейти.

Желѣзнодорожныя облигаціи, по условіямъ ихъ выпуска, выдаются отъ имени акціонерныхъ обществъ, и «общества отвѣчаютъ по нимъ всѣмъ своимъ имуществомъ». Держась буквальнаго смысла этихъ постановленій, слѣдовало бы признать, что уплата процентовъ и погашенія по облигаціямъ должны производиться изъ имущества акціонернаго общества, т. е. изъ доходовъ дороги, причитающихся на его часть; а въ случаѣ ликвидаціи изъ реализованнаго акціонернаго капитала, т. е. права распоряженія дорогою на уставныхъ условіяхъ до концессіоннаго срока. Но исторія образованія акціонернаго

и облигаціоннаго капиталовъ и взаимное ихъ отношеніе по количеству показываютъ, что приведенный выводъ невозможенъ. Желѣзныя дороги въ Россіи построены преимущественно на облигаціонные капиталы, отношеніе которыхъ къ акціонерному въ большинствѣ случаевъ опредѣлено какъ 3 : 1 и какъ 2 : 1. Большая часть облигаціонныхъ капиталовъ или прямо дана правительствомъ, или гарантирована имъ; гарантирована и значительная часть акцій. Эти данныя и обиліе ссудъ, отпущенныхъ акціонерамъ изъ казны на разныя потребности желѣзнодорожнаго хозяйства, даютъ право сдѣлать выводъ, что не недостатокъ средствъ на постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ заставлялъ правительство прибѣгать къ образованію для этой цѣли акціонерныхъ обществъ (ибо состояніе желѣзнодорожныхъ расчетовъ ясно показываетъ, что такъ называемыя частныя желѣзныя дороги строились и эксплуатируются въ сущности на казенныя средства), а лишь предположеніе, что частныя лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, съ большимъ искусствомъ и выгодой могутъ строить и эксплуатировать желѣзныя дороги, нежели сама казна. Такимъ образомъ, по сущности дѣла, какъ уже замѣчено мною при разсмотрѣніи вопроса о признакахъ несостоятельности, желѣзнодорожные концессіонеры и акціонерныя общества въ Россіи никоимъ образомъ не могутъ считаться хозяевами-собственниками дѣла, а суть не что иное, какъ подрядчики *) казны по выстройкѣ желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ управляющіе ими на правахъ арендаторовъ; акціонерные же капиталы, влагаемые въ дѣло, суть не что иное, какъ залоги, требуемые въ обезпеченіе исправности. Залоги эти возвращаются постепенно (погашеніе акцій); уставной же на нихъ % выплачивается постояннно въ теченіе аренднаго срока: то и другое предоставлено брать арендатору изъ доходовъ дороги, а при недостаткѣ ихъ, въ большинствѣ случаевъ—когда акціи гарантированы — заимообразно изъ казны. Плата же собственно за трудъ управленія, чтобы заинтересовать арендатора-управляющаго въ возможно выгодномъ веденіи дѣла, назначается не въ опредѣленной цифрѣ, а въ зависимости отъ собственнаго его старанія и опытности—въ видѣ дивиденда. Таково значеніе акціонернаго общества.

На обязанность акціонернаго общества, какъ управляющаго-арендатора желѣзной дороги, между прочимъ, возлагается уставомъ обязанность погасить за время аренды изъ

---

*) Такъ именно опредѣлила значеніе акціонернаго общества и Коммисія графа Баранова въ мотивахъ къ гл. 3 разд. 3 своего проекта Общаго уст. рос. ж. дор. (ст. 438).

доходовъ дороги сдѣланный на ея устройство облигаціонный долгъ.

Порядокъ выполненія этой обязанности опредѣляется уставами желѣзнодорожныхъ обществъ и условіями выпуска облигацій. При неисправности общества въ этомъ отношеніи каждому изъ частныхъ владѣльцевъ облигацій принадлежитъ право требовать признанія желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ на точномъ основаніи статей 139 и 140 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но такъ какъ облигаціонный долгъ обезпечивается не только имуществомъ желѣзнодорожнаго акціонернаго общества, но и достояніемъ самой дороги, и такъ какъ размѣры этого долга нерѣдко въ нѣсколько разъ превышаютъ акціонерный капиталъ, то необходимо признать, что при ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожнаго общества облигаціонеры должны получать удовлетвореніе изъ имущества ликвидируемаго общества не въ полной суммѣ капитальнаго облигаціоннаго долга, а лишь въ размѣрѣ процентовъ и погашенія, срокъ выплаты которыхъ уже наступилъ. Остальная же часть облигаціоннаго долга должна остаться на дорогѣ и перейти вмѣстѣ съ нею къ новому владѣльцу.

Относительно облигацій, принадлежащихъ правительству, въ уставахъ желѣзнодорожныхъ обществъ содержится обыкновенно правило, что причитающіеся на эти облигаціи платежи въ тѣ годы, когда чистаго дохода съ дороги оказывается недостаточно, записываются долгомъ на обществѣ; порядокъ же уплаты этого долга указывается обыкновенно такой же, какъ и порядокъ уплаты ссудъ, получаемыхъ обществомъ отъ правительства по счету гарантіи. Это правило лишаетъ правительство возможности примѣнить къ неисправному въ отношеніи его обществу статьи 139 и 140 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но такъ какъ облигаціи, оставляемыя въ казнѣ, суть долговыя обязательства одинаковой силы съ тѣми, которыя принадлежатъ частнымъ лицамъ, такъ какъ облигаціямъ присваивается также правительственная гарантія, и полное погашеніе ихъ, согласно уставамъ, должно быть произведено до окончанія срока данной обществу концессіи, то, какъ уже объяснено при разсмотрѣніи вопроса о признакахъ несостоятельности, правительству должна быть открыта возможность требовать при извѣстномъ состояніи счетовъ общества признанія его несостоятельности судебнымъ порядкомъ и произвести съ нимъ окончательный расчетъ.

Гарантія правительствомъ облигацій, выпускаемыхъ отъ имени желѣзнодорожныхъ обществъ, не измѣняетъ отношеній владѣльцевъ этихъ облигацій къ обществу, обязанному по

уставу, производить облигаціонерамъ гарантированные правительствомъ платежи изъ доходовъ дороги и только при недостаточности этихъ доходовъ изъ правительственныхъ ссудъ. Владѣльцы гарантированныхъ облигацій, не получившіе въ установленный срокъ уплаты по купонамъ, имѣютъ также право возбудить дѣло о несостоятельности неисправнаго общества по ст. 139 и 140 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Конечно, если бы общество на судѣ доказало, что неисправность его въ платежѣ по гарантированнымъ облигаціямъ произошла не по его винѣ, а вслѣдствіе невыполненія правительствомъ обязанности его по гарантіи, то этимъ устраненъ былъ бы поводъ къ объявленію общества несостоятельнымъ; но съ другой стороны, если бы оказалось, что неуплата гарантированнаго дохода облигаціонерамъ произошла вслѣдствіе растраты или неправильнаго употребленія чистаго дохода или полученной отъ правительства по гарантіи ссуды, въ такомъ случаѣ, независимо отъ объявленія общества несостоятельнымъ и взысканія съ него недоплаченныхъ имъ и переплаченныхъ ему суммъ, распорядители его подлежали бы еще уголовной отвѣтственности, смотря по роду совершеннаго ими злоупотребленія.

Равнымъ образомъ правительственная гарантія доходности акціонернаго капитала не освобождаетъ акціонерное желѣзнодорожное общество отъ имущественной отвѣтственности передъ его кредиторами и въ томъ числѣ передъ казной. Постановленія о гарантіи, какъ устанавливающія исключительныя выгоды въ пользу акціонерныхъ обществъ, не могутъ имѣть распространительнаго толкованія, но должны примѣняться въ предѣлахъ точнаго ихъ смысла.

По общему правилу правительство гарантіей акціонернаго капитала даетъ лишь обществу ручательство въ томъ, что если, при добросовѣстномъ, разумѣется, веденіи дѣла, отъ эксплуатаціи дороги не получится чистаго дохода, достаточнаго для уплаты процентовъ на акціонерный капиталъ, то казна въ той или другой мѣрѣ дополнитъ недостатокъ *ссудой*. Далѣе этого обязательства казны по гарантіи акцій не идутъ. Поэтому, если бы общество, получая казенныя ссуды, растрачивало ихъ, или вообще недобросовѣстно пользовалось правительственною поддержкою, и, не смотря на эту поддержку или именно въ виду ея и въ надеждѣ не возвращать казнѣ ссудъ, довело расточительностью или беззаботностью дѣла свои до полнаго разстройства и необходимости ликвидаціи, то на правительствѣ не лежитъ, конечно, въ этомъ случаѣ обязанности поддерживать существованіе такого общества чрезвычайными

средствами, ни платить за него, ни прощать ему долговъ, ни тѣмъ болѣе платить акціонерамъ долговременную ренту послѣ того, какъ они, разстроивъ предпріятіе, принуждены были его оставить, не заплативъ правительству должнаго.

Отвѣтственность акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, въ предѣлахъ акціонернаго капитала и соединенныхъ съ этимъ капиталомъ выгодъ и правъ, устанавливается какъ общимъ закономъ объ акціонерныхъ компаніяхъ (ст. 2139 и 2172 т. X ч. 1), такъ и уставами желѣзнодорожныхъ обществъ. Въ тѣхъ же уставахъ, которыми гарантируются % на акціи, съ ограниченіемъ ли отвѣтственности правительства по этой гарантіи ежегодно опредѣленною цифрою, или безъ такого ограниченія, содержатся также постановленія, налагающія на акціонерныя желѣзнодорожныя общества тѣ или другія обязанности или устанавливающія для правительства право предъявлять къ обществу тѣ или другія требованія. Постановленія эти, преслѣдующія правительственную или общую пользу, совершенно отдѣльны отъ постановленій о гарантіи и должны быть разсматриваемы безъ всякаго отношенія къ послѣдней.

Такъ, въ уставахъ обществъ, акціи которыхъ гарантированы, выражено, что общество обязано постоянно содержать желѣзную дорогу въ состояніи, соотвѣтствующемъ требованіямъ безостановочнаго движенія и безопасности, а равно удобствамъ и непрерывности движенія пассажировъ и грузовъ, прибывающихъ съ другихъ дорогъ; если же, по развитіи движенія на дорогѣ, она въ чемъ-нибудь не будетъ удовлетворять означеннымъ условіямъ, то общество, обязано, по требованію правительства, произвести неотлагательно, въ указанный правительствомъ срокъ, *на свой счетъ,* надлежащія устройства (увеличить подвижной составъ, число поѣздовъ и т. п.) въ размѣрѣ, опредѣленномъ Министромъ путей сообщенія. При этомъ во многихъ уставахъ пояснено, что если общество по какимъ бы то ни было причинамъ не исполнитъ въ срокъ предъявленнаго ему требованія, то требованіе это приводится въ исполненіе распоряженіемъ Министра путей сообщенія *на счетъ общества*, при чемъ это послѣднее *возмѣщаетъ всѣ издержки казны безъ всякаго возраженія* *). Во многихъ уставахъ тѣхъ же обществъ, пользующихся гарантіей на акціи, содержится постановленіе, по которому, если валовой доходъ съ дороги

*) Уставы обществъ желѣзныхъ дорогъ: Курско-харьково-азовской, Московско-курской (§ 20), Лозово-севастопольской, Митавской, Рыбинско-бологовской, Моршанско-сызранской, Ростово-владикавказской, Риго-туккумской, Козлово-воронежско-ростовской (§ 8), Оренбургской, Фастовской, Привислянской, Ряжско-вяземской, Новгородской (§ 10), Балтійской, Новоторжской, Донецкой (§ 9) и др.

достигнетъ извѣстной цифры на версту (9.000—11.000 р.), то, въ случаѣ требованія правительства, общество обязано уложить *на свой счетъ* второй рельсовый путь. Всѣ эти обязательныя для общества устройства такого рода, что, по уставамъ желѣзнодорожныхъ обществъ, расходъ на нихъ не можетъ быть ни включенъ въ число эксплуатаціонныхъ расходовъ, ни отнесенъ на чистый доходъ отъ эксплуатаціи, распредѣленіе котораго точно указывается въ уставахъ. При такомъ положеніи дѣла выраженіе *на свой счетъ* можетъ означать лишь то, что общество само должно изыскивать средства для производства обязательныхъ для него капитальныхъ устройствъ, не обращаясь къ правительственной помощи, но производя расходы на эти устройства или изъ причитающагося дивиденда, или изъ гарантированнаго на акціи дохода. На эти же источники должны быть относимы платежи по производимымъ обществами займамъ. Если правительство и приходило въ подобныхъ случаяхъ на помощь обществамъ, отпуская имъ особыя ссуды на образованіе оборотнаго капитала или на производство разнаго рода работъ, или же гарантируя дополнительные выпуски для этой цѣли облигацій, то эта помощь была со стороны правительства милостью, а не выполненіемъ какой-либо обязанности. Напротивъ того, правительство, при неисправности общества, можетъ само произвести работы за счетъ общества, и въ этомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнное право возмѣстить сдѣланные имъ за счетъ неисправнаго общества расходы изъ принадлежащихъ собственно этому обществу доходовъ и капиталовъ; при отказѣ же общества возмѣстить правительству упомянутые расходы, правительство можетъ или обратиться въ судъ съ требованіемъ, на точномъ основаніи ст. 139 и 140 Общ. уст. росс. желѣзныхъ дорогъ, о признаніи общества несостоятельнымъ, или же зачесть требуемую имъ съ общества сумму въ счетъ причитающейся къ выдачѣ ссуды по гарантіи.

Приведенными соображеніями устанавливается то общее положеніе, что акціонерныя желѣзнодорожныя общества, и при гарантіи правительствомъ ихъ акцій, отвѣтствуютъ имущественно за ходъ дѣла и отвѣтственность эта можетъ падать какъ на принадлежащіе имъ капиталы, такъ и на гарантированный правительствомъ доходъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ лишь общества Фастовской, Оренбургской и Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ уставахъ которыхъ относительно гарантіи акцій выражено, что слѣдующія по этой гарантіи уплаты выдаются правительствомъ полностью держателямъ акцій, и что за долги общества акціонеры гарантированнымъ имъ доходомъ не отвѣчаютъ. Но такъ какъ въ

уставахъ и этихъ обществъ содержатся тѣ же постановленія о производствѣ *за ихъ собственный счетъ* работъ по требованію правительства, то и эти общества не вполнѣ безотвѣтственны, но взысканіе съ нихъ по долгамъ не можетъ падать на гарантированный по акціямъ доходъ, а лишь на дивидендъ акціонеровъ и на само ихъ право распоряженія желѣзною дорогой. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что акціи съ такою гарантіей, какая дана этимъ обществамъ, ничѣмъ, кромѣ права на дивидендъ, не отличаются отъ гарантированныхъ облигацій, и потому, въ случаѣ несостоятельности одного изъ трехъ поименованныхъ обществъ, эти акціи должны быть замѣнены облигаціями.

Въ проектѣ Общаго устава комиссіи графа Баранова различается недвижимое и нераздѣльное съ желѣзною дорогой имущество и движимое ея имущество. Къ этому послѣднему имуществу предполагалось отнести весь получаемый желѣзною дорогой доходъ, не исключая и той его части, которая приплачивается правительствомъ къ дѣйствительному доходу отъ эксплуатаціи въ видѣ гарантіи по акціямъ (ст. 247 проекта Общ. уст. росс. жел. дор.). Удовлетвореніе взысканій, согласно тому же проекту, обращается прежде всего на принадлежащее желѣзной дорогѣ въ данномъ смѣтномъ году движимое имущество, за исключеніе той его части, которая необходима для уплаты процентовъ по облигаціямъ и для покрытія издержекъ эксплуатаціи въ теченіе того года (ст. 248). Разсматривая эти предположенія, Государственный Совѣтъ высказалъ, что «къ принудительнымъ мѣрамъ взысканія приходится прибѣгать именно противъ такихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя не обладаютъ достаточными средствами для покрытія своихъ расходовъ и по отношенію къ коимъ задержаніе извлекаемыхъ ими доходовъ можетъ вызвать невозможность дальнѣйшаго продолженія движенія. Кромѣ этого, при существованіи прямого сообщенія между всѣми желѣзными дорогами и при взиманіи совмѣстно съ платою въ пользу дороги государственнаго сбора, суммы, находящіяся въ кассахъ извѣстной дороги, могутъ въ дѣйствительности принадлежать другимъ дорогамъ или казнѣ». Въ виду этихъ обстоятельствъ, Государственный Совѣтъ призналъ общіе, установленные въ законахъ гражданскихъ, способы взысканія непримѣнимыми ко всякому вообще имуществу желѣзныхъ дорогъ и постановилъ считать всѣ принадлежности желѣзнодорожнаго хозяйства, не исключая и ея кассы, имуществомъ съ желѣзною дорогой нераздѣльнымъ и недвижимымъ (статьи 138 и 139). Но это постановленіе и соображенія Государственнаго Совѣта относятся собственно къ эксплуата-

ціоннымъ доходамъ *желѣзной дороги* и къ ея кассѣ, арестъ которыхъ можетъ произвести замѣшательство въ хозяйствѣ дороги и причинить ущербъ третьимъ лицамъ, но не къ опредѣлившемуся уже доходу акціонернаго общества. Обращеніе взысканія на суммы, предназначенныя къ раздачѣ въ дивидендъ акціонерамъ, или на гарантированный имъ доходъ, представляясь мѣрою, вполнѣ соотвѣтствующею общему строю гражданскихъ законовъ и не противорѣчащею постановленіямъ Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ о нераздѣльности и неприкосновенности имущества *желѣзной дороги*, не только не угрожаетъ хозяйству дороги, но, напротивъ, во многихъ случаяхъ предохранитъ его отъ разстройства и устранитъ необходимость объявленія несостоятельности желѣзнодорожнаго общества и всѣхъ ея послѣдствій. Распространеніе же правила о неприкосновенности для взыскателей доходовъ желѣзной дороги и на доходы акціонеровъ повело бы къ необходимости объявлять желѣзнодорожныя общества несостоятельными для удовлетворенія самыхъ незначительныхъ требованій.

По этимъ соображеніямъ представляется необходимымъ дополнить статью 138 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ пояснительнымъ примѣчаніемъ, что содержащееся въ этой статьѣ запрещеніе обращать присужденныя съ желѣзной дороги взысканія на имѣющіеся въ ихъ кассахъ денежные капиталы, не распространяется на суммы, предназначенныя къ выдачѣ акціонерамъ, въ томъ числѣ и на сумму гарантированныхъ имъ процентовъ.

Соотвѣтственно этому и въ правилахъ принудительной ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ необходимо также провести то начало, что удовлетвореніе долговъ несостоятельнаго общества прежде всего должно производиться изъ текущихъ доходовъ акціонеровъ, т. е. отсчитанной на ихъ долю части дохода и суммъ, отпущенныхъ правительствомъ по гарантіи акцій. Только при недостаточности этого источника и несогласіи кредиторовъ (не исключая казны) на полученіе удовлетворенія изъ того же источника, съ разсрочкою на опредѣленное число лѣтъ, слѣдовало бы обращаться къ установленнымъ въ Общ. уст. росс. жел. дорогъ способамъ ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожнаго общества, а именно къ выкупу или продажѣ съ торговъ акціонернаго имущества.

При этомъ, такъ какъ имущественныя права акціонеровъ представляются ихъ акціями, которыя служатъ документомъ на право участія въ эксплуатаціи дороги и на соединенныя

съ этимъ правомъ выгоды, въ томъ числѣ на гарантированный доходъ, то представляется юридически вполнѣ возможнымъ, практически же въ иныхъ случаяхъ болѣе удобнымъ, нежели выкупъ и продажа права эксплуатаціи съ торговъ, такой способъ ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожнаго общества: смотря по отношенію количества долговъ къ стоимости непогашеннаго акціонернаго капитала, принадлежащія несостоятельному обществу акціи, всѣ или часть, уничтожаются или обмѣниваются на акціи уменьшенной стоимости и доходности; взятая же такимъ образомъ у акціонернаго общества часть капитала распредѣляется въ видѣ новыхъ акцій между кредиторами. При этомъ, конечно, срокъ погашенія акцій, общая сумма ихъ доходности, порядокъ отчисленія дохода на нихъ изъ средствъ эксплуатаціи и размѣръ правительственной гарантіи должны остаться прежніе. Подобный способъ ликвидаціи долговъ желѣзнодорожнаго общества, конечно, можетъ быть примѣняемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство находило бы его для себя выгоднымъ, и не иначе, какъ съ согласія кредиторовъ. При этомъ желѣзная дорога, по соглашенію правительства съ кредиторами общества, могла бы быть или оставлена въ распоряженіи правительства за счетъ общества до конца прежняго концессіоннаго срока, или же по истеченіи указаннаго въ ст. 143 Общ. уст. российск. жел. дорогъ пятилѣтняго срока и даже ранѣе, передана въ распоряженіе общества, пополненнаго въ своемъ составѣ бывшими его кредиторами.

Предлагаемыя мною мѣры не могутъ поколебать довѣрія къ правительственной гарантіи, такъ какъ и съ примѣненіемъ ихъ правительство выполнило бы свои обязательства по гарантіи въ полной мѣрѣ; этими мѣрами не нарушатся права акціонернаго общества, а лишь обезпечатся до нѣкоторой степени права его кредиторовъ, которые, по общему, принятому въ гражданскихъ законахъ правилу, могутъ обращать взысканіе на всякое имущество отвѣтчика должника; гарантированный же акціонерному обществу доходъ есть несомнѣнно существеннѣйшая часть его имущества, такъ что, если бы онъ былъ освобожденъ отъ взысканій, то во многихъ случаяхъ кредиторы (и въ числѣ ихъ казна) остались бы безъ всякаго удовлетворенія.

Таковы, по моему мнѣнію, въ основаніи отношенія акціонеровъ и облигаціонеровъ къ правительству, къ желѣзной дорогѣ и между собой. А изъ нихъ слѣдуетъ:

1) Что въ случаѣ неисправнаго содержанія дороги или убыточнаго для казны веденія дѣла акціонернымъ обществомъ,

государство должно всегда имѣть право, смотря по положенію дѣлъ общества и счетовъ его съ казною, устранить его отъ управленія дорогою или окончательно ликвидировать его дѣла однимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ, т. е. вступленіемъ въ управленіе дорогою за счетъ общества, съ продолженіемъ выплаты, согласно уставу, % и погашенія на акціи, а также дивиденда; или выкупомъ остающагося срока аренды обществомъ дороги на условіяхъ, опредѣленныхъ въ его уставѣ, или по особому съ нимъ соглашенію, или, наконецъ, объявленіемъ его несостоятельнымъ и принудительною ликвидаціею его дѣлъ.

2) Въ случаѣ объявленія желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ, на удовлетвореніе его кредиторовъ (въ томъ числѣ казны) слѣдуетъ прежде всего обращать доходы, принадлежащіе собственно этому обществу (въ томъ числѣ и гарантированный казной), а затѣмъ уже его залогъ, т. е. остающуюся непогашенною часть акціонернаго капитала какъ сумму акцій, предоставляющихъ право на этотъ капиталъ, или—какъ соотвѣтствующее имъ право аренднаго владѣнія желѣзною дорогою до срока концессіи.

3) Непогашенный еще согласно уставу облигаціонный долгъ лежитъ на желѣзной дорогѣ и, къ какому бы владѣльцу она ни перешла, долженъ погашаться изъ будущихъ ея доходовъ прежнимъ порядкомъ, поэтому облигаціонный долгъ при ликвидаціи дѣлъ несостоятельнаго общества въ конкурсѣ не участвуетъ. Претензіи же отдѣльныхъ облигаціонеровъ по невыданнымъ имъ % и погашенію за прежнее до ликвидаціи время предъявляются въ конкурсѣ, но не въ качествѣ облигаціонныхъ долговъ, а какъ простыя долговыя претензіи перваго разряда, которыя удовлетворяются изъ массы, по соразмѣрности, на общемъ основаніи.

4) Долги по правительственнымъ ссудамъ по счету гарантіи и другимъ, также какъ недоплата правительству по гарантированнымъ облигаціямъ, оставленнымъ имъ за собою, должны приниматься въ зачетъ остающейся по уставу непогашенною части акціонернаго капитала, и если бы разница получилась въ пользу акціонеровъ, то она давала бы имъ право на удовлетвореніе въ случаѣ излишка конкурсной массы. Если же, напротивъ того, акціонерный капиталъ ниже засчитываемаго долга правительству, то такое же право на удовлетвореніе изъ остатка массы должно принадлежать казнѣ. Это правило о зачетѣ должно прилагаться и къ владѣльцамъ гарантированныхъ акцій, кромѣ акціонеровъ дорогъ: Фастовской, Оренбургской и Привислянскихъ, относительно которыхъ

прямо указано, что за долги общества акціонеры гарантированнымъ имъ доходомъ не отвѣчаютъ. Зачетъ казенныхъ долговъ обязанностью возврата акціонерамъ ихъ капитала вполнѣ соотвѣтствовалъ бы ст. 1884 и 1.966 уст. о торг. несост., согласно которымъ «долги на несостоятельномъ, коимъ сроки еще не настали, по открытіи несостоятельности, подлежатъ взысканію наравнѣ съ просроченными, съ различіемъ только въ исчисленіи долга», и замѣна долга искомъ допускается сполна, сумма противъ суммы, если одно и то же лицо представляетъ собою заимодавца и должника,

и 5) *Предметомъ выкупа* у акціонеровъ, а равно *и продажи съ публичнаго торга*, о которыхъ идетъ рѣчь въ желѣзнодорожныхъ частныхъ и Общемъ уставахъ (ст. 143 и 144), дороги *собственно* никоимъ образомъ *быть не могутъ*, ибо онѣ не составляютъ собственности акціонерныхъ обществъ, и послѣднимъ запрещено закономъ (уставами) продавать (также и закладывать) не только желѣзныя дороги въ полномъ ихъ составѣ, но и какія бы то ни было принадлежности дорогъ, иначе какъ съ цѣлью замѣны имущества, пришедшаго въ негодность, соотвѣтствующимъ ему новымъ. И такъ, выкупу у акціонеровъ и общественной продажѣ подлежитъ то, что дѣйствительно принадлежитъ акціонерному обществу, т. е. непогашенный акціонерный капиталъ или соотвѣтствующее ему право владѣнія дорогою до конца концессіонаго срока и соединенныя съ этимъ правомъ выгоды.

Относительно порядка выкупа и продажи права эксплуатаціи желѣзной дороги необходимо замѣтить:

Постановленія Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по вопросу о выкупѣ содержатся въ ст. 143 и 144, изъ которыхъ первая опредѣляетъ, «что правительство имѣетъ право приступить къ выкупу дороги у признаннаго несостоятельнымъ общества, не ожидая опредѣленнаго для сего уставомъ дороги срока», и «что въ случаѣ выкупа дороги правительствомъ, послѣднее отвѣтствуетъ передъ кредиторами одною только выкупною суммою», а вторая, что «выкупъ правительствомъ желѣзной дороги совершается на основаніи условій, означенныхъ въ уставѣ дороги, буде между казною и обществомъ не послѣдуетъ особаго по этому предмету соглашенія». Постановленія эти не соотвѣтствуютъ одно другому и самымъ общимъ представленіямъ о положеніи несостоятельнаго должника и правахъ его кредиторовъ. По общему правилу, признанный несостоятельнымъ должникъ лишается права распоряжаться своимъ имуществомъ, и право это переходитъ всецѣло къ его кредиторамъ; если, затѣмъ, по ст. 143 Общаго устава,

кредиторы, въ случаѣ выкупа дороги правительствомъ, получаютъ удовлетвореніе только изъ выкупной суммы, то, конечно, кредиторы въ правѣ требовать, чтобъ выкупъ совершался на условіяхъ, опредѣленныхъ въ уставѣ или по соглашенію съ ними, а не съ обществомъ. Комиссія, находя, съ своей стороны, неудобоисполнимыми приведенныя постановленія Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, высказалась за устраненіе акціонеровъ несостоятельнаго общества отъ всякаго участія въ соглашеніи о выкупѣ дороги и въ ст. 8-й проекта предложила правило, по которому соглашеніе о выкупѣ признается состоявшимся, «коль скоро предложеніе о томъ правительства будетъ принято въ общемъ собраніи кредиторовъ большинствомъ голосовъ, требуемымъ по закону для принятія мировой сдѣлки». Но это правило противорѣчитъ приведеннымъ постановленіямъ ст. 143 и 144 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; поэтому, съ принятіемъ его является необходимость отмѣны, или соотвѣтственнаго измѣненія этихъ постановленій. Но помимо несоотвѣтствія постановленіямъ Общаго устава, предлагаемая мѣра—опредѣленіе условій выкупа по соглашенію правительства съ общимъ собраніемъ кредиторовъ—едва ли будетъ удобна. Выше, по вопросу о выборѣ конкурснаго управленія, мною приведены уже соображенія о затруднительности созывать общія собранія разбросанныхъ и крайне разнохарактерныхъ кредиторовъ желѣзнодорожнаго общества. Еще затруднительнѣе установить для такого собранія такой способъ рѣшеній, который не только былъ бы правильнымъ съ формальной стороны, но могъ бы считаться справедливымъ и по существу, и не возбуждалъ разнаго рода недоразумѣній и нареканій. Если, какъ предположено правилами, владѣніе облигацией будетъ давать право на участіе въ собраніи кредиторовъ, то въ иныхъ случаяхъ рѣшителемъ дѣлъ въ общемъ собраніи кредиторовъ можетъ оказаться самъ несостоятельный должникъ, т. е. главные настоящіе или бывшіе распорядители общества акціонеры, которымъ, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности, можетъ принадлежать значительное количество облигацій. Помимо этого, желѣзнодорожныя общества весьма нерѣдко находятся въ разнаго рода денежныхъ обязательствахъ, какъ-то: по поставкѣ матеріаловъ, производству работъ, найму помѣщеній и т. п., съ главными своими акціонерами или близкими къ нимъ и подставными отъ нихъ лицами. По смыслу конкурснаго устава и въ интересахъ дѣла, всѣ подобныя лица должны быть устранены отъ участія въ общихъ собраніяхъ; но, по безымянности акцій, открыть ихъ присутствіе и устранить отъ

рѣшеній, въ которыхъ они не могутъ быть безпристрастными, въ большинствѣ случаевъ будетъ невозможно. Тотъ же вопросъ о правѣ на участіе въ общихъ собраніяхъ возникаетъ относительно разнаго рода служащихъ въ обществѣ, которые могутъ быть отчасти виновниками несостоятельности общества (напримѣръ, бухгалтеры и начальники отдѣльныхъ частей и службъ и т. п.). Тѣ же кредиторы, противъ участія которыхъ ничего нельзя было бы возразить, какъ-то: претензіи которыхъ возникли изъ нарушенія правилъ о перевозкѣ, разнаго рода поставщики и мелкіе служащіе на линіи дороги, по отдаленности, занятіямъ и т. п., едва ли будутъ имѣть возможность принимать участіе въ собраніи въ такомъ числѣ, чтобы голосъ ихъ имѣлъ какой-нибудь вѣсъ. Да и большинство этихъ лицъ, по недостаточному знакомству съ общимъ состояніемъ дѣлъ дороги, уставными условіями и т. п., едва ли могутъ вполнѣ сознательно высказаться по такому сложному вопросу, какъ условія выкупа. Съ другой стороны, правительство, въ лицѣ того или другаго вѣдомства въ отдѣльности или по общей суммѣ ихъ претензій, можетъ въ иныхъ случаяхъ, какъ уже упомянуто, имѣть подавляющій голосъ въ собраніи кредиторовъ. Если вообще правительство не могло бы безъ нареканій пользоваться этимъ правомъ, то въ вопросѣ о выкупѣ это тѣмъ болѣе невозможно, такъ какъ тутъ ему пришлось бы договариваться самому съ собою; а если бы оно устранило представителей своихъ интересовъ отъ участія въ рѣшеніи этого вопроса, то это рѣшеніе могло бы стать въ зависимость отъ болѣе вліятельныхъ по размѣрамъ претензій, но сомнительныхъ по праву кредиторовъ.

Приведенныя неудобства примѣненія къ дѣлу постановленій о выкупѣ ст. 143 и 144 Общаго устава росс. жел. дорогъ и предлагаемой статьи правилъ, по моему мнѣнію, проистекаютъ изъ того обстоятельства, что постановленіямъ этимъ уставомъ и правилами указывается не то мѣсто въ ликвидаціонномъ производствѣ, какое они могутъ въ дѣйствительности въ немъ занимать. Если несостоятельность желѣзнодорожнаго общества уже объявлена судомъ, или даже если она фактически уже существуетъ, въ такомъ случаѣ выкупу по соглашенію съ акціонерами или кредиторами уже нѣтъ мѣста. Помимо того, что входить относительно него въ соглашеніе съ кредиторами практически неудобно, а съ акціонерами вовсе по праву невозможно, трудно себѣ представить пользу такого соглашенія. Если условія выкупа по уставу излишне выгодны для акціонеровъ и тяжелы для казны, то сомнительно, чтобы акціонеры или кредиторы поступились ими добровольно въ ея пользу;

поэтому, въ этомъ случаѣ правительству, для того, чтобы выяснить дѣйствительную стоимость предпріятія, слѣдуетъ довести дѣло до торговъ и затѣмъ, если найдетъ для себя выгоднымъ, оставить за собою дорогу въ предложенной на торгахъ цѣнѣ. Такой образъ дѣйствій правительства будетъ вполнѣ закономѣрнымъ и, надо полагать, наиболѣе выгоднымъ для казны. Если, наоборотъ, условія выкупа по уставу казна находила бы для себя не обременительными, то тогда соглашеніе относительно измѣненія ихъ можетъ быть вызвано только желаніемъ кредиторовъ получить больше того, что имъ слѣдуетъ по закону. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ томъ, когда на торгахъ установилась бы цѣна для казны выгодная, если бы правительство считало себя нравственно обязаннымъ помочь разорившимся кредиторамъ, его помощь и должна имѣть видъ произвольной для него помощи, а не юридической сдѣлки. Такая постановка дѣла представляетъ ту выгоду, что правительство будетъ имѣть возможность распредѣлить свое пожертвованіе между истинно нуждающимися въ помощи кредиторами и въ мѣрѣ дѣйствительной потребности того или другаго изъ нихъ, тогда какъ при общемъ соглашеніи съ кредиторами о льготномъ для нихъ выкупѣ правительственная надбавка распредѣлится пропорціонально размѣрамъ претензій, и можетъ случиться, что значительнѣйшая ея часть достанется именно тѣмъ, кому вовсе не слѣдовало бы.

Выкупъ на основаніяхъ, указанныхъ въ ст. 143 и 144 Общаго устава росс. жел. дорогъ, по объявленіи общества несостоятельнымъ, могъ бы безъ неудобства быть примѣненъ въ томъ лишь случаѣ, если бы, по выясненіи дѣлъ общества, оказалось, что въ дѣйствительности оно вполнѣ состоятельно. Въ этомъ случаѣ, по прекращеніи производства о несостоятельности, правительство могло бы войти въ соглашеніе съ обществомъ о выкупѣ принадлежащихъ ему арендныхъ правъ.

Но неудобному и въ большинствѣ случаевъ безполезному собственно въ составѣ конкурснаго производства выкупу по соглашенію должно быть удѣлено мѣсто въ правилахъ о ликвидаціи дѣлъ желѣзнодорожныхъ обществъ, такъ какъ онъ можетъ быть примѣняемъ не безъ пользы именно, какъ одинъ изъ способовъ доконкурсной и внѣконкурсной ликвидаціи частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій.

По соглашенію съ акціонернымъ обществомъ, выкупъ примѣнялся уже правительствомъ нѣсколько разъ къ желѣзнымъ дорогамъ тѣхъ обществъ, дѣла которыхъ шли неудовлетворительно, но которыя, тѣмъ не менѣе, не были еще признаны несостоятельными и, слѣдовательно, были правоспо-

собны входить въ соглашенiе. Какъ одна изъ мѣръ, предупреждающая несостоятельность, этотъ видъ выкупа долженъ быть примѣняемъ и на будущее время. Но для устраненiя возможныхъ, при отсутствiи всякихъ на этотъ предметъ правилъ, невыгодныхъ для казны и для кредиторовъ ликвидируемаго общества послѣдствiй, необходимо обставить эту мѣру въ законѣ нѣкоторыми условiями. А именно: что къ выкупу желѣзныхъ дорогъ по соглашенiю правительство приступаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, если нѣтъ еще условiй, достаточныхъ для признанiя общества несостоятельнымъ; что условiя выкупа (цѣна и т. п.), опредѣляемыя соглашенiемъ, должны быть, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе для казны уставныхъ, и что, наконецъ, состоявшееся соглашенiе и условiя выкупа объявляются во всеобщее свѣдѣнiе обычными троекратными публикацiями съ тою цѣлью, чтобы лица, имѣющiя претензiи къ обществу, могли заявить о нихъ правительству и принять мѣры къ защитѣ своихъ правъ. Съ тою же цѣлью обезпеченiя отъ потерь возможныхъ кредиторовъ общества, выдача послѣднему выкупной суммы должна быть производима не раньше истеченiя извѣстнаго срока: 6-ти или, по меньшей мѣрѣ, 4-хъ-мѣсячнаго со дня послѣдняго изъ объявленiй о состоявшихся условiяхъ выкупа. По истеченiи указаннаго срока правительствомъ изъ выкупной суммы производятся уплаты кредиторамъ, представившимъ исполнительные листы на взысканiе, и удерживается сумма, необходимая для оплаты тѣхъ претензiй, которыя еще окончательно не присуждены, но объ обезпеченiи которыхъ состоялись судебныя опредѣленiя; остальная часть выкупной суммы выдается акцiонерамъ. Затѣмъ правительство и поступившая въ его распоряженiе дорога должны считаться свободными отъ всякихъ обязательствъ по отношенiю къ бывшему обществу и его кредиторамъ. Въ случаѣ же, если бы количество заявленныхъ въ теченiе упомянутаго срока къ обществу претензiй, подтвержденныхъ документами на взысканiе или обезпеченiе, превысило установленную соглашенiемъ о выкупѣ сумму, то правительство должно передать ее вмѣстѣ со всѣми претензiями окружному суду, для распредѣленiя установленнымъ порядкомъ.

Другой видъ выкупа по соглашенiю можетъ имѣть мѣсто уже по объявленiи общества несостоятельнымъ, но какъ отдѣльное отъ конкурснаго производства дѣйствiе. Порядокъ необходимаго въ этомъ случаѣ соглашенiя только отчасти соотвѣтствовалъ бы предположенному проектомъ правилъ. Дѣло идетъ о выкупѣ дороги не у общества, впадшаго въ несостоятельность, и не у его кредиторовъ, а у владѣльцевъ облигацiй.

Если облигаціи не гарантированы, то нельзя не признать, что интересы ихъ владѣльцевъ находятся въ зависимости отъ того, какъ будетъ итти хозяйство при новомъ владѣльцѣ дороги, такъ какъ уплата имъ % и погашенія должны производиться изъ чистаго дохода дороги, котораго можетъ не доставать или вовсе не быть. Поэтому, въ отношеніи этихъ именно лицъ, слѣдовало бы установить правило о выкупѣ правительствомъ у облигаціонеровъ ихъ правъ, подобно тому, какъ это установлено въ иностранныхъ законахъ: швейцарскомъ, австрійскомъ и проектѣ германскаго, на которые сдѣлана ссылка въ журналѣ комиссіи (стр. 12). Подобный выкупъ можетъ представлять обоюдныя выгоды, когда, напр., отсутствіе доходовъ съ дороги, объясняемое временымъ ея разстройствомъ, можетъ побудить облигаціонеровъ отказаться въ пользу казны съ значительною уступкою отъ своихъ правъ взамѣнъ болѣе близкой ихъ реализаціи. Но подобныя соглашенія о выкупѣ могутъ быть дѣлаемы правительствомъ во всякое время и внѣ связи съ несостоятельностью и ликвидаціей акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

Какъ для выкупа, такъ и для продажи необходимо произвести оцѣнку переуступаемаго права. Оцѣнка стоимости сооруженій должна имѣть цѣлью опредѣленіе неисправностей на дорогѣ, стоимость которыхъ при выкупѣ или продажѣ должна быть поставлена въ зачетъ ликвидируемому обществу. Опредѣленіе же продажной стоимости права эксплуатаціи дороги должно находиться въ зависимости отъ цѣли самой продажи. Эта цѣль—покрыть вырученною суммою всѣ долги, которые общество обязано было удовлетворять изъ доходовъ дороги, кромѣ облигаціоннаго и тѣхъ правительственныхъ ссудъ, какъ напр., по гарантіи, которыя подлежали бы уплатѣ изъ прибылей общества. Съ общей цифры упомянутыхъ долговъ, по моему мнѣнію, и долженъ начинаться первый торгъ.

Что касается порядка продажи права эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, то до настоящаго времени право на владѣніе желѣзною дорогой давалось и переуступка его совершалась не иначе, какъ въ силу постановленія, утвержденнаго Верховною Властью. При этомъ концессіи на эксплуатацію дорогъ не давались отдѣльнымъ лицамъ, а требовалось для этого образованіе общества. Казалось бы, что нѣтъ основаній отступать отъ этихъ коренныхъ правилъ. Поэтому, при продажѣ желѣзныхъ дорогъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы соблюдать такой порядокъ:

Управленіемъ, временно завѣдывающимъ желѣзною дорогою, по соглашенію съ конкурсомъ, долженъ быть соста-

вленъ, примѣнительно къ договорныхъ постановленіямъ устава ликвидируемаго общества и обстоятельствамъ дѣла, проектъ условій торговъ и владѣнія желѣзною дорогою, которые должны замѣнить покупателю, въ случаѣ утвержденія за нимъ торга, прежніе концессію и уставъ. Проектъ этотъ долженъ быть затѣмъ внесенъ въ Совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ и, по одобреніи или исправленіи его Совѣтомъ, представленъ, чрезъ Комитетъ Министровъ, на утвержденіе Верховной Власти. По Высочайшемъ одобреніи условій, они публикуются и на основаніи ихъ производится торгъ. Первый торгъ начинается съ цифры, выражающей сумму претензій, между которыми должна быть распредѣлена вырученная отъ продажи сумма; второй—съ цифры долговъ перваго разряда, а третій—съ предложенной суммы. Правительству должно принадлежать право, послѣ каждаго состоявшагося торга, оставить дорогу въ предложенной цѣнѣ за собою.

Статья «О порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ» какъ и помѣщаемыя ниже нѣсколько статей и замѣтокъ, касающихся желѣзнодорожнаго дѣла, имѣютъ отношеніе къ службѣ моей въ Государственномъ Контролѣ. Начавъ въ 1872 г. службу по Министерству Юстиціи кандидатомъ на судебную должность въ 1 отдѣленіи 5 департамента Правительствующаго Сената, я въ Январѣ 1875 г., перевелся въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, гдѣ прослужилъ дѣлопроизводителемъ 8 класса три года. Поѣздка въ Черногорію въ 1878 г. была причиною перехода моего въ Государственный Контроль, на должность младшаго ревизора Временной ревизіонной Коммиссіи, которою въ то время управлялъ Т. И. Филипповъ. Здѣсь вскорѣ мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе въ выработкѣ и установленіи контроля надъ постройкою и эксплоатаціей сначала казенныхъ, а потомъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Дѣлопроизводство Временной Ревизіонной Коммисіи, въ которомъ я служилъ, было преобразовано сначала въ особое, съ правами департамента, «*Отдѣленіе желѣзнодорожныхъ дѣлъ*», а затѣмъ въ *Департаментъ желѣзнодорожной отчетности*. Съ должности старшаго ревизора этого департамента въ 1889 г. я былъ переведенъ на вновь учрежденную должность члена отъ Государственнаго Контроля въ Совѣтъ управленія Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, а въ апрѣлѣ 1893 г. назначенъ Генералъ-Контролеромъ Департамента желѣзнодорожной отчетности.

Многостороннее знакомство съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ привело меня къ убѣжденію въ чрезвычайной убыточности для государства такъ называемаго частнаго акціонернаго желѣзнодорожнаго строительства и хозяйства, которыя ведутся въ сущности безотчетно частными лицами за государственный счетъ. Въ приведенномъ выше особомъ моемъ мнѣніи о проектѣ правилъ ликвидаціи, мною намѣчены основанія русскаго желѣзнодорожнаго права, для выработки котораго и до сихъ поръ въ сущности никѣмъ и ничего не сдѣлано. Правила ликвидаціи несостоятельныхъ же-

лѣзнодорожныхъ обществъ, будь они своевременно установлены, какъ я ихъ предлагалъ, дали бы государству возможность взять такъ называемыя частныя дороги въ казну на условіяхъ болѣе справедливыхъ и не столь обременительныхъ для государства и народа, какъ распорядился это сдѣлать С. Ю. Витте. Порученіе составить правила ликвидаціи для несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ было дано Министерству Финансовъ Государственнымъ Совѣтомъ еще въ 1885 г. одновременно съ утвержденіемъ Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но вырабатывавшая эти правила Коммиссія подъ предсѣдательствомъ Т. С. Тура, а за нею и Совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, пользуясь неточностью выраженія государственнаго Совѣта: «*несостоятельныхъ*» желѣзнодорожныхъ обществъ», истолковали данное имъ порученіе въ столь ограничительномъ смыслѣ, что выработанныя ими правила, если бы они и получили законодательное утвержденіе, не могли бы имѣть никакого примѣненія, такъ какъ, обходя всѣ существеннѣйшіе вопросы желѣзнодорожнаго права, они говорили лишь о послѣдствіяхъ *признанной уже судомъ* несостоятельности, а между тѣмъ самое объявленіе судомъ желѣзнодорожнаго общества несостоятельнымъ, по отсутствію признаковъ такой несостоятельности, почти не возможно. Государственный Совѣтъ дважды возвращалъ Министерству Финансовъ его проектъ о ликвидаціи; послѣдній разъ, въ мартѣ 1893 г.,—съ предложеніемъ собразовать его съ указаніями, сдѣланными, согласно моему особому мнѣнію, Государственнымъ Контролеромъ и Министромъ Юстиціи. Оставивъ это порученіе безъ исполненія, Министерство Финансовъ принялось спѣшно выкупать у акціонерныхъ обществъ желѣзныя дороги въ казну на основаніи разбойничьихъ постановленій о выкупѣ ихъ уставовъ, и особыхъ соглашеній, на заключеніе которыхъ испрашивались министромъ Витте предварительныя Высочайшія повелѣнія. Послѣдствіемъ этого выкупа была, кромѣ другихъ убытковъ для государства, *потеря милліарда съ четвертью рублей долговъ* акціонерныхъ обществъ казнѣ по выданнымъ имъ по гарантіи ихъ облигацій и акцій ссудамъ; долги эти при выкупѣ дорогъ просто слагались со счетовъ. Одновременно съ этимъ продолжалось начатое еще при Вышнеградскомъ такъ называемое преобразованіе желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ Обществъ, съ отдаленіемъ наступавщихъ по уставамъ сроковъ выкупа дорогъ, и съ предоставленіемъ имъ сооруженія новыхъ дорогъ, громаднаго протяженія и стоимости, на счетъ разрѣшавшихся имъ новыхъ облигаціонныхъ займовъ; при чемъ операціи эти освобождались отъ всякаго учета и контроля. Началось это еще до назначенія меня генералъ-контролеромъ желѣзнодорожной отчетности. Въ то время только одинъ Министръ Путей Сообщенія Ад. Як. Гюббенетъ отстаивалъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ права правительственнаго контроля по отношенію къ акціонерному строительству. Вступивъ въ должность генералъ-контролера, я сразу же долженъ былъ повести борьбу съ всемогущимъ тогда временщикомъ, и велъ неустанно ее три года. И борьба эта не всегда была безплодна. Такъ: представленіе С. Ю. Витте о преобразованіи Общества Грязе-Царицынской желѣзной дороги въ Общество Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ едва не было отклонено Соединеннымъ Присутствіемъ Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта, и условія этого преобразованія относительно распредѣленія чистаго дохода между акціонерами и казной и др. были существенно измѣнены. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ Государственнаго Контролера за 1894 и 1895 гг. наглядно и доказательно были представлены безобразія акціонернаго строительства и хозяйничанья на желѣзныхъ дорогахъ и убыточность ихъ для государства, и противъ заключительнаго вывода послѣдняго изъ этихъ отчетовъ: «Интере-

самъ государственнымъ вполнѣ соотвѣтствовало бы, чтобы желѣзнодорожное строительство и эксплоатація были сосредоточены въ рукахъ правительства», Государь положилъ отмѣтку: «Это тоже и Мое мнѣніе». Но помѣщенная выше въ этой книгѣ (стр. 641—946) рѣчь моя въ «Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли», со ссылкою на Апокалипсисъ, дала противъ меня оружіе, и вскорѣ по представленіи Государю упомянутаго всеподданнѣйшаго отчета за 1895 г. Тертій Ивановичъ объявилъ мнѣ: «Я вынужденъ разлучить Васъ съ Вашимъ департаментомъ. Считаю себя счастливымъ, что могу это сдѣлать безъ ущерба Вашему служебному достоинству». 16 мая 1896 г. послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ о назначеніи меня генералъ-контролеромъ военной и морской отчетности.

Изъ служебныхъ моихъ записокъ въ этой книгѣ помѣщено только особое мнѣніе о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, какъ напечатанное въ свое время въ Журналѣ Министерства Путей Сообщенія (1888 г. кн. I), да еще вслѣдъ за симъ приводится содержаніе возраженій Государственнаго Контроля на объясненія Министра Финансовъ по упомянутому всеподданнѣйшему отчету за 1895 г. Кромѣ того въ этой книгѣ помѣщаются два особыя мнѣнія мои: одно по переселенческому дѣлу; другое по дѣлу о признаніи за Кабинетомъ права собственности на земли такъ наз. Нерчинскаго округа; и—справка по предположеніямъ Министра Юстиціи относительно переустройства мѣстъ заключенія. Если Богъ благословитъ, то сборникъ другихъ моихъ служебныхъ работъ по желѣзнодорожнымъ и другимъ вопросамъ выпущенъ будетъ особою книгой.

Рѣчь, сказанная 21 апрѣля 1893 г. при вступленіи въ должность Генералъ-Контролера Департамента Желѣзнодорожной Отчетности чинамъ этого Департамента.

Дорогіе товарищи и сотрудники!

Велика ко мнѣ, недостойному, милость Божія; велика честь, которою облекло меня, по избранію Государственнаго Контролера, высокое довѣріе Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго нашего Государя. Но также велика и страшна отвѣтственность, возложенная на меня этимъ довѣріемъ! Мы—Государственный Контроль—призваны не только сами блюсти законъ, но и остерегать отъ нарушенія его, вводить въ границы закона и другихъ; на насъ лежитъ святой долгъ оберегать государственное и народное достояніе. Всѣмъ учрежденіямъ Государственнаго Контроля приходится сталкиваться и вести борьбу съ посягательствами на народное добро поклонниковъ и слугъ золотого тельца; но въ той крупнѣйшей отрасли государственнаго хозяйства, которая зовется желѣзнодорожнымъ дѣломъ и къ которой приставленъ Департаментъ Желѣзнодорожной Отчетности, эти посягательства бываютъ особенно алчны, хитроумны и сильны. Для борьбы съ ними требуется ото всѣхъ насъ величайшая осмотрительность и безусловная нравственная чистота—чтобы не насмѣялись надъ нами и на наше замѣчаніе не бросили намъ въ отвѣтъ: «врачу, исцѣлися самъ!» Чтобы управиться намъ съ нашимъ дѣломъ, необходимо между нами взаимодѣй-

ствіе, одушевленный общій трудъ; ибо: если распорядительность и одушевленіе начальника окрыляютъ подчиненныхъ, то и обратно — въ ихъ опытности и разсудительномъ отношеніи къ дѣлу черпаетъ онъ свою мудрость и одушевленіе; иначе онѣ у него скоро израсходуются и изсякнутъ.

Была темная въ жизни нашего Отечества полоса,—когда мы растеряли наши народные вѣрованія и идеалы и стали кланяться чужимъ богамъ. Тогда и на государственную службу сложился у насъ тоже особый, заимствованный изъ-чужи взглядъ, по которому начальствующими отъ подчиненныхъ требовалось одно: «не разсуждать, а исполнять!» Слѣпая механическая исполнительность въ чиновникахъ цѣнилась выше всего и стала даже типичною ихъ чертой. Но, благодареніе Богу, это время миновало! На одной слѣпой исполнительности далеко, вѣдь, не уйдешь, какъ бы ни были исполнители услужливы и старательны. Отъ нашей русской старины дошло до насъ иное, высокое и чистое понятіе служебнаго долга. Оно выражается прекраснымъ, историческимъ русскимъ словомъ «*прямить*». Прямить дѣлу, прямить Государю, это значитъ: разсудительно отнесясь къ дѣлу, доискавшись въ немъ правды, отстаивать ее передъ всѣми и каждымъ, передъ недругами и друзьями, передъ посторонними и своимъ начальствомъ; отстаивать всѣми силами своего духа,—сердцемъ и головой! Такой: одушевленной, разумной помощи ожидаю я отъ васъ и, зная большинство изъ васъ уже давно, я убѣжденъ, что ваши понятія о служебномъ долгѣ и служебныхъ отношеніяхъ не расходятся съ моими, а потому я вѣрю, что, при помощи Божіей, общія наши усилія, общая наша работа на пользу дорогого нашего Отечества не посрамятся!

О постройкѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ распоряженіемъ акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

Относительно постройки желѣзныхъ дорогъ акціонерными обществами во всеподданнѣйшихъ отчетахъ Государственнаго Контролера за 1894 и 1895 гг. было высказано, что эти постройки отдаются акціонернымъ обществамъ на условіяхъ, совершенно не обезпечивающихъ интересовъ казны, такъ какъ единственное условіе, поставленное законодательною властью въ огражденіе этихъ интересовъ—предварительное разсмотрѣніе при участіи Государственнаго Контроля расцѣночныхъ вѣдомостей—вообще не соблюдается строителями; разсчитывать же на контроль самихъ акціонеровъ также нельзя, такъ какъ лица, распоряжающіяся строительными операціями желѣзнодорожныхъ обществъ, ищутъ ближайшихъ выгодъ отъ реализаціи капиталовъ и заинтересованы гораздо болѣе въ возможномъ расширеніи работъ и увеличеніи ихъ стоимости, нежели въ будущихъ дивидендахъ акціонеровъ.

По этимъ замѣчаніямъ послѣдовали Высочайшія отмѣтки, которыми выражалось полное согласіе Государя съ Контролемъ.

Министерство Финансовъ противъ приведеннаго замѣчанія возражало, что ни одинъ облигаціонный капиталъ изъ числа разрѣшенныхъ въ послѣдніе три года къ выпуску частнымъ желѣзнымъ дорогамъ для строительныхъ работъ не былъ реализованъ распоряженіемъ самихъ обществъ, а всѣ они либо оставлялись за Правительствомъ, либо реализовались за границею по соглашеніямъ Министра Финансовъ съ синдикатомъ банковъ и банкировъ, и что поэтому лица, руководящія постройкою, никакихъ выгодъ отъ реализаціи капиталовъ получить не могутъ. Реализація капиталовъ частныхъ обществъ доставила значительную выгоду государственнымъ сберегательнымъ кассамъ, которыми пріобрѣтались облигаціи по весьма выгодному курсу, всегда значительно ниже биржевого курса однородныхъ бумагъ.

На первое изъ приведенныхъ возраженій Госуд. Контроль объяснилъ, что не только въ прежнее время правленія акціонерныхъ обществъ вступали въ непосредственныя соглашенія съ банкирами относительно реализаціи разрѣшенныхъ имъ облигаціонныхъ займовъ, но и по Высочайше утвержденнымъ условіямъ построекъ, разрѣшенныхъ въ послѣдніе три года, о которыхъ говоритъ Министръ Финансовъ, заключеніе облигаціонныхъ займовъ предоставлено распоряженію самихъ обществъ. Такъ, напр., по Высочайше утвержденному, 7 Іюня 1895 г., третьему дополненію къ уставу общества Кіево-Воронежской желѣзной дороги, потребный на постройку Московско-Брянской желѣзной дороги и другія указанныя въ § 4 дополненія работы «облигаціонный заемъ общество обязуется заключить *своимъ распоряженіемъ*. Нарицательная сумма, время, форма и условія выпуска, а равно и валюта сихъ облигацій опредѣляются Министромъ Финансовъ *по соглашенію съ обществомъ* . . . . Правительство сохраняетъ право оставить за собою часть или всѣ подлежащія выпуску облигаціи *по цѣнѣ, которая будетъ соглашена между правленіемъ Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги и банкирами, или учрежденіями, принявшими на себя выпускъ займа*». Подобное же постановленіе содержится въ дополненіяхъ къ уставамъ и другихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, утвержденныхъ также въ послѣднее трехлѣтіе, и такъ какъ по этимъ постановленіямъ всѣ существенныя условія займа, въ томъ числѣ и цѣна, по которой облигаціи могутъ быть оставлены Правительствомъ за собой, опредѣляются по соглашенію Министерства Финансовъ и бан-

кировъ съ правленіемъ желѣзнодорожнаго общества, то посредничество Министерства Финансовъ между заграничными банкирами и правленіями желѣзнодорожныхъ обществъ въ дѣлѣ реализаціи ихъ займовъ нисколько не исключаетъ возможности и непосредственныхъ между тѣми и другими сдѣлокъ, доставляющихъ выгоды лицамъ, распоряжающимся строительными операціями. Что касается заявленія о выгодахъ, получаемыхъ государственными сберегательными кассами отъ пріобрѣтенія облигацій желѣзнодорожныхъ обществъ по болѣе низкому курсу сравнительно съ биржевою цѣною однородныхъ бумагъ, то для оцѣнки этого заявленія необходимо было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ операціяхъ сберегательныхъ кассъ по покупкѣ желѣзнодорожныхъ облигацій. До представленія же Министромъ Финансовъ этихъ свѣдѣній нѣтъ основанія считать эту операцію выгодною съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ выгоды, доставляемыя самимъ сберегательнымъ кассамъ и ихъ вкладчикамъ пріобрѣтеніемъ облигацій, выпускаемыхъ желѣзнодорожными обществами, по низкому курсу, — получаются въ сущности за счетъ казны же, гарантирующей облигаціонные займы и участвующей въ прибыляхъ желѣзнодорожныхъ обществъ (отчеты Государственнаго Банка по сберегательнымъ кассамъ не содержатъ данныхъ для заключенія по этому вопросу).

Замѣчаніе Государственнаго Контроля, что лица, распоряжающіяся постройками, ищутъ ближайшихъ выгодъ отъ производства строительныхъ работъ и заинтересованы въ возможномъ ихъ расширеніи и увеличеніи стоимости, Министръ Финансовъ находилъ неосторожнымъ, какъ основанное, будто бы, единственно на фактѣ производства *нѣкоторыхъ* работъ частными обществами ранѣе утвержденія расцѣночныхъ вѣдомостей. Исполненная работа, объяснялъ Статсъ-Секретарь Витте, не дѣлается сама по себѣ ни хуже, ни дороже только потому, что расцѣночная вѣдомость для нея не была ранѣе представлена на утвержденіе въ надлежащемъ порядкѣ. Поэтому, если частныя общества, стремясь ускорить исполненіе работъ и тѣмъ уменьшить расходы на содержаніе строительной администраціи и на уплату процентовъ по реализованнымъ облигаціоннымъ капиталамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нарушали установленный порядокъ, начиная работы ранѣе утвержденія расцѣночныхъ вѣдомостей, то это одно обстоятельство само по себѣ никакъ не можетъ еще служить доказательствомъ преувеличенной ихъ стоимости, прикрывающей незаконныя выгоды распорядителей работъ. Государственный Контроль при запоздаломъ разсмотрѣніи расцѣночныхъ вѣдомостей лишь въ

нѣкоторыхъ случаяхъ находилъ преувеличенность цѣнъ на отдѣльныя работы, но такіе отдѣльные факты, если они и были, не должны давать повода столь широкимъ обобщеніямъ, какія допущены Государств. Контролемъ.

Приведенныя возраженія М. Ф. умаляютъ значеніе несвоевременнаго составленія и утвержденія расцѣнокъ на производимыя акціонерными желѣзнодорожными обществами работы. Между тѣмъ, съ одной стороны своевременно и осмотрительно составленныя и въ установленномъ закономъ порядкѣ утвержденныя расцѣнки служатъ для Правительства единственнымъ ручательствомъ того, что гарантируемые имъ строительные займы будутъ заключены въ размѣрѣ, не слишкомъ превышающемъ дѣйствительную потребность, и что на полученные этими займами капиталы будутъ произведены дѣйствительно полезныя странѣ сооруженія и при этомъ не будетъ допущено излишней роскоши и переплатъ. Съ другой же стороны исторія постройки вѣтвей Рязанско-Уральской желѣзной дороги *), и другихъ разрѣшенныхъ въ 1891 — 1896 гг. акціонернымъ обществамъ построекъ показываетъ, что акціонеры-строители свободно получаютъ въ свое распоряженіе облигаціонные капиталы, и безъ правительственнаго учета расходуютъ ихъ, произвольно опредѣляя какъ само количество и виды работъ, такъ и ихъ цѣны. Расцѣночныя же вѣдомости не въ нѣкоторыхъ только отдѣльныхъ, вызываемыхъ исключительными обстоятельствами, случаяхъ, какъ заявляло Министерство Финансовъ, а скорѣе какъ общее правило, представляются на разсмотрѣніе правительственныхъ вѣдомствъ и утверждаются тогда, когда значительная часть работъ уже произведена, а количество и стоимость остальныхъ предрѣшены договорами, заключенными съ третьими лицами.

---

*) На примѣръ этой дороги указывалось въ отчетѣ Государственнаго Контролера за 1904 г. Вопреки только что утвержденнымъ Высочайшею властію условіямъ преобразованія Общества Рязано-Уральской желѣзной дороги Министерство Финансовъ разрѣшило этому Обществу реализовать облигаціонный заемъ въ 60 милл. руб. безъ предварительнаго опредѣленія его размѣра законодательнымъ порядкомъ. Министерство же Путей Сообщенія допустило Общество къ производству строительныхъ работъ безъ всякихъ расцѣночныхъ вѣдомостей. Такъ Общество производило работы въ теченіе 1892 и 1893 г., представивъ расцѣночныя вѣдомости только осенью 1893 г., когда значительная часть работъ была уже исполнена и стоимость ихъ произвольно Обществомъ расцѣнена и оплачена изъ произвольно реализованнаго облигаціоннаго капитала въ 60 милл. руб. По этимъ расцѣнкамъ стоимость производившихся работъ была опредѣлена въ 88 милл. руб., тогда какъ при обсужденіи условій преобразованія Общества Соединеннымъ Присутствіемъ Ком. Мин. и Гос. Сов. имѣлось въ виду, что стоимость всѣхъ разрѣшенныхъ Обществу построекъ составитъ около 60 милл. руб. Превышеніе въ 28 милл. руб. реализовано въ февралѣ 1894 также безъ Высочайшаго соизволенія.

Далѣе Министръ Финансовъ заявлялъ, что и онъ признаетъ производство строительныхъ работъ ранѣе утвержденія расцѣночныхъ вѣдомостей во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ и нежелательнымъ, и неоднократно обращалъ вниманіе Министерства Путей Сообщенія на необходимость своевременнаго разсмотрѣнія расцѣнокъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Но безусловно строгое соблюденіе этого порядка въ отдѣльныхъ случаяхъ оказывалось настолько же затруднительнымъ при постройкахъ частными желѣзнодорожными обществами, какъ и при постройкахъ распоряженіемъ казны. Какъ примѣръ такого вынужденнаго обстоятельствами несоблюденія должнаго порядка на частныхъ дорогахъ, Статсъ-Секретарь Витте указывалъ на ту же постройку въ 1892 г. вѣтвей Рязано-Уральской желѣзной дороги, къ которой, вслѣдствіе желанія Правительства предоставить заработки потерпѣвшему отъ неурожая населенію, пришлось приступить, не выжидая утвержденія расцѣнокъ.

Но въ этихъ объясненіяхъ не было приведено данныхъ, которыя убѣждали бы въ томъ, что при постройкѣ вѣтвей Рязано-Уральской дороги цѣною отступленій отъ указаннаго закономъ порядка дѣйствительно удовлетворено было желаніе правительства помочь пострадавшему отъ голода мѣстному населенію. Привести же эти данныя было необходимо потому, что, ходатайствуя о разрѣшеніи той или другой постройки, предприниматели не упускаютъ случая сослаться и на необходимость дать заработокъ мѣстному населенію. По разрѣшеніи же ходатайства сдаютъ работы подрядчикамъ, не заботясь болѣе о мѣстномъ населеніи, и въ дѣйствительности всѣ значительныя работы (земляныя, каменныя и т. п.) исполняются рабочими, нанятыми на сторонѣ. Затѣмъ, какъ уже выше объяснено, производство работъ безъ предварительнаго утвержденія расцѣнокъ было общимъ правиломъ и при отсутствіи какихъ бы то ни было исключительныхъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, уже въ 1897 г. доставленъ на заключеніе Госуд. Контр. проектъ расцѣночной вѣдомости Царицыно-Тихорѣцкой желѣзной дороги, по которой на 29% ея длины открыто движеніе.

Безуспѣшность требованій, предъявляемыхъ къ желѣзнодорожнымъ обществамъ и закономъ и Министерствомъ Путей Сообщенія, о болѣе своевременномъ представленіи расцѣнокъ зависѣла, повидимому, не столько отъ недостатка настойчивости со стороны Министерства Путей Сообщенія, сколько отъ увѣренности, полученной акціонерами изъ опыта, въ томъ, что, работая безъ расцѣнокъ, они не встрѣтятъ отказа въ

отпускѣ строительныхъ суммъ и еще съ большею свободою могутъ расходовать ихъ, нежели по предварительно утвержденнымъ расцѣнкамъ.

При подобныхъ условіяхъ нельзя было и ожидать сколько нибудь существенной пользы дѣлу отъ запоздалаго разсмотрѣнія расцѣнокъ, являющихся въ сущности уже не предварительными, а исполнительными или отчетными, хотя и безъ всякихъ документальныхъ оправданій. На неудобства, т. е. въ сущности на безполезность разсмотрѣнія въ подобныхъ условіяхъ расцѣнокъ, указывалось и представителями Министерства Финансовъ въ журналахъ Комиссіи, разсматривающей расцѣночныя вѣдомости.

Ссылку Министерства Финансовъ на однородный примѣръ казенныхъ и въ частности Сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ Госуд. Контр. находилъ не убѣдительной: И тамъ производство работъ безъ предварительныхъ расцѣнокъ, открывая слишкомъ большой просторъ личному усмотрѣнію начальниковъ работъ, вела къ невыгоднымъ для казны послѣдствіямъ. Необходимо, однако же, при этомъ сопоставленіи имѣть въ виду, что казенными работами распоряжаются лица, состоящія на государственной службѣ и обязанныя присягою на вѣрность служенія, и все-таки расходы ихъ своевременно, на самомъ мѣстѣ ихъ производства, учитываются по дѣйствительной ихъ стоимости правительственнымъ контролемъ. Во главѣ же акціонерныхъ предпріятій стоятъ нерѣдко лица, не связанныя рѣшительно ничѣмъ, открыто заявляющія единственнымъ побужденіемъ и правиломъ своей дѣятельности стремленіе къ возможно большему обогащенію, и при всемъ томъ застрахованныя отъ имущественныхъ потерь казенною гарантіей и освобожденныя отъ какой бы то ни было отвѣтственности и учета.

Упускать изъ виду возможность злоупотребленій при такой свободѣ распоряженія десятками и сотнями милліоновъ, занятыхъ съ поручительствомъ казны, для Правительства не только неосторожно, но и крайне убыточно. Поэтому Госуд. Контр. оставался при томъ убѣжденіи, что, вызывается ли производство работъ акціонерными обществами безъ установленныхъ расцѣнокъ желаніемъ строителей возможно долѣе сохранить за собою полную свободу дѣйствій, зависитъ ли это отступленіе отъ указаннаго закономъ порядка отъ самой сущности этихъ строительныхъ операцій,—во всякомъ случаѣ съ объясненнымъ положеніемъ этого дѣла Правительство не должно мириться. И если порядокъ утвержденія расцѣнокъ и опредѣленія размѣровъ строительныхъ капиталовъ, установ-

ленный законодателемъ въ огражденіе казны, оказался въ дѣйствительности невыполнимымъ, то слѣдуетъ дать казнѣ другое болѣе дѣйствительное обезпеченіе. А такимъ обезпеченіемъ можетъ быть только своевременный учетъ дѣйствительной стоимости строительныхъ операцій правительственными установленіями.

Дальнѣйшія возраженія Министерства Финансовъ противъ замѣчанія объ убыточности сооруженія желѣзныхъ дорогъ при посредствѣ акціонерныхъ обществъ не только ни въ чемъ не ослабляли этого заключенія Государственнаго Контроля, но служили ему дополнительнымъ подтвержденіемъ.

Въ отчетѣ Государственнаго Контроля за 1895 г. по поводу результатовъ эксплоатаціи перешедшей въ казну Риго-Орловской линіи сдѣлано замѣчаніе, что эта дорога не вырабатываетъ еще полныхъ 4% на ея строительный капиталъ, тогда какъ построенныя распоряженіемъ казны Полѣсскія дороги вырабатываютъ 8%. Министръ Финансовъ находилъ это сравненіе двухъ названныхъ дорогъ неточнымъ. Неточность эта, будто бы, заключается въ томъ, что чистый доходъ Полѣсскихъ дорогъ за 1895 г. составляетъ около 8% *на дѣйствительно затраченный* казною капиталъ, тогда какъ доходъ Риго-Орловской дороги за тотъ же годъ составляетъ около 4% *на нарицательный капиталъ*. Если изъ сего послѣдняго капитала исключить потерю по его реализаціи, то доходность Риго-Орловской дороги составитъ свыше 5,1%; размѣръ этого дохода еще болѣе увеличится, если исключить изъ строительной стоимости сумму процентовъ, затраченную во время сооруженія означенной дороги на реализованный капиталъ, которую, по словамъ Статсъ-Секретаря Витте, за давностью времени опредѣлить не представлялось возможнымъ.

Но замѣчаніе Государственнаго Контроля о невыгодности сооруженія желѣзныхъ дорогъ чрезъ посредство акціонерныхъ обществъ въ томъ именно и состояло, что при подобномъ способѣ сооруженія дорогъ нарицательная стоимость дорогъ, которую приходится погашать и оплачивать крупными процентами, слишкомъ превышаетъ дѣйствительную стоимость сооруженій, и именно: вслѣдствіе допускаемой при этомъ огромной потери на реализаціи капитала и на платежѣ процентовъ за время постройки.

Обращаясь къ разсмотрѣнію причинъ, вслѣдствіе которыхъ Риго-Орловская желѣзная дорога, при ея выгодномъ географическомъ положеніи и оживленномъ грузовомъ движеніи по ней, дала лишь такой сравнительно малый процентъ на строительный капиталъ, объяснялъ Государственный Контроль, слѣ-

дуетъ отмѣтить, что главною причиною подобнаго явленія какъ на Риго-Орловской, такъ и на прочихъ желѣзныхъ дорогахъ, построенныхъ частными обществами, являются большіе размѣры строительныхъ капиталовъ, которые при томъ реализовались въ прежнее время по крайне низкому курсу, а отсутствіе ревизіоннаго надзора надъ дѣятельностью частныхъ акціонерныхъ обществъ какъ при постройкѣ, такъ и по эксплоатаціи дорогъ усугубило потери государственнаго казначейства на приплатахъ по гаранти акцій и облигацій частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

Министръ Финансовъ находилъ, что указанной разницѣ въ доходности Риго-Орловской и Полѣсскихъ дорогъ придано невѣрное освѣщеніе, которое онъ усматриваетъ въ самомъ сопоставленіи названныхъ дорогъ, построенныхъ въ разное время и при различныхъ условіяхъ:

«Въ началѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, по новизнѣ дѣла и неизбѣжно недостаточному умѣнію строителей, поверстная стоимость желѣзныхъ дорогъ была значительно выше, чѣмъ позднѣе».

Это послѣднее замѣчаніе Министра Финансовъ справедливо въ томъ отношеніи, что акціонерныя желѣзныя дороги прежняго времени обходились государству еще дороже. Удешевленіе ихъ началось съ того времени, когда (въ восьмидесятые годы) Правительство, пріостановивъ раздачу концессій, стало широко примѣнять постройку дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны, частнымъ же обществамъ разрѣшало новыя постройки и усиленіе дорогъ не иначе, какъ съ оплатою работъ по дѣйствительной стоимости, удостовѣренной правительственнымъ контролемъ.

Но и въ это время, когда построены казною Полѣсскія желѣзныя дороги, акціонерныя постройки, освобожденныя почему-либо отъ контроля, обходились не дешево. Примѣромъ можетъ служить Ивангородо-Домбровская желѣзная дорога. Мѣстныя условія этой дороги, если и отличаются, то скорѣе въ выгодную для нея сторону отъ условій Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя на значительномъ протяженіи прошли по совершенному болоту. Несмотря на это, поверстная стоимость Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ $\left(\frac{59.000.000 \text{ р.}}{1439}\right)$ составляетъ 41.000 р., а верста Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги, съ незначительной пропускной способностью, и крайне недостачно оборудованной подвижнымъ составомъ, обошлась въ 90.000 р. $\left(\frac{40.800.000 \text{ р.}}{452}\right)$. Если же исключить изъ стоимости этой

дороги потерю на реализаціи капитала (3.902.600 р. мет., или 5.854.000 р. кред.) и проценты на строительный капиталъ за время постройки (около 3.000.000 р. кред.), что вмѣстѣ составитъ 27% на дѣйствительно затраченный на постройку капиталъ, то и тогда собственно строительная стоимость Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги составитъ 70.000 р. верста. Правда, эти цифры, относящіяся до Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги, говорятъ уже о нѣкоторомъ улучшеніи въ дѣлѣ акціонернаго строительства противъ того времени, когда строилась Риго-Орловская желѣзная дорога, поверстная стоимость которой равняется 122.500 р., а потеря реализаціи, не считая процентовъ за время постройки, составила около 30% накладного расхода на стоимость сооруженія; но и накладной расходъ въ 27% на стоимость постройки Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги и собственно строительная стоимость этой дороги въ 70.000 р. на версту не могутъ быть признаны выгодными по сравненію съ стоимостью строившихся одновременно и въ сходныхъ условіяхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Столь же мало разубѣждали въ невыгодности акціонернаго строительства и дальнѣйшія возраженія Министра Финансовъ противъ сдѣланныхъ Государственнымъ Контролемъ замѣчаній о состояніи долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ по гарантіи капиталовъ.

По поводу этихъ возраженій Министра Финансовъ Государственный Контроль считалъ долгомъ объяснить: обязанность желѣзнодорожныхъ обществъ возмѣщать казнѣ долги по гарантіи обращеніемъ половины чистой прибыли въ казну, на которую Министръ Финансовъ указываетъ въ своихъ объясненіяхъ и въ приложенной къ нимъ справкѣ, какъ на постановленіе дѣйствующихъ уставовъ, совершенно обезпечивающее казнѣ возвратъ выданныхъ по гарантіи ссудъ, — содержалось и въ прежнихъ уставахъ тѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, которыя прекратили уже свое существованіе вслѣдствіе перехода ихъ дорогъ въ казну. Однако, ни указанная обязанность желѣзнодорожныхъ обществъ отдавать казнѣ половину своихъ прибылей въ возвратъ ссудъ по гарантіи, ни постановленія тѣхъ же уставовъ объ удержаніи на покрытіе этихъ долговъ, при выкупѣ дорогъ, части выкупной суммы, а также запаснаго капитала и т. п., не предотвратили ни чрезмѣрнаго накопленія долговъ по гарантіи, составившихъ въ общемъ, съ процентами, милліардъ съ четвертью рублей, ни потери изъ нихъ казной по настоящее время, простымъ списаніемъ со счетовъ, уже милліарда четырнадцати милліоновъ рублей, не

считая долга въ 107.000.000 р. общества Юго-Западныхъ дорогъ, такъ какъ съ этимъ обществомъ расчетъ еще не произведенъ и выкупная сумма за взятыя отъ него въ казну дороги, которою Статсъ-Секретарь Витте полагаетъ покрыть долгъ этого общества казнѣ, еще не опредѣлилась.

Изъ сложенныхъ со счета долговъ только въ погашеніе восьмимилліоннаго долга Шуйско-Ивановской желѣзной дороги дѣйствительно возвращено казнѣ 3.000.000 р.; остальная часть долга этой дороги—5 м. р. также потеряна, ибо, хотя Министерство Финансовъ объясняло, будто бы эта часть сложена со счетовъ «вслѣдствіе участія казны въ прибыляхъ», но никакого новаго участія въ прибыляхъ вслѣдствіе перехода Шуйско-Ивановской желѣзной дороги къ обществу Московско-Ярославской желѣзной дороги казнѣ не дано. Седьмымъ дополненіемъ къ уставу названнаго общества опредѣлено только (§ 3), что это общество «уплачиваетъ Правительству въ возмѣщеніе участія его въ доходахъ Шуйско-Ивановской желѣзной дороги 3.000.000 р. кред.». Участіе же Правительства въ доходахъ Шуйско-Ивановской желѣзной дороги выражалось въ правѣ на $^2/_3$ прибылей этой дороги, пока, такимъ образомъ не будетъ погашенъ долгъ по гарантіи. Это участіе и капитализовано упомянутою суммою 3.000.000 р. Остальные же 5.000.000 р. долгу по гарантіи просто сложены со счетовъ. Слѣдовательно, и по Шуйско-Ивановской дорогѣ Правительство по счету гарантіи потеряло 5.000.000 р.

На послѣдовавшее уже, какъ объяснено, сложеніе со счетовъ милліарднаго долга казнѣ ликвидированныхъ и преобразованныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ нельзя смотрѣть иначе, какъ на прямой убытокъ казны, понесенный ею вслѣдствіе неудачнаго опыта постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ чрезъ посредство акціонерныхъ обществъ. Причины этой убыточности приведены выше въ объясненіяхъ относительно Риго-Орловской желѣзной дороги. Это, во-первыхъ, крайняя преувеличенность строительныхъ расцѣнокъ, потери на реализаціи капиталовъ и платежъ изъ строительнаго капитала на всю нарицательную его стоимость процентовъ за время постройки; во-вторыхъ, полная безконтрольность дѣйствій акціонеровъ, какъ при постройкѣ, такъ и при эксплоатаціи дорогъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, та чистая прибыль, изъ которой по уставамъ должны были погашаться долги Правительству по гарантіи, у многихъ акціонерныхъ дорогъ появлялась только въ послѣдній передъ выкупомъ годъ, по которому, согласно тѣмъ же уставамъ, опредѣляется выкупная за дорогу сумма. Такъ, Юго-Западныя желѣзныя дороги, за все время своего существованія

только однажды, въ 1888 г., давшія превышеніе чистаго дохода надъ обязательными платежами въ 1.202.000 р., въ остальные же годы требовавшія приплаты, или дававшія только копѣечные на акціи дивиденды *), въ 1894 г., по которому нынѣ вычисляется выкупная сумма, вдругъ подняли свой чистый доходъ до 21.000.000 р., что превышаетъ чистые доходы предыдущихъ лѣтъ почти вдвое (въ 1893 г. 12.000.000, въ 1892 г. 11.000.000 р.).

Съ переходомъ акціонерныхъ дорогъ въ казну Правительство стало распоряжаться и чистымъ ихъ доходомъ, тѣмъ не менѣе заявленіе Статсъ-Секретаря Витте, что весь чистый доходъ выкупленныхъ дорогъ поступаетъ въ государственное казначейство, было неточнымъ; а слѣдовавшее непосредственно за нимъ утвержденіе, что эти поступленія достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ и хотя въ бюджетѣ носятъ иныя наименованія, но по существу дѣла должны быть разсматриваемы, какъ возмѣщеніе жертвъ, понесенныхъ Правительствомъ въ прежнее время по приплатамъ гарантіи, давало уже вовсе невѣрное представленіе о дѣлѣ.

Вмѣстѣ съ правомъ распоряжаться чистымъ доходомъ выкупленныхъ дорогъ, правительство взяло на себя и обязанность производить всѣ тѣ платежи по строительнымъ капиталамъ, на которые прежними владѣльцами, по недостаточности чистаго дохода, получаемаго съ дорогъ, требовались отъ казны приплаты по гарантіи. Къ этимъ обязательнымъ платежамъ съ переходомъ дорогъ въ казну относятся столь же обязательные платежи процентовъ по бумагамъ, выданнымъ въ качествѣ выкупной за дорогу платы. Такимъ образомъ относительно распоряженія чистымъ доходомъ казна на выкупленныхъ отъ акціонеровъ дорогахъ находится не въ лучшихъ, а въ худшихъ условіяхъ сравнительно съ прежними владѣльцами. Во всякомъ случаѣ, по многимъ изъ этихъ дорогъ собираемые казною доходы не покрываютъ всѣхъ обязательныхъ по нимъ для казны платежей. И хотя доходность казенной сѣти вообще увеличивается, въ зависимости отъ улучшеннаго сравнительно съ прежнимъ казеннаго хозяйства и отъ естественнаго развитія перевозокъ, но нельзя при этомъ забывать, что вмѣстѣ съ тѣмъ къ дорогамъ предъявляются и новыя требованія, на удовлетвореніе которыхъ постоянно будутъ производимы казною и новыя капитальныя затраты, тѣмъ болѣе, что многія дороги

---

*) Въ 1878 г. 2 к., въ 1885 г. 34 к., въ 1888 г. 2 р. 42 к., въ 1889 г. 92 к., въ 1890 г. 96 к., въ 1891 г. 44 к., остальные годы требовалась приплата отъ казны.

принимались казною отъ акціонеровъ далеко не въ совершенномъ состояніи.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Государственный Контролеръ не находилъ, чтобы чистая прибыль, получаемая казной съ нѣкоторыхъ изъ выкупленныхъ ею дорогъ, была настолько значительна, чтобы ею не только покрывались переплаты казны по обязательнымъ платежамъ другихъ такихъ же дорогъ, но еще возмѣщались и списанные со счетовъ долги по гарантіи.

Что касается до установленнаго въ пользу казны условіями о преобразованіи обществъ участія въ чистомъ доходѣ, то оно установлено за надѣленіе желѣзнодорожныхъ обществъ разнаго рода льготами и правами какъ-то: за отсрочку выкупа, предоставленіе новыхъ выгодныхъ построекъ, передачу новыхъ линій и т. п. Кромѣ того это участіе въ доходахъ не представляется столь значительнымъ, какъ считало его Министерство Финансовъ. Оно опредѣлено, правда, въ крупныхъ доляхъ: $^1/_2$, $^2/_3$, $^4/_5$, но по отношенію къ остатку чистаго дохода послѣ столькихъ и столь крупныхъ изъ него отчисленій разнаго вида и наименованій въ пользу все тѣхъ же акціонеровъ, что особенно разсчитывать на этотъ источникъ дохода было неправильно.

Одинаково безнадежными слѣдуетъ считать и остающіеся еще на счету долги по гарантіи. Министръ Финансовъ, оспаривая мнѣніе Государственнаго Контроля о томъ, что уставы желѣзнодорожныхъ обществъ не обезпечиваютъ возврата ей долговъ по гарантіи, ссылался въ приложенной къ его объясненіямъ особой справкѣ на постановленія уставовъ семи обществъ: Владикавказской, Ивангородо-Домбровской, Московско-Брестской, Привислинской, Фастовской, Юго-Западныхъ и Юго-Восточныхъ дорогъ. О двухъ послѣднихъ уже была рѣчь. Остальныя пять обществъ только и оставались въ 1896 г. должниками казны по счету гарантіи. Но изъ этихъ дорогъ Московско-Брестская уже перешла въ казну и долгъ ея, хотя еще не былъ списанъ, но его можно уже было считать сложеннымъ, по неимѣнію источника для его покрытія. Очевидно то же будетъ, говорилъ Государственный Контроль, и съ долгами дефицитныхъ Привислинскихъ и Ивангородо-Домбровской дорогъ, и только отъ Фастовской въ послѣдніе три отчетные года (1893—1895) поступили незначительные платежи, да отъ Владикавказской желѣзной дороги, значительная часть акцій которой принадлежитъ Правительству, за 1895 г. причитается въ уплату долговъ по гарантіи 546.000 р. Но и этотъ послѣдній платежъ далеко не дости-

гаетъ цифры процентовъ, причитающихся за этотъ годъ на капитальную сумму правительственныхъ ссудъ *).

Изъ 21.000.000 р. чистой прибыли, полученной частною желѣзнодорожной сѣтью въ 1893 г., въ уплату долговъ владѣльцевъ этой сѣти казнѣ по гарантіи (по которымъ, слѣдуетъ замѣтить, однихъ процентовъ за тотъ годъ требовалось болѣе 22.000.000 р.) поступило всего 604.000 р.

Точно также приведенныя свѣдѣнія о сложенныхъ послѣ 1 января 1894 г. со счета долговъ по гарантіи суммахъ и о положеніи остатка этого счета не позволяли измѣнить высказанный Государственнымъ Контролеромъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1895 г. взглядъ на отношенія казны къ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ.

Въ заключеніе своихъ возраженій Статсъ-Секретарь Витте заявлялъ, что сужденія Государственнаго Контролера объ отношеніяхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ къ казнѣ, если и могутъ быть признаны справедливыми, то лишь по отношенію ко времени, предшествовавшему предпринятымъ въ царствованіе Императора Александра III рѣшительнымъ мѣрамъ къ полному преобразованію нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ настоящее же время тѣ общества, акціонеры которыхъ не были заинтересованы въ результатахъ эксплоатацій дорогъ, упразднены, такъ же какъ и тѣ, въ уставахъ которыхъ были невыгодныя для казны условія, уставы оставшихся обществъ существенно измѣнены предоставленіемъ казнѣ крупнаго участія въ прибыляхъ и введеніемъ выгодныхъ для нея условій выкупа дорогъ. Кромѣ того, общества лишены свободы распоряжаться тарифами и вся ихъ дѣятельность тщательно регламентирована. Указываемое Контролемъ отвлеченіе новыми частными дорогами грузовъ съ казенныхъ дорогъ признается Министромъ Финансовъ, но этотъ убытокъ, сравнительно ничтоженъ и покрывается съ избыткомъ тѣмъ приростомъ движенія на казенныхъ дорогахъ, который даетъ всякое новое расширеніе сѣти.

---

*) Согласно приложенію къ отчету Государственнаго Контроля за 1895 г. на ссуды по гарантіи капиталовъ Владикавказской дороги начислены за 1895 г. проценты въ слѣдующемъ размѣрѣ:

I. По гарантіи акцій и облигацій, реализованныхъ самими обществами (стр. 1310)	217.978 р. 10 к.
II. По гарантіи облигацій, реализованныхъ Правительствомъ (стр. 1314)	1.412.484 „ 73 „
III. По ссудамъ неокладнымъ (стр. 1318)	70.257 „ 93 „
Всего	1.700.720 р. 76 к.

Если такимъ образомъ частное желѣзнодорожное хозяйство, объяснялъ Министръ Финансовъ, при его современной постановкѣ, не можетъ служить поводомъ къ особымъ опасеніямъ ни въ отношеніи злоупотребленій и произвола при эксплоатаціи дорогъ, ни въ отношеніи возможныхъ для казны убытковъ, то существованіе его на ряду съ казеннымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ представляетъ съ государственной точки зрѣнія не маловажныя выгоды.

Отказаться отъ постройки желѣзныхъ дорогъ при посредствѣ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ было бы, по мнѣнію Статсъ-Секретаря Витте, равнозначуще громадному ослабленію столь необходимаго развитія нашей сѣти, такъ какъ постройка всей сѣти желѣзныхъ дорогъ исключительно на средства казны представляется неосуществимою. Государственный кредитъ не неограниченъ. Правительственная же гарантія частныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ не дѣлаетъ бумаги этихъ займовъ, выпущенныя самими обществами, тождественными съ государственными займами, чему доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что биржевой курсъ гарантированныхъ облигацій частныхъ обществъ не только не одинаковъ съ однородными правительственными бумагами, но даже облигаціи разныхъ обществъ, одинаково гарантированныя казною, котируются различно въ зависимости, очевидно отъ большей или меньшей финансовой состоятельности общества. Правительственные займы помѣщаются большею частью во Франціи, а желѣзнодорожные въ Германіи и Голландіи. Та или другая реализаціонная цѣна новыхъ облигацій не можетъ отразиться на общемъ нашемъ кредитѣ, а реализаціонная цѣна новаго Правительственнаго займа можетъ имѣть вліяніе на курсовую цѣну прочихъ выпущенныхъ займовъ. Поэтому, «когда условія слагаются такъ, что правительственныхъ займовъ сдѣлать уже невозможно или крайне неудобно, часто могутъ безъ затрудненія помѣщаться займы частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, хотя и гарантированные Правительствомъ».

На эти возраженія Министра Финансовъ Государственный Контроль объяснялъ: Выше было упомянуто, что удешевленіе желѣзнодорожныхъ построекъ произошло въ восьмидесятые годы, т. е. именно въ царствованіе Государя Александра III, когда Правительство пріостановило раздачу концессій и перешло преимущественно къ казеннымъ постройкамъ, подчинивъ ихъ предварительному и фактическому контролю на самомъ мѣстѣ ихъ производства. Тогда же начался постепенный выкупъ частныхъ дорогъ въ казну и на нѣкоторыхъ изъ хуже другихъ управлявшихся частными обществами дорогахъ установленъ также

правительственный контроль; строительныя работы по постройкѣ новыхъ частныхъ линій и по усиленію прежнихъ также стали разрѣшаться на условіи оплаты работъ не оптомъ, а по дѣйствительной ихъ стоимости, удостовѣряемой также мѣстными органами Государственнаго Контроля. Рядъ этихъ полезныхъ, значительно упорядочившихъ наше желѣзнодорожное хозяйство, мѣръ закончился изданіемъ въ 1885 г. выработаннаго Высочайше утвержденною подъ предсѣдательствомъ графа Баранова Комиссіею для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи «Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» и подчиненіемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ правительственному руководству.

Для завершенія начатыхъ въ царствованіе Императора Александра III полезныхъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ преобразованій оставалось упорядочить еще одну весьма важную сторону этого дѣла, а именно: юридическія и финансовыя отношенія между Правительствомъ и частными акціонерными обществами, владѣвшими желѣзными дорогами, выстроенными преимущественно на правительственныя ссуды и гарантированные казною капиталы. Непомѣрная уже въ то время задолженность казнѣ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ обратила на себя вниманіе Правительства. Комиссія Графа Баранова также затронула этотъ вопросъ, включивъ въ свой проектъ Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ рядъ постановленій о порядкѣ удовлетворенія долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Но Государственный Совѣтъ, признавая этотъ вопросъ слишкомъ сложнымъ и важнымъ и недостаточно разработаннымъ Комиссіей, устранивъ изъ проекта устава всѣ постановленія, касающіяся расчетовъ Правительства съ желѣзными дорогами, полагалъ вопросъ о послѣдствіяхъ несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ подвергнуть отдѣльному обсужденію. Засимъ, статьею 5 журнала Общаго Присутствія Государственнаго Совѣта 3 іюня 1885 года предоставлено Министру Финансовъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, разработать и внести въ Государственный Совѣтъ особое представленіе о порядкѣ взятія въ казну желѣзныхъ дорогъ и ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Представленіе по сему предмету съ проектомъ ликвидаціонныхъ правилъ было внесено Министромъ Финансовъ въ Государственный Совѣтъ въ январѣ 1892 г. Но, вслѣдствіе возраженій противъ этого проекта Государственнаго Контролера и Министра Юстиціи, указывавшихъ на его неполноту и на необходимость установленія условій, при которыхъ желѣзнодорожныя общества должны быть признаваемы

несостоятельными, т. е. опредѣленія признаковъ ихъ несостоятельности, и самихъ способовъ ликвидаціи ихъ дѣлъ, проектъ Министра не былъ одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ, который въ мартѣ 1893 г. предоставилъ Министру Финансовъ выработать, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, новый проектъ ликвидаціонныхъ правилъ, принявъ при этомъ въ соображеніе мнѣнія, высказанныя Государственнымъ Контролемъ и Министерствомъ Юстиціи. Съ тѣхъ поръ дѣло это не получило дальнѣйшаго движенія. А между тѣмъ именно съ того времени начался усиленный и нерѣдко досрочный выкупъ въ казну желѣзнодорожныхъ линій, причемъ акціонерамъ выдавалась полная опредѣленная уставами выкупная плата, а огромные ихъ долги казнѣ, нерѣдко въ нѣсколько разъ превышавшіе акціонерные капиталы, просто списывались со счетовъ. Такимъ образомъ сложенъ со счетовъ весь милліардный долгъ желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ по гарантіи, между тѣмъ по уставамъ, на которые дѣлаетъ нынѣ ссылку Министръ Финансовъ, какъ на обезпеченіе казнѣ возврата этого долга, приплаты казнѣ обществамъ по гарантіи ихъ капиталовъ почитаются ссудами и на нихъ обязательно начисляются проценты. Основываясь именно на этихъ постановленіяхъ уставовъ и имѣя въ виду, что въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ дѣйствующими уставами, желѣзнодорожныя общества подчиняются общимъ законамъ, и что прекращеніе дѣйствій желѣзнодорожныхъ обществъ вслѣдствіе финансовой несостоятельности ни въ одномъ изъ частныхъ желѣзнодорожныхъ уставовъ не предусмотрѣно,—Государственный Контроль въ своихъ замѣчаніяхъ на упомянутый проектъ Министра Финансовъ о порядкѣ ликвидаціи несостоятельныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ именно указывалъ на необходимость однимъ изъ признаковъ и условій объявленія несостоятельности—постановить извѣстное соотношеніе суммы долговъ желѣзнодорожнаго общества и въ томъ числѣ долга по гарантіи съ размѣромъ его акціонернаго капитала. Если бы на это указаніе было обращено должное вниманіе и правила о несостоятельности и ликвидаціи желѣзнодорожныхъ обществъ были своевременно выработаны и утверждены,—потери казны по ликвидаціи акціонернаго желѣзнодорожнаго хозяйства были бы не такъ велики. Но и нынѣ остается необходимость въ изданіи упомянутыхъ правилъ, такъ какъ акціонерныя общества владѣютъ значительною частью желѣзнодорожной сѣти.

Но съ конца восьмидесятыхъ годовъ, на ряду съ усилившимся выкупомъ въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ, при предмѣстникѣ С. Ю. Витте, дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Вышнеградскомъ, началось и продолжается такъ на-

зываемое преобразованіе существующихъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ общества новаго наименованія, съ разрѣшеніемъ имъ постройки новыхъ значительнаго протяженія желѣзнодорожныхъ линій и съ передачею въ ихъ распоряженіе отъ казны нерѣдко только-что передъ тѣмъ выкупленныхъ дорогъ. Такъ образовались общества: Московско-Казанской, Рязанско-Уральской, Юго-Восточныхъ, Владикавказской, Московско-Архангельской, Московско-Кіево-Воронежской и Рыбинской желѣзныхъ дорогъ. Особенности преобразованія всѣхъ этихъ обществъ состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что безъ всякаго новаго съ своей стороны вклада въ основной капиталъ переименованныя общества получили въ свое распоряженіе постройку и эксплоатацію огромныхъ по протяженію и по значенію линій, при чемъ размѣръ дополнительныхъ гарантируемыхъ казною облигаціонныхъ займовъ опредѣляется въ началѣ лишь приблизительно, окончательно же устанавливается въ зависимости отъ дѣйствительной стоимости сооруженій; эта же дѣйствительная стоимость опредѣляется хотя и правительственными комиссіями, но почти исключительно по показаніямъ самихъ расходчиковъ, распоряженія которыхъ освобождены отъ правительственнаго контроля и учета.

Дополненіями къ уставамъ преобразованныхъ обществъ опредѣлена въ пользу казны умѣренная арендная плата за переданныя обществамъ казенныя желѣзныя дороги и участіе казны въ прибыляхъ. Но это участіе начинается послѣ разнаго наименованія и вида отчисленій въ пользу акціонеровъ *), которымъ сверхъ казенной гарантіи дополнительныхъ капиталовъ обезпечено преимущественное предъ казною полученіе такихъ дивидентовъ, которыхъ они ранѣе или не получали, или на которые не могли, при дѣйствіи прежнихъ уставовъ, разсчитывать какъ на постоянные.

Насколько выгодно для акціонеровъ такое положеніе дѣлъ показываетъ распредѣленіе чистаго дохода преобразованныхъ обществъ за 1895 г., согласно которому акціонеры, если

---

*) Такъ, напримѣръ, по четвертому дополненію къ уставу общества Московско-Ярославской желѣзной дороги (§ 7), участіе казны начинается послѣ отчисленій, перечисленныхъ въ восьми пунктахъ:

а) въ пользу акціонеровъ по 7 р. 50 к. на акцію (въ 150 р.),

в) на погашеніе акцій,

г) три процента чистой прибыли акціонерамъ,

д) шесть процентовъ учредителямъ,

ж) въ пользу акціонеровъ 10% на весь нарицательный акціонерный капиталъ

и уже затѣмъ въ пользу Правительства 35.931 р. и половину дальнѣйшаго остатка, если таковой будетъ.

считать и отчисленія въ погасительный на акціи фондъ, который составляетъ также ихъ собственность, получили: Юго-Восточнаго общества 5,4% на акціонерный капиталъ, Рыбинской дороги 6%, Московско-Воронежской 12,6%, Рязанско-Уральской 17,7%, Московско-Казанской 29% и Московско-Ярославско-Архангельской 30%. Въ то же время казна получила самый крупный платежъ 2.135.303 р. отъ Юго-Восточнаго общества, въ томъ числѣ 1.200.000 р. арендной платы за уступленныя обществу казенныя дороги и 935.303 р. по участію въ прибыляхъ. Но такъ какъ платежъ самой казны по переданнымъ въ аренду дорогамъ составлялъ 1.797.576 р., то, слѣдовательно, доходъ казны отъ этой огромной сѣти дорогъ составилъ въ 1895 г. всего 337.727 р. Между тѣмъ съ дорогъ Юго-Восточнаго общества сложенъ долгъ по гарантіи въ 114.000.000 р. Затѣмъ отъ общества Рязанско-Уральской дороги казна получила только 1.600.000 р. арендной платы, а сама заплатила по капиталамъ переданныхъ въ аренду дорогъ на 1.329.218 больше полученной аренды. По Московско-Казанской дорогѣ на покрытіе обязательныхъ платежей по участку Рязань—Казань причитается изъ казны 123.427 р. 23 к. Затѣмъ отъ Московско-Ярославско-Архангельской дороги казна получила 537.236 р. Но необходимо помнить, что это при 30%, полученныхъ акціонерами на нарицательную сумму акцій, и что по открытіи движенія на Вологодско-Архангельской дорогѣ это общество будетъ имѣть право получить отъ казны въ безвозвратное пособіе въ теченіе 12 лѣтъ всего до 7.800.000 р.

Итакъ, платежи, получаемые казною по участію въ доходахъ преобразованныхъ обществъ, не только сами по себѣ представляются незначительными по сравненію съ выгодами, обезпеченными акціонерамъ, но за 1895 г.—послѣдній, за который имѣлось распредѣленіе чистыхъ доходовъ, въ общемъ по дорогамъ преобразованныхъ обществъ, казна заплатила больше, нежели получила отъ нихъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Государственный Контроль, не отрицая преимуществъ современнаго желѣзнодорожнаго строительства надъ прежнимъ, концессіоннымъ, считаетъ основную свою мысль о предпочтительности казеннаго способа сооруженія желѣзныхъ дорогъ акціонерному достаточно доказанною.

Объясненіе Министра Финансовъ о незначительности тѣхъ потерь, которыя могутъ причинить казнѣ конкуррирующія съ ними новыя частныя дороги, было также несправедливо, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ построекъ прямо разсчитаны на отвлеченіе грузовъ съ казенныхъ дорогъ. Одна Московско-

Брянская дорога, по приблизительнымъ, конечно, подсчетамъ, отыметъ отъ Московско-Курской желѣзной дороги перевозокъ на 2.000.000 р. *).

Не болѣе основательнымъ было и заявленіе Министра Финансовъ о томъ, что отказаться отъ посредничества акціонеровъ въ дѣлѣ постройки новыхъ дорогъ было бы равносильно громадному ослабленію необходимаго развитія нашей сѣти. Акціонеры-строители, какъ видно изъ объясненій, не приносятъ въ дѣло никакихъ своихъ капиталовъ, а строятъ на займы, дѣлаемые за казенный счетъ. Затѣмъ источники для погашенія строительныхъ затратъ, строитъ ли сама казна или акціонеры,—одни и тѣ же: доходы съ выстроенныхъ дорогъ, а въ случаѣ ихъ недостаточности казна. Между тѣмъ, при казенной постройкѣ и эксплоатаціи вся та крупная доля прибылей, которая идетъ на частныхъ дорогахъ акціонерамъ, поступаетъ въ казну, и совершенно неразсчетливо лишать Государство этихъ средствъ, которыя могутъ быть имъ обращены на необходимое развитіе той же желѣзнодорожной сѣти.

Указанное Министромъ Финансовъ различіе въ котировкѣ и реализаціи правительственныхъ займовъ и желѣзнодорожныхъ, гарантированныхъ казной, говоритъ только противъ этихъ послѣднихъ, ибо акціонерные займы, хотя и гарантированные казной, цѣнятся ниже правительственныхъ, а слѣдовательно реализація ихъ убыточнѣе. Если гарантированныя русской казной совершенно однородныя бумаги котируются биржей по разному курсу, то различіе въ финансовой состоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ, выпустившихъ эти бумаги, рѣшительно тутъ не причемъ. Биржа очень хорошо знаетъ значеніе и незыблемость русской правительственной гарантіи и если играетъ на курсѣ гарантированныхъ бумагъ, то только по тому, конечно, что находитъ въ этомъ свою выгоду; о средствахъ же, которыми она достигаетъ возможности этой игры,—лучше всего извѣстно, конечно, Министерству Финансовъ. Но, въ заключеніе объясненій о финансовой сторонѣ нашего желѣзнодорожнаго дѣла, нельзя не высказать глубокаго убѣжденія въ томъ, что Русская Имперія располагаетъ достаточно обильными естественными средствами для того, чтобы ея финансовое хозяйство было ведено самостоятельно, внѣ зависимости отъ иностранныхъ биржъ и банковыхъ синдикатовъ. Защищаемая же

---

*) Дальнѣйшая заключительная часть составленныхъ мною объясненій Государственнаго Контролера на возраженія Министра Финансовъ по всеподданнѣйшему отчету за 1905 г., изъ представленныхъ въ Комитетъ Министровъ объясненій Государственнымъ Контролеромъ была исключена.

Министромъ Финансовъ постройка желѣзныхъ дорогъ на занятые заграницей капиталы ведетъ все къ большей и большей зависимости отъ иностранцевъ и къ обремененію русской государственной казны, ибо за каждый занятый рубль, по обычнымъ условіямъ займовъ, возвращается приблизительно четыре. И именно этотъ способъ постройки дорогъ, путемъ акціонерныхъ и правительственныхъ займовъ, лишая казну всѣхъ доходовъ отъ выстроенныхъ дорогъ, и, кромѣ того, обрекая ее на такія тяжелыя жертвы, какъ полная потеря полутора милліарда ссудъ по гарантіи, — лишалъ Государство возможности развить желѣзнодорожную сѣть до необходимыхъ размѣровъ. По своей постоянной неизбѣжности и значенію затраты на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, для такой необъятной и бездорожной еще страны, какъ наше отечество, представляются расходомъ *обыкновеннымъ*, который и долженъ бы вполнѣ покрываться обыкновенными доходами, тѣмъ болѣе, что къ обыкновеннымъ доходамъ государственною росписью отнесены и доходы съ казенныхъ и прибыли казны отъ участія въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

По росписи на 1897 годъ превышеніе доходовъ казны отъ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ надъ расходами на ихъ содержаніе и усиленіе ожидалось въ размѣрѣ около 67 $^1/_2$ милліоновъ. Если въ размѣрахъ этого превышенія, отпускать по росписи обыкновенныхъ расходовъ средства на постройку новыхъ дорогъ, прекративъ совершенно какъ правительственные, такъ и акціонерные займы на этотъ предметъ, то въ близкомъ будущемъ Правительство не только располагало бы совершенно достаточными средствами для новыхъ построекъ, но и получило бы возможность изъ того же источника постепенно погашать и прежніе желѣзнодорожные займы.

Насколько убыточна для Государства постройка желѣзныхъ дорогъ на акціонерные капиталы и облигаціонные займы наглядное представленіе объ этомъ можетъ дать прилагаемая справка, относящаяся до Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги.

По многимъ другимъ дорогамъ, выстроеннымъ на занятые капиталы, убытки еще значительнѣе, такъ какъ срокъ концессіи Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги—только 50 лѣтъ, а по другимъ дорогамъ концессіи и займы допускались на 80 и болѣе лѣтъ.

Приложеніе.

Нарицательная и дѣйствительная стоимость Ивангородъ-Домбровской ж. дороги, произведенные и предстоящіе по основнымъ ея капиталамъ платежи.

	Стоимость дороги.	
	Дѣйствительная.	Нарицательная.
Первоначальная стоимость дороги опредѣлена расцѣночною вѣдомостью въ	27.229.349 р. кр. *).	
Для полученія этой суммы выпущено гарантированныхъ	—	акцій на 8.283.000 р. мет. облигацій на 16.566.000 р. мет. всего на 24.849.000 р. мет.*).
Дополнительный выпускъ облигаціоннаго капитала на 1.518.125 р. мет. нарицательныхъ, давшихъ дѣйствительныхъ 2.170.000 р. кр.	2.170.000 р. кр.	1.518.125 р. мет. Итого 26.367.125 р. мет.
Выдано ссудъ на строительныя работы	1.370.191 р. кр.	кр. руб. 1.622.913
Произведено работъ на счетъ запаснаго капитала	252.722 р. кр.	
Итого стоимость дороги по курсу 150 за 100	30.896.362 р. кр. дѣйствительная	41.173.600 р. нарицательная
Разница между дѣйствительною и нарицательною стоимостью дороги вслѣдствіе потерь на реализаціи и курсѣ	10.277.238 р. кр. или $33^1/_3$% стоимости постройки.	

По выпущеннымъ акціямъ и облигаціямъ на сумму 26.367.125 р. мет. нарицательныхъ, доставившимъ дѣйствительныхъ кредитныхъ 29.273.449 р., ежегодный гарантированный платежъ составляетъ около 2.120.000 руб. кред.

На производство этихъ платежей выдано
изъ казны ссудъ по 1 января 1896 г. . . . . 18.633.900 р.
% на эти ссуды за то же время составляютъ . . 5.941.090 „

Итого . . . 24.574.000 р.

*) 27.229.349 р. кред. по курсу того времени (1881 г.), $23^3/_4$ пенса за рубль, равнялись 18.346.845 р. мет. Разница между этою, требовавшеюся, собственно, на постройку суммою, и нарицательною суммою акцій и облигацій (24.849.000 р. мет.) составляетъ 6.502.155 р. мет. и слагается изъ 4.182.915 р. м. потери на реализаціи акцій (по $86^1/_2$%) и облигацій ($81^1/_2$%) и 2.319.240 р. мет.—процентовъ за время постройки на акц. и обл. капиталы.

Предстоитъ до срока концессіи (1935 г.) въ теченіе 40 лѣтъ произвести платежей по акціямъ и облигаціямъ—2.120.000×40==84.800.000 р. кр.

И такъ какъ чистый доходъ дороги ни разу не достигалъ гарантированной суммы, то слѣдуетъ думать, что значительная часть этого платежа (84.800.000 р.) будетъ произведена изъ казны. Считая эту часть въ 20.000.000 р. и 4% на половину этой суммы за 40 лѣтъ, а также 4% на выданныя до 1896 г. ссуды (18.633.900), получимъ слѣдующій убытокъ казны по Ивангородо-Домбровской ж. д., вслѣдствіе постройки ея акціонернымъ способомъ: 24.574.000 + 20.000.000 + 16.000.000 + +29.814.240 = 90 мил. р.

Если бы Ивангородо-Домбровская желѣзная дорога была построена казною на бюджетныя средства, безъ займа, то при той же стоимости сооруженія (30.896.362 р. кред.) и при тѣхъ же чистыхъ доходахъ результаты ея эксплоатаціи для казны были бы слѣдующіе:

Сумма чистаго дохода съ открытія дороги до 1896 г. составила 5.191.348 р.

Предположивъ, что чистый доходъ остановится на цифрѣ 1.500.000 р., для погашенія непокрытой еще суммы затратъ на постройку дороги (30.896.362 р.—5.191.348 р.=25.765.014 р.) потребуется 18 лѣтъ; а затѣмъ съ 1913 г. въ остальные 22 года (до срока концессіи, выданной Бліоху) казна получила бы чистой прибыли отъ Ивангородо-Домбровской ж. д. не менѣе 33 милл. руб.

Очи-ль въ дремотѣ закрою,
За день измученъ въ борьбѣ
Съ злобой и кривдой людскою,—
Думаю я о тебѣ.
Сплю-ли, вдругъ чувствомъ отрады
Сердце ты мнѣ напоишь,—
Чую твой голосъ и взгляды,
Словно ты въявь тутъ стоишь.
Утромъ, чуть очи открою,—
Милыя грезы со мной:
Полонъ досугъ мой тобою,
— Полонъ и свѣтелъ тобой!

Застольныя рѣчи.

I. Уходящему сослуживцу.

М. В.! Желаніемъ товарищей возложена на меня обязанность привѣтствовать Васъ отъ лица всѣхъ застольнымъ словомъ. Вы знаете, что я не мастеръ говорить, въ особенности застольныя рѣчи. По этой причинѣ буду краткокъ. Высказывать кому-нибудь въ лицо, въ собраніи, хотя бы и товарищескомъ, похвалы, похвалы его личнымъ свойствамъ: его уму и характеру,—этимъ можно смутить того, кого хвалишь; да и не русскій это обычай! Говорить о служебныхъ нашихъ отношеніяхъ, превозносить въ Васъ заслуги и достоинства чиновника и начальника,—это значило бы придать нѣсколько казенный характеръ нашей трапезѣ. А мы собрались просто по-товарищески раздѣлить съ Вами хлѣбъ-соль на разставаньи.

Предложеніе ея съ нашей и принятіе съ Вашей стороны лучше словъ свидѣтельствуютъ, что та связь, которая установилась между нами и Вами не совсѣмъ порывается съ Вашимъ уходомъ отъ насъ. Да, иначе и не должно быть: въ Вашемъ новомъ назначеніи Вы будете служить тому же дѣлу, главнымъ работникомъ и руководителемъ котораго были Вы у насъ. Не знаю, какая судьба ожидаетъ это дѣло въ будущемъ и какой обликъ приметъ нашъ нарождающійся Отдѣлъ, когда онъ, наконецъ, народится, сформируется и возмужаетъ; но я думаю, что въ своемъ прошломъ, въ его, такъ сказать, зачаточномъ состояніи онъ сослужилъ уже нѣкоторую службу государству. Выработанными Отдѣломъ правилами контрольнаго надзора надъ желѣзными дорогами, примѣненіемъ фактическаго и предварительнаго контроля, установленіемъ ревизіонныхъ сроковъ, правилами, примѣненіе которыхъ уже теперь выходитъ за предѣлы желѣзнодорожнаго дѣла,—подвинуто на нѣсколько шаговъ впередъ контрольное дѣло, оставленное недоконченнымъ В. А. Татариновымъ. Вамъ принадлежитъ въ этомъ успѣхѣ контрольнаго дѣла главный трудъ, а слѣдовательно и главная честь.

Поэтому, пожелавъ Вамъ отъ лица всѣхъ—новыхъ и новыхъ успѣховъ на служебномъ и вообще на жизненномъ пути, воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ словоизліяній и приглашаю всѣхъ приступить къ болѣе обильнымъ и болѣе существеннымъ возліяніямъ въ Вашу честь и за Ваше здоровье!

Дек. 1884 г.

II. Возвратившемуся сановнику

(по случаю исполнившагося 35-лѣтія его службы).

Дорогой юбиляръ, дорогіе сотрапезники! Обращаюсь ко всѣмъ вамъ съ этимъ простымъ привѣтомъ, безъ титуловъ, потому что вѣдь это наше собраніе не служебное дѣло, а братская трапеза, вечеря любви. Велико и отвѣтственно это послѣднее произнесенное мною слово—любовь. Оно обязываетъ насъ всѣхъ къ взаимной снисходительности, нелицемѣрной искренности и прямотѣ; но я, не обинуясь, примѣнилъ его къ этому нашему торжеству, ибо: что, какъ не любовь, собрало насъ здѣсь? Человѣкъ, въ честь котораго устроено это пиршество, такъ сказать, служебно родился, воспитанъ и въ полноту возраста пришелъ въ родной намъ средѣ—въ Государственномъ Контролѣ. Но это вѣдомство, по самому своему назначенію, таково, что для добраго дѣланія въ немъ необходимо всегда носить въ своей груди святой огонь этого божественнаго начала—любви: любви къ истинѣ, любви къ родной странѣ, родному народу, достояніе которыхъ ввѣрено его наблюденію и охранѣ. Неся эту тяжелую, *пророческую*, службу, подвергаясь ненависти и навѣтамъ тѣхъ, кого язвятъ контрольныя стрѣлы,—а оружіе контрольное, покуда оно остро,—всегда язвитъ, какимъ бы елеемъ мы его ни умащали,—контрольныя дѣятели тѣмъ большее должны оказывать расположеніе тѣмъ, кто дѣлитъ съ ними ихъ тяготу, и особенно не могутъ не соболѣзновать скорбямъ и не сорадоваться веселію тѣхъ, кто идетъ предъ ними и прежде другихъ встрѣчаетъ нападеніе и козни враговъ.

А враги контрольнаго дѣла лукавы и сильны, и тщатся взять верхъ не мытьемъ, такъ катаньемъ: гдѣ не помогаютъ извѣты,—пускаютъ въ ходъ обманные доводы и умственные соблазны; эту ихъ силу и лукавство довелось испытать на себѣ и нашему почтенному юбиляру. Одна изъ главныхъ его заслугъ по Государственному Контролю была та, что порученный ему такъ сказать въ младенческомъ возрастѣ желѣзнодорожный контроль нашелъ себѣ въ немъ заботливаго пѣстуна и выросъ при немъ въ преизряднаго добраго молодца. До чего же была тяжела для пѣстуна необходимость отречься отъ своего питомца—уступая мнимымъ доводамъ, что будто бы правительственный контроль совершенно излишенъ въ дѣлѣ акціонернаго строительства! Какъ тяжело должно быть сознаніе причиненнаго государству этою уступкою трудно поправимаго и теперь для всѣхъ уже несомнѣннаго вполнѣ доказаннаго вреда!

Удалившись затѣмъ отъ насъ на страну далече, занявъ тамъ высокое, но все-таки подчиненное положеніе, почтенный нашъ юбиляръ, конечно, тоже не безъ нравственныхъ страданій, не безъ тяжелаго разлада съ самимъ собой, вынужденъ былъ не разъ противостоять справедливымъ требованіямъ воспитавшаго его учрежденія. И это положеніе было настолько для него тяжело, что онъ не скрывалъ своего желанія вернуться, какъ самъ онъ сейчасъ выразился, «въ домъ отчій». И вотъ онъ теперь опять среди насъ, и мы заклали для него упитаннаго тельца, радуясь его благополучному возвращенію. Да будетъ же радость наша совершенна! Да здравствуетъ дорогой юбиляръ! Да торжествуетъ еще болѣе дорогое всѣмъ намъ контрольное дѣло!

Май 1898 г.

III. На „патріотическомъ“ обѣдѣ.

Довольно Бахусу творить намъ возліянья,
Довольно бражничать и славословить зря!
Суля жестокія отчизнѣ испытанья,
Ужь занимается кровавая заря.
Блаженъ, кто вѣруетъ въ россійскихъ дипломатовъ!
Но косной трусостью не отвратить пожаръ,
Какъ ни радѣй они о святости трактатовъ,
Какъ ни махай рукой на Сербовъ и Болгаръ.
Блаженъ, кто вѣруетъ, что сѣнь самодержавья
Крѣпка по прежнему, что въ ней покровъ и щитъ;
Кругомъ, обобранный, изнывшій отъ безправья,
Народъ нашъ болѣе той вѣры не хранитъ.
Самодержавіе расхищено ворами
И обезславлено. Поругана отъ нихъ
И вѣра правая, что древними Отцами
Вѣкамъ завѣщана въ ихъ символахъ святыхъ.
Не до веселья намъ. Подобнаго позора,
Въ какомъ коснѣемъ мы, никто-бъ стерпѣть не могъ.
И не избѣгнуть намъ въ потомствѣ приговора,
И покараетъ насъ за малодушье Богъ!

Ноябрь 1885 г., во время Сербско-Болгарской войны. Строки 9—16 добавлены позднѣе
Напечатано, безъ моего вѣдома, въ «Зарѣ» 18 н. 1905 г.

О предварительномъ контролѣ.

Въ № 218 «Гражданинъ» перепечатано сообщеніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о томъ, что «Государственнымъ Контролеромъ командировано въ Сибирь до 25 контролеровъ для производства фактическаго контроля поѣздовъ на открытыхъ участкахъ сибирскаго пути». Затѣмъ, въ томъ же № «Гражданина» (въ дневникѣ) заявляется, что «отрядъ многочисленныхъ инквизиторовъ контроля отправленъ, очевидно, контролировать желѣзнодорожныя работы», и далѣе слѣдуетъ разсужденіе такого рода: что посылка контролеровъ на мѣсто Сибирской жел. дор. не только излишня, но и вредна, такъ какъ «всѣ расчеты по сибирской желѣзной дорогѣ сдѣланы были сибирскимъ Комитетомъ послѣ строгой провѣрки», причемъ «имѣлись въ виду сбереженія казенныхъ денегъ и честность людей, которымъ поручалось дѣло», вслѣдствіе этого, и переписка и сложное счетоводство были сокращены до минимума»; съ прибытіемъ же контролеровъ дѣло постройки «затормозится», такъ какъ на каждую быструю мысль, на каждое быстрое дѣйствіе будетъ наложено veto неумолимаго контролера, на всякій вагонъ, на всякую шпалу будутъ потребованы фоліанты оправдательныхъ документовъ; для переписки съ контролемъ потребуется усиливать штаты строительныхъ управленій, а техникамъ и строителямъ, занятымъ перепискою съ контролемъ, придется замедлять работы; съ прибытіемъ контролеровъ «главные предметы жизни въ Сибири непремѣнно вздорожаютъ» и уже теперь «при одномъ только слухѣ о прибытіи контрольнаго отряда цѣны на камень, желѣзо, дерево поднялись»; вздорожаніе это объясняется тѣмъ, что инженеръ выдастъ ассигновку на 10 коп., «а она, какъ пойдетъ гулять по контрольнымъ мытарствамъ недѣли, да мѣсяцы, то 10 коп., того и гляди, и въ 5 коп. обратятся». Въ заключеніи дневника говорится, что «только изъ-за того, что контроль водворился на сибирской жел. дорогѣ, казнѣ придется лишнихъ сто милліоновъ переплатить за эту дорогу». Въ № 220 той же газеты, въ дневникѣ же, пояснено, что авторъ его возстаетъ «не противъ контроля, а противъ того второго вида контроля, который за послѣдніе годы присвоилъ себѣ Государственный Контроль и который заключается въ присвоеніи себѣ права обсуждать каждую статью расхода по вѣдомству предварительно, входить въ подробности техническія и заводить необъятную переписку—запросовъ и отвѣтовъ.

Сообщеніе, перепечатанное «Гражданиномъ» изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»—невѣрно; разсужденія же по его поводу самого «Гражданина» совершенно неосновательны.

Въ настоящее время ѣдутъ въ Сибирь чины вновь организованнаго контроля по постройкѣ Забайкальской ж. д.,—такого же контроля, какой существуетъ съ самаго начала работъ на другихъ строящихся участкахъ Сибирской желѣзной дороги, и какому съ 1881 г. подчинены всѣ вообще казенныя желѣзнодорожныя сооруженія.

Права предварительной ревизіи платежей и повѣрки наличія матеріаловъ и работъ (такъ назыв. предварительный и фактическій контроль) не «присвоены» себѣ Государственнымъ Контролемъ, а дарованы ему Высочайшею властью, по неоднократнымъ постановленіямъ высшихъ государственныхъ установленій: Государственнаго Совѣта, Соединенныхъ присутствій Комитета Министровъ и Департамента экономіи Государственнаго Совѣта и Комитета Сибирской желѣзной дороги.

Правила же, опредѣляющія порядокъ провѣрки контролемъ строительныхъ операцій, также какъ и правила о назначеніи денежныхъ выдачъ изъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на постройку, равно какъ и наказъ начальникамъ строительныхъ работъ выработаны и утверждены, по принадлежности, первыя—Государственнымъ Контролеромъ, а остальныя—Министромъ Путей Сообщенія, по предварительному ихъ соглашенію между собою и съ Министромъ Финансовъ.

Комитетъ Сибирской желѣзной дороги «всѣхъ» расчетовъ по Сибирской ж. д. не дѣлаетъ и не провѣряетъ. На уваженіе сего Комитета представляются лишь общія соображенія о стоимости сооружаемыхъ дорогъ и расцѣночныя вѣдомости работъ, составленныя по отдѣльнымъ участкамъ Сибирской ж. д., но составленіе этихъ вѣдомостей обыкновенно сильно запаздываетъ и до настоящаго времени Комитету представлены и имъ утверждены расцѣнки не всѣхъ участковъ дороги, находящихся въ постройкѣ еще съ 1894 и даже съ 1893 г. Но и утвержденныя расцѣночныя вѣдомости содержатъ въ себѣ только приблизительныя исчисленія количества потребныхъ для постройки матеріаловъ и работъ и предѣльныя единичныя ихъ цѣны, въ дѣйствительности же какъ количество работъ, такъ и цѣны ихъ отступаютъ отъ указанныхъ въ расцѣнкѣ, и нерѣдко даютъ крупный перерасходъ. При такихъ условіяхъ постройки, существованіе на мѣстѣ работъ независимаго отъ строителей правительственнаго контроля совершенно необходимо.

Тормозить въ какомъ бы то ни было отношеніи дѣло,

замедлять платежи, налагать veto на распоряженія строителей предварительный и фактическій контроль не можетъ, ибо онъ не имѣетъ никакой распорядительной власти. Онъ только предупреждаетъ строителя о неправильности или нехозяйственности предположеннаго имъ расхода или о несоотвѣтствіи предъявленныхъ къ освидѣтельствованію и сдачѣ въ казну предметовъ или работъ договорнымъ и техническимъ условіямъ, главнымъ образомъ въ отношеніи мѣры, вѣса и стоимости предметовъ и работъ; но заключеніе контроля во всѣхъ случахъ, составляющихъ сущность предварительной и фактической ревизіи, необязательно для распорядителей; имъ оставлено право, если они не согласны съ заключеніемъ контроля, производить оплату опротестованныхъ контролеромъ ассигновокъ и принимать признаваемыя контролеромъ неудовлетворительными матеріалы; въ этихъ случаяхъ спорный вопросъ о правильности или неправильности сдѣланнаго распоряженія или расхода разрѣшается въ порядкѣ послѣдующей ревизіи. Для ревизіонныхъ дѣйствій предварительнаго контроля установлены и строго соблюдаются точные и весьма непродолжительные сроки: лишь для обревизованія платежей, производимыхъ въ окончательный расчетъ съ подрядчиками, положенъ десятидневный срокъ, для прочихъ же ассигновокъ—всего трехдневный, а экстренныя ассигновки возвращаются контролемъ съ ревизіоннымъ заключеніемъ въ тотъ же день. Кромѣ того, для экстренныхъ оплатъ и для платежей за работы, производимыя хозяйственнымъ способомъ или на линіи въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ казначействъ, строители располагаютъ весьма крупными авансами (на Средне-Сибирской жел. дорогѣ размѣръ этого аванса 2.000.000 р.), расходованіе которыхъ производится безъ предварительнаго контроля.

Предварительный фактическій контроль ни мало не осложняетъ счетоводства и не увеличиваетъ, а, наоборотъ, сокращаетъ ревизіонную переписку, такъ какъ и при этомъ контролѣ отъ распорядителей кредитомъ, для оправданія производимыхъ ими расходовъ, требуются тѣ же самыя записи въ книгахъ и тѣ же самыя основанія расходовъ и оправдательные къ нимъ документы, которые распорядителю необходимо имѣть для предъявленія къ послѣдующей ревизіи, а также и для того, чтобы отсчитаться и оправдать свои дѣйствія передъ главнымъ распорядителемъ кредита, т. е. своимъ непосредственнымъ начальствомъ. Предварительный контроль устанавливается не иначе, какъ съ согласія и по желанію соотвѣтствующихъ распорядительныхъ вѣдомствъ, какъ въ интересахъ государственной казны, такъ и въ интересахъ отчетныхъ учрежденій

и лицъ, ибо онъ даетъ возможность предотвращать значительные убытки и прекращать неправильныя распоряженія и расходы въ самомъ ихъ началѣ. Для разрѣшенія всякаго рода недоразумѣній и вопросовъ, возникающихъ при предварительной ревизіи, требуется во всякомъ случаѣ несравненно меньше времени и переписки, нежели для выясненія дѣла впослѣдствіи и для возстановленія нарушеннаго уже казеннаго интереса путемъ послѣдующей ревизіи.

Напечатано, какъ правительственное сообщеніе, въ Нов. Вр. и перепеч. Русск. Бес. въ Авг. 1895.

Новый пассажирскій тарифъ.

Съ 1-го декабря минувшаго года введенъ на желѣзныхъ дорогахъ новый пассажирскій тарифъ, значительно пониженный противъ прежняго, преимущественно *для дальнихъ разстояній*. Настоятельная необходимость въ удешевленіи проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ давно сознавалась и обществомъ и правительствомъ. Если сравнить движеніе на нашихъ и иностранныхъ дорогахъ, то окажется, что въ то время, когда въ въ Великобританіи число пассажировъ превышаетъ 817 милліоновъ ежегодно, въ Германіи 915 мил., во Франціи 208 и въ Бельгіи 57 мил., — на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ (за исключеніемъ Закаспійской и Финляндскихъ) среднее число пассажировъ въ годъ едва достигаетъ 40 милліоновъ (вмѣстѣ съ льготными, рабочими, военными чинами и арестантами).

Разница слишкомъ велика, чтобы ее можно было объяснить одною лишь слабою населенностью нашей страны; одна изъ главныхъ ея причинъ, несомнѣнно, кроется въ высокой платѣ, взимаемой за проѣздъ; несравненно болѣе высокой, если принять во вниманіе наши разстоянія, чѣмъ гдѣ либо на Западѣ. Тамъ средній проѣздъ пассажира равенъ 15—25 километрамъ, у насъ 100—200 верстамъ. При такой разницѣ разстояній, на которыхъ совершается переѣздъ, дѣйствовавшій до послѣдняго времени тарифъ въ 1,4575 коп. съ пасс. и вер. (III кл.) вмѣстѣ съ государственнымъ сборомъ, для бѣдной части населенія—а эта часть равна по крайней мѣрѣ девяти десятымъ—былъ прямо таки не по силамъ, и многимъ, конечно, приходилось наблюдать изъ окна вагона отдѣльныхъ пѣшеходовъ, мужчинъ и женщинъ, съ котомками на плечахъ, а то и цѣлыя толпы сѣраго люда съ косами или другимъ орудіемъ промысла въ рукахъ,

идущихъ пѣшкомъ вдоль полотна дороги. Удешевленный проѣздъ сбережетъ народу много силъ и рабочаго времени и несомнѣнно, будетъ способствовать оживленію торговаго оборота. Но, признавая всю благодѣтельность новаго пассажирскаго тарифа для тѣхъ, кого та или другая необходимость гонитъ черезъ тысячеверстныя пространства нашего необъятнаго отечества, нельзя не пожалѣть о томъ, что плата для разстояній до 160 верстъ по новому тарифу осталась прежняя, такъ что для огромнаго большинства населенія новый тарифъ не даетъ никакого облегченія. Если цѣль преобразованія тарифовъ — облегченіе трудящихся классовъ, а не предоставленіе льготъ свободнымъ отъ занятій туристамъ, то на это огромное большинство пассажировъ, указываемое желѣзнодорожной статистикой, надо было прежде всего обратить вниманіе, и ни желѣзныя дороги, ни матушка-казна не были бы отъ этого въ убыткѣ. По введенному нынѣ тарифу, крестьянка, отправляющаяся въ городъ съ молочными продуктами, яйцами или живностью, за 30—50 верстъ, или мелкій прасолъ, ѣдущій за покупками въ губернскій городъ за 150—200 верстъ, платятъ желѣзной дорогѣ вдвое или втрое дороже противъ того, сравнительно богатаго, обывателя, который, одного любопытства ради, соблазнившись дешевизной, поѣдетъ за 1.500 верстъ поглядѣть на Невскій проспектъ и другія столичныя диковинки. Это едва ли справедливо, тѣмъ болѣе, что подгородная крестьянка со своими продуктами или прасолъ, въ теченіе года, напримѣръ, заплатятъ дорогѣ за тѣже полторы, а то и за цѣлыя три тысячи верстъ. Тарифный департаментъ допускаетъ возможность недобора по дорогамъ вслѣдствіе пониженія пассажирскаго тарифа въ 8 мил. рублей, но если такъ, то не правильнѣе ли было бы жертвовать казенными доходами въ цѣляхъ облегченія дѣйствительно нуждающихся и сберегать на любителяхъ постранствовать, чѣмъ поступать наоборотъ? Впрочемъ, опасенія уменьшенія доходности отъ удешевленія проѣзда мы не раздѣляемъ.

Новый тарифъ (дифференціальный), помимо указанной несправедливости, вызываетъ большія затрудненія при его осуществленіи. При дифференціальной системѣ тарифа, каждая станція обязана продавать билеты на всякую другую станцію, съ которою она находится въ прямомъ сообщеніи. Такихъ сообщеній съ билетами разной стоимости Московско-Курская ж. д. обязана теперь имѣть 56,000, а Либаво-Роменская ж. д. вмѣсто прежнихъ 200—300, даже 110,000!

Много станцій пришлось бы перестроить за невозможностью для нихъ вмѣстить требуемое количество образцовъ билетовъ. Во избѣжаніе этого пришлось прибѣгнуть къ крайне

сложной системѣ разрѣзныхъ и поясныхъ билетовъ, которая имѣетъ въ свою очередь три важныхъ недостатка: 1) требуетъ увеличенія числа кассировъ *), 2) за отсутствіемъ талоновъ для промежуточныхъ (транзитныхъ) дорогъ ставитъ эти послѣднія въ полную зависимость при расчетахъ отъ дорогъ отправленія и 3) весьма затрудняетъ контроль.

Говорятъ, критиковать легко, а создавать трудно... Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ всѣ трудности исполненія суть слѣдствіе ошибочности самой системы. Если бы вмѣсто введенія дифференціальнаго тарифа просто была уменьшена прежняя поверстная ставка, положимъ, для третьяго класса на $^1/_2$ коп., а плата за проѣздъ во 2 и 1 классахъ опредѣлена была, какъ и по новому тарифу, въ извѣстномъ соотношеніи къ стоимости билета 3 класса, то такое измѣненіе не внесло бы никакой сумятицы и доставило бы несомнѣнное облегченіе *всѣмъ*, кому необходимо ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. Эта мѣра была бы безусловно справедлива, и если введенный въ дѣйствіе дифференціальный тарифъ увеличитъ, скажемъ, на 50% пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, то пониженіе поверстной ставки на $^1/_2$ к. увеличило бы его вдесятеро и сдѣлало бы перевозку людей такою же прибыльною для желѣзныхъ дорогъ, какъ и товарныя перевозки.

Предлагаемая нами **) поверстная ставка въ $^3/_4$ коп. съ версты установлена для поѣздовъ IV класса (съ дальнѣйшимъ пониженіемъ по поясамъ на разстояніяхъ свыше 920 верстъ), но воспользоваться дешевымъ проѣздомъ по IV классу далеко не для всякаго бѣдняка возможно, такъ какъ тарифъ этотъ «примѣняется при перевозкахъ какъ въ прямомъ, такъ и въ мѣстномъ сообщеніи между двумя дальними станціями партіями не менѣе сорока человѣкъ, или при условіи уплаты за разстоянія между этими станціями не менѣе чѣмъ за 40 человѣкъ». Такимъ образомъ, безземельному бобылю или подростку-дѣвушкѣ, голодающимъ въ какой-нибудь деревнѣ, желающимъ отыскать работу на сторонѣ, въ городѣ, чтобы воспользоваться дешевымъ по желѣзной дорогѣ проѣздомъ, надо подговорить сопутствовать имъ чуть ли не всю деревню; а такъ какъ это невозможно, то имъ попрежнему придется брести сотни верстъ вдоль линіи ж. д. пѣшкомъ, а изъ дешеваго тарифа 4 класса будутъ извлекать себѣ выгоду желѣзнодорожные

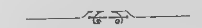
*) На бланковыхъ билетахъ, выдаваемыхъ на разстояніе дальше 300 верстъ, кассиръ обязанъ *два раза надписывать* всѣ дороги слѣдованія и станцію назначенія.

**) Для 3-го класса.

и другіе подрядчики при перевозкѣ законтрактованныхъ ими рабочихъ.

Но какъ бы то ни было, первый, хотя и не совсѣмъ вѣрный шагъ въ дѣлѣ удешевленія проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ сдѣланъ, будемъ надѣяться, что опытъ и чувство справедливости заставятъ въ недалекомъ будущемъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ указанномъ нами единственно вѣрномъ направленіи.

«Русск. Бесѣда» янв. 1895 г.



По поводу казенной продажи вина.

Съ начала нынѣшняго года въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи: Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской, введена, въ видѣ опыта, казенная продажа питей. Ходатайствуя предъ государственнымъ совѣтомъ о разрѣшеніи произвести этотъ опытъ, министерство финансовъ объяснило, что оно ставитъ себѣ цѣлью: 1) увеличить казенный доходъ съ вина; 2) устранить незаконное обираніе и спаиваніе народа частными кабатчиками; 3) ввести въ употребленіе вино лучше очищенное и безъ подмѣсей, а слѣдовательно и болѣе здоровое; 4) упразднить кормчество и 5) равномѣрнѣе распредѣлить выкурку вина между заводами съ увеличеніемъ числа мелкихъ, сельскохозяйственныхъ заводовъ.

«Нельзя не привѣтствовать», говорится въ заключеніи по этому дѣлу Государственнаго Контролера, «стремленія министерства финансовъ положить предѣлъ обиранію, спаиванію и отравленію народа частными виноторговцами, руководящимися въ своей дѣятельности исключительною заботою о возможно большей личной наживѣ. Намѣреніе министерства финансовъ достигнуть упомянутой благой цѣли посредствомъ казенной продажи вина въ существѣ своемъ также правильно. Начало полнаго правительственнаго невмѣшательства въ экономическія отношенія—пресловутое «Laissez faire, laisser passer»—осуждено жизнью и отвергается нынѣ политико-экономическою наукою. Къ чему приводитъ личный интересъ, который школою экономистовъ-фритредеровъ считался нѣкогда единственнымъ законнымъ регуляторомъ экономическихъ отношеній—нагляднымъ свидѣтельствомъ служатъ тѣ вопіющія злоупотребленія, которыя съ особенною наглостію и силою проявляются въ области этихъ отношеній во времена общественныхъ бѣдствій—голода или войны, и которыя несомнѣнно, хотя въ менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, существуютъ постоянно. Государство не

можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ экономическихъ злоупотребленій, и къ ограниченію и устраненію тѣхъ изъ нихъ, которыя входятъ въ область правонарушеній, направлена учетная дѣятельность контрольныхъ его органовъ и карающая дѣятельность суда. Но существуютъ и такого рода экономическія отношенія, такіе способы эксплоатаціи однихъ слоевъ населенія другими, которые не составляютъ въ собственномъ смыслѣ злоупотребленія, такъ какъ совершаются безъ нарушенія дѣйствующихъ въ государствѣ постановленій, на законномъ, такъ сказать, основаніи, у всѣхъ на виду. А между тѣмъ въ нихъ кроется нерѣдко вопіющая несправедливость. Такова, напр., бываетъ въ иныхъ случаяхъ эксплоатація производителей и потребителей посредствующимъ между тѣми и другими классомъ торговцевъ, представляющимъ изъ себя цѣлую лѣстницу, отъ мелкаго скупщика и мелочника до крупнаго коммерсанта-коммисіонера иностранныхъ торговыхъ фирмъ. Открытая и совершенно законная дѣятельность этого рода посредниковъ можетъ быть иногда гибельнѣе для народнаго благосостоянія, нежели самыя злостныя правонарушенія, а между тѣмъ она не устранима однѣми запретительными мѣрами, противъ нея безсильны и судъ, и контроль. Словомъ, успѣшно бороться съ подрывающею силы страны неправдою чисто экономическихъ отношеній государство можетъ лишь путемъ положительныхъ экономическихъ мѣропріятій». Законъ о казенной продажѣ вина и представитъ собою попытку правительства выйти на этотъ путь положительной хозяйственно-экономической дѣятельности, и эта попытка заслуживаетъ полнаго общественнаго вниманія.

Существующія условія нашей торговли таковы, что люди недостаточные, пріобрѣтая какой нибудь товаръ, по необходимости, мелочными покупками (напр. чай щепотками на пятачки), переплачиваютъ за единицу худшаго сорта товара вдвое и втрое противъ того, что стоитъ въ продажѣ лучшій его сортъ при отпускѣ цѣлыми единицами мѣры и вѣса. Эти малозамѣтныя, при каждой отдѣльной мелочной покупкѣ, грошевыя и копѣечныя переплаты, повторяясь постоянно и на всемъ, дѣлаютъ убогое существованіе бѣдняковъ вдвое болѣе для нихъ обременительнымъ и скуднымъ, нежели оно могло бы и должно было бы быть при тѣхъ же самыхъ заработкахъ и достаткахъ, но при болѣе правильныхъ условіяхъ торговли. Правительство не можетъ, однако, предписать торговцамъ и услѣдить за тѣмъ, чтобы они продавали всѣ товары по мелочамъ въ той же цѣнѣ, по какой продаютъ ихъ болѣе крупными, полными единицами мѣры и вѣса. Но правительство можетъ

сдѣлать то, что сдѣлано нынѣ въ четырехъ губерніяхъ въ отношеніи продажи питей — взять тотъ или другой промыселъ или торговлю, хотя бы и не монопольно, въ свои руки и повести ихъ такимъ образомъ, чтобы недостаточный покупщикъ могъ пріобрѣтать нужное для его обихода по той же цѣнѣ, какъ и богатый. Будетъ ли достигнута эта цѣль въ отношеніи вина и насколько возстановленные казенные кабаки и цѣловальники помогутъ отрезвленію народа, это покажетъ будущее, о которомъ теперь мы не станемъ пока гадать.

Во всякомъ случаѣ, удаченъ или не удаченъ будетъ опытъ съ виномъ, для положительной хозяйственно-экономической дѣятельности правительства у насъ въ Россіи — широкое поле. Къ казенной продажѣ вина можно относиться такъ или иначе. Но чему мы несравненно болѣе сочувствовали бы что представляется намъ положительно необходимымъ, это — сосредоточить отпускную хлѣбную торговлю въ рукахъ казны.

Общеизвѣстно, что крестьяне осенью вынуждены бываютъ продавать хлѣбъ по весьма низкой цѣнѣ и въ количествѣ, нерѣдко превышающемъ тотъ излишекъ, который можетъ остаться у нихъ сверхъ запаса, необходимаго для собственнаго продовольствія. Продажа эта дѣлается главнымъ образомъ съ цѣлью выручить деньги, необходимыя для взноса податей. Проданный такимъ образомъ хлѣбъ, пройдя цѣлую лѣстницу торговцевъ-коммисіонеровъ, отпускается, наконецъ, заграницу за цѣну, значительно выше той, по которой онъ проданъ его производителями. Съ другой стороны казна, покупая на содержаніе войска хлѣбъ не изъ первыхъ рукъ, также переплачиваетъ торговцамъ-посредникамъ и въ то же время теряетъ не мало за крестьянами на недоимкахъ. Взявъ отпускную хлѣбную торговлю въ свои руки, правительство могло бы устранить при этомъ всѣхъ лишнихъ посредниковъ и взимать съ крестьянъ часть податей хлѣбомъ, беря его отъ нихъ въ цѣнѣ заграничнаго его отпуска за вычетомъ только стоимости взиманія и провоза. При такомъ порядкѣ хлѣбной торговли, весь тотъ излишекъ хлѣба, который теперь отнимается у населенія и недоѣдается имъ только для того, чтобы своею стоимостью вознаградить сомнительныя услуги множества посредниковъ: скупщиковъ, коммисіонеровъ и фальсификаторовъ, потреблялся бы самимъ населеніемъ или употреблялся имъ на удовлетвореніе другихъ настоятельныхъ его нуждъ.

«Русск. Бес.» 1895 г. янв.

Раскрытыя хищенія Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги.

Помѣщаемая ниже, въ этомъ же № «Русскаго Труда», статья о не вполнѣ удавшемся, благодаря Государственному Контролю, хищеніи Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги, была нами написана нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но мы даемъ ей ходъ только теперь, когда справедливость заявленій объ открытыхъ на Архангельской дорогѣ возмутительныхъ злоупотребленіяхъ журналомъ комиссіи закрѣплена, и когда остается уже вступить въ свои права прокурорскому надзору и судебной власти, чтобы опредѣлить виновность и степень виновности отдѣльныхъ лицъ.

Подставные подрядчики, фальшивыя на ихъ имя платежныя свидѣтельства, составляемыя для оплаты изъ гарантированнаго казною строительнаго капитала въ дѣйствительности не производившихся работъ (расчетъ земляныхъ работъ на болотахъ по полной профили полотна, тогда какъ въ дѣйствительности плата производится по расчету только половинной глубины) и по увеличеннымъ въ полтора раза цѣнамъ (3 руб. 75 коп. кубъ земляныхъ работъ вмѣсто дѣйствительныхъ 2 руб. 50 коп., и 300 рублей кубъ каменной кладки вмѣсто дѣйствительныхъ 200 рублей)—всѣ эти подвиги въ многомилліонномъ гарантированномъ казною дѣлѣ, конечно, не могутъ быть оставлены безъ самаго тщательнаго судебнаго разслѣдованія и должнаго возмездія. Остается только пожелать, чтобы этому дѣлу, какъ можно скорѣе, былъ данъ требуемый законами ходъ, такъ какъ и безъ того уже со времени открытія злоупотребленій прошелъ почти годъ—время слишкомъ достаточное для того, чтобы очень многіе концы были спрятаны въ воду и дѣло обставлено такъ, чтобы виноватыхъ или вовсе не нашлось, или ими оказались не главные заправилы и вдохновители этой русской панамы, а ихъ третьестепенные пособники и исполнители.

Да вступитъ же скорѣе законъ въ свои права! Это тѣмъ необходимѣе, что увѣренность въ своей силѣ и беззастѣнчивость гг. Мамонтовыхъ и К° настолько велики, что они и послѣ раскрытія правительственною комиссіею ихъ злоупотребленій по постройкѣ Архангельской дороги продолжаютъ настойчиво добиваться, чтобы имъ же было дано безконтрольно строить и Петербурго-Вятскую дорогу. И это, вѣжливо выражаясь, *безцеремонное* предложеніе чуть не цѣлый годъ обсуждается комиссіей изъ представителей многихъ правительствен-

ныхъ вѣдомствъ и даже встрѣчаетъ въ этой комиссіи горячихъ и вліятельныхъ заступниковъ...

Въ концѣ концовъ, комиссія о Петербургско-Вятской дорогѣ поставила предложеніе Мамонтова на третье мѣсто, признавъ сравнительно болѣе выгодными предложеніе генералъ-лейтенанта Глуховского (предсѣдателя комиссіи о сѣверныхъ дорогахъ при Петербургской Думѣ) и предложеніе г. Кульжинскаго (предсѣдателя Правленія Общества Юго-Восточныхъ дорогъ). Но генералъ Глуховской, внося свое предложеніе, заявилъ, что онъ дѣлаетъ это только на случай, если правительство рѣшитъ отдать постройку Петербургско-Вятской линіи непремѣнно частному обществу, но что, по его мнѣнію, эту дорогу, какъ головную и исходную часть великаго Сибирскаго пути, необходимо было бы строить за счетъ казны, *чтобы государство было нераздѣльнымъ и полновластнымъ хозяиномъ этой міровой дороги*, которая *соединитъ сѣверную столицу государства съ его крайними предѣлами, омываемыми Великимъ океаномъ*. Вотъ поистинѣ государственный взглядъ на дѣло; вотъ трезвый голосъ человѣка, любящаго родину, и гражданина! Въ самомъ дѣлѣ пора же, наконецъ, выяснить, какую выгоду извлекаетъ государство отъ передачи сооруженія и эксплоатаціи крупныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ руки частныхъ акціонерныхъ обществъ, у которыхъ даромъ имъ отданное приходится потомъ государству выкупать очень дорогою цѣной? Не забудемъ, что съ акціонерныхъ обществъ, дороги которыхъ выкуплены въ казну или которыя только переименованы и расширены присоединеніемъ къ нимъ новыхъ линій (какъ Юго-Восточное, Рыбинское, Вологодско-Архангельское), *сложенъ милліардный долгъ казнѣ* по однѣмъ только ссудамъ по гарантіи облигацій и акцій. Вѣдь ни одно изъ этихъ, столь разросшихся въ послѣднее семилѣтіе обществъ (Московско-Казанское, Рязано-Уральское, Юго-Восточное, Рыбинско-Московско-Виндавское, Кіево-Воронежское, Владикавказское и Московско-Архангельское) ни копѣйки своей, акціонерной, на расширеніе дѣла, не дало; всѣ, такъ щедро раздаваемыя имъ постройки они производятъ за счетъ гарантированныхъ казною облигаціонныхъ займовъ. Но эти займы ни по способу своей реализаціи, ни по своимъ послѣдствіямъ для государства рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ государственныхъ займовъ. Вѣдь всѣ эти гг. Кульжинскіе, Мамонтовы, Ястржембскіе (Рыбинск. ж. д.) и пр. и пр. любезно соглашаются участвовать въ прибыляхъ, выпрашиваемыхъ ими къ постройкѣ дорогъ, но отнюдь не согласны поступиться хотя бы малою долею получаемыхъ ими съ старыхъ линій доходовъ. Но въ такомъ случаѣ, если при не-

успѣхѣ дѣла за все и вся, даже за скверное веденіе его акціонерами, отвѣчаетъ казна, то какой для нея смыслъ поступаться въ пользу этихъ акціонеровъ не только львиною, какъ это есть въ дѣйствительности, а и какою бы то ни было частью тѣхъ выгодъ, какія дастъ дѣло въ случаѣ его успѣха? Кромѣ того: ради чего государству отказываться отъ права неограниченнаго распоряженія такимъ важнымъ и экономическимъ и политическимъ средствомъ, какъ желѣзныя дороги? И наконецъ, ради чего создавать въ государствѣ категорію людей, которые открыто исповѣдуютъ и ставятъ своимъ руководящимъ началомъ и цѣлью стремленіе къ возможно большему личному обогащенію за счетъ государства и народа? Какое растлѣніе вносится этимъ въ страну: и не только въ среду подвластныхъ этимъ жрецамъ Ваала и совершенно безправныхъ передъ ними служащихъ, которыхъ вѣдь десятки и сотни тысячъ, но и въ болѣе высокія канцелярскія сферы...

«Русскій Трудъ» № 22, отъ 30 мая 1898 г.

Защита архангельцевъ „Народомъ".

«Знаетъ волъ купившаго его и оселъ ясли господина своего...» (Исаія I, 3).

Въ № 22 «Русскаго Труда» отъ 30 мая, т. е. слишкомъ три мѣсяца тому назадъ, доказательно и твердо поставлено было обвиненіе противъ лицъ, распоряжавшихся постройкою Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, въ милліонномъ хищеніи изъ гарантированнаго казною строительнаго облигаціоннаго капитала, совершенномъ посредствомъ мошенническихъ подлоговъ. Затѣмъ, когда въ одной изъ московскихъ уличныхъ газетъ появилась статья инженера А., одного изъ участниковъ хищенія, который, ничего не разъясняя, тѣмъ не менѣе нагло обзывалъ сообщеніе «Русскаго Труда» ложью,— въ № 26 «Русскаго Труда» былъ приведенъ изобличающій хищниковъ протоколъ правительственной комиссіи, раскрывшей оглашенныя нами злоупотребленія. Съ тѣхъ поръ никакихъ опроверженій и возраженій со стороны самихъ обвиняемыхъ не послѣдовало. Между тѣмъ, если бы это тяжелое обвиненіе въ казнокрадствѣ *) было ложно или только ошибочно, то предсѣдатель Правленія Общества Московско-Ярославско-Архангель-

*) Присвоеніе гарантированныхъ казною строительныхъ суммъ есть несомнѣнное казнокрадство.

ской жел. дороги, упомянутый инженеръ А. и другія лица, которыхъ это обвиненіе прямо касалось, конечно, не замедлили бы начать противъ редактора «Русскаго Труда» судебное преслѣдованіе за клевету, и если-бы правительственная комиссія, на протоколахъ и журналахъ которой основываются напечатанныя въ «Русскомъ Трудѣ» обвиненія, сама впала въ ошибку, принявъ, какъ говорится, муху за слона,—простыя неисправности въ счетоводствѣ за корыстные подлоги,—то обвиняемымъ въ нихъ дѣятелямъ Общества Московско-Архангельской жел. дороги надлежало опять-таки обратиться къ подлежащей власти съ просьбой провѣрить и снять съ нихъ несправедливое или преувеличенное обвиненіе *судебнымъ* разслѣдованіемъ, которое выяснилобы все дѣло и установило бы, кто виноватъ въ клеветѣ, кто въ прямыхъ хищеніяхъ и подлогахъ и кто только въ упущеніяхъ и недосмотрѣ. Но и къ суду правленіе общества и его инженеры не обратились.

Вмѣсто всего этого въ издающемся на акцизныя и банковскія объявленія «Народѣ» появился длинный рядъ статей подъ заголовкомъ «Архангельское желѣзнодорожное общество». Въ нихъ очень подробно изложена исторія постепеннаго расширенія предпріятій этого общества, славословятся его хозяева въ лицѣ трехъ поколѣній фамиліи Мамонтовыхъ и обѣщается попутно безсмертіе въ благодарномъ потомствѣ стоявшимъ за послѣднее десятилѣтіе «во главѣ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ сферъ (sic)—покойному И. А. Вышнеградскому и благополучно здравствующимъ С. Ю. Витте и В. В. Максимову». Эти славословія совершенно понятны, ибо, говоря библейски, «знаетъ и оселъ ясли господина своего», и намъ до этихъ славословій не было бы никакого дѣла. Но одна изъ статей «Народа», № 594 отъ 20 авг.) пытается обѣлить г. Мамонтова, оболгавъ при этомъ наше изданіе, чего мы уже безъ отвѣта оставить не можемъ.

Тотъ самый господинъ, который въ теченіе цѣлаго года кричитъ во весь свой «Народъ» «караулъ!» и упрямо, несмотря на двухнедѣльную высидку за это, продолжаетъ обзывать мошенничествомъ поступокъ Финляндскихъ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ, продавшихъ ему билетъ на проѣздъ во 2 классѣ отъ Шувалова до Петербурга и не предоставившихъ, за многолюдствомъ, соотвѣтствующаго этому билету мѣста,—этотъ господинъ, такъ сильно ратующій за свой двугривенный, теперь съ неменьшею наглостью и напускнымъ жаромъ старается не только обѣлить, но и прославить людей, документально обвиняемыхъ въ дѣйствительно мошенническомъ присвоеніи гарантированныхъ казною милліоновъ. О времена! О нравы!

Но посмотримъ, какова эта защита. Приведемъ эту часть статьи дословно:

Всѣ подробности условій сооруженія обществомъ Московско-Ярославско-Архангельской (уже) желѣзной дороги новой линіи отъ Вологды до Архангельска (безъ моста, впрочемъ, въ Архангельскѣ черезъ Сѣверную Двину) изложены въ *шестомъ* по счету дополненіи къ уставу общества. проектъ котораго удостоенъ Высочайшаго разсмотрѣнія и утвержденія 14 іюня 1894 года.

Согласно этому дополненію, во-первыхъ, общество переименовалось въ «Московско-Ярославско-Архангельское», а, во-вторыхъ, оно обязалось построить до Архангельска желѣзную дорогу отъ Вологды такой же узкой колеи, какъ и его участокъ отъ Ярославля до Вологды. Строительный капиталъ для этой линіи исчисленъ былъ maximum въ 19.000.000 рублей, причемъ на эти же деньги общество должно было устроить также паровую переправу черезъ Сѣверную Двину подъ Архангельскомъ, устраивать къ пересѣкаемымъ главной линіей рѣкамъ или къ близъ лежащимъ городамъ и селеніямъ желѣзнодорожныя вѣтви или грунтовыя дороги, сооружать пристани, элеваторы, зернохранилища, а также улучшить профиль полотна своей Ярославско-Вологодской линіи, усилить на ней мосты и произвести разныя другія улучшенія. Въ началѣ 1895 года общество реализовало новый облигаціонный 4-хъ процентный заемъ на $27^1/_2$ милл. рублей. Всѣ эти облигаціи получили правительственную гарантію въ уплатѣ по нимъ процентовъ и погашенія въ теченіе 48 лѣтъ и полностью были пріобрѣтены Государственнымъ Банкомъ по цѣнѣ 93 проц. *).

Изъ полученныхъ отъ реализаціи новаго займа 25.575.000 рублей Общество Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной. дороги должно было 2.000.000 руб. затратить на сооруженіе Юрьевъ-Польской вѣтви, 1.354.580 рублей.—на усиленіе провозной и пропускной способности старой магистрали Московско-Ярославско-Вологодской жел. дороги, а на 19.000.000 рублей выстроить и вполнѣ оборудовать новую линію Вологда-Архангельскъ.

Принимая во вниманіе, что новая линія должна быть узкоколейной, казалось, что этихъ 19 милліоновъ рублей будетъ совершенно достаточно для ея сооруженія (на 1 версту сооружаемой дороги, такъ какъ все протяженіе линіи должно было составить около 600 верстъ, это давало около 31.700 рублей).

Дѣйствительность показала совершенно противное этому апріорному мнѣнію, и за три года, пока продолжалась постройка жел. дороги къ Архангельску, общество затратило на нее гораздо болѣе этихъ 19 милліоновъ, что-то около 25 милл. рублей. И эти «излишне» (будто бы!) затраченные милліоны послужили источникомъ цѣлаго ряда самыхъ безпощадныхъ клеветъ и самыхъ дикихъ измышленій по адресу строителей и правленія общества. Нѣкоторые борзописцы, въ родѣ г. Шарапова изъ «Русскаго Труда» съ плеядой его со...трудниковъ (вѣрнѣе бы сказать соклеветниковъ), усмотрѣли въ перерасходѣ по сооруженію Архангельской жел. дороги «хищеніе», «растрату казенныхъ денегъ» и окрестили этотъ перерасходъ, ради громкаго, хлесткаго заглавія «Мамонтовской панамой».—Мы-де нашу собственную русскую панаму открыли,—честь намъ и хвала.

---

*) Кромѣ гарантіи облигаціонныхъ платежей и доходности акцій, дополненіемъ къ уставу установлена выдача отъ казны безвозвратнаго пособія акціонерамъ въ первыя 12 л. эксплуатаціи Архангельской линіи, всего въ 7.800.000 р. *Ред. «Русскаго Труда»*.

Конечно, «собака лаетъ,—вѣтеръ носитъ». И на лай господъ Шараповыхъ и его почтенныхъ сотрудниковъ, портреты которыхъ онъ помѣщаетъ на первой страницѣ своего почтеннаго изданія, никто не обратилъ ровно никакого вниманія—ни гг. Мамонтовы, которымъ огромный перерасходъ на сооруженіе Архангельской линіи, конечно, болѣе чувствителенъ и непріятенъ, чѣмъ кому-либо другому, не исключая и г. Шарапова съ К°;—ни правительство, ни повременная печать. Мы также не имѣемъ ни времени, ни охоты полемизировать съ г. Шараповымъ и его «Русскимъ Трудомъ» (о, какая горькая иронія и желчь въ этомъ названіи!) тѣмъ болѣе, что о причинахъ допущеннаго большого перерасхода только теперь поднятъ вопросъ и назначена правительственная комиссія. Мы заранѣе даже увѣрены въ томъ, что эта комиссія, разобравши всѣ дѣла и докуметы, относящіеся къ постройкѣ Архангельской линіи, найдетъ въ нихъ не мало всевозможныхъ мелкихъ упущеній, недоразумѣній, противорѣчій, бухгалтерскихъ неправильностей, мелкихъ нарушеній установленнаго порядка и правилъ и т. д... Какъ и во всякомъ крупномъ и сложномъ коммерческомъ дѣлѣ, впрочемъ! Не было перерасхода,—и всѣ эти мелкія погрѣшности и неправильности остались бы подъ спудомъ. Явился перерасходъ,—и многое изъ нашей инженерной практики всплываетъ наружу.

И слава Богу, скажемъ мы. Наши инженеры слишкомъ широко и свободно, не стѣсняясь правилами и порядками, привыкли работать, и иногда дать имъ хорошій урокъ, конечно, не мѣшаетъ.

Но никакому сомнѣнію не подлежитъ, что не въ этихъ мелкихъ неправильностяхъ и упущеніяхъ кроется причина того, что на постройку Архангельской линіи потребовалось нѣсколько лишнихъ милл. руб., и 1 верста этой «самой сѣверной» жел. дороги обошлась не въ 32.000 руб., какъ предполагалось ранѣе, а почти въ 42.000 рублей. Мы вполнѣ увѣрены, что не «Панама» виновата, а тѣ почти неодолимыя естественныя препятствія, съ которыми встрѣтились строители Архангельской жел. дороги и которыхъ совсѣмъ немыслимо было и предвидѣть заранѣе при той полной неизученности въ географическомъ и геологическомъ отношеніи, какой характеризуется нашъ обширный сѣверный край.

Когда по десятиверстной картѣ въ 1893 году вычерчивали, какъ должна пройти отъ Вологды проектируемая Архангельская жел. дорога, мѣстность казалась весьма удобной для постройки дороги равниной, покрытой лѣсами и изобилующей хорошимъ балластомъ, землянымъ и каменнымъ строительнымъ матеріаломъ. Но стоило инженерамъ для окончательныхъ передъ постройкой изысканій углубиться въ дебри Архангельской тайги, чтобы убѣдиться въ томъ, что девять десятыхъ зеленыхъ пятенъ на картѣ представляютъ не ровныя лѣсистыя мѣстности, а болота разныхъ, во всякомъ случаѣ, неизвѣданныхъ глубинъ. При самой постройкѣ сюрпризы оказались еще лучше. Цѣлыя версты пути, проложенныя сегодня, казалось, на достаточно прочномъ грунтѣ, исчезали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безслѣдно, засасываемыя таежными болотами, тонули запасы камня и лѣса, ползли насыпи, рушились постройки...

Можно ли удивляться тому, что предположенныхъ первоначально суммъ не хватило на сооруженіе этой удивительной дороги, оригинальная своеобразность и грандіозность которой едва ли не затмеваетъ постройку другой также весьма оригинальной жел. дороги—Закаспійской?

Послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ попытокъ обойти огромныя и глубокія болота (которыхъ на подробной картѣ даже не значилось вовсе!), послѣ метанія изъ стороны въ сторону за поисками лучшихъ условій для проложенія

линіи—инженеры-строители Архангельской жел. дороги махнули, наконецъ, рукой и повели линію «поближе къ Архангельскому меридіану», т. е., елико возможно прямѣе, справедливо разсчитывая, что чѣмъ меньше верстъ придется строить, тѣмъ меньше, пожалуй, убьешь все-таки денегъ.

После ряда геройскихъ усилій въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ массы разочарованій, ударовъ со стороны суровой сѣверной природы, подъ градомъ, при томъ, насмѣшекъ и злорадныхъ подозрѣній со стороны извѣстной части уличной печати, общество окончило, наконецъ, Архангельскую линію и открыло ее для временнаго движенія 17 ноября 1897 года.

Кто помнитъ напечатанное въ №№ 22 и 26 «Русскаго Труда» относительно архангельскихъ хищеній, тому совершенно ясно, что приведенная выше выдержка изъ «Народа» представляетъ собою сплошную ложь, притомъ вполнѣ сознательную, цѣль которой отвести глаза и затемнить дѣло.

«Народъ» старается представить дѣло такъ, что акціонерное общество перерасходовало на постройку 6 милліоновъ рублей вслѣдствіе, якобы, особо тяжелыхъ мѣстныхъ условій и ошибочности первоначальныхъ предположеній, и будто-бы этотъ-то невинный и неизбѣжный перерасходъ самъ по себѣ послужилъ поводомъ «безпощадныхъ клеветъ и дикихъ измышленій по адресу строителей и правленія общества». О причинахъ допущеннаго большого перерасхода правительство, будто-бы, только теперь подняло вопросъ и назначило для разъясненія его комиссію. Редакція «Народа» заранѣе увѣрена, что комиссія, разобравъ дѣла и документы, относящіеся къ постройкѣ, найдетъ въ нихъ не мало всевозможныхъ мелкихъ упущеній, бухгалтерскихъ неправильностей, мелкихъ нарушеній установленныхъ порядковъ и правилъ. Не будь перерасхода, всѣ эти мелкія погрѣшности остались бы подъ спудомъ, теперь-же,—и г. авторъ статьи прикидывается, что этому радъ,—инженерамъ, привыкшимъ работать слишкомъ широко, не стѣсняясь правилами, будетъ данъ хорошій урокъ; но онъ, авторъ, не сомнѣвается въ томъ, что не въ этихъ мелкихъ неправильностяхъ причина шестимилліоннаго перерасхода, а въ естественныхъ препятствіяхъ, встрѣченныхъ строителями; что же касается г. Мамонтова, то ему непріятнѣе, чѣмъ кому бы то ни было, этотъ досадный перерасходъ, и онъ, конечно, чистъ, какъ хрусталь, во всемъ этомъ дѣлѣ.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло совсѣмъ не таково, какимъ представляютъ его статьи «Народа». Напомнимъ его въ главныхъ чертахъ, какъ самому автору, такъ и тѣмъ, кто хотѣлъ бы прикрыться его статьей.

Правленіе Общества Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги обвиняется не сотрудниками «Русскаго Труда», а

правительственною комиссіею, состоявшею изъ представителей правительственной инспекціи и Государственнаго Контроля, и не въ перерасходѣ, хотя и перерасхода правленіе, безъ особаго разрѣшенія Соединеннаго присутствія Комитета Министровъ и Департамента Экономіи Государствсннаго Совѣта, дѣлать было не въ правѣ, а въ томъ, что, заявивъ о перерасходѣ и получивъ на основаніи этого заявленія, при содѣйствіи Министерства Финансовъ, въ свое распоряженіе перерасходованные, якобы, милліоны, правленіе не только этого перерасхода не доказало посланной для повѣрки его заявленія правительственной комиссіи, но предъявило ей *фальшивую отчетность*, по которой произведенныя обществомъ работы показаны въ большемъ противъ дѣйствительнаго количествѣ и въ полтора раза дороже противъ того, во что онѣ въ дѣйствительности обходились обществу. Такія дѣйствія на языкѣ каждаго порядочнаго человѣка называются не «мелкими бухгалтерскими неправильностями», а крупнымъ мошенническимъ подлогомъ.

Правительство не теперь только обратило вниманіе на сдѣланный обществомъ перерасходъ, а еще полтора года тому назадъ, вслѣдъ за ходатайствомъ общества о разрѣшеніи ему дополнительнаго облигаціоннаго капитала, вслѣдствіе происшедшаго, будто бы, необходимаго противъ утвержденной расцѣнки перерасхода, Министерство Путей Сообщенія предложило Государственному Контролю и Министерству Финансовъ послать на мѣсто комиссію для выясненія истинныхъ причинъ перерасхода. Государственный котролеръ согласился съ этимъ предложеніемъ и назначилъ въ составъ комиссіи своимъ представителемъ старшаго ревизора Арс. Ив. Введенскаго, которому и принадлежитъ главная заслуга и честь открытія всѣхъ злоупотребленій. Министерство же Финансовъ отъ участія въ комиссіи отказалось и вслѣдъ за выѣздомъ комиссіи изъ Петербурга исходатайствовало всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 7 марта 1897 г. отпускъ въ распоряженіе Правленія Общества Московско-Ярославско-Архангельской ж. дороги, *по непровѣренному еще его заявленію*, дополнительнаго капитала въ 5.714.000 руб. Объ этомъ отпускѣ другія вѣдомства—Министерство Путей Сообщенія и Государственный Контроль—*не были даже и увѣдомлены* и узнали о немъ только впослѣдствіи изъ донесенія той же посланной на мѣсто комиссіи. Между тѣмъ эта комиссія, въ составѣ предсѣдателя, инженера, дѣйствит. ст. сов. Шульца, правительственнаго инспектора Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги иженера Альбрехта, помощника его, инженера Сенявяна, и старшаго ревизора Введенскаго, нашла, что строительныя работы производились инже-

нерами общества и его рядчиками изъ отпускавшихся имъ правленіемъ авансовъ, отчетность же въ этихъ самыхъ работахъ велась платежными квитанціями на имя подставныхъ, отстраненныхъ отъ работы, подрядчиковъ; данныя, представлявшіяся въ этихъ фальшивыхъ квитанціяхъ и проводившіяся затѣмъ по бухгалтерскимъ книгамъ, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительными расходами, производившимися изъ авансовыхъ суммъ; этимъ послѣднимъ, т. е. дѣйствительнымъ расходамъ, велась другая, *тайная отчетность*, но она шла мимо бухгалтеріи и только часть ея попала въ руки ревизоровъ. Фиктивная отчетность лишила комиссію возможности выяснить дѣйствительную стоимость произведенныхъ обществомъ работъ, но «въ общемъ комиссія не могла не убѣдиться, что правленіе общества не обладало серьезными основаніями для ходатайства объ увеличеніи строительныхъ капиталовъ, каковое ходатайство оправдывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключительно фиктивными документами, стоящими въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительными расходами. Такъ правленіе, какъ это доказано многими документами, находящимися въ распоряженіи комиссіи, дѣйствительнымъ производителямъ мостовъ и земляныхъ работъ платило на Архангельской линіи значительно меньше, чѣмъ списывало въ расходъ посредствомъ платежныхъ квитанцій на имя подрядчиковъ; по работамъ на болотахъ оно разсчитывало въ дѣйствительныхъ платежахъ количество земли въ предположеніи осадки ея до половинной глубины болотъ, а ходатайствуетъ о введеніи въ подсчеты полной глубины болотъ, что при значительномъ количествѣ образующихся такимъ образомъ излишковъ въ подсчетахъ кубовъ земли формально увеличиваетъ расходы на сумму, превышающую милліонъ рублей *).

Изъ всей потребованной правленіемъ на необходимые, будто бы, перерасходы суммы, комиссія признала условно,— «если будутъ доказаны и обоснованы»,—перерасходы по четыремъ другимъ линіямъ, всего на 1.384.727 руб. А такъ какъ «эта максимальная сумма меньше 1.645.000 р., остающихся отъ строительнаго капитала Архангельской линіи въ 19 милліоновъ руб. (изъ 19 милл. руб. строительнаго капитала Архангельской линіи обществу было разрѣшено расходовать по разцѣнкѣ 17.354.652 р., а остальные 1.645.000 р. оставлены на особомъ счету общества и могли расходоваться только съ особаго разрѣшенія Соединеннаго присутствія Комитета Министровъ и Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта),—то,

*) Донесеніе председателя комиссіи, инженера д. ст. сов. Шульца Департаменту Желѣзныхъ Дорогъ отъ 14 янв. 1898 г. № 19.

по заключенію комиссіи, увеличеніе облигаціоннаго капитала общества на 5.714.000 р. не было необходимо, а такъ какъ капиталъ этотъ уже реализованъ полностью, то онъ долженъ быть поставленъ, согласно Высочайше утвержденному 2 мая 1897 г. положенію соединеннаго присутствія, на особый счетъ общества для обращенія впослѣдствіи на могущія возникнуть на дорогѣ надобности»*).

Такимъ образомъ, вопросъ о перерасходѣ Общества Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги давно выясненъ правительственной комиссіей въ томъ смыслѣ, что заявленіе объ этомъ перерасходѣ и полученіе на этомъ основаніи дополнительнаго облигаціоннаго капитала въ 5.714.000 р. было наглымъ обманомъ правительства Обществомъ Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги.

Нельзя, конечно, допустить, что хозяева Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги, обращаясь къ правительству съ ходатайствомъ объ увеличеніи имъ строительнаго капитала на 6 милліоновъ рублей, не знали, что они дѣлали. Если бы они сами были жертвами обмана со стороны инженеровъ-строителей, то, узнавъ изъ разоблаченій правительственной комиссіи о существованіи у нихъ въ участковыхъ конторахъ двойной отчетности, они, если бы сами этому подлогу были не причастны, должны были тотчасъ же возбудить уголовное преслѣдованіе противъ обманывавшихъ и ихъ, и казну строителей; но правленіе не только этого не сдѣлало, но его представитель въ комиссіи, и. д. директора и сынъ предсѣдателя, В. С. Мамонтовъ, рѣшительно заявилъ комиссіи, что правленіе признаетъ одну только отчетность — по платежнымъ квитанціямъ (т. е. фиктивную), которая и будетъ основаніемъ строительнаго отчета. Кромѣ того, изъ напечатаннаго въ № 26 «Русскаго Труда» протокола комиссіи видно, что распоряженіе о введеніи въ подсчеты земляныхъ работъ полной глубины болотъ (хотя въ дѣйствительности оплата велась по расчету половинной глубины) сдѣлано главною строительною конторою въ то время, когда правленіе возбуждало ходатайство объ увеличеніи облигаціоннаго капитала. Напрасно, поэтому, редакція «Народа» старается свалить всю отвѣтственность за «бухгалтерскія неправильности» на однихъ только инженеровъ. Конечно, и они охулки на руку не клали, но они были только исполнителями, руководило же всею этою панамою правленіе съ С. И. Мамонтовымъ во главѣ.

---

*) То же донесеніе.

Лживо утверждаетъ «Народъ» и то, что, будто бы, на разоблаченія «Русскаго Труда» никто не обратилъ никакого вниманія: ни гг. Мамонтовы, ни правительство, ни повременная печать.

Гг. Мамонтовы очень усердно хлопотали, чтобы какъ-нибудь обѣлить себя или, по крайней мѣрѣ, выставить обвиненіе преждевременнымъ. Вслѣдствіе ихъ хлопотъ, учреждена была особая подъ предсѣдательствомъ товарища Государственнаго контролера сенатора Иващенкова, комиссія, которая, разсмотрѣвъ представленныя Мамонтовыми и главнымъ ихъ инженеромъ Чоколовымъ объясненія, документы и дѣла, пришла къ убѣжденію въ полной справедливости всѣхъ заявленій комиссіи д. ст. сов. Шульца, въ чемъ г. Мамонтову выдано даже особое письменное удостовѣреніе. Затѣмъ и Министерство Финансовъ не осталось равнодушнымъ къ статьямъ «Русскаго Труда». Во-первыхъ, по поводу этихъ статей оно предприняло розыскъ о нарушеніи канцелярской тайны*); во-вторыхъ, отказавшись полтора года тому назадъ принять участіе въ комиссіи, имѣвшей цѣлью выяснить причины перерасходовъ Общества Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги, теперь это министерство само предложило образовать новую комиссію для обревизованія строительной отчетности этого общества. Назначеніе съ этою цѣлью комиссіи подъ предсѣдательствомъ д. ст. сов. Чистякова даетъ инымъ поводъ говорить о преждевременности сдѣланныхъ «Русскимъ Трудомъ» разоблаченій по Мамонтовскому дѣлу. Но комиссія г. Чистякова является по счету уже третьей; при желаніи затянуть дѣло и отдалить неизбѣжную его судебную развязку, за этою третьей могутъ быть назначены и еще четвертая, пятая и т. д. комиссіи, все для болѣе подробнаго выясненія вполнѣ выясненнаго дѣла. Но каждая изъ этихъ комиссій можетъ быть кое-что прибавитъ къ тому, что открыто и удостовѣрено комиссіей д. с. с. Шульца; и ни одна изъ нихъ не можетъ уничтожить того, что добыто этою первой комиссіей; а ея докладъ самъ по себѣ представляется совершенно достаточнымъ основаніемъ для возбужденія уголовнаго слѣдствія надъ Мамонтовыми и К°, и мы не пере-

---

*) Смѣемъ увѣрить редактора „Народа", что навѣты его на лицъ, портреты которыхъ были помѣщены въ «Русскомъ Трудѣ», совершенно неосновательны. Во всѣхъ правительственныхъ вѣдомствахъ, не исключая финансоваго и путейскаго, есть люди искренно расположенные къ намъ и нашему изданію или, вѣрнѣе, къ тому правому дѣлу, которое оно защищаетъ. Между этими нашими друзьями есть лица весьма освѣдомленныя и не таящія отъ насъ того, что знаютъ, ибо они не присягали Молоху и считаютъ для себя обязательнымъ хранить только государственныя и казенныя, но не «мамонтовскія» тайны.

стаемъ вѣрить въ то, что и для толстосумовъ еще есть въ Россiи судъ и законы.

Мы, однако же, воюемъ вовсе не противъ гг. Мамонтовыхъ,—они не хуже и не лучше другихъ; мы убѣждены, — и для этого въ исторiи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россiи есть достаточныя основанiя,—что тѣ же злоупотребленiя по распоряженiю строительными, занятыми подъ казенною гарантiей, суммами творятся и на всѣхъ другихъ желѣзнодорожныхъ постройкахъ, ибо такова система и духъ всѣхъ этихъ обществъ; въ самомъ ихъ основанiи лежитъ обманъ: акцiонеры, по уставамъ, застрахованы казенною гарантiей не только отъ потери своихъ ничтожныхъ, по сравненiю съ величиной отданнаго въ ихъ руки дѣла, капиталовъ, но имъ застраховываются всѣ ихъ даже беззаконныя выгоды, которыя они когда-либо получали при безконтрольномъ веденiи желѣзнодорожнаго хозяйства; а между тѣмъ, все предпрiятiе, все сооруженное и ведомое за государственный счетъ признается акцiонерной собственностью, гг. акцiонеры плаваютъ въ чужомъ достоянiи, какъ рыба въ водѣ, и, свободные отъ всякаго контроля и учета, смѣются надъ красующимися въ ихъ уставахъ выраженiями, что, молъ, такое-то общество обязано построить такую-то дорогу и вести эксплуатацiю *за свой страхъ и рискъ*. Но если ужъ дана гг. акцiонерамъ такая обезпеченность и свобода хозяйственныхъ распоряженiй, то по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ нихъ, которые попадаются на подлогахъ и кражѣ съ поличнымъ въ рукахъ, должны же быть судъ и расправа; все-таки это будетъ нѣкоторою острасткою и удержемъ для всѣхъ прочихъ.

«Русск. Трудъ» 1898 г. № 36, отъ 5 сент.

Весною 1899 г., по требованiю Государственнаго Контролера, прокуроромъ Московской Судебной Палаты начато было уголовное предварительное слѣдствiе по дѣлу о злоупотребленiяхъ при постройкѣ Вологодско-Архангельской жел. дороги. Хотя слѣдствiе это не было доведено до конца и, по кончинѣ Т. И. Филиппова, особымъ порядкомъ было прекращено, тѣмъ не менѣе и главныя отвѣтственныя въ этомъ дѣлѣ лица не остались безнаказанными, и дороги Московско-Вологодско-Архангельскую взяли въ казну, а Сѣверную отъ Петербурга до Вятки выстроили не акцiонернымъ, а казеннымъ распоряженiемъ.

Архангельская панама вдохновила покойнаго нашего друга Николая Андреевича Панова написать одно изъ лучшихъ его произведенiй: комедiю въ стихахъ въ 5 д. «Ихъ торжество», которая появилась отд. изд. въ 1902 г., но еще ждетъ своего появленiя на большой сценѣ и надлежащей оцѣнки. Отрывки изъ нея, читанные В. П. Далматовымъ на литературно-музыкальномъ вечерѣ 12 ноября 1906 г. въ память Н. А. Панова въ Тенишевскомъ залѣ, а потомъ и на другихъ вечерахъ, произвели на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣнie.

О наказаніи.

Изъ замѣчаній на гл. I проекта Угол. Улож.

Наказаніе въ нашемъ христіанскомъ государствѣ должно быть именно тѣмъ, чего требуетъ отъ него это прекрасное русское слово. *Наказать* — это значитъ *наставить, научить*, а слѣдовательно, и *наказаніе* должно, по народному русскому разуму, быть ничѣмъ инымъ, какъ *наученіемъ, наставленіемъ*, а не истязаніемъ. Въ такомъ именно разумѣніи наказанія ясно опредѣлена и его цѣль: человѣка, сбившагося въ сторону, наставить на прямой путь; невѣдающаго, что хорошо, что худо, опять-таки,—на умъ наставить, надоумить, наказать, научить. Но эта цѣль *наученія* достигается не мучительствомъ и истязаніями, не повседневными униженіями человѣческаго достоинства наказуемыхъ, а справедливымъ удовлетвореніемъ ихъ необходимыхъ нуждъ и особенно заботливымъ попечительствомъ и уходомъ за ихъ больными душами.

За исключеніемъ сравнительно очень немногихъ болѣзненныхъ выродковъ, которыхъ, слѣдовательно, опять-таки надо не истязать, а лѣчить,—огромнѣйшая часть всѣхъ русскихъ преступниковъ, населяющихъ наши каторжныя и другія тюрьмы, по свидѣтельству всѣхъ близко ихъ наблюдавшихъ,—не злодѣи по природѣ, недоступные никакому благому воздѣйствію; а, напротивъ, или преступники по какой-нибудь несчастной случайности, отъ которой никто не застрахованъ, которыхъ, быть можетъ, нечего и исправлять; или, если и поддавшіеся пороку и ожесточившіеся, то—въ силу той обстановки, тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ имъ приходилось рости, воспитываться и жить, и изъ которыхъ наказаніе, вмѣстѣ съ просвѣтлѣніемъ ихъ нравственнаго существа, должно ихъ высвободить и вывести въ другую, достойную человѣка, жизнь. Такова единственно разумная, единственно достойная христіанскаго общества цѣль наказанія по отношенію къ самому преступнику.

По отношенію къ обществу цѣлью наказанія въ случаяхъ болѣе или менѣе тяжкихъ преступленій должно быть—вывести на нѣкоторое время преступника изъ той людской среды, которая предрасположила его къ преступленію, которой преступленіемъ нанесенъ вещественный ущербъ или нравственное зло и въ которой присутствіе преступника только питало бы чув-

ство огорченія и желаніе мести, могущія сдѣлаться, въ свою очередь, причиною новаго преступленія. Поэтому, для обоюдной пользы и самого преступника и той общественной среды, въ которой совершено преступленіе, необходимо удалить виновнаго на время изъ этой среды. Но время все врачуетъ, и прежнее озлобленіе къ преступнику смѣняется жалостью къ «несчастному»; поэтому даже самыхъ тяжелыхъ преступниковъ едва ли необходимо навсегда вырывать изъ родной и, быть можетъ, все-таки милой имъ среды.

Но, кромѣ удаленія виновнаго съ мѣста совершенія имъ преступленія, необходимо еще обезопасить общество, въ широкомъ смыслѣ этого слова, отъ возможности причиненія ему новаго зла,—въ тѣхъ случаяхъ, когда совершившееся преступленіе и судебное слѣдствіе о немъ обнаружили въ виновникѣ порочныя склонности или недостаточную уравновѣшенность нрава, недостаточность воли для подавленія свойственныхъ каждому человѣку злыхъ порывовъ.

Обѣ эти цѣли достигаются временнымъ ограниченіемъ или лишеніемъ виновнаго его свободы—взятіемъ подъ стражу, содержаніемъ въ заключеніи и ссылкой. Но опять таки, какъ бы ни былъ ожесточенъ и нравственно испорченъ преступникъ во время совершенія преступленія, нельзя считать его вѣчно опаснымъ для общества, и въ силу этого невѣрнаго предположенія обрекать на вѣчное наказаніе, или гражданскую смерть. Если будутъ цѣлесообразны, т. е. нравственны и разумны, способы и мѣры наказанія, то неисправимыхъ, закоренѣлыхъ во злѣ преступниковъ не будетъ.

Лишая свободы провинившихся своихъ членовъ, Государство тѣмъ самымъ беретъ всецѣло ихъ на свое попеченіе и отвѣтственность. Поэтому, чтобы не навалить на себя бремени не по силамъ, Государство должно пользоваться этимъ правомъ—ограничивать свободу своихъ членовъ—осмотрительно и съ разборомъ. Если преступленіе представляется случайнымъ, вызваннымъ несчастнымъ для виновнаго стеченіемъ обстоятельствъ, и изученіе преступника во время предварительнаго и судебнаго слѣдствія не даетъ основаній для заключенія, что оставленный на свободѣ осужденный будетъ злоупотреблять своей свободой, то нѣтъ разумнаго и справедливаго основанія лишать такого осужденнаго свободы самому промышлять о себѣ, и брать его на казенное иждивеніе. Какъ будто бы у казны и безъ этого мало задачъ и заботъ! Пусть даже преступленіе было тяжкимъ, но если оно совершено при указанныхъ выше условіяхъ, то слѣдуетъ ограничиться удаленіемъ виновнаго изъ прежняго мѣста жительства, не подвергая его въ

мѣстѣ новаго указаннаго ему пребыванія заключенію и другимъ мѣрамъ истязанія, развѣ только если бы онъ самъ просилъ дать ему общее съ заключенными пристанище и заработокъ.

Со стороны только-что приведенныхъ соображеній нельзя не считать ошибочнымъ совершенное исключеніе изъ числа предположенныхъ проектомъ наказаній *ссылки на житье*. Всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ этого наказанія, въ несравненно большей мѣрѣ относятся и къ ссылкѣ на поселеніе, и однакоже это послѣднее наказаніе оставлено въ проектѣ. Всѣ недостатки обоихъ этихъ наказаній, наблюдавшіеся до сихъ поръ, зависятъ не отъ ихъ сущности, а отъ неправильныхъ постановки и пользованія ими. А между тѣмъ высылка на родину и въ другія опредѣленныя мѣстности и ссылка на житье въ отдаленныя мѣста, безъ пораженія правъ личныхъ и имущественныхъ, широко примѣняются административною властью. Казалось бы, что съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія должна была бы прекратиться административная высылка и ссылка; но вмѣстѣ съ тѣмъ нерасчетливо было бы отказаться отъ этой мѣры взысканія при установленіи въ уголовномъ уложеніи лѣстницы уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по суду. Только необходимо упорядочить это наказаніе, какъ и всѣ остальныя, существующія и предположенныя по новому проекту, ибо въ дотеперешнемъ своемъ видѣ ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ своей цѣли и не соотвѣтствуетъ достоинству просвѣщенной страны и христіанскаго правительства и народа.

Ссылаемыхъ на поселеніе или на житье слѣдуетъ ставить въ такія условія, чтобы они могли начать тамъ честную трудовую жизнь, а для этого каждому надо дать возможность дѣлать то, къ чему у него есть способность и умѣнье. Земледѣльца слѣдуетъ приселить къ сельскому обществу и потомъ дать ему землю и ссудить необходимымъ для того, чтобы взяться за дѣло; ремесленника или художника лучше поселить въ городѣ, гдѣ онъ скорѣе будетъ полезенъ и другимъ и себѣ. И въ мѣстахъ заключенія также надо давать работу каждому по его силамъ и умѣнью, а если нѣтъ послѣдняго, то научить тому, что доступнѣе его способностямъ и что потомъ можетъ быть для него полезнѣе въ жизни. Наконецъ, содержимые въ мѣстахъ заключенія должны быть занимаемы только разумною работой, производительною для Государства и для нихъ самихъ. Только такая работа будетъ имѣть исправительное дѣйствіе.

Но одной работы безъ *наученія*, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. безъ расширенія умственнаго кругозора заключенныхъ сообщеніемъ имъ нѣкоторыхъ образующихъ умъ

и сердце знаній, еще недостаточно для перевоспитанія узниковъ къ новой жизни. Поэтому время заключенныхъ должно дѣлиться не только между сномъ и изнурительною тѣлесною работою, но часть его должна быть удѣляема на собесѣдованія образовательныя и наставительныя и на общую молитву и пѣснопѣнія. Вотъ — широкое поле для просвѣтительной и истинно христіанской апостольской дѣятельности для всякаго рода наставниковъ и богослововъ, которые во множествѣ не знаютъ теперь, къ чему приложить рукъ, и толкутся въ двери разныхъ департаментовъ и канцелярій.

Тутъ могутъ быть сдѣланы нѣсколько возраженій; и первое изъ нихъ: откуда взять средства на такую постановку ссылки и тюремнаго дѣла? Но, во-первыхъ, при томъ разборѣ, съ которымъ, какъ выяснено выше, слѣдуетъ относиться къ преступникамъ, число обитателей тюремъ наполовину, если не болѣе, сократится; во-вторыхъ, на приспособленія существующихъ нынѣ тюремъ для одиночнаго заключенія и для разлученія арестантовъ на время ночное и свободное отъ внѣшнихъ работъ Министерствомъ Юстиціи предполагается затратить до 9.000.000 р. на желѣзныя клѣтки и каменные мѣшки. По заявленію же бывшаго Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія, нынѣ члена Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Галкина-Враскаго,—чтобы осуществить тюремную реформу соотвѣтственно проекту новаго уголовнаго уложенія, необходимо располагать суммою до 90.000.000 р. *). Такъ не цѣлесообразнѣе ли и не достойнѣе ли употребить эти средства на подготовку людей, которые могли бы съ честью и пользою для государства нести обязанности по завѣдыванію мѣстами заключенія и перевоспитанію населяющаго ихъ нравственно больного люда, на широкую и правильную постановку обученія его всякаго рода полезнымъ для жизни мастерствамъ и ремесламъ? Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что, при предлагаемой нами постановкѣ, мѣста заключенія и наказаній станутъ, пожалуй, соблазномъ и приманкою для людей, живущихъ честнымъ трудомъ, быть можетъ, въ несравненно худшихъ условіяхъ. Но вѣдь клѣтка, даже и золотая и съ обильнымъ даровымъ кормомъ, все таки клѣтка, и не многіе предпочтутъ ее не только не золотой, но даже и не всегда сытой и теплой свободѣ. А съ другой стороны, преступникъ уже потому, что сталъ преступникомъ, требуетъ о себѣ бо́льшихъ попеченія и заботъ. Не отъ радости огромное большинство впадаетъ въ преступленія, и

*) Записка Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія о порядкѣ исполненія наказаній, предустановленныхъ угол. улож. ред. 1895 г.

ихъ вина ложится значительною своею долею и на все общество, на его несовершенныя бытовыя условія, законы и порядки. Общество и должно въ свою очередь искупить вину свою передъ провинившимися передъ нимъ своими членами, наказуя ихъ не съ ожесточеніемъ, а съ любовью. И та лишняя противъ другихъ заботливость, какая перепадетъ на долю заключенныхъ, только уравновѣсила бы собою ихъ страданія и недостатокъ прежней заботы о нихъ, приведшій ихъ къ преступленію. И Христосъ приходилъ не праведныхъ, но грѣшныхъ спасти, и грѣшникамъ выпало на долю преимущественное счастье видѣть Его въ своей средѣ и поучаться Его словомъ и примѣромъ. И мы—Христіанское Государство,—во Христа крестившіеся и во Христа облекшіеся, обязаны слѣдовать благимъ Его дѣламъ и завѣтамъ.

Изъ частныхъ замѣчаній по статьямъ отдѣленія третьяго главы первой.

По дѣйствующему уложенію наименьшій срокъ каторжныхъ работъ положенъ въ четыре года (улож. ст. 19, 7 степень «каторжныя работы на время отъ четырехъ до шести лѣтъ»). Казалось бы, не только можно было бы не увеличивать этого срока, какъ сдѣлано въ проектѣ, до пяти лѣтъ, но и понизить его хотя бы даже до одного года. И при такомъ пониженномъ срокѣ этотъ родъ наказанія остался бы самымъ тяжкимъ, ибо, какъ неизбѣжное его послѣдствіе, опредѣляется поселеніе, которое само по себѣ признается тягчайшимъ изъ наказаній послѣ каторги.

Затѣмъ, по Уставу о ссыльныхъ (ст. ст. 299—305) каторжные безсрочные по прошествіи 8 лѣтъ, присужденные къ работамъ на время отъ 15 до 20 лѣтъ черезъ четыре года, отъ 6 до 12 лѣтъ черезъ полтора года и, наконецъ, отъ 4 до 6 лѣтъ черезъ годъ, подавшіе въ теченіе этого времени надежду на исправленіе покорностью начальству, воздержностью, опрятностью и трудолюбіемъ, — перечисляются въ отрядъ исправляющихся, которые содержатся безъ оковъ, употребляются на работы и помѣщаются по возможности отдѣльно отъ испытуемыхъ, подъ надзоромъ мастеровыхъ или заводской стражи, и—каторжные перваго разряда черезъ три, второго черезъ два и третьяго черезъ годъ — могутъ получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатахъ заводскихъ мастеровыхъ, или же построить для себя домъ на заводской землѣ и вступить въ бракъ. При этомъ каторжнымъ отряда исправляющихся, поселяющимся внѣ острога, возвращаются отобранныя у нихъ собственныя ихъ деньги и выдается казенный лѣсъ для постройки домовъ. Такимъ образомъ, дѣйствующіе законы даютъ каторжнымъ перваго разряда — безсрочнымъ возможность черезъ восемь лѣтъ попасть въ отрядъ исправляющихся, а еще черезъ 3 года, т. е. всего черезъ *одиннадцать* лѣтъ съ начала поступленія въ каторгу, — жениться, обзавестись собственнымъ жилищемъ и хозяйствомъ, т. е. стать въ условія жизни, въ сущности немногимъ отличающіяся отъ положенія ссыльно-поселенца или даже обыкновеннаго заводскаго рабочаго. Каторжные же второго разряда, присужденные къ работѣ до 12 лѣтъ, и третьяго разряда, присужденные къ работѣ до 6 лѣтъ, могутъ стать въ тѣ же льготныя условія всего черезъ *три съ половиной* и черезъ *два* года. По проекту, каторжный безсрочный *только черезъ 15 лѣтъ*, а срочные по отбытіи $^2/_3$ всего срока наказанія, т. е. только черезъ 10, 8 и никакъ уже не меньше, какъ черезъ *три съ третью* года, могутъ быть переводимы на поселеніе.

Едва ли дѣйствительныя условія русской жизни требуютъ такого удлиненія сроковъ самой каторги и сроковъ пребыванія наказуемыхъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. Безсрочность и слишкомъ большіе сроки каторги и ея послѣдствій, отнимая у осужденныхъ всякую надежду на возвратъ къ свободной гражданской жизни, могутъ только ожесточать наказуемыхъ или, постоянно угнетая ихъ духъ, преждевременно разслаблять ихъ и тѣлесно. Въ томъ и другомъ случаѣ, по отбытіи каторги, они уже будутъ неспособны устроиться самостоятельно хозяйствомъ въ качествѣ мирныхъ поселенцевъ.

Если принять во вниманіе, что наибольшее число преступленій падаетъ на возрастъ около 30 лѣтъ *), значительное же число преступленій совершается въ возрастѣ болѣе позднемъ, и что пребываніе въ каторжныхъ тюрьмахъ и на тяжелыхъ работахъ не благопріятствуетъ сохраненію силъ и здоровья, то возрастъ отъ сорока до пятидесяти лѣтъ, въ которомъ большинство отбывшихъ пятнадцатилѣтнюю каторгу будетъ переходить на поселеніе, слѣдуетъ считать крайнимъ, при которомъ можно разсчитывать, что поселенецъ въ состояніи будетъ кое какъ устроиться на поселеніи и завести свое хозяйство. По уставу о ссыльныхъ, ссыльно-поселенцы, имѣющіе болѣе 60 лѣтъ, а водворяемые даже 57 лѣтъ зачисляются прямо въ разрядъ «*дряхлыхъ*» и распредѣляются на вольное пропитаніе или благотворительныя заведенія (ст. 149 и 150).

Въ заключеніи на проектъ уголовнаго уложенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ высказано, что съ утвержденіемъ этого проекта въ Россіи «впервые осуществлена будетъ историческая задача» создать по словамъ наказа Коммисіи по составленію уголовнаго уложенія 11 Марта 1754 г. — законы . . . . . настоящему времени приличные, идущіе къ исконной цѣли нашего законодательства — «всѣхъ тѣхъ, кои въ преступленіе впадаютъ, обратить къ чистому раскаянію больше милостію и увѣщаніемъ и надлежащимъ разъясненіемъ по происшедшимъ въ разныя времена околичностямъ, нежели строгостями и истязаніями». Предлагаемая въ проектѣ система наказаній, повидимому, дѣйствительно имѣетъ цѣлью воздѣйствовать на отбывающихъ наиболѣе тяжелыя наказанія—каторгу и поселеніе—обѣщаніемъ, въ случаѣ дѣйствительнаго ихъ исправленія, постепеннаго облегченія ихъ участи—вплоть до освобожденія отъ поселеніи и возстановленія общихъ гражданскихъ правъ (ст. ст. 21, 30). И, несомнѣнно, это обѣщаніе закона вернуть преступнику утраченную имъ свободу и возстановить его въ гражданскихъ правахъ можетъ явиться сильнѣйшимъ воспитательнымъ и исправительнымъ средствомъ, оно можетъ поддержать въ наказуемыхъ бодрость духа и вселить въ нихъ самую настойчивую рѣшимость заслужить потерянныя ими и вновь обѣщанныя имъ драгоцѣннѣйшія для человѣка блага. Но все это — при томъ лишь условіи, если цѣль эта будетъ представляться достижимой. Между тѣмъ за 15-лѣтней, хотя бы и сокращенной на $^1/_3$ каторгой, слѣдуетъ по проекту (ст. 21) еще не менѣе 10 лѣтъ поселенчества, которое при дѣйствующихъ нынѣ порядкахъ нерѣдко бываетъ тяжелѣе каторги (которая по крайней мѣрѣ даетъ тепло и утоляетъ голодъ), а затѣмъ по освобожденіи отъ поселенія еще десять и самое меньшее пять лѣтъ безправія (ст. 28). Въ общемъ это такой долгій срокъ наказанія, что для осужденныхъ на каторгу въ возрастѣ 30—40 лѣтъ почти нѣтъ уже надежды на избавленіе, а, слѣдовательно, само наказа-

*) Сводъ статистическихъ свѣдѣній до дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1894 г. въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствовавшихъ на основаніи Уст. Императора Александра II. Изд. Министерства Юстиціи 1899 г. ч. II стр. 108.

ніе теряетъ для нихъ значеніе мѣры исправительной и чувствуется ими лишь болѣзненною своею стороною, какъ простое истязаніе и месть, а потому можетъ дѣйствовать на нихъ только ожесточающе.

Опасеніе, что уменьшеніе продолжительности и болѣзненности наказаній можетъ ослабить въ населеніи побужденія, удерживающія его въ предѣлахъ законности, и усилить преступность, не находитъ себѣ оправданія въ данныхъ уголовной статистики. Не слишкомъ давно жестокія истязанія, доходившія нерѣдко до убійства, казались мѣрами необходимыми для поддержанія военной и школьной дисциплины; но онѣ упразднены, и дисциплина та и другая отъ того, конечно, только выиграла, ибо: съ отмѣною мучительства облагородились и смягчились нравы и наставляемыхъ и наставляющихъ, и тѣ же цѣли достигаются болѣе кроткими и разумными средствами. Въ настоящее время мѣрами истязанія пользуются для поддержанія дисциплины между арестантами и ссыльными, но и тутъ онѣ— постыдный для нашего вѣка и для христіанскаго государства анахронизмъ, пережитокъ языческихъ нравовъ и временъ, и съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія должны быть упразднены, иначе новое вино безполезно вливалось бы въ старые мѣхи.

«Смѣемъ увѣрить всѣхъ сомнѣвающихся еще», говоритъ въ разосланномъ Государственною Канцеляріей къ проекту уголовнаго уложенія трудѣ Иркутскій Губернскій Тюремный Инспекторъ А. П. Сипягинъ *),— «что ничто такъ благотворно не дѣйствуетъ на самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, какъ производительная работа, строгій, но простой и спокойный распорядокъ, полная справедливость, неподдѣльная попечительность объ ихъ бытѣ. Все это съ заранѣе обезпеченнымъ успѣхомъ замѣнитъ и каменныя стѣны съ желѣзными рѣшетками, и давно ненужные и позорные кандалы, розги, плети, которые, не смотря на весь свой ужасъ и кажущуюся дѣйствительность, не всегда сдерживали этихъ отверженныхъ людей въ желаемыхъ границахъ условной дисциплины, когда въ нихъ попирали оставшіеся признаки человѣческаго достоинства и слабую, едва теплившуюся надежду на исправленіе и лучшее будущее послѣ долгихъ лѣтъ неволи» (стр. 21).

Одновременно съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія должны быть, 1) отмѣнено отдѣленіе пятое раздѣла третьяго устава о ссыльныхъ и безотлагательно подвергнуты пересмотру этотъ уставъ въ остальныхъ его частяхъ и уставъ о содержащихся подъ стражею, и 2) каторжныя тюрьмы и прочія мѣста заключенія, а равно и поселеніе должны получить новые устройство и порядки, соотвѣтствующіе установленной выше цѣли наказанія.

При этомъ представляется, конечно, излишнимъ и предлагаемое, въ видѣ отдѣльнаго отъ уложенія заключенія, законодательное опредѣленіе: о предоставленіи Министру Юстиціи озаботиться устройствомъ одиночныхъ камеръ и приспособленій для разобщенія заключенныхъ на ночное и свободное отъ работъ время въ каторжныхъ тюрьмахъ и исправительныхъ домахъ. Предположеннымъ же къ затратѣ на этотъ предметъ обширнымъ средствамъ (8.800.000 рублей) слѣдуетъ дать болѣе полезное и производительное назначеніе, обративъ ихъ на улучшеніе личнаго состава завѣдывающихъ тюрьмами и тюремныхъ надзирателей и на цѣлесообразное устройство разнаго рода работъ, которыя, при должной ихъ постановкѣ, могутъ, если не сполна,

---

*) «Нѣсколько словъ о настоящемъ и будущемъ уголовной ссылки и тюрьмы А. П. Сипягина».

то въ значительной долѣ окупать содержаніе мѣстъ заключенія и обезпечивать устройство быта самихъ заключенныхъ по выходѣ ихъ изъ мѣстъ заключенія.

Относительно устройства быта каторжныхъ и ссыльнопоселенцевъ необходимо принять къ руководству въ высшей степени цѣнныя соображенія и указанія, содержащіяся въ упомянутомъ выше трудѣ Иркутскаго Губернскаго Тюремнаго Инспектора А. П. Сипягина, особенно же изложенное на стр. 20—26 относительно безцѣльности господствующаго нынѣ въ отношеніи къ каторжнымъ мучительства и формализма и предполагаемыхъ одиночнаго заключенія и разъединенія заключенныхъ на ночь, пользы обращенія каторжныхъ на казенныя работы съ предоставленіемъ имъ значительной доли заработка (75%), и необходимости устройства поселенцевъ на началахъ принудительной колонизаціи на особо отведенныхъ участкахъ и съ необходимыми пособіями.

О преступленіяхъ противъ вѣры.

Замѣчанія на главу вторую проекта уголовнаго уложенія.

Глава вторая начинается двумя статьями 61 и 62 (слѣдовало бы 70 и 71, ибо Глава первая въ послѣдней ея редакціи содержитъ 69 статей), въ которыхъ, въ отличіе отъ дѣйствующаго уложенія и отъ первоначальной редакціи проекта уложенія, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ, сдѣлана попытка установить два отдѣльные вида преступленій противъ вѣры: богохуленіе, или оскорбленіе святыни, и кощунство, причемъ тому и другому преступленію даются подробныя опредѣленія.

Но опредѣленія эти едва ли можно признать удачными.

Ст. 61 говоритъ: «Богохуленіемъ или оскорбленіемъ святыни признается: возложеніе хулы на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога, на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присподѣву Марію, на Безплотныя Силы Небесныя или на Святыхъ Угодниковъ Божіихъ, поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе Святыхъ Таинствъ, Святаго Креста, Святыхъ мощей, Святыхъ иконъ или иныхъ предметовъ, почитаемыхъ православною или вообще христіанскою церковью священными, поношеніе Священнаго Писанія и догматовъ Церкви православной или вообще вѣры христіанской».

Ст. 62. «Кощунствомъ признается: поношеніе установленій или обрядовъ Церкви православной или вообще вѣры христіанской, поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе предметовъ, употребленіемъ при православномъ или иномъ христіанскомъ богослуженіи освященныхъ, непристойная насмѣшка надъ священными предметами или предметами вѣрованія, статьею 61 поименованными».

Затѣмъ, въ слѣдующихъ статьяхъ за богохуленіе и за кощунство опредѣляются, въ зависимости отъ времени, мѣста, обстановки и способа совершенія преступленія, различныя наказанія; за богохуленіе: срочная каторга, ссылка на поселеніе, исправительный домъ, тюрьма; за кощунство соотвѣтственно: тюрьма на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ и безъ этой оговорки, тюрьма не свыше шести мѣсяцевъ и арестъ.

Разница въ отвѣтственности за то и другое преступленіе огромная, а между тѣмъ проведена ли между тѣмъ и другимъ точная и ясная граница? И, прежде всего: почему богохуленіе отождествлено въ ст. 61 съ оскорбленіемъ

святыни? Божество — свято, но Божество и святыня не тожественныя, а весьма различныя понятія.

Ст. 61 и 62, первая подъ понятіе богохуленія, вторая подъ понятіе кощунства подводятъ однѣ и тѣ же дѣйствія: хулу и поношеніе,—что одно и то же, и непристойную насмѣшку, что опять таки съ хулою и поношеніемъ—одно и то же, и поруганіе дѣйствіемъ. И такъ въ отношеніи собственно дѣйствія, способовъ совершенія,—преступленія, о которыхъ говорится въ ст. 61 и 62, тожественны.

Тожественны и многіе предметы, о поношеніи и поруганіи которыхъ говорится въ той и другой статьяхъ. Ибо, хотя Святыя Таинства суть божественныя установленія, тѣмъ не менѣе признаніе ихъ за таковыя и поклоненіе Кресту, мощамъ и иконамъ также какъ и опредѣленіе догматовъ — установлены Церковью, слѣдовательно, все это суть установленія церковныя, и такимъ образомъ поношеніе и поруганіе ихъ одинаково подойдетъ и подъ 61 и 62 статью, т. е. подъ богохуленіе, какъ оно опредѣляется въ проектѣ, и подъ кощунство.

Изъ перечисленныхъ въ 61-й статьѣ святыхъ существъ и священныхъ вещей предметомъ богохуленія, по точному смыслу этого слова, можетъ быть только «славимый въ единосущной Троицѣ Богъ». Пресвятая Богородица, только по ея близости къ Божеству, не безъ нѣкотораго уже расширенія прямого смысла слова «богохуленіе», можетъ быть его предметомъ; тѣмъ съ большею натяжкою въ смыслѣ этого слова оно можетъ быть отнесено къ Силамъ Небеснымъ и Угодникамъ Божіимъ. Неуважительныя и дерзкія по отношенію ко всѣмъ этимъ небеснымъ существамъ дѣйствія и рѣчи правильнѣе могли бы быть названы кощунствомъ, нежели богохуленіемъ. Поруганіе же дѣйствіемъ и поношеніе святыхъ вещей и предметовъ: таинствъ, мощей, креста, иконъ и др. всего правильнѣе было бы опредѣлить, какъ *поруганіе* святыни, но — не «оскорбленіе», ибо оскорбить можно только живое и личное существо, поименованныя же святыни по неодухотворенности ихъ, не могутъ быть предметомъ оскорбленія. Но не могутъ быть оскорблены человѣкомъ, по недоступности оскорбленію, и Богъ, Угодники Его и Силы Небесныя. Оскорблены могутъ быть богохуленіемъ и поруганіемъ святыни не Богъ или святые лица и предметы, а вѣрующіе и покланяющіеся имъ люди. Поэтому вообще говорить объ «оскорбленіи святыни» въ ст. 61 неправильно.

Кромѣ объясненнаго несоотвѣтствія терминовъ и спутанности опредѣленій, ст. 61 и 62 содержатъ въ себѣ еще болѣе существенные недостатки.

Въ ст. 61 говорится о хулѣ на славимаго въ Единосущной Троицѣ Бога и непосредственно затѣмъ на Богородицу и на Безплотныхъ Силъ Небесныхъ. Между тѣмъ Богъ и Безплотныя Силы Небесныя не могутъ быть предметомъ хулы человѣческой. Человѣкъ можетъ отрицать само существованіе Божіе или Божественныя Его свойства, какъ то: троичность и единосущіе и др., также онъ можетъ отрицать и существованіе Безплотныхъ Силъ Небесныхъ, но такое отрицаніе будетъ *невѣріемъ*, а не хулою, ибо нельзя хулить, дурно говорить о томъ, чего вовсе нѣтъ, самое существованіе чего отрицается. Признавая же Божество и Безплотныхъ Небесныхъ Силъ, нельзя, при здравомъ, неповрежденномъ умѣ, хулить Ихъ. Такимъ образомъ изъ поименованныхъ въ ст. 61 святыхъ существъ хула можетъ быть отнесена только къ Пресвятой Богородицѣ и къ Св. Угодникамъ. Но въ ст. 61 не упомянуто о хулѣ на Господа Нашего Іисуса Христа, а между тѣмъ Церковь поклоняется Ему не только, какъ второй Ѵпостаси славимаго въ единосущной Троицѣ Бога, но и въ человѣческомъ Его суще-

ствѣ, какъ Богочеловѣку, и именно по своему *человѣчеству*-то Онъ и можетъ стать предметомъ хулы.

Такимъ образомъ, Основоположникъ и Начальникъ нашей вѣры, Тотъ, Кто былъ, и можетъ быть, и есть поносимъ и ругаемъ, не упомянутъ въ ст. 61, а упомянуто То, Что поруганію и поношенію недосягаемо и недоступно.

Правда, по церковному пониманію, всякій грѣхъ, всякое нарушеніе человѣкомъ данныхъ имъ и за него при Св. Крещеніи обѣтовъ есть уже хула на Бога—богохуленіе. Въ этомъ именно смыслѣ сказано Апостоломъ: «Богъ поруганъ не бываетъ». Но не о такомъ богохуленіи, въ смыслѣ вообще грѣховной жизни, говорится въ ст. 61 проекта.

Въ объясненіе ст. 61 проекта можно сослаться на ст. 176 дѣйствующаго Уложенія, въ которой замѣчается тотъ же важный пропускъ, но въ этомъ случаѣ лучше было бы взять за образецъ первую статью Уложенія 1647 г., составленную людьми, которые твердо вѣровали въ Св. Единосущную Троицу и въ Безплотныхъ Силъ Небесныхъ, и, однако же, устанавливая наказаніе за богохульство, не упомянули ни Святой Единосущной Троицы, ни Безплотныхъ Силъ Небесныхъ, а сказали только о хулѣ «на Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа» и «на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію», на честный Крестъ и на Святыхъ Его Угодниковъ.

Таковъ же точно объемъ этого преступленія и въ проектѣ Уголовнаго Уложенія 1813 г. (ст. 112).

Въ той же ст. 61 разсматриваемаго проекта далѣе говорится о поруганіи и поношеніи Св. Таинствъ, Креста, мощей, иконъ «или иныхъ предметовъ, почитаемыхъ православною или вообще христіанскою церковью» священными, Священнаго Писанія и догматовъ церкви православной или «вообще вѣры Христіанской».

Въ ст. 62 — о поношеніи и поруганіи «установленій или обрядовъ церкви православной или вообще вѣры христіанской и предметовъ, освященныхъ употребленіемъ при православномъ или иномъ христіанскомъ богослуженіи», о насмѣшкѣ надъ священными предметами и предметами вѣрованія, поименованными въ ст. 61 (гдѣ сказано «и иныхъ»).

Такимъ образомъ, проектъ угрожаетъ самыми суровыми уголовными наказаніями, вплоть до поселенія и каторги, за поношеніе и поруганіе не только православныхъ и общехристіанскихъ святынь, которыми можно считать только Св. Писаніе и Крестъ, но «и иныхъ», не названныхъ даже предметовъ, почитаемыхъ «вообще христіанскою церковью»; догматовъ, установленій и обрядовъ не только православныхъ, но и «вообще вѣры христіанской»; предметовъ, освященныхъ употребленіемъ при богослуженіи православномъ или «иномъ христіанскомъ».

Но «вообще христіанской церкви» нѣтъ, и нѣтъ предметовъ почитанія и догматовъ, обрядовъ, установленій «вообще христіанской церкви». Есть совокупность отдѣльныхъ христіанскихъ церквей и есть установленія, обряды и догматы, установленные, и предметы, чтимые тою или другою изъ нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ суть общіе всѣмъ или нѣсколькимъ церквамъ, но такихъ немного. Но не разумѣются ли въ ст. 61 и 62 подъ выраженіями «вообще христіанскою церковью», «вообще вѣры христіанской», такіе догматы, обряды, установленія и священные предметы, которые признаются только тою или другою *отдѣльною* христіанскою церковью, тѣмъ или другимъ вѣроисповѣданіемъ, или даже ересью, сектою и толкомъ? — Именно такъ, ибо въ ст. 62 говорится о предметахъ, освященныхъ употребленіемъ при православномъ «или иномъ христіанскомъ богослуженіи».

Но въ такомъ случаѣ дѣйствіе ст. ст. 61 и 62 и слѣдующихъ за ними, опредѣляющихъ кару за богохуленіе и кощунство, будетъ чрезмѣрно широко. Ибо, что такое: поруганіе, поношеніе, насмѣшка и хула? Это всякій неуважительный, насмѣшливый и уничижительный отзывъ о предметѣ или лицѣ. Но многіе изъ догматовъ, установленій и обрядовъ *иныхъ* христіанскихъ церквей признаются нашею Святою Православною Соборною и Апостольскою Церковью и вѣрующими ея членами за богомерзкія и злыя ереси, за нечестивое искаженіе святыхъ божественныхъ установленій, за хулу на Бога; и вотъ такой откровенный отзывъ о нихъ, идущій не отъ изувѣрно настроеннаго чувства, а изъ чистаго вѣрующаго и правдиваго сердца, будетъ признанъ по ст. 61 и 62 богохуленіемъ и кощунствомъ. Въ числѣ предметовъ и мощей, объявляемыхъ иными христіанскими церквами за покланяемые и святые, есть наглыя поддѣлки и трупы людей, ознаменовавшихъ себя разбоемъ, гоненіемъ именно Святой Православной Вѣры и Церкви и мучительствомъ надъ ея вѣрными послѣдователями. Неуважительный отзывъ русскаго православнаго человѣка о лживыхъ догматахъ, мнимо-священныхъ вещахъ и мощахъ,—а онъ и не можетъ быть инымъ,—въ печати и даже въ письмѣ дастъ законное основаніе (по ст. ст. 61, 62 и 65) для ссылки отозвавшагося на каторгу или, по крайней мѣрѣ, на поселеніе за богохульство.

По ст. 64 можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности и посаженъ въ тюрьму каждый православный пастырь, который, по долгу своего священства, станетъ въ проповѣдяхъ разъяснять своей паствѣ и изобличать предъ нею нечестіе той или другой христіанской ереси, по ст. 65 за такое же разъясненіе можетъ быть обвиненъ и сосланъ на поселеніе любой церковный писатель, по ст. 66 можетъ быть посаженъ въ исправительный домъ каждый вѣрующій христіанинъ, который станетъ словами разубѣждать иновѣрца въ его заблужденіяхъ съ цѣлью поколебать его ошибочную вѣру и привести къ вѣрѣ истинной.

Таковы возможныя слѣдствія обобщеній, проистекающихъ изъ желанія уравнять передъ закономъ и судомъ православнаго государства священныя установленія и догматы Единой Святой Православной Церкви съ лжеученіями и непорядками заблуждающихся мнимыхъ церквей, т. е. уравнять истину съ ложью.

Глава вторая проекта, отличаясь чрезвычайною казуистичностью, содержитъ тридцать четыре статьи, большая часть которыхъ состоитъ изъ двухъ, трехъ и четырехъ подраздѣленій. Между тѣмъ, не только иностранные уголовные кодексы исчерпываютъ отдѣлъ религіозныхъ преступленій двумя-тремя статьями, но и въ нашемъ отечествѣ въ то время, когда ревнивѣе и бережнѣе относились къ вѣрѣ, довольствовались значительно меньшимъ количествомъ статей. Въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича глава I «о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ» состоитъ всего изъ девяти статей. Въ проектѣ уголовнаго уложенія 1813 г. глава первая о преступленіяхъ противъ вѣры состоитъ всего изъ 19 коротко и ясно изложенныхъ статей, которыя съ незначительными измѣненіями и съ замѣною указанныхъ въ нихъ наказаній, могли бы быть перенесены въ разсматриваемый нынѣ проектъ, отъ чего и этотъ проектъ и интересы вѣры выиграли бы. Правда и уложеніе Царя Алексѣя и проектъ уголовнаго уложенія 1813 года устанавливаютъ наказанія только за преступленія противъ Православной вѣры, новѣйшій же проектъ распространяетъ понятіе богохуленія и кощунства на проступки противъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, и даже нехристіанскихъ вѣрованій, признанныхъ въ Россіи. Но въ Россіи признаны, т. е. терпятся и магометанство, и язычество, ламаизмъ и шаманство. Однако же,

эта вѣротерпимость православнаго государства не должна доходить до такого безразличія въ отношеніи вѣры, какое полагаетъ ввести въ наше законодательство проектъ уголовнаго уложенія. Не долженъ христіанскій законъ покровительствовать идолослуженію, подводя поношеніе язычества и поруганіе идоловъ подъ общее понятіе богохуленія или кощунства, какъ это дѣлаютъ ст. 69, 70, 73 проекта; да въ этомъ нѣтъ и необходимости, ибо чинная проповѣдь христіанина-миссіонера, хотя бы и съ поношеніемъ идоловъ и языческихъ вѣрованій, и въ молитвенномъ домѣ или собраніи нехристіанъ,—не должна быть преслѣдуема закономъ; всякое же неистовство и безчинство, произведенныя въ собраніи нехристіанъ, могутъ быть наказываемы, не какъ преступленіе противъ вѣры, а какъ простое нарушеніе тишины и спокойствія въ общественномъ мѣстѣ, за что положено въ дѣйствующемъ законѣ и по проекту (231 ст.) то же наказаніе — арестъ, какое предположено и по ст. ст. 69 и 70 проекта. Неудобно также рядомъ съ статьями, запрещающими совращеніе православныхъ въ иное исповѣданіе или иную вѣру и вообще христіанъ въ нехристіанство, устанавливать наказаніе за совращеніе путемъ открытой проповѣди инородцевъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія (sic!) въ другую нехристіанскую вѣру (ст. 81).

Признаннымъ въ Россіи нехристіанскимъ исповѣданіямъ разрѣшено имѣть синагоги, мечети, дацаны и т. п., и раввинамъ, мулламъ и ламамъ не возбранено учительствовать въ нихъ; такое учительство есть не что иное какъ открытое проповѣдываніе, а такъ какъ входъ въ эти собранія для держащихся иныхъ вѣроученій не возбраненъ, то едва ли есть справедливое основаніе и разумная цѣль наказывать проповѣдниковъ магометанъ, евреевъ или буддистовъ за обращеніе въ свою вѣру другъ друга и язычниковъ. Въ православномъ государствѣ всѣ эти нехристіанскія вѣры могутъ быть только терпимы, но не оберегаемы уголовнымъ закономъ.

По приведеннымъ соображеніямъ главу вторую проекта, начиная съ ея заглавія и затѣмъ во всѣхъ ея частяхъ слѣдовало бы передѣлать и притомъ значительно сократить. Общія опредѣленія богохуленія и кощунства, т. е. ст. 61 и 62, слѣдуетъ вовсе исключить, также слѣдуетъ исключить упомянутыя статьи—69, 70 и 73, въ которыхъ разсматриваются какъ оскорбленія святыни или кощунство поношеніе и поруганіе нехристіанскихъ вѣрованій, обрядовъ и предметовъ ихъ культа, а также и ст. 81, преслѣдующую совращеніе нехристіанъ въ нехристіанское вѣрованіе; затѣмъ остальныя статьи главы II слѣдовало бы сократить и измѣнить, принявъ за образецъ главу I части II проекта Уголовнаго Уложенія 1813 г., изложенную стройно, сжато, ясно и достаточно полно. Наконецъ, какъ ни велико преступленіе богохульства, однако же, если отказаться отъ дерзкой мысли защищать уголовными наказаніями отъ оскорбленій Св. Угодниковъ, Безплотныхъ Силъ Небесныхъ и Самого Тріединаго Бога, Который сказалъ: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ», отъ людей же требуетъ *милости*, а не *жертвы* и въ защитѣ ихъ, конечно, не нуждается, то въ преступленіяхъ богохуленія и кощунства слѣдуетъ видѣть лишь оскорбленіе набожнаго чувства вѣрующихъ и соотвѣтственно этому *понизить* предположенныя въ проектѣ ст. ст. 63 и 65 наказанія,—каторгу и ссылку на поселеніе,—установивъ высшимъ наказаніемъ за преступленія противъ вѣры исправительный домъ, ибо оскорбленное богохуленіемъ чувство благочестивыхъ людей едва ли не болѣе будетъ успокоено примѣненіемъ къ виновному менѣе суроваго и ожесточающаго наказанія, нежели каторга и поселеніе.

Въ замѣчаніяхъ на гл. I и II проекта угол. улож. содержались и возраженія противъ смертной казни. Эти возраженія не приводятся здѣсь потому, что они повторены въ статьѣ «Не убій», которая напечатана ниже въ этой же книгѣ.

О мѣстахъ заключенія.

(Справка для Государственнаго Контролера къ засѣданію Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта).

Изъ объясненій Министра Юстиціи (въ засѣданіи 3 мая 1902 г. Особаго Присутствія, обсуждавшаго проектъ Уголовнаго Уложенія), усматривается (стр. 5), что въ настоящее время число и объемъ мѣстъ заключенія *въ общемъ соотвѣтствуетъ числу разнаго вида* содержащихся въ нихъ преступниковъ; и однако же Министерствомъ Юстиціи испрашивается полномочіе приступить къ переустройству мѣстъ заключенія съ цѣлью приспособить одни изъ нихъ (тюрьмы) для постояннаго одиночнаго заключенія, другія (исправительныя тюрьмы и каторгу)—для разобщенія на ночь и на свободное отъ работы время. На эти переустройства и приспособленія, какъ видно изъ тѣхъ же объясненій, требуются огромныя средства, общій размѣръ которыхъ въ настоящее время Министерство Юстиціи не въ состояніи даже приблизительно опредѣлить. Такъ, на исправительные дома Министерство Юстиціи предполагаетъ затратить (стр. 10): а) на устройство новыхъ 1.957 казарменныхъ мѣстъ по 400—500 руб.—всего, слѣдовательно, *до 1 милл.* руб.; б) на переустройство по типу исправительнаго дома для 3.000 мѣстъ по 650—700 р., слѣдовательно, около *2 милл. руб.*, и на возведеніе вновь исправительныхъ домовъ на 4.500 мѣстъ, изъ которыхъ 3.000 съ мастерскими на половинное число—по 800 р. и 1.500 мѣстъ съ мастерскими на все число заключенныхъ—по 1.000 р., слѣдовательно, въ общемъ до *4 милл. руб.*, всего, слѣдовательно, около *7 милл. руб.*

Что же касается собственно тюремъ, то для введенія въ дѣйствіе новаго Уложенія признается необходимымъ (стр. 12) къ теперешнимъ одиночнымъ камерамъ (6.206) путемъ переустройства и возведенія новыхъ тюремъ прибавить еще до 15.400 одиночныхъ келій.

Затѣмъ, изъ объясненій Министерства Юстиціи видно, что стоимость переустройства каторги и арестныхъ домовъ, безъ чего, Министерство признаетъ невозможнымъ завершить вызываемое новымъ Уложеніемъ тюремное преобразованіе, Министерству совершенно въ настоящее время неизвѣстна, а на исправительные дома и тюрьмы теперь уже предвидится имъ расходъ въ 37 милл. рублей; при чемъ—не-

извѣстно, какая именно, но, очевидно, сравнительно незначительная часть этой затраты предположена на постановку въ мѣстахъ заключенія внутреннихъ работъ; весь же остальной расходъ требуется для осуществленія принятой большинствомъ обсуждавшаго проектъ новаго уложенія Присутствія системы: одиночнаго заключенія на все время отбытія наказанія въ тюрьмахъ, и на первое время (до года, съ возможностью продлить до двухъ) въ исправительныхъ домахъ и разобщенія въ этихъ домахъ заключенныхъ не только на ночь, но и на свободное отъ работъ время. (Съ кощунственнымъ приспособленіемъ къ одиночному размѣщенію даже церквей, какъ это видно изъ объясн. къ проекту Угол. Ул. т. I, стр. 133).

До чего обременительны для Государства предполагаемыя траты, объ этомъ можно судить по тому, что Правительство, сознавая крайнюю необходимость заселить обширные сибирскіе пустыри и дать выходъ страдающему отъ малоземелья и безработицы избыточному населенію Европейской Россіи,—въ то же время съ величайшею сдержанностію и, можно сказать, гибельною для людей скупостію даетъ ссуды крестьянскимъ семьямъ въ размѣрѣ 20—30—40 руб. на обзаведеніе въ дикой и суровой странѣ необходимыми жилищами. Такимъ образомъ если Государство настолько бѣдно, что ссуды въ 4—6—10 р. для обзаведенія постояннымъ жилищемъ переселившейся крестьянской души (ибо средняя семья—6 душъ) считаются для государственной казны обременительными, то не будетъ ли безумною расточительностью затрата отъ 400 до 1.000 р., т. е. во сто разъ болѣе на каждое арестантское мѣсто съ цѣлью превращенія его въ каменный гробъ, содержаніе въ которомъ живыхъ людей, хотя бы и преступныхъ, хотя бы временное, есть не что иное, какъ истязаніе и, въ свою очередь, если не съ юридической, то съ нравственной и съ христіанской точки зрѣнія—преступно.

Чтобы ни говорили защитники этой заимствованной изъ-чужи человѣкоубійственной и безбожной системы наказаній, ничего кромѣ народнаго осужденія и проклятій заключенныхъ она государству не дастъ.

Поэтому, пока предположенія составителей проекта Уголовн. Улож. относительно одиночнаго заключенія Высочайшею властью не утверждены, необходимо оспаривать цѣлесообразность предлагаемой системы и предположенныхъ на нее затратъ. Имѣющихся одиночныхъ келій достаточно для содержанія въ нихъ тѣхъ арестованныхъ, которымъ, по ихъ личнымъ особенностямъ или временному настроенію, общее съ другими заключеніе было бы черезчуръ тягостно, и которые сами

просили бы содержать ихъ отдѣльно или разобщать на свободное отъ работъ время. Всѣ же средства, какія могутъ быть изысканы на преобразованіе мѣстъ заключенія, слѣдуетъ обратить: на улучшеніе личнаго состава завѣдывающихъ всякаго рода тюрьмами и на возможно лучшія устройство и постановку всякаго рода работъ въ мѣстахъ заключенія при условіи полезности этихъ работъ вообще и для самихъ заключенныхъ.

Затѣмъ, нельзя не высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ и противъ высказаннаго Министерствомъ Юстиціи предположенія ввести *принудительныя работы для предупрежденія* преступности, т. е. создать вторую каторгу и вторую систему тюремъ для лицъ, виноватыхъ только своей бѣдностью, не совершившихъ еще преступленій, но по соображеніямъ полиціи и «патроновъ»-благотворителей могущихъ ихъ совершить. И въ Англіи, при ея огромныхъ средствахъ, особомъ налогѣ въ пользу бѣдныхъ и широкой самодѣятельности общества и частныхъ лицъ, съ которыми наши средства и состояніе нашихъ общественныхъ силъ не могутъ стать ни въ какое сравненіе,—и тамъ эти благотворительные рабочіе дома (Workhouse) почитаются хуже тюремъ и ненавидимы всѣмъ работоспособнымъ населеніемъ. Дома эти служатъ пристанищемъ только для людей окончательно опустившихся; люди же, сохранившіе сколько-нибудь сознаніе своего человѣческаго достоинства, избѣгаютъ этихъ домовъ, какъ величайшаго несчастія, и множество раскрытыхъ судебными разбирательствами случаевъ свидѣтельствуютъ о томъ, что бѣдняки сознательно предпочитаютъ преступленіе и настоящую тюрьму принудительному труду въ Workhouse'ахъ.

Изложенныя на стр. 737—748 замѣчанія на проектъ Угол. Улож. были сообщены Государственнымъ Контролеромъ П. Л. Лобко особому совѣщанію Государственнаго Совѣта при слѣдующемъ письмѣ на имя предсѣдателя этого совѣщанія статсъ-секретаря д. т. с. Фриша отъ 22 января 1900 г.

М. Г. Эдуардъ Васильевичъ. В. Высокопрев. 2 октября и 21 декабря минувшаго года изволили сообщить Государственному Контролеру выработанные Высочайше учрежденнымъ особымъ при Государственномъ Совѣтѣ совѣщаніемъ, подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, первыя двѣ главы проекта уголовнаго уложенія съ просьбою доставить на нихъ замѣчанія. Замѣчанія на отдѣленіе первое главы первой проекта были сообщены моимъ предмѣстникомъ... не считая, по спеціальности дѣла, полезнымъ личное свое участіе въ разработкѣ проекта уголовнаго уложенія, я поручилъ разсмотрѣніе доставляемыхъ мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ частей сего проекта Генер. Контр. Военной и Морской Отчетности д. ст. сов. Васильеву. Составленныя г. Васильевымъ замѣчанія на первую и вторую главы проекта считаю долгомъ препроводить на благоусмотрѣніе Ваше Высокопревосходительства на тотъ случай, если Вы изволите признать полезнымъ принять ихъ въ соображеніе при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи проекта. Примите, и пр. *Лобко.*

О переселенческой политикѣ.

Особое мнѣніе къ ст. 6 журнала № 137 Подготовительной при Комитетѣ Сибирской жел. дороги Комиссіи *о кредитѣ* по § 7 смѣты фонда вспомогательныхъ предпріятій на 1904 г. *на ссуды переселенцамъ* въ до-Байкальской Сибири.

Переселенческое Управленіе, произведя въ 1902 году подробныя изслѣдованія въ мѣстахъ заселенія, опредѣляетъ стоимость необходимаго переселенцу для того, чтобы онъ могъ прочно осѣсть на отведенномъ ему участкѣ, домообзаводства въ 248 руб. для мѣстностей таежныхъ (не считая расходовъ на продовольствіе еще въ теченіе двухъ лѣтъ,—до перваго урожая), для лѣсныхъ въ 346 и 364 р. и для степныхъ въ 426 и 499 р., и вычитая предполагаемый у переселенцевъ остатокъ ихъ собственныхъ средствъ въ 85 р.—120 р., считаетъ необходимымъ установить на 1904 годъ предѣльные размѣры ссудъ переселенцамъ въ 165 р., 255 р. и 350 руб. на семью, и соотвѣтственно этому, по самому умѣренному расчету ожидаемыхъ изъ зачислившихся на участки къ переселенію и уже переселившихся, но еще не устроившихся семействъ, испрашиваетъ кредитъ на домообзаводственныя ссуды въ 2.930.000 рублей.

Подготовительная же комиссія полагаетъ установить предѣльный размѣръ ссудъ лишь въ 165 р. и отпустить по смѣтѣ 1904 г. на выдачу ссудъ въ до-Байкальской Сибири всего 1.501.000 рублей.

Въ дополненіе къ соображеніямъ моимъ и начальника переселенческаго управленія изложеннымъ на стр. 24—28 журнала подготовительной комиссіи, противъ соображеній, которыми руководствовалась Комиссія въ своихъ заключеніяхъ, считаю долгомъ привести слѣдующія возраженія:

Сущность соображеній Подготовительной Комиссіи.

Заселеніе Сибири должно итти въ соотвѣтствіи съ кредитами, на нее отпускаемыми.

Увеличеніе пособій переселенцамъ можетъ вызвать такое переселенческое движеніе, съ которымъ трудно будетъ справиться.

Удовлетворить всѣ хозяйственныя потребности новосела пособіями изъ казны невозможно и едва ли было бы справедливо, такъ какъ крестьянство въ Европейской Россіи находится въ условіяхъ нерѣдко еще худшихъ. Такъ какъ переселеніе добровольно, то на правительствѣ не лежитъ никакой отвѣтственности ни за неудачи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, ни за обратное возвращеніе изъ Сибири лицъ, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ.

(Журналъ Комиссіи, стр. 32 и 33).

Правительство тогда только будетъ въ состоянiи управлять переселенческимъ движенiемъ и соразмѣрять его съ кредитами, когда выгоды переселенiя съ разрѣшенiя начальства сравнительно съ т. наз. самовольнымъ будутъ для крестьянъ болѣе ощутительны. Теперь же, какъ засвидѣтельствовано на IV Хабаровскомъ съѣздѣ, наиболѣе сообразительные и предпрiимчивые крестьяне предпочитаютъ переселяться безъ разрѣшенiя, такъ какъ огромная потеря времени и средствъ на исходатайствованiе разрѣшенiя и на переѣздъ въ медленно движущихся и лишенныхъ всякихъ удобствъ переселенческихъ поѣздахъ не уравновѣшиваются удешевленнымъ проѣздомъ и правомъ на ту совершенно неопредѣленную по размѣру и въ сущности ничтожную помощь, какая послѣ новыхъ долгихъ мытарствъ дается законнымъ переселенцамъ.

(Извл. изъ Трудовъ IV Хабар. съѣзда, составленн. Канц. Комит. М-овъ стр. 3, 7 и 48).

Размѣры ссудъ, опредѣленные Переселенческимъ Управленiемъ, обнимаютъ собою далеко *не всѣ* хозяйственныя *потребности* новоселовъ, а только такiя, *безъ которыхъ нельзя начать обработку земли и просуществовать* до того времени, пока она дастъ первый урожай. Какъ ни тяжелы условiя крестьянскаго существованiя въ Европейской Россiи, но все же это не дикая пустыня безъ человѣческаго на сотни верстъ жилья, безъ церквей и безъ дорогъ. Дѣвственную сибирскую почву нельзя поднимать и устраивать голыми руками и безъ помощи рабочаго скота.

Собранныя Переселенческимъ Управленiемъ отчетныя данныя показываютъ значительное *въ послѣднiе годы ослабленiе переселенческаго движенiя*: за три года 1900—1902 ожидалось прибытiе 58,600 семействъ, а въ дѣйствительности водворилось лишь 20,377 семействъ. Въ 1903 году въ до-Байкалькую Сибирь ожидалось 13.170 семействъ, а водворилось до 1-го октября всего только 4.132 семейства. (Представленiе Перес. Упр. въ Подгот. Комис. 9 ноября 1903 года № 11.128, стр.32). Въ то же время *процентъ возвращающихся* изъ Сибири неустроившихся тамъ, обезсиленныхъ и разоренныхъ крестьянскихъ семействъ все *увеличивается и достигаетъ* уже, по заявленiю, сдѣланному Начальникомъ Переселенческаго Управленiя въ засѣданiи Подготовительной Комиссiи, 60 на 100. Между тѣмъ въ настоящее время *въ до-Байкальской Сибири имѣется 130.000 ожидающихъ заселенiя свободныхъ душевыхъ долей,* не считая 49.000 долей запасныхъ (Спис. перес. участ. образ. съ 1893 по 1 iюля 1903 года. Изд. Перес. Упр. вып. XIV).

Такое несоотвѣтствiе приготовленныхъ для заселенiя пространствъ съ числомъ дѣйствительно осѣдающихъ на нихъ

переселенцевъ становится совершенно понятнымъ, если обратить вниманіе на то, что изъ осѣвшихъ уже на отведенныя мѣста переселенцевъ въ однѣхъ только безлѣсныхъ мѣстностяхъ Сибири и Степного края *1000 семействъ вовсе не имѣютъ жилищъ, и почти 10.000 семействъ живутъ по нѣсколько лѣтъ во* «временныхъ» жилищахъ, т. е. прикрытыхъ дерномъ *землянкахъ,* во многихъ случаяхъ *представляющихъ собою* въ буквальномъ смыслѣ слова *колодцы*, принимающіе въ себя грунтовую воду. И многія семьи живутъ въ такихъ условіяхъ по 7—8 лѣтъ, перемѣнивъ за это время по 4—5 такихъ быстро разрушающихся жилищъ. Не многимъ лучше постоянныя жилища, устроенныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ кривой и тонкой березы.

Долговременное проживательство въ такихъ жилищахъ не только ведетъ *къ напрасной гибели людей*, но *и къ опустошенію самой природы*, обнажая землю отъ необходимыхъ для защиты почвы древесныхъ порослей и дерноваго покрова (Жилища переселенцевъ безлѣсной части Сибири и Степного края изд. Перес. Упр. 1902 г., стр. 6—8, 18—40). *Только на замѣну этихъ 10.000 совершенно для обитанія человѣка негодныхъ жилищъ требуется, по исчисленію Переленческ. Упр., болѣе 1.000.000 р., и удовлетвореніе этой потребности*, я полагаю, *нельзя растягивать еще на нѣсколько лѣтъ.*

И всѣ эти народныя бѣдствія, сопутствующія заселенію Сибири, происходятъ исключительно отъ нежелающаго считаться съ дѣйствительностью *предвзятаго мнѣнія, что Сибирь должна быть заселяема* добровольными *переселенцами* изъ Европ. Россіи *на собственный ихъ счетъ* лишь при небольшой поддержкѣ отъ казны. Но *ничтожность этой поддержки* еще бодрому и сильному, но обнищавшему уже у себя на родинѣ крестьянству *ведетъ къ тому, что и казна теряетъ непроизводительно значительную долю дѣлаемыхъ ею на переселенческое дѣло затратъ и огромное число переселившихся* въ Сибирь крестьянскихъ семействъ послѣ долгихъ мучительныхъ мытарствъ, *ослабленныя и въ численномъ своемъ составѣ, и имущественно и духовно, возвращаются въ Европ. Россію.* Осѣдающіе же въ Сибири новоселы, какъ засвидѣтельствовано тѣмъ же Хабаровскимъ съѣздомъ, въ первые же годы по водвореніи входятъ въ тяжелые долги и попадаютъ въ такія же кабальныя отношенія, какія заставили ихъ выселиться изъ Евр. Россіи (Тр. IV Хаб. с. стр. 3, 35, 36, 46).

Едва ли такую политику въ дѣлѣ заселенія Сибири можно въ какомъ бы то ни было отношеніи признать бережливою и разсчетливой, и можетъ ли Правительство считать себя безотвѣтственнымъ за причиняемую ею напрасную гибель и средствъ и людей?

Членомъ Г. К. въ Подг. при Ком. Сиб. ж.-д. Комиссіи я былъ болѣе 10 л., съ 1893 г. до ея закрытія, постоянно высказываясь въ ней за болѣе широкую постановку переселенч. дѣла и болѣе дѣятельную помощь переселенцамъ.

Опредѣленіе границъ Нерчинскаго округа вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества.

Изъ журнала № 3 Высочайше учрежденнаго Совѣщанія о поземельномъ устройствѣ населенія Забайкальской области.

(Засѣданія 11 декабря 1898 г. и 8 января 1899 года).

Дѣло, предложенное разсмотрѣнію Совѣщанія, заключается въ слѣдующемъ: Въ дѣйствующемъ законѣ указано, что имѣется особая вотчина Кабинета Его Императорскаго Величества подъ названіемъ «Нерчинской горной округи», причемъ, однако нѣтъ, опредѣленія границъ ея. Въ то же время въ отдѣльныхъ статьяхъ закона, кромѣ приведеннаго выраженія, употребляются термины: «Нерчинскіе заводы», «Нерчинскій горный округъ» и «Нерчинскій округъ». Послѣдній изъ терминовъ можетъ казаться вполнѣ опредѣленнымъ понятіемъ, такъ какъ нынѣ этимъ именемъ называется одно изъ административныхъ дѣленій Забайкалья, а нѣкогда подъ этимъ наименованіемъ былъ извѣстенъ особый административный округъ, сначала Иркутской губерніи и затѣмъ Забайкальской области, впослѣдствіи раздѣленный на отдѣльныя части и состоявшій изъ нынѣшнихъ четырехъ восточныхъ округовъ Забайкалья: Читинскаго, Акшинскаго, Нерчинскаго и Нерчинско-Заводскаго. По разъясненію Предсѣдателя Кабинетъ вслѣдствіе различныхъ, объясняемыхъ исторически причинъ, не имѣлъ до настоящаго времени возможности въ полной мѣрѣ осуществлять свои права въ отдаленной Нерчинской Государевой вотчинѣ. Нынѣ фактически права Кабинета Его Величества на поверхность земель проявляются почти только на пространствѣ трехъ волостей Нерчинско-Заводскаго округа: Дучарской, Александровской и Шилкинской и выражаются въ распоряженіи лѣсами и въ сдачѣ, на особыхъ условіяхъ, земель, въ предѣлахъ дачъ этихъ волостей, въ пользованіе какъ мѣстному крестьянскому населенію, состоящему главнымъ образомъ изъ бывшихъ горнозаводскихъ рабочихъ, такъ и отдѣльнымъ частнымъ лицамъ. Затѣмъ, отношеніе Кабинета къ землямъ какъ Нерчинско-Заводскаго округа, сверхъ указанныхъ волостей, такъ и остальныхъ помянутыхъ выше округовъ Забайкалья: Читинскаго, Акшинскаго и Нерчинскаго выражается нынѣ во взиманіи въ пользу сего учрежденія особой посаженной платы за всѣ золотые пріиски, отводимые на пространствѣ этихъ округовъ частнымъ лицамъ, а равно и въ производствѣ здѣсь въ различныхъ мѣстахъ золотого промысла на средства Кабинета и его непосредственнымъ распоряженіемъ. Въ предѣлахъ названныхъ округовъ живетъ населеніе различныхъ категорій: помимо помянутыхъ уже крестьянъ—бывшихъ горнозаводскихъ рабочихъ, состоящихъ по отношенію Кабинета въ оброчномъ положеніи, здѣсь имѣются крестьяне бывшіе государственные, водворенные въ краѣ въ силу разновременныхъ правительственныхъ распоряженій и платящіе подати въ казну, имѣются казаки, какъ исконные изъ числа бывшихъ пограничныхъ карауловъ и въ свое время надѣленные землями распоряженіемъ Правительства, такъ и обращенные въ казачье сословіе Высочайшею властью изъ бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ; имѣется, наконецъ, инородческое населеніе, «владѣющее», по дѣйствующимъ законамъ, также казенными землями и претендующее въ то же время на занимаемыя имъ земли, какъ на собственныя. Независимо отъ сего, въ пре-

дѣлахъ тѣхъ же округовъ разбросана цѣлая сѣть казенныхъ оброчныхъ статей, существованіе которыхъ здѣсь можно прослѣдить еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, а въ послѣдніе годы образованы и отдѣльныя казенныя лѣсныя дачи. Кромѣ того, въ предѣлахъ вышеназванныхъ округовъ имѣются обширныя пустопорожнія пространства, совершенно не тронутыя культурою и фактически не находящіяся ни въ чьемъ пользованіи.

Видя извлеченіе казною доходовъ изъ земельныхъ имуществъ, находящихся въ предѣлахъ четырехъ восточныхъ округовъ Забайкальской области, гдѣ, по закону, должна находиться Нерчинская Государева вотчина, Кабинетъ Его Величества не могъ не усмотрѣть въ этомъ ущерба для интересовъ Августѣйшаго Собственника, и отсюда возникъ вопросъ о необходимости точнаго опредѣленія границъ означенной вотчины. Озабочиваясь этимъ вопросомъ, Кабинетъ не могъ не обратиться къ изысканію указаній необходимыхъ границъ въ историческихъ документахъ и остановился на мысли, что въ вотчину Государя Императора входятъ всѣ земли четырехъ восточныхъ округовъ Забайкальской области, составлявшихъ когда-то одинъ Нерчинскій административный округъ; что даже вотчина эта, хотя и съ извѣстными, быть можетъ, упущеніями, была отграничена въ натурѣ въ концѣ 40-хъ—началѣ 50-хъ годовъ отъ казенныхъ и иныхъ земель, путемъ провода особой грани между ею и округами Верхнеудинскимъ—Иркутской губерніи и Олекминскимъ—Якутской области, и что проложенныя границы вотчины были нанесены на особый планъ Забайкальской области, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 27 іюля 1856 г. Подлинникъ указаннаго плана сгорѣлъ, по предположеніямъ, во время Иркутскаго пожара въ 1879 году, но въ дѣлопроизводствѣ Кабинета имѣется описаніе нанесенныхъ на него границъ Нерчинскаго округа, которыя Кабинетъ Его Величества и предполагалъ утвердить, какъ границы Нерчинской Государевой вотчины. Дѣло объ утвержденіи этихъ границъ было первоначально разсмотрѣно въ особомъ Совѣщаніи при Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, въ которомъ *представители Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ категорически высказались противъ права собственности Кабинета на большинство земель, включаемыхъ въ помянутыя границы*. Затѣмъ, дѣло это, по Высочайшему повелѣнію благополучно царствующаго Государя Императора, было внесено Министромъ Императорскаго Двора особой запиской, отъ 30 апрѣля 1896 г., въ Комитетъ Министровъ. Во время собранія Комитетомъ отзывовъ со стороны заинтересованныхъ вѣдомствъ и въ виду образованія особаго Совѣщанія о поземельномъ устройствѣ населенія Забайкальской области и тѣсной связи этого дѣла съ вопросомъ, порученнымъ названному Совѣщанію, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть разсмотрѣть настоящее дѣло, предварительно Комитета Министровъ, въ Совѣщаніи.

Въ Совѣщаніи

Представители Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Тайные Совѣтники *Москальскій* (юрисконсультъ М-ва) и *Тихѣевъ* (Директоръ Департамента госуд. земельныхъ имуществъ) послѣ обстоятельныхъ соображеній высказали заключеніе, что величина территоріи, зачисленная Именными указами 1787, 1830 и 1855 годовъ въ Кабинетъ Его Величества, опредѣляется пространствомъ тѣхъ земель, въ предѣлахъ которыхъ не допускается частная золотопромышленность, и почти соотвѣтствуетъ по размѣрамъ — по самому приблизительному, конечно, расчету — той совокупности 70-верстныхъ заводскихъ округовъ, о которыхъ упоминается

въ Инструкціи 1764 года, и совпадаетъ приблизительно съ тѣми землями Нерчинско-Заводскаго округа, гдѣ Кабинетъ Его Величества и нынѣ является фактическимъ владѣльцемъ, если къ нимъ добавить пространства въ настоящее время занимаемыя казаками, но бывшія прежде заводскими.

Если въ статьѣ 1216 Горнаго Устава и говорится, что въ пространство Нерчинской горной округи входятъ и земли, въ смежности Нерчинскихъ горъ лежащія, то такое указаніе не можетъ, конечно, послужить основаніемъ къ включенію въ Нерчинскую горную округу всего Нерчинскаго административнаго округа до Яблоноваго хребта на протяженіи до 500 верстъ, считая отъ р. Шилки при Нерчинскѣ.

Установленіе въ 50-хъ годахъ границъ административнаго округа, указанныхъ на Высочайшее утвержденной, 27 іюля 1856 г., картѣ Забайкальской области, никоимъ образомъ не можетъ быть приравнено вымежеванію Нерчинской дачи, такъ какъ формальнаго судебнаго межеванія въ Забайкальской области по настоящее время не было. Поэтому къ признанію намѣченной въ общихъ чертахъ на картѣ 1856 г. межи установленною въ порядкѣ государственнаго межеванія не усматривается юридическихъ основаній. Это послѣднее доказывалъ и представитель Министерства Юстиціи, Статскій Совѣтникъ Рудинъ.

Представитель Министерства Финансовъ, Статскій Совѣтникъ *Кутлеръ* (въ то время Вице-Директоръ Департамента окладн. сборовъ) заявилъ, что онъ, съ своей стороны, не останавливаясь на томъ или другомъ изъясненіи приводимыхъ по Кабинетскому дѣлу узаконеній, считаетъ лично болѣе соотвѣтственнымъ истинѣ толкованіе этихъ послѣднихъ, даваемое представителями Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, но полагаетъ, что едва ли вообще можно на основаніи имѣющихся по разсматриваемому вопросу законоположеній, при крайней неопредѣленности ихъ редакціи, придти къ какому-либо категорическому рѣшенію относительно какъ объема правъ Кабинета Его Величества на Нерчинскія владѣнія, такъ и ихъ пространства.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, по мнѣнію Статскаго Совѣтника Кутлера, должно бы быть скорѣе поставлено въ связь съ общимъ историческимъ ходомъ развитія Кабинетскаго дѣла въ Забайкальской области и въ зависимости отъ современнаго фактическаго положенія въ ней землепользованія.

Руководствуясь указанной точкой зрѣнія, представитель Министерства Финансовъ приходилъ къ заключенію, что въ предѣлахъ бывшаго Нерчинскаго округа право поземельной собственности для кабинета Его Величества создавалось не въ силу какихъ-либо законодательныхъ актовъ, но какъ бы само собой, въ связи съ принадлежащей ему здѣсь горной регаліей, причемъ наряду съ этимъ образованіемъ Кабинетскихъ владѣній въ указанномъ районѣ изстари развивали свою сельскохозяйственную дѣятельность и пользовались землями отдѣльные, не зависѣвшіе отъ Кабинета Его Величества, разряды населенія—инородцы, казаки и крестьяне.

Такимъ образомъ, если не можетъ быть оспариваемо право Кабинета Его Величества на поземельную, въ тѣхъ или иныхъ границахъ, собственность въ Нерчинскомъ краѣ, то во всякомъ случаѣ нельзя не признавать и за указанными тремя группами жителей права на земельное довольствіе въ предѣлахъ этой же части Забайкалья. Соблюденіе интересовъ обѣихъ сторонъ могло бы быть достигнуто, по мнѣнію Статскаго Совѣтника Кутлера, путемъ предоставленія Кабинету Его Величества всѣхъ свободныхъ пространствъ, имѣющихъ остаться въ восточномъ Забайкальѣ, по надѣленіи всего сельскаго населенія этой части края землею въ такой мѣрѣ,

какая будетъ установлена настоящимъ Совѣщаніемъ,—при условіи: а) сохраненія за Кабинетомъ Его Величества поступленія ясака съ мѣстныхъ инородцевъ, причемъ, въ случаѣ измѣненія правового состоянія этихъ послѣднихъ, эта подать должна быть замѣнена соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ Кабинета Его Величества, и б) оставленія за этимъ послѣднимъ права взиманія въ свою пользу опредѣленныхъ уставными грамотами денежныхъ сборовъ съ населенія 3-хъ волостей бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ. Бывшихъ же государственныхъ крестьянъ, до сего времени обложенныхъ въ пользу казны, а также казаковъ, условія обезпеченія которыхъ землею точно опредѣлены законами, казалось бы, слѣдуетъ оставить на прежнемъ положеніи. *Если бы Кабинетъ Его Величества пошелъ на подобнаго рода соглашеніе, то, по мнѣнію Статскаго Совѣтника Кутлера, не было бы необходимости и въ затруднительномъ отысканіи твердыхъ доказательствъ правъ его учрежденія на тѣ или другія земли въ Нерчинскомъ краѣ.*

Считая и съ своей стороны соглашеніе по вопросу объ опредѣленіи границъ Кабинетскихъ владѣній въ Забайкальской области весьма удобнымъ выходомъ для разрѣшенія крайне запутаннаго вопроса, имѣющаго своею задачею, въ концѣ концовъ, примиреніе практическихъ выгодъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, Предсѣдатель Совѣщанія Статсъ-Секретарь Куломзинъ считалъ вполнѣ правильнымъ придерживаться въ данномъ дѣлѣ направленія, указаннаго Статсъ-Секретаремъ Селифонтовымъ по вопросу объ опредѣленіи объема и характера правъ Государя на Нерчинскій край, а именно, что названный край долженъ быть разсматриваемъ, какъ вотчинная дача, но не единственнаго Государева владѣнія, а общаго съ припущеннымъ въ нее съ Высочайшаго разрѣшенія мѣстнымъ населеніемъ. Это послѣднее, по мнѣнію Предсѣдателя Совѣщанія, имѣетъ всѣ права на надѣленіе землей въ предѣлахъ указанной вотчины. Изъ этого именно права населенія на земельное обезпеченіе въ границахъ Нерчинскаго края и вытекаетъ необходимость уже детальнаго соглашенія между Кабинетомъ Его Величества, какъ представителемъ вотчинныхъ правъ Государя въ краѣ, съ одной стороны, и заинтересованными казенными вѣдомствами, какъ представителями общегосударственныхъ интересовъ,—съ другой.

Съ своей стороны *представитель Государственнаго Контроля*, Генералъ-Контролеръ Военной и Морской отчетности, Д. С. С. *Васильевъ* высказалъ, что Высочайшее повелѣніе 3 Февраля 1897 г. обязываетъ войти въ подробное разсмотрѣніе постановленій закона, относящихся до земель кабинета Его Величества въ Нерчинскомъ краѣ, и добытыхъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ данныхъ относительно дѣйствительныхъ условій и пространства землепользованія Кабинета, казны и разныхъ группъ населенія въ томъ краѣ, и—лишь исходя изъ этихъ основаній — опредѣлить границы владѣній Кабинета. Основаніями вотчинныхъ его правъ въ Забайкальѣ только и могутъ быть или велѣнія Верховной Власти, объявляющія тѣ или другія государственныя земли частною собственностью Монарха, или дѣйствительное ими пользованіе Кабинетомъ на правахъ собственника. Въ первомъ отношеніи, раздѣляя соображенія, высказанныя

представителями Министерствъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Васильевъ полагаетъ, что границы вотчинныхъ правъ Кабинета Его Величества на Нерчинскія земли опредѣлены въ статьяхъ 1216 и 1237 Горнаго устава, и раздвигать владѣнія Кабинета за эти границы, т. е. за предѣлы Нерчинской горной округи и тѣхъ земель въ батальонныхъ округахъ Забайкальскаго казачьяго войска, въ которыхъ есть или откроется добыча золота и драгоцѣнныхъ камней, — нѣтъ законныхъ основаній. Что касается данныхъ о дѣйствительномъ землепользованіи Кабинета въ Нерчинскомъ округѣ, то онѣ приводятъ къ заключенію, что это землепользованіе обусловливалось исключительно потребностями горнаго промысла, и также не даютъ основанія къ тому, чтобы всѣ свободныя и пустопорожнія земли, лежащія и за предѣлами Нерчинской горной округи въ границахъ бывшаго Нерчинскаго уѣзда, признать собственностью Кабинета, ибо по закону (ст. 406 т. X, ч. I) всѣ такія, никому въ особенности не принадлежащія земли, принадлежатъ къ составу государственныхъ имуществъ. Одинаковое съ симъ заключеніе высказалъ и военный губернаторъ Забайкальской области въ представленіи Приамурскому Генералъ-Губернатору отъ 19 Ноября 1896 г. за № 1491, и это заключеніе начальника области, подробно выясняющее и юридическую и фактическую сторону дѣла, казалось бы, не можетъ быть отвергнуто Совѣщаніемъ безъ предварительнаго обсужденія всѣхъ соображеній Генералъ-Маіора Маціевскаго; къ подробному разсмотрѣнію его записки и слѣдовало бы перейти.

Что же касается до разрѣшенія вопроса путемъ предлагаемаго соглашенія, то въ этомъ отношеніи представитель Государственнаго Контроля не можетъ не высказать сомнѣнія, въ правѣ ли Совѣщаніе прибѣгнуть къ такому способу разрѣшенія дѣла, который не предуказанъ Высочайшею волею.

Останавливаясь на этомъ мнѣніи Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Васильева, Предсѣдатель, къ которому присоединились и остальные члены Совѣщанія, признавалъ совершенно излишнимъ детальное разсмотрѣніе помянутаго рапорта Военнаго Губернатора, такъ какъ, по единогласному мнѣнію всѣхъ присутствующихъ, въ запискѣ этой не имѣется никакихъ данныхъ, которыя не находились бы въ распоряженіи представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, но въ ней общеизвѣстнымъ фактамъ только придано нѣсколько иное освѣщеніе, на которое, конечно, не можетъ послѣдовать общаго согласія, въ виду вполнѣ выяснившихся, прямо противоположныхъ, точекъ зрѣнія.

Изъ заключенія Совѣщанія.

Считая за всѣмъ вышеизложеннымъ вопросъ о границахъ Нерчинскаго округа вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества исчерпаннымъ, Совѣщаніе о поземельномъ устройствѣ населенія Забайкальской области, представляя всѣ соображенія, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 3 февраля 1897 года, на уваженіе Комитета Министровъ, на основаніи общей совокупности сужденій, полагаетъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе ст. ст. 1216—1245 Уст. Горн. (Свод. Зак., т. VII, изд. 1893 г.) постановить:

1) Выраженія: «Нерчинская горная округа», «Нерчинскій горный округъ», «Нерчинскій округъ» и «Нерчинскіе заводы» считаются впредь тождественными и соотвѣтствуютъ наименованію «Нерчинскій округъ вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества». 2). Нерчинскій округъ вѣдомства Кабинета Его Импраторскаго Величества составляютъ четыре восточныхъ административныхъ округа Забайкальской области: Читинскій, Акшинскій, Нерчинскій и Нерчинско-Заводскій, съ входящими въ границы ихъ землями Верхнеудинскаго округа и Амурскимъ участкомъ (прим. къ ст. 421 сего Устава).... 3) Земли въ предѣлахъ Нерчинскаго округа вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества, предоставленныя и подлежащія отводу (отд. II) въ постоянное пользованіе крестьянскаго и инородческаго населенія и во владѣніе Забайкальскаго казачьяго войска, а равно состоящія во временномъ пользованіи кочевыхъ инородцевъ, а также и выдѣленныя подъ различныя казенныя устройства, считаются казенными, но Кабинету Его Императорскаго Величества принадлежитъ право на благородные металлы и драгоцѣнные камни, заключающіеся въ нѣдрахъ сихъ земель.

II. Произвести распоряженіемъ Правительства: а) надѣленіе крестьянскаго, ссыльно-поселенческаго и инородческаго населенія, а равно и Забайкальскаго казачьяго войска въ предѣлахъ Нерчинскаго округа вѣдомства Кабинета Его И. В. земельными, лѣсными и иными угодьями, на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны для сего Особымъ Совѣщаніемъ о позем. устр. нас. Забайк. обл. и утверждены въ установленномъ порядкѣ.... и б) отводъ находящимся въ названномъ округѣ городамъ выгонныхъ земель, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній.

III. Испросить Высочайшее соизволеніе:

2) на передачу въ собственность Кабинета Его Величества находящихся въ предѣлахъ названнаго округа казенно-оброчныхъ статей и казенныхъ лѣсныхъ дачъ, за исключеніемъ предназначенныхъ для постройки и правильной эксплоатаціи Забайкальской желѣзной дороги и вѣтви отъ нея къ китайской границѣ, согласно расцѣночнымъ вѣдомостямъ этихъ линій;

и 5) на сохраненіе за Кабинетомъ Его Императорскаго Величества при землеустройствѣ (ст. II сего Пол.) населенія Нерчинскаго округа, эксплоатируемыхъ нынѣ Кабинетомъ въ цѣляхъ горнаго промысла земельныхъ, лѣсныхъ и водяныхъ угодій, необходимыхъ для производства горныхъ работъ.

Изъ подписавшихъ это заключеніе 25 членовъ Совѣщанія представитель Государственнаго Контроля Аѳ. Васильевъ остался при особомъ мнѣніи.

Особое мнѣніе къ журналу Совѣщанія.

Въ развитіе своего мнѣнія, изложеннаго на стр. 25—26 журнала Совѣщанія, (см. выше стр. 758) имѣю честь представить слѣдующія соображенія:

Для опредѣленія границъ вотчинныхъ владѣній Кабинета Его Императорскаго Величества представляется неизбѣжнымъ руководиться законами 5 Марта 1764 г. и 3 Ноября 1863 г., такъ какъ во весь промежутокъ времени между этими двумя актами, въ теченіе почти ста лѣтъ, не было издано ни одного Высочайшаго повелѣнія, которымъ бы, прямо или косвенно, опредѣлялись или видоизмѣнялись предѣлы Нерчинскихъ вотчинныхъ владѣній Кабинета.

Законъ 5 Марта 1764 г., ставя цѣлью учрежденія особаго управленія Нерчинскими заводами умноженіе сокровищъ, получаемыхъ изъ нѣдръ земли, намѣтилъ черту вотчинныхъ владѣній заводовъ, ограничивая ихъ заводскими землями, и требовалъ образованія изъ всѣхъ этихъ земель особой округи. Помимо этихъ заводскихъ земель, въ число вотчинныхъ владѣній Кабинета могли входить: 1) земли, отведенныя приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ, поселяемымъ какъ на заводскихъ, такъ и на смежныхъ съ ними земляхъ, съ цѣлью развитія хлѣбопашества для прокормленія горнозаводскаго населенія; 2) лѣса исключительно для надобностей горнозаводскаго дѣла, и 3) тѣ земли, на которыхъ частными промышленниками за чертою заводскихъ округъ производился горный промыселъ.

Слѣдуя этимъ указаніямъ закона 5 Марта 1764 г. и предстоитъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) была ли образована Нерчинская горная округа, требуемая закономъ 1764 г.; 2) не встрѣчаются ли за предѣлами этой округи вотчинныя земли Кабинета, отведенныя крестьянамъ; 3) сохранилъ ли Кабинетъ за собою право собственности, за предѣлами этой округи, на всѣ свободныя земли, на которыхъ открытъ горный промыселъ, и 4) на какое пространство лѣсовъ Кабинетъ можетъ простирать право собственности.

1) Была ли до 1863 г. образована требуемая закономъ 5 Марта 1764 г. особая округа (ближнія земли, горы, кои около Нерчинскихъ заводовъ въ 70-верстномъ разстояніи состоятъ), остается неизвѣстнымъ, но слѣдуетъ предполагать, что такой округи образовано не было, такъ какъ ни въ законахъ 1830 и 1855 гг. о передачѣ Нерчинскихъ заводовъ изъ одного вѣдомства въ другое, ни въ другихъ узаконеніяхъ «Нерчинская горная округа» не упоминается, а говорится лишь о Нерчинскихъ сереброплавильныхъ заводахъ и о приписанныхъ къ нимъ земляхъ или о заводскихъ округахъ. Образованію особой округи, повидимому, мѣшала черезполосность заводскихъ владѣній съ владѣніями инородцевъ, старожиловъ и другихъ туземцевъ, поселившихся въ этихъ мѣстностяхъ ранѣе, что подтверждается напр. обращеніемъ Нерчинскаго горнозаводскаго начальства въ 1818, 1836 и 1839 годахъ съ ходатайствомъ о припискѣ къ заводамъ части крестьянъ губернскаго вѣдомства какъ для усиленія числа рабочихъ, такъ и для избѣжанія черезполосности владѣній Кабинета.

Съ изданіемъ закона 3 Ноября 1863 г., образованіе Нерчинской горной округи, требуемое закономъ 5 Марта 1764 г., слѣдуетъ считать осуществившимся, считая за горную округу ту сѣверо-восточную часть Нерчинско-заводскаго округа, въ границахъ опредѣленныхъ тѣмъ же закономъ, въ которой сосредоточены всѣ сплошь лежащія вотчинныя земли Кабинета: заводскія округи, Кабинетскія золотыя розсыпи и земли, отведенныя въ надѣлъ хлѣбопашцамъ.

Отличительнымъ признакомъ той Нерчинской горной округи, которую закономъ 1764 г. повелѣвалось образовать, служило запрещеніе въ предѣлахъ этой округи частной горнопромышленности *), почему образованную въ 1863 г. особую округу, съ тѣмъ же самымъ отличительнымъ признакомъ, расположенную къ тому же въ границахъ заводскихъ округъ 1764 г. и смежныхъ съ ними земель и сосредоточивающую въ себѣ всѣ въ смежности лежащія вотчинныя земли Кабинета, и слѣдуетъ считать тою Нерчинскою горною округою, о которой говорится въ Сводѣ Законовъ.

2) За предѣлами Нерчинской горной округи въ границахъ, опредѣленныхъ закономъ 1863 г., принадлежащихъ Кабинету земель, отведенныхъ въ надѣлъ хлѣбопашцамъ, нынѣ не имѣется, такъ какъ земли бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, лежащія за предѣлами этой округи, доходившія до Яблоноваго хребта, въ 1851 г. **) переданы во владѣніе Забайкальскаго казачьяго войска, взамѣнъ которыхъ Кабинету Его Императорскаго Величества въ 1863 г. предоставлено право распоряженія участкомъ земли Амурскаго края, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Кабинетъ считалъ себя окончательно удовлетвореннымъ за отошедшихъ изъ его вѣдѣнія горнозаводскихъ крестьянъ. ***).

3) Исключительное право Кабинета на всѣ вообще разрабатываемыя съ горнопромышленными цѣлями земли, лежащія внѣ Нерчинской горной округи, со времени изданія закона 3 Ноября 1863 г., слѣдуетъ считать отмѣненнымъ.

Право собственности Кабинета на горнозаводскія земли за предѣлами округи сохранено лишь за тѣми изъ нихъ, которыя были заняты Кабинетомъ до 1863 г. и особо поименованы въ законѣ 3 Ноября, а именно: Бальджинскій промыселъ и нѣкоторые туне лежащіе ****) пріиски, особо обмежеванные. Въ отношеніи же остальныхъ земель законъ 3 Ноября 1863 г. сохранилъ за Кабинетомъ Его Императорскаго Величества лишь право, буде Кабинетъ признаетъ впослѣдствіи полезнымъ, искать, развѣдывать и разрабатывать золотые пріиски на пространствѣ, предоставленномъ частнымъ золотопромышленникамъ, но безъ стѣсненія послѣднихъ и безъ всякаго предъ ними преимущества.

Подчиненіе Кабинета общимъ правиламъ, установленнымъ для частной золотопромышленности, налагаетъ на него между прочими и обязанность приступать къ развѣдкѣ и разработкѣ пріисковъ не иначе, какъ съ согласія владѣльцевъ земли, а на земляхъ, никому въ особенности не принадлежащихъ, съ разрѣшенія казны *****).

Расширеніе частной золотопромышленности было вызвано государственными соображеніями, а именно заботами объ усиленіи добычи золота, что видно изъ переписки Министерствъ Императорскаго Двора и Финансовъ, предшествующей изданію закона 1863 г. ******), и послѣдовавшее въ силу этого закона ограниченіе правъ Кабинета на разрабатываемыя золотоносныя земли, внѣ предѣловъ Нерчинской горной округи и земельныхъ участковъ,

---

*) Предоставленіе, по закону 1764 г., денежной награды тому, кто въ предѣлахъ округи найдетъ новый рудникъ, нельзя считать за дозволеніе частной горнопромышленности.

**) 21 Іюня 1851 г. П. С. З. № 25234.

***) 9 Февраля 1863 г. П. С. З. № 39271,

****) Границы этой мѣстности опредѣлены закономъ 30 Декабря 1895 г. собр. узак. 1896 г. ст. 27.

*****) Ст. 406 т. X ч. 1.

******) См. матеріалы коммисіи для изслѣдованія Забайкальской области (выпускъ 5, стр. 295).

особо въ законѣ оговоренныхъ, было возмѣщено Кабинету со стороны казны, посредствомъ предоставленія въ доходъ Кабинета горной подати съ золота *), добываемаго не только въ предѣлахъ Нерчинскаго горнаго округа, но и въ смежныхъ съ нимъ округахъ Забайкальской области.

Такимъ образомъ, предоставленному Кабинету закономъ 1764 г. праву увеличивать свои вотчинныя владѣнія за границами Нерчинской горной округи на счетъ свободныхъ земель по мѣрѣ обращенія ихъ въ горные промыслы закономъ 1863 г. положенъ предѣлъ.

Если же, не смотря на такое ясно выраженное закономъ 3 Ноября 1863 г. ограниченіе правъ Кабинета на земли, отведенныя подъ золотые пріиски въ районѣ, открытомъ для частной промышленности, окружные инженеры вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ стали взимать и взимаютъ въ доходъ Кабинета посаженную плату **), со всѣхъ частныхъ пріисковъ, открытыхъ съ 1863 г. въ предѣлахъ Нерчинско-Заводскаго, Нерчинскаго, Читинскаго и Акшинскаго округовъ, тогда какъ эту плату законъ установилъ взимать лишь съ земель, принадлежащихъ Кабинету, то фактъ взиманія посаженной съ этихъ пріисковъ платы не можетъ, однако, служить основаніемъ для признанія правъ собственности Кабинета на эти земли, такъ какъ взиманіе посаженной платы, какъ вытекающее изъ права собственности, не можетъ, въ свою очередь, служить основаніемъ права собственности, и если, какъ справедливо выразился Министръ Финансовъ, возникаетъ сомнѣніе въ правѣ собственности, то подвергается сомнѣнію и право на взиманіе посаженной платы.

Военный Губернаторъ Забайкальской области, указывая, что въ Нерчинскомъ, Читинскомъ и Акшинскомъ округахъ казна взимаетъ въ свою пользу арендную плату съ казенно-оброчныхъ статей ***), взиманіе посаженной платы за пріиски въ пользу Кабинета объясняетъ неопредѣленностью землевладѣнія и владѣнныхъ правъ и крайнею трудностью для Иркутскаго горнаго управленія, стоящаго въ сторонѣ отъ мѣстнаго областнаго управленія, разобраться въ вопросахъ о принадлежности земли, отводимой подъ пріиски.

Предѣлъ, положенный закономъ 3 Ноября 1863 г. дальнѣйшему распространенію вотчинныхъ правъ Кабинета на свободныя земли, занятыя подъ горные промыслы, является, въ дѣйствительности, лишь узаконеніемъ фактическаго положенія, такъ какъ Кабинетъ, не осуществляя въ теченіе столѣтія своихъ правъ на свободныя земли, ко времени изданія закона 1863 г. фактически ими не пользовался, а по закону ****) земли, Высочайше пожалованныя или дарованныя на условіяхъ населенія или для хозяйственныхъ цѣлей, не прежде, какъ по исполненіи сихъ условій, составляютъ полную собственность владѣльцевъ.

4) Въ законѣ 5 Марта 1764 г. указанія о лѣсахъ помѣщены въ двухъ мѣстахъ, а именно: 1) въ Высочайшей резолюціи къ ст. 14 и 2) въ ст. 26.

Въ резолюціи Императрицы Екатерины II сказано: Рудникамъ, лѣсамъ и прочему, что до того принадлежитъ, сдѣлать обстоятельныя карты и прислать въ Сенатъ и въ Бергъ-Коллегію.

Въ ст. 26 изложено: А понеже весьма нужно есть сбереженіе лѣсовъ имѣть, дабы какъ ямы, такъ и плавильные заводы безъ всякаго оскудѣнія

---

*) Доставляющей въ доходъ Кабинета ежегодно не менѣе 300.000 р.

**) По свѣдѣніямъ Горнаго Департамента за 1897 г. въ доходъ Кабинета было исчислено посаженной платы съ пріисковъ 33.165 р. 38 к.

***) Числомъ 187 къ 1894 году.

****) Ст. 938 т. X ч. 1.

были: того ради, какимъ образомъ сначала въ Россіи горнаго производства въ томъ поступано было, и чтобъ то нынѣ имѣть, о томъ посланнымъ въ Бергъ-Коллегію указомъ велѣно, съ поданной въ Правительствующій Сенатъ изъ той Коллегіи при доношеніи выписки вамъ копію, почему и вамъ въ сбереженіи и содержаніи тѣхъ лѣсовъ непремѣнно поступать должно, какъ въ той выпискѣ и въ посланномъ изъ Сената къ вамъ отъ 18 Августа сего года указѣ показано.

Смыслъ приведенныхъ выдержекъ указываетъ, во 1-хъ, что Императрица Екатерина II причисляла лѣса къ заводскому имуществу и, во 2-хъ, что лѣса предназначались исключительно для надобностей горнозаводскаго дѣла.

На такую же служебную роль лѣсовъ встрѣчается указаніе и въ значительно позднѣйшемъ узаконеніи, а именно въ законѣ 21 Іюня 1851 г. объ образованіи пѣшихъ баталіоновъ Забайкальскаго казачьяго войска, въ ст. 50 котораго говорится, что во владѣніе войска передаются земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, за исключеніемъ лѣсовъ, необходимыхъ для дѣйствія заводовъ.

Но ни въ законахъ 1764 и 1851 гг., ни въ другихъ узаконеніяхъ, нигдѣ не опредѣляется площадь или границы лѣсныхъ пространствъ, принадлежащихъ Кабинету Его Императорскаго Величества.

Кабинетъ *), ссылаясь на отчетъ полковника Озерскаго, бывшаго въ 1853 г. предсѣдателемъ Коммисіи для изслѣдованія Нерчинскихъ рудныхъ мѣсторожденій, утверждаетъ, что лѣсныя пространства, составлявшія въ то время собственность Кабинета, занимали площадь въ 113,214 кв. верстъ.

Но, дѣлая означенную ссылку, Кабинетъ не приводитъ весьма существенной оговорки, сдѣланной въ отчетѣ полковника Озерскаго, что лѣса, занимая площадь въ 113,214 кв. верстъ, не представляютъ одной сплошной и непрерывной массы, но пересѣкаются падями, возвышенностями и цѣлыми болѣе или менѣе значительными площадями, совершенно безлѣсными.

По разсмотрѣніи же подробнаго исчисленія, составляющаго приложеніе къ отчету полковника Озерскаго **), общая площадь лѣсного пространства опредѣляется не въ 113,214 кв. верстъ, а въ 115,526½ кв. верстъ; въ томъ числѣ: земель 68,791½ кв. верстъ и лѣсовъ собственно 46,635 кв. верстъ; но изъ этого пространства лѣсовъ 33.139 кв. верстъ находятся въ предѣлахъ сѣверо-восточной части Нерчинско-заводскаго округа и только остальныя 13,496 кв. верстъ за предѣлами этого района.

Въ видахъ нагляднаго удостовѣренія, что площадь лѣсовъ въ 33,139 кв. верстъ, по исчисленію 1853 г., находится въ границахъ горнозаводскихъ дачъ Кабинета, приводится дословно исчисленіе площади всего лѣснаго пространства.

Площадь лѣсного пространства въ квадратныхъ верстахъ:

	Земли.	Лѣсовъ.
По теченію рр. Ингоды и Шилки отъ Домноключевской рѣчки до Читы	6,342	3,578
До Городища	6,892	5,380
» Бянкиной	5,232	4,538
» Бянкиной	2,993	2,528
» Шилкинскаго завода	3,889½	3,231
» Горбицы	948½	716½

*) Представленіе Министерства Императорскаго Двора отъ 30 Апрѣля 1896 г. за № 5819.

**) См. матеріалы Коммисіи для изслѣдованія Забайкальской области (выпускъ 5, стр. 260).

	Земли.	Лѣсовъ.
Правая сторона по Шилкѣ отъ Бянкиной до границы къ Китаю	2,854½	582½
Отъ водораздѣла Шилки съ Аргунью на югъ по системамъ рр. Газимура, Борзямъ и Урова. . .	39,760	26,351
Всего. . . .	68,791½ +	46,635 =

115,526½ кв. верстъ *).

Сдѣланныя въ исчисленіи указанія на мѣстонахожденіе лѣсовъ удостовѣряютъ, что къ числу лѣсныхъ пространствъ, расположенныхъ внѣ Нерчинской округи, могутъ быть отнесены только лѣса, расположенные по р. Ингодѣ, отъ Домноключевской до Читы (3,578 кв. верстъ) и по р. Шилкѣ, отъ Читы до Городища и отъ Городища до Бянкиной (9,918 кв. верстъ), всего 13.496 кв. верстъ; остальное же все пространство, начиная отъ Бянкиной (лежащей по р. Шилкѣ выше Нерчинска), находится въ предѣлахъ Нерчинской горной округи, т. е. въ сѣверо-восточной части Нерчинско-заводскаго округа.

По остальнымъ свѣдѣніямъ, приводимымъ Кабинетомъ, а именно, по свѣдѣніямъ Генералъ-Губернатора Лавинскаго за 1828—1829 г.г. и въ исчисленіи горнозаводскихъ дачъ по съемкѣ 1862 г. о лѣсахъ, лежащихъ внѣ заводскихъ округъ, никакихъ указаній не имѣется; количество же лѣсовъ въ предѣлахъ заводскихъ округъ по свѣдѣніямъ за 1828—1829 г.г. показано въ 11,678 кв. верстъ, и сверхъ того неизвѣстное пространство лѣсовъ **) при Кличкинской и Култуминской горныхъ дистанціяхъ; по межеванію же 1862 г. ***) всего въ заводскихъ округахъ находилось лѣсовъ 4,162 кв. верстъ.

Сопоставленіе между собою данныхъ о количествѣ лѣсовъ въ предѣлахъ Нерчинской горной округи, по которымъ числилось лѣсовъ: въ 1828 г. около 13,000, въ 1853 г.—33,000 и въ 1862 г. только 4,000 кв. верстъ, подрываетъ вообще довѣріе къ точности данныхъ о лѣсахъ. Тѣмъ не менѣе, указаніе въ отчетѣ полковника Озерскаго мѣстонахожденія лѣсовъ, принадлежащихъ Кабинету за предѣлами Нерчинской горной округи, даетъ возможность путемъ мѣстнаго изслѣдованія этого пространства, по р. Ингодѣ до Читы, и по р. Шилкѣ, отъ Читы до Бянкиной, а также, путемъ ознакомленія съ межевыми и другими документальными данными, выяснить права Кабинета Его Императорскаго Величества на это пространство.

На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя не придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что пространство вотчинныхъ владѣній Кабинета Его Императорскаго Величества въ Нерчинскомъ горномъ округѣ, за исключеніемъ лѣсовъ, точно опредѣлено закономъ 3 Ноября 1863 г., заключая въ себѣ тѣ мѣстности, въ которыхъ воспрещена частная золотопромышленность;

2) что за предѣлами этихъ мѣстностей Кабинетъ не имѣетъ вотчинныхъ правъ на свободныя земли вообще и на горнопромышленныя въ частности;

и 3) что права Кабинета на лѣсныя пространства за предѣлами мѣстностей, указанныхъ въ п. 1, подлежатъ выясненію.

Подписалъ: *Аѳ. Васильевъ.*

---

*) Изъ 2-го примѣчанія къ этому исчисленію видно, что въ пространствѣ лѣсной площади, показанной въ отчетѣ полковника Озерскаго въ 113,214 кв. верстъ входило 46.635 кв. верстъ лѣсовъ и 66,579 кв. верстъ, находившихся въ пустошахъ.

**) Опредѣленное по межеванію 1862 г. въ 44,505 дес. или 427 кв. верстъ.

***) Рапортъ Начальника Нерчинскаго горнаго округа 18 Апрѣля 1884 г.

Въ представленіи по этому дѣлу Комитету Министровъ (15 марта 1899 г., № 134), Статсъ-Секретарь Куломзинъ находилъ возможнымъ не входить въ подробныя объясненія по существу дѣла въ виду того, что оно вполнѣ освѣщено соображеніями Совѣщанія, но такъ какъ съ заключеніемъ Совѣщанія не согласился представитель Государственнаго Контроля, то по поводу особаго его мнѣнія въ представленіи высказано слѣдующее:

Какъ видно изъ изложеннаго дѣла, вопросъ о границахъ Нерчинскаго округа вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества представляется настолько сложнымъ, что какъ въ образованномъ въ 1895 г. Совѣщаніи при Кабинетѣ Его Величества, такъ и послѣдовавшими, по журналу Комитета Министровъ отъ 20 мая 1896 г., отзывами Министерствъ не было установлено единогласнаго о сихъ границахъ мнѣнія. Большинство отзывовъ прямо указывало на недостаточность юридическихъ оснований для установленія предѣловъ Нерчинской вотчины Государя Императора и склонялось къ выясненію вопроса путемъ детальнаго изученія его на мѣстѣ въ связи съ опредѣленіемъ поземельныхъ правъ забайкальскаго населенія. Несмотря на обиліе матеріаловъ, собранныхъ мѣстною Комиссіею и всесторонне освѣтившихъ вопросъ, Совѣщаніе не могло прійти къ единогласному заключенію, на основаніи юридическихъ указаній.

При подобномъ положеніи вещей Совѣщанію приходилось или представить въ Кабинетъ Министровъ простой перечень разномыслій или же попытаться установить практическія основанія для соглашенія интересовъ заинтересованныхъ вѣдомствъ при опредѣленіи пространства поземельной собственности Кабинета Его Величества въ Нерчинскомъ краѣ. Совѣщаніе избрало второй путь.

Дѣйствительный же Статскій Совѣтникъ Васильевъ находитъ, что настоящій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на юридической почвѣ, и, опираясь на законъ 1863 г. о частной золотопромышленности, признаетъ за Кабинетомъ Его Величества право собственности только на восточную половину бывшаго Нерчинскаго округа, а именно на ту его часть, гдѣ, въ силу приведеннаго закона, запрещена частная золотопромышленность. Такимъ образомъ представитель Государственнаго Контроля кладетъ въ основаніе разрѣшенія вопроса *о правахъ* Кабинета *на земли* законоположеніе, устанавливающее *право* послѣдняго *на золотой промыселъ.* Между тѣмъ, становясь именно на эту точку зрѣнія, едва ли казалось бы возможнымъ оспаривать право Кабинета на весь бывшій Нерчинскій округъ, такъ какъ нельзя забывать, что въ открытой для частной золотопромышленности части округа всегда взималась въ пользу Кабинета посаженная плата съ отведенныхъ прісковъ, противъ чего никогда не возражало и нынѣ не возражаетъ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Кромѣ того, Высочайшимъ повелѣніемъ 30 декабря 1895 г. закрыта для частной золотопромышленности въ пользу Кабинета Его Величества юго-западная часть бывшаго Нерчинскаго округа (Бальджинская система) и Министру Императорскаго двора предоставлено право закрывать для золотопромышленниковъ, въ интересахъ Кабинета, и всю остальную часть названнаго округа.

Такимъ образомъ, если бы (?) Министромъ Императорскаго Двора было осуществлено къ настоящему моменту предоставленное ему право въ полномъ объемѣ, то не оставалось бы мѣста и сомнѣніямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя возникли у Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Васильева, упустившаго изъ виду вышеприведенный законъ 1895 г. *), а

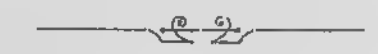
*) Это замѣчаніе невѣрно. Въ моемъ особ. мнѣніи сдѣлана ссылка и на этотъ законъ.

равно неоспариваемое казною право Кабинета на посаженную подать въ мѣстностяхъ всего бывшаго Нерчинскаго округа, открытыхъ для частнаго золотого промысла *).

Въ виду приведенныхъ соображеній мнѣніе представителя Государственнаго Контроля представлялось Статсъ-Секретарю Куломзину неубѣдительнымъ для того, чтобы отступить отъ отправной точки зрѣнія Совѣщанія; поэтому Предсѣдатель Совѣщанія ходатайствовалъ объ утвержденіи заключенія Совѣщанія.

*) Это право также оспаривалось, что также видно изъ моего особаго мнѣнія.

Заключеніе Совѣщанія о предѣлахъ правъ Кабинета на Нерчинскій округъ, по положенію Комитета Министровъ, 10 апрѣля 1899 г. Высочайше утверждено, о чемъ того же числа данъ Высочайшій указъ Правит. Сенату.



Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ!

Въ № 188 «Слова» отъ 25-го сего іюня, въ статьѣ г. «Кассія», напечатанной подъ заголовкомъ «Эхо жизни», содержится несправедливый и злой навѣтъ на покойнаго Т. И. Филиппова и на меня. По этой замѣткѣ, любовь Т. И. къ народной русской музыкѣ и мое славянофильство являются чуть ли не причиною цусимскаго разгрома нашего флота. Выходитъ такъ, что Департаментъ военной и морской отчетности подъ моимъ «дирижерствомъ» занимался не дѣломъ, а балалаечною игрой *), вслѣдствіе чего между департаментомъ и морскимъ вѣдомствомъ было полнѣйшее согласіе, и Государственный Контролеръ изъ года въ годъ авторитетно утверждалъ, что въ морскомъ вѣдомствѣ все обстоитъ благополучно. Все это—совершеннѣйшая неправда. Къ сожалѣнію, дѣятельность государственнаго контроля не получаетъ достаточно широкой огласки, такъ—важнѣйшій изъ его актовъ—всеподданнѣйшій отчетъ государственнаго контролера съ Высочайшими на немъ отмѣтками, хотя и печатается ежегодно, но доступенъ только опредѣленному кругу лицъ; вслѣдствіе этого въ обществѣ и не можетъ быть вѣрнаго сужденія о дѣятельности Государственнаго Контроля и объ его отношеніяхъ къ подотчетнымъ ему вѣдомствамъ.

Не считая себя въ правѣ въ этомъ, по необходимости краткомъ и спѣшномъ, газетномъ объясненіи говорить о чисто ревизіонныхъ отношеніяхъ и дѣлахъ, скажу только, что именно въ бытность мою генералъ-контролеромъ военной и морской отчетности покойнымъ Т. И. Филипповымъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1897 г. было заявлено о необходимости измѣнить порядокъ управленія казенными адмиралтействами и ижорскими заводами. Послѣдствіемъ этого была выработка, при моемъ участіи, новаго положенія о судостроеніи, которое Высочайше утверждено и въ концѣ 1900 г. введено въ дѣйствіе въ видѣ опыта въ Петербургскомъ порту. Оно

*) Ни одного балалаечника при мнѣ въ департаментѣ не было; а я лично ни однимъ изъ музыкальныхъ искусствъ не владѣю.

дало бо́льшую самостоятельность судостроительству и возможность, доказанную уже самимъ дѣломъ, строить суда скорѣе, нежели прежде. Затѣмъ, подъ моимъ руководствомъ, выработаны новыя правила счетоводства и отчетности по судостроенію. Правила эти, упрощая веденіе отчетности, въ то же время даютъ возможность имѣть по каждой постройкѣ, вслѣдъ за ея окончаніемъ, систематичный, полный и вѣрный съ дѣйствительностью отчетъ, чего прежде не было. При мнѣ же и съ тою же цѣлью упрощенія и согласованія отчетности съ тѣмъ, что есть въ дѣйствительности, преобразованы отчетность важнѣйшихъ производствъ на Ижорскихъ заводахъ, и судовая отчетность; для этой послѣдней выработана и новая форма машиннаго журнала, по которому долженъ производиться учетъ расхода угля въ плаваніи. Затѣмъ, упорядочено составленіе и исполненіе смѣтъ и веденіе отчетности Балтійскимъ и Обуховскимъ заводами. Преобразованъ также бывшій въ Петербургскомъ порту и на Ижорскихъ заводахъ фактическій контроль и распространенъ на другіе крупные военно-морскіе порты. Оцѣнка технической пригодности судостроительныхъ работъ лежитъ не на обязанности Государственнаго Контроля, но онъ не упускалъ изъ виду и эту сторону дѣла, и вмѣшательство его и тутъ не разъ приносило пользу.

Въ тѣхъ же всеподданнѣйшихъ отчетахъ настойчиво указывалось на убыточность снабженія тихоокеанской эскадры англійскимъ углемъ и на необходимость приступить къ казенной разработкѣ открытыхъ болѣе 15-ти лѣтъ тому назадъ Сучанскихъ каменноугольныхъ копей. Благодаря этимъ настояніямъ, рудники, наконецъ, были устроены къ началу войны; но на своевременной постройкѣ къ нимъ желѣзной дороги такъ-таки и не удалось настоять. Неоднократно обращалось контролемъ вниманіе начальниковъ подлежащихъ вѣдомствъ и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ на непорядки при распредѣленіи и на неуспѣшность выполненія казенными и частными заводами заказовъ на предметы артиллерійскаго вооруженія. Вслѣдствіе этихъ замѣчаній, по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, образована была подъ моимъ предсѣдательствомъ особая комиссія «для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ безпрепятственнымъ удовлетвореніемъ отечественными заводами потребностей военнаго и морского вѣдомствъ въ артиллерійскихъ орудіяхъ. Комиссія представила свои соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ для упорядоченія этого дѣла; но работа ея до комитета министровъ, куда она имѣетъ быть направлена, еще не дошла.

Приведенный мною краткій перечень дѣлъ, возбужденныхъ по департаменту военной и морской отчетности въ то время, когда я былъ въ немъ генералъ-контролеромъ, и большей частью еще при прежнемъ государственномъ контролерѣ — Т. И. Филипповѣ, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что, будучи генералъ-контролеромъ, я дѣлалъ, что могъ въ огражденіе государственнаго достоянія и достоинства, и что славянофильскія убѣжденія и любовь къ народной музыкѣ не мѣшали Т. И. Филиппову и мнѣ исполнять служебный долгъ.

Примите и проч.

«Сло́во», 28 іюня 1905 г. № 191.

Рѣчи.

Въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

I.

При обсужденiи съ участiемъ представителей земствъ продовольственнаго вопроса въ 1898 г.

Г. Ганейзеръ справедливо указалъ на то, что въ обсуждаемомъ нами *продовольственномъ вопросѣ* есть двѣ стороны: одна, это — какъ помочь голодающимъ, потому что голодъ уже начался; другая—какъ устроить продовольственное дѣло и какъ предотвратить голодовки въ будущемъ. Относительно наступившей уже бѣды г. Ганейзеромъ сдѣланы нѣкоторыя практическiя предложенiя; напримѣръ, чтобы обратиться къ общественной благотворительности. Я ничего не имѣю противъ этого, но долженъ сказать, что если общественное бѣдствiе приняло уже болѣе или менѣе обширные размѣры, то частной и общественной благотворительности едва ли будетъ достаточно; она, какъ и всегда, будетъ болѣе или менѣе случайна. Тутъ уже само государство должно притти на помощь населенiю повсюду и въ той мѣрѣ, въ какой это требуется для предотвращенiя голодныхъ заболѣванiй, смертности и разоренiя земледѣльческихъ хозяйствъ. Я полагаю, что наше Общество должно весь собранный имъ фактическiй матерiалъ, который содержится въ полученныхъ Обществомъ письменныхъ сообщенiяхъ, въ выслушанныхъ докладахъ и пренiяхъ, представить правительству, которому надлежитъ притти на помощь нуждающемуся населенiю. Другая сторона обсуждаемаго вопроса, какъ уже сказано, состоитъ въ обсужденiи тѣхъ мѣръ, которыя могли бы облегчить продовольственную нужду въ будущемъ и дѣлать менѣе острыми послѣдствiя неурожая, который неизбѣженъ по естественнымъ условiямъ нашего обширнаго отечества и всегда будетъ время отъ времени повторяться въ Россiи. Но вѣдь даже и въ такiе неурожайные годы, какимъ былъ 1891-й, въ Россiи въ общемъ уродилось достаточно хлѣба, чтобы прокормить имъ свой народъ; вѣдь въ томъ году было отпущено хлѣба и за границу больше, чѣмъ въ иные урожайные годы; слѣдовательно, бѣда, причина постоянно и все чаще и чаще повторяющихся голодовокъ въ такъ называемые неурожайные годы—не въ недостаткѣ

продовольственныхъ средствъ въ странѣ, ибо пополнить мѣстный ихъ недостатокъ можно было бы сокращеніемъ вывоза; но дѣйствительная причина, порождающая, при всякомъ, даже частичномъ неурожаѣ, или при такъ называемомъ «пестромъ урожаѣ», какъ въ прошломъ году, голодъ, это—совершенная имущественная необезпеченность, постоянная нищета большей части нашего крестьянства. Если на полосѣ такого крестьянина хлѣбъ не уродился, то ему не на что его купить, хотя бы хлѣба было по близости и въ изобиліи. Въ рѣчахъ присутствующихъ здѣсь представителей потерпѣвшихъ отъ неурожая мѣстностей единодушно указывалось на необходимость учрежденія мѣстной всесословной земской единицы—прихода или волости. Предложеніе ходатайствовать объ этомъ встрѣтило общую поддержку и сочувствіе, и если Императорскому Вольному Экономическому Обществу удастся хоть сколько-нибудь посодѣйствовать благопріятному разрѣшенію этого предложенія, то это уже будетъ большая заслуга его предъ страной. Но въ рѣчи предводителя Орловскаго дворянства г. Стаховича упоминалось, хотя и не въ видѣ предложенія, еще о другой мѣрѣ, которую я считаю въ высшей степени важной и которой между тѣмъ собраніе наше почти вовсе не удѣлило своего вниманія. Именно, г. Стаховичъ сообщилъ, что Елецкое земство предполагало устроить по всему уѣзду общественныя работы, а именно ломку и подвозку камня; къ сожалѣнію, этого ему не удалось осуществить. А, между тѣмъ, именно такія общественныя работы на мѣстахъ только и могли бы дать бѣдствующему населенію средства для покупки недостающаго ему хлѣба и корма скоту. Противъ общественныхъ работъ здѣсь даже были сдѣланы возраженія, исходящія изъ того, что общественныя работы, бывшія въ 1891—1892 гг., потребовали весьма значительныхъ средствъ отъ правительства и оказались мало полезными голодающему населенію. Но вѣдь это зависѣло отъ случайныхъ условій, и г. Стаховичъ говоритъ не о такихъ работахъ, а о работахъ на мѣстахъ, организованныхъ земствомъ. Если вся бѣда состоитъ въ томъ, что наше крестьянское населеніе живетъ только надеждой на урожай, и одинъ неурожайный годъ въ корнѣ подрываетъ его благосостояніе, то это обстоятельство указываетъ на то, что кромѣ земледѣльческаго промысла необходимо развить въ средѣ крестьянскаго населенія еще разные другіе подсобные заработки, чтобы оно могло быть сыто, могло платить государственныя повинности и не гибло отъ голода и въ неурожайный годъ. Крестьяне ищутъ для себя этихъ подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ, но, если и находятъ ихъ, то, большею частью, далеко на сторонѣ, въ видѣ

отхожихъ промысловъ. Этотъ заработокъ не всегда вѣренъ и отъ него едва ли много остается семьѣ. Было бы несравненно полезнѣе организовать заработки повсемѣстно и не на одни голодные годы, а дать постоянную работу населенію по близости, на мѣстахъ. Для этого не потребовалось бы создавать искусственно, выдумывать какія-либо ненужныя работы. Всѣ мы знаемъ, что наша Россія повсюду имѣетъ многое множество неудовлетворенныхъ государственныхъ потребностей и мѣстныхъ общественныхъ нуждъ. Напримѣръ, у насъ повсемѣстное бездорожье, отсутствіе прочно устроенныхъ мостовъ; въ однѣхъ мѣстностяхъ необходимо произвести обводнительныя, въ другихъ осушительныя работы, необходимы лѣсныя насажденія, борьба съ оврагами и песками и т. д., необходима постройка общественныхъ зернохранилищъ, мельницъ, церквей, лѣчебницъ и школъ. Все это можетъ и должно бы занять всѣ свободныя время и руки и дать народу постоянный и обильный заработокъ, и когда бы онъ имѣлъ такіе заработки, то случайный неурожай не причинялъ бы полнаго хозяйственнаго разстройства и гибели животныхъ и людей, потому что, имѣя обильный заработокъ, крестьянская семья могла бы, въ случаѣ неурожая на своей полосѣ, купить хлѣбъ у своего сосѣда. Императорскому Вольному Экономическому Обществу слѣдуетъ остановить свое вниманіе на этомъ вопросѣ о необходимости, съ помощью правительства и земства, организовать постоянныя общественныя работы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на мѣстахъ среди крестьянскаго нуждающагося населенія, чтобы послѣднее не было вынуждено уходить далеко на сторону искать себѣ работы и хлѣба. Какъ въ нашемъ Обществѣ, такъ и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ, года два-три тому назадъ, одинъ военный инженеръ многократно выступалъ съ предложеніемъ о томъ, что необходимо нашу деревянную Россію перестроить на каменную, огнестойкую. Можетъ быть, по нѣкоторой своей угловатости, его предложенія не встрѣтили поддержки, но основная ихъ мысль совершенно вѣрна. Вѣдь избы многихъ нашихъ деревень, за отсутствіемъ средствъ у ихъ собственниковъ и по близости лѣса, приходятъ въ полное разрушеніе. Могутъ ли обитатели этихъ полураскрытыхъ и пригнувшихся къ землѣ лачугъ давать государству здоровыхъ работниковъ, плательщиковъ и солдатъ? Поэтому мысль дать народу возможность обзавестись приличествующимъ человѣку жильемъ—не праздная затѣя, а дѣйствительно одна изъ насущныхъ государственныхъ задачъ. Во время прошлаго голода бывшимъ редакторомъ «Русской Жизни» г. Пороховщиковымъ былъ предложенъ планъ организаціи общественныхъ работъ

на мѣстахъ, которыя должны были состоять именно въ замѣнѣ сгорающихъ и разваливающихся строеній разными огнестойкими постройками. Тогда и общество, и правительство сочувственно относились къ этому проекту, и тѣмъ не менѣе онъ почему-то не былъ осуществленъ. Затронутый г. Стаховичемъ вопросъ о необходимости общественныхъ работъ на мѣстахъ заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено самое полное вниманіе, но, повторяю, необходимо позаботиться объ устройствѣ общественныхъ работъ не только на время голода, а такъ чтобы эти работы давали постоянно заработокъ мѣстному населенію. Конечно, при этомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ о средствахъ для оплаты этихъ работъ, и это опять насъ приводитъ къ вопросу о деньгахъ и о нашей общей финансовой системѣ. Я уже однажды высказался гласно по этому предмету, и здѣсь теперь не время обсуждать этотъ обширный и безконечно важный вопросъ.

II.

По докладу А. А. Беретти о мелкомъ кредитѣ. (18 марта 1900 г.).

Я сдѣлаю немногія возраженія двумъ лицамъ, возражавшимъ докладчику.

П. Н. Измалковымъ произнесена была хвала эгоизму, какъ зиждущему началу. Но вопросъ въ томъ, что онъ созидаетъ? Все это матеріальное богатство и благополучіе отдѣльныхъ единицъ, вся эта блестящая по внѣшности культура запада созданы на слезахъ и крови, на нищетѣ и гибели народныхъ массъ. Въ подкрѣпленіе этой проповѣди эгоизма П. Н. Измалковымъ сдѣлана неправильно и, скажу, даже кощунственно ссылка на Писаніе, приведенъ текстъ: «Никто свою плоть не ненавидитъ, но питаетъ и грѣетъ ее». Но, во первыхъ, этотъ текстъ никакого нравственнаго требованія въ себѣ не содержитъ, а говоритъ только о существующемъ явленіи. Во вторыхъ, Внушившій эти слова, Самъ въ томъ же Писаніи говоритъ: «Что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, душу же свою отщетитъ»? Высшимъ правиломъ совершенства въ Писаніи ставится: «продай имѣніе твое и раздай нищимъ», а, какъ для всѣхъ обязательное правило, ставится еще ветхозавѣтная заповѣдь: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя». Это положительное требованіе, обращенное ко всѣмъ намъ, не позволяетъ намъ жить и богатѣть за чужой счетъ. Поэтому, проповѣдуя эгоизмъ, не слѣдуетъ ссылаться на Св. Писаніе.

Другое мое возраженіе будетъ г. Ладыженскому: Онъ высказалъ, что «кредитъ можетъ существовать только при абсолютномъ его обезпеченіи». Но, во первыхъ, абсолютнаго обезпеченія заимодавца вообще не существуетъ. Мы знаемъ, что и при ссудахъ подъ дорогія имѣнія банки сплошь и рядомъ терпятъ крупные убытки; даже и дѣятельность ростовщиковъ сопряжена съ рискомъ, иногда и они теряютъ. Во вторыхъ, кредитъ, какъ г. Ладыженскій его понимаетъ, подъ вещное обезпеченіе за проценты, испоконъ вѣковъ считался дѣломъ постыднымъ и носилъ названіе ростовщичества, и, конечно, такой кредитъ только имущему только увеличивалъ имущественное неравенство и средства эксплоатаціи чужого труда, и въ общемъ итогѣ, приносилъ не пользу, а вредъ. Но, рядомъ съ этимъ кредитомъ, всегда существовалъ и другой кредитъ—на вѣру. Не говоря уже о томъ, что еще очень недавно у насъ и въ народѣ и въ купечествѣ широко былъ распространенъ кредитъ безъ всякаго обезпеченія, кромѣ личнаго довѣрія, кредитъ на слово безъ всякихъ письменныхъ доказательствъ, отмѣчавшійся для памяти нарѣзками на палочкахъ—биркахъ, существовалъ и государственный кредитъ на вѣру. Такой кредитъ широко оказывался государствомъ прежде всего болѣе состоятельнымъ классамъ населенія. Что, какъ не такой кредитъ на вѣру, безъ всякаго вещнаго обезпеченія представляютъ собою широкія затраты государства на образованіе юношества? Эти затраты дѣлаются вѣдь въ той увѣренности, что люди, воспитанные и обученные на государственный и народный счетъ, заплатятъ когда-нибудь свой долгъ государству и народу, своею полезною службою, вернутъ сторицею то, что на нихъ потрачено. И тутъ государство сплошь и рядомъ ошибается и теряетъ: многіе изъ его питомцевъ не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ. Скажу теперь о другомъ кредитѣ государства уже въ прямомъ значеніи этого слова.

Въ послѣдне время государство ежегодно расходуетъ значительныя суммы на помощь переселенцамъ. Помощь эта выдается крестьянскимъ семьямъ въ видѣ ссудъ, безъ всякаго обезпеченія и безъ процентовъ, съ разсрочкою и обожданіемъ ихъ уплаты на нѣсколько лѣтъ. Вотъ истинно благодѣтельный народный видъ кредита. И тутъ, конечно, не каждая выданная въ ссуду копѣйка вернется, будетъ извѣстный процентъ потерь. Но, въ общемъ этѣ потери окупаются сохраненіемъ рабочей силы и съ избыткомъ возмѣстятся поступленіемъ всякихъ другихъ повинностей и сборовъ.

Теперь сдѣлаю одно замѣчаніе докладчику. Въ шестомъ своемъ положеніи онъ признаетъ государственное значеніе только

за производительнымъ, но не за потребительнымъ кредитомъ. Но едва ли можно проводить между тѣмъ и другимъ кредитами такую рѣзкую границу! Если крестьянская семья, сохранившая трудоспособность, а слѣдовательно, и кредитоспособность, осталась по какимъ бы то нибыло причинамъ не только безъ необходимаго инвентаря, но и безъ запаса, необходимаго для прокормленія себя и домашней скотины, то какъ же ей отказать въ кредитѣ на прокормленіе? И можетъ ли быть даже вопросъ о томъ, что необходимѣе и производительнѣе: выдать ли ссуду на покупку лошадей и плуга, или на прокормъ, т. е. на сохраненіе самого человѣка и его рабочей силы!

III.

По докладу В. А. Мякотина: Конституція или соборность?

Я чувствую потребность прежде всего принести глубокую благодарность В. А. Мякотину за то, что въ первой половинѣ своего доклада онъ отнесся съ безпристрастностью къ тѣмъ историческимъ явленіямъ русской жизни и къ тому направленію русской мысли, которыхъ онъ, очевидно, не раздѣляетъ и которыхъ не является сторонникомъ.

Но не могу сказать того же объ окончаніи его доклада. Тутъ уже сказалась его партійность. И докладчикъ самъ чувствовалъ, что тутъ у него не совсѣмъ твердая почва подъ ногами. Онъ предупредилъ насъ, говоря: «Можетъ быть мои положенія покажутся многимъ изъ васъ мало обоснованными, но это говоритъ лишь о томъ, что эти положенія—сама очевидная истина, аксіома». Я позволю себѣ съ этимъ не согласиться. Я думаю, что многія положенія, высказанныя въ докладѣ, весьма и весьма спорны. Я совершенно раздѣляю мнѣніе докладчика о томъ, что не должно быть компромисса; ничего нѣтъ хуже компромисса. Вопросъ долженъ быть поставленъ принципіально, и вотъ я думаю дать мой принципіальный отвѣтъ.

Докладчикъ, разбирая взгляды, высказанные, между прочимъ, въ постановленіи 22 предводителей дворянства, приписалъ это постановленіе вліянію интересовъ сословности. Но я смѣю увѣрить докладчика, что существуетъ очень много русскихъ людей, чуждыхъ совершенно всякимъ интересамъ сословности, всякимъ классовымъ интересамъ, людей, горячо желающихъ блага наиболѣе обездоленнымъ частямъ русскаго

населенія, горячо желающихъ самыхъ широкихъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ, и именно ради этого общаго народнаго блага, для возможности осуществленія этихъ реформъ, отстаивающихъ не конституціонализмъ, а *соборность*. Я буду защищать это начало соборности, какъ сказалъ, принципіально.

Прежде всего, если мы желаемъ свободы, то это должна быть дѣйствительная свобода: мы не должны своего мнѣнія,— какъ бы мы въ немъ ни были убѣждены,—навязывать всему народу. И вотъ, огромная часть русскаго народа несомнѣнно религіозна, несомнѣнно исповѣдываетъ православную вѣру. Въ ея глазахъ истины этой вѣры имѣютъ несомнѣнно существенную, огромную, даже первостепенную важность. Вотъ прежде всего начало соборности строится или обосновывается на догматическихъ положеніяхъ. Основной догматъ вѣры—Личность и Тріединство Божества — догматъ *соборности* Божества. О самой церкви нашей опять-таки въ Символѣ говорится: «Вѣрую... во единую святую *соборную* и апостольскую церковь». И всѣ тѣ прискорбныя явленія, которыя отмѣчаются въ церковной и исторической жизни, суть ничто иное, какъ слѣдствіе отступленія и подавленія этого всегда и донынѣ исповѣдуемаго народомъ начала соборности.

Затѣмъ,—что такое *соборность?*—Соборность и логически и философски есть высшее изъ началъ, на которыхъ можетъ строиться человѣческое общежитіе, потому, что это начало требуетъ полнѣйшей, ничѣмъ не ограниченной свободы человѣческаго духа, человѣческой личности. Эта свобода ограничивается въ соборности только однимъ началомъ — началомъ любви къ другимъ. Слѣдовательно, въ соборности начало любви, чувство любви, проникающее всѣхъ и каждаго, приводитъ къ добровольному согласному рѣшенію всѣхъ вопросовъ. Думаю, что это начало выше начала партійности, начала непремѣнной, во что бы то ни стало, борьбы и начала именно компромиссовъ, которое лежитъ именно въ конституціонализмѣ. Всякій конституціонализмъ есть ничто иное, какъ начало партійности, борьбы и всяческой сдѣлки.

Затѣмъ, исторически—вся жизнь русскаго народа, въ ея положительныхъ явленіяхъ, складывалась по этому началу— соборности. Въ каждой семьѣ должны быть «совѣтъ да любовь». Этими словами выражали пожеланія счастья каждой новой семьѣ. Тысячу лѣтъ народъ управлялся «міромъ». Это ничто иное, какъ та же соборность. По положенію о крестьянахъ введено рѣшеніе большинствомъ; но народъ на міру всегда рѣшалъ дѣла не большинствомъ, не принудительно, а полюбовно, съ общаго согласія. Это начало проходило и въ поли-

тическихъ нашихъ учрежденіяхъ. Таково, напримѣръ, ***Вѣче*** въ старой Руси, которое перешло послѣ въ *Соборъ*. Вѣдь если мы обращаемся къ исторіи, то не для того, чтобы то или другое учрежденіе взять изъ нея цѣликомъ и скопировать его въ совершенно готовомъ видѣ. Изъ исторіи мы можемъ брать только принципы, начала. Впрочемъ, докладчикъ отнесся къ русской старинѣ справедливо, а не каррикатурно, какъ это сплошь и рядомъ дѣлаютъ другіе. Докладчикъ сказалъ, что похороненная наша сборность возникала на началахъ, не заимствованныхъ отъ запада, а была началомъ самобытнымъ; но этимъ онъ самъ себя и опровергъ.

Что же, собственно, можно возразить противъ этого самобытнаго начала соборности—чтобы будущее наше представительное учрежденіе было не парламентомъ, не рейхсратомъ, а соборомъ? Докладчикъ сослался на исторію, которая показываетъ, какъ легко соборы упразднялись; ссылается и на современную русскую дѣйствительность... Но дѣло въ томъ, что если ссылаться на исторію, то и въ жизни разныхъ конституціонныхъ государствъ можно найти немало такихъ же примѣровъ. Я приведу, какъ примѣръ, хотя бы короля Милана Сербскаго. Король Миланъ Сербскій въ одинъ прекрасный день даровалъ Сербіи совершеннѣйшую конституцію, отрекся отъ престола и даже самъ выѣхалъ заграницу съ обязанностью больше въ Сербію не возвращаться. Затѣмъ онъ снова возвращается въ Сербію и начинаетъ снова тамъ командовать. Такъ вотъ что бываетъ не только съ соборами, а и съ конституціонными государствами. Но вѣдь мы, когда судимъ о соборности и сравниваемъ ее съ конституціонализмомъ, то мы должны брать соборность въ условіяхъ не стараго или нынѣшняго, а—новаго порядка, который установится со введеніемъ въ жизнь этого новаго начала, а этотъ новый порядокъ долженъ отнюдь не менѣе обезпечивать законность, какъ и конституція; онъ долженъ обезпечивать неприкосновенность и свободу личности, и свободу мнѣній и печати, и, наконецъ, отвѣтственность административныхъ лицъ, не менѣе, повторяю я, чѣмъ порядокъ конституціонный.

Докладчикъ говоритъ: Можно ли говорить о законности, если не будетъ обезпечена отвѣтственность министровъ? Но вѣдь даже и въ упомянутыхъ пожеланіяхъ предводителей дворянства говорится о правѣ запроса; это выражено кратко; но право запросовъ несомнѣнно не можетъ быть отдѣлено отъ обязанности отвѣтовъ. Разъ будетъ запросъ и отвѣтъ, ничто не мѣшаетъ собору выбрать комиссію, въ этой комиссіи разобрать и освѣтить вопросъ и затѣмъ представить дѣло съ соборнымъ

заключеніемъ на рѣшеніе государя. И если всенародно будетъ выяснена виновность того или другого министра, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что завтра же онъ будетъ смѣщенъ если не отданъ даже подъ судъ? Впрочемъ, подъ судъ министры отдаются очень рѣдко и въ конституціонныхъ странахъ, — но во всякомъ случаѣ онъ будетъ устраненъ. Вѣдь вся бѣда современнаго порядка была въ томъ, что до верховной власти правда не доходила совершенно, и при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ государь могъ исходить въ своихъ рѣшеніяхъ только отъ доклада министра. Если докладъ будетъ исходить не отъ министра, а отъ собора, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ принятъ во вниманіе? И какъ можетъ быть иначе? Вѣдь изслѣдователь нашихъ старинныхъ земскихъ соборовъ проф. Латкинъ говоритъ, что за сто пятьдесятъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ созывались наши соборы, не было ни одного случая, когда бы государь разошелся съ мнѣніемъ собора или не утвердилъ соборнаго приговора.

Но, какъ принципъ, именно какъ принципъ, нужно сохранить за государемъ это право,—право не соглашаться съ рѣшеніемъ соборнаго большинства. Нужно спросить: настолько ли хорошо составляются парламенты, что въ нихъ, дѣйствительно, находятъ вѣрное выраженіе народныя нужды? Очень часто парламентарное большинство не соотвѣтствуетъ желаніямъ самого народа. Сошлюсь хотя бы на Австрійскій рейхсратъ. Три съ половиной милліона русскихъ имѣютъ своихъ представителей въ этомъ парламентѣ; но эти представители ни одной мѣры, ни одного рѣшенія въ пользу русскаго населенія провести не въ состояніи. Что же это?—Правда? или торжество свободы? Или—величайшее попраніе правъ, величайшая неправда и надругательство надъ правдой, надъ свободой, надъ правами и надъ справедливостью? Вотъ, чтобы не было такихъ случаевъ,—вѣдь и соборное большинство можетъ составиться неудачно: на соборѣ могутъ возобладать какая-нибудь сословность, или классовые интересы, и они захотятъ совершить несправедливость,—для такихъ случаевъ и нужно оставить за государемъ право рѣшить дѣло хотя бы и несогласно съ большинствомъ. Вѣдь дѣло въ томъ, что развѣ правда всегда на сторонѣ большинства? Можно смѣло сказать, что она чаще въ меньшинствѣ, а не въ большинствѣ. Большинство—косно; двигаетъ исторію впередъ не большинство, а люди, которые являются въ каждомъ данномъ случаѣ меньшинствомъ.

Это сохраненіе за государемъ рѣшающаго права, права рѣшенія,—оно драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что именно оно устраняетъ эту партійность, эту грязную борьбу за составленіе

большинства, которую мы видимъ въ каждомъ изъ западно-европейскихъ государствъ. Драгоцѣннымъ при соборномъ разсмотрѣніи дѣлъ является то, что со всѣхъ сторонъ полно, безпристрастно, гласно и свободно будетъ обслѣдованъ и выясненъ каждый вопросъ, и разъ онъ такъ выясненъ и правда на сторонѣ собора,—не можетъ быть, чтобы государь пошелъ вопреки соборной правдѣ...

Неужели это достойно подражанія: агитація, сопровождающаяся подкупами, обманомъ, схватки, убійства? Неужели это желательно? — Вотъ по какимъ причинамъ, по какимъ чисто принципіальнымъ основаніямъ, многіе русскіе люди отдаютъ предпочтеніе началу соборности предъ началомъ конституціоннымъ.

Докладъ В. А. Мякотина прочитанъ въ засѣданіи Крестьянской Коммиссіи В. Э. Общества 23 марта 1905 г. и напечатанъ въ Трудахъ Общества кн. №№ 4—6 за 1905 г. Возраженіе же мое на этотъ докладъ хотя и было стенографомъ записано, вопреки обычаю, въ Трудахъ вслѣдъ за докладомъ не помѣщено.

Въ Философскомъ Обществѣ.

I.

По докладу П. Д. Боборыкина: Классъ философіи во французскихъ лицеяхъ и колледжахъ.

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души пожеланія докладчика — чтобы среднее образованіе нашего юношества заключалось хотя бы небольшимъ курсомъ философіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо пересмотрѣть всю систему, программы и духъ нашего средняго образованія. Ибо теперешняя система нашего средняго образованія совершенно незаслуженно носитъ названіе классической, въ дѣйствительности же никакого классицизма теперешняя средняя наша школа не даетъ. До водворенія у насъ классической системы—всѣ мы знаемъ: были люди, которые искренно увлекались классическою поэзіей, съ любовью изучали древнихъ историковъ и философовъ, и это ихъ знакомство съ классическою жизнью и письменностью отражалось и на ихъ творчествѣ: примѣромъ могутъ служить недавно почившіе поэты, какъ А. Н. Майковъ. Теперь я лично не знаю ни одного человѣка изъ окончившихъ наши классическія гимназіи, который вынесъ бы изъ этой школы сколько

нибудь основательное знаніе древняго міра и любовь къ классической поэзіи, исторіи или философіи. Между тѣмъ, философское направленіе слѣдуетъ давать преподаванію съ первыхъ его шаговъ. Такъ оно и было когда-то: старинная славянская азбука, по которой въ наше время учили читать, съ первыхъ же своихъ строкъ возносила мысль учащагося горѣ: къ Богу; давала торжественное и молитвенное настроеніе; внушала ученику чувство долга по отношенію къ отечеству и къ ближнимъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ теперешнихъ нашихъ азбукахъ, христоматіяхъ и учебникахъ. Въ нихъ мысль ученика все время пригнетается долу и держится привязанною къ землѣ, да и тутъ не сообщаетъ ему ничего любопытнаго и достойнаго его вниманія. «Корова мычитъ, кошка мяучитъ», — ребенокъ знаетъ это и безъ книжнаго наученія, и преподносить ему эти истины въ азбукѣ или книжкѣ для чтенія, это значитъ съ первыхъ же шаговъ обученія подрывать въ учащемся уваженіе къ ученію и книгѣ. Далѣе: изъ книжекъ для чтенія и руководствъ вытравлено все то, что могло бы будить мысль и шевелитъ чувство ученика. Приведу примѣръ. Во всѣхъ христоматіяхъ помѣщается стихотвореніе Аполлона Николаевича Майкова «Нива». Но заключительная часть прекраснаго стихотворенія, — моленіе о хлѣбѣ духовномъ, — въ которомъ собственно весь смыслъ и цѣль стихотворенія, обыкновенно опускается,—какъ недоступная, будто бы, по своей отвлеченности пониманію ребенка. Въ стихотвореніи «Нищіе» Никитина также опускается вторая его половина по другому соображенію,—какъ наводящая на размышленіе о такомъ явленіи дѣйствительности, на которомъ, по мнѣнію нашихъ педагоговъ, не слѣдуетъ останавливать вниманіе учащихся. Такимъ образомъ изъ того и другого стихотворенія берутся однѣ только внѣшнія картины — жатвы и прошенія милостыни, которыя сами по себѣ ни мысли, ни чувства не будятъ. Наши учебники исторіи настолько сухи и мертвы, что никакого историческаго воспитанія они не даютъ; тоже слѣдуетъ сказать и о руководствахъ по закону Божію. Вообще о воспитаніи въ учащихся чувствъ набожности и патріотизма, сознанія долга передъ государствомъ и народомъ наша гимназія и вообще средняя наша школа нисколько не заботятся. Поэтому-то и выходятъ изъ нихъ люди съ охолощенною пустою душой, а такъ какъ природа не терпитъ пустоты, то и сердца и души нашихъ студентовъ склонны впитывать въ себя, какъ губка, всякую-всячину.

Цѣль толстовскаго классицизма была не столько воспитательная какъ полицейская: Безсмысленная зубристика грамма-

тическихъ тонкостей, безсмысленные, безсвязные и уродливые переводы учителями, не знавшими русскаго языка, на русскій и учениками, не знавшими ни своего ни классическихъ языковъ, на эти послѣдніе, вся эта обязательная работа поглощала все время учащихся и въ классахъ и на дому и отнимала у нихъ возможность заниматься сколько нибудь основательно и осмысленно другими учебными предметами, какъ-то: отечественнымъ языкомъ и словесностью, исторіей, не говоря уже о внѣобязательномъ ученіи — все это признавалось не только ненужнымъ, но и вреднымъ, такъ какъ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ того времени, лишь развивало бы «вредный критицизмъ» въ учащихся, а изъ нихъ, напротивъ того, хотѣли выработать ни о чемъ не разсуждающихъ тружениковъ, слѣпыхъ исполнителей чужихъ начальственныхъ или хозяйскихъ приказаній. Эта толстовская система образованія (и классическаго и реальнаго) всего правильнѣе можетъ быть названа системою угашенія духа!

II.

По докладу Б. А. Кистяковскаго: „Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій". (16 декабря 1899 г.).

Если справедливо замѣчаніе г. предсѣдателя, что главная цѣль доклада г. Кистяковскаго—«доказать, что справедливость и необходимость совпадаютъ, и что справедливость не неучаствуетъ въ соціальныхъ явленіяхъ», то эту цѣль доклада можно только привѣтствовать. Но, мнѣ кажется, многія утвержденія докладчика, какъ, напримѣръ, четвертое его положеніе, а также начало второй половины его доклада расходятся съ упомянутою его цѣлью. Въ послѣднемъ, заключительномъ положеніи доклада стремленію къ осуществленію справедливости придается первенствующее и даже рѣшающее значеніе въ формированіи послѣдняго звена всякаго соціальнаго процесса. Но какъ согласуется съ этимъ положеніемъ утвержденіе докладчика, что «идея справедливости ошибочно принималась за двигателя соціальныхъ явленій?» или его похвала экономическому матеріализму за «въ высшей степени важное», по мнѣнію докладчика, «методологическое требованіе матеріализма, чтобы каузальныя причины матеріально производственныхъ силъ изучались въ *изолированномъ* видѣ»?

Докладчикъ не только признаетъ законнымъ, но прямо требуетъ въ соціологіи раздѣльное совершенно изслѣдованіе явленій съ точки зрѣнія категоріи необходимости и съ точки зрѣнія справедливости. Категорія необходимости, говоритъ онъ, это — категорія познанія, а категорія справедливости— категорія оцѣнки. Такъ, напримѣръ, разсматривая экономическій процессъ, изслѣдователь устанавливаетъ необходимость экспропріаціи мелкихъ собственниковъ капиталистами, не справляясь съ тѣмъ, справедливо или нѣтъ это явленіе.

Но если ученый соціологъ и экономистъ, разсматривая какое-нибудь соціальное явленіе отрѣшенно отъ категоріи справедливости, установитъ его *необходимость*, то не будетъ уже смысла разсматривать это явленіе съ точки зрѣнія категоріи справедливости. Напримѣръ: если уже установлено наукой, что экспропріація капиталистами мелкихъ собственниковъ есть явленіе *необходимое*, то изслѣдованіе о томъ, справедливо оно или нѣтъ, будетъ такимъ же празднымъ занятіемъ, какъ разсужденіе о несправедливости того, что земля не во всѣхъ своихъ частяхъ равномѣрно согрѣвается солнцемъ. Плодомъ именно такого, отрѣшеннаго отъ категоріи справедливости, изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ и явилась теорія эволюціонизма, которая въ свою очередь создала такое печальное явленіе, что люди, считающіе въ сущности капитализмъ зломъ, не только въ жизни съ нимъ мирятся, но и преусердно ему служатъ, и это только потому, что г. экономистамъ, отрѣшившимся отъ идеи справедливости, угодно было признать капитализмъ *необходимой* стадіей экономической эволюціи.

Для того, чтобы соціальная наука не вліяла такъ уродливо на жизнь, соціологамъ и экономистамъ необходимо во всѣхъ своихъ работахъ, при всякомъ изслѣдованіи общественныхъ явленій руководствоваться именно идеей *справедливости*. Признавать необходимымъ существующее въ современныхъ экономическихъ отношеніяхъ зло нѣтъ никакой необходимости; наоборотъ необходимо именно то, что справедливо; явленія же общественной жизни, противорѣчащія справедливости, хотя бы они были прямымъ слѣдствіемъ предшествующей имъ цѣпи причинъ и сосуществующихъ имъ явленій и отношеній, — не необходимы, а случайны, и цѣль работы экономистовъ и соціологовъ—устранить изъ жизни эту случайность выясненіемъ нравственныхъ и предложеніемъ такихъ правовыхъ нормъ, которыя все болѣе и болѣе дѣлали бы *справедливое* и *необходимымъ*.

Міръ соціальныхъ явленій, въ которомъ важнѣйшею дѣйствующею силою является одушевленный человѣкъ, не под-

властенъ закону необходимости, и докладчикъ самъ сознаетъ это, потому-то онъ въ концѣ своего доклада говоритъ уже о небезусловной необходимости. Но необходимость небезусловная уже не есть необходимость. И если капиталъ, по неоднократно повторенному выраженію докладчика, «побѣдоносно шествуетъ, давя все на своемъ пути и не разбирая, справедливо это или нѣтъ», то это не потому, чтобы подобное экономическое отношеніе было необходимо по самой природѣ людей и вещей. Слѣпыя экономическія силы, по мѣткому выраженію докладчика, справедливаго и несправедливаго не различаютъ; но люди, двигающіе этими силами, не должны быть слѣпы. И всѣ ужасы уродливыхъ экономическихъ отношеній, все зло капитализма возникли и существуютъ не потому, чтобы такова была необходимая по самой своей природѣ сущность экономическихъ между людьми отношеній, а быть можетъ, потому, что участвующіе въ этихъ отношеніяхъ люди ослѣпли, т. е. забыли или извратили идею справедливости.

И не слѣпое броженіе слѣпыхъ экономическихъ силъ, какъ думаетъ докладчикъ, можетъ породить справедливость: истинная справедливость дана какъ откровеніе людямъ девятнадцать вѣковъ тому назадъ, и только она можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ при оцѣнкѣ существующихъ соціальныхъ явленій и надежнымъ основаніемъ для построенія новыхъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній.

Напеч. въ Протоколахъ общ. собраній СПБ. Философск. Общ. за 1899 г.

III.

По докладу Д. С. Мережковскаго: О христіанствѣ Л. Н. Толстого.

Гр. Спир. Петровъ напалъ на докладчика за рѣзкость его сужденій о Гр. Л. Н. Толстомъ. Признаюсь, меня удивляетъ эта неодинаковость отношеній: Съ одной стороны чрезмѣрная снисходительность и величанія Толстому, позволяющему себѣ говорить нагло и хульно о томъ, что намъ свято и дорого; съ другой—требованіе какой-то особенной по отношенію къ нему щепетильности, обвиненіе въ рѣзкости за высказанное о немъ правдивое и искреннее сужденіе.

О. Григорій справедливо говоритъ, что и Толстой своими мнимо-богословскими статьями принесъ нѣкоторую пользу.

Это такъ. Я знаю нѣсколько лицъ, которыя, пройдя черезъ толстовщину, пришли къ Церкви и теперь искренніе и ревностные православные христіане. Но изъ этого не слѣдуетъ, что богословствованіе Толстого не подлежитъ обличенію. Давно сказано, что „подобаетъ и ересямъ быти“; и онѣ полезны: еретическая ложь, вызывая работу христіанской мысли, тѣмъ самымъ способствуетъ выясненію и утвержденію истины. Однако же, ересіархи и ереси осуждались и отсѣкались отъ тѣла Церковнаго. Людямъ самонадѣяннымъ свойственно заблуждаться и стремиться привить свое заблужденіе другимъ. И это еще извинительно, поскольку заблужденія искренни. Но богословствованіе Толстого не только ошибочно, но и лживо: вѣдь онъ проповѣдуетъ свои вымыслы не отъ своего лица, а выдаетъ ихъ за Христово и апостольское благовѣтствованіе. Этимъ онъ вводитъ въ заблужденіе вѣрующихъ не ему, а тѣмъ, чьимъ именемъ онъ злоупотребляетъ, на чьи слова и свидѣтельство, облыжно, переиначивая ихъ, ссылается. И церковная наша власть можетъ быть укорена не за произнесенный ею судъ надъ Толстымъ, а за то, что она слишкомъ медлила съ этимъ предостерегающимъ отъ него вѣрующихъ судомъ.

Справедливо замѣчено о. Петровымъ и то, что Толстой несамостоятеленъ въ своихъ заблужденіяхъ относительно вѣры и Церкви; что это у него не свое, а чужое. Дѣйствительно такъ; только глубокимъ невѣжествомъ нашего русскаго общества, только полнымъ незнакомствомъ его съ церковною исторіей и богословскою святоотеческою письменностью можно объяснить успѣхъ этихъ измышленій гр. Л. Н. Толстого. Вѣдь многіе изъ затронутыхъ имъ вопросовъ, которые кажутся нашему обществу чѣмъ-то новымъ, обсуждались и рѣшены христіанскими мыслителями и Церковью много вѣковъ тому назадъ. Но человѣчеству свойственно,—скажу опять словами Писанія,— „какъ псу на свою блевотину“, возвращаться къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Вотъ и современное намъ толстовство, это—отрыжка опровергнутаго и осужденнаго полторы тысячи лѣтъ тому назадъ аріанства. Во всякомъ случаѣ кто отвергаетъ основные догматы христіанства: личность и троединство Божества и Сыновство и Богочеловѣчество І. Христа, тотъ облыжно говоритъ отъ Его Имени, и измышленная имъ вѣра—не христіанство.

Русское Собраніе.

Извлеченіе изъ Устава Русскаго Собранія.

Ст. 1. «Русское Собраніе» имѣетъ цѣлью содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа.

Ст. 2. «Русское Собраніе» ставитъ ближайшими задачами своей дѣятельности: а) изученіе явленій русской и славянской народной жизни въ ея настоящемъ и прошломъ; б) разработку вопросовъ русской и вообще славянской словесности, художествъ, народовѣдѣнія, права и народнаго хозяйства; а также изслѣдованіе всѣхъ другихъ проявленій русской и славянской духовной и обиходной самобытности; охраненіе чистоты и правильности русской рѣчи.

Ст. 3. Для достиженія этихъ цѣлей «Русскому Собранію» предоставляется: а) устраивать членскія и общедоступныя засѣданія, чтенія, музыкальные вечера и зрѣлища, а также художественныя и бытовыя выставки; б) учреждать состязанія и назначать награды за сочиненія на заданный предметъ и за художественныя произведенія; в) выпускать въ свѣтъ повременныя изданія, сборники книги, а также содѣйствовать сбыту книгъ и произведеній народнаго художества; г) устраивать поѣздки и путешествія съ научною и образовательнню цѣлью; д) основывать и содержать на средства Собранія книгохранища и читальни, а также учрежденія, имѣющія цѣлью распространеніе русскаго зодчества, русской одежды, русской утвари и т. п.; е) входить съ ходатайствами къ правительству по предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ цѣлямъ Собранія.

Въ началѣ 80-хъ г.г. я составилъ было Общество «Русская Бесѣда» для осуществленія тѣхъ задачъ, которымъ, по уставу, должно бы служить и Р. С. Но уставъ Р. Б. въ 1884 г. не былъ утвержденъ. Въ ноябрѣ 1900 г. мною же былъ начертанъ и уставъ Р. С. Въ декабрѣ онъ обсуждался учредителями, собиравшимися у В. Л. Величко, В. В. Комарова, М. Н. Сыромятникова, Н. М. Соколова, А. В. Кривошеина, Р. А. Дистерло, А. А. Суворина и у меня. Исхлопотать утвержденіе устава поручено было кн. Д. П. Голицыну, и ему удалось, при содѣйствіи ст. секр. И. Н. Дурново, сдѣлать это въ два дня: 25 уставъ былъ представленъ, а 26 января 1901 г. уже утвержденъ. Открывъ въ апрѣлѣ свои дѣйствія, Собраніе стало быстро расти; въ нѣсколькихъ городахъ образовались мѣстные его Отдѣлы, и въ 1904 г. число членовъ Р. С. достигло 1800. Но затѣмъ оно пошло на убыль. Въ первомъ общемъ собраніи 22 апр. 1901 г. я выяснилъ и обосновалъ ту цѣль, ради которой возникло Р. С. и указывалъ то направленіе, въ какомъ слѣдовало къ этой цѣли итти (См. рѣчь «Объ исконн. творч. нач. и о бытов. особ. Р. Н.», стр. 1—8 этой книги). Но Совѣтъ Р. С. вскорѣ повлекъ Собраніе по иному пути, и проявленныя имъ узость пониманія задачъ и озлобленная нетерпимость ко всѣмъ, иначе ихъ разумѣвшимъ, повели къ разладу и къ выходу изъ Совѣта и Собранія нѣсколькихъ членовъ-учредителей. Сознавая себя одинокимъ въ Совѣтѣ, я, однако же, долго не уходилъ изъ него, считая своею обязанностью оберегать до послѣдней возможности дорогое мнѣ дѣло, внося поправки и давая отпоръ тому, что

его портило и роняло. Въ 1905 г. въ Совѣтѣ и въ общихъ собраніяхъ я отстаивалъ соборность и мысль о необходимости созванія Великаго Земскаго Собора для всесторонняго устроенія и умиротворенія Русской Земли, противъ чего выступали съ неистово-краснорѣчивыми рѣчами Б. В. Никольскій и др. Весною 1906 г., когда Р. С. вошло въ тѣсный союзъ съ союзомъ землевладѣльцевъ, съ дубровинцами и грингмутовцами, я счелъ для дѣла безполезнымъ, а для себя предосудительнымъ долѣе въ немъ оставаться. (См. ниже «Прощальное слово Всероссійскому Съѣзду и Совѣту Р. С.»).

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Совѣщаній при Совѣтѣ Русскаго Собранія, бывшихъ подъ предсѣдательствомъ А. В. Васильева, по вопросамъ: I) народнаго хозяйства; II) охраны чистоты русской рѣчи, III) возстановленія русскихъ одеждъ, и IV) по церковно-общественнымъ вопросамъ.

I. Совѣщаніе по вопросамъ народнаго хозяйства.

Въ 1901 году состоялось двѣ бесѣды по докладамъ: члена-сотрудника *З. А. Рагозиной: «Политика трестовъ въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ и ея послѣдствія»* и дѣйствительнаго члена *Вл. Вас. Птицына «Современная русская деревня»* по живымъ наблюденіямъ преимущественно въ Воронежской губерніи.

1) *З. А. Рагозина* (авторъ цѣнныхъ трудовъ по исторіи Востока, появившихся сначала на англійскомъ языкѣ, а нынѣ издаваемыхъ Марксомъ на русскомъ), проведшая 27 лѣтъ въ Америкѣ и занимавшаяся тамъ публицистикой, ученой и просвѣтительной дѣятельностью, въ обстоятельномъ докладѣ познакомила Русское Собраніе съ все усиливающимся въ С. Америкѣ вліяніемъ трестовъ, овладѣвшихъ всею промышленностью и хозяйственною жизнью страны и угрожающихъ поработить вліянію капитала политическую и духовную ея жизнь Убійство Макъ-Кинлея было послѣдствіемъ того покровительства, которое оказывалъ онъ грабительской политикѣ трестовъ. Но въ Америкѣ подымается уже общественное движеніе противъ этой политики, раздаются сильные и вліятельные голоса изъ среды свободныхъ ученыхъ и среди государственныхъ дѣятелей, и самъ новый президентъ Рузевельтъ явится, по мнѣнію докладчицы, вождемъ освободительнаго движенія, и заявленіе его въ первомъ его посланіи конгрессу, что онъ трестовъ ни сколько не опасается, слѣдуетъ понимать такъ, что онъ съ ними справится, сумѣетъ вогнать ихъ въ границы, отведенныя имъ закономъ, причемъ Рузевельтомъ прямо указано на гласность и на государственный контроль, какъ на средства ихъ усмиренія. Докладъ З. А. Рагозиной вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній и горячую благодарность всего Собранія докладчицѣ за избранную ею тему, имѣющую отношеніе и къ современной русской дѣйствительности, и за блестящее ея изложеніе.

2) *Влад. Вас. Птицынъ*, основываясь на живыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ частыхъ его поѣздокъ по Россіи, ярко изобразилъ безотрадное положеніе современной русской деревни. Въ докладѣ живо и обстоятельно изображены и недостатки крестьянскаго управленія, и повальная крестьянская нищета, и болѣзненность, и жалкое состояніе, такъ называемаго, народнаго образованія, и разорительность способовъ взиманія податей и недоимокъ, и недостатокъ живого и дѣятельнаго участія къ положенію

народа со стороны помѣщиковъ и земства. Свѣтлымъ пятномъ на изображенной В. В. Птицынымъ картинѣ народной темноты, нищеты и безправія является дѣятельность въ Воронежской губерніи (къ которой преимущественно и относятся наблюденія докладчика) землевладѣльцевъ Чоколовыхъ, устроившихъ у себя для помощи народу кустарныя производства. Единственною же мѣрою, которая можетъ вывести народъ изъ современнаго его бѣдственнаго положенія, докладчикъ считаетъ устройство *всесословной волости*, которая объединитъ разрозненныя теперь силы населенія и устранитъ гнетущія теперь народъ темноту и безправіе.

Въ преніяхъ по поводу доклада приняли участіе: присутствовавшій въ Собраніи, въ качествѣ гостя, членъ съѣзда естествоиспытателей въ Петербургѣ извѣстный статистикъ, близко знающій Воронежскую губернію, Ѳ. А. Щербина, и члены Русск. Собр. С. В. Воейковъ, В. Л. Величко, крестьянинъ Я. М. Михайловъ — устроитель Мало-Свѣтицкой крестьянской артели, и С. Н. Сыромятниковъ. Не отрицая темныхъ сторонъ и тяжелыхъ условій народной жизни, говорившіе указывали и на положительныя ея стороны, въ особенности Ѳ. А. Щербина указывалъ на наблюдаемое во многихъ мѣстностяхъ какъ Воронежской, такъ и другихъ губерній развитіе крестьянскаго общиннаго хозяйства и нѣкоторыхъ полезныхъ производствъ, напр. ковроваго въ Воронежской губ. Предсѣдатель Совѣщанія привѣтствовалъ отъ имени Собранія *Ѳ. А. Щербину* и *В. И. Колюбакина* (Предсѣдателя Воронежской губернской земской управы) и, подводя итоги совѣщанію, высказалъ, что хотя докладчикъ и нѣкоторые изъ возражавшихъ ему лицъ и разошлись въ нѣкоторыхъ частностяхъ во взглядахъ на современное состояніе деревни и въ оцѣнкѣ дѣятельности земствъ, но въ конечныхъ выводахъ, кажется, всѣ согласно *признаютъ необходимымъ* лучшую постановку учебнаго дѣла и *содѣйствіе развитію общинныхъ и артельныхъ началъ, а также образованіе мелкой всесословной земской единицы*, и болѣе внимательнаго и дѣятельнаго отношенія къ нуждамъ народа со стороны земскихъ учрежденій, правительственныхъ вѣдомствъ и отдѣльныхъ просвѣщенныхъ людей. Въ заключеніе Собраніемъ была выражена благодарность докладчику и всѣмъ лицамъ, положившимъ въ Русскомъ Собраніи начало выясненію такого первостепенной важности вопроса, какъ вопросъ о состояніи русской деревни.

Въ 1902 г. въ Совѣщаніи о народномъ хозяйствѣ выслушаны и обсуждались доклады:

3) *А. М. Евреиновой «Народная организація труда и ея значеніе въ будущемъ»*.

Докладъ этотъ содержитъ въ себѣ слѣдующія положенія:

1. Насильственное уничтоженіе естественнымъ путемъ сложившихся бытовыхъ формъ товарищескихъ союзовъ на Западѣ затрудняетъ тамъ въ настоящее время учрежденіе подходящаго посредническаго органа труда.

2. Вѣковая жизнь русской, дружеской, братской артели освятила и утвердила въ понятіи народа значеніе круговой поруки, какъ простого естественнаго выраженія той высокой степени взаимности и проявленія братскаго чувства, сознаніе которыхъ обусловливаетъ организацію свободнаго труда.

3. Разрѣшеніе вопросовъ о посредничествѣ между трудомъ и спросомъ на него и о договорѣ найма рабочихъ, выдвинутыхъ на очередь самой жизнью во всѣхъ государствахъ, у насъ легко достигается изученіемъ бытовой формы нашей русской артели и соотвѣтственнымъ путемъ возникшей спеціализаціи труда по областямъ, округамъ и мѣстностямъ.

4. Учрежденіе посредническаго органа труда, въ видѣ мѣстныхъ и окружныхъ *артельныхъ избъ* и центральной *артельной палаты*, вѣнчая собою народную организацію труда, охватываетъ своей службой и неартельный трудъ.

Послѣ живого обмѣна мнѣній по докладу, въ которомъ принимали участіе *В. Л. Величко, Т. В. Нехорошевъ, Е. К. Раппъ, Я. М. Михайловъ Г. Б. Коллежинскій и А. В. Васильевъ*, Совѣщаніемъ было высказано пожеланіе представить Совѣту Русскаго Собранія о томъ, не найдетъ ли онъ полезнымъ сообщить докладъ А. М. Евреиновой Высочайше утвержденному, подъ предсѣдательствомъ Министра Финансовъ, Совѣщанію о нуждахъ сельскаго населенія,

4) 7 мая *Г. К. Коллежинскаго: «О русской кустарной промышленности»*. Г. К. Коллежинскій указалъ, что при существующемъ положеніи дѣла крестьянинъ нуждается въ подспорномъ заработкѣ, такъ какъ доходовъ отъ земледѣлія уже не хватаетъ на удовлетвореніе его домашнихъ потребностей. Поэтому необходимо всѣми силами стремиться къ поддержанію кустарной промышленности, основанной на неразрывности семейныхъ узъ. Сама по себѣ кустарная промышленность сильна и долговѣчна; если же и произошло ея временное паденіе, то причина этого явленія вполнѣ понятна. До проведенія желѣзныхъ дорогъ ярмарки и базары открывали кустарю рынокъ закупки сырья и сбыта выдѣланныхъ издѣлій. Желѣзныя дороги рѣзко перемѣстили торговые центры, и кустарь оказался отрѣзаннымъ отъ рынка. Явилась необходимость въ посредничествѣ для пріобрѣтенія сырья и сбыта издѣлій. Развилось скупщичество. Правительство и лучшіе представители общества стараются придти на помощь и поддержать кустаря. Перечисливъ различные виды такой помощи (выставки, музеи, учрежденія мелкаго кредита, изданіе техническихъ руководствъ и т. п.), докладчикъ указалъ на необходимость устройства среди кустарей потребительныхъ обществъ. Въ настоящее время комиссія по дѣламъ этихъ обществъ выработала уставъ центральнаго потребительнаго общества, членами котораго являются не отдѣльныя лица, а частныя потребительныя товарищества. Центральное общество пріобрѣтаетъ все необходимое для прочихъ обществъ и затѣмъ ихъ этимъ снабжаетъ. Выгода очевидна. Но помимо этого, то же общество является комиссіонеромъ по снабженію издѣліями кустарей. Послѣдней выставкѣ докладчикъ также удѣлилъ мѣсто: выставка, по его мнѣнію, принесла мало пользы крестьянскому населенію, занимающемуся кустарничествомъ; она не ознакомила кустарей съ улучшенными орудіями производства, не указала мѣстъ пріобрѣтенія доброкачественнаго матеріала сырца, оставила безъ вниманія растространеніе свѣдѣній по элементарной гигіенѣ, не коснулась вовсе устройства ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ, артелей, потребительныхъ обществъ и даже не выяснила вовсе всю важность предоставленія кустарямъ казенныхъ заказовъ. Между тѣмъ такіе заказы могли бы даваться на десятки милліоновъ рублей; для нихъ выработаны особыя льготныя правила по военному вѣдомству и эти правила предполагается распространить на всѣ заказы, производимые прочими казенными учрежденіями. Но все то, что, по словамъ докладчика, было упущено бывшей выставкою, будетъ пополнено устраиваемою въ 1903 г. передвижною учебно-показательною выставкою для ремесленниковъ и кустарей; эта выставка, по мнѣнію докладчика, несравненно благотворнѣе уже потому, что она двинется въ центры кустарнаго производства, знакомя со всѣмъ необходимымъ по всевозможнымъ отраслямъ производствъ, не только въ смыслѣ техническомъ, но и экономическомъ, гигіеническомъ и т. п. Отъ этой выставки дѣйствительно получится польза, и Москва, узнавъ объ этомъ, въ

свою очередь устраваетъ подобную же выставку. Въ заключеніе Г. К. Коллежинскій указалъ, что теперь вопросъ о кустарной промышленности привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и позволительно надѣяться, что онъ получитъ, наконецъ, надлежащее рѣшеніе. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія.

5. Два засѣданія въ іюлѣ были посвящены чтенію

Графа *П. А. Голенищева-Кутузова* объ изобрѣтенномъ имъ *новомъ способѣ заготовки въ прокъ мясныхъ припасовъ* для потребностей войска и населенія. Сущность этого доклада состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ докладчикомъ были предприняты опыты переработки мяса на такіе припасы, которые выдерживали бы долгое храненіе въ упрощенной укупоркѣ съ удобствомъ перевозки ихъ всякими способами на дальнія разстоянія, и могли бы при общедоступности цѣны ихъ служить для потребностей рабочаго населенія и крестьянъ. Произведенными за это время опытами достаточно разработанъ и приспособленъ для немедленнаго производства, хотя бы въ самыхъ значительныхъ размѣрахъ, новый способъ совмѣстнаго и одновременнаго изготовленія трехъ припасовъ: мясной выжимки (сока), мясного масла и мясныхъ лепешекъ.

Производство этихъ трехъ предметовъ предполагается по особому разработанному докладчикомъ способу, съ употребленіемъ котловъ и приспособленій, нарочно для этой цѣли изобрѣтенныхъ. При крупномъ ихъ производствѣ на большихъ заводахъ и преимущественно въ мѣстностяхъ наидешевѣйшаго скота, удешевленнаго топлива и рабочихъ рукъ, цѣнность производства этихъ предметовъ должна быть очень невелика.

Важное сельско-хозяйственное и вообще экономическое значеніе производства вышеозначенныхъ трехъ мясныхъ припасовъ—очевидны.

При затруднительности, доходящей почти до полной невозможности вывозить за границу русскій скотъ, при доказанной непригодности русскаго скота для заграничныхъ рынковъ, при несоотвѣтствіи качества даже лучшаго русскаго мяса для удовлетворенія вкусовъ иностранныхъ его потребителей, всякіе попытки и расчеты на сбытъ русскаго мяса внѣ предѣловъ Россіи должны считаться въ настоящее время и еще надолго неосуществимыми пожеланіями, при помощи которыхъ никакого существеннаго воспособленія все болѣе упадающему русскому сельскому хозяйству оказано быть не можетъ.

Между тѣмъ, хозяйство крестьянское и даже у большинства частныхъ владѣльцевъ пришло уже въ большой упадокъ, зависящій главнымъ образомъ отъ истощенія почвы, лишаемой должнаго удобренія, а затѣмъ отъ постояннаго, упорно продолжаемаго перепроизводства хлѣбовъ, по своему изобилію и несовершенному качеству не могущихъ уже находить себѣ, какъ бывало, твердо обезпеченный и выгодный сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Выходомъ изъ этого бѣдственнаго положенія является лишь одно: усиленіе производства скота и домашнихъ животныхъ для широкаго ихъ сбыта прежде всего на внутреннихъ, а затѣмъ уже впослѣдствіи и на заграничныхъ рынкахъ.

Если бы все 130-милліонное населеніе Россіи могло постоянно питаться мясомъ и мясными припасами по общедоступнымъ цѣнамъ, явился бы источникъ сбыта громаднѣйшихъ запасовъ всякаго мяса и мясныхъ припасовъ, что дало бы возможность выгоднаго развитія скотоводства и животноводства въ громадныхъ размѣрахъ. А эти отрасли хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ въ свою очередь создали бы, съ одной стороны—повсемѣстное для народа дешевое мясное продовольствіе, а съ другой — обезпечили бы хлѣбопашество громадными запасами животнаго удобренія, при наличности

котораго землевладѣльцы и хозяева могли бы уменьшить хотя бы на половину свои запашки всякихъ хлѣбовъ и получать при этомъ съ половинныхъ площадей посѣвовъ даже большее, чѣмъ теперь, количество улучшеннаго зерна.

Только при создании внутренняго широкаго сбыта для мяса и мясныхъ производствъ явится для населенія поощреніе сокращать излишнія и вредныя запашки и увеличивать посредствомъ развитія пастбищъ и пространствъ съ искусственнымъ травосѣяніемъ почву для процвѣтанія скотоводства и животноводства.

А истощенное русское хозяйство сможетъ только при усиленномъ скотоводствѣ выйти изъ теперешняго все увеличивающагося и безнадежнаго своего упадка.

По обмѣнѣ мнѣній Совѣщаніе, въ которомъ участвовали и знатоки дѣла, напр., гласный думы и городской ветеринаръ Игнатьевъ, привѣтствовало докладчика съ полезнымъ изобрѣтеніемъ и выразило пожеланіе, чтобы правительственныя и общественныя учрежденія помогли ему произвести опытъ изготовленія его припасовъ и питанія ими въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ въ случаѣ удачи этого опыта изобрѣтеніе графа Голенищева-Кутузова могло бы дѣйствительно получить широкое примѣненіе и принести огромную пользу нашему отечеству.

Въ октябрѣ 1902 года были два доклада *Г. К. Коллежинскаго:*

6) «*О необходимости правительственной и общественной поддержки кустарнаго дѣла въ Россіи*».

7) «*Къ вопросу о вліяніи иностранныхъ капиталовъ*».

Первый докладъ напечатанъ въ Интендантскомъ журналѣ за 1902 г. Совѣщаніе отнеслось къ нему съ полнымъ одобреніемъ.

Сущность доклада объ *иностранныхъ капиталахъ* сводится къ слѣдующему:

Вопросъ о вліяніи иностранныхъ капиталовъ далеко не выясненъ и литература о немъ болѣе, чѣмъ скудна. Одни доказываютъ, что привлеченіе иностранныхъ капиталовъ оживляетъ промышленность страны и даетъ излишній заработокъ населенію; другіе, а въ томъ числѣ и докладчикъ, доказываютъ, что страна, откуда ссужаютъ капиталы, богатѣетъ, а страны, куда ихъ занимаютъ, бѣднѣютъ вслѣдствіе постоянной дани въ видѣ роста на занятые капиталы; кромѣ того, тамъ главнѣйшія работы переходятъ въ руки иностранцевъ, а эти послѣдніе, пренебрегая мѣстными матеріалами и орудіями производства, все выписываютъ изъ-за границы. За границу же уходятъ и всѣ прибыли отъ предпріятія. Поэтому Правительство не должно позволять иностранцамъ забирать въ свои руки промышленныя предпріятія, а, наоборотъ, должно покровительствовать образованію такихъ предпріятій на отечественныя деньги.

Въ послѣдовавшихъ преніяхъ гг. Раппъ, Воейковъ, Короленко и др. доказывали, что, конечно, желательно не допускать иностранные капиталы, но такъ какъ Россія крайне бѣдна деньгами вслѣдствіе неправильной денежной системы, то для образованія различныхъ мѣропріятій ничего другого не остается, какъ прибѣгать къ займамъ у иноземцевъ. Въ виду крайне противорѣчивыхъ мнѣній, вопросъ о вліяніи иностранныхъ капиталовъ въ этомъ засѣданіи остался невыясненнымъ; но Совѣщаніе признало докладъ первымъ шагомъ въ этомъ направленіи и высказало пожеланіе, чтобы нашлись лица, которыя приняли бы на себя трудъ дальнѣйшаго изученія, разработки и выясненія этого вопроса.

8) 18 декабря докладъ *А. С. Карцева* «*Малоземелье и Община*» Докладчикъ защищаетъ слѣдующія положенія:

1. Упадокъ сельскаго хозяйства у крестьянъ слѣдуетъ приписать не

столько малоземелью, какъ недостатку знаній, денежныхъ средствъ и отдаленности угодій.

2. Переходъ къ подворному владѣнію не можетъ состояться за недостаткомъ земли для образованія фермъ средняго размѣра и невозможности надѣлить капиталомъ каждаго домохозяина. Кромѣ того, этотъ видъ хозяйства нежелателенъ, такъ какъ онъ ведетъ *къ разрозненности*, а не къ дружному союзу земледѣльцевъ. Разселеніе очень мелкими хуторами не можетъ осуществиться по особенностямъ русскаго климата и быта.

3. Правительство, по своимъ средствамъ, можетъ производительно содѣйствовать только большимъ союзамъ земледѣльцевъ, изъ коихъ община, а тѣмъ болѣе общественное хозяйство заслуживаютъ особенной поддержки и поощренія.

4. Желательно нѣсколькимъ селамъ или станицамъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи предоставить всѣ блага культуры при условіи веденія ими общественнаго хозяйства и, по прошествіи нѣкотораго времени, сдѣлать сравнительный учетъ ихъ хозяйственнаго положенія при прежнихъ и новыхъ условіяхъ существованія. Возможно, что затраты окажутся производительными и въ финансовомъ отношеніи.

Въ обмѣнѣ мнѣній, принимали участіе бар. Каульбарсъ, Е. К. Раппъ, Бояновскій, Дм. Арк. Тимирязевъ, управляющій отдѣломъ экономіи и сельской статистики, И. А. Милютинъ, череповецкій городской голова, Бабовкинъ и В. В. Птицынъ.

Д. А. Тимирязевъ между прочимъ высказалъ:

«Въ общинѣ ли бѣдствія народныя? Упразднить ее или сохранить?»

Объ основаніяхъ докладчика, о той статистикѣ, на которую онъ ссылается, скажу, что они безусловно шатки: статистика, которую въ старое время лелѣяли и которой вѣрили, съ нѣкотораго времени сдѣлалась не только пренебрегаемой, но скажу — презрѣнной; ее употребляютъ, какъ доказательство любой предвзятой мысли, и потому сочиняютъ. Докладчикъ строилъ, поэтому, на ложномъ основаніи. Примѣръ подтасовки можно видѣть въ Экономическомъ Обозрѣніи. Почтенный статистикъ его командированъ въ Орловскую и Тульскую губерніи и вотъ его выводъ: все зло въ общинѣ, и даже недостатокъ земли оказался ничѣмъ въ сравненіи со зломъ общинной жизни. А вотъ сельско-хозяйственная статистика, которой всего какихъ нибудь 18 лѣтъ правильной жизни, доказываетъ противное; оказалось по ея выводамъ, что болѣе богаты тѣ уѣзды (густо и слабо населенные), въ которыхъ земля лучше и обработка выше. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что тамъ же въ тѣхъ же частяхъ Орловской и Курской губерній, среди подворниковъ и наибольшая бѣдность, и наибольшая культурность. Почему? Потому, что *подворная система создаетъ батрака и кулака*. По мнѣнію, Д. А Тимирязева, всѣ виды поднятія благосостоянія, извѣстные подъ именемъ просвѣтительныхъ, никуда не годятся, какъ радикальное лѣченіе, въ тѣхъ странахъ, гдѣ войско, чиновничество, промышленность лежатъ цѣликомъ на земледѣльческомъ классѣ.

И при подворномъ владѣніи тоже есть черезполосица, поэтому г. Милютинъ несправедливо эту бѣду ставитъ на счетъ общины. Она и въ Германіи есть. Съ ней бьются тамъ сколько лѣтъ и сколько денегъ убили, а ужъ тамъ ли подворное хозяйство не достигло кульминаціоннаго пункта? Займись мы передѣлами—получимъ 2 милліарда расхода, плюсъ безконечность времени.

Заключительное слово предсѣдателя А. В. Васильева.

Вопросъ объ общинѣ важенъ и сложенъ, и мы сегодняшней бесѣдой его не кончили. Ограждаю докладчика отъ обвиненій двухъ несходныхъ по воззрѣнію сторонъ: г. Бояновскаго и Птицына. Первый обвинялъ докладчика въ томъ, что тотъ не совпадаетъ въ своихъ положеніяхъ со взглядами Русскаго Собранія. Второй, не понявъ цѣли доклада, несправедливо обвиняетъ автора въ крѣпостничествѣ.

Община — драгоцѣнное учрежденіе нашего быта, она произведеніе русскаго народнаго духа. На нее часто нападаютъ въ послѣднее время (Сигма, Никольскій), но она будетъ стоять, такъ какъ только легкомысленное невѣжество можетъ утверждать, что она создалась послѣ 19 февраля 1861 г. Говорятъ, что община—пережитокъ, что она была и на Западѣ, но тамъ, благодаря высшей культурѣ, исчезла. Но, если не считать, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, а вѣрить, что онъ созданъ по образу и подобію Божію, то не все, что было въ старину у другихъ народовъ и теперь ими утрачено,—худо и требуетъ уничтоженія! На Западѣ община потому не устояла, что тамъ развился крайній индивидуализмъ; у насъ же, Славянъ,—братство движущее начало, это начало племенное, укрѣпленное затѣмъ христіанствомъ.

Нашъ народъ-общинникъ отрицаетъ частное землевладѣніе: земля, какъ и остальныя стихіи, общее достояніе, Божья! Отсталый ли это взглядъ или такой, къ которому на Западѣ приходятъ самые передовые мыслители? Напримѣръ, Генри Джорджъ, американскій экономистъ, тоже утверждаетъ, что не должно быть права частной собственности на землю. Любопытно его обличеніе Герб. Спенсера, нѣкогда утверждавшаго то же самое, а теперь, ради связей съ лордами-землевладѣльцами, отрекшагося отъ этой своей мысли, которую тѣмъ не менѣе въ Америкѣ онъ продолжаетъ распространять стереотипными изданіями своего юношескаго труда. И у насъ едва не прошелъ уже законопроектъ подъ скромнымъ заглавіемъ: «объ отмѣнѣ круговой поруки», имѣющій въ сущности задачей разрушить общину и сдѣлать всю надѣльную крестьянскую землю предметомъ рыночнаго торга. Этимъ путемъ, быть можетъ, будетъ насаждено хуторское хозяйство въ Россіи и процвѣтетъ земледѣльческая культура; но $^3/_4$, а можетъ быть и $^9/_{10}$ всего земледѣльческаго населенія лишится земли и обратится въ батраковъ. Но такого прогресса культуры не можемъ мы желать Да не будетъ!

На основную мысль докладчика мало кто обратилъ вниманіе. Правда, она имъ только намѣчена и совершенно не разработана. А между тѣмъ она заслуживаетъ самаго пристальнаго нашего вниманія и тщательной разработки.

Вопросъ въ томъ: не пришло ли время дальнѣйшаго развитія общины? Разумъ подсказываетъ, что общую землю неразумно дробить на безчисленное множество отдѣльныхъ узенькихъ полосокъ, когда съ гораздо большими удобствами и несравненно меньшею затратою силъ можно ее обработывать сообща, міромъ, и дѣлить затѣмъ, по идеальнымъ долямъ и по работѣ каждаго, снятый уже и убранный урожай. За постановку впервые въ нашемъ Совѣщаніи этого въ высшей степени важнаго вопроса я считаю долгомъ отъ лица всего Совѣщанія поблагодарить докладчика.

Собраніе привѣтствовало это заключеніе предсѣдателя общими и шумными рукоплесканіями.

II. Совѣщаніе объ охранѣ чистоты русской рѣчи.

29 марта 1902 г. докладъ дѣйствительнаго члена А. С. Будиловича: „Нѣсколько замѣчаній на докладъ московскихъ педагоговъ по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія".

А. С. Будиловичъ разъясняетъ, что въ «Докладѣ» московскихъ педагоговъ нѣтъ новыхъ теоретическихъ данныхъ и соображеній по возбужденному вопросу. Произведенный московскими педагогами опытъ русскихъ диктовокъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — на которомъ единственно и зиждутся всѣ ихъ положенія и выводы, — не можетъ служить основою для упрощенія русскаго правописанія. Сложность и сбивчивость русскаго правописанія въ «Докладѣ» московскихъ педагоговъ крайне преувеличены. Проектъ московскихъ педагоговъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ этимологическимъ основамъ нашего правописанія, которыя ихъ же «Докладъ» признаетъ для него обязательными. Еще менѣе удовлетворителенъ этотъ проектъ при историческомъ взглядѣ на русское правописаніе. Ссылка «Доклада» на предстоящее преобразованіе русской средней школы въ данномъ случаѣ вовсе не убѣдительна. Допущеніе «упрощеннаго» правописанія въ наши школы привело бы къ ихъ отторженію отъ общей литературы и послужило бы источникомъ новой смуты въ умахъ учениковъ. Западныя, а въ частности славянскія аналогіи и опыты упрощенія правописанія говорятъ не за проектъ, а противъ него. Наконецъ наличность важныхъ задачъ нашего времени не дозволяетъ отвлекать вниманіе общества и школы къ столь второстепеннымъ и не неотложнымъ вопросамъ, какъ измѣненіе правописанія.

(Докладъ А. С. Будиловича напечатанъ въ т. V Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ).

Въ оживленномъ по поводу доклада обмѣнѣ мнѣній принимали участіе многіе изъ членовъ Совѣщанія. Между прочимъ, *Ив. В. Преображенскій*, въ дополненіе къ положенію докладчика, высказалъ, что произведенный

московскими педагогами опытъ диктовокъ потому не можетъ служить ни для какихъ выводовъ, что онъ произведенъ совершенно не научно. Не установлено одинаковости качества и условій самого диктованія; между тѣмъ, большая или меньшая правильность письма зависитъ отъ времени диктовки: произведена ли она утромъ, когда вниманіе учениковъ свѣжо, или когда оно уже утомлено другими занятіями, и отъ большей или меньшей осмысленности и отчетливости произношенія цѣлыхъ фразъ и отдѣльныхъ словъ диктующими. Безъ соблюденія этихъ условій выводы «Доклада», что ученики IV класса пишутъ лучше восьмиклассниковъ и гимназистки лучше гимназистовъ, становятся понятными; но основанныя на этихъ выводахъ предположенія исправленія правописанія суть зданіе, построенное на пескѣ.

А. Ѳ. Ечинацъ, ссылаясь на произведенную знаменитымъ Караджичемъ замѣну сербскаго этимологическаго письма фонетическимъ письмомъ, высказался въ пользу подобнаго же преобразованія и русскаго правописанія.

Предсѣдатель Совѣщанія А. В. Васильевъ въ заключительномъ словѣ высказалъ слѣдующее:

Трудности русскаго правописанія въ сущности ничтожны по сравненію съ тѣми отступленіями письменности отъ произношенія, какія мы видимъ, напримѣръ, у французовъ, не говоря уже объ англичанахъ, у которыхъ глазъ видитъ на бумагѣ совсѣмъ не то, что произноситъ языкъ и слышитъ ухо. И, однако же, эти народы поступаютъ мудро, сохраняя свое этимологическое и историческое письмо, ибо этимъ сохраняется осмысленность языка, его разумъ. Пиши англичане такъ, какъ они говорятъ, и ни одинъ филологъ не доискался бы происхожденія и первоначальнаго значенія ихъ словъ. Безумны эти повторяющіяся время отъ времени попытки исказить русскую грамоту, — дѣлаются ли онѣ въ сторону фонетики или такой вновь изобрѣтенной и въ сущности нелѣпой этимологіи, какую предлагаютъ московскіе педагоги. Языкъ, это такой же живой организмъ, живущій вѣка и тысячелѣтія въ душѣ и въ устахъ народа, какъ и самъ народъ. Они, какъ по названію, такъ и по самой ихъ духовной сущности почти тожественны. Жалокъ народъ, утратившій свой языкъ. Фонетическое же письмо, какъ и такая, не исторически сложившаяся, а измышленная досужими умами этимологія, какую предлагаютъ московскіе педагоги съ профессоромъ Брандтомъ во главѣ, ведетъ именно къ утратѣ и распаденію языка. Вѣдь выговоръ словъ, произношеніе ихъ у одного и того же народа неодинаковы, а, напротивъ, безконечно разнообразятся не только во времени, но и у современниковъ по разнымъ мѣстностямъ; не только каждая губернія, но каждый городъ и чуть ли не каждая деревня, и даже отдѣльныя семьи и лица имѣютъ свои особенности въ произношеніи и употребленіи словъ. Общая,

составившаяся исторически, грамота и даетъ всему этому разнообразію и пестротѣ языковое и народное единство. Мы теперь также свободно читаемъ Нестора и другихъ древнихъ нашихъ писателей, какъ если бы все это было писано при насъ. Уступая фонетикѣ и мѣняя въ угоду тупымъ и безграмотнымъ людямъ нашу этимологію, мы разучимся, понимать не только своихъ отдаленныхъ предковъ, но то, что было писано лѣтъ за 50 до насъ.

Караджичъ, на котораго ссылался А. Ѳ. Ечинацъ и заслуга котораго передъ Сербскимъ народомъ и всѣмъ Славянствомъ въ дѣлѣ собиранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ несомнѣнна и велика, замѣною прежняго сербскаго этимологическаго письма фонетическимъ, оказалъ сербамъ плохую услугу.

Мало того, что съ этимъ преобразованіемъ сербской грамоты затруднилось для сербовъ пониманіе русской и всякой другой славянской рѣчи, а въ томъ числѣ и прежней сербской письменности, фонетическое письмо ведетъ постепенно къ искаженію сербскаго языка не только на письмѣ, но и въ устахъ народа. Я лично наблюдалъ это искаженіе. Сербы старые, учившіеся грамотѣ попрежнему, говорятъ, какъ и мы, членораздѣльно: «объява», «изъява» (объявленіе, изъявленіе); сербы молодые, чуть не всѣ, утратили уже эту членораздѣльность и говорятъ: «обява», «изява» (пишутъ: «објава, изјава»). Прежде у нихъ писалось: «отац», «судац» (отецъ, судья) въ косвенныхъ падежахъ «отца», «отцу», «судца», «судцу», теперь пишутъ и говорятъ: «оца», «суца», «оцу», «суцу». Едва ли все это украшаетъ сербскій языкъ, и едва ли даже облегчаетъ усвоеніе грамотности и граматики языка. Вѣрнѣе, такое писаніе затрудняетъ разумное усвоеніе языка, осмысленное изученіе и употребленіе его падежныхъ и глагольныхъ формъ.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ порчи сербскаго языка нетрудно понять, какъ важно и для русскаго языка сохраненіе въ его грамотѣ нѣмыхъ гласныхъ — твердаго **ъ** и мягкаго **ь**. Важно сохраненіе этихъ буквъ не только въ серединѣ составныхъ словъ для раздѣльности ихъ произношенія, но и въ окончаніяхъ словъ, гдѣ онѣ помогаютъ распредѣленію именъ по разнымъ склоненіямъ. Отбросивъ, какъ это легкомысленно предлагаютъ московскіе педагоги, твердый и мягкій знакъ въ такихъ словахъ, какъ «рожъ» и «ножъ», какъ втолковали бы мы ребенку, что эти два совершенно подобныя по окончанію слова имѣютъ разный родъ и должны склоняться совершенно различно. Не затруднится ли этимъ во сто кратъ противъ нынѣшняго изученіе русской граматики? Столь же нелѣпы

предложенія московскихъ педагоговъ писать въ неопредѣленномъ наклоненіи безъ ь: «гнатся», «леч», и ставить вмѣсто еръ ерикъ въ словахъ: «обьемъ» «сьесть» (вмѣсто объемъ, съѣсть).

Скажу еще о буквѣ ѣ, противъ которой особенно усердно ратуютъ малосмысленные и малограмотные люди, не помнящіе историческаго родства и не знающіе красоты и духа русскаго языка, хотя бы они были московскіе педагоги и даже профессора-филологи. Буква ѣ, — это драгоцѣнный даръ Славянскому народу Св. Кирилла или того великаго разумомъ мужа, который составилъ старославянскую, такъ называемую Кирилловскую азбуку. Этою буквою хранится единство языка, ибо она даетъ единство разумѣнія такихъ тожественныхъ по значенію словъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ Славянскаго міра, не только разными народами, языками, но и въ одномъ и томъ же, напримѣръ, нашемъ Русскомъ народѣ, по разнымъ мѣстамъ, нарѣчіямъ и говорамъ, произносятся въ томъ именно слогѣ, гдѣ ставится ѣ, различно. «Мѣсто», «лѣсъ» — пусть каждый произноситъ букву ѣ, какъ въ этихъ словахъ произносить ее ему свойственно, но единство начертанія этихъ различныхъ звуковъ даетъ и единство пониманія этихъ тожественныхъ по значенію словъ. Совсѣмъ другое получится, если каждый будетъ писать эти слова, слѣдуя своему говору: тѣ, кто говоритъ «місто», «лісъ» или «място» «лясъ», не признаютъ этихъ родныхъ имъ словъ въ словахъ «место» и «лесъ» и предположатъ въ нихъ другія, неизвѣстныя имъ значенія. Какъ важно сохраненіе этой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не имѣющей никакого значенія буквы ѣ для сохраненія полноты и самого разумѣнія языка, покажу на слѣдующихъ двухъ примѣрахъ:

Мы теперь развѣ только въ насмѣшку употребляемъ слово «в и т і я», и, за отсутствіемъ другого равнозначущаго ему русскаго слова, употребляемъ постоянно иноязычное, мало нашему уму и сердцу говорящее, слово «о р а т о р ъ». А это потому, что, уступая западнорусскому говору, мы сначала стали неправильно писать слово витія, а вслѣдствіе неправильнаго начертанія утратили и разумѣніе этого слова. Чуждое въ этомъ видѣ нашему великорусскому глазу и слуху, оно стало чуждымъ и нашему пониманію, стало казаться какимъ-то искусственно придуманнымъ, или взятымъ откуда-то изъ-чужи, какимъ-то напыщеннымъ. И все это только отъ утраты буквы ѣ. Стоитъ только возстановить правильное начертаніе этого слова «в ѣ т і я», какъ тотчасъ же объявится его чудный, родной намъ, истинно русскій смыслъ: ясно станетъ, что корень этого слова, а, слѣдовательно, и коренной его смыслъ—тотъ же, что и въ

словахъ: от-вѣт-ъ, вѣче, вѣщій, вѣщать. И ясно станетъ полное соотвѣтствіе его тому понятію, къ которому оно раньше прилагалось, и къ которому мы, возстановивъ правильное его написаніе, опять съ полнымъ разумѣніемъ и удобствомъ можемъ вновь его примѣнять, изгнавъ вовсе непонятное народу и мало дѣлающее чести нашему вкусу иноязычное слово ораторъ.

Другой примѣръ: городъ Минскъ звучитъ для насъ чѣмъ-то совершенно чужимъ и ничего не говоритъ нашему уму и сердцу. Возстановите прежнее начертаніе имени этого города — «Мѣнскъ», и каждый тотчасъ пойметъ, что этотъ городъ и названіе его — русскіе, и каждому освѣтится стародавнее значеніе этого города, какъ мѣста торговли, мѣны. Итакъ, мы должны свято хранить драгоцѣнное наслѣдіе предковъ — историческое наше правописаніе, и передать его неповрежденнымъ потомству. И если можно ждать поправокъ и измѣненій въ этомъ письмѣ, то въ сторону совершенно обратную тому, что намъ предлагаютъ: можно желать устраненія лишь тѣхъ искусственно придуманныхъ граматическихъ правилъ, которыя не требуются произношеніемъ словъ и противорѣчатъ словообразованію, происхожденію того или другого слова. Такъ, было бы лучше писать: «кдѣ», «сдѣсь», вмѣсто принятыхъ «гдѣ», «здѣсь», и въ приставкахъ из, воз, низ не замѣнять буквы з буквою с. Такія и имъ подобныя измѣненія придали бы большую осмысленность письменной рѣчи и уменьшили бы число ошибокъ — не противъ самого языка, а противъ искусственно сочиненныхъ для него правилъ.

Собраніе единодушно присоединилось къ положеніямъ докладчика и къ заключеніямъ Предсѣдателя Совѣщанія.

III. Совѣщаніе о возстановленіи русскихъ одеждъ собиралось три раза.

1) 20 сентября 1901 г. Совѣщаніе открыто рѣчью Предсѣдателя, въ которой разъяснена многосторонняя важность для духовной и хозяйственной и бытовой жизни народа сохраненія высшими руководящими его слоями народной одежды. Истинныя совершенство и красота состоятъ въ согласованности внутренняго содержанія съ внѣшностью. Духовносамостоятельные отдѣльный человѣкъ и цѣлый народъ, или отдѣльная часть народа, его верхи, не станутъ рабски подчиняться и подражать чужой прихоти, чужому вкусу, и рядиться въ иноземное тряпье, въ одежды, не согласованныя ни съ климатомъ своей страны, ни съ нравственнымъ складомъ своего народа. Если высшіе,

верховодящіе слои народа начинаютъ одѣваться совершенно иначе, чѣмъ народъ, то этимъ они видимымъ образомъ отрываютъ и отчуждаютъ себя отъ народа, и сами въ его глазахъ становятся ему чужими и непріязненными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по естественной склонности низшихъ подражать тому, кто живетъ богаче и стоитъ выше, — все, выдѣляющееся изъ народа по большему достатку и по большей образованности, теряется для народа, становится ему постороннимъ, чужимъ, а сама образованность получаетъ уродливое развитіе, ставя себѣ цѣлью преимущественно усвоеніе внѣшнихъ, иноземныхъ, иногда весьма низменныхъ навыковъ и внѣшнихъ-же, нерѣдко весьма уродливыхъ по сравненію съ туземными, оболочекъ и обличій. Отказъ отъ своего народнаго платья и своей обстановки ведетъ также къ упадку всякаго рода домашнихъ производствъ и промысловъ, къ хозяйственному упадку страны и порабощенію ея народа иностранными рынками и къ заполненію внутренняго рынка страны иностранцами.

Подъ вліяніемъ съизмлада воспринимаемыхъ отъ всей окружающей обстановки внѣшнихъ впечатлѣній складывается и внутренній міръ человѣка; уродливая внѣшняя обстановка, окружающія обезображенныя иностранною модою и выправкою фигуры и лица, одежды и утварь, — все это воспитываетъ уродливые, чуждые всякой самостоятельности и устойчивости вкусы и нравы, и убиваетъ чувство красоты и духъ творчества въ охолостившихъ и обезличившихъ себя обществѣ и народѣ.

Но какъ взяться за осуществленіе одной изъ задачъ Русскаго Собранія, предусмотрѣнной его уставомъ и порученной заботамъ нашего Совѣщанія,—за возстановленіе, введеніе вновь во всеобщее употребленіе въ образованномъ городскомъ русскомъ обществѣ народныхъ русскихъ одеждъ?

Задача эта распадается на-двое: первое—необходимо развѣять воспитанные за два послѣдніе вѣка сначала полицейскимъ насиліемъ, а затѣмъ уже изуродованными привычками и вкусомъ, предубѣжденіе противъ ношенія русскаго платья и предпочтеніе ему, какъ чего-то высшаго, иноземныхъ одеждъ. И теперь еще существуютъ чисто внѣшнія препятствія для ношенія русскаго платья: въ нѣкоторыя общественныя собранія и мѣста въ русскомъ платьѣ не впускаютъ, въ иныхъ торжественныхъ случаяхъ распорядители ставятъ обязательнымъ условіемъ для входа «быть во фракахъ», т. е. въ самой непристойной и нелѣпой изъ нелѣпыхъ иностранныхъ одеждъ. Русскому Собранію надо употребить все свое вліяніе для устраненія всѣхъ этихъ внѣшнихъ препятствій и помѣхъ для желающихъ носить русское платье. Затѣмъ устнымъ и печатнымъ словомъ и соб-

ственнымъ нашимъ и семей нашихъ примѣромъ слѣдуетъ доказать русскому обществу преимущества, красоту и удобство русскихъ одеждъ передъ тѣми, какія оно теперь, добровольно уничижая, уродуя и мучая себя, носитъ. Ибо несомнѣнно: твердые хомуты (накрахмальные воротники и манишки у штатскихъ и плотно охватывающие горло жесткіе подпирающіе голову воротники у военныхъ), такъ называемые галстухи — символъ нѣмецкой веревки на русскомъ горлѣ, и непристойныя одѣянія съ развѣвающимся сзади хвостомъ и выхваченнымъ передомъ,—ни необходимости, ни удобства, ни красоты собою не представляютъ и носятся русскими людьми, какъ бы, по какой-то наложенной ими на себя покаянной епитимьѣ!

Вторая половина задачи состоитъ въ выработкѣ приспособленныхъ къ условіямъ современной жизни образцовъ одеждъ, которыя могли бы войти въ повседневный и общій обиходъ. Собраніемъ историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ по части обуви, головныхъ уборовъ и одеждъ дѣло не можетъ ограничиться. Нельзя теперь воспроизвести и возстановить то, что носилось триста-четыреста лѣтъ тому назадъ. Изъ старины вообще можно брать только типы, въ данномъ случаѣ—образцы покроя одеждъ; но по этимъ образцамъ нужно творчество, нужно создать приспособленные къ духу и условіямъ теперешняго времени образцы одеждъ, болѣе легкихъ, удобныхъ и дешевыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящныхъ: только при этомъ условіи онѣ могутъ получить вновь широкое примѣненіе. При измѣненіи Правительствомъ военныхъ и гражданскихъ формъ Русскому Собранію надлежитъ придти на помощь ему и употребить всѣ старанія къ тому, чтобы эти новыя формы создавались дѣйствительно на русскій ладъ. Императоръ Александръ III желалъ илти въ этомъ направленіи, но его починъ не встрѣтилъ въ обществѣ достаточнаго содѣйствія и поддержки, поэтому-то созданныя имъ формы обмундированія войскъ только въ слабой мѣрѣ напоминаютъ собою русское платье; на гражданскихъ же чиновъ преобразованіе его въ этомъ направленіи и вовсе не распространилось (если не считать форму полицейскихъ и низшихъ желѣзнодорожныхъ чиновъ).

Совѣщанію нашему слѣдовало бы подраздѣлиться на два отдѣла, и одному взять на себя собираніе всего того, что до сихъ поръ когда либо высказывалось въ печати за или противъ сохраненія національныхъ одеждъ для образованнаго общества, и затѣмъ дальнѣйшую разработку этого вопроса въ печати; а другому взять на себя осуществленіе задачи возстановленія русскихъ одеждъ въ самой жизни, какъ-то: устраненіе всякаго рода препятствій, выработку рисунковъ и изготовленіе образ-

цовъ и самое проведеніе ихъ въ жизнь. Конечно, въ осуществленіи всѣхъ этихъ задачъ, Совѣщаніе наше встрѣтитъ содѣйствіе и поддержку нашего Совѣта и всего Собранія.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ оживленномъ обмѣнѣ мнѣній, въ которомъ принимали участіе Н. Н. Каразинъ, К. Е. Маковскій, Н. А. Кошелевъ, В. Ф. Желѣзновъ, А. Н. Брянчаниновъ, Е. Н. Кудрявцевъ, В. Я. Радомскій, М. С. Никольскій, С. Л. Астафьевъ и Г. К. Коллежинскій, вопросъ подвергся дальнѣйшимъ разъясненіямъ во всѣхъ намѣченныхъ предсѣдателемъ направленіяхъ. Выражены были пожеланія составлять и издавать сборники рисунковъ и описаній старинныхъ и употребляемыхъ еще и теперь русскимъ народомъ одеждъ, а также выработать и дать всѣмъ желающимъ образцы новыхъ по старымъ типамъ русскихъ одеждъ, удобныхъ для городского образованнаго общества; высказывались пожеланія избѣгать рѣзкихъ красокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить ношеніе цвѣтного платья. По свидѣтельству такихъ знатоковъ дѣла, какъ К. Е. Маковскій, русская старина представляетъ собою дѣйствительно достойный изученія и подражанія примѣръ въ высшей степени изящнаго подбора и сочетанія тѣней и красокъ.

Въ заключеніе Совѣщаніе выслушало докладъ *С. Л. Астафьева* о томъ, *«какъ одѣвалась старая Русь»*, составленный имъ по изданіямъ П. И. Савваитова, Забѣлина и др. знатоковъ этого вопроса.

2) **1 декабря 1901 г.** Предсѣдатель доложилъ Совѣщанію полученное имъ отъ завѣдывающаго костюмною частью Императорскихъ театровъ художника *Евг. Петр. Пономарева* письмо слѣдующаго содержанія:

I. «Милостивый Государь, Аѳанасій Васильевичъ».

«Прошу извинить меня за то, что, не имѣя чести знать Васъ лично, я рѣшаюсь обременить Васъ этою запискою и до личнаго свиданія съ Вами высказать то, что считаю необходимымъ въ дѣлѣ изученія и возстановленія русскихъ одеждъ, надъ которыми я тружусь непрерывно *болѣе 25 лѣтъ*.

Быть можетъ, Провидѣнію угодно было, чтобы Вы обратились ко мнѣ именно тогда, когда я сталъ приводить къ концу всю массу накопленныхъ мною матеріаловъ. Быть можетъ, мой трудъ долженъ былъ дождаться той поры, когда онъ станетъ кому нибудь нужнымъ—и эта пора наступаетъ. Я давно зналъ изъ газетныхъ извѣстій, что гдѣ-то, въ Москвѣ, созидается общество, съ цѣлью воскресить древнія русскія одежды, но что такую же цѣль преслѣдуетъ Русское Собраніе,—этого я не зналъ до полученія Вашей записки.

Такъ какъ Собраніе преслѣдуетъ свою цѣль серьезно, а цѣль эта мнѣ симпатична по моей безмѣрной любви къ старинѣ и къ изученію русскихъ одеждъ въ особенности, то я, не зная еще Вашей программы, позволяю себѣ высказать слѣдующее:

Возстановленіе древняго русскаго платья желательно, помимо укрѣпленія въ нашемъ обществѣ любви къ своей отечественной самобытности, и въ цѣляхъ чисто гигіеническихъ. Русское платье даетъ тѣлу большій просторъ, не стѣсняя его ненужными мелочами, и, кромѣ того, оно удобно для примѣненія къ нашему климату.

Но для того, чтобы носить русское платье осмысленно и примѣнять его къ климату, необходимо всесторонне изучить всѣ виды древнихъ рус-

скихъ одеждъ, ихъ составъ (порядокъ надѣванія), ихъ покрой, а затѣмъ ихъ принадлежности: наголовья, обувь, и т. д.

Изучить же русскія одежды съ надлежащей полнотой возможно только съ XVI вѣка, а еще болѣе съ XVII. Написанныя мною изслѣдованія относятся преимущественно ко времени этихъ двухъ вѣковъ, *но въ связи съ древнѣйшими прототипами каждой одежды*. Извѣстія объ одеждахъ XVI и XVII в. в., въ большинствѣ случаевъ, не восходятъ ранѣе второй половины XVI вѣка.

Программа моего труда такова:

1) Обзоръ всѣхъ выдающихся трудовъ по изслѣдованію русскихъ одеждъ съ 1807 г. по 1896 г., основные источники для изученія русскихъ одеждъ и ихъ значеніе. Сюда входитъ подробный разборъ всѣхъ изданій, посвященныхъ изученію русскихъ одеждъ, начиная съ валуевскаго изданія 1807 г. и кончая 2-мъ изданіемъ труда П. И. Савваитова. Говоря точно, обозрѣніе это затрогиваетъ нѣкоторыя изданія 1899 г.

2) Такъ какъ на составъ одежды или порядокъ ихъ надѣванія *вліяли наголовья*, то второй отдѣлъ моего труда заключаетъ ихъ изслѣдованіе: наголовья, колпаки, наурузы, и шапки, тафьи и друг. наголовья.

3) За «Наголовьями» слѣдуетъ покрой древнихъ русскихъ мужскихъ одеждъ по сохранившимся описаніямъ и по выкройкамъ, снятымъ со старинныхъ одеждъ. Часть такихъ выкроекъ и даже сшитыхъ по образцу древняго платья одеждъ у меня имѣется.

Далѣе слѣдуютъ

Одежды, общія XVI и XVII вѣкамъ (о каждой одеждѣ особая статья):

1) Сорочка, (рубашка).
2) Зипунъ, зипунецъ.
3) Кафтанъ, кафтанецъ.
4) Фрези, (ѳерези).
5) Однорядка, однорядный кафтанъ.
6) Шуба.
7) Опашень опашенка.
8) Охабень, охабенка.
9) Епанча и приволока.
10) Терликъ.
11) Армякъ, (Ормякъ, ормячекъ).
12) Сермяга.
13) Тегиляй.
15) Азямъ (од. XVI; отямъ соврем., старообр.).
15) Чуга, чюга.
16) Платно, од. мужск. и женск.; платно дух. лицъ, боярскихъ слугъ, сокольниковъ; платно од. царская, платно на гробѣ государевомъ и боярскомъ.

Одежды, принадлеж. исключит. къ XVI в.

17) Чехолъ, сермяга царская ѣздовая, тегиляй царскій.

Одежды, принадлеж. исключит. къ XVII в.

18) Емурлукъ, емарлукъ, имурлукъ.
19) Кебенякъ, кобенякъ, кибенякъ, тебенякъ.

20) Кожухъ, кожанъ.
21) Сарафанъ царскій, (сарафанецъ, зарафанецъ).
22) Бешметъ (бѣшметъ), чекмень, чуфай (чюфай), теболтасъ, кошуля.
23) Кабатъ.
24) Ферезѣя, ѳерезея, (съ 1654 г.).

Особый отдѣлъ рѣдко упоминаемыхъ въ памятникахъ одеждъ.

25) Дылѣя (XVI и XVII в. в.).
26) Тѣлогрѣя мужская (XVI в.).

Потомъ слѣдуютъ: Посохи, жезлы, трости. Стряпня царская. — Прически, бороды. — Пояса, кушаки, опояски, тесьмы. — Рукавицы, рукавки.— Обувь.—Яблоко (держава) и скипетръ.

Изслѣдованіе заканчивается отдѣльными статьями:

1) Рунды, подрунды и поддатни; ихъ начало, назначеніе и раздѣленіе. Рынды разныхъ походовъ. Рынды богомольныхъ походовъ. Рынды посольскіе. Топоры, мечи и цѣпи рындъ; ихъ обувь, одежды и наголовья. Мѣстничество рындъ и причина ихъ уклоненія отъ «бѣлаго платья».

2) Московскіе пушкари XVII вѣка; ихъ одежда, наголовья и обувь; пальники. Аламы, (изслѣдованіе на основаніи новѣйшихъ источниковъ).

Вы не сочтете пустою фразой, если я скажу, что на трудъ, мною поднятый, ушло не только много времени, но и здоровья. О моихъ занятіяхъ хорошо освѣдомлены Влад. Вас. Стасовъ и профессоръ Николай Петровичъ Лихачевъ.

Въ тишинѣ я приготовляю свой трудъ къ окончательному изданію. Его долженъ сопровождать родъ альбома, со снимками съ древнихъ подлинниковъ и съ сохранившихся платьевъ и ихъ выкроекъ.

Женскими одеждами я также усердно занимался и скопилъ не мало матеріаловъ для ихъ изученія, но работу надъ ними отложилъ. Дай Богъ дожить до окончанія одного дѣла.

И вотъ, въ виду страстной преданности наслѣдію старины, я нѣсколько смущенъ желаніемъ Вашимъ осмотрѣть наши театральные костюмы. Положимъ, я всегда старался возможно ближе и правильнѣе возстановлять ихъ *внѣшній видъ, но покрой* ихъ при этомъ волей-неволей пришлось нарушать; виною тому требованія гг. артистовъ, которые еще не дошли до того, чтобы сознавать, какъ хорошъ и типиченъ *настоящій*, иногда мѣшковатый (на ихъ взглядъ) покрой древнихъ одеждъ. Могу сказать, что мною *впервые произведены попытки выдѣлить и отдѣлить внѣшній видъ платья XVI в. отъ одеждъ XVII столѣтія* (въ оп. «Опричникъ», «Царская Невѣста»). Но *костюмъ* не есть одежда и поучительнаго въ немъ весьма немного. Костюмы для оп. «Царская Невѣста» изготовляются въ мастерскихъ дома Дирекціи, по Театральной ул. (близь моего жилища), и Вы можете ихъ видѣть, если Вамъ будетъ это угодно.

Общество стремящееся къ прекрасной цѣли:—возстановить и вызвать къ жизни древнія русскія одежды, вполнѣ можетъ начать это дѣло съ изученія *подлинныхъ* покроевъ (и выкроекъ) одеждъ, съ изученія примѣненія платья *во всѣ* времена года, во всѣхъ *составахъ* одеждъ. За образецъ можно принять обычаи и ритуалъ одеждъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Онъ простъ, весьма понятенъ и удобно примѣнимъ къ дѣлу. Богъ дастъ, мы о немъ будемъ имѣть возможность переговорить.

Еще разъ извиняюсь за пространное письмо. Виною этому — цѣль Русскаго Собранія, столь близкая и дорогая для меня.

Сегодня вечеромъ я имѣлъ честь получить, черезъ г. Высшенскаго, Ваше приглашеніе въ Русское Собраніе, гдѣ въ Субботу, 1-го декабря, въ $8^1/_2$ ч. вечера, будутъ обсуждаться вопросы о возстановленіи русскихъ одеждъ.

Къ сожалѣнію, я не могу воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ, такъ какъ дѣла служебныя наполняютъ все мое время, и я едва успѣваю удѣлять немногіе часы для личныхъ дѣлъ и занятій.

Единственно, что могу предложить Вамъ: отвѣтить, если Вы пожелаете, на вопросы, могущіе возникнуть на Вашемъ засѣданіи 1-го декабря. Эти письменные отвѣты могутъ быть даны мною, конечно, только въ томъ случаѣ, если рѣшеніе различныхъ вопросовъ о русскихъ одеждахъ не превыситъ моихъ скромныхъ знаній и не потребуетъ обнародованія такихъ подробностей, которыя добыты мною путемъ многолѣтнихъ изысканій и потому не могутъ быть мною оглашены до выхода въ свѣтъ всего моего изслѣдованія о древнихъ русскихъ одеждахъ.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ почтеніи и готовности къ услугамъ.

Е. Пономаревъ.

Изъ приведеннаго письма усматривается, что одна изъ труднѣйшихъ нашихъ задачъ—историческое изслѣдованіе русскихъ одеждъ, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая касается мужскихъ одеждъ, уже выполнена трудами Е. П. Пономарева *). Русскому Собранію остается пожелать, чтобы трудъ г. Пономарева поскорѣе былъ обнародованъ и просить его до тѣхъ поръ, если это осуществится не скоро, не отказать Русскому Собранію въ своемъ руководствѣ и добрыхъ совѣтахъ.

Затѣмъ Совѣщаніемъ было выслушано съ живѣйшимъ вниманіемъ сообщеніе предсѣдателя о напечатанной Вл. Ив. Ламанскимъ въ 1870 г. въ журналѣ «Заря», издававшемся Кашперовымъ, статьѣ о *Евдокимѣ Михайловичѣ Кравковѣ, дворянинѣ старовѣрѣ*, содержаніе которой вкратцѣ слѣдующее:

Евдокимъ Михайловичъ Кравковъ, дворянинъ старовѣръ.

27 сентября 1784 г. въ Нижегородское намѣстническое правленіе представленъ былъ съ рапортомъ отъ Балахнинскаго земскаго исправника отставной кап.-лейт. Кравковъ. Исправникъ усмотрѣлъ его въ Макарьевской слободѣ «шатающимся въ пьянствѣ и неподобной одеждѣ». При немъ былъ паспортъ за подписью вице-ад. Чичагова. Исправникъ схватилъ его и не за пьянство: мало-ли пьяныхъ шлялось. Нѣтъ. Причина—«неподобная одежда», борода, образъ Николая Чуд. и какая-то старинная книга въ 8⁰, переплетенная въ черную кожу.

Полицейскихъ преслѣдованій старинной одежды, бороды тогда не было. Стало быть, «неподобіе» — отъ того, что онѣ оказались на плечахъ «благороднаго» человѣка.

И. д. Нижег. и Пенз. ген.-губернатора, ген.-поручикъ Ребиндеръ написалъ по отобраніи отъ К. показаній въ П.-б. генер. прокурору кн. А. А.

---

*) Е. Н. Пономаревъ скончался въ началѣ 1906 г. и трудъ его остается пока неизданнымъ.

Вяземскому. Кравковъ показалъ, что онъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, жилъ въ раскольн. за Волгою скитахъ и, находя въ разсужденіи церковныхъ книгъ сомнѣніе, не только духовенство, но и церковь не почитаетъ, таинствъ ея принимать не желаетъ. Кравкова увѣщевалъ архіерей, но К. остался при своемъ развратѣ, говорилъ, «что онъ ни подъ чьею не состоитъ властью и никто ему ни въ чемъ указать не можетъ; гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ»

Доложили Императрицѣ, и по Выс. повелѣнію его 13 ноября 1784 г. привезли въ Пб.

На допросѣ К. разсказалъ свое прошлое, сообщилъ, что ему отказали въ пенсіонѣ (гр. И. Г. Чернышевъ). Горе заговорило въ немъ и онъ запилъ въ своей деревенькѣ, пилъ «до чертиковъ». Звали его въ общество масоновъ, но онъ убоялся «сего зла», потому что масоны Бога не знаютъ. «Я рѣшился искать прямо Христовой вѣры, ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это (т. е. русское) и пошелъ къ раскольникамъ, въ раск. скитъ, гдѣ и нашелъ людей, прямо живущихъ по З. Божію».

С. И. Шешковскій: «Но тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія, наполненные суевѣрствомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему, отнюдь не прилично по здравому разуму примѣняться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ (К. участвовалъ въ 13 кампаніяхъ, бывалъ въ Архипелажской экспедиціи, въ Копенгагенѣ, Портсмутѣ, Ливорно).

Кравковъ: «Мнѣ ни честь, ни дворянство не нужны, а пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю, что они основаны на истинѣ Св. Писанія, а посему я ихъ и считаю настоящими христіанами».

«Вѣдь эти люди,—повторяла Экспедиція,—наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то, кажется, никакъ несовмѣстно вамъ быть въ ихъ сообществѣ».

К. «Я ничего не хочу. Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ; бороды брить, другого платья носить и лучшей участи имѣть не желаю, а только прошу отпустить меня за границу, я тамъ себѣ изберу мѣсто, какое мнѣ Богъ назначитъ. А эти люди, живущіе въ лѣсахъ, упражняются въ богомоліи и трудахъ, да они же, бѣдные, и подати платятъ; въ томъ же скиту, гдѣ я былъ, живетъ человѣкъ сто мужчинъ и сотъ до 5 женщинъ; и старухи всѣ трудятся въ работахъ».

Экспедиція замѣтила на это, что такъ какъ они имѣютъ земли и промыслы, то и должны наравнѣ съ прочими платить госуд. подати.

К. разсуждалъ иначе, по мужицки: «Земля та вѣдь Божья, а Богъ не велѣлъ никакого насилья дѣлать, ибо онъ сотворилъ всѣхъ равными».

Желая его усовѣстить, Э. говорила: «Стыдно вамъ, имѣвши чинъ шт.-офицерскій, быть такъ упряму противу установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, кои, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что самое случилось и съ вами».

«Ежели я сдѣлалъ какое зло — отвѣтилъ К.—то въ волѣ вашей; можете меня мучить, бить, или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите, судите меня воинскимъ судомъ. Хотя сжечь велите, только я отъ своего намѣренія не отступлю».

Раціоналисты Тайной Эксп. почтили «оподлившагося дворянина» ироніей: «Никто васъ мучить не будетъ, да и нѣтъ нужды. Можно думать, что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать, и для того вамъ въ напутствіе дали образъ свя-

тителя Николая. Мучить нужды настоять не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ госуд. законамъ, повиновеніе, какъ отъ свѣдущаго по службѣ человѣка и заслужившаго шт.-офиц. чинъ».

К. «Я уже болѣе говорить не буду; я все сказалъ, чтобы отпустить меня за границу; вѣдь другихъ отпускаютъ. А. буде нельзя, отпустите на каторгу, такъ я тамъ буду работать; или отошлите въ острогъ, я тамъ трудиться буду; а здѣсь я запертъ и живу въ праздности».

Попросили подъ вопросными и отвѣтными пунктами подписаться. К. на это отвѣтилъ: «дѣлайте, что хотите; я вѣдь забылъ и писать».

Призывали для увѣщанія Преосв. Гавріила, но на обращенную рѣчь этого къ Кравкову получился отвѣтъ: «Помилуйте, что вамъ до меня за нужда. Богъ насильно никого ко спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись, почему, какъ я о величествѣ Божіи мыслю и ищу спасенія, знать никто не можетъ».

17 ф. 1785 г. кн. Вяземскій во исп. Выс. воли приказалъ: «Онъ, К., какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ св. церкви и избравъ лучшее сожитіе съ невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовн. и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ госуд. законамъ воздѣйствовать не могли, за что по силѣ законовъ и достоинъ онъ тяжкаго осужденія». Но изъ отвѣтовъ-де видно что онъ лишенъ, конечно, здраваго разсудка, а потому, болѣе подражая матернему Ея В. человѣколюбію, отъ положеннаго законами осужденія избавить и послать за надежнымъ присмотромъ въ Ревельскую крѣпость. Писемъ писать ему не велѣть и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги, цера, чернилъ и всего, къ письму способнаго, ему ни для чего не давать».

Въ 1796 году онъ былъ еще тамъ.

«Повторяемъ, что лица, осудившія К. за его неправославіе, сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такъ съ К. Если бы, напр., К. былъ деистъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его; очевидно не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогда правительственныя лица въ Россіи вмѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества сами глубого сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правит. лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль хватать въ Тайн. Экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ; словомъ, всѣхъ образованныхъ людей неправославныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ православіе. Извѣстны сношенія Ек. II съ Вольтеромъ; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну, а тогдашній Об. Прок. Синода П. П. Чебышевъ громко хвалился своимъ атеизмомъ. Но отчего же Тайная Экспедиція, встрѣтясь съ Кравковымъ, вдругъ воспламеняется жаромъ учительства?

Мы видѣли, что Кр. пытаютъ не за то собственно, что онъ мыслилъ и вѣровалъ неправославно, а за то, что онъ, природный россійскій дворянинъ и отст. шт.-офицеръ, носилъ бороду и «неподобную» одежду, мыслилъ и вѣровалъ, какъ невѣжда, не согласно съ тогд. исправниками, губернаторами, С. И. Шешковскимъ, кн. А. А. Вяземскимъ и Имп. Екатериною II. По существу не напоминаетъ ли это дѣла священ. Тайной Инквизиціи, о которой если не самъ Шешковскій, то кн. Вяз. и Императрица отзывались, безъ сомнѣнія не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ»!

3. Наконецъ, Капитанъ Преображенскаго полка *А. Н. Шиповъ* сдѣлалъ въ Русскомъ Собраніи докладъ о необходимости преобразовать по русскому образцу одежды русскихъ войскъ и о преимуществахъ вообще русскаго платья предъ европейскимъ. Непосредственно послѣ доклада, — который, напечатанный г. Шиповымъ, раздавался членамъ Русскаго Собранія и имѣется въ продажѣ, — въ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Аѳ. Вас. Васильева произошли оживленныя пренія, въ которыхъ участвовали многіе члены Собранія, выяснявшіе въ своихъ рѣчахъ все несоотвѣтствіе носимаго образованными русскими людьми европейскаго платья русскому народному міросозерцанію и нраву, требующимъ и отъ внѣшняго облика человѣка простоты, степенности и благопристойности.

Въ 1902 г. собраній Совѣщанія не было, но предсѣдателемъ Совѣщанія получены нѣкоторыя любопытныя по этому дѣлу сообщенія, и по его порученію однимъ изъ талантливыхъ нашихъ художниковъ вырабатываются рисунки одеждъ, которыя могутъ послужить и для частнаго употребленія, и образцомъ для преобразованія формы для правительственныхъ вѣдомствъ. Послѣ надлежащей подготовки дѣло это будетъ доложено Совѣщанію.

(Доселѣ напечатано «въ Извѣстіяхъ Русскаго Собранія» 1903 г. кн. III).

IV. Совѣщаніе по церковно-общественнымъ вопросамъ.

Интеллигенція и Церковь.

Въ журналѣ Религіозно-философскаго общества «Новый Путь» появился въ высшей степени замѣчательный докладъ, сдѣланный, кажется, первому собранію этого общества *Валентиномъ Александровичемъ Тернавцевымъ*, о причинахъ глубокаго разлада между Русской Церковью и русской интеллигенціей, пагубнаго для той и другой, и объ условіяхъ, при которыхъ могла бы возстановиться наша народная духовная цѣлость. Николай Матвѣевичъ Соколовъ написалъ по этому поводу большую книгу и выступилъ въ Русскомъ Собраніи съ рядомъ докладовъ, въ которыхъ страстно и, по моему, опрометчиво нападалъ на глубоко искреннія и правдивыя положенія В. А. Тернавцева.

Чтобы дать членамъ Русскаго Собранія возможность легче разобраться въ столкновеніи мнѣній этихъ двухъ писателей, одинаково преданныхъ Церкви и горячо любящихъ свой народъ, я въ своемъ докладѣ сопоставилъ противорѣчивыя положенія того и другого и по каждому изъ этихъ положеній далъ свой заключительный выводъ. Привожу этотъ мой докладъ цѣликомъ:

В. А. Тернавцевъ	Н. М. Соколовъ
В. А. Тернавцевъ. Проповѣдники русской церкви наставлены въ вѣрѣ односторонне, ложно воодушевлены, мало знаютъ и еще менѣе понимаютъ всю значительность мистической и пророчественной стороны христіанства. Они въ христіанствѣ видятъ и понимаютъ *одинъ только* загробный идеалъ, оставляя земную сторону жизни, весь кругъ общественныхъ отношеній пустымъ, безъ воплощенія истины. *Эта односторонность* мѣшала имъ *стать ловцами человѣковъ нашихъ дней.*	*Н. М. Соколовъ.* Да, чтобы «стать ловцами человѣковъ нашихъ дней», надо идти на большія сдѣлки съ совѣстью. Прежде всего надо *отказаться отъ загробнаго идеала*, а этого проповѣдники, исповѣдующіе христіанскій символъ вѣры, сдѣлать не могутъ. Христіанство безъ чаянія «воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка» не христіанство, да и не религія. (405).

Аѳ. В. Васильевъ. Но Тернавцевъ такого отказа отъ «загробнаго идеала», отъ «чаянія воскресенія мертвыхъ и жизни буд. вѣка» не только не требуетъ, но такія и имъ подобныя уступки, на которыя готовы идти нѣкоторые для большей удобопріемлемости христіанства людьми невѣрующими, — Тернавцевъ называетъ «обкрадываніемъ христ-ва» и говоритъ, что на этой почвѣ примиренія интеллигенціи съ церковью быть не можетъ. Интеллигенція ищетъ Бога живаго, личнаго. Т—въ приводитъ слова Ничше: «мнѣ нужна рука, протянутая мнѣ»... Слѣдовательно, Н. М. Соколовъ мысль Тернавцева плохо понялъ.

Т. «Единственно, что они хранятъ, какъ истину для земли и о землѣ,— это самодержавіе, какъ нѣкій начатокъ новаго порядка и какъ бы «новой земли». Робкая вѣра, что Россія скажетъ какое-то свое великое слово, остается у нихъ на степени чаянія сердца, съ которымъ они сами не знаютъ, что дѣлать. Все смутно, шатко, не облечено авторитетомъ никакихъ опредѣленныхъ, возвышенныхъ ученій.— Могутъ ли люди такого вооруженія вступать на такое необъятное дѣло?»

С. «Съ какой стати Тернавцевъ облыжно обвиняетъ учащую церковь, будто она смотритъ на самодержавіе, какъ на «нѣкій начатокъ» новаго порядка и какъ бы новой земли? Этотъ нѣкій начатокъ сдѣланъ очень давно и не для новой, а для старой Русской Земли. Другое дѣло, *крѣпкая вѣра въ жизненность этого начатка и на всѣ будущія времена.* Православная церковь всегда вѣрила въ это и будетъ вѣрить, ибо она не католическая и не протестантская. Учащая церковь *никогда* не сниметъ подобнаго вооруженія... Если бы она отказалась отъ подобнаго оружія, она осталась бы совсѣмъ безоружной и неспособной къ жизни. Надо думать, что она отъ подобнаго вооруженія никогда не откажется» (405).

В. Тернавцевъ не только не требуетъ отказа отъ самодержавія, но какъ и Соколовъ,—и въ этомъ оба они тяжко заблуждаются—дѣлаетъ Самодержавіе какъ бы предметомъ церковной вѣры: единственно, что они (т. е. учащія силы Церкви) хранятъ, говор. Т — въ, какъ истину для земли и о землѣ, это — самодержавіе, какъ нѣкій начатокъ новаго порядка и какъ бы «новой земли» — не въ смыслѣ новой во времени, а въ смыслѣ осуществленія неосуществившихся еще доселѣ христіанскихъ чаяній новаго слова и новыхъ дѣлъ.

И наше убѣжденіе—таково, что самодержавная Царская власть, оставаясь вѣрною православному соборному христіанству, скорѣе и легче всякой другой власти могла бы осуществить христіанскія чаянія народовъ, и въ этомъ именно—ея призваніе! Но, будучи явленіемъ историческимъ, бытовымъ, она сама способна уклоняться въ сторону, противоположную христіанскимъ чаяніямъ, измѣнять своему призванію; и потому Церковь, которая всегда должна быть неразлучна со Христомъ, Царемъ Небеснымъ, не должна и не можетъ связывать себя неразрывными узами съ властью царя земного, которая мо-

жетъ отступиться отъ Христа и отдаться Веліару. Духъ же Божій вѣетъ, гдѣ хочетъ. Онъ можетъ просвѣтить свѣтомъ вѣры Христовой и воодушевить на христіанскій подвигъ и такой народъ, который управляется не самодержавною властію наслѣдственнаго царя, а инымъ образомъ. Поэтому не царское самодержавіе должно быть предметомъ вѣры церковной, а само оно должно быть одушевлено и водимо вѣрой Христовой, хранительницею которой и руководительницею въ которой должна быть Церковь. И странно и нечестиво думать и утверждать, что безъ царскаго самодержавія Церковь осталась бы безоружной и неспособной къ жизни.

Т. «Изъ камней Богъ можетъ воздвигнуть дѣтей Аврааму».

С. Пока чуда нѣтъ, камни остаются камнями, а интеллигенція интеллигенціей. Во всякомъ случаѣ это замѣчаніе цѣнно, потому что указываетъ *степень правдоподобности* ожиданій автора.

Т. «Надо понять, что интеллигенцію, какъ таковую, вѣрою потусторонняго будущаго, проповѣдью *только* загробнаго идеала не возьмешь. Она способна отдаться только вѣрѣ настоящаго».

С. находитъ здѣсь іудейство. «Здѣсь не достаетъ идеи безсмертія и вѣчной жизни. Мысль остается направленной на земную жизнь и земныя награды: *да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли.* Такимъ обр., Тернавцевъ говоритъ, что интеллигенцію не возьмешь христіанскими началами и что она способна открыться *только іудейскому вѣроученію*... Мысль была бы гораздо опредѣленнѣе, если бы авторъ прямо сказалъ, что родъ человѣческій возродится *въ еврействѣ.*

В. Но слова «Изъ камней» и т. д. и «да благо ти будетъ» и т. д. не Тернавцевъ выдумалъ, и глумиться надъ ними не кощунственно ли?

Тернавцевъ говоритъ, что интеллигенцію не возьмешь проповѣдью *только* загробнаго идеала. Но онъ не отвергаетъ и не считаетъ излишнимъ этотъ идеалъ, какъ и идею безсмертія. Въ устраненіи изъ хр-ва этого идеала и этой идеи онъ видѣлъ бы «обкрадываніе» хр-ва.

Обѣтованіе: «да благо ти будетъ» есть обѣтованіе Божіе не только евреямъ, но и всему человѣчеству и намъ, христіанамъ.

Что интеллигенція способна открыться только іудейскому вѣроученію—это выводъ Соколова. Тернавцевъ же этого не говоритъ и не думаетъ, и основаній для такого вывода его докладъ не даетъ.

Т. Проповѣдь среди интеллигенціи. Въ этой мысли есть всегда какая-то томящая натяжка. Вѣрующіе идутъ учить невѣрующихъ, знающіе истину незнающихъ, спасенные погибающихъ, хорошіе скверныхъ. А между

С. Мысль сама по себѣ ясна. Вѣрующіе въ жизнь будущаго вѣка идутъ учить невѣрующихъ въ этотъ будущій вѣкъ. Это же признаетъ и самъ Тернавцевъ. Вѣдь, интеллигенція способна открыться лишь вѣрѣ настоя-

тѣмъ, на дѣлѣ отношенія между типомъ настоящей церкви, учительства въ его лучшихъ представителяхъ съ одной стороны и интеллигенціи также въ ея лучшихъ представителяхъ— не таковы.

щаго. Если же отношеніе между церковнымъ учительствомъ и интеллигенціей не таково, то *значитъ* человѣкъ, не вѣрующій въ жизнь будущаго вѣка, долженъ обличать вѣрующихъ въ такую погибельную вѣру.

В. Тернавцевъ далѣе подробно, хотя и нѣсколько прикровенно, разъясняетъ свою мысль.

Во всякомъ случаѣ онъ говоритъ объ интеллигенціи, *жаждущей истины, Бога*, ищущей Его, но не входящей въ Церковь. Онъ говоритъ далѣе о заслугахъ Церкви передъ народомъ, о томъ, что интеллигенція не понимаетъ того, какъ народна церковь, что она, инт—ція, до тѣхъ поръ не найдетъ доступа къ сердцу народа, пока не увѣруетъ *въ его* Христа и *не пріобщится жизни Церкви. НЕБО* Новаго Завѣта ей можетъ открыться не иначе, какъ во Христѣ, *на пути служенія ея человѣку, въ области междучеловѣческихъ отношеній.* Слѣд., все это вовсе *не значитъ*, что невѣрующіе въ жизнь будущаго вѣка *должны* обличать вѣрующихъ за такую *погибельную* вѣру. Вѣру въ загробную жизнь и Тернавцевъ признаетъ не погибельною, а спасительною. Но и онъ хочетъ сказать, и я скажу, что можно и должно обличать мнимо вѣрующихъ «за вѣру *безвѣрную*, лесть и развратъ, за гордость слѣпую»; за оставленіе вѣры безъ приложенія къ земнымъ дѣламъ въ области общественныхъ, между человѣческихъ, какъ говоритъ Тернавцевъ, отношеній.

Т. говоритъ, что интеллигенція имѣетъ свои заслуги передъ народомъ и свой *мартирологъ*.

С. говоритъ, что надо *показать* плоды и побѣды ея «умственной и нравственной энергіи. Ея мартирологъ, говоритъ онъ, вопросъ очень *щекотливый* и *скользкій* и было бы благоразумнѣе совсѣмъ не вводить его въ счетъ.

В. Но заслуги не всегда въ плодахъ и побѣдахъ, а иногда, и очень даже часто, въ *честной* и *мужественной гибели* за дѣло, въ стремленіи къ которому человѣкъ видитъ свой нравственный *долгъ*. Напр., смерть Милоша Обилича на Косовомъ полѣ не привела къ побѣдѣ и не дала непосредственныхъ и осязательныхъ плодовъ, какъ и походъ Игорева полка на Половцевъ, какъ и гибель многаго множества христіанскихъ исповѣдниковъ и мучениковъ; но, однакожь теперь, по минованіи вѣковъ, мы не считаемъ ихъ дѣло безплоднымъ и чтимъ ихъ честную гибель превыше всякихъ побѣдъ.

Мартирологъ интеллигенціи—вопросъ щекотливый и скользкій, но это не значитъ, что такіе вопросы можно *не вводить въ счетъ* и что ихъ слѣдуетъ замалчивать или то, о чемъ они говорятъ, отрицать.

Т. Интеллигенція и церковь суть двѣ противоположныя ведущія и подвизающіяся въ учительствѣ силы. Обѣ онѣ призваны въ концѣ концовъ дѣлать одно и то же дѣло.

С. ставитъ послѣ слова: «одно и то же» вопросительный знакъ и говоритъ, что «если истина одна, то интеллигенція и церковь *дѣлаютъ* не одно и то же дѣло, и что вопросъ надо поставить проще: слѣдуетъ ли совершенно упразднить «историческую» церковь ради новой (Тернавцевъ говоритъ не новой, а «особой») породы людей?

В. Но Тернавцевъ не говоритъ, что интеллигенція и церковь *теперь уже дѣлаютъ одно и то же дѣло*. Напротивъ, изъ всего, что онъ говоритъ, не трудно понять, что, по его мнѣнію, церковь (дѣлая многое должное, чего онъ не отрицаетъ) не дѣлаетъ того особенно въ глазахъ интеллигенціи важнаго, что также должна бы дѣлать. Интеллигенція же, видя въ этомъ именно, пренебрегаемомъ церковью, единственно (что, конечно, ошибочно) важное дѣло, отдаетъ ему всѣ свои силы, но дѣлаетъ это *не такъ, какъ бы надо было*, и потому не достигаетъ своей цѣли. По Тернавцеву, что и я признаю, интеллигенція и церковь *призваны* въ концѣ концовъ дѣлать одно и то же дѣло, а именно — вести общество, государство, а черезъ нихъ и все человѣчество впередъ по пути христіанскаго совершенствованія жизни земной преобразованіемъ не только отдѣльныхъ человѣческихъ душъ, но и общественныхъ и государственныхъ обычаевъ, навыковъ, нравовъ, законовъ, порядковъ и установленій,—находя для себя въ постоянномъ, настойчивомъ и неуклонномъ стремленіи къ этой цѣли силу, побѣждающую всякія препятствія, въ вѣрѣ въ живаго Личнаго Бога и во Христа Его и въ посылаемую имъ по вѣрѣ воспособляющую благодать Св. Духа и въ чаяніи жизни загробной, воскресенія, суда и воздаянія жизни вѣчной.

С. съ такимъ возраженіемъ несогласенъ: «Это, говоритъ онъ, *ветхозавѣтные пророки* мечтали о земномъ раѣ. Іудейскіе книжники и фарисеи не могли допустить, что Мессія явится не въ блестящемъ образѣ царя-реформатора и скажетъ, что царство Его не отъ міра сего».

Это коренная разница между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что новый завѣтъ надо упразднить, чтобы вернуться къ ветхому? Впрочемъ, золотой сонъ сердца о всеобщемъ счастіи видѣли и многіе *сектанты*. Таково тысячелѣтнее царство на землѣ у хиліастовъ. Далѣе, онъ говоритъ о сектѣ Ильина, утопіи Т. Мора. Это идеалъ современнаго и безпрепятственнаго удовлетворенія житейскихъ потребностей. Надъ этимъ идеаломъ при современной утонченности нравовъ принято прикрѣплять фиговый листокъ... Золотой сонъ о землѣ и земныхъ *наградахъ* живучъ и *матеріалистическое* пониманіе счастья имѣетъ еще многихъ сторонниковъ» (416).

В. Но если ветхоз. пророки мечтали о земномъ раѣ, то вѣдь не слѣдуетъ забывать, что ветхоз. *пророками* говорилъ

Духъ Святой; и нельзя отожествлять ихъ съ книжниками и фарисеями. Новаго завѣта нѣтъ надобности упразднять, какъ нѣтъ надобности отвергать то истинное, что было въ старомъ и въ чемъ между ними вовсе нѣтъ противърѣчія, усматриваемаго Н. М. Соколовымъ.

Не нарушить пришелъ Христосъ законъ, а восполнить, и упразднилъ онъ не содержаніе закона и чаянія ветхозав. пророковъ, а неправильное, мертвое, формальное ихъ истолкованіе. Онъ не упразднилъ субботы, но сказалъ и дѣлами своими показалъ, что не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Христосъ не ограничивался обѣщаніемъ загробныхъ только утѣшеній и радостей вѣрующимъ въ Него, а творилъ и ученикамъ своимъ заповѣдалъ творить и здѣсь, *на землѣ*, благодѣянія: *исцѣлялъ* больныхъ, оправдывалъ грѣшныхъ, по закону, но беззаконно, ибо лицемѣрно, безжалостно и несправедливо осужденныхъ фарисеями и книжниками; *кормилъ* голодныхъ, и заповѣдалъ намъ: не клянитеся, не судите, и «пріимите, ядите, и пійте отъ нея вси». Поэтому, пусть и утопично мечтать о всеобщемъ счастьѣ на землѣ; но во всякомъ случаѣ *нельзя* христіанину, какъ и церковному обществу христіанъ, и особенно пасущему ихъ и учащему священноначалію, или іерархіи церковной, нельзя не печаловаться и оставаться, если не безстрастными, то бездѣйственными зрителями повальной нищеты, повальныхъ бѣдствій, сплошной несправедливости, царящей вокругъ! И вѣрующіе *обязаны* передъ Христомъ и передъ своею совѣстью бороться съ общественными язвами. И прежде всего этотъ долгъ борьбы съ живущимъ въ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ, навыкахъ и учрежденіяхъ духомъ Антихриста лежитъ на обязанности Церкви, какъ учрежденія, т. е. учащей и правящей іерархіи, ибо только ей и посильна такая борьба.

Матеріалистическое пониманіе счастья—одно, а желаніе устранить вопіющую къ Богу и людямъ неправду въ распредѣленіи здѣсь на землѣ необходимѣйшихъ для жизни вещественныхъ благъ,—присвоеніе и поѣданіе одними людьми трудовъ другихъ—совсѣмъ другое, и видѣть въ этихъ усиліяхъ устранить зло іудейство и отрицаніе христіанства, это значитъ не по достоинству возвеличивать іудейство и клеветать на христіанство.

Останавливаясь на области экономическихъ отношеній, позволительно думать, что Церковь, предлагая вѣрующимъ хлѣбъ животный въ Таинствѣ Евхаристіи и не заботясь о томъ, чтобы у нихъ былъ хлѣбъ насущный, односторонне толкуетъ и недостаточто исполняетъ заповѣдь Христа: «пріимите, ядите» и «пійте *вси*».

Т. Священство Церкви, непобѣдимое въ храненіи тайнъ и сокровищъ вѣры, но *слабое* въ проповѣдничествѣ, устремляетъ вѣрующихъ за предѣлы времени въ вѣчность.

Интеллигенція же создала свой типъ безрелигіознаго проповѣдника-агитатора, подвизающагося въ пространствѣ, безстрашнаго, на проломъ прошедшаго всю русскую жизнь со своимъ словомъ и дѣломъ.

Въ то время какъ Церковь ведетъ къ личному спасенію и личному блаженству потустороннему въ Богѣ— интеллигенція отдала себя дѣлу общественнаго спасенія посюсторонняго человѣческаго. Въ своей общественной совѣсти, въ литературѣ, въ типахъ героевъ, въ пониманіи ихъ судьбы, *она создала обличеніе всякаго личнаго счастья, построеннаго на несчастіи др. людей.* Свою вѣру въ правоту такого дѣла — вѣру огромной нравственной цѣны, они проводили въ жизни, часто *не убоявшись величайшихъ страданій, особенно тяжкихъ при религіозной безнадежности.*

С. находитъ, что слова Христа: «Царство Мое не отъ міра сего» откидываютъ автора отъ христіанства.

Христіанство не учитъ строить свое личное счастіе на несчастіи др. людей, и Церковь не проповѣдуетъ такого разбойничьяго ученія. Церковь часто не боялась величайшихъ страданій «за эту вѣру». Что же безрелигіозные агитаторы сдѣлали въ этомъ отношеніи больше церкви? Они напроломъ прошли русскую жизнь и что же: уничтожили всѣ слѣды экономическаго рабства? принесли достатокъ въ деревню? подняли бытъ мужика? утерли слезы сирыхъ и бѣдныхъ? гдѣ ихъ дѣла во имя ихъ вѣры?

В. Слова Христовы: «Царство Мое не отъ міра сего» — одинаково могутъ относиться какъ къ личнымъ стремленіямъ отдѣльнаго человѣка, такъ и къ общественнымъ отношеніямъ людей. Ни золото, ни власть не даютъ мира душѣ человѣка; также и общественнаго благоустройства и мира нельзя построить на поклоненіи золоту, наживѣ, на насиліи и несправедливости, и тутъ Царство Христово можетъ быть основано только на краеугольномъ камнѣ — Христѣ, на Его завѣтахъ, на *братолюбіи,* въ основѣ котораго должна лежать любовь къ Богу и ко Христу Его.

Въ стремленіяхъ къ общественному благу, въ осужденіи личнаго счастья, построеннаго на несчастьи другихъ, интеллигенція не расходится съ Церковью, и Церковь такого разбойничьяго счастья не проповѣдывала. *Но въ дѣйствительной жизни народовъ и государствъ, именующихъ себя христіанскими, такія разбойничьи отношенія не только существуютъ, но господствуютъ и даже возводятся въ писанный законъ,* и Церковь этому не мѣшаетъ; она этихъ разбойничьихъ отношеній не замѣчаетъ, и выходитъ такъ, что она ихъ даже какъ бы благословляетъ и беретъ подъ свою охрану. Это и служитъ соблазномъ для многихъ пламенныхъ душъ и отвращаетъ ихъ отъ Церкви.

Если интеллигенты, пройдя на проломъ со своимъ словомъ и дѣломъ русскую жизнь, не достигли того, чего, повидимому,

хотѣли; то, быть можетъ, именно потому, что они поднимали на свои плечи имъ непосильное дѣло, *которое по плечу только Церкви*, какъ учрежденія, однако же отъ него уклоняющейся.

Гдѣ ихъ дѣла во имя ихъ вѣры? спрашиваетъ Соколовъ.

— Дѣлъ этихъ не мало; они, какъ и сама вѣра ихъ, могутъ быть ошибочны, но отрицать наличность ихъ нельзя, какъ и того, что они соединялись нерѣдко съ исповѣдничествомъ и мученичествомъ.

«Интеллигенція — говоритъ Н. М. Соколовъ — давно уже пользуется огромнымъ вліяніемъ на жизнь страны. До нея народу жилось легче. Никогда еще экономическій упадокъ страны не переживалъ такого критическаго момента. Что же, и въ этомъ виновата не интеллигенція?

— Правда, интеллигенція же, какъ бюрократія, какъ наука, какъ власть, и причиняетъ народу то зло, противъ котораго она же въ другихъ своихъ представителяхъ ожесточенно и мученически борется. Но это потому, что интеллигенція — неорганизованная сила, заключающая въ себѣ самыя разнообразныя занятія, направленія и взгляды. Неорганизованная же сила сильна только въ разрушительной работѣ. *Организовать ее (интелл.) для добра и вести ее къ добру—дѣлу созиданія Царства Б. на землѣ—дѣло Церкви*; но церковь отъ этого дѣла уклоняется, или по крайней мѣрѣ, не удѣляетъ ему достаточно вниманія и заботъ.

Т. Русск. Церковь *народна*. Она не покидала народа среди всѣхъ его униженій и въ трудныя времена крѣпостного права была съ нимъ. Она дала его гражданскому терпѣнію религіозный смыслъ особаго жертвеннаго дѣланія. Она спасла его съ одной стороны отъ бунта, съ другой—отъ отчаянія и тихаго умопомѣшательства. Его душевный вопль обратила въ молитву. Жажду освобожденія вправила въ надежду на Бога Живаго, держащаго въ страшной рукѣ Своей сердце царя. Церковь, а не что либо иное, была причиною, что освобожденіе отъ крѣпостного права было принято народомъ честно и съ достоинствомъ...

Ни Правительство, ни войско, ни земство, ни наука-просвѣщеніе, ни литература—ничто въ Россіи такъ не народно, какъ Церковь. Интелли-

С. находитъ эти слова очень хорошими и золотыми, но уничтожающими рѣшительно все, что говорилъ раньше Тернавцевъ. Церковь учила великолѣпно. Слово ея было дѣйственнымъ. Воспитать многомилліонный народъ, укрѣпить его нравственное сознаніе—подвигъ великій и во всякомъ случаѣ *дѣло земное*. Несомнѣнно, что Церковь обслуживала русскую землю съ завиднымъ самоотреченіемъ и что ея заслуги передъ народомъ и Россіею были неустанны.

Рядомъ съ этими заслугами заслуги интеллигенціи представляютъ величину отрицательную, ибо интеллигенція воспитываетъ именно *чернь-звѣря*.

Обремененіе и уширеніе совѣсти на почвѣ неправды и тяготы всѣхъ слоевъ общества—*это посѣвъ злобы, вражды и мести*. Не слѣдуетъ уклон-

генція не видитъ, не понимаетъ этого. Не смотря на всѣ желанія и положительныя усилія войти въ народъ и повести его за собою, она всетаки чивыми и неопредѣленными терминами замазывать трещину, которая раскolола стѣну.

чужда ему. Рознь между ними не бытовая, а *духовная*. Интеллигенція до тѣхъ поръ не найдетъ доступа къ сердцу народа, пока не увѣруетъ въ его Христа и не пріобщится жизни Церкви.

В. Это признаніе Церкви народною и необходимости для интеллигенціи пріобщиться къ жизни Церкви для того, чтобы найти доступъ къ сердцу народа—весьма важно и дѣлаетъ несправедливыми всѣ нападки Н. М. Соколова, о которыхъ говорилось раньше, на то, что говоритъ Тернавцевъ. Весь его докладъ говоритъ о необходимости примиренія интеллигенціи съ Церковью или вѣрнѣе возврата ея въ Церковь. Но онъ выясняетъ причины ея отпаденія и указываетъ условіе, при которомъ она можетъ къ Церкви вернуться.

Церковь учила хорошо, но *только одну сторону*, что и было причиною *болѣзни*, т. е. отпаденія отъ нея интеллигенціи.

Учила народъ христіанскому послушанію и терпѣнію, и народъ эту проповѣдь принялъ и исполнилъ, но *Церковь не учитъ власть быть благожелательною къ народу* и справедливою къ народу. Не обличала, — конечно, за рѣдкими исключеніями, — излишествъ и злоупотребленій этой власти. Само самоотреченіе ея было тоже односторонне и въ томъ, гдѣ ему не надлежало бы быть, — такъ она поступалась своимъ правомъ учить, наставлять, наказывать, вязать и рѣшить. И все это оттолкнуло отъ Церкви многихъ друзей народа! Изобличенія неправды, идущія отъ интеллигенціи, по словамъ Соколова, это посѣвъ вражды, злобы и мести. Но если бы это изобличеніе шло отъ Церкви, то плоды его были бы не злоба и месть, а *покаянное чувство* обидчиковъ и лихоимцевъ, и справедливость, и снисхожденіе ихъ къ обидимымъ и угнетеннымъ; словомъ, плодомъ этого посѣва было бы уменьшеніе общественной несправедливости.

Т. Дѣятели Церкви настаиваютъ на божественномъ происхожденіи и помазаніи власти и призываютъ народъ къ полному повиновенію ей. Но сами, оставаясь безучастными къ общественному мнѣнію, не *могутъ* дать ни религіозныхъ указаній власти, ни христовой надежды и радости народу въ его тяжкомъ недугѣ. Его бѣдствія они понимаютъ *только*, какъ ниспосылаемыя отъ Бога испытанія, передъ которыми приходится только

С. Вопросъ слишкомъ щекотливый и скользкій. Одно могу сказать, что возмущеніе и соблазнъ интеллигенціи *никогда не собьютъ Церковь съ ея настоящей дороги*. Церковь давала много утѣшеній народу и въ этомъ *вся* сила ея благочестія и служенія. Возмущаясь многимъ терпѣніемъ народа, интеллигенція именно въ церкви встрѣчаетъ дѣятельное противодѣйствіе интеллигентной нетерпѣливости, и Церковь съ обычною убѣжден-

преклоняться. Интеллигенція съ большими жертвами для себя отстаиваетъ пониманіе власти, какъ *отвѣтственность*. Правительство же она понимаетъ не иначе какъ очагъ виновности и вмѣняемости за темноту и злополучіе народа, какъ цѣлаго. Она создала *смѣлое*, убѣжденное, дорого ей стоющее обличеніе власти, какъ голаго права и притязанія (т. е. безъ соотвѣтственныхъ этому праву обязанности и отвѣтственности) и равнодушіе людей Церкви къ этому обличенію ее возмущаетъ и соблазняетъ больше, чѣмъ само дѣленіе христіанства на враждующія исповѣданія. ностью стоитъ *за народныя и христіанскія* основы общественности и государственности.

Итакъ, по Н. М. Соколову, возмущеніе и соблазнъ интеллигенціи никогда не собьютъ Церковь *съ ея настоящей дороги*. Но вѣдь вопросъ именно въ томъ: по настоящей ли дорогѣ идетъ наша русская учащая и правоправящая Церковь? По Соколову, Церковь давала много утѣшеній народу и въ этомъ *вся* сила ея благочестія и служенія. По Тернавцову же, и въ этомъ онъ правѣе Соколова,—это *не все*, что можетъ и должна давать Церковь; и она должна давать больше. По Соколову, Церковь убѣжденно стоитъ за *народныя* и *христіанскія* основы общественности и государственности. Но вѣрно ли это? Быть можетъ, многія изъ этихъ, такъ ретиво отстаиваемыхъ Церковью основъ, и не народны, и противообщественны и совершенно противоположны христіанству, и отстаиваніе ихъ Церковью роняетъ Церковь и подрываетъ вѣру въ само христіанство.

С. Много ли юристовъ живетъ по деревнямъ, чтобы безкорыстно и самоотверженно работать въ дѣлѣ оказанія юридической помощи народу? Въ школы учителя несутъ не науку, а направленіе. Интеллигенція, сильная въ критикѣ, дѣтски безпомощна въ работѣ. Пока просвѣщать человѣчество въ цѣломъ для нея невозможно, она проводитъ время въ интеллигентной праздности, т. е. въ обличеніи Церкви и государства. Она предъявляетъ голое право и притязаніе на знаніе и мудрость, но никакой отвѣтственности за то, что бросается въ жизнь на проломъ, взять на себя не хочетъ.

В. Всѣ ли эти укоризны справедливы? Развѣ не знаетъ Н. М. Соколовъ, какая участь постигала обыкновенно тѣхъ, кто пытался безкорыстно оказывать юридическую помощь народу? Тоже и учительницъ и учителей.

И, несмотря на это, сколько этихъ учителей и учительницъ подвижнически живетъ и работаетъ, постоянно голодая, въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ физическихъ и нравственныхъ. И если направленіе ихъ не нравится намъ, то зачѣмъ же этихъ нищенскихъ учительскихъ мѣстъ не занимали *мы*, правовѣрные, а давали ихъ занимать *безвѣрной* интеллигенціи?

Не говоритъ ли это о нашей косности и объ оскудѣніи *любви* у интеллигенціи церковной и о наличіи ея у безвѣрной?

Т. Общественное значеніе собственности, ея противорѣчія... эти задачи до сихъ поръ остаются въ церкви безъ разрѣшенія. Будучи упорными пріобрѣтателями и нравственно спокойными собственниками, учащее сословіе Церкви не чувствуетъ ни неправды, ни опасности этого.

Не смотря на то, что дѣятелямъ Церкви больше, чѣмъ кому бы то ни было, приходится быть свидѣтелями совершеннаго разоренія народа—вопросъ этотъ стоитъ для нихъ ни религіознѣе, ни нравственнѣе, ни общественнѣе, чѣмъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи священниковъ и церковнослужительства, какъ профессіи. Въ сознаніи и требованіи ихъ онъ не выростаетъ, какъ вопросъ о высшемъ благѣ.

С. Мучительнѣйшія и безкорыстнѣйшія раздумья надъ этимъ вопросомъ людей интеллигентныхъ не привели ни къ чему. Если интеллигенція все ищетъ и все не находитъ—положеніе ея комическое и печальное, но не даетъ ей ни малѣйшаго права на какое-нибудь опредѣленное сужденіе объ истинныхъ началахъ жизни.

Отношеніе христіанства къ собственности *въ принципѣ(?)* всегда было вполнѣ опредѣленнымъ. *Богатство* отвлекаетъ мысль отъ Бога и неба, поэтому богатому труднѣй войти въ царство небесное. Земныя заботы и хлопоты омрачаютъ сознаніе и являются помѣхою на дорогѣ къ царству не отъ міра сего. Самая широкая благотворительность—призрѣніе сиротъ и вдовъ—въ христіанскомъ обществѣ всегда стояла на первомъ мѣстѣ.

Какое право имѣетъ Тернавцевъ требовать, чтобы *Церковь высказалась* по вопросу о собственности принципіально? Это не вопросъ религіи и религіозной нравственности, а вопросъ *юридическій.* Церковь будетъ, гдѣ возможно, кормить нищихъ и давать пріютъ безпріютнымъ, но она *выше* вопроса о собственности, ибо она ведетъ людей къ *личному* спасенію.—*Общественное* спасеніе, т. е. спасеніе фабриками, поселками, деревнями... или классами и сословіями—миражъ пустыни. Это слова безъ смысла. Съ помощью мірской сходки и круговой поруки не попадешь въ рай: для этого надо самому трудиться: тамъ каждый самъ за себя отвѣтитъ. Свидѣтелями совершеннаго раззоренія народа являются многіе и помимо духовенства. Но и они отъ своего жалованья не откажутся. Чего же собственно хочетъ г. Тернавцевъ? или такъ соблазнителенъ западный христіанскій соціализмъ.

В. Но потому интеллигенція и не находитъ рѣшенія этихъ мучительныхъ вопросовъ, что отшатнулась отъ *Христа.* Но Церковь, если бы не забывала многаго, чему училъ Христосъ, и не формально только исполняла бы многія изъ его заповѣдей, — нашла бы во Христѣ и въ Его Евангеліи то, чего ищетъ и не находитъ интеллигенція. Но Церковь боится скользкихъ и щекотливыхъ вопросовъ общественнаго устроенія на христіанскихъ началахъ и уклоняется отъ нихъ.

Трогательна эта забота только о богатомъ и о его только удобствахъ даже и въ дѣлѣ спасенія!

И почему Церкви не вникнуть глубже въ вопросъ о собственности и не освѣтить его съ христіанской точки зрѣнія? Г. Соколовъ думаетъ, что это вопросъ только юридическій. Но даже если бы это было и такъ, то: неужели вопросы юридическіе должны разрѣшаться безотносительно къ христіан-

ской нравственности и неужели Церкви Христіанской нѣтъ дѣла до содержанія права въ Христіанской странѣ? и права ли была Церковь, благодушно довольствуясь только ролью исповѣдника у лицъ, осуждаемыхъ на висѣлицы или *забиваемыхъ кнутами и шпицрутенами*, и не заботясь о томъ, чтобы въ самомъ законѣ упразднить эти языческія наказанія, чтобы облагородить и охристіанить самый законъ? Тоже и относительно права собственности. Церковь не можетъ огульно освящать и благословлять это право, закрывая глаза на его содержаніе, на способы его пріобрѣтенія и на тѣ послѣдствія матеріальныя и нравственныя, какими оно сказывается на жизни народной!

Отрицая значеніе правильнаго построенія общественности для дѣла спасенія, Н. М. Соколовъ забылъ слова Хомякова, который говорилъ, что русскіе, если войдутъ въ рай, то именно не въ одиночку, а цѣлыми деревнями, міромъ.

И западный *христіанскій* соціализмъ не во всемъ дуренъ.

Т. говоритъ, что интеллигенція отличается всестороннимъ и неугасимымъ стремленіемъ къ высокочеловѣческому, любовью къ народу, желаніемъ послужить ему, желаніемъ честнаго и полезнаго дѣла и желаніемъ пострадать за него. Интеллигенція движется идеей новаго *строя*, новаго общества *одухотвореннаго, гдѣ нѣтъ разлада между идеаломъ и дѣйствительностью.* Цѣльный человѣкъ, не раздираемый противорѣчіемъ между достоинствомъ частнаго лица и губительствомъ общественнаго дѣятеля, предносится предъ ней, какъ идеалъ и задача. Мысль о побѣдимости общественнаго зла, о преобразуемости жизни на началахъ добра составляетъ ея душу.

Объ обращеніи интеллигенціи въ ея цѣломъ не можетъ быть и рѣчи, *пока въ учительномъ содержаніи проповѣди представителей Церкви не будетъ дано отвѣтовъ на указанные вопросы.*

С. находитъ, все это немножко смѣшнымъ; хотя трогательнымъ и красивымъ.

Отвѣтъ на вопросы данъ давно. *Другихъ отвѣтовъ быть не можетъ.*

Но может ли быть смѣшнымъ то, чѣмъ томится, за что страдаетъ и гибнетъ такъ много пламенныхъ душъ? Не Церковь ли должна будетъ дать за нихъ Богу отвѣтъ,—за ихъ отпаденіе отъ вѣры и за ихъ напрасную гибель? Вѣдь именно Церковь и не должна была бы закрывать глазъ и мириться съ этимъ соблазняющимъ малыхъ сихъ разладомъ дѣйствительности съ идеаломъ. Она-то и должна быть въ христіанскомъ обществѣ христовою закваскою, вести общество со ступени на ступень къ дальнѣйшему совершенствованію, къ устраненію разлада, къ воплощенію Царства Божія на землѣ. И не поклепъ ли на Церковь—утверждать, что требуемаго отъ нея общественною жизнью отвѣта она дать не можетъ?

Т. Расхожденіе Церкви съ интеллигенціей имѣетъ великое значеніе. Въ такомъ ихъ соприкосновеніи русская совѣсть будетъ напряжена и пробуждена. Какъ дѣло собиранія земли было нѣкогда движеніемъ, направляемымъ Церковью и охватившимъ нѣсколько поколѣній единствомъ священной для всѣхъ задачи, такъ и теперь.

С. находитъ, что *русскую совѣсть будить* нечего, она не спитъ, а напрягать её опасно. На Западѣ—свои дѣла, у насъ—свои.

Т. Здѣсь найдетъ свой конецъ та языческая вѣра въ человѣка, которая, сказавшись подъемомъ и творчествомъ въ эпоху возрожденія, долго и безраздѣльно владѣла полемъ исторіи.

С. Если для г. Тернавцева *человѣкъ не гожъ*, то кто же? Кто потерялъ вѣру въ людей, тотъ не вѣритъ и въ Бога, ибо *Богъ любы есть.* Человѣконенавистничество въ будничной жизни при праздничной любви къ человѣчеству—злѣйшее и постыднѣйшее искаженіе сущности христіанства.

Да такъ ли? Точно-ли и въ комъ совѣсть у насъ не спитъ? Вспоминается стихотвореніе Хомякова: Жаль мнѣ васъ людей безсонныхъ...

Есть и съ Западомъ общіе у насъ вопросы и дѣла. Иначе что же значитъ ожиданіе, что Россія скажетъ міру новое слово?

И не грѣшитъ ли человѣконенавистничествомъ самъ г. Соколовъ въ отношеніи того, кого онъ оспариваетъ?

С. За народъ всегда печаловалась Церковь, а не интеллигенція. При крѣпостномъ правѣ интеллигенція была совершенно безпечальна. Въ послѣдней четверти XIX в. интеллигенція сунулась было къ народу, но тотчасъ же отскочила и стала печальницей за *босяка* и за *дно.*

С. (448) Церковь не спитъ и поэтому будить ее не надо, а на новые пути она не пойдетъ, пока она церковь.

Когда и передъ кѣмъ печаловалась наша русская церковь за народъ? При этомъ вопросѣ вспоминаются очень давніе образы и времена: Митрополитъ Алексѣй въ Ордѣ, митрополитъ Филиппъ передъ Иваномъ Грознымъ. Священство наше вмѣстѣ съ народомъ страдало отъ неистовства крѣпостного права; но Церковь въ лицѣ высшей іерархіи не возвышала противъ него своего голоса; она даже быть можетъ слишкомъ усердствовала въ напоминаніи текстовъ: «всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется» и «рабы повинуйтеся владыкамъ»... и забывала напоминать господамъ и владыкамъ, что и они должны оказывать своимъ слугамъ и подчиненнымъ справедливое и должное, помня, что есть Господь на небесахъ, у Котораго нѣтъ лицепріятія! Противъ крѣпостного права ратовали Радищевы и Новиковы, декабристы, писатели—Григоровичъ, Тургеневъ, Хомяковъ и др.

Босяки и дно—часть народа же и требуютъ къ себѣ, какъ и остальной народъ, благожелательнаго вниманія и заботъ. Хорошо, если и о нихъ кто нибудь попечалится.

Церковь зовутъ не на новые пути, а ей требуется вернуться на старый, давно ей извѣстный, соборный и апостольскій путь: путь Златоустовъ, Филипповъ и др. исповѣдниковъ, вселенскихъ учителей и наставниковъ!

Кромѣ докладовъ, которые приведены или упомянуты выше, подъ моимъ руководствомъ состоялись въ Русскомъ Собраніи бесѣды по слѣдующимъ докладамъ: Н. А. Тизенгаузена—О Русской общинѣ (по поводу книги Качоровскаго), О нуждахъ крестьянъ (по поводу Высочайшаго повелѣнія 23 января 1902 года образовать Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности), и О фабричномъ законодательствѣ; Н. Н. Неплюева—О крестьянской общинѣ; И. А. Милютина—О мелкой земской единицѣ-приходѣ; Ѳ. К. Глинки—Поднятіе сельско-хозяйственной промышленности Русскаго народа и О необходимости упраздненія частнаго ростовщичества и сосредоточенія ссудно-кредитнаго дѣла въ рукахъ государства; Г. И. Аристова—Объ орошеніи; В. М. Пурышкевича—О противопожарныхъ мѣрахъ, Пожарное дѣло въ XVII в., и Задачи земства въ дѣлѣ народнаго продовольствія; Н. И. Климова—Объ олонецкихъ мраморахъ и мѣрахъ къ улучшенію быта кустарей; В. Г. Гнѣдича—О сельскохозяйственныхъ знаніяхъ; К. Ѳ. Жакова—О духѣ и языкѣ; Н. М. Соколова—Интеллигенція и сектантство; Н. П. Аксакова—Понятіе о мірянинѣ, его назначеніе и обязанности на основаніи памятниковъ церковнаго ученія; Н. Э. Энгельгардта—О Борисоглѣбской перкви на Смедынѣ въ Смоленскѣ; З. А. Рагозиной—Расовая борьба въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; С. А. Короленко—О возобновленіи русско-германскаго торговаго договора; Р. Г. Пржевальскаго—О Македоніи; Н. И. Привалова—О духовыхъ инструментахъ Русскаго народа. Сверхъ того я дѣлалъ доклады: О задачахъ Россіи въ отношеніи Славянскаго міра, О положеніи нашего Церковнаго правительства, О Н. А. Некрасовѣ и объ А. С. Хомяковѣ—рядъ докладовъ, подготовительныхъ къ чествованію столѣтія его рожденія и на самомъ этомъ чествованіи 1, 2 и 4 мая 1904 г., на которомъ также были произнесены рѣчи В. З. Завитневичемъ и Н. П. Аксаковымъ. Затѣмъ помѣщаемые ниже доклады: Въ чемъ наша слабость, Воскрешеніе соборности и Воззваніе сторонниковъ соборности и др.

Рѣчи на Всероссійскомъ Съѣздѣ Русскаго Собранія

(8—12 февр. 1906 г).

I.

Я, думаю, не ошибусь, если скажу, что всѣми нами, собравшимися сюда, руководитъ одно желаніе: отстоять незыблемость того основного творческаго начала, которымъ жилъ доселѣ Русскій Народъ,—какъ начала, опредѣляющаго и дальнѣйшія его судьбы. Всѣхъ насъ одушевляетъ пламенная любовь къ Русскому Народу, всѣ мы заявляемъ себя вѣрными сынами Православной Церкви и вѣрными слугами Русскому Царю.

Почему же такъ мало насъ? Не только мало въ этихъ стѣнахъ, но и вообще въ средѣ Русскаго Собранія и въ средѣ Союза Русскаго народа и родственныхъ имъ организацій? Не всѣ тѣ—крамольники, которые не среди насъ! Племянника одного изъ выдающихся русскихъ людей — Юрія Ѳеодоровича Самарина — Ѳеодора Дмитріевича мы имѣемъ удовольствіе видѣть здѣсь; но одинъ изъ сыновей другого, еще болѣе великаго человѣка — Алексѣя Степановича Хомякова, — мы не имѣемъ основанія усомниться въ его вѣрности Православію или любви къ Русскому народу,—находится въ партіи 17 октября; и если бы были живы Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ,—я скажу съ увѣренностью, что они не были бы въ партіи 17-го октября; но я не увѣренъ и даже сомнѣваюсь въ томъ, что бы они были среди насъ. Въ чемъ же причина?

Когда мы говоримъ, что готовы стоять до пожертвованія жизнью за Русскій народъ, за вѣру Православную и за Русскаго православнаго Царя, — кто изъ друзей Русскаго народа можетъ сказать слово поперекъ этого? Но—иное дѣло, когда написанъ на нашемъ знамени этотъ девизъ: «православіе, самодержавіе, народность!» Этотъ девизъ изобрѣтенъ и въ ходу не со вчерашняго дня. Онъ былъ и во времена Хомякова и Самарина; но въ ихъ сочиненіяхъ вы его не найдете. Подобная формулировка нашихъ вѣрованій, нашихъ задачъ, этотъ девизъ—неудовлетворительны. Тутъ рядомъ, какъ бы на равныхъ правахъ, ставятся три отдѣльныя понятія, которыя требуютъ себѣ еще качественнаго опредѣленія, безъ чего они представляютъ собою алгебраическіе знаки.

Только въ Тріединомъ Божествѣ, Которое—само совершен-

ство, только въ Немъ одномъ равночестны всѣ три Vпостаси. Въ нашей же формулѣ каждое изъ входящихъ въ нее понятій должно быть опредѣлено и они должны быть соподчинены одно другому. Мы можемъ вѣровать и исповѣдывать вѣру—только въ православныя вселенскія истины: въ Тріединаго Бога, въ посредника между Нимъ и нами — Богочеловѣка-Христа, и въ Евангеліе Царствія Божія. Мы любимъ Русскій народъ той любовью, про которую сказалъ Апостолъ Павелъ, что онъ готовъ не только душу положить, но что готовъ самъ лишиться Христа, но чтобы только его народъ былъ со Христомъ. Слѣдовательно, мы вѣрны и преданы Царю, но мы не можемъ возводить царское самодержавіе въ догматъ вѣры и должны все-таки помнить, что Царь для народа, а не народъ для Царя. Желателенъ такой девизъ, который объединилъ бы не только собравшіяся здѣсь организаціи, но объединялъ бы всѣхъ русскихъ людей, вѣрныхъ Святой Православной Церкви и Русскому народу. И такой девизъ — **соборность!**

II.

Для успѣха въ политикѣ и въ частности въ избирательной борьбѣ одинаково важно знать какъ свои сильныя, такъ и слабыя стороны. Слабую сторону того направленія, которое я считаю истиннымъ выразителемъ русскаго народнаго духа, а именно—Славянофильства составляло то, что подъ его знамя становились часто люди, не вполнѣ строго выдерживающіе это направленіе; къ широкому и свѣтлому теченію примѣшивалась нѣкоторая муть. Въ данномъ случаѣ, по вопросу о партіяхъ, я позволяю себѣ остановиться на той трехчленной программѣ, которая вчера была доложена съѣзду Ѳ. Д. Самаринымъ, именно на третьемъ членѣ этой программы. Господа! Когда громятъ помѣщичью усадьбу, когда совершается какое-нибудь насиліе,—естественно, что тотъ, кто испытываетъ эту непріятность, кричитъ: караулъ! и зоветъ и власти, и войска, и полицію себѣ на помощь. Но когда составляется политическая программа,—тутъ нужна уравновѣшенность духа; нельзя поддаваться острому впечатлѣнію этихъ все-таки временныхъ, хотя бы и очень тяжелыхъ обстоятельствъ! Между тѣмъ, въ этой трехчленной программѣ, на которой объединились четырнадцать московскихъ союзовъ и обществъ и подъ которую предлагаютъ стать и Русскому Собранію, третій параграфъ требуетъ отъ власти, чтобы она не останавливалась ни предъ какими, положимъ—законными, мѣрами для подавленія происходящихъ безпорядковъ. При такихъ обстоятельствахъ, какія

мы теперь переживаемъ, власть бываетъ вынуждена иногда пускать въ ходъ военную силу и примѣнять суровыя кары; но указывать на нихъ, предлагать ихъ въ политической программѣ неумѣстно. Эту свою обязанность власть знаетъ сама и пользуется военною силою, когда считаетъ это неизбѣжнымъ. Подчеркивать же эту ея обязанность и право, по моему, это значитъ—порочить свое знамя. Скорѣе намъ слѣдовало бы взывать о крайней осмотрительности въ примѣненіи военной силы, такъ какъ мы молимся вѣдь въ церквахъ объ устраненіи междоусобія, а употребленіе войска противъ своего народа есть во всякомъ случаѣ междоусобіе. Нужно было бы взывать къ милосердію; ибо эти крестьянскіе безпорядки сплошь и рядомъ бываютъ слѣдствіемъ не злонамѣренности, а того, что народъ сбитъ съ толку и не только внушеніями анархистовъ, но и распоряженіями самихъ властей.

Недостаточно, господа, громкаго отвлеченнаго девиза; слѣдуетъ опредѣлить еще свое отношеніе къ тѣмъ основнымъ задачамъ, которыя поставлены жизнью: къ вопросу объ упроченіи четырехъ возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября свободъ,—о достоинствѣ и неприкосновенности человѣческой личности; къ вопросу о правѣ человѣка на жизнь,—чтобы вообще никто не былъ лишаемъ жизни, и никто не былъ наказываемъ безъ законнаго и правильнаго разслѣдованія и суда. Если этого требованія у насъ не будетъ, то Русское общество за нами не пойдетъ!

III.

Вопросъ о землѣ съ православной русской точки зрѣнія.

Вопросъ о землѣ, какъ и другіе крупные вопросы русской жизни, съ пользою для Русскаго государства и народа могутъ быть разрѣшаемы только при свѣтѣ того единаго исконнаго творческаго начала, изъ котораго истекаетъ все, что было и есть добраго и святого на Руси, и, отступивъ отъ котораго, Русское государство и Русскій народъ остаться самостоятельною зиждущею силою въ исторіи и выполнить свое великое назначеніе въ мірѣ не могутъ. Это начало—соборность, источникъ и прообразъ которой—Тріипостасный Богъ, которую мы исповѣдываемъ въ девятомъ членѣ Символа вѣры, и въ которой Православная Церковь воспитала Русскій народъ. Соборность есть высшее изъ началъ человѣческаго общежитія, ибо въ ней находятъ себѣ полное признаніе и осуществленіе сво-

бода личности, равенство и братство людей, приводимыхъ къ согласію и единству не внѣшнимъ принужденіемъ, а силою живущаго въ нихъ божественнаго духа любви. Царское самодержавіе есть одно изъ проявленій той же соборности, ибо нашъ православный, соборный въ душѣ народъ и въ Государѣ желаетъ видѣть живое и свободное лицо, а не мертвую куклу-манекена.

Все: всякое явленіе или законъ, ведущіе къ осуществленію и торжеству соборности въ жизни народа; все, что воспитываетъ въ людяхъ чувство единенія и общественности, — все это соотвѣтствуетъ нашей православной церковности и русскому народному духу; все это будетъ во благо нашему на-народу. Все, что ведетъ въ противоположную сторону, — къ раздѣленію, въ сторону индивидуализаціи, противоположенія и столкновенія выгодъ и правъ; все, что воспитываетъ не мірское, а эгоистическое, своекорыстное чувство въ людяхъ, все это — наносная болѣзнь на Руси, все это идетъ во вредъ и къ гибели нашего народа, — не отъ Христа, а отъ Веліара.

Подходя съ этою постоянною, никогда не обманывающею мѣрою явленій и вещей къ занимающему насъ вопросу о землѣ, я нахожу, что начало соборности въ области земельныхъ отношеній нашло себѣ выраженіе въ общинномъ мірскомъ владѣніи землей и въ высокочеловѣчномъ и справедливомъ, поистинѣ — христіанскомъ взглядѣ русскаго народа на землю, какъ на Божіе и Царево достояніе, т. е. какъ на общенародную или, что то же, государственную собственность, которая лишь настолько и до тѣхъ только поръ можетъ быть въ обладаніи частнаго лица, поскольку ея владѣлецъ дѣйствительно можетъ управляться съ нею силами своей семьи и для своихъ семейныхъ нуждъ, не барышничая землей и не обездоливая другихъ.

Таковъ основной взглядъ нашего православнаго русскаго народа на землю, и мы не только должны съ этимъ взглядомъ считаться, но должны его себѣ усвоить, если хотимъ быть вѣрными своему народу; ибо это не со стороны, не крамольниками навѣянный взглядъ, а одно изъ проявленій христіанской вѣры нашего народа, внушающей каждому неложному христіанину сознаніе, что не онъ только одинъ имѣетъ нужду и право жить на землѣ и кормиться отъ земли трудами рукъ своихъ, но такое же право принадлежитъ и каждому другому члену великаго народа, стяжавшаго эту землю своими потомъ и кровью.

Напрасно было бы противопоставлять этому народному правосознанію, этой дѣйствительно святой народной вѣрѣ—

новоявленный догматъ о святости и неприкосновенности права частной земельной собственности. Это—догматъ, ничего не имѣющій общаго съ Евангеліемъ или Никейскимъ символомъ; онъ—наслѣдіе языческаго, лютаго въ своемъ формализмѣ римскаго права, по которому собственность настолько была «свята», что кредиторъ, встрѣтивъ на улицѣ неисправнаго должника, могъ схватить его за горло и тащить въ судъ; или въ удовлетвореніе конкурса кредиторовъ неисправный должникъ могъ быть разрубленъ на части и розданъ кредиторамъ.

Ни православная вѣра, ни русскій законъ, ни русская совѣсть такой «святой и неприкосновенной» собственности не знаютъ.

Да не перетолкуютъ, однако, въ дурную сторону моихъ словъ!

Я говорю не о томъ, чтобы толпа крестьянъ или рабочихъ могла распорядиться по своему усмотрѣнію чужою усадьбою или фабрикой; этого никакая власть допускать не должна и терпѣть не можетъ.

Я говорю о непререкаемомъ правѣ самой государственной власти справедливо рѣшить назрѣвшій земельный вопросъ, удовлетворить настоятельную крестьянскую нужду въ землѣ постольку и тамъ, гдѣ эта нужда несомнѣнна, и насколько это возможно. Я говорю о несомнѣнномъ правѣ и обязанности православнаго русскаго Государя сдѣлать это, хотя бы ему для этого пришлось коснуться частныхъ владѣній и правъ и поступить съ ними вопреки желанію владѣльцевъ. Рѣчь, слѣдовательно, должна итти только о томъ, какъ эту мѣру осуществить безобиднѣе для всѣхъ трехъ сторонъ, т. е. какъ для владѣльцевъ, такъ и для государства и народа; ибо если удовлетворить желаніе многихъ владѣльцевъ, чтобы земля была у нихъ принудительно отчуждена, за такъ называемое ими «справедливое» вознагражденіе, то это повело бы только къ пущему разоренію государства и народа, увеличивъ раза въ полтора нашъ государственный долгъ и соотвѣтственно этому податныя тягости.

Старанія навязать правительству и самому Государю понятіе «святости» и безусловной неприкосновенности частныхъ правъ на землю есть не что иное, какъ покушеніе опутать и ограничить такимъ внушеніемъ верховную власть въ дѣлѣ самаго важнаго ея служенія народу — въ дѣлѣ, ради справедливаго, христіанскаго рѣшенія котораго собственно и отстаивается всѣми искренними друзьями Царя и Народа царское самодержавіе.

Вникните въ труды старыхъ славянофиловъ или въ сочи-

ненія писателя нѣсколько иного направленія, но имя котораго, такъ же, какъ и ихъ, безукоризненно и свѣтло, — князя Александра Иларіоновича Васильчикова; прочтите Н. Я. Данилевскаго; обратитесь, наконецъ, къ нашимъ древнимъ отечественнымъ лѣтописямъ: вы повсюду увидите, что православный самодержавный государь, царь и великій князь, понимался всѣми свѣтлыми умами Русской земли какъ государь не классовый, не сословный, а народный (демократическій); главною заботою и призваніемъ его изстари было—блюсти правду на Руси, не давать бѣднаго и слабаго, сироту и вдовицу, въ обиду богатому и сильному. Царское самодержавіе предпочиталось и предпочитается людьми чистаго славянофильскаго направленія именно ради того, что только самодержавный царь, опирающійся на свой народъ, ему единомышленный, въ силахъ будетъ безкровно осуществить всѣ самыя широкія хозяйственныя и общественныя (т. е. экономическія и соціальныя) преобразованія ко благу всего народа.

Въ этомъ упомянутые писатели видѣли условіе не только внутренняго благоденствія и прочнаго существованія Россіи, но и залогъ ея побѣды надъ враждебными ей силами Запада: «Знамя, на которомъ будетъ написано «крестьянскій надѣлъ»,— говоритъ Н. Я. Данилевскій,—не можетъ не сдѣлаться символомъ побѣды, нашимъ «симъ побѣдиши», которое внесетъ въ ряды наши увѣренность торжества, и ужасъ и смятеніе въ ряды нашихъ противниковъ» *).

Словами: національзація, соціализація, уничтоженіе собственности—лица, отстаивающія неприкосновенность существующихъ непорядковъ, запугиваютъ власть. Но посмотримъ, что въ дѣйствительности скрывается подъ этими столь пугающими насъ словами.

Дѣло, въ дѣйствительности, у насъ въ Россіи идетъ не объ упраздненіи собственности и не о лишеніи людей,—не барышничающихъ землей, а занимающихся земледѣліемъ,—увѣренности въ прочности обладанія землей, а, напротивъ, о такомъ укрѣпленіи за ними земли, чтобы устранена была самая возможность ихъ обезземеленія. Дѣло идетъ вовсе не объ упраздненіи собственности вообще, а лишь о замѣнѣ такого собственника, отъ котораго земля легко ускользаетъ, иногда въ совершенно чужія и, главнымъ образомъ, въ еврейскія **) ростовщическія руки,—другимъ, отъ котораго ее никто отнять не можетъ, и который самъ ею злоупотреблять не будетъ.

---

*) Н. Я. Данилевскій «Россія и Европа». Изд. 1871 года, стр. 498.

**) Всѣ наши частные земельные банки—еврейскіе.

Дѣло идетъ о правѣ и обязанности русскаго Государя явиться новымъ великимъ Калитою—собирателемъ русской земли, расточенной его предмѣстниками отчасти въ силу исторической необходимости, но въ значительной долѣ и по легкомыслію, а частію и по злонамѣренности—желанію создать въ лицѣ частныхъ владѣльцевъ десятки и сотни тысячъ полицмейстеровъ.

Наслѣдственное семейное пользованіе, въ которое раздаются земли въ Сибири переселенцамъ, съ оставленіемъ ихъ государственною собственностью,—крѣпче привязываетъ землю къ ея владѣльцу, нежели право частной собственности на нее, при которой земля легко можетъ быть заложена и утрачена; при наслѣдственномъ же пользованіи земля изъята изъ рыночнаго торга и не можетъ быть у земледѣльческой семьи отнята, пока эта семья сидитъ на своей землѣ и дѣйствительно ею занимается.

Высказывались обвиненія графу С. Ю. Витте, будто бы онъ задался соціалистическими задачами: укоръ ли это или похвала,—во всякомъ случаѣ они совершенно графомъ не заслужены. Онъ все время покровительствовалъ прожектерству и капитализму; по отношенію же къ народу и его землѣ стремленіемъ С. Ю. Витте было не обобществить, а индивидуализировать крестьянскую надѣльную землю и сдѣлать ее предметомъ рыночнаго торга. Это, конечно, повело бы къ сосредоточенію земель въ рукахъ скупщиковъ и кулаковъ и къ обезземеленію значительнѣйшей части народа.

Итакъ, дѣло идетъ собственно о томъ: какой политики отнынѣ впредь должна держаться наша государственная власть по отношенію къ капиталу, землѣ и труду; должна ли она покровительствовать непосредственной человѣческой нуждѣ и труду,—укрѣплять за работникомъ созданную его трудомъ собственность, или помогать капиталистамъ дальнѣйшему скопленію собственности въ ихъ рукахъ, помогать капиталу обирать трудъ.

Вотъ къ чему сводится у насъ въ Россіи вопросъ о націонализаціи земли и другихъ крупныхъ капиталовъ.

Вопросъ о соціализаціи, это—вопросъ объ укрѣпленіи и дальнѣйшемъ развитіи нашей земельной общины — мірского владѣнія землей и мірской, артельной ея обработки. Съ установленіемъ общественной землеобработки устранились бы всѣ теперешнія неудобства крестьянскаго землепользованія,—одинаковыя и при общинномъ и при подворномъ владѣніи, — черезполосицы, узко- и длинно-полосицы и т. п. Каждая деревня обратилась бы въ одного крупнаго землевладѣльца,

которому будутъ доступны всѣ усовершенствованія земледѣльческой техники и культуры. Явилась бы возможность свободныя отъ занятія собственно землей руки занять на мѣстѣ разными подсобными общественными же занятіями и промыслами и даже ремеслами и фабричнымъ или заводскимъ дѣломъ. Ибо сельская община, какъ крупный землевладѣлецъ-хозяинъ, могла бы имѣть и свою мірскую механическую и двигательную силу и передавать ее частью даже по избамъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ обобществленіемъ земли и орудій труда могли бы идти освобожденіе и утвержденіе личности труженика, охрана отъ распаденія семьи и села.

Все это вполнѣ будетъ соотвѣтствовать православной нашей вѣрѣ и русскому народному духу, не обездолитъ, а подниметъ на недосягаемую для другихъ высоту православный русскій народъ и не разоритъ, а разовьетъ и облагородитъ культуру, сдѣлавъ ее изъ безчеловѣчной святою! *).

Напечатано въ „Словѣ", въ пасхальномъ выпускѣ 2 апрѣля 1906 г. № 430. Перепечатано въ № 1 „Крестьянской Россіи". Воскресенье 16 апрѣля 1906 г. Это прекрасное изданіе выпускалось И. А. Гофштеттеромъ въ Москвѣ; къ сожалѣнію, оно прекратилось, по недостатку средствъ, на 14 или 15 выпускѣ.

---

*) «Въ отношеніи къ общественно-экономическому строю, — говоритъ тотъ же Н. Я. Данилевскій,—Россія составляетъ единственное обширное государство, имѣющее подъ ногами твердую почву, въ которомъ нѣтъ обезземеленной массы (Увы! уже есть. Но, при нашемъ земельномъ просторѣ, — не должно быть! *Аѳ. В.*), въ которомъ, слѣдовательно, общественное зданіе зиждется не на нуждѣ большинства гражданъ, не на необезпеченности ихъ положенія, гдѣ нѣтъ противорѣчія между идеалами политическими и экономическими... именно это противорѣчіе грозитъ европейской жизни (И намъ, и намъ!—если мы будемъ рѣшать назрѣвшій уже земельный вопросъ не по своему, не по-русски, т. е. не по божески-не по христіански. *Аѳ. В.*)—бѣдой съ одной стороны—цезаризма или военнаго деспотизма, а съ другой—соціальной революціи. Условія, дающія такое превосходство русскому общественному строю надъ европейскимъ, доставляющія ему непоколебимую устойчивость, обращающія тѣ именно общественные классы въ самые консервативные, которые угрожаютъ Европѣ переворотами, — заключаются въ крестьянскомъ надѣлѣ и въ общинномъ землевладѣніи».

«Эта-то здравость общественно-экономическаго строя Россіи и составляетъ причину, по которой мы можемъ надѣяться на высокое общественно-экономическое значеніе славянскаго культурно-историческаго типа, имѣющаго еще въ первый разъ установить правильный нормальный характеръ той отрасли человѣческой дѣятельности, которая обнимаетъ отношенія людей между собою не только, какъ нравственныхъ и политическихъ личностей, но и по воздѣйствію ихъ на внѣшнюю природу, какъ источникъ человѣческихъ нуждъ и потребностей,- установить не отвлеченную только правомѣрность въ отношеніяхъ гражданъ, но реальную и конкретную». («Росс. и Евр.» изд. 1871 г., стр. 523—25).

Прощальное слово Всероссійскому Съѣзду и Совѣту Русскаго Собранія.

Сказано (до звѣздочки) на общей трапезѣ членовъ Съѣзда въ Русскомъ Собраніи 12-го февраля 1906 г.

Прощальный мой привѣтъ и поклонъ членамъ Съѣзда и Совѣту Русскаго Собранія!

Я ухожу потому, во-первыхъ, что, независимо отъ согласія или несогласія моего съ постановленіями Съѣзда, я не могу признать ихъ правильными, такъ какъ свобода обсужденія ихъ была стѣснена; во-вторыхъ, я не могу поставить подъ этими постановленіями своего имени рядомъ съ именами тѣхъ, кто православіе понимаетъ въ духѣ Ѳеофана Прокоповича, самодержавіе смѣшиваетъ съ военно-полицейскимъ абсолютизмомъ, а любовь свою къ народу выражаетъ требованіемъ *безпощаднаго* отношенія къ его провинностямъ и ошибкамъ *.

Не могу принять на себя отвѣтственности за высказанныя нѣкоторыми изъ членовъ Совѣта и Съѣзда мысли и пожеланія, не встрѣтившія себѣ рѣшительнаго осужденія, какъ, напримѣръ, что правительственныя власти въ борьбѣ съ беззаконниками не должны церемониться и считаться съ законами, или, что при выборахъ въ Государственную Думу можно соединяться съ соціалъ-революціонерами для выбора такихъ представителей, чтобы Дума оказалась «злою Думою, и чтобы ее поскорѣе разогнали штыками».

Не могу согласиться съ огульнымъ осужденіемъ Манифеста 17-го октября, а, напротивъ, вижу въ обѣщанныхъ имъ свободахъ цѣнное благо и желаю скорѣйшаго осуществленія этихъ обѣщаній. Я нахожу, что безъ законнаго и правильнаго разслѣдованія и суда *никто* не можетъ быть наказываемъ; смертную же казнь считаю вообще излишнею и вредною во всѣхъ отношеніяхъ жестокостью, дѣломъ, во всякомъ случаѣ, безбожнымъ и потому беззаконнымъ, хотя бы это наказаніе и не было еще вычеркнуто изъ законовъ. Не могу признать права собственности землевладѣльцевъ *въ такой мѣрѣ неприкосновеннымъ и святымъ*, чтобы и *законодательная государственная власть* лишена была возможности и нравственнаго права справедливо рѣшать назрѣвшіе земельные вопросы во благо народа и къ общему благу государства, хотя бы и несогласно съ желаніями и запросами землевладѣльцевъ. Наконецъ, я не могу считать всѣхъ, кто не съ Русскимъ Собраніемъ, измѣнниками, крамольниками и врагами государства и Русскаго народа.

Думаю, что, идя въ избранномъ ими направленіи, тѣсня мысль и слово и избѣгая широкой гласности, нынѣшніе руководители Русскаго Собранія, въ числѣ которыхъ почти никого не осталось изъ его учредителей,—поступаютъ противно основной цѣли Русскаго Собранія, выраженной въ самомъ его названіи и въ статьѣ 1-й его устава — «*содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи* и проведенію въ жизнь *исконныхъ творческихъ началъ* и бытовыхъ особенностей *русскаго народа*».

Членъ-учредитель и бывшій членъ Совѣта Русскаго Собранія *Аѳ. Васильевъ.*

Напечатано въ газ. «Слово» 19 февр. 1906 г.

Если-бъ вмѣстѣ къ общей цѣли
Насъ съ тобой судьба вела,
Мы въ бѣдѣ бы не сробѣли,
Ты бы силъ мнѣ придала.
Съ вѣрой въ правду, рука въ руку,
Съ вѣрой въ мощь Страны Родной,—
Мы на праздникъ и на муку
Шли бы весело съ тобой!

Безъ поддержки-жъ и привѣта
Отъ того, кто сердцу милъ,—
Тяжела стезя завѣта,
Подвигъ труденъ и унылъ.
Въ одинокомъ спорѣ съ злою
Силой лжи и суеты
Не ослабну-ли душою,
Не погнешься-ли и ты?

Нѣтъ. Идя на битву съ ложью,
Облечемся мы съ тобой
Въ броню вѣры въ правду Божью
И любви къ Странѣ Родной!

Напечатано въ «Вѣкѣ», 1882 г.

Въ чемъ наша слабость и что повелительно требуется теперешними обстоятельствами.

Посвящается памяти брата моего († 26 янв. 1905 г.) Николая Васильевича, у смертнаго одра котораго эта статья написана.

Много у нашего великаго Отечества темныхъ сторонъ и слабыхъ мѣстъ. Самое слабое и больное изъ нихъ, это—несогласное съ исповѣдываемою Русскимъ Народомъ догматическою истиной и вселенскими канонами подневольное положеніе въ Россіи Православной Церкви, именуемой господствующею! *Порабощеніе государствомъ Церкви* соблазняетъ вѣрный Ей народъ, лишая мира душевнаго пастырей и пасомыхъ; оно препятствуетъ возсоединенію съ Церковью отколовшейся отъ Нея части Русскаго Народа, вѣрной догматамъ и канонамъ; оно же возбуждаетъ и обосновываетъ доходящую до ожесточенія ненависть и къ Церкви и къ государству извѣрившейся въ нихъ и вовсе обезвѣренной части русской, такъ называемой, интеллигенціи.

Возстановленіе каноническаго церковнаго строя и разоренной двухсотлѣтними стараніями правительства въ церковной и гражданской жизни Русскаго Народа *соборности*—объ этомъ должна быть первая, неусыпная забота Государя, церковныхъ властей и всѣхъ, кому истинно дороги православное христіанство и историческіе завѣты и судьбы Россіи, Русскаго Народа, Русскаго Царства! Высочайшіе указы 18 февраля 1905 г. Министру внутреннихъ дѣлъ и Правительствующему Сенату привѣтствуются и благословляются православными русскими людьми именно—какъ выраженіе рѣшимости возвратиться къ основному, исконному и вѣковѣчному положительному творческому началу русской жизни—соборности, какъ призывъ къ ней!

Безъ искренняго и полнаго возвращенія Церкви, общества и государства къ соборности нельзя ожидать въ будущемъ ничего добраго на Руси, ибо Русь доселѣ жила и строилась и можетъ и впредь жить и строиться *только* этимъ единымъ спасительнымъ началомъ, проявленіемъ въ жизни народной Божественнаго Духа Любви. Въ соборности—сущность Православія. Проявить и осуществить соборность въ жизни

своей и въ жизни всѣхъ соединенныхъ съ нами въ одинъ великій государственный союзъ разноязычныхъ народностей: въ этомъ—міровое вселенское назначеніе Россіи, Русскаго Народа, Русскаго Царства.

Японская война со всѣми ея неудачами и ужасами—явленіе гнѣва Божія, но и милости Божіей къ намъ: эта спасительная гроза смоетъ кровью наши историческіе грѣхи, если только мы способны опамятоваться отъ нашего ужаснаго забытья, вспомнить свое великое призваніе.

Съ измѣною этому призванію, съ окончательнымъ забвеніемъ и полною утратою соборности утратились бы цѣль и смыслъ дальнѣйшаго существованія Россіи, Русскаго Царства, Русскаго Народа!

Начало возстановленію соборности должно быть положено созваніемъ Церковнаго и Земскаго Соборовъ и устройствомъ основной церковной и земской общественной ячейки, основного устоя всему церковному и государственному зданію,—православнаго церковнаго прихода.

Но наряду съ этою основною задачей — возстановить и упрочить въ русской церковной, общественной и государственной жизни ея былую соборность,—современными обстоятельствами, въ которыхъ находится Россія, выдвигаются на очередь и другіе, требующіе неотложнаго рѣшенія, задачи и вопросы, относящіеся уже не къ области церковнаго и государственнаго права, а къ области церковной жизни и государственной *политики*, цѣли и направленіе которой зависятъ сколько отъ политическаго и общественнаго устройства страны, отъ образа и способовъ осуществленія въ ней верховной власти, столько же и отъ общаго міросозерцанія, отъ церковныхъ, государственныхъ и общественно-хозяйственныхъ убѣжденій, навыковъ и взглядовъ той болѣе или менѣе образованной и просвѣщенной части народа, изъ которой выходятъ люди, держащіе въ своихъ рукахъ власть, орудующіе ею,—призываются ли они къ участію въ ней довѣріемъ Государя или страны, или овладѣваютъ ею силою или лукавствомъ.

Изъ этого ряда вопросовъ наиболѣе важными и неотложными представляются въ настоящее время вопросы *о причинахъ обнищанія народа и недостаточной*, какъ свидѣтельствуетъ война, *вооруженности государства*, и о томъ, какъ восполнить этотъ недостатокъ и устранить ту нищету. Этимъ вопросамъ посвящается дальнѣйшее наше разсужденіе.

19 февраля 1905 г.

Россія не хотѣла воевать и, однако же, воюетъ. Ее заставили воевать! Это даетъ право заключить, что въ дѣлахъ внѣшнихъ, международныхъ, не мы въ данномъ случаѣ оказались хозяевами своего положенія, а другіе; и что, слѣдовательно, наша внѣшная политика, работа нашихъ дипломатовъ, была неудовлетворительна, или же для нея не было надежной опоры.

Великую Россію, считавшую себя, и не безъ основанія, первою или во всякомъ случаѣ, одною изъ первыхъ военныхъ державъ въ мірѣ, заставила воевать съ собою маленькая, ничтожная на взглядъ Японія, какія-нибудь 30—40 лѣтъ тому назадъ бывшая почти неизвѣстною дикою страной, почти вовсе не имѣвшая военнаго опыта, ибо внутреннія усобицы да войны съ Кореей и съ Китаемъ не могутъ же быть сопоставлены съ огромнымъ боевымъ прошлымъ Россіи. Эта Японія сама напала на Россію и вотъ уже цѣлый годъ ведетъ противъ нея наступательную войну съ постояннымъ успѣхомъ на морѣ и на сушѣ. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что и военное дѣло, дѣло обороны достоинства и цѣлости государства, боевая готовность оказались у насъ также въ неудовлетворительномъ состояніи, не въ томъ во всякомъ случаѣ, какого требовали обстоятельства, та политическая обстановка, въ какой находилось наше отечество. Могутъ на это возражать, что именно казавшееся отсутствіе сильныхъ соперниковъ на Дальнемъ Востокѣ, неизвѣстность того, что въ дѣйствительности представляетъ изъ себя Японія, увѣренность въ невозможности нападенія ея на насъ,—были причиною нашей неподготовленности къ неожиданно для насъ начавшейся войнѣ; а дальность разстоянія, незаконченность и недостаточная провозоспособность ведущихъ на Дальній Востокъ желѣзныхъ дорогъ затрудняютъ доставку туда войскъ и военныхъ принадлежностей. Этими обстоятельствами вполнѣ объясняются-де наши временныя неудачи, почти обычныя для насъ въ началѣ каждой нашей войны; но неосновательно отъ этихъ неудачъ заключать объ общей нашей политической слабости или военной неподготовленности.

Если бы даже все это было и такъ, то и тогда нельзя было бы удовольствоваться приведеннымъ объясненіемъ; ибо:

непредусмотрительность и невѣдѣніе того, что насъ окружаетъ, во всякомъ случаѣ не дѣлаютъ намъ чести и очень дорого уже намъ стоятъ. И настолько ли въ самомъ дѣлѣ извинительна наша неготовность къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ? Вѣдь мы не только прозѣвали тамъ образованіе новой великой державы—Японіи; но четыре года тому назадъ оказались настолько же неосвѣдомленными относительно Китая, и хотя на тотъ разъ, при содѣйствіи той же Японіи, справились съ нимъ, но вѣдь и Китай оказался болѣе подготовленнымъ къ войнѣ, нежели мы того ожидали. У него были недурные арсеналы, и артиллерія его, въ ея матеріальной части, оказалась лучше той, какую мы могли ей противопоставить. Китайская война давала намъ, казалось бы, возможность хорошо узнать японцевъ и вѣрнѣе оцѣнить боевыя ихъ качества и военное могущество; но мы и этою возможностью, какъ видно, плохо воспользовались.

Итакъ, война съ Японіей застала насъ врасплохъ и поставила въ очень трудное положеніе. Что же было бы, еслибы къ Японіи присоединилась какая-либо другая держава, напримѣръ, Америка, или Англія, или хотя бы тотъ же Китай? Или такое предположеніе неумѣстно, и мы не должны быть готовы встрѣтить всѣ такія случайности?

Наконецъ, если Боже упаси, столь-же нечаянно-негаданно для насъ, какъ это на протяженіи всего четырехъ лѣтъ дважды случилось на Дальнемъ Востокѣ, разыграются событія и разразится военная непогода на Востокѣ ближнемъ, т. е.—говоря точнѣе по отношенію къ нашимъ границамъ — на югѣ и западѣ отъ насъ,—тутъ, казалось-бы, всѣ стремленія, положеніе вещей и отношенія силъ должны быть нами обстоятельно изучены и хорошо разсчитаны и взвѣшены: можемъ-ли мы, однако, со спокойною увѣренностью сказать, что здѣсь *мы* хозяева своей политики, что мы примемся за рѣшеніе предлежащихъ намъ историческихъ задачъ тогда, когда будемъ считать это для себя благовременнымъ и удобнымъ, а до тѣхъ поръ никому не позволимъ порѣшить безъ насъ близко насъ касающіеся дѣла и вопросы, а если кто, дерзкій, сдѣлаетъ намъ вызовъ, то, кто бы онъ ни былъ, мы готовы дать ему отпоръ?

Увы! Ни въ обществѣ, ни, полагаемъ, въ самомъ правительствѣ нѣтъ такой увѣренности, а, слѣдовательно, нѣтъ у нашей великой страны и спокойствія духа, увѣренности въ томъ, что мы не уронимъ унаслѣдованнаго нами отъ предковъ значенія Россіи, какъ великой міровой державы. Между тѣмъ, только спокойная увѣренность въ своей силѣ и увѣренность другихъ въ томъ, что мы сильны, т. е. только дѣйствительное

и несомнѣнное для себя и для другихъ могущество дѣлаетъ государство господиномъ мира и войны, т. е. даетъ возможность сохранять честный, достойный своего народа миръ, и не уклоняться, съ ущербомъ для историческихъ судебъ своего народа, отъ войны въ тѣхъ случаяхъ, когда она неизбѣжна или необходима; начатую же войну приводитъ къ благополучному концу и достойному миру, не разоряя излишне своей страны и не требуя отъ своего народа лишней платы кровью за политическую слѣпоту и военную неподготовленность.

Итакъ, въ отношеніи внѣшнихъ дѣлъ — обороны своихъ границъ и осуществленія своихъ историческихъ задачъ—положеніе Россіи не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Но хорошо ли обстоятъ внутреннія въ ней отношенія и дѣла?

Увы, и тутъ: какой бы области мы ни коснулись, мы увидимъ, что дѣло идетъ или неисправно, или изъ рукъ вонъ плохо: всюду отсталость, неустройство, разладъ, общее недовольство, и въ основной, трудящейся части населенія вопіющая, болѣзненная, изнуряющая, и надрывающая силы нищета!

Но неужели Россія и въ самомъ дѣлѣ колоссъ на глиняныхъ ногахъ, а ея слава, слава великаго историческаго народа, міровой, могучей, великой, первой въ мірѣ военной державы,— мыльный пузырь? Или, можетъ быть, это могущество было да прошло, эта слава, если не миновала, то держится еще пока по одному только недоразумѣнію, и государство наше обратилось въ позолоченный, гнилой внутри, елочный орѣхъ, или, по удачному выраженію Хомякова, стало историческимъ свищемъ? Къ счастью, дѣло обстоитъ не такъ уже плохо; плохо, но не безнадежно. Мы больны; но болѣзнь не органическая, а привитая, наносная, и въ самомъ организмѣ есть всѣ условія для его выздоровленія. Однако, не надо забывать, что прежде всего слѣдуетъ для выздоровленія опознать свою болѣзнь и устранить ея основную причину и тѣ условія, которыя способствуютъ ея развитію или ее осложняютъ; безъ этого, иногда пустое заболѣваніе ведетъ къ уродству, ничтожная царапина къ смерти.

Въ Россіи, повторяемъ съ увѣренностью, есть всѣ условія для того, чтобы быть и оставаться великой, могучей, міровой державой, чтобы безболѣзненно расти, крѣпнуть и развиваться, и, восходя изъ силы въ силу, дать благоденственное и мирное житіе не только населяющимъ ее племенамъ и народамъ, но осчастливить и облагодѣтельствовать, воскресить къ новой жизни и быть могучимъ щитомъ и оплотомъ и другимъ окрестнымъ и близкимъ ей по крови и духу народамъ.

И если кому-кому, то именно ей и основному ея, вели-

кому числомъ и духомъ, народу даны преизобильно Творцомъ всѣ благодатные вещественные, тѣлесные и духовные дары и силы для того, чтобы Россія могла явить собою Царство Божіе на Землѣ, водворить на ней правду Христову.

Шестая часть всей земной поверхности, омываемая океанами, пролегающая сплошь черезъ весь старый историческій материкъ, чрезъ всѣ почти пояса и климаты,—она вся сплошь составляетъ одно государственное тѣло, находящееся въ полномъ державномъ обладаніи одной верховной власти: это ли не условіе политическаго могущества?

Великій просторъ полей и степей, орошаемыхъ могучими рѣками; внутреннія моря-озера; обиліе лѣсовъ, травъ и злаковъ; обиліе скота, звѣрей, птицъ и рыбъ; обиліе всякаго рода ископаемыхъ: непочатыя почти залежи угля и торфа и цѣлое подземное море нефти, выбрасываемой безъ всякихъ усилій человѣка потоками на земную поверхность; обиліе каменныхъ породъ и всякихъ строительныхъ матеріаловъ; обиліе металловъ: начиная желѣзомъ и кончая платиною и золотомъ, алмазы и всякіе другіе самоцвѣтные камни. Словомъ: обиліе всего, что требуется человѣку. Это ли не условія для полнаго хозяйственнаго благосостоянія страны, высокаго промышленнаго ея развитія и могущества?

Великій народъ, на которомъ Творецъ явилъ всю свою благость и щедроту, надѣливъ его красотою и силою тѣла и духа; народъ трудолюбивый, воспріимчивый и способный ко всякому искусству и труду, народъ съ свѣтлымъ разумомъ и здравымъ общественнымъ и государственнымъ смысломъ, народъ самоотверженный, охотно отдающій общему дѣлу свое послѣднее достояніе и кровь; народъ, охотно повинующійся и глубоко преданный власти; народъ кроткій и благожелательный къ другимъ, глубоко воспринявшій въ свою душу Христа, народъ, жаждущій истины и подвига. Это ли не условія нравственной силы, истиннаго міродержавнаго могущества и вѣковѣчной неувядаемой славы?

Откуда же идетъ все болѣе и болѣе наростающее оскудѣніе достатковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскудѣніе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ этого великаго, избраннаго Богомъ народа? Оскудѣніе этой богатѣйшей страны и необезпеченность внутренняго въ ней мира и внѣшнихъ ея границъ, угрожающія безславіемъ власти и глубокими потрясеніями?

Рыба, говоритъ пословица, начинаетъ портиться съ головы. Разложеніе всегда начинается въ верхнихъ верховодящихъ и правящихъ слояхъ народа и, постепенно ширясь, спускается внизъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что народы несутъ отвѣт-

ственность, страдаютъ и гибнутъ за грѣхи и ошибки тѣхъ, кто ими верховодитъ и правитъ.

Какъ сильное и храброе войско можетъ быть поставлено бездарностью или предательствомъ вождей въ такое положеніе, при которомъ оно неминумо погибнетъ, такъ можетъ погибнуть и великій народъ отъ бездарности или предательства своихъ руководителей и властей. Мы говоримъ здѣсь не о предумышленномъ предательствѣ своего народа по какимъ-нибудь низменнымъ своекорыстнымъ разсчетамъ; но о томъ, къ несчастію еще болѣе опасномъ и труднѣе отвратимомъ видѣ предательства, когда предающіе свой народъ могутъ быть искренно убѣждены, что они работаютъ ему на пользу.

Образованный слой русскаго общества, именно въ его правящей и верховодящей народомъ части, измѣнилъ народному духу, народной вѣрѣ, разошелся съ народомъ въ міропониманій. Отсюда тщетность всѣхъ его стараній облагодѣтельствовать народъ, даже и тогда, когда эти старанія безпримѣсно искренни и безкорыстны. Народъ вѣритъ Христу и желаетъ жить и управляться по Его заповѣдямъ. Образованные правящіе верхи народа или вовсе отреклись отъ Христа или, исповѣдуя Православное Христіанство на словахъ, въ жизни и особенно въ дѣлахъ общественныхъ, въ дѣлахъ законодательства, общественнаго и государственнаго управленія и устройства не считаютъ нужнымъ справляться и согласоваться съ завѣтами Христовыми, а иногда прямо-таки объявляютъ ихъ годными только про частный обиходъ, къ отношеніямъ же и установленіямъ общественнымъ вовсе непримѣнимыми. Но человѣчество не можетъ вынести въ себѣ такого раздвоенія, и Христіанское общество, въ которомъ такіе взгляды укрѣпятся и осилятъ, неминуемо погибнетъ, ибо не на вѣтеръ сказано: «всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, падетъ!»

Изъ безчисленнаго множества противорѣчій между твердою еще пока народною вѣрою и шаткими убѣжденіями и взглядами нашего, такъ называемаго, образованнаго, но въ сущности лишеннаго дѣйствительнаго просвѣщенія общества, подъ которые, тѣмъ не менѣе, оно настойчиво и упрямо подводитъ и гнетъ народную жизнь, — остановимся только на одномъ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящаго разсужденія.

Необразованный, но озаренный свѣтомъ Христовой истины народъ пока еще твердо вѣритъ, что только *трудъ* даетъ законное право на вознагражденіе, и что только трудомъ можно получить честный достатокъ въ жизни земной и наслѣдіе

жизни вѣчной. Народъ знаетъ заповѣди Христовы и апостольскія: просящему у тебя дай, росту на данное взаймы не бери, и о завтрашнемъ днѣ не заботься. У образованнаго же нашего общества, заправляющаго жизнью народною, а чрезъ него и въ законодательствѣ и въ жизни не трудъ въ почетѣ, а освобождающій отъ труда *капиталъ*, который было бы понятнѣе для русскаго человѣка называть именемъ «мамоны». Ему честь и охрана, довѣріе и поклоненіе, а труду отказывается во всемъ; онъ только терпится, но не покровительствуется закономъ; его удѣлъ — быть слугою и подножіемъ капитала-мамоны. Прилагаются, правда, пока еще малоуспѣшныя, слава Богу, старанія пріохотить къ накопленію и ростовщичеству народъ и даже дѣтей учебнаго возраста. Вѣра въ золотого тельца, въ накопленіе, мамону, захватывающихъ въ свое распоряженіе землю и всѣ орудія труда и требующихъ себѣ постояннаго жертвоприношенія въ видѣ обязательнаго роста и добавочныхъ прибылей, опредѣляетъ не только всѣ внутреннія отношенія въ Государствѣ, но и направленіе его внѣшней политики. Плоды этой вѣры и этой политики налицо. О нихъ мы говорили въ началѣ. Это — отсталость и неподготовленность Государства, нищета и захудалость народа.

Народное оскудѣніе съ его послѣдствіемъ—внутреннею смутой, и военная неподготовленность съ ея слѣдствіемъ—бѣдственною войной,—выросли въ сущности изъ одного и того же корня, имѣютъ одну и ту же основную причину. Но эта причина не тамъ, гдѣ ее, намѣренно, быть можетъ, отводя глаза въ сторону, ищутъ.

И для уврачеванія основного внутренняго недуга—народной нищеты—требуется въ сущности одно—не откладывать и не растягивать осуществленія всего того, что нужно для удовлетворенія настоятельныхъ государственныхъ и народныхъ потребностей и, прежде всего, того, что необходимо для обезпеченія полной боевой готовности государства на всѣхъ его границахъ и противъ всѣхъ возможныхъ его враговъ, на сушѣ и на морѣ.

Если бы была возможность сейчасъ же купить на сторонѣ готовый флотъ и готовую артиллерію, достаточно сильные для того, чтобы сразу получить перевѣсъ надъ японцами, то конечно, слѣдовало бы сдѣлать это какою бы то ни было цѣной, ибо кровь народная всего дороже. Но всего, что намъ въ огромныхъ количествахъ для полнаго вооруженія на водѣ и на сушѣ требуется, нигдѣ и ни за какія деньги такъ скоро, какъ это требуется начавшеюся уже войной, не достанешь. И не одна Японія у насъ за плечами. Необходимо поэтому всегда

и постоянно готовиться не для разыгравшейся уже войны, но и для всѣхъ, возможныхъ въ будущемъ, войнъ, памятуя правило: «Si vis pacem, para bellum»,—если хочешь мира—готовься къ войнѣ. Да если бы мы и осилили такъ или иначе скорѣе, чѣмъ можно теперь разсчитывать, Японію, то вѣдь ко времени сведенія съ нею счетовъ—когда будетъ заключаться миръ, чтобы условія этого мира были для насъ почетны, соотвѣтствовали перенесеннымъ тягостямъ, потраченнымъ на войну усиліямъ и жертвамъ,—необходимо въ то время быть сильнѣе не одной только, хотя бы и побѣжденной, но не окончательно раздавленной Японіи; надо быть сильнымъ и въ отношеніи тѣхъ, кто захотѣлъ бы вмѣшаться не въ свое дѣло, стать между нами и ею, или на ея сторону противъ насъ, и потребовать пересмотра и передѣлки нашего съ нею соглашенія, какъ это было сдѣлано со Свято-Стефанскимъ мирнымъ договоромъ*). Затѣмъ за японо-русскою войной едва ли наступитъ всесвѣтный миръ и благоволеніе въ людяхъ. Вѣрнѣе слѣдуетъ ожидать, что исторія этой войны составитъ впослѣдствіи не болѣе, какъ вступительную страницу къ исторіи войнъ XX-го вѣка, который обѣщаетъ быть кровавѣе своего предшественника, такъ какъ назрѣли и повелительно требуютъ своего рѣшенія цѣлый рядъ великихъ междуплеменныхъ міровыхъ вопросовъ: вопросъ такъ называемый Восточный, т. е. вопросъ объ освобожденіи и государственномъ устройствѣ великаго Славянскаго Племени, для правильнаго, съ русской точки зрѣнія, рѣшенія котораго требуется упраздненіе Австріи и Турціи; вопросъ о разселеніи великаго и воинственнаго Нѣмецкаго Племени, которому тѣсно въ его границахъ, и вопросъ о томъ, какъ должно распредѣлиться міровое господство, владычество надъ океанами и материками между главнѣйшими отраслями арійской и монгольской, а можетъ быть еще и черной расъ.

Итакъ, Японская война должна быть для насъ тѣмъ спасительнымъ громомъ, который во-время вывелъ насъ изъ соннаго оцѣпенѣнія, заставилъ вглядѣться пристальнѣе въ свое собственное положеніе и осмотрѣться внимательно вокругъ и не для того, конечно, чтобы послѣ того, какъ мы такъ или иначе отбудемъ бѣду,—опять успокоиться и заснуть, но для того,—чтобы теперь же приняться работать во всю народную силу и мочь, съ цѣлью заполнить всѣ имѣющіеся въ нашемъ народномъ и государственномъ хозяйствѣ пробѣлы, недостатки и

*) Иные думаютъ, что для заключенія почетнаго мира нужны не боевая готовность, а надежные союзники; но такіе союзники бываютъ только у того, кто самъ можетъ крѣпко постоять за себя и за союзниковъ.

недочеты, и чтобы затѣмъ уже постоянно держаться въ этомъ отношеніи на должной высотѣ, какъ подобаетъ великому народу и великой міровой державѣ, если только мы не хотимъ уподобиться лѣнивому и лукавому рабу, зарывающему таланты въ землю, — проспать свое великое назначеніе и превратиться изъ міродержцевъ въ подневольныхъ, — въ старый историческій хламъ, годный развѣ только быть переплавленнымъ въ иной, болѣе дѣятельный и лучше понимающій свое положеніе и свое назначеніе народъ.

Тѣ обстоятельства, въ которыхъ теперь находится Россія, повелительно требуютъ отъ нея пополнить свою боевую готовность на морѣ и на сушѣ, довести ее до такого состоянія и постоянно держать ее на такой высотѣ, чтобы, никакой врагъ и никакой союзъ враговъ не былъ намъ страшенъ и опасенъ; чтобы всюду и всякому врагу всегда готовъ былъ достаточно сильный отпоръ; чтобы противъ всякго врага Россія не только могла оберечь свои границы, но чтобы, въ случаѣ вызова, она могла перенести войну во вражьи предѣлы и, не разоряя войной своей страны, принудить врага къ исполненію своихъ требованій. Словомъ, Россія должна располагать такою военною и морскою силой, чтобы она могла вести не трусливую и косную, уступающую всякимъ неожиданнымъ случайностямъ, а неотступно ведущую къ разъ поставленнымъ цѣлямъ, дѣятельную международную политику, не упускающую нигдѣ своего, и ограждающую отъ всякаго иноплеменническаго посягательства и захвата не только самое себя, но и всѣхъ тѣхъ, кто, побуждаемый единствомъ крови, вѣры или самою тѣснотою своего положенія и отсутствіемъ иного прибѣжища и защиты, ищетъ покровительства и защиты въ ней, въ Россіи, видя въ ней носительницу высшихъ свѣтлыхъ началъ добра, правды и благоволенія къ людямъ.

Для приведенія Государства въ такую, соотвѣтствующую его міровому значенію и христіанскому призванію, боевую готовность, потребуется: 1) отъ земли—большое количество разнаго рода такъ называемаго сырья, — всего того, что можно изъ ея нѣдръ и на ея поверхности вывести и добыть; 2) отъ народа — огромная работа — все это добыть и переработать; 3) отъ государства — огромныя средства оплатить народный трудъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Русская земля содержитъ въ себѣ и можетъ дать все, что нужно для государственныхъ потребностей, въ любомъ количествѣ, и что народъ охотно возьмется и умѣло выполнитъ всякую работу, какая отъ него можетъ потребоваться.

Но способно ли государство справедливо оплатить народный трудъ? Не обанкротится ли само государство и не разоритъ ли оно окончательно своего народа, обративъ свои, т. е. собираемыя съ народа же, средства и самый народный трудъ на «*непроизводительную*», а потому хотя и вынуждаемую внѣшними обстоятельствами, но въ сущности лишнюю и вредную для благосостоянія страны работу?

Тутъ мы подошли къ самому корню разсматриваемаго нами вопроса, къ тому единому корню, изъ котораго буйно ростутъ при обиліи въ странѣ естественныхъ богатствъ, при даровитости и трудолюбіи народа, — народная нищета, народная безработица, военная и государственная слабость и неподготовленность.

Пора, наконецъ, сознаться и сказать, что народная наша нищета и убожество тѣхъ средствъ, какими вооружено наше государство для выполненія лежащаго на немъ долга предъ страной, со всѣми сопутствующими этой нищетѣ и этому убожеству и вытекающими изъ нихъ послѣдствіями,—внутреннею смутою, шаткою внѣшнею политикою и военными неудачами,— обусловливаются не свойствами страны, обильно надѣленной всѣмъ, что служитъ на потребу человѣку и государству, и не свойствами населенія, въ высшей степени даровитаго, трудолюбиваго и трудоспособнаго, а исключительно—ошибками управленія. И главнѣе всего эта нищета и убожество созданы и поддерживаются искусственно господствомъ ложныхъ финансовыхъ и хозяйственныхъ взглядовъ, которыхъ держится вліятельнѣйшее въ Государствѣ вѣдомство—финансовое, и которыя оно съ необычайнымъ упорствомъ и вопреки очевидной ихъ пагубности неизмѣнно отстаиваетъ и проводитъ.

Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе и проще: требуется для обороны страны произвести извѣстную работу; весь необходимый для работы матеріалъ подъ рукой, въ самой странѣ; необходимыя для руководства работой свѣдущія лица и для производства работъ свободныя рабочія руки тоже; — остается приложить трудъ къ матеріалу и получить то, что нужно. Не тутъ-то было! Сама работа, хотя она для безопасности государства совершенно необходима, а, слѣдовательно, и неотложна, требуется не для «промышленной эксплоатаціи», не для ростовщическихъ цѣлей, не для обиранія, а для защиты ближнихъ: въ виду такой предосудительной цѣли, эта работа признается финансовымъ нашимъ вѣдомствомъ «непроизводительной» и на этомъ основаніи или рѣшительно отклоняется изъ года въ годъ, или разрѣшается съ вредными для дѣла урѣзками и убавками и съ растяжкою на долгій рядъ

лѣтъ. Такимъ образомъ, значительная часть населенія, которая жаждетъ заработка и могла бы его имѣть, оставляется безъ работы, и настоятельная государственная потребность остается неудовлетворенною; или исполненіе того, что необходимо сейчасъ, растягивается на безконечно долгій рядъ лѣтъ съ очевидною опасностью для государственнаго достоинства и самой цѣлости страны. Къ чему такое отношеніе къ дѣлу нашего финансоваго вѣдомства и становящихся обыкновенно на его сторону гг. членовъ рѣшающихъ дѣло высшихъ правительственныхъ учрежденій приводитъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

Въ 1898 г., вслѣдствіе предпринятаго Японіею усиленнаго сооруженія боевыхъ судовъ, Морское наше Министерство ходатайствовало о разрѣшеніи построить въ 1898 — 1902 годы, въ дополненіе къ судостроительной программѣ 1895 года, 55 судовъ, стоимостью въ 163 м. р., въ томъ числѣ 16 крейсеровъ. При обсужденіи этого ходатайства Министръ Финансовъ заявилъ, что съ осуществленіемъ предположеній Морского Министерства наша Тихоокеанская эскадра оказалась бы сильнѣе японскаго флота, который къ тому же будетъ готовъ лишь въ 1905 году. Въ виду этого заявленія кредитъ на судостроеніе отпущенъ былъ въ размѣрѣ меньшемъ, нежели требовало Морское Министерство, и было постановлено срокъ выполненія судостроительной программы продлить на два года (до 1905). Въ предѣлахъ отпущенныхъ средствъ Морское Министерство рѣшило построить вмѣсто 55 судовъ, стоимостью въ 163 м. р., только 47 судовъ, стоимостью въ 123,5 мил. р., въ томъ числѣ крейсеровъ, вмѣсто предполагавшихся шестнадцати, рѣшено было построить только девять.

Не будь этой убыточной для государства «экономіи» и опрометчивой отсрочки, 2-я эскадра еще лѣтомъ 1903 г. могла бы быть въ Тихомъ океанѣ; тогда Японія, быть можетъ, постереглась бы начать войну; а если бы она ее и начала, то весь ходъ войны навѣрно былъ бы другой, такъ какъ море во всякомъ случаѣ не было бы тогда безраздѣльно въ японскихъ рукахъ, какъ это мы видимъ теперь *)

---

*) Одинаковую съ этою предусмотрительность проявило то же вѣдомство и въ другомъ, касавшемся Дальняго же Востока, вопросѣ. Въ образованномъ по Высочайшему повелѣнію въ 1898 г. Особомъ Совѣщаніи о мѣрахъ, могущихъ обезпечить правильность дѣйствія Восточно-Сибирскаго телеграфа въ предѣлахъ Забайкальской области и Приамурскаго края, бывшимъ Приамурскимъ, а въ то время Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ Генералъ-Лейтенантомъ Duховскимъ высказано было опасеніе относительно прочности и обезпеченности существованія и дѣйствія сооружавшейся въ то время черезъ Монголію и Китай желѣзной дороги. По поводу этого, вызваннаго дѣйствительнымъ

Изъ приведеннаго примѣра видно также, по какимъ въ сущности легковѣснымъ и малоосновательнымъ соображеніямъ и доводамъ отклоняются или откладываются такія важныя мѣропріятія, отъ своевременнаго осуществленія которыхъ зависитъ цѣлость и достоинство государства.

Затѣмъ, по окончаніи Китайской войны, то же Министерство настойчиво требовало скорѣйшаго удаленія нашихъ войскъ изъ Манчжуріи, хотя она вовсе еще не была умиротворена. Оно же затратило десятки милліоновъ рублей на выстройку города Дальняго, справедливо получившаго на мѣстѣ названіе Лишняго и сдѣлавшагося потомъ опорнымъ мѣстомъ для Японской арміи, осаждавшей Портъ-Артуръ; а между тѣмъ война застала наши военные порты на Дальнемъ Востокѣ, Владивостокъ и Артуръ — не только далеко необорудованными доками и всѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, но даже настолько неустроенными, что, напримѣръ, большія суда должны дожидаться приливовъ для входа въ Портъ-Артуръ или выхода изъ него.

На многіе десятки лѣтъ растягивается сооруженіе сѣти необходимыхъ стратегическихъ шоссейныхъ дорогъ въ Западной нашей окраинѣ и оборудованіе желѣзныхъ дорогъ необходимымъ для выполненія мобилизаціоннаго плана количествомъ подвижного состава,—паровозовъ и вагоновъ. Въ такомъ же положеніи и нѣкоторыя другія части военнаго дѣла. Гдѣ тре-

знаніемъ мѣстныхъ условій и государственнымъ опытомъ предостереженія Генералъ-Лейтенанта Духовскаго, Министръ Финансовъ Статсъ-Секретарь Витте, поддерживая ранѣе высказанные имъ мнѣніе, разъяснилъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ опасеній за прочность и безопасность сооружаемой въ предѣлахъ Китая желѣзной дороги, на которыя указываетъ бывшій начальникъ Приамурскаго края. Постоянныя за послѣдніе годы сношенія съ лицами, изслѣдовавшими Китай въ научномъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, а въ частности и съ лицами, производящими взысканія и работы именно по направленію предполагаемаго желѣзнодорожнаго пути, побуждая его, Министра Финансовъ, къ близкому и крайне внимательному изученію всѣхъ условій, сопровождающихъ осуществленіе означеннаго важнаго преддпріятія,—вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпили въ немъ убѣжденіе что при проведеніи желѣзной дороги черезъ Монголію и Манжчурію нельзя ожидать никакихъ опасностей или противодѣйствія со стороны мѣстнаго населенія. Населеніе это, находящееся безспорно на низшей ступени культурнаго развитія, тѣмъ именно и отличается, что ему совершенно чужды какіе бы то не было политическіе, національные или даже религіозные идеалы, и что оно заботится исключительно о своемъ прокормленіи и преклоняется предъ силою денегъ. Поэтому, даже въ случаѣ весьма мало вѣроятныхъ политическихъ осложненій или прямого столкновенія Россіи на Дальнемъ Востокѣ, построенная въ предѣлахъ Манчжуріи желѣзная дорога, а вмѣстѣ съ нею и телеграфъ, какъ источникъ благосостоянія для значительной части мѣстнаго населенія,—будутъ оставаться неприкосновенными.

Эти соображенія были высказаны въ то время, когда въ Китаѣ уже широко разрослось движеніе такъ называемыхъ Большихъ Кулаковъ, — наканунѣ такъ называемыхъ Китайскихъ событій: осады посольствъ, нападенія на Благовѣщенскъ и разоренія строившейся Манчжурской желѣзной дороги.

буется безотлагательно затратить сто-полтораста милліоновъ рублей, расходовалось милліона три въ годъ. При такихъ способахъ подготовки мы никогда не будемъ въ состояніи боевой готовности, равной нашимъ сосѣдямъ. Все оказывается у насъ въ нужную минуту на половину или болѣе недодѣланнымъ и въ то же время уже устарѣвшимъ и отсталымъ.

Но, быть можетъ, если въ приведенныхъ для примѣра случаяхъ Министерство Финансовъ и погрѣшало непредусмотрительностью, имѣвшею бѣдственныя для государства послѣдствія, однако же оно, быть можетъ, право вообще въ своемъ дѣленіи расходовъ на «производительные» и «непроизводительные», и, всемѣрно сокращая военные расходы, какъ непроизводительные, оно тѣмъ самымъ служитъ полезную съ народно-хозяйственной точки зрѣнія службу странѣ?

Увы! и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Разобравшись въ томъ, какіе расходы принято считать производительными, какіе нѣтъ, придется сдѣлать полную ихъ перестановку однихъ на мѣсто другихъ, и, слѣдовательно, признать всю вообще дѣятельность финансоваго нашего вѣдомства ошибочной и для народнаго благосостоянія вредной.

Въ самомъ дѣлѣ: что даетъ благосостояніе народу, чѣмъ онъ можетъ разживаться и богатѣть?

Разнообразіемъ потребностей и обмѣномъ услугъ.

Что нужно каждому народу для благосостоянія, т. е. для сохраненія тѣлесной и душевной цѣлости—здоровья?

Нуженъ обильный, но здоровый, т. е. правильно распредѣленный, каждому въ мѣру его силъ, а не до изнуренія, трудъ и справедливая оплата этого труда, дающая возможность быть не до пресыщенія сытымъ и жить, не роскошествуя, въ свѣтѣ и теплѣ; быть одѣтымъ и обутымъ и имѣть возможность поднять, т. е. выростить и воспитать для полезной трудовой жизни слѣдующее поколѣніе.

Для того, чтобы народу жить и богатѣть, нѣтъ непремѣнно надобности ему обмѣниваться съ другими странами и народами и эксплоатировать, т. е. обирать ихъ въ свою пользу. Для такого государства, какъ Россія, достаточно внутренняго обмѣна для полнаго благосостоянія ея многочисленныхъ странъ и народовъ.

Если сравнительно ничтожная по размѣрамъ и численности своего коренного населенія страна — Англія могла разбогатѣть на чужой счетъ ростовщичествомъ и всесвѣтнымъ грабежомъ, то смѣшно думать, что въ этомъ можетъ съ нею соперничать наша великая Россія.

300-милліонная Индія, не считая другихъ подвластныхъ

англичанамъ странъ, можетъ кормить до ожирѣнія десятки милліоновъ бритовъ. Но 140-милліонное населеніе Россіи не можетъ богатѣть за счетъ Бухары, Афганистана и даже Китая, ибо у Китая своя промышленность, и мы у него, кажется, можемъ болѣе взять, чѣмъ ему дать.

Да если бы и могъ Русскій народъ жить на чужой счетъ, то онъ этого не захотѣлъ бы, ибо это глубоко противно всему его міросозерцанію. Онъ привыкъ самъ работать въ потѣ лица и желаетъ жить своимъ честнымъ трудомъ, а не чужими слезами и кровью.

Да и нѣтъ, повторяемъ, для Россіи никакой надобности въ погонѣ за иностранными рынками. Она сама представляетъ собою настолько необъятный рынокъ, что для того, чтобы его-то заполнить: чтобы накормить до-сыта, обуть и одѣть, какъ слѣдуетъ, по-человѣчески, дать человѣческое жилье и тепло и свѣтъ, дать грамоту и книгу своему народу, дать ему всякаго рода орудія и механизмы, необходимые для труда, — для всего этого требуется и добывная и обрабатывающая промышленность, и кустарная, и ремесленная, и заводская, — во много разъ превышающія производительностью тѣ, какія въ нашей странѣ существуютъ.

Наше финансовое вѣдомство право въ томъ убѣжденіи, что одной сельскохозяйственной промышленности для удовлетворенія всѣхъ народныхъ и государственныхъ нуждъ и для обезпеченія народнаго благосостоянія недостаточно, и что для этого необходима также и крупная фабрично-заводская промышленность. Но мѣры финансоваго вѣдомства для того, чтобы вызвать къ жизни и поддержать эту промышленность, не приводятъ къ цѣли, и это потому, что онѣ ошибочны, что Министерство дѣйствуетъ не съ того конца.

Для каждой промышленности необходимъ соотвѣтствующій рынокъ, т. е. сбытъ. Для русской промышленности, какъ уже сказали мы, необходимъ и имѣется достаточный для благополучнаго ея существованія рынокъ—внутренній, т. е. — есть огромная въ народѣ нужда во всѣхъ производствахъ и фабрикатахъ, но нѣтъ спроса; есть рынокъ, но онъ бездѣйствуетъ, нѣтъ сбыта.

Причина всему этому одна: *народъ нашъ въ огромномъ его большинствѣ лишенъ всякой покупной способности;* въ народѣ нашемъ совершенно искусственный денежный голодъ. Причина этого голода — крайне низкая оплата основного народнаго труда,—не по дѣйствительной его тяготѣ и стоимости, и искусственно созданная отсутствіемъ денегъ въ странѣ безработица. Милліоны здоровыхъ, трудоспособныхъ людей тщетно ищутъ себѣ заработка; десятки милліоновъ людей имѣютъ заработокъ

только половинный противъ того, какой могли бы имѣть, имѣютъ нѣсколько мѣсяцевъ свободнаго, незанятаго трудомъ времени, и всѣ тѣ, кто истинно и производительно трудится, будетъ ли это трудъ мышечный или умственный, получаютъ нищенски жалкую плату за свой трудъ. Вознаграждаются щедро только посредничество и спекуляція, да торговля тѣмъ, что вовсе не должно бы быть предметомъ торга, — деньгами, т. е. ростовщичество во всѣхъ его видахъ.

Надо занять работой все свободное отъ земледѣльческихъ занятій время и всѣ остальныя свободныя, не имѣющія вовсе вѣрнаго заработка руки. Надо привлечь народъ къ этому труду, не отвлекая его, по возможности, отъ мѣстъ постоянной его осѣдлости далеко на сторону, а предложивъ ему работу на мѣстѣ; и надо платить за эту работу не скаредно, не по двадцати-тридцати коп. въ день, какъ дѣлается это на общественныхъ работахъ во время голодовокъ, а полнымъ рублемъ, т. е. такою платою, какая можетъ считаться справедливою, т. е. дающею рабочему человѣку возможность покрыть всѣ его настоятельныя, соотвѣтствующія человѣческому существованію, нужды, включая и духовныя потребности и потребность дать жизнь, поднять и воспитать къ человѣческой жизни новое поколѣніе. Чтобы утолить денежный голодъ народа обильнымъ заработкомъ, нѣтъ необходимости выдумывать ненужныя и лишнія сооруженія, ибо повсемѣстно остается неудовлетвореннымъ многое множество нуждъ, настоятельно требующихъ своего удовлетворенія, безъ чего нельзя и жить по-человѣчески. Всюду требуются мосты и дороги, улучшеніе естественныхъ условій, созданныхъ запущенною природой; требуется облѣсеніе, обводненіе, осушеніе, борьба съ оврагами и песками, устройство хорошихъ прудовъ и колодцевъ, устройство хлѣбозапасныхъ магазиновъ, общественныхъ амбаровъ, зерноочистителей и зерноподъемовъ, общественныхъ зданій, какъ-то: церквей, училищъ, больницъ и др. богоугодныхъ заведеній, зданій для сельскихъ, приходскихъ и др. общественныхъ управленій, собраній и сходовъ. Всюду можетъ быть устроена добыча естественныхъ даровъ природы: торфа, песку, глины и извести и выдѣлка изъ нихъ кирпичей съ обращеніемъ всего этого, прежде всего на собственныя мѣстныя же нужды.

Наконецъ, если въ задачи правительства, городовъ и земствъ входитъ постройка дорогихъ больницъ для борьбы съ поразившими уже людей болѣзнями, то съ неменьшимъ основаніемъ можетъ быть отнесена къ ихъ обязанностямъ забота о томъ, чтобы уменьшить заболѣваемость и смертность содѣйствіемъ народу въ устройствѣ здоровыхъ жилищъ, приличествующихъ

человѣку, а не напоминающихъ логовище звѣря. Ибо живя въ тѣхъ полуразрушенныхъ, покрививщихся на бокъ и полураскрытыхъ избенкахъ, въ какихъ теперь ютится не малая часть русскаго населенія, населеніе это не можетъ давать государству здоровыхъ работниковъ и воиновъ и исправныхъ ему плательщиковъ. Поэтому немаловажную задачу и не малый трудъ и заработокъ должна доставить народу перестройка и выстройка для сельскаго нашего населенія, для всѣхъ, кто въ томъ нуждается, здоровыхъ и приличныхъ жилищъ. И эту работу нашъ обнищавшій и изнуренный народъ собственными силами и средствами выполнить (хотя она нужна для собственной его пользы и употребленія) не въ силахъ. Необходимо народу помочь матеріаломъ или денежною на покупку его ссудою (безпроцентною) и заплатить по справедливой оцѣнкѣ, хотя бы тоже небезвозвратно, за самый трудъ.

Часть всѣхъ этихъ потребностей могла бы быть удовлетворяема за государственный, часть за земскій счетъ, или подъ наблюденіемъ и руководствомъ городскихъ и земскихъ учрежденій (дополненныхъ столь необходимыми для правильнаго состава и благотворной дѣятельности тѣхъ и другихъ приходскими попечительствами и обществами), съ помощью правительственныхъ безвозвратныхъ пособій и безпроцентныхъ ссудъ.

Но на первомъ, конечно, мѣстѣ должны быть поставлены въ заботахъ правительства тѣ работы и сооруженія, выполненіе которыхъ необходимо для обезпеченія внѣшней безопасности государства. Сюда относится сооруженіе всякаго рода и приведеніе въ благоустроенный видъ стратегическихъ желѣзныхъ, каменныхъ и водныхъ путей и средствъ передвиженія по нимъ: устройство достаточнаго количества паровыхъ двигателей, паровозовъ, пароходовъ, вагоновъ, автомобилей и транспортныхъ судовъ. Устройство достаточнаго числа — не въ одномъ только мѣстѣ государства, а въ разныхъ его частяхъ, — готовящихъ всякаго рода вооруженіе заводовъ: оружейныхъ, пушечныхъ, отливающихъ броню и снаряды, арсеналовъ, верфей и адмиралтействъ, которые могли бы дать намъ въ скоромъ времени достаточно многочисленные и сильные по боевому вооруженію и по количеству артиллерію и флотъ. Всѣ эти заводы должны работать не порывами, то крайне напрягая, то почти прекращая свою дѣятельность, а постоянно и равномѣрно, ибо техника постоянно движется впередъ, а, слѣдовательно, требуется постоянное не только пополненіе предметовъ вооруженія, приходящихъ въ негодность отъ времени и употребленія, но и постоянное перевооруженіе и арміи и флота новыми предметами болѣе совершеннаго устройства и дѣйствія.

Избытки вооруженія могли бы нами сбываться союзнымъ намъ и находящимся подъ нашимъ вліяніемъ государствамъ (к. Сербія, Болгарія, Черногорія, Румынія, Греція), а остальные должны быть въ запасѣ на случай необходимости вооружить остальное подвластное иноземцамъ Славянство, когда настанетъ время борьбы его за освобожденіе.

Для успѣшной же постановки и дѣйствія заводскаго дѣла во всѣхъ разнообразныхъ его отрасляхъ, потребныхъ для вооруженія страны, необходимо устройство въ странѣ самыхъ совершенныхъ машиностроительныхъ и химическихъ заводовъ. Чтобы возможно лучше и возможно шире поставить это дѣло въ самой Россіи, не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими единовременными затратами для приглашенія наиболѣе опытныхъ знатоковъ дѣла и для пріобрѣтенія необходимыхъ для обоснованія дѣла механизмовъ и устройствъ. Но затѣмъ слѣдуетъ приложить всяческія старанія и принять всѣ мѣры для того, чтобы укоренить и упрочить эти основныя производства внутри страны, чтобы затѣмъ Россія могла, слѣдя за тѣмъ, что дѣлается на сторонѣ, имѣть все необходимое для вооруженія и безопасности страны у себя дома.

Всѣ эти заведенія и устройства будутъ, конечно, производить, сверхъ того, что составляетъ непосредственную ихъ задачу, т. е. сверхъ предметовъ вооруженія, множество всякаго рода предметовъ, необходимыхъ и полезныхъ для частнаго употребленія. Такимъ образомъ, усилія и затраты государства, сдѣланныя для того, что ему самому непосредственно надобно, создадутъ множество полезныхъ и для рынка производствъ. Но и тѣ сооруженія и производства, которыя будутъ вызваны къ жизни и будутъ работать только для военныхъ цѣлей, ошибочно считать непроизводительными. Нѣтъ, они производительнѣе другихъ! *Всякая работа, находящая себѣ прямой сбытъ и дающая своему населенію заработокъ, производительна.* Непроизводительны тѣ затраты, которыя, непомѣрно обогащая отдѣльныхъ посредниковъ-спекулянтовъ, даютъ мало заработка населенію и которыя создаютъ предметы, не находящіе себѣ сбыта.

Съ этой точки зрѣнія, всѣ дѣлаемыя въ своей странѣ *затраты на военное и морское дѣло производительны и полезны,* и всѣ затраты на поддержку искусственно вызываемыхъ къ жизни промышленныхъ предпріятій, производства и услуги которыхъ, по отсутствію покупныхъ средствъ въ народѣ, не имѣютъ достаточнаго сбыта,—являются затратами, убыточными для государства, такъ какъ всѣ эти усилія создать крупную промышленность, не создавъ предварительно для нея широкаго внутрен-

няго рынка, являются зданіемъ, воздвигаемымъ на пескѣ, и кромѣ постоянныхъ кризисовъ и вызывающихъ всеобщее озлобленіе мѣръ для устраненія этихъ кризисовъ, вродѣ сахарной и другихъ нормировокъ, синдикатовъ и т. п., ни къ чему путному не приводятъ.

Если же будутъ даны народу покупныя средства,—а они могутъ быть даны только за работу и, слѣдовательно, при самомъ широкомъ и повсемѣстномъ развитіи государственныхъ и общественныхъ работъ, о которыхъ только-что было говорено,—тогда безъ всякихъ заботъ о насажденіи частной промышленности—и крупной, и мелкой,—сама собою, какъ отвѣтъ на явившійся спросъ, явится и расцвѣтетъ кустарная, и ремесленная, и фабрично-заводская промышленность. Признакомъ либеральной заботливости о народѣ считаются нападки на военные расходы и требованіе сокращенія ихъ. Но, если бы, оставаясь при прежнихъ воззрѣніяхъ и порядкахъ, въ одинъ прекрасный день мы вычеркнули изъ государственной росписи всѣ кредиты на военныя и морскія нужды—всѣ 400—500 милліоновъ рублей,—народу отъ этого нимало бы не полегчало. Напротивъ, положеніе его ухудшилось бы, ибо явился бы лишній милліонъ людей, который теперь содержится государствомъ и содержаніе которыхъ даетъ заработокъ другимъ людямъ,—эти милліонъ человѣкъ явились бы новыми соперниками на рынкѣ труда, на которомъ и безъ того милліоны рукъ не находятъ для себя достаточнаго заработка, и это только понизило бы плату за трудъ, т. е. ухудшило бы общее положеніе дѣлъ, Наоборотъ, если бы увеличить солдатское жалованье съ 1 р. 50 к.—4 р. 50 к. въ годъ до 15, скажемъ примѣрно, рублей въ мѣсяцъ, т. е. если бы солдату, который теперь, отбывая повинность, не только лишенъ возможности помогать оставленной имъ на произволъ судьбы семьѣ, но еще отъ нея требуетъ себѣ и получаетъ поддержку, такъ если бы солдатское жалованье увеличить до 180 р. въ годъ, и на это, по мирному составу арміи приблизительно въ милліонъ человѣкъ, пришлось бы вносить ежегодно въ смѣту и тратить лишніе противъ теперешняго 180 милл. р., а съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ содержанія офицерскаго, скажемъ, —200 милл. р., то этотъ расходъ,—на взглядъ финансоваго вѣдомства и нашихъ псевдо-либераловъ самый непроизводительный изъ непроизводительныхъ,—въ дѣйствительности оказался бы однимъ изъ самыхъ производительныхъ; ибо огромное большинство и солдатъ и офицеровъ полученной прибавки не спрятало бы, въ процентныя бумаги ихъ не обратило бы и купоновъ не стригло бы, а все полученное отъ государства, въ справедливое вознагражденіе за свою службу

и трудъ, употребляло бы на свои и своихъ близкихъ нужды, т. е. тотчасъ же пускало бы во всенародный оборотъ, и такъ какъ каждая выпущенная изъ казны однажды въ годъ копѣйка обернется въ народѣ въ теченіе года десятки и сотни разъ, то этотъ лишній смѣтный расходъ казны въ 200 милл. р. произвелъ бы полезной работы въ народѣ на нѣсколько милліардовъ.

Одна эта мѣра произвела бы быстрое оживленіе и огромный подъемъ всякаго рода производствъ и промысловъ, и преимущественно мелкихъ, ремесленныхъ и кустарныхъ, что было бы особенно важно и благотворно для подъема всенароднаго благосостоянія и хозяйства и, конечно, немедленно отозвалось бы соотвѣтственнымъ увеличеніемъ доходовъ казны. То же дѣйствіе имѣло бы и увеличеніе многихъ другихъ штатныхъ расходовъ и особенно увеличеніе *законныхъ* окладовъ пенсій и вознагражденія наиболѣе бѣдныхъ и полезныхъ тружениковъ, находящихся въ непосредственной близости къ народу, которые за свой тяжелый и въ высокой степени полезный трудъ получаютъ нищенски-жалкую плату, таковы, напримѣръ, деревенскіе причты, народные учительницы и учителя, фельдшера и даже земскіе и уѣздные врачи. Если Министерство Финансовъ нашло необходимымъ и возможнымъ устроить по-человѣчески сидѣльцевъ своихъ винныхъ лавокъ, то какое можетъ быть основаніе въ отказѣ въ стольже справедливомъ вознагражденіи людямъ, трудящимся для государства и народа на другихъ, во всякомъ случаѣ не менѣе почтенныхъ, сравнительно съ продажею водки, поприщахъ?

Отъ скудости ассигнованій на военныя и другія нужды управленія, отъ скуднаго вознагражденія за государственную и общественную службу, отъ того, что офицеръ и чиновникъ, солдатъ и народный учитель влачатъ нищенски-жалкое существованіе съ своими семьями или вынуждаются на безбрачіе и неизбѣжно сопутствующій ему развратъ,—отъ всего этого не получится сбереженія и не прибудетъ достатка въ крестьянскомъ и мѣщанскомъ хозяйствѣ. Всякая же исполняемая непосредственно для государства работа, всякая справедливо вознаграждаемая служба ему даютъ обширные заработки крестьянству и мѣщанству и способствуютъ подъему общенароднаго благосостоянія и достатка, лишь бы при этомъ поменьше было лишнихъ посредниковъ и не обсчитывался въ ихъ пользу рабочій людъ.

Только широкимъ удовлетвореніемъ внутреннею работою, трудомъ своего населенія, всѣхъ государственныхъ потребностей, — начиная съ потребностей обороны, нуждъ арміи и

флота, и кончая нуждами народнаго образованія, — и широко раскинутою по всему государству сѣтью общественныхъ работъ, направленныхъ къ удовлетворенію всякаго рода вызываемыхъ требованіями развивающейся жизни и создаваемыхъ измѣненіями естественныхъ условій страны потребностей и нуждъ самого населенія, — только справедливою, нескаредною оплатою всего этого народнаго труда, можно вывести и государство и народъ изъ тѣхъ искуственно созданныхъ для нихъ убожества и нищеты, въ которыхъ они сейчасъ находятся, погружаясь въ нихъ все ниже и ниже.

Только такой всенародный трудъ, создавъ народное благосостояніе, благоустроитъ страну и вооружитъ государство всѣмъ тѣмъ, что даютъ современныя техника, искусство и наука, и поставитъ государство на ту степень незыблемаго могущества и непрекаемой славы, какую оно не только имѣетъ право, но обязано занять по всѣмъ тѣмъ естественнымъ условіямъ и даннымъ, какими надѣлилъ нашу страну и нашъ народъ Всещедрый Создатель.

Все это, скажутъ, было бы хорошо, но откуда государство возметъ денегъ для того, чтобы оплатить, да еще щедро оплатить заданную всему народу работу? Вѣдь средства для этого надо взять съ того же народа, а платежныя его силы и безъ того напряжены. Остаются займы внутренніе и внѣшніе. Но и задолженность Государства, расплачиваться за которую придется тому же народу, также велика, да и состояніе иностранныхъ денежныхъ рынковъ и биржъ не всегда позволяетъ сдѣлать заемъ на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ.

Поставленный вопросъ о платежныхъ средствахъ государства приводитъ насъ опять къ одному изъ тѣхъ наиболѣе упорныхъ и пагубныхъ заблужденій, которыя являются искусственною причиною государственной слабости и народной нищеты.

Подъ вліяніемъ иностранныхъ, преимущественно еврейскихъ, экономическихъ и финансовыхъ теорій, сложилось такое убѣжденіе, что деньги—платежное орудіе въ странѣ—должны быть непремѣнно металлическія или даже золотыя, имѣющія непререкаемую стоимость, вслѣдствіе всесвѣтной рыночной цѣнности того металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Бумажныя же деньги, какъ и размѣнная монета изъ серебра и мѣди допустимы лишь въ малыхъ количествахъ, только какъ замѣстители или представители денегъ золотыхъ, и цѣнность этихъ замѣстителей должна быть обезпечена значительными запасами золота и обмѣномъ на золото.

Но такой взглядъ ставитъ платежную способность Государства, а, слѣдовательно, и возможность для него своевременно удовлетворять свои нужды и осуществлять свои цѣли въ полную зависимость отъ наличія золота въ его кассахъ и кладовыхъ, или отъ возможности занимать это золото. Но каждый правительственный заемъ, каждый выпускъ %-хъ бумагъ есть не что иное, какъ выдаваемая государствомъ на себя и на свой народъ кабала, а такъ какъ основная обязанность каждаго государства—ограждать независимость своего народа отъ всякой кабалы,—то приведенный взглядъ на деньги противорѣчитъ той основной цѣли, ради которой существуютъ государства.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое государство, какой бы ни былъ въ немъ образъ верховной власти, во всякомъ случаѣ ограничиваетъ личную и общественную свободу, налагаетъ на своихъ подданныхъ цѣлый рядъ весьма тяжелыхъ обязанностей; ради чего же народъ и отдѣльные составляющіе его люди, если не добровольно принимаютъ на себя, то добровольно несутъ на себѣ эту тяготу, повинуются этой единой, не всегда ласково и благосердно относящейся къ нимъ власти?—Ради двухъ основныхъ благъ, которыя они надѣются получить этимъ самоограниченіемъ: безопасности и справедливости внутри страны,—чтобы сильный и богатый не давилъ и не обиралъ въ ней бѣднаго и слабаго, и—безопасности и независимости отъ всякаго другого народа, отъ всякой внѣшней силы. Не трудно въ исторіи видѣть, что первая цѣль—справедливость внутреннихъ отношеній—осуществляется весьма медленно, далеко не всѣми государствами и далеко не полно; и тѣмъ не менѣе государства продолжаютъ существовать, и правительства ихъ, при неполномъ и неудовлетворительномъ осуществленіи этой внутренней задачи, не только терпятся подданными, но и имѣютъ въ нихъ преданныхъ себѣ слугъ и надежныхъ защитниковъ,—до тѣхъ поръ, пока эти правительства удачно осуществляютъ упомянутую вторую цѣль—ограждая самостоятельность государства по отношенію ко всѣмъ другимъ государствамъ, отражая всякое внѣшнее на него нападеніе и посягательство. Но горе тому правительству, которое оказывается несостоятельнымъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи! Внѣшнія пораженія неизбѣжно приводятъ къ внутреннимъ переворотамъ. Не утратившій своего самосознанія народъ никогда не помирится и не проститъ своему правительству внѣшняго безславія, пораженія, и зависимости отъ другого народа!

Въ доброе старое время эта важнѣйшая обязанность правительства—блюсти и ограждать самостоятельность своего народа — была проста: она сводилась къ вооруженной защитѣ

государственныхъ границъ, къ отраженію вооруженною силою вооруженнаго нападенія со стороны. Но, если пристальнѣе всмотрѣться въ сущность дѣла, въ значеніе и смыслъ вооруженной борьбы между государствами и народами, то не трудно понять, что и вь старину, всегда, цѣлью военныхъ столкновеній и воруженной борьбы между государствами и народами было стремленіе одной изъ воюющихъ сторонъ сдѣлать другое государство себѣ подвластнымъ, а его народъ сдѣлать своимъ данникомъ, т. е. заставить его работать на себя; другая же сторона противится, пока только въ силахъ, алчному желанію взять съ него выкупъ или обязательство платить дань. Такимъ образомъ и въ прежнее время борьба велась въ сущности за хозяйственную независимость.

Въ настоящее время эта обязанность государства блюсти независимость своего народа отъ всякихъ другихъ народовъ сильно осложнилась. Теперь разными хитрыми соглашеніями о таможенныхъ, желѣзнодорожныхъ и портовыхъ тарифахъ и фрахтахъ, ввозныхъ и вывозныхъ пошлинахъ, преміяхъ, нормировкахъ и синдикатахъ, ссудами и займами, не ведя войны, не одерживая кровавыхъ побѣдъ и не неся такихъ же пораженій, можно поработить себѣ другой или закабалить другому свой народъ, обложить его такою данью, какой не брали съ побѣжденныхъ ни Тамерланъ, ни Чингисханъ, ни Бисмаркъ.

Слѣдовательно, въ настоящее время на правительствахъ лежитъ по отношенію къ своему народу долгъ не только отражать вооруженныя на него нападенія, но и такъ управлять и распоряжаться финансами и хозяйственною жизнью страны, чтобы свой народъ не могъ сдѣлаться данникомъ, невольнымъ плательщикомъ кому бы то ни было, кромѣ какъ своей же казнѣ, т. е. въ сущности самому же себѣ.

Всякій заемъ, особенно заемъ процентный и срочный, ставитъ заемщика, будетъ ли это отдѣльное лицо, или государство и народъ, въ зависимое, а не то такъ и въ совершенно подневольное, кабальное, рабское положеніе въ отношеніи заимодавца. Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что правительство и государство, совершая какой бы то ни было заемъ, тѣмъ самымъ, поступаются частью своихъ державныхъ правъ, ставятъ себя и свой народъ въ зависимость отъ заимодавцевъ, а, слѣдовательно, дѣйствуютъ вопреки самой цѣли своего существованія, совершаютъ предательство.

Заемъ внѣшній ставитъ государство въ зависимость отъ внѣшней посторонней силы, будутъ ли этою силою иностранное правительство, или иностранные банкиры, или множество отдѣльныхъ иностранцевъ, держателей выпущенныхъ за границею заемныхъ обязательствъ.

Займомъ внутреннимъ правительство ставитъ себя и трудовую, платящую часть населенія въ зависимость отъ владѣльцевъ бумагъ внутренняго займа, и тѣмъ измѣняетъ другой основной своей цѣли — блюсти справедливость и равенство отношеній внутри государства.

А затѣмъ, при извѣстномъ состояніи дѣлъ, заемъ внутренній легко превращается во внѣшній, такъ какъ обязательства внутренняго займа могутъ быть проданы иностранцамъ. Это и случилось, напримѣръ, съ нашею 4% рентою. Такимъ образомъ всякій правительственный заемъ, совершенный не по крайней необходимости (напр., необходимо пріобрѣсти во время войны предметы вооруженія, а заплатить за нихъ немедленно нечѣмъ) и не съ цѣлью уменьшить существующую задолженность (обстоятельства позволяютъ погасить одинъ заемъ посредствомъ другого, менѣе обременительнаго, займа), кромѣ этихъ двухъ случаевъ, всякій иной заемъ есть безуміе и долженъ почитаться преступленіемъ и предательствомъ своего народа.

Всякій правительственный внутренній заемъ—безсмыслица, противорѣчащая сущности отношеній государства къ его подданнымъ. Государство: это—совокупность всѣхъ силъ и средствъ страны. Какимъ же образомъ оно, цѣлое, можетъ стать въ положеніе должника и данника по отношенію къ отдѣльнымъ своимъ частицамъ, своимъ подданнымъ? Государство—можетъ приходить на помощь отдѣльнымъ своимъ членамъ ссудами имъ, но не наоборотъ. Государство за оказанную своимъ подданнымъ помощь можетъ наложить на нихъ обязательство заплатить сверхъ возврата долга еще и нѣкоторый ростъ. Это не противно здравому смыслу, допустимо и не безнравственно, ибо государство вообще можетъ облагать своихъ подданныхъ разнаго вида сборами, и платимое государству идетъ на общую же пользу. Но нѣтъ ни человѣческаго смысла, ни справедливаго основанія государству брать на себя обязанность платить ростъ своимъ подданнымъ за занятыя у нихъ деньги, ибо самое значеніе свое деньги получаютъ отъ признанія его за ними государствомъ же, и послѣднему становиться въ положеніе должника, это значитъ облагать одну, и именно трудящуюся, часть населенія сборомъ въ пользу другой, ростовщической и тунеядной. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія, государство можетъ быть только заимодавцемъ, но отнюдь не должникомъ. И, слѣдовательно, правительственные займы, внѣшніе и внутренніе, рѣшительно не признаются нами за источникъ средствъ, необходимыхъ государству для его расходовъ.

Остается, слѣдовательно, одинъ источникъ — платежныя силы народа. Всѣ государственныя потребности и нужды должны оплачиваться государствомъ изъ тѣхъ средствъ, которыя оно собираетъ, какъ доходъ съ разнаго рода казенныхъ предпріятій и регалій, и разнаго рода податями, пошлинами и сборами съ народа, т. е.—такъ называемыми обыкновенными доходами государственной росписи. Такъ это дѣло и должно стоять при правильномъ теченіи, при удовлетворительномъ положеніи народнаго и государственнаго хозяйства въ странѣ. Но жалкое положеніе нашего народнаго хозяйства создано искусственно. Равновѣсіе между платежными силами страны и предъявляемыми къ ней требованіями давно нарушено, и его необходимо возстановить прежде, чѣмъ повышать какіе бы то ни было сборы съ народа. Финансовое наше вѣдомство и тѣ высшія правительственныя учрежденія и лица, отъ которыхъ зависитъ утвержденіе государственной росписи и отдѣльныхъ расходовъ, постоянно и давно озабочены и прилагаютъ усилія къ тому, чтобы держать равновѣсіе между платежною способностью народа и расходами правительства. Усилія эти сводятся, обыкновенно, къ сокращеніямъ по росписи тѣхъ или другихъ расходовъ, преимущественно изъ числа такъ называемыхъ «непроизводительныхъ», къ откладыванію необходимыхъ мѣропріятій и сооруженій. Но все это порождаетъ только отсталость и слабость государства, и застой жизни народной, но не приводитъ къ той цѣли, съ которою эти сокращенія дѣлаются, т. е. не можетъ возстановить упомянутаго равновѣсія, и облегчить народъ. И это понятно. Какіе бы ни давало правительство зароки не увеличивать и умѣрять расходы, требованія жизни сильнѣе его зароковъ, и обстоятельства вынуждаютъ увеличивать расходную смѣту государства; ибо, какъ ни непріятно для финансоваго вѣдомства увеличивать, напримѣръ, военную и морскую смѣты, тѣмъ не менѣе и оно не можетъ же не сознавать, что нельзя оставить государство вовсе безъ вооруженія и флота. И вотъ ассигнуются кредиты, недостаточные для полнаго вооруженія, но тѣмъ не менѣе ассигнуются въ размѣрахъ, превышающихъ прежніе. Ибо жизнь и техника осложняются, и все дорожаетъ. Въ итогѣ государство остается во всѣхъ отношеніяхъ недостаточно вооруженнымъ, а сборы съ населенія все увеличиваются, и хозяйственное положеніе его становится все плоше. И въ будущемъ, несмотря на вызванныя войною новыя усилія сокращать расходы, слѣдуетъ ждать не сокращенія, а увеличенія едва ли не всѣхъ статей нашей росписи, ибо, какъ ни громаденъ кажется итогъ государственныхъ расходовъ въ 2 милліарда рублей, но, оче-

видно, что этотъ итогъ малъ, если многое, признаваемое необходимымъ, приходится отклонять и откладывать. Получается какъ бы заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Да этого выхода и не найдутъ, пока его будутъ искать не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

Чтобы излѣчить какую-нибудь болѣзнь, надо понять ея причину. Отъ излишнихъ ли расходовъ наши бѣды и неустройства или отъ чего-нибудь другого?

Все сказанное, думаю, приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что бѣды — отъ неудовлетворенія настоятельныхъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ, а не отъ излишняго ихъ удовлетворенія. Слѣдовательно, надо думать не о сокращеніи необходимыхъ и неизбѣжныхъ потребностей, а о возможно болѣе полномъ и скорѣйшемъ ихъ удовлетвореніи, и, слѣдовательно, не объ уменьшеніи государственныхъ расходовъ, а объ ихъ увеличеніи.

И насколько эти расходы будутъ дѣлаться въ своей странѣ и будутъ оплачивать не ростовщическое предпринимательство и посредничество, а всякій полезный для государства и общества трудъ, — настолько они будутъ обогащать страну и народъ. И если для лишеннаго платежныхъ и покупныхъ средствъ народа является непосильнымъ и то скудное удовлетвореніе государственныхъ нуждъ и почти лишнею та скудная промышленность, какія мы видимъ теперь, то для народа, обогащеннаго заработкомъ, нипочемъ будетъ выполнять двойную и тройную противъ теперешней государственную роспись и держать на должной высотѣ всякаго рода промыслы, производства и искусства.

Мы представляемъ себѣ дѣло такъ:

При составленіи государственной росписи въ основаніе должны быть положены приведеніе въ извѣстность всѣхъ, по возможности, государственныхъ и народныхъ нуждъ, размѣщеніе ихъ въ порядкѣ большей или меньшей ихъ настоятельности и неотложности, это—съ одной стороны; съ другой — приведеніе въ извѣстность свободныхъ, т. е. не занятыхъ обычнымъ для каждаго занятіемъ и промысломъ, рабочихъ силъ народа. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ должно быть выведено заключеніе о томъ между какими государственными и общественными работами должны быть распредѣлены всѣ свободныя трудовыя силы народа въ смѣтномъ году, а еще лучше,— въ предстоящія смѣтныя 3—5 лѣтъ, и въ какой мѣрѣ и постепенности каждая изъ настоятельныхъ государственныхъ и общественныхъ потребностей можетъ и должна быть удовлетворена въ наступающемъ году и въ ближайшіе за нимъ годы.

Мѣра этого удовлетворенія и, слѣдовательно, мѣра денежныхъ назначеній по росписи должна обусловливаться исключительно трудовою возможностью ея выполненія. Денежная же возможность всегда должна быть. Государство не можетъ и не смѣетъ быть неплатежеспособнымъ внутри самого себя, въ своихъ границахъ, въ отношеніи подвластнаго ему населенія.

Пояснимъ сказанное примѣромъ:

Внѣ всякаго сомнѣнія, Россія бѣдна искусственными путями сообщенія, а при ея пространствахъ они ей нужнѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Насколько важно скорѣйшее, по возможности, восполненіе важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи пробѣловъ, это всего лучше показываютъ обстоятельства теперешней войны. И грунтовыхъ, и каменныхъ, и желѣзныхъ, и водныхъ путей намъ предстоитъ настроить и оборудовать на многіе милліарды. Но если бы мы захотѣли построить, скажемъ, желѣзныхъ дорогъ въ теченіе года на милліардъ рублей, то, если бы и былъ въ рукахъ этотъ милліардъ, сдѣлать этого, очевидно, не могли бы; на это не хватило бы техническихъ средствъ и трудовыхъ силъ народа: не достало бы для этого ни инженеровъ, ни простыхъ рабочихъ, ни сырыхъ матеріаловъ, ни заводскихъ средствъ для того, чтобы доставить и изготовить все необходимое для задуманныхъ построекъ. Но мы строили желѣзныхъ дорогъ на 100—150 милліоновъ въ годъ, а быть можетъ имѣемъ возможность (не денежную, а трудовую) построить ихъ, скажемъ, на 200—250 мил. въ предстоящій годъ. Въ этихъ размѣрахъ и должны быть назначены по росписи средства на желѣзнодорожныя работы, если только способныя выполнить эту работу трудовыя силы населенія не должны быть обращены на какое-либо другое болѣе настоятельное дѣло. Въ слѣдующемъ году, быть можетъ, окажется возможнымъ произвести такихъ работъ милліоновъ на 50 болѣе или менѣе. То же можно сказать и о всякой другой государственной и общественной потребности и работѣ. Возьмемъ другой примѣръ. Въ Россіи повсемѣстный недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и низшихъ, и среднихъ, и высшихъ. Но желаніе сразу, въ одинъ годъ, восполнить весь ощущаемый недостатокъ, положимъ, низшихъ и среднихъ училищъ оказалось бы неосуществимымъ, ибо для этого недостало бы прежде всего учителей. А, слѣдовательно, и эта потребность народа могла бы быть только постепенно удовлетворена. Но въ мѣру сознанной потребности и имѣющейся возможности ея удовлетворенія—она должна быть удовлетворяема, безъ отговорки невозможностью соотвѣтственныхъ ассигнованій.

Необходимо, конечно, при назначеніи каждаго рода работъ

и расходовъ распредѣлять ихъ, по возможности, повсемѣстно по странѣ, заполняя тѣ или другіе пробѣлы щедрѣе тамъ, гдѣ эти пробѣлы шире и даютъ себя сильнѣе чувствовать.

Государственная роспись должна включать въ себя не только смѣты всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ, но и составленныя на сходныхъ основаніяхъ смѣты земствъ и городовъ, которые вѣдь суть члены того же государства.

Положимъ теперь, что итогъ расходовъ составленной изъясненнымъ способомъ новой росписи составитъ, на первый разъ, вмѣсто нынѣшнихъ двухъ,—три милліарда рублей. Положимъ, что источники доходовъ государственныхъ оставляются пока прежніе, и поступленіе ихъ ожидается въ прежнемъ количествѣ, всего, скажемъ,—двухъ милліардовъ рублей. Въ предѣлахъ недостающаго на исчисленные по росписи расходы милліарда рублей должно быть дано Министру Финансовъ полномочіе дѣлать новые выпуски безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ, въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что новый выпускъ денегъ потребуется не на цѣлый милліардъ, а, быть можетъ, только на его половину, ибо оживленіе народнаго труда и полученіе народомъ нескуднаго заработка сейчасъ же отзовется болѣе обильнымъ поступленіемъ въ казну всякаго рода прямыхъ и косвенныхъ повинностей и сборовъ. И если въ первый годъ потребуется восполнить выпусками новыхъ денегъ половину опредѣлившейся по росписи разности между расходомъ и приходомъ, то на второй годъ и эта разность и дополнительный выпускъ денегъ значительно уменьшатся, а затѣмъ, когда наличность обращающихся въ странѣ денегъ придетъ въ соотвѣтствіе съ потребностями населенія, когда будетъ насыщенъ искусственно поддерживаемый теперь въ странѣ денежный голодъ, тогда и по государственной росписи доходы придутъ въ полное равновѣсіе съ расходами.

Заграничнымъ расходамъ, въ томъ числѣ и всѣмъ платежамъ по иностраннымъ и вообще по размѣщеннымъ за границею займамъ долженъ вестись учетъ по особой смѣтѣ. Эти платежи должны быть покрываемы золотомъ, добываемымъ въ странѣ, и отпускомъ тѣхъ товаровъ, заграничный торгъ которыми долженъ бы составлять исключительное право казны. Къ такимъ предметамъ мы прежде всего относимъ хлѣбъ, который не долженъ быть предметомъ свободной спекуляціи иностранныхъ купцовъ и ихъ скупщиковъ; также нефть и спиртъ, предметы вооруженія и все, что можетъ итти на вооруженіе.

При этомъ необходимо всемѣрно озаботиться досрочнымъ и вообще возможно быстрымъ погашеніемъ государственныхъ займовъ.

Огромнымъ источникомъ доходовъ можетъ сдѣлаться для государства выдача ссудъ за извѣстный ростъ, которая должна быть исключительнымъ правомъ государства, ибо оно одно не злоупотребитъ этимъ правомъ. Государство и его законъ и судъ не должны быть на услугахъ у ростовщиковъ; но упразднить частное ростовщичество нельзя однѣми только отрицательными мѣрами—запретами и взысканiями: для этого нужно, чтобы государство само, безъ ростовщическихъ цѣлей, приходило своимъ гражданамъ на помощь денежными ссудами во всѣхъ случаяхъ, когда такая помощь имъ необходима. И государство можетъ широко открыть населенiю мелкiй по преимуществу кредитъ, не требуя обезпеченiя его закладами и залогами, а вѣря трудоспособности и чести человѣка, и взыскивая выданное съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ закономъ ростомъ, когда это не противно человѣколюбiю и нравственности (какъ это было бы при требованiи роста за продовольственныя въ голодные годы ссуды), тѣмъ же способомъ и на тѣхъ же основанiяхъ, какъ взыскиваются вообще казенные повинности и сборы.

При удовлетворенiи ссудъ—прямой человѣческой нуждѣ должно быть оказываемо предпочтенiе передъ такъ называемыми промышленными цѣлями, подъ именемъ которыхъ скрывается сплошь и рядомъ то же ростовщичество. Такъ, напримѣръ, жилищныя ссуды должны быть выдаваемы преимущественно на постройку жилищъ для собственнаго жительства и отдѣльнымъ лицамъ и совмѣстнымъ собственникамъ, и затѣмъ, уже съ большою осмотрительностью и разборомъ, подъ выстройку огромныхъ домовъ для сдачи ихъ внаймы, т. е. съ промышленно-ростовщическою цѣлью.

Но, скажутъ: можетъ ли государство безнаказанно, въ неограниченныхъ количествахъ, выпускать безпроцентные, ничѣмъ необезпеченные бумажные денежные знаки, увеличивая этимъ до неопредѣленныхъ размѣровъ неотвержденный государственный долгъ? Не обезцѣнятся ли эти деньги, и не разорится ли чрезъ это государство? Можно ли проповѣдовать въ наше время безграничную дѣятельность печатныхъ станковъ Экспедицiи заготовленiя государственныхъ бумагъ?

Разберемся въ этихъ вопросахъ.

Если бы бумажные денежные знаки дѣйствительно были долговыми обязательствами государства, то и въ такомъ случаѣ нельзя разумно сомнѣваться въ томъ, что для государства безконечно безопаснѣе и выгоднѣе имѣть и увеличивать, въ мѣру нужды, такой безпроцентный и не требующiй срочной уплаты долгъ, мало того—долгъ, полной уплаты котораго ни-

когда не можетъ потребоваться, долгъ, постоянно погашаемый обратными обязательными платежами населенія казнѣ,— нежели занимать за границею золото, которое по самимъ условіямъ займа сейчасъ же начинаетъ уплывать обратно, и котораго въ лучшемъ случаѣ, въ концѣ концовъ приходится возвратить вчетверо противъ того, что было занято. Лучше печатать и выпускать кредитные билеты, нежели давать на себя срочные векселя ростовщикамъ, т. е. выпускать процентныя бумаги съ обязательными срочными платежами, да еще—золотомъ, которое для этихъ самыхъ платежей, опять приходится занимать на такихъ же безумныхъ условіяхъ,—все болѣе и болѣе закабаляя свой народъ иностраннымъ ростовщикамъ до лишенія его надежды когда-либо, даже въ лицѣ будущихъ его поколѣній, выпутаться изъ этой кабалы!

И такъ: *надо* говорить о сокращеніи дѣятельности Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, но, конечно, прежде всего безотлагательно слѣдуетъ разъ на всегда прекратить дѣятельность тѣхъ станковъ Экспедиціи, на которыхъ печатаются всякаго рода процентныя правительственныя и гарантированныя казной бумаги: заемныя свидѣтельства, ренты, серіи, желѣзнодорожныя облигаціи, гарантированныя акціи и т. п. Довольно съ насъ и теперешнихъ *трехсотъ слишкомъ милліоновъ* ежегоднаго обязательнаго платежа процентовъ, поглощающаго весь заработокъ страны по внѣшней торговлѣ въ самые прибыльные для насъ годы! Надо, наконецъ, подумать о томъ, какъ бы поскорѣе разсчитаться съ прежнимъ безуміемъ и не прилагать къ нему новаго!

Что касается бумажныхъ денежныхъ знаковъ, то, хотя правительство многократно усиливалось навязать имъ значеніе долговыхъ обязательствъ, но сила вещей и здравый смыслъ народа этому постоянно и рѣшительно противились, и они были и остаются, вопреки печатавшимся на нихъ, но не исполнявшимся обязательствамъ, тѣмъ, чѣмъ и надлежитъ имъ быть, т. е. не векселями или заемными письмами, а именно государственными *деньгами*, т. е. государственными платежными и разсчетными знаками. Каждый, имѣющій получить съ казны за оказанную государству услугу: службу, работу, поставку и т. п.,—лишь до тѣхъ поръ остается кредиторомъ казны, пока не получилъ отъ нея платежа деньгами: золотыми ли, серебряными или бумажными,—все равно. Этимъ платежемъ разсчетъ казны съ получателемъ кончается. И всѣмъ, кто дѣйствительно служитъ государству ту или другую полезную службу, кто заслуженно получаетъ отъ него плату,—никакого обмѣна полученныхъ бумажныхъ денегъ на золотыя и не

требуется, такъ какъ бумажныя деньги, исполняя ту же службу, во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе золотыхъ. Обмѣнъ ихъ на золото нуженъ только своимъ и заграничнымъ спекулянтамъ-биржевикамъ, которые постоянною мѣною бумажекъ на золото и золота на бумажки, искусственно понижая и повышая биржевую ихъ стоимость (курсъ), — грабятъ этою мошенническою игрой государство и народъ, а самымъ удобнымъ для нихъ орудіемъ этой воровской игры служатъ процентныя бумаги, государственныя и гарантированныя, по которымъ платежи производятся золотомъ.

Но на правительствѣ лежитъ долгъ передъ своей страной не давать себя обсчитывать и дурачить, и оно имѣетъ и право и возможность прекратить направленную противъ него и противъ всего трудящагося люда разбойничью дѣятельность биржевыхъ ростовщиковъ.

Оно можетъ опредѣлить постоянную обязательную для всѣхъ въ своей странѣ цѣну бумажнымъ деньгамъ по отношенію къ золоту или серебру, смотря по тому, какой изъ этихъ металловъ избранъ имъ въ качествѣ денежной валюты, и установить обязательный при всѣхъ сдѣлкахъ и разсчетахъ въ странѣ ихъ пріемъ наравнѣ съ металлическими деньгами; можетъ запрещать вывозъ за границу и привозъ оттуда бумажныхъ денежныхъ знаковъ; наконецъ, можетъ и, пожалуй, должно установить уголовную отвѣтственность за всякую попытку ронять стоимость бумажныхъ денегъ, какъ за поддѣлку и порчу денежныхъ знаковъ.

Правительство можетъ и не брать, вѣрнѣе, и не должно брать на себя обязательства производить размѣнъ бумажекъ на золото, предоставивъ производство этого обмѣна частнымъ мѣновщикамъ, съ вознагражденіемъ за промѣнъ, но съ обязанностью мѣнять рубль на рубль.

Бумажный денежный знакъ есть не долговое обязательство казны, а—удостовѣреніе, выданное казной въ томъ, что на показанную въ немъ сумму произведена та или другая полезная для государства и, слѣдовательно, и для всѣхъ и каждаго въ государствѣ, работа, что и даетъ владѣльцу этого знака право покупать равноцѣнныя этой работѣ произведенія труда другихъ людей. Выполненная работа является истиннымъ и единственно необходимымъ обезпеченіемъ (эквивалентомъ) государственныхъ денегъ. Онѣ могутъ и должны выдаваться изъ казначействъ *только* за выполненный уже для государства трудъ, и въ этомъ именно—драгоцѣнное преимущество этихъ, *трудовыхъ*, заработанныхъ населеніемъ денегъ и передъ такъ называемыми банкнотами, выпускаемыми банками для промышленныхъ и мелио-

ративныхъ ссудъ, и особенно передъ всякими процентными бумагами, выпускомъ которыхъ собираются средства, только *предназначаемыя* къ употребленію на какое-нибудь полезное дѣло; но въ дѣйствительности эти средства могутъ разойтись и по карманамъ ловкихъ спекулянтовъ, обкрадывающихъ сплошь и рядомъ предпріятіе еще въ его зародышѣ; да и само предпріятіе можетъ оказаться и задуманнымъ ошибочно, и не удавшимся, и прямо мошенническимъ и дутымъ. Примѣровъ такого обкрадыванія предпріятій и казны наша русская дѣйствительность знаетъ сколько угодно. Одни акціонерныя желѣзнодорожныя общества, ихъ строительство и хозяйничаніе желѣзными дорогами чего государству стоятъ! Законное отсюда недовѣріе, вѣрнѣе отвращеніе русскихъ людей къ процентнымъ бумагамъ, какъ и ко всякому вообще ростовщичеству, простирается и на бумаги казенныя и гарантированныя казной. Казалось бы: изъ двухъ бумагъ одинаковой нарицательной цѣнности, напечатанныхъ въ той же Экспедиціи,— 100-рублевой кредитки и, положимъ, ренты—на сторонѣ послѣдней всѣ преимущества и выгоды: она и лежа въ сундукѣ или несгораемомъ шкафу, даетъ своему владѣльцу вѣрный и обезпеченный доходъ. Казалось бы, поэтому: сторублевое свидѣтельство ренты должно цѣниться дороже сторублеваго кредитнаго билета, а между тѣмъ рента цѣнится значительно ниже. Это кажется противоестественнымъ, но это такъ!

Такъ какъ каждый выпущенный въ народное обращеніе денежный знакъ всегда представляетъ собою какую-нибудь исполненную уже для государства работу, а затѣмъ эти знаки переходятъ изъ рукъ въ руки, пока не вернутся опять въ казну,—не иначе, какъ въ видѣ платы всякій разъ опять за услуги же обывателей другъ другу, то переполненіе денежнаго рынка до пресыщенія и обезцѣненіе денегъ могли бы произойти развѣ въ томъ только невозможномъ случаѣ, когда бы обыватели, получая отъ казны за свой трудъ слишкомъ дорогую плату, сами во взаимныхъ другъ другу услугахъ мало бы нуждались, или же цѣнили бы эти услуги слишкомъ дешево. Но именно обильный заработокъ развиваетъ потребности, усиливаетъ спросъ и располагаетъ къ болѣе справедливой, т. е. болѣе щедрой, оплатѣ покупаемыхъ вещей или услугъ, а все это вмѣстѣ и создаетъ благосостояніе народа.

Кромѣ оплачиваемой ими работы никакого другого обезпеченія, какъ то: размѣннаго и запаснаго металлическаго фондовъ и т. п. и даже надписей, что по предъявленіи, молъ, выдается то-то и то-то, и что это обязательство обезпечивается всѣмъ

достоянiемъ государства и т. п. — для оправданiя выпусковъ бумажныхъ денегъ, и для обезпеченiя ихъ цѣнности—вовсе не требуется. Въ самомъ дѣлѣ: созданная, напримѣръ, народнымъ трудомъ, оплаченнымъ бумажными деньгами, желѣзная дорога, помимо прямой полезной своей службы— облегченiя переѣздовъ и перевозокъ, дающая еще и доходъ и сама требующая отъ населенiя для оплаты своихъ услугъ тѣхъ же денежныхъ знаковъ,—развѣ не лучшее обезпеченiе полноцѣнности выпущенныхъ на ея постройку денежныхъ знаковъ, нежели мѣшки золота, положенные въ кладовыя банка, не только не приносящiе никакой пользы и дохода, но еще требующiе постояннаго отъ страны расхода на оплату процентовъ по сдѣланнымъ для прiобрѣтенiя этого золота займамъ?

Тогда какъ дутыхъ предпрiятiй и потребныхъ для нихъ акцiй и облигацiй можно насочинить и навыпускать сколько угодно, на неопредѣленно большое число миллiоновъ и миллiардовъ, что и дѣлается,—бумажныхъ денегъ, если и можно сколько угодно напечатать въ запасъ, то выпустить ихъ въ обращенiе можно ровно столько, сколько требуется, т. е. только въ мѣру дѣйствительно выполненнаго и требующаго оплаты труда, а слѣдовательно не безграничное, а весьма и строго опредѣленное количество.

Цѣнность бумажныхъ денегъ вполнѣ обезпечена огромнымъ требованiемъ ихъ обратно въ казну въ уплату всякаго рода повинностей и сборовъ и еще болѣе огромною потребностью для всѣхъ и каждаго въ государствѣ имѣть постоянно въ своемъ распоряженiи для повседневной купли - продажи достаточное число денежныхъ знаковъ установленной правительствомъ *не колеблющейся цѣнности*, и не одного, а разныхъ достоинствъ (т. е. и крупныхъ и въ особенности мелкихъ). Сохраненiе въ странѣ золотого запаса и приливъ новыхъ количествъ золота въ страну извнѣ (значительныя количества золота добываются и еще несравненно большiя могли бы добываться и въ самомъ государствѣ)—зависитъ не отъ того: обращаются ли въ странѣ и въ какомъ количествѣ бумажныя деньги, а отъ состоянiя разсчетнаго баланса, т. е. отъ разности между итогомъ всѣхъ платежей за границу и суммою, получаемою оттуда (включая сюда торговый балансъ, правительственные за границу платежи и расходы частныхъ лицъ за границей). Если будутъ настойчиво погашаться прежнiе и совершенно прекращены новые иностранные займы, то въ разсчетномъ балансѣ легко будетъ установить равновѣсiе и наклонить его по желанiю въ нашу сторону, усиливая или сокращая отпускъ или ввозъ.

Если количество денегъ въ народѣ достаточно и платежи поступаютъ съ народа въ казну легко и въ изобиліи, то очевидно новыхъ выпусковъ бумажекъ не требуется и не будетъ. Недостатокъ денегъ въ казначействахъ легко будетъ пополнить увеличеніемъ сборовъ съ народа. Но, *если положеніе дѣлъ таково, что въ казнѣ денегъ нѣтъ или настолько мало, что удовлетвореніе настоятельнѣйшихъ государственныхъ нуждъ крайне затруднено и платежныя силы народа напряжены донельзя, то это—очевидное свидѣтельство того, что денегъ въ народномъ обращеніи мало, и что народу необходимо дать работу и для оплаты этой работы надо не съ народа взять, а ему дать недостающее для безболѣзненнаго существованія добавочное количество денежныхъ знаковъ,* безъ чего оживленный трудъ и товарообмѣнъ, правильная купля-продажа невозможны. За послѣднее полустолѣтіе населеніе Россіи болѣе нежели удвоилось, границы государства значительно раздвинулись, натуральное хозяйство замѣнилось денежнымъ и, наконецъ, жизнь настолько усложнилась и вздорожала, что государственный нашъ бюджетъ увеличился въ 6—7 разъ (съ 300 милліоновъ рублей до 2 милліардовъ). Соотвѣтственно всему этому, казалось бы, слѣдовало увеличить и количество обращающихся въ народѣ денегъ, а между тѣмъ оно не только не увеличилось, но, наоборотъ значительно уменьшено. И этотъ вопіющій недостатокъ, или вѣрнѣе сказать *полное почти отсутствіе денегъ въ народѣ* и есть одна изъ существеннѣйшихъ, если только не самая главная причина обнищанія народа. И мы твердо убѣждены, что если бы количество денегъ въ странѣ, съ постепеннымъ развитіемъ государственныхъ и общественныхъ работъ, скажемъ, примѣрно, въ десять лѣтъ упятерилось, то и тогда народъ нашъ не былъ бы обкормленъ деньгами, и это обиліе денегъ не уронило бы ихъ значенія и покупной способности, а только освободило бы трудящуюся часть населенія отъ гнета ростовщиковъ, повело бы къ болѣе справедливой оплатѣ всякаго труда, и возстановило бы былое благосостояніе нашего народа, на которое онъ и по естественному богатству своей страны, и по своей даровитости и трудоспособности, имѣетъ всяческое право, и которое у него, можно сказать, безразсудно и насильнически отнято. Попутно съ ростомъ благосостоянія и производительности народа и само государство освобождалось бы отъ кабалы иностраннымъ ростовщикамъ и созидалось бы его могущество, т. е. полная его оборудованность и вооруженность всѣмъ тѣмъ, что ему необходимо, безъ чего не можетъ оно выполнить своего великаго мірового призванія.

9 января 1095 г.

ПОЛОЖЕНІЯ.

Ошибочныя финансовыя и экономическія воззрѣнія — основная причина нашей слабости.

1. Хозяйство государства и благосостояніе народа зависятъ не столько отъ политическихъ учрежденій, сколько отъ финансовыхъ и политико-экономическихъ взглядовъ.

2. При огромныхъ естественныхъ богатствахъ Россіи, при даровитости и трудоспособности народа, государство наше недостаточно оборудовано всѣмъ тѣмъ, что ему необходимо, а народъ не имѣетъ достаточнаго заработка и бѣденъ. Одна изъ причинъ тому—ошибочность въ распредѣленіи государственныхъ расходовъ на производительные и непроизводительные.

3. Тщетна погоня за иностранными рынками и пагубно пренебреженіе своимъ, для оживленія котораго требуется утолить искусственно созданный и поддерживаемый въ странѣ *денежный голодъ.*

4. Поднять имущественное благосостояніе народа, дать ему покупныя и платежныя средства можно только широкимъ развитіемъ государственныхъ и общественныхъ работъ, направляемыхъ къ вооруженію государства и благоустроенію страны, при условіи—щедрой оплаты труда.

5. Ошибочный взглядъ, что настоящія деньги — золотыя, а прочія только замѣстители ихъ,—ставитъ платежную способность государства и возможность своевременно удовлетворять его и народныя нужды въ зависимость отъ наличія золота въ правительственныхъ кассахъ, и ведетъ къ все возрастающей задолженности, т. е. въ сущности *къ утратѣ независимости.*

6. Займы внѣшніе допустимы только въ случаяхъ: а) крайней необходимости спѣшно пріобрѣсти за границею то, чего у себя дома получить нельзя, и при невозможности иначе разсчитаться, и б) для уменьшенія общей задолженности выгодною замѣною прежняго дорогого займа болѣе дешевымъ. Займы внутренніе вовсе не имѣютъ справедливаго и разумнаго основанія.

7. Всѣ государственныя нужды должны покрываться обыкновенными доходами государственной росписи; но, пока равновѣсіе между платежными средствами населенія и потребностями государства остается нарушеннымъ, необходимо возстановить это равновѣсіе прежде, чѣмъ повышать сборы съ народа. Равновѣсіе это можетъ быть достигнуто не «экономіею» въ необходимыхъ расходахъ, а предложеніемъ народу обильнаго заработка.

8. Государственная роспись должна составляться по сопоставленію государственныхъ и народныхъ нуждъ съ *трудоспособностью* населенія,—внѣ всякой зависимости отъ такъ наз. «бюджетныхъ» соображеній, такъ какъ *платежеспособность государства не должна отставать отъ трудоспособности народа.*

9. Недостаточность ожидаемыхъ по росписи доходовъ и невозможность повышенія сборовъ съ народа свидѣтельствуютъ о необходимости дать народу заработокъ за счетъ дополнительнаго выпуска бумажныхъ денегъ.

10. Обычныя противъ этихъ *трудовыхъ государственныхъ денегъ* возраженія несостоятельны; они съ полнымъ основаніемъ могутъ быть обращены противъ т. наз. банкнотовъ и особенно противъ процентныхъ бумагъ, выпускаемыхъ государствомъ или гарантируемыхъ имъ.

11. Представленіе о бумажномъ денежномъ знакѣ, какъ о долговомъ обязательствѣ казны ошибочно. Это есть удостовѣреніе, выданное казной, въ томъ, что на показанную въ немъ сумму произведена общеполезная работа, что и даетъ владѣльцу его право покупать равноцѣнныя этой работѣ произведенія и услуги другихъ людей.

12. Количество обращающихся въ Россіи денегъ совершенно не соотвѣтствуетъ размѣрамъ государственной росписи и народной потребности въ платежныхъ и разсчетныхъ средствахъ; безъ значительнаго его увеличенія не можетъ быть правильной хозяйственной жизни въ странѣ.

Статья „Въ чемъ наша слабость..." напечатана въ февралѣ 1905 г. отдѣльнымъ изданіемъ въ числѣ 2000 оттисковъ и читана мною въ Русскомъ Собраніи, въ Славянскомъ Обществѣ и въ Собраніи Экономистовъ.

* * *

Не кори меня, мое солнышко,
Не кори меня, мое свѣтлое,—
Что порой съ тобой сижу пасмуренъ,
Къ рѣчи ласковой невнимателенъ;
На красу твою не любуюся,
Не гляжусь тебѣ въ очи ясныя:
Окромя тебя, моя ладушка,
У меня въ душѣ есть зазнобушка!
Не прогнать тебѣ лаской нѣжною
Злой тоски моей, злой заботушки!
Та-ль зазнобушка—Земля Русская,
Та-ль заботушка—горе общее!
Не могу въ землѣ, обездоленной,
Жить я счастливо вдвоемъ съ милою;
Не пора теперь добру молодцу
Заводить семью, дѣтей пѣстовать;
Не хочу клонить головы своей,
Предъ насильемъ злымъ, предъ дурачествомъ;
Лучше пусть она будетъ сложена
За родной мой край, за свободушку!

Напечатано въ «Русской Бесѣдѣ», августъ 1895 г., подъ загол. „Пѣсня Угрорусса".

Первое явленіе воскресающей соборности

Рижскій епархіальный соборъ 20 сентября—6-го октября 1905 года.

Бывшее въ Ригѣ съ 20 сентября по 6 октября 1905 г. собраніе представителей духовенства Рижской епархіи и дѣйствующихъ въ предѣлахъ этой епархіи православныхъ церковныхъ братствъ являетъ собою незаурядное событіе русской церковной жизни, заслуживающее самаго полнаго къ себѣ вниманія. Это былъ, можно сказать, первый, хотя и не полный, но весьма удачный и много обѣщающій опытъ воскресающей въ нашей жизни соборности. Собраніе само отмѣтило такое свое значеніе: по обстоятельномъ обсужденіи предложеннаго предсѣдателемъ, архіепископомъ Агаѳангеломъ, вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ это собраніе именовать, — оно усвоило себѣ названіе „*Рижскаго епархіальнаго собора*". И это названіе вполнѣ оправдывается и составомъ собранія, ибо въ немъ были всѣ степени священнаго клира и представители мірянъ, и важностію предложенныхъ его обсужденію вопросовъ, и особенно—соборностію, т. е. широкою свободою сужденій, вѣнчавшеюся единомысленными и единодушными, воистину *соборными* опредѣленіями.

Архіепископу Рижскому и Митавскому Агаѳангелу вложилъ Богъ въ сердце благую мысль—пригласить къ участію въ епархіальномъ соборѣ низшихъ чиновъ клира и мірянъ. Созванію Рижскаго епархіальнаго собора предшествовали съѣзды духовенства по благочинническимъ округамъ, намѣтившіе вопросы для соборнаго разсмотрѣнія; затѣмъ, когда эти вопросы были сведены въ одобренную архіепископомъ программу, программа эта опять была разослана и обсуждалась окружными собраніями духовенства по благочиніямъ и въ братствахъ. Тѣ и другія *свободно избрали* своихъ представителей на соборъ, на который явились отъ благочинническихъ округовъ не только священники, но и псаломщики или діаконы, гдѣ они есть, а также и міряне—представители братствъ. Въ собраніяхъ духовенства и въ братствахъ были выработаны отвѣтныя по вопро-

самъ программы предложенія; но эти предложенія не стѣсняли членовъ собора въ выраженіи ихъ личныхъ мнѣній; и они, по всестороннемъ обсужденіи на соборѣ каждаго вопроса, свободно подавали свои голоса за то или иное его рѣшеніе, хотя бы оно и расходилось съ предположеніями пославшаго ихъ на соборъ благочинія или братства.

На соборѣ, повторяю, была полная свобода сужденій: псаломщикъ сельской эстонской или латышской церкви безбоязненно и настойчиво возражалъ не только соборному протоіерею или члену консисторіи, но и самому архіепископу, и только, когда говорившій далеко уходилъ въ сторону отъ обсуждавшагося вопроса, предсѣдатель приглашалъ его вернуться къ вопросу и не забѣгать впередъ.

Соборъ открылся 20-го сентября въ зданіи епархіальнаго духовнаго училища. По провѣркѣ полномочій, вся соборная братія, — 60 человѣкъ, — сошлась въ церкви училища. Ровно въ 12 часовъ прибылъ архіепископъ Агаѳангелъ. Послѣ молебствія, отслуженнаго соборне нѣсколькими протоіереями, старшимъ изъ нихъ протоіереемъ Рижскаго каѳедральнаго собора отцомъ Владиміромъ Плиссомъ сказано приличествовавшее событію слово; затѣмъ, принявъ архіепископское благословеніе, всѣ перешли въ смежную съ церковью обширную горницу, гдѣ и состоялось первое распорядительное засѣданіе собора. Постановлено: подраздѣлиться на пять отдѣленій, соотвѣтственно отдѣламъ программы, и затѣмъ—отдѣленіямъ работать по вечерамъ отъ 6-ти часовъ, а утромъ ежедневно отъ 10 до 2-хъ часовъ быть общимъ засѣданіямъ собора, на которыхъ обсуждать принятыя отдѣленіями и обоснованныя ими предложенія по каждому вопросу. Всѣ общія собранія происходили подъ предсѣдательствомъ самого архіепископа Агаѳангела; въ отдѣленіяхъ же были выбраны свои предсѣдательствующіе. Въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ, обсуждавшихъ вопросы о Церкви и о духовенствѣ, работавшихъ вмѣстѣ, предсѣдательствовалъ сначала Ревельскій протоіерей Карпъ Тизикъ, предсѣдатель эстляндскаго отдѣленія Прибалтійскаго братства, а затѣмъ я, по просьбѣ отца Тизика и остальныхъ членовъ этихъ двухъ отдѣленій. Я былъ на соборѣ представителемъ Совѣта Прибалтійскаго братства Христа Спасителя и Покрова Пресвятыя Богородицы.

Первымъ дѣяніемъ собора было постановленіе внести въ его акты слѣдующее, предпосланное разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ, общее его сужденіе:

Большая часть вопросовъ, которые предстоитъ обсуждать собору, разсматривались уже на бывшихъ въ прежніе годы

Рижскій Епархіальный Соборъ 20 сент.—6 окт. 1905 г.

епархіальныхъ съѣздахъ (послѣдній изъ нихъ, XXV-й былъ въ 1902 году); несмотря на это, всѣ тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ зависитъ не отъ епархіальной, а отъ высшей власти, остаются по сіе время открытыми. То же будетъ и впредь до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе касающихся церковной жизни вопросовъ не будетъ зависѣть отъ *самой Церкви*. Поэтому всѣ частные вопросы сводятся къ одному общему—о необходимости для православной Церкви имѣть ту же свободу самоопредѣленія и самодѣятельности, какою пользуются инославныя церковныя общества. Разныя иновѣрныя исповѣданія и секты потому и сильны и живучи въ нашемъ Государствѣ, что онѣ, во-первыхъ, не стѣснены извнѣ въ своей внутренней жизни и, во-вторыхъ, церковная ихъ жизнь, не ограничивается дѣятельностью духовенства, котораго, какъ особаго отъ міранъ сословія, у нихъ нѣтъ, а составляетъ *общую* обязанность всѣхъ членовъ церковной общины; они сознаютъ себя полными хозяевами своего дѣла, почему и радѣютъ о немъ, какъ о своемъ собственномъ благѣ, а не о чужомъ. Необходимо Церкви вернуть себѣ эту *свободу и цѣлостность*, и тогда она возродится въ Церковь живую, столпъ и утвержденіе истины; тогда не будутъ ей страшны никакія козни ея враговъ; она будетъ поистинѣ Церковью единою, святою, соборною и апостольскою.

Высказавъ это общее положеніе, соборъ остановился на вопросѣ о томъ: что же нужно сдѣлать для возстановленія церковной цѣлости, для оживленія приходской жизни?—важнѣйшемъ по жизненному значенію изъ всѣхъ предложенныхъ его разсмотрѣнію вопросовъ.

Всѣ представители сельскихъ, въ особенности же эстонскихъ и латышскихъ церквей, единогласно свидѣтельствовали и настаивали на томъ, что для укрѣпленія довольно слабыхъ нынѣ нравственныхъ узъ, соединяющихъ пастыря съ пасомыми, и для пробужденія въ паствахъ болѣе живого отношенія къ храму и къ самой вѣрѣ,—необходимо дать прихожанамъ участіе: 1) въ избраніи себѣ священника и остальныхъ членовъ приходскаго причта и 2) въ веденіи церковно-приходскаго хозяйства. Самый оживленный обмѣнъ мнѣній вызвало предложеніе дать прихожанамъ право участія въ избраніи пастырей. Противъ этого предложенія немногими возражавшими выставлялись слѣдующія главныя основанія: 1) опасеніе,—какъ бы избраніе священника приходомъ не повело къ проискамъ и розни между самими избирателями и не поставило священника въ слишкомъ большую зависимость отъ прихожанъ, въ необходимость угождать имъ изъ опасенія быть удаленнымъ,

послѣ чего такому отвергнутому приходомъ священнику трудно было бы гдѣ-нибудь устроиться; 2) священникъ, привязанный избраніемъ къ своему приходу, не имѣлъ бы возможности перейти на другой, лучшій, хотя бы онъ по своему положенію, или по состоянію здоровья въ этомъ нуждался и по заслугамъ имѣлъ на это право, и 3) наконецъ, что правилами 7-го Вселенскаго и Лаодикійскаго соборовъ установленъ именно нынѣшній порядокъ назначенія священниковъ епископомъ безъ участія прихожанъ.

Противъ этихъ возраженій защитниками введенія въ церковную жизнь выборнаго начала приведены были слѣдующія объясненія и доводы.

Возраженія вытекаютъ, повидимому, изъ недоразумѣнія: никто изъ защитниковъ примѣненія выборнаго начала къ дѣлу избранія приходскихъ пастырей не понимаетъ его въ томъ безусловномъ значеніи, какое придаютъ ему лица, оспаривающія предложеніе. Епископу, по канонамъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно и неотъемлемо принадлежитъ право рукоположить или нѣтъ избранное приходомъ лицо; право же представленія епископу прихожанами такихъ излюбленныхъ ими кандидатовъ не только не противорѣчитъ канонамъ и существовало въ древней Церкви и у насъ на Руси въ старину, но никогда не отрицалось въ нашей Русской Церкви; и нынѣ въ разныхъ епархіяхъ нерѣдки случаи обращенія прихожанъ къ епархіальной власти съ ходатайствами о поставленіи къ нимъ на священническія и діаконскія мѣста указываемыхъ въ ходатайствахъ лицъ. Но дѣло въ томъ, что одни епископы охотно удовлетворяютъ такія ходатайства, а другіе оставляютъ ихъ безъ вниманія. Слѣдовательно, предлагается установить правиломъ не то, чтобы выборъ прихожанъ обязывалъ епископа непремѣнно рукоположить избранное прихожанами лицо, а лишь то, чтобы желанія прихожанъ имѣть своимъ пастыремъ опредѣленное лицо не отклонялись безъ достаточныхъ къ тому основаній, и чтобы назначенія и перемѣщенія священниковъ не дѣлались безъ вѣдома и вопреки желанію ихъ самихъ и прихожанъ.

Въ Прибалтійской окраинѣ вся мѣстная печать безпрерывно высказывается въ пользу выборнаго начала, и здѣшній народъ давно уже свыкся съ мыслью и желаетъ имѣть право участія въ выборѣ пастырей Церкви. Выборы эти представятъ изъ себя такое великое для народа дѣло, что нельзя предполагать частаго возникновенія розни и распрей; а если бы, при нынѣшней неустроенности прихода, онѣ и явились, то имѣющій быть установленнымъ новый порядокъ церковно-

приходской жизни и самихъ выборовъ дастъ возможность устранять распри и приводить прихожанъ къ единодушію.

При нынѣшнемъ же способѣ назначенія пастырей могутъ быть также и нерѣдко бываютъ нежелательныя явленія и ошибки; назначеніе иногда зависитъ отъ стороннихъ домогательствъ и вліяній,—что уже прямо осуждается канонами,—а обыкновенно отъ докладовъ консисторіи или секретаря, мнѣнія которыхъ далеко не всегда могутъ быть болѣе безпристрастными и безошибочными, нежели мнѣніе ищущихъ себѣ „добраго пастыря" прихожанъ. Затѣмъ, участіе въ избраніи не даетъ права удаленія избраннаго; вѣдь даже и назначаемые чиновники не могутъ быть удаляемы по одному только усмотрѣнію назначающаго; священникъ же можетъ быть удаленъ только по суду въ порядкѣ, опредѣленномъ церковными канонами.

На необходимость участія народа въ дѣлѣ поставленія ему священника указываетъ самый чинъ рукоположенія: «аксіосъ», возглашаемый хоромъ отъ лица народа, и тройной возгласъ діакона «повели!» (т. е. народъ), «повелите!» (клиръ) и «повели!» (епископъ).

На предложенный архіепископомъ вопросъ: признается ли возможнымъ предоставить прихожанамъ право участія въ избраніи пастырей на извѣстныхъ условіяхъ,—соборъ, посредствомъ закрытаго голосованія записками (примѣненнаго единственно въ этомъ случаѣ), отвѣтилъ пятьюдесятью шестью голосами противъ четырехъ утвердительно. Послѣ этого уже единогласно постановлено соборомъ: признать необходимымъ возстановить совѣщательное начало въ жизни православныхъ приходовъ Рижской епархіи въ дѣлѣ избранія священниковъ; причемъ преимущественное предъ всѣми право въ дѣлѣ избранія, въ силу каноновъ Церкви, остается за епископомъ; право отзыва о кандидатѣ предоставляется священству даннаго благочинія, и, наконецъ, выборъ (изъ лицъ, получившихъ богословское образованіе, не ниже полнаго семинарскаго) и представленіе епископу кандидата въ приходскіе священники, — предоставляется самому приходу. Соборъ постановилъ также допустить участіе прихожанъ въ избраніи и псаломщиковъ, по возможности, изъ лицъ, имѣющихъ образованіе не ниже учителя начальнаго народнаго училища; при этомъ участіе клира должно выразиться въ согласіи священниковъ и остальныхъ клириковъ той церкви, къ которой поставляется псаломщикъ.

Признавая затѣмъ, что выборное или, вѣрнѣе, *совѣщательное* начало должно быть примѣнено ко всей церковной іерархіи до высшихъ ея степеней и ко всѣмъ церковнымъ учре-

жденіямъ, соборъ постановилъ, что и благочинные, которые суть не только око епископа, но и ближайшіе руководители духовенства своего благочинія, и потому должны пользоваться и его довѣріемъ,—должны назначаться епископомъ изъ числа двухъ лицъ, избираемыхъ священниками благочинія.

Послѣ этого, признавая необходимымъ дать опредѣленное устройство и права православному приходу въ Рижской епархіи, соборъ вошелъ совмѣстно съ этимъ дѣломъ въ разсмотрѣніе полученныхъ епархіальною властью на заключеніе при указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода проектовъ: «Высочайшаго постановленія о церковно-приходскомъ собраніи и церковномъ совѣтѣ православныхъ приходовъ Финляндіи» и «Высочайшаго постановленія, содержащаго нѣкоторыя правила о православныхъ приходахъ Финляндіи».

По этимъ предметамъ соборъ положилъ такое общее опредѣленіе:

Всеподданнѣйшіе проекты объ устройствѣ православнаго прихода въ Финляндіи имѣютъ цѣлью устроить православный приходъ—какъ признанную закономъ церковно-общественную единицу, какъ юридическое лицо, дать постановленіямъ органовъ церковно-приходскаго управленія силу, обязательную не только для прихожанъ, но и для постороннихъ учрежденій и лицъ.

Все это давно и настоятельно требуется не только для Финляндіи, но и для всей Россіи; и безъ дарованія православному приходу значенія юридическаго лица и имущественныхъ правъ, права пріобрѣтать на свое имя недвижимыя имущества, права самообложенія, и постановленіямъ органовъ приходскаго управленія обязательной силы,—не можетъ быть благоустроена церковно-общественная жизнь, особенно здѣсь, въ Прибалтійской окраинѣ, гдѣ лютеранскіе приходы и ихъ конвенты пользуются такимъ признаніемъ и правами, если не всегда въ силу закона, то въ силу обычая.

Въ виду указанныхъ достоинствъ можно было бы только привѣтствовать починъ, идущій изъ Финляндіи, и пожелать, чтобы онъ скорѣе осуществился.

Но, при указанныхъ положительныхъ сторонахъ, финляндскіе законопроекты имѣютъ и крупные недостатки, которые, если ихъ не устранить, могутъ испортить все дѣло, что и случилось съ попытками благоустроить православный приходъ въ Россіи изданными: въ 1864 году «Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ», и въ 1890 году—«Инструкціей церковнымъ старостамъ», которыя далеко не оправдали выражавшихся по поводу ихъ надеждъ, что, напримѣръ, приходскія

попечительства сблизятъ приходъ съ церковью, возбудятъ усердіе къ храмамъ, будутъ содѣйствовать причтамъ въ ихъ пастырской дѣятельности и вообще нравственно поднимутъ и оживятъ церковно-общественную жизнь. (Указъ Св. Правит. Сѵнода 22 ноября 1893 г. № 10 о необходимости пересмотра положенія о приходскихъ попечительствахъ).

Главныя причины, препятствующія русскому приходу благоустроиться и приходскимъ попечительствамъ достигать, хотя бы въ слабой мѣрѣ, поставленныхъ имъ цѣлей, суть слѣдующія:

I. — Намѣчая въ ст. 5 довольно широко кругъ вѣдѣнія приходскихъ попечительствъ, положеніе о попечительствахъ и особенно изданныя впослѣдствіи разъясненія къ нему лишаютъ попечительства необходимыхъ для успѣшной ихъ дѣятельности средствъ. Въ ст. 6-й положенія, какъ на источникъ этихъ средствъ, указано на добровольныя пожертвованія, собираемыя преимущественно *внѣ* приходскаго храма. Главные же сборы съ прихожанъ на разныя церковныя нужды, какъ то: на украшеніе храма, и друг. т. п., такъ же, какъ остающійся въ церковной кассѣ, за установленными отчисленіями, свѣчной доходъ, равно какъ и суммы, отпускаемыя изъ казны, или изъ Сѵнодальныхъ средствъ, или жертвуемыя на постройку и обновленіе церковныхъ и причтовыхъ зданій и на другія церковныя нужды,— всѣ эти средства оставлены, по прежнему, въ исключительномъ распоряженіи церковнаго старосты и причта, и хотя по положенію о приходскихъ попечительствахъ священникъ и староста суть непремѣнные члены попечительства, но упомянутыми церковными средствами они распоряжаются отдѣльно и независимо отъ попечительства и совершенно безотчетно предъ нимъ и вообще предъ прихожанами.

Такое отстраненіе прихожанъ не только отъ распоряженія собираемымъ, главнымъ образомъ, съ нихъ же церковнымъ имуществомъ, но и отъ всякаго наблюденія за правильнымъ его употребленіемъ, — не можетъ способствовать сближенію прихода съ клиромъ и возгрѣвать въ прихожанахъ усердіе къ пожертвованіямъ на храмъ и другія церковно-приходскія нужды.

II.—По положенію 1864 г. и инструкціи 1890 года, большинство прихожанъ лишено права участвовать въ приходскихъ собраніяхъ, хотя положеніе и именуетъ эти собранія «*общими* собраніями прихожанъ». По ст. 9-й положенія и ст. 8-й инструкціи, членами приходскихъ собраній, избирающихъ попечителей, старостъ и счетчиковъ церковныхъ суммъ, могутъ быть лишь домохозяева и лица, имѣющія по закону право участво-

вать въ собраніяхъ мѣстнаго городского или сельскаго общества или же въ дворянскихъ собраніяхъ. Для участія же въ этихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ требуется такой имущественный и сословный цензъ, какимъ огромная часть православныхъ прихожанъ не располагаетъ. По крайней мѣрѣ, православная паства Рижской епархіи даже въ большихъ и богатыхъ городахъ, какъ Рига и Ревель, въ огромнѣйшей своей части, а во многихъ приходахъ и вся сплошь, состоитъ изъ безземельныхъ батраковъ и другихъ бѣдныхъ тружениковъ, не удовлетворяющихъ тѣмъ требованіямъ, которыми статья 9 положенія и ст. 8 инструкціи обусловливаютъ право участія въ приходскихъ собраніяхъ; и, слѣдовательно, этими требованіями почти вся православная паства Рижской епархіи ставится *внѣ* церкви (и это въ буквальномъ смыслѣ, ибо церковно-приходскія собранія обычно происходятъ въ храмѣ). Этимъ, несомнѣно, нарушается церковное единство, угашается церковная жизнь!

Въ силу приведенныхъ обстоятельствъ и условій, хотя въ Рижской епархіи приходскія попечительства и образованы, за немногими исключеніями, при всѣхъ почти церквахъ, но большая ихъ часть состоитъ даже не изъ десятковъ, а всего изъ 5—3 членовъ, и почти не проявляетъ дѣятельности; другими словами: существуетъ только на бумагѣ.

Въ предложенныхъ для Финляндіи правилахъ о церковно-приходскомъ собраніи и церковномъ совѣтѣ ст. 1-я говоритъ: «Правила сего постановленія не относятся къ завѣдыванію церковнымъ имуществомъ, а также суммами, поступающими по нынѣ существующему порядку въ церковную кассу». Слѣдовательно, уже отъ ст. 1-й этихъ правилъ вѣетъ тѣмъ же мертвымъ духомъ, ею вносится въ церковно-приходскую жизнь то же *раздѣленіе*, которые не даютъ наладиться и церковно-приходскому дѣлу въ русскихъ епархіяхъ. И пока нынѣшнее отношеніе закона къ прихожанину и нынѣ существующій порядокъ распоряженія церковно-общественнымъ достояніемъ не будутъ замѣнены совершенно противоположными, — до тѣхъ поръ духовенство и староста, съ одной стороны, и прихожане—съ другой, будутъ, по прежнему, взаимно считать себя другъ другу чужими, имѣющими разныя и едва ли не противорѣчивыя стремленія и заботы, и оживленія церковно-общественной жизни при такомъ положеніи ожидать было бы совершенно напрасно.

Для этого оживленія необходимо прежде всего признать духовенство прихода купно со всѣми, безъ исключенія, вѣрующими этого прихода—*одною христіанскою общиной,* малою Церковью,—недробимою частію единаго Тѣла Христова, въ кото-

ромъ долженъ жить и единый Духъ Христовъ. Въ церковномъ приходѣ должна быть установлена не противоположность, а *общность* стремленій къ единой *общей* цѣли—созиданію всего церковно-приходскаго народа въ истинную Церковь Божію, напоенное Духомъ Божіимъ Тѣло Христово. Если же единство жизни во Христѣ должно быть цѣлью, къ которой долженъ быть направляемъ церковный приходъ, то и въ положеніи о приходѣ не должно быть ничего, отъ этой цѣли отдаляющаго и прямо ей по духу противоположнаго.

Того же порядка, — т. е. противорѣчащее духу христіанскаго равенства постановленіе предлагается въ ст. 21-й финляндскихъ правилъ, по которой голосамъ членовъ приходскаго собранія усвояется не одинаковое значеніе, а—соразмѣрно числу манталовъ, или податныхъ единицъ, наложенныхъ на каждаго; такъ что, согласно этому правилу, одни прихожане располагали бы при голосованіи каждый однимъ голосомъ, а другіе имѣли бы по многу голосовъ (одно лицо можетъ имѣть до одной десятой части общаго числа голосовъ всего собранія).

Обращаетъ на себя вниманіе вызываемое, вѣроятно, мѣстными условіями Финляндіи и едва ли могущее гдѣ-либо повториться требованіе ст. 28-й, — чтобы «условія касательно содержанія священниковъ и прочихъ членовъ причта, а также постройки и содержанія ихъ помѣщеній,—заключались съ подлежащими лицами и измѣнялись — *въ присутствіи начальника губерніи* или его повѣреннаго и уполномоченнаго епархіальнаго начальства, и представлялись затѣмъ на разсмотрѣніе и утвержденіе въ Хозяйственный Департаментъ Сената (Финляндскаго).

Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе частностей финляндскихъ проектовъ, соборъ находилъ, что нѣкоторыми изъ этихъ частностей можно воспользоваться при устроеніи прихода Рижской епархіи, таковы, напримѣръ, правила, опредѣляющія порядокъ веденія списковъ прихожанъ и выдачи о нихъ разнаго рода справокъ и документовъ.

Но, въ общемъ, для благоустроенія церковно-приходской жизни въ Прибалтійскомъ краѣ, по мнѣнію собора, цѣлесообразнѣе примѣнить не финляндскіе проекты, а взять въ основаніе Высочайше утвержденное 2 августа 1864 г. «Положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ въ Россіи» и дополнить и измѣнить это положеніе соотвѣтственно требованіямъ жизни и указаніямъ опыта.

Затѣмъ соборъ слушалъ и единодушно постановилъ: одобрить и принять слѣдующее:

Положеніе о православномъ приходѣ при церквахъ Рижской епархіи.

1) Клиръ каждой православной приходской церкви купно со всею его паствою составляютъ одну нераздѣльную церковную общину—«православный приходъ» (такой-то церкви). Эта церковная община, обнимая собою настоящее, отшедшія и грядущія поколѣнія ея членовъ, есть собственникъ и хозяинъ всего церковнаго достоянія и приходскаго имущества и всѣхъ церковно-приходскихъ учрежденій.

2) Церковною общиною-приходомъ управляетъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ высшей церковной власти, поставленный къ нему, съ согласія прихожанъ, епископомъ настоятель-священникъ при сотрудничествѣ остальныхъ членовъ клира,—на которомъ лежитъ преимущественная забота объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ прихода, и—при содѣйствіи приходскаго попечительства *), выбраннаго приходскимъ собраніемъ, — обязаннаго преимущественно пещись объ удовлетвореніи всѣхъ хозяйственныхъ нуждъ церкви, причта и всего прихода, и отвѣтственнаго передъ епархіальною властью и приходомъ.

3) Церковно-приходское собраніе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ настоятеля церкви, изъ всего ея клира и прихожанъ, достигшихъ 21-лѣтняго возраста, не различая сословнаго, общественнаго и имущественнаго ихъ положенія. Мѣра и виды участія лицъ женскаго пола въ приходскихъ собраніяхъ и дѣлахъ опредѣляются самимъ приходомъ — соглашеніемъ настоятеля съ прихожанами.

4) Приходское попечительство состоитъ изъ священно-и церковно-служителей приходской церкви и лицъ, выбранныхъ церковно-приходскимъ собраніемъ изъ числа прихожанъ. Предсѣдателемъ попечительства можетъ быть, по выбору приходскаго собранія, священникъ или другое лицо. Въ члены приходскаго попечительства могутъ быть избираемы собраніемъ или самимъ попечительствомъ и посторонніе, т. е. не живущія въ приходѣ лица: но они должны быть православными, и общее ихъ число въ попечительствѣ не должно быть болѣе половины числа остальныхъ выборныхъ его членовъ.

5) Церковный староста избирается церковно-приходскимъ собраніемъ и дѣйствуетъ совмѣстно съ попечительствомъ, членомъ котораго онъ состоитъ по своей должности.

*) Это наименованіе «Приходское Попечительство» можетъ быть замѣнено другимъ «Церковно-Приходскій Совѣтъ».

6) Предсѣдатель, староста и члены попечительства избираются на три года. Ежегодно, по разсмотрѣніи церковно-приходскимъ собраніемъ отчета попечительства, третья часть выборныхъ его членовъ выбываетъ, въ первые два года по образованіи попечительства по жребію, а затѣмъ по очереди

7) Приходскія собраніе и попечительство вѣдаютъ всѣ церковныя и общественныя дѣла прихода и распоряжаются церковно-приходскимъ имуществомъ. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ они должны быть *единодушны* и дѣйствовать отъ лица и *для общей пользы* всего прихода, проявляя особенную благопопечительность о тѣхъ его членахъ, которые по малолѣтству, сиротству, тѣлесной или душевной немощи особенно нуждаются въ братскихъ о себѣ заботахъ, руководствѣ, содѣйствіи и помощи.

Примѣчанія: I. Рѣшеніе въ собраніи и въ попечительствѣ дѣлъ большинствомъ голосовъ должно быть возможно рѣдкимъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ приходской жизни.

II. Храмъ, находящіяся въ немъ святыя иконы, ризница и священная утварь не отчуждаемы, и пользованіе ими зависитъ отъ благословенія настоятеля. Предметы церковной утвари и ризницы могутъ быть жертвуемы и приносимы въ даръ нуждающимся въ нихъ другимъ церквамъ съ общаго согласія клира и прихожанъ.

III. Причтовыя земли и доходныя статьи сохраняютъ прежнее свое назначеніе и остаются въ вѣдѣніи причта.

8) *Церковно-приходское собраніе* созывается настоятелемъ или попечительствомъ обязательно два раза въ годъ.

I-е годовое собраніе созывается въ концѣ года, не позже 27-го декабря: а) для разсмотрѣнія и утвержденія на предстоящій годъ смѣтъ доходовъ и расходовъ приходскаго попечительства и подвѣдомственныхъ ему приходскихъ заведеній: просвѣтительныхъ, какъ-то: школы, библіотеки и друг.; богоугодныхъ: больницы, богадѣльни, странопріимные дома, трапезы для бѣдныхъ и т. п.; а также доходныхъ статей, какъ напримѣръ: отъ нанимаемой приходомъ или отъ сдаваемой въ наймы приходской земли, отъ приходской мельницы, мызы, сыроварни, рыбнаго промысла, продажи въ приходѣ книгъ, торговли изъ приходскаго склада кустарными и ремесленными издѣліями прихожанъ, общественной лавки и т. д.; б) для выбора членовъ повѣрочнаго наряда въ числѣ, опредѣляемомъ самимъ собраніемъ, для провѣрки хозяйственныхъ отчетовъ попечительства и всѣхъ приходскихъ учрежденій за истекшій годъ и для провѣрки наличія всего приходскаго имущества.

II-е годовое собраніе созывается весною, не позже пас-

хальной седмицы: а) для утвержденія упомянутыхъ отчетовъ, которые вносятся въ собраніе попечительствомъ съ заключеніями повѣрявшаго ихъ наряда и съ своими по этимъ заключеніямъ объясненіями, и б) для выбора предсѣдателя и членовъ попечительства, взамѣнъ отбывшихъ свой срокъ и выбывающихъ по очереди.

На одномъ изъ этихъ, обычныхъ, собраній, смотря по потребности и удобству, избираются собраніемъ церковный староста и представители прихода на благочиннический съѣздъ (окружной соборикъ), независимо отъ священнослужителей прихода,—членовъ съѣзда по должности. Сверхъ поименованныхъ дѣлъ, обсужденію и рѣшенію годовыхъ собраній попечительствомъ могутъ быть предлагаемы и другіе вопросы и дѣла.

9) Кромѣ обыкновенныхъ собраній, въ важныхъ случаяхъ: смерти священника, необходимости пріобрѣсти или отчудить приходскую недвижимость, устроить или закрыть какое-либо изъ приходскихъ установленій, сдѣлать заемъ или сверхсмѣтный расходъ и т. п.,—по требованію благочиннаго или по усмотрѣнію попечительства, могутъ быть созываемы чрезвычайныя церковно-приходскія собранія.

10) Въ приходскихъ собраніяхъ, когда избирается лицо для замѣщенія освободившейся священнической должности, предсѣдательствуетъ благочинный; въ остальныхъ случаяхъ—настоятель прихода или замѣняющее его, по его указанію, лицо.

11) О днѣ и мѣстѣ назначеннаго собранія и цѣли его священникъ извѣщаетъ прихожанъ, объявляя о томъ въ церкви при стеченіи народа въ три предшествующіе собранію воскресные или праздничные дня; попечительство же съ своей стороны принимаетъ доступныя ему мѣры для оповѣщенія прихожанъ о времени и мѣстѣ собранія и о предлагаемыхъ его разсмотрѣнію вопросахъ.

Собраніе считается состоявшимся, если явилась одна десятая часть имѣющихъ право участвовать въ немъ прихожанъ. При выборѣ священника собраніе должно состоять не менѣе, какъ изъ $^1/_3$ имѣющихъ право участія въ собраніи прихожанъ, и для дѣйствительности избранія требуется не менѣе $^3/_4$ голосовъ всего собранія.

12) При недостаточности средствъ на удовлетвореніе настоятельныхъ приходскихъ нуждъ собраніе можетъ установить обязательный сборъ съ прихожанъ и произвести раскладку этого сбора, сообразуясь съ достатками и платежной способностью лицъ. Обложеніе и раскладка обязательны для всѣхъ прихожанъ и для православныхъ лицъ, владѣющихъ недви-

жимостью въ предѣлахъ прихода, хотя бы они проживали внѣ прихода и не были его членами.

13) Для осуществленія такихъ, касающихся церковно-общественной жазни прихода, задачъ, которыя не по силамъ одному приходу, нѣсколько сосѣднихъ приходовъ или приходы цѣлаго благочинническаго округа могутъ соединяться вмѣстѣ и имѣть общія учрежденія, управляемыя лицами, избираемыми отъ приходскихъ попечительствъ тѣхъ приходовъ, на средства которыхъ они содержатся.

14) Приходское попечительство обязано имѣть постоянную заботу объ исправномъ содержаніи и благолѣпіи приходскаго храма и приходскаго кладбища и о возможно болѣе полномъ удовлетвореніи хозяйственныхъ и духовныхъ нуждъ духовенства и всего прихода.

15) Члены приходскаго попечительства избираются собраніемъ въ потребномъ числѣ, по соображенію съ размѣрами и разными видами дѣятельности попечительства и приходскаго хозяйства и съ имѣющимся въ виду собранія числомъ лицъ, способныхъ работать въ составѣ попечительства съ пользою для прихода.

16) Попечительство является законнымъ представителемъ своего прихода во всѣхъ сношеніяхъ и сдѣлкахъ, совершая на имя прихода и отъ его имени купчія крѣпости на недвижимыя имущества, займы и другія обязательства. Обыкновенныя сношенія ведутся за подписью предсѣдателя или замѣняющаго его лица. Для дѣйствительности же актовъ и обязательствъ необходимы подписи предсѣдателя попечительства, священника (если не онъ предсѣдательствуетъ), церковнаго старосты и двухъ выборныхъ членовъ попечительства.

17) На попечительствѣ лежитъ обязанность своевременнаго составленія и представленія общему собранію смѣтъ и отчетовъ. Проекты и смѣты на постройку, перестройку, обновленіе и поновленіе зданія самой церкви, по одобреніи ихъ собраніемъ, представляются попечительствомъ благочинному, который предлагаетъ ихъ, въ потребныхъ случаяхъ (когда, напримѣръ, нужныя на работу средства испрашиваются изъ епархіальныхъ суммъ или особо отъ казны), разсмотрѣнію благочинническаго совѣта или благочинническаго съѣзда. Смѣты на перестройки и возобновленіе причтовыхъ и другихъ домовъ въ томъ лишь случаѣ представляются благочинному, если на работы испрашиваются отъ епархіи средства.

18) Всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право участвовать въ приходскомъ собраніи, долженъ быть составленъ и содержимъ въ исправности приходскимъ попечительствомъ особый списокъ.

Первоначально, до образованія попечительства, списокъ сей составляется священникомъ-настоятелемъ церкви при содѣйствіи приглашаемыхъ имъ для сего прихожанъ.

Приходскій списокъ долженъ содержать въ себѣ свѣдѣнія о возрастѣ, составѣ семейства, служебномъ и имущественномъ положеніи, промыслѣ или занятіи каждаго члена приходскаго собранія, и о томъ участіи, какое онъ и члены его семейства принимаютъ въ приходской жизни.

Если прихожанинъ желаетъ перечислиться въ другой приходъ, то ему надлежитъ взять отъ настоятеля прежняго прихода свидѣтельство на перечисленіе. Въ случаѣ, если желающій вступить въ число прихожанъ не можетъ представить требуемаго свидѣтельства отъ прежняго прихода, то, для внесенія его въ приходскій списокъ новаго прихода, настоятель этого прихода довольствуется личными заявленіями желающаго войти въ приходъ и принимаетъ на себя заботу о полученіи о немъ свѣдѣній отъ настоятеля прежняго прихода.

19) Церковно-приходское собраніе и приходское попечительство, состоя въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства, въ то же время пользуются значеніемъ и общегражданскихъ учрежденій, и законныя ихъ постановленія и распоряженія, а также правильно составленные и заключенные ими непосредственно или черезъ повѣренныхъ акты и договоры имѣютъ обязательное значеніе, и къ исполненію ихъ должно быть оказываемо необходимое содѣйствіе полицейскими, сельскими, судебными и иными властями и лицами, по принадлежности.

Принявъ Положеніе о православномъ приходѣ, соборъ разсуждалъ, что доставленіе на заключеніе епархіальнаго начальства проектовъ Высочайшихъ постановленій объ устройствѣ православнаго прихода въ Финляндіи показываетъ, что вопросъ о благоустройствѣ приходской жизни поставленъ въ настоящее время на очередь и въ другихъ епархіяхъ, и, быть можетъ, даже вырабатываются общія по сему предмету законоположенія. Но выработка такихъ общихъ законоположеній обыкновенно требуетъ слишкомъ продолжительнаго времени и при этомъ нерѣдко бываетъ, что такой общій законъ уже не удовлетворяетъ требованіямъ жизни или особымъ условіямъ той или другой мѣстности. Въ виду сего и принимая во вниманіе особенно настоятельную потребность возможно скорѣе благоустроить и оживить приходскую жизнь, безъ чего, при измѣнившихся, вслѣдствіе Высочайшаго указа 17-го апрѣля сего года, условіяхъ, мѣстная паства можетъ уклониться въ инославныя исповѣданія или секты, дающія своимъ вѣрующимъ болѣе дѣятельное участіе въ церковно-общественной жизни,—

соборъ постановилъ,—ходатайствовать о томъ, чтобы одобренное имъ *Положенiе о приходѣ при православныхъ церквахъ* было утверждено законодательною властью для Рижской епархiи немедленно, независимо отъ того, имѣется ли въ виду издать общее по сему предмету законоположенiе для всей Россiи.

Затѣмъ, въ развитiе приведеннаго выше положенiя, что начало соборности должно проходить чрезъ все церковное строенiе отъ основанiя его—прихода и до самыхъ вершинъ, соединенныя первыя два отдѣленiя собора выработали слѣдующiя предложенiя:

I. О благочинническихъ, или окружныхъ соборикахъ.

1) Ежегодно, не позже, какъ за мѣсяцъ до епархiальнаго собора, причты благочинническаго округа, въ полномъ составѣ, совмѣстно съ представителями мiрянъ, избранными приходскими собранiями, по одному отъ каждаго прихода, созываются благочиннымъ на окружной соборикъ для обсужденiя церковныхъ дѣлъ и нуждъ даннаго округа.

2) Всѣ участники соборика пользуются одинаковымъ голосомъ, и дѣла (при недостиженiи единомыслiя) рѣшаются простымъ большинствомъ.

3) Руководитъ соборикомъ предсѣдатель, избираемый изъ числа присутствующихъ священниковъ. Изъ нихъ же избирается дѣлопроизводитель.

4) Постановленiя соборика представляются предсѣдателемъ или другимъ уполномоченнымъ на то отъ соборика лицомъ епархiальному собору, — безъ переработки ихъ консисторiею или другимъ подобнымъ ей учрежденiемъ. Священники благочинническаго округа избираютъ двухъ кандидатовъ въ благочинные. Епископъ одного изъ нихъ утверждаетъ въ этой должности на три года.

II. Объ епархiальныхъ соборахъ.

1) Ежегодно епархiальнымъ епископомъ созывается епархiальный соборъ. Предсѣдательствуетъ на соборѣ епархiальный епископъ.

2) Епархiальный соборъ составляется изъ членовъ епископальнаго совѣта и трехъ выборныхъ отъ каждаго изъ окружныхъ собориковъ: по одному священнослужителю, церковнослужителю и мiрянину, а также представителей духовно-учебныхъ заведенiй, братствъ и монастырей. Епископъ или соборъ

могутъ приглашать къ участію и другихъ лицъ изъ своей и другихъ епархій.

3) Епархіальный соборъ разсматриваетъ всякіе касающіеся церковной жизни вопросы, возбужденные окружными собориками, епископомъ или епархіальнымъ совѣтомъ.

4) Епископальный совѣтъ устанавливаетъ порядокъ занятій собора и приводитъ въ систему вопросы, подлежащіе обсужденію собора.

5) Кромѣ общеепархіальныхъ вопросовъ, касающихся церковной жизни и дѣятельности мѣстной епархіи, вѣдѣнію епархіальнаго собора подлежатъ: а) избраніе лица, достойнаго занять освободившуюся епископскую каѳедру; для сего соборъ можетъ быть созываемъ внѣ обычнаго времени епархіальнымъ совѣтомъ, и б) избраніе членовъ епископальнаго совѣта.

6) Постановленія собора, не требующія утвержденія высшей церковной власти, объявляются немедленно, для исполненія, въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ»; вопросы, рѣшеніе которыхъ превышаетъ власть епархіальнаго собора, подготовляются на немъ для внесенія на областной митрополичій или на Всероссійскій Помѣстный Соборъ.

Епархіальный соборъ избираетъ изъ членовъ собора, духовныхъ и міряпъ, представителей на областной или Всероссійскій соборъ.

7) На епархіальный соборъ и епископальный совѣтъ переходятъ всѣ обязанности консисторіи, которая тѣмъ самымъ упраздняется; освободившіяся же съ ея закрытіемъ средства обращаются на содержаніе членовъ епархіальнаго собора изъ духовенства, и епископальнаго совѣта и дѣлопроизводства при немъ.

Въ защиту этихъ предложеній, устанавливающихъ *соборность* епархіальнаго церковнаго управленія, по приглашенію архіепископа Агаѳангела, въ полномъ засѣданіи собора были мною высказаны и всѣми приняты слѣдующія основанія:

Понятіе соборности лежитъ въ основномъ догматѣ христіанской вѣры о тріединствѣ Божества. Исповѣдуемое нами соотношеніе Ѵпостасей Пресвятой Троицы: неслитность и нераздѣльность Ихъ, т. е. — самостоятельность каждаго изъ трехъ Божественныхъ Лицъ и вмѣстѣ полное Ихъ согласіе или единство, можетъ быть названо *соборностью* Божества. Богъ, по апостолу, есть *любовь*, и соборность въ жизни человѣческихъ обществъ есть явленіе обитающаго въ составляющихъ эти общества людяхъ Божественнаго Духа любви, Который приводитъ къ признанію въ каждомъ человѣкѣ его Богоподобной личности, ея ничѣмъ извнѣ неограниченной

самостоятельности и свободы, и вмѣстѣ приводитъ ихъ всѣхъ къ *согласію*, къ *единомыслію* и *единодушію*.

Въ Символѣ вѣры мы исповѣдуемъ, что Церковь наша есть Церковь *соборная*. Вѣрность этому началу соборности и и составляетъ то существеннѣйшее отличіе православія отъ католичества и протестантства, въ силу котораго одно только оно и остается истинною Церковію Божіей.

Внѣшнимъ выраженіемъ этой соборности православной Церкви являются церковные соборы. Правила святыхъ Апостолъ (37-е) и святыхъ Вселенскихъ соборовъ: перваго (5-е), четвертаго (19-е), шестого (8-е) и седьмого (6-е)—повелѣваютъ митрополитамъ ежегодно дважды въ годъ созывать соборъ епископовъ, для сужденія о догматахъ благочестія и другихъ вопросахъ вѣры и Церкви,—чтобы погрѣшительное исправлять; и только во вниманіе къ такимъ затрудненіямъ, какъ набѣги варваровъ и недостатокъ потребнаго въ пути, разрѣшаютъ собирать не дважды, но непремѣнно одинъ разъ въ годъ.

Всѣ эти правила, правда, говорятъ, о соборахъ епископовъ въ митрополичьихъ областяхъ, а не о такихъ соборахъ, которые могутъ быть въ одной епархіи. Но дѣло въ томъ, что въ тѣ давнія времена, какъ и теперь, впрочемъ, на православномъ Востокѣ, размѣры отдѣльныхъ епископій были несравненно меньше нашихъ, русскихъ. У насъ въ печати раздаются уже голоса о необходимости увеличить число епархій и епископовъ, чтобы приблизить епископа къ паствѣ. Въ извѣстной запискѣ столичныхъ священниковъ напечатанной весною въ «Церковномъ Вѣстникѣ»—«О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи»*), высказано, что въ каждомъ уѣздномъ городѣ долженъ бы быть епископъ. Если это будетъ такъ, тогда на пространствѣ каждой изъ нынѣшнихъ епархій могутъ быть областные епископскіе соборы. При нынѣшнихъ же обширныхъ размѣрахъ отдѣльныхъ епископій епископу приходится разсматривать и рѣшать одному многое такое, что прежде обсуждалось на областныхъ соборахъ. При такихъ условіяхъ: не лучше ли епископу судить о дѣлѣ, выслушавъ свидѣтельства тѣхъ, отъ кого исходятъ или кого непосредственно касаются тѣ или другіе дѣла и вопросы, и рѣшать ихъ съ общаго согласія и совѣта, нежели довольствоваться только донесеніями благочинныхъ и докладами консисторіи?

---

*) Поданный митрополиту 15 марта 1895 г. подлинникъ записки озаглавленъ: «О неотложности возстановленія канонической свободы правосл. Церкви въ Россіи». Планъ записки былъ намѣченъ у меня ея составителями: Н. П. Аксаковымъ, свящ. Вл. Я. Колачевымъ и свящ. І. П. Слободскимъ. Подписавшіе записку—т. наз. Кружокъ 32-хъ—составили потомъ «Братство Церк. Обновленія», въ которомъ и я участвую.

Что касается до предлагаемаго *участія на* всѣхъ вообще *соборахъ міряна*, то оно вытекаетъ изъ понятія о Церкви, какъ о Тѣлѣ Христовомъ (1 Коринѳ. гл. 12).—Каждое тѣло живое только тогда живетъ настоящею и полною жизнію, развивается и растетъ, когда *всѣ* его члены находятся въ постоянномъ и живомъ общеніи и взаимодѣйствіи; не участвующій въ общей жизни членъ мертвѣетъ, а это пагубно отзывается на жизнедѣятельности и жизнеспособности другихъ членовъ и всего тѣла.

И вотъ, съ глубокою скорбію слѣдуетъ признать, что въ мірянахъ нашей русской Церкви *омертвѣла церковность*, вслѣдствіе давняго отстраненія ихъ отъ дѣлъ церковныхъ; да и въ самомъ клирѣ оскудѣла она, — вслѣдствіе того же *раздѣленія* Тѣла церковнаго; ибо: тотъ только пастырь добрый, который идетъ впереди овецъ, а овцы идутъ за нимъ, и онъ знаетъ ихъ и полагаетъ жизнь свою за нихъ (Еванг. отъ Іоан. 10 гл., 4, 11). Поэтому-то: хотя апостольскія и соборныя правила ничего не говорятъ о соборахъ одной епископіи, о совѣщаніяхъ епископа съ подвластнымъ ему священствомъ и мірянами; но такіе соборы—епархіальные и благочиннические, какъ и собранія клира съ прихожами по приходамъ, не только не противорѣчатъ канонамъ, но вполнѣ соотвѣтствуютъ общему соборному духу православной Церкви и составятъ естественное восполненіе домостроительства церковнаго, завѣщаннаго намъ апостолами и святыми отцами.

Что касается консисторій, то главный ихъ недостатокъ— въ формальности ихъ дѣлопроизводства и отдѣленности отъ епископа. Епископъ рѣшаетъ дѣла, не слыша всего, что говорилось въ консисторіи при ихъ обсужденіи, на основаніи только письменныхъ докладовъ и справокъ. Отсюда медленность и формализмъ рѣшеній. Иное будетъ дѣло, когда тѣ же протоіереи, что теперь сидятъ въ консисторіи, составятъ *епископальный совѣтъ* и будутъ обсуждать дѣла вмѣстѣ съ епископомъ и подъ его руководствомъ, а онъ тутъ же будетъ полагать свое рѣшеніе. Рѣшенія будутъ быстрѣе и одухотвореннѣе.

Намѣченный строй церковнаго управленія въ епархіяхъ: приходскія собранія съ выборными попечительствами, окружные соборики и выборные благочинные съ благочинническими совѣтами, наконецъ епархіальный соборъ съ выборными отъ окружныхъ собориковъ священно-и церковно-служителями и мірянами, и епископальный совѣтъ, или сѵнодикъ, въ которомъ также, какъ это есть въ другихъ православныхъ Церквахъ, могли бы быть и члены отъ мірянъ по выбору епархіальнаго собора, и по приглашенію епископа,—необходимо было бы ввести безотлагательно, ибо только при такомъ строѣ епархіи явится возможность избирать достойныхъ представителей изъ бѣлаго

духовенства и отъ мірянъ и на областные митрополичьи и на ожидаемый всею православною Русью съ такимъ нетерпѣніемъ и надеждами Всероссійскій помѣстный соборъ, и эти избранія только при такомъ устройствѣ епархіи будутъ имѣть правильный видъ, дадутъ собору и изъ мірянъ людей не чуждыхъ Церкви и устранятъ неизбѣжные иначе недовольство и упреки въ неполнотѣ представительства и въ случайности и произвольности выбора.

Опредѣленіе Рижскаго епархіальнаго собора по предположеніямъ установить ежегодные благочиннические и епархіальные соборы состоялось уже по моемъ отъѣздѣ. Всѣ изложенныя предположенія приняты, за исключеніемъ предположенія объ упраздненіи консисторіи. Объ этомъ въ опредѣленіи собора умалчивается; но это—необходимое слѣдствіе устройства епископальнаго совѣта.

Изъ множества другихъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ и рѣшенныхъ соборомъ, заслуживаетъ вниманія вопросъ о школѣ. Такъ называемыя вспомогательныя приходскія школы, принесшія огромную пользу дѣлу православія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ виду крайней скудости епархіальныхъ средствъ рѣшено передать въ Сѵнодальное вѣдомство съ тѣмъ, чтобы онѣ содержались по штату церковно-приходскихъ школъ, о чемъ уже и ранѣе возбуждались ходатайства. Предположены измѣненія и въ другихъ епархіальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и въ учительскихъ семинаріяхъ, дающихъ псаломщиковъ и учителей Рижской епархіи, и устройство особыхъ мѣстныхъ курсовъ для пополненія недостаточнаго образованія, въ особенности музыкальнаго, псаломщиковъ мѣстныхъ церквей. Но я не буду останавливаться на всѣхъ этихъ вопросахъ, такъ какъ въ предварительной разработкѣ ихъ въ отдѣленіи собора я не участвовалъ.

Скажу, въ заключеніе своего отчета о Рижскомъ епархіальномъ соборѣ, о принятомъ соборомъ рѣшеніи дозволить настоятелямъ церквей дѣлать сокращенія и нѣкоторыя другія измѣненія въ церковныхъ службахъ. Мы слышали уже о нѣкоторыхъ навѣтахъ на соборъ, а рѣшимость собора коснуться богослужебнаго устава всего скорѣе можетъ вызвать несправедливые заподозрѣванія и навѣты со стороны слѣпыхъ сторонниковъ неподвижности церковныхъ порядковъ, благоговѣющихъ, быть можетъ, не всегда искренно, предъ буквою и небрегущихъ о разумѣніи и духѣ.

Чинъ Божественныхъ службъ сложился не сразу при апостолахъ, а постепенно, и измѣнялся. «По историческимъ изслѣдованіямъ, — говоритъ архіепископъ Филаретъ (Гумилев-

скій),—ясно и несомнѣнно, что святая Церковь относительно обрядовъ богослуженія дѣйствовала съ разною свободою: принимала порядки служебные по ихъ благотворному дѣйствію на людей и потомъ замѣняла ихъ другими, когда видѣла, что прежніе порядки не совсѣмъ полезны и нужны другіе». Между тѣмъ, большая часть богослуженій составлена нѣкогда примѣнительно къ монастырскому уставу, почему и отличается продолжительностью. Людямъ, не отрѣшившимся отъ мірскихъ заботъ и дѣлъ, такія долгія стоянія не по времени и не по силамъ. Поэтому повсемѣстно службы сокращаются по усмотрѣнію настоятелей или служащихъ: но эти сокращенія совершенно произвольны и иногда таковы, что нарушаютъ цѣльность, искажаютъ богослуженіе. Лучше поэтому, чтобы возможныя *безъ нарушенія красоты и цѣльности богослуженія* сокращенія были указаны болѣе авторитетной церковной властью. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, Рижскій епархіальный соборъ имѣлъ въ виду также еще и особыя причины мѣстнаго свойства, побуждающія снизойти къ нуждѣ и слабости пасомыхъ и пойти навстрѣчу желаніямъ ихъ непосредственныхъ пастырей. Дѣло въ томъ, что, какъ нами было уже замѣчено выше, почти вся православная паства Рижской епархіи—бѣдные труженики, не рѣдко батраки, работающіе въ экономіяхъ владѣльцевъ-лютеранъ, а эти послѣдніе относятся враждебно къ православію зависящихъ отъ нихъ рабочихъ и затрудняютъ имъ посѣщеніе церквей. Эти труженики не рѣдко пѣшкомъ приходятъ въ церковь, чтобы помолиться, за 15—20 верстъ, и усталые, слыша часто повтореніе однихъ и тѣхъ же моленій или черезъ-чуръ много чтенія, выражаютъ на это неудовольствіе. Съ другой стороны, они особенно любятъ слушать поученія на жизненные вопросы, и если не слышатъ ихъ, то уходятъ изъ церкви недовольными. Надо, слѣдовательно, и для поученія дать время.—По этимъ основаніямъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, сельскія церкви съ нерусскою паствою,—соборъ призналъ необходимымъ предоставить настоятелямъ церквей,—дѣлать такія изъ признанныхъ соборомъ возможными сокращеній и измѣненій, которыми не только не нарушается красота и цѣльность богослуженій, но, напротивъ, придается имъ большая стройность и вразумительность. Не полагаясь на свою память, укажу, лишь для примѣра, нѣкоторыя изъ сокращеній.

За всенощной, представляющей собою соединеніе вечерни и утрени, рѣшено однѣ и тѣ же эктеньи, положенныя для той и другой службъ, произносить только однажды. Когда служится литургія и предъ ней утреня,—сблизить эти службы, и проскомидію совершать во время утрени, опуская затѣмъ

предъ литургіей часы. На литургіи опустить сугубую эктенью и эктенью оглашенныхъ, съ возгласомъ «оглашенные, изыдите!»— сохранивъ молитву объ оглашенныхъ; опустить также возгласъ: «двери, двери!»—«Святый Боже» пѣть только трижды. Наоборотъ,—пѣть безъ пропусковъ: «Во царствіи Твоемъ» и всѣ девять блаженствъ. Нѣкоторыя молитвы, литургическія и другія, которыя полагается священнику читать тайно, читать вслухъ, такъ какъ безъ этого нѣкоторые возгласы священника и хора не вполнѣ вразумительны. Символъ вѣры не пѣть, а читать. Евангеліе читать, обратясь лицомъ къ народу, и избѣгать при этомъ излишней крикливости, какъ и вообще въ чтеніи и пѣніи. Въ чинѣ святого крещенія изъ четырехъ заклинательныхъ молитвъ опустить три, также обрядъ дуновенія и плюновенія.

Оживленно обсуждался соборомъ вопросъ о допущенія общей исповѣди.

Нѣкоторые священники сельскихъ церквей заявляли, что они силою обстоятельствъ вынуждаются иногда допускать у себя порядокъ исповѣди, сходный (не вполнѣ) съ общею исповѣдью о. Іоанна Кронштадскаго. Въ нѣкоторые праздничные дни собираются къ заутрени двѣсти и болѣе человѣкъ, желающихъ въ этотъ день исповѣдаться и причаститься. Отъисповѣдать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности между утреней и обѣдней такъ, чтобы исповѣдь не стала одной наскоро исполняемой обрядностью, какъ это часто бываетъ и у насъ, въ Россіи, при большомъ скопленіи исповѣдниковъ,—невозможно; отпускать же людей, не удовлетворивъ ихъ благого желанія, было бы жестоко; и вотъ приходится поступать такъ: прочитавъ положенныя исповѣдныя молитвы, священникъ предлагаетъ всѣмъ вмѣстѣ каяться въ своихъ грѣхахъ; но затѣмъ, каждый въ отдѣльности, подойдя къ священнику, вопрошается имъ, тайно отъ другихъ,—не имѣется ли у него на душѣ чего-либо особеннаго, въ чемъ ему слѣдуетъ покаяться; и послѣ отрицательнаго отвѣта или же покаянія покрывается епитрахилью и получаетъ отпущеніе. (Въ Кронштадтѣ же и отпускъ грѣховъ бываетъ общій).

Соборъ высказался въ этомъ дѣлѣ со всею осторожностью, какая требовалась важностью дѣла. Признавъ, что въ Рижской епархіи пастыри поставляются иногда духовными нуждами своихъ пасомыхъ въ необходимость прибѣгать къ общей исповѣди, соборъ не положилъ по этому вопросу своего рѣшенія, а предоставилъ священникамъ, у которыхъ это бываетъ, испрашивать на такіе случаи указанія отъ архіепископа.

Напеч. въ Церк. Вѣд. 1905 г. в. 48. Болѣе подробно дѣянія о соборѣ изложены въ изд. литографск. способ. книгѣ «Рижск. еп. соб. 20 сент. — 6 окт. 1905». Рига типолит. А. Шталя.

Не убій!

Противъ смертной казни и исключительныхъ судовъ *).

ДОВОЛЬНО КРОВИ! Да не будетъ казней, да не будетъ убійствъ! Съ этими словами обращаемся мы во всѣ стороны, ко всѣмъ русскимъ людямъ и гражданамъ, какое бы положеніе въ правительствѣ или обществѣ они ни занимали, какіябы обязанности ни несли, какихъ бы направленій и взглядовъ ни держались, какую бы вѣру или убѣжденія ни исповѣдывали! Обращаемся къ законодательствующимъ и подзаконнымъ, къ властвующимъ и подвластнымъ, къ управляющимъ и управляемымъ, усмиряющимъ и возстающимъ, къ поучаемымъ и учащимъ; ибо не одни только «активные» революціонеры и профессіональные усмирители, подневольные военные суды и еще болѣе подневольные исполнители ихъ приговоровъ, но все русское общество, во всѣхъ его разслоеніяхъ и частяхъ, все наше государственное и общественное тѣло, во всѣхъ его членахъ,—заражены этою лихою немочью—если не алчбою крови, то по меньшей мѣрѣ привычкою къ ней,—склонностью попустительствовать кровавымъ дѣламъ, оправдывать эти напрасныя казни, убійства, висѣлицы и разстрѣлы! Поэтому не только революціонеры и правительственныя лица, но все общество, всѣ мы повинны въ пролитіи этой—все равно праведной ли, или виноватой—крови, и если мы ее общимъ голосомъ не заговоримъ, общими нашими усиліями не остановимъ, мы ею изойдемъ, и, быть можетъ, она смоетъ съ лица земли наше забывшее Бога общество, нашу одичавшую въ борьбѣ съ «крамолою» власть!

Менѣе другихъ виновны въ этой льющейся крови простосердые «черносотенцы» и профессіональные усмирители, думающіе, что кровью можно залить кровь, суровою жестокостью возстановить порядокъ. Еще менѣе повинны исполнители смерт-

---

*) Почти всѣ приведенные въ этой статьѣ доводы противъ смертной казни были высказаны мною въ „Замѣчаніяхъ на главу первую проекта уголовнаго уложенія", представленныхъ своевременно государственными контролерами Т. И. Филипповымъ и П. Л Лобко въ Государственный Совѣтъ.

ныхъ приговоровъ, вольные и невольные палачи, принуждаемые къ палачеству безвыходностью ихъ положенія,—революціонною, каторжною или военною дисциплиной.

Но что сказать о «свѣтилахъ» нашей юридической науки, двадцать лѣтъ составлявшихъ и обдумывавшихъ новое для Россіи уголовное уложеніе и подарившихъ ее къ началу двадцатаго вѣка такимъ юридическимъ памятникомъ, который въ будущемъ станетъ не малымъ для нашего поколѣнія позоромъ! Ибо онъ только безтолковостію и безграмотностію изложенія отличается отъ безчеловѣчныхъ памятниковъ предшествующихъ столѣтій; но отъ него несетъ тѣмъ же мертвымъ духомъ; въ немъ то же недостойное, безсердечное, чисто языческое отношеніе къ человѣку, къ его лицу, его достоинству, его жизни. Стараясь быть всѣмъ пріятными, угодить правымъ и лѣвымъ, наши господа, прославленные своею ученостію юристы съ вопросомъ о смертной казни поступили такъ: Выставивъ въ объяснительной къ проэкту уложенія запискѣ весь доступный имъ рядъ доводовъ и соображеній, доказывающихъ полную непригодность смертной казни, какъ устрашающаго и удерживающаго отъ преступленія средства,—они завершили эти свои соображенія слѣдующимъ премудрымъ, весьма либеральнымъ и въ то же время вполнѣ благонамѣреннымъ, заключеніемъ: «Редакціонная Комиссія..., принявъ во вниманіе всѣ вышеизложенныя соображенія, *полагаетъ*, что Россія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка, съ царствованія Императрицы Елизаветы, и не только по возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, *но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній*, налагаемыхъ по общимъ законамъ. Однако (!), въ виду того, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, кромѣ стороны чисто юридической, заключаетъ въ себѣ и весьма важную политическую сторону, долженствующую значительно вліять на признаніе своевременности или несвоевременности таковой отмѣны, Комиссія *признала болѣе цѣлесообразнымъ*, изложивъ приведенныя выше соображенія о возможности отмѣны смертной казни, представить рѣшеніе сего вопроса на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта, *а въ лѣстницу проектируемыхъ нынѣ наказаній внести и смертную казнь*, ограничивъ область ея примѣненія наиболѣе тяжелыми изъ государственныхъ преступленій» *).

Не знаемъ: явилось ли бы у членовъ Государственнаго

---

*) Въ этой выдержкѣ изъ объяснительной записки Редакціонной Комиссіи курсивъ—нашъ.

Совѣта желаніе и хватило ли бы у нихъ духа ввести въ новое уголовное уложеніе смертную казнь, если бы ея въ представленномъ на ихъ разсмотрѣніе проектѣ вовсе не было; но, разъ она туда Редакціонною Комиссіей была услужливо вставлена,— въ средѣ высшихъ государственныхъ нашихъ сановниковъ не нашлось ни у кого достаточно христіанскаго сознанія и мужества потребовать ея исключенія.

Проектъ уголовнаго уложенія былъ на заключеніи и у Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Но высокопреосвященные наши отцы не обратили на него своего высокаго вниманія, предоставивъ Синодальному Оберъ-Прокурору отдѣлаться отъ этого проекта пустою канцелярскою отпиской, которая, однако же, говорила отъ имени Святѣйшаго Сѵнода.

А въ настоящее время? Преосвященные владыки, одни— безмолствуютъ, другіе, если не прямо благословляютъ казни, то поощряютъ къ нимъ, лишая мѣстъ и запрещая въ священнослуженіи тѣхъ изъ подвластныхъ имъ священниковъ, совѣсть которыхъ не мирится съ совершающимся на ихъ глазахъ кровавымъ зломъ, и которые осмѣливаются, по долгу пастырей, возвышать противъ него свой голосъ. Свѣтлое явленіе представляетъ только Рижскій архіепископъ Агаѳангелъ, пригласившій духовенство своей епархіи быть заступниками и ходатаями за арестуемыхъ и предназначаемыхъ къ осужденію и казнямъ. Многихъ это архипастырское посланіе спасло, оказавъ тѣмъ неоцѣнимую услугу и Святой Церкви.

Итакъ, не на современныхъ ли книжникахъ и фарисеяхъ лежитъ вина въ томъ, что смертная казнь осталась въ новомъ нашемъ уголовномъ уложеніи и что она такъ свободно примѣняется теперь по всей Россіи?

А наша повременная печать? Органъ октябристовъ— «Слово»—однажды съ осужденіемъ высказался о смертной казни; но немногими днями раньше одинъ изъ его постоянныхъ сотрудниковъ,—мужъ тоже богобоязненный и благочестивый,— сталъ за нее горой, подвергнувъ оплеванію и хулѣ тѣхъ, кто въ этомъ вопросѣ держится иного мнѣнія.

Не изобличаетъ ли все это наше—христіанское по имени— общество въ томъ, что мы или лицемѣрно умываемъ руки и фарисействуемъ, или болѣе вѣримъ въ силу висѣлицы, нежели Креста! «Пусть Государственный Совѣтъ разсудитъ: оставить ли смертную казнь за политическія преступленія, или нѣтъ, а мы, на всякій случай, подслужимся, въ лѣстницу уголовныхъ наказаній ее вставимъ», — разсуждали книжники - юристы. «Лучше политическихъ преступниковъ нещадно казнить, нежели они государству и Церкви навредятъ», — разсуждаютъ

современные каіафы.—«Какъ же такъ: они бросаютъ бомбы, стрѣляютъ направо и налѣво изъ браунинговъ, а ихъ не казнить?—Нѣтъ: пусть господа революціонеры первые покажутъ примѣръ, пусть они перестанутъ убивать, тогда и казней не будетъ». Такъ говорятъ не только министры, но и простые обыватели, военные и гражданскіе, духовные и мірскіе, въ сюртукахъ, армякахъ и рясахъ, въ клобукахъ и камилавкахъ.

Будемъ справедливы: между защитниками смертной казни есть люди не только либеральныхъ, но даже и радикальныхъ взглядовъ,—которые при этомъ не только не отрекаются Христа, но хотѣли бы всю общественную жизнь охристіанить. И, однако же, въ этомъ вопросѣ и они хромаютъ на оба колѣна: осуждая войну, оправдываютъ казни. Будемъ тѣмъ болѣе справедливы къ носителямъ власти: если въ обществѣ, между представителями юридической науки и даже Церкви, вопросъ о правѣ и цѣлесообразности казней остается до такой степени не рѣшеннымъ, то правителямъ—оффиціальнымъ защитникамъ существующаго порядка—тѣмъ извинительнѣе видѣть въ смертныхъ приговорахъ и казняхъ законное средство борьбы и считать своею обязанностью пользоваться этимъ средствомъ изъ опасенія отказомъ отъ него оказать попустительство противогосударственнымъ и противообщественнымъ силамъ.

Это, конечно, крупное недомысліе и ошибка: кровавый пожаръ нельзя затушить кровью. Онъ только пуще будетъ разгораться отъ нея. Но въ этомъ недомысліи, если не извиненіе, то—разгадка. Въ немъ же—причина того, что и въ утвержденныхъ 27 апрѣля 1906 г. основныхъ законахъ нѣтъ статьи, ограждающей основное благо человѣка—его жизнь; нѣтъ запрета смертной казни.

При такомъ положеніи дѣла необходимо постоянно говорить объ этомъ предметѣ. Необходимо прежде всего *въ общемъ сознаніи* утвердить ту истину, что оружіемъ вообще нужно пользоваться съ величайшею осмотрительностію, особенно во внутренней борьбѣ. Кровавыя казни революціонерами правительственныхъ лицъ, злоупотреблявшихъ властію, могли находить себѣ оправданіе въ общественной совѣсти до тѣхъ только поръ, пока не было иныхъ способовъ противодѣйствія безчеловѣчнымъ законамъ и беззаконнымъ насиліямъ, но не теперь, когда всякое беззаконіе и насиліе могутъ быть всенародно изобличены и позваны къ отвѣту, когда въ Государственной Думѣ и въ печати открылась широкая возможность законной борьбы противъ всяческой неправды въ жизни и въ законѣ, борьбы за человѣческія права и всенародную свободу!

Итакъ: да прекратятся политическія убійства! Правитель-

ство же во всякомъ случаѣ не должно казнить смертью своихъ противниковъ, сколь бы оно ни считало ихъ виновными въ отношенiи себя или общества. Въ его расцоряженiи много другихъ средствъ ихъ обезвредить, не отнимая у нихъ жизни, прекращать которую никто, кромѣ Бога, не имѣетъ дѣйствительнаго основанія и права.

Было бы лицемѣріемъ въ наше время утверждать, что человѣчество, желающее остаться вѣрнымъ Христу, можетъ совершенно и безусловно отказаться отъ всякаго примѣненія силы въ отношенiи другихъ людей или хотя бы только отъ пролитія человѣческой крови. Заповѣдь: «не убій!» обязываетъ каждаго изъ насъ не только не убивать, но и не попустительствовать убійству. Впрочемъ, если лично мнѣ, христіанину, грозитъ бѣда, то, быть можетъ, лучше мнѣ быть убитому, нежели, предваряя направляемый въ меня ударъ, стать самому, хотя бы и невольнымъ, но все-таки сознательнымъ убійцей. Но дѣло совершенно мѣняется если бѣда грозитъ другому и если этотъ другой можетъ быть спасенъ только моимъ предваряющимъ ударомъ. Не противопоставить въ этомъ случаѣ силѣ силу будетъ попустительствомъ и соучастіемъ въ злодѣйствѣ; отраженіе же грозившей другому бѣды, хотя бы даже умерщвленіемъ нападающаго, не только допустимо, но и обязательно какъ съ общечеловѣческой, такъ и съ христіанской точки зрѣнія. Оно можетъ быть оцѣниваемо даже какъ высокій христіанскій подвигъ, если безкорыстно защищавшій другого добровольно подвергалъ себя грозной опасности и пострадалъ отъ нея. Весь вопросъ—въ *соблюденіи мѣры*, чтобы не перецѣнить грозящую опасность и не превысить предѣловъ необходимой обороны.

Всему въ мірѣ число и мѣру положилъ Богъ: все въ мірѣ находится въ опредѣленномъ соотношенiи, точно соразмѣрено одно съ другимъ. Къ соблюденію необходимой мѣры, къ тому, чтобы не переступать полагаемыхъ ею границъ, сводится и вопросъ о правѣ употребленія силы человѣкомъ противъ человѣка, народомъ противъ народа, о правѣ государства на войну, на жизнь и свободу людей. Когда врагъ внѣшній или внутренній наступаетъ съ оружіемъ въ рукахъ на васъ или на того, кого вы считаете правымъ и требующимъ вашей поддержки,—наступающей силѣ должна быть противопоставлена сила, оружію врага другое, равное или — еще лучше — превосходнѣйшее оружіе, предваряющее его удары. Но когда сила отражена, оружіе, пусть обагренное уже вашею или родною вамъ кровію, выбито изъ вражьихъ рукъ, когда вашъ противникъ обезвреженъ и связанъ, тогда пускать противъ него въ

ходъ силу, а тѣмъ болѣе оружіе,—это значитъ не знать мѣры законнаго употребленія своихъ силъ, это значитъ — злоупотреблять силой.

Такое злоупотребленіе, почитаемое безчестнымъ относительно внѣшняго врага, одинаково безчестно и беззаконно и въ отношеніи враговъ внутреннихъ. Прекрасно выражена эта мысль въ стихотвореніи А. С. Хомякова:

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной своей удалою,
И врагъ побѣжденный упалъ, подъ конемъ
Безсильный лежитъ предъ тобою:
Сойдешь ли съ коня, подымешь ли мечъ,
Сорвешь ли безумную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По селамъ, по градамъ пожары простеръ—
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
Убьешь ли?
— О стыдъ и позоръ!

А если васъ много? Убьете ли вы
Того, кто окованъ цѣпями?
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ,—
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ:
Убьете-ль?
— О стыдъ и позоръ!

Если не всякія средства и пріемы борьбы допустимы въ войнѣ съ врагами внѣшними, то еще большая осмотрительность требуется въ борьбѣ внутренней, междуусобной, такъ какъ вѣдь тутъ война ведется противъ своей же плоти и крови. Въ этой борьбѣ нерѣдко и стороннему наблюдателю трудно бываетъ опредѣлить, кто болѣе правъ или виноватъ, а изъ самѣхъ борющихся сторонъ побѣжденная часто болѣе побѣдившей бываетъ убѣждена въ своей правотѣ. И если во всемъ образованномъ мірѣ именно за политическія преступленія и не полагается смертной казни, то не слѣдъ и нашему Отечеству быть въ этомъ отношеніи уродливымъ исключеніемъ.

Если смертная казнь, по признанію гг. юристовъ, безполезна въ отношеніи общихъ преступленій, не устрашая и не отклоняя отъ нихъ, то тѣмъ болѣе она не только не дѣйствительна, но прямо вредна въ примѣненіи къ преступленіямъ государственнымъ, ибо въ этихъ случаяхъ она и изъ дѣйствительныхъ преступниковъ дѣлаетъ политическихъ мучениковъ;

въ другихъ же случаяхъ отнимаетъ у самого же государства и у человѣчества полезнѣйшихъ и преданнѣйшихъ добру слугъ. Казнь Балмашова не удержала руки, убившей Плеве. Къ памяти казненныхъ декабристовъ потомство относится съ большимъ уваженіемъ, нежели къ тѣмъ, кто осудилъ ихъ на смерть. Достоевскій былъ судимъ, какъ государственный преступникъ, и тоже былъ приговоренъ къ смерти, теперь же къ памяти его относится благоговѣйно не только русское общество, но и государственная власть. Если бы онъ былъ казненъ, какая бы это была огромная потеря для Россіи!

Но, кромѣ обще-человѣческой, доступной и язычнику нравственности, выразившейся кратко въ русской пословицѣ: «Лежачаго не бьютъ»; кромѣ соображеній объ ошибочности человѣческаго суда и объ измѣнчивости взглядовъ на политическія провинности и дѣла,—для насъ, христіанъ, есть еще и другіе важные доводы противъ особо создаваемыхъ исключительныхъ законовъ и особо составляемыхъ исключительныхъ же, для умноженія смертныхъ приговоровъ, судовъ. Единственною и вѣковѣчною цѣлью правосудія въ христіанскомъ государствѣ должна и можетъ быть только *справедливость*, т. е. раскрытіе истины, обнаруженіе дѣйствительнаго виновника преступленія, точное установленіе его вины и затѣмъ приложеніе къ *несомнѣнному* уже виновнику законной кары. Подмѣнять же эту единственно достойную суда цѣль какою-либо другою, какъ бы ни казалась эта другая цѣль сама по себѣ высока,— будетъ ли этою цѣлью утвержденіе дисциплины, укрѣпленіе политическихъ и общественныхъ вершинъ или основъ, или даже самой вѣры, — все равно: подмѣнять любою изъ этихъ цѣлей единственную цѣль суда — справедливость — *это значитъ замѣнять судъ безсудіемъ*, плоды котораго будутъ прямо противоположны благой, но ложно поставленной цѣли. Исключительные суды въ меньшей степени сравнительно съ общими судами обладаютъ способностію правосудія, т. е. раскрытія истины и безошибочности опредѣленія вины и примѣненія къ ней закона. Смертная же казнь дѣлаетъ ошибку суда совершенно непоправимой и вредъ, приносимый этою ошибкой, ничѣмъ не вознаградимымъ. А между тѣмъ, даже и при полной несомнѣнности и какой угодно тяжести вины, *праву общественной власти вязать и карать есть опредѣляемыя христіанскою совѣстью границы!* Душа даже и преступника, даже и закоренѣлаго, на нашъ взглядъ, злодѣя должна быть для насъ священна. Сегодняшній преступникъ и злодѣй завтра можетъ сдѣлаться праведникомъ, и никто изъ людей не въ правѣ закрывать другому чело-

вѣку покаянія двери. *Голгоѳа — вѣчный укоръ и осужденіе смертной казни.* Изъ трехъ на ней распятыхъ одинъ былъ Богочеловѣкъ, беззаконно осужденный; другой осужденъ былъ справедливо по дѣламъ своимъ, но нравственное его существо уже переродилось, и онъ во время совершенія надъ нимъ казни былъ праведникомъ, достойнымъ быть въ раю съ Христомъ. И Моисей былъ политическимъ убійцей, и Савлъ—злодѣемъ, и по человѣческому суду они справедливо могли подвергнуться казни; но не была ли бы ихъ казнь величайшимъ злодѣяніемъ въ отношеніи всего человѣчества!

Противорѣча современнымъ цѣлямъ уголовнаго правосудія смертная казнь превышаетъ тѣ предѣлы, въ какихъ христіанское и вообще просвѣщенное правительство можетъ проявлять свою власть надъ подданными, не становясь въ противорѣчіе съ самимъ собой и не нарушая самымъ грубымъ и всего менѣе дозволительнымъ образомъ свободы человѣческой совѣсти. Это *превышеніе власти проявляется при каждомъ исполненіи смертной казни не только по отношенію къ ея жертвамъ,* но *и,* едва ли еще не болѣе, *по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которымъ поручается это исполненіе.* Ибо несомнѣнно: ни принужденіемъ (солдатъ—дисциплиной), ни соблазномъ (преступниковъ—ослабленіемъ отбываемаго ими наказанія или деньгами) не въ правѣ христіанское правительство склонять своихъ подданныхъ къ напрасному человѣкоистязанію и человѣкоубійству; и особенно не въ правѣ оно пользоваться для этого услугами людей и безъ того уже несчастныхъ, обездоленныхъ ихъ собственною виной, лишенныхъ свободы распоряженія собою, отбывающихъ тяжелое наказаніе, въ цѣли котораго входятъ смягченіе и облагороженіе ихъ нрава, а не пущее ихъ ожесточеніе и нравственная порча. А такъ какъ всякій смертный приговоръ требуетъ себѣ исполнителей, то несомнѣнно каждымъ такимъ приговоромъ какъ бы изобличается неискренность попеченій и заботъ Правительства объ исправленіи наказуемыхъ, изъ среды которыхъ оно же вызываетъ необходимыхъ ему охотниковъ-палачей. Что можетъ быть прискорбнѣе такого самопротиворѣчія христіанской власти передъ лицомъ наказываемыхъ ею за нравственную испорченность обездоленныхъ людей!

Еще менѣе въ правѣ христіанская и просвѣщенная государственная власть—тѣхъ людей, чье назначеніе защищать Отечество,—дѣлать, насильничая надъ ихъ совѣстью, братоубійцами и палачами. Въ газетномъ сообщеніи о казни лейтенанта Шмидта и трехъ его сообщниковъ говорилось, что для этой казни назначены были шестьдесятъ человѣкъ матросовъ, сзади

которыхъ выставлена была артиллерійская батарея. Спрашивается: что перечувствовали эти несчастные матросы и артиллеристы; съ какими думами вернулись тѣ и другіе въ свои казармы? И какъ еще отзовется эта казнь на общемъ настроеніи флота и арміи—одному Богу извѣстно! А между тѣмъ, развѣ безъ смертной казни пѣсня Шмидта не была уже окончательно спѣта? И если бы онъ остался жить, развѣ могъ бы онъ имѣть въ дальнѣйшемъ какое бы то ни было значеніе? Смертнымъ приговоромъ и смертною казнью — его искусственно сдѣлали въ глазахъ многихъ и многихъ политическимъ героемъ и мученикомъ.

Законодатели, и правительственная власть и мы — всѣ и каждый, осуждая нравственно политическія насилія и убійства, должны прежде всего сами подать примѣръ уваженія къ человѣческой личности, къ человѣческой жизни. *Смертная казнь и исключительные суды должны быть отмѣнены основнымъ закономъ навсегда*, съ запрещеніемъ на вѣчныя времена возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Къ этому, помимо всего другого, обязываютъ насъ, русскихъ, свѣтлыя преданія отдаленнѣйшей нашей старины, связанныя съ священнѣйшею для Россіи памятью двухъ Владиміровъ — Равноапостольнаго и Мономаха.

Вернемся же скорѣе къ закону и суду правому, милостивому и безкровному, чтобы стали неложными для насъ слова великаго нашего праведника и учителя А. С. Хомякова, обращенныя имъ къ Россіи:

Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ—
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви зиждительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И *правду* и *безкровный* судъ!

Напечатано въ журн. „Русск. Паломникъ“ за 1906 г. №№ 26 и 27 и отдѣльными оттисками.

Переписка съ архіепископомъ о смертной казни.

I.

В. П. многоуважаемый Аѳанасій Васильевичъ!

Покорно благодарю Васъ за брошуру, но смѣю увѣрить, что ни единаго слова не говорилъ въ защиту смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ и даже не заикался о ней. Всѣ газетныя сообщенія о семъ суть вымыселъ нигилистовъ. Даже печатали, что арестанты Староконстантиновской тюрьмы, прочитавъ мою рѣчь въ защиту смертной казни (она не была ни произнесена, ни напечатана), заявили, что не будутъ посѣщать болѣе своей тюремной церкви. Я въ Староконстантиновѣ былъ и знаю, что тамъ никакой тюремной церкви нѣтъ.

При всемъ томъ позвольте Вамъ замѣтить, что приводить VI-ю заповѣдь противъ смертной казни—значитъ не знать Св. Библіи. Заповѣди изложены въ 20-й главѣ книги Исходъ, которая вмѣстѣ съ 21-й, 22-й и 23 главой представляетъ собою одинъ монологъ Бога къ народу. И вотъ въ главѣ 21-й, т. е., въ той же самой рѣчи Божіей, изложено множество предписаній о наказаніи смертной казнью: убійцъ, оскорбителей отца и матери, насильниковъ женщинъ и т. д. и т. д. По сему тѣмъ, кто приводитъ VI заповѣдь, воспрещающую убійство, какъ произволъ, и *предписывающую* смертную казнь въ своемъ дальнѣйшемъ *развитіи*, — противъ смертной казни, я бы совѣтовалъ читать Библію, а если они читали ее, то помнить не только эту заповѣдь, но и *третью;* таковъ мой совѣтъ думскимъ попамъ-атеистамъ, продавшимъ свой санъ евреямъ. Простите еще мое недоумѣніе по поводу Вашихъ восторговъ съѣздомъ рижскихъ поповъ нигилистовъ, постановившихъ уничтожить и тотъ остатокъ религіозности, какой хранился въ ихъ быту: теперь въ свѣтскомъ платьѣ они будутъ завсегдатаями публичныхъ домовъ и кабаковъ, а остальное время проводить съ ружьемъ на охотѣ. Пишу такъ прямо въ увѣренности, что Вамъ дорога истина, а не комплименты, за что съ прежнимъ уваженіемъ остаюсь Вашъ покорный слуга и б. *Антоній.*

9 іюля 1906 года.

II.

Ваше Преосвященство! Получивъ мою статью противъ смертной казни, Вы откликнулись на нее письмомъ отъ 9 сего іюля, которое начинается увѣреніемъ, что Вы ничего не говорили въ Государственномъ Совѣтѣ въ защиту смертной казни и даже не заикались о ней.—Я очень хорошо это знаю, ибо я былъ въ залѣ засѣданія Государственнаго Совѣта, когда въ немъ шелъ предварительный обмѣнъ мнѣній по законопроекту Государственной Думы до передачи его въ комиссію. Сообщеній газетныхъ лгуновъ, приписавшихъ Вамъ такія сужденія по этому вопросу, какихъ Вы не печатали и не про-

износили, я не читалъ. Въ своей статьѣ о Вашихъ отношеніяхъ къ ея предмету и вообще о Васъ лично я не упоминалъ, и эту статью Вы получили отъ меня не какъ возраженіе Вамъ, а просто какъ одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, которымъ я всѣмъ разослалъ ее для свѣдѣнія и соображеній при дальнѣйшемъ обсужденіи законодательнаго о смертной казни вопроса.

Но вотъ теперь, разъ Ваше Преосвященство уже вступили со мною въ бесѣду по этому вопросу,—позвольте просить Васъ ее продолжить. Я высказался объ этомъ предметѣ вполнѣ откровенно и, мнѣ кажется, достаточно опредѣленно въ своей статьѣ. Но какъ Вы, Владыко, относитесь къ этому дѣлу? Готовы ли были Вы высказаться *за* — увы! похороненный теперь, быть можетъ, надолго въ Государственной Канцеляріи—Думскій законопроектъ или *противъ* него? Или, быть можетъ,—избрали бы ту же, какъ о. протоіерей Тимоѳей Буткевичъ, благую часть, т. е.—признали бы, что общему духу христіанства смертная казнь какъ будто бы и не соотвѣтствуетъ, но такъ какъ прямого запрета разстрѣливать и вѣшать въ Евангеліи и у Апостоловъ нѣтъ, въ дѣйствительности же у насъ, въ православной Россіи, пока всѣ ея обыватели не сдѣлаются безгрѣшными ангелами, обходиться безъ разстрѣловъ и висѣлицъ затруднительно, то и въ законѣ сохранить смертныя казни можно и должно, но Вамъ, какъ лицу духовному, отъ голосованія законопроекта слѣдуетъ устраниться?

Простите мнѣ это послѣднее, быть можетъ, обидное для Васъ предположеніе. Но Вы сами дали для него достаточное основаніе и поводъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ Вы ни словомъ не обмолвились ни за, ни противъ законопроекта Государственной Думы; но вѣдь бываютъ такія положенія, когда нельзя безмолвствовать, и такое именно положеніе создано было для Васъ и для Архіепископа Херсонскаго Димитрія въ засѣданіи Государственнаго Совѣта рѣчами Ѳеодора Самарина и протоіерея Буткевича, и, если Вы тогда же на эти рѣчи не отозвались, ну хотя бы напоминаніемъ отцу Тимоѳею о третьей заповѣди и о значеніи того имени, какое дано ему при св. крещеніи, — то безмолвіе Ваше и Архіепископа Димитрія было для меня, да и не для меня только одного, слишкомъ краснорѣчивымъ!

Все, что Вы, Владыко, въ письмѣ ко мнѣ говорите относительно VI-й заповѣди со ссылками на 21 — 23 главы книги Исходъ,—все это было сказано протоіереемъ Буткевичемъ въ Государственномъ Совѣтѣ и едва ли кого-нибудь убѣдило. Но мои возраженія противъ смертной казни держатся не на

VI заповѣди, а на другихъ основаніяхъ. Если же велѣніе этой заповѣди «не убій» я поставилъ заголовкомъ своей статьи, то и въ этомъ нѣтъ промаха или ошибки.

Во-первыхъ, моя статья направлена не только противъ казней, но и противъ другихъ убійствъ; во-вторыхъ, я думаю, что этотъ запретъ Божій—«не убій!» простирается не только на убійство, какъ произволъ, какъ Вы въ письмѣ изволите говорить, но и на тѣ убійства, которыя совершаются на точномъ основаніи безбожнаго, а потому и беззаконнаго,—для вѣрующаго,—закона, повелѣвающаго, вопреки Божію велѣнію «не убій!»,—убивать: разстрѣливать, гильотинировать и вѣшать!

Да неужели же Вы, Владыко, не видите въ этихъ совершаемыхъ «по закону» убійствахъ наличія той самой стихіи произвола, которая даже и съ Вашей точки зрѣнія подводитъ ихъ подъ VI-ю заповѣдь? Вѣдь, если въ одномъ «христіанскомъ» государствѣ смертныя казни допускаются по закону только за общія преступленія, но не за политическія, а въ другомъ такомъ же наоборотъ, то не явенъ ли въ самомъ начертаніи этихъ законовъ грубый человѣческій произволъ? Но этого мало: у насъ-то въ Россіи,—по общему закову смертной казни за обыкновенныя уголовныя преступленія не положено (кромѣ—карантинныхъ, о которыхъ не стоитъ и говорить); но вотъ сыпятся, какъ изъ рукава, временные законы, на основаніи которыхъ отъ губернатора или градоначальника зависитъ за совершенно одинаковыя преступленія одного судить такимъ судомъ, а другого—другимъ, и тѣмъ самымъ одного послать въ тюрьму, а другого — на висѣлицу. Это ли еще не убійство по произволу, хотя бы и «законному»? Почему Сазоновъ живетъ, а Балмашевъ повѣшенъ? Исполненіе ли это судебъ и заповѣдей Божіихъ или Божіе попущеніе и человѣческій произволъ?

А что касается до содержащихся въ гл. XXI кн. Исходъ многочисленныхъ предписаній — наказывать членовредительствомъ и убійствомъ за разнаго рода провинности и преступленія, то, я думаю, для насъ, христіанъ, есть и должна быть нѣкоторая разница въ значеніи и силѣ этихъ предписаній по сравненію съ тѣми десятью заповѣдями, въ числѣ которыхъ стоитъ «не убій!». Вѣдь эти десять заповѣдей не упразднены Новымъ Завѣтомъ, а только восполнены имъ! Тѣ же предписанія главы XXI кн. Исходъ, въ которыхъ Вы видите *развитіе* заповѣди «не убій», по моему мнѣнію, суть *отступленія* отъ VI заповѣди, допущенныя ветхозавѣтнымъ законодателемъ и Самимъ Іеговой «*по жестокосердію*» тогдашнихъ евреевъ,—оставленныя до времени имъ въ руководство, «да не горшее что

будетъ», какъ говорится въ одномъ изъ правилъ Св. Василія Великаго;—этими предписаніями *ограничивалась* область примѣненія смертныхъ казней: жестокому, мстительному народу указывалось не лишать жизни за нечаянное убійство; или за выбитый зубъ довольствоваться зубомъ же, а не снимать съ плечъ цѣлой головы!

Но Христосъ не внушалъ своимъ ученикамъ примѣнять жестокія уже для Его времени предписанія Исхода и другихъ Моисеевыхъ книгъ, а далъ намъ въ руководство иные заповѣди и примѣры.

Сказали Ему: Учитель! Эта женщина взята въ прелюбодѣяніи; а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями: Ты что скажешь?

Онъ сказалъ имъ: «кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень» и затѣмъ, когда строгіе законники одинъ по одному бѣжали, сказалъ ей: «женщина, гдѣ твои обвинители, никто не осудилъ тебя?.. *и Я не осуждаю тебя*; или и впередъ не грѣши»!

Что же: или Богъ раздѣлился Самъ въ Себѣ и Христосъ явился нарушителемъ закона? Или—Онъ показалъ намъ, какъ теперь мы должны понимать и исполнять законъ!

Да. Дорожа истиною и ненавидя всякое человѣкоугодничанье, не утаю отъ Васъ: никогда не испытывалъ я такого негодованія и стыда, какъ слушая въ Государственномъ Совѣтѣ лукавыя, увертливыя рѣчи Самарина и Бутквича; и хотя не рѣшусь утверждать,—какъ это дѣлаете Вы въ письмѣ ко мнѣ относительно священниковъ членовъ Государственной Думы,—что они продали кому-нибудь—первый свое наслѣдственное доброе имя, а второй—свой санъ; но, однако же, думаю, что къ нимъ съ большимъ основаніемъ можно предъявить обвиненіе въ измѣнѣ православію, нежели къ тѣмъ священникамъ—членамъ Государственной Думы и Рижскаго Епархіальнаго Собора, которыхъ Вы такъ рѣшительно и, по моему, пристрастно судите.

Испрашиваю архіепископскаго Вашего благословенія и молитвъ, Вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга

Аѳ. Васильевъ

19 іюля 1906 г.

21 іюля 1906 г.

Многоуважаемый Аѳанасій Васильевичъ!

Своего отношенія къ смертной казни я нисколько не скрываю. Я совершенно согласенъ съ точкой зрѣнія П. П. Семенова и профессора Буткевича, не различая казни отъ войны и допуская и то и другое въ случаѣ самозащиты государства, т.-е. во время опасности именно по жестокосердію, какъ Вы выразились. Военный бунтъ напр., иначе не усмирить, какъ смертною казнью, и безъ этого условія армія не можетъ существовать: она разойдется въ недѣлю и ея не станетъ. Конечно, остается вопросъ: а хорошо ли имѣть армію? допускаетъ ли наша вѣра самое существованіе государства? объ этомъ см. III-й томъ моихъ сочиненій по поводу Л. Н. Т. «Царствіе Божіе внутри васъ есть». Рѣчь Буткевича я хотѣлъ дополнить истолкованіемъ св. событія о грѣшницѣ, но мнѣ не дали говорить въ томъ смыслѣ, что засѣданія Г. С. прекратились, а у меня на столѣ и Библія лежала для поясненія и сего событія, и другихъ изреченій, приведенныхъ Лопацинскимъ. Если угодно обмѣняться мыслями, то, пожалуйте побесѣдовать вечеромъ въ воскресенье или завтра до всенощной. Я глубоко чту Вашу искренность и разность воззрѣній нисколько не умалитъ этого чувства. Безкорыстное и искреннее разномысліе при продолжительной бесѣдѣ упраздняется переубѣжденіемъ одной стороны или обѣихъ, или просто болѣе точнымъ изъясненіемъ другъ другу своихъ мыслей *).

Вашъ покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Арх. *Антоній.*

При личномъ свиданіи преосвященный А. далъ такое истолкованіе евангельск. событію съ грѣшницей: І. Хр. зналъ, что обвинявшіе ее были сами виновны въ такомъ же грѣхѣ; такіе обвинители и по Моисееву закону подлежали отводу; не будь въ нихъ этого изъяна, т.-е. будь на лицо юридически годные свидѣтели преступленія, — не извѣстно, какъ бы отнесся І. Хр. къ грѣшницѣ: быть можетъ, Онъ и не освободилъ бы ее!

Не входя въ оцѣнку такого истолкованія Христа, замѣчу въ заключеніе своей бесѣды съ преосвященнымъ А., что утвержденіе его въ первомъ письмѣ ко мнѣ, будто бы главы 20, 21, 22 и 23 книги Исходъ «*представляютъ собою одинъ монологъ Бога къ народу*» — ошибочно: оно опровергается самимъ Моисеемъ, который въ гл. 5 Второзаконія, напомнивъ Израилю завѣтъ, съ ними поставленный Господомъ на Хоривѣ, и повторивъ имъ данныя тогда же Богомъ заповѣди, поясняетъ: «Слова сіи изрекъ Господь ко всему собранію вашему на горѣ изъ среды огня, облака и мрака (и бури) громогласно, *и болѣе не говорилъ*, и написалъ ихъ на двухъ каменныхъ скрижаляхъ, и далъ ихъ мнѣ». (Второз. гл. 5, ст. 22).

*) Иное дѣло Рижское собраніе, думскіе іереи и проф. Таганцевъ.

О любви къ Отечеству.

Любовь къ Отечеству; патріотизмъ... И эти слова и понятія стали у насъ, въ Россіи, неопредѣленными и спорными! И ихъ приходится истолковывать и защищать!

Условимся же: что разумѣть намъ подъ словомъ *любовь*, и *какъ* слѣдуетъ намъ *любить* Отечество.

«*Богъ есть любовь* и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ». Такъ говоритъ Апостолъ (I-е посл. Іоанн., гл. 4, ст. 16). Слѣдовательно: именемъ любви мы можемъ называть лишь такія состоянія и движенія нашей души, въ которыхъ сказывается Богъ.

«Сія есть заповѣдь моя», говоритъ І. Хр. «да любите другъ друга, *какъ Я возлюбилъ васъ*. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ». (Ев. Іоан., гл. 15, ст. 12 и 13).

И такъ, по заповѣди Христовой, мы должны любить другъ друга, *какъ Онъ возлюбилъ насъ*,— до положенія души своей за ближнихъ своихъ.

Друзьями и ближними нашими, по Христу,— вспомните притчу о милосердомъ самарянинѣ,—будетъ всякій человѣкъ, съ которымъ жизнь приведетъ насъ въ соприкосновеніе или соотношеніе; но прежде всего ближніе наши это—тѣ, среди которыхъ и съ которыми мы живемъ общею жизнью, населяя одну страну, въ однѣхъ границахъ, подъ одною властью и одними законами, ибо эти общія условія жизни и ставятъ насъ въ постоянныя соотношенія другъ съ другомъ. Наше государство: эта страна со всѣми населяющими ее людьми, съ учрежденіями, законами и властями; съ ихъ историческимъ прошлымъ и возможнымъ будущимъ, — это и есть Отечество наше, которое обнимаетъ собою, вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ нашихъ ближнихъ. Ему поэтому должна принадлежать наша любовь, и мы должны служить ему до положенія душъ нашихъ за него.

Но эта наша любовь къ своему Народу и къ своему Отечеству должна быть чиста и совершенна, какъ совершенна любовь Христова.

«Любовь», говоритъ другой Апостолъ, «долготерпитъ, милосердствуетъ,... не завидуетъ,... не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ». (Пав. Коринѳ. 1-е п. гл. 13, ст. 4 и 6).

Всѣ эти необходимые признаки любви должна имѣть и любовь къ своему Народу и къ своему Отечеству. Эта наша любовь къ нимъ обязываетъ насъ *не мыслить зла никому* и не радоваться неправдѣ; а искать истины, стараться освободить свое Отечество и свой Народъ отъ всякой нечистоты и неправды и такъ устроить въ нихъ власть, учрежденія и законы, хозяйственныя и общественныя соотношенія и порядки, чтобы они не противорѣчили любви Христовой; чтобы въ нашемъ Отечествѣ *всѣмъ* соотечественникамъ жилось по-человѣчески и дышалось свободно и легко; ибо только при этомъ условіи будетъ между соотечественниками взаимная другъ къ другу и къ общему Отечеству любовь и совмѣстная работа, направленная къ сохраненію, укрѣпленію и усовершенствованію Отечества; а не разладъ и ненависть, не старанія это злополучное для нихъ Отечество расчленить и разрушить.

Вѣдь тотъ же Господь и Спаситель нашъ І. Хр., заповѣдавшій намъ любить ближнихъ до положенія души своей за нихъ, указалъ намъ границы этой нашей любви. «Не думайте», говоритъ Онъ, «что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сестру или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня». (Мат. гл. 10, ст. 34—37). Эту рѣчь Христа-Спасителя можно и должно, оставаясь вѣрными Ему, продолжить такъ: И кто любитъ свой Народъ, или Отечество свое болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня!

Выводъ же нашъ изъ всего приведеннаго и сказаннаго нами таковъ:

Наша любовь къ своему Народу и своему Отечеству должна быть подобна любви Христовой. Она не должна оправдывать, обѣлять и защищать ничего въ своемъ Отечествѣ и Народѣ, что въ нихъ есть неправеднаго и злого, что удаляетъ ихъ отъ любви Христовой. Любовь къ Отечеству обязываетъ насъ содѣйствовать всѣми нашими духовными и тѣлесными силами обновленію его въ правдѣ Христовой,—замѣнѣ въ немъ обветшавшихъ законовъ, учрежденій, порядковъ, отношеній, обычаевъ и нравовъ иными, приближающими его къ источнику добра и свѣта—Христу: да будутъ въ немъ міръ и благоволеніе, да явится оно, по исполненіи временъ, достойнымъ сосудомъ Духа Божія, Царствомъ Христовымъ!

17 декабря 1906 г.

Написано для альбома автографовъ Висс. Висс. Комарову ко дню 50-лѣтія его лит. обш. дѣятельности.

Воззванiе

сторонниковъ соборности и свободнаго труда въ Землѣ Русской.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Троицы единосущной и нераздѣльной!

Соборный строй Земли Русской и свободный въ ней трудъ—

вотъ цѣль, къ которой мы зовемъ всѣхъ и каждаго изъ нашихъ соотечественниковъ, не только людей русскихъ и христiанъ, но и иноплеменныхъ и иновѣрныхъ; ибо соборное православное христiанство настолько любвеобильно и широко, что подъ его благодатнымъ влiянiемъ и кровомъ никому не будетъ тѣсноты и обиды!

Соборная, самоуправляющаяся, свободная въ своихъ рѣшенiяхъ и дѣйствiяхъ Церковь.

Соборное, свободное въ своихъ самоуправляющихся частяхъ, Православное Русское Государство.

Соборный, свободный въ своихъ рѣшенiяхъ и жизни, самоуправляющiйся безсословный общинникъ Народъ.

Православный, наслѣдственный, утвержденный Великимъ Земскимъ и Церковнымъ Соборомъ Государь Великiй-Князь и Царь, — въ дѣлахъ милосердiя и при разногласiяхъ высшихъ государственныхъ установленiй — верховная рѣшающая совѣсть.

Самоуправляющiеся области, уѣзды и города.

Самоуправляющiеся, свободные отъ опеки, безсословные общины-приходы-мiры.

Свободные союзы, товарищества и братства людей.

Свободные въ своемъ самоопредѣленiи: въ передвиженiи, принадлежности къ общинамъ и союзамъ, вѣроисповѣданiямъ, занятiямъ и промысламъ люди.

Свободная, непродажная и непокупная государственная собственность и всенародная кормилица земля, обрабатываемая и разрабатываемая вольными общинами и вольными людьми, дающими Государству установленный закономъ оброкъ,— опредѣленную часть урожая или изъ нѣдръ добываемыхъ богатствъ.

Освобожденный отъ ростовщика-капиталиста трудъ вольныхъ рабочихъ общинъ, артелей и союзовъ, получающихъ отъ государственной или общественной казны въ оброчное пользованіе необходимыя для оборудованія и веденія производства или промысла основныя и оборотныя средства.

Право каждаго получить свою долю участія въ пользованіи землей, въ трудѣ и заработкѣ.

Неприкосновенность для власти и для самого закона жизни и достоинства человѣка.

Отвѣтственность только по закону передъ гласнымъ, равнымъ для всѣхъ судомъ.

Свобода жизни, мысли, совѣсти и слова, устнаго и печатнаго.

Для всѣхъ равный, разумный и благостный законъ.

Наказанія, исправляющія и возстановляющія въ преступникѣ человѣка, а не истязующія и убивающія его тѣло и духъ.

Судъ совѣсти въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ.

Независимость государственнаго и народнаго хозяйства отъ иностранныхъ денежныхъ биржъ и торговыхъ рынковъ.

Скорѣйшее погашеніе государственныхъ долговъ и недопущеніе впредь государственныхъ займовъ.

Удовлетвореніе всѣхъ государственныхъ и народныхъ потребностей трудомъ своего народа и средствами своей страны. Оплата народнаго труда государственными, а не занятыми у ростовщиковъ деньгами.

Возстановленіе военнаго могущества государства на сушѣ и на морѣ.

Обновленіе сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ. Установленіе человѣческихъ отношеній, смягченіе взысканій, улучшеніе содержанія и увеличеніе жалованья за службу нижнимъ воинскимъ чинамъ и младшему офицерству.

Увеличеніе вознагражденія народнымъ учителямъ, врачамъ, духовенству и низшему чиновничеству.

Установленіе въ широкихъ размѣрахъ государственныхъ и общественныхъ работъ съ цѣлью скорѣйшаго удовлетворенія неотложныхъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ и доставленія народу обильнаго заработка и покупныхъ средствъ.

Въ дѣлахъ международныхъ—совѣстливость: покровительство и содѣйствіе въ мѣрѣ, допускаемой обстоятельствами, стремленію каждаго народа и племени къ свободѣ и самоопредѣленію, и противодѣйствіе всякому хищничеству и насилію. Основная задача Русской международной политики—освобожденіе единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ и образованіе Всеславянскаго Союзнаго Государства.

Словомъ: всюду, всегда и во всемъ—уваженіе, вниманіе и поддержка человѣческой и народной личности и труду съ ихъ непосредственными нуждами, и противодѣйствіе всякому посягательству на ихъ достоинство и свободу.

Такова наша мысль о томъ, какъ надлежитъ устроиться Русской Землѣ и чему подобаетъ въ ней быть.

Не побѣдить мы хотимъ, но убѣдить братьевъ, разлученіемъ съ которыми терзаемся (Григ. Бог.).

Къ свободѣ призвалъ насъ Господь (Гал. 5, 13).

Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! (Пс. 150, 6).

Манифестъ 17 октября возлагаетъ на «Правительство» выполненіе непреклонной Царской воли—«даровать населенію Россіи незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ».

Но блага эти дарованы намъ Творцомъ и принадлежатъ намъ искони не по чьему-либо изволенію и милости, а въ силу того, что мы—люди, созданные по образу и подобію Божію, и должны этотъ образъ и подобіе—человѣческую личность, человѣческое достоинство уважать и беречь въ себѣ и въ другихъ.

Мы, хозяева и обладатели Русской Земли, которую стяжали и строили своими трудами и кровью безчисленныя поколѣнія нашихъ предковъ, мы—не язычники, а православные христіане—должны помнить, что къ свободѣ призвалъ насъ Господь, и устроиться такъ, чтобы на нашей православной землѣ въ нашемъ Русскомъ государствѣ всякое дыханіе хвалило Господа!

Свобода жить и дышать, пользоваться воздухомъ и свѣтомъ, ширью и просторомъ родной земли, сознавать себя вольнымъ человѣкомъ и человѣческую личность неприкосновенной, дѣлиться другъ съ другомъ мыслями и чувствами, собираться вмѣстѣ для общей думы и бесѣды и соединяться для общаго дѣла въ общины и союзы,—все это было за

обычай русскимъ людямъ искони. И если эта наша свобода нарушалась и эти блага у насъ отнимались нашими же правителями и властями, то это было не *правомъ* власти, а *злоупотребленіемъ* властью. Отнынѣ навсегда да будетъ этому конецъ!

Россія изстрадалась отъ жестокости и произвола—не только правителей и исполнителей, не хотѣвшихъ часто знать закона, но и отъ произвола и жестокости самого закона, и терпѣть и видѣть ихъ у себя болѣе не хочетъ!

Да не будетъ смертныхъ казней и разстрѣловъ! Ни гражданскій судья, ни военный, ни морякъ не хотятъ болѣе быть братоубійцами и палачами! Да не будетъ желѣзныхъ клѣтокъ и каменныхъ гробовъ, въ которыхъ томятся живые люди: пусть между ними есть преступники и злодѣи; но не сама ли власть, не ею ли созданные, терпѣвшіеся и поощрявшіеся безбожные законы, отношенія и порядки сдѣлали многихъ преступными и злыми? Преступленія и злодѣйства отдѣльныхъ людей не уполномочиваютъ правительства и общества, не создаютъ для нихъ права въ свою очередь злодѣйствовать и издѣваться надъ людьми, хотя бы и преступными и злыми! По русскому, православному сознанію и чувству, преступника и грѣшника надо пожалѣть и исправить; а не пуще, мучительствомъ надъ нимъ, ожесточать. По разуму русскаго языка, наказывать значитъ наставлять и научать, а не истязать и надругаться. Будемъ же въ нашихъ дѣлахъ и законахъ согласны съ нашею вѣрою, съ нашимъ здравымъ народнымъ разумомъ и чувствомъ, а не въ противорѣчіи съ заповѣдями Божьими и самими собой!

Устранимъ всякое ростовщичество и кабалу и благословимъ свободный трудъ! Государственныя и общественныя власти, общества и союзы, и всѣ и каждый изъ насъ должны содѣйствовать не алчной наживѣ и тунеядству, а освобожденію труда!

Земля—достояніе всего Государства и Народа и да будетъ только въ безобидномъ для другихъ пользованіи отдѣльныхъ общинъ, союзовъ, семействъ и лицъ, а не въ полномъ частномъ обладаніи: не предметомъ барышническаго торга, не средствомъ безсовѣстной наживы, не орудіемъ присвоенія себѣ ея владѣльцами, которые часто только приказчики осѣтившихъ ихъ ростовщическихъ банковъ,—народнаго труда! Пусть каждый кормится благословеннымъ, а не проклятымъ кускомъ, и живетъ своими разумомъ и трудомъ, а не чужими потомъ и кровью!

Тоже и накопленныя богатства: пусть накопившіе и унаслѣдовавшіе ихъ честно расходуютъ ихъ на себя и на другихъ,

но не ростовщичествуютъ ими, не опутываютъ ростомъ своихъ ближнихъ! Государство, его законодательство, исполнительныя власти и судъ не должны быть на услугахъ у ростовщиковъ: пусть судъ совѣсти рѣшаетъ о правильности имущественныхъ сдѣлокъ, и принудительно пусть взыскивается только дѣйствительно ссуженное, и то со вниманіемъ къ положенію должника, но не ростъ, взимать который предосудительно, а платить—пусть будетъ добрая воля обязавшагося.

Государство, общины и союзы должны освободить населеніе отъ необходимости идти въ кабалу и работать на капиталистовъ-ростовщиковъ. Они должны приходить на помощь населенію и каждому лицу во всѣхъ ихъ дѣйствительныхъ и справедливыхъ нуждахъ, *созидая и отдавая въ пользованіе строенія и орудія, необходимыя для обитанія, промысла, передвиженія и производительнаго труда, и оказывая дѣйствительный «кредитъ»*, т. е., ссужая на вѣру *нуждѣ и труду*, трудовымъ общинамъ и союзамъ, *а не посредникамъ*, пользующимся кредитомъ для вящшаго своего обогащенія на счетъ той же трудящейся слабости и бѣдноты.

Замѣна господствующихъ нынѣ, не только у насъ, но и въ другихъ, гордыхъ своимъ образованіемъ и показнымъ благоустройствомъ, странахъ,—безбожныхъ и безчеловѣчныхъ, чисто языческихъ отношеній и порядковъ иными, болѣе соотвѣтствующими достоинству Христолюбиваго народа и просвѣщенной страны, въ нашемъ православномъ отечествѣ можетъ осуществиться законнымъ и мирнымъ путемъ, легко и скоро, безъ мятежей и кровавыхъ переворотовъ,—если только государственная власть, уразумѣвъ, наконецъ, что она не вправѣ покровительствовать богатому и сильному въ ущербъ бѣдному и слабому,—перейдетъ на сторону еще не вполнѣ утратившаго въ нее вѣру народа. Да не укоснитъ же Царь нашъ это сдѣлать, чтобы не было болѣе крови и огня, мятежей и разстрѣловъ! Пусть ни правительство, ни общество, ни отдѣльные люди, ни ихъ союзы не насильничаютъ и не грязнятъ святого дѣла свободы! Все можетъ быть достигнуто справедливымъ законодательствомъ и вполнѣ правомѣрнымъ отказомъ распорядительной власти и суда, и всѣхъ и каждаго изъ насъ—поддерживать какія бы то ни было насиліе и несправедливость.

При этихъ условіяхъ самыя широкія преобразованія въ общественномъ строѣ и въ хозяйственныхъ соотношеніяхъ, самое полное освобожденіе труда совершатся Царскою властію быстро и легко,—во славу Божію, въ почетъ и укрѣпленіе власти и на пользу не только Русскому Народу, *но и всему* Человѣчеству.

Съ чего же слѣдуетъ начать и что именно дѣлать?

Прежде всего слѣдуетъ утвердить законную власть.

Манифестомъ 17 октября с. г. и сопутствовавшимъ ему Высочайше обращеннымъ къ руководству всеподданнѣйшимъ докладомъ графа Витте Государь обусловилъ Свою законодательную власть рѣшеніями будущей Государственной Думы, а державное Свое право назначать высшихъ правительственныхъ лицъ—предоставленіемъ избирать ихъ предсѣдателю Совѣта Министровъ. Послѣ этого данъ Манифестъ 22 октября, которымъ одной изъ окраинъ дана самостоятельность съ оставленіемъ ея въ личномъ только соединеній съ Монархомъ, но не съ самою Россіею, отъ которой, однако же, она безъ соборнаго соизволенія Русскаго Народа отдѣлена быть не можетъ. Въ то же время образовались самочинныя, невѣдомо изъ кого состоящія, правительства, угрозами и принужденіемъ вербующія себѣ сторонниковъ и насильнически останавливающія трудъ и движеніе въ странѣ.

При такомъ неустройствѣ, всеобщемъ шатаніи и смутахъ только Всероссійскій Земскій Соборъ совмѣстно съ помѣстнымъ Соборомъ Русской Церкви могутъ возстановить законную власть, государственный и общественный порядокъ и общій миръ въ Землѣ Русской. Этими задачами опредѣляется порядокъ выборовъ на Соборъ, его составъ и образъ его дѣйствій.

Соборъ долженъ состоять не изъ искусственно, путемъ ухищреній, угрозъ и посуловъ, созданныхъ и подобранныхъ партій, а изъ дѣйствительныхъ представителей всѣхъ частей населенія и страны. Онъ долженъ быть голосомъ и совѣстью Народа, выраженіемъ воли его. На Соборѣ должны быть не партійные споры и борьба, а общее искреннее стараніе всесторонне выяснить сущность отношеній и вопросовъ для возстановленія общаго доброжелательства и мира. Поэтому на Соборѣ должны участвовать не только люди, готовые отстаивать государственное единство и Царскую власть, но и тѣ, кто противъ нихъ теперь враждуетъ; участіе ихъ на Соборѣ необходимо для того, чтобы прежде, чѣмъ перейти къ рѣшительной борьбѣ, выяснить сообща причины взаимныхъ огорченій и вражды и обдумать: нельзя ли, устраненіемъ этихъ причинъ, возстановить добрыя отношенія между окраинами и Государствомъ и между отдѣльными частями и слоями населенія въ Русской Землѣ и на ея окраинахъ,—безъ нарушенія государственной цѣлости и междоусобной войны.

Въ выборахъ на Соборъ долженъ принимать участіе весь Народъ, въ лицѣ совершеннолѣтнихъ его членовъ; и право этого участія должно быть, безъ всякихъ ограниченій, всеоб-

щимъ и для всѣхъ равнымъ. Но прямая и тайная подача голосовъ, при неграмотности значительнѣйшей части народа и отсутствіи такихъ извѣстныхъ народу именъ, на которыхъ могли бы сознательно сойтись десятки и сотни тысячъ голосовъ,—была бы обманомъ народа: пройдутъ и могутъ составить на Соборѣ большинство избранники не народнаго большинства, а стакнувшихся между собою, волнующихся надъ народомъ партій, чуждыхъ дѣйствительнымъ стремленіямъ Народа, его вѣрѣ, его духу.

Выборы по сословіямъ, имущественному положенію, по промысламъ и занятіямъ также не соотвѣтствовали бы той задачѣ, для рѣшенія которой требуется Соборъ и которая стоитъ внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было частныхъ нуждъ и соотношеній.

Всего правильнѣе пріурочить выборы къ дѣленіямъ вѣроисповѣднымъ, т. е. избрать выборщиковъ въ приходахъ (православныхъ и инославныхъ) и въ соотвѣтствующихъ имъ нехристіанскихъ установленіяхъ. Затѣмъ эти выборщики, собравшись въ уѣздный, губернскій или областной городъ, избрали бы посланниковъ на Земскій Соборъ въ числѣ, опредѣленномъ на уѣздъ, губернію или область. Вѣроисповѣдныя дѣленія, охватывая собою все населеніе, въ общемъ совпадаютъ съ дѣленіями племенными, и, что особенно важно, исповѣднымъ началомъ опредѣляется воля людей.

Не желающимъ войти въ одну изъ исповѣдныхъ общинъ— предоставить образовать особый разрядъ избирателей, которому должно быть дано право избрать соотвѣтствующее его численности число посланниковъ на Соборъ.

Одновременно съ Всероссійскимъ Земскимъ Соборомъ долженъ быть созванъ распоряженіемъ высшей церковной власти Помѣстный Соборъ Русской Церкви. Оба Собора, соединясь вмѣстѣ, составятъ возглавляемый первосвятителемъ Русской Церкви Великій учредительный Соборъ, который долженъ возстановить власть и дать новый основной законъ, по которому имѣетъ быть переустроено и затѣмъ управляться Государство. Послѣ того каждый изъ Соборовъ займется своимъ частнымъ дѣломъ: Земскій—государственнымъ и Церковный—церковнымъ законодательствомъ, сходясь въ потребныхъ случаяхъ опять въ единый Великій Соборъ, пока не возстановятся порядокъ, законъ, власть и общій миръ во всемъ Государствѣ.

Въ Русскомъ Православномъ Государствѣ должна быть полная для всѣхъ свобода совѣсти и исповѣданій, ибо Христосъ силою не притягиваетъ къ себѣ никого. *Но свобода совѣсти и исповѣданій не должна доходить до отступничества*, до безразличнаго отношенія государственныхъ, законодательной и распорядительныхъ властей къ вѣрѣ истинной и ко всяческимъ исповѣданіямъ, вѣрамъ, сектамъ и толкамъ. Законодательство и управленіе христіанскаго государства *должны руководиться единымъ высшимъ началомъ, и этимъ началомъ можетъ быть только христіанскій законъ.* Нельзя ставить на одинъ уровень и одинаково относиться къ Евангелію, корану и талмуду. И не одинаковая должна быть имъ въ православномъ государствѣ и обществѣ честь: первое должно быть верховнымъ для насъ закономъ, а остальные могутъ быть только терпимы; но не должны заявлять притязаній на господство и не насильничать надъ христіанствомъ.

Православная Церковь должна сохранить въ Россіи господствующее положеніе. Ей должны принадлежать свобода самоуправленія и жизни. Голосъ ея долженъ быть выслушиваемъ законодательною властью во всѣхъ важныхъ для государства и народа обстоятельствахъ и дѣлахъ. Устройство прихода, какъ правоспособной и дѣеспособной церковно-гражданской общины, должно быть положено въ основаніе всего дальнѣйшаго церковнаго и государственнаго строенія и служить связующимъ ихъ звеномъ.

Наряду съ свободною, соборною, самоуправляющеюся Церковью, и свободнымъ, соборнымъ и самоуправляющимся Народомъ въ Россіи долженъ быть наслѣдственный, но утвержденный Великимъ Соборомъ, какъ это было за обычай въ Московской Руси до Петра,—Государь Великій Князь и Царь, которому должно принадлежать право въ случаяхъ разногласія въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ полагать свое рѣшеніе,—быть верховною совѣстью страны. Соборный способъ разсмотрѣнія дѣлъ, ихъ гласность и свободный доступъ къ Государю избранниковъ страны дадутъ Государю ту освѣдомленность и свободу рѣшеній, которой при прежнемъ полицейско-бюрократическомъ способѣ веденія дѣлъ у него не было. Рѣшающая власть Государя не дастъ развиться въ Земскомъ Соборѣ или Государственной Думѣ той партійности, которая составляетъ темную сторону конституціонализма: нельзя будетъ полагаться на численный перевѣсъ партіи, а придется обосновывать свое мнѣніе доводами, убѣждающими

разумъ и трогающими сердце, что и будетъ ручательствомъ обдуманности и справедливости соборныхъ постановленій.

Наслѣдственное преемство Царской власти, отъ котораго не должно быть отступленій безъ важныхъ причинъ, будетъ служить залогомъ мира и порядка при правильномъ теченіи дѣлъ. Утвержденіе же Государя на престолѣ Соборомъ, возстановляя искони принадлежавшее Русскому Народу право, отъ котораго Народъ не отказывался, — обезпечитъ мирный выходъ изъ возможныхъ въ государствѣ затрудненій, — когда могущее по естественному порядку наслѣдовать престолъ лицо не отвѣчаетъ условіямъ, необходимымъ для царствованія, напр.: отступило отъ вѣры, душевно больно, ненавистно народу и т. п. Невозможность для Народа законно устранить въ подобныхъ случаяхъ неугодное ему лицо ведетъ обычно къ дворцовымъ переворотамъ и насиліямъ надъ личностью государя, столько разъ повторявшимся у насъ въ XVIII вѣкѣ. Надо устранить возможность подобныхъ мрачныхъ событій въ будущемъ признаніемъ за Народомъ въ основномъ законѣ права распоряжаться своей судьбой, — подтвердить или нѣтъ наслѣдованіе власти.

Мѣстной жизни должна быть дана широкая свобода. Въ нынѣшнихъ губерніяхъ или во вновь вмѣсто нихъ сложившихся областяхъ могутъ быть, подъ наблюденіемъ царскаго намѣстника, свои соборы или сеймы съ правомъ самообложенія и законодательства по мѣстнымъ дѣламъ и вопросамъ; свои выборныя власти и свой судъ. Но все это должно быть не въ ущербъ государственному единству и достоинству русскаго имени; поэтому иностранная и финансовая политика, главные пути сообщенія и средства сношеній, а также военная сила и верховный судъ, должны быть въ рукахъ общегосударственной власти, въ совѣтахъ которой могутъ быть представители самоуправляющихся областей. Русскимъ же людямъ, какъ покорившимъ окраины и построившимъ Русское Государство, должно принадлежать право внѣземельности въ окраинныхъ и инородческихъ областяхъ, т. е. право, при недовольствѣ распоряженіями областныхъ властей или рѣшеніемъ областного суда, обращаться къ защитѣ общегосударственныхъ суда и власти (напр., къ Сенату), до рѣшенія которыхъ областныя рѣшенія въ отношеніи русскихъ людей не должны быть приводимы въ исполненіе. Въ областныхъ учрежденіяхъ могутъ употребляться и мѣстные языки; но русскому общегосударственному языку должно принадлежать первенство, и употребленіе его должно быть обязательнымъ, если того потребуетъ кто-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Народу, въ лицѣ тѣхъ же общинъ-приходовъ-міровъ, должно быть предоставлено на общинныя, областныя и государственныя средства самому устраивать себѣ училища и опредѣлять тотъ кругъ знаній и тѣ вліянія и пріемы, подъ воздѣйствіемъ и при помощи которыхъ должны воспитываться подымающіяся поколѣнія, идущія на смѣну дѣдовъ и отцовъ.

Народъ едва ли пожелаетъ, чтобы его дѣти учились и воспитывались не подъ церковнымъ, а подъ иными вліяніями, разрушающими вѣру и угашающими духъ.

Право на образованіе низшее, среднее и высшее принадлежитъ всѣмъ и каждому и доступъ къ нему долженъ быть открытъ всѣмъ; но на государственныя средства должны содержаться только тѣ училища, какія государственная власть, руководимая своимъ христіанскимъ сознаніемъ, правительственною и общенародною нуждой, — признаетъ необходимыми и полезными.

Неприкосновенность и охрана властью и правильнымъ судомъ личности и чести людской отъ всяческаго насилія и обиды съ чьей бы то ни было стороны.

Судъ совѣсти, рѣшающій о винѣ и наказаніи въ дѣлахъ уголовныхъ и о добросовѣстности имущественной сдѣлки въ дѣлахъ гражданскихъ.

Отмѣна присяги и смертной казни навсегда.

Отмѣна одиночныхъ тюремъ и всякихъ истязательныхъ и оскорбляющихъ достоинство человѣка наказаній.

Осмотрительность закона и суда въ ограниченіи свободы нарушителей закона и забота о ихъ нравственномъ перевоспитаніи и сообщеніи имъ освобождающихъ отъ тяготѣнія къ преступленію умѣній и знаній.

Значительное сокращеніе сроковъ наказанія. Свобода по отбытіи его, мѣста жительства и занятій, и полное забвеніе закономъ и обществомъ искупленной уже наказаніемъ вины.

Замѣна уголовнаго и гражданскаго уложеній, переполненныхъ всевозможными произвольными постановленіями, немногими ясными положеніями, образцомъ для которыхъ можетъ служить Моисеево Синайское Десятословіе, а руководящими началами положенія:

Признанная судомъ совѣсти вина въ нарушеніи закона уголовнаго, ограждающаго личность, общество или государство, осуждается судомъ, и нарушитель закона наказывается; нарушенныя же виною право и положеніе возстановляются, въ мѣрѣ возможности, принудительно властью.

Нарушеніе благодатнаго новозавѣтнаго закона дѣятельной къ ближнему любви только *осуждается* судомъ нравственнымъ тѣхъ церковныхъ или гражданскихъ общинъ, къ которымъ принадлежатъ обиженный и обидчикъ, или выборнымъ третейскимъ судомъ, но не карается, ибо достаточная кара уже въ самомъ осужденіи. Нарушенная любовь не возстановляется силой.

Въ дѣлахъ гражданскихъ всякое соглашеніе имѣетъ силу, если только оно заключено не во вредъ третьимъ лицамъ, и если не будетъ установлено, что оно не выражаетъ дѣйствительнаго намѣренія сторонъ или что при заключеніи его одна изъ сторонъ была несвободна въ своемъ рѣшеніи, а другая этимъ несправедливо воспользовалась.

Земельный вопросъ, почитаемый наиболѣе труднымъ, можетъ быть рѣшенъ въ нашемъ православномъ Государствѣ справедливо, скоро и легко.

Никакихъ отъ государства воспособленій частнымъ собственникамъ, ведущимъ не своими силами, а наемнымъ трудомъ свое хозяйство!

Обложеніе земель крупныхъ собственниковъ поземельнымъ налогомъ, размѣръ котораго могъ бы сообразоваться съ тѣмъ, какую долю чистой стоимости урожая взимаетъ частный владѣлецъ съ работающихъ на него земледѣльцевъ,—въ видѣ ли удержанія части заработка (напр., при работѣ исполу) или въ видѣ платы, взимаемой за отдаваемую въ наемъ землю,—такую же долю своего чистаго дохода самъ землевладѣлецъ платитъ государственной казнѣ; казна же передаетъ эти средства соотвѣтствующимъ земледѣльческимъ общинамъ.

Нѣтъ справедливаго основанія оставлять безъ достаточно высокаго обложенія огромныя земельныя пространства крупныхъ частныхъ владѣльцевъ, которые принадлежатъ вообще къ богатой части населенія, получили въ свое распоряженіе огромныя денежныя средства—выкупные платежи и льготныя ссуды, и потому имѣли возможность и были обязаны такъ поставить свое хозяйство, чтобы и работающій на нихъ народъ не былъ имъ враждебенъ и Государство получало съ ихъ земель не тѣ жалкіе копѣечные сборы, какіе теперь поступаютъ съ нихъ въ казну.

Такимъ вполнѣ правомѣрнымъ и справедливымъ обложеніемъ Государственная власть приведетъ частныхъ собственниковъ къ добровольному рѣшенію передать свои земли въ полное распоряженіе Государства или земледѣльческихъ общинъ

безвозмездно или за недоимки. Государство же, могло бы, входя въ положенiе бывшихъ владѣльцевъ, оставить имъ ихъ усадьбы и сады въ наслѣдственное пользованiе.

Заложенныя въ банкахъ имѣнiя будутъ оставаться за банками и не найдутъ себѣ покупателей; упавшiя въ цѣнѣ акцiи земельныхъ банковъ могутъ быть дешево скуплены казной, въ распоряженiе которой такимъ образомъ въ относительно короткiй срокъ перейдетъ большая часть частновладѣльческихъ земель.

Выкупъ у частныхъ владѣльцевъ земель для передачи крестьянамъ, при помощи новаго займа, или съ платою владѣльцамъ за выкупленныя у нихъ земли процентными бумагами или золотомъ, былъ бы лишеннымъ всякаго правового и нравственнаго основанiя, такимъ же разорительнымъ для государства и народа дѣломъ, какимъ былъ совершенный въ послѣднiя двадцать лѣтъ выкупъ въ казну желѣзныхъ дорогъ у акцiонерныхъ обществъ *).

Земля сама по себѣ безъ приложенiя къ ней человѣческаго труда ничего не даетъ и ничего не стоитъ, и, слѣдовательно, дѣло идетъ о выкупѣ не земли, а людского труда. 19 февраля 1861 года освобождены были не столько земледѣльцы, оставшiеся по прежнему въ кабальныхъ отношенiяхъ къ землевладѣльцамъ, сколько эти послѣднiе отъ всякихъ юридическихъ и нравственныхъ обязанностей по отношенiю къ народу. Это давало уже тогда Государству право вступить въ обладанiе помѣщичьими землями, а между тѣмъ у помѣщиковъ выкупили ту землю, на которой сидѣли и отъ которой кормились бывшiе ихъ крѣпостные крестьяне. Не слѣдуетъ теперь повторять сдѣланной тогда ошибки, и, отмѣняя прежнiе, устанавливать новые выкупные платежи.

Выкупъ частновладѣльческихъ земель могъ бы быть произведенъ съ пользою для государства и народа только при условiи умѣренной оцѣнки и уплаты стоимости земель ихъ бывшимъ владѣльцамъ бумажными безпроцентными деньгами. Выкупъ же при помощи новаго займа, или выдача капитальной

---

*) Акцiонерамъ выданъ былъ государственными °/₀ бумагами капиталъ, вычисленный по искусственно выведеннымъ преувеличеннымъ доходамъ, и сложенъ съ нихъ ихъ долгъ казнѣ по полученнымъ отъ нея ссудамъ—болѣе миллiарда съ четвертью рублей, что превышаетъ выкупную стоимость всей надѣльной крестьянской земли. Не недостатки казеннаго управленiя желѣзными дорогами, а безумныя условiя постройки ихъ при посредствѣ акцiонерныхъ обществъ и безумныя условiя выкупа у нихъ дорогъ въ казну — причина бездоходности для казны всей нашей желѣзнодорожной сѣти, которая сама по себѣ очень доходна; но только всѣ доходы идутъ не въ казну, а ростовщикамъ, владѣльцамъ желѣзнодорожныхъ акцiй и облигацiй, и ренты, которою замѣнялись желѣзнодорожныя бумаги при выкупѣ дорогъ въ казну.

стоимости земель процентными бумагами или золотомъ народа не удовлетворитъ и не успокоитъ, ибо хотя бы такой выкупъ былъ произведенъ Государствомъ за счетъ казны, — необходимыя на погашеніе сдѣланныхъ на него затратъ и долговъ средства будутъ взиматься съ того же труженика-народа въ пользу чужеядныхъ банковъ и тунеядныхъ «господъ».

Только съ освобожденіемъ образованныхъ людей, дворянъ и др. отъ навлекающей на нихъ ненависть народную земли, которой они силами своихъ семействъ не могутъ обрабатывать,— угаснетъ поднимающаяся во всемъ своемъ грозномъ величіи сословная вражда, и владѣльцы усадьбъ получатъ возможность жить мирно общею жизнью съ народомъ и работать для народа, быть его руководителями и вождями.

Но переходъ даже всей частновладѣльческой земли (считая тутъ кабинетскія и удѣльныя земли) къ народу не устранитъ или устранитъ только на время малоземелье населенія, — если порядокъ пользованія землей останется прежній.

Необходимо—усовершенствованіе землеобработки и земле пользованія, и это усовершенствованіе можетъ быть достигнуто не упраздненіемъ, а преобразованіемъ или развитіемъ *земельной общины, которая, будучи драгоцѣннѣйшимъ созданіемъ христіанскаго разума и совѣсти нашихъ предковъ*, была остановлена въ своемъ естественномъ развитіи и искажена всѣми тѣми условіями, которыя вообще давили и искажали народную жизнь. Но освободившійся отъ всякихъ путъ народъ легко приметъ подсказываемое самимъ разумомъ рѣшеніе — *не только сообща владѣть землей, но и сообща ее воздѣлывать.*

Съ осуществленіемъ такого рѣшенія всѣ теперешнія неудобства общиннаго землевладѣнія устранятся: ни черезполосицъ, ни передѣловъ, ни разбросанности земельныхъ дѣлянокъ не будетъ: каждое село станетъ крупнымъ землевладѣльцемъ-общинникомъ, который въ состояніи будетъ держать землеобработку и сельское хозяйство на высотѣ современной науки и техники. Освободится значительное количество излишне теперь затрачиваемаго народнаго труда.

Свободныя отъ земледѣлія руки могутъ быть заняты созданными тѣми же всесословными общинами-мірами, при содѣйствіи вспомогательныхъ артелей и союзовъ,—другими полезными и производительными обрабатывающими занятіями и промыслами, или же духовнымъ трудомъ.

Но однимъ только земледѣліемъ народъ сытъ, обустроенъ и исправенъ предъ государствомъ быть не можетъ.

Почти повсемѣстная и всеобщая нынѣ захудалость русскаго народа и его нищета произошли не отъ недостатка дарованій, трудоспособности и трудолюбія народа, и не отъ недостатка естественныхъ даровъ природы, которыми щедро одѣлена Русская земля, а отъ отсутствія свободы, и отъ ложнаго финансоваго и хозяйственнаго управленія, и главнѣйше отъ *недостатка обращающихся въ государствѣ денегъ.* Все государственное хозяйство давно уже ведется у насъ на займы. Но какъ въ частномъ, такъ и въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ: *безуміе—жить на средства, получаемыя отъ ростовщиковъ.*

Государственныхъ займовъ ни прямыхъ, ни прикрытыхъ—при посредствѣ по названію только частныхъ акціонерныхъ обществъ и промышленныхъ предпріятій, ведущихъ всѣ свои дѣла на счетъ или за ручательствомъ той же казны,—*отнынѣ быть не должно.* Всѣ свои задачи и цѣли государственная власть должна осуществлять трудомъ своего народа и средствами своей страны, оплачивая народный трудъ *не занятыми* у ростовщиковъ, а своими *государственными деньгами,* цѣнность которыхъ устанавливается Государствомъ и зависитъ не отъ того, изъ чего онѣ сдѣланы, а обезпечивается огромнымъ требованіемъ и пріемомъ ихъ въ той же установленной цѣнѣ въ казну и всенародной потребностью имѣть достаточное количество размѣнныхъ денегъ для повседневныхъ оборотовъ — обмѣна цѣнностей и услугъ. Бумажныя деньги — не долговые документы, а удостовѣренія въ произведенной для Государства цѣнности или исполненной для него полезной работѣ, что и даетъ заработавшимъ ихъ лицамъ право пріобрѣтать на нихъ равноцѣнныя произведенія и услуги другихъ людей, и такимъ образомъ пускать ихъ во всенародный торговый оборотъ.

Удовлетвореніе настоятельныхъ государственныхъ и народныхъ потребностей не можетъ ставиться въ зависимость ни отъ наличія въ странѣ золота, вывозимаго постоянно изъ страны въ уплату процентовъ по надѣланнымъ безумно займамъ, ни отъ соизволенія иностранныхъ ростовщиковъ опутать Россію новымъ займомъ; единственный, слѣдовательно, выходъ—это, до расплаты съ ростовщиками, платить народу за его трудъ бумажными деньгами установленной Государствомъ цѣнности.

При этомъ условіи *роспись* государственная должна составляться примѣнительно не къ кассовой наличности и возможности дѣлать займы, которыхъ вовсе не должно быть, а въ основаніе ея должны быть полагаемы приведенныя въ извѣстность государственныя и народныя потребности и нужды, раз-

мѣщенныя въ порядкѣ большей или меньшей ихъ пользы и неотложности, и наличіе свободныхъ, незанятыхъ обычнымъ для каждаго занятіемъ и промысломъ, трудовыхъ силъ страны, способныхъ выполнить ту или другую работу.

Правильно составленныя государственная и областныя росписи *должны дать трудъ и заработокъ всему народу*, чтобы не было въ народѣ *невольной* праздности и нищеты.

Всѣ виды *крупной промышленности* должны вестись самостоятельно или рабочими общинами-артелями-союзами, или же распоряженіемъ общегосударственной, областной или городской казны, а не капиталистами-ростовщиками.

Должно быть улучшено, ускорено и удешевлено *передвиженіе внутри государства людей и грузовъ* (однообразные тарифы: напр., пассаж. 3 кл. $^1/_2$ к. съ версты, и на зерно $^1/_{100}$ съ пуда и версты, при всякихъ разстояніяхъ).

Пищевыя и кормовыя средства: металлы, топливо и освѣтительныя вещества могутъ быть вывозимы за границу лишь въ избыткахъ, превышающихъ внутреннія потребности и спросъ.

Всякій честный трудъ для государства и народа *долженъ быть* не скаредно, а *справедливо оплаченъ*. Должно быть увеличено значительно содержаніе духовенству, учителямъ, чиновникамъ, врачамъ, офицерству и нижнимъ воинскамъ чинамъ. Увеличеніе расходовъ по всѣмъ этимъ статьямъ не разоритъ, а обогатитъ народъ, ибо вся эта прибавка пойдетъ въ народъ и оживитъ прежде всего всякую мелкую промышленность и торговлю. Все это вмѣстѣ съ данной государствомъ непосредственно народу повсемѣстной работой дастъ народу обильныя *покупныя средства*, а они создадутъ обширный спросъ на всѣ виды произведеній ручного, механическаго и умственнаго труда. Создадутся обширный и богатый *внутренній рынокъ* и богатая внутренняя промышленность, которыя освободятъ Государство и народный трудъ отъ гнета иностранныхъ биржъ и рынковъ, вооружатъ Государство всѣмъ для него необходимымъ и сдѣлаютъ невозможными опрометчивыя предпріятія, подобныя тѣмъ, которыя привели къ Японской войнѣ, и тѣ пораженія, которыя мы испытали.

Пусть безпрепятственно и возможно скорѣе соберется Государственная Дума, но надо быть готовыми къ тому, что она не принесетъ Россіи желаннаго порядка и успокоенія. Ихъ можетъ дать только возстановленная *соборность* — проявленіе Божественнаго Духа Любви въ жизни общественной. Затеплимъ же скорѣе угасшую въ нашихъ сердцахъ любовь и возстано-

вимъ подавленную въ нашей жизни *соборность!* Возстаньте вы, отцы наши духовные; зовите къ себѣ на общее дѣло любви разсыпанную свою паству! Очнемтесь, православные русскіе люди! Поспѣшимъ къ покинутымъ нами пастырямъ; станемъ думать съ ними нашу великую думу: какъ возжечь угасающую въ русскихъ людяхъ вѣру; какъ сплотить распадающееся Отечество; какъ спасти отъ духовной темноты и убожества самихъ себя и своихъ ближнихъ! Займемся прежде всего тѣми, кто подлѣ насъ: возстановимъ въ быломъ его значеніи православный церковный приходъ; пріютимъ всѣхъ обрѣтающихся въ его границахъ сирыхъ и убогихъ, напитаемъ голодныхъ, найдемъ дѣло безработнымъ; и станемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подъ знаменемъ нашей святой вѣры, подъ водительствомъ нашей соборной Церкви, на защиту державныхъ правъ въ Русскомъ государствѣ Русскаго Народа, на защиту цѣлости и достоинства Русскаго Государства, на защиту въ немъ общегражданской свободы и человѣческихъ правъ!

Будемъ же неусыпно и не покладая рукъ готовиться къ тому, чтобы во всеоружіи вѣры, мысли и знанія явиться на Всероссійскій Великій Церковный и Земскій Соборъ для устроенія въ нашей Русской Землѣ Государства и общественной жизни на исконныхъ и вѣковѣчныхъ основахъ правды Христовой! Аминь.

Всѣхъ, кому по мысли и по сердцу это воззваніе, братски просимъ его распространять перепечатываніемъ и раздачей и сообщать намъ о себѣ и своемъ мѣстѣ жительства. Для письменныхъ отвѣтовъ присылать соотвѣтствующую почтовую марку; личныя объясненія отъ 10 до 12 ч. утра и отъ 6 до 7 ч. вечера у Аѳ. В. Васильева: С.-Петербургъ, Петербургская стор., Звѣринская ул., д. 19, кв. 1.

25 дек. 1905 г.

Написано и докладывалось осенью 1905 г. въ Русскомъ Собраніи, Славянскомъ Обществѣ и въ Братствѣ Церковнаго Обновленія. Напечатано отдѣльнымъ изданіемъ въ числѣ 15000 оттисковъ 25 дек. 1905 г. Принято, какъ программа, учредителями Общества *Соборная Россія.*

Опредѣленіемъ С.-Петербургскаго особаго городского по дѣламъ объ обществахъ Присутствія 17 августа 1906 г. Общество Соборная Россія признано законно существующимъ.

УСТАВЪ

Общества **Соборная Россія**.

1. Общество **Соборная Россія** имѣетъ цѣлью возсозидать и строить русскую жизнь—церковную, семейную, хозяйственно-общественную, междуплеменную и государственную,—на единственно незыблемомъ основаніи—**соборности**, которая есть проявленіе въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ живущаго въ людяхъ Божественнаго Духа *любви*, сама воспитываетъ и укрѣпляетъ любовь и одна только можетъ установить истинныя *свободу*, *равенство и братство.*

2. Общество **Соборная Россія** стремится къ осуществленію своихъ задачъ всѣми доступными ему и не противорѣчащими закону и христіанской нравственности способами и средствами: устнымъ и печатнымъ словомъ, устройствомъ, съ соблюденіемъ законныхъ требованій, образовательныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, какъ-то: училищъ, чтеній и др., участіемъ въ подготовкѣ выборовъ въ государственныя и общественныя установленія и участіемъ—чрезъ своихъ членовъ—въ дѣятельности тѣхъ и другихъ установленій и т. д.

Общество дѣйствуетъ по всей Россіи.

3. Членами Общества **Соборная Россія** могутъ быть всѣ, согласные съ изложенными основными положеніями и готовые содѣйствовать ихъ осуществленію. Пріемъ въ члены производится Совѣтомъ и членами Общества по выданнымъ отъ Совѣта уполномочіямъ и книжкамъ. Выбываютъ члены изъ Общества или по собственному желанію или по постановленію Общаго Собранія.

4. На необходимѣйшіе по Обществу расходы каждый новый членъ дѣлаетъ посильный для него вступной взносъ и затѣмъ уплачиваетъ разомъ или частями членскій взносъ—не менѣе одного рубля въ годъ.

5. Кромѣ членскихъ взносовъ, средства Общества могутъ составляться: изъ пожертвованій, изъ доходовъ отъ принадлежащаго Обществу имущества, отъ вспомогательныхъ при Обществѣ учрежденій, какъ, напр. книготорговли, печатни, читальни, издательства и т. п., отъ устраиваемыхъ Обществомъ и въ пользу Общества собраній, чтеній, зрѣлищъ и выставокъ и случайныхъ поступленій.

6. Средства Общества, кромѣ пожертвованныхъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ, не должны быть обращаемы въ неприкосновенныя, а, по возможности, должны быть въ постоянномъ оборотѣ и расходоваться соотвѣтственно цѣлямъ Общества.

7. Общее Собраніе можетъ постановить объ отдѣленіи нѣкоторой части поступающихъ въ Общество средствъ на образованіе запаса и опредѣлить порядокъ его расходованія.

8. Общество **Соборная Россія** можетъ пріобрѣтать на свое имя недвижимыя имущества.

9. Общество имѣетъ свою печать съ надписью: **Соборная Россія.**

10. Дѣлами Общества вѣдаютъ Совѣтъ выборныхъ, имѣющій пребываніе въ С.-Петербургѣ, и Общія Собранія!

11. Совѣтъ выборныхъ состоитъ изъ Предсѣдателя, двухъ Товарищей Предсѣдателя и восемнадцати Старшинъ, избираемыхъ на три года Общимъ Собраніемъ. Треть Старшинъ ежегодно выбываютъ: въ первые два года по жребію, а затѣмъ по очереди избранія.

Членъ Совѣта, не посѣщающій его засѣданій въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, считается выбывшимъ изъ Совѣта и на его мѣсто избирается на остающійся до трехъ-лѣтія срокъ новое лицо.

12. Совѣтъ изъ своей среды избираетъ Казначея, Дѣлопроизводителей и другихъ должностныхъ лицъ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность.

13. Совѣтъ, какъ законный представитель Общества, ходатайствуетъ и ведетъ всякаго рода дѣла Общества и сношенія отъ его имени, распоряжается его средствами и вступаетъ въ соглашенія и сдѣлки, безъ особаго уполномочія или довѣренности, но руководствуясь настоящимъ Уставомъ и постановленіями Общихъ Собраній.

14. Для дѣйствительности постановленій Совѣта необходимо присутствіе въ его засѣданіи Предсѣдателя или одного изъ его Товарищей и еще не менѣе пяти Старшинъ.

15. Для дѣйствительности обязательствъ, совершаемыхъ отъ имени Общества, необходимы подписи Предсѣдателя или Товарища Предсѣдателя, Казначея, Дѣлопроизводителя и еще трехъ Старшинъ.

16. Совѣтъ старается дѣйствовать во всемъ *единодушно.* Если единогласія по какому-нибудь дѣлу не достигается, оно, смотря по его важности, или объявляется предсѣдательствующимъ рѣшеннымъ большинствомъ голосовъ, или предлагается къ пересмотру въ другомъ, болѣе полномъ, засѣданіи Совѣта, или вносится на рѣшеніе Общаго Собранія.

17. Для завѣдыванія разными отраслями дѣлъ и для разработки разнаго рода вопросовъ Совѣтъ можетъ выдѣлять изъ себя особые Отдѣлы, приглашая къ участію въ работахъ и совѣщаніяхъ Отдѣловъ, какъ членовъ Общества, такъ и постороннихъ свѣдущихъ лицъ.

18. Общія Собранія созываются, по мѣрѣ надобности, Совѣтомъ, не менѣе трехъ разъ въ годъ. Общія Собранія состоятъ изъ всѣхъ явившихся по приглашенію членовъ Общества. Но, если число членовъ Общества будетъ очень велико, напр.: десятки тысячъ, то Общія Собранія будутъ составляться изъ избранныхъ членами путемъ письменныхъ извѣщеній уполномоченныхъ, число и порядокъ избранія которыхъ должны быть опредѣлены правилами, выработанными Совѣтомъ.

19. Общія Собранія вѣдаютъ слѣдующія дѣла:

а) избираютъ членовъ Совѣта;

б) рѣшаютъ вопросы о прекращеніи полномочій членовъ Совѣта и объ исключеніи изъ Общества членовъ;

в) утверждаютъ наказы и правила, опредѣляющіе порядокъ дѣятельности Совѣта и должностныхъ лицъ Общества, а также его Отдѣленій, вспомогательныхъ учрежденій и уполномоченныхъ;

г) утверждаютъ смѣты на предстоящій годъ и отчеты за истекшій;

д) разрѣшаютъ вопросы объ открытіи и закрытіи учрежденій Общества и его Отдѣленій въ другихъ городахъ, объ измѣненіи устава и о прекращеніи дѣятельности всего Общества;

е) разсматриваютъ и рѣшаютъ всѣ вообще вопросы, вносимые на ихъ обсужденіе Совѣтомъ по собственному послѣдняго усмотрѣнію или по требованію не менѣе, какъ десяти членовъ Общества.

20. Всѣ дѣла рѣщаются Общимъ Собраніемъ по выслушаніи заключенія Совѣта. Рѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ въ самомъ Общемъ Собраніи, отлагается до слѣдующаго Общаго Собранія, если того потребуетъ большинство присутствующихъ въ Собраніи членовъ Совѣта.

21. Предсѣдательствуетъ въ Общемъ Собраніи Предсѣдатель Совѣта или одинъ изъ его Товарищей, кромѣ тѣхъ Общихъ Собраній, которыми разсматриваются отчеты Совѣта или неудовольствія, заявленныя на Совѣтъ или на кого-либо изъ его членовъ; въ этихъ случаяхъ предсѣдатель избирается самимъ Общимъ Собраніемъ изъ присутствующихъ членовъ Общества, не входящихъ въ составъ Совѣта.

22. Общее Собраніе считается состоявшимся, если ко времени открытія его будетъ налицо не менѣе двадцати пяти членовъ, не считая въ томъ числѣ членовъ Совѣта.

23. Если Общее Собраніе не состоится за неприбытіемъ законнаго числа членовъ, то не позднѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, для разрѣшенія тѣхъ же вопросовъ созывается новое Собраніе, которое считается состоявшимся независимо отъ числа явившихся членовъ, о чемъ члены Общества предупреждаются въ пригласительныхъ повѣсткахъ или въ газетныхъ объявленіяхъ о предстоящемъ Собраніи.

24. Предсѣдатель Общаго Собранія старается приводить его къ рѣшеніямъ *единодушнымъ;* если же единодушное рѣшеніе не можетъ быть достигнуто, то предсѣдателю Собранія предоставляется или подвергнуть вопросъ голосованію и признать его рѣшеннымъ большинствомъ голосовъ, или передать его для согласительнаго разсмотрѣнія въ Совѣщаніе изъ тѣхъ членовъ Совѣта и членовъ Общества, которые участвовали въ преніяхъ и пожелаютъ въ немъ участвовать, съ тѣмъ, чтобы заключеніе Совѣщанія было представлено слѣдующему Общему Собранію, не далѣе, какъ въ мѣсячный послѣ перваго Общаго Собранія срокъ.

25. Вопросы о выборѣ почетныхъ членовъ, а также поименованные въ подраздѣленіяхъ б) и д), статьи 19, могутъ быть рѣшаемы большинствомъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ въ Собраніи членовъ.

26. Всякое предложеніе или заявленіе, сдѣланное членомъ Общества должно быть разсмотрѣно Совѣтомъ въ ближайшемъ его засѣданіи; предложенія сдѣланныя не менѣе, какъ десятью членами, по требованію ихъ, обязательно вносятся Совѣтомъ на обсужденіе Общаго Собранія.

27. Для закрытія Общества **Соборная Россія** требуется постановленіе двухъ послѣдовательныхъ Общихъ Собраній, причемъ постановленіе перваго Общаго Собранія о закрытіи Общества должно быть сообщено всѣмъ членамъ Общества не позже, какъ за мѣсяцъ до второго Общаго Собранія, созываемаго для утвержденія перваго постановленія.

28. Общее Собраніе, постановившее окончательное рѣшеніе о прекращеніи дѣятельности Общества, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какое назначеніе должно быть дано его имуществу.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Предсѣдатель Общества **Соборная Россія**

Аѳ. Васильевъ.

Л. Н. 1895 г.

ЗАПИСКИ МАТЕРИ.

(Для родныхъ и близкихъ).

16 іюля 1895 г., пятница.

Пишу эти строки во славу Бога, милующаго и не оставляющаго всѣхъ, съ вѣрою прибѣгающихъ къ Нему.

Въ 1855 г. я осталась 36 лѣтъ съ двумя дѣтьми,—одному было 4 года, а другому 9 мѣсяцевъ,—безъ всякихъ средствъ. Крестная мать младшаго обѣщала мнѣ давать въ мѣсяцъ 10 рублей и совѣтовала ѣхать въ г. Елецъ, какъ городъ богатый, гдѣ легче жить трудомъ. А благодаря матери, которая, хотя имѣла прислугу, но въ праздности время не проводила и насъ пріучала къ труду, я и сама имѣла охоту трудиться, а дорогая наша няня,—я была любимица ея,—учила меня шить, строчить,—прежде машинъ не было,—въ пяльцахъ вышивать гладью, бисеромъ и шерстью вышивать, и вязать; и мнѣ давалось легко,—только стоило посмотрѣть: вотъ это и пригодилось.

Скажу еще, что родители мои и няня были очень вѣрующими, и я съ дѣтства знала, что безъ воли Божіей и волосъ не спадетъ съ главы нашей: вотъ эта-то вѣра и укрѣпляла меня. Я молилась Ему такъ: «Господи, все снесу отъ руки Твоей; но только не оставь дѣтей моихъ и устрой ихъ!»

Я болѣе не жила для себя; искала труда, чтобы только прокормить и воспитать дѣтей. Я твердо вѣрила, что Господь услышитъ молитву матери о дѣтяхъ, и что Его умолитъ Мать всѣхъ скорбящихъ. Предавъ себя и дѣтей святой Его волѣ, рѣшилась ѣхать въ неизвѣстный мнѣ городъ. 21 сентября выѣхала, и въ тотъ же день у меня началась лихорадка. Заѣхала въ Задонскъ. Тамъ исповѣдалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ и 24 пріѣхала въ Елецъ; остановилась въ гостинницѣ. Лихорадка не оставляетъ меня. Ночую уже двѣ ночи. Хозяйка гостинницы говоритъ мнѣ: «Вамъ будетъ дорого платить у меня; Вы бы комнату гдѣ наняли».—«Да я такъ слаба, что не могу искать, да и не знаю гдѣ: я первый разъ въ Ельцѣ».—«Да здѣсь и трудно найти: все богатые, и не отдаютъ комнатъ; а, если Вамъ угодно, я пошлю дочку: здѣсь одна дама овдовѣла недавно; у нея маленькій домикъ,—не отдастъ

ли она комнату; и мальчикъ у нея такой же, какъ Вашъ старшенькій; думаю, что отдастъ, ей трудно жить будетъ; отецъ и кормитъ ее».—Я, конечно, просила, чтобы узнали; и скоро пришли сказать мнѣ, что отдаетъ комнату за три рубля серебромъ. Это было недалеко; я пошла и наняла, и сейчасъ же переѣхала, а прислугу ея, съ позволенія хозяйки, договорила дѣлать чего сама не могла: постирать и кушанье готовить—за 30 к., на ассигнаціи—1 р. 5 к.

Комната моя—хорошая, свѣтлая; окна на улицу, и не маленькая. А у хозяйки осталась спальня поменьше. Расположено такъ: изъ сѣней въ прихожую, изъ прихожей одна дверь ко мнѣ, а другая къ хозяйкѣ. Въ прихожей печь, которая нагрѣвала обѣ комнаты; въ мою выходила изразцовая стѣна, а къ хозяйкѣ лежанка. Изъ сѣней къ кухнѣ шла крытая галлерея; въ кухнѣ русская печь, вокругъ стѣнъ лавки и большой столъ. Когда мы хорошо ознакомились, то обѣдать ходили туда.

Къ хозяйкѣ всякій день приходили сестры: одна взрослая дѣвица, а другая лѣтъ двѣнадцати. Онѣ сядутъ на одномъ концѣ, а я съ дѣтьми на другомъ. Хозяйка моя — Александра Яковлевна Говорова — была добрая, милая; мы такъ сошлись, что три года прожили вмѣстѣ, никогда другъ другу непріятнаго слова не сказали.

Она писала потомъ ко мнѣ. Отецъ ея выдалъ ея сестру замужъ и помѣстилъ къ ней. Когда А. Я. уходила изъ дому, мальчика своего оставляла у меня. У ея отца было много дѣтей, но она не любила пускать его къ нимъ безъ себя. Моихъ дѣтей она любила. Дѣти мои были хорошенькія и хорошія и ея сынокъ былъ хорошій; мы изъ-за нихъ никогда не ссорились: играютъ у насъ на глазахъ и поссорятся,—я беру своего къ себѣ, а она своего. Сидятъ, скучно имъ;—начинаютъ: «мы не будемъ ссориться»;—«не будете—играйте!» А маленькаго моего она такъ любила, что постоянно его няньчила, а когда начинался у меня припадокъ лихорадки черезъ два дня, и къ тому же присоединялась зубная боль, и это бывало всегда къ вечеру, то она брала его къ себѣ и, когда онъ уснетъ,—принесетъ и положитъ. Онъ спалъ на стульяхъ возлѣ меня.

Потомъ она предложила мнѣ съ дѣтьми перебраться въ ея комнату—что тамъ будетъ покойнѣе, а она съ сыномъ будетъ спать въ большой, а на день будетъ убирать, и будемъ вмѣстѣ работать. Такъ и устроились, или вѣрнѣе Господь устроилъ меня такъ хорошо на чужой сторонѣ. Но болѣзнь меня мучила. Доктора я пригласить не могла. У хо-

зяйки одинъ знакомый подлѣкарь былъ. Онъ приходилъ, сказалъ, что лихорадка и зубы—нервная боль; давалъ хины—перестанетъ на нѣсколько времени, а потомъ—опять. Работу поэтому я не могла чужую брать. Хозяйка моя и ея сестра кружева плели, и у нихъ была женщина, которая брала продавать. Вотъ и я—купила свой матеріалъ и вышивала по силѣ возможности и тоже давала ей продавать. Все таки была хотя небольшая прибыль къ тѣмъ 10 р., которыя мнѣ высылали. Въ Генварѣ 1856 г. старшенькому моему минуло пять лѣтъ. Помолясь Богу, начала учить его по славянской азбукѣ, какая была у меня. Выучилъ буквы, склады прочелъ одинъ разъ, потомъ молитвы читалъ: Во имя Отца, и далѣе по порядку, по складамъ выучилъ съ Генваря до Великаго поста, а съ первой недѣли псаломъ: «Помилуй мя, Боже» началъ читать безъ складовъ, вѣрно, хорошо. Хозяйка своего тоже начала учить — по гражданской азбукѣ.

Когда мой сталъ хорошо читать по славянской, тогда я купила ему гражданскую, показала, онъ и по гражданской читалъ хорошо. И такая была у него охота: гдѣ только увидитъ книгу, сейчасъ читаетъ. По улицѣ идетъ, всѣ вывѣски читаетъ. Я не принуждала къ ученью, а, напротивъ, слышу—читаетъ и начинаетъ ошибки дѣлать, значитъ — усталъ, я закрываю книгу и говорю: «погуляй!» Онъ погуляетъ и опять за книгу. Наступило лѣто, мы и дѣти все лѣто на воздухѣ; у хозяйки былъ садикъ; мы съ работой, а дѣти играютъ и ягоды щиплютъ.

И я стала поправляться. Пришла опять зима, даю книгу, думаю—забылъ,—нисколько. Началъ учиться, а въ Великій постъ все Евангеліе прочелъ мнѣ вслухъ. Я работаю, а онъ читаетъ. Богъ послалъ мнѣ работу: горюю, что нѣтъ работы, входитъ женщина, спрашиваетъ: «Вы вышиваете гладью?»—«Да».—«Пожалуйте къ Чеботаревымъ! Меня не къ Вамъ послали, да я не нашла, а мнѣ сказали, что Вы вышиваете».—Иду. Богатый домъ, молодая дама говоритъ: «Мнѣ все равно, только желаю видѣть работу Вашу». Я показала. Она заказала. Вышила—приношу. Выходитъ еще пожилая дама; оказалось, родственница этой, и говоритъ: «Это Вы вышиваете? А мы давно хотѣли узнать: кто эта дама съ двумя дѣтьми?» (Въ провинціи сейчасъ замѣтятъ новое лицо). «Вамъ будетъ постоянно работа. Моя дочь молодая, замужемъ, и у нихъ пять молодыхъ дѣвицъ. Я и знакомымъ буду рекомендовать». Вотъ и началась у меня работа хорошая, такъ что и ночью приходилось работать. Двѣ дѣвицы замужъ вышли—приданое пришлось вышивать. Я хозяйку выучила вышивать прорѣзь,

что попроще ей давала. Она нашла, что вышивка выгоднѣе кружевъ. А я еще болѣе начала вѣрить, что Богъ не оставитъ и что надо — пошлетъ. Вотъ небольшой случай опять: заболѣлъ у меня маленькій, надо французскую булку; у меня нѣтъ. Иду въ булочную, другую, говорятъ: «у насъ булочники утромъ забираютъ, нѣту». Купила баранокъ и думаю: «это не годится больному». Прихожу домой—хозяйка подаетъ французскую булку, говоритъ: «это прислали Вамъ».—«Кто?» —«Да я не знаю: сказали Вамъ отдать».

Тогда я не могла сообразить; но теперь сознаю, что рука Божія руководила и указывала путь для дѣтей. Пишетъ мнѣ братъ Петръ изъ Калуги,—онъ служилъ въ полку: «Что ты будешь дѣлать въ Ельцѣ съ дѣтьми?» (Тогда тамъ не было ничего, кромѣ приходскаго училища) «Поѣзжай въ Москву! Тамъ ты устроишь дѣтей; а работа тамъ цѣнится дороже. Заѣзжай ко мнѣ въ Калугу; вмѣстѣ доѣдемъ до Москвы. Я съ семьею ѣду во Владиміръ». Читаю письмо хозяйкѣ, она—въ слезы: «Что Вы,—съ дѣтьми безъ средствъ въ Москву? да это все равно что въ лѣсъ!» Иду къ почтенной Чеботаревой. (Я бывала у нея съ дѣтьми. Она приглашала. У нея жили сироты внуки. И у дочери ея бывала, у той тоже были дѣти. Всѣ ласкали моихъ дѣтей, особенно старшаго—дадутъ книгу и восхищаются, что маленькій и такъ хорошо читаетъ!) Передъ этимъ была у нея изъ Москвы сестра; она познакомила меня съ нею. Говорю: «Вотъ—что братъ мнѣ совѣтуетъ».—«И прекрасно. Конечно, Вы тамъ устроите дѣтей. Я дамъ Вамъ письмо къ сестрѣ; она скажетъ Вамъ, какъ устроиться, и работу найдетъ; а на дорогу я Вамъ немного соберу». И собрала 25 рублей, да немного у меня было. Такъ я наняла извощика: одна лошадь и кибиточка за 12 рублей; все уложила въ чемоданъ и съ надеждою на милость Божію отправилась. Я всегда подумаю: «что же? все равно у меня нѣтъ другой надежды, а Богъ—вездѣ!»

Сначала ѣхали ничего; но потомъ начались дожди: какъ четыре часа—начинается гроза и проливной дождь. Кто знаетъ прежнія дороги,—когда грязь—дѣлаются колеи, какъ врѣжутся колеса—не вытащить. Такъ пришлось и намъ: ждемъ пока кто подъѣдетъ и поможетъ вытащить. Случалось, что болѣе десяти верстъ не ѣхали въ день. Погода была теплая, я нигдѣ не выходила, такъ и ночевали въ повозкѣ. Наконецъ, пріѣхали въ Калугу. Я отпустила извощика и съ братомъ поѣхали въ Москву—въ большомъ легкомъ фургонѣ тройкою. Но и здѣсь была мучительная дорога; лошади останавливались. Отъ Малаго Ярославца до Москвы—шоссейная дорога, и, слава Богу, прі-

ѣхали въ Москву. Отъ Ельца до Москвы я была въ дорогѣ двадцать сутокъ.

Остановились въ Московской гостинницѣ. Я попросила посмотрѣть дѣтей, а сама отправилась съ письмомъ къ Евд. Владим. Мартыновской. Эта добрая женщина отнеслась съ участіемъ, и сейчасъ же указала вблизи отъ нихъ комнату у старовѣрокъ. Ихъ шесть дѣвицъ, очень честные; все будетъ цѣло и одна изъ нихъ возьмется прислужить мнѣ. И, дѣйствительно, взялась за 50 к. стирать и кушать готовить. Я сейчасъ же переѣхала. Но не успѣла осмотрѣться, какъ у маленькаго сдѣлался жаръ, но вскорости прошелъ, а заболѣлъ глазъ. Ходила съ нимъ въ глазную лѣчебницу, дали воды, но не помогло; глазъ закрылся, прошло нѣсколько дней, я подняла вѣко, посмотрѣла—у него бѣльмо на весь глазъ. Иду къ Мартыновской посовѣтоваться, что дѣлать? а у нея была гостья и говоритъ мнѣ: на Патріаршихъ прудахъ живетъ докторъ Кауфманъ, принимаетъ съ восьми часовъ. Утромъ я встала въ четыре часа, одѣла маленькаго, взяла на руки и понесла соннаго. Хорошо въ Москвѣ—бульвары, а на бульварахъ скамейки, сяду отдохну и опять несу, и къ восьми часамъ пришла. Народу порядочно. И дѣвочка, которая подавала руки мыть доктору, говоритъ мнѣ: «Меня изъ деревни привезли и оставили; я ничего не видѣла, а теперь могу что нибудь дѣлать». Вотъ пришла моя очередь. Посмотрѣлъ, впустилъ какой-то мази, завязалъ глазъ и сказалъ: «Домой какъ придете, развяжите». Такъ я недѣлю носила; глазъ открылся, бѣльмо уменьшается. Прошу я доктора, чтобы далъ мнѣ мази, я сама буду впускать,—не рѣшается. Наконецъ, далъ, показалъ какъ впускать. Я недѣлю впускала, и бѣльмо сошло и глазъ совершенно очистился.

Вскорѣ получаю письмо, что обѣщанныхъ 10 рублей высылать не будутъ, такъ какъ за болѣзнію мужъ кумы вышелъ въ отставку. Но и тутъ Мартыновская пришла мнѣ на помощь, сказавъ мнѣ, что я могу постоянно имѣть у нея работу, а потомъ рекомендовала меня и своимъ знакомымъ. Всѣ эти добрые люди были очень расположены ко мнѣ. Такъ прожила я въ Москвѣ около двухъ лѣтъ.

Въ Петербургѣ жила старшая моя сестра Елизавета, которую я не видѣла съ дѣтства. Она воспитывалась у тетки, въ Петербургѣ была замужемъ, овдовѣла, 7 лѣтъ жила съ дочкою пансіонеркою во вдовьемъ домѣ и опять вышла замужъ и дочку выдала за окончившаго Медицинскую Академію врача, котораго послали служить въ Костромскую губернію. Я написала сестрѣ, что я въ Москвѣ. Она пишетъ мнѣ, что, возвра-

щаясь отъ дочери изъ Костромской губерніи, заѣдетъ ко мнѣ. Заѣхала и говоритъ мнѣ: «Дочь я выдала замужъ, мужъ мой любитъ дѣтей; можетъ мы возьмемъ твоего старшаго и воспитаемъ». Тяжело для меня было это: желала, чтобы они росли подъ моимъ вліяніемъ, я только и жила ими, и они любили и слушали меня; но и желала, чтобы они получили образованіе. Сестра пишетъ, чтобы я прислала къ ней сына. Мартыновскій сказалъ, что онъ лѣтомъ поѣдетъ въ Петербургъ и его свезетъ. Я начала подготовлять сына къ разлукѣ, говоря, что ему надо учиться, а у меня нѣтъ средствъ, что онъ поѣдетъ въ Петербургъ, тетя будетъ воспитывать его, и я потомъ пріѣду. Онъ казался спокоенъ. Лѣтомъ Мартыновскій собрался, и я съ его женою поѣхала провожать ихъ. Сынъ не плакалъ; но, когда вошли въ вагонъ, зазвонилъ звонокъ и стали прощаться, онъ измѣнился въ лицѣ. У меня точно сердце оторвалось. Это страшная, тяжелая мука была мнѣ. Я день и ночь тосковала и вспомнила тутъ слова моего духовника: «и тебѣ самой душу пройдетъ оружіе», и не одинъ разъ пришлось вспоминать! О, какъ дороги дѣти! Мартыновскій, возвратясь, успокоилъ меня, что Аѳанасій здоровъ и не скучаетъ; съ нимъ ласковы.

Написала еще письмо въ Петербургъ къ родственнику К—ву, который служилъ въ Сенатѣ и котораго я знала въ дѣтствѣ. Мать его, оставшись сиротой, росла у моего дѣдушки съ моею матерью и были дружны всю жизнь, а я съ его сестрою, ровесницею мнѣ, была очень дружна. Изъ отвѣтнаго его письма я узнала, что его сестра Александра Игн. подруга моего дѣтства, живетъ съ мужемъ въ Москвѣ. Я отыскала ее; она очень была рада встрѣчѣ со мной, и я стала бывать у нея. Придя однажды къ ней, я встрѣтила пріѣхавшаго изъ Петербурга ея брата, Ивана Игнатьевича который говоритъ мнѣ: «на-дняхъ у меня былъ Сергѣй Васильевичъ *) (мужъ сестры моей) съ вашимъ Аѳанасіемъ. Онъ игралъ съ дѣтьми моими, а сестра ваша уѣхала къ дочери; и сталъ совѣтовать самой мнѣ ѣхать въ Петербургъ, говоря: «они люди добрые; но безпечные. Согласитесь сами: она на лѣто уѣзжаетъ къ дочери, о мужѣ некому позаботиться, онъ уходитъ на службу, а вашъ Аѳанасій съ кѣмъ остается? Съ прислугой. Лучше онъ у васъ будетъ. Опять здѣсь вы работаете на чужихъ, а тамъ, въ Петербургѣ, вы можете работать у родныхъ, гдѣ вамъ рады будутъ. У меня большая семья,

*) С. В. Шелеховъ—родной и единственный внукъ извѣстнаго Григорія Ивановича Шелехова давшаго Россіи бывшія ея Сѣверо-Американскія владѣнія, проданныя при Александрѣ II С.-А. Соед. Штатамъ.

много дѣтей, жена моя добрая и сама много работаетъ, и я увѣренъ, что она полюбитъ васъ, и у двоюроднаго брата вашего Петра Тимоѳ. С—ва тоже маленькія дѣти и жена очень милая, и они будутъ рады вамъ».

И такъ, проживъ зиму въ Москвѣ, въ февралѣ 1860 г. пріѣхала въ Петербургъ (К—въ прислалъ мнѣ 25 р.). Сестра наняла мнѣ комнату въ томъ домѣ, гдѣ сама жила. Аѳанасій очень обрадовался мнѣ. Отправилась на Петербургскую къ роднымъ К—мъ и С—мъ; у нихъ были тамъ свои домики. Познакомилась съ ихъ семействами. Приняли меня очень радушно; у нихъ было мнѣ очень пріятно. Вечеромъ К—ва сама отвезла меня домой. Когда въѣхали на мостъ, набережная была освѣщена. Я пришла въ восторгъ отъ Невы. Прелестный видъ! Особенно ласково ко мнѣ относилась Марья Семен. С—ва, жена двоюроднаго брата, добрѣйшая женщина! Дѣло близилось къ празднику и работа у всѣхъ есть. На шестой недѣлѣ поста сестра говоритъ мнѣ: У насъ еще есть здѣсь родственникъ К—въ. На Петербургской же на Малой Дворянской у него домъ свой. Онъ уѣхалъ въ Сибирь, а жена съ тремя дѣтьми осталась, и какое несчастіе!—въ одну недѣлю всѣ трое умерли отъ скарлатины. Она въ отчаяніи, хочетъ уѣхать въ Тулу къ роднымъ, пріѣхала ко мнѣ просить, не знаю ли я кого—на кого домъ оставить. Я сказала про тебя. Она очень просила, если ты согласна, чтобы пріѣхала къ ней переговорить. Предлагаетъ свою квартиру, кухарку и дворника, и съ двухъ квартиръ получать деньги и расходовать. Съ вѣрою, что Богъ посылаетъ помощь, соглашаюсь; ѣду посмотрѣть. Вся квартира залита хлоромъ. Переговорила съ нею.— Она сейчасъ же уѣзжаетъ. А я на Страстной въ понедѣльникъ оставила своего маленькаго у сестры на три дня, а сама отправилась, чтобы освѣжить квартиру. Былъ конецъ марта, вынули рамы. Открою на одной половинѣ окна и двери, а потомъ на другой. Въ четвергъ поѣхала къ сестрѣ; съ ними въ церкви св. Екатерины (въ Коломнѣ, близъ Калинкина моста) слушала 12 Евангелій, а въ пятницу съ К—й доѣхала до мостковъ, перенесла меньшого; зашли къ Спасителю, помолились и поселились въ квартирѣ. Опять — милость Божія: послалъ помощь и дѣтей сохранилъ; а еще при насъ нѣсколько дѣтей умерло въ нижнихъ квартирахъ. По правдѣ сказать: я никакихъ больныхъ не боялась. Вѣрю, что на все есть опредѣленіе Божіе.

Первый день Пасхи двоюродный братъ С. пригласилъ встрѣтить съ ними, и я съ Колею съ вечера пошла къ нимъ. Дѣти спали, а я съ С—ми была у заутрени и обѣдни въ церкви

и второй день пробыла у нихъ. На третій день пошла къ К—вымъ. Дѣвицы молоденькія приглашаютъ смотрѣть—Нева тронулась, а я еще раньше восхищалась ею. Вышли — страшный вѣтеръ. Перешли Тучковъ мостъ и вернулись, невозможно. Пришла домой—говорить не могу. Посовѣтовали—мыла съ саломъ привязала. Къ утру стала говорить; но начался сильный кашель и продолжался довольно долго.

На Троицынъ день старшинькаго прислали ко мнѣ погостить. Онъ разсказалъ, что ходитъ въ школу, недалеко отъ нихъ, тамъ же, въ Коломнѣ; что тетя и дядя поѣхали на нѣсколько дней за городъ къ знакомымъ, его отпустили ко мнѣ и назначили день ему возвратиться прямо въ пансіонъ, и онъ торопился, чтобы не опоздать. Прежде на Петербургской конокъ не было и извощиковъ мало было. Вышли, — нѣтъ. Перейдя Николаевскій мостъ, взяли извощика. Поднялся вѣтеръ и сильный дождь. Приходимъ въ пансіонъ. Спрашиваю, какъ онъ учится? Отвѣчаютъ—у него книгъ нѣтъ; онъ только слушаетъ.—Грустно! Прошло недѣли двѣ—вижу сонъ: онъ говоритъ: «мама, я умираю». Страшно я испугалась, собралась итти — провѣдать; сестра пріѣхала. Спрашиваю: «здоровъ ли Аѳанасій?» —«Теперь здоровъ, а былъ боленъ».—«Что же вы не извѣстили?»—«Болѣзнь обыкновенная—корь, но при этомъ сильное кровотеченіе изъ носа». Пріѣхали сказать, что скоро уѣдутъ къ дочери. Я сказала, чтобы Аѳанасія прислали ко мнѣ и рѣшила къ нимъ больше его не отдавать. Въ іюнѣ она уѣхала, и Аѳ—ій у меня.

Такъ прожила лѣто. Ходила къ роднымъ работать и на домъ брала. Но тутъ началась новая забота: надо старшенькаго куда-нибудь приготовить. Четыре правила ариѳметики и «начатки» онъ зналъ, и писать, а языкамъ надо было подучить и вообще провѣрить: можетъ ли онъ поступить куда. Хотѣлось отдать въ пансіонъ.

Всего чаще я работала у С—хъ. У нихъ свой домъ и прекрасный садъ. На дачу они не ѣздили. Сидимъ въ бесѣдкѣ; она читаетъ, а я работаю, а дѣти наши играютъ въ саду. У нихъ въ домѣ былъ пансіонъ Елизаветы Петровны Соловьевой. Это было прекрасное семейство: мужъ отставной чиновникъ съ женой, три сына—молодые чиновники и три дочери—дѣвицы, изъ которыхъ старшая Е. П. при помощи матери вела школу. Дѣти С—хъ учились у нея. Онѣ съ С—ми были знакомы и со мною познакомились и дѣтей моихъ часто видѣли. Онѣ добросовѣстно занимались, но брали 3 руб. въ мѣсяцъ, что для меня было тяжело. Саф—ва говоритъ мнѣ, что рядомъ съ ними открывается пансіонъ: попробуйте, мнѣ говорили, что тамъ

2 р. и $1^1/_2$ р. берутъ. Я рѣшилась на другой день пойти узнать. Утромъ Саф—ва присылаетъ за мною и говоритъ: «знаете что? Вчера, какъ вы ушли, приходитъ къ намъ Ел. Петр. и спрашиваетъ меня: отчего вы не отдадите Аѳанасія учиться? Я говорю: она завтра хочетъ сходить къ сосѣдней учительницѣ, та за $1^1/_2$ р. беретъ. Она говоритъ: «я даромъ возьму. Онъ мнѣ нравится, видно — очень способный».— Я съ благодарностью приняла это предложеніе. Въ октябрѣ возвратилась хозяйка дома, за которымъ я смотрѣла, и я наняла комнату близъ С—хъ.

Съ октября Аѳанасій началъ ходить въ школу къ Ел. П. Соловьевой. Она относилась къ нему прекрасно, и съ какою охотою онъ занимался, никогда не пропускалъ и кромѣ похвалы я никогда о немъ ничего не слыхала. При встрѣчѣ бывало благодарю Соловьеву, а она говоритъ: онъ—украшеніе пансіона; и батюшка обратилъ на него вниманіе. Благодарю Бога и опять думаю: куда изъ пансіона его помѣстить? Въ гимназію—платить нечѣмъ. Посовѣтовали мнѣ въ пріютъ принца Ольденбургскаго. Тогда онъ находился въ Глухомъ переулкѣ. Туда бѣдныхъ безъ платы принимаютъ. Четыре класса, а потомъ хорошихъ учениковъ переводятъ въ Технологическій. Подаю прошеніе. Письмоводитель въ канцеляріи пріюта сказалъ: «можно». Иду черезъ нѣсколько времени узнать, письмоводитель говоритъ: надо, чтобы кто-нибудь платилъ за него. У меня нѣтъ никого, чтобы кто платилъ. Пришла еще разъ, застала генерала М. Онъ обѣщалъ принять, взялъ прошеніе и говоритъ письмоводителю: «предложите Воронину пансіонеромъ». Долго жду; ужъ Рождество скоро. Иду узнать. Письмоводитель говоритъ: «хотя бы Воронинъ взялъ пансіонеромъ, — мы не можемъ принять; некуда: ученики спятъ съ гувернерами. Мы купили мѣсто; выстроютъ большое помѣщеніе—тогда можно будетъ». Иду домой, горюю. Встрѣчаю врача Л. П. Павлова. Онъ лѣчилъ у Саф—выхъ. Спрашиваетъ: «куда ходили?» Я говорю — въ пріютъ хлопочу, а онъ: «зачѣмъ въ пріютъ?—въ гимназію! Къ августу приготовится, и я своего, вмѣстѣ и поведемъ.»—«Я не могу платить 30 руб.»—«И платить не будете: подайте оберъ-полицмейстеру прошеніе, вамъ дадутъ свидѣтельство, что ничего не имѣете,—отъ платы и освободятъ».—Я сама ничего не знала. Богъ посылалъ добрыхъ людей, которые совѣтовали.

Начала младшаго учить. Ему минуло 6 лѣтъ въ декабрѣ—7-го декабря. Начала,—займусь, а придетъ старшій изъ пансіона, онъ займется немного, и къ Рождеству выучился читать и писать немного. Считать умѣлъ и цифры писалъ; но это я вы-

учила его раньше. Работаю, а ему дамъ карты считать, учу. Потомъ объяснила ему: десять, сто, и такъ далѣе. Потомъ, когда выучила его считать,—дала ему книжку съ цифрами, бумагу и карандашъ. Онъ смотритъ и пишетъ. Это писанье сохранилось у меня. Все это радовало меня, но жить трудно было. Видя, что они способные, желала дать имъ воспитаніе. Родные С—вы и хозяйка, у которой я нанимала комнату,—женщина умная,—совѣтовали, чтобы я отдала одного; что есть люди, не имѣющіе дѣтей, — съ радостью возьмутъ и дадутъ воспитаніе; а ужъ онъ Васъ не забудетъ, и разсказала нѣсколько примѣровъ. Дѣти очень были привязаны ко мнѣ, любили и жалѣли меня, слыша такіе разговоры. Младшій говоритъ мнѣ: «Тебѣ трудно: отдай меня,—тебѣ легче будетъ!»—Не понималъ еще—каково мнѣ было это слышать! Наконецъ, ей и роднымъ говорю: «Кому я отдамъ?—Никого не знаю». «Не безпокойся, это мы устроимъ». Я обратилась къ Богу, прося Его помощи, чтобы Онъ устроилъ какъ лучше. Двоюродный братъ сдѣлалъ публикацію.

Наканунѣ Рождества я уходила изъ дому. Когда возвратилась, хозяйка говоритъ: «Къ Вамъ пріѣзжалъ господинъ, на своей лошади. Посмотрѣлъ дѣтей и сказалъ, что на второй день Праздника пріѣдетъ съ женою. У меня было подано прошеніе о пособіи въ Человѣколюбивое Общество—добрая же хозяйка посовѣтовала. Попечитель на второй день Праздника назначилъ притти къ нему. Я пошла и, когда возвратилась, говорятъ, что господинъ съ женою пріѣзжалъ и сказалъ, что опять вечеромъ пріѣдетъ; и, дѣйствительно, въ тотъ же день опять пріѣхалъ вечеромъ и спрашиваетъ: «Котораго желаете отдать?»—Отвѣчаю: «Я не могу рѣшить: жаль мнѣ ихъ одного и другого. Нужда заставляетъ отдать для ихъ пользы—желаю, чтобы они получили воспитаніе; сами скажите, котораго желаете». Онъ говоритъ: «Я слышалъ о Вашемъ положеніи, и, согласитесь, если мы желаемъ взять, то потому, что любимъ дѣтей. У насъ ихъ нѣтъ, будемъ любить его, какъ сына; дадимъ воспитаніе, а Вы будете имѣть возможность другого воспитать; слѣдовательно, это послужитъ къ ихъ пользѣ, а иначе не въ состояніи будете воспитать ихъ». Сейчасъ у меня мысль: «Рождество Христово; Онъ посылаетъ милость». Говорю: «Я согласна. Но все-таки сами скажите—котораго берете». Такъ онъ и уѣхалъ. На другой день никто не былъ. Думаю—раздумали, да будетъ воля Божія! 28-го пріѣхалъ съ женою и говорятъ, что желаютъ взять маленькаго. Если я согласна, то снимутъ съ него мѣрку,—что нужно купятъ:—кромѣ Креста ничего не надо. Сказалъ свою фамилію — Ивановъ, и что служитъ въ

Медицинской Академіи. Форма медицинская на немъ. Живутъ лѣто и зиму за городомъ на своей дачѣ, но гдѣ, не сказалъ. Онъ было обѣщалъ привозить, но она на это не согласилась. Когда рѣшили, что не будутъ привозить, я говорю, что я не согласна. Прибѣжала хозяйка, начала уговаривать—что дѣти, когда вырастутъ, будутъ упрекать меня. Такъ они уѣхали, сказавъ, что все купятъ. На другой день онъ обѣщалъ пріѣхать. Мысль, что я больше не увижу сына, поразила меня; что было со мною—не помню,—тяжелое состояніе. Когда пришла въ себя, взяла дѣтей, поѣхала къ Спасителю, а потомъ къ Казанской Божіей Матери: къ единственному утѣшенію и помощи во всѣхъ скорбяхъ моихъ. Поручила его Спасителю и Божіей Матери и просила, чтобы опять возвратили его мнѣ. И такая у меня была вѣра—что Господь исполнитъ! Утромъ 29-го отправилась въ фотографію,—сняла вмѣстѣ ихъ. И когда возвратилась, лошадь уже стоитъ. Входимъ—первое его слово: «Не безпокойтесь, я буду его привозить. Мы вчера съ женою поговорили и согласились. Я скоро привезу его показать Вамъ».—Одѣлъ на него тулупчикъ, шапку, сапоги, да еще показалъ, что лошадь своя—мальчикъ повеселѣлъ. Благословила его и отпустила съ упованіемъ на милость Божію. Вечеромъ прислалъ своего брата и адресъ матери, которая живетъ въ Петербургѣ: если что нужно мнѣ, то могу обратиться къ ней.

Скучаю, жду, хочется посмотрѣть, какъ онъ. Хозяйка говоритъ: «на мои (т. е. ея, хозяйкины) именины привезетъ». И привезъ 12 генваря. Мальчикъ—веселый. Въ красной рубашкѣ, бархатныя шаровары, говоритъ: «мамаша сшила».—«Что же, хорошо тебѣ?»—«Хорошо. Мамаша учитъ меня; только чешетъ больно».—«А ты скажи ей, она не будетъ больно». «Папочка играетъ со мной».—Уѣхали. Благодарю Бога, что посмотрѣла. Потомъ долго не везетъ. Я написала его матери письмо: прошу, чтобы привезъ. Онъ привезъ, но говоритъ, что больше не будетъ возить; жена хочетъ, чтобы онъ привыкъ къ ней. А Вы можете отъ моей матери узнавать; она бываетъ у насъ и видитъ.—Нечего дѣлать! Какъ соскучусь—на перевозъ и къ Марьѣ Ивановнѣ М. Отъ нея узнаю. Потомъ она говоритъ: «на Свѣтлый Праздникъ они будутъ съ мальчикомъ у меня; я Вамъ покажу его. А потомъ они уѣдутъ на мызу на все лѣто». Я пошла. Но этотъ господинъ увидалъ меня въ окно; вышелъ, и какъ я ни просила его—не далъ повидаться съ мальчикомъ. Очень тяжело было. Когда они уѣхали на мызу, я со старшенькимъ отправилась въ Лѣсное. Никогда не были тамъ. Начали отъ Института, обошли все Лѣсное, спрашивали гдѣ стоятъ дилижансы; тамъ намъ сказали; наконецъ мы нашли

дачу. Вошли на дворъ, видимъ—мужчина и женщина и мальчикъ. Спрашиваю: «хозяинъ вашъ дома?»—«Нѣтъ. Они уѣхали на мызу. Хозяинъ пріѣхалъ вчера, но уѣхалъ куда-то и врядъ вернется скоро».—«Я посижу».—«Посидите».—«У хозяина большая семья?»—«Нѣтъ: жена и мать ея; дѣтей нѣту, такъ взяли мальчика. Жена и мать не хотѣли, а онъ сказалъ: если не возьму—такъ буду помогать,—такъ онѣ согласились взять».—Говорю: «Какъ онъ уѣзжаетъ, такъ онѣ обижаютъ его?».—«Нѣтъ, мальчикъ хорошій; вотъ онъ съ нашимъ играетъ, а какъ хозяинъ пріѣдетъ—такъ онъ и кинется къ нему, а хозяйка сама учитъ его.»—«Что же они добрые?»—«Да: мужички приходятъ, какая бѣда—помогаютъ».—Довольна, что нашла, видѣла гдѣ живутъ, и—не худо, слава Богу!

16 августа 1861 г. повела старшенькаго въ Ларинскую гимназію держать экзаменъ. Выдержалъ, принятъ. Иду къ директору (А. В. Латышевъ), говорю: «Не имѣю чѣмъ платить». Онъ сказалъ: «Достаньте свидѣтельство отъ оберъполицмейстера, и безплатно будетъ учиться,—лишь бы старался».—Слава Богу!

Изъ перваго класса во второй сынъ перешелъ съ наградой. Такъ и въ слѣдующіе годы. Когда былъ во второмъ классѣ, пріѣзжалъ въ гимназію Министръ. Потомъ пришелъ директоръ въ классъ и говоритъ: Министръ приказалъ дать денежныя награды лучшимъ ученикамъ. На вашъ классъ двѣ награды. Скажите сами, кто достоинъ? Всѣ закричали: Васильевъ и Бобылевъ. Дали по двадцати рублей. Потомъ всякій годъ послѣ Рождества давали понемногу и нѣкоторыя книги. Благодарю Бога: я не просила. Дорогія книги: латинскій лексиконъ Кронеберга и ботанику Григорьева сама купила. Книгъ этихъ почти не было въ продажѣ, а учителя требуютъ, говорятъ, если книги не будетъ, то балъ сбавятъ. Мы въ Гостиный дворъ, всѣ магазины обошли; наконецъ, нашли Кронеберга у Исакова, который взялъ за него цѣну, какъ назначено, а Григорьева у Битепажа; тутъ взяли лишній рубль противъ объявленной цѣны.

Царство Небесное директорамъ Алексѣю Васильевичу Латышеву и Өед. Өед. Кноррингу; инспектору Василію Васильевичу Григорьеву,—справедливые были. И наставники добросовѣстно относились, а нѣкоторые и съ любовью. Помню, сынъ былъ ужъ въ пятомъ классѣ, на Свѣтлый Праздникъ идемъ съ нимъ по улицѣ, встрѣчаемъ учителя латинскаго языка Игнатія Андреевича Коссовича. Останавливаетъ. Похристосовался съ сыномъ, а ко мнѣ обращается и говоритъ: «Это—моя гвардія!» Особенно расположилъ къ себѣ учениковъ отличнымъ пре-

подаваніемъ и цѣнилъ способности сына учитель русскаго языка и церковнославянскаго В. Ю. Хорошевскій, къ сожалѣнію недолго учившій въ Ларинской гимназіи. Учитель математики Ник. Ал. Соколовъ не разъ доставлялъ уроки сыну; а батюшка о. Димитрій Ксенофонтовичъ Борисоглѣбскій встрѣтилъ меня и говоритъ: «Сынъ Вашъ, мало того, что отлично

Л. Н. 1865 г.

учится, его не только начальство, но и товарищи любятъ.» А мнѣ ничего болѣе не надо; но только благодарить Бога! О, сколько милости посылалъ Онъ намъ и помощи, когда что было нужно!

Когда сынъ поступилъ въ гимназію, думаю: какъ мнѣ Богъ пошлетъ: надо сюртукъ, пальто и прочее.

Отъ крестной младшаго сына два года не имѣла извѣстія. Пріѣхавъ въ Петербургъ, написала имъ и послала свой адресъ— на домъ С—хъ. Получила отвѣтъ. Пишетъ, что мужъ поправился, но мѣста еще не имѣетъ, но имѣютъ надежду, и опять замолчали. Разъ присылаютъ ко мнѣ С—вы, чтобы пришла къ нимъ скорѣй, что кто-то пріѣхалъ. Иду и вижу мужа крестной, который выздоровѣлъ, получилъ мѣсто и пріѣхалъ въ Петербургъ. Ему уже сказали, что мой мальчикъ поступилъ въ гимназію. Онъ далъ 50 рублей. Ну, не Богъ ли послалъ?

Вообще и родные и посторонніе принимали во мнѣ живое участіе. Видя, что мнѣ живется трудно, совѣтовали мнѣ поступить на мѣсто. Хорошая знакомая С—хъ рекомендовала поступить къ однимъ молодымъ, которые постоянно уѣзжали, а ребенка боялись оставлять съ прислугой. Жалованья 16 рублей въ мѣсяцъ. Подумала и рѣшилась. Врачъ Лазарь Павловичъ и жена его, добрые и честные люди, тоже принимали во мнѣ участіе и предложили, чтобы Аѳ—ія я помѣстила къ нимъ для совмѣстнаго съ ихъ сынкомъ хожденія въ Ларинскую гимназію, за 6 рублей въ мѣсяцъ. Зная этихъ людей, я за него была покойна, а въ праздники онъ приходилъ ко мнѣ. Я часто ходила гулять, и какъ гимназія была недалеко, то заходила повидаться съ нимъ въ перемѣну; а онъ, несмотря ни на какую погоду и на то, что ему веселѣй съ товарищами, ни одного праздника не пропускалъ, чтобы не притти ко мнѣ. 6 руб. я платила за него, а 10 оставалось. Надо было кой-что справить. Въ сентябрѣ поступила на мѣсто. Жить по совѣсти—не будешь имѣть отдыха. Сами хозяева мало дома были—день смотришь, и ночь: моя комната рядомъ; маленькій проснется, кормилица не слышитъ, я не могу терпѣть, чтобы ребенокъ кричалъ, и бѣгу будить кормилицу. Еще они просили меня взять ключи отъ кладовой; тутъ же въ квартирѣ: выдавать лакею свѣчи, повару сахаръ, варенье. Вставала я рано, и они въ 8 часовъ выходили уже одѣтые. Такъ прожили мы первый годъ ученья моего сына въ гимназіи.

Скучаю—давно не видѣла меньшого. Хожу только къ Марьѣ Ивановнѣ узнавать о немъ. Разъ она говоритъ: «придите 21 мая. Они будутъ у меня. Я ужъ какъ-нибудь покажу Вамъ Колю». Прихожу 21-го, она вышла и говоритъ: «Они одни пріѣхали. А Вы возьмите извозчика и поѣзжайте къ нимъ. Какъ взойдете на дворъ, такъ увидите его: онъ всегда играетъ съ мальчикомъ. Мать ея не знаетъ Васъ; если увидитъ, скажите, что дачу пріѣхали смотрѣть». Такъ я и сдѣлала. Вошла во дворъ, вижу Коля играетъ съ мальчикомъ. Я подошла. Коля узналъ. Я поцѣловала его. Подходитъ дѣвушка,

спрашиваетъ: «Что Вамъ угодно?» —Говорю: «Дачу посмотрѣть». Вышла мать ихъ, говоритъ дѣвушкѣ: «Покажи дачу». Посмотрѣли. Она пригласила меня въ комнату и говоритъ: «Вы крестная Колина? Я догадалась, спросила его, онъ сказалъ—да».— Говорю: «соскучилась очень; давно не видѣла его; прошу Васъ, не говорите имъ». Она обѣщала. Оставила меня посидѣть: «они еще не скоро пріѣдутъ». Позвала Колю. Я осталась; разговаривала. Она сказала, что дочь ея слабаго здоровья; оттого не хотѣла брать. Любитъ Колю, учитъ его.—Я сказала Колѣ, что братъ его поступилъ въ гимназію, скоро перейдетъ во второй классъ. Простилась. На долго ли?—Опять уѣдутъ на мызу. Слава Богу, увидѣла его, здоровъ. Къ Марьѣ Ивановнѣ ходила, сказала, что видѣла Колю; благодарила ее. Она тоже уѣдетъ на лѣто. А меня тоже родные К—вы приглашаютъ, когда начнутся каникулы, пріѣхать, съ сыномъ, къ нимъ на дачу къ Сергію: помогать самой въ хозяйствѣ и съ дочерьми ея, барышнями, погулять. Поѣду: и мнѣ пріятно, а главное— мальчикъ мой погуляетъ на свѣжемъ воздухѣ. Перешелъ безъ экзаменовъ, съ похвальнымъ листомъ. Поѣхали на дачу. Очень пріятно провели лѣто. Утромъ съ барышнями ходимъ въ монастырь къ ранней обѣднѣ. Возвратимся—пьемъ кофе; а потомъ займемся чѣмъ. Семья большая; соберутся, молодые всѣ,—говоръ, смѣхъ. А бывало, иногда послѣ обѣда, часовъ въ 8 соберемся всѣ близъ монастыря—есть живописныя мѣста—прислуга принесетъ самоварчикъ, пьемъ кофе, гуляемъ. Пріятное осталось воспоминаніе; тѣмъ болѣе, что напоминало прошлое,—когда жили въ своемъ имѣньицѣ. Тоже мѣста были дивныя, и у насъ при домѣ былъ садъ. Отецъ и мать любители были: настанетъ весна, лѣто—они въ саду. Отецъ самъ всѣ деревья обчищаетъ; гдѣ заяцъ попортилъ—намажетъ мазью, завяжетъ; а мать гряды смотритъ, сѣютъ, садятъ. У насъ все было. Такихъ плодовъ, ягодъ, арбузовъ, дынь у богатыхъ сосѣдей не было. Сосѣдки бывало, просятъ ягодъ на варенье. Не мало было также у насъ цвѣтовъ и лѣкарственныхъ растеній—мать моя сама приготовляла лѣкарства и пользовала ими своихъ и сосѣднихъ крестьянъ. Бывало, родители, когда имъ свободно, скажутъ намъ: «дѣти, собирайтесь, пойдемте въ поле, людямъ поможемъ раньше работу кончить!» Придемъ: мужики косятъ, бабы снопы вяжутъ, иногда жнутъ. Мы снопы носимъ, а отецъ съ матерью копны кладутъ, и кончатъ раньше. Идемъ вмѣстѣ домой; люди пѣсни поютъ. Родители мои были добрые, жалѣли людей, не обижали и не отягощали работой. Думаю, что ихъ благословеніемъ Богъ не оставилъ меня въ трудной жизни.

Въ августѣ возвратились въ Петербургъ. Аѳанасій началъ

ходить въ гимназію, а я работать. Болѣе у С—хъ и еще у брата С—ой, Волод—ва, у котораго жена — Оттилія Эрнестовна — была очень добрая, молодая. Они очень ласкали и любили моихъ дѣтей; у нихъ были дѣти, но умерли маленькія, незадолго до нашего съ ними знакомства. Они хотѣли даже взять моего меньшого; но С—въ сказалъ: у васъ еще свои будутъ. И, дѣйствительно, родилось еще двое—дочь и сынъ, и выросли.

На святкахъ пошла я къ Марьѣ Ивановнѣ узнать о своемъ меньшомъ. «Здоровъ; былъ на праздникѣ у нея. Но самъ очень сердитъ на Васъ—зачѣмъ Вы были на дачѣ и видѣли Колю». Я спросила: кто же сказалъ ему? «Вѣроятно—мать. Сказалъ, что больше ни за что не покажетъ». Грустно. Ухожу; она проситъ меня прійти къ ней на именины, 26 генваря. Дождалась и пошла пораньше. Въ часъ звонокъ. Дочь посмотрѣла, говоритъ: «наши изъ Лѣсного и Колю привезли».—Я сейчасъ же прошу показать мнѣ на черный ходъ, чтобы не встрѣтиться. Марья Ивановна говоритъ: «Оставайтесь: вѣдь я не боюсь его!»—«Я знаю; но не желаю сдѣлать непріятность». Такъ ушла. Больно, тяжело, нѣтъ силы: прямо въ церковь Вознесенія, къ Божіей Матери «Утоли моя печали». Молилась съ полною вѣрою, что Она можетъ утолить мою скорбь. Въ скорости послѣ этого, передъ масляницею пріѣхала ко мнѣ Марья Ивановна и спрашиваетъ: «Въ какой день на масляницѣ отпустятъ гимназистовъ»?—Говорю,—«въ среду».—Я въ четвергъ поѣду въ Лѣсное къ нашимъ на блины: они просятъ Васъ отпустить къ нимъ со мною Аѳанасія, чтобы обрадовать Колю: онъ нездоровъ, и—чтобы Аѳанасій погостилъ у нихъ. Въ воскресенье они пріѣдутъ ко мнѣ и привезутъ его». Какъ скоро Божія Матерь укротила сердитаго!

Непокойна, что Коля боленъ; но благодарю Бога, что приглашаютъ Аѳанасія; онъ будетъ видѣть и передастъ мнѣ. Въ четвергъ отпустила, въ воскресенье возвратился, говоритъ, что Коля боленъ, лѣчитъ докторъ, а самъ Иванъ Ивановичъ ухаживаетъ, спитъ съ нимъ и на рукахъ носитъ. Если будетъ худо, извѣстятъ, и просили меня, какъ отпустятъ на Пасху, чтобы опять пріѣхалъ гостить къ нимъ. Хотя скучно было остаться одной, но для Коли отпустила. Когда возвратился, говоритъ: «Коля здоровъ. На мызу не поѣдутъ и просили меня на всѣ каникулы къ нимъ». А я въ маѣ отошла съ мѣста: они уѣзжали въ имѣніе. Мнѣ В—вы рекомендовали къ доктору—жить въ квартирѣ: семья на дачѣ, а онъ разъ въ недѣлю будетъ пріѣзжать для пріема больныхъ; маленькое вознагражденіе. Я сказала родственницѣ К—ой, что останусь лѣтомъ одна и что пред-

лагаютъ мѣсто. Она говоритъ: «охота Вамъ оставаться въ городѣ. Когда проводите Аѳанасія въ Лѣсной, пріѣзжайте мнѣ помогать; я съ удовольствіемъ заплачу Вамъ столько же и будете на воздухѣ». Я согласна. Наступили каникулы. Мальчикъ мой перешелъ въ третій классъ съ наградою. Отпускаю его въ Лѣсной: «скажи Колѣ, что я ѣду къ Сергію къ К—вымъ. Утромъ получаю письмо: Пишетъ Коля, что я ѣду далеко, то чтобы пріѣхали къ нимъ повидаться, а сама Эмилія Матв. приписываетъ: проситъ, чтобы я скорѣй исполнила просьбу Коли. Я сейчасъ же поѣхала. Коля, конечно, очень радъ. Они любезны и просили, чтобы бывала у нихъ. Что же это—не милость Божія? Царица Небесная услышала молитву мою. Уѣхали къ Сергію; провела лѣто очень пріятно. Въ началѣ августа возвратилась; пошла въ Лѣсной за Аѳанасіемъ. И опять пошла обычная жизнь. На святкахъ и на Святой ѣздили въ Лѣсной, и опять на каникулы Аѳанасія пригласили. Перешелъ въ четвертый классъ. Онъ—въ Лѣсное, а я осталась въ Петербургѣ. Ѣздила къ К—мъ не надолго, а по праздникамъ бывала въ Лѣсномъ. Въ будни работала у родныхъ: у С—хъ и у Волод—хъ. Въ августѣ Аѳанасій возвратился, ходитъ въ гимназію; началось ученье. На рождественскихъ праздникахъ были въ Лѣсномъ, а потомъ на Святой. Эм. М. говоритъ мнѣ: «Въ августѣ Колю отдадимъ въ гимназію. Я приготовляю его, только Законъ не могу: я лютеранка; буду просить Аѳанасія, чтобы онъ занялся съ нимъ; и желаю отдать его въ Ларинскую гимназію и буду просить Васъ, чтобы онъ жилъ у Васъ; мы будемъ платить Вамъ; въ субботу я буду пріѣзжать за нимъ;—только переберитесь на Васильевскій островъ, чтобы ему было ближе ходить».—Отъ всего сердца я благодарила Бога: Коля опять у меня!

На Васильевскомъ острову мнѣ совѣтовала одна знакомая снять квартиру и брать жильцовъ со столомъ. Я хотѣла и побаивалась съ моими средствами. Крестная Колина уѣхала въ Сибирь съ мужемъ: онъ тамъ получилъ мѣсто. Писала рѣдко и присылала разъ въ годъ по 25 рублей. Я сберегла немного. Старшій досталъ уроки на острову. Онъ перешелъ опять съ наградою въ 5-й классъ. Коля въ августѣ выдержалъ экзаменъ въ Ларинскую гимназію. Я, помолясь Богу, пошла искать квартиру. Боюсь — будутъ ли жильцы. Нашла въ 7-й линіи, противъ Андреевскаго рынка—близехонько отъ гимназіи. Квартира удобная съ коридоромъ, двѣ комнаты отдавать можно, цѣна 14 рублей. Въ одной комнатѣ—жилецъ, говоритъ—какъ хотите, я не выѣду пока станетъ Нева, тогда уѣду въ Кронштадтъ; платитъ за комнату 6 рублей, за столъ 10 рублей,—одинъ обѣдъ, даже самовара не надо: рано ухо-

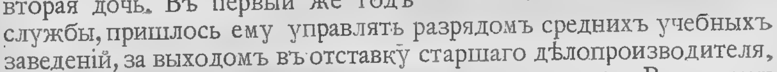
дитъ, въ 3 часа прійдетъ, пообѣдаетъ и опять уйдетъ. Я рада, что одна комната уже занята. Богъ дастъ и другую займутъ. Считать съ 1 сентября. Жильцы, которые раньше занимали квартиру, уѣзжали на казенную и предложили мнѣ за 2 рубля купить нужныя для хозяйства вещи и въ томъ числѣ — что останется у нихъ дровъ. Такъ я пріобрѣла на первыхъ порахъ дешево, что было нужно для хозяйства. Переѣхали. Дѣти приходятъ изъ гимназіи; Коля говоритъ: «возьмите гимназиста изъ Лѣсного; я знаю его, съ нами будетъ въ комнатѣ. За столъ будетъ платить 12 рублей». Согласилась. На другой день приходитъ жилецъ-гимназистъ и говоритъ: «я Вамъ рекомендую мужа съ женою въ комнату. Имъ ничего не надо; ей только кипятку — кофе заварить; онъ утромъ уйдетъ и вечеромъ прійдетъ; ей принесутъ обѣдать и посуду грязную унесутъ. Онъ—приказчикомъ въ кондитерской». Пришли, посмотрѣли, наняли за 8 рублей. Слава Богу! — Жильцы есть, сыты будемъ. Аѳанасій досталъ уроки въ трехъ мѣстахъ, по рублю за урокъ: на острову, близъ Николаевскаго моста и въ Галерной. Жаль мнѣ было его, а онъ радъ. Богъ помогалъ ему. Самъ шелъ изъ первыхъ; каждый годъ переходилъ съ похвальнымъ листомъ и книгою. Придутъ изъ гимназіи, пообѣдаютъ; Коля и Л—въ погуляютъ и уроки выучать, а онъ только придетъ отъ своихъ учениковъ; сядетъ за книгу—углубится такъ, что, хоть что угодно дѣлай,—не обратитъ вниманія; немного займется и готовъ. Потомъ поиграютъ, повозятся. Мнѣ весело смотрѣть на нихъ. Благодарила Бога, что Онъ не оставилъ меня: дѣти учились хорошо, жильцы были всегда: больше студенты; прислуга деревенская, изъ прежнихъ господскихъ, тоже хорошая. Я рѣдко куда и ходила: и некогда было, да мнѣ и дома съ дѣтьми было пріятно. Я ихъ любила и они меня любили и слушали. Это было самое счастливое время въ моей трудовой жизни. Какъ былъ милостивъ Господь къ намъ, все необходимое посылалъ намъ! Разъ платки новые нужны были, и все не могу купить. Сынъ пришелъ изъ гимназіи и говоритъ: «Я нашелъ платки; кто-нибудь купилъ и потерялъ; я занесъ въ лавочку, оставилъ, не спроситъ ли кто. Лавочникъ сказалъ: если спросятъ отдамъ, а нѣтъ, то пополамъ раздѣлимъ, и черезъ нѣсколько дней зазвалъ, и сказалъ, что никто не спрашивалъ, и далъ пять платковъ. Было чѣмъ обойтись, пока купила.

Такъ, милостію Бога, мы жили, были довольны и счастливы, вставая и ложась, благодарили Бога.

Въ 1868 г. Аѳанасій кончилъ гимназію, поступилъ въ университетъ; освобожденъ отъ платы, со второго курса на-

А. В. 1873 г.

чалъ получать стипендію. Въ 1872 г. окончилъ университетъ кандидатомъ правъ; оставленъ при университетѣ по Государственному праву. Поступилъ на службу въ Сенатъ, безъ жалованья; жили уроками; въ 1872 г. еще студентомъ, поступилъ членомъ въ Славянское Общество. Въ томъ же 1872 г. женился на Александрѣ Васильевнѣ Троицкой, которая также восьми лѣтъ лишилась отца и была знакома съ нуждой. Въ 1873 г. родился первый мой внукъ Мстиславъ, черезъ годъ — внучка. Сынъ перешелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія на должность дѣлопроизводителя; жалованья получалъ 57 рублей и имѣлъ небольшую квартиру. Тамъ родилась у него вторая дочь. Въ первый же годъ



службы, пришлось ему управлять разрядомъ среднихъ учебныхъ заведеній, за выходомъ въ отставку старшаго дѣлопроизводителя, за что къ Рождеству дали награду 400 рубл. Часто бывалъ въ Славянскомъ Обществѣ.

В. С. † 27 нояб. 1861 г.

Въ 1875 г. началось славянское движеніе. Тогда онъ много трудился: устраивалъ сборы по церквамъ; самъ онъ и жена, и братъ много собирали. Потомъ его отправилъ Славянскій Комитетъ въ Нижній. Тамъ и далѣе по Волгѣ, въ Казани и Саратовѣ, онъ устраивалъ сборы, отправлялъ ратниковъ - добровольцевъ. По его просьбѣ архіепископъ Іоанникій, впослѣдствіи ми-

Л. Н. 1878 г.

трополитъ Московскій и Кіевскій, служилъ всенародное на площади молебствіе о дарованіи побѣды М. Г. Черняеву и славянамъ. Въ день объявленія нашей войны Туркамъ 12 апрѣля 1877 г. родился второй у меня внукъ, названный по отцу Аѳанасіемъ. Въ 1877 г. выѣхали изъ казенной квартиры. Въ январѣ 1878 г. старшій сынъ уѣхалъ въ Черногорію уполномоченнымъ Славянскаго Общества для распредѣленія помощи вмѣсто вернувшагося оттуда П. А. Васильчикова. Тамъ онъ ѣздилъ по горамъ, устраивалъ училища, раздавалъ самъ помощь. Возвратился оттуда 29 іюня съ лавровыми вѣнками и привезъ съ собою шесть сиротъ: пять мальчиковъ и одну дѣвочку, герцеговинцевъ. Дома ожидалъ его только-что родившійся третій сынъ Владиміръ. Дѣти-герцеговинцы жили у насъ почти три мѣсяца. Дѣвочку скоро О. К. Граве, бывшая Предсѣдательница дѣйствовавшаго въ началѣ славянскихъ событій женскаго славянскаго кружка въ Петербургѣ, приняла въ пріютъ, а мальчики послѣ многихъ хлопотъ Митрополитомъ Исидоромъ приняты были въ духовное Училище.

Въ 1878 г. старшій сынъ перешелъ въ контроль младшимъ ревизоромъ. Теперь — Генералъ-Контролеръ.

А. В. 1884 г.

Скажу еще о меньшомъ. Съ перваго класса и до четвертаго онъ переходилъ съ наградами. Въ этомъ классѣ постигло его горе: Первое — пріемная мать его, у которой онъ жилъ, скончалась, а второе — учитель греческаго языка несправедливо оставилъ его на второй годъ. Было

такъ: въ 3-мъ классѣ начали учить греческому. У него все были хорошія отмѣтки, и перешелъ съ наградой. Въ четвертомъ — вижу изъ греческаго хуже; спрашиваю его, онъ говоритъ: «Не знаю. Учитель злится, зачѣмъ пишутъ, что

А. В. 1907 г.

греческій языкъ мертвый». И другіе подтвердили, что онъ даже прибавляетъ: «я тоже хочу кушать». По всѣмъ предметамъ сынъ перешелъ, изъ греческаго — переэкзаменовка. Онъ говоритъ: «я же знаю; выдержу». Въ это время изъ прогимназіи переходилъ въ Ларинскую гимназію знакомый

мальчикъ съ переэкзаменовкою изъ греческаго. Сына просили съ нимъ заняться. Онъ занимался, и того приняли въ пятый классъ, а его оставили въ 4-мъ. Я иду къ учителю, и говорю: «что вы сдѣлали? Мальчикъ способный, старательный, каждый годъ переходилъ съ наградой, и нынче изъ всѣхъ

„То не умъ, что не хочетъ признать надъ собою Бога и Божіе провидѣніе, которое правитъ всѣмъ, а особенно судьбою человѣка“ (1866 г.).

„Достойнымъ гражданиномъ можетъ быть только *истинный, честный* христіанинъ“ (1870 г.).

„Къ Богу должно быть всегдашнее наше обращеніе въ возглавіе всякихъ нашихъ трудовъ, желаній, преднамѣреній и начинаній“.

„Благословляю васъ всѣхъ Именемъ Господнимъ“ (1871 г.).

Арх. Аѳанасій († 1 іюля 1886 г.).

предметовъ перешелъ, а Вы изъ греческаго оставили его въ четвертомъ, а изъ прогимназіи мальчикъ, съ которымъ онъ занимался, принятъ въ пятый классъ Ларинской же гимназіи. Онъ отвѣчаетъ мнѣ: «А папеньки и маменьки пишутъ, что греческій мертвый языкъ, такъ я нынче оставилъ 28 человѣкъ».

Я сейчасъ же къ директору. Говоритъ: не могу. Нечего дѣлать, я къ Делянову (тогда попечитель у. о.), сказала ему все и прошу, чтобы далъ записку, чтобы другой учитель проэкзаменовалъ сына. Онъ приказалъ написать. Иду отъ него къ директору. Онъ говоритъ: «помилуйте, мы лишимся учителя! Это невозможно». Черезъ нѣсколько дней приглашаютъ меня къ директору. Онъ говоритъ, что Деляновъ заплатитъ за годъ за ученіе сына. Я говорю: «Я объ этомъ не прошу; за него платятъ. Обидно, что онъ напрасно потеряетъ годъ». А пришлось потерять два. Только-что онъ перешелъ въ 7-й классъ, прибавили 8-й; и несправедливость такъ на него подѣйствовала, что началъ заниматься хуже. Въ университетѣ пошелъ хорошо. Получилъ у профессора Градовскаго первую золотую медаль за сочиненіе о крестьянскомъ управленіи и былъ оставленъ при университетѣ по государственному праву. Два года занимался, но черезъ женитьбу оставилъ ученыя занятія. Сталъ служить въ Государственномъ Контролѣ. Теперь — Главный Контролеръ.

— —

Эти записки набросаны были матушкою лѣтомъ 1895 г. начерно карандашемъ. Она хотѣла сама перебѣлить ихъ и дополнить; но это осталось невыполненнымъ. За два года до ея кончины, оставшись какъ-то съ нею наединѣ вдвоемъ, что при многолюдствѣ моей семьи случалось очень рѣдко, я записалъ со словъ матери подробныя свѣдѣнія о ея дѣтствѣ и родствѣ. Изъ этихъ свѣдѣній приведу лишь слѣдующее:

А. П. К.

Отецъ матери Никифоръ Игнатьевичъ Петровскій, малороссъ, родомъ изъ Чернигова, былъ женатъ на Ольгѣ Петровнѣ, дочери Петра Ивановича и Любови Іакинфіевны Украинцевыхъ *). Другая Украинцева, сестра моей бабки, Елизавета Петровна, была замужемъ за Павломъ Андреевичемъ Андреевымъ. Петровскій и Андреевъ оба служили при Волынскомъ Губернаторѣ Комбурлеѣ, и были настолько дружны съ нимъ семьями, что въ 1812 г., когда приходилъ Французъ, и думали, что онъ пойдетъ на Польшу, Елизавета Петровна и Ольга

*) Любовь Іакинфіевна († 14 окт. 1812 г.) была урожденная Іевлева; ея мать звали Прасковьей Онуфріевной († 29 окт. 1839 г. 76 л.). Далѣе этого не шли воспоминанія матери о предкахъ.

Петровна уѣхали съ женою Комбурлея жить въ его имѣніе Хотѣнь. Жили русскіе чиновники въ Житомірѣ дружно не только между собою, но и съ польскими семействами, и служили хорошо; но вслѣдствіе происковъ, черезъ жену Вел. Кн. Константина Павловича, послѣдній, съ Высочайшаго соизволенія, послалъ сенатора Сиверса произвести слѣдствіе надъ Комбурлеемъ. Поводъ, по словамъ бабушки О. П., былъ данъ полиціймейстеромъ; но Сиверсъ, не разбирая, отдалъ всѣхъ огуломъ русскихъ чиновниковъ подъ судъ. Дѣло тянулось 12 лѣтъ и кончилось оправданіемъ, но много русскихъ семействъ было за это время разорено и загублено. Въ старыхъ Кіевскихъ святцахъ, перешедшихъ къ моей матушкѣ отъ ея родителей, а отъ нея ко мнѣ, подъ записью рукою бабушки О. П. на поляхъ противъ 23 іюня о томъ, что въ этотъ день въ 1814 г. родилась у нея дочь Ольга, рукою дѣда Никифора Игн. записано: «Того-жь числа 1827 г. и дѣло рѣшено въ Государственномъ Совѣтѣ», а противъ 7-го іюля его же рукою: «Сего числа 1827 г. Государь конфирмовалъ дѣло наше, продолжавшееся 12 лѣтъ, и сей день должны мы праздновать и молить Бога за милосерднаго Монарха, кончившаго 12-ти-лѣтнее наше страданіе».—Сиверсъ, по словамъ матери, былъ заживо съѣденъ червями.

Матушка моя Любовь Никифоровна родилась 4-го мая 1819 г. въ г. Житомирѣ; но вскорѣ потомъ родители ея переселились въ имѣніе ея бабушки Любови Іакинфіевны Украинцевой,—въ село Проточное (Портошное то-жь) Ново-оскольскаго уѣзда, Курской губерніи. Имѣніе Украинцевыхъ было когда-то порядочное, но часть его была раздарена Петромъ Ив. Укр-мъ бѣднымъ сосѣдямъ,—чтобы дать имъ возможность служить и кормиться,—часть выдѣлена другимъ дѣтямъ; на долю Петровскихъ осталось всего 80 дес. Половина изъ нихъ было потомъ продано, чтобы уплатить долги. Въ этомъ имѣніи, маленькомъ, но благоустроенномъ, имѣвшемъ превосходный плодовый садъ, протекло дѣтство и юность моей матери; и она сохранила до конца жизни свѣтлыя воспоминанія о своей юности, проведенной въ этомъ имѣніи. Потомъ и остальные 40 дес. съ усадьбою были проданы сосѣду, богатому помѣщику Волкову; изъ полученныхъ отъ него 5.000 р. уплаченъ былъ долгъ и купленъ домъ въ Бѣлгородѣ, стоявшій на выгонѣ. Никифоръ Игнатьевичъ послѣднія 6 лѣтъ своей жизни былъ тяжело боленъ; у него была водяная. Года за 2 до смерти, онъ лѣтомъ ходилъ еще съ палочкою въ церковь, присаживаясь отдыхать на каждомъ столбикѣ; а потомъ уже все время и дни и ночи проводилъ въ креслѣ. Скончался онъ

9 янв. 1846 года, а 27 aпрѣля 1847 г. скончалась и бабушка Ольга Петровна, отъ воспаленія легкихъ. Дѣдъ прожилъ 83—84 г., а бабушка умерла на 63 году. Всѣ Украинцевы, особенно же Ольга Петр. и ея сестры [Елизав. Петровна

Р. 7 дек. 1854 г. Н. В. † 26 янв. 1905 г. 1895 г.

Андреева и Александра П. Корицкая, какъ и ихъ отецъ, отличались, по словамъ моей матери, чрезвычайною добротой.

Съ благоговѣйной преданностью относилась матушка моя къ своимъ родителямъ и при жизни и по кончинѣ ихъ, такъ же, какъ и къ своему другу—нянѣ Александрѣ, которая была изъ крѣпостныхъ, молоденькою дѣвушкою взята въ домъ къ дѣ-

тямъ, и до того сжилась и сдружилась съ ними, что отказалась отъ замужества, не желая разстаться съ семействомъ моего дѣда и желая быть имъ и далѣе полезной. Она скончалась почти одновременно съ родителями моей матери и легла рядомъ съ ними на Бѣлгородскомъ кладбищѣ.

Объ отцѣ своемъ я знаю, что онъ былъ родомъ изъ Ахтырки сынъ діакона *), человѣкъ свѣтлаго ума и добраго сердца. Онъ получилъ академическое образованіе, наставничалъ недолгое время и напечаталъ руководство по одной изъ преподававшихся имъ наукъ. Но, заболѣвъ тяжело ревматизмомъ, онъ долженъ былъ рано оставить службу и остальное время своей жизни провелъ въ нуждѣ и тяжелыхъ страданіяхъ. Съ однимъ изъ его братьевъ, носившимъ въ монашествѣ имя Аѳанасія, скончавшимся въ 1886 г., я былъ въ перепискѣ и получилъ отъ него въ даръ, по его кончинѣ, нѣсколько рукописныхъ его сочиненій, въ одномъ изъ которыхъ дана яркая картина разстройства нынѣшнихъ монастырей. Онъ опочилъ въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ.

Какъ матушка наша совладала съ своимъ положеніемъ и какъ выростила и образовала насъ,—объ этомъ сказано въ ея запискахъ. Добавлю только отъ себя, что при небольшомъ домашнемъ образованіи, получивъ въ благочестивой и примѣрной семьѣ своихъ родителей крѣпкій нравственный закалъ, обладая отъ природы широкимъ и вѣрнымъ умомъ и твердою волей, рѣдкою хозяйственностью и нѣкоторыми полезными умѣньями (шить, вязать, вышивать гладью и т. п.), которымъ научила ее другъ ея дѣтства и молодости—ея няня, о которой она до конца дней своихъ хранила благоговѣйную память; пользуясь всѣми этими данными,—матушка наша сумѣла оградить наши дѣтство и юность отъ невзгодъ и лишеній, принимая ихъ всецѣло на себя.

Съ тяжелымъ чувствомъ плохо выполненнаго долга, винюсь въ томъ, что не сумѣлъ дать ей въ ея старости такіе же довольство и покой, какими она одарила мои дѣтство и юность. Но она за все благодарила Господа. Послѣдніе годы жизни матушка жаловалась на слабость; но, вообще говоря, она обладала хорошимъ здоровьемъ и рѣдко хворала. За годъ до кончины, въ первый день Пасхи 1902 года, у себя въ комнатѣ, поднявшись съ диванчика, на которомъ отдыхала, она вдругъ стала опускаться на полъ и, когда ее подняли, у нея оказалось сломаннымъ бедро.

*) Изъ поминальныхъ записокъ матери я знаю, что родителей моего отца звали Іоаннъ и Ирина, а его дѣда и бабушку—Игнатій и Ѳеодосія.

Переломъ сросся и матушка съ постороннею помощью могла дѣлать небольшіе переходы по комнатамъ. Но двухмѣсячное лежаніе надломило ея силы, и она, видимо, стала угасать. Но и въ этотъ послѣдній годъ жизни, пользуясь однимъ только глазомъ (на другомъ былъ катарактъ, который она не пожелала удалить), теряя силы и память на обыденныя вещи, она продолжала слѣдить за политическими извѣстіями, просматривая газеты, и горько сокрушалась о Россіи, сѣтуя на ту злобу, какая ее окружаетъ и предчувствуя, что она будетъ втянута въ войну и ее посѣтятъ великія бѣдствія. Къ счастью для себя матушка не дожила до 1904 года. Въ маѣ 1903 г. въ день своего рожденія—4-го числа—она была еще на ногахъ и обѣдала со всѣми. Но вскорѣ за тѣмъ она слегла и уже не встала. 16-го и 17-го она была въ забытьи. 18-го мая силъ немного прибыло; какъ бы въ полуснѣ, бесѣдуя со мной, она говорила:

«Одинъ только Божій Разумъ можетъ все произойти. Остальное все вздоръ, все пустяки».

«Какъ Господь направилъ, это — непоколебимо! Господь насъ миловалъ, Господь указывалъ пути».

«Вотъ поэтому-то не надо очень увлекаться въ одну сторону».

«Да будетъ Твоя, Господи, воля! Ты Самъ все устрой, какъ надо: Ты лучше все видишь и знаешь, что кому надо».

«Все отыскиваютъ, разыскиваютъ, читаютъ, перечитываютъ, и — ничего не добьются. Все суета суетъ и суета всяческая!»

«Благодарю Господа—что Онъ далъ мнѣ любвеобильное сердце!»

«Господи! Не оставь Своею милостію Россію, Русское Царство, Государство: Спаси Своею благодатью!»

«Да благословитъ тебя Господь на все благое!»

Это была послѣдняя гласная ея молитва, послѣднее наставленіе и благословеніе мнѣ, послѣднія слова!

Она прожила еще болѣе мѣсяца; но уже не говорила, а пребывала все время, какъ бы въ дремотѣ, давая только слабые односложные отвѣты на вопросы. Все время, она про себя молилась, творя часто крестное знаменіе. Скончалась она 23 іюня въ г. Ораніенбаумѣ, окруженная семьями моей и брата, пріѣхавшаго наканунѣ съ Кавказа, внуками и правнуками. Пріѣхала ее навѣстить и была при ея кончинѣ любимая ею Оттилія Эрнестовна Вол-ва. Погребеніе совершено въ Ораніенбаумской церкви Св. Спиридонія, близъ которой мы нѣсколько лѣтъ снимали дачу, и куда матушка постоянно ходила въ

прежніе годы молиться; а предано тѣло ея землѣ на петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, на Ксеніевской дорожкѣ, близъ часовни. Рядомъ съ нею легъ и братъ мой Николай Васильевичъ, только на полтора года пережившій мать, оставившій по себѣ свѣтлую память, какъ человѣкъ, какъ контролеръ и какъ начальникъ *). Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ лежатъ значительно раньше ихъ скончавшіяся сестры моей матери Елизавета Павловна (называлась такъ по имени дяди Андреева, у котораго воспитывалась) Шелехова и Ольга Никифоровна Кудрявцева, съ ихъ мужьями; и милѣйшее,

1907 г.

кротчайшее существо — Мароа Александровна, жена моего второго сына Аоанасія, скончавшаяся 2 мая 1905 г. 22 лѣтъ отъ наслѣдственной чахотки, подаривъ намъ десятую—по счету всѣхъ внуковъ—внучку Варю.

Да почіютъ всѣ они въ мирѣ и да перейдетъ память ихъ въ родъ и родъ!

---

*) Особенно—въ Вильнѣ, гдѣ онъ высвободилъ очень многихъ чиновниковъ Полѣсскаго Контроля изъ сѣтей ростовщиковъ, *убѣдивъ* послѣднихъ удовольствоваться возвратомъ имъ до срока только дѣйствительно у нихъ взятаго. Долги по векселямъ въ общемъ итогѣ болѣе 30 т. р. были замѣнены долгомъ ссудо-сберегательной кассѣ всего на 8 т. руб.

Благословенъ Господь

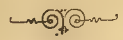
1889 г.

отъ нынѣ и до вѣка.

Да просвѣтится

1 авг. 1907 г.

Русская Земля!



Складъ этой книги въ **Петербургѣ,** въ типографіи Министерства Путей Сообщенія (И. Н. Кушнеревъ съ тов-щи, Фонтанка, 117) и у Аѳ. В. Васильева (Пет. ст., Звѣринская ул., д. 19, кв. 1); въ **Москвѣ,** въ книжномъ складѣ **И. Н. Кушнеревъ съ тов-щи,** Пименовская ул., соб. домъ.

Печатня М. П. С. (И. Н. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117.